

Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Иркутский государственный университет»
Байкальская международная бизнес-школа

Ю. А. Зуляр

ПОЛИТОЛОГИЯ

Том II

Учебное пособие



УДК 32(075.8)
ББК Ф2я73
З-93

*Печатается по решению научно-методического совета
Иркутского государственного университета*

Руководитель проекта:
В. Н. Саунин, директор Байкальской международной бизнес-школы ИГУ,
канд. ист. наук, доц.

Рецензенты:
Э. Д. Дагбаев, заведующий кафедрой политологии и социологии Бурятского
государственного университета, д-р социол. наук, проф. ;
А. В. Шалак, заведующий кафедрой экономической истории Байкальского
государственного университета экономики и права, д-р ист. наук, проф.

Зуляр Ю. А.
3-93 **Политология** : в 2 т. : учеб. пособие / Ю. А. Зуляр. — Иркутск : Изд-во Иркут.
гос. ун-та, 2011. — Т. 2. — 740 с.

ISBN 978-5-9624-0480-6

Книга знакомит читателя с содержанием политического процесса. В ходе его анализа раскрывается структура политической власти, политической культуры и политического сознания, показаны формы и особенности человеческого измерения политики.

На основе осмысления теоретического и фактического материала рассмотрены общие проблемы власти, динамика взаимоотношений политической и государственной власти и видов государственной политики. Показаны роль и место политической культуры, сознания, психологии, идеологии в политическом процессе. Определены значение и особенности гуманизма в политике, подходы к выбору целей, методов и средств, используемых в политической деятельности, рассмотрены история и современные концепции прав человека.

Базовый курс по политологии подготовлен в соответствии с Государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования Российской Федерации.

Книга может быть полезна людям, профессионально занимающимся политической деятельностью, а также интересующимся явлениями, тенденциями и закономерностями современного политического процесса.

УДК 32(075.8)
ББК Ф2я73

Зуляр Юрий Анатольевич

Учебное издание

ПОЛИТОЛОГИЯ

Том II

ISBN 978-5-9624-0480-6

Подготовлено к печати М. А. Айзман

Темплан 2011. Поз. 1

Подписано в печать 10.01.11. Формат 70x100 1/16
Усл. печ. л. 46,2. Уч.-изд. л. 54,8. Тираж 450 экз. Заказ №

Издательство Иркутского государственного университета
664003, Иркутск, бульвар Гагарина, 36, тел. (3952) 24-14-36

Отпечатано в ООО «Репроцентр А1»
г. Иркутск, ул. Александра Невского, 99/2, цокольный этаж, тел./факс (3952) 540-940

ISBN 978-5-9624-0480-6

© Зуляр Ю. А., 2011
© ГОУ ВПО «Иркутский государственный
университет», 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть 3 СОДЕРЖАНИЕ ПОЛИТИКИ

Раздел 5 ВЛАСТЬ И ПОЛИТИКА

| | |
|---|------------|
| Глава 13. Политическая власть | 7 |
| § 1. Власть как социальное явление | 7 |
| § 2. Природа и сущность политической власти..... | 34 |
| § 3. Основные компоненты и виды политической власти | 54 |
| Вопросы для самоконтроля..... | 64 |
| Глава 14. Государственная политическая власть | 66 |
| § 1. Понятие и особенности государственной политической власти... .. | 66 |
| § 2. Проблема демонополизации власти и разделения властей..... | 74 |
| § 3. Легитимность государственной власти | 83 |
| Вопросы для самоконтроля..... | 107 |
| Глава 15. Государственная политика и ее основные направления | 109 |
| § 1. Сущность, принципы и методы государственной политики | 109 |
| § 2. Внутренняя государственная политика | 134 |
| § 3. Внешняя политика государства | 168 |
| Вопросы для самоконтроля..... | 185 |
| Литература | 186 |

Раздел 6 ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СОЗНАНИЕ

| | |
|--|------------|
| Глава 16. Политическая культура..... | 192 |
| § 1. Понятие и функции политической культуры | 192 |
| § 2. Структура, виды и аспекты политической культуры | 218 |
| § 3. Классификация политической культуры..... | 241 |
| § 4. Российская модель политической культуры..... | 267 |
| Вопросы для самоконтроля..... | 280 |

| | |
|---|------------|
| Глава 17. Политическое сознание | 282 |
| § 1. Понятие и субъекты политического сознания | 282 |
| § 2. Функции политического сознания | 300 |
| § 3. Структура политического сознания | 304 |
| Вопросы для самоконтроля..... | 319 |
| Глава 18. Политическая психология | 320 |
| § 1. Понятие, сущность и особенности политической психологии | 320 |
| § 2. Структура и функции политической психологии | 334 |
| § 3. Политическая психология как наука | 349 |
| Вопросы для самоконтроля..... | 369 |
| Глава 19. Мировые политические идеологии | 371 |
| § 1. Сущность и функции политической идеологии | 371 |
| § 2. Основные идеологические течения современного мира | 414 |
| § 3. Идеологический дискурс | 512 |
| Вопросы для самоконтроля..... | 537 |
| Литература | 538 |

Раздел 7 ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИКИ

| | |
|--|------------|
| Глава 20. Гуманизм политики | 550 |
| § 1. Политическое проявление гуманизма | 550 |
| § 2. Мораль и политика: общее и специфическое | 566 |
| § 3. Нравственность и политика | 577 |
| Вопросы для самоконтроля..... | 598 |
| Глава 21. Цели, методы и средства в политике | 599 |
| § 1. Соотношение целей и средств в политике | 599 |
| § 2. Насилие и ненасилие в политике | 610 |
| § 3. Политика как искусство возможного | 636 |
| Вопросы для самоконтроля..... | 649 |
| Глава 22. Права человека | 651 |
| § 1. Понятие и история прав человека | 651 |
| § 2. Важнейшие права личности и их реализация в современном мире..... | 674 |
| § 3. Система защиты прав и свобод человека | 695 |
| Вопросы для самоконтроля..... | 722 |
| Литература | 723 |
| Путеводитель по пособию | 729 |

Часть 3

СОДЕРЖАНИЕ ПОЛИТИКИ

Раздел 5

ВЛАСТЬ И ПОЛИТИКА



Власть – одно из центральных понятий политологии. Власть – необходимый элемент жизнедеятельности любой социальной системы. Она существует везде, где есть устойчивые объединения людей: в семье, производственных коллективах, различного рода организациях и учреждениях, во всем государстве и в глобальном социуме. Вся история человечества – это история борьбы за власть. Именно она определяет наиболее драматические повороты и замысловатые интриги в жизни государств. Термин «власть» берет начало от латинского слова *potestas* или *potentia*, которое означает «способность» (оба этих латинских слова являются производными от *potere* – власть, быть способным). Для римлян *potentia* означала способность личности или какого-то феномена воздействовать на другое лицо или другой феномен.

Власть как общественное явление возникла на самых ранних этапах истории человеческого общества. В первобытном родоплеменном обществе власть осуществлялась всеми членами рода (племени), которые избирали старейшину (вождя). Его моральный авторитет был основанием, источником его власти. Исторически понятие «власть» связано с административным управлением древнегреческих городов-государств – полисов. На территории полисов возникла необходимость регулирования взаимоотношений граждан, а также реализации их общих интересов в данном государстве. Отсюда и возникла власть как определенная насильственная деятельность, выражающая интересы и волю тех или иных субъектов, оказывающая регулирующее воздействие на поведение людей. Искусство управления гражданами – «политами», регулирование их поведения с помощью права, насилия, авторитета, общественного мнения стало обозначаться понятием «политика». Исторически и логически между понятиями «власть» и «политика» возникла смысловая связь, закрепившаяся в формуле «политическая власть».

Глава 13

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ

§ 1. ВЛАСТЬ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

13.1.1. Определения и обоснования власти

Политологи придерживаются различных точек зрения относительно определения и трактовки понятия «власть». В настоящее время, по подсчетам А. И. Соловьева, в научной литературе можно насчитать более 300 определений власти [108, с. 683].

Рассмотрим основные.

13.1.1.1. Биологическая концепция

Ее представители рассматривают власть как *механизм обуздания человеческой агрессивности*, заложенной в наиболее фундаментальных инстинктах человека как биологического существа. Французский философ Г. Марсель (1889–1973) [70] считал, что «власть не есть факт специфически человеческий, она имеет предпосылки и корни в биологической структуре, которая обща нам с животными». В структуре биологических свойств, присущих и людям, и животным, агрессия выступает как инстинкт борьбы, направленной против представителей той же популяции.

Следуя этому положению, Ф. Ницше (1844–1900) утверждал, что власть есть воля и способность к самоутверждению [79]. Впоследствии биологические трактовки власти послужили обоснованием права одних народов повелевать другими. В частности, А. Гитлер (1889–1945) выдвинул идею, согласно которой волей и способностью к самоутверждению обладают исключительно представители арийской расы – в этом их богоизбранность и призвание управлять всем миром.

13.1.1.2. Мифологическая концепция

Французский политолог Л. Дюги в «Курсе конституционного права» [34], обосновывая закономерность деления общества на «правлящих» и «управляемых», «сильных» и «слабых», отстаивал идею естественного происхождения власти. Обладание властью он связывал с физическим, моральным, религиозным, интеллектуальным и экономическим превосходством одних людей над другими. Будучи сильнее своих соплеменников, первые навязывали вторым свою волю и достигали желаемых целей. В конечном счете именно они и стали классом правителей. Таким образом, естественное деление людей на «сильных» и «слабых» обусловило их право на власть.

Однако для придания законности (легитимности) своим властным притязаниям «сильные» использовали мифы о божественном характере власти и об «общественной воле», воплощенной в институтах власти. Величие власти поддерживалось,

по Л. Дюги, за счет преобладания в коллективной памяти этих двух мифов, собственных двум различным стадиям эволюции человеческого общества. В традиционных обществах персона правителя обожествлялась: он объявлялся либо потомком божества, либо самим божеством. В предсовременных и современных обществах использовался миф об «общественной воле», которая должна подчиняться «индивидуальной воле» самых «сильных».

Однако процесс появления «правлящих» и «управляемых» не раскрывает природы власти. Понимая это, Л. Дюги заметил, что невозможно объяснить, почему существует право публичной власти и чем оно оправдывается. Он полагал, что по вопросу о происхождении власти могут быть выдвинуты две равноправные и одинаково недоказуемые гипотезы: власть можно считать установленной либо Богом, либо людьми. Для установления власти необходимо, с одной стороны, наличие веры индивидов в реальное существование публичной власти, а с другой — наличие материальной возможности в данной группе для некоторых индивидов, называемых правящими, по своей воле применять силу.

13.1.1.3. Телеологическая концепция

Или целеполагающая концепция (с точки зрения цели) характеризует власть как способность достижения поставленных целей, получения намеченных результатов. «Власть может быть определена как реализация намеченных целей», — пишет Б. Рассел [100, с. 136]. Телеологические определения трактуют власть достаточно широко, распространяя ее не только на отношения между людьми, но и на взаимодействие человека с окружающим миром — в этом смысле говорят, например, о власти над природой.

13.1.1.4. Реляционистская концепция

В ней власть характеризуется как отношение между партнерами, агентами, при котором один из них оказывает определяющее влияние на второго. Выделяют три основных варианта теории реляционной интерпретации власти:

- в теориях «сопротивления» (Д. Картрайт, Дж. Френч, Б. Рейвен и др.) исследуются такие властные отношения, в которых субъект власти подавляет сопротивление ее объекта;
- в теориях «обмена ресурсами» (П. Блау, Д. Хиксон, К. Хайнингс и др.) основное внимание уделяется ситуациям, когда имеет место неравное распределение ресурсов между участниками социального отношения, вследствие чего возникает острая потребность в этих ресурсах у тех, кто их лишен. В этом случае индивиды, располагающие «дефицитными ресурсами», могут трансформировать их излишки во власть, уступая часть ресурсов тем, кто в них нуждается, в обмен на желаемое поведение;
- теории «раздела зон влияния» (Д. Ронг и др.) предлагают при оценке природы существующих отношений власти принимать во внимание не каждое действие в отдельности, а рассматривать их в совокупности. Подчеркивается изменчивость ролей участников взаимодействия. Если в данной ситуации один индивид обладает властью, то с трансформацией сферы влияния позиции участников меняются [111, с. 16].

13.1.1.5. Бихевиористская концепция

Ее сторонники подобно реляционистам исходят из трактовки власти как отношений между людьми, при которых одни властвуют, а другие подчиняются и выполняют решения первых. Но при этом особенность бихевиористского подхода заключается в акцентировании внимания на мотивах поведения людей в борьбе за власть. Стремление к власти объявляется доминирующей чертой человеческой психики, сознания, следовательно, определяющей формой политической активности человека. Власть — исходный пункт и конечная цель политического действия.

Одну из типичных бихевиористских трактовок власти предложил Г. Лассуэлл. Он считал, что первоначальные импульсы для возникновения власти дает присущее индивидам стремление (воля) к власти и обладание «политической энергией». Человек видит во власти средство улучшения жизни: приобретение богатства, престижа, свободы, безопасности и т. п. В то же время власть самоценна, что позволяет наслаждаться ее обладанием. Политическая власть складывается из столкновения многообразных волей к власти как баланс, равновесие политических сил [57].

13.1.1.6. Психологическая концепция

Интерпретации власти, исходя из ее бихевиористского понимания как поведения реальных индивидов, пытаются раскрыть субъективную мотивацию этого поведения, истоки власти, коренящиеся в сознании и подсознании людей. Одно из виднейших направлений этого рода — психоанализ. Он трактует стремление к власти как проявление, сублимацию подавленного либидо, представляющего собой подверженное трансформации влечение преимущественно сексуального характера (З. Фрейд [116]) или же психическую энергию вообще (К. Г. Юнг [130]). Стремление к власти и особенно обладание ею выполняют функцию субъективной компенсации физической или духовной неполноценности. Власть возникает как взаимодействие воли к ней — одних и готовности к подчинению, «добровольному рабству» — других. Как считал Фрейд, в психике человека имеются структуры, делающие его предрасположенным к предпочтению рабства свободе ради личной защищенности и успокоения.

Различные психоаналитики расходятся в объяснении причин психологического подчинения. Одни (С. Московичи [74], Б. Эдельман [99, с. 62]) видят их в своего рода гипнотическом внушении, существующем во взаимоотношениях вождя и толпы, другие же (Ж. Лакан [55]) — в особой восприимчивости подсознания человека к символам, выражаемым в языке. В целом же психологический подход помогает выявить механизмы мотивации власти как отношения: командование—подчинение.

13.1.1.7. Системная концепция

Их сторонники рассматривают власть как систематизирующее отношение в политической системе общества. Она понимается ими в качестве анонимного, надперсонального, безличного свойства социальной системы, обезличенной воли обстоятельств. Все остальные элементы системы связаны с ней непосредственно или опосредованно.

В рамках данной концепции выделяют три подхода к пониманию власти:

- первый истолковывает власть как свойство или атрибут макросоциальной системы (Т. Парсонс [84]);
- второй рассматривает власть на уровне конкретных систем – семьи, организации и т. п. (М. Крозье [52]);
- третий – как взаимодействие индивидов в рамках специфической социальной системы (М. Роджерс [111, с. 28]).

«Мы можем определить власть, – писал Т. Парсонс, – как реальную способность единицы системы аккумулировать свои «интересы» (достичь целей, пресечь нежелательное вмешательство, внушить уважение, контролировать собственность и т. д.) в контексте системной интеграции и в этом смысле осуществлять влияние на различные процессы в системе».

Некоторые представители системного подхода (К. Дойч [32], Н. Луман [66]) трактуют власть как средство социального общения (коммуникации), позволяющее регулировать групповые конфликты и обеспечивать интеграцию общества. Назначение политической власти – разрешать постоянно возникающее противоречие между необходимостью поддержания порядка в обществе и многообразием интересов членов общества, сопряженных с конфликтами.

Системное понимание власти позволяет раскрыть ее структуру, увязать в единое целое различные ее характеристики. Основными компонентами власти объявляются ее *субъект, объект, средства (ресурсы) и процесс*, приводящий в движение все ее элементы и характеризующийся механизмом и способами взаимодействия между партнерами.

13.1.1.8. Структурно-функциональная концепция

Представляет собой разновидность предшествующей модели власти. Их сторонники рассматривают ее как свойство социальной организации, как способ самоорганизации человеческой общности, основанный на целесообразности разделения функций управления и исполнения. Без власти невозможны коллективное существование человека, совместная жизнедеятельность многих людей. Само общество устроено иерархично, дифференцирует управленческие и исполнительские социальные роли. Власть – это свойство социальных статусов, ролей, позволяющее контролировать ресурсы, средства влияния. Следовательно, власть связана с занятием руководящих должностей, позволяющих воздействовать на людей с помощью позитивных и негативных санкций, поощрения и наказания.

13.1.1.9. Социологическая концепция

Данная концепция ориентирует на исследовании власти в контексте социальных условий ее возникновения и функционирования с учетом доминирующих в обществе ценностей, традиций, предпочтений. Однако природа властного взаимодействия трактуется сторонниками данного подхода неоднозначно.

13.1.1.10. Конфликтологическая концепция

С позиции теории социальной конфликтологии, которую развивали К. Маркс [68], Ф. Энгельс [128], В. И. Ленин [61] и их последователи, власть рассматривает-

ся как отношения господства и подчинения одного класса другим. Природа данного господства обусловлена экономическим неравенством, местом и ролью класса в экономической системе общества. Обладание собственностью обеспечивает экономически господствующему классу возможность подчинять своей воле экономически зависимые классы. Например, политическая власть буржуазии над пролетариатом обуславливается ее экономическим господством и возможностями государственного принуждения. Экономическое неравенство служит основой всех других форм социального неравенства, которое не исчерпывается только классовыми различиями. Оно более многообразно и включает в себя профессиональные, этнические, половозрастные, региональные и культурные различия. Поэтому власть оказывается везде, где есть неравенство.

13.1.1.11. Дуалистическая концепция

Согласно этой концепции *власть* следует отличать от *господства*. Французский политолог М. Дюверже [33] выделил два элемента власти:

- материальное принуждение;
- убеждение, вера со стороны подчиняющихся в то, что такое подчинение похвально, справедливо, законно.

При отсутствии второго элемента это уже не власть, а господство. Господство – более узкое понятие, чем власть, и связано с применением силы, которое может выражаться в разных формах, таких как физическое насилие, экономическое принуждение, давление со стороны организованного коллектива и т. д. Власть же может осуществляться и без прямого насилия, опираясь на силу авторитета (вероятность добровольного подчинения).

Отмечая наличие двух элементов власти, М. Дюверже подчеркивал, что источниками осуществления власти служат насилие и верования субъектов политического процесса, прежде всего их вера в необходимость власти вообще и вера в ее легитимность (законность, справедливость). Двойственность власти (не случайно М. Дюверже образно называет ее двуликим Янусом) выражается в том, что она, с одной стороны, является инструментом господства одних групп общества над другими, а с другой – выступает эффективным средством интеграции и обеспечения социальной солидарности всех членов общества для всеобщего блага.

13.1.1.12. Коммуникативные и постструктуралистские концепции

Поиск адекватных феномену власти концепций продолжается. Целесообразно отметить *коммуникативные* (Ю. Хабермас [118]) и *постструктуралистские* (М. Фуко [117], П. Бурдьё [13]) модели власти, рассматривающие ее как многократно опосредованный и иерархизированный механизм общения между людьми, разворачивающегося в социальном поле и пространстве коммуникаций. Хабермас полагает, что власть является своеобразным макромеханизмом опосредования возникающих противоречий между публичной и частной сферами жизни, который наряду с деньгами обеспечивает воспроизводство естественных каналов коммуникаций между политическими субъектами. Именно благодаря коммуникационным потокам и реализуются соответствующие властные функции в обществе.

П. Бурдые ввел новое понятие «символической власти», которое сводится им к совокупности «капиталов» (экономических, культурных и т. д.), распределяющихся между агентами в соответствии с их позициями в «политическом поле», т. е. в социальном пространстве, образуемом и конструируемом самой иерархией властных отношений.

Приведенные трактовки сущности власти не исключают друг друга, а подчеркивают многомерность, многозначность этого социального феномена. Общим для них является признание власти как

- одного из важнейших видов социального взаимодействия;
- специфическое отношение, по крайней мере, между двумя субъектами;
- отношения командования-подчинения, обладающие многоуровневостью, имеющие сложную природу и разнообразные формы проявления;
- право и возможность распоряжаться кем-нибудь и чем-нибудь, подчинять своей воле.

Понимая власть как средство упорядочения общественной системы, иногда ее отождествляют с управлением, а властные отношения — с управленческими отношениями и управленческой деятельностью. Действительно, между этими двумя общественными явлениями существует тесная взаимосвязь: без использования власти невозможно управлять людьми, но и без выполнения управленческой функции власть превратится в нечто аморфное, недейственное.

Однако между властью и управлением имеет место существенная разница. Управление как общественное явление (т. е. управление деятельностью людей) по своему объему шире, чем власть. Властное воздействие на людей основывается, прежде всего, на применении принудительных мер и даже насилия, управление может осуществляться и на добровольном подчинении лидеру в силу его морального авторитета (неформальное лидерство).

Управление также может быть безвластным, стихийным, например посредством рыночных отношений, которые «управляют» материальным и духовным производством через спрос и предложение товаров, идей, услуг.

13.1.2. Природа подчинения

Критерием субъекта и объекта является вектор подчиненности. Состояние властных отношений характеризуется наличием процесса подчинения. С точки зрения результата не важно, что заставляет объект подчиняться субъекту. Но анализ феномена подчинения представляет собой важную теоретическую и практическую проблему. Власть, как пишет В. П. Пугачев, всегда двустороннее, асимметричное, с доминированием воли властителя взаимодействие ее субъекта и объекта. Она *невозможна без подчинения объекта*.

Если такого подчинения нет, то нет и власти, несмотря на то, что стремящийся к ней субъект обладает ярко выраженной волей властвования и даже мощными средствами принуждения. В конечном счете у объекта властной воли всегда есть крайний выбор — погибнуть, но не подчиниться. Осознание зависимости власти от покорности населения нашло практическое выражение в акциях гражданского неповиновения, широко используемых в современном мире как средство ненасильственной борьбы [98, с. 97].

13.1.2.1. Многогранность феномена подчинения

Где нет объекта, там нет власти. Объект власти – пассивное начало во властных отношениях; это те лица или органы, на которые направлено действие вышестоящего субъекта власти. Ими могут быть индивид, социальная группа, масса, класс и т. д. Отношения между субъектом и объектом власти не могут быть равноправными. Субъект власти отдает распоряжения и рассчитывает на их исполнение объектом власти, т. е. на подчинение последнего. Власть, возникающая на основе естественного неравенства, всегда носит характер межличностного взаимодействия, всегда персонифицирована. Возникает подчинение конкретному человеку. И если в новой ситуации он окажется неспособным продемонстрировать свое преимущество, едва ли его распоряжения будут выполняться. Власть, основанная на социальном неравенстве, по мнению А. П. Плешакова, утрачивает свою персонифицированную форму [86].

Границы отношения объекта к субъекту властвования простираются от ожесточенного сопротивления, борьбы на уничтожение (в этом случае власть отсутствует) до добровольного, воспринимаемого с радостью повиновения. В принципе подчинение так же естественно присуще человеческому обществу, как и руководство. Готовность к подчинению зависит от ряда факторов:

- от собственных качеств объекта властвования;
- от характера предъявляемых к нему требований;
- от ситуации и средств воздействия, которыми располагает субъект;
- от восприятия руководителя исполнителями, наличия или отсутствия у него авторитета.

Мотивация подчинения достаточно сложна. Она может основываться на:

- страхе перед санкциями;
- на долготлетней привычке к повиновению;
- на заинтересованности в выполнении распоряжений;
- на убежденности в необходимости подчинения;
- на авторитете, вызываемом руководителем у подчиненных;
- на идентификации объекта с субъектом власти и др.

Все эти и другие мотивы существенно влияют на силу власти, т. е. способность ее субъекта влиять на объект. Власть представляет собой определенную форму влияния, влияние же в свою очередь включает властный компонент. Власть отличается от влияния тем, что она опирается на санкции, т. е. может использовать насилие или угрозу применения насилия в случае отказа подчиниться повелению или приказу. Влияние предполагает, что то или иное лицо может изменить свое поведение или образ жизни, следуя примеру или совету другого лица. Высокая сила воздействия и вероятность подчинения отличают власть от влияния.

13.1.2.2. Влияние страха

Сила власти, основанная на *страхе*, вызываемом угрозой санкций, прямо пропорциональна тяжести наказания и обратно пропорциональна вероятности избежать его в случае непослушания. Такая власть имеет тенденцию к ослаблению

вследствие естественного стремления людей избавиться от этого неприятного эмоционального состояния.

Власть в виде силы означает способность субъекта достичь желаемого результата в отношениях с объектом либо путем непосредственного воздействия на его тело или психику (применение оружия, физической силы, психотропных веществ и т. д.), либо с помощью ограничения его действий (заключение под стражу). В отличие от других форм власти сила исключает альтернативы действия объекта, не давая ему возможности сделать выбор: с людьми обращаются как с физическими объектами.

В принуждении источником подчинения объекта команде субъекта выступает угроза применения субъектом негативных санкций по отношению к объекту в случае отказа от повиновения, т. е. угроза силы или каких-либо иных мер воздействия (понижение по службе, лишение прав, арест и т. д.). Хотя сила и принуждение нередко воспринимаются как одно и то же, по мнению ряда исследователей, концептуальное различие между ними является необходимым, поскольку они имеют разные источники подчинения и разные способы осуществления [92, с. 79].

Сила *не всегда* является социально одобряемым действием, особенно если она направлена во зло. Однако во многих ситуациях для поддержания законной власти необходимо проявлять не только решительность, но и силу – физическую или вооруженную. Речь идет о правонарушителях и преступниках, нарушающих принятые большинством народа законы. Считается, что демократия способна удерживать власть, только опираясь на силу закона. Если она проявляет слабость и позволяет нарушать законы, то в стране воцаряются произвол и анархия, растут преступность и коррупция, вслед за которыми часто утверждается силовой режим правления, например диктатура.

13.1.2.3. Результат привычки

Сравнительно безболезненно воспринимается людьми власть, базирующаяся на *привычке*, обычае повиноваться. Привычка – один из ведущих мотивов подчинения государству в традиционных обществах. Она надежный фактор стабильности власти до тех пор, пока та не приходит в противоречие с требованиями реальной жизни. Если же это происходит, то власть, основанная лишь на привычке к повиновению, быстро разрушается, как только люди замечают, что власть изжила себя и недостойна повиновения.

13.1.2.4. Мотивы личного интереса

Наиболее стабильной является власть, построенная на *интересе*. Личная заинтересованность побуждает подчиненных к добровольному выполнению распоряжений, делает излишним контроль и применение негативных санкций. Побуждение основывается на способности субъекта обеспечить объект ценностями и услугами, в которых тот заинтересован. В отличие от принуждения, связанного с негативными санкциями, в процессе осуществления побуждения нежелание объекта следовать распоряжениям субъекта преодолевается с помощью позитивных «санкций», обещания вознаграждения (продвижение по службе, повышение заработной платы, приобретение известности и т. п.).

13.1.2.5. Последствия убеждения

Подчинение *по убеждению* связано с мотивационным воздействием достаточно глубоких слоев сознания: менталитета, ценностных ориентаций и установок, составляющих «вторую природу» личности (ее «первая природа» образуется под воздействием первичных, преимущественно биологических потребностей и повседневных интересов индивида). Готовность подчиняться государству или другому носителю власти ради каких-либо более высоких, чем непосредственные индивидуальные интересы, целей (патриотических, нравственных, религиозных и т. п.) — важный источник силы власти. В массовом сознании оно воспринимается как чувство долга. Оно является главным, когда во время боя командир отдает солдатам приказ идти в атаку. Перед лицом возможной смерти солдат теряет какой-либо страх перед командиром (если таковой страх был), он уже не раздумывает над проблемой доверия к нему, из всех интересов остается главный интерес — выжить. Но солдат поднимается и идет в атаку, презрев смерть, потому что он давал присягу на верность — и не своему командиру и даже не государственной власти, а своей Родине.

В убеждении источник власти заключается в эмоциональных и психологических аргументах, которые субъект использует для подчинения объекта. В отличие от принуждения и побуждения, которые внешне могут выглядеть как убеждение, последнее подразумевает отсутствие конфликта между субъектом и объектом; у объекта есть выбор принять аргументы субъекта или нет, который не ограничен позитивными или негативными санкциями со стороны субъекта.

13.1.2.6. Роль авторитета

Одной из наиболее благоприятных для власти мотиваций подчинения является *авторитет*. *Авторитет* — это влияние, которое человек, группа людей, организация приобретают в результате признания их опыта, знаний, высоких нравственных достоинств. Можно обладать высоким научным или нравственным авторитетом, не располагая при этом реальной властью. Авторитет формируется на базе общей заинтересованности объекта и субъекта власти, и убежденности подчиненных в особых способностях руководителя. Авторитет представляет собой высоко ценимые качества, которыми подчиненные наделяют руководителя и которые детерминируют их повиновение без убеждения или угрозы санкций. Он основывается на согласии и означает уважение к руководящей личности или институту, доверие к ним. Авторитет может быть истинным, когда руководитель действительно обладает теми качествами, которыми его наделяют подчиненные, и ложным, основанным на заблуждениях относительно личности руководителя. В зависимости от лежащих в его основе качеств авторитет бывает научным (качество учености), деловым (компетентность, навыки, опыт), моральным (высокие нравственные качества), религиозным (святость), статусным (уважение к должности) и т. п. В соответствии с источником подчинения, авторитет бывает персональным, легальным или традиционным.

Говоря о непререкаемом авторитете специалиста среди коллег, непременно подчеркивают такие его качества, как высокий уровень квалификации, профессиональную добросовестность и нравственность. Употребляя выражение «автори-

тет закона», имеют в виду не только то, что данная правовая норма формально установлена, но и осознание обществом ее необходимости и справедливости и закреплённость ее традицией.

В отличие от силы и манипуляции авторитет всегда зависит от восприятия объекта и обязательно результируется в его повиновении команде субъекта. Границы между авторитетом (особенно легальным авторитетом) и принуждением часто размыты. Однако в «чистом» виде авторитетных отношений подчинение объекта субъекту является добровольным, без восприятия команды субъекта как угрозы. Объект повинется, поскольку рассматривает свое повиновение как должное. Отношения авторитета имеют место в ситуациях, где объект следует распоряжениям субъекта либо вообще без размышлений над их содержанием, либо преодолевая свое внутреннее сопротивление, поскольку доверяет объекту или рассматривает свое повиновение как обязанность.

Авторитетные отношения, прежде всего легальный авторитет, и составляют, по мнению ряда исследователей, ядро политики [92, с. 81]. Они лежат в основе государственной власти, обеспечивающей единство и целостность общества. Субъекты политики естественно стремятся к установлению отношений авторитета, поскольку никакая власть не может бесконечно долго опираться на силовые и принудительные ресурсы.

Власть и авторитет относятся к *социально одобряемым*, полезным для общества видам влияния. Чаще всего они идут в тесном союзе друг с другом. Менеджер является формальным руководителем (наделен официальной властью отдавать распоряжения, предусмотренные инструкцией) и неформальным лидером (авторитетным лицом, выделяющимся своими знаниями, квалификацией, организаторскими и нравственными качествами). Когда оба способа влияния совпадают, фирма процветает, когда же они расходятся, часто заваливают общее дело. Менеджер, оставаясь лишь формальным властителем, отдает авторитетные функции кому-то другому в бригаде, который и становится самым уважаемым лицом — неформальным лидером. Между ними могут возникать конфликты, а подчиненные оказываются в двойственной ситуации, не зная, кому подчиняться.

13.1.2.7. Самоидентификация

Власть, основанная на интересе, убежденности и авторитете, часто перерастает в *идентификацию* подчиненного с руководителем. В этом случае достигается максимальная степень подчинения, и субъект воспринимается объектом как свой представитель и защитник. Субъективная идентификация исполнителей с руководителем может объясняться двумя причинами: 1) свойством реального двойственного положения людей в отношениях власти, как это имеет место в демократических организациях, где индивиды выступают и субъектом власти — выбирают и контролируют руководство, и ее объектом — исполняют его решения. В этом случае оба агента власти формально совпадают; 2) результатом общности интересов и ценностей руководителя и исполнителя и возникновения у последнего чувства единения со всей организацией или группой.

Огромную роль, особенно в недемократических государствах, имеет подчинение, основанное на обожествлении или безграничном обожании. Субъект, обладающий возможностями такого воздействия, именуется харизматическим. Слово

«харизма» пришло из греческого и означает «дар божественной привлекательности». Как пишет С. Московичи, «харизма принадлежит к той области, которую в настоящее время называют теорией влияния; она касается моделей поведения, управляющих взаимным отношением между вождем и теми, кто следует за ним. Бесспорно, источник харизмы – в личности харизматического вождя. Но она не может быть эффективной, если не возбуждает реакцию со стороны тех, на кого она направлена, т. е. если не порождает веры в сверхъестественную и исключительную миссию вождя». Предполагается, что люди, обладающие ею, наделены экстраординарной или магнетической силой убеждения. Они способны заставить других выполнить их желание или приказ.

Харизма непосредственно связана с волей. Точнее, выражаясь словами Ницше, «волей к власти». В книге «Так говорил Заратустра» немецкий философ отметил, «воля к власти» – основополагающий мотив в жизни человека, предполагая также, что эта воля определяет все поступки [80]. Без использования силы воли невозможно добиться получения определенного статуса, необходимого для использования знаний, заработать финансовое могущество и контролировать физическую силу. Именно те, кто наделен внутренней, или ницшеанской, волей способны контролировать людей.

В зарубежных политологических школах широко распространена теория «принятия власти», исходящая из предположения, что подчиняющийся расценивает властные указания или приказы как авторитетные и обязательные только при одновременном соблюдении четырех требований:

- он может понять и понимает приказ;
- в момент получения приказа он не считает его несовместимым с общими целями;
- в момент принятия своего решения он осознает властное указание в целом как совместимое со своими интересами и намерениями;
- он интеллектуально и физически способен выполнить этот приказ.

13.1.3. Процесс властвования

Процесс властвования – есть взаимодействие субъекта и объекта, в процессе которого действует механизм подчинения. Властная деятельность – это сложное, многоаспектное и динамичное социальное явление. Она осуществляется различными методами, имеет множество видов и форм.

13.1.3.1. Субъекты власти

Субъект и объект – непосредственные носители, агенты властных отношений. Субъект (актор) воплощает активное, направляющее начало власти. Им может быть отдельный человек, организация, общность людей, например народ, или даже мировое сообщество, объединенное в ООН.

Отражением первостепенной роли субъекта в отношениях власти является широко распространенное в повседневном языке отождествление власти с ее носителем. Так, говорят о решениях власти, о действиях властей и т. п., подразумевая под властью управленческие органы.

Субъект определяет содержание властного взаимодействия через распоряжение (приказ, команду), в котором предписывается поведение объекта власти, указываются или подразумеваются поощрение и наказание за выполнение или невыполнение команды. От характера содержащихся в приказе требований во многом зависит отношение к нему исполнителей, объекта – второго важнейшего элемента властных отношений.

Функция субъекта власти не обусловлена качествами индивидов, входящих в социум, она в обязательном порядке присуща каждому коллективу и любой общественной структуре. Следовательно, любой субъект власти выполняет социальную, объективно обусловленную функцию. И в этом качестве он обязан запустить в его социуме механизм подчинения, используя для этого инструменты властвования. При этом имеются два лимитирующих момента: личные качества субъекта (соответствующие или не соответствующие выполнению данной роли) и позиция объекта власти (его согласие на использование данных инструментов).

При характеристике и оценке субъектов власти, их разнообразия принято исходить из того, что у власти может быть несколько уровней, возможны ее разные виды и масштабы, те или иные сферы проявления. Различны и сами названия властителей (носителей, обладателей власти), в том числе и на разных этажах властной пирамиды.

Непосредственным субъектом власти обычно выступают те люди, которые концентрируют в своих руках огромное влияние и доверие, финансовое могущество, мощные рычаги воздействия на других людей, управления ими, контроля за их настроениями, мнениями и поведением. Это монархи в их различных ипостасях (цари, короли, императоры, султаны, шахи), а в нашей недавней практике – генеральные секретари. В демократически организованном обществе – это президенты или коллективные главы государств (президиумы, советы, а порой дуумвираты, триумвираты).

Реальный предел мечтаний для нормальных людей – конституционно-правовое регулирование властных полномочий такого рода лиц, определение круга их прав (что трудно) и обязанностей (что еще труднее).

В мировой и в отечественной практике известны субъектно-объектные властные конгломераты по различным групповым признакам – аппаратным, классовым, национальным и т. д. Именно из практики, как ее фиксация в теории и ее осмысление, родились те самые «кратии», которые у всех на слуху, – не только демократия, но и бюрократия, партократия, геронтократия, меритократия, охлократия, технократия, теократия и т. д.

13.1.3.2. Объекты власти

Объекты власти, по определению В. Ф. Халипова – лица, явления, предметы, органы, учреждения, предприятия, население, на руководство (управление) которыми, согласно закону или подзаконным актам, а также сложившимся правилам и нормам общежития и даже традициям, направлена деятельность властей различных типов, видов и форм [120]. Среди исследователей считается общепринятым, что объектом власти могут быть не только индивиды, но и группы, коллективы, организации и даже нации.

Многое зависит и от положения объектов власти в обществе. Они составляют большую часть населения, представлены достаточно многообразно: это большие группы людей, слоев, классов, из рядов которых выходят, интересы которых представляют и которым порой противостоят сами субъекты власти – правители и властители.

Качества объекта политического властвования определяются прежде всего политической культурой населения. Преобладание в обществе людей, привыкших лишь беспрекословно повиноваться, жаждущих «твердой руки», является благоприятной питательной средой деспотических режимов.

Последствия же подчинения могут относиться не только к объекту, но и к другим людям; они влияют и на людей, и на животных, и на предметы неживой природы. Объектами воздействия выступают и социальные отношения, моральные и политические нормы, традиции и т. д. Другими словами, последствия осуществления власти гораздо более разнообразны и неоднородны, чем непосредственный результат осуществления власти (подчинение).

Если объективность существования объектов власти не вызывает дискуссий, то по иному обстоит дело при определении оптимальной пропорции между субъектами и объектами. Вопрос о том, сколько требуется хозяев (субъектов) и менеджеров, решался во все времена во всех странах. Парадоксально, но авторитарные и тоталитарные организации властных систем требуют меньшей численности управленцев. Возможно, это объясняется ограниченностью общественных ресурсов и преобладанием репрессивных методов господства над объектом. В демократических системах, где социальная база субъекта наиболее широка, требуются более тонкие методы господства (убеждение и манипулирование), а, следовательно, более многочисленный аппарат обслуживания субъектно-объектных отношений.

13.1.3.3. Методы властвования

Власть не является свойством или отношением лишь одного действующего лица (органа), конечно, если не иметь в виду власть человека над самим собой, предполагающую подчинение его поведения доводам разума, как бы раздвоение личности. Но это, как подчеркивает В. П. Пугачев, уже психологический, а не социальный феномен [98, с. 97].

Способы властвования имеют сложную и неоднозначную классификацию. Они могут быть демократическими (власть осуществляется при участии в принятии решений их исполнителей), авторитарными (неограниченная власть, не претендующая на полный контроль над подданными), тоталитарными (всеобъемлющий контроль субъекта над объектом), конституционными (правление в рамках закона), деспотическими (всевластие, произвол и беззаконие), либеральными (уважение свободы и прав личности) и др.

Процесс властвования упорядочивается и регулируется с помощью специального *механизма власти* – системы организаций и норм их устройства и деятельности. Применительно к такому сложному социальному субъекту, как общество (народ), механизмом власти выступают государственные органы и другие политические институты и право.

В самом общем виде процесс реализации власти включает в себя принятие решений с выбором целей и средств их достижения, проведение этих решений в

жизнь путем соответствующих действий по мобилизации ресурсов и нейтрализации сопротивления оппозиции.

Механизм власти (субъектно-объектные отношения и средства власти) существует на протяжении всей истории человечества и осуществляется на всех уровнях цивилизованного общества.

Власть связана с системой иерархических отношений «по вертикали». Однако всеобщность мировой иерархизации не означает всеобщность господства и подчинения в человеческих отношениях. Так рассуждать — в значительной мере обеднять как состояние самих человеческих отношений, так и состояние власти. Властные отношения могут проявляться и «по горизонтали». Наконец, властные отношения необязательно предполагают подчинение, а могут выступать в форме координации интересов, сотрудничества, взаимодействия равных по силе и значимости субъектов политики. Но в то же время нельзя не понимать, что значительная часть человеческих отношений властна и их властная природа во многом предопределена всеобщими принципами иерархизации и взаимодействия, взаимосвязями соподчинения в соуправлении.

В известном смысле власть как бы исходит из практического умения субъекта реализовывать свой потенциал. Ее сущность неразрывно связывается с волей субъекта, способствующей перенесению намерений из сферы сознания в область практики, и его силой, обеспечивающей необходимое для доминирования навязывание своих позиций или подчинение. Поэтому, даже заняв выгодную позицию, субъект должен уметь использовать свой шанс, реализовать новые возможности. В зависимости от того, насколько эффективны применяемые субъектом средства осуществления своего доминирования, его власть может сохраняться, усиливаться или уравниваться иными влияниями; возможен также переход к новому витку конкурентной борьбы или достижению определенных форм сотрудничества, кооперации, выработке правил взаимодействия.

Властные отношения могут представлять как принуждение и конфликт интересов, так и взаимодействие на основе их учета и сопряжения. К числу основных свойств власти, по определению Ю. В. Ирхина, относится ее абстрактность — власть выступает только в форме отношений [41, с. 270].

Под методами властвования ряд исследователей понимает способы, приемы, средства воздействия, используемые властвующей стороной с целью добиться повиновения подвластных. Они основаны на использовании механизмов подчинения и вторичны по отношению к ней. Метод властвования становится востребованным только тогда, когда способен запустить определенный механизм подчинения. Если он использован не вовремя или неправильно, то может привести к потере власти ее субъектом. Влияние или властное отношение имеет самое различное выражение. Они основываются на различных факторах: материальной силе, угрозе санкциями, богатстве, престиже, нормах и ценностях и т. д. Особую, а подчас и незаменимую роль во властных отношениях играет *принуждение*.

Наиболее древним инструментом властвования является физическое принуждение. Это воздействие властвующего на личную или материальную сторону бытия подвластного в целях реализации руководящей воли. К числу форм физического принуждения относятся, в частности, штрафы и другие санкции экономического характера, исключение из сообщества или организации, лишение свободы,

лишение жизни. Физическое принуждение может и должно осуществляться только в рамках социальных норм, регулирующих деятельность как подвластных, так и властвующих. В этом случае оно применяется при наличии отклонений в поведении индивидов и их групп от требований, сформулированных в единой руководящей воле данного сообщества и выраженных в соответствующих нормативных предписаниях. Однако история показывает, что, как только возникает угроза правлению господствующих верхов, на первый план нередко выходит не санкционированное законом принуждение в форме открытого произвола власти — репрессии, террор.

Следом за воздействием на тело следует давление на психику. Под психическим принуждением понимается такое властное воздействие, когда подвластный осуществляет волю властвующего, чтобы избежать определенных негативных последствий в случае ее неисполнения. Весьма распространенным видом психического принуждения является общественное мнение, регулирующее поведение людей и социальных институтов посредством выработки и «насаждения» определенных норм взаимоотношений, отклонение от которых влечет за собой, например, общественное порицание.

Убеждение как метод властвования представляет собой применение комплекса различных приемов и способов побудительного обеспечения должного поведения индивидов или их групп. В отличие от психического принуждения суть данного метода состоит в том, что подвластным не только раскрываются все возможные варианты действий в данной конкретной ситуации и их последствия, но также оставляется и право выбора, собственного волеизъявления. При этом, однако, стимулируется выбор, заслуживающий одобрения и не наносящий какого-либо ущерба в пределах данного сообщества.

Одной из форм убеждения выступает влияние, когда властвующий субъект добивается выполнения своей руководящей воли не путем угрозы, а постановкой таких требований, которые представляются подвластному обоснованными с точки зрения его собственных ценностей. Влияние осуществляется при помощи трех основных средств:

- сдерживание — это показ подвластному субъекту негативных последствий его возможных поступков и утверждение необходимости воздержаться от их совершения;
- побуждение, напротив, подразумевает моральную ориентацию на совершение действий, имеющих положительное значение для сообщества и входящих в него индивидов, и, соответственно, разъяснение ожидаемых позитивных результатов;
- активизация ответственности предполагает напоминание о нормативных ценностях сообщества, помогающее переориентировать поведение подвластных субъектов в соответствии с их представлениями о долге.

Эффект подчинения достигается при использовании *манипулятивных технологий*. Манипуляция как вид принуждения основывается на способности субъекта осуществлять скрытое влияние на объект. В отличие от других видов власти манипуляция может иметь место без команды субъекта и даже тогда, когда объект не знает о самом существовании субъекта. Хотя с точки зрения объекта манипуляция выглядит как убеждение, это разные виды власти. В процессе убеждения субъект

не лишает объект (сознательно) необходимой информации, поскольку ему нужно, чтобы объект принял его точку зрения. Напротив, в манипуляции субъект не хочет, чтобы объект мыслил так же, как и он сам, и поэтому сознательно ограничивает поток информации для объекта.

Манипуляция, по мнению ряда отечественных исследователей, имеет две основные формы. Во-первых, субъект осуществляет скрытый контроль над объектом в процессе коммуникации, делая объекту замаскированные предложения путем селектирования поступающей объекту информации, например, утаивая важную информацию, недоступную объекту из других источников. Этот вид манипуляции проявляется в рекламной деятельности и многих формах политической пропаганды. Другой ее вид связан со способностью субъекта изменять окружение объекта; с помощью этого он вызывает желаемую для него реакцию объекта без непосредственного взаимодействия с ним. Управляющие промышленными предприятиями манипулируют поведением рабочих с помощью корректировки служебных инструкций, системы начисления заработной платы, стимулов и т. д. Другим примером данного вида манипуляции является изменение цен, осуществляемое торговыми компаниями. Среди всех форм власти манипуляция пользуется, пожалуй, самой дурной репутацией, поскольку объект не осознает власти над собой и считает, что действует самостоятельно [92, с. 80].

Роль убеждения и манипуляции в современной политике существенно возросла в связи с усилением влияния СМИ и появлением новых коммуникативных технологий. В демократическом обществе силовые ресурсы постепенно утрачивают доминирующее положение в системе социального контроля и политика становится все более зависимой от состояния сознания различных групп населения.

13.1.3.4. Лики власти

Использование ресурсов власти приводит в движение все ее компоненты, делает реальностью ее процесс, который характеризуется, прежде всего, способами и механизмом властвования. В политической жизни отношения властвования представляют собой сложный процесс взаимодействия вовлеченных в них разнообразных структур, лиц, механизмов, которые выражают различный характер доминирования/подчинения всевозможных социальных групп. При этом властные взаимосвязи независимо от типа политической системы всегда обладают некими способностями воздействия на поведение граждан. В политической науке их принято называть «ликами власти».

«Первое лицо» власти обладает способностью *побуждать* людей *к определенным действиям*, заставляя их совершать поступки в русле тех интересов и целей, которые исходят от господствующего субъекта. Так, правящие партии, контролируя основные государственные структуры, побуждают граждан придерживаться установленных ими законов и правил, заставляют их действовать в направлении решения поставленных задач.

«Вторым ликом» власти именуют ее умение *предотвращать нежелательные действия* людей. В частности, правящие круги могут запретить экстремистские и радикальные организации, вытеснить нежелательные партии на периферию политической жизни, предотвратить контакты граждан с населением других государств. Власти способны искусственно ограничить поле политических дискуссий,

запретив контролируемым ими СМИ обращаться к определенной тематике или введя строгую цензуру для прессы и телевидения. Особенно ярко запретительный характер власти проявляется в условиях чрезвычайного положения или ведения страной военных действий, а также при тоталитарных и деспотических режимах.

Впервые на ограничивающее свойство власти обратили внимание американские политологи П. Бахрах и М. Баратц [98, с. 103], назвавшие его «вторым лицом власти». Реальное проявление в обществе этого свойства политической власти состоит в ее способности исключать из сферы общественных дискуссий и политических решений определенные темы и тем самым предотвращать их адекватное отражение в массовом сознании и реальное разворачивание соответствующих политических конфликтов.

В странах командного социализма такими запретными для критики темами были, прежде всего, право коммунистических партий на руководство обществом и право граждан на идеологическое и политическое инакомыслие и оппозицию. А в демократической ФРГ 1950–60-х гг. блокированной властями политической темой являлось отношение к строительству атомных электростанций. Согласие, достигнутое по этому вопросу политической элитой, СМИ, предпринимателями и менеджерами под прикрытием популярного лозунга «больше роста — больше энергии», позволило исключить саму дискуссию об альтернативных атому источниках энергии.

«Третье лицо» власти характеризует ее возможность осуществлять господство определенных сил при *отсутствии* видимого и даже смыслового контакта властвующих и подвластных. Например, авторитет политического лидера может стимулировать действия его сторонников в духе определенных заветов и после его смерти или тогда, когда он находится в заключении, и его никто не видит.

Невидимое воздействие власти имеет место и при манипулировании общественным (групповым) мнением. Это происходит тогда, когда люди становятся участниками инициируемых властями процессов, не осознавая ясно истинных целей и замыслов правящих кругов. Например, власти могут проводить определенные эксперименты над группами военнослужащих или жителей страны, не ставя их в известность об опасности этих действий для здоровья людей. Следовательно, манипулирование — это кратковременная форма властвования, которая заканчивается, как только объект власти приобретает нужную ему информацию.

«Четвертое лицо» власти демонстрирует ее *тотальность*, т. е. способность существовать в виде повсеместного принуждения, исходящего отовсюду и не сводящегося к действиям какого-либо конкретного лица. Власть выступает здесь как некая предписывающая поведение людей матрица и даже демоническая сила, которая «никогда не находится в чьих-то руках, никогда не присваивается». В этом случае, как подчеркивает А. И. Соловьев, власть не осознается людьми как чье-то персональное господство. Чаще всего такая форма принуждения отображает господство действующих в стране законов, норм, правил, традиций. Здесь очень распространены методы символического принуждения, привычки, стереотипы, предрассудки и прочее [109, с. 63].

13.1.4. Основания и ресурсы власти

Важнейшими факторами, определяющими содержание и механизмы власти, являются ее основания и ресурсы. Под основаниями власти понимаются ее база, источники, на которые опирается властная воля субъекта. Ресурсы власти — это реальные и потенциальные средства, которые используются (или могут быть использованы) для укрепления самой власти и ее оснований. По определению М. А. Василика и М. С. Вершинина, основания власти — это ее фундамент, ресурсы власти — ее потенциал и технология [15, с. 36]. В соответствии со сферами жизнедеятельности выделяют ряд оснований и ресурсов власти.

13.1.4.1. Основания власти

Административно-силовое основание — это вся совокупность органов государственной власти, правительственных учреждений, обеспечивающих функционирование механизма властных структур сверху донизу, эффективную деятельность местных органов самоуправления. Физическая сила, вероятно, явилась изначальным основанием власти. Этот источник власти опирается на страх как фактор достижения желаемого поведения. Однако физическая сила и сегодня выступает одним из оснований власти. Поэтому главную опору власти составляют армия, органы государственной безопасности и внутренних дел. Соответственно, к административно-силовому основанию власти относятся: система подбора кадров, обладающих особыми профессиональными качествами, оснащение властных учреждений техникой по мировым стандартам, мероприятия по исключению дублирования и амбициозного соперничества силовых структур, профилактика коррупции.

Организация в современных условиях является одним из самых мощных источников власти. Организация издавна служила не только мобилизации людей и материальных ресурсов, но и претворению в жизнь властных решений. Фактически занимаемая должность имеет смысл в качестве источника власти только как элемент организации. Подтверждением этому является механизм построения и функционирования государственных, общественных и частных организаций. Все они выступают как инструменты достижения определенных целей — экономических, политических или духовных. Существенная особенность организаций, по мнению А. П. Плешакова, состоит, прежде всего, в иерархичности их элементов, связанных между собой авторитетно-властными отношениями. Передача каждым из ее элементов части своей свободы «наверх» создает условия для накопления власти на более высоких этажах структуры организации. Зато организация позволяет людям, ее составляющим, ставить перед собой и осуществлять такие цели, которые не могут быть достигнуты никем из них порознь. То, что не под силу одному, достигается общими усилиями [86].

Экономическое основание составляет материальный фундамент власти. Оно включает в себя формы собственности, природные богатства страны, объем валового национального продукта на душу населения, стратегически важные природные ресурсы, ее золотой запас, степень устойчивости национальной валюты, уровень развития техники и технологии. Соответственно, экономическими ресурсами власти являются активная инвестиционная и научно-техническая политика,

налоговая и таможенная политика, а также внешнеэкономическая деятельность в части укрепления независимости страны.

Богатство с незапамятных времен выступает источником власти по той простой, но убедительной причине, что его владельцы могут обеспечить людям средства существования. Взамен собственники получают повиновение своей воле тех, кто зависит от них материально. В современном мире само по себе богатство может и не быть непосредственным источником власти. Однако возможности обладателей богатства оказывать влияние на доступ к власти сегодня, пожалуй, велики как никогда ранее. Например, щедрая оплата соответствующей работы СМИ может стать решающим фактором в обеспечении господствующего положения той или иной политической группировки.

Социально-политическое основание — это социальные группы и слои, на которые власть опирается. Это также характер отношений между общественными классами и социальными слоями общества, нациями и народностями (особенно в многонациональном государстве), устойчивость политической системы общества, социально-политическая стабильность в целом в стране. При многопартийной системе важной стороной социально-политического основания власти является ее поддержка большинством политических партий и общественно-политических движений, конструктивность оппозиционных сил, их истинная заинтересованность в повышении эффективности властных отношений. Власть, стремящаяся расширить свою социальную базу, должна обеспечивать общенациональные интересы, привлекать на свою сторону колеблющихся, стремиться к социальному партнерству с «управляемыми» слоями и группами.

Занимаемое положение с древнейших времен служило важным источником власти. В традиционных обществах принадлежность к привилегированному сословию являлась непременным условием доступа к власти. В современном обществе занимаемое положение или должность также являются одним из важнейших оснований власти. Например, президент или министры располагают властью в определенных границах до тех пор, пока находятся на своих постах. Лишение занимаемого государственного поста или места в партийной иерархии означает и утрату лицом властных полномочий. Но социальное положение имеет существенное значение для занятия должности, связанной с осуществлением властных функций. Чем более высокого положения достигает индивид в соответствующей сфере деятельности, тем больше у него шансов оказаться в рядах политической элиты.

Юридическое основание власти — это материальная база юриспруденции, а также совокупность законов, на основании которых власть сформирована и на которые опирается в практической деятельности. К юридическим ресурсам можно отнести всякого рода инструкции, мероприятия по уточнению и разъяснению законодательства, постановления и указы президента, постановления правительства, оперативные постановления судебных и исполнительных органов. В этом основании значительное место занимает правовая культура населения, его законопослушность.

Культурно-информационное основание власти включает в себя систему организаций, аккумулирующих и сохраняющих культурный потенциал страны, СМИ, системы получения и переработки разведывательной информации, международные и национальные компьютерные сети. Культурно-информационные ресурсы —

это духовные ценности, знания, информация, которые благодаря новейшим системам их обработки, анализа и распространения становятся приоритетной ценностью. Знания, информация, опыт всегда служили источником власти. История дает множество примеров того, каким влиянием при царствующих особах пользовались обладатели знаний.

Значение знаний, практического опыта как источника власти особенно возрастает в условиях развитых цивилизаций, жизнь которых требует владения самой разнообразной и обширной информацией, а также множеством всевозможных умений и навыков. Соответственно возрастает и удельный вес специалистов самых различных областей знания и общественной практики во властных структурах. Сегодня в постиндустриальных странах, по определению О. Тоффлера, «знания, в силу своих преимуществ – бесконечности, общедоступности, демократичности – подчинили силу и богатство и стали определяющим фактором функционирования власти» [113, с. 16].

13.1.4.2. Ресурсы власти

Важнейшей социальной причиной подчинения одних людей другим является неравномерное распределение ресурсов власти. Сам этот термин употребляется как в широком, так и в узком значениях. В широком смысле ресурсы власти представляют собой «все то, что индивид или группа могут использовать для влияния на других».

Такое понимание ресурсов, по мнению В. П. Пугачева, достаточно общо и не позволяет дифференцировать различные элементы власти (ее субъект, объект, средства), поскольку в этом случае ресурсы включают все факторы, могущие повлиять на власть: собственные качества субъекта (компетентность, организованность и т. п.); некоторые свойства объекта (например, его политическую доверчивость, привычку подчиняться власти, авторитет и т. д.); благоприятную для субъекта ситуацию (экономический подъем, раздоры в стане оппозиции и т. п.), а также материальные и иные средства воздействия (деньги, оружие, сырье и т. п.). При столь широком понимании ресурсов утрачивается их специфика как *относительно самостоятельного, обычно материализованного звена, опосредующего взаимодействие агентов власти и служащего важнейшим социальным фактором подчинения и господства* [98, с. 100].

Поэтому для изучения власти и ее структуры предпочтительнее более узкая трактовка ресурсов, их понимание как всех тех средств, использование которых обеспечивает влияние субъекта на объект власти. Ресурсы могут применяться для поощрения, наказания или убеждения. В процессе их реализации субъектом они могут трансформироваться во власть, которая и представляет собой способность превращать определенные ресурсы в устойчивое влияние в рамках системы взаимосвязанных агентов. Ресурсы иногда отождествляют с основаниями власти, хотя чаще к таким основаниям относят также и агентов власти – ее субъект и объект.

Первостепенная значимость ресурсов как оснований власти отражена в теории «социального обмена» (П. Блау [111, с. 18] и др.). Согласно этой теории, в основе власти лежит неравномерное распределение дефицитных ресурсов. Люди, не имеющие ресурсов, получают их в обмен на исполнение распоряжений их владельцев. Тем самым одни попадают в зависимость от других, подчиняются им.

Ресурсы власти, являясь производными от ее оснований, по мнению М. А. Василика и М. С. Вершинина, относительно самостоятельны и по своему содержанию существенно шире этих оснований [15]. Это в первую очередь демографические, дипломатические, духовно-нравственные и социально-психологические ресурсы. Последние играют очень важную роль в оценке мотивации господства и подчинения.

Как правило, ресурсы власти используются: для функционирования и укрепления самой власти, а также для создания адекватных ей оснований. В социально-технологической цепочке власти ресурсы играют самостоятельную роль:

- в обеспечении научной обоснованности приказа (распоряжения);
- в организации контроля;
- в убеждении, наказании и поощрении;
- в обеспечении эффективной обратной связи от объекта власти к ее субъекту.

При таком подходе ресурсы делятся на:

Организационные ресурсы, направленные на создание оптимальных организационных структур управления, гарантирующих быстрое прохождение приказа до исполнителя и обеспечение надежного контроля. Одновременно они должны использоваться рационально, блокировать естественную потребность чиновничьего аппарата к расширенному воспроизводству.

Утилитарные ресурсы, представляющие материальные и социальные блага, с помощью которых власть «подкармливает» определенные слои населения и политиков. В результате стимулируется выполнение распоряжений власти соответствующими объектами, а накануне выборов расширяется социальная база поддержки правящей элиты.

Принудительные ресурсы, выступающие комплексом мер административного воздействия и угрозой санкций при невыполнении приказа. Одновременно они используются для предотвращения забастовок, несанкционированных митингов, против явного и скрытого саботажа распоряжений власти.

Нормативные ресурсы, воздействующие на ценностные ориентации и морально-этические нормы объектов власти. Они ориентируют на социальное партнерство руководителей и подчиненных, формируют определенный кодекс поведения, связанный с профессиональным долгом.

Социальные ресурсы, частично совпадающие с экономическими ресурсами. Так, например, доход и богатство, являясь экономическим ресурсом, вместе с тем характеризуют и социальный статус. Однако социальные ресурсы включают и такие характеристики, как должность, престиж, образование, медицинское обслуживание, социальное обеспечение и т. п.

Культурно-информационные ресурсы представляют собой системы хранения и учета национального культурного достояния, методики сбора, обработки и стыковки различных видов стратегической информации, принципы и методы работы средств массовой информации, гарантирующих обществу информационно-культурный плюрализм. Сюда же входит система гарантий, препятствующих доступу в печать, на радио и телевидение террористов и всякого рода экстремистских элементов. По определению М. А. Василика и М. С. Вершинина, ресурсы власти являются обоюдоострым инструментом: при научно обоснованном, профессиональ-

ном использовании они укрепляют как саму власть, так и ее основания. При некомпетентном, волюнтаристском подходе они подтачивают, разрушают власть, способствуя возникновению кризисов и революций [15, с. 39].

Основания и ресурсы вплотную подводят к феномену источника власти, представляющего собой властное первоначало. Он включает в себя силу, богатство, информацию, интерес, традицию. О. Тоффлер отметил, что первые три источника играют главную роль. Каждый из них сообщает власти определенное качество: сила или угроза ее применения способны лишь на грубое принуждение, функционально ограничены и свойственны только власти низшего качества; богатство является источником власти среднего качества, которая может иметь в своем распоряжении как негативные, так и позитивные средства стимулирования; в основе же власти высшего качества, наиболее эффективной, лежит информация. Именно она, считает О. Тоффлер, в силу своих преимуществ – бесконечности, общедоступности, демократичности – подчиняет силу и богатство, становясь определяющим фактором функционирования власти [113].

К сказанному следует добавить, что, по мнению ряда исследователей, сегодня власть, политическая и государственная, предусматривает договоренность об учете интересов тех, кто находится в подчиненном положении. Это связано с тем, что сфера договорных отношений расширяется за счет общественного мнения, средств массовой информации, а также под воздействием международных организаций и групп влияния. В результате власть формируется как система отношений «господство–подчинение» и «руководство–принятие» [90].

По мнению исследователей, не все возможные средства воздействия на объект являются ресурсами власти, поскольку многие из них не контролируются субъектом и недоступны ему. Кроме того, эффективность ресурсов власти существенно варьируется в зависимости от объекта. Некоторые ресурсы, весьма эффективные в отношении одних людей, не оказывают существенного влияния на других [92, с. 76]. Например:

- деньги не могут влиять на тех людей, которые в них не нуждаются;
- оружие не в силах заставить подчиняться тех, кто не дорожит своей жизнью;
- легальная позиция может и не оказать воздействия на лиц, не привыкших к соблюдению правовых норм;
- богатство, орудия принуждения, должностные полномочия окажутся бессильными при попытке осуществить власть над религиозным фанатиком.

Поэтому в политическом анализе важно не смешивать всю совокупность средств политического влияния, которые имеются у субъектов политики, и ресурсы, которые могут обеспечить им необходимый результат в отношениях с определенными индивидами, группами или организациями. Значит, вещи становятся ресурсами власти только в отношении определенных объектов.

Ресурсы власти обеспечивают подчинение объекта не в любых ситуациях, а только при наличии определенных условий. Оружие не может стать средством власти, если те, на кого оно направлено, находятся в безопасном месте; земля и другие природные ресурсы и ценности обладают потенциалом подчинения только в том случае, если они не общедоступны. Кроме того, ресурсы власти могут стать основой властного отношения лишь в том случае, если субъект обладает соответ-

ствующими знанием и умением их использовать: богатство обеспечивает победу на выборах только тогда, когда оно рационально неэффективно используется.

Наконец, обязательным условием является мобилизация ресурсов: субъект должен быть готовым применить имеющиеся в его распоряжении ресурсы в нужный момент. Не все ресурсы могут быть использованы немедленно: перед тем как выстрелить, ружье должно быть заряжено. Ресурсы различаются по их «ликвидности» (термин У. Гэмсона [60]): к высоколиквидным относятся те, которые могут быть использованы сразу, без предварительной подготовки, а низколиквидные требуют определенного времени для их мобилизации. Большинство использующихся в политике индивидуальных ресурсов — деньги, репутация, свободное время, персональные качества, умение манипулировать и другое — имеют сравнительно высокий уровень ликвидности, т. е. их легко подготовить к использованию или переориентировать с одного объекта на другой.

И наоборот, коллективные ресурсы — совокупность индивидуальных ресурсов членов группы, численность, солидарность, организация, обладание группой-монополией на специфические знания или профессию и другое — гораздо более разнообразны по своей ликвидности. В силу этого во многих ситуациях небольшие, но хорошо организованные (мобилизованные) группы оказываются более эффективными по сравнению с большими коллективами, ресурсы которых трудно мобилизовать. Мафия, террористические организации, религиозные секты часто навязывают свою волю большим группам людей; в 1917 г. большевистская партия была отнюдь не самой многочисленной в России, однако сумела превзойти своих конкурентов в борьбе за государственную власть.

Но даже полная мобилизация ресурсов не гарантирует возникновения власти, поскольку власть, как уже отмечалось ранее, зависит не только от субъекта, но и от объекта, его ресурсов сопротивления. С этой точки зрения, объяснение власти требует рассмотрения не столько ресурсов субъекта, сколько соотношения ресурсов субъекта и объекта, возможностей сторон использовать их при разрешении конфликтных ситуаций.

13.1.5. Классификация видов власти

13.1.5.1. Спектр классификаций

Способность субъекта обеспечить подчинение объекта принимает разнообразные формы. Классифицировать их можно по разным основаниям:

- по субъекту власти различаются: индивидуальная и коллективная, автократическая (самодержавие), олигархическая (группократия) и самоуправленческая (всех членов группы или организации) власть;
- по сфере проявления — экономическая власть, политическая, государственная, партийная, профсоюзная, армейская, бюрократическая, семейная и т. д.;
- по уровню существования — власть на мегауровне (между обществами и крупными социальными общностями), макроуровне (центральные властные институты общества), мезоуровне (органы власти, подчиненные центральному институтам), микроуровне (межличностные отношения и отношения между небольшими группами людей);

- по последствиям осуществления – деструктивная, продуктивная и интегративная;
- по функциям ее органов – законодательная, судебная и исполнительная власть государства;
- по способам взаимодействия субъекта и объекта власти – демократическая, авторитарная и т. п.;
- в соответствии с ресурсами, на которых она основывается, – на экономическую, социальную, духовно-информационную, принудительную, политическую;
- по источнику подчинения – сила, принуждение, побуждение, убеждение, авторитет, манипуляция и т. д.

Социальная власть весьма сложна по своей структуре. Стоит уточнить основные виды власти. Прежде всего следует различать два ее основных вида: политическую и неполитическую. Первая охватывает государственную (законодательную, исполнительную и судебную), партийную, власть общественно-политических организаций и движений. Вторая включает в себя личную, семейную, общественных организаций, власть неформальных лидеров, объединений, групп.

Социальная власть предполагает распределение положения в социальной структуре, статусов, должностей, льгот и привилегий. Современные государства с помощью социальной политики могут влиять на социальный статус широких слоев населения, обеспечивая тем самым их лояльность и поддержку. Для многих государств сегодня характерно стремление к разделению, насколько это возможно, экономической и социальной властей и к демократизации социальной власти.

Социальная власть предопределяется экономическими отношениями, базисом общества. Однако она не может функционировать помимо воли и сознания людей. Воля есть важнейший элемент социальной власти, без учета которой невозможно понять ее природу и суть отношений властвования. Сказанное обусловлено тем, что власть в действии означает, с одной стороны, передачу (навязывание) властвующим своей воли подвластным, а с другой – подчинение подвластных этой воле. Воля прочно соединяет власть с ее субъектом: власть принадлежит той социальной общности или личности (группе лиц), воля которой в ней воплощена. По мнению исследователей, бессубъектной, т. е. никому не принадлежащей, власти нет и быть не может [94, с. 66].

13.1.5.2. Основная классификация

Политическая власть подразделяется на государственную и общественную. Государственная власть обеспечивается соответствующими политическими институтами (парламент, правительство, судебные органы и т. д.), органами правопорядка (полиция, армия, прокуратура и т. д.), а также юридической базой. Общественная власть формируется партийными структурами, общественными организациями, независимыми средствами массовой информации, общественным мнением.

Экономическая власть – это контроль над экономическими ресурсами, собственностью на различного рода материальные ценности. В обычные, относительно спокойные периоды общественного развития экономическая власть доминирует

над другими видами власти, поскольку экономический контроль — это не просто контроль одной из областей человеческой жизни, никак не связанной с остальными, это контроль над средствами достижения наших целей [119, с. 218].

Духовно-информационная власть — это власть над людьми, осуществляемая с помощью научных знаний и информации. В современном обществе без опоры на знания власть не может быть эффективной. Знания используются как для подготовки правительственных решений, так и для непосредственного воздействия на сознание людей, для обеспечения их лояльности и поддержки правительства. Такое воздействие осуществляется через институты социализации (школы, учреждения, просветительские общества и т. д.), а также с помощью СМИ.

Информационная власть способна служить разным целям: не только распространению объективных сведений о деятельности правительства, положении в обществе, но и *манипуляции* — управлению сознанием и поведением людей вопреки их интересам, а нередко и воле, основанному на специальных методах обмана.

Принудительная власть определяется тем, что она опирается на силовые ресурсы и означает контроль за людьми с помощью физической силы. Принудительная власть нередко отождествляется с властью политической. Безусловно, легальное использование силы в масштабах всего общества является одним из важнейших отличительных признаков политической власти. Однако насилие, физическое принуждение могут использоваться и неполитической властью, например в отношениях между рабовладельцами рабами, между деспотом — главой семьи и ее членами, между главарем и членами преступной группировки и т. д.

Ее сила определяется ожиданием объекта, во-первых, той мерой, в какой субъект способен наказать его за нежелательные для субъекта действия, и, во-вторых, насколько субъект сделает неудовлетворение мотива объекта зависящим от его нежелательного поведения. Принуждение здесь заключается в том, что пространство возможных действий в результате угрозы наказания сужается.

13.1.5.3. Частная классификация

Кроме основополагающих видов власти выделяют ряд частных:

1. *Власть вознаграждающая*. Ее сила определяется ожиданием объекта того, в какой мере субъект будет в состоянии удовлетворить один из мотивов объекта, и насколько субъект поставит это удовлетворение в зависимость от желательного для него поведения объекта.
2. *Нормативная власть*. Речь идет о нормах, согласно которым субъект имеет право контролировать соблюдение определенных правил поведения объекта и в случае необходимости настаивать на них.
3. *Референтная власть*. Она основывается на идентификации объекта с субъектом и желании объекта быть похожим на субъект.
4. *Экспертная власть*. Она зависит от величины приписываемых субъекту со стороны объекта особых знаний, интуиции или навыков, относящихся к сфере того поведения, о котором идет речь.
5. *Информационная власть*. Эта власть имеет место в тех случаях, когда субъект владеет информацией, способной заставить объект увидеть последствия своего поведения в новом свете.

13.1.6. Соотношение властей в обществе

Власть в качестве «*сущности*» означает, во-первых, предположение, что существует некая абстрактная природа власти, а во-вторых, власть может быть представлена как некая вещь или некая сила, владельцем которой является индивид или группа лиц. В такой трактовке власть может обозначать некую энергию, исходящую от личности или заложенную в принципах, принятых сообществом. Управляющие (индивидуальные или коллективные) становятся в этом случае владельцами указанной энергии.

Такая концепция власти сложилась еще на заре человеческой цивилизации. Анализ деяний королей и других царственных особ, власть которых над людьми была, что называется, тотальной, а подчинение ей – безусловным, не составляет труда предположить, что эти правители обладали некими особыми качествами, отличавшими их от простых смертных. Цари и короли оказываются в таком подходе как бы над человеческим сообществом и обладают некими особыми качествами, позволяющими им подчинять других людей.

Как пишет В. В. Желтов, эта, на первый взгляд, убедительная концепция не позволяет объяснить и понять целые периоды исторического развития. Во многих странах не раз бывали ситуации и полосы развития, в которых власть оказывалась беспомощной, неспособной влиять на ход развития событий. Более того, не только обстоятельства, но и люди, еще вчера полностью покорные, выступали в определенных условиях против власти, а иногда и полностью разрушали ее [36]. Проблема заключается в том, что система власти как целостность включает ряд подсистем – политическую, экономическую, военную, правовую, административно-управленческую, воспитательно-образовательную и т. д., внутри которых и между которыми как по горизонтальному, так и по вертикальному срезам устанавливаются определенные, характерные для каждой из них отношения. Более того, в любом обществе постоянно осуществляется конкуренция властей, ее результат и определяет субъекта.

Многие политологи, в том числе марксистской ориентации, считают важнейшей среди них *экономическую власть*, власть собственников средств производства и других общественных богатств. В рыночном обществе, где почти все имеет цену и денежное выражение, подавляющее большинство СМИ принадлежит крупным собственникам. Деньги оказывают сильное влияние на проведение избирательных кампаний и итоги выборов, широко используются для подкупа политиков и избирателей. Концентрация экономической власти у крупных собственников создает опасность установления плутократии – прямого политического правления небольшой группы богачей. В современных западных государствах всевластие крупного капитала сдерживается конкуренцией между собственниками, политическим влиянием многочисленного среднего класса и общественности, демократическим устройством государства.

Политическая власть, испытывая сильное воздействие власти экономической, достаточно самостоятельна и способна превалировать над ней, подчинять ее своим целям. При определенных обстоятельствах доминирующее влияние на общество может оказывать власть *духовно-информационная*. Ее монопольное использование может обеспечить политической группировке победу на выборах и длительное

сохранение своего господства несмотря на неэффективность экономической и социальной политики.

Во взаимодействии различных властей в обществе, по определению В. П. Пугачева, имеет место так называемый *кумулятивный эффект* — усиливающееся накопление власти. Он проявляется в том, что богатство повышает шансы человека на вхождение в политическую элиту и доступ к СМИ и образованию; высокая политическая должность способствует накоплению богатства, доступу к знаниям и информационному влиянию; последние же, в свою очередь, улучшают возможности в занятии лидирующих политических позиций и повышении дохода [98, с. 106].

Слияние политической, экономической, социальной и духовно-информационной властей при командной роли политики наблюдается в тоталитарных государствах. Демократический же строй предполагает разделение, как самих этих властей, так и каждой из них. Это обеспечивается:

- в экономике — наличием множества конкурирующих центров влияния;
- в политике — разделением властей между государством, партиями и группами интересов, а также самой государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную;
- в духовной сфере — плюрализмом СМИ и других источников знания и информации.

Следует иметь в виду не тождественность понятий «политическая власть» и «государственная власть». Государственная власть осуществляется через систему государственных органов. Она располагает монопольным правом издавать законы, обязательные к выполнению всем населением страны, обладает правом на принуждение.

Политическая власть — понятие несколько иного плана. Это политическое господство в обществе какого-либо класса, социально-политической группировки, политической партии или даже одного лица (диктатора), иногда не занимающего никакого высшего государственного поста. Так, в Античное время класс рабовладельцев, в Средние века класс феодалов занимали экономически и политически господствующее положение в обществе, осуществляли политическую диктатуру. Эта диктатура, политическое господство реализовывалось через государственную власть — деятельность органов рабовладельческого, феодального (помещичьего) государства.

Сходным положение бывает при политическом господстве какой-то партии (как правило, при однопартийной системе). Например, многие годы КПСС занимала в СССР господствующее политическое положение. В Конституции СССР (1977 г.) указывалось, что КПСС является ядром политической системы советского общества. Основным Законом государства определял ее положение как главной руководящей политической силы в стране. Свою политическую волю (по сути диктатуру) КПСС осуществляла через советское государство, его власть.

И, наконец, государственная власть может служить средством проведения в жизнь личной диктатуры вождя, политического лидера. Как пишет К. А. Воробьев, И. В. Сталин с начала 1920-х гг. и по 1940 г. не занимал никакого поста в высшем эшелоне государственной власти в СССР, а был руководителем партии. Но в силу обстоятельств он превратился в диктатора и свою политическую власть над страной проводил через государственные органы власти [21].

Таким образом, политическая власть как бы стоит над властью государственной, включает последнюю в себя как средство осуществления политической воли класса, партии, вождя. В таком понимании политическая власть чаще имела место в историческом прошлом: в классово-антагонистическом обществе, в абсолютных монархиях, в революционные периоды жизни той или иной страны. Утвердившаяся сегодня в большинстве государств мира парламентская демократия сокращает возможность политического диктата со стороны каких бы то ни было классов или партий. В этих условиях политическая и государственная формы власти сближаются между собою, хотя и остаются существовать как два общественных явления.

§ 2. ПРИРОДА И СУЩНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Политическая власть – основополагающая категория политологии. Она дает ключ к пониманию сущности и предназначения политической сферы общества. Поэтому столь важно уяснение сущности данной категории, причин необходимости политической власти для любого общества, ее источников и ресурсов, функций, которые она выполняет, понимание роли экономических факторов в становлении и развитии политической власти, знание новых, современных тенденций в ее развитии.

Каждая форма проявления власти заслуживает внимания и изучения. И этим занимаются соответствующие научные дисциплины. Политологию же интересует политическая власть, являющаяся ядром политической системы общества, ее организационным и регулятивно-контрольным началом. Она определяет все другие институты и отношения в самой политической системе общества. Прямо или косвенно политическая власть воздействует на развитие всех других общественных систем – экономической, социальной, духовной и др.

13.2.1. Политическая власть и ее исторические формы

Будучи социальной по своей сущности, власть проходит вместе с обществом сложный путь изменений, прежде всего изменения ее форм. В соответствии с типологией М. Дюверже [33], в примитивных обществах власть была *анонимной*, «распыленной» среди членов рода, племени. Она проявлялась в совокупности верований и обычаев, которые жестко регламентировали индивидуальное поведение. Однако, строго говоря, власть не имела политического характера, она была духовно-информационной. Усложнение социальных потребностей и появление новых видов деятельности для их удовлетворения заметно подняли интенсивность взаимодействий индивидов. Это потребовало концентрации некогда распыленной власти в руках вождей, групп для эффективного реагирования на возникающие проблемы. Таким образом, анонимная форма власти уступила место *индивидуализированной*.

Однако процесс нарастания социального неравенства обнаружил слабость индивидуализированной власти как средства разрешения глубоких социальных конфликтов. Поэтому началась *институционализация* власти, т. е. она стала опираться в своей деятельности на специальные институты, осуществляющие такие функции, как выражение общих интересов, управление, обеспечение социального мира и

порядка и др. В результате власть приобрела политический характер и выразилась в деятельности государства, партий и других организаций.

Первые две исторические формы власти являются догосударственными (постарными) и носят неполитический характер. Третья форма власти, называемая иногда государственно-публичной, и четвертая, надгосударственная, являются собственно политической властью.

С момента образования государства, т. е. в течение последних 5 тыс. лет, власть существует и в своей *политической, публичной* форме. Причем начальные, патриархальные (традиционные) формы политической власти серьезно отличались от ее современных форм. В частности, в политическом пространстве того времени отсутствовали какие-либо посредники между населением и государственными структурами, институт разделения властей или какие-либо иные элементы организации сложной межгрупповой конкуренции. По сути дела власть, механизмы принуждения в значительной мере основывались на примитивных отношениях «дарообмена» (М. Мосс [75]), кумовства, протекционизма и других аналогичных связей, которые и заложили традиции взяточничества и коррупции в развитии государства.

Автор поддерживает точку зрения А. И. Соловьева, что в настоящее время в обществе складываются формы *надгосударственной* политической власти, сосуществующие с аналогичными способами регулирования социальных отношений отдельными (национальными) государствами. Так, ООН формирует всемирную систему международных, а Евросоюз – региональную систему властных отношений, в рамках которых отдельные государства несут определенную ответственность за соблюдение ими прав человека, выполнение межгосударственных договоренностей, за охрану природы и т. д. Их соответствующие институты – Совет Безопасности и Европарламент – контролируют исполнение отдельными государствами и частными организациями обязательных для них решений, применяя для этого систему конкретных мер воздействия: от торговых санкций и приостановки членства в международных организациях до экономической блокады и проведения военных акций в отношении отдельных государств [109, с. 681].

13.2.2. Определения и отличительные черты политической власти

13.2.2.1. Определения политической власти

Определение понятия «политическая власть» имеет большое значение для понимания политики, политических отношений, политических учреждений, институтов, организаций, политического процесса и т. д. Как и большинство других понятий политической науки, понятие политической власти остается дискуссионным и его интерпретация в значительной степени зависит от понимания базовых категорий политики и власти. Политологи дают разные толкования политической власти. Многие исследователи (Г. Лассуэлл [57], Р. Даль [31], Т. Парсонс [84], Х. Арендт [2] и др.) определяют политику как сферу власти. В соответствии с этим любая власть является политической по определению, а термины «власть» и «политическая власть» оказываются тождественными.

Однако при таком понимании политики фактически размываются границы между политикой и другими сферами общественной жизни. Поэтому представляется целесообразным ограничить политическую сферу властными отношениями, осуществляемыми на уровне общества или крупных социальных общностей, и оказывающими существенное воздействие на положение больших групп людей. Именно эти виды власти являются объектом политического исследования и обозначаются понятием «политическая власть».

К понятию «политическая власть», конечно, применимы общие, приведенные выше определения власти как таковой, как широкого понятия, имеющего многочисленные формы проявления. Политическая власть, как и любая другая власть, означает способность и право одних осуществлять свою волю в отношении других, повелевать и управлять другими и в том числе способность субъекта обеспечить подчинение объекта в сфере политики.

А. Г. Грязнова характеризует политическую власть как способность и возможность тех, кто ею обладает, проводить свою волю в руководстве и управлении всем обществом (государством), оказывать определяющее воздействие на поведение народных масс с помощью средств, находящихся в распоряжении государства, мобилизовывать на достижение поставленных целей и программ большие массы людей, регулировать отношения между отдельными группами людей (в том числе ради стабильности и общественного согласия) [28, с. 67].

Поскольку политика длительное время определялась через понятие «государство», под политической властью обычно понимается способность государства и его структурных подразделений осуществлять контроль над определенной территорией на основе правовых норм. Однако кроме государственной власти в сфере политики есть и другие формы властных отношений, также оказывающие существенное влияние на жизнедеятельность больших групп людей. Поэтому сведение политической власти к власти государственной ведет к недооценке роли негосударственных структур политической власти (партии, группы давления, церковь, и др.), системы разделения властей, сдержек и противовесов в механизме функционирования государства и отношений между различными элементами политической системы. Поэтому представляется более рациональным использовать понятие «политическая власть» не для обозначения какой-то единой политической структуры (государства), осуществляющей контроль над людьми, а рассматривать в качестве достаточно широкого понятия, охватывающего все формы властных отношений в сфере политики.

Ряд отечественных исследователей, исходя из того, что в политической сфере главным субъектом власти является группа, определяют *политическую власть как систему институционально (нормативно) закрепленных социальных отношений, сложившихся на основе реального доминирования определенной группы в использовании ею прерогатив государства для распределения разнообразных общественных ресурсов в интересах и по воле своих членов* [92, с. 81].

Другие исследователи под политической властью понимают управление общественными делами. Третьи определяют политическую власть как принуждение. Четвертые исследователи подчеркивают, что политическая власть — это способность класса, социального слоя, партии и т. д. осуществлять свою волю по отношению к другим лицам и их общностям. Пятые ученые политическую власть сводят

лишь к способности и возможности оказывать воздействие на поведение и деятельность людей.

В частности, А. П. Плешаков определяет политическую власть как реальную способность данного класса, социальной группы, индивида проводить свою волю в политике посредством идеологических, экономических, организационно-правовых и других методов [86].

13.2.2.2. Отличительные свойства и черты политической власти

Как относительно самостоятельное и качественно определенное явление политическая власть обладает целым набором присущих ей свойств и особенностей. Политологи в обязательном порядке характеризуют политическую власть как квинтэссенцию политики. Автору наиболее удачной представляется концепция выдающегося отечественного исследователя А. И. Соловьева [109]. Он выделяет ряд *универсальных* черт, объединяющих политическую власть с другими разновидностями социальной власти — экономической, нравственной, правовой, информационной и др., а также *специфические* черты, присущие исключительно ей как собственно политическому явлению.

Среди универсальных, базовых, первичных свойств политической власти он, прежде всего, отмечает свойство *асимметричности*, которое не просто характеризует доминирование воли властителя и неравенство его статуса со статусами подвластных ему, но и отражает качественные различия их возможностей, ресурсов, прав, полномочий и других параметров жизнедеятельности. По сути дела это свойство показывает, что в политике борьба за обладание властью и удержание ее мотивируется не столько соображениями престижа, идеями, ценностями и другими идеальными сущностями, сколько стремлением конкретных людей к обладанию необходимыми им ресурсами и правами, которые расширяют их социальные возможности.

Такая изначальная несбалансированность отношений доминирования-подчинения превращает политическую власть во внутренне неравновесное явление. В этом смысле политическая власть обладает свойством *инверсионности*, которое свидетельствует о том, что положение властвующих постоянно подрывается активностью подвластных, в результате чего их статусы могут динамично изменяться и даже превращаться в противоположные. Это значит, что при сопротивлении подвластных более интенсивно, нежели влияние властвующих, субъект и объект власти могут поменяться местами.

Эта постоянно существующая возможность обратимости власти показывает, что властное взаимодействие имеет *комбинированный* характер, т. е. власть формируется на пересечении усилий, воле не только доминирующей, но и подчиненной стороны. Отношения властвующих и подвластных простираются в широком диапазоне: от ожесточенного сопротивления и готовности умереть, но не сдаться на милость победителя, до добровольного, с радостью воспринимаемого повиновения. Однако при всем том власть всегда представляет собой некое среднеарифметическое сочетание влияния субъекта и силы сопротивления объекта власти.

Принципиально важным свойством власти является и ее *ресурсность*. В самом общем виде ресурс — это определенное основание власти или все те средства, которые позволяют субъекту добиться доминирования. В качестве таких ресурсов

могут выступать знания и информация, материальные ценности (деньги, земля, техника и др.), утилитарные средства (социальные блага, используемые для обеспечения текущих нужд человека), правовые нормы и законы (предполагающие судебные санкции, меры административного характера и т. п.), организационные, принудительные средства (военная и физическая силы или угроза их применения), территориальные (определенные территории, находящиеся в распоряжении субъекта власти), демографические (люди с их определенными качествами) средства и др.

В зависимости от характера политической системы или сложившейся ситуации те или иные ресурсы становятся либо эффективными, либо дисфункциональными. Например, сегодня в демократических государствах одной только силой невозможно заставить население подчиняться власти или, скажем, государству, располагающему большими территориями, решить в свою пользу конфликт с соседней страной, обладающей значительным экономическим превосходством. Американский футуролог О. Тоффлер [113] предсказывает, что в начале XXI в. важнейшим ресурсом станет информация. Она приведет к «смещению власти», которое предопределяет формирование «мозаичной демократии», где главным субъектом будет «свободный и автономный индивид».

Универсальность политической власти выражается и в том, что она охватывает всю совокупность социальных отношений во имя достижения общего блага как некоего оптимума интересов всего общества, которые далеко не всегда совпадают с личными интересами граждан и разнообразными коллективными ожиданиями.

Власть обладает также свойством *кумулятивности*, означающим, что в сфере властных отношений любой субъект ориентируется прежде всего на собственные интересы (а не на потребности партнера), пытаясь расширить зону собственного влияния и контроля. Это доказывает не только остроту и конфликтность властных отношений, но и то, что изнутри, т. е. со стороны действующего субъекта (и при условии неизменности его устремлений), власть, по существу, не имеет никаких ограничений. Поэтому она стремится к постоянному расширению зоны своего распространения, к тому, чтобы вовлечь в отношения господства/подчинения все имеющиеся в политике субъекты и связи.

С сугубо практической точки зрения признание такого рода свойства показывает, что властные претензии и амбиции тех или иных лиц (групп) можно предотвратить только извне. Иначе говоря, власти может быть поставлен предел только с внешней стороны – со стороны объекта. Вот почему, например, гражданам, голосящим за очаровавшего их претендента на какой-либо государственный пост, следует больше рассчитывать не на достоинства лидера, а на создание системы сдержек и противовесов, способных контролировать, а в известных случаях и предотвращать его действия, направленные на превышение данных ему полномочий.

Власть обладает и *конструирующими* способностями. Иными словами, она является источником (если не всех, то большинства) социальных преобразований, осознанного проектирования и корректировки общественных отношений. В этом смысле власть является не просто регулятором, но и конструктором социальности, средством преобразования социального (политического) пространства.

В этом понятии выражается идея организованности общественной жизни, упорядоченности социального действия и даже всей социальной системы. Поня-

тие социального порядка содержит ряд логически взаимосвязанных оттенков своего значения: мысль о неслучайности социального поведения индивида, о существовании взаимности, согласованности, дополнительности и, следовательно, предсказуемости в действиях людей (они могут действовать социально, только если в какой-нибудь мере знают, чего ожидать друг от друга). Кроме того, в понятии социального порядка содержится представление об устойчивости и исторической деятельности форм общественной жизни, о существовании ограничения насилия в ней и др.

Специфические свойства политической власти раскрывают, по его мнению, ее особое измерение. В этом смысле прежде всего следует принять во внимание, что политическая власть формируется в условиях конкуренции *групповых* субъектов. Правда, сторонники постструктуралистских подходов полагают, что нет принципиальных различий между тем, как взаимодействуют индивиды, и тем, как взаимодействуют группы (М. Фуко [117]). Однако вряд ли это положение можно признать правомерным, учитывая, что группы не могут, как отдельные личности, непосредственно осуществлять свое политическое господство или, так же как они, конкурировать друг с другом.

Группа не может стать участником конкуренции за власть, если не сумеет организовать систему представительства интересов принадлежащих к ней граждан. Ее доминирование неразрывно связано с созданием определенных структур и институтов, с формированием известной системы законов, норм и правил действий, предъявляемых обществу. При этом в структуре группового субъекта выделяются лица, которые интерпретируют социально значимые категории (например, «интересы народа»), публично озвучивают их, формулируют оценки явлений и отношений, обеспечивают выбор необходимых средств политической борьбы, одним словом, выступают от имени группы.

В целом же доминирование группы выражается в создании системы отношений, закрепленных соответствующими структурами и институтами. Они в совокупности являются для отдельного человека той объективно сложившейся системой власти, которая господствует над ним. Таким образом, политическое властвование группы неизбежно приобретает форму надперсонального давления, за которой с трудом удастся различить интересы реально доминирующего субъекта. Поэтому данное свойство политической власти характеризует определенное отстранение системы установленного господства от конкретного группового субъекта, внешний «отрыв» нормативной системы от ее творцов, что создает трудности для установления конкретных властвующих сил.

Политическая власть есть система отношений, которые формируются на основе претензий групповых сообществ на полномочия самого мощного социального института — *государства*. В этом смысле у различных групп (представляющих их интересы партий, движений, групп давления, политических объединений) может хватить собственных возможностей на контроль за высшими органами государственного управления (например, в форме политического господства) или за его отдельными (центральными, региональными или же местными) структурами, распоряжающимися частичными (материальными, информационными, организационными и др.) ресурсами. В результате в обществе выстраиваются многомерные иерархии властных политических отношений, которые особенно усложняются в

рамках переходных процессов, способствующих появлению различных центров влияния и власти.

Именно государство придает политической власти легальность использования силы на определенной территории, придает ей публичный и всеобщий характер, давая возможность победившим группам выступать от лица всего общества. Государство олицетворяет моноцентричность политической власти, т. е. наличие того центра принятия решений, который формирует цели для всего населения.

Однако политическая власть ни в коем случае не тождественна государственной власти, которая представляет собой пусть самую мощную, но, тем не менее, лишь одну из ее форм. Дело в том, что не все действия государства и не все принимаемые на государственном уровне решения могут иметь политический характер. Существуют и другие формы политической власти, например партийная власть, фиксирующая доминирование партийного аппарата и лидеров над членами партии, и т. д.

Политическая власть обладает также свойством *полноресурсности*, которое свидетельствует о том, что политические структуры, и прежде всего государство, обладают доступом практически ко всем ресурсам, имеющимся в распоряжении общества. Так, государство может использовать не только экономическое стимулирование, например, с целью создания нетипичных для традиционного общества рыночных отношений, но и силу принуждения, информационного давления и иные способы поддержки собственных решений.

Политическая власть обладает также дополнительным источником социальной *энергетики*, заложенным в амбициозных устремлениях элитарных кругов. Как показывает практика, им органически присуще врожденное, всепоглощающее человека стремление к власти, «властический инстинкт» (М. Бакунин [5, с. 29]), который присутствует у этой группы лиц. То, в чем нельзя обвинить всех людей и социальную власть в целом, а именно в съедающем желании властвовать, в полной мере применимо к ее политической сфере. Если, например, в каком-нибудь коллективе властью может обладать вполне случайный человек, волею случая поставленный на место лидера, то в политике функции политической элиты (может быть, за исключением известной доли чиновников, по долгу службы исполняющих ряд высших функций государственного управления), как правило, исполняют люди, желающие и добивающиеся власти. Политическая история изобилует примерами того, как эгоизм, амбиции, неумное честолюбие лидеров становились причинами крупных политических событий, оказавших влияние на историю целых государств и народов.

Принципиальное значение для атрибутивной характеристики политической власти имеет и *идеология*. Она, по сути, символизирует роль всех информационно-духовных компонентов политической власти, превращая все используемые в ней идейные соображения, эмоциональные реакции, героизацию или циничную конъюнктуру в форму систематического обоснования того или иного способа принуждения. Таким образом, символизируя свободный выбор человека, идеология превращает власть и политику во внутренне непредопределенные явления, в тот способ действий субъектов, который не запрограммирован их статусами, оставляя место и полету фантазии, и сугубо человеческой алогичности действий.

В целом значение идеологического компонента власти двойное: с одной стороны, ее наличие придает позициям и целям участвующих в борьбе за власть групп

целенаправленный и идейно концептуализированный характер. Разрозненные потребности собираются в единую качественно определенную систему требований, а отдельные цели освящаются наиболее общими перспективами политического движения. Таким образом, идеология идейно обосновывает цели и характер принуждения, которое применяется для достижения тех или иных групповых целей.

С другой стороны, сама политическая власть используется для того, чтобы обеспечить тем или иным идеологическим воззрениям, созданной той или иной группой системе политического мировосприятия наибольшее распространение в обществе. Тем самым идеология выступает и как средство расширения властных прерогатив группы, и как самоцель применения власти в политике.

Политическая власть как общественное явление имеет ряд иных специфических «измерений»:

- верховенство, обязательность ее решений для всего общества и, соответственно, для всех других видов власти;
- публичность, т. е. всеобщность и безличность, что значит — обращение ко всем гражданам от имени всего общества с помощью права (закона);
- легальность в использовании силы и других средств властвования в пределах страны;
- моноцентричность, т. е. наличие единого центра принятия решений (в отличие, например, от власти экономической);
- широчайший спектр используемых ресурсов и средств для завоевания, удержания и реализации власти;
- выражение через функционирование определенных институтов (государственных, общественных);
- обусловленность деятельностью лидеров, элит, масс (т. е. проявляется в действиях) и др.

Этими чертами вовсе не исчерпывается характеристика политической власти как социального феномена, но они в достаточной мере дают представление об основных подходах, существующих в современной политической науке.

13.2.3. Свойства политической власти

Характеристики политической власти в известной степени дают представление о ней как о статичном явлении. На самом деле политическая власть — один из наиболее изменчивых компонентов политического процесса. Обладая одними и теми же чертами, субъект политической власти действует в новой ситуации совершенно иным способом. Это обусловлено природой политической власти, которая познается исследователем через ее свойства, проявленные в конкретной исторической ситуации.

Политическая власть — это власть социальной общности, определяющей в конечном счете в противоборстве с другими силами направление развития страны. Носители политической власти либо стремятся к обладанию, либо обладают государственной властью. Политическая власть очень тесно связана с государственной. Ведь чтобы реализовать свою волю, носитель политической власти должен иметь доступ к рычагам государственной власти. Но если всякая государственная

власть является политической, то не всякая политическая власть является государственной. Например, власть лидера политической партии, не занимающего никаких постов в официальных структурах государства. Это партийная власть (одна из разновидностей политической).

Мир политический отличный от других сегментов социума изменяет и природу господства и подчинения, доводя их до абсолютных проявлений. Субъект и объект политической власти олицетворяют собой крайние полюса, активные начала структуры власти. Само деление людей на субъектов и объектов, начальников и подчиненных во многом относительно, условно и изменчиво: в одном отношении человек выступает начальником, в другом — подчиненным, причем со временем индивиды могут поменяться ролями. Применительно к политической власти взаимодействие ее агентов опосредуется целым комплексом средств или ресурсов и осуществляется в рамках специального институционального механизма, стабилизирующего и регулирующего процесс властвования.

Субъекты политической власти имеют сложный, многоуровневый характер. Ее первичными акторами являются индивиды и социальные группы, вторичными — политические организации, субъектами наиболее высокого уровня, непосредственно представляющими во властных отношениях различные группы и организации, — политические элиты и лидеры. Связь между этими уровнями может нарушаться. Так, например, лидеры нередко отрываются от масс и даже от собственных партий.

Западные политологи выделяют три побудительные причины политической деятельности обладателей власти: желание властвовать; желание делать добро другим и стремление приобщиться к священности, свойственной политической власти.

Желание властвовать помимо материальных и идеологических мотивов, порождается стремлением политических деятелей добиться доверия граждан и даже их восхищения собой. Доверие политическому руководителю является важным условием успеха в решении проблем развития страны. Однако избыток доверия политическому руководству может иметь и негативные последствия, например, способствовать произволу власти и формированию культа личности.

Желание делать добро другим является «альтруистическим» выражением желания властвовать. Альтруизм руководителей чаще всего обращен к детям, ветеранам, женщинам и другим, особенно социально незащищенным социальным группам. В нем заложен политический интерес: расширить социальную базу своей политической поддержки. Ни один обладатель власти не может править без наличия пусть минимальной, но достаточной в данных конкретных условиях поддержки со стороны населения. Тем более что власть всегда стремится оправдывать свои политические действия ссылками на общее благо.

Политическая власть, в общественном представлении, не лишена элементов *священности*. Поле власти является недоступным для подавляющего большинства граждан. С властью связаны многие мистические представления. Неудивительно, что для определенной части граждан в любом государстве смысл их жизнедеятельности определяется стремлением приобщиться к в чем-то священному полю власти.

Следовательно, и с точки зрения качеств, которыми обладают (должны обладать) те, кто занят управлением, и с точки зрения мотивов их деятельности политическая власть — весьма специфический феномен, при помощи которого можно

реализовать на деле общее благо, а также удовлетворять личные амбиции обладателей власти. Верно и другое. В зависимости от характера отношений «командование—подчинение» цена достижения общего блага для общества может быть различной.

Поэтому реакция объекта политической власти также специфична. В. В. Желтов делит мотивы политического подчинения на ценностные, заинтересованные и принудительные [36, с. 333].

Ценностная мотивация подчинения предполагает действия, совершаемые по внутреннему убеждению, из чувства долга, на основе веры в справедливость принимаемых решений. Добровольное подчинение политической власти определяется положительным отношением граждан к тем или иным аспектам ее деятельности. Характерной особенностью ценностной мотивации является ее безвозмездность. Она, как правило, не связана с ожиданием улучшения материального положения людей, получения выгод, привилегий.

Заинтересованный тип подчинения основан на получении от власти благ, выгод и привилегий. Его оборотной стороной является покорность граждан, конформизм. Этот тип подчинения играет важную роль в политической жизни общества, поскольку правящие круги стремятся обеспечить (купить) наиболее приемлемое для себя поведение населения и электората.

Принудительные мотивы подчинения — это осторожность, уступчивость, покорность, страх, вызываемые запретами, наказаниями, применением силы. Принудительная ориентация представляет собой репрессивное сознание, порождаемое необходимостью подчиняться политической власти в связи с возможными негативными санкциями.

Власть исходит из практического умения субъекта реализовывать свой потенциал. Поэтому сущность власти неразрывно связывается с *волей субъекта*, способствующей перенесению намерений из сферы сознания в область практики, и его *силой*, обеспечивающей необходимое для доминирования навязывание своих позиций или подчинение. И сила, и воля субъекта в равной мере являются ее неизменными атрибутами.

Поэтому, даже заняв выгодную позицию, субъект должен *уметь* использовать свой шанс, реализовать новые возможности. Таким образом, политическая власть как относительно устойчивое в социальном плане явление обязательно предполагает наличие субъекта, наделенного не формальными статусными прерогативами, а умениями и реальными способностями к установлению и поддержанию отношений своего властного доминирования (со стороны партии, лобби, корпорации и др.) в условиях непрерывной конкуренции.

В зависимости от того, насколько эффективны применяемые субъектом средства поддержания своего доминирования, его власть может сохраниться, усиливаться или, уравнившись активностью другой стороны, достичь равновесия взаимных влияний (состояние безвластия). Достижение такого баланса сил (эквилибр) будет стимулировать к тому, чтобы заново ставить вопрос либо о переходе сторон к формам сотрудничества, кооперации, либо о вовлечении их в новый виток конкуренции для завоевания новых позиций доминирования.

Чтобы удержание власти было длительным и стабильным, доминирующая сторона, как правило, пытается *институционализировать* свою позицию доминирова-

ния и превосходства, превратить ее в систему господства. Как самостоятельное и устойчивое политическое явление власть есть система взаимосвязанных и (частично или полностью) институционализированных связей и отношений, ролевых структур, функций и стилей поведения. Поэтому она не может отождествляться ни с отдельными институтами (государством), ни с конкретными средствами (насилием), ни с определенными действиями доминирующего субъекта (руководством).

Политическая власть пронизывает всю толщу социальных отношений, внося в них, изменяя их, переориентируя в том направлении, в котором они в силу своего внутреннего развития никогда бы не стали развиваться. Но и сама зачастую микрирует, приобретая форму совсем не политических отношений.

Использование формы родительских отношений — одно из классических проявлений политической власти. Большинство, если не все, государства и народы в своем политическом развитии имели целые исторические периоды, когда политические отношения в обществе строились по образу и подобию отношений родителей с детьми. Рудименты такого типа отношений сохраняются и в современных демократических обществах. Это выражается, например, в существовании королевской власти в Великобритании, Голландии, Испании, Дании, Швеции и ряде других стран. Но и в тех странах, где утвердилось господство республиканских институтов, патерналистские отношения могут сохраняться в форме идеологии.

Патерналистский характер на протяжении ряда десятилетий отличал политическую власть в нашей стране. Это нашло свое выражение, в частности, в формуле «отец народов», как еще при жизни называли И. В. Сталина. Такой же характер имела политическая власть в нацистской Германии.

Политическая власть, конечно, не сводится до уровня отношений родителей с детьми. И *патернализм* представляет, по сути, *доктрину и деятельность с позиций «отеческой заботы» по отношению к слоям и группам, наименее защищенным в социальном и экономическом отношении*. Такие слои есть в любом обществе, а значит, и есть почва для политических отношений патерналистского типа.

История человечества полна примеров взаимодействия политической и религиозной власти. Политические руководители всегда стремятся укрепить свою власть с помощью религии: вера умножает силу господства мирской власти, если оказывает последней активную поддержку.

Ранняя история человечества с точки зрения политической организации общества характеризуется тем, что политическая власть «захватывала» религиозную. Обладатель политической власти либо обожествлялся, как это имело место в Египте и Персии, либо признавался сыном Бога (Вавилон), либо в божественном свете представлялись политические институты, как это было в Древней Греции и Древнем Риме. В наши дни не найдется, пожалуй, ни одного президента или другого ранга политического руководителя, кто бы ни пытался предстать в глазах избирателей глубоко верующим человеком. Католицизм сыграл заметную роль в крушении мировой социалистической системы, в частности в победе «Солидарности» в Польше. Опора на веру — одна из особенностей действий политической власти в России в последнее десятилетие.

В то же время имеют место и обратные процессы. В определенных ситуациях сами религиозные лидеры не прочь расширить религиозное господство за счет

«захвата» политической власти. Наглядный пример тому – Иран и Афганистан, где утвердилось безраздельное политическое господство религиозных деятелей. Подобные процессы дали о себе знать и на пространствах бывшего СССР. Обострение ситуации в Таджикистане в начале 90-х гг. прошлого столетия было связано с тем, что сторонники мусульманского фундаментализма ставили задачей утверждение религиозной власти в качестве власти политической. И это далеко не сразу было осознано политическими руководителями России.

Традиционна в науке и общественном мнении проблема взаимоотношения политической и экономической власти. В недавнем прошлом в нашей стране исповедовалось убеждение в том, что экономика определяет содержание и результирующий вектор политики. И значит, политическая власть обслуживает интересы экономически господствующего класса и является инструментом этого господствующего класса. Такое инструментальное видение власти особенно присуще марксизму в его догматической интерпретации.

Нынешние взгляды на соотношение политической и экономической властей, безусловно, лишены упрощенческой односторонности прежних лет. Несомненно, политическая власть не может не считаться с интересами правящих в обществе сил, но она обладает относительной самостоятельностью и способностью принимать решения, отвечающие интересам всего общества в целом.

13.2.4. Социально-политическое влияние и соотношение его способов

Общество не представляет собой некоего механического соединения институтов и отношений, это форма самоорганизации людей, где единство не навязано извне, а дано как бы изнутри. С данной точки зрения немаловажное значение имеет тот факт, что помимо насилия власть имеет своим основанием целый ряд других источников. Поэтому и политическая, и государственная власть никогда не может быть всепоглощающей властью. Рядом с ними и в противовес им существует множество организаций, объединений, институтов гражданского общества, таких как церковь, семья, образование, бизнес, общественное мнение, СМИ, профсоюзы и заинтересованные группы.

Наряду с видимой стороной властеотношений – зримой активностью государственных институтов, существует воздействие субъектов, непосредственно не располагающих властью, но держащих в своих руках нити управления. По этому поводу Б. Рассел в своей широко известной книге «Власть» писал: «В любой большой организации, где лидер обладает значительной властью, находятся менее заметные люди (мужчины и женщины), которые имеют силу влияния на лидеров посредством личных методов».

По мнению некоторых авторов, влияние – наиболее всеохватывающее явление, поскольку включает все формы убеждения, давления, принуждения и т. д. Переплетение власти и влияния можно представить и через такую формулу – влияние расплавлено во власти, имея свою собственную природу. «Власть» и «влияние» – хотя и близкие, но отнюдь не тождественные понятия. Можно сказать, что всякая власть, осуществляемая в обществе, предполагает влияние. Но не всякое влияние,

оказываемое одним индивидом или одной группой на другого индивида или другие группы, рассматривается как власть в строгом смысле этого слова [90].

В определенном смысле политическую власть и социально-политическое влияние невозможно отличить друг от друга, поскольку власть представляет собой определенную форму влияния, а влияние в свою очередь – это просто проявление причинно-следственных отношений. При этом власть отличается от просто влияния тем, что она опирается на санкции. Как отмечали Г. Лассуэлл [57] и А. Каплан [111, с. 16], «именно угроза применения санкций отграничивает власть от влияния вообще». Иначе говоря, власть может использовать физические санкции или угрозу физических санкций в случае неподчинения повелению или приказу. Влияние же предполагает, что то или иное лицо может модифицировать свое поведение или образ жизни, полагая, что его интересы лучше могут быть реализованы, если следовать образу жизни, поведения или просто совету другого лица.

Воздействие же, как проводник влияния, намного тоньше власти. Оно выступает в виде просьбы, внушения, обещания, угрозы (шантаж). Речь идет об убеждении – активном воздействии на волю и сознание человека идейно-нравственными средствами. Механизм убеждения включает совокупность идеологических, социально-психологических средств и форм воздействия на индивидуальное и групповое сознание. В результате убеждения формируются определенные установки, которые воплощаются в поведении людей.

Если власть политическая и государственная имеет общественно опосредованный характер, то влияние, наоборот, является носителем лично-непосредственного характера. Влияние, в отличие от власти, имеет, как правило, нелегальный характер, но основывается на доверительных отношениях между субъектом и объектом. Часто оно покоится на моральных принципах, обусловленных авторитетом и связанным с ним уважением к объекту влияния. К этому следует добавить, что влияние является свойством и результатом общения людей, находящихся на одном иерархическом уровне.

Социально-политическое влияние – многогранное явление. Оно предстает как воздействие тех или иных субъектов на органы государственной власти или на представителей этих органов. Это воздействие может осуществляться на все ветви власти. Не только на исполнительную, но и на законодательную или судебную. Влияние может осуществляться самими органами власти (например, глава государства в парламентных системах). Монарх или президент в этом случае, не имея реальной государственной власти, может располагать большим моральным авторитетом в стране, и носители властных полномочий вынуждены с ним считаться. Как правило, влияние выполняет функцию корректировки действий государственной власти. Его могут оказывать субъекты экономической, политической, социальной и социокультурной сфер. Данное воздействие может быть открытым и скрытым, прямым и опосредованным, организованным и стихийным.

Влияние оказывается не только на государственную власть, но и на политический процесс, который может быть представлен как смена различных политических ситуаций, через которые проходят в своем движении политическая власть, ее отдельные институты и другие компоненты. Можно утверждать, что политическая власть движется от ситуации к ситуации, а ситуация – элементарный «шаг» процесса развития политической власти.

Являясь весьма существенным элементом политического процесса, влияние, по мнению ряда исследователей, само представляет собой процесс. Ведь субъект влияния никогда не оказывает разового воздействия. Он предпринимает ряд действий, которые разворачиваются поэтапно во времени и пространстве. Именно рассмотрение социально-политического влияния как процесса позволяет вскрыть его сущность. Под сущностью любого явления в науке принято понимать совокупность внутренних устойчивых связей, свойств, отношений, составляющих его основу и определяющих все остальные внешние свойства, признаки и любые проявления явления [90].

Влияние как процесс имеет свои формы, механизмы и закономерности. В целом это способность политически действующего субъекта (индивидуального или коллективного) желательным для него самого образом воздействовать на поведение и деятельность других. Тайное или явное влияние может вызвать изменения (или воспрепятствовать нежелательным изменениям) в склонностях, мнениях, установках и убеждениях, а также непосредственно в поведении и деятельности.

В целом борьба за влияние на власть – это бескомпромиссное и жесткое соперничество. Оно может быть относительно безобидным, а может приобретать определенный драматизм в случаях столкновения социальных групп (сословий, элит) или социальных институтов и организаций (силовых структур, банков, политических партий и теневых группировок).

Государственная власть структурно – это государственно-организованная система чиновников, армии, администрации, судей и других лиц, обеспечивающих выполнение общесоциальных функций, защищающих соответствующие общие и групповые интересы. Все они субъекты власти и объекты влияния. Не менее многообразны и субъекты влияния. Представляется возможным подразделить их на плюральные и индивидуальные. В соответствии с социологическим пониманием под плюральными субъектами влияния подразумеваются социальные группы (большие и малые), социальные институты и социальные организации. Индивидуальные субъекты влияния – это физические лица облеченные и не облеченные властью.

Способность действующих лиц влиять на других зависит от ряда факторов:

- от политических возможностей, имеющихся в их распоряжении;
- от характера и степени самого влияния;
- от того, в какой области функционируют те, кто является объектом усилий по оказанию влияния;
- от конкурирующих попыток других действующих лиц влиять на тех же субъектов;
- от той степени повиновения, какой хотят добиться.

Следует отметить, что максимальная способность действующего лица изменять поведение других редко используется в полном объеме ввиду тех издержек, какие ему, будь это индивид или корпорация, скорее всего, принесет реализация всех его возможностей.

Как и у власти, у влияния также просматриваются те же четыре уровня: *макроуровень, мезоуровень, микроуровень и мегауровень*.

На каждом из названных уровней действуют две формы влияния: легально-функциональная, представленная в виде формализованных структур, и нелегально-

ная (неформальная) – это воздействие влиятельных лиц, группировок, приближенных к властвующим субъектам.

Отношения же влияния на микроуровне проникают во все общественные структуры и взаимодействуют с неполитическими видами власти: семейной, групповой. Здесь формируется социально-политическая среда, от которой зависят властеотношения на всех уровнях.

Дальнейший анализ социально-политического влияния требует рассмотрения его признаков, ресурсов и средств.

Если говорить о признаках, то следует в первую очередь подчеркнуть, что влияние – это психологическое явление, существующее в сфере восприятий и переживаний личности и зависящее от сложных, формируемых не только под воздействием общества, его экономики и культуры, но и под воздействием всего уклада жизни черт личности людей.

Если политическая власть осуществляется на уровне отношений между большими социальными группами и сообществами, государственными и общественными организациями, то социально-политическое влияние реализуется в сфере индивидуальных и межличностных отношений.

Политическая власть как общественное отношение в сущности своей содержит противоречие между субъектом и объектом властвований. Применительно к социально-политическому влиянию можно сказать, что такого противоречия в идеале не должно быть. Влияние – это потенциал, возможность, осуществляемая во взаимоотношении субъекта и объекта и зависящая от источников, ресурсов и средств. Если политическая власть производна от социальной структуры, то при ее анализе необходимо иметь в виду, что за волевыми действиями людей всегда стоят объективные потребности и интересы. Этого нельзя сказать о влиянии. В целом ряде случаев оно очень субъективно и часто преследует корыстные интересы.

В более узком смысле к характерным признакам влияния следует отнести:

- возможность воздействия на волю субъекта власти;
- наличие определенного набора средств, позволяющего осуществлять воздействие на субъект власти (а в ряде случаев и его объект);
- наличие ряда преимуществ в общении с субъектами власти.

Если же говорить об источниках влияния, его основах, то здесь необходимо вести речь о соотношении его с такими понятиями, как сила, богатство, информация, статус, харизма, воля. Сила, богатство и информация, как и в случае с властью, являются главными источниками влияния.

Сила представляет собой совместные действия людей. Ее важнейший атрибут – насилие, оно широко используется для обеспечения повиновения. Говоря о силе и насилии, прежде всего имеют в виду вооруженную силу. За силой идет богатство. Либо богатство покупает силу, либо сила захватывает богатство. Именно большие материальные и финансовые ценности позволяют влиять на государственную власть. И, наконец, знания и информация, средства их получения и распространения. Сегодня они превратились в определяющий фактор влияния.

К этим трем главным источникам влияния необходимо добавить еще статус, харизму и волю. Статус связан с положением личности, группы или организации в рамках определенной системы. Положение, занимаемое в обществе субъектом влияния, и его авторитет имеют большое значение.

Источники влияния обеспечивают его ресурсы и средства, обеспечивающие влияние на субъект власти в соответствии с целями субъекта влияния. Влияние социально-политическое утверждается через:

- диктат: навязывание решений, линий в рамках общества через применение силы или шантажа;
- язык: в свое время Ч. Пирс [90, с. 73] отмечал, что есть такие слова и выражения, которые в определенных исторических условиях оказывают очень сильное воздействие на большинство людей;
- манипуляцию: через обман, идеологическую обработку, через конформизм, подражание т. д.;
- подобострастие: господство над душами;
- демагогию: нарочитое извращение реалий в угоду эгоистическим целям;
- преступление: подкуп, политическое убийство, военный переворот;
- ритмику жизни: традиции и ритуалы;
- любовь: доминирование, которое в сфере интимной близости, индивидуальной приязни приобретает вид плотской и метафизической зависимости.

Возможен и другой подход к ресурсам влияния. Их можно подразделить на утилитарные ресурсы – материальные и другие социальные блага; принудительные ресурсы, включающие ценности, ориентации и нормы поведения человека (например, различные идеологические конструкции).

В ресурсы также включаются все факторы, которые способны воздействовать на носителей власти:

- собственные качества субъекта влияния (компетентность, организованность, сексуальная привлекательность);
- некоторые свойства субъекта власти (объекта влияния) – доверчивость, неразвитость, подверженность формам, благоприятную для субъекта ситуацию (раскол в стане конкурентов) и др.

Следовательно, социально-политическое влияние представляет собой воздействие на государственную власть и политический процесс. В целом это общественное отношение, волевое по своему характеру, выражающееся в способности и возможности субъекта оказывать воздействие на объект с целью достижения определенного результата.

13.2.5. Основные функции и формы политической власти

13.2.5.1. Основные функции политической власти

Основная функция политической власти – *управление, руководство обществом* в целом (страной, государством) и каждой его сферой (политической, экономической, социальной и др.). Конкретизируя эту функцию, можно сказать, что одно из высочайших предназначений политической власти заключается в постоянном разрешении противоречия между необходимостью порядка в обществе и различ-

ными (при этом постоянно меняющимися) интересами разных слоев, национальных и других групп, отдельных личностей.

Конкретизируя эту функцию, следует отметить, что в ее выполнении у каждой политической власти свои задачи и цели, свои конкретные программы, свои ресурсы и т. д. Следовательно, любая политическая власть уже с момента своего становления разрабатывает сообразно конкретным условиям, экономическому и политическому состоянию страны стратегию и тактику управления обществом в целом. Особое внимание уделяется отношению с политической оппозицией, разрабатываются конкретная политика в отношении различных слоев общества, политика обеспечения ресурсов власти и т. д.

Вторая функция тесно взаимосвязана с первой (основной) — это *функция оптимизации самой политической системы*, приспособление ее институтов (государственный аппарат, партийная система, избирательная система и т. д.) к целям, задачам и самой сути тех сил, которые пришли к власти. Совершенно очевидно, что для демократической системы адекватны многопартийность и демократические выборы. В то же самое время тоталитарную власть более устраивают однопартийная система и безальтернативные выборы, как и было в большинстве бывших социалистических стран. Нередки случаи, когда пришедший к власти политический лидер или группа стремится сохранить сложившуюся политическую систему.

Третья функция политической власти — *обеспечение стабильности в стране*. Везде она реализуется с разным успехом, но бесспорно, что выполнить эту функцию стремится любая политическая власть, уже хотя бы потому, что от степени достижения этой цели непосредственно зависит легитимность власти, т. е. признание ее народом.

Таковы основные функции политической власти. Фактически их гораздо больше, и все другие функции взаимосвязаны с основными. Разрыв и противопоставление функций политической власти могут существенно ослабить и дестабилизировать всю систему социальных отношений, привести общество к социальному кризису. Условием обеспечения оптимальности в сочетании функций политической власти служит некоторая степень автономии государства от взаимодействующих в обществе интересов, возвышения над ними. Политическая власть достигается при условии, если интересы государства преобладают, доминируют в случае конфликта с интересами политически и экономически господствующих социальных групп.

13.2.5.2. Основные формы политической власти

Вопрос о формах политической власти относится к разряду дискуссионных. Исследователи подходят к данной проблеме с разных сторон, используя при этом различные основания и применяя неоднородные методы анализа. В частности, авторы учебника под редакцией В. И. Буренко и В. В. Журавлева основными формами политической власти считают государственную власть, политическое влияние и формирование политического сознания [92, с. 82].

Авторский коллектив под руководством А. Г. Грязновой, рассматривает две формы политической власти. Здесь в основу положен субъект политической власти: один человек или система институтов власти? В первом случае речь идет об индивидуальной политической власти. Власть осуществляется одним человеком.

Как пример можно перечислить все ныне существующие абсолютные монархии, упомянуть государства, которые формально имели республиканскую форму правления, но реально ими управлял пожизненно один человек (И. В. Сталин – в СССР, Мао Цзэдун – в Китае).

Во втором случае речь идет об институционализированной форме власти, которая основывается на разделении властей. Она значительно моложе индивидуализированной. В ее современном виде она впервые возникла в США с принятием Конституции в 1778 г. При такой форме источником власти является народ, права которого защищены конституцией страны [28].

Исследователи под руководством М. А. Василика, настаивают, что политическая власть существует в двух основных формах: *официальная, легальная власть* с формализованной структурой и *неформальная, неофициальная, нелегализованная власть* – власть влиятельных групп и лиц, групп давления, лидеров кланов. В этой форме власть может приобрести теневой, подпольный, мафиозный характер [93].

Очевидно, что эти авторы использовали концепцию итальянского ученого Н. Боббио [11], выделившего три формы политической власти, которые в той или иной степени присущи всем политическим режимам.

Власть в виде *видимого*, явного правления представляет собой форму деятельности структур и институтов, ориентированных на публичное взаимодействие с населением или другими политическими субъектами. Власть в этой форме осуществляется в виде действий государственных органов, которые вырабатывают и на виду у всего общества применяют определенные процедуры принятия и согласования решений; политических лидеров, которые обсуждают с общественностью принятые меры; оппозиционных партий и СМИ, которые критикуют действия правительства и т. д. Таким образом, политическая власть публично демонстрирует свою заинтересованность в общественной поддержке собственных решений, она принципиально повертывается к обществу, демонстрируя, что политические решения принимаются во имя интересов населения и под его контролем. Публичная форма властвования характеризует политику как взаимодействие властвующих (управляющих) и подвластных (управляемых), наличие у них определенных взаимных обязательств, действие взаимно выработанных норм и правил соучастия элит и неэлит в управлении государством и обществом.

Наряду с этим в политическом пространстве складываются и формы *полускрытого* (теневого) правления. Они характеризуют или приоритетное влияние на формирование политических целей каких-либо структур (отдельных органов государства, лобби), формально не обладающих такими правами и привилегиями, или доминирование в процессе принятия решений различных неформальных элитарных группировок. Наличие такого рода властных процессов показывает не только то, что толкование государственных задач или выработка правительственных решений на деле является процессом значительно менее формализованным, чем это объявляется официально или видится со стороны. Теневой характер данного профессионального процесса демонстрирует и то, что он открыт влиянию разнообразных центров силы (ресурсов) и зачастую в принципе ориентируется на отстранение общественности от обсуждения тонких и деликатных проблем, которые не нуждаются в широкой огласке.

Третья форма политической власти обозначается итальянским ученым Боббио как *скрытое* правление, или криптоправление. Оно демонстрирует те способы вла-

ствования, которые практикуются либо органами тайной политической полиции, либо армейскими группировками и другими аналогичными структурами, которые де-факто доминируют в определении политических целей отдельных государств. К этому же типу властвования можно отнести и деятельность криминальных сообществ, поставивших себе на службу государственные институты и превративших их в разновидность мафиозных объединений. Эти примеры показывают, что в структуру политической власти отдельных государств могут входить институты и центры влияния, которые действуют против самого государства [109, с. 627].

Как представляется автору, политическая власть, повсеместно существующая в социуме, представлена в разных ипостасях: и в форме государственных и общественных институтов, и в виде идеологических доктрин, и в политическом процессе, развивающемся в конкретный исторический момент в данном государстве и в соответствующих международных условиях.

13.2.5.3. Типология политической власти

Политическая власть неразрывно связана с экономической, семейной, военной, личной и другими видами власти, испытывает на себе их влияние, иногда сливается с ними (при тоталитарном режиме).

История и современность знают следующие виды власти [91, с. 27, 92, 248, 370, 373]:

Автократия — власть одного человека-вождя, диктатора. Она была характерна для более ранних этапов человеческой истории, когда в большинстве стран существовали абсолютные монархии. Но автократическая форма правления существовала и в более поздние времена, а кое-где имеет место и сегодня. Ныне на динамику автократии влияют два противоположных процесса: с одной стороны, повышается роль парламентов, других демократических структур в принятии политических решений; а с другой — возрастает ответственность всенародно избранных президентов, обладающих широкими полномочиями, а в «ядерных» державах имеющих в своих руках чемодан с «ядерной кнопкой».

Аристократия — власть привилегированной знати (элиты). Имела широкое распространение в античности и считалась лучшим, наиболее бескорыстным и компетентным способом управления государством. По мере перехода к республиканским формам правления утратила свое значение.

Демократия — буквально — «власть народа», народовластие. В современном мире это одна из основных форм правления, политической и социальной организации общества, политического режима. Демократия известна с античных времен, раньше, чем другие (в том числе и монархическая) формы государственного правления. Более полное развитие демократия как вид власти получила с переходом к республиканской форме государства, когда были ликвидированы сословные привилегии, а высшие государственные органы стали избираться народом.

Плутократия — в дословном переводе с греческого «власть богатых». Она была характерна для всех периодов исторического развития (кроме периодов революционных). При этом виде власти совсем не обязательно, чтобы богатые люди входили в органы власти. Они властвуют как бы «со стороны», диктуют свою волю органам власти через подкуп чиновников, взятки и т. д. Богатство незримо управляет государственными делами.

Теократия – форма государственного правления, при которой власть сосредоточена у духовенства или главы церкви. Теократические государства существовали в древности, а также в средние века. В наше время теократическое правление, по сути, имеет место в «исламских» государствах. Теократическим государством является Ватикан, где папа – высший руководитель Римско-католической церкви – выступает и как глава государства.

Технократия – власть технических специалистов. Это явление – следствие научно-технической и технологической революции, развернувшейся во второй половине XX в. Специалисты в области освоения космоса, изобретения и производства новейших видов оружия, создания систем связи нередко ставят условия для направления государственной политики на решение тех или иных технических, особенно военно-технических проблем. Техницистская идеология обосновывает необходимость перенесения методов управления высокотехнологическим производством в государственно-политическую сферу.

Политическая власть проявляется в разнообразных видах. Содержательная типология политической власти может быть построена по различным признакам:

- по степени институализации – правительственная, городская, школьная и т. п.;
- по субъекту власти – классовая, партийная, народная, президентская, парламентская и пр.;
- по количественному признаку – единоличная (монархическая), олигархическая (власть сплоченной группы), полиархическая (множественная власть ряда институтов или лиц);
- по социальному типу правления – монархическая, республиканская; по режиму правления – демократическая, авторитарная, деспотическая, тоталитарная, бюрократическая и т. п.;
- по социальному типу – социалистическая, буржуазная, капиталистическая и т. п.».

И. И. Кравченко выделяет четыре уровня политической власти: макроуровень (центральные институты власти), мезоуровень (органы и аппараты власти, подчиненные политические институты), микроуровень (уровень отношений волеизъявления в личных отношениях между людьми и малыми группами) и мегауровень [51].

13.2.6. Новые тенденции в развитии политической власти

Власть возникла вместе с развитием человека и с ним прошла длительный путь своего становления и постоянного совершенствования. В современных условиях также идут процессы развития власти. В. Т. Завьялов отметил ряд новых тенденций, характерных для политической власти в наши дни [37, с. 82].

Первая тенденция заключается в усилении интенсивности процессов демократизации политической власти. Четко выраженным является процесс замены форм политической власти, основанных на прямом насилии и подчинении, формами общественного консенсуса и самоуправления. Об усилении демократической тенденции во властных отношениях свидетельствуют повышение роли в воздействиях на властные отношения общественных движений и неполитических объединений, становление и развитие в посттоталитарных странах гражданского общества.

Вторая тенденция проявляется в возрастании фактора легитимности власти как обязательного признака цивилизованной власти. Властные структуры всех стран предпринимают максимум усилий для обеспечения легитимности политической власти, т. е. признания ее обществом, соседями и в целом мировым сообществом.

Третья тенденция. Как правильно было замечено, «злоупотребление властью, подавление свободы граждан заложены не в сущности самой власти, а в необоснованной и неоправданной ее концентрации» [22]. Тенденция к разукрупнению политической власти, к развитию системы разделения властей одна из ключевых в становлении и функционировании политической власти. Особенно заметно действие этой системы в странах Европы. При этом проводится в жизнь разделение властей не только по горизонтали (законодательная, исполнительная, судебная), но и по вертикали. Ярko выраженной является передача ряда полномочий от федеральных властных структур местным органам власти.

Четвертая тенденция отражает процесс нарастания в ряде стран конфликтности между различными ветвями власти. Эта тенденция отрицательно воздействует на столь желательную для всех стран экономическую и политическую стабильность. Россия 1990-х гг. дала многочисленные иллюстрации действия данной тенденции.

Пятая тенденция проявляется в высоких темпах бюрократизации аппарата властных структур. Данный процесс идет практически во всех странах и имеет негативные последствия. Связано это с тем, что, осуществляя конкретные управленческие функции, бюрократия вместе с тем подвергается воздействию различных заинтересованных групп и отдельных лиц. Как известно, не исключены случаи, когда бюрократия в такой ситуации действует далеко не в государственных интересах.

Шестая тенденция выражается в жестком (вплоть до вооруженного вмешательства) навязывании западной модели политической власти. Превращение США в единственную сверхдержаву стимулировало ее правящие круги к проведению агрессивной внешней политики. Действие этой тенденции проявилось в Югославии, в Ираке, в ходе так называемых «цветных революций» в страхах СНГ.

§ 3. ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ И ВИДЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

13.3.1. Структура политической власти

Получив представление о природе политической власти, можно идти дальше в исследовании ее как социального явления и процесса. Обратимся к анализу ее структуры. В политической науке под структурой власти понимаются ее компоненты: субъект, объект, а также средства (ресурсы).

В центре политических отношений находятся взаимоотношения государства, общества и личности. А также межгрупповое (межклассовое), межнациональное (межэтническое), внутригрупповое и межличностное взаимодействие. К числу главных принадлежат отношения политического управления (между управляющими и управляемыми) и политического властвования (между властвующими и подчиненными). Сфера политических отношений весьма подвижна, взаимосвязана

на, имеет ряд уровней, во многом зависит от уровня и характера его развития, степени политизации жизни общества.

Политическая власть всегда результат определенных взаимодействий и отношений (господство и управление). И как любое отношение, она предполагает как минимум две стороны. На одной стороне – властвующие. В политологии их принято обозначать понятием «субъект» (это может быть целый народ, государственный орган, отдельная облеченная властью личность). На другой стороне данного отношения – подвластные, подчиненные. Это – объект, на который направлены властные отношения. Объектом политической власти может быть общество в целом, т. е. народ, и каждый гражданин в отдельности.

Особенностью структуры политической власти является полное совпадение субъекта и объекта с формальной точки зрения. В качестве субъекта и объекта выступают все политические участники: индивид, группа, социум, государство. Их субъектно-объектную диспозицию определяет исторический процесс и политическая ситуация. Большую часть государственного периода человеческой истории народ однозначно, за редким исключением, относился к объекту. С эпохи буржуазных революций (XVII–XVIII вв.) народ стали переводить в разряд субъекта.

При тоталитарных и авторитарных режимах политические отношения строго контролируются, политическая жизнь направляется в определенные рамки. Разумеется, в обществах с недемократическими политическими режимами о понятии «народ» можно говорить только как об объекте политической власти. Такова реальная ситуация, хотя видимость может быть и иной.

В демократических условиях политические отношения разнообразятся и совершенствуются как внутри политических институтов и между ними, так и по линии «государство–гражданское общество», развиваются в разнообразных политических процессах и широком демократическом политическом участии. Республиканская форма правления, демократический политический режим предполагают власть народа, которую он реализует непосредственно (непосредственная демократия) и опосредованно, через своих представителей в высших органах политической власти (представительная демократия). Например, в Конституции РФ [48] отмечается: «Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления» (статья 3).

Однако возможности непосредственной демократии ограничены многими обстоятельствами.

Во-первых, слишком мало форм, позволяющих привлечь к решению политических вопросов сразу весь народ (высшими из этих форм являются свободные выборы и референдумы).

Во-вторых, политическое управление обществом – это постоянная, компетентная работа. Представить в роли такого органа весь народ просто невозможно. Вот почему власть народа – это, прежде всего, представительная демократия. Народ делегирует свои властные права соответствующим органам власти (законодательным, исполнительным, судебным) и конкретным лицам (президент, канцлер, премьер-министр).

Суть представительной демократии хорошо выражена в «Декларации независимости США», где «отцы-основатели» Американской республики записали: «Мы считаем самоочевидными следующие истины: все люди созданы и наделены своим

Создателем определенными неотчуждаемыми правами, среди которых право на жизнь, свободу и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав учреждены среди людей правительства, чья власть зиждется на согласии управляемых».

Субъект политической власти, по определению Ю. В. Ирхина, это конкретно-исторический носитель многообразной политической деятельности, направленной на завоевание, защиту или использование власти с целью реализации своих коренных интересов. Подобный статус не является имманентным, изначально присущим какому-либо физическому лицу или социальной общности. Применительно к индивиду он обретается путем политико-идеологического воспитания человека, усвоения им политических норм и принципов, его приобщения к одной из организаций, групп и соответствующего обособления от других, т. е. в процессе политической социализации [41, с. 274]. В роли субъекта действия выступают не только облеченные властью физические лица, но и сама власть в виде государства, правительства, парламента и других корпоративных образований.

Аналогичным образом происходит и становление социальной общности как совокупного субъекта политики, цели и действия которого отражают коллективное сознание индивидов, объединенных в данной группе или организации на основе исторически сложившихся устойчивых общественных связей. Деятельность совокупного субъекта является интегративным результатом взаимодействия составляющих его индивидуальных субъектов и в соответствии с известным законом системности отличается от простой суммы их персональных качеств некоторыми новыми кооперативными параметрами. При этом коллективное сознание совокупного субъекта, находящее отражение в определенных идеях, концепциях, программах политической деятельности, может в известной степени противостоять личностному сознанию индивидов, представленных в социальной группе или организации и вынужденных считаться с совместно выработанными требованиями, принципами и ограничениями.

Политические властные отношения строятся по принципу властной вертикали. Под ней понимается распределение власти, управленческих функций сверху донизу, по вертикальной линии, иерархическое построение властных органов со строгой системой подчинения. В Российской Федерации, как и других странах, это позволяет рационально понять и построить структуру власти между центром и на местах, разграничить предметы видения и полномочий между органами федеральной власти, органами государственной власти субъектов РФ. Определяется ст. 11, 71–73, 76–78 Конституции РФ. Наиболее наглядно проявляется в системе исполнительной власти.

Народ в демократическом обществе есть субъект власти (это обстоятельство подчеркивается в конституциях всех демократических стран), но он одновременно и объект власти, поскольку, передав по доброй воле («согласие управляемых») выполнение властных функций соответствующим властным структурам, народ, общество в целом берут на себя обязанность подчиняться избранной им политической власти.

Очевидно, что говорить о субъекте политической власти можно только при существовании не тождественного ему объекта политического воздействия. Однако необходимо иметь в виду, что каждый социальный субъект, оказывая воздействие на других (социальные группы, общество), сам в то же время выступает объектом

воздействия со стороны других субъектов, а также воздействует на себя и сам (на свою группу), преобразаясь в общественных отношениях.

Субъект определяет содержание властного отношения через приказ (распоряжение, команду). В приказе предписывается поведение объекта власти, указываются (или подразумеваются) санкции, которые влекут за собой выполнение или невыполнение данного распоряжения. От приказа, характера содержащихся в нем требований во многом зависит отношение к нему объекта, исполнителей – второго важнейшего элемента власти.

Качества объекта властвования определяются его политической культурой. Наибольшую покорность обеспечивают патриархальный и подданнический типы политических культур. Преобладание в обществе людей, привыкших повиноваться, жаждущих «твердой руки», является благоприятной питательной средой авторитарных и тоталитарных режимов.

Субъект и объект политической власти – это два важных ее компонента, но в ее структуре есть еще одно слагаемое – ресурсы власти. Речь идет о тех средствах, с помощью которых субъект политической власти осуществляет воздействие на деятельность и поведение граждан (объект).

13.3.2. Ресурсы политической власти

Политическая власть есть феномен неравенства, асимметрии, если исходить из положения и возможностей субъекта и объекта этой власти: у одних право властвовать, у других обязанность подчиняться. Это неравенство поддерживается целой системой разнообразных средств (ресурсов), с помощью которых реализуется политическая власть. Она пользуется этими ресурсами в целях убеждения, поощрения и наказания подвластных.

Существует несколько классификаций ресурсов политической власти. Согласно одной из них ресурсы делятся на утилитарные, принудительные и нормативные. В соответствии с ней:

- к утилитарным относятся материальные и другие социальные блага;
- к принудительным – меры уголовного и административного воздействия;
- к нормативным относятся средства воздействия на внутренний мир, ценностные ориентации и нормы поведения человека. Они призваны обеспечить одобрение действий субъекта власти, принятие его требований.

Другой классификацией является деление ресурсов в соответствии с важнейшими сферами социальной деятельности.

Финансово-экономические ресурсы. Распространяя свое воздействие на все сферы жизнедеятельности общества, политическая власть вместе с тем опирается на лежащие в них ресурсы. Одной из важнейших среди данных сфер является экономическая. Лидирующая роль экономических ресурсов (финансовых, в частности) определяется тем, что политическая власть просто не может функционировать, не располагая экономическими ресурсами.

Во-первых, для политической власти (будь то передача престола по наследству, или революционный переворот, или демократическая процедура выборов) всегда необходимы денежные ресурсы. Например, современные избирательные кампании в различных странах требуют на их проведение огромных финансовых ре-

сурсов. Средств, выделяемых из государственного бюджета, явно недостаточно. Поэтому кандидаты заинтересованы в поддержке частных лиц. Процедура восхождения на престол превращается, как правило, в празднество, которое требует больших затрат. Революционный же путь требует огромных экономических ресурсов для захвата власти и неизмеримо больше — для восстановления страны, разрушенной в ходе революции.

Во-вторых, само функционирование политической власти, реализация экономических программ требуют огромных средств. В центре внимания власти находится экономическая политика. Например, все выдающиеся американские президенты выбирали различные девизы для своих программ: «Новый курс» (Ф. Рузвельт), «Новые рубежи» (Дж. Кеннеди), «Война против бедности» (Л. Джонсон). За этими разными названиями, по существу, стояло всякий раз одно — программа экономического подъема США. Уровень экономического развития страны и роль политической власти в его повышении являются главным критерием в оценке заслуг этой власти. Можно без преувеличения сказать, что сила власти, ее прочность и легитимность находятся в прямо пропорциональной зависимости от уровня достигнутой экономической стабильности общества.

В-третьих, экономические средства необходимы для поддержания политической власти, обеспечения ее безопасности, содержания аппарата.

Таким образом, огромные экономические ресурсы нужны и для завоевания власти, и для реализации целей, и для ее поддержания. Роль экономических ресурсов этим не ограничивается.

Политическая власть использует экономические ресурсы для решения многих проблем общегосударственного и международного характера. С помощью экономических средств, в частности средств государственного регулирования общественных процессов, политическая власть может сделать многое: стимулировать структурную перестройку экономики, не допустить монополизации хозяйственных отраслей одной или двумя компаниями, замедлить темпы инфляции и существенно сократить безработицу, привлекать инвестиции в национальную экономику и т. д.

Вместе с тем широко известны злоупотребления властью, продажность и коррупция среди политических деятелей (в том числе российских). Так, всему миру известны скандальные истории из сравнительно недавнего прошлого о подкупе ряда высокопоставленных представителей правящей партии Японии (ЛДП), о получении взяток лидером греческих социалистов А. Папандреу и некоторыми членами его кабинета. Особо богатыми оказались некоторые главы бывших социалистических стран. Например, сокровища Н. Чаушеску, по некоторым оценкам, составили сумму в 5 млрд дол. К этому следует добавить ювелирные изделия и украшения, бесследно исчезнувшие в дни революции.

Военно-силовые ресурсы. Этот вид ресурсов политической власти выполняет функцию обеспечения обороны страны, охраны внутреннего порядка, в том числе обеспечения безопасности политической власти, недопущения каких-либо поползновений на власть в целях ее свержения. Это — армия, полиция, различные службы безопасности, прокуратура, суд, а также принадлежащая им техника, вооружение, тюрьмы и т. д. Как показывает исторический опыт, эти ресурсы в той или иной их части политическая власть использует весьма часто. Они относятся к наи-

более действенным, внушают страх, поскольку использование данных средств приводит к лишению людей собственности, свободы, а нередко и самой жизни. Особенно часто политическая власть прибегает к этим ресурсам в случаях ослабления своей силы, мощи и влияния на общество. Они часто применяются в годы экономических и политических кризисов. Политическая власть использует армию, полицию, силы охраны порядка для подавления массовых выступлений с требованиями смены правительства. Войска не раз «наводили порядок» в конфликтном обществе. Даже в демократических государствах Европы и в США вооруженные силы выполняют важную роль в поддержании конституционного порядка.

Очевидно, что политические структуры заинтересованы в высокой лояльности и преданности им силовых структур. Поэтому, как свидетельствует международный опыт, работа в силовых структурах относится к престижным и высокооплачиваемым профессиям. Достаточно отметить, что годовое жалование полицейского в США лишь немного меньше, чем губернатора штата.

С понятием «силовые ресурсы» нередко связывают понятие «военная власть». Последнее характеризует ситуацию, когда в структуре политической власти преобладают военные. Исторический опыт дает немало тому примеров. При этом военные контролируют все структуры власти либо заменяют ее собой. Специфика военной организации может быть перенесена на деятельность гражданских структур. В данном случае возникает полицейское государство.

Социальные ресурсы. Это способность повышения (или понижения) социального статуса или ранга, места в социальной иерархии (должность, престиж, образование и др.). Это также довольно значительная совокупность ресурсов политической власти, т. е. того, что призвано обеспечивать поддержку действующей власти и заинтересованность в ее существовании. Центральное место в этой системе занимают престижные и высокооплачиваемые должности, которые уже сами по себе обеспечивают высокую оплату, и система разного рода привилегий.

Социальная политика в ведущих современных западных странах строится таким образом, что в сохранении существующей политической власти заинтересовано большинство населения: здесь действует широкая система страхования, высокий уровень пенсионного обеспечения (уровень пенсии составляет до 90 % от ранее получаемой заработной платы), широко развита система благотворительных организаций и т. д.

Культурно-информационные ресурсы. Речь идет, в первую очередь, о средствах массовой информации (СМИ). Это самый молодой вид ресурсов, которыми располагает политическая власть в современных условиях практически во всех странах мира. Однако «молодость» не означает малую эффективность или второстепенную роль. Средствам массовой информации (в условиях, когда практически каждая семья имеет телевизор и радиоприемник) принадлежит весьма важная роль, как в период становления политической власти, так и в период ее функционирования.

Данная группа ресурсов политической власти имеет специфику, отличающую ее от других видов. Господствующая политическая власть всегда имеет оппозицию (скрытую или существующую легально). Чтобы СМИ стали ресурсами господствующей политической власти, за них нужно бороться, ибо очень велико желание СМИ стать независимыми от государства. Во многих государствах существует

специальное законодательство, регламентирующее деятельность средств массовой информации. Законодательство предусматривает различные пути недопущения ситуации, при которой СМИ отражали бы позиции и цели какой-либо одной политической силы. Например, во время избирательной кампании эфирное время, которое предоставляется ведущим партиям страны, для всех одинаково по продолжительности.

Нередко СМИ называют «четвертой властью» (наряду с законодательной, исполнительной и судебной). Это отражает их действительные возможности и силу воздействия на общественное мнение. Нельзя, например, недооценивать роль выступлений В. Жириновского по телевидению и радио в неожиданном успехе возглавляемой им партии на выборах 12 декабря 1993 г.

Демографические ресурсы. Специфическим ресурсом власти является сам человек, его качество и количество людей. Люди – это универсальный, многофункциональный ресурс, который создает другие ресурсы. Человек – создатель материальных благ (экономические ресурсы), солдат, работник милиции, судья, прокурор и т. п. (силовые ресурсы), обладатель и распространитель знаний и информации (культурно-информационные ресурсы) и т. д. Личность выступает ресурсом власти, будучи использована как средство реализации чужой воли. В целом же человек выступает как бы в трех ипостасях: он и субъект, и объект, и ресурс политической власти.

Существуют и другие подходы, в частности Ю. В. Ирхин [41], среди ресурсов политической власти выделяет:

- собственные качества субъекта и его статус (компетентность, организованность, административный ресурс и т. п.);
- некоторые свойства объекта (например, его политическую доверчивость, привычку подчиняться и др.);
- благоприятную для субъекта ситуацию (экономический подъем, раздоры в оппозиции, международную обстановку и т. п.);
- материальные (военные, финансовые, информационные) и иные средства воздействия.

Среди исследователей нет однозначного ответа на вопрос, какие из основных видов ресурсов политической власти являются наиболее важными, а какие – второстепенными. В разные периоды решающими становятся то одни, то другие ресурсы. Очевидно, например, что в периоды попыток переворотов или других выступлений против политической власти решающими становятся силовые ресурсы. В периоды стабильного экономического и политического развития большую роль играют экономические и социальные ресурсы. В целом же, как показывает практика, все виды перечисленных ресурсов относятся к постоянно действующим, необходимым для политической власти.

13.3.3. Инструменты политической власти

Сила – это важнейший инструмент политической власти. Любая власть в современном мире обречена на использование силы, так как процесс властвования предполагает принуждение и даже насилие. В данном случае источником подчи-

нения выступает способность субъекта непосредственно воздействовать на объект или его окружение. Обладание властью в форме силы означает возможность оказать намеренное влияние на тело или психику объекта или ограничить его потенциальные действия.

Обычно понятие «сила» используется для обозначения воздействия на физическую сторону бытия объекта, на его тело, т. е. в значении «физическая сила». На взгляд В. Г. Ледяева, понятие вполне применимо и к воздействию на сознание (психику) объекта, т. е. может использоваться и в значении «психическая сила». Д. Ронг, также придерживающийся данной точки зрения, пишет, что психическое насилие является весьма распространенным способом властвования. Оно может приобретать институционализированные формы, например, в виде ритуальных церемоний унижения, практики черной магии и колдовства, произнесения проклятий и т. д. Психическое насилие, в процессе которого субъект власти оказывает негативное воздействие на психику, менталитет или эмоциональное состояние объекта, часто осуществляется совместно с физическим насилием и не может быть отнесено к другой форме власти [60, с. 283].

«Силой, — утверждал религиозный философ С. Вейль [36, с. 350], — является то, что принуждает кого-либо подчиняться вещи. Когда сила доходит до конца, она превращает человека в вещь в буквальном смысле этого слова, так как превращает его в труп». Нет и не может быть государства, не облаченного, говоря словами А. Грамши [26], в «броню принуждения». Более развернутое определение силы дано у Ж. Френа [36, с. 351], видного французского политолога: «Мы называем силой, — утверждает он, — совокупность средств давления, принуждения, разрушения и строительства, которую политическая воля и разум... приводят в действие, чтобы сдерживать другие силы».

Следует сказать, что в отношении силы и ее практического применения перво-степенное влияние имеют идеологические пристрастия, оправданность которых подкрепляется тем, что называется здравым смыслом. «Все правительства, — утверждал в свое время В. Парето [83], — используют силу, и все утверждают, что она основана на здравом смысле».

Сила и угроза применения силы являются важнейшими факторами политического развития общества. Сила обеспечивает безопасность страны, а также достижение внутреннего согласия в обществе. Не существует государств без армии, полиции, служб безопасности и т. п. силовых структур. Даже международные отношения во многом строятся на основе силы. Международное право не исключает применения силы. Наглядный пример тому первая война в Ираке, которую вело по сути дела все международное сообщество. Сила широко использовалась для «умиротворения» Югославии в 2000 г. Сила основывает действия международных сил в борьбе с террористами в Афганистане.

Велика роль силы и во внутренней политике. Крупные преобразования в обществе всегда предполагают использование властями в той или иной степени принуждения для преодоления, как правило, имеющего место сопротивления этим преобразованиям. Своеобразным выражением силы является и принцип большинства, лежащий в основе парламентской демократии. Голоса большинства парламентариев дают силу власти в ее действиях по осуществлению конкретных мер в реализации воли законодателей.

Важно различать способность субъекта добиться подчинения объекта путем использования силы и путем угрозы использования силы (принуждение). Некоторые авторы фактически смыкают различие между этими двумя видами власти. По поводу этого Бэкэрк и Бэрэтц [60, с. 284] резонно замечают, что здесь мы имеем дело не с использованием силы, а с угрозой использования силы.

При всей их внешней схожести, сила и принуждение различаются по своим параметрам, возможностям, способам применения и результатам. Д. Истон [43], проводящий концептуальное разграничение между силой и принуждением, пишет: «Я различаю силу и угрозу силы... Есть большая разница между реальным исключением человека из политической системы путем его тюремного заключения и угрозой тюремного заключения. В случае угрозы, человек может быть склонен подчиниться... тогда как при использовании силы он продолжает отказываться повиноваться решению властей, но вынужден с ним смириться».

Принуждение как форма политической власти имеет место в случае явного несовпадения интересов субъекта и объекта. Источником подчинения выступает угроза использования санкций в случае отказа повиноваться команде. Термин «угроза», как указывает Д. Болдуин, имеет различные значения:

- деятельность А по изменению поведения Б;
- восприятия Б, который предвидит для себя какую-то опасность или вред;
- отношение между А и Б, в котором А стремится заставить Б почувствовать угрозу и ему это удается [60, с. 284].

Универсальным инструментом политической власти в регулировании всей совокупности социальных отношений является *право*. Оно берет начало в структурах человеческого разума, предписывающего определенный порядок в межличностных и вообще социальных отношениях. Право в силу этого находится в непосредственной близости к рациональной логике. Не случайно право называли в древности *ratio scripta* – писанный разум. Именно право регулирует социальное поведение. Триумф писаного права неотделим от таких качеств самого права, как видимость и фиксированный характер.

Будучи продуктом человеческого разума, *право представляет собой результат человеческой воли, нацеленной на действие*. Оно переплетается с моралью и этикой. В этих сферах воля подчиняется более или менее очевидному и легитимному выбору. И не имеет значения, о каком выборе идет речь – индивидуальном, коллективном или выборе в масштабах всего государства. При этом право является внешним правилом, порождением внешнего принуждения и внешних санкций. Оно выступает как социальная гарантия выполнения обязательств и правил всеми, ко-го они касаются.

Хронологически сила может предшествовать праву. Это бывает в тех случаях, когда власть завоевывается в результате государственного переворота, победоносного восстания, военного завоевания и т. п. В этих случаях действующее право подкрепляется силой. Однако если власть желает выжить, она нуждается в подкреплении своих действий правом как эффективного средства регулирования отношений в обществе.

Сила теснейшим образом связана с правом. При этом и сила, и право имеют свое собственное предназначение. Нет никакого подчинения права силе. Как нет и однозначного подчинения силы праву. Взаимодействие между ними может но-

сить как согласованный, так и противоречивый характер. Силу никак нельзя интерпретировать как прекращение права, а право само по себе не обладает силой. Только на основе соединения права и юридических институтов с силой государства можно создать такие условия, когда они (право и юридические институты) обретут собственную силу и эффективность. Ясно одно — и право и сила являются необходимыми, постоянными и обязательными элементами коллективной жизни.

Религия и мораль также являются своеобразными инструментами политической власти. По важности и эффективности религия и мораль соперничают с правом. Это подтверждает богатейший исторический опыт человечества. В архаических, или примитивных, обществах право совпадает с религиозной моралью. Это в полной мере относится и к странам более позднего периода исторического развития, если говорить о религиозных государствах.

В большинстве современных стран церковь отделана от государства. Но неправомерно говорить о религии как послушном инструменте власти. Отношения религии и власти значительно сложнее. Их отличает наличие взаимного интереса к сотрудничеству. Церковь, как правило, стремится поддерживать тесные отношения с властью и ее представителями, так как это отвечает в конечном счете интересам не только верующих сограждан, но и интересам всего общества. В свою очередь, политическая власть всегда стремится использовать влияние церкви на население с тем, чтобы укреплять свои позиции в обществе. К тому же и церковь и власть решают одну и ту же взаимодополняющую задачу. Церковь, обращаясь к чувствам верующей части общества, стремится решить важнейшую задачу — *утвердить мир и порядок в душе человека*. Власть же, как мы уже отмечали, утверждает *общественный порядок в государстве*. И если порядок в обществе сочетается с миром и порядком в душе сограждан, то можно полагать, что такое общество находится в полосе процветания.

Как отмечает В. В. Желтов, подчинение властным распоряжениям и законам дается значительно легче, если оно сочетается с моральными принципами. В противном случае религиозная мораль, как нередко случалось в истории, побеждает власть, основанную на насилии, попирающем мораль [36, с. 350].

Инструментом власти является и **образование**. Его сила в способности утверждать в сознании людей некие, отвечающие интересам власти стереотипы поведения. Образование играет незаменимую роль в процессах политической социализации личности и интеграции ее в политику. Оно оказывает сильное влияние на выработку гражданских позиций населения.

Политическая пропаганда в современных условиях также может рассматриваться как инструмент власти. Она является мощным средством воспроизводства духовного подчинения граждан и может рассматриваться также как дополнительный инструмент права. Нужно сказать, что пропаганда является не только важным средством информации населения о деятельности власти, но и условием формирования нужного ей (власти) общественного мнения.

Помимо принуждения и страха политическая власть широко использует такие средства, как **убеждение**. Под убеждением в политической науке понимают воздействие на чувственное восприятие субъектов с тем, чтобы добиться от них действий, которые соответствуют требованиям властей. Для убеждения власти широко используют возможности религии и образования, а также пропаганды.

Для повышения эффективности убеждения политическая власть широко использует возможности *обольщения*, которое основывается на разного рода обещаниях и аргументах с тем, чтобы получить согласие людей на проведение определенной политики. При этом власть оперирует как рациональными, так и иррациональными аргументами, обращенными к чувственному миру людей.

Важным инструментом властвования является *манипуляция*, которая представляет собой систему способов идеологического и духовно-психологического воздействия на людей с помощью средств массовой коммуникации. Задача одна — подчинить людей власти. Власть, основанная на убеждении и обольщении, обладает высокой устойчивостью. Политический мыслитель Э. Аллен [36, с. 356] заявил: «Самой энергичной является такая власть, которая получает одобрение свободного человека, точнее, свободное одобрение свободного человека. В таком случае сила оставляет свои штыки и стремится к обольщению». А это значит, что реализуется политика, исключая применение силы.

А. П. Плешаков выделяет иные инструменты политвласти [86]. В частности:

- *Руководство*, которое выражается в способности субъекта власти осуществлять свою волю путем разработки программ, концепций, установок, определения перспектив развития общественной системы в целом и ее различных звеньев. Руководство определяет текущие и перспективные цели, вырабатывает стратегические и тактические задачи.
- *Управление*, проявляющееся в сознательном, целенаправленном воздействии субъекта власти на различные звенья общественной системы, на объекты с целью реализации установок руководства. Управление осуществляется с помощью различных методов, которые могут быть административными, авторитарными, демократическими, основывающимися на принуждении и т. д.
- *Организация*, предполагающая согласование действий отдельных людей, групп, политических институтов. Чтобы управлять и руководить, нужно не только отдавать приказы сверху вниз (от руководителей и управленцев к подчиненным), но и обеспечить взаимосвязь, наладить контакты между людьми.
- *Контроль*, представляющий способность властных органов и институтов постоянно следить за тем, как реализуются законы и распоряжения власти.

Политическая власть обладает наибольшим набором инструментов подчинения, ибо способна использовать ресурсы других видов власти. Кроме этого, у нее самый широкий диапазон их использования: от индивида до народа и даже ряда государств.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Изложите суть биологической концепции власти.
2. Изложите суть мифологической концепции власти.
3. Изложите суть теологической концепции власти.
4. В чем суть реляционистской концепции власти?
5. В чем суть бихевиористской концепции власти?
6. В чем суть психологической концепции власти?
7. В чем суть системной концепции власти?
8. В чем суть структурно-функциональной концепции власти?

9. В чем суть социологической и конфликтологической концепций власти?
10. В чем суть коммуникативной и постструктуралистской концепций власти?
11. В чем суть дуалистической концепции власти?
12. Назовите теории природы подчинения.
13. Охарактеризуйте феномен подчинения.
14. Какова роль авторитета в политике.
15. Что такое политическая самоидентификация?
16. Дайте понятие процесса властвования.
17. Как вы понимаете термин «субъект власти»?
18. Дайте понятие объекту власти.
19. Какие методы властвования вы знаете?
20. Что такое лики власти?
21. Охарактеризуйте основания и ресурсы власти.
22. Назовите разновидности классификации видов власти.
23. Чем определяется соотношение властей в обществе.
24. Охарактеризуйте политическую власть и ее исторические формы.
25. Приведите и объясните определения политической власти.
26. Перечислите отличительные черты политической власти.
27. Какие свойства политической власти вы знаете?
28. Что такое социально-политическое влияние?
29. Перечислите основные функции политической власти.
30. Какие формы политической власти вы знаете?
31. Приведите пример типологии политической власти.
32. Какие новые тенденции в развитии политической власти вы знаете?
33. Какие инструменты политической власти вы знаете?
34. Какие ресурсы имеет политическая власть?
35. Охарактеризуйте структуру политической власти.

Глава 14

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ

Достаточно сложной практической и теоретической проблемой политики является диалектика взаимоотношений между политической властью и властью государственной. Эти явления не совпадают, но в значительной мере накладываются друг на друга, образуя, в результате симбиоза, государственную политическую власть. Политическая власть нуждается в государственной власти как в механизме своего легитимного господства над обществом. Государство нуждается в политической власти как в двигателе своего движения и условия устойчивого существования.

§ 1. ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

14.1.1. Понятие государственной власти

Центральное место в структуре социума занимает государство. Его власть, как власть социальная, является не частной, как это имеет место в семье, не корпоративной, как в организации, а публичной. Государственная власть — это воздействие государства, его органов и должностных лиц на население страны, осуществляемое с целью реализации воли социальных сил, являющихся носителями политической власти. Государство — политическая власть, действующая от имени общества и редко (например, в условиях тоталитарного социализма) от имени определенного класса или классов. Власть государства распространяется на всех граждан, проживающих на данной территории, независимо от национальности, вероисповедания, политических позиций, социального положения.

Власть государства имеет институционализованный характер. Это означает, что не следует смешивать лиц, временно осуществляющих эту власть, с самой властью, принадлежащей социуму в лице государства. Лица, входящие в государственную элиту, меняются, однако институционализованный характер власти государства от этого не исчезает, за исключением случаев, когда эти изменения сопровождаются уничтожением государства вследствие других причин, таких как гражданская война или подчинение другим государствам.

Понятие политической власти шире понятия власти государственной. Известно, что политическая деятельность осуществляется не только в рамках государства, но и в других составных частях политической системы (в рамках партий, профсоюзов и др.). Политическая власть может принадлежать касте, сословию, классу,

социальному слою или их союзам. К обладанию государственной властью приходят их представители, выразители их интересов: элиты, руководители политических партий, различные малые социальные группы, отдельные индивиды.

Политическая власть, как явление, отличается от государственной:

- не всякая политическая власть является государственной. Это можно было наблюдать в условиях трехмесячного существования двоевластия в России 1917 г., когда переплетались политическая власть Советов и государственная власть Временного правительства. Однако всякая государственная власть является политической, регулируя отношения социальных групп;
- государственная власть выполняет арбитражную роль в обществе, политическая власть такие задачи выполнять не может, у нее нет для этого необходимых средств и инструментария;
- негосударственная политическая власть и государственная власть имеют разные механизмы для своего осуществления. Государственная власть формализована, она реализуется специализированным государственным аппаратом (парламент, правительство, суды). Политическая негосударственная власть таких механизмов не имеет;
- только государственная власть юридически уполномочена от имени всего общества применять легализованное и в большинстве случаев легитимное принуждение и насилие;
- государственная власть обладает юридическим и почти всегда фактическим верховенством в обществе, она суверенна.

По мнению В. Е. Чиркина, государственная власть — явление социально-политическое. Это основная форма проявления политической власти определенной крупной социальной общности (народа, класса и т. д.), обладающая специализированным аппаратом для регулирования общественных отношений и верховенством в обществе. Государственная власть — не только социально-политическое явление. С юридической точки зрения это также институт конституционного права, т. е. система правовых норм, регулирующих социальное явление — государственную власть с юридических позиций [124, с. 61].

Ряд отечественных исследователей понимают государственную власть как систему организационно-волевых отношений, складывающихся между органами государства, институтами гражданского общества и гражданами, концентрированно отражающих интересы и волю определенного социального слоя или большинства населения, обеспеченных авторитетом, мощью и принудительной силой государства, направленных на создание стабильного правового порядка в обществе [94, с. 77].

А так же, что она выражается в особом виде отношений — властеотношениях, образующих своеобразную политико-правовую ткань общества [90].

14.1.2. Признаки государственной власти

В государственной власти с учетом ее генезиса, природы и взаимодействия со средой выделяют [94, с. 75] следующие основные признаки:

1. *Социально-необходимый характер* государственной власти, вытекающий из логики человеческого общежития и выражающийся в постоянном повышении

уровня организации, степени упорядоченности в социуме. Государственная власть осуществляет примерно те же функции в общественном организме, которые выполняет естественный отбор в живой природе. Социальность государственной власти проявляется и в том, что, формируясь, «вырастая» для защиты интересов определенной социальной группы или слоя (класса), она вынуждена защищать интересы всего общества.

2. *Организационно-волевой характер* отражает активные, деятельные, управленческие аспекты власти. Одной из ее главных целей является управление людьми, регулирование отношений, осуществление контроля за социальными процессами. Организующий характер власти позволяет учитывать интересы различных социальных групп, вырабатывать механизм разрешения социальных противоречий, аккумулировать и реализовать через систему властных отношений и учреждений общую волю граждан государства.
3. *Информационно-интеллектуальный характер* государственной власти обусловлен тем, что:
 - любые процессы организации требуют информационного обеспечения, наличия полных и достоверных сведений об объекте и среде его нахождения;
 - информация обеспечивает жизнеспособность власти, ее устойчивость;
 - информация выступает в качестве эффективного средства формирования интеллектуального потенциала государства;
 - интеллект является основанием процесса реализации власти, без знаний нельзя рационализировать и целенаправленно осуществлять политику.
4. *Организационно-силовой характер* государственной власти дает ей возможность концентрировать интеллектуальные, материальные и силовые ресурсы, силу и мощь специальных государственных учреждений (чиновничьего аппарата, армии, полиции и т. п.) для достижения поставленных целей. Потребность в силовых способах регулирования общественных отношений обусловлена противоречивым характером развития общества, наличием противоположных социальных интересов, девиантных стереотипов поведения людей.
5. *Психолого-идеологический характер* власти отражает специфику отношений между властвующим субъектом и подвластным объектом, обозначая способность одного подчинять, организовывать и подавлять и способность другого покоряться чужой воле, понимать необходимость подчинения, видеть бесполезность сопротивления силе и мощи властвующего. Идеологический аспект раскрывает стремление властвующего подготовить подвластного к принятию того или иного решения, оправдать сделанное, объяснить необходимость и цели принуждения.
6. *Системный характер* государственной власти проявляется двояко:
 - она выступает системообразующим фактором, связывая и объединяя социальные структуры, устанавливая иерархию взаимоотношений, гася социальные конфликты и т. п.;
 - она по своей природе – явление системное, целостное. Это обусловлено объектом власти – социальной системой, совокупностью способов и методов осуществления управленческих функций, системным характером глобальных взаимодействий.

7. *Политический характер* государственной власти означает ее публичность, возвышение над обществом и выступление от его имени, осуществление специальным аппаратом профессиональных управленцев, обеспеченность принудительной силой.
8. *Правовой характер* государственной власти означает то, что:
 - в обществе сложился такой уровень правовой культуры и правосознания, при котором естественно-правовые устремления властвующих и подвластных в основном совпадают;
 - население осознанно принимает власть, оказывает ей определенное доверие, кредит которого непостоянен и зависит от реальных дел государственных структур;
 - государство издает законы и иные нормативные акты в соответствии с естественными правами человека, конституционными требованиями и само подчиняется им.

Вышеприведенные характеристики показывают объективную необходимость государственной власти в обществе, ее сложность и специфичность, многообразие проявлений.

14.1.3. Субъекты государственной власти

Как и любые отношения, государственные властеотношения имеют определенную структуру. Сторонами данных отношений выступают *субъект* государственной власти и *объект* власти (подвластные), а *содержание* образуют единство трансляции воли субъекта объекту и подчинение (добровольное или принужденное) последнего этой воле.

Субъектно-объектные властеотношения реализуются на нескольких уровнях: мегауровне (межгосударственный уровень), макроуровне (уровень центральных органов власти), мезоуровне (региональный уровень) и микроуровне (малые социальные группы и низовые структуры власти и самоуправления).

Субъектом государственной власти является государство, но понимается оно как совокупный виртуальный субъект. Реальную политическую власть государство передает двум группам, непосредственно ее реализующим. Прежде всего ветвям государственной власти: законодательному, исполнительному и судебному институтам. А также территориальным властно-представительным институтам: субъектам федерации и органам местного самоуправления.

В федеративном государстве государственная власть присуща тем субъектам федерации, которые имеют право издавать свои законы, а нередко имеют свои конституции, гражданство (штаты в США, часть субъектов федерации — республики в России и т. д.). В федеральной конституции проведено размежевание предметов ведения (компетенции) федерации и ее субъектов, есть сфера законодательства субъектов (обычно «остаточные полномочия» после перечня исключительных полномочий федерации и совместных полномочий федерации и ее субъектов), в которой закон субъекта превалирует над законом федерации.

Однако, как отмечает В. Е. Чиркин, государственная власть субъекта федерации имеет подчиненный характер: конституция и законы субъекта должны соот-

ветствовать федеральным (верховенство федерального права). Субъекты федераций не обладают государственным суверенитетом, хотя в соответствии с некоторыми федеральными конституциями (Мексика, Швейцария) обладают им при решении местных дел, выходящих за пределы федеральной компетенции и в рамках федеральной конституции [124, с. 61].

Подобие политической власти присуще местным территориальным социумам в административно-территориальных единицах, если эти единицы признаны конституцией и законом территориальными коллективами (в России ими признаются все административно-территориальные единицы, в Германии – не все). Территориальный коллектив (население административно-территориальной единицы) пользуется местным самоуправлением: принимает решение на сельских сходах, местных референдумах (по местным вопросам), избирает свои органы (совет, мэра и др.), которые создают подчиненный им муниципальный аппарат управления, назначают муниципальных чиновников, зачастую имеет местную муниципальную полицию, устанавливают местные налоги, принимают местный бюджет и т. д.

В литературе иногда органы местного самоуправления рассматривают как «агентов государственной власти», но во многих странах (в том числе в России) местное самоуправление не входит в систему государственной власти, обладая автономией. Это особого рода власть территориального коллектива. Государственная власть обычно в нем представлена назначенными «сверху» (президентом, правительством, министром внутренних дел) чиновниками (полномочными представителями президента, губернаторами, префектами и др.), которые осуществляют контроль в отношении местного самоуправления, но по нормам права – только за соблюдением законов. Во многих странах назначенных на места чиновников общей компетенции нет. В этом случае в качестве представителей государственной власти обычно утверждаются (президентом, правительством, министром внутренних дел) избранные населением или местными советами префекты, мэры общин и городов.

14.1.4. Основные функции, формы и сущность государственной власти

Государственная власть имеет две основные функции: *посредническую и функцию управления*. Главная функция состоит в организации общества на основе интересов обладающей гегемонией группы. Правящая элита с этой целью создает и воспроизводит, если остальная часть общества позволяет это, политико-бюрократический аппарат, обеспечивающий ее сохранение как целостности. В обществах, разделенных на касты, сословия или классы, возникают социальные конфликты, которые могут быть урегулированы властью, возвышающейся над частными интересами.

Государственная власть разрешает конфликты в интересах групп, занимающих господствующее положение в конкретных обществах, хотя ради этого она вынуждает их пойти на уступки другим социальным группам. Посредством государственной власти политическая элита превращается в примирителя социальных конфликтов: она ищет формулы компромиссов, которые, сохраняя основы социаль-

ной системы, отодвигали бы опасность любого столкновения социальных групп. Эту функцию государственной власти можно назвать *посреднической*, причем данная функция не является нейтральной, а направлена на защиту особых интересов господствующих слоев общества [89, с. 73].

В ходе выполнения этой функции политическая элита вынуждена в той или иной мере ограничивать претензии данных слоев, предлагая и навязывая такие решения, которые в большинстве случаев удовлетворяют вступившие в конфликт группы. Политическая элита может принудительно навязать власть, используя для этого юридические нормы. Принудительный характер юридических норм сказывается в той мере, в какой их нарушение позволяет государственным органам применять санкции. Власть осуществляется посредством этих норм. Юридические нормы устанавливают, что именно нужно делать, хотя это никогда не выполняется, в той мере, в какой большинство населения конкретного государства соблюдает эти нормы. Таким образом, политическая власть является *регулятором* поведения населения данного государства, поскольку нормы определяют его поведение.

Если к власти проявляется неуважение, правители, опираясь на институционализированные аппараты насилия, могут применить санкции, предусмотренные политической системой. Политическая элита вынуждается применять институционализированное насилие на постоянной основе лишь в исключительных случаях, поскольку она обладает достаточно эффективными для управления коллективным поведением средствами прямого и косвенного убеждения. Институционализированное насилие является последним аргументом, к которому прибегает политическая элита, когда возникает угроза ее свержения.

Государственная власть в обществе проявляется весьма многообразно. Исследователи выделяют [94, с. 77] две ее формы – суверенитет гражданина и суверенитет государства.

Суверенитет гражданина – это политико-правовое качество человека, состоящего в отношениях гражданства (подданства) с государством, выражающееся в его независимости во взаимоотношениях с другими гражданами, в государственной защите от посягательств на его свободу и благополучие как внутри страны, так и вне ее пределов.

Суверенитет гражданина раскрывается через:

- общественное равенство, независимо от национальной, расовой, религиозной и социальной принадлежности;
- личную независимость и свободу в общении с согражданами и подданными других государств;
- охрану семьи и собственности;
- государственные гарантии безопасности от вторжения в личную жизнь;
- возможности участия в политической жизни страны;
- наличие особых прав и обязанностей по сравнению с иностранцами, лицами без гражданства и т. п.

Важнейшим проявлением сущности государства (государственной власти) выступает суверенитет – формальное политико-правовое свойство государства, выражающееся в верховенстве государственной власти внутри страны и независимо от ее в отношениях с другими государствами.

Внутренний суверенитет как форма государственной власти включает:

- независимость принятия властных решений, обусловленных общественной пользой, интересами и общей волей;
- распространение этих решений на все население в пределах государственной территории;
- прерогативу отмены любых решений общественно-политических организаций в интересах общественной безопасности и защиты прав человека и гражданина;
- монополию на легитимное насилие;
- монополию на содержание и применение средств принуждения (армия, полиция, тюрьмы и т. д.).

Внешний суверенитет охватывает:

- независимость принятия внешнеполитических решений в интересах государства и общества;
- неподчинение законодательству другого государства;
- неподсудность судебным органам другого государства;
- неподчиненность нормам международного права и международных договоров, нарушающим безопасность страны, права человека и гражданина.

Сущность государственной власти выявляется определением – кому принадлежит государственная власть и в чьих интересах она осуществляется. Это могут быть группа, слой, класс, большинство членов общества и, наконец, общество в целом. Разумеется, большое значение имеют такие факторы: кому принадлежит власть и кто ее осуществляет (монарх, хунта, партийная элита, демократически избранные органы власти); какими способами, методами реализуется власть (диктатура, авторитаризм, демократия).

Властвующие структуры формируются и опираются в своей деятельности на конкретную социальную общность и защищают ее интересы. В силу объективных условий государственной власти любого типа приходится представлять интересы всего населения данной страны и решать общесоциальные проблемы. По мнению исследователей [94, с. 79], устойчивость, стабильность и эффективность функционирования государственной власти повышаются по мере расширения ее социальной базы, сближения характеристик государства и гражданского общества, преобладания демократических форм и методов при формировании и осуществлении власти.

14.1.5. Экономические, социальные, идеологические основы государственной власти

Государственная власть в концентрированном виде выражает экономические потребности и интересы властвующего субъекта. Она в значительной степени является отражением экономической власти, источниками которой служат богатство и деньги. *Экономическая власть* в значительной мере обуславливает поведение людей на политической сцене. Такой скрытый, таинственный и труднодоступный для понимания способ влияния позволяет экономической власти действовать с исключительным размахом и эффективностью.

К. Маркс [69] первым раскрыл подлинную природу экономической власти. Он доказал, что увеличение богатства на одном полюсе общества неизбежно ведет к обнищанию на другом полюсе, вследствие чего растут социальная напряженность, классовый антагонизм, возникают предпосылки для революции.

Академик В. Коптюг писал: «Глобальная проблема – это социальный диспаритет. За 30 последних лет диспаритет в мире увеличился вдвое: на 20 % наиболее обеспеченного населения приходится 20 % беднейших слоев. 30 лет назад у нас в СССР он был 1 : 6, а сейчас в России – 1 : 30 [50]. Такой угрожающий социальный диспаритет возник в России за короткое время как следствие грабительской приватизации государственной собственности и действия стихийного рынка. И никакие призывы к согласию тут не помогут: для устранения экономических причин вопиющей социальной несправедливости необходимо активное государственно-правовое регулирование.

Как показал исторический опыт, уменьшение числа бедных, сокращение диспаритета между богатством и нищетой путем гибкого государственно-правового регулирования, перераспределения богатства с помощью прогрессивного налогообложения стабилизируют обстановку, предотвращают кризисы, способствуют социальному прогрессу. Государственно-правовое регулирование экономических процессов активно используется в ряде западных стран, характеризующихся экономической легитимностью власти.

История и современность свидетельствуют о фундаментальном характере государственной власти, ее способности активно и действенно влиять на экономическую власть. Демократическая государственная власть является мощным фактором осуществления реформ, проводимых в интересах большинства общества и с его согласия. Государственно-правовыми методами и средствами можно регулировать динамику экономического развития, избегать кризисов, ориентировать экономику на решение социальных задач.

Всякая власть по-настоящему устойчива, прежде всего, за счет своей социальной основы. Государственная власть функционирует в обществе, разделенном на классы, различные социальные группы с противоречивыми, часто непримиримыми интересами. Без сильной, активно функционирующей государственной власти разнонаправленные социальные, национальные силы могут разорвать социум на части, ввергнуть его в пучину «выяснения» интересов при помощи необузданной охлократической силы.

Для разрешения социальных противоречий, упорядочения межличностных, межгрупповых, межклассовых и общенациональных отношений, гармонизации различных интересов государственная власть ищет поддержку в обществе, добивается доверия у тех или иных слоев социума. Нравственная сила и престиж государственной власти основаны на доверии к ней широких слоев населения. Уважение к власти составляет ее социально-психологическую суть. Оно определяет глубокую тайну властвования, о которой писали мыслители прошлого. Поддержка государственной власти населением может быть осознанной и неосознанной. Первая опирается на положительную оценку социумом результатов деятельности государственных органов. Вторая – на мифы, эмоции, конформизм и др.

Какой бы ни была государственная власть, она всегда стремится создать в обществе представление о себе как об образцово нравственной, даже если это не со-

ответствует действительности. Еще в древних Греции и Риме сложились нравственные идеалы, к которым должна стремиться власть: существовать только для добра, реализоваться для общего блага, всегда следовать за справедливостью и т. д. Вот почему власть, преследующая цели и использующая методы, противоречащие нравственным идеалам и ценностям, признавалась и признается аморальной, лишенной нравственного авторитета.

Государственная власть, ее полноценность во многом зависят от исторических, социально-культурных, национальных традиций. Если власть опирается на традиции, то они укореняют ее в обществе, делают более прочной и стабильной. Не случайно как прошлые, так и современные государства бережно относятся к своим историческим, национальным, социально-культурным истокам и традициям. Если государственная власть экономически, социально и нравственно детерминирована, опирается на традиции, ценности, принятые в обществе, она приобретает у граждан авторитет и уважение, и может достаточно редко прибегать к принуждению для выполнения своих функций.

Государственная власть, опирающаяся на насилие и принуждение, непрочна и недолговечна, поскольку рождает в обществе растущее противодействие. Поэтому власть объективно нуждается в идеологии, т. е. системе идей, тесно связанных с интересами властвующего субъекта. С помощью идеологии власть объясняет и оправдывает свои цели и задачи, методы и способы их достижения. Идеология обеспечивает власти авторитет, доказывает тождественность ее целей интересам и целям народа. В зависимости от того, насколько интересы и цели властвующих и подвластных совпадают, государственная идеология бывает правдивой, популистской, мифической, ложной.

В демократическом государстве тенденция сближения субъекта и объекта власти ведет к их частичному совпадению. Диалектика этого совпадения заключается в том, что каждый гражданин является не только подвластным, но и индивидуальным первоносителем и источником власти. Он обязан, но и имеет право активно участвовать в формировании выборных (представительных) органов власти, выдвигать и выбирать кандидатуры в эти органы, контролировать их деятельность, быть инициатором их роспуска, реформирования. Право и долг гражданина — участвовать в принятии государственных, региональных и других решений через все виды непосредственной демократии. При демократическом режиме нет и быть не может только властвующих и только подвластных. Даже высшие органы государства и высшие должностные лица имеют над собой верховную власть общества, являются одновременно субъектом и объектом власти. В этом случае можно говорить о нравственно-идеологической легитимности власти [94, с. 83].

§ 2. ПРОБЛЕМА ДЕМОНОПОЛИЗАЦИИ ВЛАСТИ И РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

14.2.1. Динамика власти

Как показывает современная политическая практика демократических стран, механизм государственной власти имеет сложную иерархическую структуру. Рассмотрим его основные компоненты.

14.2.1.1. Первичный субъект государственной власти

Первичным субъектом власти, ее источником является народ, который, реализуя часть властных функций непосредственно, другую часть из них передает (делегирует) своему официальному представителю – государству. В Конституции Российской Федерации (ст. 3) говорится: «1. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. 2. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления» [48].

14.2.1.2. Делегирование власти

В теории власти и властных отношений важное место занимает проблема *делеги́рования власти*. Ее в свое время основательно разрабатывали Бакунин [5], Кропоткин [53], М. Вебер [17] и другие мыслители. Делегирование власти означает передачу власти (властных полномочий) от одного ее субъекта другому. Это один из основных способов функционирования власти и фундаментальный политический институт.

Делегирование власти, по определению К. А. Воробьева [21], выступает в трех видах:

- *передача полномочий* народа своим представителям в представительных органах власти, т. е. ее делегирование избранным носителям народной власти (в парламенте, органах судебной власти, самоуправления). Данная демократическая процедура совершается в силу того, что весь народ в целом не может управлять сам собой, не может весь поголовно войти в органы государственной власти. Для выполнения управленческих функций и законотворческой деятельности нужны специально подготовленные люди, которых народ и избирает в органы власти. От его имени они управляют государством. Делегирование власти совершается в этом случае вместе с ее прерогативами, привилегиями, суверенными правами;
- *передача части властных полномочий* нижестоящим субъектом власти вышестоящему по управлению государственными и общественными делами на своей территории. Например, какая-то область передает федеральному правительству функции, скажем, по охране общественного порядка или функции управления оборонными предприятиями, расположенными на территории данной области. Эта процедура называется делегированием власти «наверх». Конечно, при этом существует опасность, что вышестоящий орган может узурпировать делегированные ему полномочия и перестать считаться с местной властью. Чтобы этого не произошло, должен действовать закон, четко разделяющий компетенции центральной и местной властей;
- *передача части власти «вниз»*. Это происходит тогда, когда вышестоящий орган хочет освободиться от некоторых второстепенных функций и передать их в ведение нижестоящего органа власти, сохраняя при этом общий контроль над этим органом, не упуская из своих рук власти над ним. В противном случае местные органы власти могут выйти из-под контроля центральных органов, превысить свои полномочия. Здесь также должно действовать законодательное разграничение полномочий с предоставлением центру права контролировать

деятельность нижестоящих органов власти, а в случае необходимости отменять их неправомочные решения.

Как и во всяком деле, в процессе делегирования власти «наверх» и «вниз» необходимо соблюдать категорию меры, т. е. передавать властные полномочия в строго выверенном объеме, с гарантированным правом контроля за использованием любым субъектом власти переданных ему властных функций.

14.2.1.3. Границы государственной власти

Важной политологической проблемой является вопрос о *границах государственной власти*. Возможны ли такие сферы человеческого бытия, куда не должны вторгаться ее органы, куда их властная деятельность не распространяется? Этот вопрос занимал умы многих мыслителей прошлого, в том числе русских. Его разрабатывали Б. Н. Чичерин [125], В. С. Соловьев [110], А. А. Богданов [12] и др. Они защищали тезис о том, что государственная власть не может быть беспредельной, она должна иметь определенные границы. Это положение является центральным в теории построения правового государства.

Действительно, в правовом государстве власть не должна распространяться на неполитические, «частные», межличностные отношения людей, а также на семейно-бытовые. В этом, собственно, заключается суть подлинных гражданских свобод как свобод личности от политического надзора и контроля.

По мнению К. А. Воробьева, главные наши отечественные общественные беды в течение десятилетий происходили именно от нарушения бывшей партийно-государственной властью границ своей компетенции, от выхода за их пределы. Да и таких определяемых и гарантируемых законами пределов не было. Но если они где-то и определялись, то реально не соблюдались [21].

Сегодня основной целью наших политических реформ и нововведений является утверждение разумных границ власти, четкое определение компетенции каждого ее органа и власти в целом, повышение политической культуры, правовой грамотности и профессионализма управленческих кадров и государственных служащих. Власть должна быть аккумулирована в законе, а не в персоне. Закон должен ограничивать использование власти, она должна оставаться одинаковой при любой личности президента, премьера. Конечно, особенности личности высшего руководителя страны накладывают свой отпечаток на механизм осуществления власти. Но эти особенности не должны влиять на границы власти, определяемые законом.

14.2.1.4. Проблема монополизации власти

Столетия мировой политической практики свидетельствуют, что всякая власть, как правило, стремится к тому, чтобы расширить объект своего воздействия, свои компетенции. Другими словами, для всякой власти характерно усиление ее монополизации, проникновение, по возможности, во все новые сферы общественной и личной жизни людей. И это часто выдается за усиление власти, утверждение ее стабильности, прочности, долговечности. Однако та же мировая политическая практика показывает, что монополизация власти, ее чрезмерная концентрация в руках одного субъекта отрицательно сказывается не только на жизни

общества, народа, но и подтачивает способность самой власти, ее органов к эффективному управлению общественной и государственной жизнью.

Почему так происходит? *Во-первых*, потому что монопольный орган власти, не избираемый народом, не имея перед собой оппозиции, утрачивает ответственность перед обществом, перед населением страны за результаты своих решений и действий, и это наносит вред общественному развитию, благополучию народа, его социальным правам и свободам.

Во-вторых, потому, что монопольная политическая власть, существуя длительное время, утрачивает способность быстро и адекватно реагировать на неожиданные для нее, нестандартные ситуации. Она привыкает к неукоснительному выполнению людьми ее решений, поддержке ее действий, если даже эти решения и действия были неправильными, не соответствовали обстановке, и потому дали отрицательные результаты. Все это дискредитирует данную власть в глазах народа, приближает ее гибель.

Осознание отрицательных последствий монополизации государственной власти привело к пониманию необходимости ее демонополизации, децентрализации. Суть этого акта в том, чтобы не допустить сосредоточения государственной власти в руках одного органа или личности. Не допустить, чтобы этот властный орган или единоличный правитель сосредоточил в своих руках всю полноту власти в обществе и управлял им по своему усмотрению. По мнению К. А. Воробьева, проблема демонополизации власти — это проблема разделения власти на отдельные ветви, относительно независимые друг от друга [21] или распределение государственных властных полномочий между ветвями власти.

14.2.2. Обоснование концепции разделения властей

В истории власти борьба вокруг нее сосредоточивалась на проблеме ее политической ориентации. Теория разделения властей происходит из идеи «смешанного правления», которую разрабатывали еще Аристотель [3] и Цицерон. Цицерон различал три простые формы правления: царскую власть, власть оптиматов (аристократию) и народную власть (демократию). Подчеркивая при этом, что «благоволением своим нас привлекают к себе цари, мудростью — оптиматы, свободой — народы» [123]. Перечисленные достоинства, по его мнению, должны быть представлены в смешанной форме государства, которую он вслед за Аристотелем считал наилучшей.

В XVII в. политико-философская мысль пришла к идее такой ее структурной реорганизации, которая должна была ее демократизировать, подчинить закону и сделать более эффективной, основанной на объективном механизме властной организации, а не на воле правителей. Этой цели должно было служить разделение единой власти на несколько независимых, но взаимосвязанных властей, которые могли бы сотрудничать и контролировать друг друга.

Первый проект разделения властей разработал английский философ Дж. Локк (1632–1704) [65]. Он предложил разделить власть на законодательную, исполнительную (она же и судебная) и федеративную, ведающую международными отношениями. Таким образом, у Локка власть делилась по функциональному признаку, а не по соображениям престижа или приоритета какого-либо вида.

В первой половине XVIII в. французский философ и правовед Ш. Л. Монтескье (1689–1755) [72] создал стройную теорию разделения властей на законодательную (парламент, региональные органы), исполнительную (правительство, исполнительные учреждения на местах) и судебную (конституционный и верховный суды, судебная система на местах, органы надзора). В этой схеме не хватало еще одного субъекта высшей власти, который мог бы выступать координатором и арбитром в случае возникновения конфликтов между ветвями власти. Поэтому схема Монтескье дополнялась центральной легитимной фигурой – монархом, президентом или высшим руководителем правящей партии (в странах с однопартийной системой). Роль этих субъектов власти бывает различной, – от чисто номинальной (например, роль английской королевы) до решающей (при деспоте – монархе или диктаторе, президентском правлении, берущем на себя исполнительные и законодательные функции). Впервые в истории принцип разделения властей был юридически оформлен в Конституции США (1787) затем в конституционных актах Великой французской революции (1789). В настоящее время этот принцип реализован в большинстве государств мира.

14.2.3. Структура механизма разделения властей

14.2.3.1. Резоны и функции разделения властей

Разделение властей облегчает взаимоконтроль деятельности государственных органов. Теорию разделения властей определяют как систему контроля и равновесия. Каждая власть обладает своей сферой полномочия, закрытой для других, но влияет и на смежную сферу, так как есть вопросы совместного ведения.

Политический опыт демократических стран свидетельствует о целесообразности разделения властей.

Во-первых, это позволяет четко определить функции, компетенцию и ответственность каждой ветви власти, каждого государственного органа, осуществлять взаимный контроль, создать систему сдержек и противовесов, помогающую достигать единства действий в государственном управлении и поддерживать динамичное равновесие в обществе в процессе преодоления противоречий.

Во-вторых, позволяет предотвращать злоупотребления властью, установление диктатуры, тоталитаризма.

В-третьих, реализация принципа разделения властей дает возможность гармонично соединять такие противоречивые аспекты жизни общества, как власть и свобода, закон и право, государство и общество, под углом зрения самооценности личности [82, с. 220].

14.2.3.2. Направления делегирования властных полномочий

Государственные властные полномочия распределяются по горизонтали и по вертикали.

Разделение власти по *вертикали* представляет собой разделение властных полномочий между субъектами государственного управления различного уровня. Таким образом, создаются центральные, региональные и местные органы власти. В некоторых странах, например в Великобритании, региональный уровень отсутствует.

В разных странах эти процессы принципиально разнятся:

- в централизованных государствах местные органы власти являются как бы «продолжением» центральных органов (Греция, Ирландия, Исландия, Португалия и др.);
- децентрализованных – местные органы (провинции, земли, департаменты) наделены значительными полномочиями (Италия, Испания, Франция и др.);
- полуцентрализованных – местные органы власти в ряде сфер (к примеру, в сферах образования, здравоохранения, строительства и т. п.) пользуются значительной самостоятельностью, а в остальном зависят от центральных властей (Великобритания, Нидерланды).

Вертикальная структура обеспечивает власть сверху вниз. Главное в этой структуре – обоснованное и организационно обеспеченное число промежуточных звеньев при движении властных распоряжений от основного субъекта к основному объекту, где непосредственно реализуются эти распоряжения. Здесь могут возникнуть две опасности: первая – формирование *излишних* промежуточных структур, что ведет к раздуванию управленческого аппарата, снижению ответственности его работников, искажению властных распоряжений; вторая опасность – отсутствие *необходимых* звеньев в данной управленческой системе. В этом случае решение основного (центрального) субъекта власти может не дойти до низового объекта, «затеряться» в пути.

В нашей стране, по мнению К. А. Воробьева, эти опасности реальны. Чтобы избежать их, в настоящее время обращается большое внимание на формирование вертикали президентской власти. До недавнего времени федеральному центру было сложно управлять восьмьюдесятью девятью субъектами федерации. Поэтому было образовано 7 федеральных округов, которыми Президент управляет через своих полномочных представителей. Как показала практика, это звено в системе государственного управления необходимо, оно выполняет важные властные функции [21].

14.2.3.3. Субъекты горизонтального распределения государственной власти

Разделение власти по *горизонтали* представляет собой распределение властных полномочий между тремя властными органами («ветвями» власти) – законодательным, исполнительным и судебным.

Законодательная власть основывается на принципах конституционности и верховенства закона и формируется путем свободных выборов. Она представляет собой совокупность полномочий по изданию законов, а также систему государственных органов, осуществляющих эти полномочия. В различных странах функции законодательной власти различны и по объему, и по содержанию. Но, как правило, законодательная власть вносит поправки в конституцию, определяет основы внутренней и внешней политики государства, утверждает государственный бюджет, обсуждает и принимает законы, обязательные для исполнительных органов и граждан, контролирует их исполнение. В подавляющем большинстве стран носителем законодательной власти выступает представительный орган – парламент, который бывает двух- или однопалатным. В ряде стран существует двухпалатная

парламентская система, при которой одна палата формируется в результате прямых выборов, а другая – на основе территориальной пропорциональности. В некоторых странах (Бельгии, Италии, Швейцарии) обе палаты равноправны, принимают одинаковое участие в формировании правительства и в законотворческом процессе. Верховенство законодательной власти ограничено действующей в стране конституцией и системой права. В нашей стране высшим законодательным органом является Федеральное Собрание – парламент Российской Федерации (ст. 94 Конституции РФ). Этот орган состоит из двух палат – Совета Федерации и Государственной Думы.

Исполнительная власть представляет собой совокупность полномочий по управлению государственными делами, полномочия внешнеполитического представительства, административного контроля, иногда и законодательные полномочия (в порядке делегированного или чрезвычайного законодательства), а также систему государственных органов, осуществляющих вышеперечисленные полномочия.

Современные конституции формально наделяют исполнительной властью главу государства (в парламентских монархиях и республиках, в президентских республиках) или правительство (в республиках смешанного типа). Однако фактически в парламентарных монархиях и республиках вся исполнительная власть целиком принадлежит правительству, в дуалистических монархиях – монарху совместно с правительством, а в республиках смешанного типа осуществление исполнительной власти правительством, как правило, происходит под непосредственным руководством и контролем главы государства (президента). Исполнительную власть в нашей стране осуществляет Правительство Российской Федерации, состоящее из Председателя, его заместителей и федеральных министров

На региональном и местном уровне исполнительная власть осуществляется различными органами местного управления и самоуправления (губернаторами, мэрами, префектами, старостами и подчиненным им аппаратом).

Исполнительно-распорядительная власть отличается динамизмом, повышенной восприимчивостью к общественной жизни, осуществляется правительством. Особенность исполнительной власти в том, что она не только исполняет законы, но и сама издает нормативные акты или выступает с законодательной инициативой. Эта власть осуществляет свою деятельность преимущественно за «закрытыми» дверями и при отсутствии механизма сдержек неизбежно подминает под себя и законодательную, и судебную власть.

Исполнительно-распорядительная деятельность должна быть основана на законе и существовать в рамках закона. Она не имеет права присваивать себе полномочия и требовать от граждан выполнения каких-либо обязанностей, если это не предусмотрено законом. Ее сдерживание достигается посредством регулярной отчетности и ответственности перед народным представительством, которое имеет право контроля за деятельностью исполнительной власти.

Судебная власть стоит на страже конституционного устройства государства, законности и порядка, прав и свобод граждан. Она как самостоятельная структура государственной организации в своих действиях независима от законодательной и исполнительной власти. Судебная власть осуществляет надзор за действиями первых двух ветвей власти, за соблюдением их работниками законов государства и

прав человека. Она представляет собой *совокупность полномочий* по осуществлению правосудия, а также *систему государственных органов*, их осуществляющих.

Судебная власть получает полномочия:

- в порядке, установленном процессуальным законом;
- а иногда дополнительных полномочий по обязательному толкованию норм права (например, Конституционный Суд РФ, Верховный Суд США);
- на основе нормотворческих полномочий (создание судебных прецедентов судами в англосаксонских странах);
- через предоставление контрольных полномочий (например, проверка законности ареста или задержания);
- как дополнительные второстепенные полномочия (установление фактов, регистрация корпораций в некоторых странах и т. п.) [93, с. 46].

Полномочия судебной власти подразделяются на основные и вспомогательные. Основные (исключительные) – это полномочия по рассмотрению и разрешению уголовных, гражданских, административных и конституционных дел (споров) – по осуществлению правосудия. В современных демократических государствах осуществление основных полномочий судебной власти возлагается на суды различных категорий (обычные (общей компетенции и специализированные), административные, конституционные), а также иногда на так называемые квазисудебные органы. В РФ основные полномочия судебной власти осуществляются только судами (в том числе единолично судьями).

Особая и чрезвычайно важная роль высшего арбитра в отношениях между властью и обществом, органами власти и гражданами принадлежит конституционному суду. Он призван определять отношение всех инстанций власти, общества и его членов к праву, закону и его центральному звену – конституции. Отношения между разделенными властями регулируются соответствующими законами, положениями конституции (если они сформулированы в ней и существует сама конституционная форма правления), традициями политической культуры общества, историческим опытом.

Состояние судебной власти, отношение к ней в обществе, направление ее развития оказывают существенное воздействие на все стороны жизни общества: экономическую, политическую, культурную, статус человека, обеспечение и защиту его прав и свобод. Суд призван быть защитником права, пресекая правонарушения.

По Конституции Российской Федерации (ст. 118) судебная власть в стране «осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства». Высшим судебным органом по гражданским, уголовным, административным и иным делам является Верховный Суд РФ (ст. 126), а по разрешению экономических споров и иных дел, рассматриваемых арбитражными судами, – Высший Арбитражный Суд РФ (ст. 127).

Горизонтальная структура власти существует между элементами государственного управления на одном и том же уровне. Она формируется из представителей разных ведомств для решения конкретных управленческих проблем, например, при реализации федеральных целевых программ, в системе мероприятий по борьбе с терроризмом (антитеррористические операции) и т. д. Таким образом, горизонтальные структуры власти – явления временные, эпизодические. Эффектив-

ность их деятельности зависит от четкости договорной базы между входящими в такую структуру субъектами, преодоления каких-либо местнических или групповых интересов, иных противоречий между руководителями созданного органа управления. Горизонтальные структуры власти могут формироваться не только на федеральном, но и на региональном и местном уровнях.

Кроме органов государственной власти, властные полномочия имеют и *органы общественной власти*. Здесь в первую очередь нужно назвать органы местного самоуправления, которые не входят в систему государственной власти, к примеру, в Российской Федерации (ст. 12 Конституции РФ). Они призваны самостоятельно управлять муниципальной собственностью, формировать, утверждать и исполнять местный бюджет, устанавливать местные налоги и сборы, осуществлять охрану общественного порядка, а также решать иные вопросы местного значения (ст. 132).

В соответствии с Конституцией РФ Федеральный закон «Об общих принципах организации самоуправления в Российской Федерации от 28 августа 1995 г. (с изменениями и дополнениями, внесенными Федеральными законами от 22 апреля 1996 г. и 28 ноября 1996 г.)» определяет роль местного самоуправления в осуществлении народовластия, правовые, экономические и финансовые основы местного самоуправления и государственные гарантии его осуществления, устанавливает общие принципы организации местного самоуправления. В соответствии с данным законом практически на всей территории страны организованы органы местного самоуправления (муниципальные органы), основная задача которых (п. 1, ст. 2) – решение вопросов местного значения исходя из интересов населения, его исторических и иных местных традиций [93].

14.2.3.4. Консолидация власти

Разделение властей и разграничение их компетенции в различных странах имеют свою специфику. *Полное* разграничение функций законодательной, исполнительной и судебной властей не только практически невозможно, но и вряд ли целесообразно и эффективно с точки зрения политической практики. Государственная власть должна быть *единой* при своем многообразии.

Действительно, если, скажем, законодательная власть будет только издавать законы, но не иметь права проверять их выполнение, то такая власть потеряет всякую силу и авторитет. Это право она должна иметь. Так же и исполнительная власть должна не только выполнять законы, но иметь право издавать строго определенные ее компетенцией постановления, а президент – указы, имеющие силу закона. Только такое единство законодательной и исполнительной властей, а не их противоборство, будет эффективно влиять на развитие общества. Известный русский философ В. С. Соловьев по этому вопросу писал: «Ясно, что эти три различные власти – законодательная, судебная и исполнительная – при всей необходимой раздельности (дифференциации) не могут быть разобщены, так как они имеют одну и ту же цель: правомерное служение общему благу» [110].

Поэтому общим для всех демократических государств является правило, согласно которому три ветви власти не должны быть полностью разобщены, или, напротив, соединены под единым началом. В рамках единой целостности власти государства необходимо разграничение властей, чтобы каждая из них эффективно

осуществляла свои полномочия, и их единство, чтобы обеспечить интересы личности, народа, а также социальный прогресс общества.

§ 3. ЛЕГИТИМНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Проявления власти в обществе чрезвычайно многообразны, изменчивы и отнositельны. Для того чтобы упорядочить их, стабилизировать власть в обществе и сделать ее функционально способной, ее необходимо институционализировать, закрепить в форме политического господства. Многие политологи, особенно европейские, считают категорию господства центральной, базовой для понимания политики, а изучение системы государственного господства – одной из первейших задач политологии.

14.3.1. Понятие легитимности и легальности государственной власти

14.3.1.1. Политическое господство

Политическое господство означает структурирование в обществе отношений командования и подчинения, организационное и законодательное оформление факта разделения в обществе управленческого труда и обычно связанных с ним привилегий – с одной стороны, и исполнительской деятельности – с другой. Оно возникает тогда, когда власть институционализируется, превращается в устойчивые отношения, когда в организации устанавливаются позиции, занятия которых позволяют принимать решения, приказывать, разрешать или запрещать. Господство, – писал Вебер [19], – означает шанс встретить повиновение определенному приказу.

Господство неразрывно связано с властью, является формой ее организации в обществе. Политическая власть, опираясь на вооруженную силу, может возникнуть и до установления господства. Однако в этом случае она не сможет долго продержаться и выполнять свои функции в обществе.

Научное понимание господства, в отличие от его трактовки в повседневном языке, этически нейтрально и не связано с такими негативными атрибутами, как эксплуатация, угнетение, подавление. Господство, по определению В. П. Пугачева, это политический порядок, при котором одни командуют, а другие подчиняются, хотя первые могут находиться под демократическим контролем вторых. Такой порядок может соответствовать интересам не только управляющего меньшинства, но и всего общества или, по крайней мере, его большинства, хотя в истории человечества политическое господство проявлялось обычно как форма закрепления и (или) средство приобретения социального господства, т. е. привилегированного положения в обществе, связанного с социальным неравенством [98, с. 107].

14.3.1.2. Политическая легитимность

Политическое господство как институционализировавшаяся власть может по-разному оцениваться гражданами. Положительная оценка, принятие населением

власти, признание ее правомерности, права управлять и согласие подчиняться означает ее *легитимность*. Она является одним из основных специфических свойств государственной власти. Легитимность представляет собой форму *поддержки, оправдания правомерности применения власти* и осуществления (конкретной формы) правления либо государством в целом, либо его отдельными структурами и институтами. Легитимная власть обычно характеризуется как правомерная и справедливая. Она связана с наличием у власти авторитета, ее соответствием ценностным представлениям большинства граждан, с консенсусом общества в области основополагающих политических ценностей.

Этимологически слово «легитимность» ведет свое начало от латинского *legalis* – законный. Однако легитимность и законность не являются синонимами. Поскольку государственная власть не всегда основывается на праве и законах, но всегда пользуется той или иной поддержкой хотя бы части населения, *легитимность*, характеризующая опору и поддержку власти реальными субъектами политики, отличается от *легальности*, свидетельствующей о юридическом, законодательно обоснованном типе правления, т. е. о признании его правомочности всем населением в целом. В одних политических системах власть может быть легальной и нелегитимной, как, например, при правлении метрополий в колониальных государствах, в других – легитимной, но нелегальной, как, скажем, после свершения революционного переворота, поддержанного большинством населения, в третьих – и легальной, и легитимной, как, к примеру, после победы определенных сил на выборах [109, с. 133].

История термина «*легитимность*» восходит к Средним векам, когда складывалось понимание легитимности как согласия с обычаями, традициями и установленным поведением. Понятие «легитимность» трактовалась как право высших должностных лиц поступать согласно обычаям, но уже с середины XIV в. начинает употребляться в смысле правомочия выборной власти.

Термин «легитимность» (*legitime*) имел несколько значений. Он возник в начале XIX в. во Франции и первоначально практически отождествлялся с термином *legalite* (законность). Его использовали для обозначения законно установленной власти в отличие от насильственно узурпированной. Однако термин «легитимность» не имеет строго юридического содержания и не фиксируется в конституциях. В отличие от легальности, которая является юридическим основанием власти, ее норм и законов, легитимность отражает степень соответствия власти ценностным представлениям большинства граждан.

В научный обиход термин «легитимность» ввел М. Вебер [18, с. 602]. Немецкий ученый указал на то, что любая власть нуждается в самооправдании, признании и поддержке. Вебер имел в виду не юридические, а социологические (поведенческие) характеристики господства (власти) и придавал главное значение фактору монопольного применения насилия. Легитимность – это своеобразный символ веры, представление, которое присутствует в сознании граждан. Оно означает убежденность людей в том, что власть имеет право принимать решения, обязательные для выполнения. Объясняя принцип легитимности, он включил в нее два положения: во-первых, признание власти правителей, и, во-вторых, обязанности управляемых подчиняться ей.

По мнению ряда отечественных исследователей *легитимность представляет собой определенный исторически сложившийся, социально значимый порядок происхо-*

ждения и функционирования власти, который делает возможным достижение согласия во властных структурах и в их взаимодействии с обществом [93].

Под *легитимностью власти* подразумевается признание, по меньшей мере, большинством членов общества правомерности действующего политического режима. Такое признание невозможно обеспечить только насильственными средствами. Большинство людей повинуются властям, как правило, добровольно, а не по принуждению. Определяя легитимность как способность власти «создавать и поддерживать у людей убеждение в том, что существующие политические институты являются наилучшими» (С. Липсет [64]), не следует полагать, будто подобное убеждение разделяют все граждане. В обществе всегда есть социальные группы, не разделяющие политический курс режима и не принимающие его. Тем не менее, отражая ценности и предпочтения большинства, даже эти группы признают власть наилучшей и соглашаются, что ей следует подчиняться, несмотря на ее промахи и недостатки.

Государственная власть не есть постоянная и раз и навсегда фиксированная величина. Как и сумма денег, объем власти может уменьшаться или расти. Например, энергичный деятель, пользующийся поддержкой населения, способен придать власти дополнительную значимость и силу. Следует отметить, что применение насилия или физических ограничений для власти является не первым, а последним аргументом. Известно, что к использованию золота как эталона определения стоимости денег прибегают лишь в периоды кризиса. Точно так же власть прибегает к силе лишь в тех случаях, когда члены коллектива не подчиняются общим интересам данного коллектива.

По мнению К. С. Гаджиева, власть сильна и дееспособна не тогда, когда она всемогуща и прибегает к силе не в качестве первого, а последнего аргумента, а когда она проявляет максимум заботы о членах общества и обеспечивает оптимальные условия для их безопасности и самореализации. Злоупотребление властью, подавление свободы граждан заложены не в сущности самой власти, а в необоснованной и неоправданной ее концентрации. Политика — это не только насилие или угроза применения насилия, наказание и порицание, но и обещания, вознаграждения, сотрудничество, обмен и т. д. [22].

Легитимность является важнейшим признаком демократической власти, признания ее не только гражданами, но и мировым сообществом. В свою очередь, это оказывается возможным в том случае, если власть опирается на ценности, традиции, предпочтения и устремления большинства общества. Поэтому даже авторитарные режимы стремятся обеспечить себе определенные признаки легитимности (выборность, народное представительство и др.). Авторитарные лидеры понимают, что власть не может долгое время опираться ни насилие ввиду ограниченности ресурса принуждения, поэтому они стремятся заручиться поддержкой населения.

По мнению Р. Т. Мухаева, введение принципа легитимности власти явилось отражением растущей цивилизованности общества. Этот принцип позволяет отличать законно установленную власть (на основе выборов или престолонаследия) от узурпаторской, т. е. насильственно захваченной в результате переворота, бунта и т. д. Кроме того, принцип легитимности определяет границы правомерности использования властью насильственных мер. Наконец, международный аспект принципа легитимности заключается в признании международным сообществом

неправомерности насильственного изменения государственных границ (захват чужой территории) и нарушения режимом конкретной страны норм международного права [76, с. 114].

В политологической литературе [15] выделяются три уровня легитимности власти:

- *идеологический*: власть признается обоснованной в силу внутренней убежденности или веры в правильность тех идеологических ценностей, которые ею провозглашены (источник легитимности – идеологические ценности);
- *структурный*: правомочность власти вытекает из уверенности в законности и ценности установленных структур и норм, регулирующих политические отношения (источник легитимности – специфические политические структуры);
- *персональный*: одобрение властвующего лица (источник легитимности – личный авторитет правителя).

14.3.1.3. Политическая легальность

Легитимность – явление политическое, а легальность – юридическое (устанавливается и гарантируется властью). Легальность, в отличие от легитимности (которая может быть, например, харизматической, иррациональной), рациональна. Форма легализации власти – законодательство (акты о наследовании престола, об избрании парламента, президента и т. д.). Для граждан легальность состоит в повиновении законам и их исполнении.

Легализм (от лат. *legalis* – законный) – линия, ориентация, установка на последовательное соблюдение и исполнение правовых норм согласно критериям, определенным законом, правовой традицией и культурой общества. С общетеоретических и прикладных позиций легалисты выступают за нормативное представление о праве и формальное его истолкование и применение, против либерального подхода в выборе правовых решений. В политико-социологической традиции в отношении соблюдения правовых норм существуют два существенно различающихся подхода: ригористический и толерантный. Ригоризм (от франц. *rigorisme*, от лат. *rigor* – твердость, строгость) означает и предполагает принципиальную, формальную, бескомпромиссную и критическую линию в правовом поведении. Толерантность, выражая высокую степень доверия к законам и законодательным органам, предполагает в определенной степени терпимое отношение к ряду противоправных действий.

С точки зрения отношения определенных социальных групп и их представителей к праву и закону в легализме выделяется следующий ряд «идеальных» позиций и подходов:

- признание права как единственной, ведущей и самодовлеющей системы контроля за социальным поведением;
- отношение к праву как к важнейшему, но не единственному источнику контроля и мотивации действий, к каковым относят обычай, традицию, мораль, нравственность и др.;
- отношение к закону с последовательно критических позиций, выступление за реформы права, подчинение закону по принуждению, а не по согласию;
- отношение к праву и закону с позиций нигилизма.

В условиях демократического развития, развитого среднего класса, наличия высокой правовой культуры достигается необходимый консенсус в рамках легализма. Он представляет собой, по определению Ю. В. Ирхина, положительное восприятие значительной частью общества основных принципов права, других общепринятых источников контроля и мотивации социальных действий. При этом большинство сознательно поддерживает или руководствуется основными принципами толерантного поведения [41, с. 285] .

Легальность – признание какой-либо организации, процедуры, общественно-го отношения существующими на законных основаниях. Легальность противопоставляется нелегальности (запрещенное, существующее вопреки закону). В конституционном (государственном) праве и социально-политической практике значим вопрос о легализации политических партий и других общественных организаций и движений. В соответствии с ч. 5 ст. 13 Конституции Российской Федерации (1993 г.) запрещены создание и деятельность общественных объединений и организаций, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни [48].

14.3.2. Источники легитимности

Легитимация государственной власти – это процесс, всегда чем-то обусловленный. Попыток легитимации политических режимов принципиально больше, чем их успешных результатов. В значительной степени это обусловлено ограниченным числом источников обеспечения легитимности государственной власти.

Легитимация (от лат. *legitimus* – согласный с законом, законный, правомерный, надлежащий, должный) – процедура общественного признания какого-либо действия, события или факта, действующего лица. Она выражает характер осознания и принятия членами общества:

- общепризнанного порядка, результатов выборов, формирования и деятельности властных структур и организаций;
- процедуру или процесс признания правомерности официальной власти обществом, международными организациями и государствами, а также какого-либо политического действия, действующего лица, события или факта политической жизни общества.

А затем политический режим через легитимность:

- утверждает свою власть и политику;
- объясняет и оправдывает политические решения;
- обосновывает создание политических структур, их изменение и обновление;
- обеспечивает повиновение, согласие без принуждения, располагает к доверию.

Легитимация политической власти не означает ее юридической законности, и потому легитимацию не следует смешивать с легализацией. Соответственно, легитимность не следует путать с юридической легальностью, т. е. с конституционной и иной законностью. Существующая власть, если она издает законы и обеспечи-

вайт их выполнение, легальна. Но в то же время она может оставаться не признанной народными массами, т. е. не быть легитимной [41, с. 283].

В политической науке выделяются несколько универсальных механизмов легитимации власти:

- *социально-психологический*, основывающийся на психологических свойствах групп и больших масс: акцент делается на конформизм массы, стремление «маленького» человека ориентироваться на авторитеты и мнение большинства, веру в «справедливость» существующего порядка и принципы распределения ценностей;
- *политическое участие* граждан в управлении, что создает ощущение причастности людей к политике;
- *организационное воздействие* посредством административной, экономической, военной, образовательной и т. п. деятельности власти;
- *силовое воздействие*; однако формы, степень его распространения и использования различны. Оно проявляется в ограничении прав и свобод личности, прежде всего права на получение полной и объективной информации, выступления, объединения, манифестации. Чем ниже уровень легитимации, тем сильнее принуждение;
- *политическая социализация*, в процессе которой происходит приобщение индивида к существующим ценностям, опыту, нормам.

Функционирование политической власти осуществляется на базе общепризнанных принципов суверенитета. Его основными принципами являются *верховенство* и *независимость* государственной власти. Верховенство государственной власти представляет собой исключительное право государства устанавливать в обществе единый правопорядок, определять статус государственных органов, наделять правами и обязанностями граждан, использовать насилие. Средоточие политической власти у государства и питает также его верховенство по сравнению с другими политическими институтами: политическими партиями, движениями и т. д. Независимость государственной власти выражена в ее самостоятельности и равноправии в отношениях с другими государствами.

Легитимность территории или режима в первую очередь зависит от признания ее населением и мировым сообществом, т. е. от наличия суверенитета. Поэтому любая политическая власть яростно борется и внимательно следит за признанием и укреплением своей суверенности. Однако в основе суверенитета лежит отношение национального социума к правящему режиму. Легитимность государства зависит от ментальности его населения.

В истории политической мысли высказывалось немало разноречивых взглядов относительно самой возможности легитимации власти. Так, ученые, стоящие на антропологических позициях и платформе естественного права, исходят из того, что легитимность возможна и реальна, поскольку в человеческом обществе существуют некие абсолютные, общие для всех ценности и идеалы. Это и дает гражданам возможность поддерживать власть [109, с. 133].

В то же время немало ученых полагают, что как раз отсутствие таких общих для всех идей в сегментированном обществе является причиной невозможности возникновения легитимности. Так, по мнению австрийского ученого Г. Кельсена, че-

ловеческое знание и интересы крайне релятивны, а потому все свободны и в конструировании своей жизни, и в отношении к власти. Вместе с тем сторонники договорных теорий утверждают, что поддержка власти возможна до тех пор, пока существует совместная договоренность граждан относительно ее целей и ценностей. Поэтому «любой тип легитимности предполагает существование минимального социального консенсуса относительно тех ценностей, которые приемлет большинство общества и которые лежат в основе функционирования политического режима» [59, с. 19].

Иной подход еще в XVIII в. предложил английский мыслитель Э. Берк [10], который разделил теоретические и практические аспекты легитимности. Легитимность он анализировал не саму по себе, а связывал ее только с конкретным режимом, с конкретными гражданами. По его мнению, только положительный опыт и привычка населения могут привести к построению такой модели власти, при которой она удовлетворяла бы интересы граждан и, следовательно, могла бы пользоваться их поддержкой. Причем этот опыт и соответствующие условия должны формироваться, накапливаться эволюционно, препятствуя сознательному конструированию легитимности.

В настоящее время в политической науке принято более конкретно подходить к понятию легитимности, фиксируя значительно более широкий круг ее источников и форм. В качестве основных источников легитимности, как правило, рассматриваются три субъекта: население, правительство (в первую очередь его лидер) и внешнеполитические структуры.

Легитимность, которая означает поддержку власти *со стороны широких слоев населения*, является самой заветной целью всех политических режимов. Именно она в первую очередь обеспечивает стабильность и устойчивость власти. Положительное отношение населения к политике властей и признание им правомочности правящей элиты формируются по любым проблемам, оказывающимся в фокусе общественного мнения. Одобрение и поддержка населением властей связаны с разнообразными политическими и гражданскими традициями, механизмами распространения идеологий, процессами формирования авторитета разделяемых «верхами» и «низами» ценностей, определенной организацией государства и общества. Это заставляет относиться к легитимности как к политико-культурной характеристике властных отношений.

Население может поддерживать правителей и тогда, когда они плохо управляют государством. В силу этого такая легитимность может формироваться даже в условиях снижения эффективности правления. Поэтому при такой форме легитимности во главу угла ставится не зависящая от формально-правовых установлений реальная расположенность и комплиментарность граждан к существующему режиму.

В то же время легитимность может иницироваться и формироваться не населением, а самим *государством (правительством и его лидером)* и политическими структурами (проправительственными партиями), побуждающими массовое сознание воспроизводить положительные оценки деятельности правящего режима. Такая легитимность базируется уже на праве граждан выполнять свои обязанности по поддержанию определенного порядка и отношений с государством. Она непосредственно зависит от способности властей, элитарных структур создавать и под-

держивать убеждения людей в справедливости и оптимальности сложившихся политических институтов и проводимой ими линии поведения.

Для формирования такой легитимности громадное значение приобретают институциональные и коммуникативные ресурсы государства. Правда, подобные формы легитимности нередко оборачиваются излишней юридизацией, позволяющей в конечном счете считать любое институционально и законодательно оформленное правление узаконенным правом властей на применение принуждения. Таким образом, легитимность по сути отождествляется с легальностью, законностью, юридической обоснованностью государственной власти и закреплённостью ее существования в обществе.

Легитимность может формироваться и *внешними политическими центрами* — дружественными государствами, международными организациями. Такая разновидность политической поддержки часто используется при выборах руководителей государства, в условиях международных конфликтов.

Категория легитимности, как отмечает А. И. Соловьев, применима и для характеристики самих политиков, различных институтов, норм и отдельных органов государства. Иными словами, и внутри государства различные политические субъекты могут обладать разным характером и иметь разный уровень поддержки общественным или международным мнением. Например, институт президента в Югославии пользовался широкой поддержкой внутри страны, но решительно осуждался на международной арене, где многие страны считали Милошевича военным преступником. Или, наоборот, отдельные политики или партии на родине могут подвергаться остракизму, а за рубежом пользоваться поддержкой как представители демократического движения. Так, население может поддерживать парламент и протестовать против деятельности правительства, а может поддерживать президента и негативно относиться к деятельности представительных органов [109, с. 134]. Таким образом, легитимность может обладать различной интенсивностью, давая возможность устанавливать иерархические связи между отдельными политиками и органами власти.

14.3.3. Типы легитимности

Многообразие возможностей различных политических субъектов поддерживать систему правления предполагает столь же разнообразные типы легитимности. В политической науке наиболее популярна классификация, составленная М. Вебером, который с точки зрения мотивации подчинения выделил три типа. Разумеется, в данном случае речь идет об известной теоретической идеализации, поскольку в конкретных исторических условиях элементы каждого из указанных типов власти присутствуют в различных сочетаниях и по-разному влияют на характер властных отношений.

14.3.3.1. Традиционная легитимность

Традиционная легитимность формируется на основе веры людей в необходимость и неизбежность подчинения власти. А затем получает в обществе статус традиции, обычая, привычки к повиновению тем или иным лицам или политическим

институтам. Данная разновидность легитимности особенно часто встречается при наследственном типе правления, в частности в монархических государствах. Длительная привычка к той или иной форме правления создает эффект ее справедливости и законности, что придает власти высокую стабильность и устойчивость. *Традиционная власть* опирается на веру в ее вечность и священный характер. Решения и действия лиц, осуществляющих эту власть, считаются правомочными, если они соответствуют сложившимся в обществе традициям или историческим прецедентам. Соблюдение этих традиций препятствует абсолютному произволу: если властители их нарушают, то массы могут отказать им в легитимности. Тем не менее, вне традиционных норм властители могут принимать произвольные решения, поэтому фактические властные полномочия как бы складываются из двух компонентов: с одной стороны, власти, связанной и ограниченной традициями; и с другой — власти, не связанной с традиционными началами и ограниченной только чувствами властителя. В зависимости от соотношения этих компонентов М. Вебер [19] выделил четыре вида традиционной власти: *патриархализм*, *патримониализм*, *султанизм* и *феодализм*.

Патриархализм означает полную зависимость властителей от традиций и представляет «чистый» вид традиционной власти, свойственный родовым отношениям.

Патримониализм характеризуется определенной свободой властителя от традиций и появляется при создании армии и административного аппарата для управления захваченными территориями. При этом армия и административный аппарат, по сути, являются собственностью правителя — он содержит и вооружает войска из своих личных средств, а также по собственному усмотрению назначает чиновников и определяет их полномочия.

По мере дальнейшего расширения подчиненной территории правитель вынужден делегировать часть своих властных полномочий аппарату управления. Если чиновники рекрутируются из социальных низов и, получая плату за выполнение административных функций, зависят от воли властителя, то происходит централизация власти, ведущая к формированию *султанизма* — разновидности патримониализма, характерной для стран Востока. Здесь власть передается по наследству, а правитель фактически свободен от патриархальных традиций, что нередко граничит с абсолютным произволом.

Западная разновидность «позднего патримониализма» — *феодализм* — отличается от султанизма тем, что чиновники рекрутируются из местной знати, образуя сословие нотаблей, которые при выполнении управленческих функций обычно не нуждаются в оплате. В результате происходит децентрализация власти: формируется сильная местная власть в лице крупных землевладельцев — феодалов, которые выступают посредниками между центральной властью и подданными. При феодализме верховный правитель — король, царь и т. д. — может передавать часть властных полномочий и соответствующих привилегий нотаблям, строя свои взаимоотношения с ними на договорных началах, поэтому административные проблемы решаются на основе права. По мнению М. Вебера, благодаря правовому фактору феодализм тяготеет к легальному типу власти и служит ступенью на пути к формированию рационального государства.

Традиционный тип легитимности сохранился до настоящего времени, хотя и заметно трансформировался. К нему относятся режимы королевской власти в таких странах, как Непал, Саудовская Аравия, Оман, Иордания, Кувейт.

14.3.3.2. Харизматическая легитимность

Харизматическая легитимность складывается в результате веры людей в качества политического лидера, признаваемые ими выдающимися. Понятие «харизма» (греч. *charisma* – благодать, божественный дар) заимствовано из античной христианской терминологии. Им обозначается исключительный авторитет, которым пользуются некоторые индивиды внутри ограниченных сообществ, например в сектах. Этот авторитет имеет две особенности. Во-первых, он настолько высок, что способен вовлечь людей в действия, к осуществлению которых их ничто не вынуждает. А во-вторых, этот авторитет не зависит ни от ранее существовавших условий, как это имеет место в случае царской власти, ни от воли других людей, из чего складывается авторитет, к примеру, президента или Папы. В теологических терминах авторитет идет о Бога. В светских терминах – авторитет исходит от самого индивида, т. е. от его способности утверждения политических отношений на основе обольщения [39].

Образ непогрешимого, наделенного исключительными качествами человека переносится общественным мнением на всю систему власти. Безоговорочно веря всем действиям и замыслам харизматического лидера, люди некритически воспринимают стиль и методы его правления. Эмоциональный восторг населения, формирующий этот высший авторитет, чаще всего возникает в период революционных перемен, когда рушатся привычные для человека социальные порядки и идеалы и люди не могут опереться ни на бывшие нормы и ценности, ни на еще формирующиеся правила политической игры. Поэтому харизма лидера воплощает веру и надежду людей на лучшее будущее в смутное время.

Харизматический авторитет не связан нормами или правилами. Решающее значение для возникновения харизматического отношения имеет не столько само обладание харизмой, сколько признание ее со стороны последователей. Условный характер харизматических отношений, как правило, не осознается их участниками: лидер верит в свое призвание, а последователи верят в лидера.

Рассматривая харизму как экстраординарную способность индивида, Вебер полагал, что она не приобретается, а даруется природой, Богом, судьбой. К харизматическим качествам Вебер относит магические способности, пророческий дар, выдающуюся силу духа и слова. Харизмой, по Веберу, обладают герои, великие полководцы, маги, пророки и провидцы, гениальные художники, выдающиеся политики; основатели мировых религий – Будда, Иисус Христос, Магомет; основатели государств – Солон и Ликург; великие завоеватели – Александр Македонский, Цезарь, Наполеон. Все это харизматические лидеры. Не случайно для пророка, по Веберу, характерен такой оборот: «Сказано... А я говорю вам...». Аффективный тип социального действия является основной базой харизматического господства. Он исключает «всякий компромисс с ежедневной жизнью» и означает одновременно как нарушение традиций, так и факт нового господства.

Вождь-харизматик всегда стремится подорвать основы существующего социального порядка и отличается политическим радикализмом. Вебер рассматривал харизму как «великую революционную силу», существовавшую в традиционном типе общества и способную внести изменения в лишённую динамики структуру этих обществ. Харизматическая власть является нестабильной по сравнению с традиционной и легальной. Власть харизматического властителя фактически не

подкреплена официальным правом или священной традицией, что вынуждает властителя постоянно подтверждать гражданам свою харизму. Для поддержания харизмы необходимы регулярные «великие» деяния вождя, приносящие крупный успех, победу и т. д. Как только они иссякают, так сразу же исчезает вера в его необыкновенные качества, а следовательно, разрушается и основа харизматического господства. Относительная (в масштабах истории) кратковременность, основанная на харизме власти, определяется и теми средствами, которыми она пользуется. Это стремление лидера к единоличной власти, всемерное поддержание культа его личности, пресечение всех демократических форм в развитии общества, постоянный поиск «врагов народа», физические расправы и т. д.

Поскольку харизматическая власть персонифицируется с конкретным индивидуом, обладающим «уникальными» качествами, она не может быть постоянной и передаваться обычным путем. Харизма не вечна, ибо вождь смертен, поэтому окружение лидера стремится сохранить ее для себя. В связи с этим, еще при его жизни слово харизматического лидера объявляется непогрешимым, возводится в ранг священного, не может быть подвергнуто сомнению. Если лидер не назначит преемника, то между его последователями нередко возникает борьба за право наследовать власть, которая грозит перерасти в кризис и привести к утрате их влияния на общество. Однако «соратники вождя» могут и объединиться, чтобы в той или иной степени сохранить харизматическое воздействие. Если при этом «особые» качества лидера переносятся на его семью, род, то возникает родовая харизма, а если на должность или организацию, которую он, соответственно, занимал или создавал, то харизма превращается в безличную и становится свойством того или иного социального института.

Со стабилизацией социальной системы харизматическое господство трансформируется в традиционное или легальное господство, происходит «рутинизация харизмы». Зачастую времена харизматической легитимности осознаются нарочитым как проявление далеко не лучшей формы политической власти.

14.3.3.3. Рациональная легитимность

Рациональная (демократическая) легитимность возникает в результате осознания людьми справедливости рациональных и демократических процедур, на основе которых формируется существующая система власти. Данный тип поддержки складывается благодаря признанию человеком интересов других членов общества, отличных от его собственных. Это понимание предполагает необходимость выработки правил общего поведения, следование которым и создает возможность реализации его собственных целей.

Оно основывается на признании добровольно установленных юридических норм, направленных на регулирование отношений управления и подчинения. При такой власти подчиняются не личности, а установленным законам, и не только управляемые, но и управляющие. Президент страны подчиняется Конституции, даже если он обладает харизмой как политическим ресурсом. В этом смысле подчинение более не является отношением между людьми: все, включая и чиновников, действуют на основе строгих правил, а не подчиняются какому бы то ни было лицу. Таким образом, в основе рационального господства лежит формально-правовое начало. Общая процедура осуществления этого типа властвования пред-

полагает «конституированный авторитет» административных органов, т. е. публичную функцию, которая должна быть непрерывной и приспособленной к правилам. При этом содержание правил и институтов может меняться в зависимости от изменения социальных условий.

Рациональное господство возникает в условиях формирования рыночной экономики и воплощается в демократическом государстве. Оно появляется на том этапе исторического развития, когда в обществе складываются общеобязательные нормы, регламентирующие процессы социального управления. Наиболее развитой формой этого типа власти выступает рациональное государство, где властные отношения легитимируются нормами права. Основным правовым актом такого государства является конституция, устанавливающая определенные правила социального поведения, которые обязаны соблюдать все без исключения граждане. Законы в рациональном государстве принимают политики, а их исполнение осуществляют чиновники. Хотя нередко, особенно в молодых демократиях, легитимность власти может основываться не столько на уважении к выборным институтам, сколько на авторитете конкретной персоны руководителя государства. В современном мире легитимность власти нередко отождествляют лишь с ее демократической легитимностью.

Вебер определил этот тип легитимности как *легальное (рационально-бюрократическое) господство*. Основными элементами этого типа власти являются:

- право как совокупность принципов, регулирующих все сферы общественной жизни;
- социальное управление как процесс применения права;
- элита как субъект власти, деятельность которого ограничена правовыми рамками;
- бюрократия как субъект управления, чьи функции также регламентированы правом;
- массы, подчиняющиеся не чиновникам административного аппарата, а применяемым ими нормам права.

Идеальный тип политика, присущий этому типу легитимности, по Веберу, характеризуется:

- свободой мышления и действий;
- активным участием и самоотдачей в борьбе за власть;
- ответственностью перед гражданами, избирателями;
- способностью к самостоятельным действиям, за которые он несет личную ответственность;
- умением находить сторонников и союзников, достигать в необходимых случаях компромисса;
- способностью снять с себя ответственность за действия, противоречащие его взглядам, и в определенной ситуации уйти в отставку, исполнив тем самым свой долг;
- независимым материальным положением.

Граждане государства рациональной легитимности подчиняются строгим правилам, законам, процедурам и сформированным на их основе политическим

структурам и институтам. Ключевой институт рационального господства – бюро (офис), при помощи которого осуществляется руководство обществом. Бюрократическую администрацию отличает, по М. Веберу, то, что господство в ней осуществляется как функция знания. И потому процесс властвования является специфически рациональным и строится на рациональных ценностях [18, с. 257].

Бюрократия как административный аппарат существовала в различных цивилизациях начиная с Древнего Египта, однако говорить о рациональном управлении стало возможным только с того момента, когда государство начинает оплачивать работу чиновников в денежной, а не в натуральной форме, как это было характерно для всех видов традиционной власти, включая и феодализм [41].

Бюрократия, по Веберу, является самым чистым типом легального господства. Идеальному бюрократу, по мнению М. Вебера [17], должны быть присущи следующие качества:

- высокая профессиональная квалификация;
- готовность выполнить любой приказ;
- умение эффективно действовать в рамках существующих законов и правил;
- беспристрастность; предпочтение чувства долга всем остальным.

Им же были сформулированы основные требования к чиновникам, актуальные и по сей день:

- лично свободны и подчиняются только деловому служебному долгу;
- имеют устойчивую служебную иерархию;
- имеют твердо определенную компетенцию;
- работают в силу контракта (на основе свободного выбора);
- работают в соответствии со специальной квалификацией;
- вознаграждаются постоянными денежными окладами;
- рассматривают свою службу как единственную или главную профессию;
- предвидят свою карьеру;
- работают в полном «отрыве» от средств управления и без присвоения служебных мест;
- подлежат строгой, единой служебной дисциплине и контролю.

Если хотя бы один из этих аспектов отсутствует либо заменяется чертами патримониальной или харизматической бюрократии, то властные отношения, по Веберу, следует признать не соответствующими рационально-правовому типу легитимности.

Идеальные характеристики политика и бюрократа, сформулированные Вебером, содержат в себе определенные противоречия. В частности, чтобы выиграть борьбу на выборах, политик должен обладать харизматическими качествами, благодаря которым он может принимать ответственные решения и, опираясь на поддержку масс, противостоять бюрократизации политической власти. Однако апелляция к массам способна в итоге привести к установлению режима личной власти политика, поэтому его действия должны находиться под контролем парламента и применяющей нормы права бюрократии.

Но власть чиновника, обеспеченная соответствующим положением в бюрократической иерархии, и власть профессионала, основанная на специальных зна-

ниях, противоречат друг другу: подчинение профессионалу обычно подразумевает добровольное признание его квалификации, компетентности, тогда как подчинение бюрократу, обладающему правом приказа, всегда в той или иной степени связано с принуждением. В зависимости от конкретных социальных условий это противоречие может существенным образом отразиться на характере властных отношений: нарастание кризисных явлений в обществе служит почвой, для того чтобы усомниться в компетентности правящих кругов, и в конечном счете подрывает доверие граждан к рационально-правовым способам легитимации власти.

Идеальные характеристики политиков и бюрократов основаны на предположении, что указанные «действующие лица» властных отношений не преследуют каких-нибудь собственных целей. С этой точки зрения парламент как институт власти политической элиты, включающий представителей различных социальных слоев и групп, призван выражать интересы всего общества, а не отдельных лиц, обладающих депутатскими мандатами, тогда как бюрократия должна лишь реализовывать задачи, сформулированные в парламентских решениях и переданные ей через главу исполнительной власти. Однако было бы неверным полагать, что политиками движут исключительно общественные интересы. Многие, по-видимому, могли бы уклониться от руководящих должностей и связанных с ними психологической и социальной ответственности, если бы власть не открывала широкие возможности для получения различного рода благ: высокого дохода, престижа, выгодных связей, привилегий и т. п. Для них стремление к власти имеет инструментальный характер, т. е. служит средством достижения других целей.

Что же касается бюрократии, то ее интересы находятся в сфере перераспределения результатов и продуктов общественного труда. Профессиональное знание предмета управления, контроль над социальными связями дают возможность административному аппарату пользоваться благами перераспределения, причем во все возрастающих масштабах. Всеобщий государственный интерес может трансформироваться в особую частную цель чиновничества, использующего государство и его аппарат в качестве средства присвоения части материальных благ или влияющих на их перераспределение. Располагая реальной возможностью влиять на принятие соответствующих решений и контролировать ход их выполнения, бюрократия, объединенная корпоративными интересами, фактически становится одним из субъектов власти, реализующим свои цели посредством соответствующей активности [41].

В условиях легального господства всегда существует опасность превращения бюрократии в замкнутую касту, стоящую над обществом. В правовых демократических государствах действуют достаточно эффективные способы ограничения власти бюрократии:

- регулярная ротация (пропорциональная замена через определенный срок) квалифицированных кадров управленческого аппарата;
- контроль за ними со стороны политических и общественных институтов.

Описанные типы легитимности, как правило, в реальной политической практике переплетаются и взаимно дополняют друг друга. Подобное было, к примеру, во Франции, когда принятие ее конституции, основавшей V Республику в 1958 г., личный престиж Ш. де Голля и два референдума 1961 и 1962 гг. позволили главе государства решительно положить конец конфликту в Алжире.

Доминирование того или иного типа легитимности связано с типом существующего режима. Так, харизматическая власть характерна для авторитарных систем, тогда как в условиях демократии политическая жизнь определяется господством закона.

14.3.3.4. Другие типы легитимности

Помимо указанных способов поддержки власти ряд ученых выделяют и другие, придавая легитимности более универсальный и динамичный характер. В отличие от социологического подхода М. Вебера, системный анализ власти, предложенный американской школой политологии, позволил создать более функциональную, приспособленную к практическим потребностям концепцию легитимности. Ее виднейший представитель Д. Истон [43] и его последователи утверждают, что условием легитимности политической власти являются определенные социально-психологические отношения, в основе которых лежит минимальный ценностный консенсус, обеспечивающий принятие и подчинение власти, согласие с ее требованиями и поддержку ее действий.

Легитимность в их представлении это степень, параметр на который члены политической системы воспринимают ее как достойную своей поддержки. Данный ценностно-нормативный подход позволил Д. Истону провести различие в типах поддержки как по объекту и содержанию, так и по времени ее действия, выделив *диффузную* и *специфическую* легитимность.

Диффузная легитимность, согласно Д. Истону, представляет собой общую (фундаментальную), долговременную, преимущественно эмоциональную поддержку идей и принципов политической власти, независимо от результатов ее деятельности.

Специфическая легитимность ситуативна, кратковременна, ориентирована на результат и основана на сознательной поддержке власти и процесса ее действия.

В 1980-е гг. в политическую науку наряду с диффузной и специфической легитимностью были введены смешанные типы поддержки: диффузно-специфическая и специфически-диффузная, с помощью которых можно точнее измерить легитимность власти, политического режима или его отдельного института [35].

Некоторые ученые выделяют также *идеологический* тип легитимности, обеспечивающий поддержку властей со стороны общественного мнения в результате активных агитационно-пропагандистских мероприятий, осуществляемых правящими кругами.

Ее суть состоит в оправдании власти с помощью идеологии, вносимой в массовое сознание. Данный тип легитимности опирается на идеологические принципы и убеждения граждан в ценности политического строя как самого передового или наилучшего для них. Идеология обосновывает соответствие власти интересам народа, нации или класса и ее право ими управлять. В зависимости от того, к кому апеллирует идеология и какие идеи она использует, данная легитимность может быть классовой или националистической.

В странах командно-административного социализма была широко распространена классовая легитимность. Примером такой легитимности была, например, власть в Советском Союзе. Это наглядно демонстрировала ст. 6 Конституции СССР 1977 г., которая объявляла коммунистическую партию «руководящей и на-

правляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций». И тут же объяснялась причина легитимности власти партии. Она вытекала из того, что КПСС была вооружена марксистско-ленинским учением, на основе которого определялась перспектива развития общества, основные направления внутренней и внешней политики [48].

Во второй половине XX в. многие молодые государства в попытках получить признание и поддержку населения очень часто прибегают к националистической легитимации своей власти, нередко устанавливая этнократические режимы. Выделяют и *патриотический* тип легитимности, являющийся разновидностью идеологического, при котором высшим критерием поддержки властей признается гордость человека за свою страну, за проводимую ею внутреннюю и внешнюю политику.

Идеологическая легитимация основывается на внедрении в сознание и под-сознание людей определенной «официальной» идеологии с помощью методов убеждения и внушения. Однако, в отличие от рационально-правовой легитимации, апеллирующей к сознанию, разуму, она — односторонний процесс, не предполагающий обратных связей, свободного участия граждан в формировании идеологических платформ или их выборе.

В современной политологической литературе существуют и иные подходы к типологии легитимности. В частности, французский политолог Ж. Л. Шабо [126], подчеркивая, что в структуре властных отношений есть два главных фактора (участника) — управляемые и управители, указывает, что политическая власть легитимизируется прежде всего относительно них. Таким образом, она должна соответствовать волеизъявлению управляемых (*демократическая* легитимность) и соотноситься со способностями управителей (*технократическая* легитимность), а также исходить из человеческой сущности (*онтологическая* легитимность).

Демократическая легитимность — это перенос на все общество механизма принятия решения индивидом: выражение свободной воли, но в том смысле, что данная коллективная свободная воля проистекает от индивидуального проявления свободного суждения. В политической практике для операционализации перехода от индивидуального к коллективному используется простой арифметический механизм — мажоритарный принцип (принцип большинства). Его применение в демократических режимах универсально — как для выбора представителей народа, так и для голосования законов или принятия решений в рамках коллегиальных исполнительных структур. Однако в истории немало случаев, когда демократические механизмы в определенных исторических обстоятельствах способствовали утверждению авторитаризма и тоталитаризма. Так было в Германии 1933 г., когда Гитлер пришел к власти вполне законным путем; так было и во Франции, где фашистский режим вышел из легального парламента, палата депутатов которого была выбрана весомым большинством голосов французов.

Технократическая легитимность связана с умением властвовать, а последнее обусловлено двумя параметрами: *способами* доступа к власти и *содержанием* процесса ее осуществления. На начальных этапах истории человеческого общества, когда сила была преимущественным способом достижения власти, владение оружием, армиями и людьми ценилось выше всего. В современных условиях таким преимущественным способом называют знания. Однако и этот тип легитимности

может иметь свои «извращения», когда к власти приходит «компетентная элита, культивирующая вкус к тайне и веру в свое превосходство».

Объективизация этой концепции обеспечивается тем, что политика в современных условиях все в большей мере формируется и осуществляется на базе специальных знаний с использованием разнообразной техники, начиная с технического оборудования учреждений управления и вплоть до многообразных социологических исследований по сути проблем.

Масштабы вмешательства государства в общественные дела требует сегодня того, чтобы государственные руководители обладали глубокими знаниями не только в области государственного управления, но и в конкретных отраслях жизнедеятельности общества. Нельзя стать умелым политиком без достаточных знаний в истории, в области экономики и права, международных отношений и безопасности страны. Будучи верховным главнокомандующим, глава государства не может не иметь знаний в области вооружений и военной стратегии.

Но дело не только в индивидуальных качествах руководителей. В современных условиях, действительно, невозможно принять правильное решение без глубокой научной проработки проблем, встающих перед властями и обществом. С этой целью привлекаются специалисты и ученые. А это создает видимость того, что все большее количество проблем как бы выводится из сферы деятельности политиков. На передний план выходят профессионалы, теоретики и практики управления, т. е. технократы.

Технократическая идеология берет начало в первые десятилетия XIX в. Сен-Симон [106] высказался тогда, что лучшие физики, химики, физиологи, банкиры, торговцы, сельскохозяйственные и промышленные производители находятся во главе нации, представляя собой подлинную политическую власть в государстве. А политики — это лишь видимость власти.

Позднее тезис о двойственном характере власти был взят на вооружение американским исследователем Д. Бэрнхемом [36, с. 362]. Он сформулировал идею революции менеджеров. Раскрывая эту идею, он противопоставил демократическую легитимность политической власти с ее словесной театральностью на авансцене политики технократической легитимности технических специалистов высшего слоя. Эти последние заставляют власти принимать вполне определенные решения. Не находясь на политической «сцене», они играют решающую роль в определении политики, оставляя профессиональным политикам возможность произносить речи.

В 1960-е гг. идея технократии как передовой силы общества стала предметом теоретического анализа известного американского ученого Д. Гэлбрейта [30], утверждавшего примат технократической рациональности в обществе. Она находит свое выражение в «техноструктуре» как современном выражении властвующей элиты. Именно ее действия, по Гэлбрейту, определяют политическое поведение профессиональных политиков.

Технократическая легитимность, по мнению В. В. Желтова, имеет право на жизнь. Никакие политические речи или форумы не могут заменить роль знаний и умение ими распорядиться в интересах общества. Однако обстановка секретности, нередко корыстная заинтересованность технократов в решении тех или иных вопросов, отсутствие демократического контроля за деятельностью чиновников —

эти и другие моменты ставят пределы технократической легитимности. А в переломные моменты развития общества, когда политизация его достигает внушительных размеров, влияние технократов снижается, хотя и не исчезает вовсе [36].

Онтологическая легитимность — это соответствие политической власти универсальным принципам человеческого и социального бытия. Ж. Л. Шабо подчеркивает, что на практике свобода и воля человека способны отходить от данных принципов или противостоять им. Это происходит потому, что политические факторы (как управляемые, так и управляющие) в осуществлении своей человеческой свободы способны сделать разные выборы. Он может быть «протоестественным» или «естественным», т. е. имеющим целью выполнить предначертания природы. Онтологическая легитимность измеряется уровнем соответствия «тому глубинному порядку бытия, который человек ощущает врожденно но которому он может противостоять» [126].

Наряду с выше названными, английский исследователь Д. Хелд легитимности предлагает и такие ее типы, как:

- **«согласие под угрозой насилия»**, когда люди поддерживают власть, опасаясь угроз с ее стороны вплоть до угрозы их безопасности;
- **апатичная** легитимность, основанная на безразличии населения к сложившемуся стилю и формам правления;
- **прагматическая** (инструментальная) поддержка, при которой оказываемое властям доверие осуществляется в обмен на данные ею обещания тех или иных социальных благ;
- **нормативная** поддержка, предполагающая совпадение политических принципов, разделяемых населением и властью;
- **высшая нормативная** поддержка, означающая полное совпадение такого рода принципов [109].

14.3.4. Кризисы легитимности и способы их урегулирования

Легитимность власти коренится в политической культуре населения и означает соответствие ее устройства ценностным представлениям граждан. Однако их отношение к власти может быть не только ценностным — с позиций норм нравственности, но и инструментальным — оценивающим ее с точки зрения того, что она дает или может дать людям.

14.3.4.1. Эффективность власти

Эффективность власти — одна из наиболее важных интегральных характеристик, показывающая степень выполнения ею своих задач и функций. Это означает гарантированное проведение в жизнь компетентных властных распоряжений с наименьшими затратами и издержками в максимально короткие сроки. Эффективность власти — это ее результативность, степень выполнения ею своих функций в политической системе и обществе, реализации ожиданий граждан и, прежде всего, наиболее влиятельных слоев — элит. В современных условиях легитим-

ность и эффективность власти – два важнейших фактора ее стабильности, доверия к ней и поддержки ее гражданами.

Традиционный и демократический типы легитимности власти более долговременны по сравнению с харизматическим. В первом случае один наследник сменяет другого, и, при прочих равных условиях, так может продолжаться многие десятилетия и даже столетия. Например, легитимность королевской власти Великобритании столь прочна, что и в настоящее время (несмотря на все скандалы, которые происходили последние годы в монаршей семье) лишь 25 % англичан, как это следует из проводимых опросов, решительно выступают за ликвидацию в стране института монархии. Поддерживают монархию 35 %. Остальные не настаивают на упразднении монархии, потому что, по их мнению, она все же лучше, чем тот неизвестный пока строй, который придет ей на смену.

Легитимность власти, основанная на рационально-правовом критерии, также (а возможно, в еще большей степени) дает основание для прогноза ее долговременности. Этому способствует то, что данная форма характерна для политической власти в государствах с современными демократическими политическими режимами, с высоким уровнем развития политической и экономической систем, отличающихся политической и экономической стабильностью. В качестве примера можно привести президентскую власть в США.

Несмотря на мотивационные различия, легитимность и эффективность власти взаимосвязаны. В конечном счете любые типы легитимности власти во многом определяются надеждами населения на ее эффективность, т. е. удовлетворение его требований. Многие авторитарные режимы, первоначально страдающие дефицитом легитимности, например в Чили, Южной Корее, Бразилии, впоследствии в значительной мере приобрели ее благодаря успешной экономической политике, укреплению общественного порядка и повышению благосостояния населения.

Однако достичь эффективности, не обладая легитимностью, т. е. одобрением и поддержкой граждан, достаточно сложно. В настоящее время значительное число государств переживает кризис легитимности. На протяжении многих десятилетий он особенно остро проявлялся в форме политической нестабильности, частых государственных переворотов в «третьем мире». В последние годы проблема легитимности стала актуальной для большинства посткоммунистических стран. Это связано с разрушением там традиционных, идеологических и харизматических механизмов легитимации, с отсутствием многих зрелых предпосылок, необходимых для демократии, и с низкой эффективностью власти, сформированной по демократическим процедурам.

Критериями эффективности власти являются:

- достаточность оснований власти и эффективное использование ее ресурсов;
- рациональность «вертикальной» и «горизонтальной» структур власти;
- оперативный, эффективный, объективный контроль за выполнением распоряжений властных структур;
- организационно-техническое и кадровое обеспечение властных распоряжений;
- наличие действенной системы санкций, применяемых к объекту власти в случае невыполнения им правительственного приказа;
- эффективная система самоконтроля власти, одним из показателей эффективности которой является ее авторитет.

14.3.4.2. Делегитимация

Проблема легитимации является жизненно важной для любого политического режима. Уровень легитимности может простирается от всеобщего одобрения до полного отрицания. Наибольшим потенциалом легитимности обладает демократический режим. Степень легитимности может быть проверена эмпирически, например, посредством опросов и результатами постоянного объективного мониторинга политического процесса и его участников.

Показателями легитимности власти, по мнению М. А. Василика, М. С. Вершинина [15], являются:

- уровень принуждения, применяемого для проведения политики в жизнь;
- наличие попыток свержения правительства или лидера;
- сила проявления гражданского неповиновения;
- результаты выборов, референдумов;
- массовость демонстраций в поддержку власти (оппозиции) и др.

Следует отметить, что изначальная легитимность политической власти (к какому бы из описанных типов она не относилась), не есть гарантия того, что доверие народа никогда не будет утрачено. История знает много примеров, когда политическая власть, оставаясь законной (легальной), перестает быть легитимной, т. е. пользующейся доверием большинства членов общества. Легитимность обладает свойством изменять свою интенсивность, т. е. характер и степень поддержки власти (и ее институтов), поэтому можно говорить о *кризисах легитимности*.

Под кризисами понимается такое падение реальной поддержки органов государственной власти или правящего режима в целом, которое влияет на качественное изменение их ролей и функций. Этот кризис возникает тогда, когда статусу социальных институтов грозит опасность, и когда требования основных слоев общества не воспринимаются политической системой. Кризис может возникнуть и в обновленной общественной структуре, если власти в течение длительного времени не удастся оправдать надежды широких народных слоев. Этот процесс исследователи называют «*делеги́тима́цией*» (от лат. *legitimus* – согласный с законами, правовой, должный, правильный и *de* (лат., франц.) – приставка, означающая отделение, устранение, лишение чего-либо, движение вниз).

В настоящее время не существует однозначного ответа на вопрос: есть ли абсолютные показатели кризиса легитимности или это сугубо ситуативная характеристика политических процессов?

Некоторые исследователи называют среди индикаторов потери или снижения легитимности власти следующие признаки:

- осознание членами общества кризиса существующего порядка;
- неприятие результатов выборов, итогов формирования и деятельности властных структур и организаций;
- непризнание правомочности официальной власти обществом, международными организациями и государствами;
- появление на политической арене харизматического популярного оппозиционного деятеля;
- организация массовых выступлений против правящего режима;

- появление объективных расчетных данных и социально-экономических показателей (свидетельствующих о выходе системы власти за рамки ее критических значений), полученных в результате количественного и качественного анализа: попыток изменения власти или смены лидера; веса и значимости оппозиции, оппонировавших СМИ; силы проявления гражданского неповиновения, забастовок; неблагоприятных результатов выборов; опросов общественного мнения; ошибочных решений властей, вызывающих недовольство масс, и др.

Обобщая наиболее значимые подходы, можно сказать, что в качестве основных индикаторов кризиса легитимности правящего режима можно назвать *уровень политического протеста населения*, направленного на свержение режима, а также свидетельствующие о недоверии режиму *результаты выборов, референдумов, плевбисцитов*. Эти показатели свидетельствуют о «нижней» границе легитимности, за которой следует распад действующего режима и даже полная смена конституционного порядка.

Не всегда просто провести грань между индикаторами, источниками и причинами потери легитимности, это всегда конкретно историческая ситуация.

Сторонники ситуативного рассмотрения причин кризисов легитимности чаще всего связывают их:

- с характеристикой социокультурных черт населения, ролью стереотипов и традиций, действующих как среди элиты, так и среди населения;
- с попытками установления количественной границы легитимной поддержки (оперируя при этом цифрами в 20–25 % электората).

Возможно, такие подходы в определенной степени опираются на идеи Л. С. Франка, который писал: «Всякий строй возникает из веры в него и держится до тех пор, пока хотя бы в меньшинстве его участников сохраняется эта вера, пока есть хотя бы относительно небольшое число «праведников» (в субъективном смысле этого слова), которые бескорыстно в него веруют и самоотверженно ему служат» [115, с. 37].

Исследователи, связывающие кризис легитимности с дестабилизацией политической власти и правления, называют в качестве таких причин следующие факторы:

- невозможность органов власти осуществлять свои функции или присутствие в политическом пространстве нелегитимного насилия (Ф. Били);
- наличие военных конфликтов и гражданских войн (Д. Яворски);
- невозможность правительства адаптироваться к изменяющимся условиям (Э. Циммерман) [109, с. 70];
- разрушение конституционного порядка (С. Хантингтон [121]);
- отсутствие необходимых серьезных структурных изменений;
- снижение эффективности выполнения правительством своих главных задач: составления бюджета и распределения политических функций среди элиты;
- резкое усиление деятельности оппозиционных сил;
- постоянное нарушение режимом установленных правил политической игры;
- неумение властей объяснить населению суть проводимой им политики;
- широкое распространение таких социальных болезней, как рост преступности, падение уровня жизни и т. д.

Представители других точек зрения [36] считают, что основными причинами делегитимации являются:

- противоречие между универсальными ценностями, господствующими в обществе, и эгоистическими интересами властвующей элиты;
- противоречие между идеей демократии и социально-политической практикой, что проявляется в попытках решить проблемы силовым путем, нажимом на средства массовой информации;
- отсутствие в политической системе механизмов по защите интересов народных масс;
- рост бюрократизации и коррумпированности;
- национализм, этнический сепаратизм в многонациональных государствах, проявляющийся в отвержении федеральной власти;
- потеря правящей элитой веры в правомерность своей власти; возникновение внутри нее острых социальных противоречий, столкновение разных ветвей власти.

Источником потери легитимности зачастую является неспособность правящих режимов государств молодой демократии вывести свои страны из кризиса. Это подрывает доверие населения к рационально-правовым способам легитимации. Для большинства из них, относительно слабо укорененных в политической культуре демократических ценностей, укрепление легитимности власти возможно прежде всего на пути практической демонстрации способности решать острые экономические и социальные проблемы.

14.3.4.3. Способы сохранения и восстановления легитимности власти

Урегулирование кризисов легитимности должно строиться с учетом конкретных причин снижения поддержки политического режима в целом или его конкретного института, а также типа и источника поддержки. При этом используются различные средства. Издаются документы: указы, постановления, законодательные акты. Объектами легитимации обычно являются само государство и его органы, общественный строй, политический режим, реализуемые политические и экономические программы и т. д. Используются неофициальные эффективно действующие методы и средства. Это могут быть политические движения в поддержку власти, негосударственные организации, преследующие такую же цель. События в России дают пример легитимации политической власти: после октября 1993 г., когда создание либеральной системы власти сопровождалось принятием новой Конституции, проведением референдума, выборами в Федеральное Собрание. С помощью этих средств новая власть осуществила процесс легитимации, т. е. обретения поддержки и доверия народа.

Существенное значение для укрепления доверия к власти со стороны народа, по мнению А. Г. Грязновой [28], имеют такие средства, как различного рода ритуалы, символика, использование традиций. Как пример приверженности традициям и ритуалам можно привести английскую политическую систему. Система обеспечения легитимности власти присутствует в каждой стране. Ее структурными со-

ставляющими являются органы легитимации, прямо или косвенно способствующие сохранению доверия народа к существующей политической системе. К ним относятся:

- органы государственной власти и управления (законодательная, исполнительная и судебная власть);
- органы воздействия на политическое сознание (СМИ);
- органы насилия (силовые структуры).

К способам легитимации относятся:

- убеждение (воздействие на политическое сознание);
- приобщение (участие во властвовании, предоставление привилегий);
- традиционализм (апелляция к стереотипам мышления и поведения);
- силовое воздействие.

В качестве основных путей и средств выхода из кризисных ситуаций для государства, где ценится мнение общественности, А. И. Соловьев [109] предлагает следующие:

- поддержание постоянных контактов с населением;
- проведение разъяснительной работы относительно своих целей;
- усиление роли правовых методов достижения целей и постоянного обновления законодательства;
- уравновешенность ветвей власти;
- соблюдение правил политической игры без ущемления интересов участвующих в ней сил;
- организация контроля со стороны организованной общественности за различными уровнями государственной власти;
- укрепление демократических ценностей в обществе;
- преодоление правового нигилизма населения и т. д.

М. А. Василик и М. С. Вершинин [15] для поддержания легитимности власти предлагают использовать следующие средства:

- стремление использовать традиции населения в законотворчестве и при проведении практической политики;
- реализацию легальных мер предосторожности против возможного снижения легитимности власти;
- поддержание в обществе законности и правопорядка и др.

Ю. В. Ирхин [41, с. 283] предлагает властным структурам для *поддержания легитимности* использовать также и такие меры:

- модернизация форм и методов государственного управления;
- популяризация личных качеств руководителей государства и правительства;
- политика бонапартизма;
- политические технологии;
- система обратной связи;
- целенаправленная пропаганда «выгодных» материалов, в том числе данных социологических опросов и др.

Это означает, что общественное признание политической власти может достигаться путем апелляции:

- к каким-либо доводам идеального порядка — абсолютным и высшим ценностям (свобода, справедливость и др.);
- к национальным традициям, обычаям и т. д.;
- к утилитарным, прагматическим аргументам, оправдывающим политику с позиций практической полезности, например для оздоровления экономики.

14.3.4.4. Проблема легитимности власти в России

В дореволюционной России легитимность власти была традиционной. Власть монарха опиралась на божественное право и священность принципа престолонаследия. Источником традиционной власти служила привычка населения повиноваться ей и издревле существующим порядкам. Однако абсолютизм в России был особого типа, поскольку опирался не только на традицию, но и на идеологию, т. е. традиционная легитимность власти у нас непременно дополнялась идеологической. Дело в том, что власть, государство в российской культуре, в сознании граждан всегда отождествлялись с явлениями духовного порядка и олицетворяли идею общего блага, смыслообразующего начала. Идея, провозглашенная монархом, способствовала объединению вокруг ее носителя всего населения страны. Поэтому в России власть извечно опиралась на идеологию, которая обосновывала претензии власти на господство, оправдывала ее действия. Достаточно вспомнить официальную доктрину правления Николая I, выражавшуюся формулой «Самодержавие, православие, народность».

После Октябрьской революции 1917 г., по мнению Р. Т. Мухаева [76], предпринята попытка создать новый — советский — тип легитимности, отличный от традиционного и рационально-легального и сочетающий идеологическую легитимность с харизматической. Идеология марксизма-ленинизма обосновывала соответствие советской власти интересам пролетариата, а затем и всего народа, ее право на господство. Однако этот тип легитимности быстро исчерпал себя, поскольку со временем интересы и потребности населения все меньше интересовали власть. В результате образовался разрыв между властью и обществом, который в течение длительного периода удерживался чисто политическими и идеологическими средствами. Лидер Коммунистической партии (вождь) первоначально представлял собой харизматический тип личности. Его авторитет основывался на силе дара, который признавался почти божественным. Вождь олицетворял народ, поэтому критика его решений и действий исключалась. Однако по мере отдаления партийно-государственных лидеров от народа их харизма угасала, лишая легитимности и власть, которую они осуществляли.

В 1990-х гг., утратив былую поддержку народных масс, советский тип легитимности довольно быстро сошел на нет. На его месте возникла своеобразная система властвования, легитимность которой включает в себя элементы традиционной (в сознании многих президент отождествляется с монархом), харизматической (современные лидеры — это бывшие коммунисты-вожди, сохранившие стиль политической деятельности) и рационально-легальной легитимности (власть формируется на свободных выборах). Таким образом, в стране сформировалась смешан-

ная, многоэлементная легитимность, которая одновременно опирается на традиции, верования, чувства, рациональность и т. д. Ситуация экономической социальной нестабильности снижала возможности власти, поскольку ее собственная социальная база была невелика и ей постоянно приходится согласовывать очень разные, а подчас диаметрально противоположные интересы. По этим причинам многоэлементная легитимность отражает несовпадение легальности власти (конституционности) и легитимности (поддержки большинством населения), порождает противоречивое отношение к ее решениям. Победа Б. Н. Ельцина на президентских выборах в 1996 г. над Г. А. Зюгановым с разрывом почти в 10 % подтвердила первоначальную легитимность и легальность российского политического режима. Однако неэффективная экономическая политика, результатом которой стали растущая безработица, углубляющийся спад производства, постоянные невыплаты зарплаты, заметно понизила легитимность режима, сохранив его легальность.

Многоэлементная легитимность сохранилась в период президентства В. В. Путина. В первый срок его президентства достигнута известная политическая и экономическая стабильность благодаря высоким мировым ценам на энергоносители (нефть, газ). Это обеспечило высокую легитимность лишь одному институту в политической системе – институту президентства, легитимность остальных органов власти была очень низкой. Вероятно, в общественном сознании стабильность ассоциировалась с действиями только президента, а не всей системы власти. Как отмечает Р. Т. Мухаев [76], высокая легитимность В. В. Путина вначале отчасти основывалась на контрасте с неумелой и коррумпированной политикой действующего президента Б. Н. Ельцина. Поэтому легитимность сегодняшнего режима В. В. Путина опирается на верования и чувства населения и отдельные успехи в сфере социальной политики.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Определите понятие государственной власти.
2. Назовите признаки государственной власти.
3. Кто относится к субъектам государственной власти?
4. Какие основные функции, формы и сущность государственной власти вы знаете?
5. Охарактеризуйте экономические, социальные, идеологические основы государственной власти.
6. Что понимается под первичным субъектом государственной власти?
7. Как вы понимаете процесс делегирование власти?
8. Назовите границы государственной власти.
9. Что представляет собой государственная власть?
10. В чем заключается проблема монополизации власти?
11. Обоснуйте концепцию разделения властей.
12. Охарактеризуйте структуру механизма разделения властей.
13. Объясните резоны и функции разделения властей.
14. Назовите направления делегирования властных полномочий.
15. Назовите субъектов горизонтального распределения государственной власти.
16. Для чего нужна консолидация власти?
17. Почему важна демонополизация власти и разделение властей?

18. Что значит легитимность государственной власти?
19. В чем различие легитимности и легальности государственной власти?
20. Объясните феномен и особенности политического господства.
21. Что значит политическая легитимность?
22. Определите понятие «политическая легальность».
23. Назовите источники легитимности.
24. Назовите типы легитимности.
25. Охарактеризуйте традиционную легитимность.
26. Охарактеризуйте харизматическую легитимность.
27. Назовите принципиальные особенности рациональной легитимности.
28. Какие типы государственной легитимности кроме веберовской классификации вы знаете?
29. От чего возникают кризисы легитимности и какие способы их урегулирования вы знаете?
30. От чего зависит эффективность власти?
31. Какие процессы определяют термином «делегитимация власти»?
32. Назовите способы сохранения и восстановления легитимности власти.
33. В чем проблема легитимности власти в России?
34. Определите понятие и охарактеризуйте особенности государственной власти.

Глава 15

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ЕЕ ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Рассмотрению сущности и элементов содержания системы государственной политики уделяется серьезное внимание в современной социально-гуманитарной литературе. Подобный интерес объясняется не только постоянно возрастающим влиянием политики на общественную жизнь, но и тем, что она становится все более важным элементом управления социально-экономическими процессами. В начале XX в. М. Вебер [17] определил сущность политики как сферы отношений и деятельности по руководству (управлению) обществом. Государство являлось и продолжает оставаться основным институтом политического управления. Это обусловлено его ролью выразителя всеобщих интересов населения и по этой причине исполняющего интегрирующую роль в обществе. Государство, в большинстве политико-социологических и политологических исследований, определяется как макрополитический институт общества, выражающий всеобщие интересы, закрепляющий политический статус народа, организованного в территориальной замкнутости, и осуществляющий *верховную власть и управление* в стране.

§ 1. СУЩНОСТЬ, ПРИНЦИПЫ И МЕТОДЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

И прежде, и в настоящее время государственная политика по сравнению с политической деятельностью любого другого института политического участия (партии, движения, профсоюзов) неизменно и отчетливо выражает всеобщие интересы населения и граждан в целом, является концентрированным их отражением. Этим она объективно способствует поддержанию и воспроизведению социально-политической целостности общества.

15.1.1. Сущность и классификация государственной политики

15.1.1.1. Понятие управления

Действующая система государственного управления возникла вместе с появлением национального государства и современной политической системы. По определению К. С. Гаджиева, понятия «система государственного управления» и «теория государственного управления» вошли в политический лексикон лишь в конце XIX – начале XX вв. [22].

Необходимо определиться, какое содержание вкладывается в понятие «управление». Упрощенно управление можно рассматривать как руководство действиями определенной группы или коллектива людей по достижению какой-либо определенной цели. Поскольку институт управления представляет собой важный структурно-функциональный элемент любой более или менее значимой организации или системы, будь то университет, государственный институт, церковь, деловое предприятие и т. д., его можно рассматривать как универсальный феномен.

Управляющая система занимает ключевое место в любой организации. Она имеет главным своим предназначением сохранение и обеспечение единства и целостности организации, ее жизнеспособности и эффективного функционирования. По определению ряда отечественных исследователей, с социологической точки зрения, управление представляет собой специфический вид социального процесса. Его содержанием является обнаружение, познание и использование объективных законов устройства, функционирования и развития управляемых объектов с целью регулирующего, организующего, упорядочивающего и контролирующего воздействия на них со стороны социальных субъектов и институтов [25].

И если политика осуществляется главным образом на основе использования государственной власти, то управление, как более общее по своему содержанию явление, предполагает применение власти в любых ее формах, включая политическую, социальную и др.

15.1.1.2. Понятие системы государственного управления

Система государственного управления представляет собой многогранный и сложный институт. Его сложность еще более возрастает в связи с происходящими в настоящее время в мире широкомасштабными и динамическими изменениями. Понятие «система государственного управления», или «государственное управление», используется в узком и широком значениях.

В *узком значении* имеется в виду деятельность исполнительной власти, прежде всего правительства и государственно-административного аппарата всех уровней по организации и управлению различными областями общественной жизни.

В *широком значении* под управлением понимается деятельность государства в целом — от обеспечения национального суверенитета и защиты национальных интересов на международной арене до решения конкретных повседневных вопросов общественной жизни внутри страны. В этом смысле оно в некоторых аспектах совпадает с политическим управлением, в задачу которого входят разработка, принятие и реализация высшим руководством страны долгосрочных и стратегических решений, определяющих приоритетные направления социально-экономического и политического развития страны.

Отличие системы государственного управления от других форм или видов управления состоит в том, что оно охватывает все общество, включая экономику, социальную сферу, культуру, образование, здравоохранение и др. Это совокупность взаимосвязанных и взаимодополняющих элементов, каждому из которых отведены четко определенное место и функции. Управление нужно рассматривать как основополагающую функцию государства. В этом смысле государство можно было бы назвать формой самоорганизации человеческих сообществ для управле-

ния социальными, экономическими и иными сферами и процессами в пределах каждой конкретной страны.

Для выполнения консолидирующей и направляющей миссии государство создает соответствующую систему органов и учреждений власти, осуществляющих разработку и реализацию государственной политики. Поэтому определение общего понятия политики должно отражать управленческую составляющую. С политико-социологической точки зрения политика – это властный способ организации общества, политический процесс достижения и поддержания его целостности на основе согласования разнообразных интересов, управление обществом со стороны политической элиты на основе институтов [9, с. 12]. В приведенном определении политики акцент делается на ее управленческую функцию, которая в первую очередь проявляется в политико-управленческой деятельности государства, т. е. в государственной политике.

15.1.1.3. Основные научные подходы к определению государственной политики

В Новое время получила широкое распространение договорная теория происхождения государства, которую развивали Ж. Ж. Руссо [104] и Т. Гоббс [23]. Согласно этой теории, люди, пребывавшие первоначально в естественном (догосударственном) состоянии, решили сознательно создать государство (заключить договор), чтобы надежно обеспечить для всех основные права и свободы. Гоббс полагал, что общественный договор заключался между правителями и подданными как договор подчинения, а Руссо, напротив, утверждал, что договор имел место между самими гражданами как договор объединения. Именно соглашение людей – основа законной власти: каждый из договаривающихся подчиняется общей воле и в то же время выступает одним из участников этой воли.

Английский философ Д. Локк развил концепцию либерального государственного управления, где гражданское общество стоит впереди государства. С этой точки зрения единственный путь, посредством которого кто-либо отказывается от своей естественной свободы и обременяет себя узами гражданского общества, – это соглашение с другими людьми об объединении в сообщество для того, чтобы удобно, благополучно и мирно совместно жить, спокойно пользуясь своей собственностью и находясь в большей безопасности, чем кто-либо, не являющийся членом общества [65, с. 361].

Главный либеральный принцип государственного управления: не человек для общества, а общество для человека. Государственное управление должно контролироваться гражданским обществом, при этом абсолютной ценностью признается свободная личность, и эффективность государственного управления оценивается в соответствии с тем, насколько последовательно и эффективно оно выражает интересы личности.

Основные положения классической теории правового государства были сформулированы еще в XIX в. немецким философом И. Кантом [44] (1724–1804). Они сохранили свою силу и значение до наших дней. Согласно Канту, правовое государство, в отличие от деспотического или полицейского, само себя ограничивает определенным комплексом постоянных норм и правил.

Вот атрибуты правового государства по И. Канту:

- основанная на законе свобода каждого не повиноваться иному закону, кроме того, на который он дал свое согласие;
- гражданское равенство — признавать стоящим выше себя только того в составе народа, на кого он имеет моральную способность налагать такие же правовые обязанности, какие этот может налагать на него;
- атрибут гражданской самостоятельности... в правовых делах гражданская личность не должна быть представлена никем другим.

В правовом государстве только законно избранное правительство имеет право применить силу в качестве принуждения. Правительственная монополия на силу означает единый, обязательный для всех порядок, уничтожение неравенства и разнообразия прав, которые зависели бы от социального, наследственного или иного статуса. По замечанию немецкого правоведа Р. Иеринга [40], право никогда не может заменить или вытеснить основной стихии государства — силы: «Слабость власти есть смертельный грех государства». Однако сила государства законна лишь в том случае, если она применяется в строгом соответствии с правом. Политическая власть должна реализовать право.

В России либеральную теорию государственного управления поддерживал Б. Н. Чичерин (1828–1904) [125]. Он полагал, что высшей формой развития государства является конституционная монархия. Если разграничить полномочия между монархом, аристократией и демократией, то может сформироваться справедливое государственное устройство. Чичерин предлагал снизить имущественный ценз и допустить широкие слои общества к избирательному процессу, что должно привести к развитию демократических элементов управления.

Чичерин был убежден, что конституционная монархия может способствовать развитию местного самоуправления, причем последнее должно быть построено на исконных общественных традициях. Он воспринимал общину как корпоративный союз, который предшествовал возникновению государства. Компетенция общины в современном государстве должна быть разделена на дела местные (самоуправление) и дела государственные. Отношения государства и общины оформляются как юридические отношения: устанавливается баланс власти между государством и гражданским обществом. Таким образом, Чичерин был сторонником юридической (смешанной) модели местного самоуправления.

В рамках либеральной традиции в России развивались еще две версии местного самоуправления — общественная и государственная. В. Н. Пешков [14, с. 14] (1810–1881) и А. И. Васильчиков (1818–1881) были сторонниками общественной теории самоуправления, согласно которой все местные дела должны быть отделены от государственного управления. Они были убеждены в том, что в России нельзя копировать европейский опыт самоуправления, поскольку исторические традиции русской общины сильно отличаются от европейского опыта самоуправления.

В России земские учреждения должны составлять особую систему, при этом в органах самоуправления станут действовать общественные союзы, к которым приравнивались сельские волости, магистраты и городские думы. Васильчиков предлагал также создать административные округа — уездные и губернские земские учреждения, в которых станут действовать представители местного общества [16, с. 21].

Современные исследователи считают, что Васильчиков предложил хозяйственную теорию самоуправления (как особый вариант общественной теории), поскольку он не только отделял местное самоуправление от государственного управления, но и рассматривал самоуправляющуюся общину как самостоятельный хозяйственный субъект права, осуществляющий коммунальную деятельность, целью которой является удовлетворение основных потребностей местного населения.

Сторонниками государственной теории самоуправления в России были А. Д. Градовский [27] (1841–1889) и В. П. Безобразов (1828–1899) [14], согласно которым особых местных дел и вопросов не существует: если государство передает часть своих полномочий местному населению, то население должно действовать на правах органа государственной власти. Они полагали, что неэффективность местного самоуправления объясняется как раз тем, что коммунальные органы не обладают государственным статусом и не имеют реальной власти. Местное самоуправление с этой точки зрения представляет собой децентрализованное государственное управление, где самостоятельность местных органов обеспечена системой юридических гарантий, которые, создавая децентрализацию, вместе с тем обеспечивают связь органов местного государственного управления с данной местностью и ее населением.

В противовес либерализму, видевшему приоритеты государственного управления в развитии гражданского общества, марксистская теория рассматривала государство как политическую организацию экономически господствующего класса для подавления сопротивления его классовых противников. Согласно К. Марксу [68] и Ф. Энгельсу [129], государство возникло на определенном уровне развития производительных сил, когда общественное разделение труда привело к возникновению частной собственности, имущественного неравенства людей и расколу общества на антагонистические классы.

Экономикоцентризм марксистской концепции государства в том, что экономический базис общества – совокупность общественных отношений – признается первичным и определяющим, а политическая и идеологическая надстройка призвана следовать за ним. Основу развития общественно-экономических формаций составляют сменяющие друг друга азиатский, рабовладельческий, феодальный и буржуазный способы производства, которым соответствуют определенные типы государственного устройства. Высшей общественно-экономической формацией провозглашался коммунизм, при достижении которого государство отмирает, сменяясь общественным самоуправлением.

В России после победы Октябрьской революции государственное управление целиком стало отождествляться с политическим (в духе марксистской теории о направляющей роли коммунистической партии). И только в постсоветский период государственное управление стало рассматриваться в русле классической дихотомии политического и административно-государственного руководства.

Ленинская версия марксистского государства как республики Советов получила свое наиболее полное воплощение в бывшем СССР. Советы представляли собой выборные органы государственного управления, но при этом провозглашалась определяющая и направляющая роль КПСС. В советском государстве принятие всех государственных решений происходило на уровне высшего политического руководства, существовала государственная собственность на основные средст-

ва производства, государство участвовало непосредственно в управлении деятельностью ведущих предприятий, развивался институт государственного планирования (Госплан), определявший ценовую и тарифную политику и перспективы развития всех отраслей экономики.

Советская система представляла концентрацию всех трех ветвей власти в руках партии, которая обладала правом распределения ключевых должностей в законодательном, исполнительном и судебном аппарате. Распад СССР в 1991 г. послужил началом перехода от советской системы государственного управления к формированию современного демократического государства.

В XX в. с развитием международной интеграции классическая концепция правового государства была дополнена идеей о необходимости подчинения национальных правовых систем праву мирового сообщества. Многие европейские государства приняли решение, что в случае расхождения закона страны с международным договором суды обязаны руководствоваться последним. К числу отличительных признаков правового государства политологи относят теперь не только верховенство закона, но и его соответствие международному праву.

Идеи М. Вебера [18], В. Вильсона [20], Ф. Гуднау [29] оказали значительное воздействие на становление теории государственного управления как научной дисциплины. В их работах были высказаны и разработаны три основополагающие идеи научной теории государственного управления:

- государственное управление делится на две основные сферы – политическое и административное управление;
- аппарат административного управления находится в подчинении у политического руководства;
- кандидаты на политические должности избираются или назначаются на короткий период времени, а все государственные служащие, аппаратные работники должны отбираться на основе системы профессиональных оценок и служить на постоянной основе (принцип пожизненного найма).

Концепция разделения государственного управления на политическое руководство и государственную службу (административно-государственное управление) была положена в основу классической теории государственного управления и получила широкое признание в разных странах мира. В странах Запада это привело к развитию сразу двух наук – теории административно-государственного управления (*public administration*) как менеджмента в государственных организациях и теории политического управления в рамках политической науки (*political science*).

В современной политико-социологической литературе сложились различные подходы к определению государственной политики. Например, в рамках теории *public administration* она истолковывается как чувствительная к общественным потребностям институционально-управленческая практика государственной бюрократии, направленная на эффективное и производительное удовлетворение общественных потребностей. Вместе с тем широко применяется понятие *governance*, интерпретируемое в зарубежной политико-социологической литературе как политическое руководство. Причем под руководством здесь понимается исключаящая голое администрирование консолидированная кооперация государственных и неправительственных институтов и структур по обеспечению удовлетворения общественно значимых потребностей [108, с. 262].

В научном обороте применяется также выражение *public policy*, которое зачастую также интерпретируется как политика государства и других публичных политических организаций по удовлетворению потребностей населения. Оно выражает не только содержание государственной политики, но и политико-управленческую деятельность многочисленных институтов и органов политической системы общества в целом. Следует подчеркнуть, что в рассматриваемых случаях речь идет о приоритетном направлении управленческой деятельности государства, предусматривающем активное использование потенциала власти правительства для активного регулирования экономических, социальных и других видов общественных процессов. Вероятно, по этой причине, такие признанные специалисты в данной области знаний, как А. Шаркански [127], Ж.-Э. Лейн, определяют государственную политику через деятельность правительства по подготовке и исполнению набора политических решений относительно размещения общественных ресурсов, производства, распределения и перераспределения общественных благ [107, с. 264].

В соответствии с вышеизложенным *государственная политика* – это процесс управленческого влияния институтов исполнительной власти государства на основные сферы общества, опирающийся на непосредственное применение государственных властных полномочий как при разработке, так и при осуществлении регулирующего и организующего воздействия на все компоненты и аспекты экономики, социальной сферы и других подсистем общества посредством размещения ресурсов, распределения, перераспределения общественных благ и других мер. Государственную политику разрабатывают и осуществляют преимущественно такие публичные институты власти, как правительство, президент и др. Это не исключает возможность участия законодательных институтов в разработке политической стратегии и контроле за ее реализацией. Но парламент не является органом исполнения государственной политики, он выступает публичным институтом законодательной и представительной власти. В равной мере сказанное относится и ко всем другим политическим организациям, включая институты политического участия и гражданского общества.

Государственное управление – это организующая, исполнительно-распорядительная деятельность органов государства, осуществляемая на основе действующих в стране законов и правовых норм. Оно оказывает упорядочивающее, целенаправленное воздействие на социальные, экономические и иные процессы. Его главная цель состоит в оптимальной организации деятельности объектов управления путем планирования, организации, регулирования и контролирования. В результате обеспечивается согласованность действий работников конкретного структурного подразделения, министерства, государства в целом в интересах всего общества.

15.1.1.4. Классификации основных видов государственной политики

В развитие высказанных выше положений следует заметить, что в современной политико-социологической литературе существует несколько критериев, на основе которых выделяются разные виды государственной политики. Согласно наиболее распространенному из них – виды политики выделяются в соответствии с характером объекта или сферы управления. В соответствии с этим политический процесс управленческого воздействия государства на экономику является эконо-

мической политикой, на социальную сферу – социальной политикой и т. д. Эти виды политики находятся в отношениях глубинной взаимосвязи друг с другом, и ни одна из них без взаимодействия с другими не может осуществить свои цели.

Другой критерий отражает направленность действия власти по вертикали или горизонтали. В первом случае речь идет о функционально-отраслевом политическом управлении, характеризующем соподчиненность центральных (федеральных) институтов и местных органов политико-управленческого воздействия. Во втором случае осуществляется управленческое воздействие на более конкретные объекты со стороны субъектов и институтов государственной власти в рамках основных видов политики. Речь идет об объектах, не имеющих таких параметров, как самостоятельные подсистемы общества, но функционируют в них в качестве относительно самостоятельных разновидностей того или иного вида политики. Например, внутри экономической политики выделяются промышленная, научно-техническая, энергетическая и другие виды государственной политики. Внутри социальной политики сосуществуют образовательная, жилищная, жилищно-коммунальная и другие разновидности политики. Примерно такая же картина имеет место и в области культурной и других видов политики.

Еще один критерий – региональное измерение управленческого воздействия в пределах той или иной территории – дает основание выделять центральную (федеральную), региональную и муниципальную политику. Эти виды политики государства нельзя смешивать с предыдущими, ибо у них разная природа. Ведь в масштабах определенного региона или муниципального образования всегда можно выделить специфическую экономическую или социальную политику, которую проводят государственные и муниципальные органы данной территории.

Имеются и другие подходы к классификации основных видов государственной политики. Однако, несмотря на различия между перечисленными видами, все они предусматривают использование потенциала государственной власти и всего элементного состава системы государственной политики. Исключение, пожалуй, в российских условиях составляют муниципальные образования, в пределах которых, как правило, местным самоуправлением осуществляется собственная экономическая или социальная политика. Но поскольку муниципальная власть в России на основании действующей Конституции не входит в систему государственной власти, постольку и проводимая ею на местах политика может иметь статус только муниципальной. Хотя, как известно, при советской власти даже поселковый совет являлся звеном единой системы государственной власти и пользовался всеми присущими ей политическими полномочиями. И это облегчало решение многочисленных социально-экономических задач в процессе обеспечения стабильной жизнедеятельности всех без исключения территорий.

Нужно еще раз подчеркнуть, что в современном переходном российском обществе приоритетными видами государственной политики продолжают оставаться экономическая и социальная политика, от действенности и эффективности которых зависит осуществление основных приоритетов стратегии постсоциалистической модернизации страны. Обращение к реальной практике осуществления названных видов политики в нынешних условиях не оставляет сомнения в том, что они в настоящее время начинают приобретать более внятный и осмысленный характер. Экономическая политика все определеннее ориентируется на формиро-

вание в стране собственного социального рыночного хозяйства. А содержание государственной социальной политики непосредственно связано с реализацией конституционной задачи построения в России социального государства. Данное обстоятельство отмечают многие авторы. Характерные особенности современной политики весьма лаконично выразил В. В. Путин, подчеркнувший, что сегодня государственная власть должна стать «эффективным координатором экономических и социальных сил страны, выстраивающим баланс их интересов, определяющим оптимальные цели и параметры общественного развития, создающим условия и механизмы их достижения» [85].

15.1.2. Структура системы государственной политики

15.1.2.1. Субъект и объект государственной политики

Очевидно, что управление предполагает субъект и объект управления, управляющих и управляемых. Оба они представляют собой два составных элемента одной и той же системы управления. Субъект управления невозможно представить себе без соответствующего управляемого объекта. Под субъектом управления понимается специальный аппарат, включающий в себя систему институтов, органов, учреждений и организаций, в задачу которых входит выполнение широкого комплекса функций по управлению важнейшими сферами общественной жизни и отношений государства с остальным миром.

Объект — это то, на что направлено управляющее воздействие. Субъект и объект находятся в постоянных прямых и обратных связях друг с другом. В процессе этих связей выясняется то, как воспринимаются и принимаются объектами распоряжения и приказы субъектов и как эти распоряжения и приказы выполняются. Процесс управления считается состоявшимся при передаче команды со стороны субъекта и ее принятие объектом. Наиболее приемлемой для современных реальностей можно считать ситуацию, когда каждое действие субъекта вызывает адекватную обратную реакцию объекта управления. Как показывают результаты многих исследований, при таком взаимодействии процесс управления имеет наилучшие показатели. В соответствии с полученными результатами политика государства по тем или иным конкретным вопросам или же сам политический курс в целом может претерпеть более или менее существенные изменения.

Эта проблема приобретает вес более растущую значимость и актуальность в контексте информационной и телекоммуникационной революции, в процессе которой во всех сферах общественной жизни увеличивается роль информации. Возрастает ее значение и в органах государственного управления. На основе информации производится калькуляция имеющихся материальных и финансовых ресурсов, определяются организационные формы, выбираются варианты решения соответствующих проблем. В результате приоритетной становится задача обеспечения органического единства информации, знаний и опыта.

Отношения между субъектом и объектом нельзя рассматривать исключительно как отношения господства и подчинения, поскольку не менее важное значение здесь имеют отношения сотрудничества, взаимодействия, взаимного влияния и т. д.

Объекты управления и политики существенно не отличаются. Макрообъектами здесь являются экономика, социальная сфера, культура и др. На этой основе формируются *экономическая* политика, *социальная* политика, *культурная* политика и т. д. Соответствующие виды политики, среди которых промышленная, образовательная, научная, демографическая, экологическая и другие виды политики имеют место на среднем уровне политического управления.

15.1.2.2. Система государственной политики как совокупность элементов

Государственное управление – это организующая, исполнительно-распорядительная деятельность органов государства, осуществляемая на основе действующих в стране законов и правовых норм. Оно оказывает упорядочивающее, целенаправленное воздействие на социальные, экономические и иные процессы. Его главная цель состоит в оптимальной организации деятельности объектов управления путем планирования, организации, регулирования и контролирования. В результате обеспечивается согласованность действий работников конкретного структурного подразделения, министерства, государства в целом в интересах всего общества.

Система государственной политики представляет собой не простую сумму тех или иных элементов, а целостную их совокупность, диалектическое взаимодействие которых с необходимостью создает новые интегральные качества. Эту мысль необходимо подчеркнуть специально для того, чтобы увидеть, что базовым признаком рассматриваемой системы является интегральная целостность, или интегральное единство, а специальными признаками – интегральные свойства и закономерности [54, с. 257]. Следовательно, под системой государственной политики подразумевается не простая сумма компонентов ее содержания, но интегральное и целостное их единство в рамках данной системы, наличие которого превращает ее в самостоятельный объект изучения. Для освещения названного свойства системы государственной политики уместно сначала рассмотреть ее структуру.

В отечественной политико-социологической литературе одной из принятых научных позиций является выделение во всякой системе вещных, процессуальных, человеческих и духовных компонентов [4, с. 7]. С учетом такой классификации учеными высказывается предложение вычленять в содержании системы государственной политики субординированную «пирамиду влияния», включающую в себя четыре разновидности структур:

- властную подсистему;
- околотовластную подсистему;
- средний класс элементов управления;
- управляемый объект [54, с. 79].

Обобщая имеющиеся в современных работах положения, можно выделить следующие основные виды компонентов системы государственной политики:

- *социальные;*
- *субстанциональные;*
- *институциональные;*

- *процессуальные;*
- *духовные.*

Что же касается объектов управления, то, по мнению ряда исследователей, нет оснований причислять их к внутренним компонентам системы политики, ибо они являются внешними объектами воздействия со стороны названной системы политики, на которые направлено ее управленческое влияние [25]. При этом общим правилом здесь является то, что «все параметры субъекта управления определяются в конечном счете объектом, ориентированы на то, чтобы обеспечить эффективное воздействие на объект, достижение определенной цели» [4, с. 77]. Отсутствие корреляции между реальными свойствами объекта управления и характеристиками того или иного вида политики обрекает последнюю на субъективизм и неисполнение заявленных целей.

15.1.2.3. Компоненты системы государственной политики

В качестве *социальных компонентов* системы государственной политики обычно называют народ той или иной страны как источник государственной власти. В демократическом обществе народ осуществляет свою власть как непосредственно (референдумы, выборы, прямые каналы влияния), так и опосредованно через многообразные группы избираемых на выборах депутатов всех уровней, руководителей (президента, губернаторов и др.) и назначаемых ими профессиональных управленцев-чиновников, именуемых по терминологии М. Вебера классом бюрократии. В свете сказанного человеческие компоненты (социальные субъекты) государственной системы представлены руководителями государства и его основных институтов, а также классом профессиональных управленцев, который обычно называют государственными служащими, или бюрократией. Бюрократия функционирует в разных институтах и на разных этажах законодательной, исполнительной и судебной власти как по вертикали, так и по горизонтали. Хотя главным местом ее деятельности выступают органы исполнительной власти всех уровней. Вместе с тем к социальным субъектам государственной политики правомерно относить различные виды политических элит: от высшей государственной, до региональных и местных, в которые входят наделенные полномочиями государственной власти выборные руководители, а также различные партийные фракции в законодательных институтах всех уровней. Опосредованно на государственную политику в современном обществе влияют также экономическая, финансово-банковская элиты и разнообразные группы влияния и интересов.

По сложившемуся мнению, *субстанциональным элементом* системы государственной политики выступает власть, или «властная подструктура». Власть государства имеет императивный характер, из чего следует, что ее предписания обязательны для исполнения всеми социальными субъектами и институтами, находящимися под юрисдикцией государства. Благодаря этому она находится как бы в центре системы политики. А вокруг нее на властных и околовластных орбитах располагаются остальные компоненты ее содержания. Императивный характер государственной власти предполагает применение широкого круга мер и способов правового принуждения и, где необходимо даже организованного насилия для осуществления предусмотренных законом процессов управленческого воздейст-

вия на общество и его подсистемы по вопросам размещения ресурсов, распределения, перераспределения общественных благ и т. д. Институциональным измерением государственного принуждения выступают силовые органы (МВД, спецслужбы, прокуратура и др.) и специальные учреждения (например, тюрьмы, исправительные учреждения и др.).

Перечисленные социальные субъекты функционируют в составе определенных государственных институтов и органов, которые относятся к *институциональным компонентам системы* государственной политики. Особый статус здесь имеет институт главы государства, осуществляющий общегосударственные политические функции-задачи во всех сферах социально-экономической и духовной жизни общества. Среди таких функций-задач приоритетное значение имеет выработка общенациональной политической стратегии социально-экономического и политического развития страны. Также по функциональным характеристикам выделяются государственные институты общей компетенции, которые действуют в системе исполнительной власти в регионах и на местах. Такие институты, как, например, правительство страны, администрации краев, городов, областей и другие решают в единой увязке многочисленные экономические, социальные и другие задачи. Наконец, отдельное место занимают государственные институты, имеющие узкую специализацию. На высшем государственном уровне в правительствах выделяются, например, институты сугубо экономического блока, к которым относятся министерства экономики, финансов, налогов и др. К социальному блоку относятся министерства здравоохранения, социальной защиты, образования и т. д. Аналогичным образом обстоит дело в системе законодательной власти, так как во всяком парламенте, в том числе и в российском, имеются комитеты, комиссии и подкомитеты сугубо экономического, социального, военного, международного и иного профиля. Предложенную классификацию институциональных компонентов можно с определенной оговоркой дополнить такими политическими институтами, как партии, которые непосредственно в систему государственной политики не входят, но оказывают весомое влияние на ее выработку и осуществление через свои фракции в парламенте или посредством групп влияния в правительстве.

Говоря об институциональных компонентах системы государственной политики, следует также упомянуть многочисленные юридические и административные нормы, воплощенные в конституциях стран, конституционных законах, кодексах, других нормативных документах, включая приказы по министерствам и др. Такие нормативно-правовые компоненты играют значимую регулятивную роль в политическом руководстве экономическими, социальными и другими видами общественных процессов. В современной России цивилизованные нормативно-правовые институты только начали складываться. Импульс этому процессу дала Конституция, принятая 12 декабря 1993 г. В дальнейшем были изданы Гражданский, Семейный, Трудовой и другие кодексы, а также ряд законодательных актов, заложивших правовую основу нормативного регулирования государственной политики в основных сферах общества.

Пока сделаны только первые шаги в деле формирования системы правовых юридических и административных норм, необходимых для проведения эффективной государственной политики. Для сравнения, например, в Германии уже давно существует специальный свод законов, именуемый «Социальный кодекс», в кото-

рый сведены и кодифицированы законы и другие нормативные акты, необходимые для проведения активной социальной политики государства. В России такая работа пока только планируется комитетом по социальной политике Совета Федерации. Своего часа ожидают также и другие необходимые обществу кодексы и конституционные законы, которые уже давно разрабатываются в парламентских комитетах.

Существенную роль в разработке и реализации государственной политики имеют *процессуальные компоненты*, которые отражают структурные связи социальных субъектов и институтов государственной власти по поводу политико-управленческого воздействия на общество. Совокупность многообразных взаимоотношений между ними, связанных с регулированием экономических, социальных и других процессов, осуществляется упорядочением и охватывается полным управленческим циклом. Последний включает в себя ряд стадий и соответствующих им операций:

- *стадию выработки и принятия* того или иного политического решения в управленческом воздействии, главным элементом которого выступает целеполагание;
- *стадию организации выполнения* политического решения, регулирование и корригирование объекта политического управления, учет и контроль за исполнением политического решения;
- *обобщение итогов* реализации той или иной политики.

Первостепенное место в названном управленческом цикле занимает процесс выработки и принятия политиками управленческого решения. Он включает в себя не только изучение объекта политического управления, но и целеполагание — разработку «дерева целей» политики, а также определение основных принципов, методов, технологий и средств реализации поставленных целей.

По мнению исследователей [25], с политико-социологической точки зрения государственная политика представляет собой целостную систему, в содержание которой с необходимостью входят субстанциональные (государственная власть), человеческие (социальные субъекты), институциональные (правительство) и процессуальные компоненты. Они активно взаимодействуют по поводу регулирующего влияния на экономику, социальную сферу и другие объекты.

Еще одной разновидностью элементов содержания системы государственной политики, оказывающих весьма существенное воздействие на ее целевую стадию, принципы и методы, являются *духовные компоненты*. Речь идет в первую очередь об экономических, социальных и иных интересах, потребностях, ценностях и других компонентах. Названные духовные компоненты находят воплощение в целевых установках, программах и иных аспектах государственной политики. Такое воплощение осуществляется как посредством артикулирования интересов, т. е. их преобразования в ясные и четкие политические положения, так и через их агрегирование, представляющее собой согласование частных, групповых и общих интересов на основе общезначимых. В равной степени сказанное относится и к другим видам духовных компонентов государственной политики. Они дополняют перечисленные выше элементы содержания системы государственной политики и как бы достраивают ее доверху, создавая тем самым законченный ансамбль.

Итак, *целостная совокупность всех социальных, субстанциональных, институциональных, процессуальных и духовных компонентов (социальные субъекты, институты, цели, принципы, методы, интересы, потребности и др.), консолидированных на основе императивной государственной власти для политического управления экономикой, социальной и иными сферами общества, представляет собой систему государственной политики.* Данная система, опираясь на познанные законы, тенденции и закономерности функционирования и развития управляемых объектов, осуществляет в обществе конкретные виды политики, упорядочивает и гармонизирует общественные отношения и процессы, придает им динамическое равновесие и устойчивость.

15.1.2.4. Иерархическая структура государственной политики

Система государственного управления, как и само государство, имеет иерархическую структуру. Прежде всего нужно знать, что оно строится на разделении властных полномочий по горизонтали и по вертикали. В первом случае речь идет об их разделении на каком-либо одном уровне, например федеральном, между различными равными по своему статусу министерствами или подразделениями различных министерств в горизонтальном разрезе.

Во втором случае имеет место разделение по властной вертикали сверху вниз по принципу подчинения нижестоящих уровней вышестоящим. Здесь преобладают отношения субординации, власти и подчинения, свободы и зависимости. Такая структура предполагает соблюдение исполнительской дисциплины низовыми структурами в отношении решений, принимаемых верхними эшелонами управленческой структуры.

Вершину иерархической лестницы системы государственно-административного управления занимают высшие органы государственной власти в лице главы государства и его аппарата, правительства, парламента и судебных органов и их аппараты, которые связаны между собой сложными структурно-функциональными отношениями. Они принимают решения, имеющие важное значение для всего общества и обязательные для исполнения всеми без исключения звеньями государственного аппарата и гражданами. Процесс принятия решений является ключевым узлом в управлении важнейшими сферами общественной жизни.

Система государственного управления имеет три основных уровня:

- *общенациональный* – включает администрацию главы государства или премьер-министра в зависимости от господствующего в стране политического режима;
- *региональный* – составляют органы государственно-административного управления республик, краев, областей, штатов, земель, провинций, департаментов и т. д., или, иначе говоря, субъектов федерации в федеративных государствах и административные единицы среднего звена в унитарных государствах;
- *нижний* – представлен органами местного управления или местного самоуправления, которые могут принять собственные решения.

Единая система вертикальных связей между различными уровнями власти, иерархическая подчиненность низших уровней высшим отнюдь не противоречат той или иной степени автономии или самостоятельности нижестоящих властных органов. Дело в том, что в демократическом государстве политические и иные реше-

ния должны, когда это возможно и выгодно, приниматься на том уровне, где они возникают. Как правило, региональные и местные власти понимают местные проблемы лучше, чем центральные власти. Естественно, они способны более оперативно реагировать на эти проблемы и принять адекватные ситуации решения.

В обеих названных системах центральное место занимают органы исполнительной власти. При ведении повседневных дел в государстве ключевая роль принадлежит правительству. Важнейшая функция правительства – управление государственным аппаратом, посредством которого осуществляются властные функции. Оно располагается на вершине механизма и аппарата управления, которые в совокупности составляют как бы становой хребет современного государства, органически скрепляющий в единое целое различные его институты по горизонтали и вертикали.

Органы исполнительной власти играют главную роль в системе государственного управления основными сферами жизни общества. В настоящее время во всех индустриально развитых странах государственный аппарат во главе с правительством представляет собой мощную разветвленную систему разнообразных органов: министерств и ведомств, служб управления государственными предприятиями – разного рода систем специализированных комитетов и комиссий и т. д.

15.1.2.5. Бюрократия как важнейшая составляющая системы управления

В настоящее время во всех индустриально развитых странах государственный аппарат во главе с правительством представляет собой мощную разветвленную систему разнообразных органов, министерств и ведомств, служб управления государственными предприятиями, разного рода систем специализированных комитетов и комиссий и т. д.

Огромный административный аппарат, созданный для решения сложных проблем современной жизни, постепенно завоевывает определенную автономию от законодательной и судебной ветвей и нередко оказывается в состоянии самостоятельно формулировать и практически осуществлять политический курс в тех или иных сферах общественной жизни. Хотя правительство юридически считается высшим органом управляющей системы, одновременно во многих странах оно приобретает широкие полномочия сугубо политического характера. У него появляется ряд новых функций, относящихся к так называемому политическому планированию, оно вторгается в сферу законодательства, разрабатывая и формулируя многие законопроекты, которые затем проходят через парламент.

В соответствии с ныне действующими во многих странах конституционными нормами правительство приобрело широкие полномочия для вынесения важнейших политических решений, связывающих и законодателя.

По мнению ряда исследователей [25], развитие событий в этой области привело к тому, что возникло совершенно новое образование анонимной власти – *современное бюрократическое государство*. Его монополия над средствами контроля над обществом и гражданами усиливается с помощью системы сбора налогов, принятия и реализации решений по тем или иным вопросам, касающимся жизненно важных интересов людей, проведения в жизнь законов и нормативно-правовых актов, принятых высшими органами государственной власти и т. д.

Восхождение и институционализация бюрократии предопределены самими закономерностями становления современного государства. Национальное государство, бюрократия и капитализм развивались в тесной зависимости друг от друга. Именно с помощью бюрократического аппарата, как считал М. Вебер, были преодолены негативные последствия сословного порядка и принципа наследственной передачи феодальной власти по наследству.

При всех негативных оценках, ассоциируемых с бюрократией, она превратилась в неотъемлемый элемент современных организаций, а также всех политических систем. Так, современный аппарат государственного управления невозможно представить без четких, рационально разработанных формальных норм и правил, без строгой профессионализации политики.

Особенность государственного аппарата состоит в том, что он носит постоянный характер. В отличие от высших органов государственной власти, которые находятся в прямой зависимости от результатов избирательной борьбы и расстановки сил в парламентах, служащие государственного аппарата не зависят от колебаний и перестановок на вершине государственной машины.

Будучи инструментом осуществления непосредственных властных функций, армия чиновников и служащих государственного аппарата продолжают делать свое дело независимо от правительственных кризисов, роспуска парламента, досрочных выборов и т. д. Основная масса чиновничества представляет собой стабильный контингент лиц, составляющих костяк системы государственного управления. Поэтому неудивительно, что чиновничество стало могучей и влиятельной силой, подчас независимой от периодической смены правительства и выборов органов власти.

Чиновник, занимающий тот или иной пост в аппарате управления, является экспертом определенного профиля, в то время как его выборный руководитель, как правило, находится в положении дилетанта. Кроме того, в процессе выполнения им своих обязанностей чиновник накапливает значительный объем конкретной информации, что еще более усиливает его влияние и позиции. Этому же способствуют и так называемые «кодексы бюрократии», согласно которым важнейшие сферы ее деятельности изъяты из-под контроля общественности.

В определенной степени влияние и вес бюрократии можно ограничить и уравновесить с помощью выборных представительных органов. Но под прикрытием секретности бюрократия способна противодействовать попыткам выборных органов получить соответствующую информацию. В результате бюрократизм во всевозрастающей степени пронизывает выборные демократические институты, завоевывая у них одну позицию за другой.

15.1.2.6. Особенности системы государственного управления в России

В России как федеративном государстве сложились три уровня государственного управления:

- центральный, или федеральный;
- субъектов федерации;
- уровень местного самоуправления, выведенного по Конституции за скобки го-

сударственной власти. Подобная градация подтверждается, в частности, тем, что государственная собственность разделена на две автономные подсистемы: федеральную и субъектов РФ. Имущество, входящее в федеральную собственность, принадлежит на правах собственности России в целом. Таким образом, федеральная собственность и собственность субъектов РФ представляют собой два самостоятельных объекта управления.

Важно учесть и то, что в Российской Федерации, как и в большинстве федеративных демократических государств, в соответствии с Конституцией местные органы власти выведены за рамки системы государственной службы и отнесены к числу институтов гражданского общества, наделенных комплексом полномочий и прерогатив по управлению местными делами.

Поскольку важнейшим условием сохранения единства страны является создание единого экономического, социального, политического и социокультурного пространства, особую значимость и актуальность приобретают поиск и разработка оптимальной системы взаимоотношений между федеральным центром и субъектами федерации. Это в свою очередь предполагает создание и укрепление механизмов реализации экономических, финансовых, торговых, инвестиционных связей между ними как по горизонтали, так и по вертикали.

Важность такой постановки вопроса станет очевидной, если учесть, что на протяжении 1990-х гг. многие руководители регионов проявляли склонность к противопоставлению интересов своего региона общегосударственным интересам. Многие республики и области зачастую принимали законы, противоречащие Конституции. Создавались даже так называемые губернаторские партии, всецело подчинявшиеся руководителю региона. До сих пор средства массовой информации полностью контролируются руководителями регионов [25].

В кризисных ситуациях, как это было, например, после дефолта в августе 1998 г., руководители отдельных областей принимали меры, направленные на ограничительные движения товаров за пределы своих границ. Такая политика, естественно, не могла не ослабить властную вертикаль, и к тому же при продолжении такого развития событий была чревата довольно серьезными негативными последствиями для перспектив российской государственности.

Только в последние несколько лет все более отчетливо проявляется тенденция к преодолению таких и подобных им негативных процессов и восстановлению властной вертикали. Преодолев своего рода анархию, характерную для взаимоотношений центра и субъектов федерации в первой половине 1990-х гг., власти федерального центра и субъекты разделили предметы ведения и властных полномочий между соответствующими уровнями государственной власти.

В республиках, краях и областях уже отменены законодательные и нормативно-правовые акты, противоречащие федеральной конституции. Созданы семь федеральных округов, которые призваны усилить контроль федерального центра над деятельностью властных структур субъектов федерации. Предпринимается комплекс других мер, направленных на укрепление российской государственности. Об эффективности этих мер свидетельствует, о частности, провал на губернаторских выборах последних лет целого ряда действующих губернаторов, которые чуть ли не уверовали в свое всевластие и неуязвимость.

15.1.3. Функции государственной политики

В системе категорий политической науки понятие *функция* является синонимом понятий «задача», «прерогатива», «круг ведения». Все они употребляются для обозначения деятельности любых административных учреждений независимо от их стратегических целей. Анализ функций государственного управления имеет первостепенное значение для понимания государственной политики.

Невозможно, по мнению И. А. Василенко, дать исчерпывающую классификацию функций государственного управления. Она зависит от используемого метода анализа: каждая функция в процессе все более детального рассмотрения может быть расчленена на несколько подфункций, каждая из которых, в свою очередь, – на более узкие задачи и т. д. [14, с. 119]. Поэтому большинство авторов ограничиваются характеристикой наиболее важных функций государственного управления.

В самом общем плане функции государственного управления делятся на *политические и административные*.

Политические функции имеют стратегическое значение. Разработка политической стратегии, или политического курса, – это общее направление деятельности государства, определение целей, задач и принципов общественного развития на длительный исторический период.

Д. Истон [42] в своей модели политической системы подчеркнул две важнейшие функции политического управления – решения и действия. Разработка и принятие политических решений, а затем контроль за их исполнением – главные политические функции в системе государственного управления. Политические ориентиры государственного управления в России определяются в ежегодных посланиях Президента РФ Федеральному Собранию. В структуре Администрации Президента функционирует Управление по разработке политики, которое разрабатывает основы экономической, социальной, культурной, информационной, научно-технической и других видов политики.

Приоритет политики в государственном управлении является важным системообразующим принципом регулирования государственного управления в целом. Именно политика определяет основные структурные рамки деятельности административных органов государственного управления.

Выделяют семь основных направлений деятельности государственного администрирования:

- исполнение решений;
- обслуживание;
- регулирование;
- лицензирование;
- сбор информации;
- дискреционная деятельность;
- экспертиза.

Правительственная бюрократия на любом уровне выполняет, по меньшей мере, две из этих базисных функций. Первичная функция большинства государственных организаций может быть определена как *исполнение и проведение* в жизнь

принятых законов и политики, провозглашаемой исполнительной властью. Это и есть собственно администрирование.

Например, Соединенные Штаты проводят политику перекачки федеральных фондов штатам, чтобы оплатить стоимость разнообразных социальных программ. Департамент здравоохранения осуществляет эту политику, решая, сколько денег предназначается каждому штату, и надзирает за тем, чтобы деньги были использованы по назначению. В России Министерство здравоохранения и социального развития следит за распределением средств по отдельным регионам и областям, контролирует медицинскую подготовку, осуществляет надзор за деятельностью учреждений здравоохранения [14].

Администрация есть воплощение общественной политики, и поскольку она выполняет политические решения, в число ее функций входит и разработка принципов управления. Наряду со своими административными обязанностями департаменты часто создают компании по рекламированию своей работы и убеждению общественности в выгодах относительно цели какой-либо программы. Во многих странах имеются постоянные программы по просвещению в таких сферах, как пожарная профилактика, безопасность движения и охрана природных богатств.

В Великобритании исполнительные власти и администраторы надзирают за повседневными действиями своих департаментов; высокие административно-должностные лица помогают разрабатывать предлагаемые законопроекты, так же как помогают своим министрам отвечать на вопросы членов парламента. Поскольку Великобритания (подобно Франции) частично сохранила государственный сектор в экономике, то такие важные отрасли, как сталелитейные заводы, шахты, железные дороги, телеграфные и телефонные линии, управляются правительственно-контролируемыми корпорациями, которые выполняют политические решения (обычно сохраняемые за частным сектором в США).

Что касается второй функции правительственной бюрократии — *обслуживания*, то многие правительственные агентства специально созданы для обслуживания населения (или специфических групп населения). Например, Бюро погоды в любой стране является лучшим примером обслуживающего агентства. Хотя мы, захватив с собой зонт в тот день, когда Бюро погоды обещало осадки, особо не задумываемся о его службе, тем не менее это является жизненно важным для фермеров и рыбаков. В Великобритании и в России большая часть здравоохранения финансируется правительством. В Швеции и Западной Германии правительство оказывает расширенную помощь в трудоустройстве и нахождении рабочих мест. В России правительство обеспечивает также бесплатное образование на всех уровнях для тех, кто может и желает учиться.

Регулирующие функции государственного управления направлены на поддержание благосостояния населения. В Соединенных Штатах Комиссия по безопасности биржевой деятельности, например, защищает вкладчиков, устанавливая определенный порядок для регистрации новых эмиссий наряду с покупкой акций и облигаций. Великобритания имела законодательство о занятости с 1819 г., регулирующее рабочие условия на фабриках (аналогичные законы существуют в большинстве промышленно развитых стран). Такое законодательство проводится в жизнь особыми агентствами. Департамент труда Соединенных Штатов, например, надзирает за выборами в профсоюзы, чтобы гарантировать их правомерное прове-

дение. В России действуют Федеральная служба по труду и занятости и Министерство здравоохранения и социального развития Российской Федерации, которые следят за соблюдением трудового законодательства и регулируют проблему занятости в стране.

В Германии контроль за выполнением федерального законодательства правительствами земель осуществляется бундесратом (высшая палата национальной законодательной власти), а федеральные административные суды имеют право заставить земельные правительства подчиняться национальным законам. Во всех этих примерах регулирующие функции власти поддерживаются потенциалом силы.

Тесно связана с регулированием *лицензионная* деятельность администрации. Она позволяет правительству установить стандарты и минимальные ограничения в определенных областях. Например, если вы хотите заниматься частной практикой, получить права на вождение автомобиля, продавать недвижимость, преподавать в общественных школах или работать парикмахером, вы должны удовлетворять определенным государственным стандартам. В США и других федеральных странах эти стандарты обычно устанавливаются каждым штатом или какой-либо отдельной федеративной единицей. В таких странах, как Франция и Великобритания, сами национальные правительства устанавливают стандарты и критерии. Даже в США некоторые лицензии выдаются федеральным правительством, например лицензия на радио- или телевидение [14].

Еще одной важной функцией государственной администрации является *сбор информации*. Информация нужна для двух главных целей: определить, был ли нарушен закон, и принять политическое решение, что является целесообразным и основывается на фактическом свидетельстве. Например, если гражданин США жалуется, что нарушены его гражданские права, то прежде, чем будут предприняты какие-либо действия, должно быть проведено расследование – обычно отделом Гражданских прав при Департаменте юстиции. В России существует Федеральная миграционная служба, Федеральная регистрационная служба при Президенте Российской Федерации, куда можно обратиться в случае нарушения гражданских прав. Агентство по защите окружающей среды должно знать реальное состояние загрязнения воздуха и воды, прежде чем оно сможет издавать законы, касающиеся нарушений.

Подобные расследования проводятся всеми современными государствами. В России их осуществляет Федеральная служба по надзору в сфере экологии и природопользования Российской Федерации. Во Франции Агентство по защите окружающей среды провело обширное исследование национальных потребностей в энергии, прежде чем приступило к программе массированного использования ядерной энергии. Некоторые агентства действуют при наличии жалоб. Другие, такие как Управление продовольствием и медикаментами в США, постоянно проводят различные исследования по своей собственной инициативе. Они не допускают появления новых препаратов или продуктов на рынке независимо от того, поступали жалобы или нет, пока не убедятся, что лекарство или продукт питания безопасен и эффективен. В России аналогичной деятельностью занята Федеральная служба по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

Иногда возникает проблема посягательства на права личности. Тогда организации, например Федеральное бюро расследований (ФБР) в США, расследуют

подрывную деятельность и опрашивают друзей, соседей и членов семей подозреваемых лиц. Черта между расследованием, необходимым для обеспечения защиты общественных интересов, и посягательством на личность достаточно тонкая, и часто трудно сказать, где кончается одно и начинается другое.

Помимо этих базисных функций в понятие «государственное администрирование» сегодня входит и *экспертиза*. Растущая сложность современной жизни обусловила то, что законодательная и исполнительная власти все более полагаются на техническую экспертизу бюрократов. Парламент может принять решение о закрытии небезопасных угольных шахт лишь после того, как горные эксперты точно сформулируют, какие именно условия делают шахту небезопасной. В России существует Федеральная служба по технологическому надзору при Правительстве Российской Федерации.

Многие законы также требуют административной интерпретации. Например, парламент может запретить рекламу, направленную на обман, но определение, что является обманом, выносит Федеральная торговая комиссия. Бюрократы обычно не стремятся убедить законодателей принять их советы: члены парламента, как правило, с радостью принимают техническую помощь специалистов. Это сегодня важнейший канал влияния бюрократии на общественную политику.

Совещательная роль бюрократии — неотъемлемая черта государственного администрирования всех современных высокоразвитых государств. Во Франции, например, законы и президентские указы вырабатываются и издаются с активной помощью бюрократии (особенно Государственного совета) и профессиональные исполнители таким образом имеют возможность формировать политику. Бюрократы играют важную роль в структуре законодательной власти Германии. Эксперты и консультанты часто добиваются значительных успехов, убеждая своих политических руководителей принять их образ мышления по возникающему вопросу.

Еще одной важной функцией современной государственной бюрократии является *дискреционная деятельность*, т. е. возможность выносить решения.

Если закон принят, бюрократия должна его выполнять. В том случае, когда этот закон является точным и определенным, все относительно просто. Однако обычно так не бывает. Например, парламент издает закон, требующий, чтобы токсичные мусорные площадки были очищены. Закон позволяет Федеральной службе в сфере экологии и природопользования принять решения, необходимые для достижения этой цели. Комитет принимает целый ряд решений, так как каждая свалка не может быть очищена моментально и каждая вызывает определенные экологические, экономические и политические проблемы. Решение, как достичь главной цели, становится ответственностью данного комитета.

Таким образом, если государственному агентству принадлежит прерогатива принятия решения, как выполнить закон или осуществить политику, оно получает возможность издавать закон для общества. Полномочия постоянных государственных агентств устанавливать правила также относятся к дискреционной деятельности. Например, повышение цен на пользование телефоном в США должно быть одобрено Комиссией общественного обслуживания. В России аналогичной деятельностью занята Федеральная служба по тарифам Российской Федерации.

Государственная бюрократия в начале XXI в. стала огромной, властной политической силой, весьма далекой от «идеальной модели», созданной когда-то

М. Вебером. Одна из причин этого – усложнение функций современного государственного управления. Наряду с традиционными задачами исполнения решений, обслуживания, регулирования, лицензирования и т. п. появляются принципиально новые задачи, связанные с принятием решений.

Как отмечает И. А. Василенко, в XXI в. государственное управление достигло очень высокого уровня специализации. Поэтому служащие государственной администрации должны действовать преимущественно самостоятельно в своей узкой области управления, когда им даны лишь самые общие политические решения от президента или парламента. Многие из принимаемых ими решений должны быть сделаны на основе такого детального знания своей области государственного администрирования, которого нет у политических лидеров. Сегодня на первое место в государственном администрировании выходит экспертиза и дискреционная деятельность, возможность разрабатывать государственные программы и играть совещательную роль при принятии важных политических решений [14, с. 120].

Завершая анализ основных функций государственного управления в современном обществе, следует подчеркнуть, что все они тесно взаимосвязаны. Разработка государственной политики, сбор информации, экспертиза, дискреционная деятельность, исполнение решений, обслуживание, регулирование, лицензирование и т. д. – на практике трудно провести четкую грань между этими видами государственной деятельности. Изолированное существование каждой из этих функций в отдельности возможно лишь в процессе научного анализа, но не в практической деятельности. Поэтому современная наука не предлагает универсальной схемы, по которой можно было бы во всех отношениях рационально разбить и сгруппировать различные виды государственной деятельности по их общим признакам. Нет абсолютного критерия, который позволил бы четко распределить компетенцию между министерствами или другими государственными институтами.

15.1.4. Принципы и методы государственной политики

15.1.4.1. Политико-управленческие принципы государственной политики

В осуществлении научно обоснованной государственной политики заметное место занимают политико-управленческие *принципы*. Если целеполагание имеет отношение к стадии выработки и принятия управленческих решений, то принципы, методы, технологии связаны с практической фазой полного управленческого цикла, в рамках которой осуществляются поставленные цели и происходит организующее и регулирующее воздействие на экономику, социальную сферу и другие объекты государственной политики.

Под управленческими принципами в политико-социологической литературе понимают базирующиеся на знании законов функционирования и развития общества *основополагающие правила* деятельности органов, институтов и людей по управлению общественными процессами. Принципы государственной политики подразделяются на *общие* (универсальные) и *отраслевые* (специфические). Первые применяются во всех видах политики государства и имеют общезначимый и универсальный характер. В научной литературе к ним относят принципы объективно-

сти, конкретности, основного звена, оптимальности, обратной связи, соответствия юридическим нормам и др. Ко вторым принято причислять принципы, применяемые в управлении отдельными сферами общества, либо используемые только в государственной политике, политике политических партий и общественно-политических организаций [108, с. 97].

В совокупности специфических принципов отдельного внимания заслуживают те из них, которые применяются главным образом в экономической или социальной политике государства. Эти виды политики относятся к числу приоритетных в любом обществе. Их последовательное осуществление в развитых странах современного мира привело к формированию социального рыночного хозяйства (экономика благосостояния) и социального государства (государство благосостояния).

В научной литературе в этой связи высказывается мнение о том, что в политическом процессе воздействия государства на различные сферы общественной системы жизненно важен принцип «демократической ответственности, основанной на обратной связи» [63, с. 11]. По другому утверждению, в условиях рыночной демократии государство обязано руководствоваться такими принципами, как: неприкосновенность личности и собственности, социальная справедливость, федерализм, стабильность общества [67, с. 32]. Интерес в рассматриваемом случае представляют также десять признаков административного (государственного) управления, по своему содержанию мало отличающихся от принципов политики [107, с. 6]. Среди них обращает на себя внимание такой, например, принцип, как разделение задач административного управления на функционально определенные сферы, который правомерно рассматривать в качестве основополагающего правила деятельности институтов государственной политики.

Ряд исследователей выделяют восемь главных принципов государственного управления и политики, следование которым отвечает ценностям демократии:

- конституционности правительства;
- народовластия;
- подотчетности;
- эффективности;
- открытости;
- адекватной реакции на внешнюю среду или восприимчивости;
- соответствия процессуальным нормам;
- разделения властей [71, с. 8].

Приверженность названным принципам позволяет решать важные теоретические и практические вопросы, касающиеся доступа к принятию решений, способов принятия решений, а также обеспечения общественными благами и качества демократии. Особое значение здесь придается принципам:

- *народовластия*, который означает, что правительство служит интересам народа и привлекает его к участию в управлении;
- *конституционности*, предполагающий, что правительство в своей деятельности должно руководствоваться интересами всего народа. При этом власть должна разделять ответственность за благосостояние общества со всем гражданским обществом;

- *восприимчивости* государственной политики к реакции на нее со стороны общества, согласно которому не только государственная администрация обладает полученным от народа политическим мандатом на управление обществом. Сами граждане тоже располагают широкими возможностями для легитимного участия в управленческом процессе и решения вопросов функционирования правительственных институтов. При этом персональный состав государственных органов управления должен отражать структуру населения страны [71, с. 9].

Следует специально сказать относительно принципов, применяемых в отдельных видах государственной политики. Например, принципы социальной политики. Эти принципы являются основополагающими правилами деятельности институтов и органов государственной власти по регулированию социальных процессов на основе знания требований закономерностей их функционирования и развития. В научной литературе к базовым принципам социальной политики государства одни авторы относят:

- приоритет прав человека и его свобод;
- солидарность;
- социальную поддержку [103, с. 9].

Другие ученые добавляют к названным еще принципы:

- социальной справедливости;
- социального партнерства;
- солидаризма [112, с. 258; 7, с. 15].

По мнению Е. И. Холостовой, к их числу следует также отнести принципы:

- социальной ответственности;
- социальной компенсации;
- социальных гарантий;
- субсидиарности [122, с. 25].

15.1.4.2. Методы управления государственной политикой

Наряду с принципами, ведущую роль в осуществлении эффективной государственной политики играют такие значимые компоненты ее содержания, как *методы* управления. Под методом управления политикой обычно понимают способы организующего и регулирующего воздействия социальных субъектов и институтов политики на управляемые объекты, определения условий их оптимального функционирования и развития, приведения в соответствие с требованиями присущих им закономерностям.

Методы также подразделяются на общие (универсальные) и отраслевые (специфические) в соответствии со сферами их применения. К первым относятся такие универсальные способы управленческого воздействия, как организационно-административные (директивные) и экономические методы, а также социально-психологические методы морального стимулирования. Директивные методы предусматривают использование государственно-правового принуждения, а экономические — материальное стимулирование.

Среди современных преимущественно отраслевых методов, используемых в системе государственной политики, существенную роль играет программно-целе-

вой метод, позволяющий объединить в единый комплекс средства и ресурсы финансового, материального, организационного и иного рода для «точечного» решения актуальных экономических, социальных и иных задач. О специфике и структуре такого рода программ, как о директивных документах, содержащих целостную совокупность взаимосвязанных экономических, технологических, организационных и иных мер достижения поставленных целей, много сказано в современной литературе [112, с. 258]. Первый опыт современного использования программно-целевого метода в нашей стране имел место в 1980-е гг., когда были приняты к исполнению знаменитая «Энергетическая программа СССР», а также «Продовольственная программа СССР на период 1982–1990 годов», «Программа развития производства товаров широкого потребления и услуг» и др.

В современной России этот метод также находит весьма широкое применение. Только из федерального бюджета ныне финансируется более ста различных экономических, социальных и других программ. Среди самых крупных в области социальной политики, осуществлявшихся в недалеком прошлом, была «Программа социальных реформ в Российской Федерации на период 1996–2000 годов». Наряду с программно-целевым методом в последние годы в государственной политике начинают применяться менеджерские методы, методы по технологиям PR. К последним относят практику так называемого «социального трипартизма», т. е. генеральных соглашений между правительством, работодателями и профсоюзами как выразителями социально-трудовых интересов наемных работников, об условиях оплаты, охраны и стимулирования труда, а также по многим другим социальным вопросам в масштабах государства.

В России уже действует шестое такое соглашение. Первое из них было подписано 29 декабря 1995 г. Их отличительной особенностью является подробное изложение в специальных разделах основных целей, принципов и методов согласованной деятельности правительства, профсоюзов и работодателей в области государственной экономической и социальной политики. Правда, ни одно из заключенных Генеральных соглашений в полном объеме ни разу выполнено не было. Особенно не повезло второму из них, исполнение которого совпало с «дефолтом» в августе 1998 г. На региональном уровне метод трипартизма дополняется генеральными соглашениями между администрацией, работодателями и профсоюзами краев, областей, городов. Наконец, на локальном уровне «трипартизм» дополняется методом «двупартизма», который воплощается в практике заключения ежегодных коллективных договоров между администрацией предприятий, фирм, корпораций и организаций всех форм собственности и трудовыми коллективами в лице профсоюзных организаций.

В завершение следует упомянуть *ваучерный* метод социальных платежей, применяемый во многих развитых странах мира. Данный метод предусматривает адресное использование каждым получателем социальных трансфертов через открываемый для него специальный счет, на который перечисляются из центрального, регионального или местного бюджетов средства, использование которых возможно только целевым назначением через специальные, уполномоченные правительством фирмы, имеющие соответствующие лицензии. В результате получатель средств имеет возможность выбирать между различными фирмами, службами и другими подрядчиками.

Еще один социальный метод из того же ряда в развитых странах называется *социальным контрактом*. Его отличие от ваучерного состоит в том, что он предусматривает обязательное заключение контакта между получателем трансфертов и фирмами, оказывающими социальные услуги. Он не предполагает открытие специальных счетов, но накладывает на фирмы жесткие обязательства по выполнению принятых ими социальных обязательств перед гражданами.

Для выполнения возложенных на государство задач в распоряжение правительства по решению высших органов государственной власти и в соответствии с конституцией страны предоставляются такие основополагающие атрибуты государственной власти, как финансы, армия и иные воинские формирования, правоохранительные органы, важнейшие средства коммуникации и т. д.

Государственное управление осуществляется как правовыми нормами, так и средствами принуждения. Оно построено на принципе: дозволено все, что не запрещено законом. Характер и масштабы используемых государственной властью средств и способов управленческих действий определяются формой государственного устройства. Естественно, они более или менее существенно отличаются в демократическом, авторитарном и тоталитарном государственно-политических режимах.

При демократической системе, как правило, управление осуществляется с соблюдением общепризнанных прав и свобод человека и гражданина. При авторитарной и тоталитарной системах имеет место прямо противоположная ситуация, когда эти права и свободы на каждом шагу могут произвольно нарушаться. В тоталитарном или в любом диктаторском типе государства жизненно важные для общества решения принимаются в узком кругу власть имущих, зачастую без учета мнения народа. Здесь нередко действует принцип, согласно которому цель оправдывает средства.

В условиях политической демократии и правового государства власть не может игнорировать мнение народа. Здесь, во всяком случае, в теории, принцип «цель оправдывает средства» неприемлем. При выборе средств учитываются их возможные негативные последствия в морально-этическом измерении.

§ 2. ВНУТРЕННЯЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА

Предназначение государства состоит в защите и реализации совокупных интересов всего общества, сохранении единства и территориальной целостности, защите национального суверенитета, обеспечении принципа невмешательства во внутренние дела и т. д. В этом отношении определяющую роль играет система государственного управления, которая является инструментом реализации государственной политики. Политика воплощает в себе взаимосвязь и взаимозависимость, диалектику внутренних и внешних условий и факторов развития общества и государства. Поэтому политика разделяется на *внутреннюю и внешнюю*.

15.2.1. Основные характеристики внутренней политики

Внутренняя политика, по определению К. С. Гаджиева, представляет собой совокупность направлений деятельности государства в экономической, социальной, научной, образовательной, демографической, правоохранительной, военной и

других важнейших сферах общественной жизни. Она имеет главной своей целью сохранение и обеспечение жизнеспособности и функционирования существующей общественно-политической системы [22, с. 76]. Ключевое значение имеет деятельность государства, направленная на создание и поддержание условий для производства и воспроизводства основополагающих инфраструктур, институтов, отношений, ценностей, определяющих существенные характеристики и облик данного общества.

Государственное управление призвано организовывать и регулировать совместную деятельность людей, их отношения во всех сферах общественной жизни. Государство определяет и изыскивает средства, методы и основные направления выполнения своих целей и задач. С этих позиций на систему государственного управления возлагается широкий круг основополагающих задач, среди которых можно назвать планирование и разработку стратегических направлений экономического, социального, научного и технологического развития страны, а также определение форм, ресурсов, методов и средств их реализации. Немаловажное значение имеют организация и создание благоприятных условий взаимодействия органов и институтов государственной власти, кадров работников общественных организаций и т. д., в задачу которых входит реализация политики правительства в соответствующих областях и направлениях.

Одно из центральных мест в деятельности государства занимают проблемы кадрового обеспечения всех важнейших сфер жизни общества: экономики, науки, системы образования, здравоохранения, социальной политики и т. д.

Выделяются *стратегическое, среднесрочное и краткосрочное* направления государственной политики. В более узком смысле различаются *политическая стратегия и политическая тактика*.

Стратегия представляет собой теорию и программу обеспечения условий реализации миссии государства. Политическая стратегия в целом охватывает так называемые универсальные, или постоянные, для любого государства на всех этапах его существования задачи. Создание и существование государства вызваны необходимостью решения некоторых из этих задач. Они, как правило, выполняются всеми основными органами власти и институтами государства.

Ключевую роль в определении перспективных векторов и приоритетов социального, экономического и политического развития страны играют характер, и качество принимаемых государством стратегических решений. В этом плане стратегия – это комплекс широкомасштабных решений и мер, призванных определить основные направления социального и экономического развития страны на тот или иной длительный отрезок времени. Государство обеспечивает защиту и реализацию национально-государственных интересов, гарантии как национальной безопасности в целом, так и отдельных ее составляющих – экономической, финансовой, продовольственной, информационной, экологической и иных форм безопасности, в частности.

Внутренняя политика призвана обеспечить общие условия функционирования и развития основных сфер жизнедеятельности общества. Государство отвечает за создание основополагающих социальной, экономической, научно-технологической, образовательной и иных инфраструктур, которые обеспечивают единство и эффективное функционирование всех сфер общественной жизни, всех ин-

ституты общества как единого целого. Главные стратегические задачи государственной политики – поддержание естественных условий существования, обеспечение целостности, стабильности общества и государства. Решение всего комплекса стоящих перед государством стратегических задач требует мобилизации всех имеющихся у общества ресурсных потенциалов. Их носителем является не только государство, но также множество других составляющих общество подсистем, институтов, организаций, союзов и т. д.

Политическая тактика призвана решать оперативные задачи, возникающие перед обществом в конкретных социальных, экономических, политических и иных условиях. Они решаются соответствующими государственными органами, специально созданными для этой цели, либо их решение поручается постоянно действующим государственным органам. Для реализации целей внутренней политики государство использует спектр средств: государственный бюджет, налоги, система социального обеспечения, финансирование науки, образования, здравоохранения, судебные и правоохранительные органы.

Политика государства в различных сферах общественной жизни не ограничивается уровнем центральных властей, осуществляющих свою деятельность с помощью бюджетно-финансовых и иных рычагов. В действительности масштабы и роль государства, пронизывающего все уровни жизнедеятельности страны, значительно шире. Управление в государстве осуществляется на трех уровнях: *общегосударственном, региональном и местном*. Соответственно политика тоже осуществляется на всех этих трех уровнях.

К примеру, в США существенный вклад в инвестиции в социально-экономическую сферу вносят местные органы власти, на которые приходится 46 % всех государственных капиталовложений. Штаты и местные органы власти финансируют более 90 % всех расходов на систему высшего среднего образования, 80 % – на строительство шоссе и дорог и т. д.

В Германии власти федеральных земель регулируют множество сфер, таких как социальная, образовательная, научная, культурная и т. д. В их ведении находятся вопросы социального и экономического развития соответствующих земель. Они, в частности, разрабатывают и осуществляют меры, дополняющие федеральные программы содействия созданию новых предприятий и новых рабочих мест. Ими создаются разного рода фонды, предоставляющие финансовые и иные средства начинающим малым и средним предприятиям. Тоже наблюдается и в других индустриально развитых демократических государствах. В этом отношении не является исключением и Российская Федерация.

Регионы, области, края, республики в Российской Федерации, штаты в США, Индия, Мексике, земли в ФРГ и т. д. имеют свои интересы и преследуют собственные цели, не всегда совпадающие с общегосударственными. Они вправе принимать политические решения по вопросам, имеющим жизненное значение для населения данного региона или муниципалитета. Действия по их реализации при определенных условиях могут негативно отразиться на политике центральных властей, направленной на достижение единых общегосударственных стандартов уровня жизни, социального обеспечения, систем образования, здравоохранения, трудовых отношений, ценообразования и т. д.

Роль и значение политики государства в ключевых сферах общественной жизни особенно возрастают в периоды кризисов или глубоких социально-экономиче-

ских и политических преобразований. Ибо подобные трансформации влекут за собой неожиданные, непредсказуемые последствия. В такие периоды заметно ухудшается положение большинства населения: растет безработица, уменьшаются его доходы, увеличивается социальная нестабильность.

15.2.2. Государственная экономическая политика

Выделяют различные направления внутренней политики государства: экономическое, промышленное, аграрное, социальное, военное, в области занятости, трудовых отношений, образования, здравоохранения, охраны правопорядка и т. д. Каждое из них в зависимости от стоящих перед обществом проблем, также дифференцируется. В каждой из них государство преследует цель достижения баланса интересов как субъектов экономической и социальной деятельности с помощью бюджетной, налоговой, региональной и иных форм политики.

Государство как суверен или носитель власти принимает законы и административные акты, которыми руководствуются другие экономические субъекты и из которых могут возникнуть гражданско-правовые отношения независимо от воли других хозяйствующих субъектов. Государство пользуется иммунитетом и сохраняет властные функции даже тогда, когда вступает в построенные на началах равенства гражданско-правовые отношения как обычный хозяйствующий субъект. Цель участия государства в гражданском обороте – эффективное отправление публичной власти, т. е. выполнение определенных общественно значимых функций. Одной из разновидностей этих функций выступает *государственная экономическая политика*. Государственный сектор обычно дополняет частный сектор и производит общественно значимые товары и услуги. Рыночная модель участия государства в гражданском обороте, как правило, исходит из концепции, согласно которой основным и главным участником таких отношений становится казна (бюджет). Однажды зафиксированное равноправие бюджета в отношениях со всеми другими участниками гражданского оборота в дальнейшем не нуждается в пересмотре и создает равные условия игры другим экономическим субъектам, находящимся в жестких отношениях с казной.

Особенности государства как собственника, выразителя коллективной воли, участника сделок и субъекта ответственности характеризуют его как определенный тип капитала, способного формировать собственные организационные формы. Их развитие, по мнению ряда исследователей [25], представляет собой процесс огосударствления, который влечет за собой ненадлежащее использование властных полномочий, мягкие отношения с бюджетом, развитие системы государственного посредничества в форме административного регулирования.

15.2.2.1. Административная предпринимательская монополия

Крайней формой процесса огосударствления выступает формирование *административной предпринимательской монополии* в странах социализма. Ее идеологическим прикрытием служила ложная посылка о том, что государственная собственность – это общенародная собственность. Государство, по определению Ф. Энгельса, является аппаратом насилия (принуждения) одного класса над другим (или

обществом) [129]. Следовательно, собственность аппарата принуждения по своей природе не является общенародной, а лишь выполняет общественные функции с той или иной степенью демократизма. Тотальное огосударствление превращает государственный капитал за счет бюджетных средств в гигантского посредника, в той части воспроизводства, где государство не является потребителем произведенного им товара. Частный потребитель бессилён противостоять государственной монополии, и его единственный выбор смена (трансформация) политической системы с последующим разгосударствлением экономики.

Политическая задача переходного периода — привести в соответствие соотношение собственности и власти, поскольку многопартийная система, основанная на демократических свободах, может базироваться только на рыночных отношениях при определяющей роли частной собственности. При этом создание рыночной экономики как базы многопартийной республики происходит почти исключительно административными средствами. Они используются для разрушения старой и становления новой политической системы, а также при формировании нового экономического базиса. Применение административных методов осуществляется в рамках нового правового поля, где приоритет должен быть передан гражданскому праву, а государство должно превращаться из монопольного предпринимателя, облеченного властью, в относительно равноправного экономического субъекта рынка.

15.2.2.2. Государственная программа

Государственный капитал, вступая в рыночный экономический оборот, принимает различные организационные формы. В них используются различные схемы управления и регулирования макроэкономикой. *Государственная программа* выступает формой использования государственно-монополистических условий воспроизводства. Она представляет собой форму реализации какого-либо государственного приоритета в социальной, экономической, военной и иной областях за счет бюджетных средств и использования коммерческой базы монополий как субподрядчиков. Возникающий на основе реализации программы государственный заказ создает устойчивые конкурентные позиции подрядчикам: гарантированная оплата, отсутствие конкурентных аналогов, компенсации по НИОКР, льготы, налоговые освобождения и т. д. Работа на государственный заказ часто превращает компании в монополистов, что типично для административной экономики. Программа носит временный характер и при достижении соответствующего приоритета прекращается. Например, программа НАСА «Апполлон» была прекращена после высадки астронавтов на Луну. Программа не создает устойчивой долговременной юридической и экономической связи государства и монополий. Присвоение доходов и выгод осуществляется отдельно государством и монополиями. Появление государственных программ в их развитых формах относят к концу XIX — началу XX вв.

15.2.2.3. Государственно-монополистический комплекс

Владение государственно-монополистическими условиями воспроизводства осуществляется *государственно-монополистическим комплексом*. Введение в эко-

номический оборот данного термина как организационной формы государственно-монополистического капитала является заслугой профессоров СПбГУ А. А. Демина и Н. В. Раскова, согласно которым: «Государственно-моно-полистические комплексы представляют собой относительно обособленную группу монополий (структурообразующий элемент) и государственных органов и учреждений (институциональный элемент) в конкретной области народного хозяйства, к которой через сложную систему контрактов, субподрядов и т. д. притягивается ряд других корпораций различного уровня. Функциональная взаимозависимость, связи различных видов (доходящие порой до уровня достаточно жестких взаимных обязательств, как в контрактных системах) подчиняются в целом деятельности участников комплекса единому ритму, заставляют действовать как единый организм; капиталистическая планомерность, существующая внутри отдельных монополий, в рамках комплекса поднимается на более высокий, межотраслевой уровень» [25]. Историческим периодом формирования государственно-монополистических комплексов были 1960–1980-е гг.

В отличие от программ комплексы представляют собой структуру, постоянно воспроизводящую программы. Формируются они в отраслях, где частотность воспроизведения программ наиболее высока. Например, военно-промышленный комплекс формируется на базе постоянного воспроизводства военных программ. Как структура, реализующая принципы владения, комплекс характеризуется наличием легальной лоббистской составляющей и криминальными коррупционными или мафиозными (организованная преступность) составляющими, являющимися самостоятельными субъектами присвоения доходов. Именно они обеспечивают воспроизводство программ и «необходимые» рыночные условия существования капитала. Таким образом, на взгляд Л. В. Сморгунова, криминализация государственной экономики имеет не только объективные корни, но собственные организационные формы существования [108]. Этим же объясняется и относительная неэффективность борьбы с организованной преступностью.

15.2.2.4. Свободная экономическая зона

Формой реализации распоряжения государственно-монополистическими условиями воспроизводства является *свободная экономическая зона*. Она возникает на основе несовпадения государственной границы с таможенной, налоговой, инвестиционной и другими границами страны. В ней формируются уникальные условия для бизнеса, когда частный капитал самостоятельно распоряжается государственными доходами. Свободная экономическая зона превращается в своеобразную «черную дыру», где государство, как правило, на какой-то срок отказывается в пользу частного капитала от своих суверенных прав на сбор налогов, таможенных пошлин и т. д. Результат подобной практики весьма значителен. Люксембург, став свободной экономической зоной в ЕС, за десять лет обогнал Швейцарию по абсолютным размерам притока иностранного капитала. В мире в настоящее время существует около пяти тысяч свободных экономических зон разного правового режима, являющихся главными точками экономического роста и концентрации капитала. Данная организационная форма государственно-монополистического капитала становится важнейшим фактором международной конкуренции.

15.2.2.5. Государственное предприятие

Государственное предприятие является формой реализации отношений полной собственности на государственно-монополистические условия воспроизводства. Государственным предприятием (унитарным или казенным) считается юридическое лицо, учрежденное государством в предпринимательских целях или в целях выпуска общественно значимых товаров (производства работ или оказания услуг), имущество которого состоит в государственной собственности. Учитывая многоуровневость государственной собственности, к данной категории примыкают и муниципальные предприятия, образованные местными органами власти [25]. В условиях административной экономики они были основой организации государственной предпринимательской монополии, в то время как все другие формы фирменной организации находились под запретом. Их экономическая экспансия подчинена административному управлению, чаще всего отраслевому, финансирование и инвестиционные процессы определяются возможностями государства.

15.2.2.6. Концепции и модели государственной экономической политики

Государственная хозяйственная политика направлена не на достижение абстрактного благополучия, а на улучшение экономических параметров жизни общества в рамках определенного строя, его условий и возможностей. Чтобы достичь экономического успеха, надо укреплять и совершенствовать существующий строй.

В 1930-е гг. стало ясно, что пожарные меры государственного вмешательства, направленные на решение периодически возникающих проблем, недостаточны для стабилизации рыночной экономики. Поэтому экономическая мысль приступила к разработке *концепций государственной экономической политики* как системы исследования ситуации, определения иерархии целей, совместимости средств регулирования, компетенции государственных органов, порядка их взаимодействия, необходимых финансовых ресурсов, последствий, эффективности, противодействующих факторов.

Хозяйственная политика государства превратилась в самостоятельную область экономических знаний, исследований, теоретических обоснований, учебную дисциплину. Отцом теории государственной экономической политики часто называют Дж. М. Кейнса [45]. Впервые системно применил его идеи на практике президент США Ф. Д. Рузвельт, назвавший введенную им систему государственного регулирования «Новым курсом». В марксистской экономической мысли идеи государственного управления народным хозяйством были разработаны Г. В. Плехановым [87], В. И. Лениным [62]. В конкретном осуществлении государственной экономической политики глубокий след оставили видные государственные деятели Л. Эрхард, Ш. де Голль, М. Тэтчер, В. Брандт, Дэн Сяопин.

В России, отстававшей в своем экономическом развитии от ведущих держав, всегда был особый интерес к государственной экономической политике, призванной компенсировать это отставание. До революции трижды были проведены успешные перестройки, менявшие цели, критерии хозяйствования и социальную базу государства, — при Иване IV, Петре I и Александре II. Перестройки эти про-

водились сверху, с народнохозяйственной точки зрения они были подготовлены недостаточно, но проводились последовательно в соответствии с четкой концепцией, в значительной мере административными средствами. В теорию и практику государственной экономической политики дореволюционной России большой вклад внесли П. А. Столыпин, С. Ю. Витте. В годы Второй мировой войны управление экономикой страны перестраивал Н. А. Вознесенский. В послевоенные годы Н. С. Хрущев и Н. А. Косыгин пытались либерализовать бюрократическую экономическую систему социализма также сверху и административными средствами.

В России перемены в генеральных линиях развития чаще происходили именно сверху. Менялась генеральная концепция социально-экономического развития верховной власти, а иногда с нею вместе и сама верховная власть, и государство начинало подводить под новую политическую систему соответствующую ей новую социально-экономическую базу, производственные отношения. Данное мероприятие, носящее макроэкономический характер, обычно именуется *экономической реформой*. Другими словами, экономическая реформа – это смена парадигм экономической политики.

В странах Запада речь почти всегда шла не о политике, а о регулировании, т. е. гораздо более конкретно. Государственное регулирование экономики – явление нормативное, т. е. количественно определенное. Оно исходит из анализа хозяйственной ситуации (диагноз состояния) и максимально конкретной и ясной постановки целей. Цели эти должны быть четко сформулированы, количественно определены и аргументированы, т. е. рациональность их может быть проверена научным анализом и сравнением с аналогичными ситуациями в собственной стране и за рубежом.

В сегодняшней России есть место и экономической политике государства – определенному курсу политической силы, которая в тот или иной период наполняет коридоры власти, и с начала 1990-х гг. государственному регулированию, ибо теперешняя Россия это почти стандартная западная страна, где есть и большой частный (до 70 %), и крупный государственный сектор. Последним можно управлять (т. е. принимать и прямые, обязательные для исполнения решения). Поведение частного сектора (а при этом и государственного сектора теми же средствами) можно лишь регулировать: устанавливать правила, ограничения, стимулы, использовать в том или ином наборе известные стандартные приемы, косвенно направляя деятельность предприятий в нужное русло, заданное экономической политикой.

15.2.2.7. Государственное регулирование экономики

Государственное регулирование экономики представляет собой систему опосредованного воздействия на поведение хозяйственных субъектов и тем самым на экономику в целом путем изменения законодательства, системы налогообложения, таможенных пошлин, валютных курсов, применения других инструментов ограничения или, наоборот, мотивации той или иной деятельности.

По мере развития рыночного хозяйства возникали и обострялись экономические и социальные проблемы, которые не могли быть решены автоматически на базе свободной конкуренции. Возникла необходимость значительных инвести-

ций, малорентабельных или нерентабельных с точки зрения частного капитала, но необходимых для продолжения воспроизводства в национальных масштабах. Отраслевые и общехозяйственные кризисы, массовая безработица, нарушения в денежном обращении, обострившаяся конкуренция на мировых рынках требовали активного участия государства в экономической жизни.

Государственное экономическое регулирование решает различные задачи, выступающие на передний план в тот или иной период. Это, например, стимулирование экономического роста, регулирование занятости, поощрение прогрессивных сдвигов в отраслевой и региональной структуре, поддержание внешнеэкономического равновесия путем активизации или сдерживания экспорта либо импорта разных товаров или капитала.

Государство регулирует экономику во всех национальных моделях общественно-экономических систем. Естественно, регулирование в современной рыночной экономике осуществляется в намного меньших масштабах, чем в централизованно планируемой системе. Однако экономическая роль государства и здесь несопоставимо выше, чем на ранней стадии капитализма. Колоссальных масштабов достигло межгосударственное регулирование мировой экономики, осуществляемое международными организациями, особенно Международным валютным фондом, Всемирным банком, Большой восьмеркой, Парижским и Лондонским клубами и др.

Представление о масштабах государственного регулирования дает доля ВВП, перераспределяемая через совокупный бюджет во внебюджетные фонды. Эта доля в середине 1990-х гг. в Японии и США составляла от 35 до 40 %, в Германии, Франции, Италии и Канаде – свыше 50 %, а в Швеции – более 60 %. Несмотря на заметные различия в доле перераспределяемого государством внутреннего продукта рынок в каждой из этих стран играет первостепенную роль, а государство лишь дополняет рыночное регулирование.

Регулирование экономики направлено одновременно на достижение всех целей общественного развития в экономической проекции. В разные периоды и тем более в разных странах структура первоочередных целей может быть различна. Идеальная модель экономического устройства общества предполагает использование механизма государственного регулирования для решения различных проблем. В частности:

Правовое обеспечение функционирования рыночного механизма. На государство возлагается серьезная задача – защита прав производителей и потребителей, действующих на рынке. К. Поппер отмечает: «...промышленное общество, основанное на рыночных отношениях и предлагающее значительную свободу выбора, немислимо без правовой системы, без власти закона» [95, с. 8]. Для нормального осуществления экономической деятельности субъекты должны быть защищены законодательно.

Прежде всего, должно быть обеспечено право собственности. Собственник, неуверенный в неприкосновенности своей собственности, будет опасаться ее отчуждения и ограничения своего права на нее и не сможет использовать в полную силу творческий и материальный потенциал. В целях государственного противодействия неограниченной власти монополий в экономически развитых странах разработано антимонопольное законодательство, ограничивающее элемент не-

здорового и недобросовестного соперничества. В рамках законодательства о защите прав потребителей принимаются серьезные санкции против продажи некачественных товаров, ложной информации о деятельности фирм и т. п. Разработаны законы относительно защиты интеллектуальной собственности, деятельности банковской сферы и других областей экономики. Наконец, уголовное законодательство, направленное против краж, насилий, убийств, создает более стабильную ситуацию в стране и, таким образом, также улучшает функционирование рынка.

Производство общественных товаров. Подобных товаров и услуг, относимых к категории общественных, достаточно много. К ним относятся товары оборонного назначения, содержание правоохранительных органов, дороги, дорожная разметка, дорожные знаки и целый ряд аналогичных товаров. Все эти блага служат интересам общества в целом. Предельные издержки на производство не зависят от количества потребителей, и государству целесообразнее взять на себя заботу об их содержании.

Государство финансирует подобные сферы из бюджетных средств. Расходы на оборону являются значительной статьёй расходной части бюджета. Другую большую статью составляют средства, выделяемые на социальные нужды и на содержание государственного аппарата. Источник финансирования — налоги. Причем в данном случае отсутствует непосредственная связь между величиной уплачиваемого налога и реальным участием в процессе потребления данного общественного товара. Из-за незначительного размера или вообще отсутствия предельных издержек, которые вызывает каждый дополнительный потребитель, не имеет смысла строить сложную систему оплаты общественных благ, поэтому они и финансируются из государственного бюджета.

Минимизация трансакционных издержек (экстерналий). Принимая на себя содержание общественного блага, государство решает и задачу минимизации трансакционных издержек: весьма сложно было бы, например, заключать сделку с каждым участником движения по шоссе на дорогах, заставляя каждого, кто пользуется услугами скоростной трассы, платить определенную сумму при въезде или выезде. Ясно, что такая система создавала бы «пробки» на дорогах, затрудняла бы проезд и в конечном счете уничтожила бы все те плюсы, ради которых такая скоростная трасса была создана.

Есть товары, которые по определению не относятся к общественным, но из-за высоких трансакционных издержек государству все же бывает выгодно взять на себя их финансирование. Классический пример — некоторые виды страхования, связанные в основном с производственной деятельностью: страхование на случай безработицы, по старости. Частные страховые компании нуждаются в дорогостоящей рекламе, содержании административного аппарата и страховых агентов, что не нужно государству. Поэтому затраты государства в данной области значительно ниже, и подобные товары, как и общественные товары, целесообразнее производить государству.

Компенсация внешних издержек. Существуют два основных способа минимизации отрицательных издержек государством. Первый способ — принятие административных мер по отношению к тем, кто вызывает отрицательные экстерналии. Например, в США виновникам ухудшения или загрязнения окружающей среды предъявляются обвинения на основании Закона о гражданских правонарушениях,

Закона о нарушении прав собственности, а также принятых в 1970-е гг. Закона о чистом воздухе, Закона о чистой воде, Закона об ограничении шума, Закона о национальной экологической политике. На государство возлагается осуществление контроля за отрицательными внешними эффектами с применением административно-командных мер, гражданского кодекса, штрафных санкций, рыночных лицензий на выброс отходов до определенного уровня загрязнения окружающей среды.

Помимо установления норм и применения запретов, т. е. помимо прямого административного вмешательства с целью минимизации отрицательных экстерналий, государство использует и *косвенный метод* борьбы с отрицательными издержками через налоговую сферу. Суть его заключается в том, что производители, являющиеся основными виновниками возникновения отрицательных внешних эффектов, облагаются налогами, что заставляет их в определенном смысле менять свое поведение.

Кроме отрицательных экстерналий существуют и положительные экстерналии, когда выгоду получает не только непосредственный потребитель данного блага, но и «третьи лица». Под «третьими лицами» здесь, как правило, понимается общество в целом. Государство поощряет и субсидирует возникновение положительных экстерналий. Предоставляется субсидия потребителю (он сможет платить более высокую цену) или производителю (снижаются его издержки), в любом случае это ведет к увеличению потребления блага. Как правило, государство стремится предоставить субсидию тому, у кого большая эластичность спроса по доходам, степень реакции после субсидии на потребление блага будет выше. Государство субсидирует здравоохранение, образование, различные благотворительные программы, поскольку от реализации мероприятий в этих сферах выигрывают не только непосредственные получатели блага, но и общество в целом: ведь чем больше здоровых, образованных и культурных людей будет в обществе, тем больше предпосылок имеет такое общество.

Стабилизация макроэкономических колебаний. Государству также принадлежит важная роль в сглаживании макроэкономических колебаний, которым подвержена экономика.

Таким образом, государственное регулирование необходимо осуществлять в определенных пределах. Эти пределы установлены масштабами «фиаско» рынка в целом и конкретной экономической ситуацией. Умелое государственное регулирование позволяет ликвидировать те «провалы», которые невозможно восполнить, используя исключительно рыночный механизм. Здесь уместна сентенция Авраама Линкольна: «Разумная цель государства состоит в том, чтобы делать для людей то, что им требуется, но, что они сами своими силами делать не могут вообще или не могут делать должным образом» [39, с. 73].

15.2.2.8. Методы экономической политики

В тесной связи с типами экономических систем и, соответственно, со степенью «вторжения» государства в экономику находятся методы, используемые государством в экономической политике. Здесь подразумевается не только управление принадлежащим государству сектором экономики, но и регулирование деятельности частного бизнеса. В экономической литературе эти методы подразделяются на *директивные* (предписывающие, обязательные к исполнению) и *индикативные*

(рекомендательные). Чаще их называют административными и экономическими. К первым относятся правовые нормы (законы) прямого действия, а также адресные задания, лимиты, ставки и виды налогов, обязательные экологические нормативы и т. п., ко вторым методам — влияние на цены, совокупный спрос и предложение, использование бюджетных инвестиций, налоговые льготы и т. д. Следовательно, в первом случае упор делается на принудительное подчинение государственным решениям, а во втором — государство привлекает различных субъектов экономики к выполнению своих программ и решений на основе их интереса.

Нужно заметить, что наряду с административными и экономическими методами в числе атрибутов государственной политики используются и *морально-этические стимулы*. К ним относятся:

- *призывы и предложения бизнесменам* от авторитетных политиков к участию в общественно-полезных делах — к созданию благотворительных фондов, финансовой поддержке образования, культуры, спорта и т. д.;
- *«джентльменские соглашения»* с банками, торговыми фирмами, профсоюзами о ценах, процентных ставках, заработной плате и т. д.;
- *патриотические призывы к населению, к молодежи*.

Моральные стимулы широко использовались в СССР. Советское время отмечено не только «казенным патриотизмом», но и реальным бескорыстным энтузиазмом людей, позволившим осуществить немало свершений как в мирное время, так и в период Отечественной войны. Ныне «романтика» далеких строев, поездки «за туманом и за запахом тайги», а не за деньгами, в публицистике, да и в некоторых «научных» трактатах подаются в иронически-пренебрежительном тоне как признак скудоумия «совков». Между тем «преодоление романтики» в связи с всеобщей меркантилизацией — одна из серьезных утрат в духовном арсенале российского общества [25].

Каким методам экономической политики должно быть отдано предпочтение? Очевидно, государство должно использовать такие методы воздействия на экономику, которые эффективны, т. е. лучше всего обеспечивают достижение целей и задач этой политики.

Выделяют главные формы и методы вмешательства государства в экономику. Важно различать две основные формы: *прямое вмешательство* через расширение государственной собственности на материальные ресурсы, законотворчество и управление производственными предприятиями; и *косвенное вмешательство* с помощью различных мер экономической политики.

П р я м о е в м е ш а т е л ь с т в о. Во всех промышленно развитых странах существует более или менее значительный по своим масштабам государственный сектор экономики. Его размеры могут служить критерием экономической роли государства, хотя он не абсолютен. Государство обладает капиталами в самых разнообразных формах, предоставляет кредиты, принимает долевое участие, является собственником предприятий. Это делает государство владельцем части общественного капитала. В государственном секторе западных стран занята довольно большая группа людей: от 11 % общей численности лиц наемного труда во Франции и Италии, до 8–9 % в ФРГ, Бельгии и Голландии [25].

Во всех промышленно развитых странах становление и развитие госсектора происходило практически в одних и тех же отраслях (угольная промышленность,

электроэнергетика, морской, железнодорожный и воздушный транспорт, авиация и космонавтика, атомная энергетика и т. п.). Речь идет, как правило, об отраслях, где инвестиционные ресурсы, т. е. совокупность оборудования и машин, необходимых для производства, имеют большие объем и стоимость. Эти отрасли весьма чувствительны к конкуренции и периодическим кризисам.

Прямое вмешательство государства — это и принятие законодательных актов, призванных упорядочивать и развивать отношения между всеми элементами рыночной системы. Примеры государственного регулирования экономики путем издания законодательных актов необычайно разнообразны. К ним можно отнести, помимо упомянутого антитрестовского законодательства в США, положение о кооперации во Франции и т. п.

Косвенное вмешательство. В зависимости от цели вмешательства меры экономической политики могут быть направлены на:

- стимулирование капиталовложений и восстановление (если это возможно) равновесия между сбережениями и инвестициями;
- обеспечение полной занятости;
- стимулирование экспорта и импорта товаров, капиталов и рабочей силы;
- воздействие на общий уровень цен в целях его стабилизации и цены на некоторые специфические товары;
- поддержку устойчивого экономического роста;
- перераспределение доходов и некоторые другие цели.

Для проведения этих разнообразных мер государство прибегает главным образом к фискальной и кредитно-денежной политике. *Фискальная политика* — это бюджетная политика. Ее можно определять как политику, проводимую путем манипулирования государственными доходами (прежде всего налогами) и расходами. *Кредитно-денежная политика* — это политика, проводимая путем регулирования денежной массы в обращении и совершенствования кредитной сферы. Оба эти направления государственной политики тесно связаны друг с другом, хотя по-разному воплощены в рыночной и централизованной экономике. Страны с рыночной экономикой, начавшей формироваться несколько столетий назад, постоянно ищут оптимальное сочетание государственного регулирования и функционирования естественно сложившегося рыночного механизма. Страны со сложившейся централизованной экономической системой пытаются в ходе разгосударствления возродить с помощью государства (как это ни парадоксально звучит) тот самый мощный, животворящий частный интерес, без которого не может быть рынка. Главная проблема при этом — не убить в объятиях государства этот хрупкий интерес.

15.2.3. Государственная социальная политика

Социальная политика государства, по мнению ряда исследователей [25], может быть представлена как форма сознательного воздействия на социальную сферу жизнедеятельности людей с целью ее изменения в интересах участников этих отношений. Это наиболее обобщенное представление о социальной политике государства позволяет рассмотреть ее как часть государственного управления, объектом

которого является социальная сфера жизни людей. В силу специфики социальной сферы как объекта управления, социальная политика также является специфическим воздействием.

15.2.3.1. Природа социальной политики

Социальная сфера жизни общества состоит из объективной и субъективной составляющей. К *объективной* необходимо отнести условия жизни индивидов, а к *субъективной* – потребности индивидов. При этом социальная сфера жизни людей представлена как отношения между условиями жизни людей и их потребностями. На этом отношении вырастает интерес людей, чьи потребности зависят от распределительной политики государства. Социальная политика оказывает воздействие на условия жизни людей. Пределы этого воздействия в установлении таких отношений между двумя элементами социальной сферы, при которых у индивидов не воспроизводится чувство нуждаемости в ней.

Для того чтобы социальная сфера стала объектом управления государства необходим такой уровень ее развития, который требовал бы его вмешательства. Условием, при котором это вмешательство становится действительным, является такой уровень развития потребностей индивидов, который не может быть удовлетворен за счет собственного труда, как это имело место в аграрных обществах. Поэтому развитие производства и степень разделения труда в этом производстве является материальной основой необходимости государственной интервенции в социальную сферу жизни людей. Попытки обосновать социально-политический характер феодального или рабовладельческого государства не выдерживают критики, так как уровень потребностей человека рабовладельческого общества и общества феодального таков, что даже примитивные средства производства позволяли их удовлетворять за счет собственного труда.

Развитая потребность человека появляется с развитием производства и разделением труда, но она становится ограниченной и не всегда удовлетворенной из-за неравного доступа людей к продуктам данного производства, базирующегося на разделении труда. Чем больше в социальной структуре общества представителей наемного труда, чем выше разделение труда, тем больше доля отчислений, производимых государством на социальные нужды населения страны, тем больше нужда наемных работников в государственной политике. То есть наемный труд не в состоянии без помощи государства положительно функционировать. Это как раз связано с тем, что рыночные отношения исключают возможность равного распределения богатства общества [25].

Экономической основой социальной политики государства является промышленный способ производства и разделение труда, социальной – рабочее движение и объединение представителей наемного труда, чей интерес, так же как и интерес предпринимателей, покоится на данном производстве. В силу ограниченных возможностей, как самого производства, так и способа распределения, между производством и потреблением возникает противоречие, на основе которого разворачивается социальный конфликт.

Конфликтный характер отношений между индивидами, как результат ограниченного производства и способа распределения, порождает такие группы людей, которые могут существовать при условии помощи им со стороны общества в лице

государства. К этим группам относятся люди, которые либо по малолетству, либо по болезни, либо старости, или в результате отсутствия работы не в состоянии самостоятельно обеспечить удовлетворение своих потребностей и потребностей своей семьи. Нуждающиеся люди имелись во все времена, однако они не требовали всеобщей защиты со стороны государства. Она осуществлялась в основном на личностном, семейном или общинном уровне. Социальная защита как легитимированная деятельность государства приобретает всеобщий характер в силу того, что для некоторых слоев населения бедность и постоянное недопотребление становятся естественным результатом господствующих отношений. Потребности индивидов становятся политической категорией только на промышленной стадии производства, когда производительная сила общества – человек – начинает носить общественный характер. Этот общественный характер производства и человека предопределяет социально-политическую деятельность государства в социальной сфере и управление потребностями человека.

Социальная политика с момента ее зарождения испытывает изменения, наряду с которыми изменяются и представления о ней. Если социальная политика на стадии становления включала в себя традиционную систему социального обеспечения (помощь по болезни, от несчастного случая на производстве, потере кормильца и безработицы), то со временем круг проблем, включенных в сферу социально-политической деятельности государства, расширился. Расширяются и представления о социальной политике. Если раньше социальная политика понималась как некоторый инструмент, сглаживающий социальные противоречия, то сегодня ее понимают не только как инструмент, сдерживающий конфликтные формы взаимодействия между наемными работниками и предпринимателями. Она должна быть механизмом защиты людей от всевозможных не только экономических, но политических и социальных рисков, природно-климатических катаклизмов. Современная социальная политика превратилась в средство достижения конституируемой цели общества – всеобщего благосостояния. Насколько развита социальная политика, настолько приближено к данной цели государство. Социальная политика стала и инструментом развития возможностей человека, а также групп населения [58, с. 20].

15.2.3.2. Виды и структура социальной политики

Круг социальных проблем, которые решаются государством, различен. Например, для Германии круг проблем, относящийся к социальной политике государства, отличается от датского. Германское государство защищает наемных работников посредством контроля рынка труда, в сфере производства и предпринимательства, выплаты по безработице, молодежи, пенсионного обеспечения. Оно акцентирует внимание на положении семьи, учитывает интересы средних слоев населения (фермеров, ремесленников), осуществляет социальную помощь, включает жилищную политику, политику в области образования. В рамках социальной политики осуществляется контроль за экономической конкуренцией, за потребительским рынком, вырабатывается и реализуется политика защиты потребителей от недобросовестных производителей, контролируется состояние окружающей среды, т. е. разрабатывается и реализуется экологическая политика. Датское государство в сферу своей социальной политики включает минимальный набор. В нее

включается забота о лицах, пострадавших от несчастного случая, профессиональных заболеваний и болезней, о материнстве и детстве, осуществляется контроль за прожиточным минимумом, безработицей и пенсионным обеспечением.

Социальная политика государства не существует в отрыве от политики государства вообще. Она распадается на различные виды политики. Их можно подразделить на комплекс обслуживающих социальную политику, таких как налоговая, бюджетная политики. И на комплекс направлений, составляющих структуру социальной политики, таких как политика на рынке труда, жилищная, молодежная, экологическая, политика в области здравоохранения и т. п. Насколько развита социально-политическая деятельность государства, настолько развито внутреннее содержание его социальной политики. Социальная политика в каждой стране специфична. Для Германии и Дании характерен широкий охват социальной сферы со стороны государства, для США и Японии – меньший. Это обусловлено национальными моделями социальной политики.

15.2.3.3. Модели социальной политики

В современных государствах применяются три модели социальной политики: *консервативная, либеральная, социал-демократическая*. В основу *либеральной* модели социальной политики положен так называемый «страховочный принцип», предполагающий только или в основном денежные компенсации и только остро нуждающимся. *Социал-демократическая* модель базируется на праве всех граждан получать выплаты из фондов, формируемых за счет налоговых поступлений. *Консервативная* модель социальной политики с успехом применяет как принципы либеральной, так и социал-демократической моделей социальной политики. Консервативная модель господствует в Германии, Франции и Италии, либеральная модель получила развитие в таких странах, как Великобритания и США, социал-демократическая – в Скандинавских странах, Австрии и Нидерландах [105, с. 26].

М. Шмидт в качестве критериев модели социальной политики предложил учитывать:

- размер отчислений на социальную защиту лиц наемного труда, связанных с функционированием рынка и другими причинами потери дохода;
- размер установленного законом социального обеспечения;
- соотношение между государственными и частными социальными расходами;
- размер индивидуального или коллективного финансирования социального государства посредством налогов;
- количество однотипных социальных гарантий и их распределение по различным профессиональным группам и группам риска (возраст, безработица, болезнь);
- объем перераспределения общественного богатства социальной политикой;
- глубина мер, принимаемых правительством по обеспечению полной занятости и в какой мере оно достигло этой цели [25, с. 180].

С помощью этих критериев конструируются три основные модели социальной политики государства. Так, для либеральной модели социальной политики слабая защита со стороны государства против действий сил рынка и в случае потери ис-

точников доходов. В этой же модели социальной политики реализуется принцип помощи бедным. А в консервативной и социал-демократической модели приоритет отдается закреплению в законах социальных прав на данную помощь всем нуждающимся в ней.

15.2.3.4. Социальные права и гарантии граждан

Для того чтобы государство было в состоянии управлять социальной сферой в рамках своей социально-политической деятельности, оно рассматривает социальную сферу в категориях политики. Это означает, что государство выделяет из всей совокупности отношений социальной сферы жизни общества отношения, имеющие всеобщий характер и поэтому подлежащие политической защите. Обязанность защиты со стороны государства своих граждан вытекает из социальной сути государства, которая заключается в установлении политически детерминированной социальной связи между людьми. Социальная защита есть особая политическая форма включения индивидов в социальную жизнь с целью снятия экономических препятствий для каждого гражданина, не позволяющих ему без посторонней помощи их преодолеть. Этим актом государство определяет «социальную зону» своего политического влияния и объявляет о своей готовности защищать ее всеми средствами и способами, находящимися в его распоряжении.

Социальные права граждан – это та область социальной сферы жизни людей, которая не доступна никаким силам общества кроме государства, это тот объект деятельности государства, где его полномочия абсолютны. Социальные права – это отношения, реализуемые под эгидой государства, отношения, в которые вступает индивид свободно, по праву, без каких-либо ограничений и предварительных условий со стороны кого бы то ни было. Социальные права – это особая форма регулирования отношений в обществе со стороны государства и особая институциональная форма разрешения социального конфликта.

Социальные гарантии – это обязательные для государства социальные права, т. е. такие отношения, которые не могут не состояться. Социальные гарантии – это обеспеченные существующими государственными ресурсами декларируемые социальные права. Социальные гарантии – это социальные права в действии, реализованные социальные права. Потому социальные гарантии и права, например Х. Ламперт [56], включает в понятие собственности, которой как бы изначально наделяются представители наемного труда. Социальные гарантии в связи с этим можно рассматривать так же, как возможное право граждан распоряжаться теми ресурсами, которые находятся в распоряжении государства. Поэтому для государства проблема определения круга лиц, которые имеют право на часть дохода от бюджета, а тем самым на некоторые льготы, является важной и сложной.

15.2.3.5. Принцип нуждаемости граждан

Социальная льгота – это такое отношение в обществе, при котором индивид или группа индивидов наделяется продуктом из общественных фондов в силу их нуждаемости. В основании получения гражданами социальных льгот лежит *принцип нуждаемости*. *Нуждаемость* – это временное или постоянное недопотребление человеком продовольствия, предметов длительного пользования и услуг,

имеющих в обществе распространенный характер. Однако недопотребление не станет нуждаемостью до тех пор, пока недопотребление не приобретет для государства значимый характер. Значимое для государства недопотребление и называется нуждаемостью. С этого момента недопотребление индивида как его ограниченная связь с обществом становится политической категорией и полностью определяется государством, а ее установление зависит от определения верхнего и нижнего пределов нуждаемости. В различных странах пределы нуждаемости различны, но они не могут быть ниже предельно допустимых физиологических норм и выше среднего дохода, принятого в обществе.

Нуждаемость индивидов возникает на ряде ограничений биологического, экономического, политического и социального характера. *Биологические* ограничения подразделяются на физиологические и психологические ограничения, не позволяющие индивиду либо по малолетству и старости, либо по причине инвалидности и болезни трудиться, а значит, вступать в отношения, носящие всеобщий характер.

Экономические ограничения подразделяются на материальные и моральные. К первым из них относятся уровень развития производительных сил, ко вторым — устанавливаемые экономические отношения или элементы этих отношений. К последним относятся принципы, на которых не только выстраиваются отношения, но и которыми они же укрепляются. Установленный принцип, согласно которому удовлетворение потребностей обществом осуществляется через обмен стоимостями, накладывает свой отпечаток на человека, на его потребности, в связи с чем рынок выступает одной из причин нуждаемости. Он создает трудности на пути нормального удовлетворения потребностей людей.

Политические причины покоятся в недрах государственного устройства, которое укрепляет принцип обмена, делает его господствующим, а тем самым выступает политической причиной появления нуждаемости у индивидов. Государство — одна из политических причин появления нуждаемости и установления пределов нуждаемости, носителями которой являются индивиды, имеющие способность к труду, но из-за острой конкуренции на рынке труда не реализующие ее.

Социальной причиной нуждаемости является социальная дифференциация в обществе, превосходящая некоторые пороговые значения. Такими пороговыми значениями являются по одним оценкам восьмикратное, по другим — десятикратное превышение доходов 10 % высокодоходной группы над 10 % низкодоходной группы [25].

15.2.3.6. Социальная защита

Социальная защита — это такие отношения, которые позволяют индивидам, находящимся под их покровительством, сохранять свои позиции в обществе. Социальная защита — это охранительная функция либо политического, либо социального характера. Поэтому социальная защита есть свойство любого объединения людей. Наиболее значительными объединениями в данном случае являются государство и профессиональные союзы. Социальная защита со стороны государства пользуется преимуществом только в том моменте, что социальная защита, находящаяся в руках государства, обладает всеобщим характером. В силу того, что социальную защиту могут осуществлять и другие объединения кроме государства,

социальная политика реализуется через государственную либо через негосударственную систему социальной защиты. Во втором случае обычно эта функция находится в руках профессиональных союзов, однако за государством сохраняется функция правового обеспечения их деятельности. Тем самым создается публично-правовая система социальной политики.

В основе системы социальной защиты лежит классическая *система социального обеспечения*. Социальное обеспечение является ядром современной социальной политики. Показателем развитости системы социального обеспечения, а также признаком моделей социальной политики являются социальные расходы. Под социальными расходами понимают объем финансирования социально-политической деятельности государства. Обычно в статистике фигурирует такой показатель в виде доли расходов на социальные нужды от внутреннего валового продукта страны. Сегодня имеются страны, где доля социальных расходов превышает 40 % от ВВП, и есть страны, где социально-политическая деятельность государства не существует вообще. И структура социальных расходов различна, но в целом наибольшие расходы приходится на обеспечение по старости и семьям, потерявшим кормильца, или семьям умершего.

Государство, опираясь на свое понимание социальной защиты, использует систему социального обеспечения, состоящую из совокупности административных норм и учреждений, реализующих эти нормы в административном порядке. Содержательной стороной системы социального обеспечения, которая поддерживается государством, является принцип обязательного государственного страхования. Обязательность страхования не всегда предполагает обязательность взносов со стороны застрахованного. Страховой фонд по некоторым видам государственного страхования может пополняться за счет государства или за счет работодателя, а также наемных работников.

Существенным в определении социальной политики того или иного государства являются источники финансирования социальных расходов. Источники финансирования бывают бюджетные и внебюджетные. Первые пополняются за счет налогов, деятельности государства в экономической сфере, а также за счет иных средств, поступающих в бюджет государства. Внебюджетные фонды пополняются за счет страховых взносов работодателей и наемных работников. В последнем случае пополнение может происходить как равными, так и неравными долями со стороны работодателей и наемных работников, а некоторые внебюджетные фонды пополняются только за счет работодателей.

15.2.3.7. Функции социальной политики

Социальная политика обладает рядом функций, которые и определяют гуманистический характер государства, стремящегося через политически создаваемые общественные фонды поддержать состояние индивидов в том социальном статусе, который не был бы обременительным для него и общества. Ряд исследователей [25] относит к ним следующие функции:

- *компенсаторную*, направленную на ликвидацию внешних сдерживающих условий, не дающих возможность индивиду быть деятельным участником существующих в обществе отношений;

- *элективную*, направленную на определение обстоятельств и свойств самого индивида, позволяющих отнести его в разряд нуждающихся;
- *кумулятивную*, накапливающую социальный потенциал государства, выражающийся в зависимости индивидов от социально-политической деятельности государства.

Все эти функции тем в большей степени представлены в социальной политике государства, чем в большей степени социальная политика находится в тесной зависимости от политики государства вообще.

15.2.4. Государственная национальная политика

Учет национальных особенностей в жизни социума должен осуществляться в границах соблюдения прав человека. Поэтому *главной задачей государственной национальной политики является согласование интересов всех проживающих в стране народов, обеспечение правовой и материальной основы для их развития на основе их равноправного и взаимовыгодного сотрудничества*. Путь к гармонизации межнациональных отношений лежит в основном в значительной степени через культуру. Наглядным примером проведения национальной политики в жизнь является международный опыт реализации внутренней политики государства в отношении этнических общностей и межэтнических отношений, реализации культурных аспектов этничности.

15.2.4.1. Проблема защиты национальных меньшинств

Проблема защиты национальных меньшинств возникла в XVIII в. Уже тогда национальные меньшинства не желали ассимилироваться, стремились сохранять и развивать свои национальные особенности и настоятельно требовали специальных правовых гарантий.

Права национальных меньшинств как совершенно самостоятельный вид права — неотъемлемая часть современной демократии. Они не сводятся ни к правам индивида, ни к правам большинства. Но и права индивида и права большинства, в свою очередь, не растворимы в правах национальных меньшинств. Только в 1990-е гг. в мировом сообществе появились: Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (1992), Европейская Хартия о региональных языках и языках меньшинств (1992), Основные права лиц, принадлежащих к народам (национальным группам и меньшинствам) в Европе, Проект Дополнительного протокола к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1994), Конвенция по защите национальных меньшинств, принятая по решению Совета Европы. Согласно Заключительному акту Хельсинкского совещания от 1973 г., в 1992 г. был учрежден пост Верховного комиссара по делам национальных меньшинств в Хельсинки.

В современном мире принципиально возросла роль национальной политики, и происходят принципиальные изменения в практике ее проведения. В частности, Великобритания является многонациональной страной, но по территориальному устройству — это унитарное государство. Многие века в стране принимались меры по ассимиляции граждан в языковой, культурной сферах. Но в последние годы

Шотландия и Уэльс получили значительную автономию. В 1967 г. принят закон об уравнивании в правах валлийского языка с английским. А Шотландия получила судебную систему, отличную от английской. Для Северной Ирландии британское правительство пытается выработать самостоятельный статус (например, Акт о Северной Ирландии 1973 г.), хотя с 1972 г. Ольстер (шесть северных графств в Северной Ирландии) периодически находится под прямым правлением Великобритании [49, с. 68]. Государственным языком Великобритании является английский, однако на Нормандских островах и в Уэльсе употребляется два официальных языка, соответственно, английский и французский, и английский и валлийский.

В США решение национальных проблем также осуществляется в аспекте политики культурного плюрализма, который предполагает толерантность государства в отношении выходцев из разных этносов и обеспечение соответствующих условий для сохранения и развития их этнокультурной среды, а также для оказания помощи этническим группам в повышении их статуса в американском обществе. Удовлетворение социально-культурных запросов этнических групп ведет к снижению межнациональной напряженности. Американцы создают атмосферу, благоприятную для развития иноязычной культуры.

Для представителей национальных меньшинств важны две сферы правовой защиты: 1) гражданские свободы, особенно свобода употребления языка, свободное выражение мыслей, мнения, свобода объединений, печати, религии; 2) недискриминация, т. е. равенство, всех граждан перед законом.

Важнейшей сферой идентичности являются язык и школа. Датское меньшинство в Германии имеет 53 учебных заведения (от школ до гимназий), 63 детских сада, одну школу-интернат. В школах преподают на датском языке. Фризы изучают свой язык в дарственных школах и детских садах. У лужан преподавание также ведется на родном языке. Второй важной областью для сохранения национального самосознания является культура. Создаются театральные группы, группы народного творчества, культурные центры, имеется театр, газеты, радио, телевидение. Все национальные меньшинства имеют возможность, исполняя свои религиозные обряды, нести службу и осуществлять всю церковную деятельность на родном языке.

Франция, как и Турция, в отличие от многих других стран, не признает национальные меньшинства, считая, что интересы большинства важнее. По конституции Франции признание существования единого народа в границах единой и неделимой республики основано на исторической традиции конца XVIII в., когда была провозглашена «Декларация прав и свобод человека и гражданина». До Великой французской революции некоторые меньшинства, например евреи и протестанты, имели особый статус, ставивший их в неравноправное положение по отношению к большинству. Франция проводит политику ассимиляции, согласно которой представители этнических меньшинств должны принять общезападные ценности, быть, прежде всего, французами. При этом у каждого человека остается право проявлять свою индивидуальность (в том числе культурную, религиозную или этническую) на личном, а не групповом уровне. Непризнание прав меньшинств, в том числе прав на отделение, избавляет государство от сложной проблемы обязательств по отношению к ним, от угрозы нарушения национальной целостности. Но с 1982 г. во Франции официально признаны языки и культуры этнических меньшинств. В 1985 г. образован Государственный совет по националь-

ным делам и культуре. В законодательстве (но не в Конституции) страны есть пункты, которые дают меньшинствам свободу выражения. Существует определенный разрыв между правом и реальностью. В школах Франции изучают диалекты корсиканского, каталонского, бакского, бретонского, фламандского, эльзасского языков. Корсике предоставлен статус автономии в сфере культуры и радиовещания.

Права лиц, принадлежащих к меньшинствам, восполняют фундаментальные права и свободы всех членов общества. Положение меньшинств – показатель зрелости демократии, поскольку взаимная терпимость к их различиям является существенной частью демократического мироощущения. Демократия не обеспечена, если жизненные интересы и права меньшинств не защищены наряду с интересами и правами большинства. Действительно, история показывает, что неуважение прав меньшинств зачастую является прелюдией к попранию прав большинства [101, с. 5].

15.2.4.2. Российская государственная национальная политика

Исследуя концепции зарубежной национальной политики, учитывая опыт решения национальных проблем и разработку норм межнациональных отношений на Западе, Россия должна основываться на своей специфике, на своих исторических условиях. В «Концепции государственной национальной политики Российской Федерации», утвержденной указом Президента России (15 июня 1996 г.), выделены следующие направления деятельности:

- *развитие* федеративных отношений, обеспечивающих гармоничное сочетание субъектов РФ и целостности Российского государства;
- *развитие* национальных культур и языков народов России, укрепление духовной общности россиян;
- *обеспечение* политической и правовой защищенности малочисленных народов и национальных меньшинств;
- *достижение и поддержка* стабильного, прочного межнационального мира и согласия на Северном Кавказе;
- *поддержка* соотечественников, проживающих в странах СНГ и Балтии, содействие развитию связей с нашими соотечественниками из стран ближнего зарубежья.

В 1990-х гг. в целом государственная национальная политика носила, с одной стороны, реактивный характер, отвечая на уже проявившиеся проблемы и конфликты; с другой стороны, была фрагментарной, направленной на решение отдельных задач, вырванных из общеполитического контекста. Поэтому современная государственная национальная политика России должна быть превентивной, предусматривающей опасные этнополитические проблемы; и целостной, предполагающей решение данных проблем в рамках единой программы.

В принимаемых документах говорится о равенстве прав и свобод граждан, независимо от пола, расы, национальности, языка, отношения к религии. Государство должно создавать равные социальные и политические условия для народов, позволяющие сохранять и развивать свою культуру. Но в жизни осуществление равенства народов нереально.

Демократична позиция и в отношении этнической идентификации: право каждого гражданина «определять и указывать свою национальную принадлежность без принуждения извне». Но как показали последующие события, в некоторых регионах России многие граждане хотят сохранить привычное «принуждение», т. е. оставить пятую графу в документе личности.

В целом концепция государственной национальной политики имеет прогрессивный характер, но отличается половинчатостью, неопределенностью, что сужает ее возможности в плане урегулирования и решения многообразных этнических проблем, а в некоторых ситуациях даже усугубляет их. Существует тенденция подмены национальной политики решением конфликтных проблем на межнациональной почве. Но национальная политика не может в принципе быть направленной на решение проблем сегодняшнего дня мерами временного характера, пусть и актуальными для страны [25].

Основной принцип государственной национальной политики – равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от его расы, национальности, языка, отношения к религии, принадлежности к социальным группам и общественным движениям. Можно выделить и другие принципы, которые могут быть положены в основу государственной национальной политики:

- *национального паритета и межнационального партнерства* – состоит в признании всех народов России государствообразующими и в утверждении того, что ни один народ не может обладать преимущественным правом на контроль над территорией, институтами власти и природными ресурсами;
- *национальной самоорганизации* – означает создание государством условий, позволяющих представителям разных народов самостоятельно определять и реализовывать свои национально-культурные потребности;
- *национального патернализма* – состоит в обязанности властей всех уровней в защите прав человека в национальной сфере и оказании поддержки наименее защищенным этническим группам, этническим категориям беженцев, переселенцев.

Исследователями выделяются такие аспекты национальной политики, как территориальный, демографический, экономический, социальный, культурный, социолингвистический, конфессиональный, психологический.

Теоретически равноправие народов означает отказ от определения: титульный, нетитульный народ, национальное меньшинство или национальное большинство и другие противопоставления. В строго терминологическом смысле равенство народов означает отказ от практики закрепления в той или иной, в том числе и в чисто символической, форме разного статуса национальных субъектов РФ.

Национальная политика только в том случае станет консолидирующим фактором, если будет отражать все многообразие интересов народов России, в том числе и самые главные, может быть, этнокультурные. При реализации национальной политики в духовной сфере необходимо реализовать следующие задачи обществом и государством:

- формирование и распространение идей духовного единства, дружбы народов, межнационального согласия, культивирования чувства российского патриотизма;

- распространение знаний об истории и культуре народов, населяющих Российскую Федерацию;
- сохранение исторического наследия и развитие национальной самобытности и традиций взаимодействия славянских, тюркских, кавказских, финно-угорских и других народов России в российском евразийско-национально-культурном пространстве, создание в обществе атмосферы уважения к культурным ценностям;
- обеспечение оптимальных условий для сохранения и развития языков всех народов России, использование русского языка как общегосударственного;
- укрепление и совершенствование национальной общеобразовательной школы как инструмента сохранения и развития культуры и языка каждого народа наряду с воспитанием уважения к культуре, истории, языку других народов России, мировым культурным ценностям;
- учет взаимовлияния национальных обычаев, традиций и обрядов религии, поддержка усилий религиозных организаций в миротворческой деятельности [1, с. 25].

Межнациональные отношения в стране во многом определяются национальным самочувствием русского народа, являющегося опорой российской государственности. Все более актуальными становятся проблемы национально-культурного развития русского народа. На первом месте у русских стоят задачи улучшения своего положения, т. е. качества жизни по всему спектру существующих проблем национального бытия — от социально-экономических до духовно-нравственных. Но доминирующими являются потребности повышения национальной солидарности и уровня государственной защищенности русских. Русский народ, составляя большинство населения страны, является в России системообразующей нацией. От положения и национального самочувствия русских во многом зависит национальная безопасность государства в целом.

Проведение парламентских слушаний по вопросу «О концепции государственной программы национально-культурного развития русского народа» говорит о том, что русская проблематика перестала быть предметом политических спекуляций и все более становится, с одной стороны, предметом серьезного изучения, а с другой — существенным фактором национальной политики. От благополучия русского народа, составляющего более 4/5 населения страны, зависит в огромной мере общее состояние межнациональных отношений в России. Русской проблеме почти не уделялось внимания в практике управления. В государственной концепции она упоминается только в связи с задачей использования русского языка как общегосударственного. До сих пор проблемы русских вызывают у управленцев неоправданную стыдливость и опасения, что любые проявления интереса к ней могут стать поводом для обвинения в шовинизме. Между тем от разрешения этой проблемы во многом зависит возможность предотвращения и периферийного этнического сепаратизма и межнациональных конфликтов. Русская проблема имеет несколько основных проявлений. Это продолжающийся отток русского населения из большинства республик России, нарушающий сложившийся баланс этнополитических сил и интересов. Недостаточное участие русских в политической жизни ряда регионов, включая и те, где они являются численно наибольшей этнической общностью, как по причине существующих в некоторых республиках по-

литико-правовых проблем, так и в силу собственной слабой политической активности и самоорганизации. Это и проблема адаптации вынужденных переселенцев из других стран к новым условиям проживания в регионах России.

15.2.4.3. Проблема коренных малочисленных народов России

В национальной политике России остро стоит проблема коренных малочисленных народов (КМН). В России к коренным малочисленным народам, согласно Единому перечню коренных малочисленных народов РФ, утвержденному постановлением Правительства РФ от 24 марта 2000 г., отнесены 63 народа. Это особая группа этносов, проживающих в местах традиционного расселения их предков. Этим народам присущи своеобразие языка, культуры, хозяйственной деятельности и образа жизни в целом, несущее на себе отпечаток природных условий и исторического пути развития. Ввиду недостаточно продуманной государственной политики, равнодушия к их проблемам, патерналистской политики и промышленной экспансии самобытность малочисленных народов оказалась под угрозой. В последние годы созданы законодательные основы правового статуса коренных народов. В 1993 г. права этих народов впервые закреплены на конституционном уровне, и государство гарантировало права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами РФ (ст. 69) [48]. В 1996 г. принят закон «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера». В 1999 г. принят федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» и в 2000 г. федеральный закон «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», обогатившие правовую базу статуса КМН. Но, несмотря на недостатки законодательства, более серьезной проблемой является его осуществление на практике.

Деятельность КМН может быть урегулирована государством не только с помощью закона, но и договором. Использование при регламентации деятельности КМН публично-правового договора успешно применяется за рубежом, например в Канаде. В России такая возможность впервые на государственном уровне упоминается в постановлении Государственной Думы (26 мая 1995 г.) «О кризисном положении экономики и культуры малочисленных коренных (аборигенных) народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России», в котором предлагается рассмотреть вопрос о создании системы договорных отношений Правительства РФ с территориальными объединениями общин коренных народов. В пункте 8 Концепции государственной политики по разграничению предметов ведения и полномочий между федеральным, региональным и муниципальным уровнями власти (февр. 2001 г.) признается возможность и необходимость договоров о разграничении предметов ведения и полномочий между органами местного самоуправления и федеральным центром.

Таким образом, в настоящее время на законодательном уровне и в общественном сознании КМН получила развитие идея договорно-правового регулирования деятельности КМН как возможного варианта их существования в современном мире, хотя в практической деятельности в этом направлении сделано мало. Тем не менее, создание и работа общественных объединений коренных малочисленных народов, в первую очередь Ассоциации коренных малочисленных народов Севера,

Сибири и Дальнего Востока в центре и в регионах проживания КМН, развитие общин, попытки культурного самоопределения, создания представительных органов власти из коренных народов и борьба коренных народов за конституционные права «на исконную среду обитания и традиционный образ жизни» в конечном итоге могут привести к созданию достойных условий жизни для коренных малочисленных народов.

15.2.4.4. Проблемы федерализма и аспекты национальной политики

В национальной политике наиболее выделяются два аспекта: политический и культурный. *Политический* аспект представлен через деятельность государственных, в том числе и местных органов власти: выделение соответствующих статей в бюджетах, законодательные акты, постановления по конкретным проблемам (например, о возвращении культовых зданий, открытии классов или национальной школы).

Культурный аспект – это непосредственная деятельность национально-культурных центров, ассоциаций, национальных школ, прессы и т. п. Национально-культурная автономия может рассматриваться как элемент гражданского общества. НКА не наделяется какими-то властными полномочиями, а деятельность ее определяется в области этнокультурных проблем, это экстерриториальное образование. Этнические проблемы тесно связаны с проблемами федерализма, что придает им актуальность.

Проблемы федерализма относятся к числу наиболее сложных и многогранных. Но они же являются ключевыми и для дальнейшей судьбы России. Без оптимально построенной государственной национальной и региональной политики невозможно проводить социально-экономические и политические преобразования. Важным механизмом в этом движении является федерализм. Но в отношении федерализма среди его исследователей нет единого мнения, что он является, прежде всего, средством оптимального регулирования межэтнических отношений, обеспечения многообразных форм государственного строительства с учетом культурных и правовых традиций народов, населяющих Россию.

Все существующие в мировой практике модели устранения противоречий между целями этнонационального и общегражданского развития в рамках федеративных государств сводятся к двум основным направлениям: *адаптационному и унификационному*. Унификация может проявляться в строительстве федерации на основе этнического федерализма или на полном игнорировании этничности из федеративных отношений, т. е. на так называемой губернизации федерации. Этнический федерализм неприемлем тем, что может усилить вытеснение русских и национальных меньшинств из республик и породить этнические чистки. Губернизация федерации неосуществима (во всяком случае в ближайшие десятилетия) из-за сопротивления этнических элит, у которых сохраняется возможность мобилизации населения республик на открытую борьбу с федеральным центром. В современных условиях разумнее «не ломать сложившиеся формы федеративных отношений, а полнее адаптировать их к обслуживанию как национальных, так и общегражданских задач развития российского общества. Подобный подход может быть реализован в сценарии «этнополитическая интеграция», предусматривающем сохранение

этнической специфики регионов, и «доставление каркаса» единых связей и отношений в рамках федерации» [6, с. 217].

15.2.4.5. Проблемы государственного языка

Наибольшее политическое значение имеет государственный язык, которому государство оказывает поддержку и развивает его. В нем усматривается сила, обеспечивающая стабильность и единство общества. По Конституции России (1993 г.) государственный язык – русский, хотя республики могут устанавливать свои официальные языки [48]. Языковая политика – деятельность государства, других политических сил по установлению статуса языка в обществе. Она обеспечивает условия для функционирования языков, определяет сферы распространения, возможности соответствующих исследований. В авторитарных режимах языковая политика осуществляется в насильственных формах, сопровождается навязыванием официальных языков и ограничениями на использование родных языков. Языковая политика в демократических государствах опирается на принципы языкового самоопределения личности, равноправия языков, создает широкие возможности для использования родных языков, хотя и ограничивается соответствующими ресурсами и конкретными условиями.

Для обозначения языковой политики используется термин «языковое строительство», предполагающий выбор языка, определение норм, использование в названиях улиц, селений и т. п. Языковая политика представляет собой направление социальной, культурной, образовательной, издательской и, особенно, национальной политики, осуществляется как в форме отдельных мероприятий, так и в их комплексе, направляется законодательными актами. Языковая политика воплощается в Конституциях с указанием на государственный язык – один (Бирма, 1974 г.; Пакистан, 1973 г.; Иран, 1979 г.), четыре национальных языка (Швейцария) и т. п. Соответствующие решения по языковому вопросу затрагивают коренные интересы этноса – культурные, социально-политические и пр.

Конституция России (1993 г.) провозгласила право на сохранение родного языка, гарантировала условия его изучения и развития. В Татарии и Северной Осетии приняты два государственных языка, соответственно, – татарский и русский, осетинский и русский. В любом государстве языковая политика всегда есть отражение политики государства. Она проявляется, осуществляется через систему конкретных государственных мероприятий. Любая языковая политика сводится к следующим основным направлениям:

- ликвидация неграмотности;
- выбор и установление государственного (официального) языка;
- определение положения других языков по отношению к государственному языку;
- определение сфер и типов состояний и ситуаций каждого из языков;
- кодификация и совершенствование содержания государственного языка.

5 февраля 2003 г. Государственная Дума приняла закон «О государственном языке Российской Федерации». Закон направлен «на обеспечение использования государственного языка РФ на всей территории» страны. В статье 1-й отмечается, что в соответствии с Конституцией РФ государственным языком на всей террито-

рии России является русский язык. Закон накладывает ряд ограничений при использовании русского языка как государственного, в частности, «не допускается использование просторечных, пренебрежительных и бранных слов и выражений, а также иностранных слов при наличии общеупотребительных аналогов в русском языке». В законе обозначены сферы использования государственного языка. 2007 г. был объявлен «Годом русского языка». В его рамках в июне в соответствии с указом президента В. В. Путина создан фонд «Русский мир». Все это способствовало активизации работы по поляризации в стране и за рубежом русского языка. Общественное мнение и ранее обеспокоенное недостаточным вниманием к нему государства и местного самоуправления, получило возможность широко обсудить проблемы и получило поддержку своей просветительской и подвижнической работы, в том числе и финансовую.

Государственная национальная политика должна быть ориентирована на создание условий, позволяющих каждому народу сохранить национальное достоинство, самосознание, осуществлять свою национальную независимость и свободное развитие, определять свою судьбу. И в то же время национальная политика должна быть фактором консолидации народов России. Эта политика должна быть направлена на поддержание духа межнационального общения. Принцип самоидентификации народов и принцип их сотрудничества между собой, не должны вступать в противоречие друг с другом. Это позволит избежать межэтнической напряженности, конфликтов между народами, а также конфронтации со структурами власти. Политика дружбы между народами и политика их свободы и независимости должны быть не разными политиками, а единой государственной национальной политикой России. Гармоничное соотношение двух тенденций — этнического, патриотического и интернационального, общечеловеческого — должно составлять суть государственной национальной политики России в современных условиях.

15.2.5. Государственная экологическая политика

Деградация природной среды и разрушение механизма ее естественной регуляции, происходящие в результате длительного нерегулируемого антропогенного воздействия, подрывают основы физического существования, экономического благополучия и воспроизводства самих людей. Осознание этого факта привело к коренному пересмотру стратегии взаимодействия общества с окружающей средой, к осознанной потребности формирования экологической политики как системной общественной деятельности, направленной на регулирование экологических процессов.

Государственная экологическая политика — это целенаправленная деятельность государства по организации оптимального взаимодействия общества с окружающей его природной средой.

Возникновение экологической политики следует рассматривать как исторический этап природоохранной политики. Принципы, на которых строилась природоохранная политика в советский период, определялись существовавшим политическим устройством страны, и излишняя идеологизация не обошла их стороной. В 1987 г. на сессии Генеральной Ассамблеи ООН СССР М. Горбачев выступил с ре-

золюцией о международной экологической безопасности, а годом позже предложил миру идею международной экологической безопасности и основные инструменты ее реализации. Эти шаги Советского Союза были во многом реакцией на чернобыльскую трагедию. Москва хотела продемонстрировать международному сообществу, что после 1986 г. она стала по-новому подходить к вопросам экологии. Содержание экологической политики до этого времени ограничивалось лишь вопросами охраны живой природы и использования природных ресурсов. Постепенно понятие «охрана природы», отражавшее взгляд на природу как находящуюся вне общества, было заменено понятием *охрана окружающей среды*, предлагающим рассматривать природу и общество как неразрывное единое целое. В официальных документах *окружающая среда* определяется как «совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов», созданных человеком и не обладающих природными свойствами [114, с. 3].

15.2.5.1. Концепция устойчивого развития

Концепция государственной экологической политики. Фундаментом практических действий по сохранению окружающей среды и обеспечению экологической безопасности государства и человека является разрабатываемая государством концепция экологической политики, в которой определяются цели, задачи, принципы и приоритетные направления экополитики с учетом национально-государственных особенностей. Однако на сегодняшний день в России таковой пока нет [25].

Государственная экологическая политика большинства современных государств базируется на принципах, разработанных на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. и развитых в различных международных и региональных документах. Их совокупность составляет основу *концепции устойчивого развития*.

Модель устойчивого развития, под которой понимается достижение удовлетворения жизненных потребностей нынешнего поколения людей без лишения такой возможности будущих поколений, рассматривается в качестве основы российской национальной стратегии экологической политики. Поводом к этому явилось подписание Президентом РФ указов «О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития» (4 февр. 1994 г.) и «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» (1 апр. 1996 г.) [78, с. 50].

Концепция устойчивого развития имеет два аспекта – социально-экономический и экологический. Экологический аспект предполагает реализацию общих для человечества принципов хозяйствования жизни, учитывающих интересы общества и природы. В глобальном масштабе эта концепция обычно рассматривается как альтернатива господствующей в России и во всем мире *концепции потребительского отношения* человеческого общества к природе и ее ресурсам. На национально-государственном уровне устойчивое развитие можно определить как экологически обоснованное (сбалансированное) экономическое и социальное развитие в интересах настоящего и будущего поколений. Следовательно, при подготовке и принятии властных решений, при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, сопряженной с вредным воздействием на природу, должны учиты-

ваться экологические требования (императивы). В контексте устойчивого развития соблюдение и выполнение экологических требований является критерием правомерности деятельности государственных органов и предпринимателей.

Адаптированная к российской действительности концепция устойчивого развития положена в основу пока еще не принятой, но разрабатываемой органами государственной власти совместно с представителями общественных экологических организаций, научных и деловых кругов Экологической доктрины Российской Федерации. Это документ, в котором должны быть определены цели, направления, задачи и принципы государственной экологической политики России на долгосрочный период.

Стратегической целью экологической политики российская государственная власть считает поддержание целостности природных систем и их жизнеобеспечивающих функций для устойчивого развития общества, улучшения здоровья населения и обеспечения экологической безопасности страны. Достижение этой цели возможно лишь при условии решения нескольких важных задач:

- сохранения и восстановления природной среды;
- обеспечения рационального и устойчивого природопользования;
- поддержания благоприятного состояния окружающей природной среды.

Жизненно важными признаются следующие принципы:

- *упреждающего действия*, заключающийся в предотвращении негативных экологических последствий различных видов хозяйственной деятельности до их реализации и учете отдаленных экологических последствий;
- *платность природопользования*;
- *возмещения ущерба* окружающей среде;
- *приоритетность ресурсосбережения и рационального использования* природных ресурсов при развитии производства;
- *открытость экологической информации*;
- *участие гражданского общества*, органов самоуправления и деловых кругов в подготовке, обсуждении, принятии и реализации решений в области охраны окружающей среды и рационального природопользования.

15.2.5.2. Основные направления экологической политики

Сохранение природы и улучшение качества окружающей среды являются приоритетными направлениями деятельности большинства современных государств. Основными направлениями российской экологической политики являются:

- регулирование природопользования;
- снижение загрязнения окружающей природной среды;
- обеспечение экологической безопасности;
- сохранение и восстановление природной среды.

Достичь устойчивого природопользования возможно лишь при «неистощимом» использовании возобновляемых и рациональном использовании невозобновляемых природных ресурсов. Природные ресурсы России (земельные, водные, минеральные, лесные, биологические, а также рекреационные и климатические)

вносят существенный вклад в сохранение стратегической безопасности страны. Они позволяют обеспечить потребности экономики, в том числе поддерживать высокий уровень экспорта сырьевой продукции. Состояние природно-ресурсного потенциала страны, охрана и восстановление его сегодня в России определяют темпы экономического роста и благосостояние граждан. Природно-ресурсный потенциал нашей страны превышает потенциал США в 2–2,5 раза, Германии – в 6, Японии – в 18–20.

Однако использование природных ресурсов в нашей стране из-за отсутствия долгосрочной продуманной концепции и должного контроля со стороны государства характеризуется слабой эффективностью. Оно, ввиду сырьевой ориентации экономики, ведет к негативным экологическим последствиям:

- истощению невозобновимых природных ресурсов;
- нарушению водного баланса;
- деградации почв;
- сокращению биологического разнообразия;
- исчезновению лесов.

Уменьшение загрязнения окружающей среды выбросами, сбросами и отходами, а также снижение энергоемкости и материалоемкости продукции и услуг невозможно без стимулирования и внедрения ресурсосберегающих и безотходных технологий в промышленности, использования вторичных ресурсов, в том числе переработки накопившихся отходов.

Оценки, полученные в результате исследований, проведенных Массачусетским технологическим институтом, по словам его президента П. Грея, доказывают, что с помощью внедрения современных технологий эффективность использования природных ресурсов повышается в 4 раза. Можно жить в два раза лучше, потребляя в два раза меньший объем природных ресурсов. Это направление является сегодня приоритетным в экологической политике США [25].

Политическое руководство России в основу своей государственной стратегии положило принцип «сначала стабилизация, потом экологизация». Государство стремится стабилизировать экологическую ситуацию, т. е. сохранить ресурсоемкую и экологически опасную организацию хозяйства за счет усиления эксплуатации невозобновимых ресурсов. В России на каждый рубль ВВП приходится примерно в пять раз больше выбросов окислов серы и в три раза – окислов азота и углерода, чем в ФРГ [97, с. 14]. Реализация этой стратегии выражается в усилении ресурсоэксплуатирующей функции над природоохранной.

Новым направлением современной российской экологической политики, как и в большинстве индустриально развитых стран, стало определение *обеспечения экологической безопасности* в качестве компоненты национальной безопасности страны (*Концепция национальной безопасности*).

В Федеральном законе «Об охране окружающей среды», вступившем в действие в 2002 г., экологическая безопасность рассматривается как состояние «защитности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий» [114, с. 7].

В современном индустриальном обществе идет производство, накопление и распространение рисков как реальных и потенциальных опасностей для нормального

существования человека и природы. У. Бек, исследующий влияние рисков на жизнь общества, считает, что «риски являются сопутствующим продуктом модернизации и производятся в таком изобилии, что их желательно предотвратить» [8, с. 30].

Экологические проблемы это не проблемы природной среды, а проблемы общественной среды: и по своему генезису, и по своим последствиям. Общество породило риски, оно и должно придумать, как ими управлять. Главным условием обеспечения экологически безопасного развития является признание приоритетности интересов охраны окружающей среды при осуществлении экономической модернизации.

Политика государства по сохранению и восстановлению природной среды нацелена в первую очередь на сохранение и восстановление биологического и ландшафтного разнообразия, достаточного для поддержания способности природных систем к саморегуляции и компенсации последствий антропогенной деятельности. Однако она не является для государства приоритетным направлением на сегодняшний день [25].

В результате непродуманной политики произошло, например, разрушение заповедной системы России, одной из лучших систем охраняемых территорий в мире. Она до недавнего времени была не только государственной структурой с федеральным центром и почти 140 отделениями в регионах (заповедниками, национальными парками, федеральными заказниками и памятниками природы); но и основой общественного союза, объединяющего региональные центры общественных природоохранных движений, центры экологического образования и воспитания, издающего свои газеты и бюллетени. Управление особо охраняемых природных территорий и объектов в статусе структурного подразделения сквозного действия центрального аппарата Министерства природных ресурсов численностью 10–15 человек заменило собой Управление, имевшее восемь тысяч сотрудников федеральных охраняемых территорий и 500 ученых, занимавшихся организацией научных исследований по отечественным и зарубежным грантам и программам, разработкой и реализацией федеральных целевых программ «заповедной отрасли».

Эти и многие другие решения правительства, принятые, на первый взгляд, вопреки интересам граждан, имеющих по Конституции право на благоприятную окружающую природную среду, при более глубоком рассмотрении мотивации правительственного решения отражают интересы большей части населения страны. К сожалению, понижение ранга экологических ценностей в России и изменение приоритетов в программах российских партий, движений и наиболее известных политиков оправдано объективной необходимостью. 75 % россиян не довольны состоянием окружающей среды в стране, но при этом 40 % против 32 % считают, что обеспечение экономического роста важнее защиты окружающей среды [88, с. 11].

Правительство последовательно реализует свою концепцию государственной политики, провозгласившую приоритетным на ближайшие годы принцип выживания и стабилизации за счет эксплуатации сырьевых ресурсов, поскольку именно они – «основное богатство России», а «наш стратегический приоритет» – это «рациональное, справедливое» их налогообложение, которое должно обеспечить поступление в государственную казну средств [96].

15.2.5.3. Механизмы и методы реализации экологической политики

Осуществление государственной экологической политики требует создания системы государственного управления охраной окружающей среды и природопользованием, разработку планов действий на федеральном, региональном и отраслевом уровнях, а также разработку и реализацию мер государственного регулирования. В условиях развития рыночно-ориентированной экономики российское государство сочетает *административные и экономические* методы реализации экологической политики.

К административным методам относится:

- введение стандартов и нормативов на качество продукции и параметров окружающей среды;
- применение экологической экспертизы производственных проектов;
- экологическая паспортизация хозяйственных объектов;
- экологический аудит.

Административные методы применяются в нашей стране параллельно с системой экономического регулирования экологических отношений. Экономические методы в отличие от административных призваны воздействовать на сферу экономических интересов природопользователей — юридических и физических лиц. Традиционно к числу экономических методов относятся:

- плата за природопользование;
- плата за загрязнение окружающей среды и другие негативные воздействия на природу;
- налоги и налоговые льготы;
- компенсация имущественного ущерба;
- денежные штрафы и иные санкции за экологические правонарушения;
- страхование экологического риска.

Экономические методы, затрагивая сферу имущественных интересов природопользователей, ставят задачу приведения их к пониманию экономической выгоды и невыгоды определенных вариантов поведения, создавая таким образом заинтересованность в соблюдении экологических требований.

Применение административных и экономических методов экологической политики должно быть закреплено в законодательстве, нормативах и других правовых актах. Поэтому эффективное осуществление национальной экологической политики в значительной степени зависит от регуливающей роли правового механизма. В новой политической системе России роль правового регулирования экологических отношений не просто возрастает, а становится приоритетной. В условиях увеличения частной собственности и уменьшения собственности государства резко снижаются возможности государства влиять на происходящие в стране процессы, регулировать их, поскольку появляются иные регулирующие механизмы. Право же остается в руках государства.

Государственная экологическая политика России находится в стадии формирования. Пока она не является системной, долгосрочной и эффективной. Основная причина такого положения заключается в том, что экологическая политика не является приоритетным направлением государственной деятельности России и

финансируется по остаточному принципу. Кроме того, низкий уровень благосостояния основной массы населения России препятствует осознанию обществом важности решения экологических проблем и соответственно проявлению заинтересованной активности.

15.2.6. Зависимость внутренней политики от условий среды

Никакую политику нельзя считать раз и навсегда данной и неизменной реальностью, не подлежащей каким бы то ни было изменениям. Это – исторический феномен, подверженный изменениям в зависимости от общественно-исторических, социально-экономических, политических, геополитических и иных условий существования государства. Обоснованность приведенного тезиса становится очевидной, если учесть, что с течением времени одни проблемы устаревают и утрачивают свое значение и, наоборот, другие выходят на передний план и приобретают приоритетное значение. В зависимости от этого меняются содержание, характер и направления внутренней политики государства.

В современных условиях политика тесным образом связана с той или иной степенью вмешательства государства в общественно-политические, социально-экономические и иные процессы. В XX в. имел место широкий спектр политических курсов от существенного ограничения вмешательства государства в социальную и экономическую сферы в демократических странах до полного огосударствления экономики в тоталитарных государствах.

В демократических странах характер, направления и масштабы такого вмешательства в значительной степени зависят от исторических, социокультурных, политико-культурных и множества иных факторов. Например, в США, которые характеризуются большей, чем в большинстве европейских странах, приверженностью идеям индивидуализма и свободной конкуренции, стремятся предельно ограничить роль государства в экономической, социальной и других важнейших сферах общественной жизни.

В 1990-х гг. в силу сложившихся условий главная задача российского государства состояла в том, чтобы вывести экономику страны из глубокого системного кризиса, снизить рост инфляции, реализовать программу приватизации государственного имущества. С решением этих проблем в первые годы нынешнего столетия на первый план выдвинулись проблемы обеспечения стабильного экономического роста, сокращения разрыва в доходах самых богатых и самых бедных слоев населения, уменьшения количества бедных в стране и т. д.

В то же время в разных сферах требуются разные формы и средства реализации политики. Например, в духовной сфере эффективность политики нельзя и невозможно оценивать по показателям прибыльности и конкурентоспособности продукции, как это принято в сфере экономики. Здесь основополагающее значение имеют критерии обеспечения духовного здоровья общества, без которого невозможна и рыночная экономика, придерживающаяся принципа добросовестной конкуренции [22, с. 80].

Очевидно, что различные политические силы по-разному могут относиться к такому вмешательству. К примеру, сторонники монетаризма и экономического

либерализма, придерживаясь так называемой концепции минимального государства, считают, что роль правительства в регулировании деятельности субъектов экономической деятельности должна быть сведена к минимуму. По их мнению, наилучшим инструментом регулирования этой деятельности является «невидимая рука рынка». Соответственно, приверженцы монетаризма и экономического либерализма выступают за политику сокращения государственных расходов в экономической, социальной, образовательной, научной и иных сферах.

Для последователей кейнсианства, наоборот, азбучной истиной является необходимость активной политики государства в важнейших сферах общественной жизни. На этом основании они поддерживают политику правительства, направленную на поддержание покупательной способности населения в качестве инструмента экономического роста, создания рабочих мест, реализации широкомаштабных государственных социальных программ и т. д.

Что касается приверженцев тоталитаризма, то большинство из них по-прежнему за тотальное огосударствление экономики, полное ее подчинение государству.

В конечном счете внутренняя политика государства играет решающую роль в создании и защите социальной и экономической инфраструктур, защите всех институтов гражданского общества и обеспечении надлежащих условий их жизнедеятельности и эффективного функционирования.

§ 3. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА

Огромное значение для реализации планов внутренней политики имеет *внешняя политика*. Она находится в неразрывной связи с таким явлением, как *международная политика и мировая политика*. В отечественной политологической литературе проблема взаимоотношений этих терминов слабо рассмотрена и нуждается в дальнейшем изучении. В частности, К. С. Гаджиев под *внешней политикой* понимает общий курс государства в международных делах. Она, по его мнению, призвана регулировать отношения данного государства с другими субъектами международных отношений: государствами, зарубежными партиями и иными общественными организациями, всемирными и региональными международными организациями на основе общепризнанных принципов и в соответствии с национальными интересами страны, осуществляемыми различными средствами и методами [22]. Ю. В. Ирхин понимает под *внешней политикой* разновидность политики, регулирующей взаимоотношения между государствами и народами. Внешнеполитические цели отражают национальные интересы; реализуя их, государство осуществляет внешнеполитическую деятельность [41, с. 568].

Следовательно, она определяется ими как *курс* государства в международных делах либо как *разновидность* политики, регулирующей отношения между государствами и народами. Действительно, *внешняя политика* – это разновидность государственной политики, решающая задачи взаимодействия с иными субъектами международного права и мирового политического процесса. Кроме этого внешняя политика – особый вид государственной политики, которая, являясь национальной по форме, выступает как элемент международной политики по существу.

Международную политику коллектив авторов под руководством Л. В. Сморгунова определяет как *механизм регулирования отношений* между суверенными госу-

дарствами и другими международными акторами, выступающий для каждого отдельного государства как его внешняя политика [25]. Это явление Ю. В. Ирхин определяет как *мировую политику* и понимает под ней совокупную деятельность основных субъектов международных отношений, в основе которой лежит их стремление обеспечить реализацию своих экономических, социальных, культурных и других интересов при помощи дипломатических, военно-стратегических, финансово-экономических, информационно-идеологических и других средств. Мировая политика складывается из целенаправленной политической деятельности ее субъектов: государств, международных межправительственных и неправительственных организаций, союзов, движений, а также известных политических и общественных деятелей [41, с. 539].

Суммируя доминирующие подходы, существующие в отечественной политической науке, автор, исходя из логики и формы данного исследования, определяет *внешнюю политику* как участие государства в мировом политическом процессе для достижения своих целей.

15.3.1. Основные составляющие системы международных отношений

Государство – субъект политики и носитель власти внутри страны и государственного суверенитета на международной арене, участник системы международных отношений. Система международных отношений – это совокупность составляющих ее элементов, между которыми существуют устойчивые связи и зависимости. Главными субъектами международных отношений выступают суверенные национальные государства. Только государство имеет реальные властные полномочия осуществлять внешнюю политику, вступать в межгосударственные договоры и соглашения, объявлять войну и заключать мир.

Характер, основные направления, масштабы, диапазон, степень эффективности внешней политики зависят от многих факторов. Важно учесть, что она теснейшим образом связана с внутренней политикой. И та и другая опираются на экономический, демографический, научно-технический, военный и другие потенциалы государства. Немаловажное значение с данной точки зрения имеют величина государства, его статус, вес и влияние в мировом сообществе стран и народов. В этом смысле выделяются *карликовые, малые, средние государства и великие державы* [22, с. 82].

В послевоенный период великими державами было принято называть пять государств: СССР (Россию), США, Китай, Великобританию и Францию. По Уставу ООН они являются постоянными членами Совета Безопасности. Однако в последние два десятилетия по своему экономическому весу на место и роль великих держав также претендуют Япония, Германия и Индия. В послевоенный период также получило распространение понятие сверхдержавы, которое применялось в отношении СССР и США на том основании, что они обладали значительно большим, чем все остальные государства, в том числе и великие, экономическим и военно-политическим потенциалом.

В настоящее время считается, что в мире существует одна единственная супердержава – США, которым на мировой арене якобы нет достойного соперника. Все же нельзя вывести за скобки тот факт, что в мире есть еще одна держава, которая

одна единственная способна противостоять этой супердержаве в военном плане. Это – Россия.

Ведущую роль в системе международных отношений играют великие державы, несущие особую ответственность за поддержание мира и международной безопасности. Их особая роль на мировой арене признана практически всем мировым сообществом, несмотря на утвердившийся в международном праве принцип равноправия всех без исключения государств независимо от размера их территории, экономической и военной мощи, политического влияния.

Важное место в мировой политике занимают также межгосударственные союзы, всемирные и региональные организации: Организация Объединенных Наций, Европейский союз (ЕС), Организация Американских Государств (ОАГ), Организация стран – экспортеров нефти (ОПЕК), Организация Африканского единства (ОАЕ), Организация «Исламская конференция» (ОИК) и др. Число таких организаций постоянно растет, а функции существующих организаций расширяются. В 1948 г. была сформирована специальная организация ООН ЮНЕСКО, занимающаяся проблемами развития культуры и науки; а в 1972 г. – ЮНЕП, назначение которой состоит в том, чтобы обеспечивать руководство и поощрять партнерство в бережном отношении к окружающей среде путем создания возможностей для улучшения качества жизни стран и народов без ущерба для будущих поколений.

Заметную роль играют международные организации в решении проблем сырья и энергетики (например, ОПЕК). Особо важные функции возложены на Международное агентство ООН по атомной энергии (МАГАТЭ), призванное предотвратить распространение ядерного оружия и обеспечить развитие атомной энергии в мирных целях.

Существенным фактором мировой политики стали ежегодные совещания по важнейшим экономическим и внешнеполитическим вопросам так называемой «Большой семерки», а теперь, после того как Россия стала членом этой организации, – «Большой восьмерки», в которую вошли семь наиболее индустриально развитых стран: США, ФРГ, Франция, Великобритания, Япония, Италия и Канада, а также Россия. Главное внимание на совещаниях «восьмерки», как правило, уделяется решению таких вопросов, как обеспечение экономического роста, сглаживание несбалансированности внешнеэкономических связей, инфляция, безработица. Вместе с тем рассматриваются также и военно-стратегические, внешнеполитические и иные вопросы.

Помимо суверенных национальных государств активными субъектами или агентами международных отношений в последнее время стали многонациональные и транснациональные корпорации, оказывающие все возрастающее влияние не только на характер функционирования и тенденции развития мировой экономики, но и на политические, социальные, культурные и иные процессы во всемирном масштабе. Сегодня решения, принимаемые в их штабах, порой могут сказаться на жизни граждан отдельных, особенно малых и средних стран в большей степени, чем решения, принимаемые их правительствами.

Любая международная система базируется на органическом сочетании военной, экономической, политической и идеологической власти различных стран и народов, поэтому она охватывает множество сфер: экономические, дипломатические, политические, военные, культурные и другие отношения. Вместе с тем оче-

видно и то, что на международные экономические и политические отношения определенное влияние могут оказать национальные общности или же те или иные национальные диаспоры, обосновавшиеся за пределами своих исторических родин.

В Концепции национальной безопасности Российской Федерации (2000) современное положение в мире характеризуется как динамичная трансформация системы международных отношений. После окончания эры биполярной конфронтации возобладали две взаимоисключающие тенденции. Первая тенденция проявляется в укреплении экономических и политических позиций значительного числа государств и их интеграционных объединений, в совершенствовании механизмов многостороннего управления международными процессами. При этом все большую роль играют экономические, политические, научно-технические, экологические и информационные факторы.

Вторая тенденция проявляется через попытки создания структуры международных отношений, основанной на доминировании в международном сообществе развитых западных стран при лидерстве США и рассчитанной на односторонние, прежде всего военно-силовые, решения ключевых проблем мировой политики в обход основополагающих норм международного права.

Формирование международных отношений сопровождается конкуренцией, а также стремлением ряда государств усилить свое влияние на мировую политику, в том числе путем создания оружия массового уничтожения. Значение военно-силовых аспектов в международных отношениях продолжает оставаться существенным.

15.3.2. Основа, предназначение и субъекты внешней политики

Государство возлагает на себя функции обороны страны от внешней опасности и действий подрывных элементов, инспирированные внешними силами, внутри страны. Посредством внешней политики государство призвано обеспечить сохранение единства и национально-государственную безопасность, физическое выживание государства, защиту национальных интересов с помощью всех ресурсов, находящихся в его распоряжении. В этом случае большое значение имеют деятельность государства на международной арене, реализация отношений с зарубежными государствами.

15.3.2.1. Основа, функции и направления внешней политики

Основу международной политики составляют взаимоотношения, сотрудничество, противоречия, конфликты между различными народами и странами, не подчиняющимися какой-либо единой и общей для всех них верховной власти. Одна из *главных функций* международных отношений заключается в том, чтобы найти пути и способы разрешения конфликтов, возникающих в результате столкновения интересов различных государств. Предельно острым выражением конфликта является война. В современном мире государства прибегают к войне как способу обеспечения своих национальных интересов лишь в том случае, если все другие средства не дали положительного результата.

При реализации внешних функций государство обязано неукоснительно соблюдать все общепринятые правила международного права:

- соблюдение суверенного равенства всех стран;
- невмешательство во внутренние дела;
- соблюдение территориальной целостности;
- невмешательство во внутренние дела других стран;
- отказ от применения силы при решении межгосударственных споров и т. д.

В большинстве случаев государства предпочитают решать возникающие между ними споры за столом переговоров, на путях взаимного сотрудничества и поиска согласия. Поэтому конфликт и консенсус, спор и согласие в единстве обеспечивают жизнеспособность и функционирование мирового сообщества. Интенсивность конфликтов и устойчивость согласия зависят от конкретной ситуации в мире, от расклада социальных и политических сил, экономических, военно-политических и иных факторов. В этом контексте политология уделяет особое внимание механизмам принятия внешнеполитических решений, роли и функциям важнейших институтов при урегулировании международных конфликтов и достижении согласия между государствами.

Становление и развитие внешней политики Российской Федерации в начале XXI в. испытывает на себе воздействие основных проблем и противоречий внутренней общественной жизни, особенно по вопросу выбора пути социально-экономического развития страны и проведения реформ. С другой стороны, на ее формирование воздействует вся система современных международных отношений, факторы глобализации.

Российское общество быстро становится частью глобального мира. Это закономерное следствие поворота от автаркии советского периода к демократической, открытой модели развития страны. Россиянам не безразлично, каким образом будут протекать процессы глобализации. Поэтому Россия должна быть активным участником процессов глобализации, без чего невозможно обеспечить законные национальные интересы страны [38, с. 5].

Государство осуществляет международное сотрудничество по двум основным направлениям: *внешнеполитическому и внешнеэкономическому*. В настоящее время для России, как и для большинства других стран в деле обеспечения национальной безопасности и реализации национальных интересов, появились новые нюансы: выдвижение на передний план международного терроризма, международной организованной преступности, наркобизнеса, экологических проблем, СПИДа и т. д. [22, с. 83]

Большое значение для формирования внешнеполитического курса имеет *теория внешней политики*. На ее основе разрабатываются наиболее эффективные механизмы, методы и средства достижения внешнеполитических целей. Рекомендации экспертов позволяют обеспечить достижение должного уровня планирования и координации внешнеполитических мероприятий, усовершенствовать методы принятия решений. Внешняя политика осуществляется специально созданными для этого государственными органами.

15.3.2.2. Субъекты внешней политики государства

Наиболее важная роль в области внешней политики принадлежит *исполнительной ветви* государственной власти. Только исполнительная власть, в отличие от законодательной или судебной, может полноценно представлять государство на арене международных отношений. Плодотворное участие государства в международных отношениях предусматривает последовательность и непротиворечивость его политики, профессионализм его представителей, наличие у них значительных информационных, организационных, интеллектуальных и иных ресурсов. Все это может обеспечить исполнительная власть.

В президентских республиках, например в нынешней России, исполнительная власть замыкается на *главе государства*. В соответствии с п. 4 ст. 80 Конституции РФ Президент Российской Федерации представляет ее в международных отношениях [48]. В его ведении находятся как дипломатические, так и иные каналы связи с иностранными государствами, разведывательные органы, научные центры и центры анализа информации, наконец, аппарат, необходимый для реализации принимаемых внешнеполитических решений.

Полномочия Президента в области международных отношений определены Конституцией и соответствуют стандарту, принятому в президентских республиках. Он осуществляет руководство внешней политикой России (пункт «а» ст. 86), утверждает военную доктрину РФ (п. «з» ст. 83) и, хотя это прямо не оговорено, доктрину внешней политики. Президент обращается к Федеральному Собранию с ежегодными посланиями об основных направлениях внутренней и внешней политики (п. «е» ст. 84), он вправе отклонить одобренный Федеральным Собранием закон, в том числе и по внешнеполитическим соображениям (ч. 3 ст. 107).

Президент ведет переговоры и подписывает международные договоры Российской Федерации (п. «б» ст. 86 Конституции). С учетом Закона о международных договорах РФ он может заключать и договоры, не нуждающиеся в ратификации парламентом. После консультаций с соответствующими комитетами или комиссиями палат Федерального Собрания он назначает и отзывает дипломатических представителей России в иностранных государствах (п. «м» ст. 83).

Как Верховный главнокомандующий Президент осуществляет права, предусмотренные законами страны и международным правом на случай вооруженного конфликта, включая применение Вооруженных сил в порядке самообороны, объявление нейтралитета, заключение соглашений о перемирии.

В парламентских республиках ведущая роль в осуществлении внешней политики принадлежит *правительствам*. В России правительство традиционно является скорее экономической, хозяйственной структурой, чем политической. Однако это не исключает участия правительства в формировании и осуществлении внешнеполитического курса, прежде всего в вопросах его компетенции.

Роль Федерального Собрания РФ, как и большинства других *парламентов*, сводится к принятию законодательных актов, необходимых для осуществления внешней политики. Например, закона о ратификации международных договоров, а также бюджета, в котором ряд статей обеспечивает внешнеполитическую деятельность государства. Не являясь официальным органом внешних сношений (по нормам международного права), парламент не может обращаться непосредственно к иностранным правительствам. Одновременно активные связи с парламента-

ми других стран – обмен опытом, координация законотворческой деятельности, совместное участие в работе Межпарламентского союза – одно из важнейших направлений деятельности представительного органа власти.

Все возрастающее значение для внешней политики и международной деятельности государств имеет *институт судебной власти*. В прошлом суды стремились уйти от международных проблем, но сегодня ситуация изменилась. Во многом это связано с возрастанием роли международного права во внешней политике государств и проникновением этого права в те сферы общественной жизни, которые ранее регулировались исключительно внутренним правом каждого государства. Особенно это касается прав человека. Их соблюдение стало в последние десятилетия важнейшим принципом международного права. Государства заинтересованы в том, чтобы споры по поводу прав их граждан на территории иных государств решались в обычном судебном порядке, а не поднимались на межгосударственный уровень, внося тем самым осложнения в международные отношения. Судам приходится рассматривать множество дел, в той или иной степени затрагивающих интересы как иностранных граждан, так и иностранных государств в целом. Качество судебных решений по подобным делам не может не оказывать воздействия на межгосударственные отношения.

В отличие от официальных органов государственной власти *роль государственного аппарата* в формировании и осуществлении внешней политики бывает иногда менее заметной, но зато более существенной. Если рассматривать международные отношения в самом широком плане, то в них участвуют практически все министерства и ведомства. Поэтому большое значение имеет координация деятельности различных государственных структур в международной сфере. В советские времена такую функцию выполнял негосударственный орган – Политбюро ЦК КПСС. В его состав входили представители тех органов власти и государственного управления, которые имели прямое и непосредственное отношение к внешней политике. В современной России подобную роль выполняет Совет Безопасности России, созданный на основании ст. 83 Конституции РФ. Как правило, в состав данного органа входят премьер-министр, министр обороны, министр иностранных дел, руководители органов безопасности и внешней разведки, т. е. те должностные лица, деятельность которых связана с обеспечением жизненно важных интересов общества и государства, в том числе и в сфере международных отношений.

В подавляющем большинстве стран, в том числе и в России, основные внешнеполитические функции возложены на министерство иностранных дел, во Франции – на министерство внешних сношений, в Аргентине – на министерство внешних сношений и культуры, в США внешней политикой занят государственный департамент, возглавляемый государственным секретарем, и т. д. Будучи важным звеном в механизме государственного управления, внешнеполитическое ведомство призвано представлять и защищать права и интересы государства в сфере международных отношений.

В современной России на МИД РФ возложены следующие задачи:

- разработка общей стратегии внешней политики Российской Федерации;
- практическая реализация внешнеполитического курса России;
- правовое обеспечение внешнеполитической деятельности РФ;

- координация международных связей субъектов Федерации и международной деятельности федеральных органов исполнительной власти в целях проведения единой политической линии в отношениях с иностранными государствами и международными организациями.

Роль Министерства иностранных дел Российской Федерации как органа государственного управления значительно возросла по сравнению с советскими временами. Тогда многие направляющие международной политики фактически находились в ведении партийного аппарата, а внешнеполитическое ведомство выполняло лишь дипломатические функции. Сегодня именно МИД является главным системообразующим центром всего внешнеполитического процесса Российской Федерации, и это требует дальнейшего совершенствования структуры и самой деятельности этого ведомства.

15.3.3. Важнейшие компоненты внешней политики

Большую роль в организации внешней политики играют неинституализированные компоненты, представляющие ее идеологию, дух и букву. Они в значительной мере определяют эффективность ее организации и обеспечивают качественные параметры влияния государства на ход мировой политики.

15.3.3.1. Роль дипломатии в реализации внешней политики

Главным средством осуществления внешней политики служит дипломатия. Дипломатия имеет тысячелетнюю историю, хотя первые постоянные миссии за рубежом стали учреждаться с конца XV в. В России Посольский приказ, в задачу которого вменялось установление и поддержание внешнеполитических связей, был создан в XVI в. Со временем его преобразовали в Министерство иностранных дел. В современном мире дипломатические отношения представляют основную форму поддержания официальных отношений между государствами.

Общепризнанным принципом межгосударственных отношений является взаимность. В соответствии с ним государства должны строить отношения друг с другом на равноправной, взаимовыгодной основе, особенно в вопросах, касающихся обеспечения международной безопасности. Дипломатические отношения между государствами устанавливаются и регулируются по взаимному согласию в соответствии с нормами международного права и практикой международной коммуникации. Дипломатические отношения призваны способствовать укреплению связей между государствами и решению возникающих между ними проблем. Сам факт их установления служит свидетельством международно-правового признания государствами друг друга – признания фактического (*де-факто*) и юридического (*де-юре*) [22, с. 84].

Для реализации дипломатических отношений создаются специальные внешнеполитические представительства, такие как посольства, миссии, консульства, торговые и иные представительства. Их правовое положение регламентируется специальными документами, принятыми на основе международного права. Это прежде всего Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 г., разного рода двусторонние договоры и внутреннее законодательство страны пребывания.

Важнейшая функция дипломатических представительств состоит в информировании своего правительства о положении и событиях в стране пребывания, а также в передаче правительству страны пребывания информации о политике представляемого ими государства.

Дипломатия призвана обеспечить представителям государства условия для вступления в регулярные дискуссии и переговоры с представителями других стран. В ее задачу входит продвижение интересов государства и разрешение возникающих проблем с помощью нормальных дипломатических каналов и неформальных связей. Дипломатия представляет собой совокупность практических мероприятий, приемов и методов невоенного характера, применяемых с учетом конкретных условий и природы решаемых задач. Ее осуществление входит в задачу глав государств и правительств, министров иностранных дел, дипломатических представительств за рубежом.

Само понятие «дипломатия» связано с искусством ведения переговоров и поисков взаимоприемлемых решений в целях предотвращения или урегулирования международных конфликтов, расширения и углубления межгосударственного и международного сотрудничества в экономической, политической, культурной и иных областях. Дипломаты разрабатывают соглашения о торговле, таможенных пошлинах, транспорте, почтовом и телеграфном сообщении, валютных расчетах. Им приходится решать такие деликатные вопросы, как предоставление права политического убежища и выдача преступников, защита прав человека и многие другие.

15.3.3.2. Значение международных договоров

Государства не могут сколько-нибудь стабильно и эффективно взаимодействовать друг с другом без общепризнанных и фиксированных норм и правил игры, призванных регулировать отношения между ними. Установить такого рода правила позволяют разного рода *дву- и многосторонние договоры*, соглашения, уставы, хартии, основанные на международно-правовых нормах и общепринятых правилах поведения государств [22, с. 84].

Наиболее тесное сотрудничество между государствами осуществляется в рамках союзов. Они представляют собой формальные или неформальные договоренности между государствами по вопросам сотрудничества и взаимопомощи в военной, экономической или политической сферах. Договоры имеют те же цели, но носят более формальный и правовой характер. Они могут варьироваться от прямых соглашений по культурному обмену между двумя дружественными странами до сложных договоров об ограничении стратегических ядерных вооружений между двумя и более великими державами.

Сейчас большинство важных договоров – это торгово-экономические соглашения и договоры о взаимном обеспечении безопасности. Типичным примером многостороннего международного соглашения является Всемирная торговая организация (ВТО), преобразованная из Генерального соглашения о тарифах и торговле (ГАТТ). ГАТТ – соглашение, регулирующие торговые отношения между странами-участницами. Присоединившиеся к ГАТТ страны создали международную организацию с тем же названием для проведения консультаций и переговоров по торговым вопросам. Договор об ее учреждении был подписан в 1947 г. в Жене-

ве 23 странами и вступил в силу 1 января 1948 г. Россия, в силу преимущественно политических причин, в ВТО пока не принята.

После Второй мировой войны важное место в международной политике заняла проблема защиты прав человека. В этой сфере был принят ряд международных актов, которые стали составной частью международного права. Они призваны обеспечить международно-правовые гарантии прав и свобод личности независимо от национальной и расовой принадлежности, вероисповедания, социального положения. Примером служит Европейская конвенция по правам человека от 4 ноября 1950 г. Государства, подписавшие эту конвенцию, взяли на себя обязательства разрешать своим гражданам в случае нарушения их прав и свобод обращаться с жалобами в Европейскую комиссию по правам человека.

15.3.3.3. Природа национального интереса

Каждое суверенное государство как субъект международных отношений проводит собственную внешнюю политику, которая определяется множеством факторов, включая уровень социально-экономического и общественно-политического развития, географическое положение, ее национально-исторические традиции, цели и потребности обеспечения суверенитета и безопасности и т. д. Совокупность данных факторов в переложении на внешнюю политику фокусируется в *концепции национального интереса*.

Формирование национальных интересов представляет собой постепенный и длительный исторический процесс, осуществляющийся в сложном переплетении экономических, социальных, военных, политических и иных условий, опосредованных национально-историческим опытом данного народа или страны. Национальные интересы являются общественно-историческим феноменом и изменяются в зависимости от исторических обстоятельств. Главная составляющая национального интереса — это императив самосохранения государства. В крайнем своем выражении данная цель выступает как обеспечение выживания государства, отстаивания всего того, что придает смысл, значимость самому его существованию.

Национально-государственные интересы формируются в соответствии с геополитическим положением и ресурсными возможностями государства в точках пересечения множества взаимопереплетающихся, взаимосвязанных, взаимодополняющих, конфликтующих, разнонаправленных интересов, предпочтений, целей. На их формирование значительное влияние оказывают уровень экономического развития страны, ее вес и место в мировом сообществе, географическое положение, национально-культурные традиции. Немаловажное значение имеют внутриполитические интересы и позиции различных социально-политических сил, заинтересованных групп, организаций. Учитываются также и возможные реакции на внешнеполитические действия со стороны тех государств, интересы которых они затрагивают [22, с. 85].

Реальные, объективные национальные или государственные интересы, ориентированные на сохранение суверенитета, территориальной целостности страны, являются главным движущим фактором внешнеполитической деятельности государств и реализации международных отношений. Но сама концепция национального интереса пронизана ценностными нормами и идеологическим содержанием. Это особенно верно в отношении так называемых ложных или превратно понятых

национальных интересов. Речь идет о таких интересах, которые сформулированы исходя из идеологических предпочтений, устремлений отдельных группировок правящего класса к установлению своей гегемонии в конкретном регионе или во всем мире. К данной разновидности интересов относятся и *намерения* революционных партий экспортировать революцию за пределы своего государства.

Столкновение реальных интересов порождает реальные конфликты, но реальные конфликты на международной арене могут быть порождены и так называемыми ложно понятыми или превратно сформулированными национальными интересами или соображениями национальной безопасности. Так обстояло дело при развязывании США вьетнамской войны в 1960-х гг.; и при принятии руководством СССР решения о вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. В этих случаях лидеры обеих сверхдержав не сумели отделить долгосрочные стратегические национально-государственные интересы от сиюминутных, конъюнктурных целей и вовлекли свои народы в дорогостоящие, заранее обреченные на позорное поражение авантюры.

Внешнюю политику любого государства можно считать реалистичной в той мере, в какой она построена с учетом интересов других сторон, участвующих в системе международных отношений. Этот момент приобретает особую значимость в современном мире, где определение национальных интересов любого государства предполагает обязательный учет интересов не только соседних стран, но и всего мирового сообщества.

Существуют различные по своей значимости национальные интересы. Они подразделяются на *жизненно важные и второстепенные, постоянные и переменные, долгосрочные и конъюнктурные*. К жизненно важным национальным интересам относятся, прежде всего, обеспечение суверенитета и территориальной целостности государства, его безопасности, стабильности и процветания. Национальные интересы определяются важнейшими геополитическими параметрами:

- местом и ролью данного государства в системе межгосударственных отношений;
- престижем и военной мощью страны;
- способностью отстаивать свой суверенитет и гарантировать безопасность своих союзников.

Основные интересы обеспечиваются государством всеми имеющимися в его распоряжении средствами: политическими, идеологическими, экономическими, дипломатическими, военными. Здесь последним аргументом служит угроза применения или реальное применение силы вплоть до объявления войны. Второстепенные и переменные интересы носят производный характер и, изменяясь под влиянием многих факторов, могут служить предметом торга при реализации главных и постоянных интересов государства.

Зачастую основополагающие национальные интересы, связанные с безопасностью и самосохранением государства, невозможно реализовать в одиночку, без союзов с другими странами. Например, отражение агрессии гитлеровской Германии и милитаристской Японии во время Второй мировой войны стало возможным именно потому, что Советскому Союзу, США и Великобритании, несмотря на огромные идеологические разногласия, удалось образовать антигитлеровскую коалицию, разработать дееспособную стратегию ведения совместных военных операций, общими усилиями задействовать мощный производственно-технический потенциал и разгромить врага.

15.3.3.4. Концепция национальной безопасности

Основные направления и принципы защиты суверенитета и независимости государства определяются *концепцией национальной безопасности*. Она представляет собой производное от концепции национальных интересов, а в более широком смысле – от общего видения лидерами государства, ведущими политическими силами места и роли своей страны в мировом сообществе.

Концепция национальной безопасности строится с учетом всех геополитических факторов, так или иначе оказывающих влияние на пути, формы и средства реализации национальных целей. Она разрабатывается с учетом как внешнеполитического фактора, так и внутренних угроз, связанных с состоянием самого общества, экономики страны, уровня развития социальной и информационной инфраструктуры.

Понятие национальной безопасности, по определению К. С. Гаджиева [22, с. 86], включает следующие параметры:

- способность обеспечить физическое существование населения;
- территориальную неприкосновенность и целостность государства перед лицом внешних и внутренних угроз;
- гарантии невмешательства во внутренние дела;
- возможность своевременно предотвращать потенциальные и непредвиденные угрозы;
- опасность разрушения самого образа жизни страны и народа.

Концепция национальной безопасности имеет прежде всего внешнюю направленность, и в этом смысле главными ее несущими конструкциями остаются внешнеполитическая стратегия, дипломатическая практика, военно-политическая платформа и ее военно-силовое обеспечение. Что касается внутривнутриполитического аспекта – борьбы с подрывными элементами, разведки, то он обычно занимает подчиненное к внешним задачам положение.

К главным целям государства в системе мирового сообщества, в контексте его национальных интересов, относится безопасность страны, стабильность политической системы, благополучие общества. Каждое государство по-своему оценивает относительную важность преследуемых им целей. Значимость для государства каждой из них и его способность реализовывать их зависят от многих факторов: его геополитического положения, историй, культуры, типа политической системы, стиля руководства, характера взаимоотношений с другими государствами.

Национальная безопасность тесно связана с защитой общественно-политической системы страны. В этом случае речь идет о способности государства защищать и отстаивать свои внутренние интересы, принимая меры по сохранению единства сообщества, целостности национального государства как носителя общих ценностей, характеризующих образ жизни данного народа.

Очевидно, что область исследования национальной безопасности охватывает средства, формы и методы, с помощью которых то или иное государство планирует и разрабатывает внешнеполитическую стратегию, обеспечивает свою безопасность. Государство располагает разными средствами защиты своих интересов. Одним из самых радикальных является применение или угроза применения насилия.

Нация не может жертвовать своими законными интересами и способна, в случае если эти интересы подвергаются опасности, отстаивать их с помощью войны.

Главная ответственность за реализацию этой функции возлагается на вооруженные силы. В начале XIX в. известный немецкий военный теоретик Клаузевиц [46] (1780–1831) сформулировал свой знаменитый афоризм: «Война есть продолжение политики иными средствами». Но и задолго до Клаузевица государственные деятели действовали в духе данного афоризма.

Это вполне естественно, если учесть, что отношения между государствами характеризуются взаимными противоречиями, конкуренцией и конфликтами. В своих крайних проявлениях конкуренция может перерасти в войну между соперничающими сторонами. Агрессия, война одного государства против другого столетиями воспринимались политиками как законное и приемлемое средство разрешения возникающих конфликтов.

Концепция национальной безопасности Российской Федерации утверждена Указом Президента 10 января 2000 г. Она представляет собой систему взглядов на обеспечение в РФ безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз во всех сферах жизнедеятельности. Под национальной безопасностью Российской Федерации понимается безопасность ее многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации.

В условиях ядерного века главные цели мирового сообщества — сохранение и обеспечение международной безопасности; создание условий, исключающих нарушение всеобщего мира и возникновение глобального конфликта. Основные принципы поддержания мира и международной безопасности сформулированы в Уставе и других документах ООН. Эти принципы предусматривают, в частности, принятие коллективных мер для предотвращения и устранения угрозы миру подавления актов агрессии, неприменения насилия при разрешении международных споров.

15.3.4. Современные политологические концепции внешней политики

В политической науке существует ряд теоретических концепций, стремящихся объяснить природу международных отношений и проанализировать механизмы осуществления внешней политики отдельных государств.

15.3.4.1. Школа политического реализма

На протяжении длительного времени наиболее известным и авторитетным научным сообществом в изучении международной политики была *школа политического реализма*. Ее основоположником и наиболее видным представителем в США считается Г. Моргантау [73]. С его точки зрения, международная политика, как и всякая другая, является борьбой за власть. В сфере международных отношений под борьбой за власть Г. Моргантау подразумевал борьбу государств за утверждение своего силового превосходства и влияния в мире. С позиций политического реализма международные отношения — это прежде всего отношения межгосудар-

ственные, где единственными реальными акторами являются суверенные государства. Последние стараются реализовать собственные интересы, используя весь имеющийся в их распоряжении силовой потенциал.

По мнению Г. Моргентау, цели внешней политики должны определяться в терминах национального интереса и поддерживаться соответствующей силой. В англоязычной литературе понятие «нация» тождественно понятию «государство», что соответствует западным традициям и реалиям, где давно уже сформировались и национальное государство, и гражданское общество. Поэтому речь фактически идет о национально-государственных интересах. Представители школы политического реализма подразделяют их на постоянные, основополагающие и преходящие, промежуточные интересы. К числу постоянных интересов относят:

- «интересы национальной безопасности», под которыми подразумевается защита территории, населения и государственных институтов от внешней опасности;
- «национальные экономические интересы», а именно развитие внешней торговли и рост инвестиций, защита интересов частного капитала за границей;
- «интересы поддержания мирового порядка», включающие в себя взаимоотношения с союзниками, выбор внешнеполитического курса.

Промежуточные интересы по степени значимости выстраивают в следующем порядке:

- «интересы выживания», т. е. предотвращение угрозы самому существованию государства;
- «жизненные интересы», т. е. создание условий, препятствующих нанесению серьезного ущерба безопасности и благосостоянию всей нации;
- «важные интересы» — предотвращение нанесения «потенциально серьезного ущерба» для страны;
- «периферийные, или мелкие, интересы», связанные с проблемами преимущественно локального характера [25].

В зависимости от конкретной ситуации, складывающейся в мировой политике, на первое место выдвигаются те или иные основополагающие или промежуточные интересы в различных сочетаниях между собой.

Термин «национальная сила», применяющийся в англоязычной литературе, не имеет точного эквивалента в отечественной. Наиболее близок он таким понятиям, как «государственная мощь», «внешнеполитический потенциал государства». Речь идет о ресурсах, которые государство может задействовать для достижения целей своей внешней политики. По мнению Г. Моргентау [73], в структуру «национальной силы» входят следующие элементы:

- географическое положение;
- природные ресурсы;
- производственные мощности;
- военный потенциал;
- численность населения;
- национальный характер;
- моральный дух нации;

- качество дипломатии.

Г. Моргантау не отвергал роли права и морали в политике. Он утверждал, что политический реализм признает моральное значение политического действия. Однако американский политолог указывал на существование неизбежного противоречия между моральным императивом и требованием успешного политического действия. Государство не может, по его мнению, действовать по принципу: «Пусть мир погибнет, но справедливость должна восторжествовать!» Поэтому моральные критерии по отношению к действиям людей, определяющих государственную политику, должны рассматриваться в конкретных обстоятельствах места и времени, а высшей моральной добродетелью в международных отношениях должна быть умеренность и осторожность. Г. Моргантау фактически выступил против навязывания каким-либо одним государством своих принципов всем остальным, утверждая, что политический реализм отказывается отождествлять моральные стремления какой-либо нации с универсальными моральными нормами.

15.3.4.2. Школа политического модернизма

Противоположную позицию по отношению к международной политике занимали представители другой школы – *модернизма*. Для модернистов большое значение имел системный анализ международных отношений. Внимание модернистов привлекал также вопрос о связи международной системы с внутренними политическими системами. Проблема взаимодействия системы и среды рассматривалась ими как проблема воздействия внутренней политической ситуации на международные отношения и наоборот. Один из самых известных представителей модернизма 1960-х гг. Дж. Розенау [102] выделил пять основных факторов, влияющих на внешнюю политику:

- *индивидуальные факторы*, под которыми понимаются личные качества, таланты, предшествующий опыт политических деятелей, определяющие особенности принятия внешнеполитических решений данными лидерами по сравнению с другими;
- *ролевые факторы*, т. е. обстоятельства, имеющие отношение к поведению государственных деятелей, обусловленные ролью, вытекающей из занимаемого ими официального положения, а не из личных качеств;
- *правительственные факторы*, касающиеся тех аспектов правительственной структуры, которые определяют границы внешнеполитического выбора политических лидеров;
- *«общественные переменные»* – основные ценности общества, степень его национального единства, уровень экономического развития и т. д.;
- *«системные переменные»*, т. е. факторы, определяемые воздействием внешней среды и международной системы на внешнеполитический выбор государственных лидеров (географические реальности, идеологические вызовы со стороны других государств, стабильность правительств в странах, с которыми данное государство взаимодействует и т. д.).

Естественно, что при таком подходе к пониманию сути внешней политики и детерминирующих ее факторов внимание модернистов было сосредоточено на

субъективной стороне международных отношений, на изучении роли отдельных личностей и групп в принятии внешнеполитических решений.

Большую известность получила концепция Р. Снайдера [25, с. 222]. По его мнению, механизм принятия внешнеполитического решения можно объяснить взаимодействием трех переменных величин:

- ролью и взаимоотношением различных органов;
- поступлением в них информационных потоков;
- действиями отдельных лиц.

Большое значение Р. Снайдер придавал изучению мотивации. В соответствии с его концепцией, мотивы, которыми руководствуются государственные чиновники при принятии внешнеполитических решений, можно разделить на два вида. К первому виду относятся мотивы, выработанные под воздействием профессионального опыта чиновника. Второй вид мотивов детерминирован всем жизненным опытом данного государственного чиновника как частного человека. В большей степени, считал Р. Снайдер, следует учитывать мотивы первого вида. Но бывают обстоятельства, когда именно индивидуальные особенности политических лидеров и государственных чиновников оказывают влияние на принятие решений по вопросам внешней политики.

Специалисты, исследующие механизмы принятия решений, учитывают наличие групп давления, стремящихся влиять на формирование внешнеполитического курса. Среди этих групп давления чаще всего называют: экономическую элиту, политическую и правительственную элиту, СМИ, лидеров, формирующих общественное мнение, политически активную часть населения.

Представляет интерес модель принятия решений, предложенная в начале 1970-х гг. английским политологом Н. Форвардом [25, с. 223]. Он выделил шесть критериев, на основе которых государственные лидеры принимают внешнеполитические решения:

- *сохранение национального единства*, т. е. учет факторов, обеспечивающих существование данной страны в качестве независимого государства;
- *обеспечение национальной безопасности*;
- *сохранение национальной роли*, т. е. учет факторов, позволяющих государству сохранять свое место в системе международных отношений;
- *создание прецедентов*;
- *сохранение репутации*, смысл которого в том, что каждое государство, выполняющее свои обещания и угрозы, поднимает свой международный авторитет, а государство, поступающее иначе, напротив, его теряет;
- *сохранение международного стандарта*, т. е. необходимость соблюдения норм морали и международного права.

Н. Форвард назвал три идеальных типа лиц, принимающих внешнеполитические решения. В основе этого деления лежит различие в принципах отбора и учета критериев. Это:

- *торопливые*. К нему относятся политические лидеры, быстро реагирующие на любые действия, угрожающие национальным интересам, не учитывающие долгосрочные последствия принимаемых в данный момент решений. Этот тип принимает во внимание первые три критерия, одновременно игнорируя три последних;

- *беспокойные*. Это политические деятели, ориентированные на долгосрочные последствия принимаемого решения и учитывающие пятый и шестой критерии;
- *мечтатели*. Это люди, опирающиеся только на международные стандарты и считающие, что при принятии внешнеполитических решений следует руководствоваться нормами морали и международного права.

15.3.4.3. Концепция транснационализма

В последние десятилетия позиции политического реализма и модернизма подверглись критике. Основным противовесом традиционным представлениям о мировой политике и международных отношениях, начиная с 1970-х гг., стала **концепция транснационализма**. Новое направление в изучении мировой политики и международных отношений оформилось в 1971 г. с выходом в свет под редакцией Дж. Ная и Р. Кохэна книги «Транснациональные отношения и мировая политика» [77]. В ней на основе анализа сдвигов в мировом общественном развитии, Най и Кохэн констатировали резкий рост уровня взаимозависимости между отдельными странами, а также усиление взаимообмена в экономической, политической и социальной сферах. Государство больше не способно полностью контролировать такой обмен, оно утрачивает свою прежнюю монопольную роль главного субъекта международных отношений. С точки зрения сторонников транснационализма, полноправными субъектами международных отношений могут выступать транснациональные компании, неправительственные организации, отдельные города или иные территориальные общности, различные промышленные, торговые и иные предприятия, наконец, отдельные индивиды.

К традиционным политическим, экономическим, военным отношениям между государствами добавляются разнообразные связи между религиозными, профессиональными, профсоюзными, деловыми кругами этих государств, причем роль последних может иногда равняться роли первых. Утрата государством прежнего места и роли в международном общении нашла выражение и в терминологии — замене термина «интернациональный» (межгосударственный, исходя из западного понимания единства нации и государства) термином «транснациональный» (т. е. осуществляемый помимо государства, без его непосредственного участия).

Последователи транснационализма пришли к выводу, что на смену традиционным международным (межгосударственным) отношениям должна прийти новая мировая политика как механизм демократической самоорганизации качественно обновленного международного сообщества. Главные тенденции этой политики будут определяться уже не столько индивидуальными действиями отдельных государств, сколько логикой развития международных политических институтов: глобальных и региональных международных организаций, системой официальных договоров и неофициальных договоренностей, институтами международного права и мирового общественного мнения.

15.3.4.4. Концепция неореализма

С конца 1970-х гг. политический реализм постепенно трансформировался в неореализм. Утверждение неореализма в качестве самостоятельного направления исследований международной политики связывают с выходом в свет в 1979 г. книги К. Уолтца «Теория международной политики». Сохраняя приверженность традици-

онным постулатам классического политического реализма о естественном характере международных отношений, о национальном интересе как главной детерминанте внешней политики государств и о силе как средстве достижения цели такой политики, неореализм одновременно существенно обновил его воззрения [81, с. 220].

В первую очередь это касается отказа от чисто этатистского подхода к мировой политике лишь как к сфере борьбы отдельных государств за могущество и влияние между собой. Новое в неореализме выразилось в признании того факта, что действия государств зависят от структуры самой системы международных отношений, в которой все большую роль начинают играть международные организации и негосударственные акторы. «Естественное состояние» международных отношений сохраняется только для великих держав, взаимодействующих между собой и определяющих структурные свойства международной системы. Действия же мелких и средних государств зависят прежде всего от их места и роли в этой системе, следовательно, для них уже не подходит прежнее представление политического реализма о целях и детерминантах внешней политики. Неореалисты вслед за неолибералами признают снижение роли чисто военных и, соответственно, возрастание роли экономических и социальных факторов в международных отношениях. По их своеобразному мнению, увеличивается экономическая составляющая совокупной мощи государства и относительно падает доля военной составляющей, но стремление к большей безопасности путем наращивания силы, как глубинный мотив внешнеполитического поведения самого государства, по-прежнему сохраняется.

При всех изменениях, которые произошли в теории и практике международных отношений, нельзя не признать, что рассмотренные выше концептуальные подходы к анализу внешней политики государства в значительной степени сохраняют свою актуальность и могут применяться для оценки и характеристики международной политики любой страны мира, включая Россию.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Охарактеризуйте сущность, принципы и методы государственной политики.
2. Определите сущность и классификацию государственной политики.
3. Обоснуйте понятие управления.
4. Что понимается под системой государственного управления?
5. Основные научные подходы к определению государственной политики.
6. Приведите примеры классификации основных видов государственной политики.
7. Охарактеризуйте структуру системы государственной политики.
8. Назовите субъект и объект государственной политики.
9. Почему система государственной политики представляет собой совокупность элементов?
10. Назовите компоненты системы государственной политики.
11. Что понимается под иерархической структурой государственной политики?
12. Почему бюрократия – важнейшая составляющая системы управления?
13. Назовите особенности системы государственного управления в России.
14. Охарактеризуйте функции государственной политики.
15. Назовите принципы и методы государственной политики.
16. Охарактеризуйте политико-управленческие принципы госполитики.
17. Назовите методы управления государственной политикой.
18. Охарактеризуйте понятие «внутренняя государственная политика».
19. Перечислите основные характеристики внутренней политики.

20. Определите термин «государственная экономическая политика».
21. В чем сущность административной предпринимательской монополии?
22. Что понимается под термином «государственная программа»?
23. Что означает термин «государственно-монополистический комплекс»?
24. Охарактеризуйте свободную экономическую зону.
25. Что означает термин государственная социальная политика?
26. Охарактеризуйте государственную национальную политику.
27. Определите государственную экологическую политику.
28. Почему существует зависимость внутренней политики от условий среды?
29. Охарактеризуйте термин «внешняя политика государства».
30. Назовите основные составляющие системы международных отношений.
31. Охарактеризуйте основу, предназначение и субъекты внешней политики.
32. Назовите важнейшие компоненты внешней политики.
33. Назовите современные политологические концепции внешней политики.
34. Назовите основные идеи школы политического реализма.
35. Назовите основные идеи школы политического модернизма.
36. В чем суть концепция транснационализма?
37. Охарактеризуйте концепцию неореализма.
38. Определите роль дипломатии в реализации внешней политики.
39. В чем значение международных договоров?
40. Что определяет природу национального интереса?

ЛИТЕРАТУРА

1. Акаева М. Х. Взаимодействие культур как фактор политической консолидации общества // Духовно-культурные процессы в современной России. — М., 1998.
2. Арндт Х. Истоки тоталитаризма : пер. с англ. / Х. Арндт. — М., 1996.
3. Аристотель. Политика // Соч. : в 4 т. / Аристотель. — М., 1972.
4. Афанасьев В. Г. Общество: системность, познание и управление / В. Г. Афанасьев. — М., 1981.
5. Бакунин М. А. Государственность и анархия // Антология мировой политической мысли. Т. 4 / отв. ред. Б. Н. Бессонов. — М., 1997.
6. Беджанов М. Б. Россия и Северный Кавказ: межнациональные отношения на пороге XXI века / М. Б. Беджанов. — Майкоп : Адыгея, 2002.
7. Безвербный А. А. Социальная справедливость: состояние и перспективы в России / А. А. Безвербный. — Ростов н/Д., 1996.
8. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну : пер. с нем. / У. Бек. — М., 2000.
9. Белов Г. А. Политология : курс лекций / Г. А. Белов. — М., 1996.
10. Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию / Э. Берк ; предисл. Коннора К. О`Брайена. — М., 1993.
11. Боббио Н. Интеллектуалы и власть // Вопр. философии. — 1992. — № 8.
12. Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет / А. А. Богданов. — М., 1990.
13. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Начала / П. Бурдые. — М., 1994.
14. Василенко И. А. Государственное и муниципальное управление : учебник / И. А. Василенко. — М. : Гардарики, 2005.
15. Василик М. А. Политология: Элементарный курс : учеб. пособие для студ. вузов / М. А. Василик, М. С. Вершинин. — М. : Гардарики, 2001.

16. Васильчиков А. И. О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских общественных учреждений : в 3 т. / А. И. Васильчиков. – Репринт. издание. – СПб., 1870. – Т. 2.
17. Вебер М. Избр. произведения : пер. с нем. / М. Вебер. – М., 1992.
18. Вебер М. Основные социологические понятия // Избр. произведения / М. Вебер. – М., 1990. – С. 602–643.
19. Вебер М. Харизматическое господство // Социолог. исслед. – 1988. – № 5, 6.
20. Вильсон В. Государство. Прошлое и настоящее конституционных учреждений / В. Вильсон. – Репринт. издание. – М., 1905.
21. Воробьев К. А. Политология : учеб. пособие для вузов / К. А. Воробьев. – М. : Академический проект, 2003.
22. Гаджиев К. С. Политология (основной курс) : учебник / К. С. Гаджиев. – М. : Высш. образование, 2005.
23. Гоббс Т. Левиафан // Соч. : в 2 т. / Т. Гоббс. – Т. 2. – М., 1990.
24. Горелов А. Л. Политология : учебник / А. Л. Горелов. – М. : Эксмо, 2006.
25. Государственная политика и управление : учебник : в 2 ч. Ч. 1 : Концепции и проблемы государственной политики и управления / под ред. Л. В. Сморгунова. – М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2006.
26. Грамши А. Тюремные тетради : в 3 ч. / А. Грамши. – М., 1991.
27. Градовский А. Д. Соч. / А. Д. Градовский. – СПб., 2001.
28. Грязнова А. Г. Курс политологии : учебник / А. Г. Грязнова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ИНФРА-М, 2003.
29. Гуднау Ф. Дж. Политика и государственное управление // Классики теории государственного управления / под ред. Дж. Шафритца, Т. Хайда. – М. : Изд-во МГУ, 2003.
30. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество : пер. с англ. / Дж. Гэлбрейт. – М., 1969.
31. Даль Р. Демократия и ее критики / Р. Даль. – М., 2003.
32. Дойч К. Разрешение конфликта (Конструктивные и деструктивные процессы) // Политология : хрестоматия / под ред. М. А. Васирика. – М. : Гардарики, 1999. – С. 713–721.
33. Дюверже М. Идея политики. Применение силы (власти) в обществе / М. Дюверже. – М., 1991.
34. Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства / Л. Дюги. – Репринт. копия. – М., 1908.
35. Елисеев С. М. Легитимность власти. Концепции и проблемы развития в посткоммунистическом обществе / С. М. Елисеев. – СПб., 1996
36. Желтов В. В. Основы политологии / В. В. Желтов. – Ростов н/Д. : Феникс, 2004.
37. Завьялов В. Т. Политическая власть // Курс политологии : учебник / под ред. А. Г. Грязновой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ИНФРА-М, 2003.
38. Иванов И. С. Внешняя политика России в эпоху глобализации / И. С. Иванов. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
39. Иванов Р. Ф. Авраам Линкольн и Гражданская война в США / Р. Ф. Иванов. – М. : Эксмо : Алгоритм-кн., 2004.
40. Иеринг Р. Борьба за право / Р. Иеринг. – М., 1991.
41. Ирхин Ю. В. Политология : учебник / Ю. В. Ирхин. – М. : Экзамен, 2006.
42. Истон Д. Новая революция в политической науке // Соц.-полит. журн. – 1993. – № 2.
43. Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли. Т. 2 / отв. ред. Т. А. Алексеева. – М., 1997. – С. 630–642.
44. Кант И. Всеобщая история с космополитической точки зрения // Соч. : в 6 т. Т. 6 / И. Кант. – М., 1966.

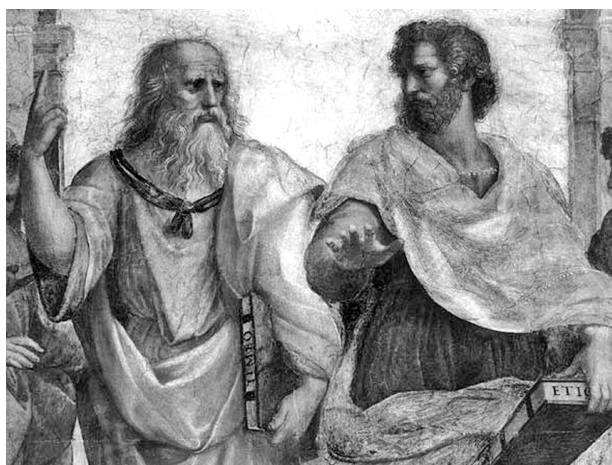
45. Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег // Антология экономической классики. – М., 1993.
46. Клаузевиц К. О войне : пер. с нем / К. Клаузевиц. – М. : ЭКСМО ; СПб. : Terra Fantastica, 2003.
47. Конституция СССР. – М., 1977.
48. Конституция Российской Федерации. – М., 1996.
49. Конституции зарубежных государств. – М., 1996.
50. Коптюг В. Спасти человечество может наука // Аргументы и факты. – 1997. – № 4.
51. Кравченко И. И. Введение в исследование политики / И. И. Кравченко. – М., 1998.
52. Крозье М. Современное государство – скромное государство: другая стратегия изменения. // Антология мировой политической мысли / отв. ред. Т. А. Алексеева. – М., 1997. – Т. 2.
53. Кропоткин П. А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия / П. А. Кропоткин. – М., 1990.
54. Кузьмин С. А. Социальные системы: Опыт структурного анализа / С. А. Кузьмин. – М., 1996.
55. Лакан Ж. Семинары // Кн. 7. Этика психоанализа (1959–1960) / Ж. Лакан. – М. : Наука, 2006.
56. Ламперт Х. Социальная рыночная экономика Германский путь / Х. Ламперт. – М. : Дело, 1993.
57. Лассуэлл Г. Психопатология и политика / Г. Лассуэлл. – М. : РАГС, 2005.
58. Лебедева М. М. Мировая политика : учебник / М. М. Лебедева. – М., 2003.
59. Легитимность и легитимация власти в России / под ред. С. А. Ланцова. – СПб., 1995.
60. Ледяев В. Г. Власть: концептуальный анализ / В. Г. Ледяев. – М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2001.
61. Ленин В. И. Государство и революция // Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – Т. 33.
62. Ленин В. И. О государстве; О диктатуре пролетариата // Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – Т. 39.
63. Линд Р. Процессы преобразований в общественном секторе Швеции / Р. Линд. – СПб., 1998.
64. Липсет С. Политическая социология // Американская социология: Перспективы. Проблемы. Методы / ред. Н. М. Смелзер. – 1972. – С. 203–219.
65. Локк Дж. Два трактата о правлении // Антология мировой политической мысли : в 5 т. – М., 1997. – Т. 1.
66. Луман Н. Власть / Н. Луман. – М., 2002.
67. Мау В. Конституционное регулирование социально-экономических отношений // Вопр. экономики. – 1999. – № 4.
68. Маркс К. Гражданская война во Франции // Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. Т. 17.
69. Маркс К. Капитал // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. Т. 23.
70. Марсель Г. Опыт конкретной философии / пер. с фр. В. П. Большакова, В. П. Визгина. – М. : Республика, 2004.
71. Мишелетти М. Государственное управление в демократическом обществе / М. Мишелетти. – СПб., 1998.
72. Монтескье Ш. Л. О духе законов / Ш. Л. Монтескье ; сост., пер. и коммент. примеч. авт. А. В. Матешук. – М. : Мысль, 1999.
73. Моргентау Г. Международная политика // Антология мировой политической мысли. Т. 2 / отв. ред. Т. А. Алексеева. – М., 1997.
74. Московичи С. Машина, творящая богов : пер. с фр. / С. Московичи. – М. : Центр психологии и психотерапии : КСП+, 1998.

75. Мосс М. Общества. Обмен. Личность [микроформа] : тр. по соц. антропологии / М. Мосс ; пер. с фр., послесл. и коммент. А. Б. Гофмана ; Рос. акад. наук, ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. — М. : РГБ, 2004.
76. Мухаев Р. Т. Политология : учебник для студентов вузов / Р. Т. Мухаев. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2005.
77. Най Дж. С. Транснациональные отношения и мировая политика / Дж. С. Най (мл.), Р. О. Кохэн // Теория международных отношений : хрестоматия / под ред. П. А. Цыганкова. — М. : Гардарики, 2002.
78. Наше общее будущее : доклад Междунар. Комиссии по окружающей среде и развитию. — М., 1989.
79. Ницше Ф. Воля к власти / Ф. Ницше. — М., 1994.
80. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / Ф. Ницше. — М., 1990.
81. Новиков Г. Н. Теории международных отношений : учеб. пособие / Г. Н. Новиков. — Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1996.
82. Общая и прикладная политология / под общ. ред. В. И. Жукова, Б. И. Краснова. — М., 1997.
83. Парето В. Трансформация демократии // Тексты по истории социологии XIX—XX вв. : хрестоматия / сост. и отв. ред. В. И. Добреньков, Л. П. Беленкова. — М., 1994. — С. 169—177.
84. Парсонс Т. О понятии «политическая власть» // Антология мировой политической мысли / отв. ред. Т. А. Алексеева. — М., 1997. — Т. 2. — С. 479—487.
85. План Путина. Краткий справочник-путеводитель / под ред. Г. О. Павловского. — М. : Европа, 2007. — 64 с.
86. Плешаков А. П. Основы политологии : курс лекций для студентов юрид. специальностей / А. П. Плешаков. — М., 2004.
87. Плеханов Г. В. Соч. : в 24 т. / Г. В. Плеханов. — М. ; Пг., 1923—1927.
88. Позиции и состояние ОПОД «Российское движение «зеленых» в 2000 г. и задачи РДЗ на 2001—2002 гг.» : доклад Политсовета РДЗ // Зеленый мир. — 2002. — № 7—8.
89. Политология. Курс лекций : учеб. пособие для вузов / А. Д. Бырышев, О. Г. Овчинников, Е. Ю. Титов, А. С. Торгашев, Н. К. Стрельцов. — М. : Экзамен, 2005.
90. Политология : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / под ред. В. И. Власова. — Ростов-н/Д. : МарТ, 2002. — (Учебный курс).
91. Политология : энцикл. слов. — М., 1993.
92. Политология : учебник / под ред. В. И. Буренко, В. В. Журавлева. — М. : Экзамен, 2005.
93. Политология : учебник / под ред. М. А. Василица. — М. : Гардарики, 2004.
94. Политология : учебник для вузов / отв. ред. В. Д. Перевалов. — М. : НОРМА, 2003.
95. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги / К. Р. Поппер. — М. : Ника-Центр, 2005.
96. Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию от 3 апреля 2001 г. «Не будет ни революций, ни контрреволюций» // Рос. газ. — 2001. — 4 апр.
97. Проект справки, подготовленной Госкомэкологией России к заседанию Правительства Российской Федерации 4 мая 2000 года по вопросу «О мерах по совершенствованию организации природоохранной деятельности» // Зеленый мир. — 2001. — № 3—4.
98. Пугачев В. П. Введение в политологию : учебник для студентов вузов / В. П. Пугачев, А. И. Соловьев. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Аспект Пресс, 2003.
99. Пугачев В. П. Политология. Высшее образование / В. П. Пугачев. — М. : Филол. о-во «СЛОВО» ; Эксмо, 2004.
100. Б. Власть: Очерки современной политической философии Запада // Зарубежная политическая мысль XX в. — М., 1997.

101. Расы и народы. – Вып. 24. – М., 1981.
102. Розенау Дж. Мировая политика в движении. Теория изменений и преемственности / Дж. Розенау. – М. : ИНИОН, 1992.
103. Роик В. Социальное государство и гражданское общество // Человек и общество. – 1996. – № 11.
104. Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре / Ж. Ж. Руссо. – М., 1998.
105. Селезнев Л. И. Политические системы современности: сравнительный анализ / Л. И. Селезнев. – СПб. : Петрополис, 1995.
106. Сен-Симон А. Избр. соч. : в 2 т. / А. Сен-Симон. – М. ; Л., 1958.
107. Сморгунов Л. В. Сравнительная политология. Теория и методология измерения демократии / Л. В. Сморгунов. – СПб., 1999.
108. Сморгунов Л. В. Современная сравнительная политология / Л. В. Сморгунов. – М., 2002.
109. Соловьев А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии : учебник для студентов вузов / А. И. Соловьев. – М. : Аспект Пресс, 2003.
110. Соловьев В. С. Избранное / В. С. Соловьев. – М., 1990.
111. Технология власти: (Филос.-полит. анализ) / Р. И. Соколова [и др.]. – М. : ИФРАН, 1995.
112. Торлопов В. А. Социальное государство в России: идеалы, реалии, перспективы / В. А. Торлопов. – СПб., 1999.
113. Тоффлер О. Проблема власти на пороге XXI века // Свободная мысль. – 1992. – № 2.
114. Федеральный Закон «Об охране окружающей среды». – М., 2002.
115. Франк С. Л. Из размышлений о русской революции // Новый мир. – 1990. – № 4.
116. Фрейд З. Труды разных лет / З. Фрейд. – Тбилиси, 1991.
117. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избр. полит. ст., выступления и интервью / М. Фуко. – М., 2002.
118. Хабермас Ю. Философский спор вокруг идеи демократии // Антология мировой политической мысли / отв. ред. Т. А. Алексеева. – М., 1997. – Т. 2.
119. Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок / Ф. Хайек. – М., 2000.
120. Халипов В. Ф. Кратология – наука о власти: Концепция / В. Ф. Халипов. – М. : Экономика, 2002.
121. Хантингтон С. Третья волна: Демократия на исходе века / С. Хантингтон. – М., 2003.
122. Холостова Е. И. Социальная политика / Е. И. Холостова. – М., 2002.
123. Цицерон М. Т. О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях : речи, письма / М. Т. Цицерон. – М., 1999.
124. Чиркин В. Е. Государствоведение / В. Е. Чиркин. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Юристъ, 2000.
125. Чичерин Б. Н. О народном представительстве // Антология мировой политической мысли / отв. ред. Б. И. Бессонов. – М., 1997. – Т. 4.
126. Шабо Ж.-Л. Основные типы легитимности // Полис. – 1993. – № 5.
127. Шаркански А. Что может сказать политолог разработчику стратегии о вероятности успеха или неудачи // Классики теории государственного управления: Американская шк. / Д. Шафритц, А. Хайд. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2003. – С. 691–694.
128. Энгельс Ф. К «Крестьянской войне» // Соч. : в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М., 1961. – Т. 21. – С. 417–418.
129. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Т. 21.
130. Юнг К. Психология бессознательного / К. Юнг. – М., 1994.

Раздел 6

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СОЗНАНИЕ



Глава 16

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Существенное влияние на формирование властных отношений и функционирование политической системы оказывает *политическая культура*. Ее формирование связано с возникновением государства и государственно-политической сферы общественной жизни. В процессе исторического развития политическая культура народа все более превращалась в центральное звено духовной культуры, в совокупность норм политического поведения людей. Она во многом определяет характер и содержание политической и гражданской жизни общества, поведения людей в общественной жизни. Политическая культура способствует или, наоборот, препятствует переменам в обществе, образе жизни и устремлениях его граждан.

§ 1. ПОНЯТИЕ И ФУНКЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Многие политические процессы и явления примерно в одинаковых социальных условиях протекают по-разному в зависимости от того, как к ним относятся люди — участники этих процессов и явлений. Это, в свою очередь, связано с тем, как люди оценивают то или иное явление, процесс, в чем видят их смысл и влияние на общественную жизнь. Эта способность людей оценивать политические процессы и явления и соответственно принимать в них участие, в общем плане и составляет политическую культуру народа, общества.

Политическая культура — явление сложное и многогранное. Нередко ее рассматривают как понятие адекватное политической системе, как совокупность ориентации на политическое действие, как политическое сознание, как субъективное восприятие истории и политики и одновременно как часть субъективной культуры данного общества и т. д.

16.1.1. Сущность политической культуры

С момента своего возникновения, политика как главная сфера публичной жизни имела ценностно-нормативное измерение, в котором выражались представления людей об общественном благе, о наиболее справедливом устройстве общества. Все сформировавшиеся политические системы отражали определенный исторический уровень человеческих стремлений и возможностей. В свою очередь, установившиеся политические институты, их социальное предназначение, формы взаимодействия власти и общества имеют смысл и необходимую устойчивость лишь в контексте существующей политической культуры.

Без глубокого изучения политической культуры общества нельзя в полной мере понять и правильно оценить его политическую систему, динамику и характер политической жизни. В конечном счете смысл изучения политической культуры состоит в выявлении социально-политических механизмов укрепления стабильности общественного организма и его развития.

Вовлечение социальных групп и индивидов в политику обусловлено их стремлением реализовать свои социально значимые интересы. Однако существующие у них интересы реализуются не прямо, а опосредуются теми значениями и смыслами, в которых выражено отношение субъектов политики к власти, политическим институтам, элитам, лидерам и т. д. Сами же смыслы и значения предписываются господствующей в обществе политической культурой, т. е. нормативно-ценностной системой, которой придерживается большинство населения.

Политическая культура — явление конкретно-историческое. На различных этапах развития человеческого общества она обогащалась тем содержанием, которое соответствовало потребностям времени. Это не означает, по мнению К. А. Воробьева, что политическая культура — явление конъюнктурное. Просто по сравнению с другими социально-политическими явлениями она более динамична, ибо связана с политической деятельностью людей, политическим освоением действительности. А политические процессы динамичны, изменчивы, часто меняют свою направленность [38].

Политическая культура — один из важнейших элементов политической системы общества. Уровень ее развития свидетельствует о качестве самой этой системы. Политическая культура, отражая политическую и юридическую компетентность граждан, общественных и политических деятелей и их политическое поведение, оказывает большое влияние на формирование и функционирование политических и государственных институтов, придает значимость политическим процессам, определяет характер взаимосвязи государства и гражданского общества. Политическую культуру, как считает А. Г. Грязнова, можно понять лишь как *постоянно изменяющееся явление*, реагирующее на изменения окружающего мира [107].

Особенно изменчива политическая сторона жизни общества в периоды революционных потрясений и преобразований. Тогда острее встает вопрос о политической культуре народных масс, ибо они в большинстве своем в такие периоды и втягиваются в политику. А от того, с каким уровнем политической культуры массы вступают в политическую деятельность, зависят и результаты их деятельности — будет ли она конструктивна и созидательна или деструктивна и разрушительна.

Политическая культура представляет собой символическую систему, охватывающую политические традиции, политические нормы и ценности, политические идеалы и проекты будущего. Политическая культура сводит воедино три времени:

- *прошлое*, зафиксированное в политических традициях;
- *настоящее*, отражаемое в установках и нормах поведения людей, адаптирующихся к современной политической реальности;
- *будущее*, совмещающее вероятное, желаемое и должное.

Как подчеркивал А. С. Панарин, современные политические культуры, в отличие от политических культур прошлого, характеризуются приматом будущего над прошлым, проекта — над традицией [170, с. 327]. Реальную мотивацию людей, сегодня участвующих в политическом процессе, характеризует не столько верность

прошлому, с его традициями и ценностями, сколько открытие желаемого будущего. Даже те, кто свое участие в политике объясняет стремлением защитить завещанные отцами ценности, на самом деле адаптирует свое бытие и свои ценности к вызовам будущего. В этом смысле нет несовременных политических культур — таких, которые бы всецело жили прошлым и не соотносили свои установки с реалиями и перспективами настоящего и будущего.

На самом деле, сегодня нет оазисов неизменной политической ситуации. В любом участке земного шара среда меняется крайне быстро, что приводит к возрастающему обесценению опыта прошлых поколений; вместо того чтобы просто воспроизводить его, людям приходится мобилизовать поисковые способности и приспосабливать свое поведение к условиям, в которых до них еще никто не жил. В условиях изменчивой среды будущее действует на наше поведение сильнее, чем прошлое и даже настоящее. В культуре решается не столько проблема преемственности, сколько, с одной стороны, проблема адаптации к настоящему, с другой — проблема определения стратегий будущего. Если завтра нам заведомо предстоит жить в условиях, значительно отличающихся от сложившихся, выработка правильной стратегии становится более выгодной для выживания, чем соблюдение самых высокочтимых ритуалов. В нынешнем взаимосвязанном мире от вызовов будущего некуда спрятаться, все народы являются современниками, а все культуры — современными. Жизнь становится процедурой открытия заранее никому неизвестного; и никто не знает, какой именно опыт будет затребован завтра и получит освещение в качестве «современного», а какой будет забыт.

Проблематизированными оказываются все виды культурного опыта; нельзя найти культуру, которая имела бы монопольное право воплощать современность или считать, что в будущем она пребывает «у себя дома» и никакие сюрпризы ее не ждут. Ненаучно сегодняшние тенденции экстраполировать в будущее — это грозит тупиками тотального экологического, экономического, политического и духовного кризисов. Следовательно, вместо того чтобы спрашивать, когда другими культурами будет, наконец, вполне освоен опыт передового Запада, пора спросить, в каком направлении всем культурам, включая западную, предстоит качественно измениться, «реконструироваться», дабы избежать стратегического поражения в великой игре с неотвратимым и непредсказуемым будущим [170, с. 328].

Политическая культура фиксирует способность индивида понимать специфику своих интересов, отстаивать их в строгом соответствии с правилами политической игры. Политическая культура проявляется и в политических симпатиях индивида, в формах его политической деятельности (так, гражданин может либо участвовать в выборах, либо проявить политическую пассивность), в целесообразности и жизнеспособности политических институтов [259, с. 124].

Соответственно, политическая культура — один из важнейших элементов политической системы общества. Она прямо либо косвенно влияет на поведение людей и деятельность их организаций, на их восприятие внутренней и международной политики, оценку политических систем и режимов, правящих групп и отдельных политических лидеров, определение человеком своего места и роли в политической сфере общественной жизни. В силу этого знание политической культуры открывает достаточно широкие перспективы для политического прогнозирования.

Политическая культура представляет собой целостное взаимозависимое явление, поэтому стремление построить политическую демократию, создавая лишь формальный набор демократических институтов и правил, обречено на провал, если они не опираются на соответствующую им политическую культуру [192, с. 185]. Отсюда вытекает огромная роль и значимость политической культуры в осмыслении политических процессов.

Таким образом, сущность политической культуры определяют такие элементы:

- *безвременность* (когда прошлое, настоящее и будущее сливаются воедино);
- *современность* (всегда вплетена и обусловлена политической реальностью, конкретно-исторична);
- *индивидуальность* (человек воспринимает политическую культуру только индивидуально);
- *социальность* (существует только как феномен массового сознания);
- *ценностность* (основывается на совокупности представлений о явлениях, представляющих ценность для данного индивида и его страны);
- *национальность* (у каждой страны своя политическая культура).

16.1.2. Назначение и основные характеристики политической культуры

Политическая культура, являясь сложным и глубоко проникнутым во все поры социума явлением, оказывает мощное влияние на политические процессы и институты.

Во-первых, под ее воздействием могут *воспроизводиться* традиционные для общества формы политической жизни. Причем в силу устойчивости ценностных ориентаций в сознании человека такая возможность сохраняется даже в случае изменения внешних обстоятельств и характера правящего режима. Поэтому и в периоды проводимых государством реформ целые слои населения могут поддерживать прежние политические порядки, противодействуя новым целям и ценностям. Такая способность политической культуры, по мнению А. И. Соловьева, хорошо объясняет то, что большинство революций нередко заканчивается либо определенным возвратом к прежним порядкам (означающим невозможность населения внутренне освоить новые для себя цели и ценности), либо террором (только и способным принудить людей к реализации новых для них принципов политического развития) [213, с. 260].

Во-вторых, политическая культура способна *порождать новые*, нетрадиционные для общества формы социальной и политической жизни.

В-третьих, *комбинировать* элементы прежнего и перспективного политического устройства.

Воплощая целостно-смысловую зависимость активности человека в сфере власти, политическая культура характеризует его способность *понимать* специфику своих властно значимых интересов, *действовать* при достижении целей не только в соответствии с правилами политической игры, но и творчески перестраивая приемы и способы деятельности при изменении потребностей и внешних обстоятельств. Политическая культура, сочетая ценностную мотивацию с чувствен-

ными и рациональными побуждениями человеческих действий, не просто содержит в себе элементы, позволяющие человеку одновременно выглядеть «логичным», «нелогичным» и «внелогичным» (В. Парето), но и проявляется в самых разнообразных формах [172, с. 61].

В частности, она может существовать в виде духовных побуждений и ориентации человека, в опредмеченных формах его практической деятельности, а также в институционализированном виде, т. е. будучи закрепленной в строении органов политического и государственного управления, их функциях. Поскольку не все ценности одновременно воплощаются практически и уж тем более институционально, постольку между названными формами проявления политической культуры всегда имеются определенные противоречия [213, с. 259].

Политическая культура общества зависит от многих факторов:

- от общей культуры и менталитета народа;
- от степени рациональности его представителей;
- от престижа политики в государстве;
- от прав и обязанностей граждан.

Политическая культура базируется на ценностных, т. е. глубинных представлениях человека о политической власти, которые воплощаются в самых типичных для него способах взаимодействия с государством, формах практической деятельности. Жизненный опыт личности характеризуется неразрывной связью практических действий человека с длительным и подчас мучительным поиском им своих политических идеалов. Поэтому политическая культура отражает только самые устойчивые и отличительные черты его поведения, не подверженные стремительным изменениям под воздействием конъюнктуры или перепада настроений. В силу этого политическая культура выражает воплощаемый на практике внутренний кодекс человеческого поведения и потому выступает как *стиль* деятельности индивида в сфере политической власти (И. Шапиро [254], П. Шаран [255]).

Стиль политической деятельности человека, характеризуя самые устойчивые представления и наиболее типичные формы его взаимоотношений с властью, демонстрирует, насколько им восприняты и усвоены общепризнанные нормы и традиции государственной жизни, как в повседневной активности сочетаются творческие и стереотипизированные приемы реализации им своих прав и свобод и т. д. Тот же разрыв (противоречие), который складывается между освоенными и неосвоенными человеком нормами политической игры, стандартами гражданского поведения, является важнейшим *внутренним источником эволюции* и развития политической культуры [199].

От уровня политической культуры зависит политическое сознание отдельных людей. По мнению А. Л. Горелова, о таком уровне политической культуры, какой был в Древней Греции в период существования городов-государств, можно лишь мечтать. Там был высочайший уровень культуры в целом, в том числе рациональных разделов культуры, а занятие политикой — высшей честью и обязанностью граждан. Почему уровень политической культуры со временем не поднимается, а, наоборот, падает? Это связано с одним, на первый взгляд, парадоксальным обстоятельством. С целью политики, заключающейся в управлении населением. В кибернетике сформулирован закон необходимого разнообразия, в соответствии с

которым эффективное управление возможно в том случае, если разнообразие управляющей подсистемы выше разнообразия управляемой подсистемы. Чтобы сделать управление более эффективным, правящая элита стремится (чаще неосознанно) к уменьшению разнообразия подданных, т. е. действует в сторону усреднения, унификации человеческих характеристик. Правящая элита стремится не только уменьшить самостоятельное политическое участие, но и интеллектуальный уровень людей, а стало быть, их способность разбираться в политических событиях, формировать собственную точку зрения на политику [52].

Каждый член общества в процессе социализации и взросления формируется как социокультурное существо и в этом качестве интегрирует основополагающие характеристики господствующей в обществе социо-культурной системы. Вместе с тем каждый индивид является носителем политической культуры в той мере, в какой он социализируется в условиях данной конкретной социальной общности, и с этой точки зрения политическая культура составляет интегральную часть социокультурной системы. Усваивая и интегрируя господствующую в данном обществе политическую культуру, отдельный человек включается в многогранный и динамичный процесс властных отношений, совершает акт самовоспроизводства себя как политико-культурного существа.

К. С. Гаджиев, характеризуя политическую культуру, пишет, что это система отношений и одновременно процесс производства и воспроизводства составляющих ее элементов в ряде сменяющих друг друга поколений [40, с. 336].

Политическая культура включает в себя элементы и феномены общественного сознания и в более широком плане – духовной культуры той или иной страны. Они связаны с общественно-политическими институтами и политическими процессами и оказывают значительное влияние на формы, формирование, функционирование и развитие государственных и политических институтов, придают значимость и направление политическому процессу в целом и политическому поведению широких масс населения в частности. Политическая культура составляет в некотором роде дух, который одушевляет формальные политические институты. Г. Алмонд и С. Верба обоснованно заявляли: «Мы говорим о политической культуре точно так же, как мы можем говорить об экономической культуре или религиозной культуре» [2].

Подобно тому, как бытовая культура определяет и предписывает те или иные формы и правила поведения в различных сферах жизни и жизненных ситуациях, политическая культура определяет и предписывает нормы поведения и правила игры в политической сфере. Политическая культура дает человеку руководящие принципы политического поведения, а социуму – системную структуру ценностей и рациональных доводов. Она, придавая ценность и интегрированность политической сфере, формулирует руководящие принципы политического поведения, политические нормы и идеалы, обеспечивающие единство и взаимодействие институтов и организаций, подобно тому как общенациональная культура придает целостность и интегрированность общественной жизни в целом.

Основополагающие *ценности* политической культуры имеют первостепенное значение для жизнеспособности и сохранения преемственности любой общественно-политической системы, поскольку их задача состоит в формировании у граждан приверженности данной системе, а *нормы* служат цели интегрирования со-

циальных систем. Они включают в себя не только ценностные компоненты, но и особые формы ориентации людей в определенных функциональных и ситуационных условиях.

При характеристике политической культуры возникает естественный вопрос о ее соотношении с другими компонентами политического, прежде всего с политической системой. В 1968 г. Л. Пай предпринял попытку определить взаимосвязь между политической культурой и политической структурой. Он, в частности, писал: «Если нужно эффективно использовать концепцию политической культуры, то ее необходимо дополнить структурным анализом, но трудность состоит в том, что политические структуры можно рассматривать, с одной стороны, как продукты отражения политической культуры, а с другой стороны, они составляют “данные”, формирующие политическую культуру» [168].

При поисках адекватного ответа на этот вопрос необходимо исходить из того, что политические институты, будучи творениями культуры того или иного народа, в свою очередь, оказывают значительное влияние на содержание и проявление культуры. Поэтому естественно, что между политическим поведением и политической культурой существует тесная взаимосвязь. Политическая система и политическая культура составляют самостоятельные подсистемы политического, они взаимно влияют друг на друга, переплетаются друг с другом и не могут существовать друг без друга. Например, в либерально-демократической системе партийному плюрализму, порожденному, в свою очередь, плюрализмом интересов в обществе, соответствуют плюрализм идейно-политических ориентаций и установок, терпимость в отношениях между приверженцами различных партий в вопросе соблюдения «правил политической игры», в системе разделения властей — приверженность принципам компромисса, диалога, прагматизма. А в монопартийной системе — идеологический монизм, моноидеология или метаидеология; а во власти — монополизм и верховенство идеологии над конкретными прагматическими соображениями.

Одной из важнейших характеристик политической культуры является легитимность существующей системы и действующего в каждый данный период политического режима. Более того, в системе ценностей, ориентаций, установок, стереотипов, составляющих политическую культуру, центральное место занимают элементы, способствующие формированию и сохранению политической системы. Количество разделяемых всеми членами общества «позитивных» ценностей определяет степень консенсуса между его отдельными компонентами, его стабильность и жизнеспособность.

По мнению Гаджиева К. С., неправомерно рассматривать политическую культуру как систему только *широко разделяемых* в обществе ценностей, убеждений и символов, ограничивать ее лишь «позитивными» установками в отношении существующей политической системы, как это делают ряд политологов [40, с. 340]. Концентрирование внимания исключительно на разделяемых всеми убеждениях, установках и ценностях чревато *игнорированием* политических убеждений, установок и ценностей, присущих тем или иным социальным группам, выступающим за изменение существующего положения вещей. Зачастую сам факт, что они не разделяются большинством членов общества, может служить важным показателем сущности и тенденций развития той или иной политической культуры и полити-

ческой системы в целом. Важное значение имеет также выделение *расхождений* в политических убеждениях различных групп в рамках каждой политической системы. В противном случае совершенно невозможно было бы объяснить такие важнейшие явления в истории капиталистических стран, как левый и правый варианты радикализма, продолжающие выступать за изменение существующего там положения.

Человеческая деятельность, требующая совместных коллективных усилий, предполагает соответствующую организацию и координацию усилий людей. Как показали Г. Алмонд и С. Верба, межличностное доверие является необходимым условием формирования вторичных ассоциаций, которые, в свою очередь, имеют важное значение для эффективного политического участия в любой демократической системе. Чувство доверия необходимо и для функционирования демократических правил игры. Например, важно оценивать оппозицию как лояльную, которая в случае прихода к власти не будет преследовать своих противников и способна управлять страной, оставаясь в рамках закона [2].

Устойчивость и жизнеспособность любой политической системы зависят от степени соотношения и соответствия ее ценностей ценностям политической культуры. Количество разделяемых всеми членами общества «позитивных» ценностей определяет степень консенсуса между его отдельными компонентами, его стабильность и жизнеспособность. Одним из важнейших факторов формирования, утверждения и жизнеспособности политической культуры и принятия ею основных элементов большинством населения является принятие им идеи легитимности существующей системы и действующего в каждый данный период политического режима. Лорд Брайс говорил, что даже Римская империя основывалась не столько на силе, сколько на согласии и доброй воле ее подданных [40, с. 341]. В правовом государстве жизнеспособность правовой системы и подчинение ей подавляющего большинства населения зависят в большей степени от уважения к закону, нежели от страха применения санкций. Раз такое уважение потеряно, презумпции справедливости закона брошен вызов.

16.1.3. Функции политической культуры

Политическая культура инициирует политические решения и одновременно противостоит им. Это среда, где принимаются политические решения. Политической культуре свойственны определенные функции в политической жизни. Они вытекают из ее сущности и характеризуют ее значение в политической системе общества. Они бывают основные и вспомогательные, общие и конкретные, характеризуют политическую деятельность индивидов и общественных образований. К важнейшим из них исследователи относят следующие:

- **идентификации**, раскрывающая потребность человека в понимании своей групповой принадлежности и определении приемлемых для себя способов участия в выражении и отстаивании интересов данной общности;
- **ориентации**, характеризующая стремление человека к смысловому отображению политических явлений, пониманию собственных возможностей при реализации прав и свобод в конкретной политической системе;

- **предписания** (программирования), выражающая приоритетность ориентаций, норм и представлений, задающих и обуславливающих определенную направленность и границы конструирования поведения человека;
- **адаптации**, выражающая потребность человека в приспособлении к изменяющейся политической среде, условиям осуществления его прав и властных полномочий [213, с. 260];
- **социализации**, характеризующая значение политической культуры как мощного арсенала средств, способных помочь отдельной личности выработать умение ориентироваться в политическом пространстве, выживать в конфликтных (экстремальных) политических ситуациях и при соответствующих условиях активно участвовать в политической жизни, выполнять определенные властные полномочия и функции;
- **интеграции** (дезинтеграции), направленная как на сплочение определенной социальной общности (класса, социальной группы, этнических и религиозных общностей), предоставляющая различным группам возможность сосуществования в рамках определенной политической системы, сохранения целостности государства и его взаимоотношений с обществом в целом;
- **коммуникации**, обеспечивающая взаимодействие всех субъектов и институтов власти на базе использования общепринятых терминов, символов, стереотипов и других средств информации и языка общения, способствующая сохранению знаний, их накоплению и аккумуляции в обществе. Позволяет устанавливать связь между участниками политического процесса в соответствии с иерархией политической системы, обеспечивает передачу накопленного опыта, определенных политических ценностей, принципов, норм политической жизни от одного поколения к другому – «по вертикали» и между субъектами – «по горизонтали»;
- **образования**, отражающая гуманистическую направленность и заложенная в самой природе политической культуры, охватывающая всю совокупность политических знаний, взятых на вооружение носителями политической культуры. В ее рамках осуществляются *трансляционная* (передающая современникам политический опыт прошлых поколений), *обучающая* (включающая в себя все виды и средства политического обучения граждан). Человек, овладевая прошлым политическим опытом, современными знаниями в процессе мышления и практической деятельности, вырабатывает умения и навыки их рационального использования, которые постоянно совершенствуются в общении с другими людьми. Тем самым он воспитывает себя как субъекта политики и оказывает влияние на воспитание других. *Воспитательное* значение политической культуры проявляется в унификационной и преобразовательной функциях. Первая отражает общие, в какой-то мере одинаковые политические параметры, стандарты, необходимые человеку для равного с другими участия в политической жизни. А вторая характеризует творческий, изменчивый потенциал политических явлений и среды в целом, который, с одной стороны, обуславливает необходимость самосовершенствования участников политической деятельности, а с другой – нацеливает их на преобразовательную деятельность для улучшения условий осуществления своих политических прав, амбиций;

- **аксиологическая** (ценностная), отражающая все то, что можно считать непреходящим в мире политическом. Разумеется, здесь нужно иметь в виду, что в разные исторические периоды, у различных индивидов, социальных групп могут складываться свои представления о политических ценностях. В границах данного направления можно выделить *ориентационную* функцию, характеризующую стремление человека выбрать соответствующие ценности в качестве идеала и реальных средств при осуществлении своих прав и обязанностей, и *мотивационную* функцию, раскрывающую значение тех или иных ценностей для политического поведения личности [193, с. 194];
- **нормативно-регулятивная**, формирующая и закрепляющая в общественном сознании необходимые политические ценности, установки, цели, мотивы и нормы поведения. Как правило, они воплощаются в нормативных политических решениях государства и позволяют эффективнее регулировать отношения в рамках политической системы со стороны государственных институтов и со стороны гражданского общества [107, с. 253];
- **проектная**, отвечающая на вызовы будущего и обусловленная представлениями о лучшем обществе, о перспективах собственной нации и всего человечества» [52, с. 304].

Функции политической культуры носят объективный характер, они выкристаллизовываются в ходе исторического развития общественных систем. Однако сами функции, их набор в конкретной политической системе могут изменяться: при различных исторических обстоятельствах одни функции могут исчезать, другие — появляться. В частности, может весьма значительно снижаться коммуникативная способность политических норм и традиций государственной жизни, в результате чего неизбежно обостряется полемика между различными общественными группами, и особенно теми из них, которые придерживаются противоположных позиций относительно правительственного курса. Вместе с тем в переходных процессах нередко возрастает способность политической культуры к дезинтеграции систем правления, основанных на непривычных для населения целях и ценностях.

16.1.4. Разработки концепции политической культуры

Феномен политической культуры был осознан научной общественностью лишь в XX в., хотя известен с античности. Интерес к его научному осмыслению закономерен и обусловлен развитием мирового политического процесса, а поэтому наблюдается среди представителей всех ведущих политологических школ мира.

16.1.4.1. Предшественники основоположников концепции

Политическая культура в ее взаимосвязи с другими явлениями политической жизни общества всегда привлекала внимание политических мыслителей. Многие из того, что в настоящее время относится к политической культуре, содержалось еще в Священном Писании [24], анализировалось и описывалось мыслителями древности Конфуцием [101], Платоном [181], Аристотелем [5].

Разные стороны этого важного понятия политической науки рассматривали в свое время Н. Макиавелли [126], Ф. Бэкон [32], Ш. Монтескье [150], Ж.-Ж. Руссо [204], А. де Токвиль [225].

Понятие «политическая культура» возникло в рамках западной политической традиции. Впервые словосочетание «политическая культура» встречается в труде немецкого философа-просветителя И. Г. Гердера (1744–1803) «Идеи к философии истории человечества» [45]. Однако употребление И. Г. Гердером данного словосочетания не было введением его в научный оборот.

В российской политической литературе понятие политической культуры встречается у историка В. И. Герье (1870) [47].

В дальнейшем эта категория активно использовалась в политико-социологических и культурологических исследованиях западных (К. Маркс [130], М. Вебер [34], О. Шпенглер [263] и др.) и отечественных (Н. Я. Данилевский [60], В. О. Ключевский [97], Г. В. Плеханов [182], П. А. Сорокин [215], Н. А. Бердяев [14] и др.) авторов. Ряд высказываний по этому вопросу принадлежит В. И. Ленину [115].

16.1.4.2. Периодизация разработки концепции

Интерес к политической культуре коренится в основном не в теоретических поисках. Одной из главных причин усилившегося интереса к политической культуре стали собственно политические проблемы, возникавшие в течение всего XX столетия. Ряд исследователей выделяет три периода наибольшего интереса к политической культуре:

- 1920–1930-е гг., когда ведущей стала тема достижения социальной стабильности;
- 1960-е гг., поставившие в повестку дня реформу политической системы в соответствии с произошедшей социальной перестройкой;
- конец 1980 – начало 1990-х гг. – распад СССР и «бархатные революции» в Восточной и Центральной Европе.

Первый этап развития концепции политической культуры связан с поиском путей предотвращения социальных катаклизмов и достижения стабильности и бесконфликтного развития. Исследование политических систем не давало нужных результатов, и тогда политологи обратились к исследованию психологических и социологических аспектов политического поведения. Одним из первых по этому пути пошел американский ученый Ч. Мерриам [138]. В 1928–1938 гг. он провел серию сравнительных исследований политической культуры и социализации в различных странах под общим названием «Формирование граждан».

Вторая волна интереса к политической культуре была вызвана процессами деколонизации и ростом демократических настроений в странах третьего мира в 1950–1960-е гг. Вопрос тогда стоял примерно так же, как сейчас: что необходимо сделать, чтобы закрепить процессы модернизации и создать почву для устойчивых политических процессов? Политическая культура оказалась в числе наиболее популярных инструментов анализа. [190, с. 90]

Теория, описывающая группу политических явлений, определяемых как политическая культура, сформировалась в конце 1950-х – начале 1960-х гг. Впервые концепция политической культуры сформулирована в статье известного американского политолога Г. Алмонда [3] «Сравнительные политические системы»,

опубликованной в «Журнале политики» в 1956 г. В ее разработке принимали активное участие члены возглавляемого Г. Алмондом Комитета по сравнительной политике при Исследовательском совете по социальным наукам Л. Пай [168], С. Верба [2] и Дж. Пауэлл [3]. В 1960 г. Г. Алмонд в совместной с Дж. Коулманом [102] книге, используя метод системного анализа, выдвинул четыре основные «вводные» функции политической культуры по отношению к политической системе: *политическая социализация и рекрутирование; артикуляция интересов; консолидация интересов; и политическая коммуникация*. Очередным этапом на этом пути стал выход в 1963 г. книги Г. Алмонда и С. Вербы «Гражданская культура» [2].

Следом за ней в разных странах появилось множество монографий и статей, в которых разрабатывались различные аспекты политической культуры разных стран и народов. Среди них сочинение «Политическая культура и политическое развитие» (1965), в котором была предпринята попытка определения и сравнения политических культур 13 стран.

Авторы концепции надеялись, что она станет той универсалией, которая объяснит природу стремительных политических изменений в мире и поможет предотвратить их негативные последствия. Глобальным фактором мирового развития того времени было массовое вовлечение широких слоев ранее пассивного населения в активную политическую деятельность. Однако политическое участие масс наталкивалось на низкий уровень их политической культуры, что порождало политическую напряженность в ряде западных стран.

Насыщение материальных потребностей большинства населения промышленно развитых стран обусловило не только их нарастающее многообразие, но и существенные изменения в их структуре с заметным доминированием постматериальных (духовных) ценностей. Институты парламентской демократии не всегда успевали эффективно реагировать на процессы дифференциации интересов и потребностей, что порождало недоверие у населения к институтам власти. Наконец, неудавшиеся попытки перенесения западных политических институтов в новые независимые государства Азии, Африки, Латинской Америки, находившиеся в ситуации выбора форм правления, заметно активизировали внимание к культурной составляющей политического развития.

Предрасположенность определенных обществ к идеям демократии и невосприимчивость к ним других, особенно к принципам толерантности, политической конкуренции и плюрализму, объясняется господствующими в обществах идеалами, установками, убеждениями, предписывающими населению ориентацию на определенные образцы политического поведения. Использование методологии сравнительных исследований взаимодействий власти и индивида, а также практики функционирования политических институтов различных стран способствовало быстрому становлению концепции политической культуры [155, с. 318].

Во второй половине 1960-х и в 1970-е гг. концепция политической культуры была взята на вооружение известными американскими социологами и политологами: В. Ки, Л. Паем, Р. Маркридсом, В. Нойманом, Д. Марвиком и др. Возникнув в США, эта концепция получила популярность и в других странах и стала одним из важнейших инструментов исследования политических процессов и явлений [40].

Во второй половине 1980-х гг. внимание ученых сосредоточилось на процессах демократизации в странах Восточной Европы, и, в особенности, в странах бывше-

го Советского Союза. Пробуксовка реформ, многие из которых были скопированы в развитых странах Запада, позволяет констатировать, что одни и те же политические институты дают разные результаты в условиях иных культур с их уникальными наборами ценностей и установок.

Интерес к процессам социальных изменений и в развитых странах Запада вновь побудил обратиться к проблематике политической культуры, так как и там происходят важные процессы, не укладывающиеся в рамки институционального объяснения, и появляются новые формы политики, требующие по-новому определять природу демократии и гражданской культуры в индустриально развитых странах [53].

Для 1990-х гг. было характерно внимание к проблеме культуры в контексте власти и к роли культуры в процессе политических изменений. Изучение политической культуры привело к пониманию того, что она включает в себя такой феномен, как стиль жизни. А. Вильдавски предложил типологию из четырех стилей жизни, основанных на общественных отношениях и ценностях, характерных для данной политической культуры. Правда, уже в середине 1990-х гг. наступило определенное разочарование в концепции политической культуры. Один из ведущих немецких политологов М. Каазе [85], сам проводивший многочисленные исследования политической культуры в европейских странах, признался, что использовать для объяснения понятие политической культуры, занятие столь же бесплодное, как пытаться приколачивать к стене гвоздями желе: оно расплывается и растекается. В последние годы однако появились некоторые признаки возрождения интереса политологов к политической культуре. Об этом свидетельствуют, например, хорошо воспринятые научной общественностью работы Р. Инглхарта [82], который использует понятие политической культуры для сравнительных исследований, и Р. Патнэма [175], сравнивающего субкультуры в рамках одной национальной политической культуры. Тот факт, что Р. Далтон [3] в главе, посвященной сравнительной демократизации, в книге «Политическая наука: новые направления» в центр своего анализа поставил понятие политической культуры, также показывает, что необходимость связать «мягкий» неинституциональный анализ с политическими институтами по-прежнему стоит на повестке дня.

16.1.4.3. Эволюция взглядов и подходов к объекту изучения

Систематическое употребление термина «политическая культура» началось в 1950-е гг. Этот относительно новый термин был использован политологами для обозначения привычного явления. До последнего времени историки и антропологи писали о национальном характере или традиции как о факторах, определяющих политические события. Именно «национальный характер» стал непосредственным предшественником термина «политическая культура». Психологами, антропологами и писателями написано громадное количество исследований о национальном характере. Главной задачей выявления национальных особенностей всегда был поиск различий в поведении, традициях, культурных стереотипах представителей разных народов.

В новейшее время антропологи и психологи стали определять задачу изучения национального характера более четко, хотя само понятие сохранило расплывчатость. Исследования этого феномена в 1940–1950-е гг. были нацелены уже на та-

кой объект, как ценностные ориентации и установки разных народов, которые в сумме и должны были дать психологический портрет нации [184]. Идея «национального характера» трактовалась как комплекс нравственных, культурных, политических и иных представлений, свойственных определенной нации и закреплённых в ее традициях.

Первые эмпирические исследования национального характера проводились американскими психологами в конце Второй мировой войны. Их объектом были «враги» – немцы и японцы. Задачей исследователей был поиск связей между особенностями национальной психологии, в частности, авторитаризмом, и распространением фашизма. В тот же период была создана специальная комиссия по «денацификации» Германии. В ее состав вошли английские и американские психологи и психиатры. Комиссия давала рекомендации по подбору возможных кандидатов для будущего немецкого руководства. Рекомендации основывались на анализе (преимущественно психоаналитически ориентированном) политической социализации немцев [190, с. 93].

В годы «холодной войны» объектом изучения стал «русский характер». Ставшие классикой политической психологии тех лет работы Дж. Горера, Г. Дикса, Н. Лейтеса были посвящены интерпретации феномена большевизма как порождения русского характера. Сам русский национальный характер эти авторы трактовали как покорный, пассивный, склонный к безропотному подчинению элите. Происхождение указанных качеств русской нации выводилось ими из факта тугого пеленания младенцев, традиционного для России. Дикс пришел к выводу о том, что русским в целом свойственна «оральная культура», проявляющаяся в неумеренной склонности к еде, питью и пению. Элита же, согласно этому автору, не является русской по своему происхождению и психологии (речь шла о дореволюционной России). Благодаря иностранному влиянию, она принимала иные культурные нормы и характеризовалась сильной волей, умением контролировать свои эмоции [190, с. 94].

Следующее поколение исследователей отказалось и от примитивной методологии ранних политико-психологических работ, выводивших сложные политико-культурные явления непосредственно из способов вскармливания младенцев, и от откровенной идеологической ангажированности. Но тот факт, что книгу Н. Лейтеса об особенностях политического мышления коммунистов американцы раздавали своим дипломатам в годы корейской и вьетнамской войн, что военных инструктировали эксперты по проблемам «национального характера», дискредитировал это направление исследований в глазах широкой общественности. Критики из числа политологов видели причину неудач с национальным характером не только в моральных изъянах исследователей, но и в том, что они не справились с проблемой измерения национального характера (Л. Пай [168]), в незнании сферы политики (С. Верба [2]), в политической конъюнктурности и недостаточной реалистичности (С. Уайт).

В 1960-е гг., когда неудовлетворенность исследованиями национального характера стала очевидной, возникла потребность в новой инструментальной для понимания политики, который бы позволил ответить на вопрос: почему модели политических реформ, модели модернизации, разработанные в одних странах, не удается эффективно применить в других. Именно тогда в центре внимания поли-

тологов оказался культурный контекст предпринимаемых политических изменений [190, с. 94].

Оценивая значение разработки рассматриваемого подхода, неверно утверждать, что в политологических исследованиях предшествующего периода полностью игнорировались аспекты, приемы, идеи, которые легли в основу концепции политической культуры. Более того, у английского политолога Д. Кэвенга, по видимому, были основания утверждать, что политическая культура — это новый термин для старой идеи [41].

В политических исследованиях осознанно или неосознанно использовались элементы культуры и духа, умонастроения, ценности и т. д., оказывающие влияние на формирование поведения людей в политической сфере. Еще Аристотель [4] говорил о «состоянии умов», которое могло повлиять на стабильность общества или его изменение. А. де Токвиль [225] подчеркивал роль политических ценностей и настроений в обеспечении стабильности или изменения общества; М. Вебер [34] придавал важное значение религии и ценностям в формировании и функционировании политических структур.

Сторонники политико-культурного подхода предприняли попытку поставить в центр политологических исследований человека с его заботами, интересами, эмоциями, стереотипами, мифами и т. д. Они считали, что для правильного понимания политических реальностей современного мира необходимо выявить глубинные социокультурные, эмоциональные и социально-психологические корни поведения людей в политической сфере.

Предпосылки для изучения этих связей на массовом уровне были созданы «бихевиористской революцией». Если традиционная политическая наука ограничивалась изучением формальной институциональной структуры государства, то введение бихевиористских методов в политическую науку открыло возможности для исследования широкого спектра общественных отношений и их связей с миром политического вообще и государством в частности.

Заслуга бихевиористов, как пишет К. С. Гаджиев, состояла в том, что они пытались установить тесные междисциплинарные связи политической науки с другими общественными дисциплинами (культурной антропологией, психологией, социологией, историей и т. д.). Политическая наука оказалась на перекрестке междисциплинарного движения, охватившего почти все общественные науки. Она получила благоприятные возможности для всестороннего исследования массовых движений и широких социальных процессов, которые традиционной политологией либо отодвигались на задний план, либо вообще игнорировались [41, с. 159].

Определенную роль в возникновении политико-культурного подхода имело проникновение в политологию после Второй мировой войны различных концепций культуры и культурной антропологии. В данном отношении предшественниками концепции «политической культуры» считают известных антропологов и культурологов К. Клакхона [96], А. Кребера [103], Б. Малиновского и др. Стали предприниматься попытки рассматривать политические феномены в культурных, социокультурных и социально-психологических терминах.

В целом политико-культурный подход дал возможность преодолеть формально-юридический подход к политике. Как считал Г. Алмонд [3] и другие политологи, *традиционный* подход к политике в терминах исследования государственно-

правовых институтов и т. д. оказался недостаточным. Они разрабатывали *комплексный* подход, базирующийся на органическом соединении эмпирического и теоретического, микроуровневого и макроуровневого аспектов исследования.

С этой точки зрения, по мнению К. С. Гаджиева, политико-культурный подход представляет собой попытку интегрировать социологию, культурную антропологию, социальную психологию в единую политологическую дисциплину. Он призван соединить исследование формальных и неформальных компонентов политических систем с анализом национальной политической психологии, политической идеологии и т. д. [41, с. 159].

Однако стремление представить политическую культуру как универсальный объяснительный принцип всех процессов политической жизни привело к тому, что само содержание понятия размывалось и оказывалось неуловимым. Об этом свидетельствует наличие в западной политологии около 50 определений термина «политическая культура». Контекст исследования политической культуры достаточно широк. Она рассматривается как:

- составная часть общей культуры;
- психологический феномен (т. е. как совокупность ориентации на политические объекты);
- элемент политической жизни (т. е. как совокупность норм и стандартов политического поведения);
- свойство социальной группы, класса и т. д.

Очевидно, что в каждом из подходов на первый план всякий раз выходят различные ее стороны и характеристики [155, с. 319].

16.1.4.4. Развитие основных концептуальных представлений

Основные концептуальные представления о политической культуре были разработаны американскими политологами С. Вербой [2], Л. Паем [168], Г. Алмондом [2], Р. Такером [222], С. Липсетом [118] и другими теоретиками, принадлежавшими, по преимуществу, к функционалистскому направлению. Политическую культуру они представляли как определенный набор ценностей, внутри которого действует политическая система, что-то вроде историко-психологического фона, на котором разворачиваются политические события, он же дух, он же культура. В своем первом исследовании Г. Алмонд определил ее как особый тип ориентации на политические объекты, в число которых включена и политическая система. Его соратники Л. Пай и С. Верба добавили к этому определению, что политическую культуру можно трактовать как «субъективный поток политики, который наделяет значением политические решения, упорядочивает институты и придает социальный смысл индивидуальным действиям». Работы начала 1960-х гг. подводили читателя к главному выводу: политические институты демократии должны соответствовать политической культуре данной нации. Используя инструменты социологии и психологии в политологическом анализе, исследователи прежде всего вели поиск специфичных для каждой политической культуры норм и ценностей, выступавших в качестве независимой переменной в их анализе.

Само понятие политической культуры оказалось очень привлекательным в силу многозначности, многогранности его проявлений. Так, с одной стороны, оно

представляется результатом личного опыта человека. С другой — в нем отражается история политической системы, которая уходит корнями в общественные события. Было очень заманчиво перебросить мостик от психологического исследования поведения индивида к макрополитическим и историческим исследованиям. Следует добавить, что уже первые работы по изучению политической культуры проложили новые подходы к пониманию политики как области, которая не сводится к институционализированным формам. Интерес к трудноуловимым культурным оболочкам политики проявился в поиске глубинных психологических составляющих политики. Их обнаруживали в произведениях литературы и кино, в слухах и юморе, поп-музыке и фольклоре. Использовались такие методы изучения, чтобы зафиксировать качественные характеристики культуры, ее уникальность и неповторимость и в индивидуальном проявлении, и в массовых стереотипах, переходящих из поколения в поколение: глубинные интервью, фокус-группы, контент-анализ мемуаров, изучение политического дискурса и др. [190, с. 95].

Классическое определение политической культуры, данное Алмондом и Вербой, сводит ее к определенному образу ориентации, системе ценностей, символов, верований, установок на политическое действие. Они писали: «Когда мы говорим о политической культуре общества, мы имеем в виду политическую систему, интернализированную в знании, чувствах и оценках его членов». Л. Пай также подчеркивает, что политическая культура — это психологическое измерение политики, выраженное в обобщенной форме. Для психоаналитика Л. Пая понятие политической культуры необходимо для того, чтобы уйти от вопроса о том, что первично — личность или ролевая структура политики. Для него политическая культура — это двуликий Янус. Подобно тому, как в социологии культура и личность рассматриваются как две стороны одной медали, так и политическая культура помогает увидеть индивидуальное и коллективное политическое поведение как проявление общего феномена. Конечно, в идеале следует стремиться к учету и социологических, и психологических переменных. На практике же акцент делался на психологический подход.

16.1.4.5. Проблемы практического использования концепции

Другая сторона политической культуры касается не столько механизмов ее передачи, сколько собственно политического содержания ценностей и ориентаций. Действительно, каждый народ вправе выдвигать свои идеалы политического устройства и считать их для себя наиболее приемлемыми. Наш недавний опыт, как и опыт ряда других стран, ищущих пути политической модернизации, показывает, что усвоение самых лучших мировых образцов не бывает эффективным, если оно не учитывает национальных особенностей своей политической культуры. Нередко результатом становится отторжение заимствованных образцов, ведущее к дискредитации таких понятий, как демократия, прогресс и пр. Этот феномен зафиксирован опросами общественного мнения россиян уже в 1993–1994 гг.

В 1995 г., по данным ВЦИОМа, соотношение тех, кто считает западную демократию единственно приемлемым для России путем, составляло 27 % против 37 % тех, кто так не думает. Соотношение согласных и несогласных с тем, что России не подходят принципы западной демократии, за полтора года российской истории, наполненных серьезными политическими сдвигами, изменилось незначительно.

Как полагают авторы исследования, это не мимолетное настроение, а более глубокая установка, традиционная по своему происхождению [112, с. 26–29]. Правда, объяснение происхождения этой установки нашим традиционным «советским» изоляционизмом и соответствующим комплексом неполноценности выглядит не слишком убедительным. Традиция эта насчитывает явно больше 70 лет и входит существенной своей частью в набор установок российской политической культуры [190, с. 96].

Другая опасность в том, чтобы трактовать политическую культуру в оценочном ключе, возникает тогда, когда эти оценки относятся к степени усвоения национальной культуры или ее частей отдельным индивидом. В 1970-е гг. западные исследователи политической культуры и политической социализации дискутировали по вопросу о том, кого можно считать зрелым гражданином. Тогда господствовала точка зрения, что таковым является лишь тот, кто усвоил доминирующие ценности существующей политической культуры. Следовательно, все те граждане, которые не согласны с официальными политическими целями или находятся в оппозиции — заслуживают названия маргиналов и должны пройти дальнейшую социализацию.

Любая политическая система заинтересована в трансляции своих базовых ценностей и идей. Вопрос лишь в том, кто имеет право судить о степени усвоения и какими политическими последствиями обернется для «недосоциализированных» их политическая незрелость. Вопрос не только в формах их изоляции: будут ли это полицейские, разгоняющие движения протеста, психиатрические лечебницы и тюрьмы для перевоспитания инакомыслящих или «мягкие» формы дискриминации при приеме на работу. Для объективного исследователя политической культуры не представляется возможным в принципе приговор тем, кто вписался или не вписался в доминирующую политическую культуру [190, с. 97].

Для политолога, в отличие от политика, все разновидности политической культуры, равно как и индивиды, усвоившие или не впитавшие их, не могут являться объектом оценки, но лишь объектом изучения. На этом настаивает и устав Международной ассоциации политических наук. Международное сообщество политологов, столкнувшись со сложными этическими проблемами, выработало строгие принципы, среди которых важное место занимает осуждение оценочных суждений по изучаемым вопросам.

Различия точек зрения на политическую культуру касаются скорее тактики исследований, нежели существа понимания самого феномена политической культуры как «субъективной стороны системы», ее «социально-психологического момента». В таком качестве она не является конечной, глубинной детерминантой политического процесса. Однако, будучи вторичным образованием, политическая культура оказывает влияние на объективный ход событий в политике, становясь либо их катализатором, либо тормозом [190, с. 98].

16.1.5. Развитие понятия «политическая культура»

Понятие «культура» (от лат. *cultura* — возделывание, воспитание, образование). Первоначально оно характеризовало трудовую деятельность человека и ее результаты, и охватывало широкий спектр самых разных знаний. К настоящему

времени в научной литературе дано более 250 различных определений этого понятия. При этом термин «культура» чаще всего употребляется в двух смыслах – в широком и узком.

В широком значении понятие «культура» охватывает все то, что создано человеком в процессе его материальной и духовной деятельности. При таком подходе культура определяется как совокупность материальных и духовных ценностей, созданных и накопленных человечеством в процессе общественной деятельности.

В узком смысле под культурой понимается духовная культура, т. е. совокупность духовных ценностей, производство, распределение этих ценностей, а также соответствующие им учреждения.

Вместе с материальной и духовной культурой относительно самостоятельный вид представляет политическая культура. В целом политическая культура является качественной характеристикой политической сферы, критерием ее зрелости. Введение термина «политическая культура» в свое время было вызвано необходимостью, так или иначе определять направленность политической деятельности (конструктивная или негативная, созидательная или разрушительная). Определяя характер и содержание политических взаимодействий, политическая культура является основополагающим объяснительным принципом политики.

Наибольшие споры в процессе становления концепции политической культуры вызывала проблема ее содержания. В дискуссии были высказаны две точки зрения. Согласно *первой* из них, политическая культура есть совокупность политических позиций. Странники *второй* точки зрения рассматривали политическую культуру через поведение.

По мнению Мухаева, обе точки зрения страдают некоторой односторонностью. В самом деле, может ли та или иная политическая позиция обнаруживаться вне ее практического проявления? [155, с. 318].

Не менее важную проблему представляет и вопрос о том, всегда ли конкретное поведение человека является отражением его политических убеждений, а не просто следствием обстоятельств, в которых он оказался. Изъяснение природы политической культуры через анализ позиций или поведение сохраняет свою актуальность для политической науки и сегодня. Непреодолимого препятствия на пути сближения этих двух точек зрения не существует. Если политическую культуру рассматривать как ценностно обусловленный тип отношения (позиций) субъекта политики к политическим объектам (политическому режиму, политическим силам, обществу и т. д.), то нетрудно заметить, что это отношение может реализовываться в форме познавательной, эмоциональной, оценочной и практической деятельности [155, с. 321].

16.1.5.1. Подходы Алмонда и его последователей

Американский теоретик Г. Алмонд, исследуя политическую систему, выделил два уровня ее анализа:

- **институциональный**, характеризующий институты и их функции, нормы и механизмы формирования государственной политики;
- **ориентационный**, выражающий особые формы ориентации населения на политические объекты.

Эти ориентации содержали в себе:

- *познавательные* (представая как знания о строении политической системы, ее основных институтах, механизмах организации власти);
- *«эмоциональные»* (выражающие чувства людей к тем, кто обеспечивал функционирование властных институтов и олицетворял власть в глазах населения);
- *оценочные* (выступающие как суждения, опирающиеся на ценностные критерии и стандарты оценки политических явлений).

В совокупности эти ориентации и характеризуют, по мнению Алмонда и Дж. Пауэлла [3], такое специфическое явление, как политическая культура. В зависимости от доминирования одного из трех компонентов ученые выделяли более или менее секуляризированные культуры в зависимости от того, в какой мере политическое поведение индивида основывается на рациональных знаниях или верованиях [155, с. 319].

Анализ этих сторон отношения человека к политической системе, сосредоточивая внимание на разделяемых людьми ценностях, локальных мифологиях, символах, ментальных стереотипах и прочих аналогичных явлениях, давал возможность понять, почему, например, одинаковые по форме институты государственной власти в разных странах действуют порой по-разному.

Таким образом, идея политической культуры позволяла глубже исследовать мотивацию политического поведения граждан и институтов, выявить причины множества конфликтов, которые невозможно было объяснить, опираясь на традиционные для политики причины: борьбу за власть, перераспределение ресурсов и т. д. [312, с. 255].

Г. Алмонд в анализе политической культуры использовал функциональный подход, с позиций которого политическая культура преимущественно рассматривалась как *психологический феномен*. Каждая политическая система, по Алмонду, «включена в особый образец ориентации на политические действия», который он назвал «политической культурой». Классическое определение, сформулированное Г. Алмондом и Дж. Пауэллом звучит следующим образом: «Политическая культура есть совокупность индивидуальных позиций и ориентации участников данной политической системы. Это субъективная сфера, образующая основание политических действий и придающая им значение» [3].

Наряду с ориентациями на политическую систему в целом американский политолог также выделил ориентации на структуры «входа» в политическую систему и «выхода» из нее, а также ориентации индивида относительно своего места в политическом процессе и возможностях политического участия.

В приведенной дефиниции можно выделить две характерные особенности. Во-первых, политическая культура предстает как совокупность ориентаций на политическую деятельность, это еще не сама деятельность, а лишь субъективная установка на нее, она не задает индивиду определенный тип поведения, необходимый для достижения поставленных целей, но предопределяет выбор направленности деятельности.

Во-вторых, политическая культура предстает как структура ориентаций, в которую включены:

- знания о политической системе, ее ролях, функциях,

- решениях и действиях, возможностях и способах влияния на принятие политических решений (когнитивные ориентации);
- чувства относительно политической системы, ее структур, ролей, функций и политических деятелей, их исполняющих (эмоциональные ориентации);
- суждения, мнения и представления о политической системе, ее ролях, функциях, состоящие из комбинации ценностных стандартов и критериев, информации и эмоций (оценочные ориентации).

Как признавался сам Алмонд [2], введенное им понятие представляло попытку классифицировать с помощью одного термина то, что «раньше представало как отношение к политике, политические ценности, идеология, национальный характер, культурная среда и т. д.». Оно позволяло выделить качественную сторону политической системы, объяснить различия в функционировании и результатах деятельности внешне схожих политических систем. А также соединить исследование их формальных и неформальных компонентов с анализом национальной политической психологии, политической идеологии, фундаментальных ценностей общества. По отношению к политическим структурам политическая культура рассматривалась и как зависимая и как независимая переменная, т. е. и как причина и как следствие. Это означает, что политическая культура оказывает существенное влияние на существующие или формирующиеся политические структуры, но в то же самое время она сама подвержена изменениям и влиянию со стороны политических структур [247, с. 293].

16.1.5.2. Вторая волна осмысления феномена

Исследование структуры политических ориентаций было продолжено американским ученым У. Розенбаумом [199, с. 306], который выделил *три* типа ориентаций относительно политических объектов.

Первый тип составляют ориентации относительно институтов государственного управления. К нему принадлежат оценки индивидом:

- государственных органов власти, их норм, символов и лиц, осуществляющих политические функции, его реакция на них — ориентация относительно режима;
- различных требований к политической системе и реакции на них — ориентация относительно «входа», оценки решений, принимаемых политической властью и реакции на них — ориентации относительно «выхода».

Второй тип включает ориентации относительно других элементов политической системы:

- политической идентификации — ощущение принадлежности индивида к определенной социальной группе, партии, чувств сопричастности и лояльности к ним;
- политических верований (убеждений), отражающих отношение к другим политическим группам в интервале «хорошее — плохое»;
- представлений об основных правилах и нормах, которые должны регулировать деятельность политической системы.

В третий тип входят ориентации относительно своей собственной деятельности, включающие политическую:

- компетентность – оценки индивидом собственных политических «ресурсов», позволяющих ему участвовать в политической жизни, и представления о влиянии политики на человека;
- действенность – представления о влиянии политических действий индивида на вырабатываемую политику и о возможностях такого влияния через гражданские акции.

Впоследствии американцы С. Верба [2], Л. Пай [169], англичане Р. Роуз [122] и Д. Каванах, немецкий теоретик К. фон Бойме, французы М. Дюверже и Р. Ж. Шварценберг, голландец И. Инглхарт [199, с. 306] и другие ученые существенно дополнили и развили учение о политической культуре. Причем, несмотря на то, что практически всеми учеными политическая культура связывалась с наличием ценностной мотивации, верований, присущих национальному характеру идеалов и убеждений, вовлекающих человека в политическую жизнь, тем не менее для многих из них данное понятие стало символом обобщенной характеристики всего субъективного контекста политики.

Как, в частности, писал С. Верба: «Политическая культура общества состоит из системы эмпирических убеждений, экспрессивных символов и ценностей, определяющих ситуацию, в которой происходит политическое действие». Она задает форму проявления связи между событиями в политике и поведением индивидов как реакции на эти события. Проблема в том, что, хотя политическое поведение индивидов и групп является ответом на действия официальных лиц из правительства, войны, избирательные кампании и тому подобное, оно еще в большей степени определяется тем (символическим) значением, которое придается каждому из этих событий людьми, их наблюдающими. Это не более чем проявление того, как люди воспринимают политику и как они интерпретируют то, что видят» [213, с. 256].

16.1.5.3. Проблемные подходы к природе политической культуры

В научной литературе понятие «политическая культура» употребляется в широком и узком смысле слова.

В *широком смысле* в политическую культуру включают:

- духовную культуру страны, которая связана с общественно-политическими институтами и политическими процессами;
- политические традиции, действующие нормы политической практики;
- идеи, концепции и убеждения о взаимоотношениях между различными общественно-политическими институтами и т. д.;
- политические отношения в целом;
- определенные ориентации и установки людей в отношении существующей системы в целом, составляющих ее институтов и важнейших правил игры, принципов взаимоотношений отдельного человека, общества и государства [74, с. 603].

Политическая культура в *широком смысле* выступает как совокупный показатель политического опыта, уровня политических знаний и чувств, образцов поведения и функционирования политических субъектов, как интегральная характе-

ристика образа жизни страны, класса, нации, социальной группы, индивидов. Она представляет собой исторический опыт, историческую память социальных общностей и отдельных людей в сфере политики, их ориентации и навыки, влияющие на политическое поведение. Этот опыт содержит в обобщенном, преобразованном виде впечатления и предпочтения в сфере как международных, так и внутренних отношений [83, с. 458].

В *узком смысле* слова – это лишь система политического опыта, знаний, установок, взглядов, стереотипов, концепций, образцов поведения и функционирования политических субъектов; зрелость и компетентность граждан в оценках политических явлений; форма политической этики, поведения, поступков и действий людей [74, с. 603]

Среди зарубежных и российских обществоведов нет единого подхода к трактовке как самой категории «политическая культура», так и ее структурных компонентов, содержания, функций и т. д. Существует широкий спектр мнений, определений и формулировок. По подсчетам канадского исследователя Г. Патрика, к 1976 г. существовало более сорока определений политической культуры. С тех пор число работ по данной проблеме значительно возросло, что привело к росту также и количества определений. По мнению К. С. Гаджиева, это объясняется сложностью и многовариантностью проблемы, невозможность ее сведения к какому-либо четко очерченному, раз и навсегда установившемуся феномену [41, с. 158]

Политическая культура представляет собой *часть* человеческой культуры и *подсистему* глобальной культуры. Она находится в различных связях с другими ее составными частями: экономической, правовой, религиозной, организационной, моральной и другими культурами. Политическая культура дает представление о том, как люди занимаются политикой, почему они участвуют в политической деятельности или реагируют на нее так, а не иначе, каковы социально-политические качества людей, участвующих в политической жизни общества. Подобно тому, как культура определяет и представляет те или иные нормы и правила поведения в различных сферах жизни, так политическая культура определяет и предписывает нормы поведения в сфере политики.

Научное сообщество в результате многолетних исследований феномена политической культуры выработало несколько *подходов* к ее познанию:

- *психологический* – понимает ее как совокупность индивидуальных психологических позиций и ориентаций на объекты и процессы в сфере политики (Г. Алмонд, С. Верба, Г. Пауэлл, А. Боднер [28], Ф. Бурлацкий, А. Галкин [31] и др.);
- *комплексный* (обобщающий) – приписывает политической культуре все происходящее в политике, отождествляет политическую культуру либо с политической системой, либо с политическими отношениями, тем самым лишает ее своего специфического содержания и снимает потребность в выделении такого специфического понятия (Д. Мервик, Л. Дитмер, Р. Такер) [188, с. 146];
- *объективистский* (нормативный) – определяет политическую культуру как совокупность норм и образцов политического поведения граждан и групп, санкционированных политической системой (Л. Пай [168], Д. Пол [188, с. 146], Н. Кейзеров [94] С. Байт, Дж. Плейно [74, с. 600]);
- *эвристический* (модельный) – представляет политическую культуру в виде гипотетической нормативной модели желательного поведения (С. Хантингтон [245]);

- *социопсихологический* – трактует политическую культуру как установочную поведенческую матрицу, в рамках которой находится и функционирует политическая система. Сущность политической культуры в данном понимании зависит лишь от объективных социальных факторов (А. Карр, Д. Гарднер [188, с. 146], М. Даглас, Ю. Тихомиров [224]);
- *аксиологический* (ценностный) – рассматривает политическую культуру как совокупность ценностей определенного порядка. При этом «бинарная» интерпретация раскрывает содержание политической культуры через положительные и отрицательные ценности. «Прогрессистский» вариант определяет политическую культуру как совокупность только положительных ценностей (Е. Вавилин [188, с. 146], В. Фофанов [234]).
- *деятельностный* (практический) – рассматривает политическую культуру как способ, стиль политической деятельности человека, предполагающий воплощение его ценностных ориентаций в практическом поведении (И. Шапиро [254], П. Шаран [255], В. Розенбаум [74]).

16.1.5.4. Характерные черты политической культуры

Политическая культура представляет собой сложный и многогранный феномен, динамичный и одновременно устойчивый в историческом, пространственном и временном измерении. Ряд отечественных исследователей выделяют несколько ее характерных черт, используемых при конструировании определения политической культуры.

Во-первых, это социальное явление, часть общечеловеческой культуры, характеризующая интеллектуально-духовный срез политической системы общества. Отношение к культуре всегда выражает суть политического режима, обнажает достоинства и пороки политических деятелей.

Во-вторых, она выступает как качество конкретного человека, определяющее его отношение к политике и участие в политической жизни. Носителями, субъектами политической культуры являются люди и их объединения. Уникальным творением человека в этом смысле выступает государство.

В-третьих, политическая культура может рассматриваться как нечто всеобщее, объективное по отношению к конкретным людям и организациям. Эффективность участия в политической деятельности прямо зависит от степени усвоения и использования достижений мировой цивилизации в целом.

В-четвертых, политическая культура отражает степень интеллектуально-организованной деятельности социальных групп и общностей (коллектива, объединения, слоя, класса, нации). Любая созидательная или разрушительная деятельность людей отражается на политической культуре, но в свою очередь зависит от ее типа и уровня.

В-пятых, политическая культура вбирает в себя накопленный поколениями людей опыт, традиции, знания, умения и навыки, которые закрепляются в документах, книгах, политико-правовых конструкциях и т. п. Этот процесс охватывает индивидуальный, групповой и общественный уровни политической культуры. Люди, используя аккумулированные достижения и неудачи, примеряя их к современным реалиям и совершенствуя последние, тем самым прокладывают дорогу к

будущему в рамках той или иной политической культуры. В этом смысле политическая культура может рассматриваться как результат политического развития человека и общества.

В-шестых, политическая культура неразрывно связана с сущностным измерением всех политических явлений – политической властью. Она выступает средством и способом достижения и осуществления власти, в ее рамках происходит процесс легитимации политической власти или ее критики, отрицания [193, с. 188].

В-седьмых, это совокупность стереотипов политического сознания и поведения, присущих конкретной социальной общности или конкретной личности.

В-восьмых, это реализация политических знаний, ценностных ориентаций, образцов поведения социального субъекта (личности, класса, общества) в исторически определенной системе политических отношений [183, с. 262].

В-девятых, политическая культура выражается в достигнутом уровне, качестве и направленности политического бытия человека, политической жизни общества и, соответственно, в характере политических процессов, политической деятельности людей, функционирования и развития политических институтов и режимов, доминирующих политических ценностей и образцов поведения, теорий и идеологии, политической социализации граждан и коммуникационной системы модернизации общественных отношений. Результат и мера политической культуры – соответствующий ей «политический человек», человеческая субстанция политики, качество политической жизни общества [83, с. 458].

В-десятых, политическая культура – одна из важнейших характеристик политической системы общества [38].

16.1.5.5. Определения политической культуры

Все вышеизложенное показывает сложность однозначного определения такого уникального феномена, как политическая культура. Иногда политическая культура трактуется предельно широко: в нее включаются явления, которые по своему содержанию находятся, строго говоря, за пределами этого вида культуры, например, трудовая активность, нравственность и т. д. Встречается интерпретация политической культуры только как разновидности культуры духовной. Тем самым политическая культура сводится исключительно к сознанию человека и недооценивается или даже игнорируется вовсе ее деятельный, поведенческий аспект.

Приоритет определения политической культуры принадлежит американскому политологу Г. Алмонду, который совместно с С. Вербой в работе «Гражданская культура» (1963) определил *политическую культуру как систему ценностей, глубоко укоренившихся в сознании мотиваций или ориентацией и установок, регулирующих поведение людей в ситуациях, имеющих отношение к политике* [2].

В совокупности подходов современных российских политологов к определению понятия «политическая культура» прослеживается два основных направления: психо-мировозренческий и ментально-поведенческий. В частности, Е. Ю. Мелешкина и О. А. Толпыгина понимают под ней «систему ориентаций и установок относительно политической системы и ее составляющих, а также относительно образцов политического поведения» [186].

Авторский коллектив под руководством профессора В. Д. Первалова определяет политическую культуру как систему ценностей, знаний и убеждений, средств

и способов, вырабатываемых человеком и его объединениями в процессе участия в политической деятельности и отражающих их отношение к политической власти [193, с. 188].

Р. Т. Мухаев также принадлежит к первому направлению и считает, что она представляет собой совокупность ценностей, установок, убеждений, ориентаций и выражающих их символов, которые являются общепринятыми и служат упорядочению политического опыта и регулированию политического поведения всех членов общества. Она включает в себя не только политические идеалы, ценности и установки, но и действующие нормы политической жизни. Таким образом, политическая культура определяет наиболее типичные образцы и правила политического поведения, взаимодействия власти, индивида и общества [155, с. 318]. К сторонникам первого подхода также относятся А. И. Соловьев [213, с. 257] и В. В. Желтов [74, с. 603].

Вместе с тем практика и научные исследования убеждают в том, что политическая культура включает в себя не только состояние психики, сознания людей, уровень их гражданской зрелости, но и само движение масс по пути духовного и социального прогресса в данном обществе. К. А. Воробьев определяет политическую культуру как *единство политического сознания и политического поведения людей, степень их участия в государственных и общественных делах*. По его мнению, она не сама политика, не реальные политические процессы, происходящие в обществе, а совокупность представлений людей об этих процессах, их оценка на обыденном и теоретическом уровнях и определение отношения к ним, а также степень участия в них [38].

Эту точку зрения разделяет и творческий коллектив под руководством профессора В. И. Власова, понимающий под политической культурой исторически сложившиеся, относительно устойчивые политические представления, убеждения, ориентации, а также обусловленные ими модели и нормы политического поведения, проявляющиеся в *действиях* субъектов политических отношений [188, с. 150].

А. П. Плешаков также считает, что политическая культура представляет собой обусловленный ценностными представлениями человека о политических явлениях и воплощенный на практике кодекс его поведения или стиль его деятельности как субъекта политической власти [183, с. 262].

Ю. В. Ирхин конкретно указывает на различие в понимании термина и пишет, что политическую культуру недостаточно рассматривать только как совокупность некоторых политических знаний и ценностей, опыта и традиций ее субъектов. Она выступает также как *система поведенческих ценностей*, как совокупность наиболее устойчивых форм и «духовных кодов» политической деятельности людей [83, с. 458].

Несмотря на множество разнообразных представлений о политической культуре, есть и общее, что их объединяет: направленность политической культуры индивида и социума на изучение, сохранение или изменение политики.

§ 2. СТРУКТУРА, ВИДЫ И АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Политическая культура — явление полиструктурное, многоуровневое. Многообразные связи политической культуры с различными социальными и политическими процессами определяют ее сложное строение и организацию. Разнообразные внутренние структуры политической культуры отображают технологию формирования политического поведения субъектов, этапы становления культурного целого (т. е. политической культуры отдельно взятой страны, региона), наличие разнообразных субкультурных образований и т. д.

16.2.1. Структура политической культуры

Политическая культура имеет многообразные связи с различными политическими процессами. И это определяет ее строение и организацию. Ценности, лежащие в основе политической культуры, как правило, не отличаются от основных ценностей всего данного общества. Последние лишь приложены к особой политической области.

Если оппозиция отбрасывает ценности общества, картина меняется. Группа оппозиции становится носителем подкультуры или контркультуры. Так было с социал-демократией в немецкой империи и с другими социалистическими движениями XX в. То же самое можно сказать и о коммунистических партиях, которые пытались сформировать некую новую культуру, насквозь пропитанную политикой.

В Советском Союзе долгое время политическая культура рассматривалась как простая проекция культуры в политику. В итоге политическая культура представляла как механическое соединение культуры и политики. Между тем *политическая культура является результатом формирования совершенно определенной специфической деятельности человека, результатом его взаимодействия с политическими институтами, политическими субъектами*. Итогом этого взаимодействия являются ценности, идеалы, образцы и коды поведения. Значит, *источник политической культуры коренится не в культуре, а в политике*. Именно она дает возможность развиваться политической культуре.

16.2.1.1. Основные структурные элементы политической культуры

Политическая культура — составная часть общенациональной культуры. Но и она, в свою очередь, имеет сложную многоуровневую и многоэлементную структуру. Это прежде всего *политический опыт* человечества, социальных общностей, больших и малых социальных групп, полученный в ходе исторического развития. Существовая в определенных формах, он оказывает воздействие на формирование *политического сознания людей* и в конечном счете выражается в их политических ориентациях и установках, которые, в свою очередь, определяют *политическое поведение людей*.

Отмеченные в данном определении три взаимосвязанных понятия — «*политический опыт*», «*политическое сознание*» и «*политическое поведение*» — являются *основными структурными элементами* политической культуры.

Политический исторический опыт человечества, наднациональных и национальных общностей является *основой развития* политической культуры. Он фиксирует историю развития политических отношений в различных формах:

- исторических, литературных, научных памятниках;
- политических традициях и обычаях;
- политической идеологии;
- форме функционирующей политической системы с ее институтами, нормами, принципами, социально-политическими связями и т. д. [107, с. 249].

Этот опыт усваивается людьми в процессе их политической социализации. На основе исторического познания формируются политическое сознание людей, социальная память общества, утверждаются политические ориентиры и образцы политического поведения.

Важное место среди различных форм политического опыта занимают политические традиции. Они формируются в результате деятельности нескольких поколений людей, являются одной из наиболее устойчивых основ их жизни и определяют образцы политического поведения. Сохранение и развитие политических традиций – одно из условий политической стабильности общества и его прогрессивного развития. Законы и нормы, регулирующие общественные отношения, принятые в соответствии с национальными политическими традициями, воспринимаются гражданами не как средство принуждения, а как необходимое явление политической жизни, направленное на достижение всеобщего блага.

На основе политического опыта многих поколений и политической деятельности людей формируется их *политическое сознание* – еще один элемент структуры политической культуры. Политическое сознание – это система политических знаний, ценностей и идейно-политических убеждений людей, на основе которых вырабатываются наиболее устойчивые и значимые политические ориентации и установки людей в отношении политической системы и их места в ней.

В политическом сознании можно выделить два компонента: *идеологический* и *эмоционально-психологический* [107, с. 250]. Первый включает в себя:

- *политические знания* – это знания людей о политике, о политической системе, о различных политических идеологиях, а также о тех институтах и процедурах, с помощью которых обеспечивается участие граждан в политическом процессе. Граждане должны иметь такой уровень осведомленности о политической жизни и деятельности правящих структур, который соизмерим с их правами как участников политического процесса;
- *политические ценности* – это этические и нормативные суждения о политической жизни, о политических целях, на реализацию которых направлена политическая деятельность, и соответствующие этому предпочтения. Политическими ценностями являются законность и порядок, стабильность системы, социальная справедливость и др.;
- *политические убеждения* формируются на основе знаний и ценностей как совокупность представлений, характеризующих политический идеал личности. Другими словами, это представления людей о том, какой *должна быть* политическая система. Для одних это демократия – прямая или представительная, основанная на принципе частной собственности; для других – социалистическая

демократия; для третьих – тоталитарные системы, основанные, скажем, на идее национального превосходства, и т. д. Это как раз то, что называется идеологическими предпочтениями.

Любой гражданин соотносит свои политические знания, ценности и убеждения с существующими *политическими организационными и процедурными институтами* (политическая система в целом, политический режим, партии, организации, законодательство, бюрократия, лидеры и т. д.). Происходит своего рода анализ этих институтов и политической системы в целом, изучение и оценка ее с точки зрения способности удовлетворять политические потребности. В этом смысле организационные и процедурные институты политической системы можно рассматривать как инструментальный аспект политической культуры. С учетом возможностей политической системы у людей формируются *политические ориентации и установки*, которые в совокупности составляют *второй компонент* политического сознания – *эмоционально-психологический*. Эти ориентации и установки направлены на политическую систему и формы участия в политическом процессе. К ним относятся установки граждан на:

- политические институты и структуры (например, государство может восприниматься либо как орган принуждения, либо как организующий и регулирующий институт);
- нормативную систему (например, уважение закона или пренебрежительное отношение к нему);
- политические события (понимание их необходимости или случайности, определение качества принятия решений);
- отдельные политические роли (отношение к институту президентства, лидерству в политических организациях, партиях с точки зрения лояльности или рациональности и т. п.).

Сюда также входят отношение к конкретным политическим деятелям (политические рейтинги) и отношение гражданина к самому себе как участнику политического процесса, определение своего места в политической системе. В результате своего представления о политической системе человек формирует ориентации на определенные образцы политического поведения.

Политическое поведение – это практическое взаимодействие человека с политической средой, выражающееся в той или иной форме политического участия. Оно обусловлено политическим сознанием, с одной стороны, и уровнем политического развития общества в целом, с другой стороны. Политическое поведение людей проявляется в их политической деятельности и обнаруживает уровень их политической культуры на практике. Так, человек может интересоваться политикой и быть хорошо информированным, он может расценивать деятельность своего правительства как неправильную и даже приносящую вред, но быть безучастным в политической жизни. Это позволяет говорить либо об отсутствии в его политическом сознании чувства гражданской ответственности, либо об отсутствии в политической системе приемлемых форм воздействия на власть [107, с. 251].

Это не единственный вариант понимания проблемы. А. П. Плешаков считает, что в состав политической культуры, являющейся частью общественно-исторической почвы, входят традиция, национальное наследие, геополитический фактор,

исторически сформированная социальная и этническая структура, вероисповедание [183, с. 275].

Он выделяет в политической культуре в качестве основных структурных элементов *познавательный, нравственно-оценочный и поведенческий* элементы.

Познавательные элементы политической культуры включают знание и понимание гражданами:

- политических интересов — личных, коллективных, государственных, общественных, региональных, глобальных;
- конституции и других законов страны, программных положений крупных политических партий и других общественно-политических сил;
- сложившихся в стране политических отношений, происходящих политических событий и явлений;
- сущности, функций и структуры государственных, партийных и общественно-политических органов и организаций;
- основных политических норм и процедур;
- форм и способов участия граждан в общественно-политической жизни, в управлении обществом и государством;
- ведущих политических процессов международной жизни.

Ценностные элементы политической культуры воплощают:

- общекультурные ориентации, отношения к власти;
- отношения к политическим явлениям, нравственную оценку политических событий и процессов, конкретной деятельности в сфере политики;
- политическую самооценку.

Поведенческие элементы политической культуры характеризуют осознанное участие граждан:

- в обсуждении проектов государственных документов и актов при проведении референдумов и плебисцитов;
- в выборах субъектов законодательной, исполнительной и судебной власти;
- в работе различных государственных и общественных органов и организаций (в штате или на общественных началах);
- в других конкретных видах, кампаниях, мероприятиях общественно-политической деятельности;
- членство в политических партиях и общественно-политических организациях.

В реальной жизни эти элементы политической культуры неразрывно взаимосвязаны, действуют в единстве, последовательно и системно. Они настолько переплетены, что не существуют друг без друга [183, с. 264].

Коллектив исследователей под руководством В. И. Власова в структуре политической культуры выделяет следующие элементы:

- когнитивный (познавательный);
- нормативно-оценочный;
- эмоционально-психологический;
- установочно-поведенческий.

Когнитивный элемент политической культуры составляют доминирующие в обществе или распространенные среди членов определенной социальной группы типичные, укоренившиеся представления о разных аспектах политической жизни:

- представления о политической системе, ее отдельных институтах;
- о политическом режиме, механизме власти и управления;
- о принятии решений и их реализации;
- о носителях властных полномочий;
- о собственном месте в политической жизни;
- эффективности и компетентности участия в политической деятельности [188, с. 148].

Нормативно-оценочный элемент политической культуры представлен политическими ценностями, ценностными ориентациями, нормами, идеалами, целями, характерными для носителя политической культуры.

Политические ценности – это этические и нормативные суждения о политической жизни, о политических целях, на реализацию которых направлена политическая деятельность и соответствующие этому предпочтения. Политическими ценностями являются законность и порядок, стабильность системы, социальная справедливость, независимость и др. Наряду с положительными существуют и такие, которые препятствуют осуществлению политики социального прогресса. Это – политическая пассивность, фатализм, преклонение перед авторитетом государства, правительства. На основе ценностей и знаний формируются политические убеждения как совокупность представлений, характеризующих политический идеал (к примеру, представления людей, каким должен быть политический режим).

Нормативно-оценочный элемент политической культуры является эталоном, по которому социальный субъект оценивает существующие политические отношения, ход политического процесса. В этом – один из факторов стабильности политической жизни и одновременно показатель развитости политической культуры [188, с. 145].

В нашей стране в настоящее время весьма сильна приверженность граждан к групповым, коллективистским нормам и ценностям, составляющим нормативно-оценочный элемент политической культуры. Для определенных слоев населения коллективизм остается основным принципом взаимоотношений, предполагающим товарищескую взаимопомощь и поддержку, ощущение причастности к судьбам страны, меру личной ответственности за общее дело.

Важную роль в структуре политической культуры играют *нормы*. Среди политических норм выделяют спонтанно возникающие нормы-обычаи (неписанные правила отношений между чиновниками, некоторые нормы дипломатического этикета), а также санкционированные нормы-предписания, специально разработанные для регулирования определенного вида политических отношений (уставы политических организаций, программы партий, международные договоры и т. п.). Нормы предписывают характер действий субъектов, регулируют довольно сложные системы отношений и социальных действий. Ведущая роль принадлежит нормам-предписаниям [188, с. 148].

Цементирующим элементом политической культуры автор считает политическое мировоззрение, составляющее часть общего мировоззрения отдельного человека, группы или иной социальной общности.

Ряд исследователей считает ключевыми элементами структуры политической культуры господствующие в данном обществе ориентации и отношения людей. Например, В. Розенбаум [83, с. 455] предлагал дифференцировать ориентации на следующие блоки:

- относительно *институтов* государственного управления. В этот блок он включал ориентации относительно режима (государственных институтов, норм, символов, официальных лиц) и относительно «входов» и «выходов» политической системы, выражающих оценку различных требований к государственной власти, ее решений, эффективности их реализации;
- относительно «*других*» субъектов политической системы, включающие политическую идентификацию (осознание принадлежности к нациям, государствам, определенным территориям и др.), политическую веру (означающую убежденность человека в позитивных или негативных последствиях действий взаимодействующих с ним людей) и выработку субъективных предпочтений относительно «правил игры» и господствующего правопорядка;
- относительно *собственной* политической деятельности, включающие оценку своей политической компетентности (при участии в политической жизни, использовании при этом определенных ресурсов), веру в свою способность оказывать реальное воздействие на институты власти.

Политическая культура общества анализируется как по суммарным показателям уровней политических культур его членов — граждан, их социальных групп и слоев, классов, так и по показателям, характеризующим только общество как единый и неделимый организм. К числу последних относят:

- характер существующей политической организации общества;
- формы и методы функционирования политических институтов;
- степень и способы участия граждан в политической жизни общества;
- накопленный социально-политический опыт;
- существующие политические традиции и обычаи;
- систему политических идей, знаний, принципов, используемых в общественном развитии [83, с. 457].

Рассматривая принципы функционирования политических институтов, образующих политическую систему, исследователи [188, с. 148] выделяют другие значимые элементы политической культуры:

- культуру принятия политических решений;
- культуру электорального процесса;
- культуру восприятия и регулирования социально-политических конфликтов;
- характер взаимодействия между ветвями власти, партиями;
- уровень идеологизированности институтов;
- политический язык и др.

По их мнению, политическая культура распространяется на все сферы политической жизни общества и включает в себя культуру:

- политического сознания;
- политического поведения индивидов, групп и других социальных слоев;

- функционирования политических институтов, существующих в рамках данной политической системы.

Таким образом, среди исследователей нет единодушия в определении основных структурных элементов политической культуры. Но несомненно то, что она включает в себя логические, ценностные и чувственные элементы индивидов и социума, а также обусловленную ими политическую практику.

16.2.1.2. Уровни, составные части и формы политической культуры

Бытие политической культуры индивидуально и одновременно коллективно (социально). Становление и развитие политической культуры у личности и общества осуществляется постепенно и непрерывно. Через это можно говорить о трех уровнях существования политики: индивидуальном, социальном и государственном.

В свою очередь, исследователи выделяют уровни и в политической культуре личности:

- **мировоззренческий**, где фрагментарные представления о политике складываются в индивидуальную картину мировосприятия;
- **гражданский**, где, осознав роль и возможности государства и собственные возможности защищать свои права и интересы, человек вырабатывает уровень понимания своего политического статуса;
- **собственно политический**, где индивид вырабатывает отношение к конкретным формам правления режима, своим союзникам и оппонентам и т. д.

На каждом из этих уровней у человека складываются противоречивые представления. Отношение к конкретным политическим событиям изменяется, как правило, значительно быстрее, нежели мировоззренческие принципы, в силу чего восприятие новых целей и ценностей, переосмысление истории и т. д. осуществляется крайне неравномерно. Это придает формированию и развитию политической культуры дополнительную сложность и противоречивость [213, с. 260].

Б. В. Шиндеров и другие различают в политической культуре *рациональный* и *эмоционально-волевой* уровни:

- первый складывается на основе коренных социально-экономических и политических интересов, социального статуса индивида, и формируемых на базе этих интересов соответствующих ориентаций, установок и др.;
- второй — на основе рассудочных и иррациональных элементов и феноменов, которые определяются прежде всего социокультурными и социопсихологическими факторами [261].

Составной частью политической культуры является электоральная культура общества. Если политическая культура включает в себя весь комплекс субъективных ориентаций в отношении политики, то электоральная культура включает в себя только те ориентации, которые определяют позиции и поведение граждан в избирательном процессе — отношение к выборам как форме политического поведения; партийную идентификацию; идентификацию по отношению к партийным лидерам и кандидатам; оценки политических событий, влияющих на выборы [183, с. 275].

Политическая культура — это многоаспектное явление, имеющее глубокие исторические и психосоциальные корни. Наряду с рациональными позициями и це-

левыми действиями в ее рамках существуют феномены, обусловленные факторами, нерациональными и в силу этого не поддающиеся простому причинно-следственному объяснению.

Различные элементы политической культуры обладают неодинаковой степенью устойчивости и функциональной значимости и при этом находятся в определенном соподчинении. Исследователи выделяют в социуме ядро и дополнительные уровни. В ядре, по В. Розенбауму, определяют компоненты, т. е. такие элементы и феномены культуры, которые играют основополагающую роль в формировании «политического порядка нации». Это ориентации в отношении:

- правительственных структур;
- других политических систем;
- собственной политической деятельности.

Политическая культура как бы растворена по всей совокупности отношений, складывающихся между участниками политического процесса [83, с. 458]. В своем реальном движении политическая культура существует в трех основных деятельных формах:

- *духовной* (духовно-практической), включающей политический опыт, традиции, нравы, роли, ценности, ориентации и установки, способы выражения политических чувств и эмоций, осуществления политического мышления;
- *предметной*, охватывающей определенные способы и образцы организации политических институтов, средств политической деятельности, которые материализуют достижения научной и практической мысли;
- *функциональной*, определяющей способы, стиль, приемы, средства политической деятельности, характер политического процесса.

Эти формы тесно взаимосвязаны друг с другом и представляют конкретно-исторический уровень политической свободы людей, выражающий меру их господства над властью собственного объединения, своего рода «степень отчуждения власти». Чем демократичнее принципы властвования, чем разнообразнее и гибче способы контроля за политической властью, тем выше уровень политической культуры. Следовательно, в политической культуре выражается совокупность служащих определенным интересам образцов, форм, ценностей политического сознания, которые возникают в ходе политической деятельности, опосредуют процесс политического властвования и политического участия и являются наиболее типичными для политической системы, социальной группы или индивида способами выражения и реализации политической свободы [83, с. 455].

16.2.1.3. Компоненты политической культуры

Квинтэссенцию политической культуры составляют ее идеологические, социально-политические и социально-психологические компоненты, определяющиеся общественно-историческими, национально-культурными, социально-экономическими и другими долговременными факторами, условиями и образованиями. Они характеризуются относительной устойчивостью, имеют тенденцию к воспроизводству. Эти компоненты включают, как правило, ориентации и установки людей в отношении существующей общественно-политической системы

и строя в целом, составляющих ее институтов и организаций, важнейших правил общественно-политического поведения и деятельности. К ним относятся и устойчивые морально-этические ценности, национально-психологические нормы поведения, традиции, стереотипы и т. д. В структуре политической культуры М. А. Василик, М. С. Вершинин, К. А. Воробьев выделяют [33, с. 182], [38] следующие компоненты:

- **представления** людей о различных аспектах политической жизни общества:
 - политической системе и ее институтах (партиях, государстве, общественных движениях);
 - политической власти и ее носителях, механизме управления обществом;
 - собственном месте в политической жизни общества, компетентности и эффективности своей личной политической деятельности.

Политические представления могут иметь теоретически систематизированный характер, основанный на научных знаниях человека, но могут бытовать и на уровне обыденного сознания, в том числе в виде чувств, настроений и эмоций. Источниками их формирования выступают правдивая информация, слухи и дезинформация. Таким образом, политические представления как компонент политической культуры нельзя отождествлять только со знаниями, которые выступают лишь одним из источников формирования представлений;

- **ценности**, придающие значимость и смысл поступкам субъекта политического действия. Ценности выступают мотивационным базисом политической культуры, их разрушение неизбежно сопровождается деградацией культуры и толкает людей на поиск иных ценностей. Для определения характера политической культуры важную роль играют две ценности:
 - **порядка** (ориентирующие на поддержание стабильности социальной системы) и развития (ориентирующие на изменения);
 - **равенства** (важнейшее качество социальной системы – обеспечение равных условий или возможностей для всех) и свободы (назначение политики – снять ограничения с деятельности индивида).

В реальной политической культуре предпочтение отдается тому или иному элементу пары. Для любой социальной группы характерны типичные укоренившиеся представления о разных аспектах политической жизни: политической системе и ее институтах; политическом режиме, механизме власти и управления; принятии решений и их реализации; носителях властных полномочий; своем месте в политической жизни и т. д. Ряд исследователей [193, с. 190] выделяет иные ценности: прошлый политический опыт, воплотившийся в реальные и идеальные политические конструкции (формы государственного устройства и правления, виды политических режимов и др.); знания о таких политических явлениях, с которыми субъекты политической деятельности неразрывно связывают свое существование (о правах и свободах, о равенстве и справедливости); политические традиции и нормы, выкристаллизовавшиеся в ходе исторического развития, на которые ориентируются участники политической деятельности, считая их наиболее правильными и эффективными (право старших по возрасту депутатов открывать первое заседание парламента и т. п.); политические символы и памятники политической культуры (флаги, гербы, гимны, документы и реликвии).

Ценности играют роль ориентационной и мотивационной базы политической культуры. Различают ценности свободы, порядка, развития, равенства и справедливости. Культивирование ценностей, овладение ими дают возможность субъектам политической деятельности избежать многих ошибок, эффективнее использовать свой позитивный потенциал. Игнорирование же ведет к возникновению разрушительных тенденций, деградации политических явлений, хаосу в политической жизни.

Политическая культура основана на внутренних основополагающих ориентациях человека, которые во многом определяются ценностями, принятыми в обществе. На ценностном уровне перегородки между политической, социальной, экономической и культурной сферами отсутствуют. Политика же соединяет все эти ориентации воедино. В итоге получается, что политическая культура выступает как составная часть политики, т. е. более общего социокультурного явления;

- **убеждения**, формирующиеся на основе представлений и ценностных ориентаций. Политические убеждения играют чрезвычайно важную роль в политическом поведении личности. Человек делает только то, в необходимости и полезности чего он убежден. В противном случае выполнять данную обязанность или производить какое-то действие человека надо заставлять, применять принуждение. Политические убеждения личности могут изменяться вслед за изменением ее ценностных ориентаций. Это связано также со сменой социальных и политических условий общественной жизни, общей направленности развития страны. Известны многочисленные примеры, когда представители господствующих классов переходили на сторону народных масс, угнетенных слоев общества под воздействием на их сознание тех или иных социальных условий, политической обстановки (А. Коллонтай, И. Арманд, С. Перовская);
- **установки**, способствующие переводу представлений и ценностей в плоскость практической реализации. Политическая установка — это отношение субъекта к политическим явлениям. Это может быть стремление к получению политических знаний или негативное к ним отношение, установка на активное или пассивное участие в политической деятельности и т. д. Политические установки могут быть не только личными, но и коллективными — типичными для целой социальной группы или даже общества. Например, характерной чертой политической культуры англичан является законопослушность, представляющая собой внутренне усвоенную установку на беспрекословное соблюдение закона. Для политической культуры английского общества характерна также установка избирателей при выборах в органы власти не на политического лидера, а на политическую партию. Англичане считают, что лидеры играют второстепенную роль. Главное — традиции, программа, деятельность партии. А для политической культуры США характерна сильная персонификация власти. На выборах президента американцы ориентируются в первую очередь на личность кандидата, а не на его партийную принадлежность;
- **нормы** политической культуры, отражающие укоренившиеся образцы, стереотипы политического поведения. Через нормы осуществляются регуляция общественных отношений, ориентация поведения людей на политические ценности и идеалы, политическая социализация и т. д. В политике ведущая роль принадлежит не нормам-обычаям, а нормам-предписаниям (специально уста-

новленные для регулирования политических отношений, например, программы партий, регламенты деятельности органов власти);

- **поведение**, включающее образцы или стереотипы политического действия. Поскольку на готовность субъекта к типу политического действия влияют политические ориентации, постольку выделяют три доминирующих типа поведения: политическое отчуждение, политически пассивное, политически активное. Вообще, невозможно представить себе ни один вид культуры (нравственная, эстетическая, физическая и др.) без соответствующего деятельного аспекта. Человек — существо деятельное, и всегда его какие-то знания, убеждения рано или поздно выливаются в его действия. Он не может держать в себе знания без их практического применения в той или иной форме. Любой вид культуры есть органическое единство элементов сознания и реального поведения. Политическая культура представляет собой качественную характеристику всей политической жизни общества, поэтому ее (культуру) нельзя сводить к отдельным, хотя и очень важным явлениям этой сферы, например, только к политическому сознанию или только политическому поведению.

По мнению польского социолога А. Боднара [165], к политической культуре следует относить следующие компоненты:

- знание политики, фактов, заинтересованность ими;
- оценку политических явлений, оценочные суждения, касающиеся того, как должна осуществляться власть;
- эмоциональную сторону политических позиций, например любовь к Родине, ненависть к врагам;
- признание в данном обществе образцов политического поведения, которые определяют, как можно и следует поступать в тех или иных ситуациях.

Он полагал, что в общих чертах политическая культура является исторически сформированной совокупностью ясных и скрытых представлений о различных аспектах политической жизни, в которую входят:

- политические ценности;
- политические нормы;
- политические институты;
- политические образцы;
- способы политического действия индивидов и общественных групп.

А. П. Плешаков выделяет в политической культуре постоянные и переменные компоненты. Постоянные компоненты определяются общественно-историческими, национально-культурными, социально-экономическими, конфессиональными и другими долговременными факторами, условиями, образованиями. Эти компоненты включают ориентации и установки людей в отношении существующей общественно-политической системы и строя в целом, важнейшие правила общественно-политического поведения и деятельности. К ним относятся и устоявшиеся морально-этические ценности, национально-психологические и религиозные нормы поведения и традиции. Переменные компоненты — это политические настроения, быстро меняющиеся политические взгляды, оценки и др. [183, с. 275].

16.2.2. Эмоционально-психологические феномены политической культуры

Эмоционально-психологический компонент политической культуры представлен чувствами и переживаниями, которые испытывают социальные субъекты, принимая участие в политической жизни общества (например, любовь к Родине, ненависть к поработителям, стремление к социальной справедливости, жажда мести, переживания по поводу постигнутого поражения либо эмоциональный подъем, чувство восторга в связи с победой). Эмоциональные чувства и психологические переживания индивидов являются важнейшей стороной политического сознания и поведения.

Важное место в развитии и функционировании политической культуры играют устойчивые общекультурные, эмоционально-психологические феномены, которые или входят в структуру политической культуры, или соответствующим образом отражаются и преломляются в ней. К ним относятся: традиции, обряды, ритуалы, менталитет, накопленный опыт, стереотипы, мифы, религия и другие факторы.

16.2.2.1. Политическая традиция

Политическая традиция – важнейший элемент хранения, воспроизводства, передачи и закрепления социально-политического опыта и политических ценностей, способ реализации устойчивых политических отношений. Целесообразные формы и способы политической деятельности, правила, образцы политического взаимодействия людей, реальные политические отношения, регулярно повторяясь, приобретают традиционный характер. Традиции любой политической культуры – это прежде всего процессы трансляции от поколения к поколению устоявшихся «образцов» поведения, представлений, идей и одновременно сами эти образцы, представления, идеи.

Традицию можно трактовать как организованное множество идей и поведений, активно передающихся длительное время в рамках определенной общности (семья, социальная группа, партия и т. д.). Традиция по своей сути инерционна. Ее воздействие имеет положительное значение, когда она позволяет сопротивляться ошибочным решениям. Но она играет отрицательную роль, когда тормозит необходимые преобразования [133а, с. 143].

Фиксация политически значимых представлений и действий в виде массовых привычек, обычаев, составляющих содержание традиций, сопровождается нередко закреплением случайного, ненужного, ошибочного. Традиции таким образом несут в себе не только ценный опыт, но и то, что не соответствует изменившимся условиям, что отжило. Наряду с сохраняющимися ценностями для всех времен и поколений существуют и изжившие себя традиции, воспроизводящие устаревшие формы. Оставаясь в силу известной инерции, отставания и консервативности обыденного сознания, такие традиции превращаются в тормоз общественного прогресса.

Традиции выступают той своеобразной силой, которая обладает способностью организовывать сознание и деятельность различных субъектов политики. Организующая роль традиций обусловлена также социально-психологическим фактором.

В них люди видят концентрированную мудрость многих поколений, коллективный практический опыт. Поэтому независимо от того, насколько ценны традиции в конкретных условиях, им доверяют как образцам, обладающим социальной надежностью. Их авторитет и устойчивость придают традициям силу стабилизирующего фактора политической жизни [83, с. 459].

16.2.2.2. Политическая символика и обрядность

Неотъемлемой частью формирования, фиксации и воспроизводства идентичности любой нации и государства как социокультурной и политической общности являются национально-государственные *символы* и идеалы. Учитывая это, ряд авторов, например Л. Дитмер, даже предлагают рассматривать политическую культуру как «символическую систему». По его словам, «политическая культура — это система политических символов, входящая в более широкую систему, которую можно обозначить термином “политическая коммуникация”» [40, с. 342]. Следуя традиции Т. Арнольда, ряд авторов считают символы цементирующим элементом любой политической системы и лежащей в ее основе политической культуры. Более того, для них «институционализация приверженности общим политическим символам является необходимой предпосылкой образования национального государства».

Символ представляет собой идейную или идейно-образную структуру, содержащую в себе в скрытой форме все возможные проявления вещи, для которой он является обобщенным и неразвернутым знаком. Символ в широком смысле слова — это образ. Он содержит в себе определенный смысл, нераздельно слитый с образом, но ему не тождественный. В структуре символа предметный образ и смысл выступают как два неразделимо связанных друг с другом полюса. Символ характеризуется многослойностью и многозначностью и требует активной умственной или рассудочной работы воспринимающего субъекта. Символ составляет средство общения между людьми, призванное представлять тот или иной объект, социальную общность, идею и т. д.

Символы можно изображать:

- графически, как, например, христианский крест, серп и молот, разного рода гербы и т. д.;
- человеческими фигурами, как, например, Марианна (Франция), Джон Буль (Англия), дядя Сэм (США);
- символически, так символами власти и государства выступают меч, войско, дворцы, правительственные здания (например, Кремль, Белый дом, Уайт-холл, Елисейский дворец).

Символы и знаки играют огромную роль в жизни человека, и без них невозможно представить себе практическую и духовную жизнь общества. С помощью символов и знаков люди взаимодействуют друг с другом, и в этом отношении они являются средствами регуляции социального поведения. Это определяется прежде всего тем, что любая информация, воспринимаемая субъектом, представляет собой некоторую совокупность визуальных или звуковых символов. Субъект, воспринимающий эти символы, расшифровывает их в формулах, имеющих для него смысл. Как отмечал О. Шпенглер [263], единство всякой культуры покоится на об-

щем языке ее символики. Каждый народ создает и почитает собственные национально-государственные символы. Они строятся на длительной традиции, в которой важное место занимают знамена, флаги и гербы, другие символы и атрибуты государственно-политической самоидентификации. Часть символов формируется спонтанно в процессе жизнедеятельности всех или большинства членов национального сообщества, а другая часть создается и целенаправленно внедряется элитами. Со времени возникновения национального государства политические лидеры создавали и использовали национальные символы, такие как флаги, гимны, конституции, праздники, денежные знаки и т. д., с целью привлечения внимания, интегрирования граждан, стимулирования тех или иных действий. Министр иностранных дел Франции Ламаргин говорил в 1848 г.: «Если вы отнимете у меня трехцветный флаг... то отнимите у меня половину мощи Франции как здесь в стране, так и за границей».

Одно из центральных мест среди символов занимают национальные гимны, которые представляют собой официальные патриотические символы или, как пишет К. Серулоу, «музыкальный эквивалент девиза, герба или флага страны». Как таковые они представляют идентичность или характер нации — ее настроение, желания и цели так, как они сформулированы теми, кто стоит у власти. Гимны, подобно другим национальным символам, становятся чем-то вроде «визитной карточки» нации. Они — современные знаки, с помощью которых народы отличают себя друг от друга или подтверждают границы своей «идентичности» [40, с. 342].

Каждая страна имеет свой государственный или национальный *флаг*, олицетворяющий ее независимость и суверенитет как полноправного участника мирового сообщества. На фоне государственного флага главы государств (президенты, монархи), вступая в должность, произносят клятву верности стране и народу. Какое бы то ни было оскорбление флага в большинстве стран рассматривается как уголовно наказуемое преступление. Флаг в сочетании с гимном и другими атрибутами государственности во многих странах воспринимается как воплощение нации. Не случайно нередко, когда граждане одной страны хотят выразить свой протест и недовольство действиями другого государства, они прибегают к публичному сожжению его флага.

Как правило, ни одна официальная церемония не обходится без государственного флага. Он водружается на зданиях резиденции главы государства и правительства. В дни официальных праздников государственный флаг вывешивается на общественных зданиях. Он является неизменным атрибутом международных встреч, двусторонних или многосторонних переговоров. Флаги, развевающиеся на флагштоках перед зданием ООН, символизируют страны, входящие в эту международную организацию.

Наряду с флагом, символом страны в представлении как ее граждан, так и иностранцев, выступает *герб*. Часто в качестве центрального элемента гербов используются изображения растений (например, кедр — у Ливана, кленовый лист — у Канады), животных (лев — у Великобритании), птицы (орел — у США, Германии, России). В последних двух случаях аналогии весьма очевидны: стилизованные фигуры льва — царя зверей или орла, царствующего среди птиц, были призваны символизировать мощь и величие страны, непобедимость ее армии и одновременно — верховную власть монарха (главы государства).

В государственном гербе России центральное место занимает изображение двуглавого орла. Двуглавый орел – один из древнейших символов власти, силы и мудрости. Орлы в таком качестве предстают уже на документах времен Древнего Египта. В VII в. до н. э. двуглавый орел символизировал объединение Мидийского царства с Ассирией [41].

По данным ряда исследований в России двуглавый орел появляется среди геральдических символов в XV в. Как полагают историки, изображение византийского золотого орла на красном фоне было заимствовано Русью после женитьбы Великого Московского князя Ивана III на племяннице последнего византийского императора Софии Палеолог. С тех пор российский герб неоднократно подвергался изменениям. В 1993 г. утвержден новый герб Российской Федерации, в котором воспроизведены основные атрибуты традиционного государственного герба Российской империи.

Наряду с девизом, гербом, флагом немаловажное место в национально-государственной символике занимает *гимн*: он исполняется на официальных церемониях, в дни общенациональных праздников, под его звуки спортсмены получают высшие награды на международных соревнованиях.

Национально-государственные символы и идеалы более или менее тесно связаны между собой, они взаимодополняют и поддерживают друг друга. Идеал не существует сам по себе, а выражается с помощью какого-либо документа, произведения искусства, изречения и т. д. В отношении нашей страны эта задача затрудняется тем, что она в настоящее время переживает, по сути дела, процесс перехода от одной государственно-политической системы к совершенно иной. В такие периоды происходит отказ от старых символов и утверждение новых. Мы являемся свидетелями восстановления таких традиционных российских символов, как трехцветный государственный флаг, андреевский флаг, двуглавый орел и других, которые снова занимают свои места наряду с Московским Кремлем, Красной площадью, храмом Василия Блаженного и другими традиционными символами российской государственности. В этом плане знаменательны похороны первого президента России – Б. Н. Ельцина.

Выразителями национального духа, фактором, способствующим формированию национального самосознания и в то же время воплощением лица страны, могут выступать также места крупнейших сражений, религиозные центры, те или иные города. Не случайно, когда речь идет о вопросах политического характера, под Вашингтоном, как правило, подразумевают Америку вообще или же правительство США, подобно тому как при упоминании Москвы, Лондона, Парижа имеют в виду соответственно Россию, Великобританию, Францию [41, с. 164].

Политические обряды наряду с обычаями и политическими праздниками выступают формами реализации традиций политической культуры. Их цель состоит в том, чтобы при помощи символов и символических действий выразить, передать, закрепить традиционные для субъектов политики идеи, идеалы, нормы, вызвать у участников действий определенные чувства, настроения, переживания, создать соответствующую морально-психологическую атмосферу и наглядно-образными средствами отметить важные события политической жизни. К ним относятся, например, обрядовое оформление событий национального и государственного значения (манifestации, возложение венков, несение почетного караула,

исполнение гимнов, склонение знамени, преклонение колена перед знаменем, чествование политических лидеров и т. д.).

Весьма важными средствами политической культуры являются *ритуалы*, устанавливающие определенные правила поведения.

Политические ритуалы как разновидность обрядов представляют собой исторически сложившиеся или специально установленные канонизированные нормы символических действий, реализация которых почти не допускает каких-либо отклонений и проявлений самодеятельности. К ритуализированным актам относятся, например, вручение верительных грамот, церемонии вступления в должность политических лидеров, принесение присяги и т. д. Система используемых в обрядах символов создает устойчивое отношение к политическим ценностям, опосредуя через них действие общественного мнения на индивидов. При этом все участники обрядов выступают в роли не зрителей, а действующих лиц ритуализированных церемоний [83, с. 458].

Немаловажное значение приобретают так называемые политические ритуалы, составляющие важный компонент своего рода «гражданской религии» или «политической религии», характерной для того или иного общества. С помощью таких ритуалов, например церемонии инаугурации президента США или коронации королей в Англии, простые смертные превращаются в президентов и монархов. Коронация представляет собой религиозную церемонию, осуществляемую в Вестминстерском аббатстве под руководством архиепископа Кентерберийского, а президент США, вступая в свою должность, произносит свою клятву на Библии.

16.2.2.3. Национальный характер и политическая ментальность

Для анализа политической культуры целесообразно использовать понятие *национального характера*. Несмотря на императивно-публицистическую нагрузку, несколько затрудняющую его нейтральное применение, данное понятие помогает синтетично охватить три исследовательские сферы: историко-культурную традицию, общественно-политическую практику и индивидуальный образ мышления. В известном смысле национальный характер можно трактовать как наиболее распространенный в данном народе тип личности или, в более динамичном понимании, наиболее распространенный тип поведения. Через свободную аналогию с характером индивида национальный характер можно рассматривать как комплекс типичных образцов поведения, складывающийся на основе импульсов и традиций, регулирующих поведение нации на протяжении длительного срока.

По мнению Ю. В. Ирхина, изучение национального характера и традиций, несомненно, является существенной предпосылкой для понимания политической культуры любого народа [83, с. 464].

При анализе политической культуры целесообразно учитывать политический менталитет ее носителей. *Ментальность* (от англ. *mentality*, фр. *mentalite* – склад ума, мироощущение) представляет собой:

- глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательное;
- совокупность устойчивых, распространенных в социальной группе интеллектуально-психологических установок и представлений, выражающих особое,

своеобразное видение (осознание) принадлежащими к ней людьми окружающих реалий и ориентирующих социальное поведение индивида;

- единая, синкретическая форма осознания социальной и политической системы, которая формируется в результате воздействия всех жизненных факторов на массив коллективного сознания и выражает актуальные для данного сообщества ценности.

Ментальность:

- выражает характер, стиль, способ группового мышления и восприятия социальной жизни;
- влияет на состояние умонастроений и устойчивых ориентаций членов социума, характер их отношений, поведения и деятельности;
- не имеет четко выраженных границ: на него могут влиять элементы обывденного, мифологического или религиозного сознания, осмысливающего политические реалии в форме стереотипов, локально-актуальных ценностей;
- определяет восприимчивость классов, народа, нации и иных общностей и групп к типу идеологий, культурным нормам, политическим ценностям и т. д.;
- обладает способностью оказывать относительно автономное воздействие на социальное поведение соответствующих групп, их представителей;
- обеспечивает (доминирующие в обществе) политическую преэминентность, социальное единство на основе традиций, ценностей и идеалов;
- неустойчива в переходных обществах: старые ценностные ориентации разрушаются, новые находятся в стадии становления либо иллюзорны. По мере развития общества и его структур, влияния международных факторов в ментальности происходят соответствующие изменения [83, с. 458].

16.2.2.4. Мифы и стереотипы

Даже самый точный и скрупулезный анализ социально-экономических, политических и иных интересов различных категорий населения, мер и решений, законов и реформ, принимаемых и осуществляемых государством, партиями или политическими деятелями, *без учета человеческого фактора* не может дать правильного представления о реальных механизмах, мотивах и сущностных характеристиках политического процесса. Экономический интерес не единственный определяющий фактор всех сторон и проявлений человеческой жизни, в том числе и в политической сфере. Ведь человек — существо не только экономическое и политическое, но и социокультурное. Рациональные элементы в его сознании и поведении тесно переплетаются с эмоционально-волевыми и национально-психологическими, человек живет в мире традиций, мифов и легенд.

Естественно, материальные интересы социальных слоев, классов и групп представляют собой могущественный фактор развития общественно-исторического процесса. Однако такие качества, как патриотизм, дружба, преданность семье, забота о больных и стариках, инвалидах, а также мифы, стереотипы, обычаи и традиции тоже играют значительную роль в определении содержания и направленности интересов и политического поведения людей. Человеком движет не только рациональный выбор, расчет, соображения выгоды, материальный инте-

рес, но вера и убеждения. Они передаются от поколения к поколению и далеко не всегда подвержены рациональному истолкованию.

Наивно считать простыми заблуждениями мифы и верования и полагать, что они рассеиваются в свете объективной информации. Мифы не поддаются разрушению с помощью рациональных аргументов, и потому вполне правомерна их оценка как ненаучного знания или как полуправды. Для политических мифов, естественно, характерна непосредственная связь с политической реальностью: они призваны оправдывать ход событий, обеспечивать уверенность людей в правильности осуществляемых политических акций.

Установить истинный смысл и содержание общественной политической жизни можно лишь в том случае, если изучается не только сама объективная реальность, но и область мифологического, традиционного, оказывающая значительное влияние на формирование основных представлений людей об окружающем их мире. В современных условиях ряд важнейших социальных и политических проблем в обществе имеет социокультурное измерение и правильно оценить политическое поведение людей в той или иной конкретной ситуации невозможно без учета состояния нравов, социально-психологической атмосферы, национальных отношений, уровня религиозности населения [41, с. 164].

Помимо чувств и переживаний эмоционально-психологический компонент политической культуры включает элемент, являющийся важнейшим фактором вовлечения в политику широких народных масс. Это — *миф*, в основу которого положена абсолютная вера в то, что при достижении поставленных политических целей будет достигнуто идеальное состояние общества. Испанский политолог Л. С. Санистебан [206] подчеркивал, что каждое крупное политическое движение порождает свой миф, принимаемый как надежда, наполняющая смыслом коллективное действие. Миф воодушевляет и сплачивает политических лидеров и народные массы. Он является постоянно действующим мотивом коллективного поведения людей в политике.

Политический миф — это статичный образ, опирающийся на верования и позволяющий упорядочить и интерпретировать приводящие в смятение факты и события, структурировать видение коллективного настоящего и будущего. В многочисленных исследованиях, посвященных политическому мифу, раскрываются социальные и психологические предпосылки его возникновения. Мифология, в том числе и политическая, возникает тогда, когда группа или большая часть общества сталкиваются с новыми, непонятными и неподконтрольными ей явлениями, несущими в себе явную или тайную угрозу ее существованию. Именно поэтому расцвет мифотворчества наблюдается в периоды социальных катастроф, глубинных кризисов общества, войн, революций и т. п. С психологической точки зрения творение мифа связано с невозможностью логически объяснить происходящие радикальные перемены и обусловленным этим защитным возвратом индивида к раннему жизненному опыту восприятия окружающего мира и взаимодействия с ним. Значительный интерес представляет также интерпретация мифа аналитической психологией К. Юнга [270], согласно которой миф является проекцией коллективного бессознательного (архетипов) на те или иные реальные объекты. В определенных критических ситуациях возможна активизация, оживление архетипов, и тогда их перенос на социальные и политические объекты становится источником

коллективных мифов. Основными свойствами любого мифа, в том числе и мифа политического, являются:

- *полиморфность* — один и тот же набор символов может присутствовать в разных мифах, а одна и та же тема мифа может иметь разную направленность и различное эмоциональное восприятие;
- *ограниченность* — миф использует ограниченное число символов, но в мифах возможны их многочисленные комбинации;
- *отвлеченность* — миф не соотносится с эмпирической действительностью;
- *фундаментальность* веры — миф опирается на допущения, не требующие их проверки и независимо от их истинности;
- *статичность* — миф не соотносится с историческим и социальным временем, он живет в своем собственном временном измерении.

Политические мифы, закрепившиеся в массовом сознании людей, можно рассматривать как набор представлений, опирающихся, главным образом, на эмоциональную почву. Можно утверждать, что политический миф — это регулятор политических отношений. Он выполняет свои функции на двух уровнях.

На *индивидуальном уровне* мифические убеждения проявляют следующие качества:

- существенно воздействуют на жизнь людей;
- основываются на вере;
- опираются на общественные авторитеты;
- навязываются группой;
- необоснованны (иррациональны);
- недоступны для верификации под воздействием опыта.

На *уровне социальной группы* политический миф выполняет интегрирующую функцию по отношению к данной общности. Миф дает индивидууму возможность идентифицировать себя с целями и ценностями, выводящими его за сферу его повседневного опыта, определяя его нахождение в более широком пространстве социально-политических отношений (индивид-нация, индивид-государство, индивид-класс) [183а, с. 74].

Из всех возможных сюжетов политического мифа можно выделить четыре классических темы: о заговоре, о золотом веке, о герое-спасителе, о единстве. Миф о заговоре истолковывает негативно воспринимаемые явления как результат тайного действия сил тьмы. Это могут быть «враги народа», агенты тайных спецслужб и сект. Скрытые действия представителей этих коварных организаций обязательно направлены на завоевание или уничтожение группы, общества, государства. Поскольку заговор творят демонические силы, противостоять им можно, используя любые средства борьбы.

Миф о золотом веке либо призывает вернуться к «истокам» в светлое прошлое, где царили любовь, равенство, братство, где мир был прост и понятен, либо зовет в светлое будущее, рассматривая предыдущие периоды как «предысторию», существование которой оправдано лишь в той мере, в какой она подготавливала это идеальное будущее.

Миф о герое-спасителе наделяет конкретные персонажи харизматическими чертами. Герой должен обладать даром пророка, непревзойденным талантом полководца-воителя, высочайшими моральными качествами и т. п.

Миф о единстве основан на противопоставлении «друзья—враги», «свои—чужие», «мы—они». Они или, иначе, враги — причина всех наших бедствий и несчастий. «Они» стремятся отобрать «наши» ценности и потому спасение в единстве и противостоянии «им» [187, с. 262].

Особенностью современного политического мифа стало, по выражению немецкого философа Э. Кассирера [92], создание «техники» «производства» новых мифов. Уже не только бессознательное, но и мастера мифотворчества создают новые и новые мифы.

Политические мифы тесным образом переплетены с определенными знаниями и представлениями о социальной действительности. Хотя они не в состоянии обеспечить научную основу представлений об образах реального мира, однако политические мифы способны компенсировать недостаток научных знаний в политической сфере на основе эмоционально-психологических механизмов. Апеллируя к эмоциям и вере, национал-социализм в Германии создал миф о расовом превосходстве арийской нации, фашизм — о новой Римской империи как идеальном сверхгосударстве, социализм — о возможности построения социально однородного, бесклассового общества. Каждое достаточно крупное движение для того, чтобы привлечь широкие массы в политику, убедить их в правоте своего дела, воодушевить на подвиг, облакает поставленные цели в формы мифа. Мифотворчество присутствует в любом политическом действии, куда вовлечено большое число людей [188, с. 146].

Отсюда нацеленность на манипулирование общественным мнением с помощью создания удобных политических мифов, пригодных для общего пользования. К наиболее распространенным в развитых странах современным политическим мифам относят следующие:

- об эгоистической природе человека и его склонности к приобретательству;
- об отсутствии там социальных конфликтов и эксплуатации;
- об индивидуальной свободе и личном выборе граждан;
- об объективности действий государства и СМИ;
- о плюрализме СМИ.

Развитие СМИ облегчает распространение и пропаганду мифов, и манипуляция сознанием приобретает угрожающие размеры. А. Л. Горелов считает, что правящей элите не нужно, чтобы подлинно свободные люди участвовали в принятии политических решений, но ей выгодно, чтобы люди думали, что они свободны и сами решают свою судьбу. От того, насколько удастся внушить это массам, зависит прочность власти элиты и стабильность управляемого ею общества [52, с. 304].

В политической жизни устойчивы только те политические представления, которые принимают форму образцов или *стереотипов*, вошедших в привычку людей и ставших неотъемлемой чертой их мышления. И независимо от того, являются эти представления правдивыми или ложными, человек (носитель политической культуры) воспринимает их как истинные. Они существенным образом оказывают влияние на развитие политического процесса.

Стереотипы представляют собой упрощенный, схематизированный образ социальных, политических объектов или событий, явлений. Они обладают большой устойчивостью и включают явные или скрытые признаки этих явлений. Полити-

ческие стереотипы, естественно, отражают реальность, но воспринимается она чаще всего чувственно, эмоционально. Принципиально важное значение имеет тот факт, что стереотипы формируют чувство политической идентичности с группой. Стереотип не только деформирует образ общественных явлений, но и суммирует мнение данной социальной группы.

Политический стереотип — это упрощенное, схематическое, деформированное и ценностно-ориентированное представление о политических объектах. Его отличительными чертами являются:

- *персонификация* событий (причина тех или иных явлений связывается с деятельностью конкретного лица или определенной группы);
- *сильная эмоциональная окрашенность* в восприятии и интерпретации событий (как правило, резко негативное или резко позитивное отношение к чему-либо или кому-либо);
- *иррациональность* (обычно факты, противоречащие стереотипу, не замечаются или с негодованием отвергаются);
- *устойчивость* (стереотип статичен, долговечен, он не подвержен изменениям и способен к самосохранению даже в радикально меняющейся ситуации).

Как правило, в политических стереотипах суммируется в упрощенной и деформированной форме опыт какой-либо группы. В обыденном сознании стереотипы могут заменять знания о политических объектах, значительно упрощая процесс ориентации, выработки и принятия решений в сложном и противоречивом мире. Стереотипы способствуют формированию политической идентичности, разделяя социальный и политический мир по оси «мы—они», «свой—чужие», «друзья—враги», «хорошие—плохие» [187, с. 262].

Например, в народе дооктябрьской России устойчиво бытовало представление о деятельности царя как о высшей справедливости. Все несправедливости, существовавшие в государстве, относились на счет чиновников, местных властей и даже придворных вельмож, но царь представлялся всегда правым и милосердным. Народ в своем большинстве твердо в это верил. Так было и в период правления Сталина. Лишь немногие видели в проводившихся репрессиях вину его самого лично. А в основном вину его окружение и органы НКВД. Не говоря уже о периоде Великой отечественной войны, когда почти никто не допускал мысли о вине Сталина в наших поражениях первых месяцев войны. Существовало устойчивое представление о правоте Сталина во всем — большом и малом. Только благодаря политике Н. С. Хрущева, граждане СССР узнали, что эти представления были неправдивыми [38].

Политические стереотипы — это политические установки (ориентации), — это предрасположенность, отношение субъекта к политическим явлениям, к определенным моделям политического поведения под влиянием традиций, исторической памяти, мотивов, норм, чувств. Политическое поведение — это практическое взаимодействие человека, социальной группы с политической средой. Политическая установка и политическое поведение существуют в органическом единстве.

Существует несколько оснований, по которым можно классифицировать политические стереотипы. По отношению к различным видам политической деятельности выделяют установку на:

- политическое отчуждение, означающую неприятие всего, что связано с политикой;
- политически пассивное поведение, выражающееся в том, что человек не чувствует себя и не стремится быть субъектом. К социальным переменам, происходящим в обществе без его усилий, он относится положительно;
- политически активное поведение, которое может осуществляться как в рамках традиционных политических организаций и структур, так и способствовать возникновению новых.

Другим основанием для различения политических стереотипов является отношение к средствам политической деятельности. Здесь выделяют политический *радикализм* и *реформаторскую ориентацию*. Политический радикализм нацелен на форсирование событий, выбор жестких средств политического действия. Формой его существования является экстремизм. Реформистская установка означает приверженность к постепенным, поэтапным изменениям.

Объектами, на которые направлена установка субъектов, является политическая система в целом, текущий политический процесс, политический режим, отдельные партии, политические лидеры, политические ценности, нормы, сам субъект как участник политического процесса.

Если обратиться к показателям, характеризующим установки субъекта на политическую систему, т. е. страны с устойчиво позитивным отношением граждан к политической системе, это проявляется в наличии у населения интереса к политике, информированности о политических событиях, процессах, в положительной оценке конституции, флага, гимна.

Как уже говорилось выше, политическая культура не ограничивается элементами сознания. Ее установочно-поведенческий компонент содержит набор политических действий как практическое отношение субъектов политического процесса к политической системе, к самому этому процессу и друг к другу. Политическое поведение обусловлено политическим сознанием и уровнем развития общества в целом. Оно находит свое проявление в политической деятельности людей и тем самым обнаруживает уровень их политической культуры на практике [187, с. 148].

16.2.3. Религиозный аспект политической культуры

Особую роль в формировании и функционировании политических культур играет религия. Многие базовые идеи, ценности, нормы, связанные с религией, составной частью включаются в политическую культуру той или иной нации, страны, народа. Это объясняется тем, что религия, будучи частью национальной и исторической традиции данного народа, в значительной мере формирует его культурное наследие и, соответственно, не может не отразиться и на характере политической культуры.

Нередко рождение того или иного государства, его вступление на общественно-историческую арену обосновывается ссылками на божественное провидение, что подкрепляется аргументами из Библии, особенно из тех ее глав, где говорится, что Бог не только правит миром, но и избирает из среды всех народов один, надея на его своей благодатью. Крайние формы подобной мифологизации собственной истории характеризуются тем, что сторонники идеи превосходства своей нации

отводят другим народам и странам лишь роль фона, на котором разворачивается история богоизбранного народа.

История знает много примеров, свидетельствующих о том, что идея величия и богоизбранности была присуща каждому великому народу, особенно в период его восхождения, подъема нации. Не миновала она и русский народ. Так, автор «Сказания о князьях Владимирских», поведав о преемственности мировых монархий от древнейших царств до Римской империи, выводил основы современной ему власти от римского императора Августа. Как утверждал автор сказания, Русь является законной наследницей всех древних мировых монархий, а Рюрик, родоначальник династии Рюриковичей, правивших Русью до восхождения на престол династии Романовых, ведет свой род от самих римских императоров. В XVI в. старцем Филофеем, монахом Елизарова монастыря, развивается идея Москвы как третьего Рима – наследницы Рима и Константинополя, столицы Восточной Римской империи.

Трудно переоценить значение православной церкви в формировании и укреплении российского государства, расширении его границ, защите независимости. Она была для русских людей духовной опорой, помогала им противостоять мусульманскому Востоку и натиску католического Запада, угрожавших религиозному и государственному существованию России. Религия часто использовалась для обоснования власти и притязаний сначала русских князей, а затем и московских царей.

Пропагандируя грандиозную концепцию, рассматривавшую Москву как «новый вечный город, наследницу Рима и Константинополя», церковная иерархия давала царям наставления об их священном долге превратить Московию в «Новую христианскую империю». Эта доктрина сыграла немаловажную роль в утверждении многонациональной Российской империи на бескрайних просторах евразийского континента.

Пройдя в той или иной форме через историю почти всех существующих на земле народов, идея божественного предопределения способствовала их консолидации в самые трудные для них времена.

Следует подчеркнуть, что религиозный и социокультурный традиционализм часто идут рука об руку с социально-философским и идейно-политическим консерватизмом. Религия всегда служила источником традиционных ценностей. В конце концов, религия тесно связана с культурной традицией, она составляет часть образа жизни народа. Когда этот образ жизни подвергается опасности, его религиозные и моральные компоненты оказываются теми опорами, которые защищают общество в целом, а вместе с ним и существующую политическую систему от полного разрушения.

Приверженность религиозным ценностям зачастую перевешивала в прошлом, а в некоторых странах продолжает перевешивать и сейчас социально-классовые ориентации. Именно влияние церкви, религии на общественное сознание и соответственно на политическую культуру обусловило возникновение во многих странах Западной Европы клерикальных партий. Роль и значение этих партий нельзя оценивать однозначно. Среди них были и есть партии консервативной и даже реакционной политической ориентации, но были и есть такие, которые выступали с позиций социального реформизма (например, социальное христианство). В наши

дни религиозная окраска помогла Христианскому демократическому союзу (ХДС) в ФРГ, Христианской демократической партии (ХДП) в Италии, конфессиональным партиям других стран привлечь на свою сторону многих верующих из всех слоев населения.

Зачастую религиозные ценности, особенно в условиях эрозии осевой идеи, или осевого идеала, лежащего в основе цивилизации, оказывают облагораживающее воздействие на значительные массы людей. Они удерживают их от отчаяния и безысходности, позволяют сохранить в сознании человека такие немеркнущие общечеловеческие заповеди, как «не убий», «не укради», «возлюби ближнего своего».

В периоды социально-политических неурядиц и потрясений, в смутные времена, когда люди волею исторических судеб выталкиваются из привычной, устойчивой колеи жизни, оказываются отчужденными от существующей системы, они зачастую находят в религии утешение и убежище. Наглядное представление об этом дает всплеск интереса к религии, рост религиозного сознания в нашей стране. Вот почему, по мнению К. С. Гаджиева, при изучении политической культуры нельзя игнорировать религиозное начало как важный фактор политического процесса [41, с. 159].

§ 3. КЛАССИФИКАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Классификация политической культуры обусловлена многообразием политических систем, различием в уровне социально-экономического, политического и культурного развития стран, их исторических традиций. Политическая культура проявляется на разных уровнях и в самых разнообразных видах. В научной литературе выделены и охарактеризованы *типы, виды, модели* политической культуры и ее *субкультуры*. Среди исследователей политической культуры нет однозначного понимания ее классификации, это свидетельствует о том, что данная концепция далека от завершения.

Существует несколько основных теоретико-методологических подходов [83, с. 464] к типологизации политических культур:

- первый подход берет за основу классификации отличия политической культуры в связи с характером власти, властных отношений, политического устройства общества и его политической системы;
- второй подход акцентирует внимание на различиях в характере и степени участия людей в политике в связи с их политическими ориентациями и установками, а также политическим устройством общества;
- третий подход акцентирует внимание на характерные национальные признаки и особенности политической культуры в связи с ее цивилизационными основами формирования, доминантами развития и функционирования.

На основании комплексного использования этих подходов складывается кросскультурный анализ социодинамики и синтеза политики и культуры различных обществ, производится моделирование политических культур.

16.3.1. Типы политических культур

На протяжении развития разнообразных государств и народов выработано множество типов политической культуры, выражающих преобладание в стиле политического поведения граждан определенных ценностей и стандартов, форм взаимоотношений с властями, а также иных элементов, сложившихся под доминирующим воздействием географических, духовных, экономических и прочих факторов.

16.3.1.1. Критериальный подход к дифференциации политических культур

А. Г. Грязнова в основу типологии [107, с. 256] положила отличительные черты политических культур, не дифференцируя их по важности. *Первый критерий* — степень согласованности во взаимодействии политических субкультур в той или иной стране. На этом основании выделяются два типа политической культуры: *интегрированная* (однородная) и *фрагментарная* (разнородная).

Интегрированная политическая культура характеризуется: тенденцией к единству в представлениях граждан относительно функционирования и возможностей политической системы страны; низким уровнем конфликтности и политического насилия, преобладанием гражданских процедур в разрешении конфликтов; лояльностью по отношению к существующему политическому режиму. Здесь особенно сказывается влияние *экономических факторов*. Политическая стабильность поддерживается высоким уровнем материального благосостояния, развитой системой социальной защиты населения, многочисленным средним классом, который выступает социальной основой политической стабильности.

Примером такого типа политической культуры может служить Великобритания. Основными ценностями граждан этой страны являются: представление о правительстве как действующем на общее благо, благосостояние и стабильность, широкое участие граждан в политическом процессе, представительность органов власти, традиции. Непреходящее значение для граждан Великобритании имеют представления о своей стране как о содружестве, мировой державе, социальном государстве. Англичане гордятся тем, что их страна имеет высокую степень экономического развития, высокий доход на душу населения, практически полную грамотность. Далеко не последнюю роль в достижении такого уровня развития общества сыграла национальная политическая культура. Этот пример отчетливо показывает характер взаимовлияния экономических и политико-культурных факторов.

Фрагментарная политическая культура характеризуется отсутствием согласия граждан относительно политического устройства общества, расхождениями в вопросах понимания власти, социальной разобщенностью, отсутствием доверия между отдельными группами, лояльности к государственным структурам. Этому типу политической культуры присущи такие черты, как высокая степень конфликтности, применение насилия, отсутствие общепризнанных эффективных процедур улаживания конфликтов, нестабильность правительств. В качестве примера такого типа политической культуры можно привести политическую культуру Италии. На ее фрагментарность оказали влияние два основных фактора: сепаратизм като-

лической церкви в довоенное и послевоенное время, разительное отличие региональных политических субкультур северных и южных областей.

Второй критерий выделения типов политической культуры — *базовые ценности, на которые ориентируется та или иная общность в политической деятельности или в политическом процессе*. В соответствии с данным критерием выделяются следующие три типа политической культуры.

Культура высокой гражданственности. Базовой ценностью в этом типе политической культуры является человек с его потребностями и интересами. Политическая система в целом и все ее структурные элементы носят демократический характер. Людям присуще чувство ответственности за все происходящее, а потому высока политическая активность участников политического процесса.

Элитарная политическая культура. Для нее характерно то, что в качестве базовой политической ценности воспринимается власть или властные структуры общества (государство, элиты). Человек выступает как средство для достижения цели, которую ставит политическая элита. Основная часть общества отстранена от решения политических проблем, уровень политической активности низкий.

Архаическая политическая культура. Главная ценность носителей данного типа культуры — интересы этноса, к которому они принадлежат (род, племя, нация). Здесь индивид не осознает себя как личность и не отделяет себя от этнической общности.

Третий критерий дифференциации политической культуры — *характер поведения людей в той или иной политической системе*. Этот критерий позволяет выделить два типа политической культуры: *подданническую и гражданственную*. *Подданническая политическая культура* характеризуется повиновением, подчинением, исполнением со стороны участников политического процесса, которые, по сути, превращаются в объекты принуждения. Для *гражданственной политической культуры* характерны участие людей в принятии решений, наличие возможностей и права выбора и контроля властных структур.

Четвертый критерий для типологизации политической культуры — *ориентация общества на те или иные регулятивные механизмы* в рамках политической системы. История общества знает два основных регулятивных механизма — *рынок и государство*. Приоритетное использование того или другого механизма в политической жизни порождает соответствующие типы политической культуры — *рыночный или бюрократический*.

Рыночная политическая культура есть культура, рассматривающая политические процессы сквозь призму отношений купли-продажи, достижения выгоды как высшей цели политической деятельности. Политика есть разновидность бизнеса, сам политик — или «товар», или «бизнесмен». Политические решения — результат «торговой сделки». Эта культура ориентирована на конкурентную борьбу как универсальный принцип функционирования политической системы. Это культура индивидуализма, высшей целью являются частные (реже групповые) интересы. Государство и другие политические структуры рассматриваются и оцениваются как средство реализации интересов.

Бюрократическая (этатистская) политическая культура — это культура, связывающая решение политических проблем с действием механизмов государственного регулирования и контроля за политическим процессом. Она ориентирована на

ограничение и запрещение конкурентной борьбы. Интересы государства признаются преобладающими над частными интересами. Рациональность воспринимается как организованность (или «порядок») и бюрократизированное управление.

В основании типологии политических культур могут лежать достаточно приземленные факторы, отражающие, к примеру, специфику разнообразных политических систем (Х. Экстайн), стран и регионов (Г. Алмонд, С. Верба [2]), типов ориентации граждан в политической игре (в частности моралистских, индивидуальных или традиционных – Д. Элазар), открытость (дискурсивность) или закрытость (бездискурсивность) политических ценностей к инокультурным контактам (Р. Шванценберг), внутреннюю целостность культурных компонентов (Д. Каванах), идеологические различия (Е. Вятр), общекультурные поведенческие особенности человека (М. Даглас) [199].

16.3.1.2. Марксистская типология

В основе *марксистского* подхода лежит классовый и формационный принцип. Согласно ему выделяют крестьянскую, пролетарскую, буржуазную, мелкобуржуазную и т. д. политическую культуру или политическую культуру общественно-экономических формаций: рабовладельческого общества, феодального, буржуазного, социалистического.

Политическая культура определялась ими через политические действия. В марксистской концепции подчеркивались достоинства политической культуры рабочего класса как исторически прогрессивного, а также его союзника в лице трудового крестьянства. Содержание политической культуры в эпоху социализма сторонники данной концепции видели в способности трудящихся подняться «до самостоятельного участия не только в голосованиях и выборах, но и в повседневном управлении» (В. И. Ленин [115]). Структура политической культуры социализма рассматривалась как сплав классово ориентированного политического сознания (идеологии) с правосознанием отдельных граждан. Эта политическая культура, по мысли советских политологов, выражалась в практической деятельности по строительству нового общества. Упрощенная модель классовой политической культуры строилась на основе признания возможности всеобщего участия населения в политике, взаимозаменяемости политических ролей и функций, которые могут выполняться каждым индивидом.

Основным недостатком концепции является упрощенное понимание процесса политической социализации, недостаточное внимание к изучению и учету сложной взаимосвязи переменных, влияющих на формирование политических ориентаций, включая индивидуальные воззрения и переживания. Политические предпочтения автоматически не вытекают из материальных основ жизни, жестко не детерминируются господствующей идеологией и не «вносятся в сознание» индивида исключительно средствами пропаганды. Наличие этих изъянов в концепции обусловили существенные расхождения ее выводов с мировыми тенденциями политического развития [155, с. 322].

Наиболее разработанную классификацию политических культур на основе данного подхода выполнил польский политолог Е. Вятр [39]. По его мнению, рабовладельческому и феодальному обществу соответствует тип традиционной политической культуры, характеризующийся признанием священного характера

власти и традиции в качестве регулятора политических отношений. В рамках данного типа политической культуры ученый выделяет племенную, теократическую и деспотическую разновидности, которые могут различным образом сочетаться друг с другом. В буржуазном обществе Е. Вятр выделяет два основных типа политической культуры: демократический и автократический. Первый характеризуется высокой активностью граждан и их широкими политическими правами. Второй тип политической культуры в качестве идеала государства признает сильную и неконтролируемую власть, ограничивающую демократические права и свободы граждан.

16.3.1.3. Типология Алмонда и Вербы

Типология политической культуры, предложенная в 1963 г. американскими учеными Г. Алмондом и С. Вербой в книге «Гражданская культура» [2], считается классической. Изучив политическую жизнь пяти стран – США, Англии, Германии, Италии, Мексики, они высказали гипотезы относительно важнейших типов политических культур, характерных для данных государств. Исследователи выделили три «чистых» типа политической культуры, взяв за основу классификации ориентации субъектов политического процесса:

- *патриархальный* (провинциалистский);
- *подданнический*;
- *активистский* (политическая культура участия, или партиципаторная).

Патриархальная политическая культура характерна для социальных общностей, единовластно управляемых вождями, шаманами, олицетворяющих в себе единство религиозных, социальных и экономических ролей. Политические интересы членов сообщества не выходят за рамки своего племени, деревни или района, а значит, местные вожди и подданные совершенно безразличны к политическим институтам, центральным властям. Знаний о политике у них нет, политическая информация сообществом не интересуется. Поэтому у личностей с патриархальной культурой нет никаких ожиданий, связанных с политической системой. Этот тип политической культуры встречается у отсталых племен, хотя, к примеру, китайская политическая культура и культура ряда развивающихся стран содержат немало элементов патриархального типа.

Второй «чистый» тип политической культуры – *подданнический*. Он отличается сильной ориентацией граждан на политическую систему, но слабой степенью личного участия. Человек с такой культурой имеет о ней определенные представления, негативное или позитивное отношение. Здесь личность уже ориентирована на политическую систему, связывает с ней свои ожидания, но в то же самое время опасается санкций с ее стороны. Представление о возможностях влияния на систему отсутствует. Носитель подданнической культуры не склонен принимать участия в политической жизни, не готов к активному взаимодействию с властью и подчиняется ей в силу традиций или страха. Этот тип политической культуры сформировался в условиях феодального общества, когда существовала жесткая иерархия отношений между разными «этажами» политической системы. Согласно традиции, нижестоящие подданные должны были с почтением относиться к вышестоящим. Во многих политических культурах и до настоящего времени присутствует подобная «почтительная» модель отношений.

Третий «чистый» тип – *активистский* – отражает сильную ориентацию индивидов на существующую политическую систему независимо от положительной или отрицательной ее оценки и активное участие в политической жизни общества. Граждане стремятся играть существенную роль в политике, активно влиять на все стадии политического процесса. Граждане умело артикулируют свои интересы и оказывают влияние на процесс выработки политики через выборы, группы интересов, партии. В то же самое время они демонстрируют лояльность к политической системе, законопослушность и уважение к принятым решениям.

В реальной жизни «чистые» типы политической культуры не встречаются. Как правило, в действительности происходит смешение «чистых» типов и образование *патриархально-подданнического*, *подданническо-активистского* и *патриархально-активистского* типов политической культуры. Эти смешанные формы, по мнению американских ученых, преобладают в истории различных обществ.

Особое внимание Алмонд уделил трем типам таких комбинаций. В демократической индустриальной политической системе, как правило, 60 % индивидов являются представителями активистской культуры, 30 % – подданнической, 10 % – патриархальной; в авторитарной переходной системе соответственно – 30, 40 и 30 %; в демократической доиндустриальной – 20, 20 и 60 %. Указанные пропорции, конечно же, условны, но они характеризуют соотношение различных типов политических культур в разнообразных обществах.

Демократической индустриальной политической системе, по Алмонду, соответствует гражданская политическая культура смешанного характера. Автор концепции гражданской культуры утверждает, что она опирается на античную традицию «смешанного правления», представителями которой являлись Аристотель, Полибий, Цицерон. Этот тип культуры предполагает наличие:

- трех фрагментов политической культуры в обществе (патриархального, подданнического и активистского);
- наличие качеств подданных и патриархов даже у активных участников.

Алмонд и Верба подчеркивали, что патриархальные и подданнические ориентации уравновешивают активность и политическое участие индивида, обеспечивая тем самым устойчивость и стабильность демократической политической системы. Таким образом, «идеальный гражданин» должен стремиться оказывать влияние на власть и в то же самое время сохранять к ней лояльность.

Основными чертами гражданской политической культуры являются:

- консенсус относительно легитимности политических институтов;
- терпимость по отношению к другим ценностям и интересам;
- компетентность.

Это черты нормативной модели политической культуры. Утопичным оказалось предположение о всеобщем участии граждан в политике. «В идеальной культуре гражданственности, – замечают они, – активность и вовлеченность граждан должны уравновешиваться некоторой дозой пассивности и неучастия». Итоги обследования выявили «несовершенство» и «неидеальность» американской и английской моделей политической культуры, несмотря на то, что до исследования авторы наделяли их статусом самых развитых культур. Так, носитель культуры гражданственности по их предположениям характеризовался целым рядом достоинств:

- осознанно оценивает деятельность национального правительства как положительную для себя лично;
- проявляет высокий интерес к работе правительства и хорошо осведомлен в этой области;
- обладает чувством гордости за политические институты своей нации;
- рассчитывает на оказание ему внимательного отношения со стороны официальных лиц;
- с желанием обсуждает вопросы политики публично или в кругу друзей и знакомых;
- открыто и лояльно выражает оппозиционные настроения;
- с удовольствием участвует в общенациональных политических мероприятиях, например, кампаниях по выборам;
- компетентно оценивает правительственную политику и считает своим долгом оказывать воздействие на эту политику лично или совместно с кем-нибудь из сограждан;
- грамотно использует правовые установления в целях успешного противодействия актам произвола;
- верит в то, что демократия участия является необходимой и желательной системой государственного управления.

В результате проведенного опроса «идеальная модель» политической культуры натолкнулась на реальные политические позиции граждан пяти обследованных стран. Так, воздействие правительства на их повседневную жизнь полностью отрицали 11 % опрошенных американцев, 23 % англичан, 17 % западных немцев, 19 % итальянцев, 66 % мексиканцев. Регулярно интересуются политическими событиями 27 % американцев, 23 % англичан, 35 % западных немцев, 11 % итальянцев, 15 % мексиканцев. «Посмешищем и глупостью» выглядят избирательные кампании в глазах 58 % опрошенных американцев, 37 % англичан, 46 % западных немцев, 15 % итальянцев и 32 % мексиканцев.

Если сравнить эти данные и данные о характере ориентации на политическую систему граждан в развитых европейских странах в 1985 г., т. е. 20 лет спустя, то можно установить следующую картину: «недовольство тем, как действует демократия» высказали 43 % англичан, 48 % французов, 38 % голландцев, 45 % ирландцев, 72 % итальянцев. Естественно, следует учитывать, что и уровень притязаний граждан значительно вырос. Высказанное же негативное отношение к существующей демократической политической системе и развитых странах не мешает ей оставаться самой стабильной и социально эффективной [155, с. 323].

Типология политической культуры, предложенная Г. Алмондом, неоднократно подвергалась критике. Ее критиковали:

- во-первых, за чрезвычайно абстрактный характер;
- во-вторых, за американцентризм, так как за термином «гражданская культура» просматривалась вполне конкретная культура — культура американская;
- в-третьих, за то, что вся западная культура в предлагаемой концепции выглядела весьма однообразно, в то время как существовали серьезные различия между политическими культурами западных стран,
- в-четвертых, за «статичный» характер политических ориентаций.

Критика концепции политической культуры Г. Алмонда за преимущественно психологическую трактовку феномена не умаляет ее революционного влияния на политическую науку. Введение идеи политической культуры в политологический анализ позволило сформулировать универсальный объяснительный принцип: конечной причиной политики конкретного общества является система его политической культуры. Тем самым был дан толчок развитию сравнительной политологии. В контексте концепции политической культуры оказалось возможным объяснить различную эффективность схожих политических институтов, действующих в разных странах. Она объясняется доминирующей в обществе политической культурой, уровнем ее однородности. Это позволило Г. Алмонду выделить по характеру культуры четыре типа политических систем:

- англо-американские политические системы, характеризующиеся гомогенной и секуляризированной политической культурой;
- континентальные западноевропейские системы с фрагментарной политической культурой, состоящей из смешанных политических субкультур;
- доиндустриальные и частично-индустриальные политические системы с дифференцированными политическими культурами;
- тоталитарные политические системы с гомогенной политической культурой, «гомогенность в которых искусственна».

Например, при всей автономности участников политического процесса в Великобритании стабильность и эффективность политической системы объясняется приверженностью граждан одним и тем же политическим ценностям — традиционализму, элитаризму, индивидуализму, политической лояльности, законопослушанию, политическому активизму и викторианским ценностям [155, с. 324].

Не менее важно и то, что определение политической культуры через совокупность политических ориентаций позволяет логически различать переменные величины политических взаимодействий и дает возможность измерить их качественные и количественные параметры.

16.3.1.4. Типология по критерию открытости политической культуры

Основанием для типологии политической культуры по степени открытости используется ориентация общества на такие регулятивные механизмы политической системы, как рынок и государство. Отсюда различают два типа культуры: рыночный и этатистский.

Рыночный тип политической культуры рассматривает политические процессы как акты свободного обмена продуктами политической деятельности и ориентируется на конкурентную борьбу. Политика здесь выступает как вид бизнеса, политик — как тип бизнесмена, а политические решения — как торговые сделки.

Особенностью *этатистского* типа является представление о необходимости жесткого контроля и регулирования со стороны государства за политическими, экономическими и социальными процессами и явлениями, ориентация на силовые методы разрешения социальных конфликтов и т. п. Этатистская политическая культура характеризуется главенствующей ролью в организации политической жизни государственных институтов. Именно государство в этом типе политиче-

ской культуры формирует поведение личности и социальные отношения. Данный тип культуры ориентирован на организованность и бюрократическое управление.

Учитывая особую роль государства и других политических институтов в воспроизводстве образцов политического мышления и поведения, в науке различают также *официальную*, поддерживаемую институтами государства, и *реальную* политическую культуру, воплощающую ценности и соответствующие им формы практического поведения большинства или значительной части населения. В частности, в ряде стран Восточной Европы, где идеи социализма в значительной мере внедрялись под давлением государства, при первых же демократических преобразованиях («бархатных революциях») они уступили место официальным показателям приверженности этих стран марксизму-ленинизму реальным ориентирам и ценностям граждан [183, с. 277]. Этатистская разновидность культуры может рассматриваться и как ядро *официальной* политической культуры, которая может формироваться в определенных исторических ситуациях.

В зависимости от отношения к преобразованиям существующей политической системы различают *замкнутую* политическую культуру, направленную на воссоздание политической системы по установленному «образцу», согласно сложившимся традициям, и *открытую*, ориентированную на изменения политической системы, легко усваивающую новые ценности.

16.3.1.5. Типология политических систем

В соответствии с классификацией общественных явлений по характеру власти общество может трактоваться как демократическое, авторитарное, тоталитарное или переходное между этими основными состояниями. Соответственно, и политическая культура может классифицироваться как авторитарная, тоталитарная, демократическая или переходная между ними. Основы такого подхода были заложены еще Платоном и Аристотелем, выделившими основные формы политического правления: монархию и тиранию, аристократию и олигархию, демократию, охлократию и республику («политию» – по Аристотелю).

Авторитарная политическая культура ориентирована на определяющую роль государства и одной партии в обществе, соответствующие формы и методы правления и контроля за политической жизнью и участия в ней. Политическое сознание и ценности общества формируются централизованно, государством. В соответствии с ними государственные интересы важнее интересов отдельных людей, социальных групп. К основным ценностям относятся: «единая идеология», «политический порядок», «поддержка государственной политики», «политическое единство». Политический язык стандартизирован.

Авторитарный тип политической культуры существенно отличается от тоталитарного тем, что в нем уже отсутствует культ власти, ее обожествление и народ осознает фактор насилия власти над собой и свое отчуждение от власти; контроль государства над обществом и его гражданами не носит тотального характера; возможен ограниченный плюрализм. Однако для авторитарного типа политической культуры все еще свойственна неустойчивость общественных настроений, падкость на обещания, повышенная восприимчивость к демагогии, примитивность представлений о политическом процессе и т. п.

Для демократического типа политической культуры, по мнению ряда отечественных исследователей [187], характерны:

- доминирование гражданского общества над государством;
- подконтрольность власти обществу;
- господство права в обществе, приверженность граждан законам и уважение их;
- самоценность индивида, его прав,
- самоценность свобод;
- высокая активность и ответственность;
- свобода выбора;
- плюрализм в общественном мнении, гласность;
- определенный консенсус между основными социальными группами и представляющими их партиями, организациями и т. п.

16.3.1.6. Типология «полумиров»

В содержательном отношении существуют и более общие критерии типологизации политической культуры, заданные, в частности, спецификой цивилизационного устройства особых полумиров — Востока и Запада, Юга и Севера, ценности и традиции которых являются фундаментом практически всех существующих в мире типов политической культуры.

Идеалы политической культуры западного типа восходят к полисной (городской) организации власти в Древней Греции, предполагавшей обязательность участия граждан в решении общих вопросов, а также к римскому праву, утвердившему гражданский суверенитет личности. В целом ценности и стандарты западной политической культуры формировались по мере и на основе последовательного повышения роли и значения личности в политической жизни общества, установления контроля гражданского общества над государством. Огромное влияние на содержание этих ценностей и стандартов оказали и религиозные ценности христианства, прежде всего его протестантской и католической ветвей, а также особая роль философии, выступавшей в качестве автономной духовной силы и воплощавшей критическое отношение как к социальной действительности, так и к религиозной картине мира.

Экономическим фундаментом западного образа жизни, в лоне которого формировались основные идеи, институты и отношения политической жизни, стал индустриальный тип производственных отношений, который в сочетании с духовным влиянием католицизма, и особенно протестантизма, утвердил важнейшие принципы социального и политического взаимодействия. Для человека греко-римской цивилизации базовым принципом отношения к действительности было отношение к труду как к залогом жизненного преуспевания. Рациональное отношение к жизни, идеи состоятельности, стремление к прогрессу: «трудись и преуспеешь», «соревнуйся и прославишься» — вот те этические максимы, которые господствовали в отношениях государства и общества, двигали развитие западной цивилизации и заставляли Запад совершать рывки в развитии производства, ведя к неуклонному росту благосостояния его населения.

В силу такого типа цивилизационного развития основные ценности и ориентиры политической культуры Запада прежде всего отражали понимание самодос-

таточности человека для осуществления власти и отношение к политике как разновидности конфликтной, но вполне рационально организованной деятельности, в которой люди выполняют различные роли и функции. Государство воспринималось как институт, защищающий права и свободы человека, поддерживающий его социальные инициативы. При этом не существовало никаких ценностных ограничений, закрывавших для обычного человека возможности исполнения управленческих функций. Статус важнейшего регулятора политической игры утвердился за правом и законом. Ориентация на главенство законов и конституции сформировала преобладание консенсусных технологий властвования, центристский тип государственной политики.

Такая ценностная мотивация политических действий элитарных и неэлитарных слоев обусловила развитие демократической формы организации власти, закрепилась в разделении властей, создании системы сдержек и противовесов, направленных на систематический контроль общественности за правящими кругами. В настоящее время устойчивые демократические традиции позволяют западным странам гибко адаптироваться ко многим изменениям в мире, решать конфликты в духе целостности и интеграции своих сообществ.

Специфика же *восточных* норм и традиций политической культуры коренится в особенностях жизнедеятельности общинных структур аграрного азиатского общества, складывавшихся под воздействием ценностей арабо-мусульманской, конфуцианской и индо-буддийской культур. Базовые ценности данного мира формировались при постоянном доминировании в жизни общества властвующих структур, господстве коллективистских форм организации частной жизни, подавлении централизованными структурами условий для индивидуальной предпринимательской деятельности, возникновения и развития частной собственности. Безраздельное господство религиозных идей, воплощавших в себе не только сакральные идеи, но и мораль, право, эстетику, социальные учения, привело к тому, что религиозные доктрины практически поглотили критическую функцию светской философской науки в этих странах.

Разрешение конфликтов в таких условиях, по определению А. И. Соловьева [213, с. 265], предусматривало не поощрение юридических норм, а апелляцию к моральному авторитету старших начальников. Поэтому этической максимой политической культуры восточного типа стал не закон, а обычай, не конституция, а мнение руководства. В целом длительное господство патриархально-клановой структуры общества привело к крайней слабости индивида перед лицом общины и особенно государства. Статус человека определялся его полезностью для конкретной общины, а потому власть, политика всегда воспринимались как сфера деятельности героев и выдающихся лиц.

Такого рода условия способствовали укоренению в качестве базовой ценности этого типа политической культуры убеждения в необходимости обязательного посредника между рядовым человеком и властью (гуру, учителя, старшего). Человек рассматривал политическую власть как область божественного правления. Состязательность, плюрализм, свобода исключались из атрибутов этой области жизни, а признание главенствующей роли элит дополнялось отсутствием потребности в контроле за ее деятельностью. Основным уделом человека признавались исполнительские функции, поддержание идей справедливости, порядка, гармонии верхов

и низов. Не удивительно, что такие нормы постоянно порождали тенденции к изоляции верхов и низов, авторитарные тенденции, упрощение форм организации власти и политических отношений.

Наиболее существенные различия этих ценностных ориентаций граждан в политической жизни общества, по типологии В. П. Пугачева и А. И. Соловьева, [199, с. 315] проявляются в следующем:

Запад

- убежденность, что власть может покоиться на физическом, духовном или ином превосходстве человека над человеком;
- отношение к политике как к разновидности конфликтной социальной деятельности, которая строится на принципах честной игры и равенства граждан перед законом;
- осознание самодостаточности личности для осуществления властных полномочий, отношение к политическим правам как к условию укрепления права собственности, примат идеалов индивидуальной свободы;
- признание индивида главным субъектом и источником политики, отношение к государству как к институту, зависимому от гражданского общества, гаранту прав и свобод личности, орудию предпринимательской деятельности индивида и группы;
- предпочтение личностью множественности форм политической жизни, составительного типа участия во власти, плюрализма и демократии; предпочтение усложненной организации власти (наличия партий, разнообразных групп давления и т. д.);
- рациональное отношение к исполнению правящими элитами и лидерами своих функций по управлению обществом, понимание необходимости контроля за их деятельностью и соблюдения правил контрактной этики;
- примат общегосударственных законов и установлении (кодифицированного права) над частными нормами и правилами поведения, понимание различий в моральной и правовой мотивации политических действий граждан;
- достаточно ощутимая идеологизированность политических позиций граждан.

Восток

- уверенность в божественном происхождении власти, не связанном ни с какими человеческими достоинствами;
- отношение к политике как к подвижнической, недоступной всем деятельности, подчиненной кодексу поведения героев и принципам божественного правления;
- отрицание случайности политических событий и понимание политики как средства утверждения консенсуса, гармонии и мира;
- отрицание самодостаточности личности для осуществления властных полномочий, потребность в посреднике в отношениях между индивидом и властью;
- приоритет идеалов справедливости; политическая индифферентность личности;
- признание главенствующей роли в политике элит и государства, предпочтение патроната государства над личностью, признание приоритета над личностью руководителей общин, сообществ, групп; доминирование ценностей корпора-

тивизма;

- предпочтение личностью исполнительских функций в политической жизни и коллективных форм политического участия, лишенных индивидуальной ответственности;
- тяготение к авторитарному типу правления, упрощенным формам организации власти, поиску харизматического лидера;
- обожествление (сакрализация) правителей и их деятельности по управлению обществом, отсутствие убежденности в необходимости их контроля;
- приоритет местных правил и обычаев (местного права) над формальными установлениями государства, тенденция к сглаживанию противоречий между нравственными традициями общности и законодательными установлениями как мотивами политического поведения;
- менее выраженная идеологизированность позиций, веротерпимость (за исключением исламистских течений).

В классическом виде названные ценности и традиции взаимодействия человека и власти формируют органически противоположные политические культуры (например, в США и Иране, во Франции и Кампучии). И даже перестройка политических институтов по образцам одного типа культуры не может порой поколебать устойчивость отдельных ценностей прежней культуры. К примеру, в Индии, где в наследство от колониального владычества Великобритании страна получила достаточно развитую партийную систему, парламентские институты и проч., по-прежнему доминируют архетипы восточного менталитета. И поэтому на выборах главную роль играют не партийные программы, а мнения деревенских старост, князей (глав аристократических родов), руководителей религиозных общин и т. д. В то же время и в ряде западноевропейских стран повышенный интерес к религиям и образу жизни на Востоке также никак не сказывается на изменении параметров политической культуры.

Правда, в некоторых государствах все-таки сформировался некий синтез ценностей западного и восточного типов. Так, например, технологический рывок Японии в клуб ведущих индустриальных держав, а также политические последствия послевоенной оккупации страны позволили укоренить в ее политической культуре значительный заряд либерально-демократических ценностей и образцов политического поведения граждан. Весьма интенсивное взаимодействие Запада и Востока протекает и в политической жизни стран, занимающих срединное геополитическое положение (Россия, Казахстан и др.), — там формируется определенный симбиоз ценностных ориентаций и способов политического участия граждан.

И все же качественные особенности вышеназванных мировых цивилизаций, как правило, обуславливают взаимно не преобразуемые основания политических культур, сближение которых произойдет в далеком будущем.

16.3.1.7. Типология по принципу активности

Типологию политической культуры, учитывающую изменившуюся к концу XX в. композицию культур, предложили голландские исследователи Ф. Хьюнкс и Ф. Хикспурс. Совокупность типов политической культур они подразделили на две основные группы: *пассивные и активные культуры*. Ученые провели сравнитель-

ные исследования в США, Великобритании, Западной Германии, Италии, Мексике (1990) и России (1996). Их результаты позволили выявить долю каждого типа в структуре политической культуры страны [189, с. 294].

Они исходили из того, что при типологизации политической культуры необходимо учитывать такие индикаторы, как:

- интерес индивидов к политике (или политический интерес);
- установки в отношении политической системы (про- или антисистемные ориентации);
- политическое доверие к государственным институтам и чиновникам;
- ориентации относительно «выхода» системы;
- оценки возможностей личного участия в политической жизни и воздействия на политику, т. е. политическая активность.

К *пассивным* типам они отнесли уже известные политические культуры из типологии Алмонда и Верба (патриархальная и подданническая), а также новую подгруппа типов, названную «*культурой наблюдателей*». Последняя отличается от первых двух более высоким уровнем субъективного политического интереса к политическим явлениям. Общей характерной чертой всей группы этого типа является *политическая апатия*.

К *активным* типам относятся следующие политические культуры:

- *протестная*, характеризующаяся низким уровнем политических интересов и доверия власти;
- *клиентистская*, отличающаяся низким уровнем политических интересов, но высоким доверием к власти;
- *автономная*, определяющаяся средним уровнем политических интересов и низким уровнем политического доверия;
- *гражданская*, характеризующаяся средним уровнем политических интересов и высоким уровнем доверия к власти;
- *партиципатная (участие)*, отличающаяся высоким уровнем политических интересов и низким уровнем политического доверия;
- *гражданская партиципатная*, выделяющаяся высоким уровнем субъективных политических интересов и высоким уровнем политического доверия [203, с. 191].

Общей характерной чертой этой группы является высокий уровень участия в политике, убежденность людей в своей возможности реально влиять на принятие политических решений.

16.3.1.8. Типология Панарина

А. С. Панарин [170, с. 328] пришел к выводу, что по сей день остающаяся столь влиятельной классификация культур, предложенная американскими политологами Г. Алмондом и С. Вербой, уже не является адекватной.

Во-первых, она игнорирует реальности современного глобального мира, мгновенно втягивающего в современность все мировые культуры, не дожидаясь их естественноисторической эволюции в каком-то заранее заданном, «формационном» направлении.

Во-вторых, она недооценивает вызов никем незапрограммированного, непредопределенного и непредсказуемого будущего, перед которым все культуры могут равным образом оказаться «не совсем приспособленными» и принуждаемыми к более или менее адекватной реконструкции.

В-третьих, она исходит из старой этнографической посылки относительно целостности типов национального культурного опыта, тогда как сегодня нации раскалываются по культурному признаку и выделяют культурные типы, отличающиеся разными способами сборок трех типов времени (прошлого, настоящего и будущего) и разными стратегиями освоения будущего.

Он предложил следующее определение поля культурного выбора в современной политике:

- экономикоцентризм — как выбор, дающий соответствующий (экономикоцентристский) тип политической культуры;
- этноцентризм — как выбор, дающий этноцентристскую политическую культуру;
- социоцентризм — как выбор, дающий социальноориентированный тип политической культуры.

Экономико-ориентированный человек ставит во главу угла материальные ценности, которые он получает в результате своей деятельности, а все остальное считает второстепенным. Его успехи главным образом материального характера — высокая зарплата, дивиденды; его неудачи определяются недостатком материальных благ. Здесь провинциализм особого рода — уход в экономико-центризм, как в «провинцию». Представителю такой культуры нет дела до политической борьбы, если она не приносит непосредственных материальных благ. Экономико-ориентированным может быть и политик, если рассматривает политическую борьбу и свой успех в ней как способ увеличить материальное благосостояние.

В этноцентристской политической культуре главной мотивирующей ценностью является не развитость, а этническая «самостийность». Наиболее вдохновительные мотивы связаны не с проектом будущего, ожидающего всех, а с культурной памятью, в которой находит свой «дом бытия» данный конкретный этнос, пуще всего боящийся обезличенности и растворения в более масштабной общности суперэтнического типа». Примерами такого типа политической культуры могут служить современный религиозный фундаментализм и стремление к национальной обособленности.

Эти два типа политической культуры — крайности обезличивающего глобализма и местного этноцентризма. Как писал Н. С. Трубецкой, «между чересчур конкретным народом и чересчур отвлеченным человечеством лежит понятие «особый мир». Совокупность народов, населяющих хозяйственно самодовлеющее (автаркическое) месторазвитие и связанных друг с другом не расой, а общностью исторической судьбы, совместной работой над созданием одной и той же культуры или одного и того же государства...» [228, с. 441].

В противоположность экономико-центризму и этноцентризму социоцентризм «означает владение таким механизмом, который, вместо того чтобы разрывать экономику, культуру и мораль, позволяет осознавать их взаимозависимость в рамках нерасторжимого целого, называемого социальностью». Эта целостность позволяла возникнуть великим цивилизациям: «Великие суперэтнические общно-

сти, ныне разрушаемые глобалистами и этноцентристами, отстаивали ценности и воодушевительные смыслы не на этническом, а на гражданском уровне».

Социоцентристская политическая культура является солидаристской, космоцентристской и этикоцентристской, она отождествляет онтологию и этику. Она сменяет модель космоса как кладовой ресурсов на модель органического, живого космоса. Он открывает культуросенозы – невидимые целостности, скрепленные подобно биоценозам в природе тонкими взаимоподдерживающими нитями любви, доверия, самопожертвования, социальной солидарности, сострадательности, сотрудничества и ответственности. Данный тип политической культуры близок к демократии участия и объединяет «не наиболее приспособленных, а наиболее совестливых и чувствительных к проблемам социальной и нравственной неустроенности современного мира». Представители данного типа политической культуры связывают социальную защиту не с деятельностью государства, а с гражданской самодеятельностью, с низовым политическим творчеством.

Каждый из этих типов образует определенный ансамбль, объединяющий в некое целое известные когнитивные, мотивационные, нормативные и проективные установки, отличающиеся от соответствующих установок других культурных типов.

И хотя распределение трех указанных типов политической культуры имеет свою специфику в разных регионах планеты, в целом все же не столько история и география, сколько логика современного политического бытия и современных вызовов, по мнению А. С. Панарина, определяет распространенность этих типов и характер их взаимоотношений [170].

16.3.2. Модели и виды политических культур

Констатация факта существования политической культуры не снимает вопроса о том, как она влияет на политический процесс, определяет поведение различных групп и слоев населения. При оценке и характеристике политической культуры разных стран и народов необходимо исходить из факта существования многих региональных и национальных вариантов политической культуры. Нельзя говорить о единой для Европы и Ближнего Востока, Западного полушария и Дальневосточного региона модели политической культуры. Однако это не препятствует выделению самых общих моделей политической культуры. Исходя из сущностных характеристик, можно выделить следующие крупные модели политической культуры: этатистскую, либерально-демократическую и постиндустриальную.

16.3.2.1. Базовый модельный ряд

В рамках *этатистской модели* К. С. Гаджиев [41, с. 165] выделяет различные варианты авторитарной, тоталитарной, традиционной политических культур и субкультур. При всех расхождениях общим для них является господство коллективистских, групповых, общинных ценностей, приоритета публичного над частным, прав и свобод группы, коллектива над индивидуальными правами, подчинение интересов личности коллективу. Для носителей данного типа политической культуры характерны завышенные ожидания помощи и покровительства со стороны государства, преувеличение его роли в жизни общества, зачастую доходящее до его мифологизации.

Государство рассматривается как единый организм, в котором различные институты, организации, группы, индивиды играют лишь подчиненную роль. В сфере взаимоотношений индивида и государства, правителей и управляемых здесь преобладают отношения «патрон–клиент», государство и его руководители оцениваются массой населения по их способности проявлять и реализовывать «отцовскую» заботу о подданных. Имеет место та или иная степень персонализации политики и самого государства, не отделяемых от личности конкретных государственных деятелей, вождей, фюреров, «отцов нации». Важное значение (с существенными оговорками применительно к тоталитарной политической культуре) отводится традиции и обычаю. В наиболее полной форме некоторые важнейшие элементы данного типа политической культуры проявились при тоталитарной системе с ее жестким подчинением всех сфер жизни всемогущему государству.

В большей степени рассматриваемый тип политической культуры распространен в современном мире в зоне развивающихся стран, а именно в Азии, Африке и Латинской Америке. Однако авторитарные и тоталитарные его варианты в разные периоды XX в. существовали во многих европейских странах: СССР, Германии, Италии, Испании, Португалии, Греции.

Либерально-демократическая модель характеризуется признанием плюрализма, законности существования многообразия интересов в социальной, экономической, духовной, политической и других сферах жизни. Важнейшими его компонентами стали идеи индивидуальной свободы, самооценности личности, прирожденных и неотчуждаемых прав человека на жизнь, свободу и частную собственность. Люди, воспитанные в либерально-демократической традиции, убеждены в том, что частная собственность составляет основу индивидуальной свободы. Личная свобода в свою очередь рассматривается в качестве необходимого условия самореализации индивида.

В глазах приверженцев либерально-демократической модели политической культуры принципы представительства и выборности должностных лиц, право, правовая система выступают как гаранты индивидуальной. Они считают, что закон призван защищать свободу личности, неприкосновенность собственности, жилища, частной жизни, духовную свободу. Для них самоочевидной истиной является право участия каждого человека в политическом процессе, необходимость соблюдения определенных «правил игры» политическими партиями, разного рода группами интересов, возможность мирной смены власти по итогам всеобщих выборов, другие нормы и принципы парламентаризма и плюралистической демократии.

Эти и другие сущностные характеристики органического и либерально-демократического типов политической культуры в разных национально-культурных условиях проявляются по-разному.

Между двумя моделями, обозначенными самыми общими чертами, располагается обширный спектр национальных, региональных и иных вариантов и разновидностей политической культуры. В современном мире во многих случаях мы имеем дело со *смешанными* моделями политической культуры. Например, если о сколько-нибудь чистом тоталитарном типе можно было говорить применительно к фашистской Италии и нацистской Германии 1930-х гг., а также к СССР примерно до начала 1950-х гг., то в настоящее время речь может идти лишь

о его остаточных элементах у нас в стране и других постсоветских государствах, а также и Китае.

В России разрушение норм, присущих тоталитарной политической культуре, обнажило существенные авторитарные и традиционалистические пласты, которые можно обнаружить в политической культуре не только нашей страны, но и Китая, Японии, Испании, других стран. Поэтому мы должны помнить, что предлагаемые модели политической культуры нужно рассматривать как теоретические конструкции, в которых присутствует значительный элемент абстракции и обобщения. Реальное положение вещей значительно сложнее. Отсюда то разнообразие элементов и норм, которые обнаруживаются в конкретных национально-страновых условиях в рамках одной и той же модели.

В основу данного модельного ряда положен распространенный принцип: переход политической культуры от авторитарной модели к демократической. В этом процессе выделяют «либерально-демократическую», «авторитарно-тоталитарную» и другие «смешанные» разновидности политической культуры. Данный подход решает задачи определения уровня «демократизации» соответствующей политической культуры. В то же время он не предполагает анализа цивилизационных и национальных особенностей политической культуры. Другим его «узким местом» является то, что «переходные» модели политической культуры заведомо выставляются «низшими» по сравнению с «демократической» политической культурой. И если это верно с точки зрения «идеальных моделей политической культуры», то на практике может означать недооценку авторитарно-мобилизующих моделей политической культуры, которые обеспечивают единство общества и власти, а также высокие темпы развития производства (Китай, новые индустриальные страны Дальнего Востока и др.). Каждой общественно-политической системе соответствует базисная модель политической культуры. Она проявляется в национально-специфических формах. Ни одна политическая система ни в одной стране не будет стабильной, если она не рождена в самой этой стране, на ее почве в качестве результата развития собственной политической культуры.

16.3.2.2. Постиндустриальная модель

Значительный вклад в изучение политической культуры был внесен американским политологом Р. Инглхартом [82], разработавшим концепцию «бесшумной революции». Используемые им данные отражали результаты опросов 56 292 респондентов из 43 стран. Анкеты, с помощью которых проводились обследования, включали более 100 вопросов относительно различных аспектов жизни.

Согласно основным положениям его теории, наиболее устойчивые ценностные ориентации и настроения массовых слоев общества являются важнейшими элементами политической культуры. Специфические сочетания этих ориентаций и настроений определяют устойчивость и жизнеспособность демократии. Инглхарт предположил, что в индустриально развитых странах под влиянием социально-экономического развития происходит переход от материальных к *постматериальным ценностям*, которые начинают играть ведущую роль в жизни людей. Ряд этих ценностей — удовлетворенность жизнью (работой, досугом, семейной жизнью) и склонность доверять другим — непосредственно включены, согласно Инглхарту, в структуру гражданской культуры. «Доверие к другим» — это элемент

культуры, предопределяющий возможность объединения граждан в ассоциации и группы по интересам, без деятельности которых, в свою очередь, становится невозможной демократия. Настроения же, выраженные формулой «удовлетворенность жизнью», оказывают сильное влияние на отношение граждан к политической системе в целом. Основной культурный раздел начинает проходить между «материалистами» и «постматериалистами».

Материалисты ориентированы на экономическое благополучие и безопасность государства, процветание своей семьи, сохранение собственного материального благополучия. Для них уровень жизни, законность и порядок имеют первостепенное значение.

Постматериалисты в большей степени ориентированы на ценности нематериального характера: гарантии прав и свобод человека, самовыражение и самоопределение личности, защиту окружающей среды и т. п. В отличие от «материалистов» «постматериалисты» ценят качество жизни. «Экономической и физической безопасности, — отмечал Инглхарт, — постматериалисты придают отнюдь не негативную ценность — они, как всякий, оценивают ее положительно; но в отличие от материалистов, они еще более высокий приоритет отводят самовыражению и качеству жизни». Наряду с самовыражением и качеством жизни постматериалисты особое внимание уделяют политическому участию.

Между этими двумя «чистыми» группами располагаются две промежуточные: «смешанные» материалисты и «смешанные» постматериалисты. У «смешанных» материалистов на первом месте стоят материалистические ценности, а на втором — постматериалистические, а у «смешанных» постматериалистов — наоборот. Ряд постматериалистических ценностей — удовлетворенность жизнью (работой, досугом, семейной жизнью) и склонность доверять другим — непосредственно включены, согласно Инглхарту, в структуру гражданской культуры. «Доверие к другим» — это элемент культуры, предопределяющий возможность объединения граждан в ассоциации и группы по интересам, без деятельности которых, в свою очередь, становится невозможной демократия. Настроения же, выраженные формулой «удовлетворенность жизнью», оказывают сильное влияние на отношение граждан к политической системе в целом. Инглхарт размещает ценности между двумя «координатами» (параметрами):

- традиционной и рационально-легальной (государственной) властью;
- ценностями дефицита (материальными) и постматериальными ценностями.

Исследования показали, что постматериальные ценности коррелируют с удовлетворенностью жизнью. В то же самое время Инглхарт отмечает интересный факт, который выявили исследования: «...на личностном уровне постматериалисты не обнаруживают относительно высокого уровня реальной удовлетворенности жизнью». Это связывается с тем, что хотя постматериалисты богаче, чем большинство членов общества, их субъективная оценка как собственного благосостояния, так и его значимости не поднимается выше определенного уровня. Таким образом, субъективное ощущение благосостояния не повышается по мере экономического роста и роста доходов.

Также наблюдалось и снижение преклонения перед государственной властью, и повышение внимания к таким индивидуальным ценностям, как досуг, дружба,

добрососедство. Постматериалисты ниже материалистов оценивают значение науки и техники. Это объясняется как их высокой материальной удовлетворенностью, так и убежденностью, что научный и технический прогресс может принести человечеству большой вред.

Общества, в которых широко распространены постматериальные ценности, характеризуются большей толерантностью и терпимостью по отношению к социальным и национальным меньшинствам. В отличие от них в обществах, где преобладают дефицит и материальные ограничения, достаточно часто распространенной оказывается ксенофобия. «Острота ксенофобии, — замечает по этому поводу Инглхарт, — всегда пропорциональна социально-экономической нестабильности и ненадежности». Данные исследований демонстрируют толерантное отношение постматериалистов к иммигрантам, терпимость к сексуальным меньшинствам, одобрительное отношение к феминизму. Укрепление постматериальных ценностей, связанных с достатком, по мнению Инглхарта, способствует повышению терпимости к разнообразию и является потому неременным условием демократии.

Другим условием современной демократии являются повышение уровня межличностного доверия и участие людей в общественной жизни. В иерархии постматериалистических ценностей высокое место занимают ценности самовыражения и участия в принятии решений на всех уровнях. Оценки же вмешательства правительства в экономическую жизнь, увеличения численности правительства и роста бюрократизма, увеличения доли государственной собственности, напротив все более негативны.

Таким образом, в противоположность Алмонду, полагавшему, что основой индустриальной демократии является гражданская культура, Инглхарт утверждает, что в постиндустриальном обществе основанием демократии становятся постматериальные ценности.

Главный вывод, к которому пришел Инглхарт, заключается в том, что само по себе экономическое развитие не порождает демократию, оно влияет на демократизацию лишь в той мере, в какой способствует культурным переменам. В соответствии с приведенными выше параметрами Инглхарт построил культурологическую схему мира начала 1990-х гг. На ней большинство экономически неразвитых стран расположены в нижнем левом углу квадрата. Это связано с тем, что для их культуры характерно преобладание ценностей выживания, а власть является традиционной. Культура способствует консервации традиционного характера власти и ценностей дефицита. Для большинства посткоммунистических стран характерны доминирование ценностей дефицита и надежды на государственную власть.

В конце 1990-х гг. Инглхарт дополнил и внес видоизменения в культурную схему мира. Эти дополнения связаны как с учетом выделения цивилизаций С. Хантингтоном [245], так и с новыми данными аналитических служб и организаций. На культурные характеристики стран наложила отпечаток не только религия, историческое прошлое в не меньшей степени предопределило их культурный облик.

Каждая из сторон квадрата представляет собой шкалу факторных показателей. Положение каждой страны определяется факторными величинами ценностей дефицита/постматериальных ценностей и традиционной/государственной власти.

Однако, как отмечает Инглхарт, границы, отделяющие страны и зоны друг от друга, имеют субъективный характер.

На культурной схеме мира (1995–1998) он выделил девять культурных зон: Африку, ортодоксальную, посткоммунистическую Балтию, конфуцианские страны, православные страны, католическую Европу, протестантскую Европу, англоязычные страны, Южную Азию и Латинскую Америку. Наиболее близкой традиционной власти и ценностям дефицита оказалась африканская зона, включающая Нигерию, Гану и ЮАР. Внизу, но чуть ближе к шкале постматериальных ценностей расположились страны Латинской Америки (Пуэрто-Рико, Венесуэла, Колумбия, Перу, Бразилия, Доминиканская Республика, Чили, Мексика, Аргентина, Уругвай), левее латиноамериканской зоны Инглхарт располагает южноазиатскую, в которую включает Пакистан, Бангладеш, Филиппины, Турцию, Индию. Католическая Европа занимает «срединное» положение на схеме. К этой зоне отнесены Испания, Италия, Австрия, Франция, Бельгия, Португалия. Южнее ее, но ближе к шкале постматериальных ценностей находятся англоговорящие страны: США, Северная Ирландия, Британия, Канада, Новая Зеландия, Австралия. Верхнюю правую часть схемы занимает зона протестантской Европы: Западная Германия, Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия, Швейцария, Нидерланды. Чуть «западнее» протестантской Европы располагается конфуцианская зона: Тайвань, Южная Корея, Япония. Посткоммунистические страны Балтии оказываются наиболее близкими государственной власти и ценностям дефицита. Страны ортодоксальной зоны (Грузия, Босния, Румыния, Македония, Молдова, Беларусь, Армения, Югославия, Болгария, Украина, Россия) располагаются на таком же примерно расстоянии от ценностей дефицита, но ниже по отношению к государственной власти.

Американский политолог подчеркивал, что ценностные системы богатых и бедных стран отличаются друг от друга. Так, страны, в которых ВВП на душу населения превышает 15 тыс. дол., занимают положение в верхнем правом углу схемы, т. е. характеризуются современным государством и превалированием постматериальных ценностей. Страны же с душевым доходом ниже 2 тыс. дол. занимают нижний левый угол схемы. Однако Инглхарт отказывается объяснять культурные изменения только экономическим развитием. Историко-культурное наследие на культуру общества и его ценности оказывает не меньшее влияние.

Постматериальные ценности, неоднократно подчеркивает Инглхарт, тесно связаны с демократическими институтами.

16.3.2.3. Религиозная (традиционная) модель политической культуры

С начала XXI в. внезапно стала вновь актуальной религиозная модель политической культуры. Исламский мир стал рассматриваться не только как культурное явление, но и как политико-культурное. Проблема возникла в связи с распространением мусульманского терроризма и ваххабизма. Исследователи выделяют *традиционный* (религиозный) и светский типы политической культуры. Традиционная политическая культура опирается на жесткие предписания и систему принципов политического сотрудничества (абсолютные монархии, тоталитарные религиозные государства).

Для традиционной политической культуры характерны:

- признание священного характера власти;
- признание того, что права подданного и права власти по отношению к нему регулируются традиционными нормами, вытекающими из утверждения «так было всегда»;
- признание неизменности данной системы политических отношений и ее политических норм.

Светский тип политической культуры характеризуется прагматизмом, эмпиризмом. В рамках светской политической культуры формируется культура широких слоев населения демократических стран [74, с. 612].

16.3.2.4. Видовое разнообразие Алмонда

Г. Алмонд [2] выделял четыре вида политической культуры, которые различаются по степени сходства взглядов представителей разных слоев общества:

- *гомогенный* (в США и Великобритании) – большинство населения разделяют принципы устройства данной политической системы и терпимо относятся к разногласиям;
- *фрагментированный* (в континентальной Европе) – согласие по основным политическим вопросам отсутствует; общество разделено на субкультуры, часто не совмещающиеся друг с другом;
- *доиндустриальный* (в модернизирующихся развивающихся странах) – новые политические реалии (например, парламент и т. п.), смешанный с традиционным политическим поведением;
- *тоталитарный* (в коммунистических и националистических странах) – гомогенность присутствует, но искусственная, жестко, насильственно навязанная сверху.

Из данных видов устойчив первый, а четвертый устойчив по видимости. В двух остальных гомогенность отсутствует, что делает их нестабильными, особенно третий, при котором слишком велики различия между компонентами системы. Как показывает данная классификация, на политическую стабильность в стране влияет не столько количество партий, сколько степень антагонизма между ними. В США она сведена к минимуму и политическая стабильность высока. В России глубок антагонизм между партиями, что снижает политическую стабильность.

Американская политическая культура гомогенна, поскольку жители США всегда жили при одной политической системе. Совсем не то в других западных странах, которые прошли длительную политическую эволюцию. Еще сложнее ситуация в модернизирующихся странах и нынешней Российской Федерации.

Тоталитарная политическая культура предполагает государственно направляемые и контролируемые формы участия людей в политике, жестко идеологизированные стереотипы поведения, лояльную ориентированность на официальные институты и символы, полный контроль за деятельностью СМИ и коммуникации, наличие разветвленной системы слежения и контроля за идеологией, публичными выступлениями и частными беседами о политике. Политический язык формализован и идеологически жестко определен. Историческими примерами такой культуры выступали политическая культура фашизма, нацизма, сталинизма и др.

Основными характеристиками тоталитарного типа являются:

- культ власти и ее обожествление, причем общество не ощущает своего полного отчуждения от власти;
- доминирование государства над гражданским обществом, партии над государством;
- харизматика и вождизм, ощущение единства масс и партии, масс и вождя;
- искусственное разделение общества на враждебные силы;
- партийный и идеологический монизм;
- господство мифов и различного рода мистификаций;
- сведение всех форм человеческой деятельности к коллективным и др.

16.3.2.5. Концепция видов Каванаха

Иное видеописание политических культур предложил английский исследователь Д. Каванах. Он выделил:

- *гомогенную*, характеризующую общества, единое по основополагающим ценностям и толерантное;
- *фрагментарную* – с конфликтной оппозиционностью различных субкультур;
- *смешанную* – с наличием ценностных ориентаций, отличающихся от норм и ценностей существующего политического режима;
- *искусственно гомогенную* – с апатичностью (подданническим характером), соединяемой с мобилизованным участием [213, с. 186].

На основе этой концепции А. И. Соловьев предложил свою интерпретацию. Он выделил *консенсуальный*, *поляризованный* и *фрагментарный* типы политической культуры. В политической культуре *консенсуального* типа отмечается наличие высокой сплоченности населения на базе относительно ведущих ценностей, целей, которые стоят перед государством и обществом. Поэтому здесь, как правило, высока и лояльность граждан к правящим кругам и целям режима.

В *поляризованной* политической культуре сложившиеся в обществе субкультуры отличаются резким несовпадением базовых ценностей и ориентиров политической деятельности населения (разрывом горизонтальных субкультур), элиты и электората (разрывом вертикальных субкультур).

В странах с *фрагментированной* политической культурой у населения чаще всего отсутствует прочное согласие относительно целей общественного развития, основных методов реформирования страны, моделей будущего [213].

Степень и глубина взаимонепонимания обычно не совпадают, поэтому в рамках этого типа политической культуры выделяются подтипы. Например, можно говорить о фрагментированных (сегментированных) политических культурах, в рамках которых, в отличие от отношений внутри поляризованной политической культуры, существует определенный общественный консенсус по поводу самых основных – национальных – ценностей. В то же время, как подчеркивает В. Розенбаум, здесь местная лояльность нередко превалирует над национальной, слаба действенность правовых, легитимных процедур, распространено острое недоверие социальных групп друг к другу, и поэтому приходящие к власти правительства нестабильны и недолговечны [213, с. 262].

Наличие сегментированных политических культур весьма типично для переходных обществ или тех, в которых идет процесс формирования титульной нации. В этих условиях велика доля апатичных и отчужденных от власти слоев населения, ведутся острые политические дискуссии относительно целей и способов общественных преобразований.

16.3.3. Политическая субкультура

16.3.3.1. Понятие политической субкультуры

Культура нации, государства и общества представляет собой совокупность многообразных культурных феноменов, именуемых *субкультурами* (*sub*, с лат. — под, близ, около). Политическая культура также относится к ряду субкультур. Но в разрезе политического понимания картины социального мира политология рассматривает политическую культуру как условно целостный феномен, состоящий в свою очередь из субкультур. Под политической *субкультурой* понимается совокупность элементов, которые значительно отличаются от политических ориентаций, доминирующих в обществе. Это особенно характерно для полиэтнических, федеративных и многоконфессиональных стран, а также для государств, процесс формирования которых был растянут во времени и шел постепенно путем присоединения все новых территорий.

Субкультура — это сочетание политических взглядов, ориентаций и образцов политического поведения, характерная для определенной социальной группы или региона и отличающаяся от ориентаций и образцов, доминирующих в обществе. Каждая субкультура включает в себя то общее, что характеризует основную политическую культуру, и то специфическое, что отличает именно эту субкультуру. Особенности субкультур обусловлены положением общественных групп в экономической и социальной структуре общества, а также этническими, расовыми, образовательными, половозрастными, религиозными и другими особенностями их носителей.

Различия в выборе людьми тех или иных ценностных ориентиров и способов политического поведения зависят, по мнению А. И. Соловьева [199], от их принадлежности:

- к социальным (классы, слои, страты);
- национальным (этнос, нация, народ);
- демографическим (женщины, мужчины, молодежь, престарелые);
- территориальным (население определенных районов и регионов);
- ролевым (элита и электорат);
- другим (религиозные, референтные и проч.) группам.

Выработка людьми ценностных ориентаций (и соответствующих форм поведения) на основе групповых целей и идеалов превращает политическую культуру в совокупность субкультурных образований, характеризующих наличие у их носителей существенных (несущественных) различий в отношении к власти и государству, правящим партиям, в способах политического участия и т. д.

16.3.3.2. Типология политических субкультур

В политической науке выделяются различные типы субкультур: религиозные, этнолингвистические, региональные, демографические. В частности, Алмонд [2] дифференцировал субкультуры на *вертикальные и горизонтальные*. Первые из них он разделил на субкультуры «*масс*» и «*элит*», вторые – на *региональные, религиозные и этнические*.

Наибольшим значением для жизни и политического развития общества обладает субкультура лидеров и элит, определяющая характер исполнения ее носителями специализированных функций по управлению политической системой.

В этом смысле наиболее важными элементами субкультуры лидеров и представителей элиты являются:

- способности выражать интересы рядовых граждан (и, прежде всего, не превращать свое общественное положение в способ достижения сугубо индивидуальных целей);
- профессиональные управленческие качества;
- те черты и свойства, которые позволят им приобрести и поддерживать авторитет, убедить общественность во мнении, что занимаемое высокое место во властной иерархии принадлежит им по праву [199].

Региональные политические субкультуры – выделяются по регионально-государственным признакам. Они обусловлены такими различиями между отдельными регионами планеты, континента и страны, как климат, наличие определенных природных ресурсов и т. п. Это, в свою очередь, порождает *экономические* различия, влияющие на уровень жизни людей, общий уровень культуры, а следовательно, и на их политико-культурный уровень. По этим признакам наблюдаются различия в стилях политического мышления и поведения, например, граждан США и России, ближневосточных и западноевропейских государств, африканских и латиноамериканских стран и т. п.

На политическую культуру региона существенное воздействие оказывают такие факторы, как *экономическая специализация* данного региона, его место в общей системе разделения труда. Политическая субкультура населения крупных городов отличается от субкультуры сельского населения. Аграрные регионы, как показывает опыт России, в политическом отношении более консервативны, чем промышленные. Они поддерживают левый спектр политических партий, проявляя при этом невысокий уровень политической активности, т. е. ограничиваются участием в выборах. Однако при этом степень участия сельского населения в выборах несоизмеримо выше, чем в других регионах. В некоторых промышленных регионах (на Урале, например) население предпочитает высокоактивные формы участия – демонстрации, забастовки и т. п., иногда социально неприемлемые. Центральные регионы по уровню развития политической культуры отличаются от периферийных степенью политической сознательности и активности. Регионы, имеющие возможность обеспечить за счет находящихся у них ресурсов определенный уровень экономического и социального благосостояния, характеризуются непротиворечивой политической культурой, лояльностью по отношению к существующему режиму, тяготением к политической самостоятельности. Типичный пример для России – Центральное Черноземье.

Социоэкономические субкультуры обусловлены существованием в обществе различных групп (социальных слоев, классов), имеющих различный экономический статус, а следовательно, и различия в образе жизни, в интересах, играющих особо важную политическую роль. Так, для предпринимательского слоя наиболее актуальными политическими ценностями являются экономическая свобода, стабильность, контроль за государством со стороны гражданского общества, участие в принятии решений. Другими словами, то, что составляет непосредственные политические условия активности предпринимателя. Решения правительства в области финансов, налогообложения, бюджета непосредственно затрагивают интересы данного общественного слоя. Отсюда возникает необходимость активного политического участия (влияния на властные структуры) уже на этапе подготовки подобных решений. Представители данной субкультуры применяют различные способы и методы воздействия на власть. В свою очередь, это делает необходимым знание особенностей политической системы, отдельных ее институтов, механизма принятия решения и т. д. Предпринимательский слой предпочитает такие активные формы воздействия на власть, как широкое использование средств массовой информации, лоббирование правительственных структур, создание политических партий, претендующих на участие во власти.

Некоторые особенности свойственны политической субкультуре женщин. Исследователи отмечают их склонность к поддержке партий и организаций консервативного направления, следование устоявшимся традициям.

Религиозные субкультуры возникают в том случае, когда религия является основным всепронизывающим элементом общей культуры определенной группы людей. Исламский фундаментализм, например, это не столько религиозная, сколько политическая идеология.

Например, такие субкультуры в пределах России наблюдаются на Северном Кавказе, а также в Поволжье, Татарстане, Калмыкии и некоторых других регионах. Носителями религиозно-политических субкультур могут выступать и определенные возрастные категории граждан. Национально-этнические политические субкультуры характерны для государств, имеющих неоднородный национальный состав. В этом плане наиболее распространены политические субкультуры национальных меньшинств. Носителями таких субкультур являются, например, греки в Турции, алжирцы во Франции, баски в Испании, индейцы и негры в США, коренные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока в России и многие другие. Политические субкультуры национальных меньшинств имеют особо ярко выраженный характер в тех случаях, когда какое-либо этническое меньшинство дискриминируется.

Возрастные субкультуры отражают различные системы политических ценностей у представителей разных поколений. Старшие поколения, политическая культура которых сложилась в условиях отжившей политической реальности, имеют политические взгляды, отличные от системы политических установок молодежи, не отягощенной практикой старого политического режима. Для молодежи характерно преобладание таких ценностей в ее сознании, как возможность общения, качество жизни и другие ценности. Можно вспомнить о субкультуре протеста, характерной для молодежного движения 60–70-х гг. XX в., однако возрастные отличия в стабильных системах оказывают меньшее воздействие на политическую культуру людей [107, с. 253].

Подходы Алмонда не являются единственно распространенными, в частности Д. Элазар [266] выделил в американской политической культуре три другие основные субкультуры: *моралистскую, индивидуалистическую и традиционалистскую*. В моралистской культуре преобладают нравственные требования к политическим деятелям. Ее носители – наследники пуританских традиций Старого Света. Индивидуалистическая субкультура настаивает на ограничении сферы деятельности государства, автономии личности, правах и свободах личности. В рамках этой субкультуры политика рассматривается как разновидность бизнеса, в котором каждый участник преследует свои интересы. Традиционалистская субкультура в большей степени распространена на Юге США. Характерными чертами этой субкультуры являются ориентации на личные, дружеские связи, клановость и корпоративизм.

Ряд отечественных политологов, увязывая характер субкультур с уровнем развития провозглашенных в обществе прав и свобод, выделяют следующие типы субкультур: *радикальную, реформистскую, оппортунистическую, конформистскую, лояльную*. Они непосредственно или косвенным образом взаимодействуют, каждая из них имеет своего носителя. Причем носители субкультур часто используют несхожие политические языки, непонятные другим участникам политического процесса, прибегают к разным системам политической аргументации, а иногда склоняются и к силовым методам решения конфликтных ситуаций. Это может оказаться источником дестабилизации общественно-политической жизни [188].

В зависимости от характера взаимоотношений субкультур, У. Розенбаум выделил интегрированные и фрагментированные типы политических культур. Интегрированный тип предполагает согласие большинства общества по базовым ценностям (относительно основных целей развития общества, функций политической системы и политических норм). Фрагментированные же политические культуры отличаются:

- острой конфликтностью субкультур;
- преобладанием патриархальных и подданнических ориентации над общенациональными;
- подозрительным отношением друг к другу носителей различных субкультур.

В конечном итоге фрагментарная культура обуславливает нестабильность политической системы и неустойчивость ее политических институтов. Подобный тип политической культуры характерен для развивающихся стран, а также для Канады, Северной Ирландии, современной России [33, с. 185].

§ 4. РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Несмотря на разнообразие типов, моделей и видов политической культуры основной для ее понимания, изучения и учета перспектив развития является национальная модель. Политическая культура государства формируется в процессе переплетения:

- ценностных ориентаций и форм политического участия граждан;
- национальных традиций и обычаев;
- способов общественного признания человека;
- доминирующих форм общения элиты и электората;

- других обстоятельств, выражающих устойчивые черты цивилизационного развития общества и государства [199].

Например, история государственного развития США, где сумели выработать единые базовые ценности либерализма и демократии и сформировать плюралистическую организацию власти, обусловила достаточно деидеологизированные ориентации своих граждан, низкую политическую активность последних (вызванную уважением к правящим элитам), склонность к использованию легитимных форм политического участия, законопослушность, высокий патриотизм и т. д. Английскую политическую культуру отличает такая же всеобщность базовых политических ценностей, высокий уровень легитимности властей и ответственности элит за свои действия, особая почтительность граждан к символам государственности, склонность к минимизации конфликтов и поиску согласия между политическими силами. Политико-культурный облик Германии отличает повышенная законопослушность населения, чуткость к правовым регуляторам политического поведения и соблюдению процедур, ответственность элит за исполнение своих обязанностей и т. д.

16.4.1. Исторические пути российской политической культуры

16.4.1.1. Факторы, определившие российскую модель

Базовые ценности российской политической культуры сложились под воздействием мощных, не утративших своего влияния и в настоящее время факторов. А. И. Соловьев [213, с. 265] в первую очередь относит к ним *геополитические* факторы, выражающиеся в особенностях лесостепного ландшафта России, в наличии на большей части территории резко континентального климата, в больших размерах освоенных человеком территорий и т. д. Влияя на жизнь многих поколений, эти факторы определили для значительных, в основном сельских, слоев населения основной ритм жизнедеятельности, установки и отношение к жизни. К примеру, зимне-летние циклы способствовали сочетанию в русском человеке степенности, обломовской созерцательности и долготерпения (от длительной пассивности в зимний период) с повышенной активностью и даже взрывным характером (из-за необходимости многое успеть за короткое лето).

Значительное влияние на доминирующие черты российской политической культуры оказали и *общецивилизационные* факторы, отразившие самые показательные формы организации совместной жизни россиян, их базовые ценности и ориентиры. К ним относят:

- социокультурную промежуточность между ареалами Востока и Запада;
- постоянную ориентацию государства на чрезвычайные методы управления;
- доминирование коллективных форм социальной жизни;
- отсутствие традиций правовой государственности;
- низкую роль механизмов самоуправления и самоорганизации населения;
- слияние церкви (против ее воли) с государством, ставшей через это, элементом государственности.

Кроме этого, принципиальное значение имели социкультурные катаклизмы XX в.:

- уничтожение тоталитарным режимом ряда социальных слоев (купечества, гуманитарной интеллигенции, офицерства) и ряда народностей;
- отказ от рыночных регуляторов развития экономики;
- насильственное внедрение коммунистической идеологии.

Реализуемые в течение десятилетий, они:

- существенно трансформировали многие тенденции в развитии российской цивилизации;
- нарушили естественные механизмы воспроизводства российских традиций;
- разорвали преемственность поколений;
- изменили вектор развития ценностей плюралистического образа жизни;
- деформировали межкультурные связи и отношения России с мировым сообществом.

16.4.1.2. Факторы возникновения, становления и развития подданнической политической культуры

При всех многообразных социально-экономических, политико-идеологических и духовных изменениях в развитии российского общества на протяжении досоветского, советского и постсоветского периодов тип взаимоотношения населения и власти, по мнению Р. Т. Мухаева [155], демонстрирует постоянство и преемственность. В его основе лежит *подданническая политическая культура*, характеризующаяся отношениями односторонней зависимости индивида от власти, надеждами на получение от нее благ.

Вместе с тем подданнический тип политической культуры обычно характеризуется общепринятой приверженностью населения к таким ценностям, как привычка подчиняться власти, дисциплинированность, наличие социальных гарантий, равенство и т. д. В России все по-другому.

Во-первых, ее политическая культура двойственна и представляет собой неорганичное взаимодействие (иногда жесткое противоборство) двух социокультурных потоков, ориентированных на разные системы ценностей. Доминирующий социокультурный поток, вбивавший в себя большинство населения, всегда ориентировался на ценности корпоративизма (коллективизма, соборности), справедливости и равенства. Его сторонники отличались приверженностью патриархальным традициям (привычке подчиняться власти, потребности в руководстве и т. д.). Поток другой субкультуры содержит ценности свободы, индивидуализма, прав человека, плюрализма и т. д.

Неорганичное сочетание двух систем ценностей в России обусловлено ее положением между Западом и Востоком, которые оказывают существенное влияние на российское общество. Существование относительно свободного индивида в период раннего Древнерусского государства сменилось заметным влиянием властей, ростом зависимости населения. Подданнические политические ориентации идеологически закреплялись христианством в форме православия. Приняв христиан-

ство, власть приобрела божественный характер и абсолютную легитимность через божественное право.

Принципы и механизмы практической реализации отношений господства и подчинения между властью и населением были заимствованы из практики организации монгольской империи. Характер фундаментальных поведенческих ценностей они приобрели в период завершения формирования централизованного российского государства при Иване Грозном. Однако одновременно с влиянием Востока активизировались отношения России с европейскими странами, что способствовало привнесению в Россию западных ценностей. Наиболее активно данный процесс происходил при Петре I, хотя и тогда социальная база активистской политической культуры была узкой: носителями этих ценностей выступал правящий класс и немногочисленная интеллигенция.

Во-вторых, разобщенность и неоднородность российской политической культуры обусловили *конфронтационный* характер отношений между ее носителями. Противоположные представления и образы желаемого справедливого общества, существующие у различных социальных групп российского населения, постоянно сталкивались, составляя основу острой, порой жестокой политической борьбы. Это объясняет, почему Россию на протяжении всей ее истории сотрясали бесконечные бунты, гражданские войны, революции.

В-третьих, доминирование подданных политических ориентаций обусловлено концентрацией, начиная с раннего средневековья, *политического господства* в руках правящего класса. Процесс концентрации политического могущества был вызван тем, что освоение громадных российских просторов при отсутствии развитой технологической, материальной и коммуникационной инфраструктуры можно было осуществлять лишь с помощью сильной власти князей и их дружин. Да и для защиты бесконечных границ государства от воинственных соседей требовалась концентрация политического и военного могущества. В связи с этим именно политические факторы (политическая воля монарха, сильное государство, разветвленный бюрократический аппарат, развитая репрессивная система) обеспечивали поступательное развитие российского общества.

Естественно-исторические механизмы социальной эволюции (экономические интересы, собственность, наличие самостоятельного производителя, конкуренция, рынок), породившие зрелое гражданское общество и активистские политические ориентации на Западе, в России не получили широкого распространения. Дифференциация интересов и статусов осуществлялась не за счет механизмов экономического неравенства (отношений собственности), а за счет *отношений власти*. Наличие или отсутствие власти было основным критерием деления общества на два класса: правящий класс, обладающий монополией на власть и, следовательно, исключительными правами на управление, на собственность, привилегии; и зависимое население, лишенное экономических, социальных и политических прав. Высокая степень концентрации и централизации всех видов власти у правящего класса приводила к тому, что малейшее ослабление его господства оборачивалось нарастанием неуправляемости системы, потерей темпов экономического и социального роста и в конечном счете революциями.

В 60-е гг. XIX в. в стране возникли благоприятные условия для развития демократической политической культуры. Было ликвидировано крепостное право, на-

чалось формирование новых социальных сил: буржуазии и разночинной интеллигенции, осуществлялась масштабная правовая реформа. Однако неспособность правящих элит верно реагировать на вызовы времени привела к революции 1917 г. А последовавший затем большевистский переворот остановил данный процесс.

В-четвертых, отсутствие свободного индивида и зрелого гражданского общества всегда приводит к тому, что политическая жизнь концентрируется в руках правящего класса. Политически бесправному населению приходилось лишь выполнять предписания правящего класса.

16.4.1.3. Советский период развития подданнической политической культуры

Сохранение в советское время в качестве общепринятых стандартов политического поведения подданнических политических ориентаций, несмотря на утверждения новой власти о широком участии населения в политике, обусловлено рядом причин.

По определению Р. Т. Мухаева [155], преодоление социально-экономической и культурной отсталости России можно было обеспечить прежде всего усилением интегрирующей и мобилизующей роли государства. Но концентрация экономической, политической и идеологической власти в руках нового, сформировавшегося в советское время правящего класса – партийной номенклатуры, которая стала олицетворять собой государство, привела к поглощению индивида обществом. Легитимация государственной власти, утверждение ореола ее святости, высшей и неоспоримой ценности по сравнению с любой другой формой лояльности характерны для стран со значительным удельным весом маргинальных групп. Именно они стали социальной базой советского тоталитарного режима. Техническая, экономическая и культурная отсталость общества в совокупности с доминировавшими у большинства населения патриархальными отношениями и образом жизни обусловили формирование специфических черт культуры политического подданничества советского типа, и прежде всего такие, как потребность в руководстве, чувство благодарности вождям, потребность в почитании вождей, конформизм и т. д.

Устойчивость этих черт, передача их из поколения в поколение были связаны с особенностями политического сознания, лежащего в основе подданнических политических ориентаций советского типа. Особая роль политического сознания в структуре политической культуры обусловлена тем, что оно является одним из внутренних регуляторов политической деятельности через систему потребностей, мотивов, установок, ценностей и т. д. Одновременно оно выступало источником формирования представлений о политических целях деятельности. Политическое сознание по содержанию представляет собой осознание политических интересов (социальных групп, классов, этносов) и характера политических отношений в обществе. Однако отражением мира политики содержание политического сознания не исчерпывается. Последнее всегда есть еще и отношение (позитивное или негативное) к отражаемой реальности – отношение одобрения или отрицания ее. Именно оценочной своей стороной политическое сознание органически сливается, срастается с деятельностью социальных субъектов [155, с. 324].

Политическое сознание советского типа исходит из утопической возможности подчинения общества одной универсальной идее – построению «царства свободы». Подобное утверждение основано на убеждении о том, что посредством политического переворота, т. е. захвата власти пролетариатом во главе с Коммунистической партией можно обеспечить условия построения такого общества. Ориентация на возможность познания всеобщих связей явлений и процессов, их сознательное регулирование и изменение исключала из деятельности индивида стихийность, спонтанность. Однако практика показывает, что цели отдельного человека, как и его деятельность по их осуществлению, не укладываются в схему исторической закономерности.

Большевики взяли курс на построение тоталитарного государства. Огосударствление всех сфер жизнедеятельности общества было доведено до предела при Сталине. Политическая культура приобрела сугубо авторитарный, этактистский характер. Роль и функции, которые в обосновании русской государственности выполняло православие, перешли к марксизму-ленинизму, ставшему единственной и безраздельно господствующей государственной идеологией. Интересы отдельной личности полностью подчинялись интересам государства. Советская правовая система в целом базировалась на идее обязательства человека перед государством. Роль закона была сведена практически на нет, так как принципиальные положения устанавливались партийными директивами, а конкретные вопросы правовой регламентации разрешались в ведомственных нормативных актах органов управления. В СССР возобладало идеологизированное бюрократическое сознание.

Советской политической культуре присущи характерные черты.

Во-первых, наиболее существенная черта любого бюрократического сознания – его *иерархичность*. Высшему слою бюрократической иерархии (неважно, будь то поместное дворянство или партийная номенклатура) принадлежит монопольное право на истину в последней инстанции и моральные оценки, зависимому же населению остаются бездумное принятие и следование авторитарным формулам. Иерархичность сознания обусловлена влиянием ряда факторов:

- сложившимися формами собственности;
- экономическим и политическим отчуждением трудящихся от собственности и власти;
- неразвитостью гражданского общества и демократических институтов [155].

Особая роль коммунистической партийно-государственной бюрократии в формировании данного типа сознания была связана с тем, что в ее руках концентрировалась вся полнота экономической и политической власти, возможности распоряжения хозяйственными и финансовыми ресурсами, духовными ценностями. Главный стиль в политике отличали анонимность и безличность в принятии конкретных решений, которые авторитарные инстанции объявляли «единственно верными». Отсюда абсолютная ненаказуемость за неблагоприятные для общества результаты осуществленных ими действий. Однако формирование тоталитарного сознания является следствием не только могущества партийной бюрократии, но и материальной и духовной нищеты человека, его растерянности перед масштабами и характером проблем, требующих безотлагательного решения.

Во-вторых, основным принципом бюрократического сознания выступал *авторитет* (в данном случае КПСС), а сакрализация авторитета стала сущностью

тоталитарного политическою мышления. Тоталитарное сознание закрыто для опыта, поскольку любая информация должна быть соотнесена с позицией авторитета. В таком сознании мир представлен целостно и лишен каких бы то ни было противоречий. Сверхконцентрация всех видов власти в тоталитарных обществах не только отчуждает человека от собственности и власти, но и поглощает его, лишает индивидуальности.

Черты политической субъективности и индивидуальности у конкретной личности не могли проявляться уже в силу способа соотнесения общественного и личного интереса в политической культуре советского типа. Культура политического подданничества подавляет личный интерес, отодвигает его реализацию на неопределенное время, абсолютизирует «всеобщий» интерес, предстающий в форме интереса правящего класса. Однако этот «всеобщий» интерес превращается со временем в фикцию, что становится заметным в условиях нормального развития общества, поскольку он не осознается как интерес конкретного человека. Это происходит потому, что всеобщий интерес предстает как групповой интерес лишь части общества, которая обладает монополией на политическую власть и выдает свои интересы за интересы всего общества.

Интересы, ценности личности были на втором плане, а нередко вообще игнорировались. С ранних лет человек ощущал полную зависимость от власти и беспрекословно подчинялся ей. Деформация мотивационной структуры политической деятельности, по Р. Т. Мухаеву [155], обуславливает соответствующие образцы политического поведения и стандарты политической жизни. В условиях «вымывания» интереса конкретной личности из всеобщего интереса он перестает быть источником политической активности. Этот процесс раскалывает политическую культуру на *формальную*, декларируемую официальными властями, и *актуальную*, реально освоенную различными слоями общества. Разрыв между декларируемыми ценностями и реально освоенными образцами политической деятельности способствовал формированию двойных стандартов в общественном сознании, политической апатии населения и показного активизма.

В-третьих, отличительной чертой подданнической политической культуры советского типа была *закрытость*, т. е. абсолютизация политических ценностей рабочего класса и полное отрицание таких достижений западной демократии, имеющих общечеловеческое значение, как правовое государство, принципы разделения властей, права человека, гражданское общество и т. д. Естественно, что в классовом обществе политическая культура имеет классовый характер, выражает интересы и ценности господствующего класса. Но эволюция западного общества показала возможность интеграции интересов различных слоев, групп (включая пролетариат) в политическую систему. Абсолютизация классовых ценностей пролетариата логически вытекала из марксистской теории исторической миссии самого передового класса, как «могильщика капитализма». Кроме того, игнорирование экономических и политических достижений западных демократий было обусловлено утвердившимся в сознании советской политической элиты представлением о социализме как «антикапитализме», т. е. обществе, прямо противоположном по своей природе и способам организации капиталистическому. В то время как западное общество использовало *естественно-исторические механизмы социальной эволюции* (собственность, конкуренцию, экономические интересы и т. д.),

создававшие условия для формирования отдельного индивида, гражданского общества, многообразия социальных интересов, российское общество ориентировалось в своем развитии на *политико-идеологические механизмы эволюции*. Среди них наиболее важным было чувство классовой ненависти к буржуазии, ко всему индивидуальному. В связи с этим социальные различия формировались не естественным путем как отражение неравенства талантов и способностей, а искусственно задавались властью. Культивирование классового характера ценностей политической культуры было выгодно советскому правящему классу (партийной бюрократии), поскольку пролетариат выступал его социальной базой.

В-четвертых, характерной особенностью политической культуры советского типа является *абсолютизация революционных способов преобразования общества* и игнорирование эволюционных методов. Политический радикализм обусловлен наличием у субъекта политики упрощенной картины мира и завышенных социальных ожиданий. Низкий уровень общей культуры социальных субъектов вызывает состояние нетерпения, стремление к быстрой реализации своих социальных ожиданий. Революции являются, по их мнению, быстрым и радикальным способом решения всех проблем. Ориентация на радикальные средства социального преобразования обусловлена природой самих социальных субъектов.

В качестве основного социального субъекта после социалистической революции выступила мелкая буржуазия города и деревни, составлявшая тогда основную массу производителей в России. Будучи вырвана из привычных форм индивидуального производства процессами его национализации и обобществления, мелкая буржуазия оказалась не готовой к органичному включению в крупное производство. Поэтому она в массовом порядке, с одной стороны, пополняла ряды пролетариата, а с другой — занимала ведущие позиции в аппарате управления, приспособив к удовлетворению своих интересов полуобщественные формы производства. Разрушение привычного уклада жизни, материальная нищета порождали у нее озлобленность к прежним «хозяевам жизни», реакцию нетерпения, желание в одночасье создать новое общество. Отсюда — надежды на революционное насилие как основной метод строительства новой жизни, на «революционные скачки» как единственный способ разрешения противоречий в развитии общества.

Абсолютизация роли насилия обуславливается незрелостью субъективного фактора исторического творчества. Дефицит культуры революционных масс компенсировался избытком самомнения, организацией кампаний по борьбе с «врагами народа», разжиганием ненависти ко всему индивидуальному, поисками недостатков у других, тягой к ярлыкам.

Социокультурные истоки конфронтационного характера политической культуры в России были исторически обусловлены глубоким социальным и культурным разрывом между образованной и обеспеченной верхушкой общества (правящим классом) и материальной и духовной нищетой основной массы зависимого населения. Эти истоки сохранились и в советское время. Данное обстоятельство определило социокультурную динамику воспроизводства общественных отношений, которая характеризовалась преобладанием разрушительной тенденции, ориентации на удовлетворение минимальных потребностей. Носителями этих ориентаций выступали широкие маргинальные слои, сформированные революцией, гражданской войной, форсированной индустриализацией, урбанизацией. Низкий

уровень культуры у этих слоев обусловил их неспособность к систематической преобразующей, творческой и созидательной деятельности на основе индивидуально достижимых ценностей.

В-пятых, бюрократическое политическое сознание предопределило *рутинный тип политической деятельности*, воспроизводство устойчивых образцов политического поведения. Рутинный тип политической деятельности исключал радикальные изменения политических взаимодействий. Концентрация политической власти в руках правящего класса делала излишним диалог власти с обществом и ограничивала движение политических инициатив направлением сверху вниз. Политическое участие населения осуществлялось принудительно: с помощью политического давления создавался показной активизм (например, инициативы трудовых коллективов), а введением представителей трудящихся в законодательные органы имитировалась видимость народовластия. Однако реальное отчуждение населения от политической власти предопределило развитие обезличенных форм выражения политической культуры: либо митинги в поддержку решений правящего класса, либо манифестации протеста против конкретных политических акций западных держав.

Воспроизводство политических ориентаций подданнической культуры обеспечивалось средствами тотального контроля правящего класса за процессом политической социализации населения. Для этого использовался такой универсальный инструмент политической социализации, как властвовавшая коммунистическая партия, являвшаяся единственным каналом карьерного продвижения индивида. За служебный рост необходимо было платить политической лояльностью режиму, преданностью его идеологии. Компартия создала четкую и достаточно эффективную систему политической социализации, институты которой осуществляли процесс внедрения в сознание коммунистических идеалов и ценностей начиная с детского сада и кончая зрелым возрастом.

Однако подобная политическая конструкция была маловосприимчива к изменениям экономического, социального и духовного характера. Когда же те или иные политические лидеры пытались обновить ее, заменив в ней отдельные механизмы, она начинала давать сбои и в конце концов рухнула. Она оказалась не способной «переваривать» нововведения.

Политическую культуру советского периода можно охарактеризовать как искусственно гомогенную [187, с. 270]. При этом она сохранила многие черты традиционной политической русской культуры:

- общинный характер трансформировался в советский коллективизм;
- ориентация на господствующий характер власти – в этатизм и патернализм;
- пассивность – в апатию;
- отсутствие ориентации на «вход» в политическую систему;
- патриархальность – в персонифицированное восприятие политики;
- вера в «истинность» общественных ценностей – в нетерпимость к инакомыслию;
- религиозность – в наделение харизматическими чертами вождей;
- мифологизированность сознания – в веру «построения светлого будущего»;
- вера в мессианское призвание России – в ориентацию на лидерство в мировой революции, а позже на статус сверхдержавы.

Вместе с тем в ней происходили и качественные изменения. Индустриализация, глубокие изменения в социальной структуре, рост уровня образования населения предопределили сдвиги в ценностных ориентациях советского общества. Уже первые попытки модернизации политической системы, предпринятые Н. С. Хрущевым, привели к либерализации общественных отношений, к ослаблению политического и идеологического контроля за индивидом. Это сразу привело к появлению наряду с господствующей политической культурой *диссидентской субкультуры*, соединившей в себе ценности западных демократий и некоторые идеи русской революционно-демократической мысли XIX – начала XX вв.

Начиная с середины 1960-х гг. в рамках диссидентской субкультуры формировались и развивались такие ценности, как автономия личности, свобода выбора, права человека и т. п. В 1970-е гг. значительная часть общества, вопреки официальным идеологическим нормам, начинала ориентироваться на ценности личной жизни: семью, работу, досуг, материальное благополучие. Такая переориентация с общественного на индивидуальное клеймилась пропагандой как «мещанство» и «обывательство». Либерализация ослабила бывшее политическое могущество правящего класса, который ради его восстановления вынужден был использовать все средства идеологического манипулирования. Была создана видимость идейно-политического единства общества, которая в реальности уже отсутствовала. Наряду с господствующей политической культурой развивалась субкультура, представленная демократической интеллигенцией, интеллектуалами, предпринимателями, культивировавшими ценности свободы и прав человека, гражданского общества, индивидуализма, инакомыслия и т. д.

В то же самое время политика большей открытости и развития контактов с западными странами способствовала проникновению новых стандартов жизни и потребления в общество. Поскольку политическая система плохо реагировала на растущие запросы, усиливалась апатия и отчуждение масс от политики, подрывавшие легитимность власти.

Попытки трансформировать советскую политическую систему, предпринятые в конце 1980-х гг. М. С. Горбачевым, натолкнулись на устойчивые политические ориентации подданнического типа большинства населения. И все же потребность устранить политико-идеологический гнет тоталитарной системы была реализована. Сначала была отменена руководящая роль КПСС в обществе, а затем партия была на время запрещена. Коммунистическая идеология перестала быть государственной. Однако заметного изменения ценностей и стандартов политического поведения не произошло. У значительной части населения сохранилась подданническая ориентация.

16.4.2. Особенности современной российской политической культуры

16.4.2.1. Характеристика российской модели

Длительное и противоречивое влияние различных факторов привело к формированию современной политической культуры российского общества, которую можно охарактеризовать как *внутренне расколотую, горизонтально и вертикально*

поляризованную культуру, где ее ведущие сегменты противоречат друг другу по своим базовым и второстепенным ориентирам. Основные слои населения тяготеют в большей степени к культурным стандартам либо рациональной, либо традиционалистской субкультур, опирающихся на основные ценности западного и восточного типа. Во многом эти неравноценные по своим масштабам и влиянию субкультуры пронизаны и различными идеологическими положениями и подходами.

Тип политической культуры современного российского общества является *фрагментарным*. Это определение отражает то обстоятельство, что фрагментарная политическая культура не представляет собой единого целого, а соединяет элементы разнородных субкультур. Она отражает ситуацию раскола в обществе, состояние переходности. Для фрагментарной политической культуры характерно отсутствие согласия между носителями различных субкультур относительно базовых ценностей, идеалов и целей общества. Это порождает повышенную конфликтность и социальную напряженность, которые обуславливают политическую нестабильность в обществе. Современной политической культуре России свойственна низкая степень доверия населения к государственным институтам власти, игнорирование законных способов разрешения конфликтов. Отсутствие согласия относительно базовых ценностей обращает большинство населения к признанию приоритета местных или региональных интересов. В условиях господства такой политической культуры баланс интересов и ценностей может поддерживаться исключительно сильной властью [155, с. 329].

В основании доминирующей традиционалистской субкультуры российского общества лежат ценности коммунитаризма (восходящие к общинному коллективизму и обуславливающие не только приоритет групповой справедливости перед принципами индивидуальной свободы личности, но и в конечном счете – ведущую роль государства в регулировании политической и социальной жизни), а также персонализированного восприятия власти, постоянно провоцирующего поиск «спасителя отечества», способного вывести страну из кризиса. Ведущей политической идеей является и «социальная справедливость», обуславливающая по преимуществу морализаторские оценки межгрупповой политической конкуренции. Для таких культурных ориентаций характерно:

- недопонимание роли представительных органов власти;
- тяготение к исполнительским функциям с ограниченной индивидуальной ответственностью;
- незаинтересованность в систематическом контроле за властями;
- отрицание значения кодифицированной законности и предпочтение ей своей, «калужской» и «рязанской законности» (Ленин).

Этот тип политической культуры отличает:

- склонность к несанкционированным формам политического протеста;
- предрасположенность к силовым методам разрешения конфликтных ситуаций;
- невысокая заинтересованность граждан в использовании консенсусных технологий властвования [213].

В противоположность этим ориентирам у представителей более рационализованных и либерально ориентированных ценностей система культурных норм и воззрений включает многие из тех стандартов, которые характерны для политиче-

ской культуры западного типа. Однако большинство этих ценностей еще не укоренено в их сознании и имеет книжный, умозрительный характер.

Формирование новой российской политической культуры в ее системном виде фактически началось с принятия 12 декабря 1993 г. Конституции РФ. Этот сложный и болезненный процесс, связанный с ломкой стереотипов, приобретением новых качеств, происходил на фоне социально-экономического и духовно-нравственного кризиса. Низкий уровень политической культуры объясняется не только идеологическими факторами, но и отсутствием опыта демократического участия в управлении и принятии политических решений, поскольку многие институты гражданского общества находятся в процессе становления.

Результаты политики, проводившейся в России после крушения коммунистического режима, оказались весьма далекими от ожидаемых и развеяли многие надежды, которые возлагало общество на избавление от тоталитарной системы. Становление демократических норм общественной жизни столкнулось с многочисленными проблемами как субъективного, так и объективного порядков. Новая власть в своей политике демократических преобразований не сумела учесть весьма существенные особенности российской политической культуры [192, с. 189].

Распространение рыночных отношений, многообразие форм собственности самостоятельного хозяйствующего субъекта, различных социальных интересов создают условия для изменения типа политических ориентаций. Однако объективно развивающиеся процессы социальной дифференциации только предполагают тенденцию складывания многообразия политических субкультур, но жестко предписывать ее не могут. Смыслы и значения политической активности могут формироваться на основе конфессиональных и этнических предпочтений, которые определяются социально-экономическим положением конкретной группы, индивида. Однако, как показывает практика, изменения культурного кода политического поведения происходят очень медленно. Поэтому политические решения российской правящей элиты, рассчитанные на культуру политического участия, нередко наталкиваются на реально доминирующую подданническую политическую культуру населения. Несоответствие новой структуры политических институтов и стандартов прежней подданнической культуре является основой политических кризисов и конфликтов.

В российском обществе уровень различий и противостояния между субкультурами крайне высок. Если, к примеру, *традиционалисты* мифологизируют особенность России, то *демократы* — ее отставание, первые критикуют западный либерализм, вторые — косную российскую действительность. При этом и тех, и других отличают неколебимая уверенность в правоте «своих» принципов (обычаев, традиций, лидеров и т. д.), отношение к компромиссу с оппонентами как к недопустимому нарушению принципов и даже предательству.

По сути дела такая форма взаимного противостояния политических субкультур есть современная редакция того культурного *раскола*, который сложился в нашем обществе со времен крещения Руси и ведет свой путь через противостояние сторонников язычества и христианства, приверженцев соборности и авторитаризма, славянофилов и западников, белых и красных, демократов и коммунистов. В силу этого взаимоопонирующие субкультуры не дают возможности выработать единые ценности политического устройства России, совместить ее культурное

многообразие с политическим единством, обеспечить внутреннюю целостность государства и общества [213, с. 265].

16.4.2.2. Типология субкультур российской политической культуры

Противостояние традиционализма и «западничества» — это лишь самый общий, абстрактный подход к анализу российской политической культуры. Эта модель позволяет понять и почувствовать внутреннюю динамику и напряженность современной политической культуры. В действительности — и эмпирические исследования это убедительно доказывают — разнообразные компоненты российской, советской и постсоветской культур в разнообразных сочетаниях образуют многочисленные субкультуры.

По мнению Ю. В. Ирхина [83], в современном российском обществе существуют такие основные политические субкультуры, как *авторитарно-патриархальная, авторитарно-бюрократическая, адаптационная, активистско-демократическая, радикальная (экстремистская)* и другие.

Духовную основу *авторитарной* субкультуры составляет идеократическое отношение к власти, предполагающее непоколебимую уверенность той или иной идеологии определять развитие всех сторон жизни общества, давая при этом единственно верную оценку существующим реалиям. Помимо собственных идеологических интенций, на характер и содержание тоталитарных ценностей оказали значительное влияние и этатистские представления, обоготворяющие деятельность государства и оправдывающие право властей на безоговорочное регулирование всех сфер и оттенков человеческой деятельности.

Своеобразным продолжением, но одновременно и самостоятельным ценностным образованием является *исполнительская* политическая субкультура. В ней исполнительские ориентиры представляют единство подданнических и патерналистских суждений и поступков субъектов политики. Люди испытывают конформизм и перманентную лояльность либо к партии, либо к государству, либо к лидеру, причем их гражданское сознание и поведение формируют не столько органы, организации или структуры, сколько осознание властной зависимости от них. Забывая о своем статусе и интересе, действуя по принципу «чего изволите?», человек становится малоспособным к целенаправленному использованию своих прав и свобод. Если у европейцев и североамериканцев при их относительной удовлетворенности жизнью наблюдается достаточно высокая критичность по отношению к властям, то в нашем обществе, по крайней мере, в рамках рассматриваемой субкультуры проявляется во многом иная картина — пассивно-исполнительское отношение к властным структурам.

Если исполнительская субкультура предполагает какую-то веру в предначертание власти, то центральная идея *адаптационной* субкультуры состоит в уклонении от любых властных указаний во имя сохранения личного комфорта. Для носителей этого типа политической субкультуры характерно не столько неумение, сколько нежелание осуществлять свои гражданские права и обязанности, нести какую-либо ответственность, замкнутость на личных, бытовых вопросах.

Активистско-демократическую субкультуру отличает инициативный, поисковый характер, ориентация на развитие демократических форм осуществления власти. Эти гражданские ценности характеризуют чуткость к морально-этическим

регуляторам общественных отношений, стремление действовать в соответствии с общечеловеческими, национальными и индивидуальными убеждениями, наличие между ними гармонии.

Для *радикальной* (экстремистской) политической субкультуры характерны антилегитимность мышления, направленность на упразднение официальных управленческих структур, поддержание постоянной напряженности в отношении граждан и институтов власти.

В России сложились определенные особенности политической культуры, прежде всего обусловленные ее геополитическим положением, доминировавшими формами самодержавно-патриархального образа жизни, длительной отстраненностью граждан от реальных рычагов власти, слабой политической ролью механизмов самоуправления и самоорганизации населения (за исключением ключевых периодов развития) [83, с. 474].

Несмотря на фрагментарность российской политической культуры, социологи фиксируют появление новых модернизированных ценностей, которые, будучи признанными большинством, не разъединяют, а объединяют общество. К ним относятся: жизнь отдельного человека, законность и равноправие, неприкосновенность частной собственности, благосостояние граждан как основа сильного государства, соблюдение прав человека.

В перспективе процесс демократизации должен привести к трансформированию фрагментарной политической культуры в плюралистическую культуру, основой которой является одновременное сосуществование и диалог различных субкультур.

Модернизация российской политической культуры будет продолжаться в течение ближайших десятилетий, а может быть, и на протяжении жизни нескольких последующих поколений. Очевидно также, что ее конфигурацию будут определять как национальный опыт, исторические и политические традиции, так и ценности современного информационного общества [33, с. 187].

Политическая культура является важным элементом политического процесса. В XX в. она стала предметом усиленного научного анализа, результаты которого легли в основу многочисленных моделей, описывающих современные общества и определяющих тенденции их развития. В процессе постоянного усложнения культурной компоненты цивилизации, ее политическая составляющая также продолжит свои трансформации. Следовательно, роль и значение политической культуры в перспективе будет возрастать, определяя собой судьбы все большей части человечества.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Определите понятие и функции политической культуры.
2. Охарактеризуйте структуру, виды и аспекты политической культуры.
3. Рассмотрите классификацию политической культуры.
4. Охарактеризуйте российскую модель политической культуры.
5. Обоснуйте сущность политической культуры.
6. Охарактеризуйте назначение и основные характеристики политической культуры.
7. Рассмотрите функции политической культуры.
8. Прокомментируйте разработки концепции политической культуры.

9. Охарактеризуйте подходы Алмонда и его последователей.
10. Что включила в себя вторая волна осмысления феномена политической культуры?
11. Что включают в себя проблемные подходы к понятию политической культуры?
12. Назовите характерные черты политической культуры.
13. Перечислите определения политической культуры.
14. Назовите факторы, определившие российскую модель политической культуры.
15. Назовите основные обстоятельства возникновения, становления и развития российской подданнической политической культуры.
16. Охарактеризуйте советский период развития подданнической политической культуры.
17. Дайте характеристику российской модели политической культуры.
18. Рассмотрите типологию субкультур российской политической культуры.
19. Рассмотрите развитие учеными понятия «политическая культура».
20. Что включает в себя структура политической культуры?
21. Перечислите эмоционально-психологические феномены политической культуры.
22. Охарактеризуйте религиозный аспект политической культуры.
23. Перечислите типы политической культуры.
24. Охарактеризуйте модели и виды политических культур.
25. Что означает термин «политические субкультуры»?
26. Охарактеризуйте исторические пути российской политической культуры.
27. Назовите особенности современной российской политической культуры.
28. Что включает в себя критериальный подход к дифференциации политических культур?
29. Охарактеризуйте марксистскую типологию политической культуры.
30. Определите типологию политической культуры Алмонда и Вербы.
31. Обоснуйте типологию политической культуры по критерию ее открытости.
32. Что понимается под типологией политической культуры по принципу политических систем?
33. Что понимается под типологией политической культуры по принципу типологии «полумиров»?

Глава 17

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

Человек в своем сознании не только отражает объективный мир, но и творит его. Поэтому политическое сознание представляет собой, с одной стороны, восприятие человеком той части окружающей его действительности, которая связана с системой политики, политических отношений. С другой же стороны, политическое сознание само выступает той сферой идеальной деятельности, где формируются идеи политики, направленные на ее действия и своеобразно «окрашивающие» существующие в обществе политические состояния. Следовательно, политическое сознание всегда проявляет себя в двух формах: в теоретической и практической.

§ 1. ПОНЯТИЕ И СУБЪЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Человек по своей природе любознателен. С помощью органов чувств он воспринимает окружающие явления, познает их в ходе общения с другими людьми, пытается понять и объяснить причины происходящего, оценить его пользу или вред для себя и других. Политика, политические явления и процессы также вызывают у человека интерес. Знакомясь с историей своей страны и других государств, он формулирует отношение к прошлой политике и политическим феноменам, у него могут появиться политические желания и притязания на будущее. Это отношение может быть рациональным, разумным, эмоциональным и иррациональным.

17.1.1. Сущность и пути формирования политического сознания

17.1.1.1. Политическое сознание как форма отражения политического бытия

Если признать политику и политические явления объективной реальностью, то следует ожидать появления у человека соответствующего субъективного отклика на них. Кроме мгновенной реакции на политические процессы, проявляющейся через его поведение, и организуемой преимущественно подсознанием, в голове человека запускается механизм внутриличностной коммуникации. Процесс этот в основном осмысленный и долговременный происходит в сознании, и потому именуется политическим сознанием. Оно — неизбежный спутник политики и политических процессов.

Политика и политические отношения, по Плешакову [183, с. 304], это часть общественного бытия. Соответственно и политическое сознание предстает как отражение в интеллектуальной жизни людей их политического бытия — всего разнообразия политической жизни, политических процессов и явлений. Одновременно политическое сознание выступает атрибутом политического действия, его непременным составляющим элементом. Политика — это целесообразная деятельность, которая предполагает наличие у действующего субъекта определенных представлений о политической действительности, осознание своих устремлений, формулирование цели, выбор средств и способов ее достижения.

В политической сфере характер функционирования институтов власти, формы поведения разнообразных субъектов и все иные проявления активности человека непосредственно зависят и формируются на основе его идей, воззрений, чувств и иных духовных явлений. Политическое сознание является наиболее общей категорией, отражающей всю совокупность чувственных и теоретических, ценностных и нормативных, рациональных и подсознательных представлений человека, которые опосредуют его отношения с политическими структурами. Оно отражает все те идеалы, нормы и иные воззрения человека, на которые он ориентируется и которые использует для адаптации к механизмам власти и выполнения в политике присущих ему функций.

Политическое сознание — важный элемент интеллектуальной жизни человеческого сообщества. Оно в известном смысле противоположно материи, но органично связано с нею. Политическое сознание обычно не существует в «чистом» виде, а тесно взаимосвязано с другими видами и формами осознания действительности. Часто политическое сознание переплетается с моральными воззрениями, поскольку люди оценивают политику и политические явления через призму моральных категорий добра и зла, справедливости и несправедливости. Политическое сознание частично пересекается с правосознанием, поскольку многие политические отношения регулируются правом и деятельность государства опосредуется правом. Нередко и отношение к праву определяется политическими взглядами.

Главным вопросом отношений людей в политической сфере является проблема государственной власти. Соответственно этот вопрос занимает главное место в структуре политического сознания. Без его выяснения не может быть и речи о сознательном участии в политике. Не менее важное место в политическом сознании занимает проблема политических интересов людей, которые выступают в качестве побудительных мотивов политического действия. Вместе с тем политическое сознание отражает гораздо более широкий круг социальных явлений. Это вытекает из самой природы политики. Поскольку она имеет в качестве объекта своей деятельности все сферы общественной жизни, то политическое сознание, так или иначе, включает в себя все отраженное социальное бытие [183, с. 304].

Политическое сознание как важнейший необходимый компонент политической деятельности являет собой единство теоретического и практического, обыденного и научного. Поэтому политическое сознание выступает показателем осознания людьми целей политического развития, механизмов их осуществления и в то же время само является одним из важнейших условий политической жизни людей. Любой вид политического сознания строится с учетом объективных интересов социальных общностей людей и характера их взаимоотношений. В то же вре-

ма виды политического сознания обусловлены особенностями социальных, профессиональных, возрастных и других параметров субъектов, каждый из этих параметров не абсолютен, и если он односторонне преувеличивается, то это ведет к конфронтации субъектов.

По мнению А. И. Соловьева, политическое сознание через свое содержание отражает все *неинституциональные* компоненты политической сферы общественной жизни. Оно показывает, что изменения в деятельности органов власти и управления, в налаживании межпартийных отношений и другие политические процессы обусловлены субъективными позициями элитарных и неэлитарных слоев. Разнообразие подвижных и изменчивых человеческих взглядов формирует разнонаправленные политические процессы и политические взаимодействия, которые представляют многообразный поток человеческой жизни в публичной сфере. Жесткая зависимость политики от политического сознания превращает ее в непрерывный процесс опредмечивания идей и представлений (воплощения определенных взглядов и представлений в поступках человека, функциях институтов) и их распредмечивания (отражения политических явлений в определенных оценках, доктринах, воззрениях) [213, с. 228].

17.1.1.2. Политическое сознание как разновидность социального мышления

Политическое сознание – одна из основных форм общественного мышления. Оно начинает складываться вместе с возникновением социального неравенства, политики, политических отношений, институтов, организаций и учреждений и развиваться вместе с ними [183, с. 304]. С этой точки зрения в него входят различные общечеловеческие воззрения и ценности человека. Но специфика политического сознания определяется его способностью и умением определять групповые интересы, сопоставлять их с интересами иных социальных групп, и через это находить пути и способы использования государства для реализации своих планов и расчетов.

Политическое сознание представляет собой очень сложное явление. Оно характеризует всю совокупность интеллектуальных образований, определяющих способность человека к существованию в политической сфере, его умение выполнять там специфические функции, взаимодействовать с органами управления, нести ответственность за реализацию прав и свобод и т. д.

Подойти к этому феномену можно на основе философской трактовки понятия сознания, которое в самом общем виде обозначает высший уровень интеллектуальной активности человека как социального субъекта. Различные философские направления по-разному рассматривают природу сознания. Идеализм исходит из того, что сознание развивается спонтанно и может быть понято исключительно из самого себя. Диалектический материализм основывается на том, что невозможно анализировать сознание изолированно от явлений общественной жизни. Оно представляет собой свойство высокоорганизованной материи – мозга – и выступает как осознанное бытие, субъективный образ объективного мира. С социологической точки зрения сознание есть отображение в духовной жизни людей их общественного бытия, интересов и представлений различных социальных групп, классов, наций, общества в целом [183, с. 304].

Осознание групповых потребностей дополняется занятием человеком политических позиций, отнесением себя к радикальным, умеренным либо консервативным сторонникам (противникам) тех или иных путей защиты и реализации своих и групповых политических интересов. В политическом сознании классовая оценка политических институтов, политики переплетаются, а нередко вытесняются или подменяются оценкой с позиций защиты интересов клана, племени, региона, религиозной общины, конфессии и т. д. [83, с. 435].

Из совокупности политически понятых социальных интересов вырастает ценностная характеристика политического сознания, которая обретается человеком на основе становления совокупных, коллективных волей, направленных на осуществление функций управления и самоуправления, выражающих общественно-политические устремления, задачи и цели действий в сфере политики. Из многообразия видов политических отношений образуется многообразие видов политического сознания. При активных политических действиях политических субъектов их политическое сознание становится подвижным, проблемным, активизируется в процессе обнаружения наиболее точных и верных решений. Причем последнее касается как политических лидеров, облеченных властью, так и рядовых представителей гражданского общества, заинтересованных в адекватной своим интересам политике.

17.1.1.3. Взаимосвязь политического сознания с экономикой

Политическое сознание взаимосвязано и взаимодействует с другими формами общественного сознания: экономическими, правовыми, философскими, нравственными теориями, эстетическими ценностями, художественными взглядами. Оно дополняется разного рода чувствами, переживаниями, эмоциями, меняющимися идеологическими доктринами, личным опытом человека [74, с. 624]. Наиболее глубокое воздействие оказывает на политическое сознание большинства людей их экономическая жизнь.

Выяснение природы политического сознания предполагает соотнесение политической деятельности (поведения) как его основного объекта отражения с экономической. Ибо последняя является тем фундаментом (первопричиной), который в конце концов определяет изменения в самом политическом сознании. Это не означает, однако, что экономика непосредственно определяет сущность политической деятельности как объекта отражения и тем более специфику способа его отражения в политическом сознании.

Еще бытующие представления о том, что политическое сознание непосредственно и полно отражает экономические отношения, — явное упрощение сложных связей и взаимозависимостей между экономикой, политикой и политическим сознанием. Из весьма распространенного утверждения, что политика есть концентрированное выражение экономики, идущего от В. И. Ленина, отнюдь не следует, что политическое сознание непосредственно отражает экономические отношения, экономический базис. Экономические отношения — первопричина появления политики. Они обуславливают направленность и основное содержание политики. Но политика при этом остается относительно самостоятельной (автономной) и в свою очередь воздействует на экономику, стимулируя ее развитие (или затрудняя его) [185].

17.1.1.4. Историческая обусловленность политического сознания

Политическую реальность невозможно представить без идейно-чувственной составляющей – идей, слухов, концепций, чувств, настроений и пр. Порой создается впечатление, что именно политические идеи, превращенные в лозунги и программы действий, определяют ход политических событий. В этом – одно из проявлений роли субъективного фактора в политике.

Политическое сознание, как и все другие формы общественного сознания, обладает «памятью». Конечно, в каждый конкретный момент времени оно выражает актуальные стремления и потребности тех или иных субъектов политического действия, и при этом направлено в будущее, и вместе с тем оно покоится на опыте прошлого, на его традициях, обычаях, знаниях. Каждый период исторического прошлого соответствующим образом запечатлен в политическом сознании. Изучая его состояние, следует всегда соотносить последнее с конкретным содержанием четко определенных периодов истории. Без такого экскурса в прошлое трудно правильно оценить настоящее состояние политического сознания.

На определенных, особенно переломных, переходных этапах истории происходит актуализация исторической памяти, прошлое как бы вторгается в сегодняшний день и заставляет по-новому взглянуть на себя, с одной стороны, и оказывает при этом определенное воздействие на дела текущие – с другой. В этих условиях характерные черты политического сознания прошлого времени как бы вновь оживают и становятся характерными чертами настоящего. Конечно, это состояние преходящее, и такое столкновение идей, концепций, настроений, связанных с прошлым и настоящим, способно создать конфликтную ситуацию, определенную напряженность в политическом сознании [185].

Конечно, проблемы сегодняшнего дня нельзя рассматривать в отрыве от прошлого. Прошлое не исчезает бесследно ни в материальном, ни в интеллектуальном, ни в духовном производстве. Кризис экономики, социальная напряженность и нестабильность не могут не отразиться на состоянии массового сознания. Сегодня еще достаточно оснований для заявлений о кризисе массового сознания российского общества. Он выражается в:

- хаотичности последнего;
- его разобщенности и поляризации;
- ослаблении роли идеологии;
- «идеологической растерянности» кадров, в их шараханьи из одной крайности в другую;
- необоснованном отречении лидеров и идеологов от позитивного, добытого с таким трудом в прошлом;
- некритическом отношении к опыту западных стран;
- отходе от интернационализма и коллективизма;
- резком снижении ответственности и дисциплины;
- росте анархистских, националистических и религиозно-мистических настроений и т. д. [185].

Эту ситуацию нельзя объяснить утверждением плюрализма (кстати, не всегда правильно понимаемого многими). В основе ее лежит переходное состояние об-

щества, рост социальной нестабильности, взрывоопасной конфликтности (особенно в межнациональных отношениях), неспособность адекватно понять и объяснить происходящее.

17.1.1.5. Источник обыденного политического сознания

Политическое сознание пронизывает каждого из граждан государства, вне зависимости от его желания, и делает составляемый этими людьми социальный организм еще и политическим. Политическое сознание объединяет различные группы и слои общества в единое, иногда достаточно гармонично функционирующее политическое сообщество. Политическое сознание вырабатывается знаниями о политике и проверкой их практикой и убеждениями в реальном окружающем индивиду пространстве. Система убеждений формирует политическое мировоззрение, ценности и идеалы. Только в политическом сознании осуществляется целостное воспроизведение политической жизни. Если этот процесс стихийен, то вырабатывается *обыденное* политическое сознание.

Основным источником формирования обыденного политического сознания является *политический опыт* масс, их реальное участие в политической деятельности, условия, в которых это участие осуществлялось. Это участие или созерцание будит в каждом человеке политический интерес, так как политика занимает часть нашего сознания, нашего внутреннего мира. С этой точки зрения политическое сознание является своеобразным внутренним механизмом, дающим индивиду ощущение наличия в обществе власти и организации.

Такие качества обыденного политического сознания, как политическая наивность, неустойчивость взглядов и оценок, подверженность иллюзиям, мифам, суевериям, присущи всем группам населения. Так как они детерминируются в первую очередь социальными условиями, в которых эти группы находятся. Для преодоления подобного состояния требуется время. Можно быстро пробудиться от политической спячки, но быстро освободиться от политических суеверий, а тем более преодолеть недоверие «к верхам» или «низам» нельзя. Политическое сознание, как и всякое иное, обладает известной инерционностью, да и сама политическая деятельность и социально-экономические условия, в которых она происходит, редко этому способствуют.

На состояние обыденного политического сознания в обществе прямо влияют в современных условиях неудачи экономических реформ, под влиянием которых происходят изменения в самом политическом сознании, в системе социально-политических представлений, взглядов, установок и ценностей разных групп населения. Важным фактором, воздействующим на состояние политического сознания, является политический опыт масс. Этот опыт непрерывно пополняется. В нем есть и позитивные, и негативные моменты. Позитивные — это жажда перемен, открытость, гласность, участие в политических акциях (митинги, демонстрации, акты политического протеста, народная дипломатия), негативные — это возникновение новых иллюзий, популизм, ксенофобия, охлократия, поиски врага, воздействие социальной демагогии. Но главное, чтобы не спадала политическая активность масс, их участие в политической жизни страны. Именно это создает гражданский опыт — главную гарантию эволюции политического сознания в сторону позитивных перемен.

На этом пути основным препятствием являются такие укоренившиеся черты политического сознания, сформировавшиеся за многие десятилетия, и особенно за годы застоя, как авторитарность, равнодушие, конформизм. Изменения в политической сфере связаны с переходом от авторитарного политического режима к демократическому. И этот переход возможен на пути гуманизации политических отношений и преодоления отчуждения масс от политической деятельности, которых пока еще не произошло.

Обыденное политическое сознание остро реагирует на те явления общественной жизни, которые воплощают в себе отступления от тех или иных норм морали или господствующей идеологии. Эти реакции отражаются наиболее полно в общественных настроениях. Они – самый изменчивый элемент обыденного политического сознания. На общественные настроения большое влияние оказывают трудности, особенно экономического характера, а также политические и национальные коллизии. В частности, обострение межнациональных отношений в нашей стране вызвало резкий всплеск общественных политических настроений, в которых отражается тревога, озабоченность масс и их требование к политическому руководству принять все необходимые меры для ненасильственного разрешения возникающих конфликтов. Сложная гамма политических настроений имеет два крайних полюса: пессимизм и оптимизм. Они наиболее явно прослеживаются в соотнесении с перспективами решения насущных проблем и с глобальными перспективами в целом (например, при оценке вероятности утверждения демократии или авторитаризма, победы на выборах прогрессивных или реакционных сил и т. д.) [185].

17.1.1.6. Пути формирования политического сознания

Политическая деятельность людей – это деятельность практическая и интеллектуальная. М. Вебер [34] утверждал, что «политика делается головой, а не какими-либо другими частями тела». Политическая жизнь представляет собой диалектическое переплетение определенных форм практики и разнообразных проявлений политического сознания. Всякий акт политического поведения и деятельности выступает актом реализации определенных социополитических умонастроений и взглядов, равно как составляет часть политической практики, на основе которой воспроизводятся новые умонастроения и идеи, связанные с властью и политическими отношениями. В политическом сознании формируются регуляторы политического поведения и выстраивается мотивационная база властных отношений и действий.

Эффективность любой политической системы зависит от ее способности психологически воздействовать на индивида, побуждая его к поступкам, которые соответствуют ее целям. За исключением применения прямого насилия, когда гражданину уже не до рассуждений, все остальные меры из арсенала политического воздействия предполагают наличие у человека хотя бы минимального уровня знаний о политике, умения оперировать политическими категориями, наличия мнений о ней. Таким образом, между целями системы и поведением индивида лежит промежуточная инстанция в виде политического сознания: массового и индивидуального [259, с. 153]. С этим сознанием нужно работать, т. е. формировать его в нужном направлении.

Пути формирования политического сознания сложны и противоречивы. Было бы большим упрощением считать, как полагали марксисты, что оно просто привносится в массы идеологическими представителями партии и класса. В действительности формирование политического сознания осуществляется:

- в сложном процессе критического осмысления людьми социальной действительности;
- в результате обобщения и постепенной рационализации чувственных представлений;
- через осознание целей партийного или другого политического движения;
- за счет присоединения к уже сформированным оценкам и нормам политического процесса;
- в ходе эмоционального приобщения к вере в справедливость тех или иных политических идеалов.

Ни один из названных путей не гарантирует формирования политических воззрений. Как считает А. И. Соловьев [213], это лишь предпосылка для появления способности осуществлять властно-групповую идентификацию. Только практика может дать ответ, возвысил ли человек свои воззрения до уровня политического сознания.

Политическое сознание открыто для восприятия разного опыта, для постоянного уточнения оценок минувшего и настоящего, переосмысления разнообразных политических явлений. Однако политическое сознание не может быть выработано исключительно «книжным путем», без вступления человека в реальные политические отношения. Политическое мышление — не логическая, не умозрительная форма мышления. Его развитие зависит не столько от приращения специальных знаний, сколько от разнообразия форм политического участия граждан в реальных процессах политической конкуренции. Поэтому сужение возможностей для участия граждан в отправлении власти омертвляет политическое сознание и одновременно способствует деградации механизмов власти.

Процесс формирования политического сознания осуществляется на основе *критического* осмысления людьми социальной действительности, обобщения и постепенной рационализации чувственных представлений. В нем осознаются цели того или иного политического движения, к которому в силу разных причин относят себя индивид или некая социальная группа.

Эффективность процесса формирования политического сознания во многом определяется ролью творческого потенциала индивида. Именно на основе личного опыта человек подвергает рациональному анализу политические воззрения той или иной социальной группы, а также теоретические обобщения. Этот путь формирования политического сознания получил наименование *осознанно-группового*.

В отличие от него *механически-групповой* путь представляет собой усвоение уже выработанных групповых воззрений на ход политического развития общества. На этом пути оригинальные творческие характеристики отдельного человека не столь значимы, как в первом случае.

Оба этих пути тесно связаны друг с другом, переплетаются между собой и дополняют один другого. При этом первостепенное значение имеет политическая практика, реальные политические отношения в обществе в данный момент. Ост-

рая политическая ситуация может привести к разрушению сложившегося политического сознания, к утрате политических ориентиров. И, наоборот, на основе новых социальных и политических реалий создаются условия для утверждения нового по содержанию политического сознания.

Политическое сознание формируется в течение длительного времени и отличается преемственностью. Оно не может возникнуть мгновенно или исчезнуть в никуда. Это плод политической активности не одного поколения. В нем отражается состояние и направление развития политических отношений в обществе. Оптимальным вариантом общественного развития является соответствие политического сознания содержанию и целям проводимой в стране политики. В этом случае политическое сознание становится катализатором проводимой властью политики. И наоборот, когда политическое сознание отстает от проводимых властью преобразований, оно может стать тормозом и даже непреодолимым препятствием для действий политического руководства страны [74, с. 627].

В частности, в России политические процессы постепенно разрушают сложившиеся стереотипы рабского, послушного сознания людей, освобождают их волю и способности к действительно осознанным политическим действиям. Элементы демократизации и гласности пробуждают способности отдельных социальных слоев, личностей перейти от эмоционально-чувственного, инстинктивного к рационально-содержательному познанию политической действительности, росту действительного политического самосознания. Это выражается в неприятии ряда политических структур, постепенном осознании их неспособности решать политические проблемы, в обнаружении смысла политической жизни и отказе от единогодушного одобрения указаний сверху.

Все политические движения и партии, организации и объединения стремятся «достучаться» до граждан, формируя политические цели, ценности, нормы и установки. Правда, тактика их при этом может быть различной. Одна тактика основана на прагматической задаче обработки общественного мнения непосредственно перед принятием того или иного решения (голосование на выборах, участие в референдуме и т. д.). Ее сторонники из числа политиков полагают, что избиратель ведет себя так же, как покупатель в магазине, где он останавливает свой выбор на товаре, который лучше разрекламирован. Эти политики признают, что подобное краткосрочное воздействие, своего рода индокринация, не формирует «идеального гражданина», да и не видят в этом для себя никакой пользы. Не видят они в ближайшем будущем и возможностей для создания долгосрочных программ по политическому просвещению. Распространение в последние годы манипулятивных технологий для достижения одной цели — формирования краткосрочной электроальной установки — тому свидетельство.

Другие политики, партии и движения, напротив, полагают, что возможно и желательно постоянное формирование политического сознания в виде целостной идеологии, что позволяет воспитать компетентных граждан и обеспечить высокий уровень их участия в политической деятельности. Правда, следует указать, что хотя эта цель ставилась многими политиками и теоретиками политики, в жизни она редко бывает достигнута. Более того, этот тезис также используется в целях манипуляции массовым политическим сознанием, что мы хорошо усвоили из опыта нашего недавнего прошлого [259, с. 154].

Ведущую роль в формировании политического сознания общества играют государство, особенно средства массовой информации, политическая социализация, политические партии и массовые общественные организации, имеющий коллективный и приобретенный личный опыт политического участия. Следует выделить целенаправленное идеологическое и психологическое воздействие на индивидов, группы и массы со стороны различных социально-политических сил, ведущих борьбу за власть, которое способно влиять на характер политического сознания в целом [83, с. 436].

17.1.2. Субъекты политического сознания

Политическое сознание – одна из основных форм общественного сознания. Как и все остальные (право, искусство, мораль, религия), она имеет свой специфический объект отражения. В качестве такового выступает политическое бытие (политическая деятельность, поведение) социальных субъектов. Основными *субъектами* политической деятельности являются классы. Именно с момента их исторического возникновения появляется политическая деятельность как таковая. Она предполагает создание специальных институтов (организаций), с помощью которых классы, взаимодействуя, реализуют свои специфические интересы, ведут борьбу за власть, политическое господство, владение ресурсами, территориями и т. д. Господствующие в обществе классы регулируют производство и распределение духовных (идейно-нравственных) ценностей своего времени, и через это их идеи и ценностные ориентиры доминируют в общественном сознании. Это относится ко всем формам общественного сознания, включая политическое.

Соответственно, политическая наука в первую очередь исследует *субъектов* – «носителей» политического сознания, выявляет характерные особенности динамики политического сознания, а также основные формы его существования. *Массовое* политическое сознание определяет типы и уровни политической культуры общества и обуславливает массовое политическое поведение. Кроме того, массовое сознание связано и с функционированием гражданского общества, оно определяет уровень его развития.

Следующим структурным элементом политического сознания является сознание более организованного, чем массы, субъекта *больших и малых групп*, связанных с политикой. К *большим группам* относят чаще всего социальные классы, национально-этнические образования, иные группы и слои населения. Политическая деятельность осуществляется в системе определенных общественных отношений, соответствующих тому или иному общественному строю. Она всегда направлена либо на их развитие (совершенствование), либо на их разрушение (замену). Такого рода направленность политической деятельности придают *наиболее активные группы*, функционирующие внутри классов и других социальных общностей, имеющих собственные политические интересы [185].

К *малым* социальным группам относятся правящие политические элиты, политбюро правящих партий, лоббистские образования типа групп давления и т. д. Политическое сознание таких групп рассматривается как совокупность представлений, определяющих содержание, направленность и интенсивность политической активности группы.

Третьим компонентом политического сознания является сознание человека, способного так или иначе воспринимать политику, более или менее ее оценивать и действовать в соответствии со своими убеждениями.

Если рассмотреть совокупность субъектов политического сознания более предметно, то к ним исследователи [83, с. 436] относят:

- индивидов;
- большие и малые группы (народы, нации, классы, этносы и др.);
- политические и неполитические объединения и т. п.;
- массовые общности (включая «толпу» и «публику»);
- ведущие цивилизации;
- глобализирующееся человечество.

В соответствии с этим выделяют *индивидуальное, групповое, массовое и общечеловеческое* политическое сознание. Последнее проявляется в некоторых, обязательно разделяемых подавляющим большинством государств планеты, политических ценностях, приобретших общечеловеческий характер (блага мира, выживания и равноправного развития, безопасности, стабильности и др.). Политическое сознание, как сказал К. Манхейм, представляет собой своеобразный код, фиксирующий на вербальном и невербальном уровнях (идеологические и поведенческие практики) статус субъекта этого сознания в социально-политическом сообществе, к которому он принадлежит, и его политический интерес. Соответственно, политическое сознание общества как бы составляют разнообразные политические «сознания» всех его иных субъектов [128].

17.1.3. Определения феномена политического сознания

17.1.3.1. Соотношение понятий «политическая культура» и «политическое сознание»

При любой попытке осмысления политической культуры, анализа ее основных параметров и составляющих, определения места и роли в подсистеме политического неизменно встает вопрос о ее соотношении с общественным сознанием вообще и политическим в частности. Без надлежащего выяснения этого вопроса адекватный анализ политического сознания как самостоятельного феномена, играющего свою роль в обществе, представляется невозможным.

При всем обилии литературы по данной теме вопрос о политическом сознании [41, с. 159] остается одним из наименее выясненных. Зачастую говорят о политическом сознании, но имеют в виду общественное сознание вообще, либо политическую идеологию, либо то или иное идейно-политическое течение. Рассуждают о политической культуре, но имеют в виду то, что традиционно рассматривается как политическое сознание. Поэтому необходимо разобраться в вопросе о том, как политическая культура соотносится с понятием «политическое сознание».

Не вдаваясь в детали данной проблемы, отметим, что политическое сознание, как правило, рассматривается как *одна из множества* форм общественного сознания. Содержание и смысл общественного сознания раскрываются через деятельность людей, в их отношении к окружающему миру. Такие устойчивые образова-

ния, как мотивы, оценки, потребности, интересы социальные ожидания и притязания, принадлежат социокультурной политико-культурной сферам. Их можно трактовать и как составные элементы политического сознания.

Если согласиться с такой постановкой вопроса, то нельзя не признать, что его основу составляют установки, ориентации, ценности, стереотипы, относящиеся к политической системе, к системе власти и властных отношений, государственному управлению, политическим институтам, к таким категориям, как свобода справедливость, равенство, демократические принципы, авторитаризм, тоталитаризм, социализм, права человека и др.

Важно учесть и то, что субъективный мир политического помимо установок, ориентаций, ценностей и др., относящихся к миру политики, охватывает также нормы и «правила игры», поведенческие стереотипы, вербальные реакции, политическую символику и знаковую систему, выражаемые не только словесно, но и иными средствами и формами.

Политико-культурный подход как раз призван учитывать подобные моменты. Для правильного понимания данной проблемы важно знать, что все названные и другие основополагающие феномены и категории адекватно можно осмыслить лишь в том случае, если рассматривать их как составляющие общей для конкретной нации или другой социально-исторической общности культуры. Сознание, в том числе и общественное в различных его проявлениях, есть одновременно и процесс, и результат познания и освоения действительности [41, с. 159].

Понятия «политическая культура» и «политическое сознание» близки по своему содержанию. Однако они не тождественны. Понятие политического сознания раскрывает процессы отражения в сознании людей существующих в политике духовных образований. Политическая же культура показывает, как знания, оценки, ценностные ориентации, т. е. феномены политического сознания, реализуются и закрепляются в образцах и нормах политической деятельности. Следовательно, политическая культура определяет и обуславливает политическое сознание и поведение, никогда не сводясь к ним.

Политическая культура включает не все политическое сознание и политическое поведение, а лишь наиболее устоявшееся, типичное и характерное для политической жизни данного общества или групп, иными словами, усвоенные, массовидные, вошедшие в привычку представления, навыки, умения и образцы [188, с. 148].

17.1.3.2. Подходы к сущности политического сознания

В науке в настоящее время сложились две точки зрения на сущность политического сознания. Так, сторонники *бихевиористского* подхода рассматривают политическое сознание как форму рационального мышления человека, всю ту совокупность его воззрений и представлений, которую он использует при осуществлении своих ролей и функций в сфере власти. С этой точки зрения политическое сознание предстает как развернутое и как бы наложенное на политику мышление человека. При таком подходе отсутствуют какие-либо специальные требования к выработке человеком своих позиций, оценок политических событий. А, следовательно, снимается и проблема формирования политического сознания.

Второй, *аксиологический*, подход относится к политическому сознанию как к определенному уровню социального мышления. С этой точки зрения в него вхо-

дят также различные обыденные, общечеловеческие воззрения и ценности человека, но суть политического сознания людей определяется его способностью и умением вычленять их групповые интересы, сопоставлять их с другими групповыми потребностями, а также видеть пути и способы использования государства для решения задач по их реализации. Таким образом, политическое сознание понимается как тот уровень представлений, на который может подняться человек для оптимизации своего политического участия и выполнения необходимых функций в сфере власти.

В рамках такого подхода появляется возможность выделить, опираясь на те представления, которыми пользуется человек в сфере власти, две разновидности форм сознания — *политическое* и *предполитическое*, ориентирующиеся на различные принципы и критерии отражения действительности. Политические формы сознания предполагают способность человека вычленять в социальной жизни динамику межгрупповой борьбы за власть, умение вырабатывать оценку политических отношений с учетом целей соперников, средств и степени их достижения в рамках краткосрочной или долгосрочной перспективы развития, навыки прогнозирования условий проигрыша (выигрыша) и других параметров этого взаимодействия. Такого рода воззрения, дополняясь этическими суждениями, позволяют людям осознавать ограничения политических методов борьбы, относить себя к сторонникам левых или правых политических движений.

В противоположность этому предполитические формы сознания, по мнению А. И. Соловьева [213, с. 260], базируются на исключительно моралистских критериях оценки политических изменений, которые улавливают только внешние социальные взаимосвязи и потому трактуют все интересы в рамках эмоционально-нравственных предпочтений: плохо/хорошо, справедливо/несправедливо. В силу такого восприятия политической реальности на этой основе постоянно развивается идеализация политической жизни, рождаются болезненные этнофобии, агрессивность, апатия, бунтарство.

17.1.3.3. Междисциплинарность изучения сущности политического сознания

В связи со сложностью явления политическое сознание стало объектом сразу нескольких общественных дисциплин. Политология ориентируется на более или менее целостное изучение политического сознания, стремится к системному подходу в анализе различных феноменов и состояний политического сознания.

Независимо от того, на каких позициях стоят современные политики-практики и политологи, их объединяет сегодня признание того, что политическое сознание является важным элементом политики и его необходимо исследовать для того, чтобы им управлять. При этом в исследовании политического сознания встречаются немалые трудности. Так, даже терминологически проблема формирования политического сознания в разных политических культурах ставится совершенно по-разному. Так, в эмпирических исследованиях западных политических психологов, категория *сознания* встречается крайне редко. Чаще они пользуются категориями политических *убеждений, веры, установок, менталитета и идеологии*. Последнее понятие также используется совсем в ином контексте по сравнению с нашим обществознанием. В отечественной литературе особенно советского периода

термин «сознание» трактовался в духе марксистской традиции, причем в контексте, предполагавшем апелляцию не просто к рациональным интересам того или иного класса, а именно к «сознательности», т. е. в специфическом морально-политическом смысле, непереводаемом ни на какие языки. В современной литературе предпочтение отдается терминам «массовая психология», «общественное мнение».

Сейчас никто не сомневается в актуальности изучения массового политического сознания (А. К. Уледов) как особого феномена, выработанного всей массой членов общества, а не представителями только специализированных видов духовно-познавательной деятельности [230, с. 160]. В ходе трансформации российского общества ушла в прошлое единая официальная идеология. Политические взгляды людей, их настроения и чувства представляют собой все более сложную мозаику. Политическая социология, фиксируя изменения в конфигурации массового политического сознания, не углубляется в рассмотрение их глубинных психологических закономерностей.

Исследования политического сознания средствами политической психологии характеризуются стремлением соединить анализ политического содержания с индивидуальными и групповыми механизмами его функционирования и формирования. Хотя такая задача и формулируется исследователями, но пока она далека от своего эффективного решения. В политико-психологических исследованиях для описания политического сознания широко применяются психологические категории (установки, стереотипы, ориентации, интересы, ценности и т. д.). Однако политической психологии еще предстоит выяснить, как эти отдельные составляющие политического сознания соотносятся с целостной личностью в процессе ее формирования. Как общесоциальные и групповые механизмы сказываются на индивидуальном восприятии политических процессов.

Не разработана пока еще и теоретическая модель становления политического сознания. Отсюда и многие упрощенные представления современных политологов. Поэтому для измерения политического сознания в эмпирических исследованиях используются одномерные показатели. Например, степень развития политического сознания личности измеряют с помощью такого показателя, как информированность о политике без учета системы ценностей, норм и установок, доминирующего мировоззрения в целом. Не менее сложными для интерпретации являются и проблемы выделения факторов политической среды, групповой коммуникации, экономических условий и т. д., определяющих политические установки [259, с. 239]. Таким образом, каждая из названных выше дисциплин имеет свой круг задач в изучении политического сознания, дополняя и обогащая представления о разных уровнях его проявления.

17.1.3.4. Характеристика политического сознания

В современной научной отечественной литературе политическое сознание относится к числу наиболее общих понятий, характеризующих *субъективную сторону* политики. Исследователи в целом близки в своих оценках этого феномена и характеризуют его как:

- важный элемент (подсистему) политической системы (В. В. Желтов);
- составную часть политической культуры (В. В. Желтов);

- *условие и средство* воспроизводства политической культуры (К. С. Гаджиев);
- одну из *форм* общественного, массового сознания (В. И. Буренко, В. В. Журавлев, Ю. В. Ирхин);
- *отражение и осознание* людьми политического бытия, а также предметное отношение к нему (М. А. Василик, М. С. Вершинин);
- *интегрирующий* компонент социокультурной системы, составляющую основополагающую ткань духовной культуры и обеспечивающую ее воспроизводство и передачу от поколения к поколению (К. С. Гаджиев);
- самостоятельную *категорию*, функционирующую и самовоспроизводящуюся в определенной политико-культурной среде (К. С. Гаджиев);
- сложное структурное *образование* (В. Д. Перевалов);
- *систему взглядов*, понятий, представлений, установок и чувств, выражающих субъективное отношение человека к действующим или желаемым политике и политическим явлениям (В. Д. Перевалов);
- *совокупность* теоретических и обыденных знаний, оценок, настроений и чувств, посредством которых осознается сфера политики социальными субъектами, опосредуются их отношения с политическими структурами и обосновываются их притязания на власть (В. И. Буренко, М. А. Василик, В. И. Власов, В. В. Желтов);
- *совокупность* идей, представлений, чувств, иллюзий, настроений, которые приводят в движение большие массы людей, целые народы (Ю. В. Ирхин);
- *целостность* рациональных и чувственных, теоретических и эмпирических, ценностных и нормативных, осознанных и подсознательных представлений, опосредствующих отношения субъектов к явлениям политической власти (Ю. В. Ирхин);
- специфический способ духовно-практического *освоения* политической действительности (В. И. Буренко, В. В. Журавлев, Ю. В. Ирхин);
- *осознание* сферы политики социальными субъектами (личностями, группами, общностями и др.) (В. В. Желтов, М. А. Василик, В. И. Власов);
- *активное начало* в политике (А. П. Плешаков) и указывают на ряд его особенностей и характерных признаков:
- возникло вместе с появлением политических институтов, и, прежде всего, государства (Ю. В. Ирхин);
- *формируется* в процессе массовизации политической деятельности, который и порождает одинаковые, схожие устремления, потребности, оценки социальных групп и индивидов (Ю. В. Ирхин);
- *взаимосвязано и взаимодействует* с другими формами общественного сознания: экономическими воззрениями, правовыми теориями и нормами, философскими учениями, нравственными концепциями, эстетическими ценностями, художественными взглядами (М. А. Василик);
- *носит* общественный характер (Ю. В. Ирхин);
- является *выражением* воли и интересов тех или иных классов и социальных слоев (Ю. В. Ирхин);

- *системно*, поскольку отражает систему политических явлений (прежде всего политическую систему) (В. Д. Перевалов);
- *отражает* производственно-экономические и иные общественные отношения индивидов, социальных групп, классов, наций, общества в их совокупном отношении к государственной власти (А. П. Плешаков);
- *отражает и выражает* систему идей, взглядов, представлений, убеждений, чувств и настроений субъектов политики, складывающихся в процессе завоевания и осуществления, организации и функционирования власти в рамках определенной политической системы (Ю. В. Ирхин, В. В. Желтов);
- *охватывает всю совокупность* чувственных и рациональных, эмпирических и теоретических, ценностных и нормативных, осознанных и подсознательных представлений, опосредующих отношения субъектов к явлениям политической власти (А. П. Плешаков);
- выступает в качестве основы *формирования* политических ориентаций и поведения, отношений индивидов и групп к государственным институтам и власти, к участию в управлении и т. д. (М. А. Василик);
- *искажает* социальную действительность, приводя к волюнтаризму в политике, если действующий субъект не считается с объективными законами общественной жизни, а руководствуется субъективными желаниями и произвольными решениями (А. П. Плешаков);
- *опережает* в ряде случаев общественную практику, прогнозирует развитие событий и тем самым выступает фактором, стимулирующим политическую деятельность (А. П. Плешаков);
- *ориентирует* либо на сохранение данной политической системы, либо на ее дестабилизацию и изменение (Ю. В. Ирхин).

Исходя из вышеизложенного политическое сознание – это индивидуальный или групповой мыслительный конструкт, являющийся результатом осознанного взаимодействия социальной и внутриличностной коммуникации, используемый для анализа и воздействия на политический процесс.

17.1.3.5. Понятие политической ментальности

Зарубежные исследователи преимущественно используют вместо термина «политическое сознание» термин «политический менталитет». Понятие менталитета (ментальности) пришло из исторической психологии. Его ввели французские исследователи Л. Леви-Брюль [111], А. Февр [232а], М. Блох. Оно означает «наличие у людей того или иного общества, принадлежащих к одной культуре, определенного общего «умственного инструментария», «психологической оснастки», которая дает им возможность по-своему воспринимать и осознавать свое природное и социальное окружение и самих себя» [56, с. 56].

Такой стиль мышления и чувствования существует и в политических культурах и субкультурах и оснащает принадлежащих к ним людей политическими взглядами, настроениями и чувствованиями, позволяя им идентифицировать себя с определенными политическими ценностями.

В политическом менталитете выделяют (Е. Б. Шестопал) два важных компонента:

- *содержательную сторону*: взгляды, ценности, чувства и т. п., которые складываются в определенные наборы, для обозначения которых используются идеологические «ярлыки». Так, когда о человеке говорят, что он «либерал», «красно-коричневый» или «демократ», то мы можем представить себе набор политических идей, соответствующих этим идеологическим стереотипам. Правда, в российской политической жизни последних лет эти понятия имеют не столь определенные очертания, как в иных стабильных политических системах. Некоторые коммунисты на деле ближе по своим взглядам к социал-демократам, в то время как другие – к националистам, современные отечественные либералы – признают необходимость государственной опеки над малоимущими, а под понятие «демократа» для сторонника этого строя вообще попадают просто те, кто им приятен. Создание предвыборных блоков вообще не поддавалось никакой политической логике: в одном блоке соединились промышленники и предприниматели, генералы и актеры, не говоря о наличии во многих объединениях представителей криминального мира. Если же говорить о создаваемых губернаторских блоках, то их состав определялся скорее общностью региональных интересов, нежели какой-либо общей идеологией. Проследив динамику идейного содержания различных политических партий и движений в 1990-е гг., то почти невозможно найти такие организации и движения, где не произошла смена приоритетов. Исключение составляет, пожалуй, только «Яблоко», лидер которого со свойственным ему упрямством стоит на тех же позициях, что и в начале своей деятельности;
- *стиль мышления*, характер политических рассуждений, способ восприятия системы («психологический инструментарий»). Эту сторону менталитета следует выделить, так как в политическом анализе чаще учитывают политические цели и ценности, декларируемые определенными политическими организациями, нежели характер их выражения в личности лидера или идеологической позиции партии. Когнитивный стиль проявляет себя и на уровне группового политического сознания, и на уровне личности. Российский психолог В. Ф. Петренко провел исследование документов российских партий в динамике постперестроечного периода. Им составлены когнитивные карты, отразившие групповые политические представления правых и левых, радикалов и консерваторов не по самоназванию, а по действительному способу их политического мышления [178]. Что касается политического менталитета *личности*, то сегодня в российских условиях наблюдается большое многообразие когнитивных стилей в политическом мышлении, что связано, как с ориентацией на разные политические партии, так и с возрастными, социальными и иными особенностями личности [259, с. 157].

Термин «ментальность» стал популярен в нашей стране в 1990-е гг., когда с его помощью пытались объяснить уникальный путь развития российской государственности. Российские исследователи, в частности А. П. Плешаков [183], исходят из того, что политическое сознание тесно взаимосвязано с другими формами общественного сознания. В связи с этим политическое сознание зачастую переплетается с нравственным, поскольку люди оценивают политику и политические яв-

ления через призму моральных категорий добра и зла, справедливости и несправедливости. А с правосознанием политическое сознание частично пересекается, поскольку многие политические отношения регулируются правом. Политическое сознание каждого народа, любой социальной общности формируется и функционирует под влиянием свойственного им менталитета.

Существуют различные трактовки политического менталитета, это и:

- *представления и убеждения*, присущие определенной социальной общности;
- *совокупность установок*, которые предполагают активное восприятие окружающей действительности как на уровне отдельной социальной общности, так и ее субъектов;
- *особого рода конструкт* «коллективного бессознательного».

Политический менталитет связан с опытом, повседневной жизнью и включает в себя:

- *представления* о политической реальности;
- ценностные политические *ориентации*, носящие как осознанный, так и неосознанный характер;
- политические *установки* и стихийные предрасположенности реагировать на политическую ситуацию.

Различные социальные общности в России обладают собственным политическим менталитетом. Однако существуют и некоторые базовые представления, ценности и установки, присущие на уровне повседневности значительной части российского общества.

В российском политическом менталитете доминирует определенный образ государственной власти, на основе которого в нем в качестве ценности и базовой установки утвердился *патернализм*. Государственное попечительство рассматривается как «благо» и обязанность властей перед обществом (народом). Вместе с тем патернализм, порождая иждивенческие настроения в обществе и приучая его к пассивному выжиданию, ослабляет самостоятельную энергию частных лиц.

В качестве идеала государственной власти российский политический менталитет санкционирует в первую очередь власть единоличную (ответственную), сильную (авторитетную) и справедливую (нравственную). Этот «образ» власти ориентирован на умеренный авторитарный идеал, который всегда сочетается с коллективным демократизмом охлократического толка. В силу этого в политическом менталитете сложилось двоякое отношение к авторитету.

С одной стороны, вера в авторитет, часто наделяемый харизматическими чертами, и, соответственно, ожидание от него «чуда», сопровождаемое постоянной готовностью подчиняться авторитету.

С другой — убеждение в том, что авторитет должен служить «общему делу», национально-государственной идее. Если авторитет осуществляет деятельность вразрез с этими переживаниями, то его образ меркнет, и авторитета, как правило, свергают, а иногда и жестоко с ним расправляются. Вот почему политические лидеры в России, уходя в отставку, вначале подвергаются резкой критике, а затем погружаются в политическое небытие.

В российском политическом менталитете государственная власть стоит выше закона, что формирует такую политическую установку, как неверие в закон в каче-

стве воплощения справедливости и средства борьбы со злом. Примат государства над законом порождает, с одной стороны, правовой нигилизм и произвол, а с другой — терпимость русского человека.

Н. А. Бердяев [14], описывая национальную специфику сознания россиян, выявил черты их менталитета. В частности, отметил присущую русскому народу мессианскую идею. Она проходит, по его мнению, через всю историю, вплоть до коммунизма. Н. А. Бердяев подчеркнул также склонность русского народа к анархии и вместе с тем покорность власти. Русский народ, писал он, всегда смотрел на власть как на зло и тем не менее был покорен государству. Он либо бунтует против государства, либо покорно несет его гнет, охотно служит огромной империи. Невоинственность, миролюбивость народа, коллективистские черты образа жизни, присущая от природы склонность к идее социализма (которую сегодня пытаются вытравить) — черты россиянина. «Если не брать социализм в доктринальном смысле, — писал Н. А. Бердяев, — то можно сказать, что социализм глубоко вскоренен в русской природе. Это выражалось уже в том, что русский народ не знал римских понятий о собственности» [14].

Таким образом, в российском массовом политическом сознании такие ценности, как коллективизм, справедливость, духовность, терпеливость, воспринимаются в качестве основных проявлений духовной самобытности России, как ее главное достояние. В них видится преимущество России перед другими странами, прежде всего западными.

Сочетание в массовом политическом сознании противоречивых ценностей порождает представление о том, что именно государство может быть в России главным двигателем перемен даже тогда, когда предстоит преодолевать традиционный для нее тип государства и характер его взаимоотношений с обществом [183].

§ 2. ФУНКЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

17.2.1. Двойственная природа политического сознания

Чем более сложный характер имеет человеческая деятельность (а политическая деятельность основана на весьма изощренной системе взаимоотношений многочисленных субъектов и объектов политических отношений), тем большее значение приобретает отражающее и анализирующее ее сознание.

Субъективная сторона политической жизни находит свое отражение в политическом сознании. Роль политического сознания в жизнедеятельности общества трудно переоценить. Это определяется тем, что оно не есть лишь пассивное *отражение* политического бытия. Политическое сознание способно опережать практику, прогнозировать развитие общественно-политических процессов. Следовательно, оно способно оказывать значительное *воздействие* на политическую жизнь, на динамику политической культуры общества. Кроме того, от уровня политического сознания во многом зависит политическое поведение, характер политической деятельности, как отдельных людей, так и их общественно-политических объединений [187, с. 292].

С возникновением политики — этого важнейшего элемента цивилизации, функции и роль политического сознания оцениваются не однозначно. С одной стороны, исторический опыт и логика требуют признать тот очевидный факт, что политическое сознание формируется как результат эволюции политических институтов, на которую оказывают влияние предшествующие традиции общественного участия, характер социализации, формы образования и множество других факторов. С другой стороны, уже в древности с появлением первых философских школ возникло явление, которое К. Поппер [194] назвал «историцистской идеологией».

Его суть заключается в претензиях философов и идеологов, прибегающих к историческим пророчествам, на открытие всеобщих законов истории и политики, в соответствии с которыми должно развиваться общество. Отсюда возникло убеждение в том, что системы политической философии оказывают решающее воздействие на политическое сознание, определяя характер политического поведения и участия.

Такого рода модели политического сознания, которые можно отнести к разряду элитарных, преувеличивают и абсолютизируют влияние философских идей на системы убеждений, нравы и институты. Сторонники этих моделей утверждают, что все значительные политические перевороты нового времени, например, американская и французская революции XV в. и революция в России 1917 г., являются результатом внедрения в общественное сознание идей конституционализма, либерализма и социализма. Влияние этих идей действительно было огромным, особенно в период, предшествующий упомянутым политическим переворотам. Вместе с тем имеется множество доказательств, подтверждающих, что различные варианты политической философии сами являлись одним из средств рационализации уже сложившихся политической традиций, систем убеждений и социальной практики. Например, формирование американских политических институтов в период, предшествовавший войне за независимость, образованию США и принятию конституции, происходило под влиянием английских традиций и правовых норм, а также общих христианских понятий земной власти в сочетании с принципами «естественного права». Идеи Локка [119], Монтескье [150], Руссо [204] и Юма [269], хорошо известные авторам проекта конституции США, использовались не как отправные точки для создания чего-то нового, но, скорее, в качестве аргументов, подтверждавших правильность того, к чему американцы пришли эмпирическим путем.

Точно так же революция в России произошла не в результате внесения социальными различными оттенками политического сознания в «пролетарскую массу», как полагал Ленин, а вследствие острейшего кризиса, вызванного мировой войной. В ходе самой революции отчетливо проявились традиции, восходящие к крестьянским восстаниям и бунтам XVII—XVIII вв. Идеи Маркса, по мнению В. С. Библера [23], были только «верхним пластом», с помощью которого оформлялась официальная идеология авторитарного бюрократического режима, вовсе не соответствовавшего исходным принципам марксистского социализма.

И картины мира, разработанные философами, и уже сложившиеся политические институты и нормы, вступая во взаимодействие с подсознательными комплексами и когнитивными механизмами человеческой психики, создают в созна-

нии политические образы, которые далеко не всегда совпадают с политическими реалиями. Адекватность индивидуального и группового политического сознания действительным отношениям зависит от типа личности. Большое значение имеет степень «открытости» индивидуального сознания, способность объективно оценивать социальные процессы и создавать различные рациональные проекты и концептуальные модели политики. Или, наоборот, особенность индивида воспринимать политику сквозь призму дихотомии «свой–чужой», «друг–враг» и т. д. [187, с. 293].

Вместе с тем в политологии все большую популярность приобретает концепция «самосбывающихся прогнозов». Ее сущность заключается в том, что в условиях современной тотальной массовой коммуникации, политический прогноз, постоянно внедряемый в политическое сознание населения СМИ, становится ожидаемым, а через это вполне осуществимым.

17.2.2. Роль и функции политического сознания

17.2.2.1. Роль политического сознания

Политическое сознание выполняет в обществе специфические функции. Главными среди них являются: политическое *целеполагание* и политическое *программирование*. Они теснейшим образом взаимосвязаны. Основной задачей любой политики является выработка системы целей, соответствующей интересам данного класса (группы), а также стратегии и тактики, необходимых для ее реализации. Эти цели и способы их достижения находят свое теоретически обоснованное воплощение в соответствующих программах, заявлениях, декларациях субъектов политической деятельности.

Политическое сознание не только отражает политическую деятельность, но и активно воздействует на нее, формирует определенные требования к ней. В этом состоит его нормативная роль. Его нормотворческая функция заключается в том, что оно формирует определенную систему ценностей (таких, например, как толерантность, демократичность, патриотизм, интернационализм, коллективизм и т. д.). Оно выполняет также и научно-познавательную (когнитивную) функцию, предполагающую систематически осуществляемый анализ политической практики и выявляющий ее определенные закономерности и тенденции (на базе чего выработывается политическая стратегия и тактика) [185].

Политическое сознание является *механизмом*, который подготавливает и закрепляет новые элементы в политической культуре и традициях общества. Это значит, никакие изменения в политической системе, в системе властных отношений невозможны, если им противостоит феномен политического сознания.

Роль политического сознания не вполне осознана в политологической науке. Не все ученые рассматривают ее в качестве самостоятельного элемента политики. Большинство исследователей соотносят его с политической культурой или не выделяют отличной от нее роли. Политическое сознание не является широко распространенным элементом и самостоятельно рядовыми членами общества не выделяется. Вместе с тем это наиболее перспективный элемент политической культуры, это канал, по которому усложняющийся социум, транслирует тенденции

своего политического развития. Повышение грамотности населения, развитие массовых коммуникаций, создание условий превращения индивида в их субъекта, делает политическое сознание наиболее эффективным средством ускорения процессов глобализации. Идеологи и сторонники глобализации по-американски активно используют технологии воздействия на политическое сознание народов, которых они пытаются «осчастливить» своими моделями развития. Следовательно, понимание роли и значения политического сознания и эффективного использования его возможностей – гарантия самостоятельного и независимого развития суверенных стран.

17.2.2.2. Функции политического сознания

Как неинституциональный элемент политики политическое сознание выполняет следующие функции в обществе:

- **когнитивную**, обеспечивающую отображение и осмысление политических процессов, происходящих в обществе. Сюда входит оценка политических событий прошлого и настоящего, а также выработка представлений о наиболее приемлемом пути развития властных отношений в будущем;
- **коммуникативную**, обеспечивающую осознанное взаимодействие субъектов политики между собой и институтами власти;
- **идейную**, отражающую процессы отстаивания групповых интересов в сфере политического развития общества. Благодаря этой функции конкретное политическое действие получает теоретическое оформление;
- **интегративную**, обеспечивающую объединение в единое целое представителей общественного слоя, социальной группы, класса и т. д. в деле отстаивания групповых интересов. И это единое целое предстает в итоге как субъект властных отношений [74, с. 630];
- **воспитательную**, задающую политической активности людей желательную для общества или группы направленность, соответствующую тем или иным идеалам класса, нации, государства, позволяющую «научить» мыслить и чувствовать своих представителей;
- **регулятивную**, управляющую социальным поведением людей на основе восприятия действительности, а также на основе совокупности вырабатываемых им политических идей, норм, представлений и убеждений. С особой силой потребность в регулятивной функции политического сознания обнаруживается на переломных этапах общественного развития, особенно в кризисные периоды. Именно от политического сознания широких слоев общества, от политических установок «верхов» зависят эффективность политических систем, ход развития событий, направленность социально-политических преобразований;
- **познавательную-информационную**, призванную помочь людям усвоить политические знания и информацию, определить свое место в общественно-политической жизни и правильно в ней ориентироваться;
- **оценочную**, направленную на формулирование людьми своих политических взглядов. Политическое сознание предназначено не только для осознания (отражения) социально-политической действительности. В его недрах в процессе осознания мира политики вырабатываются оценки (отношения) к тем или

иным политическим явлениям и проблемам. Люди таким образом делают для себя определенные выводы, конкретизируют степень важности различных политических явлений и событий. Именно на основе оценки политической действительности люди формируют свои политические взгляды, убеждения, позиции, пристрастия;

- **мобилизующую**, побуждающую людей к политически ориентированному поведению, к участию в общественной жизни ради отстаивания своих социально-политических интересов [187, с. 164];
- **прогностическую**, создающую основу для предвидения содержания и характера развития политического процесса; позволяет получить информацию о будущих политических отношениях.

Степень полноты и характер реализации этих функций могут существенно меняться в зависимости от характера политических процессов. Например, в переходных процессах, когда в политическую жизнь активно включаются различные субъекты, обладающие собственным видением политических изменений и политики будущего, ищущие логику своего властного поведения, тогда, как правило, ослабевает коммуникативная функция политического сознания, но одновременно активизируется его идейная функция [213, с. 229]. В нестабильных условиях также падает политическое значение различного рода прогнозов, особенно долгосрочных; основная нагрузка ложится на политическое сознание элитарных кругов; при выработке политических целей и требований увеличивается значение нормативных (в противоположность ценностным) ориентиров политического поведения.

§ 3. СТРУКТУРА ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

В совокупность политического сознания включаются политические нормы и ценности, политические убеждения и представления, теоретические и эмпирические знания.

17.3.1. Компоненты политического сознания

В сложном феномене политического сознания выделяют ряд основных и значимых компонентов. Роль их не одинакова, но однозначно важна.

17.3.1.1. Основные компоненты политического сознания

Прежде всего это **научное отражение** политической реальности, систематизированное и обобщенное в форме политической науки и политической теории.

Политические знания личности и социума являются неотъемлемым компонентом политического сознания. В их основе лежит политический опыт, в разной степени осмысленный и систематизированный. Политические знания, отражающие интересы тех или иных классов и групп, нередко отличаются скорее по форме, чем по существу. Теоретические знания, разработанные политическими идеологами, преподносятся затем в виде политических призывов и лозунгов и усваиваются обыденным политическим сознанием.

Между политическими *знаниями* и *интересами* существует тесная корреляция. Интересы отчасти зависят от уже приобретенных знаний. В то же время они являются стимулом приобретения новой информации. Усвоение новых знаний в свою очередь увеличивает способность адекватно отражать происходящие политические изменения, адаптироваться к ним, участвовать в принятии политических решений. Способность к восприятию новой политической информации с возрастом снижается, поэтому люди старшего возраста преимущественно придерживаются консервативных взглядов. В частности, в России немало людей, чье политическое сознание сформировалось в советский период российской истории, и слабо поддается воздействию условий и идей, рожденных процессами реформирования общества.

Следующий рациональный элемент политического сознания – *политическая идеология*. Она включает в себя идеи, понятия, представления о политике, политической власти, государстве и др. К политической идеологии можно отнести и рассуждение о политике умудренного жизнью человека, и сочинение М. Вебера «Национальное государство и народнохозяйственная политика». Политическая идеология – самый мобильный и эффективный элемент политического сознания [34].

Политическая идеология не только определяет систему ценностей, но и играет мобилизующую роль в ориентации людей на следование этим ценностям как приоритетным или предпочтительным нормам поведения, критериям легитимного и нравственного. Ряд исследователей, следуя известному принципу о том, что «мы можем ровно столько, сколько мы знаем» (Ф. Бэкон), включают в структуру политического сознания наряду с политической идеологией весь потенциал политического знания (достижения политических и социальных наук), полагая, что его использование содействует расширению возможностей и совершенствованию анализа политических явлений, повышает его теоретический уровень [83, с. 436].

Другим структурным элементом политического сознания является *политическая психология* – чувства, эмоции, настроения (эмоциональный элемент). *Эмоции* органически включаются в структуру политического сознания, ибо человек не может руководствоваться в политической сфере только *мышлением*, т. е. рациональным элементом. Эмоциональная окраска (положительная или отрицательная) существенно влияет на характер поведения политического субъекта (например, удовлетворенность или неудовлетворенность конкретного человека социальной политикой государства). В отличие от политической идеологии психология распространяется в обществе, как правило, стихийно, ее информационной базой могут быть слухи, неверно понятые политические явления и др. Роль психологии в политическом сознании нельзя недооценивать [193, с. 161].

В рамках политической психологии рассматриваются различные группы психологических образований и состояний, чувственно-эмоциональных отношений, которые отражают важнейшие аспекты политической жизни людей, побуждают и мобилизуют их на различные виды политической деятельности. В психологии политики выделяются *мотивационные* и *познавательные* элементы. К мотивационным – относятся политические потребности, установки и чувства; к познавательным – знания, информированность, интерес к политике, убеждения. Оба блока этих элементов в жизни тесно переплетаются.

17.3.1.2. Значимые компоненты политического сознания

Политические знания и настроения создают основные предпосылки для формирования оценочных суждений, лежащих в основе группового (коллективного) и общественного *мнения*. Последнее образуется как результат группового (массового) общения, интенсивного обмена социальной информацией по актуальным и жизненно важным для людей проблемам.

Обыденное политическое сознание, как и идеология, связано с классовыми интересами, но эта связь менее стабильна и последовательна. Если политическая идеология (убеждения) ориентирована главным образом на коренные интересы того или иного класса в целом, то обыденное политическое сознание (мнения) в большей мере отражает дифференциацию этих интересов внутри класса. Иначе говоря, оно носит дифференцированный, более пластичный характер. Вместе с тем на содержание обыденного политического сознания оказывают значительное воздействие не только приобретенные опыт и социально-политическая ситуация, но и различные традиции, обычаи, связанные с образом жизни тех или иных групп населения.

Групповое и общественное мнения являются важным показателем состояния обыденного политического сознания. Многие исследователи отмечают такую тенденцию в развитии и функционировании общественного мнения, как рост его компетентности. Это свидетельствует о том, что научные знания (теории, концепции) проникают в обыденное сознание, влияют на его характер и общую направленность. Состояние общественного мнения является важным ориентиром при принятии политических решений. Разумеется, такого рода решения должны приниматься прежде всего на основе научных знаний (т. е. компетентно), но при этом обязательно должно учитываться состояние обыденного политического сознания [185].

Важным структурным элементом политического сознания выступают *мотивы поведения*, внутренняя установка и готовность действовать — поведенческий элемент. Он аккумулирует в себе политическую идеологию и политическую психологию, непосредственно смыкается с волевой позицией человека, с прочными убеждениями, с психологической стороной практической деятельности по достижению поставленной цели. Идеологический и психологический элементы служат своего рода идейно-психологической основой, предпосылкой деятельности, а поведенческий — непосредственным внутренним ее стимулом [193, с. 161]

Существенный элемент обыденного политического сознания составляют *политические чувства*. Они обусловлены характером отношений, в которые включен субъект политического действия. Условием их взаимодействия и распространения служит систематическое участие субъекта в политической жизни в той или иной ее форме. Спектр политических чувств богат — это и патриотизм, и национализм, и солидарность, и классовая ненависть и т. д.

Политические чувства подразделяют на следующие категории:

- чувства политической *преданности* целям, идеалам, ценностям класса (или государства) в целом воплощают в себе и соответствующее отношение к лидерам, олицетворяющим (или защищающим их), к соответствующей символике;
- чувства политического *послушания* возникают на основе веры в правильность целей и способов деятельности политической власти или на основе конфор-

мизма, привычки «не рассуждать», не проявлять активности и не брать на себя ответственность;

- чувства политического *отчуждения* появляются на основе ощущения невозможности лично влиять на политическую жизнь, на принятие важных политических решений на основе восприятия власть имущих как внешней, господствующей над человеком силы, диктующей ему нормы и правила поведения, не учитывающей его мнения и взгляды;
- чувства *страха* перед властью имущими (политическим режимом) имеют наибольшее распространение в условиях кризиса. Они возникают из-за ощущения незащищенности людей от волюнтаризма и произвола властей.

Чувства отличаются от *настроений* большей устойчивостью и большей подконтрольностью.

Политические знания, настроения, чувства и другое оказывают значительное влияние на формирование политических *убеждений* субъектов политического действия. Политические убеждения – это всегда синтез знаний, чувств, настроений, выражающий глубокую веру в определенные идеалы и ценности, готовность действовать во имя их осуществления [185].

Интегральным выражением политического сознания, возникающим при взаимодействии его основных компонентов, является феномен *политической воли*, которая выражает активно действующее политическое сознание и формируется через убеждения. Воля переводит мотивы политического сознания в конкретные политические действия [74, с. 627].

Рассмотрение *теоретических, идеологических и психологических* и других компонентов политического сознания показывает их тесную взаимосвязь. В политическом сознании рациональное знание опирается на эмоциональную реакцию субъектов политики.

17.3.2. Уровни политического сознания

Политическое сознание связано как с индивидуальными, так и групповыми процессами познания и ценностными ориентациями в политической сфере. Соответственно оно включает в себя все *уровни* восприятия, понимания и истолкования политических процессов – от первичных импульсов до сложных теоретических построений.

17.3.2.1. Теоретический уровень политического сознания

Существуют разные подходы к методике определения уровней политического сознания.

В частности выделяют следующие уровни:

Теоретический (научный, политологический), представленный различного рода концепциями, идеями, воззрениями, имеющими политический характер. Осознание политики на теоретическом уровне позволяет:

- ставить и решать ее важнейшие цели и задачи – как фундаментальные (стратегические), так и текущие (тактические);
- определять средства и методы их достижения;

- определять направления и пути организационно-политического обеспечения в ходе решения назревших проблем;
- вырабатывать концептуальные подходы к социальному контролю за ходом выполнения политических решений и целевых программ;
- корректировать политику с учетом данных практического опыта [33, с. 165].

Теоретический уровень политического сознания характерен для исследователей, научных работников, занимающихся изучением тех или иных сторон политической жизни общества. В отличие от обыденного политологическое сознание формируется на базе глубоких исследований политической действительности и широких политических обобщений [193, с. 163]. А. Л. Горелов определяет его как «уровень истинного сознания, где происходит прояснение, объяснение и рационализация политических реалий» [52].

Профессионально-политический уровень, на котором регулируются политические отношения путем выработки различных законопроектов, программ, конституций и т. д. На нем обосновываются существующие политические порядки и принципы политического управления [74, с. 626].

Оценка политического процесса с данного уровня политического сознания присуща служащим (чиновникам) государственного аппарата, профессиональным политикам. Их сознание отличается систематизированными знаниями о политике государства, о существующем режиме. Его представители характеризуются умением руководить и управлять политическими процессами на общефедеральном и региональном уровне. Первоосновой профессионализма государственных служащих выступает их компетентность. В государственном аппарате профессионализму (особенно в последние годы) активно противостоит дилетантизм. Подчас он самоуверен, агрессивен и стремится вытеснить профессионализм. В практическом плане дилетантизм выражается в отсутствии необходимых знаний, в организационной беспомощности, в неспособности предвидеть результаты своих действий, последствия принимаемых решений. Именно дилетанты скомпрометировали многие необходимые реформы. Вот почему формированию профессионального политического сознания надо уделять особое внимание в современных условиях. Отсутствие профессионализма в политической сфере – одна из бед нашего общества [193, с. 163].

А. Л. Горелов определяет данный уровень как «прагматический: бессознательный по преимуществу, где политик заботится о том, чтобы удержаться у власти, а подданный о том, как защитить свои интересы» [52].

17.3.2.2. Эмпирический уровень политического сознания

Эмпирический уровень базируется на непосредственной практике, участии в политическом процессе различных социальных общностей и отражающий политическую действительность в форме ощущений, иллюзий, переживаний, представлений [33, с. 165]. Эмпирический уровень политического сознания свойственен индивиду, социальной группе и государственно организованному социуму. Фактически речь идет о политическом опыте, который человек получает в течение всей жизни и передает его по наследству своим потомкам.

Эмпирический опыт приобретают этносы и классы. Его особенность заключается в наличии основанной на практике политической аргументации, на которую опирается субъект политического процесса. Эмпирический уровень преимущественно обусловлен личными и групповыми ошибками и достижениями, поэтому он обладает для его владельца свойствами абсолютной достоверности. Именно эмпирический опыт в первую очередь кладется в основу убеждений и мнений. Все остальные уровни политического сознания вторичны по отношению к нему.

Эмпирический уровень практически не входит в арсенал политехнологов, ибо повлиять на него крайне сложно. Зато к нему постоянно апеллирует политическая реклама, в частности это касается КПРФ. Однако и их противники ссылаются на тот же политический опыт, но с противоположным знаком. Огромную роль в политике играет эмпирический уровень, обусловленный историческим опытом национальных групп и этносов. Например, геноцид армян и евреев в XX в. весьма актуален и в начале XXI в., и споры, с ним связанные, являются обыденной реальностью в парламентах и правительствах, на международных саммитах и научных конференциях. Весьма актуальна эта проблема в СНГ, где неожиданно возникла проблема украинского «гладомора».

17.3.2.3. Обыденный уровень политического сознания

Обыденный уровень тесно связан с эмпирическим уровнем, но имеет ряд отличий. В частности, эмпирический уровень характеризует практический опыт субъекта. Обыденный же уровень характеризует совокупность возникающих непосредственно из будничной жизни идей, взглядов общественного класса, социального слоя или группы людей. Обыденный уровень политического сознания отличается от эмпирического также тем, что имеет идеологические и теоретические элементы, ему присущи ярко выраженные социально-психологические черты – настроения, чувства, эмоции. Это придает обыденному уровню политического сознания особую динамичность, способность чутко реагировать на изменения политической ситуации [33, с. 165].

Обыденное политическое сознание характеризуется размытостью, несистемностью, противоречивостью, стихийностью становления и развития под влиянием бытовых представлений и суждений о политике с точки зрения житейского здравого смысла. Оно представляет собой своеобразный сплав знаний, представлений, настроений, чувств, мнений, носителями которых являются разные социальные общности, формируется под влиянием как политической идеологии, так и политической практики. Выработанные массовым сознанием стереотипы поведения весьма устойчивы. Суть его проста. Она заключается в желании и стремлении людей решить проблемы одним махом. Причем технология решения проблем находится как бы вне сознания. Поэтому обыденное сознание подвержено воздействию популизма демагогических лидеров, обещающих в своем стремлении к власти воплотить в жизнь некую идеальную модель желаемого будущего в очень скорое время. Так, на заре перестройки разрабатывались утопические программы осуществить реформы и вывести страну из кризиса на путь прогресса за 500 дней [193, с. 163].

Именно на этом уровне функционируют различные социальные мифы, отличающиеся высокой устойчивостью и нелогичностью. Эти иррациональные представления зачастую надолго переживают поколения, их создавшие.

Политическому сознанию присуща исключительная сложность, устойчивость и динамизм. Выделение и анализ его уровней позволяют предметно показать его реальное функционирование, исключают отождествление этих уровней или противопоставление их друг другу. Обыденное политическое сознание отнюдь не совпадает с научным (теоретическим); каждое из них имеет свою логику действия и развития. Недооценка сказанного приводит к упрощенным представлениям о взаимосвязи научного и обыденного сознания: первое нередко рассматривается как «высшее», а второе – как «низшее» и т. д. Между тем уровни политического сознания взаимопроникают друг в друга, и это взаимопроникновение является характерной чертой современного политического сознания, так как его уровни не могут быть изолированы, оторваны один от другого [80, с. 133].

17.3.2.4. Концептуальные подходы Соловьева

А. И. Соловьев [213] предложил иную систему уровней политического сознания. Он выделил:

- **гносеологический** (когнитивный), раскрывающий различия между элементами политического сознания с точки зрения достоверности отражения ими реальной действительности. Гносеологическая структура сознания предполагает, что все воззрения субъектов рассматриваются как знания, с той или иной степенью полноты отражающие различные стороны мира политики. В данном аспекте рассматриваются: вопросы соотношения политической истины и лжи; заблуждения политического интеллекта и силы его проникновения в тайны политического мира; соотношения мифологического, утопического и научного типов отражения и т. д.;
- **аксиологический**, отражающий духовные явления политической сферы с точки зрения их приемлемости или неприемлемости для познающего субъекта. В данной структуре политические представления интерпретируются как разнообразные суждения и оценки, которые воплощают те или иные ценностные приоритеты познающего политический субъекта. Поэтому одни и те же институты, нормы, процессы и другие явления одним субъектом (например, представителем демократического мировоззрения) могут оцениваться положительно, а другим (исповедующим иные идеалы и принципы) отрицательно. Совокупность же различающихся оценок заполняет весь объем политического сознания;
- **социологический** (функциональный), характеризующий все элементы политического сознания с точки зрения занимаемого ими места, а также роли, которую они играют в процессе реализации духовных явлений на практике. С одной стороны, в рамках данной структуры описываются разные формы индивидуального, группового или массового сознания, а с другой – процессы перемещения содержания мышления человека в сферу практики, а именно: идеалы, принципы, нормы, установки, мотивы и т. д.

17.3.3. Виды политического сознания

В зависимости от специфики процессов и форм политического отражения в нем выделяются различные его виды. Любой вид политического сознания строит-

ся с учетом объективных *интересов* социальных общностей людей и характера их взаимоотношений. В то же время виды политического сознания обусловлены *особенностями* социальных, профессиональных, возрастных и других параметров субъектов. В основу видовой классификации политического сознания положен принцип субъектности, т. е. отсчет идет от и с точки зрения субъекта политического процесса. Политическое сознание подразделяют на индивидуальное, групповое, массовое и общественное.

17.3.3.1. Индивидуальное политическое сознание

Индивидуальное политическое сознание — это система познавательных, мотивационных и ценностных компонентов, обеспечивающих познание личностью политики и участие в ней. Политическое сознание отдельного индивида, социальной группы и общества не тождественны друг другу [183, с. 263]. Когда речь идет о политическом сознании отдельного человека, то ясно, что имеется в виду его интеллектуально-психическая деятельность, складывающаяся из ощущений, воспринимаемых через органы чувств, интеллектуальной работы мозга, эмоций и воли, направленных на осознание личностью роли и места в политической жизни. Индивидуальное политическое сознание предполагает усвоение человеком своих политических прав и свобод, умение ими пользоваться в конкретной жизненной ситуации [193, с. 164].

Анализ механизмов, управляющих индивидуальным сознанием, позволяет выделить в нем две совокупности:

- *мотивационную* (политические потребности, ценности, установки, чувства и эмоции);
- *познавательную* (знания, информированность, интерес к политике, убеждения).

Индивидуальное политическое сознание в значительной степени определяется позиционированием личности в политическом процессе. Важно то, в качестве субъекта или объекта политического процесса он себя ощущает.

Большое значение для этого явления имеет политическая ситуация в стране и мире. Индивид наблюдает и оценивает тенденции развития политики и на основе полученных видов строит иерархию своих политических целей, задач перед ним стоящих и средств их разрешения.

17.3.3.2. Групповое политическое сознание

Групповое политическое сознание — это обобщенное сознание конкретных больших (классы, социальные группы и слои) и малых (политическая элита, группа давления и т. д.) групп, связанных с политикой [183, с. 264].

Группа (коллектив) — это не биологическое существо, у нее нет, если прибегать к метафорам, ни ощущений, ни интеллекта. Неверно думать, что групповое сознание есть простая сумма того, что чувствуют и думают отдельные лица, составляющие группу. Однако более глубокое изучение показывает, что ни о сложении индивидуальных сознаний, ни даже о выведении у них «общего знаменателя» всерьез говорить не приходится. В коллективе (группе) на человека воздействует окружающая его среда, формируется конформистское умонастроение. Происходит

это потому, что отнюдь не каждый человек стремится выработать собственное мнение по каждому поводу: многие люди предпочитают полагаться на политические соображения других, усваивают мнения окружающих так, как если бы они были их собственными. Если такое мнение разделяют многие, то вступает в силу «стадное чувство». Мысли и особенно настроения окружающих оказываются настолько заразительными, что человек поступает «как все».

Следовательно, групповое политическое сознание – это политические представления и чувства тех или иных социальных групп, классов, слоев общества, профессиональных сообществ. Политическое сознание одной социальной группы чаще всего существенно отличается от политического сознания другой. Например, принципиально различается политическое сознание у классов в обществе с ярко выраженными классовыми противоречиями. Есть различия в политическом сознании возрастных слоев населения, а также различных профессиональных групп.

Групповое политическое сознание это наглядная иллюстрация реализации закона «перехода количества в качество». Специфика феномена проявляется в том, что элементы группового политического сознания присущи практически каждому ее представителю, но далеко не все индивидуальные подходы выражены в групповой совокупности. Индивидуальное политическое сознание конкретно и ситуативно, а групповое многофакторно и исторично.

Групповое политическое сознание следует отличать от массового, которое характерно для нестабильных, временных крупных объединений людей (митинг, демонстрация, бунтующая толпа). Массовому политическому сознанию присуще актуальное политическое содержание. Масса не теоретизирует, она всегда на грани того или иного политического действия [193, с. 164].

17.3.3.3. Массовое политическое сознание

Анализ *массового* политического сознания возвращает исследователя к индивидуальному сознанию. Массовое сознание вновь выступает как совокупность, а не сумма индивидуальных сознаний. В этом случае зачастую отсутствует общая политическая ментальность, свойственная индивидам, принадлежащим к одной социальной группе. Следовательно, эта совокупность не ограничена корпоративным интересом, направленным в конечном счете на созидание и решение перспективных задач. Массовое сознание не ограничено и не дисциплинировано, оно ориентировано либо на разрушение существующего, или на чувственную некритичную поддержку существующего порядка.

Массовое сознание в области политики имеет своим содержанием осознание актуальных политических процессов. Структурно оно включает в себя статичные (типа ценностей и «общих ориентаций») и динамичные (типа массовых настроений) компоненты. К ним относятся:

- уровень ожиданий людей и оценка ими своих возможностей влиять на политическую систему в целях реализации имеющихся ожиданий;
- социально-политические ценности, лежащие в основе идеологического выбора (например, справедливость, демократия, равенство, стабильность, порядок и т. д.);

- быстро меняющиеся мнения и настроения, связанные с оценками текущего положения, правительства, лидеров конкретных политических акций и т. д. [188, с. 148].

Массовое политическое сознание — реально действующее политическое сознание той или иной массовой общности людей, участвующих в политической жизни. Его состояние выражают общественное *мнение*, общественное *настроение* и *действия* масс. Массовое сознание опосредованно демонстрирует уровень и содержание потребностей населения, его знаний о политической действительности. Массовое политическое сознание весьма динамично. Оно испытывает на себе воздействие множества факторов: различные социальные потрясения, содержание конкретной исторической ситуации и др. [74, с. 624].

Оно не обязательно одномоментно или кратковременно, и может существовать достаточно долго. Здесь индивид, минуя свою политически позиционированную социальную группу, выходит напрямую в иную социальную общность, созданную политическим сознанием. Создателем этой общности являются не объективные социально-экономические условия и обстоятельства, а в значительной мере идеологические *представления* человека.

Следовательно, массовое политическое сознание мифологично. Оно опирается на устойчивые ценности и мифы. Ученые-политологи считают, что мифы, коренящиеся в глубинных пластах сознания, играют определяющую роль в массовом политическом сознании и поведении. Так, в начале 1990-х гг. радикал-реформаторы с помощью средств массовой информации создали миф о том, что рынок способен решить все экономические проблемы, что «невидимая рука» А. Смита [211] все урегулирует, сделает государственное управление ненужным. Чиновники решили, что настало желанное время набивать карманы, и коррупция густым туманом окутала государственный аппарат. Теперь наступает время расплаты за эти мифы.

А что такое политическая харизма, как не вариант мифологии массового политического сознания? Харизматический лидер в массовом сознании теряет свойства живого человека и приобретает символические, сакральные черты. Например, в свое время лживая советская культовая идеология каждый шаг «отца народов» превращала в «исторический», «судьбоносный», «решающий». Вся страна оказалась вовлеченной в грандиозное восхваление, почти эпическую лесть, пронизанную идеей непогрешимости, всеведения, всеилия и всезнания одного человека.

Политический миф в какой-то мере отвечает вековым чаяниям человека. Это, как правило, миф о великом вожде, мудром политике, о быстрых переменах к лучшему в связи с приходом его к власти. Миф обладает стойкостью предрассудка. Мифы и мифология влияют на внутренний мир человека, помогают ему осмыслить действительность. Миф, отмечал А. Д. Лосев, наполнен живыми личностями, судьба которых освещена «эмоционально и интимно ощутительно» [121].

Если в науке личность схематизирована, то в мифе она как бы оживает. Если наука использует логическую аргументацию, то миф апеллирует к чувствам человека. мифологическое осмысление мира ограничено. Мифологическая мысль не способна измерить глубину реальности, проникнуть в сущность политических явлений. Она слабо различает непосредственную реальность и опосредующее ее знание, образ и вещь.

Политический миф в одном из основных своих значений – ошибочная политическая вера. В нем различные события преподносятся как истинные, хотя часто не являются таковыми. В реальной жизни одни мифы отмирают, но на смену им приходят новые, ибо политические мифы вырастают на почве реальных противоречий политической жизни общества. Так, скомпрометированная мифология «светлого будущего» ушла в прошлое. Но на смену ей пришли и миф об американском земном рае, который и нам надлежит создавать, и рваческая мифология как своего рода компенсация за упущенные в прошлом возможности. Но мифология, основанная на абсолютизации настоящего, может быть не менее опасной, чем мифология, построенная на абсолютизации прошлого [193, с. 165].

17.3.3.4. Общественное политическое сознание

Для характеристики политического сознания макроколлективов (населения страны, континента, исторической эпохи) используется понятие «*общественное политическое сознание*». Сюда можно отнести и политические взгляды наций и народностей, территориального и государственного социумов.

Общественное политическое сознание образуется путем восприятия массой людей мыслей (мнений, идей, образов), которые ими не выработаны, но усвоены в качестве своих. Общественное сознание – явление сложное и противоречивое, ибо:

- вопросов, по которым людям приходится составлять свое политическое мнение, в жизни общества всегда великое множество;
- по многим, если не всем, вопросам существует не одно, а несколько мнений.

На общественное политическое сознание большое влияние оказывают исторические, социально-культурные и национальные традиции, передаваемые из века в век обычаи, верования, обряды, общественные установления, ценности, идеи и т. д. Они представляют собой социально-культурное и национальное наследие, сохраняющееся в обществе длительное время. С традициями неразрывно связан менталитет (ментальность) – исторически сложившийся, устойчивый умственный (интеллектуальный) и духовный строй (образ) народа. Традиции и менталитет обеспечивают передачу от поколения к поколению проверенных жизнью фундаментальных социальных ценностей, идей и взглядов. К ним, например, относится православная духовность [193, с. 166].

Политическое сознание общества также не есть простая сумма политических представлений составляющих их индивидов. Каждая социальная группа, будучи самостоятельным субъектом политики, вырабатывает собственные политические представления, которые консолидируются в общественное политическое сознание. Между индивидуальным, групповым, массовым и общественным, т. е. присущим гражданам государства видами политического сознания, существует диалектическая взаимосвязь. Совокупность политических идей, носителями которых выступают социальные группы и общество в целом, является основой формирования индивидуального политического сознания. В свою очередь, личностные особенности политических взглядов и убеждений благодаря творческой активности их носителей могут приобретать характер групповой или общественной ценности [183, с. 263].

17.3.4. Формы политического сознания

17.3.4.1. Типология форм политического сознания

На основании классических *политико-идеологических* ориентаций выделяют консервативную, социалистическую (социал-демократическую) и либеральную форму сознания, а также праворадикальную, центристскую, леворадикальную и др. Если критерием являются *партийно-групповые позиции и политические режимы* – демократическую, авторитарную, тоталитарную и другие формы. Также выделяют национальные и религиозные формы политического сознания.

Свою специфику имеет политическое сознание качественно различающихся обществ: потестарных и классовых; традиционных, индустриальных и постиндустриальных; модерна и постмодерна; переходного типа. По классово-формационным критериям выделяются первобытно-общинное, рабовладельческое, феодальное, капиталистическое, социалистическое; по цивилизационным – азиатское, западное и т. д.

Многообразие форм политического сознания увеличивается при рассмотрении его по отношению к конкретным объектам и субъектам политических процессов: к глобальным проблемам (войне, миру, окружающей среде), политическим институтам и т. д. Можно выделить специализированные парадигмы политического сознания: новое политическое мышление и др.

В зависимости от критериев и подходов выделяют различные формы политического сознания. Так, с исторической точки зрения принято выделять прогрессивное, консервативное и реакционное сознание. На основании места и роли в политической системе общества – доминирующее и периферийное сознание. В силу действующих в современном обществе механизмов регулирования социально-экономических и политических процессов выделяют этатистское и рыночное сознание и т. п. [83, с. 436].

17.3.4.2. Формы специализированного сознания

Специализированное сознание – это идеологически однородное сознание, вырабатывающее, развивающее и внедряющее в сознание рядовых представителей общественного класса, социальной группы определенных ориентаций и установок. Носителями специализированного сознания являются политические партии, организации, объединения.

17.3.4.2.1. Религия и политическое сознание

Религия как особая форма общественного сознания исторически предшествовала сознанию политическому. Но с возникновением политического сознания религиозное сознание стало, по определению Б. А. Стародубского и Е. Р. Касстеля, активно проникать в него, придавая ему религиозную окраску [218, с. 105]. В частности, с возникновением государства получило широкое распространение религиозное освещение государственной власти и ее верховного носителя. На Древнем Востоке это освещение часто доходило до прямого обожествления верховного правителя государства.

Тезис о том, что государственная власть исходит от Бога, стал важнейшим положением христианской религии и играл большую роль в политической жизни европейских стран периода средневековья. В то время религия нередко прямо влияла на политику различных государств, о чем свидетельствуют многочисленные религиозные войны. На базе религиозного мировоззрения создавались и создаются различные организации, активно участвующие в политической жизни. В средние века — это военно-религиозные ордена (например, тевтонский орден, орден иезуитов, орден рыцарей Храма), в настоящее время — конфессиональные профсоюзы, клерикальные политические партии и др.

Религия — это не только мировоззрение (религиозная философия), но и связанные с ней обряды, первоначальное назначение которых заключалось в том, чтобы каким-то образом воздействовать на поведение сверхъестественных существ и сил. Ни одна религия не обходится без обрядов, которые самым непосредственным образом воздействуют на сознание и поведение людей, да и сама вера в существование сверхъестественных сил практически выглядит как вера в чудодейственные последствия обрядов.

К примеру, наделение правителя верховной государственной властью во многих странах Древнего Востока сопровождалось специальным религиозным обрядом, чтобы подчеркнуть божественное происхождение самой власти. Христианская религия заимствовала из иудаизма обряд помазания правителя елеем, разработав свои детали этого действия, которое прошло через средние века и сохранилось до наших дней, как и представление о правителе в качестве «помазанника Божия». До наших дней торжественное вступление монарха на престол, означающее официальное начало его царствования, связывается с религиозным обрядом коронации, который поэтому обязательно проводится в религиозном храме. В ряде стран члены парламента, прежде чем приступить к своим обязанностям, должны принести клятву верности конституции на Священном писании (на Библии в христианских странах, на Коране — в мусульманских).

Православная церковь сыграла важную роль в становлении и укреплении сильного централизованного Российского государства. Она давала русским людям духовную опору в их противостоянии мусульманскому Востоку и католическому Западу, которые на разных исторических этапах представляли угрозу для государственного и религиозного существования России.

Церковные идеологи пропагандировали грандиозную концепцию, рассматривающую Москву как новый Вечный город, как наследницу Рима и Константинополя. Они предупреждали царей об их священном долге превратить Московию в «новую христианскую империю». Следовательно, в формировании доктрины о величии России, представлений о ее масштабности, патриотической государственности, особом пути России и т. д., составляющих компоненты политического сознания россиян, православная вера сыграла ведущую роль.

До 1917 г. русская православная церковь была по сути дела частью государственного аппарата, т. е. непосредственно религиозно-политическим институтом, во многом определявшим политическое сознание россиян.

Термин православие группа исследователей под руководством профессора В. Д. Первалова трактует как: прославление права (славить право) как Богом данного искусства добра и справедливости. Православная вера традиционно придавала российской государственности божественный ореол, присущими ей средствами и

способами поднимала ее престиж, сурово осуждала преступность, способствовала утверждению в обществе взаимопонимания, мира и разумного порядка. В наше смутное время у православия также имеются немалые возможности для оздоровления духовной жизни в стране и укрепления Российского государства и правопорядка [193, с. 168].

17.3.4.2.2. Общая характеристика и условия формирования тоталитарного сознания

Другой формой специализированного сознания является *тоталитарное*. В силу причин в тоталитарном сознании теряется внутренняя связь личности с бытием. Жрецы тоталитаризма вознамерились создать и выпестовать скроенного по своим меркам «чистого», свободного от всех мыслимых погрешностей, человека. Придумали даже некий «моральный кодекс строителя коммунизма» — атеистический суррогат десяти заповедей, который был призван служить в качестве азбучного руководства к жизни «образцового» человека. Главный порок кодекса состоял в том, что он был построен на отрицании тайны и таинства жизни, включающих в себя наряду с устремленностью ввысь, в сферу сверхличностного, божественного, также мистерию греха, греховного начала, отрицания того, что мироздание, соответственно, и жизнь, как интегральная часть его, полны роковых противоречий, что падшая жизнь, горечь и тленность мира такие же законные характеристики человеческого бытия, как и высшее блаженство, высший полет интеллекта и духа.

Антропологический компонент тоталитаризма как особого социально-философского феномена, по мнению профессора К. С. Гаджиева, состоит в стремлении к полной переделке и трансформации человека в соответствии со своими социально-философскими и идеологическими установками. Здесь использовался широчайший комплекс средств, механизмов и методов, в основе которых лежали те три принципа, которые тоталитаристами были заимствованы из идеологического багажа Великого Инквизитора: чудо, тайна и авторитет [40]. Идеологи тоталитаризма четко усвоили себе урок того же Великого Инквизитора, который осознал, что для утверждения своего господства одного только убийства Иисуса Христа недостаточно, необходимо также убить его веру и создать новую, свою собственную веру для пленения ею сознания самых широчайших масс людей. Не случайно, что в комплексе идей и методов тоталитаристов, направленных на изменение самой человеческой онтологии, жесткий контроль занимает над сознанием человека, его мыслями, помыслами, внутренним миром значительное место. Более того, ставится задача полной трансформации человека, конструирования нового типа личности с особым психическим складом, особой ментальностью, мыслительными и поведенческими характеристиками и т. д. путем стандартизации, унификации индивидуального начала, его растворения в массе, сведения всех индивидов к некоему среднестатистическому знаменателю, стерилизации или во всяком случае подавления индивидуального, личностного начала в человеке. В этом контексте «успех» большевизма и фашизма в немалой степени объясняется тем, что в условиях своеобразного диффузного состояния общественного сознания, его расщепления и надлома им удалось подчинить рационально-утопическому началу все богатство, многослойность и сложность сознания и как бы склеить на этой основе его распавшиеся обломки по собственной схеме.

Задача переделки человеческого сознания может быть успешной лишь в том случае, если взамен старой вере создается новая. Поэтому, как фашизм в его нацистской ипостаси, так и марксизм-ленинизм советского периода, в сущности, приобрели все атрибуты религиозного фундаментализма с присущими последнему фанатизмом, буквализмом и эсхатологизмом, литургией, песнопениями, осаннами и т. д. Так, социализм в том виде, в каком он предстал перед нами, оказался, по сути дела, профанированным воплощением христианства. Можно сказать, что тоталитаризм воспроизводится и его жизнеспособность обеспечивается тем, что он как бы находится в постоянном движении. Более того, продолжение революции, постоянное ее воспроизводство и нагнетание и связанные с этим условия чрезвычайности и своеобразных гигантских гонок, призванных что-то или кого-то догонять и перегонять, составляют оптимальную почву для жизнеспособности и постоянного воспроизводства тоталитаризма. Так было в СССР, так было и в Германии. Идей-фикс для нацистского руководства была ревизия Версаля и его последствий. На острие такой критики они пришли к власти и, оказавшись у руля правления, развернули широкомасштабные усилия в сфере пропаганды, производства вооружений и пересмотра статей Версальского договора, что за короткое время превратило Германию в укрепленный военный лагерь. Как писала известная в то время американская журналистка Д. Томсон, «формы социальной и экономической организации, господствующие в Германии под названием национал-социализма, таковы, что только отсутствие настоящих военных действий в настоящий момент не дает осознавать их как то, что есть в действительности, а именно как характерные формы государства, находящегося в состоянии войны».

В течение всех десятилетий «строительства социализма» мы тоже жили и действовали, по сути дела, в условиях фактического военного положения и чрезвычайщины. Руководящим принципом этого положения стал девиз «Догнать и перегнать». Этот девиз И. В. Сталин сформулировал так: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет». Не идти, а именно пробежать, спешить во что бы то ни стало. Как верно отмечал М. Геллер, «спешка одурманивает, не позволяет оглянуться, разобраться в происходящем, оценить средства и цели. Темпы оправдывают все, становясь мощным психологическим средством принуждения, лишая одновременно воли к сопротивлению, надежды на близкое достижение цели и передышку». С этой точки зрения вся история советского государства представляет собой сплошную череду кампаний: электрификация, коллективизация, индустриализация, освоение целины, химизация, мелиорация и т. д. и т. п. Собственно говоря, и перестройка первоначально мыслилась, по крайней мере, многими партийно-государственными деятелями, как очередная кампания [40, с. 359].

Формы политического сознания взаимосвязаны с уровнями, компонентами и видами политического сознания. Приведенное здесь деление представляет собой политологический анализ сложного, но нерасчлняемого политического феномена — политического сознания. Вместе с тем научный подход к исследованию социальных явлений предусматривает мыслительное расчленение целостной сущности, возможное лишь в интеллектуальной среде. Этот метод позволяет свести сложное к более простому, анализировать как его сущность, так и связи с другими частями целого. И что очень важно, через это исследователь получает возможность установить и рассмотреть связи предмета с объектом исследования.

Политическое сознание является краеугольным камнем политологической науки как инструмента познания политического процесса. Казалось бы, незначительная и периферийная проблема политологии — политическое сознание, является ключом к ответу на главный вопрос человечества — соотношение его с природой вообще и с живой природой в частности. Только человеку дано выделить в совокупности процессов мироздания политическое начало, взять его на вооружение, и через это стать царем планеты, существом творящим, а не только использующим данное Природой обитателям Земли.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Дайте понятие и назовите субъектов политического сознания.
2. Определите сущность и пути формирования политического сознания.
3. Почему политическое сознание является формой отражения политического бытия?
4. Обоснуйте политическое сознание как разновидность социального мышления.
5. Обоснуйте взаимосвязь политического сознания с экономикой.
6. Что понимается под исторической обусловленностью политического сознания?
7. Назовите источник обыденного политического сознания.
8. Перечислите пути формирования политического сознания.
9. Что понимается под субъектами политического сознания?
10. Приведите определения феномена политического сознания.
11. Прокомментируйте соотношение понятий «политическая культура» и «политическое сознание».
12. Прокомментируйте подходы к сущности политического сознания.
13. Почему требуется междисциплинарность при изучении сущности политического сознания?
14. Охарактеризуйте феномен политического сознания.
15. Приведите понятие политической ментальности.
16. Назовите функции политического сознания.
17. Обоснуйте двойственность природы политического сознания.
18. Рассмотрите роль и функции политического сознания.
19. Охарактеризуйте роль политического сознания.
20. Назовите функции политического сознания.
21. Что представляет собой структура политического сознания?
22. Назовите компоненты политического сознания.
23. Перечислите основные компоненты политического сознания.
24. Охарактеризуйте значимые компоненты политического сознания.
25. Перечислите уровни политического сознания.
26. Охарактеризуйте теоретический уровень политического сознания.
27. Охарактеризуйте эмпирический уровень политического сознания.
28. Охарактеризуйте обыденный уровень политического сознания.
29. В чем смысл концептуальных подходов Соловьева?
30. Рассмотрите виды политического сознания.
31. Что означает термин «индивидуальное политическое сознание»?
32. Рассмотрите групповое политическое сознание.
33. Что представляет собой массовое политическое сознание?
34. Прокомментируйте общественное политическое сознание.
35. Перечислите формы политического сознания.
36. Приведите типологию форм политического сознания.
37. Назовите формы специализированного сознания.

Глава 18

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Человек вступает в политические отношения с определенным набором психологических качеств, обладая особым менталитетом. Первое и исходное отношение социального субъекта к политическому миру связано с его рефлексивной формой активности — познавательной и оценочной деятельностью. Любой субъект политики, будь то индивид или группа, должен прежде всего сориентироваться в социально-политической ситуации, изучить и дать ей оценку. Это можно осуществить на двух уровнях политической рефлексии: психологическом и идеологическом, выразив свое мнение в неких «отраженных формах»: либо в теоретической модели, абстрактной идее, идеологической доктрине, либо в психологической установке или чувстве.

Психологическое отражение политической действительности в сознании человека непосредственно фиксируется в виде оценочных суждений, переживаний, верований, волевых установок, мотивов, эмоциональных взрывов. Исходя из психологического состояния человека можно судить об уровне его политического сознания, об отношении политического субъекта к политическим процессам, власти, политическому бытию в целом.

§ 1. ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

В наше динамичное и бурное время в политической жизни общества нередко господствуют эмоции, противоречивые и быстро изменяющиеся настроения людей, которые выражают свои положительные, но чаще отрицательные чувства, вызванные недовольством политикой власти и своим бессилием перед сложившимися трудностями. Страсти захлестывают массы людей, нарастает волна стихийных протестов. Все это связано с болезненно-неустойчивым состоянием психики людей. В связи с объективной перестройкой всей социальной системы, в том числе ее политической сферы, происходит изменение мотивационно-волевой сферы сознания и деятельности субъектов. Недооценка в этой связи психологического компонента в политической жизни означает вновь усиление идеологизации политического сознания, что отрицательно скажется на характере политических действий людей. Поэтому анализ феномена политической психологии обязателен при изучении политического процесса.

18.1.1. Понятие политической психологии

Термин *«политическая психология»* употребляется в современной науке в двух связанных между собой значениях. В первом значении она *представляет собой совокупность духовных образований, которые содержат в основном эмоционально-чув-*

ственные ощущения и представления людей о политических явлениях, которые складываются у них в процессе непосредственного взаимодействия с институтами власти и своего политического поведения. К политико-психологическим явлениям относятся как универсальные чувства и эмоции человека, специфически проявляющиеся в политической жизни (например, гнев, любовь, ненависть и др.), так и те ощущения, которые встречаются только в политической жизни (чувства симпатии и антипатии к определенным идеологиям или лидерам, чувства подвластности государству и проч.). В силу неустрашимости у человека эмоционально-чувственного восприятия действительности политическая психология опосредует все формы и разновидности его политических взаимодействий и, стало быть, присутствует на всех этапах политического процесса. По мнению А. И. Соловьева, политическая психология – это универсальный духовный фактор, оказывающий постоянное влияние на политическое поведение людей и институты власти [199, с. 318].

В этом значении политическая психология выступает как объективная реальность, выражающаяся в политическом процессе, как в действиях людей, так и в деятельности социальных групп

Во втором значении *политическая психология* (англ. *political psychology*) – одна из составных частей политологии, область науки, изучающая психологические компоненты политического сознания, деятельность и ценностные ориентации людей, социальных групп, национальных образований, органов государственной власти, которые проявляются в конкретных действиях и поступках. Понимание и осмысление психологических механизмов внутренней и внешней политики – одно из важнейших условий политической деятельности, и особенно многогранной деятельности органов власти [244].

В этом значении политическая психология представляет собой научную дисциплину, изучающую ту объективную реальность, о которой говорилось выше. Здесь, как и в ряде других случаев, автор рассматривает объективную и субъективную сторону феномена: предмет исследования и способы исследования. Политическая психология как научная дисциплина находится на стыке двух наук: политологии и психологии. Поэтому в своей деятельности ученые используют методологию и инструментарий обеих наук, достигая благодаря этому значительных результатов.

В данной главе вначале будет рассмотрена политическая психология как явление, а затем как наука.

18.1.2. Сущность и особенности политической психологии

18.1.2.1. Ограниченность политической психологии

Отражая и интерпретируя политику в эмоционально-чувственной форме, политическая психология представляет собой так называемый «*практический*» тип политического сознания. Если идеология является продуктом специализированного сознания, плодом теоретической деятельности группы людей, то политическая психология формируется на основе практического взаимодействия людей

друг с другом и с институтами власти. И в этом смысле она характеризует те ощущения и воззрения людей, которыми они пользуются в повседневной жизни.

В теории, чтобы отобразить эту форму «естественного», обыденного мышления, используют понятие «социальные представления» (Московичи [154]). К ее отличительным чертам относят прежде всего отображение людьми политических объектов через призму своих непосредственных интересов и доступного им политического опыта. Повинуясь чувствам, люди подчиняют получаемую ими информацию собственным задачам, логике своих индивидуальных действий и эмоционально-чувственным оценкам.

С чисто познавательной точки зрения политическая психология является *ограниченной* формой мышления, которая не в состоянии отразить скрытые от непосредственного наблюдения черты политических явлений. Используя выборочную, избирательную информацию о политических процессах, она отображает лишь те внешние формы и фрагменты действительности, которые доступны эмоционально-чувственному восприятию. Поэтому политическая психология по природе своей не приспособлена для анализа сложных причинно-следственных связей и отношений в политике, хотя в отдельных случаях может угадать суть каких-то политических взаимоотношений.

В политической психологии доминирующую роль играют чувственные и эмоциональные элементы сознания, которые ориентируют ее, как правило, на отражение не перспективных, а насущных интересов людей, хотя здравый смысл, заложенный в политических эмоциях, позволяет им подчас весьма точно и тонко отражать политические взаимоотношения различных сил, правильно определять перспективу деятельности партий и государства.

В силу «приземленности», «наивности» своего взгляда на действительность политическая психология демонстрирует и определенные способы интерпретации понятий, зачастую отождествляя последние с формой непосредственного восприятия действительности. Например, «государство» отождествляется с конкретным государством, в котором живет человек; «власть» — с реальными формами господства; «рынок» — с конкретными отношениями экономического обмена, которые он наблюдает, и т. д. Такое конкретизированное освоение действительности упрощает картину политики, лишая при этом научные категории и понятия мотивационного значения и силы.

Познавательная ограниченность политической психологии проявляется и в приписывании непосредственно воспринимаемым ею явлениям разнообразных причин, устраняя таким образом имеющийся у нее дефицит информации. В науке такое явление получило название «каузальной атрибуции» (Ф. Хайдер), отражающее свойство политической психологии умозрительно достраивать политическую реальность, домысливать, искусственно конструировать мир, придумывать недостающие ему звенья. В данном случае, по выражению М. Жванецкого: «Интуиция заменяет информацию». В массовых формах такая черта политической психологии стимулирует возникновение разнообразных слухов и мифов, которые охватывают целые слои населения. Особенно часто это касается принимаемых в государстве решений, кадровых перемещений, отношений в правящей элите и других наиболее закрытых от общественности вопросов [199].

18.1.2.2. Противоречивость политической психологии

Политическая психология *внутренне противоречивое явление*. В отличие от идеологии, стремящейся подвести политические взгляды людей под некий общий знаменатель, политическая психология отражает политическую реальность во всем ее многообразии, допуская одновременное сосуществование самых различных и даже противоположных эмоций.

Одной из причин такой противоречивости выступает многообразие механизмов идентификации. Ведь человек отождествляет себя с самыми разными группами и ролями. Поэтому в психологии всегда присутствуют различные и даже противоречивые чувства:

- долга и желания освободиться от обязательств;
- потребность в самоуважении и жажда подчинения более сильному;
- общительность и чувство одиночества;
- осуждения власти и желания быть к ней поближе и т. д.

Как полагают специалисты, только в слое политических профессионалов и приблизительно у одной трети рядовых граждан (как идеологически сориентированной части электората) высок уровень согласованности знаний и их подчиненности какой-то главной идее.

Жизнь изобилует примерами противоречивости обыденного мышления. В частности, по результатам проведенного в России в 1995 г. на пике революционных трансформаций социологического исследования, большинство респондентов, придерживаясь установки «так жить нельзя», и все же в 54,6 % случаев признало удовлетворенность своей жизнью [257, с. 90]. То же самое наблюдается и в начале XXI в., когда большинство россиян относят себя к нищим и бедным, и одновременно причисляют себя к «среднему классу».

Противоречивость политической психологии выражает противоречия человека политического. Под влиянием какой-либо информации или события он может быстро менять направленность своих чувств, а вместе с ними порой и свои политические позиции. Но чаще эмоциональная противоречивость является постоянно действующим фактором политического поведения, иногда усиливающая, а иногда ослабляющая его мотивацию.

Сосуществование разнонаправленных чувств и эмоций обуславливает неравномерный и даже скачкообразный характер развития реальных политических процессов. Благодаря этому свойству политической психологии в политику привносится элемент стихийности, непрогнозируемости событий. Способность же психологии побуждать человека в кратчайшие сроки менять свои оценки придает ей особую силу воздействия на его поведение.

Еще одной причиной, обуславливающей внутреннюю противоречивость, а равным образом и особенность политической психологии, является ее сложное внутреннее строение. Прежде всего, это связано с тем, что психология на индивидуальном уровне содержит в себе как социальные, так и физиологические механизмы воспроизводства чувств и эмоций [213, с. 244].

Считается [183], что в самом общем виде политическая психология включает:

- социально-психологические чувства и эмоции, характеризующие специфику отображения человеком своих интересов и формирования мотивов политической деятельности в группе (обществе);

- индивидуально-психические элементы, отражающие личностно-персональные черты психики – волю, память, характер, способности к мышлению и др.;
- функционально-физиологические элементы сознания, характеризующие психически врожденные черты и задатки человека, регулирующие адаптацию человеческого организма к внешней среде;
- психофизические свойства, регулирующие наследственность и темперамент, демографические и половозрастные черты, здоровье и прочие аналогичные характеристики.

Таким образом, в политической психологии содержатся как осознанно-рациональные, так и бессознательно-иррациональные духовные элементы. Благодаря этому психология соединяет логику социального взаимодействия с иерархией инстинктов, рефлексивность, осмысленность и рефлекторность, характеризующую бессознательные формы мышления. Такой симбиоз показывает, что в политической жизни человек может ориентироваться и адаптироваться к действительности, используя не только приобретенные социально-психологические свойства, но и могучие иррациональные механизмы, первичные чувственные реакции (отличающиеся эмоциогенностью, алогизмом, слабой подверженностью контролю и рядом других черт).

Роль иррациональных механизмов тем больше, чем меньше человек понимает суть и причины политических событий. Более того, в определенных условиях физиологические чувства способны вообще вытеснить все другие формы оценки и регуляции поведения. Например, голод или страх могут стать такими психологическими доминантами, которые способны вызвать мятежи, бунты или революции. Но в ряде случаев социальные чувства способны преодолеть влияние иррациональных влечений. Например, актуализированная потребность в порядке, дисциплине, сплочении в жестко управляемую общность может помочь преодолеть людям страх, неуверенность в себе и пессимизм.

Из истории известно, что многие системы и правители специально возбуждали в людях иррациональные эмоции и чувства, которые использовали для усиления приверженности властям и идеологическим доктринам. Нацисты, в частности, использовали для этих целей разнообразные театрализованные сборища, ночные факельные шествия, сложную политическую символику, которые своей таинственностью и величием должны были помочь им сформировать безотчетное поклонение обывателей фюреру и рейху. Целям активизации подсознательных чувств и эмоций может служить и чрезмерное насаждение в обществе монументальной скульптуры, величественная архитектура государственных учреждений, устройство пышных политических церемоний и ритуалов, а также другие действия властей, добивающихся такими методами повышения политической лояльности граждан [199].

18.1.3. Психологические механизмы группового политического поведения

Индивидуальная политическая психология, возникающая в результате внутриличностной коммуникации, определяет и включает специфические механизмы психологических и поведенческих реакций, возникающих в процессе групповых коммуникаций – взаимодействий людей. Явления этого рода достаточно разнообразны.

18.1.3.1. Формы психологического влияния на политические процессы

Показательным фактом влияния психологических факторов служат многочисленные формы искажения восприятия действительности человеком в результате снижения рациональности самооценки, проявляемой нетерпимости к противоречиям, склонности к проектированию фантастических целей и т. д. Например, многие люди, выстраивая свою деятельность, несмотря ни на какие факты, уверяют себя в том, что они поступили правильно, выбрали лучшее из возможных решений. К таким же фактам психического искажения относится и восприятие человеком реальности на основе умозрительной схемы (прототипа). В силу такого запрограммированного восприятия вся новая информация интерпретируется им уже на основе заранее сконструированного подхода. Поэтому, например, убедив себя в том, каким должен быть президент, он требует тем меньше информации о его деятельности, чем его облик соответствует прототипу, или же приписывает реально действующему лицу те черты, которыми тот не обладает. Столь схематическое мышление может существенно отличаться от реальности и игнорировать факты, не вписывающиеся в схему [213, с. 245].

Американский ученый Р. Мертон [140] попытался более систематизировано представить формы психологического влияния на политические процессы. По его мнению, доминирование эмоциональных установок над всеми иными соображениями может выражаться:

- в стремлении человека придавать своим ролевым и функционально безличным связям в политике сугубо персональный характер (например, выполняя функцию избирателя, человек может усмотреть в факте неизбрания президентом своего кандидата личную трагедию или личную заслугу);
- в отождествлении человеком своей личности с партией или профессией (когда, например, партийные цели начинают доминировать над жизненными целями человека);
- в проявлении чрезмерной солидарности с политическими ассоциациями (в результате чего такой корпоративизм подменяет у человека семейные или иные базовые для жизни ценности);
- в повышенном эмоциональном отношении к авторитету лидера, а также в ряде других случаев.

Стремление подогнать всех людей под общепризнанный идеологизированный стереотип сознания и требовать от них заведомо установочного поведения ущербно, а подчас и преступно по своей сути, так как оно не учитывает разные психологические особенности, традиции, обычаи, культуру национальных и социальных образований. Это служит одной из причин межнациональных конфликтов.

Психология коллективизма, являющаяся в полной мере наследием недавнего прошлого, отразила факт формального участия людей в политике, выработала психологию безразличия к политическим процессам. Психологическое обновление массового сознания в любом случае идет через обновление сознания отдельного человека. Различные формы отражения политики в психике человека опосредованы его деятельностью. Поэтому изменение психологии личности связаны с изменением образа жизни человека, его самостоятельностью, индивидуальной ответственностью и т. д. [188].

18.1.3.2. Феномен толпы

Важнейшей особенностью политической психологии является и ее способность *формировать* различные политические субъекты, прежде всего «массы» и «толпы», осуществляющие такие акции, как бунты, революции, митинги, шествия, восстания, захват зданий и т. д. Известный ученый Э. Канетти связывает возникновение массы с растущими у людей чувствами солидарности и страха, «втягивающими в себя вся и всех» [88, с. 317].

Когда человек обладает слабым, неразвитым политическим сознанием, он, как правило, выражает свое отношение к политическим событиям посредством митингов, массовых форм протеста. Э. Канетти в книге «Масса и власть» отметил двойственность психологии человека, попавшего в толпу. С одной стороны, он ощущает равенство и стирание различий между людьми в массе, облегчение, выход за пределы своей личности. С другой — масса подвержена чувству агрессии, никогда не испытывает чувства насыщения [188].

Г. Тард [223] называл толпу самой «старинной» социальной группой после семьи. Однако суть этого объединения отражают не столько социальные характеристики (например, отсутствие у нее устойчивой внутренней структуры), сколько его психологические механизмы. По сути, группу людей делает толпой объединяющая их психическая связь, какой-то резко переживаемый людьми эмоциональный фактор (вызывающий массовое состояние гнева, радости, агрессии и т. д.). При этом внутреннее единство толпы постоянно укрепляется за счет многократного взаимного усиления коллективных чувств и эмоций. Известный русский ученый В. М. Бехтерев [21] подчеркивал, что взаимовнушение и самовозбуждение людей гораздо в большей степени движут поведением толпы, нежели какие-либо провозглашаемые ею идеи.

Постоянно поддерживаемый наплыв эмоций, как правило, обуславливает односторонность мышления и действий толпы. Люди в толпе не воспринимают иных позиций или точек зрения, демонстрируя единый волевой настрой. Толпы не возникают для уравновешивающих действий. В крайних формах они могут быть либо преступны, либо героичны, устраивать мятежи и погромы или требовать от тиранов прав и свобод. Толпа не терпит ни размышлений, ни возражений. Нормальное состояние толпы, наткнувшейся на препятствие — это ярость (Г. Тард [223]). В то же время тот или иной фактор (внезапное событие, выступление яркого оратора на митинге) способен изменить состояние толпы новым внушением, заразить ее свежими эмоциями, вновь придающими ей горячность и импульсивность.

Для индивидов пусть кратковременное, но мощное доминирование коллективных чувств и настроений приводит к потере ими критичности политических воззрений и утрате контроля за своими поступками. Заразительность массовых настроений заставляет людей испытывать резкую потребность в подчинении, поступаться личными интересами и оценками. В толпе, как писал В. Чалидзе, человек понимает лишь «волевой язык коллективной воли» и подчиняется ее приказам, «следуя архаичным правилам <...> воли толпы» [249, с. 39]. Люди превращаются в толпу под влиянием остро переживаемого общего чувства: гнева, возмущения, радости и т. п. Уже Г. Лебон подметил, что в толпе поведение человека резко

меняется. Лишь в толпе индивид приобретает сознание непреодолимой силы, которая «дозволяет ему поддаваться таким инстинктам, которым он никогда не дает волю, когда бывает один. В толпе же он менее склонен обуздывать эти инстинкты, так как толпа анонимна и потому не несет на себе ответственности» [110, с. 68].

Толпа эмоциональна. Она способна подавлять доводы разума. В ней действуют механизмы коллективного заражения и внушения, многократно усиливающие общие настроения и эмоции, подавляющие критическую позицию и снижающие индивидуальный контроль за поступками. В толпе человек приобретает чувство непреодолимой силы, становится смелее и агрессивнее. В то же время в случае возникновения в толпе паники она может моментально овладеть массой, внушить безотчетный страх, парализовать разум и побудить людей к поступкам, не адекватным ситуации. В зависимости от своей политической направленности действия толпы могут быть и преступны, и героичны.

Толпы импульсивны, изменчивы и раздражительны, нетерпимы к сторонним воззрениям, управляются бессознательным началом, податливы внушению и легковерны, односторонни и склонны к преувеличению оценок событий. Постоянно поддерживаемый наплыв эмоций, как правило, обуславливает одномерность мышления и действий толпы. Если в жизни человек может принадлежать к разным группам, то к толпе — только к одной, поскольку в ней человек не имеет противовесов, он увлечен силой объединения. Поэтому в толпе люди не воспринимают иных позиций или точек зрения, демонстрируя единый волевой настрой.

Толпа не терпит ни размышлений, ни возражений. Нормальное состояние толпы, наткнувшейся на препятствие, — это ярость. Не случайно Г. Лебон в работе «Психологии народов и масс» писал, что толпа никогда не дорожит своей жизнью во время возмущения. Потому-то в ней всегда можно найти преступников и героев, людей, способных устраивать мятежи и погромы или требовать от тиранов прав и свобод. В то же время тот или иной фактор (внезапное событие, выступление яркого оратора на митинге) способен изменить состояние толпы новым внушением, заразить ее свежими эмоциями, вновь придающими ей горячность и импульсивность. Предоставленная же сама себе, она быстро утомляется, сникает и стремится к подчинению любым призывам.

Эволюция толпы имеет *двоjakий* характер: она осуществляется через развитие духовных связей между людьми и путем возникновения внутренних структур на основе иерархичности. Наполнение человеческих отношений в толпе различными идеями делает ее то «выжидающей, внимающей, манифестирующей», то «действующей» (Г. Тард [223]), то агрессивной (обладающей целью и реализующей ее на основании порыва), то «танцующей» (превращающейся в бесцельное собрание) (Г. Блумер [27]). В то же время организация и иерархизация толпы, выстраивание в ней определенных внутренних связей превращает ее в разновидность корпорации (например, группу добровольцев, самоорганизующихся для отпора захватчикам, партизанское движение, мафию, террористическую структуру и т. д.).

18.1.3.3. Групповое воздействие

Групповое воздействие на политическое поведение людей не ограничивается влиянием толпы. В политической жизни любой демократической страны широко

распространены устойчивые политические группы в форме комитетов, советов, бюро, президиумов, команд, подразделений работников аппарата, инициативных или заинтересованных групп и т. п. Такие устойчивые объединения также оказывают большое влияние на политическое поведение людей.

Коллективные политические действия отличаются от индивидуальных рядом параметров. Так, группа более продуктивна в производстве наиболее плодотворных и обоснованных идей, всесторонней оценке тех или иных политических решений или их проектов. Хотя при принятии решений она склонна к повышенному риску. Это проявляется в том, что группа принимает более рискованные решения, чем решения ее отдельных членов, принимаемые самостоятельно, на свой страх и риск. Этот феномен объясняется по-разному [198]:

- конформистским давлением, которое проявляется в том, что отдельные члены группы не осмеливаются высказывать свои взгляды, расходящиеся с уже изложенными мнениями, особенно мнением групповых лидеров и большинства, критиковать их;
- чувством переоценки, завышения своих возможностей, которое развивается при интенсивном групповом общении (завышенное чувство «Мы», ослабляющее восприятие риска);
- взаимным «заражением смелостью». Этот эффект возникает в групповых коммуникациях;
- широким распространением мнения (чаще ошибочного), что при групповых решениях ответственность ложится на многих людей и доля личной ответственности сравнительно невелика. Групповые неудачи обычно менее заметны и не воспринимаются так остро, как индивидуальные;
- влиянием лидеров, особенно формальных руководителей, видящих свои главные функции в обязательном внушении оптимизма и уверенности в достижении цели.

Ряд исследователей, отмечая превосходство хорошо сплоченных групп в достижении индивидуальных и групповых целей, а также в кооперации, демократичности и ангажированности (вовлеченности) политического поведения их членов, указывают вместе с тем на склонность таких коллективов к групповому мышлению. Симптомами такого мышления и группового давления в целом, как утверждает И. Л. Янис, являются:

- иллюзия неуязвимости группы. Члены группы склонны к переоценке правильности своих действий и нередко с восторгом воспринимают рискованные решения;
- безграничная вера в моральную правоту групповых действий. Члены группы убеждены в нравственной безупречности своего коллективного поведения и в ненужности критических оценок со стороны посторонних. Эта склонность группового мышления очень созвучна широко распространенному у нас в прежние времена лозунгу «коллектив всегда прав»;
- отсеивание неприятной или неудобной информации. Не согласующиеся с групповыми взглядами сведения не принимаются во внимание, а предостережения не учитываются. Следствием этого является игнорирование необходимых изменений;

- негативная стереотипизация посторонних. Цели, мнения и достижения внешних по отношению к группе объединений тенденциозно трактуются как слабые, враждебные, подозрительные, глупые и т. п. На этой почве нередко произрастает ведомственность и групповщина;
- самоцензура. Отдельные члены группы из-за опасений нарушения групповой гармонии воздерживаются от высказывания альтернативных точек зрения и выражения собственных интересов;
- иллюзия постоянного единодушия. Из-за самоцензуры и восприятия молчания как согласия при решении проблем слишком быстро, без необходимого всестороннего обсуждения достигается внешний консенсус;
- социальное (групповое) давление на несогласных. Требование конформистского поведения, как правило, приводит к нетерпимости по отношению к критическим, нелояльным, с точки зрения группы, высказываниям и действиям и к «затыканию рта» их носителям;
- ограничение или урезание возможностей участия посторонних в формировании коллективного мнения и принятия решений. Отдельные члены группы стремятся не давать возможность участия в делах группы не принадлежащим к ней людям, поскольку опасаются, что это (в том числе идущая от них информация) нарушит групповое единодушие.

Конечно, все эти симптомы коллективного мышления проявляются в хорошо сплоченных группах (в первую очередь среди служащих государственного, партийного и т. п. аппарата) и к тому же далеко не всегда являются обязательными. Однако они оказывают существенное влияние на политику и прежде всего на отношения внутри политических организаций и эффективность их деятельности [198, с. 458].

18.1.4. Роль и значение политической психологии

Рассмотрение политической психологии как специфического фактора политического процесса позволяет выяснить, что политические чувства и эмоции — это наиболее *подвижный* и *динамичный элемент* политического сознания, который организует и определяет субъективные образы лидеров, государства, власти, складывающиеся у человека. Именно чувства заставляют человека оценивать политические явления не по их реальному содержанию, а в зависимости от того, какими они отражаются в его сознании. Например, недоверие к той или иной партии, к режиму в целом формируется у человека по преимуществу не в результате анализа их программы и действий. Более важным оказывается отношение, скажем, к неэтичному поступку их лидера или просто возникшая антипатия или симпатия. Таким образом, человек воспринимает политическую реальность чаще всего такой, какой она представляется его чувствам и эмоциям, которые, действуя по собственным законам, вполне могут и неадекватно отражать окружающий мир [213, с. 242].

Психологические компоненты политического сознания людей очень подвижны и изменчивы, и поэтому далеко не так просты, как это представляется нередко власть имущим. Политическая психология играет *роль сущностного компонента* в структуре политического сознания субъекта. В нее входят традиционные особен-

ности национального менталитета, такие как этническая культура и историческая память народа. В период советской власти, при утверждении «великой общности советского народа», т. е. при искусственном создании нации, абсолютно игнорировалась национальная политическая психология людей. Во многом этот процесс продолжается и сегодня, и примером могут служить достаточное число печальных прецедентов, приведших к военным конфликтам, вплоть до самого страшного – войны с Чечней [188].

Показателем влияния политической психологии на политические процессы является и формирование в сфере власти особых психологических *укладов* (типов), предопределяющих характер выполнения людьми своих ролей и функций. Опыт показывает, что свои политические роли люди осуществляют по-разному:

- экстраверт (общительный и энергичный человек, чьи чувства устремлены к внешнему миру)
- и интроверт (замкнутый в себе человек);
- сенсорик (рационально мыслящая личность, знающая, чего она хочет, и стремящаяся к порядку)
- и интуит (ориентирующийся на спонтанные чувства и более склонный к анархии);
- романтик (творческая личность, склонная к меланхолии),
- и перфекционист (критически мыслящий и рационально действующий).

По-разному действуют в политике люди, склонные:

- к насилию или человеколюбию;
- экзальтации или рационализму;
- конформисты и неконформисты;
- те, кто стремится жестко (ригидно) придерживаться установленных правил;
- и обладающие подвижной (лабильной), пластично изменяющейся в соответствии с обстановкой системой чувств;
- и другими психологическими свойствами.

Классическим примером внутреннего соответствия психологических и властных структур в жестких режимах правления стала характеристика американским ученым Т. Адорно [1] личности «авторитарного» типа, поддерживающей систему власти своим догматизмом, ригидностью, агрессивностью, некритическим восприятием групповых ценностей и шаблонным мышлением.

Политический экстремизм базируется на гипертрофированных иррациональных мотивациях человека, которые в свою очередь чаще всего являются следствием некой психической ущербности человека, тормозящей его рациональный выбор и заставляющей обращаться к подобным видам деятельности. По данным некоторых социологических исследований, правые и левые экстремисты значительно чаще испытывают чувства социальной изолированности, одиночества, бессмысленности жизни, тревоги за свое будущее, по сравнению со сторонниками других политических течений [65, с. 278]. Такие психологические основания предопределяют главным образом прямое, непосредственное реагирование людей на политические события, заставляют их отвечать на вызов вызовом, стремиться достичь цели любым способом.

В противоположность такому психотипу люди, принадлежащие к центристскому типу личности, способны «экранировать» (гасить) отрицательные и преобразовывать разрушительные эмоции в созидательные. Они демонстрируют смешанный тип реагирования на вызовы среды и сочетают при этом сильную волю с отзывчивостью, а импульсивность — с ответственностью. Такая личность способствует сбалансированию политических сил и снятию напряженности в обществе.

Особую роль играют типы лидеров, чьи психические доминанты стиля деятельности могут существенно повлиять на характер принимаемых в государстве решений и даже изменить некоторые параметры политической системы в целом. Так, Г. Лассуэлл [109] считал, что история политики — это история психопатологии личностей, занятых управлением обществом, а их действия в свою очередь определяются внутренней «борьбой мотивов». Не случайно, в современной науке большое распространение получило психобиографическое направление, т. е. исследование биографий выдающихся политиков XX в. — Линкольна, Мао-Цзедунa, Лютера, Ганди и др. «Сила психоистории, — писал Э. Эриксон, — состоит во внимательном исследовании смещения рационального и иррационального в политических событиях и в интригующем и тревожном сочетании устойчивого и неустойчивого, функционального и дифункционального в политических лидерах...» [213, с. 247].

Многочисленные современные исследования убедительно показывают зависимость политических процессов от характера деятельности лидеров, заданного их психологическим типажом. Например,

- лидеры *компульсивного* типа устремлены к идеалам и, пытаясь все сделать наилучшим образом, не могут гибко подойти к использованию внештатных ситуаций;
- «актеры» видят смысл своей политической деятельности в том, чтобы привлечь внимание общественности к собственной персоне;
- политики *депрессивного* типа ориентируются на защищенность своего статуса и присоединение к более сильному действующему в политике лицу и т. д.

Взгляд на политику с психологической точки зрения показывает зависимость политического субъекта при осуществлении тех или иных ролей от его чувств и эмоций. Психологические свойства выступают как *фактор*, который и влияет на его поведение, и предопределяет возникновение самих этих ролей и функций. Например, природа такого явления, как политический экстремизм, зачастую объясняется не столько его социальными причинами (невстроенностью групп в общественную систему или их неумением представлять свои интересы в легальных органах власти), сколько психологическими. Как доказано многочисленными исследованиями, этот тип политического поведения людей всегда базируется на гипертрофированных иррациональных мотивациях, которые, в свою очередь, чаще всего являются следствием некой психической ущербности человека, тормозящей его рациональный выбор и заставляющей обращаться к подобным видам деятельности.

Зная законы формирования психологических образов, можно определять их структуру и направленность, тем самым успешно *вливая на отношения граждан к государству* и на их индивидуальное поведение. В истории немало примеров того, как отдельные правители, создавая очаги временного психологического возбужде-

ния у населения, подавляли структуры его рационального мышления, а также, используя другие приемы манипулирования сознанием, заставляли людей испытывать чувства единения с государством и ненависти к его врагам, объединяться вокруг лидера и переживать при этом массовое воодушевление, утрачивать ощущение реальности или понижать восприимчивость к тем проблемам, которые невыгодны власти имущим [199].

Политическая психология включает в себя как *универсальные чувства* и эмоции человека, специфически проявляющиеся в политической жизни (например, гнев, любовь, ненависть и др.), так и те *ощущения, которые встречаются только в политической жизни* (чувства симпатии и антипатии к определенным идеологиям или лидерам, чувства подвластности государству и т. п.). Различная роль этих чувств и эмоций предопределяет *двойное* значение психологии в политической жизни.

С одной стороны, она выступает тем духовным явлением, которое опосредует все разновидности политического мышления и поведения человека, придает форму всем субъективным проявлениям его мыслительной и практической активности. В этом отношении политическая психология представляет собой тот внутренний механизм преобразования человеческих представлений, в который органически встроен политический процесс. Иными словами, политическая психология выступает в этом случае как *механизм микширования* политической информации, поступающей извне, с политическими эмоционально-чувственными представлениями личности. Результаты этого сопоставления реализуются в конкретной реакции личности на явления политического процесса. Реакция может быть различной: от агрессии, до внешнего игнорирования, но она обязательна.

С другой стороны, политическая психология представляет собой генетически первичную, эмоционально-оценочную реакцию политического сознания и тот специфический духовный *фактор*, который оказывает самостоятельное воздействие на выработку мотивов и политическое поведение человека, отличаясь при этом от влияния, например, его рациональных или ценностных побуждений. Как писал И. Хейзинга, «непосредственные проявления страсти», создавая внезапные эффекты, способны «вторгаться в политическую жизнь в таких масштабах, что польза и расчет... отодвигаются в сторону» [161, с. 11].

Общеизвестно, что спокойствие чувств, эмоциональное привыкание людей к складывающейся в государстве ситуации является главным фактором устойчивости режимов. Не случайно, как отмечает ряд российских ученых, «власть интересует не мнения общества... а настроения», которые «могут охватывать миллионы... Настроения, охватившего массу, достаточно, чтобы все изменилось» [232, с. 86].

Но особенно ярко влияние психологических факторов проявляется в переломные для государства периоды. Например, в условиях революционных изменений на политическую арену приходит множество людей с повышенным эмоционально-чувственным фоном, а то и просто неуравновешенных и даже психически больных. Как писал С. Сигеле, «...число сумасшедших всегда велико во время революций или возмущений не только потому, что сумасшедшие принимают в ней участие, но и потому, что общество делает сумасшедшими тех, кто только был предрасположен к сумасшествию» [209, с. 64].

История дала немало убедительных примеров и того, как в эти периоды психически эволюционировали многие политические лидеры-революционеры. Напри-

мер, Робеспьер и ряд других известных его соратников по мере развития революционных процессов превращались из радостных, многоречивых романтиков в подозрительных, неприязненно относящихся к несогласным с ними людям, а затем и вовсе эволюционировали в личностей, не терпящих возражений, замыкавшихся в себе, мнящих повсюду заговоры и предательства. В результате, как писал Г. Лебон, «трогательный гуманизм» Французской революции, «начав идиллией и речами философов, кончил гильотиной» [110, с. 365].

Неустранимость из политической деятельности универсальных психических способов взаимодействия и общения людей превращает психологию в своеобразный универсальный *измеритель* всей политики в целом. Иными словами, власть, государство, партии, разнообразные политические поступки субъектов, а также другие явления политики представляются как те или иные формы психологического взаимодействия людей.

В связи с этим в политологии сложилось целое направление, представители которого абсолютизируют роль психологических факторов. Они однозначно сводят все причины возникновения революций и тираний, демократизации или реформирования государства и общества к психологическим основам политического поведения людей. Даже массовые политические процессы объясняются психологическими качествами индивида или малой группы (Э. Фромм [238], Г. Олпорт, Е. Богарус и др.). В этом случае «человек политический» понимается как продукт личностных психологических мотивов, перенесенных в публичную сферу (Г. Лассуэлл [109]). Сама же политика практикуется как «явление психологическое в первую очередь, а потом уже идеологическое, экономическое, военное и др.» [271, с. 16].

Люди усваивают политические идеи не механически, а избирательно, принимая одни из них и отвергая другие. Политическая психология и является той сферой, изучение которой позволяет ответить на вопросы: как, почему и с помощью каких внутренних механизмов политические идеи превращаются в движители реальной политики [198, с. 459]. Зная законы формирования психологических образов, можно определять их структуру и направленность, тем самым успешно *влиять* на отношения граждан к государству и на их индивидуальное поведение. В истории немало примеров того, как отдельные правители, создавая очаги временного психологического возбуждения у населения, подавляли структуры его рационального мышления или, используя приемы манипулирования сознанием, заставляли людей испытывать чувства единения с государством и ненависти к его врагам, объединяться вокруг лидера и переживать при этом массовое воодушевление, утрачивать ощущение реальности или понижать внимание к тем проблемам, которые невыгодны власти имущим [213, с. 246].

С помощью политической психологии воздействия среды, соизмеряясь с потребностями и ценностями человека, превращаются в *мотиваторы* его поведения. Психология осуществляет проекцию на политическое поведение индивидуальных качеств личности, а также конвертирует, «перерабатывает» влияние на него различных внешних факторов [198, с. 459].

Таким образом, политическая психология является средством оперативной реакции на внешние политические раздражители. Природа ее функционирования построена на использовании стереотипов, связанных с политическим процессом. Если от человека не требуется немедленной реакции на события, механизмы ра-

ционального сознания способны внести коррективы в позицию индивида, или даже полностью нейтрализовать возникшее настроение. Если этого временного лага нет, человек реагирует на политическую ситуацию импульсивно, со всеми вытекающими из этого последствиями.

Нередки ситуации, когда в силу случайных или сознательно организованных обстоятельств человеку не удается подключить к осмыслению явления логические механизмы. В таких случаях вся деятельность индивида определяется механизмами политической психологии, способными отключить или принципиально деформировать механизмы логического мышления. Тогда человек надолго или навсегда теряет способность рационально оценивать политическую ситуацию, воспринимает ее только чувственно-эмоционально. На создание такой ситуации направлена деятельность тоталитарных и диктаторских режимов.

§ 2. СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Проявляясь во всех реально существующих политических процессах, политическая психология обладает разнообразной и разветвленной внутренней структурой. Именно множественность ее внутренних компонентов обуславливает ее включенность в разнообразные стороны политической жизни. Структурные компоненты политической психологии, по мнению исследователей, определяются:

- содержанием политического поведения (предполагающего выделение норм, установок, мотивов и проч.);
- уровнями психологических потребностей (выделяющими соответственно биофизические, индивидуально-психологические и социально-психологические элементы психологии);
- национально-цивилизационными чертами «человека политического» (характеризующими особенности российской, американской, китайской и проч. разновидностей психологии) и другими политическими явлениями.

18.2.1. Психологические блоки элементов политического сознания

В политической психологии при анализе сознания принято выделять два блока элементов: *мотивационные и познавательные*. К мотивационным относятся *потребности, ценности, установки, чувства*. К познавательным — *знания о политике, информированность, интерес, убеждения*. Разделение это во многом условно, так как в жизни оба эти блока элементов тесно переплетены.

18.2.1.1. Установка как принципиальный мотивационный компонент политической психологии

Установка — один из наиболее изученных *мотивационных* компонентов политического сознания. Установка — это специфическое состояние субъекта, которое характеризует его готовность к совершению действия, направленного на удовле-

творение данной потребности в конкретной ситуации. Установка предшествует действию, являясь его начальным этапом, настроен на действие. Один из основоположников психологической теории установки, грузинский психолог Д. Н. Узнадзе подчеркивал тесную связь установки с ситуацией, с одной стороны, и с потребностью — с другой [229].

Это положение основано на понимании установки как той промежуточной переменной, которая опосредует внешние стимулы, идущие от ситуации, и внутренние стимулы, определяемые потребностями личности. Установка включена в мотивационные механизмы поведения и сознания человека в силу того, что она во-первых, служит для настройки деятельности на определенный объект, а, во-вторых, обеспечивает относительно устойчивую форму потребностей и мотивов. Благодаря установкам, как считает Г. Г. Дилигенский [65, с. 134], субъекту не нужно постоянно определять, в чем состоят его потребности и способы их удовлетворения: они уже зафиксированы в установках.

В политической деятельности установка является регулятором поведения человека или группы, формирующим позитивное или негативное отношение их к власти, государству. Обычно исследователей и их заказчиков интересуют вполне конкретные установки: на политическую систему в целом, на режим, на конкретные политические институты, на политических лидеров и даже на те или иные политические решения или события.

Если политологу необходимо представить себе возможные действия той или иной группы населения, предположим, на выборах, то накануне этих выборов он предпримет изучение соответствующих политических установок. В основе такой процедуры лежит гипотеза, согласно которой любое политическое действие возможно лишь тогда, когда человек настроен на него, имеет предварительную готовность к действию, т. е. у него сложилась определенная (позитивная или негативная) установка.

В психологических исследованиях принято выделение в структуре установки трех компонентов: *когнитивного*, *эмоционального* и *поведенческого*, каждый из которых образует «относительно самостоятельные подсистемы регуляции активности субъекта» [205, с. 24].

Когнитивный элемент установки предполагает наличие у личности предварительных знаний, интереса к политике. Наличие этого компонента объясняет тот отбор информации, который личность ведет в отношении тех партий, политиков, процессов, о которых она уже осведомлена, к которым приковано ее внимание.

Эмоциональное отношение к политическому объекту (нравится — не нравится, приятно — не приятно, доверяет — не доверяет), как правило, предшествует критическому осмыслению информации о политике. Без этого компонента не получили бы столь большого значения политические предрассудки, расовые стереотипы, проявления религиозной и национальной нетерпимости.

И, наконец, *поведенческий* компонент установки представляет собой собственно готовность к действию: будь это голосование, участие в митинге или шествии, вступление в партию или террористический акт.

Политические установки вызвали интерес у исследователей и политиков-практиков в связи с тем, что появилась необходимость их учета как средства обратной связи между теми, кто принимает решения, и теми, кто их исполняет. Ус-

тановки отличаются друг от друга, прежде всего, по степени их глубины и укоренности в личности.

Наиболее распространенными являются исследования политических установок в форме мнения. *Мнение* — это лишь один из видов политической установки, отличающийся неустойчивостью. Мнения представляют прежде всего поверхностный вербальный слой сознания и совсем не обязательно соответствуют более глубоким личностным образованиям.

Более глубокие корни имеет другой вид установки — *диспозиция* или *общее отношение*.

Значимый вид установки — *убеждения*, которые составляют своего рода стержень личности. Политические психологи, изучающие лидеров, среди множества их убеждений обращают особое внимание на наличие среди них национализма (этноцентризма) и недоверия к людям и институтам. Эти два рода убеждений составляют когнитивную основу авторитаризма. Еще одним важным убеждением является уверенность политика в подконтрольности событий.

Установки включают действие внутриличностных механизмов, опосредующих внешние стимулы политической среды. Для этих структур политического сознания характерно, что они пронизаны эмоциями, которые определяют динамику восприятия политических процессов и явлений.

18.2.1.2. Познавательный блок элементов политической психологии

Политическая психология выделяет и другой — *познавательный* срез сознания. Его показателями в эмпирических исследованиях выступают *интерес личности к политике, ее информированность, знания о политических событиях и лидерах*, и, наконец, *связанность представлений* в определенную идеологическую схему.

В современной политике по сравнению с традиционными политическими системами наблюдается тенденция усиления *интереса* граждан к политике (при всех ситуативных подъемах и спадах такого интереса). Об этом свидетельствуют данные последних десятилетий в разных странах. Российский политический процесс в долгосрочном контексте выглядит типичным для стран с элементами авторитарной политической культуры. При высоком уровне участия в политике (поголовное голосование) интерес к политике в советские времена был невысоким.

В первые перестроечные годы вплоть до 1991 г. наблюдался взрыв интереса к публичной политике при одновременном падении числа тех, кто участвовал в рутинных формах политического поведения, и одновременно увеличение нетрадиционных его форм. Показательна динамика политического интереса у молодых людей. Так, если в 1987–1989 гг. 85 % молодых людей следили за политическими событиями в стране и 64 % — за международными событиями, то в 1994 г. некоторый интерес к политике испытывали лишь 25 % опрошенных, а об отсутствии какого бы то ни было интереса заявили 47 % опрошенных. В целом, по данным ВЦИОМа, 34 % респондентов разных возрастных групп испытывали интерес к политике летом 1993 г. и 24 % — в ноябре 1994 г.

Следует отметить, что несмотря на убеждение многих исследователей в происходящем в 1990-е гг. общем падении интереса к политике, это не подтверждается данными последних исследований [259, с. 160].

Помимо информированности и интереса к политике в познавательном блоке политического сознания следует выделить еще два важных элемента. Речь идет о когнитивном стиле и операциональном коде.

Когнитивный стиль – термин, описывающий способ мышления. Среди характеристик когнитивного стиля политические психологи выделяют такие, как *понятная сложность или простота, доверие или недоверие к партнеру, инструментальный акцент (ориентация на «дело»*). Так, для одних людей свойственно восприятие политики в черно-белых тонах, а для других – большая понятная сложность, большее разнообразие оттенков в политических позициях. Первый тип когнитивного стиля – с низкой интегративной сложностью обычно отличает людей негибких, догматичных, невосприимчивых к новому. Ряд исследователей установил и связь такого когнитивного стиля с конкретными политическими ориентациями. Так, было доказано, что низкая понятная сложность чаще встречается у право-консервативных, чем у либеральных политиков и их сторонников. Вообще радикалы и справа, и слева более склонны делить людей на «наших» и «ненаших» [65, с. 193].

Операциональный код – понятие, применяемое чаще к политическому сознанию лидеров, чем обычных граждан, было выработано в политической науке. Н. Лейтес, А. Джордж, С. Уолкер используют этот термин для обозначения «ответов» политиков на ряд философских (стратегических) и инструментальных (тактических) вопросов в политике. Например, в мышлении политика содержатся некоторые устойчивые представления о природе политики, о перспективах реализации их политических ожиданий, о возможности контроля над историческими событиями и т. п.

Понятие операционального кода является связкой между политическим сознанием и поведением. На основании вербальных проявлений политического сознания политический психолог может реконструировать и поведенческие характеристики личности. О тех или иных компонентах операционального кода можно судить по выражениям в речи политика чувств, оценок, прямых апелляций к аудитории. Много могут сказать о ключевых представлениях операционального кода усиливающие наречия и риторические вопросы, отрицания, определения и другие вербальные формы проявления указанного элемента политического сознания [259, с. 165].

18.2.2. Личностные элементы политической психологии

Современная эпоха пробуждает к активной политической деятельности миллионы людей. Они приносят с собой в общественную жизнь и политическую борьбу чувства, настроения, традиции, надежды, сомнения, разочарования, идеалы. Вся эта смесь эмоциональных и рациональных элементов и есть реальность политической психологии.

Особое значение для политической психологии имеют *индивидуальные* и *групповые* формы сознания, обуславливающие содержание политических чувств и эмоций. К индивидуальным психологическим образованиям, порожденным межличностными связями человека с другими субъектами и институтами власти, относят:

- персональный опыт;
- специфику индивидуализированных чувств;
- специфичность эмоциональных реакций на внешние вызовы среды;
- способность к самоанализу;
- особенности индивидуальной воли и памяти.

Эти элементы придают неповторимый оттенок любым формам политического поведения индивидов.

Психологическая совокупность личности включает прирожденные, а также сложившиеся в течение длительного времени устойчивые психические *образования*, определяющие индивидуальное поведение. Их сочетание определяет психологический склад отдельных конкретных индивидов. Он является результатом не только врожденных качеств и индивидуального опыта человека, но и прошлой коллективной жизнедеятельности людей. К психологическому складу относятся, прежде всего, *архетипы, менталитет, темперамент, характер* (в том числе волевые качества) и *интеллектуальные способности* личности.

Архетипы (по К. Г. Юнгу [270]) — это изначальные, врожденные и неосознаваемые первообразы, содержащиеся в подсознании («коллективном бессознательном») человека. Они отражают коллективный опыт прошлых поколений, запечатлевшийся в структурах психики. Архетипы формируют активность воображения и общие рамки восприятия реальности. Они проявляются, например, в образе героя, матери-земли, мудрого старца и т. п. Овладев психикой человека, они могут выразиться в стремлении к политическому лидерству. В политике архетипы особенно учитываются в период избирательных кампаний. Кандидат, имидж которого в большей мере соответствует массовому архетипу политического руководителя, имеет больше шансов получить поддержку избирателей.

А. Д. Карнышев, К. С. Жуков и В. Ф. Шестаков считают, что «архетипы — это забытые или затаенные образы психики человека предшествующих эпох, его социальные привычки, традиции и автоматизм, ставшие практически мало нужным для его цивилизованного современника. Но вытравить их из глубин психики вряд ли возможно, поскольку природа бережет их на всякий случай: а вдруг они еще понадобятся для адаптации к резко изменившейся ситуации». Архетипы — это интуитивный эталон, с которым каждый индивид неосознанно сверяет свой личный опыт с многотысячелетними традициями человечества. Физиологическая основа коллективного бессознательного и архетипов аргументирована, что подтверждается исследованиями физиологов. Идентичные реакции, повторяющиеся на протяжении жизни поколений, закрепляются в структурах нервной системы их потомков. Тем самым, превращая условный рефлекс в безусловный [91, с. 137].

Менталитет складывается на основе архетипов, традиций и осознанного опыта личности. Он представляет собой общую типичную схему, модель осознания и оценки тех или иных явлений, или комплекс «картин мира» (М. Вебер), определяющих мировосприятие человека. Такие «картины мира» включают относительно автономную систему основополагающих ценностей и смысловых установок. Они придают определенную общую ориентацию интересам людей, выступающих непосредственным источником их действий. «Не интересы (материальные и идеальные), — писал Вебер, — не идеи — непосредственно господствуют над поведением человека, но: «картины мира», которые создавались «идеями». Они,

как стрелочники, очень часто определяли пути, по которым динамика интересов продвигала дальше человеческое действие» [34, с. 750].

Общность менталитета проявляется у крупных социальных групп: наций, классов, слоев, традиционных элит и т. д. Неучет национального и иного менталитета в политике чреват неудачами. История дает этому массу примеров. Так, игнорирование менталитета иранцев и попытка шаха М. Реза Пехлеви модернизировать Иран по американскому образцу привели в 1979 г. к исламской революции и свержению монархического режима.

В какой-то мере подобная ситуация, но без революции и с иным исходом, повторилась в постсоветской России. Ее правящий режим, не учитывая менталитет россиян, а также особенности экономического состояния страны, попытался за короткий срок реформировать ее по чуждым российской ментальности рецептам американских и других западных советников. Это привело к катастрофическому падению производства, широкой криминализации государственного аппарата и хозяйственных отношений, бурному росту различных антисоциальных явлений: наркомании, пьянства, проституции и т. п.

Политическая ментальность является одним из часто употребляемых и вместе с тем неоднозначно толкуемых понятий в современном гуманитарном знании. В последнее время этот термин стал использоваться не только в научном, но и в политическом языке СМИ. Поэтому в поисках ответов на насущные вопросы политики исследователи неизбежно сталкиваются с вопросами теоретико-методологического осмысления и эмпирического анализа феномена политической ментальности.

В целом при трактовке понятия «менталитет» очевидным является акцент на его психологические основания. Так, например, в работе «Ментальность россиян» [137] это понятие определяется как некая специфика психической жизни представляющих данную культуру (субкультуру) людей, детерминированная в историческом аспекте экономическими и политическими условиями жизни. Менталитет как область психологической жизни людей проявляется через систему взглядов, оценок, норм, умонастроений, представлений, которые основываются на имеющихся в данном обществе знаниях и верованиях. Последние наряду с доминирующими потребностями и архетипами коллективного бессознательно задают иерархию ценностей и соответственно характерные для представителей данной общности убеждения, идеалы, социальные установки.

В энциклопедическом словаре «Политология» [191] отмечается, что понятие «менталитет» используется главным образом для обозначения оригинального способа мышления, склада ума или умонастроений социальной группы, слоя, класса. В широком смысле оно охватывает совокупность и специфическую форму организации, своеобразный склад различных психических свойств и качеств, особенностей и проявлений. В более узком, политическом смысле ментальность — «общая для членов социально-политической группы или организации своеобразная политико-психологическая основа, позволяющая единообразно воспринимать и оценивать окружающую политическую реальность, понимать друг друга и действовать в соответствии с определенными устоявшимися в общности нормами и образцами».

Одним из существенных моментов политической ментальности является процесс отражения в сознании людей сложившихся социальных отношений, форми-

рования схемы восприятия, оценки людьми своего положения в социуме. Таким образом, если говорить о методах изучения политической ментальности, то речь среди прочего должна идти об анализе эмпирических проявлений идеологий. В этом плане обращает на себя внимание исследовательская традиция школы «Анналов». В трудах ее представителей проблемы исторической ментальности получили основательную разработку [185].

Представляется неправомерным заключать понятие политической ментальности в рамки как чисто психологические, так и истории идей, которой свойственно выводить ментальности из доктрин и интеллектуальных творений ученых людей. Важно, что в русле этой исследовательской традиции достаточно широко распространены интерпретации, в рамках которых ставится знак равенства между «ментальностями», «картинами мира», «идеологиями».

Более индивидуальными по своему происхождению (в сравнении с архетипами и менталитетом) характеристиками психики являются темперамент и характер. *Темперамент* обусловлен врожденными динамическими свойствами нервной системы и определяет эмоциональную возбудимость, скорость реагирования, особенности адаптации человека к миру политики. Он прямо влияет на восприятие политических событий и политическое поведение. Так, например, обман многочисленных банковских вкладчиков в посткоммунистической Албании вызвал вооруженное восстание ее весьма темпераментных граждан и свержение правящего режима, в то время как в России подобные факты и даже многомесячные невыплаты заработной платы долгие годы переносились людьми достаточно спокойно и терпеливо, без радикальных политических действий.

Важное влияние на политическое поведение оказывает *характер* человека. Он представляет собой сформировавшуюся на базе врожденных качеств совокупность относительно устойчивых черт личности, проявляющихся в ее волевой устремленности, а также в поведении по отношению к себе, другим людям, обществу и государству. И темперамент, и характер в значительной мере определяют особенности политического *поведения* как обычных граждан, так и политических лидеров, сказываются на содержании принимаемых ими решений и действий.

Например, ригидные по своему характеру, т. е. жестко придерживающиеся стоявших ценностей и правил, индивиды уступают в политической карьере и социальной адаптации лабильным личностям — людям с гибкой, пластичной психикой. Исследования свидетельствуют, что среди политических экстремистов непропорционально много людей с врожденной психической ущербностью. Они страдают от разного рода комплексов, чувства одиночества, психологической напряженности и подавленности, повышенной нервной возбудимости и т. п. Зачастую они не способны найти свое место в жизни [65, с. 278].

На основе особенностей характера Т. Адорно [1] совместно с другими исследователями выделил так называемый «авторитарный тип личности», которая стремится к власти ради преодоления собственных психологических комплексов. Такой тип личности служит питательной почвой для фашистских и других авторитарных режимов.

Немаловажную значимость для адекватного восприятия политических явлений и информации имеют *интеллектуальные* способности человека, в том числе способность к абстрактному аналитическому мышлению, а также память. Люди с

низким уровнем интеллекта имеют мало шансов стать политическими лидерами и наиболее часто являются объектом манипулирования, пешками в политической игре [198, с. 462].

Преобладание устойчивых эмоций, стереотипизация чувств уменьшают потребность человека в политической информации, снижают потенциал его политического участия. Более того, закрепившиеся на уровне нравов и склада мышления человека какие-либо взгляды и оценки способны к эмоционально-чувственной трансляции (переносу) в иные социально-политические ситуации. Таким образом, отдельные идеологические оценки и стереотипы могут проникать в совершенно другие политические условия, девальвируя значение актуальных идеологических учений и стимулируя девиантное поведение граждан.

Некоторые специалисты даже утверждают, что вообще существуют некие универсальные чувства (например, агрессии, альтруизма и др.), которые в каждую эпоху лишь проявляются по-разному, повторяясь на новом историческом материале. Именно они, воплощая устойчивые эмоциональные оценки и стереотипы чувствования, и определяют характер политических процессов, электоральный выбор людей [271].

Эмоциональные свойства личности многослойны: наряду с проявляющимися в архетипах, менталитете, темпераменте, характере и т. д. устойчивыми, стабильными качествами у индивида имеются и изменчивые, динамичные эмоциональные состояния. Они выражаются в политических *настроениях, чувствах, потребностях и переживаниях*. Наиболее политически влиятельными из них являются настроения. В них непосредственно отражается эмоциональное ощущение человеком актуальных политических событий.

Политические *чувства* представляют собой эмоциональную реакцию на события и личности в политической жизни. Следует отметить динамичность политических чувств, широкий диапазон и амплитуду их колебаний. Вчера на волне популярности и обожания масс политик возносится на вершину власти, а сегодня эти же массы возмущены его деятельностью, требуют его отставки.

Еще больше рационального в политических потребностях и интересах. В политических *потребностях* присутствует осознание необходимости установить определенные политические отношения, достичь той или иной политической организации общества [192, с. 176].

На основе политических потребностей формируются политические *интересы*, которые отличаются от первых степенью осознания того, что необходимо и желательно в сфере политики.

18.2.3. Элементы групповой формы политической психологии

Велико значение для политической психологии и тех эмоционально-чувственных образований, которые опосредуются групповыми формами сознания, т. е. представлениями тех или иных социальных и функциональных групп, через которые человек реально включается в политические отношения. Каждая такая группа отличается собственной эмоциональной реакцией на политические события, своим психологическим темпераментом, памятью и традициями, которые образуют

некую психологическую ауру, атмосферу соучастия в общих политических делах. При этом любое групповое объединение обладает тем или иным временем своего политического существования, за которое оно успевает сформировать привычные для большинства психические реакции на политические явления.

Структурные образования политической психологии группового характера выражают понимание человеком соотношения общих, коллективных и индивидуальных интересов, подчиненность его сознания сформировавшемуся в группе психологическому климату, усвоенность им действующих там привычек и стереотипов в отношении политических явлений.

18.2.3.1. Специфика групповой политической психологии

Как правило, для описания групповых характеристик политической психологии учитывают специфику двух видов групп. Традиционно в качестве ведущих групповых образований выделяют *большие* (или дистантные, с формально опосредованным общением индивидов) группы, к которым можно отнести классы, слои, территориальные образования, нации и проч., а также *малые* (с непосредственным общением индивидов) группы, в частности, микросоциальные объединения людей, неформальные образования, отдельные политические ассоциации и т. д. [199]. Каждая из этих групп отличается временным или постоянным характером существования, преобладанием организованных или стихийных связей, специализированным или мультифункциональным назначением и т. д.

В рамках групповой психологии А. И. Соловьев [213] выделяет:

- психический *склад* определенной группы (здравый смысл и групповое мышление, смелость, решительность, целеустремленность, душевность, раздвоенность, цельность и т. д.);
- привычные для большинства психические *реакции* на политические явления, дополняющие групповой характер (устойчивые нравы, привычки, вкусы, настроения, иллюзии и т. п.);
- такие *внутригрупповые явления*, как коллективные страхи, слухи, паника, мода на групповые стандарты поведения и мышления и другие аналогичные явления.

Структурные компоненты политической психологии различаются и с точки зрения устойчивости, оформленности эмоционально-чувственных реакций. К наиболее *устойчивым*, внешне и внутренне оформленным элементам политической психологии обычно относят здравый смысл, психологический склад той или иной группы, нравы и т. д. К более *подвижным*, динамичным, наиболее чутким к изменениям эмоционально-чувственным образованиям причисляют переживания, ожидания и настроения.

Психологические типы (личности, лидера) или психологический склад группы являются результатом длительного формирования стандартных реакций этих субъектов на постоянные и типичные вызовы политической среды. Индивиды или группы сообразно особенностям своего темперамента, характера, архетипам (некритически усвоенным коллективным воззрениям и верованиям) и ролевым назначениям, привычкам и традициям на протяжении достаточно длительного времени вырабатывают свойственные им психологические ответы на политические раздражители в виде устойчивых эмоциональных *стандартов* и *стереотипов* мыш-

ления и поведения. Эти психологические элементы помогают определить те или иные особенности национально-цивилизационного развития, использования ролей, отдельных исторических периодов (кризисов, революций и др.) и т. д. Поэтому, судя по ним можно отличить политико-психологические черты россиянина или канадца, политического лидера или рядового представителя электората, политических деятелей XX или XIX вв. и т. д.

Особенно ярко устойчивость психологических черт и механизмов проявляется на уровне различных групп. Например, молодежи — как доказано многочисленными исследованиями — как особой социальной группе присущи эмоциональная неустойчивость, максимализм, повышенная возбудимость и подверженность неосознанным психическим реакциям, незавершенность системы функций контроля и самооценки. Такие психологические особенности превращают ее в наиболее «трудного» политического субъекта, чье поведение или партийно-политическая идентификация обладают крайней подвижностью и непредсказуемостью. Молодые люди легко поддаются внушению, становятся жертвами политических спекуляций и манипулирования. Хотя ее наиболее интеллектуально развитая и социально чуткая часть — студенчество — практически всегда принимает участие в акциях политического протеста за идеалы свободы и справедливости.

Весьма устойчивые черты психологического склада существуют и у наций. Причем характер этих чувственных механизмов и черт непосредственно зависит от того, какую роль в социальном самовыражении человека играет национальная идентификация. Ведь главный психологический механизм образования облика нации — межнациональное сравнение. Поэтому люди, не испытывавшие серьезных ущемлений в области изучения родного языка, вероисповедания, приобщения к культурным ценностям, а также участвовавшие в широких инонациональных контактах, редко преувеличивают факт национальной принадлежности и страдают национальными предрассудками по отношению к другим народам. В основе их психологического склада лежит усвоенное с детства нейтрально-естественное отношение к ведущим национально-культурным ценностям, выражающееся в их спокойном социальном темпераменте по отношению к людям других национальностей. Такие черты не являются психологически доминирующими в поведении человека и их довольно трудно политизировать и уж тем более придать им ярко выраженную агрессивную форму.

Напротив, возникшая по тем или иным причинам гипертролизация национальной идентичности, привлечение национальных чувств для выполнения защитных, компенсаторных функций ведет к преувеличению несходства различных наций, а впоследствии к чрезмерному приукрашиванию собственной нации и преуменьшению достоинств других. В таком случае у людей начинают действовать устойчивые психологические механизмы, которые, к примеру, либо настраивают их на избегание информации, способной внести диссонанс в их воззрения, либо, наоборот, способствуют активному поиску тех сведений, которые эти взгляды подтверждают. Устойчивость таких чувственных стандартов столь высока, что даже при очевидном несоответствии взглядов и действительности люди продолжают верить в их справедливость.

Психологическое доминирование национальной идентичности нередко приводит к тому, что раздражение, вызванное самыми различными социальными при-

чинами, автоматически переносится на сферу национального восприятия. Такой механизм психологического переноса заставляет даже собственные ошибки перекладывать на плечи других («врагов нации»). А чаще всего заставляет человека жить по законам двух стандартов: все, что задевает его национальные чувства, наделять негативным смыслом, а на собственные действия, способные обидеть другого, не обращать внимания [199].

На такой основе возможны и небывалый эмоциональный подъем, воодушевление образом «своей» нации. Но чаще в русле этих устойчивых эмоций формируется откровенная национальная предубежденность и даже враждебность по отношению к представителям других наций. Причем в политическом плане важно иметь в виду, что такая фоновая, скрытая нетерпимость может мгновенно актуализироваться во время кризисов, породив самые разрушительные последствия.

18.2.3.2. Политические настроения

У политической психологии помимо устойчивых есть и динамичные элементы, одними из которых являются *политические настроения*. По сути дела они выступают как *эмоционально-чувственная оценка населением степени удовлетворения (неудовлетворенности) своих ожиданий и притязаний в рамках существующего режима и господства определенных ценностей*. Иными словами, будучи показателем нервно-психического напряжения, настроения представляют собой сигнальную реакцию, выражающую ту или иную степень несовпадения человеческих потребностей с конкретными возможностями людей и условиями их жизни и деятельности. Такая форма переживания своих потребностей предваряет осмысление людьми проблем, является непосредственной предпосылкой возникновения, формирования умонастроений, мнений, политических позиций.

Политические *настроения* разнообразны. Это могут быть энтузиазм, восторг, оптимизм, разочарование, апатия, подавленность, страх и др. Настроения непосредственно влияют на политическую активность людей и политическую жизнь в целом. Так, приход к власти Гитлера в Германии стал возможным лишь в условиях настроений массовых разочарований в демократических институтах и широкой политической апатии

Политические настроения не сводятся к эмоциям, в них присутствует рациональный элемент (установки, идеи, пожелания и требования). Выражая определенное эмоционально-психологическое состояние людей, настроения могут порождать самые разнообразные, в том числе противоположные по направленности политические движения, усиливать спонтанность и импульсивность действий субъектов, изменять психологическую сплоченность групп и населения в целом. Еще Аристотель [4], отмечая условия успешного правления, писал, что правителям «...нужно знать настроения лиц, поднимающих восстания ...чем собственно начинаются политические смуты и распри». Макиавелли также указывал на негативный аспект их существования, подчеркивая при этом, что различия настроений выступают основной причиной «всех неурядиц, происходящих в государстве» [125, с. 99].

Однако проявления массового протеста, отрицательная для государства экзальтация или паника только частично характеризуют роль настроений в политике. Помимо негативных последствий настроения могут обладать и нейтральным

(например, состояние апатии, свидетельствующей о снижении притязаний к власти) и положительным значением (люди могут испытывать энтузиазм в результате призывов властей, предвкушения своей близкой победы на выборах, героизировать свои чувства, сопротивляясь врагу, и т. д.).

Короче говоря, такое состояние выражает психологическую удовлетворенность или неудовлетворенность социально-политическими условиями, способствующими или препятствующими достижению целей. Благодаря своему характеру настроения целиком и полностью зависят как от внешних условий (когда, например, человеческие притязания резко спадают в результате изменения ситуации, неполностью удовлетворившей их или заставившей людей понять всю беспочвенность притязаний), так и от состояния самого субъекта. В последнем случае люди могут не снижать интенсивность своих надежд даже в результате множественных неудач.

Они могут отрицать даже явные причины неуспеха, продолжая верить и добиваться своих целей. Политические настроения в таком случае становятся мощным источником политической воли, которая стремится достичь определенных целей даже вопреки реальному положению вещей. Причем интенсивность настроений значительно увеличивается, если люди преследуют цели, соответствующие их внутренним убеждениям и характеризующие позиции, которыми они никогда не поступятся.

Различают настроения, выражающие идеальные требования людей к власти (например, демонстрирующие, как должен вести себя лидер или режим в целом) и настроения как реально складывающиеся психологические состояния, характеризующие то или иное отношение людей к различным аспектам политики. При этом и те и другие могут создавать некий фон в политической системе, а могут и определять те или иные действия разнообразных субъектов. Обычно настроения формируются в рамках определенного цикла, включающего, по мнению Д. Ольшанского [161], следующие стадии:

- зарождения (фиксирующего существующее брожение, смутное недовольство людей, ощущение ими дискомфорта от тех или иных явлений);
- поворота (когда чувства кристаллизуются и рационализируются в определенных политических образах и требованиях);
- подъема (характеризующего достижение той степени усиления чувств, которая требует немедленного разрешения);
- отлива (выражающего эмоциональный спад, возникающий в результате разрешения настроений).

Повторяясь, этот цикл придает динамике настроений вид синусоиды: за подъемом ожиданий следует разочарование, затем упадок снова сменяется подъемом и т. д.

Понимая важность настроений, политические режимы пытаются не только прогнозировать их динамику, но и управлять ими. Инициирование нужных властям настроений чаще всего осуществляется при помощи сложных манипуляций, специфического информирования и дезинформации населения. Например, власти нередко создают «климат завышенных ожиданий», демонстрируя искренность взаимоотношений с населением, или поощряют распространение мифов, создающих у общественности нужные им политические образы. Особенно ярко стремле-

ние использовать настроения в своих политических целях наблюдается во время выборов, когда обещания партий и лидеров нередко переходят все рамки реально возможного [199]. Еще более разнообразны и противоречивы настроения в переходных условиях. Здесь в них объединяются не только надежды на лучшее будущее, но и негативизм, ностальгия по прошлому и другие разноречивые чувства и эмоции.

Настроения могут формироваться *спонтанно*, в отдельных слоях населения и инициироваться *сознательно* извне путем выдвижения партиями или государством таких программ и целей, которые провоцируют новые, более высокие ожидания граждан. При этом каждая партия, как правило, всегда пытается превзойти соперника, нередко выдвигая все более привлекательные, но все менее осуществимые цели.

Различают настроения, выражающие *идеальные* требования людей к власти (например, демонстрирующие, как должен вести себя лидер или режим в целом), и настроения как *реально складывающиеся психологические состояния*, характеризующие то или иное отношение людей к различным аспектам политики. При этом и те, и другие могут создавать некий фон в политической системе, а могут и определять те или иные действия разнообразных субъектов [213, с. 252].

Структурные компоненты политической психологии различаются оформленностью эмоционально-чувственных реакций и выражают, по мнению А. И. Соловьева [213]:

- понимание человеком соотношения общих, коллективных и индивидуальных интересов;
- подчиненность его сознания сформировавшемуся в группе психологическому климату, действующим там привычкам и стереотипам в отношении политических явлений (групповой конформизм и лояльность);
- склонность к лозунговому мышлению;
- способность к разделению ответственности в группе;
- характер критичности и согласия с мнением лидеров и аутсайдеров;
- степень восприятия информации;
- способность к творческим решениям и т. д.

В силу включенности политической психологии в разнообразные стороны политической жизни ее структурные компоненты могут характеризовать содержание политического поведения различных субъектов, разные (биофизические, индивидуально-психологические и социально-психологические) уровни их психологических потребностей, национально-цивилизационные черты «человека политического» (характеризующие особенности российской, американской, китайской и прочих разновидностей психологии) и другие политические явления.

Структура политической психологии по своему составу неравномерна. Одни элементы в ней могут быть зрелыми и развитыми, между тем как другие находятся в процессе становления. Формирование политического сознания наталкивается на препятствия, как субъективного, так и объективного характера. В недавнем прошлом адекватному отражению политики в сознании граждан препятствовали прежде всего идеологические штампы. Сейчас, напротив, многие политологи видят опасность в том, что в обществе нет устойчивых идеологических схем, которые

помогли бы отдельному человеку сверить свою политическую картину мира с национальной, что облегчило бы его ориентацию в мире. Главное, что новые поколения входящих в политику изначально не имеют целостного представления о политике, которая представляется им как неустойчивая и совершенно чуждая для большинства людей сфера деятельности [259, с. 166].

18.2.4. Функции политической психологии

В силу неустранимости у человека эмоционально-чувственного восприятия действительности политическая психология опосредует все формы и разновидности его политических взаимодействий и, стало быть, присутствует на всех этапах политического процесса. Следовательно, политическая психология – это универсальный духовный фактор, оказывающий постоянное влияние на политическое поведение людей и институты власти.

Познавательная и адаптивная роль и влияние политической психологии в политике проявляются прежде всего в осуществляемых ею функциях. Именно последние выражают ее способность влиять и видоизменять политические процессы, состояния субъектов, способы функционирования институтов власти.

18.2.4.1. Гносеологическая функция

Политическая психология выполняет *гносеологическую* функцию, связанную с обеспечением мышления человека. В отличие от других форм политического сознания (например, науки или идеологии), которые также способствуют познанию политической реальности, политические чувства могут не только дополнить информацию, полученную человеком рационально-логическим путем, но и заменить ее при выборе им своей политической позиции. Особенно ярко такая роль политической психологии проявляется в условиях кризисов, когда создающийся в обществе духовный вакуум, утрата ведущих ценностей буквально заполняет чувственными оценками все индивидуальные позиции человека. Впрочем, в других условиях чувствами нередко пренебрегают при выработке той или иной позиции.

И все же наиболее распространенной формой осуществления гносеологической функции является *дополнение* чувственными сведениями той информации, которая формируется рационально-логическим способом. При этом психология чаще всего идет «в ногу со временем», повторяя изгибы ситуации и как бы чувственно оформляя соответствующую эволюцию политических позиций человека. Например, в годы перестройки немало людей в полном соответствии с ходом реформ и их социальными последствиями последовательно эволюционировало от приверженности коммунистическим идеям к ценностям либеральной демократии, а впоследствии к оппозиционным воззрениям по отношению к правящему режиму.

Однако чувственные стереотипы могут оказывать и упорное *сопротивление* динамике человеческих воззрений, отвергая рациональные формы отражения действительности. В таком случае политические чувства способны провоцировать догматичность мышления, приверженность человека раз и навсегда усвоенным шаблонам и стандартам.

18.2.4.2. Адаптационная функция

Функция *адаптации* предполагает обеспечение политической психологией приспособления человека к окружающей обстановке. Причем психология осуществляет эту цель как при его пассивном приспособлении к среде, так и при их активном взаимопреобразовании, когда активно видоизменяются свойства и человека, осваивающего, к примеру, новые политические роли, и самих внешних условий под ролевым воздействием.

Для того чтобы заставить человека адаптироваться к окружающей действительности, политическая психология должна подавить воздействие так называемых стрессоров, т. е. тех социальных и политических факторов (например, безработицы, активности оппозиции, бытовых неурядиц и проч.), которые вызывают негативные политические реакции человека. В связи с этим политическая психология должна действовать в двух направлениях: стимулировать его позитивные поведенческие реакции, т. е. вести дело к формированию у него позитивных стереотипов и привычек реагирования на подобные раздражители (что часто бывает затруднительно, ибо требует от человека существенного пересмотра своих изначальных позиций), либо формировать нейтрально-конформистское отношение, т. е. привычку спокойно и относительно беспристрастно реагировать на подобные факторы.

Психология способна обеспечить три типа приспособления человека к среде:

- конформность (означающую принятие сложившегося порядка вещей);
- инновационность (предполагающую сохранение активности и самостоятельности позиции человека по отношению к окружающей среде);
- ритуализм (выражающий символическую и некритическую позицию человека по отношению к среде) (Р. Мертон [139]).

Понятно, что первый и третий типы адаптированности, означающие, по сути, сформировавшуюся привычку и стабильно прогнозируемое поведение человека, наиболее привлекательны для властей. Наиболее часто встречающаяся конформная адаптированность лишает человека каких-либо острых ответных реакций на политическую обстановку, отчасти ритуализируя его связи с государством, но придавая им искомую властями стабильность. Конформистски адаптированная личность часто не замечает промахи властей и нередко прощает ей даже преступления (особенно в тех случаях, когда они непосредственно не затрагивают ее интересов).

18.2.4.3. Мотивационная функция

Политическая психология организует и интегрирует субъективные свойства человека. Тем самым она служит главным механизмом перенесения его политических целей и намерений из сферы сознания в сферу бытия. То есть она не только обеспечивает постоянный контакт сознания и практики, но и выступает достаточно автономным фактором мотивации человеческих действий.

При этом политические чувства и эмоции действуют двояким образом. Первым способом осуществления политической психологией ее мотивационной функции является самостоятельное определение действий групповых и индивидуальных субъектов. При таком варианте удельный вес эмоциональных установок будет доминировать над всеми иными соображениями. В целом преобладание эмоционально-чувственных мотивов проявляется прежде всего при реализации

людьми их политических ролей и функций. Американский ученый Р. Мертон [139] подчеркивал, что это может выражаться в следующем:

- в стремлении человека придавать функционально безличным политическим связям сугубо персональный характер (например, когда он пытается наделить глубоко личностным смыслом свои отношения с государством или драматизировать акт голосования, относясь к нему, как к решающему в своей жизни делу, и т. д.);
- в отождествлении человеческой личности с партией или профессией (когда, например, партийные цели начинают доминировать над главными жизненными ценностями человека);
- в проявлении чрезмерной солидарности с политическими ассоциациями;
- в повышенном эмоциональном отношении к авторитету лидера, а также в ряде других случаев.

Вторым способом осуществления политической психологией своей мотивационной функции является преломление и дополнение ею действия различных рассудочных и рациональных намерений человека. В этом отношении политические чувства и эмоции играют уже не ведущую, а подчиненную, вторичную роль. Механизм подобного рода мотивации хорошо виден на примере ее взаимоотношения с идеологией. Последняя рационализирует политическую психологию. Однако степень претворения в жизнь идеологических требований зависит от эмоциональной чувствительности человека к ее элементам — идеалам, принципам и нормам. Поэтому в конкретных случаях в мотивации людей могут доминировать либо общие идеологические ценности, либо конкретные нормы и требования к поведению отдельных субъектов, сформулированные теми или иными институтами власти.

Кроме этих функций А. П. Плешаков выделяет реализацию идеологических требований и политическую социализацию личности [183].

§ 3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ КАК НАУКА

18.3.1. История зарождения и становления политической психологии

Политическая психология — одна из новейших политических дисциплин. Она возникла на стыке политологии с рядом других дисциплин, среди которых особую роль сыграли психология и социология. Возникновение и развитие политической психологии имели свои особенности в разных политических системах. В основу новой дисциплины легли наиболее значительные идеи о соотношении личности и власти, о природе человека в политике, о воспитании гражданина, о качествах политического лидера.

18.3.1.1. Предыстория политической психологии

Важная роль политической психологии в детерминации политического поведения обусловила большое внимание к ней со стороны политических мыслителей. Познавательная деятельность в политике связана прежде всего с продуцировании-

ем теми или иными политическими субъектами политических идей и теорий, чувств и верований, эмоций и доктрин, которые, будучи *субъективной рефлексией* объективной действительности мира политики, являются необходимым этапом и условием его освоения. Вопрос о соотношении реальности политической жизни и представлений о ней, действий политиков и идей политологов ставился в античной политической мысли, в частности, Платоном в «Государстве» [181] и Аристотелем в «Политике» [4].

Они считали, что достижение успеха в политике, создание наиболее эффективных форм организации политической жизни зависят, прежде всего, от разработки наилучшей идеальной модели или проекта государственного устройства, базирующегося на правильных моральных нормах и верных теоретических принципах. Аристотель в «Политике» отмечал, что государственная жизнь является реализацией людьми (и в первую очередь, правителями) тех или иных познанных принципов и проектов или же просто представлений о правильном порядке ведения государственных дел. В то же время изложение политической теории у Аристотеля построено на анализе и теоретическом обобщении реальных, т. е. существовавших в политической действительности того времени в Греции, Персии и других странах видов государственного устройства. Таким образом, в своих рассуждениях о мире политики Аристотель исходит одновременно из двух «равных» начал анализа:

- из идеальных принципов и образцов государственного устройства;
- из реальных политических институтов и структур, видов государств, способов государственного управления и политического участия.

Каждое из двух начал Аристотеля (идеальных принципов и образцов государственного устройства и реальных политических институтов, структур, видов государства) обладает относительной независимостью от другого начала, поэтому каждое из них становится исходной точкой для различных теоретико-методологических подходов: «материалистического» и «идеалистического» понимания политики.

В зависимости от психологического склада людей Аристотель делил их на свободных граждан, которые политичны по своей сути, и рабов, по природе неполитичных и склонных к подчинению, поскольку они от рождения не наделены предусмотрительностью и волей. Он отмечал, что правителям для успеха своей деятельности необходимо знать нравы граждан и настроения лиц, поднимающих восстания [4].

На протяжении многих веков для характеристики психологии людей обычно использовались такие термины, как «душа», «дух», «нрав», «характер». Декарт [62а] писал о шести чувствах, которые движут человеком в мире и власти. Макиавелли, утверждавший, что «править – значит заставлять людей верить», специально указывал, что различия в настроениях выступают основной причиной «всех неурядиц, происходящих в государстве» [125, с. 99].

Аристотелевские принципы материального и идеального в политике, наиболее репрезентативно представлены в гегельянском и марксистском учениях. Одним из наиболее ярких примеров идеалистического подхода к объяснению соотношения политической действительности и ее рефлексии, политического сознания и бытия являются школа и традиция немецкой классической философии, и в том числе, система политической философии Г. В. Ф. Гегеля. С позиции гегелевской философии

фии политики, государство есть объективный дух и субстанциональная воля, особое проявление в политической действительности нравственной идеи, которая в «нравах имеет свое непосредственное существование, а в самосознании единичного человека, его знания и деятельности — свое опосредованное существование...». Идея или принцип государства непосредственно осуществляется, таким образом, в государственном сознании общества (понятие «нравы общества» в этом плане здесь во многом сходно с современным термином «политическое сознание»), а также и в индивидуальном политическом сознании каждого гражданина. «Государство есть дух, пребывающий в мире и реализующийся в нем сознательно», — писал автор «Философии права», отдавая и в гносеологическом, и в онтологическом плане приоритет «политическому духу», а не «политическому миру» [43].

К. Маркс использовал противоположный подход, полагая в соответствии со своим материалистическим пониманием политики, что идеальные принципы и представления есть лишь отражение материальных (или экономических) интересов тех или иных классов, а потому гегелевское соотношение политического сознания и бытия необходимо перевернуть «с головы на ноги». С точки зрения марксизма, политическое сознание общества и индивида в различные исторические периоды было обусловлено экономическими интересами и социальным положением господствующих классов. «Господствующие мысли суть не что иное, — писал К. Маркс в «Немецкой идеологии» (1845–1846), — как идеальное выражение господствующих материальных отношений, как выраженные в виде мыслей господствующие материальные отношения; следовательно, это выражение тех отношений, которые и делают один этот класс господствующим, это, следовательно, мысли его господства» [131]. Результатом марксистского подхода к политике является известный вывод о том, что политические идеи и теории, чувства и представления являются порождением материальных интересов различных классов и, соответственно, политических учреждений и организаций, ими контролируемых.

В конце XIX — начале XX в. и в социально-политической мысли России появились идеи о взаимной обусловленности политической реальности и сознания. Они, в частности, выразились в концепции так называемого «параллелизма мысли и учреждений», существования «прямых» и «обратных» связей между действительностью бытия и рефлексией сознания [61, с. 92].

Но хотя попытками осмысления роли психического фактора в политике общественно-политическая мысль изобиловала с древних времен, объектом специальных научных исследований политическая психология стала лишь в конце XIX — начале XX вв. До этого времени не только отсутствовали научные методы изучения сознания людей, но и сама политика была по преимуществу уделом немногих личностей, элиты. Она не носила публичного характера и не была открыта для независимого, свободного анализа.

В этот период историки и философы, социологи и политологи обратили внимание на то, что в политической жизни демократических государств появилось совершенно новое явление. Помимо вождей, королей, президентов и прочих представителей политической элиты, в политике заметное место стали занимать массы. Одним из первых обратил внимание на массовую психологию француз Г. Лебон, написавший «Психологию народов и масс», «Психологию толпы» (1895 г.) и «Психологию социализма». В это же время появились книги Э. Дюркгейма («Са-

моубийство» – 1897 г.). «Преступная толпа» итальянца С. Сигеле, «Социальная логика» француза Г. Тарда, В. Парето («Социалистические системы» – 1902 г.). Обнародовали свои идеи З. Фрейд [235] (основатель психоанализа), Г. Лассуэлл (основатель политической психологии в США), в 1930 г. вышла его работа «Психопатология и политика»), Т. Адорно, Э. Фромм и др.

Российская политическая психология также имеет замечательных предшественников. Особенно богато наследие конца XIX – начала XX в., когда интерес к личности, к психологическому компоненту социальных процессов был широко представлен и в политической мысли, и в философии, и в нарождавшейся социологии. В частности, заметным явлением стал выход книги русского социолога Н. К. Михайловского «Герои и толпа» [147]. Развитие этих идей можно проследить и в полемике марксистов с народниками, в частности в работах Г. В. Плеханова и В. И. Ленина.

До сих пор представляют не только историческую ценность концепции целого ряда русских мыслителей того периода. В частности, в «Очерках по истории русской культуры» П. Милюков [145] проследил развитие российской политической культуры, в том числе особенности русского политического сознания в его «идеологической» форме на протяжении всей русской истории.

В свой русский период П. Сорокин размышлял над проблемой социального равенства, свободы и прав человека [214]. Пережив ужасы гражданской войны, он попытался их осмыслить не только как социолог, но и как тонкий психолог.

В начале XX в. вышли пять томов «Психиатрических эскизов из истории» П. И. Ковалевского, представляющие собой вполне реальную альтернативу психоаналитическим подходам к психобиографии политиков. Позже, уже в 20-е гг. вышла книга Г. Чулкова о русских императорах, где даны блестящие психологические портреты русских правителей [253].

В работах конца XIX – начала XX вв. были отмечены лишь негативные стороны массового поведения и те опасности, которые оно несет с собой. Другая тема, которая вызывала интерес ранних политических психологов, психология народов и рас, исследование национального характера. Психологи искали подходы к соединению знаний о личности с анализом более широких социальных и культурных феноменов, в частности политики. Еще одним источником формирования современной политической психологии стали идеи психоанализа. Знаменитая книга Г. Лассвела «Психопатология и политика» открывается справедливым утверждением автора: «Политология без биографии подобна таксидермии – науке о набивании чучел». И действительно, описание политического процесса без его творцов случайно, да и неверно [190. с. 159].

Это очень важно для политологии, поскольку, зная, чем обусловлен тот или иной поступок человека, можно скорректировать его действия в будущем, заставить его поступить по-другому или же повторить те же решения.

Необходимость изучения массовой психологии, мотивов, интересов, потребителей, политических установок поведения людей, их организаций, движений коллективов способствовала появлению новой науки – политической психологии. Фундаментальные и систематические теоретические разработки по психологии политики начались в 1960-е гг. в США под влиянием «поведенческого движения». Принято считать, что политическая психология как отдельная наука появилась в

1968 г., когда в рамках американской Ассоциации политических наук было создано отделение политической психологии и одновременно в Йельском университете США введена специальная программа углубленной подготовки политологов в области психологических знаний. При Американской психиатрической ассоциации была образована группа для изучения проблем международной политики, которая в 1970 г. переросла в Институт психиатрии и внешней политики. В Ассоциации политических наук в 1979 г. было организовано Общество политических психологов, получившее статус международного. Оно сразу начало издание своего журнала «Political Psychology» [259, с. 29; 188, с. 273].

18.3.1.2. Развитие психоанализа в России

Отдельная страница истории политической психологии связана с психоанализом. Это направление стало необычайно быстро распространяться в России особенно после революции 1917 г. О необычайной судьбе тех, кто увлекся ставшей модной теорией З. Фрейда, можно прочесть в книге А. Эткінда «Эрос невозможного» [268]. Пожалуй, самое поразительное в истории расцвета, запрета и вновь проявившегося интереса к психоанализу уже в наши дни — это именно его связь с реальной политикой. Можно без всякого преувеличения сказать, что не будь среди увлеченных идеями психоанализа таких политиков, как Троцкий, Каменев, Радек, судьба этой психологической школы в России была бы иной.

Еще предстоит осмыслить влияние марксизма на политическую психологию. Но, очевидно, это можно будет сделать не раньше, чем осядет пыль после политических и идеологических баталий новейшего времени. Сейчас ясно лишь, что тот вариант марксизма, который развивался в Советском Союзе, не слишком способствовал проявлению интереса к этой проблематике. В нашем обществоведении преобладали тенденции, которые подчеркивали определяющую роль масс в политическом процессе и, одновременно, недооценивали значение личностного фактора, деятельность отдельных политических групп. При этом трактовка масс была весьма упрощенной. Они понимались как некая безликая сумма индивидов, приводимая в движение волей политического авангарда. Такие методологические посылки делали ненужным учет психологического фактора. Добавим к этому, что реального знания о политическом сознании и поведении отдельных представителей этой массы не было в силу отсутствия обратной связи между правящей элитой и населением.

В этом отношении политическая психология находилась в худшем положении, чем социальная психология и социология. Эти дисциплины дважды за послевоенный период обращались к изучению человеческого компонента общества и политики. Обе попытки были связаны с реформой системы: в годы хрущевской оттепели и в годы перестройки. Первый этап возникновения серии работ, касающихся политико-психологической проблематики, относится к началу-середине 1960-х гг. Работы Б. Ф. Поршнева [195], Ю. Н. Давыдова [58], Б. Д. Парыгина [174], Ю. Ф. Замошкина [77] и других социологов, историков и психологов ввели в научный оборот проблематику политической деятельности в ее человеческом измерении. В эти годы произошло первое знакомство с трудами западных ученых и их критическое переосмысление в советском контексте.

В 1970–80-е гг. эта проблематика переместилась на периферию научных дискуссий и общественного интереса. Но, оставаясь не востребовавшей, она развивалась в рамках отдельных отраслей знания. Так, в рамках страноведения, под защитой рубрики «критика буржуазной» социологии, политологии и иных теорий были опубликованы результаты отечественных исследований специалистов по развивающимся странам (Б. Ерасова [73] Б. Старостина [219], М. Чешкова [251], Г. Мирского и др.), американистов (Ю. Замошкина [77], В. Гантмана [196], Э. Баталова [11]), европейцев (А. Галкина [31; 42], Г. Дилигенского [65; 66], И. Бунина [30], В. Иерусалимского).

Политологи-страноведы обсуждали такие проблемы, как политическое сознание и поведение, политическая культура, политическое участие и другие политико-психологические сюжеты, оставаясь в рамках зарубежного материала, так как проводить непосредственное исследование своей собственной политической жизни не рекомендовалось. Книги А. Галкина, Ф. Бурлацкого [31], А. Федосеева, А. Дмитриева, Э. Кузьмина, Г. Шахназарова и других советских политологов заложили основу современной политологии в целом и политической психологии в частности. Создание Советской ассоциации политических наук способствовало поискам отечественных политологов в указанном направлении, помогало их приобщению к зарубежному опыту исследований [259, с. 30].

18.3.2. Предмет, подходы и методы политической психологии

18.3.2.1. Предмет политической психологии

Политическая психология на сегодняшний день характеризуется дискуссиями по ключевым вопросам. В начале XX в. немецкий психолог Э. Шпрангер [162] выделял среди других человеческих типов тип человека политического. Действительно, политики-профессионалы обладают рядом психологических характеристик, предполагающих притягательность для них этой сферы деятельности. Однако на сегодняшний день в современном демократическом обществе не только профессионалы, но и все дееспособные граждане включены в политический процесс, являются его неотъемлемой частью. Отсюда и усилившийся интерес политологов к поведению рядовых граждан, роль которых в политике неизмеримо возросла.

Различны и точки зрения специалистов на объем изучаемых политико-психологических феноменов, включаемых в предмет. Так, Г. Г. Дилигенский [65], вслед за рядом американских политических психологов (С. Варнер-Бару, Р. Розенвейн), полагает, что политическая психология не должна заниматься макрополитическими процессами. Ее предмет должен трактоваться как психология политиков. Такая позиция сужает не только предметную область, но и предполагает использование исключительно инструментарием индивидуальной психологии.

Другой подход, которого придерживаются М. Херманн [246], Дж. Кнутсон, Х. Эйлау, Е. Б. Шестопал и другие не менее авторитетные политические психологи, напротив, видит задачу политической психологии более широко. В предмет исследования включаются не только поведенческие и когнитивные аспекты психологии личности политиков-профессионалов, но и все многообразие групповых

процессов, происходящих в политике. Интересы сообщества политических психологов включают в себя все многообразие явлений. Изучение проблемы личности в политике является лишь одной из них [259, с. 53].

Сегодня в психологии политики дискусируется все. Даже название этой науки вызывает разночтения. Одни авторы предпочитают говорить о «политической психологии», другие — о «психологии политики», третьи используют название «социально-политическая психология». Споры о названии не несут на себе серьезной смысловой нагрузки, если не считать того, что разные авторы стоят на позициях той «материнской» науки, из которой они вышли. Соответственно они используют, по преимуществу, методологическое обеспечение, которое им более привычно. В одном случае психология политики рассматривается как раздел политологии, в другом — как психологическая субдисциплина [259, с. 52].

Предметом политической психологии как науки являются все психологические компоненты политического поведения человека, политическое поведение социальных, а также этнических групп [188].

Предметом политической психологии являются рефлекторные механизмы формирования политических представлений у массовых, групповых и индивидуальных субъектов власти, тонкие нити, связующие их мышление и практическую активность в стабильных и нестабильных политических процессах, международных и внутривнутриполитических отношениях [183]. При этом она включает в себя как универсальные чувства и эмоции человека, специфически проявляющиеся в политической жизни (например, гнев, любовь, ненависть и др.), так и те ощущения, которые встречаются только в политической жизни (чувства симпатии и антипатии к определенным идеологиям или лидерам, чувства подвластности государству и т. п.).

18.3.2.2. Подходы политической психологии

18.3.2.2.1. Психобиографический и психоисторический подходы к исследованию лидерства

Наибольшее распространение получило психоаналитическое исследование феномена политического лидерства, в рамках которого выделяются два направления: *психобиографическое* и *психоисторическое*. С позиций психобиографии корни лидерства надо искать в сфере бессознательного личности, в особенностях детского и юношеского развития. Поэтому в рамках этого направления значительное внимание уделяется влиянию ранних периодов жизни на структуры бессознательного личности. Достаточно часто при этом подходе уделяется внимание компенсаторным механизмам (путям и способам компенсации низкой самооценки) и их влиянию на политическое поведение. Психобиографический подход находит отражение во многих работах, среди которых: «Томас Вудро Вильсон 28-й президент США. Психопатология и политика» Фрейд З., Буллит У. [236], «Анатомия человеческой деструктивности» Э. Фромма [238], «Революционная личность. Ленин. Троцкий. Ганди» В. Вильфенштейна и др.

Психоисторию же, в отличие от психобиографии, интересуют бессознательные механизмы поведения личности в контексте социальных и политических событий, «точки пересечения» индивидуальных и социальных бессознательных

травм. Эта парадигма была сформулирована в 1957 г. У. Лангером, а свое дальнейшее развитие получила в трудах американского психолога Э. Эриксона [199, с. 319], политолога Л. Пая [168] и психоисторика Р. Лифтон). Основы психоанализа политических режимов были заложены в работах Э. Фромма «Бегство от свободы» и В. Райха «Психология масс и фашизм». Методологический подход к исследованию политического поведения был сформулирован Фрейдом в работе «Массовая психология и анализ человеческого “Я”». Политический психоанализ помогает за обычными фактами политической жизни увидеть глубинные существенные причины их возникновения и развития.

Одним из источников современного психологического подхода стали идеи психоанализа. По справедливому утверждению Г. Лассуэлла [109], «политология биографии подобна таксидермии — ремеслу набивания чучел». Психоанализ выявляет скрытые бессознательные мотивы поступков политических деятелей и находит их в особенностях детского развития, в тех конфликтах, которые оставили в душе будущего политика шрамы психологических травм. На основе психоанализа возможно объяснение различных типов политического поведения (в частности, поведения толпы, авторитарного типа личности). Политический психоанализ необходим при изучении процесса политической социализации, мотивов поведения лидера и малых групп [190, с. 164].

Выходом из дилеммы: материалистичны или идеалистичны механизмы политики — является отказ от самого принципа *монизма* и замена его более плюралистическим и гибким принципом *дуализма*, дающим возможность осмыслить сложный механизм политической активности, в котором предполагается взаимная обусловленность и «оборачиваемость» обоих «начал»; и идеального, и материального. В связи с этим выделяют две основные формы политической активности социальных субъектов:

- духовно-рефлексивную;
- материально-практическую.

Первая «исторически и логически» предшествует второй.

Проблема соотношения материально-практического и духовно-рефлексивного измерений (начал) в механизме политической активности особенно остро обозначилась в сфере современной политической психологии в дискуссии между сторонниками *поведенческого* (бихевиористского) и *когнитивного* подходов [61]. Первые, т. е. «бихевиористы», в центр внимания ставят категорию «поведение», которая, по их мнению, и соединяет политическую активность социального субъекта с внешним миром посредством его «мотивов» и «установок». В противоположность этому подходу «когнитивисты» «в центр исследования ставят политическую картину мира индивида, его политическое сознание, но выносят за скобки собственно поступок, политическое действие, которое они считают вторичным по сравнению с картиной мира индивида».

18.3.2.2.2. Бихевиористское направление в политической психологии

В политической психологии существует несколько основных школ, и одним из них является бихевиоризм. *Бихевиоризм* — это направление в политической психологии, которое базируется на изучении политического поведения индивидов, при-

менении количественных методов изучения и сравнения политических объектов. Он возник как альтернатива юридическому методу, в рамках которого политическая жизнь анализировалась путем изучения государственно-правовых и политических институтов, их формальной структуры, процедур их деятельности.

Этот метод появился в США в начале XX в., а его родоначальником считается Э. Торндайк. Сам же термин «бихевиоризм» был предложен Дж. Уотсоном [231]. Видными бихевиористами были У. Липман, Г. Лассуэлл [109], Ч. Мерриам [138]. Большое влияние на развитие идей бихевиоризма оказали труды И. П. Павлова [167] и В. М. Бехтерева [21]. Наивысший расцвет бихевиоризма приходится на годы после Второй мировой войны. В это время стали говорить о так называемой бихевиористской (поведенческой) революции в политологии, связанной, прежде всего, с применением новых эмпирических и количественных методов, заимствованных из арсеналов психологии, социологии, экономической науки, математики, кибернетики, географии и медицины.

Политологи-бихевиористы заявили, что главным и единственным объектом изучения должно быть политическое поведение личности или социальных групп. Исследование структур, по их мнению, не имеет смысла, так как любые социальные институты надо изучать через поведение их индивидуальных членов. Кроме того, они посчитали несовместимым научный характер исследования и ценностную ориентацию исследователя. Поэтому они потребовали отсеять ценностный подход и таким образом сделать исследования полностью объективными. Базируясь на методологии позитивизма, они восприняли принцип *верификации*, т. е. требования, что любой вывод должен подвергаться проверке и перепроверке. Этот принцип они дополнили принципом *квантификации*, т. е. требованием количественного изменения изучаемых явлений, даже таких как настроение, мотив и т. д. По их мнению, только квантификация сможет сделать возможным раскрытие и точные утверждения о взаимосвязях и повторяемости.

Политологи-бихевиористы внесли значительный вклад в изучение поведения электората, политического лидерства, процесса принятия решений. Кроме того, бихевиоризм сыграл заметную роль в становлении и развитии прикладной и сравнительной политологии. Именно в рамках бихевиоризма были выработаны основные методы прикладных политических исследований:

- статистические исследования политической активности, в частности исследования, касающиеся выборов;
- анкетные исследования и опросы;
- лабораторные эксперименты;
- применение теории игр в изучении принятия политических решений.

Бихевиористы склонны абсолютизировать свои методы, дело доходит порой до утверждения, что вся политическая активность обусловлена психикой человека и психологией социальных субъектов. Авторы, придерживающиеся подобной позиции, считают, что,

- «структура психики человека определяет структуру деятельности субъектов политики»;
- сама «структура политической деятельности является отражением психологической потребности человека в ориентации»;

- политическая активность это лишь ориентационная сторона (или часть) деятельности человека, его так называемая «интеллектуальная экспансия» в окружающее информационное поле.

Политика становится, таким образом, некой производной индивидуальной психики и коллективной психической жизни.

Не подлежит сомнению, что в структуре политической активности ее духовно-рефлексивная сторона, включающая политическую психологию и идеологию, действительно выполняет роль определенной ориентационной структуры или ориентирующей фазы в актуальном поле политики, которая, в свою очередь, состоит из ряда компонент. В их число входят познавательные, когнитивные элементы, включающие теоретические знания и идеологические убеждения, политическую информацию и верования, а также оценочно-мотивационные компоненты, связанные с ценностями и установками, мотивами и чувствами. Рефлексивная активность социального субъекта, следовательно, состоит из:

- познавательной активности (анализа политической информации);
- аксиологической ее стороны (оценки информации);
- проективного аспекта (прогноза и проекта активности);
- аспекта мотивационно-установочного, как бы завершающего формирование рефлексивной модели грядущей политической деятельности того или иного социального субъекта.

Подытоживая рассмотрение различных подходов к проблеме, и разграничивая эти стороны политической жизни, можно отметить, что *политическое бытие* (или реальность) связано в большей мере с «объективированной» политической действительностью, ее реальными структурами и процессами, их функционированием и развитием, результирующими действие и материальных, и идеальных факторов. Тогда как *политическое сознание* в основном имеет дело с рефлексивной «субъективацией» политики, т. е. с субъективной рефлексией и умонастроениями тех или иных агентов политических отношений. [61, с. 94].

18.3.2.2.3. Когнитивный подход в политической психологии

Еще одним ведущим направлением в политической психологии является *когнитивизм*. Слово «когнитивный» происходит от латинского глагола «знать». Стронники этого подхода утверждают, что человек – это не машина, слепо и механически реагирующая на внутренние факторы или на события внешнего мира, напротив, разуму человека доступно большее:

- анализировать информацию о реальной действительности;
- проводить сравнения;
- принимать решения;
- разрешать проблемы, встающие перед ним каждую минуту.

Одним из основателей этого подхода является Дж. Келли. Он считал, что любой человек – своеобразный исследователь, стремящийся понять, интерпретировать, предвидеть и контролировать мир своих личных переживаний, делающий вывод на основе своего прошлого опыта и строящий предположения о будущем. Объективную реальность люди осознают по-разному, поскольку любое событие

можно рассматривать с разных точек зрения. Человеку предоставлен большой набор возможностей в интерпретации внутреннего переживания внешнего мира политических событий. Любой человек выделяет гипотезы о реальности, с помощью которых он пытается предвидеть и контролировать события жизни, предвидеть будущее и строить планы, основанные на ожидаемых результатах. Люди главным образом ориентированы на будущее, а не на прошлые или настоящие события их жизни. Точка зрения человека на жизнь такова, что она преходяща, что редко бывает сегодня такой же, как была вчера или будет завтра. Люди обладают способностью активно формировать представления о своем окружении, а не просто пассивно реагировать на него.

Швейцарский психолог Ж. Пиаже (1896–1980) [180] пытался выяснить, каким образом человек познает реальный мир, изучал закономерности развития мышления у ребенка. Он пришел к выводу, что когнитивное развитие представляет собой результат постепенного процесса, состоящего из последовательных стадий. Развитие интеллекта ребенка происходит в результате постоянных поисков равновесия между тем, что ребенок знает, и тем, что он стремится понять. Примерно то же самое происходит и в зрелом возрасте.

Оказавшись в какой-то реальной ситуации, человек не имеет возможности всестороннего анализа обстоятельств (мало времени, нехватка знаний), но ему нужно принимать решение. Человек делает выбор и совершает поступок. На этом этапе бихевиористы завершают анализ поведения. Однако когнитивисты считают, что поступок еще не завершен, поскольку сам поступок является источником информации, позволяющей формулировать или изменять мнение о себе или о других. Следовательно, после реакции человек в той или иной степени осуществляет субъективный анализ своего поведения, степени его успешности, на основе чего осуществляет необходимую коррекцию или делает какие-то выводы [190, с. 164].

18.3.2.3. Методы политической психологии

Предмет конкретного исследования диктует методы, адекватные его изучению. Так, различные феномены массового политического поведения требуют таких методов, как анализ статистических данных, проведение массовых опросов с последующей математической обработкой больших массивов данных, проведение фокусированных интервью и метод фокус групп. Например, когда идет подготовка к предвыборной кампании, возникает широкий спрос на составление так называемого паспорта избирательного округа. Политические социологи и психологи проводят анализ статистических данных жителей конкретного избирательного округа с последующим описанием основных психологических и социальных типов избирателя. Политик получает детальное представление как о глубинных и малоподвижных установках своих избирателей, так и о ситуативных изменениях в их настроениях. В арсенале политических психологов сейчас появились специальные методики для исследования динамики массовых политических ориентаций, основанные на применении компьютерных средств обработки больших массивов данных.

Известно, что исследование различных форм массового поведения по своей технике ближе всего к социологическим методам, но их содержание диктует применение таких методик, которые адекватны изучаемым психологическим феноме-

нам. Отсюда следует и выбор таких исследовательских процедур, как проективные методики (например, метод неоконченных предложений), метод ассоциации и др.

Указанные подходы дают хорошие результаты при изучении массовых политических ориентаций, ценностей политической культуры. Но эти политико-психологические феномены поддаются анализу и с использованием иных методов. Так, например, психобиографические подходы позволяют выявить не только влияние отдельных личностных характеристик политиков на конкретные события, но и видеть в отдельном политике модель определенного типа политической культуры.

Изучение феноменов политического мышления и политического сознания ведется в политической психологии преимущественно методами социальной психологии. На первом месте объектом исследования становятся различные тексты, которые обрабатываются с помощью *контент-анализа* различных компонентов. Следовательно, наряду с чисто качественными особенностями метод контент-анализа позволяет использовать и количественные параметры, дающие более объективные результаты. Другим методом, который используется для изучения политического менталитета таких групп, является *метод построения их семантического пространства*.

Исследование личности в политическом пространстве началось еще в 1930-е гг. в рамках, прежде всего, психоаналитической традиции. С этим связан и интерес исследователей к таким методикам, которые позволяют проникнуть в бессознательную, эмоциональную сферу личности, раскрыть глубинные мотивы политического поведения. В одной из первых политико-психологических работ Г. Ласвелла материалом для изучения политиков стали медицинские карты больных в одном из элитарных санаториев, где лечили от неврозов, алкоголизма и т. п. Современные политические психоаналитики продолжают традицию качественного изучения личности политика, создавая психологические профили профессии.

Наряду с этим в политической психологии широко используются *психологические тесты* при непосредственном исследовании политиков, а также многочисленные методы дистанционного анализа, т. е. когда объект не доступен исследователям. В таких случаях изучаются не только тексты их выступлений, но и видеозаписи, мемуары и другие прямые и косвенные источники данных о личности в политике. Зачастую используется и метод экспертных оценок, который позволяет оценивать качества личности, дать прогноз ее поведения.

Также в политической психологии используется метод *эксперимента*. Чаще проводится лабораторный, но используется и естественный эксперимент. В частности, в результате экспериментальной проверки получили подтверждения важные теоретические положения о закономерностях поведения человека в политике. Исследования доказали, что человеку свойственно избегать высокой степени риска. Знаменитые опыты Милгрэма показали, что в случае, когда есть некий «научный» авторитет в лице экспериментатора, испытуемые готовы пойти даже на ненужную в условиях эксперимента жестокость, снимая с себя ответственность за результат своих поступков. Недавние эксперименты Ласка и Джатта выявили склонность экспертов давать более крайние оценки кандидатов, чем это делают непрофессионалы. Обычные граждане, оценивая политиков, руководствуются не столько знанием о том, что и как те сделали в политике, а исключительно впечатлениями, полученными накануне выборов. Другой важный метод — это метод кор-

реакционного воздействия на политическое поведение, сознание и бессознательные структуры личности. Здесь в первую очередь проводится психодиагностика политического деятеля, анализ и коррекция его имиджа, разработка стратегии его взаимоотношений как с широкой публикой, так и с собственными единомышленниками и аппаратом. Такая работа политического психолога подразумевает использование методов тренинга, участие в деятельности по связям с общественностью, разработку рекомендаций по эффективной политической коммуникации [190, с. 164].

В современной политической психологии царят методологическая терпимость и плюрализм. В исследованиях в равной степени представлены психологические тесты и социологические опросы, метод экспертной оценки и психолингвистический анализ.

18.3.2.4. Терминология политической психологии

Как и любая наука, политическая психология использует свой научный язык, но, взаимодействуя со многими схожими науками, использует их терминологический аппарат. Например, политическая философия оказала значительное влияние на становление политической психологии, которая заимствовала из нее наиболее общие теоретические понятия о соотношении личности и государства, о подчинении гражданина политике (Т. Гоббс [48]). Такие философы, как А. Тойнби [224], П. Сорокин [214], Дж. Оруэлл [164], занимались изучением психологических компонентов масштабных политических процессов.

Социология и социальная психология дали политической психологии основные методические приемы, методологию исследования. Здесь заимствованы такие категории, как роли, нормы, ценности, интересы, лидерство, социализация и многие другие, описывающие внутри- и межгрупповое поведение человека, а также возможные варианты его становления в социальной среде как гражданина.

В политической психологии *роль* понимается прежде всего как набор правил и обязанностей, как статус, как реальные функции, связанные с местом личности в политической системе. Вся эта система может быть описана через различные наборы политических ролей. Особое значение при этом придается взаимосвязанности этих ролей. Так, роль лидера лишена смысла без ролей подчиненных. Изучая реальных участников политического процесса, исполняющих различные роли в системе, важно понимать необходимость углубленного и именно психологического анализа поведения. Так, работа Н. Ная [156] и С. Вербы [2] показала, что разные формы политических ролей привлекают исполнителей с различным психологическим складом и различными ориентациями. Роли бывают различными, и самая простая из них – это роль избирателя. Другая роль – политический активист, член партии, организации. На вершине политической пирамиды находятся лидеры, представители политической элиты.

Политическая социализация – это процесс включения человека в политическую систему. Необходимость этого процесса для сохранения системы связана прежде всего с приходом в политику новых поколений. Здесь возникает необходимость организовывать новых участников, снабдить их официальными ценностями и тем самым укрепить систему. Эта задача стоит и перед отдельными политическими организациями и партиями применительно к своим членам и сторонникам.

Человеку для его становления в качестве гражданина необходимо получить систему политических ценностей, идей, в которые он может верить, и ориентаций в политической среде, которые позволят ему адаптироваться к ней. Политическая социализация представляет собой перевод требований системы в структуру личности.

В современных обществах большую актуальность представляют собой две проблемы. Первая состоит в том, как происходит включение личности в политику в рамках всей политической системы, т. е. на макроуровне. Анализ политической социализации, очевидно, следует начинать с того, что представить, влиянием каких социальных условий происходит становление типичной формы политического поведения и сознания, как разные политические организации мобилизируют новых членов, какие идеологические веяния делают климат в данный момент.

Каждое поколение несет на себе отпечаток специфических исторических условий, в которых происходило их становление. Вторая проблема связана с тем, что свои особенности политическая социализация имеет и на микроуровне малых групп и личности. Здесь нельзя не учитывать локальные условия созревания человеческой личности в конкретной семье, ближайшем окружении. Именно через них идет процесс усвоения политических ролей, образцов поведения.

Психология личности представлена самыми различными ориентациями. Она обогатила политическую психологию такими категориями, как поведение, потребности, мотивация, когнитивные структуры, стиль мышления, стиль принятия решения, стиль межличностных отношений и др.

Когнитивный стиль – еще один психологический термин, воспринятый политической психологией и описывающий способ мышления. Основные характеристики такого стиля – понятийная сложность или простота, доверие или недоверие к партнеру, инструментальный акцент (ориентация на «дело»). Так, для одних людей свойственно восприятие политики в черно-белых тонах, а для других – большая понятийная сложность, большее разнообразие оттенков в политических позициях.

Операциональный код – понятие, применяемое чаще к политическому сознанию лидеров, чем обычных граждан, было выработано в политической науке. Н. Лейтес, А. Джордж, С. Уолкер [190] используют этот термин для обозначения «ответов» политиков на ряд философских (стратегических) и инструментальных (тактических) ответов в политике.

Понятие операционального кода является связующим элементом между политическим сознанием и поведением. На основании вербальных проявлений политического сознания психолог может рекомендовать и поведенческие характеристики личности. О тех или иных компонентах операционального кода можно судить по выражениям речи политика чувств, оценок, прямых обращений к аудитории. Многие могут сказать и усиливающие наречия, и риторические вопросы, отрицания, определения и другие вербальные формы проявления указанного элемента политического сознания.

Политическая наука снабдила политическую психологию категориями политической системы, политического участия, политической культуры, конфликта и консенсуса, плюрализма, демократии и иными понятиями, описывающими политическую феномену. Политические психологи, изучающие категорию политиче-

ского участия, пришли к выводу, что объективные показатели политического участия необходимо дополнить психологическими показателями, среди которых особо выделяли восприятие индивидом своего участия, чувство вовлеченности в политику и мотивацию участия. При сложении этих субъективных аспектов участия получается более объемное представление о политическом поведении [190, с. 170].

18.3.3. Ключевые проблемы, изучаемые политической психологией

Так как политическая психология как относительно самостоятельная наука сложилась сравнительно недавно, то до сих пор ее исследования концентрируются на определенных направлениях и не охватывают всего спектра психологических явлений. Это, по мнению В. П. Пугачева, объясняется сложностью психики человека, разнообразием психологических и политико-поведенческих реакций на воздействие различных социальных факторов (например, групп и организаций, в которые входит индивид, политических событий, СМИ и т. д.) [199, с. 458].

18.3.3.1. Национализм как психологический феномен в политическом процессе

Есть некоторые политические феномены, в которых присутствие психологических факторов выступает особенно рельефно. Одним из таких феноменов является *национализм*. Признание безусловного превосходства своего народа над другими невозможно обосновать никакими рациональными мотивами. Когда распался Советский Союз, одним из первых вооруженных конфликтов, вспыхнувших на его территории и до сих пор не нашедших своего разрешения, стал конфликт между Арменией и Азербайджаном по поводу Нагорного Карабаха. Каждая из конфликтующих сторон дает свое обоснование того, почему именно она должна владеть данной территорией. В ход идут и исторические аргументы, и апелляция к справедливости, и призывы к международному общественному мнению. Однако все рациональные аргументы сторон не могут скрыть главного: психологической почвой возникновения конфликта были националистические чувства, подогретые определенными политическими силами, которые использовали их для разжигания конфликта. Даже если объективно никто из его участников уже не будет заинтересован в продолжении военных действий, «выключить» националистические установки автоматически невозможно.

Психология национализма изучается достаточно давно. Политические психологи, начиная с известной работы Т. Адорно [1] и его соавторов, установили, что националистические установки входят в качестве составляющей в более общий психологический феномен, названный ими «*авторитарной личностью*». Они показали, что это явление имеет не только социальные корни, но и подчиняется определенным психологическим закономерностям, в частности, установили зависимость между типом воспитания в семье и проявлениями авторитарности.

Для авторитарной личности характерны следующие черты:

- преувеличенная вера в могущество политических лидеров и готовность к абсолютному подчинению;

- ненависть к тем, чье поведение выходит за официально установленные рамки;
- широкое распространение чувства враждебности и понятия вины;
- подозрение и недоверие к другим людям;
- догматизм и отсутствие гибкости в оценках.

Т. Адорно добавляет к характеристике авторитарной личности недоверие к ценностям индивидуальной духовной жизни, склонность к стереотипам и социальной мифологии, а также дух разрушения.

Интерес к проблеме авторитаризма в политической психологии пережил периоды подъемов и спадов. Так в первые послевоенные годы он диктовался стремлением понять психологические истоки фашистского национал-социализма. Затем был период стабильного политического развития, по крайней мере, в развитых странах Запада, который породил иллюзию, что авторитаризм для них ушел в прошлое.

Однако ни национализм, ни авторитаризм, по мнению Е. Б. Шестопала, не относятся к числу феноменов, с которыми человечество простилось навсегда, в силу того, что в их основе лежат некоторые фундаментальные психологические механизмы, которые вновь и вновь приводят к возникновению этих феноменов, как только политическая ситуация становится для этого благоприятной. Именно поэтому одно из годовичных собраний Международного общества политических психологов выбрало для обсуждения тему авторитаризма и национализма уже применительно к 1990-м гг. Одним из главных итогов этого обсуждения был вывод о том, что политики, стремящиеся найти выход из замкнутого круга этнических конфликтов, военных столкновений и нетерпимости в отношении другого народа, не могут оперировать только объективными политическими инструментами и не учитывать то, как один народ в данный момент воспринимает другой, и как это сиюминутное восприятие накладывается на традицию политической культуры [259, с. 73].

18.3.3.2. Насилие и агрессия в политике

Другой проблемой, над которой работают современные политические психологи, является *насилие* и *агрессия* в политике. Появилась целая отрасль знаний, получившая название вайленсологии (от англ. *violence* – насилие), которая изучает природу человеческой агрессивности вообще и ее политические проявления в частности. Среди ученых нет единодушия в понимании природы насилия в человеческом обществе.

Одни авторы убеждены в том, что агрессия – это естественная реакция индивида на фрустрацию и природно необходима человеку. Следовательно, избежать ее нельзя, хотя можно найти безопасные для самого человека и его окружающих каналы отвода агрессии (например, спорт). Другие авторы делают акцент на роли воспитания в проявлении насилия и агрессии. Уже в 1970-е гг. появились исследования, показавшие связь между увеличением сцен насилия в кино и на телевидении – и увеличением детско-юношеской преступности. Психологи и педагоги забили тревогу, доказывая, что увиденные на экране сцены агрессии действуют провоцирующе на формирующуюся личность, которая еще не обладает устойчивой системой жизненных ориентиров.

Насилие в политических процессах встречается в самых разных формах. Есть государственное насилие в отношении тех граждан, которые не выполняют правовых норм. Такое насилие узаконено, как и насилие в ответ на агрессию одного государства в адрес другого. Международное право признает правомерность использования силы, в том числе и военной, для защиты территориальной целостности страны. Закон признает и право индивида на применение насилия в рамках достаточной самообороны [259, с. 74].

Однако следует со всей определенностью сказать о тех последствиях для человека, который применял даже узаконенное насилие, не говоря уже о тех, кто стал жертвой насилия во время войн, вооруженных конфликтов и периодов разгула криминального насилия. С человеком происходят серьезные психологические трансформации, меняющие его отношение к самому себе и другим людям.

18.3.3.3. Политическое мышление и механизмы предпочтений

Данное направление получило развитие в 1970–80-е гг. По сути, оно связано с переходом от представлений о несвязанности и непостоянстве политических установок среднего индивида, от представлений, ставящих под вопрос наличие индивидуальной системы политического сознания как таковой, к более тщательному изучению возможных факторов детерминации особенностей политического сознания и мышления.

В исследовании Стимсона стабильность и последовательность политических установок изучалась в связи с дифференциацией так называемых когнитивных возможностей индивидов. Особое внимание, в этой связи, уделялось уровню образования и степени политической информированности людей. Было показано, что для лиц с развитыми когнитивными способностями характерной является высокая степень последовательности и стабильности политических установок. Низкие когнитивные возможности не предполагают стройной системы политических предпочтений.

В ряде работ сделана попытка разрешить следующую проблему. Если большинству людей свойственна крайне невысокая информированность о политике, то каким образом они формируют свое отношение к конкретным вопросам, каков механизм принятия тех или иных политических решений на индивидуальном уровне? Рассуждение на сей счет приведено в известной работе П. Снидермана и его коллег [185].

Исходным здесь было предположение о том, что рядовые граждане не обладают «законченным» набором мнений по широкому кругу политических вопросов. Поскольку вынесение суждения является сложным по своей природе феноменом, то оптимизация процесса его принятия предполагает использование специфических схем упрощения. Эти средства упрощения позволяют рядовому гражданину выносить суждения о конкретных политических вопросах, не обладая при этом всей полнотой информации. Среди подобных средств упрощения – эвристик – значительную роль играют эмоционально-оценочные компоненты.

На основе эмпирических исследований было показано, как индивидуальное принятие или непринятие тех или иных вопросов, эмоционально окрашенное отношение к ним влияют на структуру политических убеждений. Отчетливо это проявляется в связи с изучением расовых проблем. Респонденты принимают решение

о принятии или непринятии политики, ориентированной на поддержку черного населения, чаще всего в связи с их эмоциональным отношением к этой группе населения в целом. Однако влияние чувств и эмоций может быть как явным, так и не столь очевидным. По мнению авторов, фундаментальным способом, с помощью которого индивиды обеспечивают субъективную стабильность своих политических убеждений, является их соотнесение с индивидуальными эмоционально-оценочными предпочтениями.

Достаточно активно в последнее десятилетие разрабатывается проблема политического мышления. Одна из наиболее известных в этом плане работа Ш. Розенберга [200a] «Смысл, идеология и политика», методологической основой которой является когнитивная психология Ж. Пиаже [180]. Здесь знания рассматриваются не просто как отражение объективной реальности. Между актом опыта и процессом понимания включается мыслительная активность индивида, предполагающая, в свою очередь, процесс субъективного описания или интерпретации. Цель последнего состоит в поддержании адаптивных отношений индивида с окружающей его реальностью. Установки и убеждения, по мнению автора, являются производными этого процесса. Их следует анализировать через соотнесение со структурой мышления, с тем, как люди думают.

Результаты эмпирического исследования того, как люди мыслят о международных отношениях и внутренней политике США, позволили сделать вывод о серьезной дифференциации мышления. Причем различия здесь касались не столько степени «включенности» индивида в данные предметные области, сколько самой структуры мышления, типа используемой логики. Было зафиксировано *последовательное, линейное и систематическое* мышление.

Последовательное мышление присуще индивидам, для которых не свойствен причинный анализ явлений в области политической жизни. В целом предмет политики как таковой имеет для них весьма отвлеченное значение. Мышление при этом строится в категориях индивида, а не группы. Действия других не рассматриваются во взаимосвязи, а интерпретируются в их конкретности. Линейное мышление является более аналитичным. Политика здесь рассматривается как иерархически структурированное пространство, где происходит борьба за власть между индивидами и между группами. Социальные группы определяются в связи с их непосредственными действиями. В рамках этого типа мышления возникает вопрос о политической самоидентификации. Для систематического мышления свойственно рассмотрение политики как системы «регуляций», созданных для достижения определенных целей и принципов. Именно в этом свете рассматриваются конкретные политические силы, предпочтения или политические решения. Подобным образом мыслящие индивиды рассматривают себя как свободно действующих и думающих граждан, являющихся одновременно членами больших социальных общностей [185].

18.3.3.4. Проблема политического конформизма

Политический конформизм — явление, заслужившее особое внимание со стороны политических психологов. Если человек идет голосовать на выборы не в силу собственной убежденности в достоинствах того или иного кандидата, а потому, что так проголосовал его знакомый или родственник, то он поступает как полити-

ческий конформист. Конформизм определяется в социальной психологии как поведение индивида в ситуации давления на него группы. При этом не всегда такое психологическое давление осознается.

Исследования проблемы политического конформизма показали, что есть определенные объективные и субъективные условия, при которых конформизм расцветает. Например, если выборы проходят под дулами автоматов, то трудно рассчитывать на то, что волеизъявление будет свободным от давления. Однако хорошо известно, что участие в выборах в нашей стране в последние предпере-строчные годы проходило не в условиях репрессий, но, тем не менее, в силу политического конформизма голосовали «за» практически безальтернативного кандидата свыше 90 % избирателей.

Проявления политического конформизма встречаются в политической жизни партий и организаций, движений и групп, давление которых на своих членов осознается ими в той или иной степени. Авторитарный климат, несомненно, способствует развитию политического конформизма, между тем как демократический — способствует тому, что личность вырабатывает независимое мнение по политическим вопросам и не боится высказать свое несогласие с группой. Однако при всем различии стилей, климата, царящего в политической организации, необходимо иметь в виду, что конформизм встречается и в самых демократических и прогрессивных из них [259, с. 22].

18.3.4. Современное состояние политической психологии как научной дисциплины

18.3.4.1. Международное признание и развитие политической психологии

В настоящее время публикации по политико-психологической проблематике появляются во всех престижных изданиях по политологии и психологии. В Международном обществе политических психологов сейчас более чем тысяча членов практически со всех континентов. Оно ежегодно проводит свои собрания, посвященные актуальным теоретическим проблемам. Так, собрания последних лет были посвящены таким темам, как «Психологические аспекты политики изменения», «Национальное строительство и демократия в мультикультурных обществах». В 1999 г. для встречи в Амстердаме была избрана тема: «Глобальное или местное столетие? Конфликт, коммуникация, гражданство».

Вместе с тем, хотя политическая психология получила действительно международное признание, большинство исследователей живут и работают в США и Канаде. Среди них такие крупные ученые, как М. Херманн [246], С. Сигеле [209], Д. Сире, С. Реншон, Ф. Гринстайн [55a], А. Джордж, Р. Такер [222], Дж. Пост, Б. Глэд, Р. Кристи, С. Мак-Фарланд, К-Монро и десятки их коллег практически во всех североамериканских университетах.

В Европе существуют свои давние традиции анализа политико-психологических явлений. Успешно работают в области политико-психологических исследований в Германии (А. Ашкенази, П. Шмидт, Г. Ледерер, Х.-Д. Клингеманн, Г. Мозер и др.), Франции (А. Першерон, А. Дорна, С. Московичи), Великобритании

(Х. Хейст, М. Биллиг, А. Сэмюэль), а также в Финляндии, Голландии, Чехии, Испании, Польше и других странах. Хотя следует отметить, что традиционно политологи испытывают в Европе определенные опасения перед иррационалистическими концепциями психологов (прежде всего перед психоанализом), с которыми у них по преимуществу и ассоциируется политическая психология.

Следует отметить, что интерес к политической психологии наблюдается и в таких регионах, где раньше и политическая наука, и психология не имели развитых традиций, либо традиционные школы находились в отрыве от современной методологии. Так, в последние десятилетия исследования в этой области проводятся в Латинской Америке, Африке, Азиатско-Тихоокеанском регионе, в частности, в таких странах, как Китай, Индия, Пакистан, Южная Корея, не говоря уже об Австралии и Новой Зеландии, где ведется огромная исследовательская работа, издаются десятки монографий.

Хотя единичные книги и статьи появлялись и ранее, отсчет современного этапа развития политической психологии, очевидно, следует вести с издания в 1973 г. коллективной монографии под редакцией Дж. Кнутсон, в которой подведены итоги развития этой науки и выделены важнейшие направления для дальнейшего исследования. Другой крупной вехой было появление монографии под редакцией М. Херманн в 1986 г. Эта книга дает представление о тех изменениях, которые произошли в политической психологии. М. Херманн [246] выделила ряд позиций.

Во-первых, большинство исследователей пришло к убеждению, что фокус изучения должен быть сосредоточен на взаимодействии политических и психологических феноменов.

Во-вторых, объектом исследования должны стать наиболее значимые политические проблемы, к которым привлечено внимание общественности.

В-третьих, следует уделять значительно большее внимание политическому и социальному контексту анализируемых психологических явлений.

В-четвертых, необходимо изучать не только результат тех или иных психологических воздействий на политику, но и пытаться понять процесс формирования тех или иных политических убеждений.

В-пятых, современные политические психологи стали гораздо более терпимыми в отношении методов сбора данных и исследовательских процедур, полагая, что методологический плюрализм — неизбежное явление на нынешнем этапе развития теории.

О состоянии науки во многом можно судить по тому, кому и как широко она преподается. В качестве примера можно взять практику университетов США и Канады. Так, в 1990-е гг. в 78 университетах читалось более 100 курсов политической психологии. Лекции и семинары по политической психологии слушали более 2 300 студентов только на младших курсах. Преподавание велось как для студентов-политологов, так и для психологов (хотя и в меньшей степени).

Другим параметром развития науки является ее прикладное использование. Сегодня политические психологи активно привлекаются для поиска решений в конфликтных ситуациях. Известна эффективная роль политических психологов во время Карибского кризиса, при заключении Кэмп-Дэвидской сделки между Израилем и Египтом. Специалисты по политической коммуникации в разных странах Европы и Америки внесли свой вклад в подготовку политических лидеров к парламентским и президентским выборам.

Ряд политических деятелей сами владеют психологическими методами, используют их для выработки стратегии на будущее и для анализа прошлого. В частности, один из соперников Дж. Буша (старшего) по президентским выборам 1988 г. М. Дукакис активно работает в области политико-психологической теории. Такие известные политические деятели, как Р. Никсон и Д. Локард психологически осмыслили свой прежний политический опыт. Интерес к работам по политической психологии проявляют политики всех ориентаций. Они используют данные этой науки для налаживания отношений с общественностью, для мобилизации населения на выполнение реформ, для принятия решений по важнейшим стратегическим направлениям политики [259, с. 26].

18.3.4.2. Отечественное сообщество политических психологов

Период обостренного общественного интереса к психологическим аспектам политики начался в России в середине 1980-х гг. с началом процесса демократизации и гласности, получившего название перестройки. Первыми на запрос реальной политической практики откликнулись те ученые, которые уже имели определенный исследовательский опыт и интерес к политико-психологической проблематике: А. Асмолов [7], Э. Баталов [11], Г. Дилигенский [65; 66], Е. Егорова [72], И. Кон [98], Д. Ольшанский [161], А. Петровский [179], С. Рошин [202], Ю. Шерковин [216] и другие известные политологи, психологи, социологи. За ними последовали их ученики, исследователи более молодого поколения.

В 1990-е гг. сама политика дала новый мощный толчок к развитию политической психологии. Начал формироваться социальный заказ на исследования по электоральному поведению, восприятию образов власти и политиков, лидерству, психологическим факторам становления многопартийности, политической социализации и многим другим.

Сейчас в стране работают десятки исследователей, ведущих как фундаментальные, так и прикладные исследования, занимающихся одновременно аналитической и консультативной работой. Особенно востребованы немногочисленные специалисты в этой области в период выборов, где они способны просчитать ситуацию не на глазок, а с использованием специального научного инструментария.

Созданы специальные научные подразделения в области политической психологии в Москве и Санкт-Петербурге. Кафедра политической психологии в Санкт-Петербургском университете отметила в 1999 г. свое десятилетие. Курсы лекций читаются во многих отечественных университетах. Вышли первые учебные пособия по политической психологии (Е. Б. Шестопап [258]; А. И. Юрьев [271]; Г. Г. Дилигенский [65]; А. Д. Карнышев [90а]). В 1993 г. образовалась Российская ассоциация политических психологов, которая является коллективным членом Международного общества политических психологов.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Охарактеризуйте понятие, сущность и особенности политической психологии.
2. Дайте понятие политической психологии.
3. Назовите сущность и особенности политической психологии.
4. В чем заключается ограниченность политической психологии?

5. Как вы понимаете противоречивость политической психологии?
6. Что представляют собой психологические механизмы группового политического поведения?
7. Назовите формы психологического влияния на политические процессы.
8. В чем заключается феномен толпы?
9. Как проявляется групповое воздействие?
10. Определите роль и значение политической психологии.
11. Назовите психологические блоки элементов политического сознания.
12. Почему установка является принципиальным мотивационным компонентом политической психологии?
13. Охарактеризуйте познавательный блок элементов политической психологии.
14. Перечислите личностные элементы политической психологии.
15. Назовите элементы групповой формы политической психологии.
16. В чем заключается специфика групповой политической психологии?
17. Что представляют собой политические настроения?
18. Прокомментируйте функции политической психологии.
19. Охарактеризуйте гносеологическую функцию политической психологии?
20. В чем заключается адаптационная функция политической психологии?
21. Что представляет собой мотивационная функция политической психологии?
22. Прокомментируйте историю возникновения и становления политической психологии.
23. Рассмотрите предысторию политической психологии.
24. Охарактеризуйте развитие психоанализа в России.
25. Определите предмет политической психологии.
26. Назовите подходы политической психологии.
27. Приведите методы политической психологии.
28. Что включила в себя терминология политической психологии?
29. Назовите ключевые проблемы изучения политической психологии.
30. Охарактеризуйте национализм как психологический феномен в политическом процессе.
31. Охарактеризуйте феномен насилия и агрессии в политике.
32. В чем выражается политическое мышление и механизмы предпочтений?
33. Прокомментируйте проблему политического конформизма.
34. Что представляет собой современное состояние политической психологии как научной дисциплины?
35. В чем выражается международное признание и развитие политической психологии?
36. Определите отечественное сообщество политических психологов.

Глава 19

МИРОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕОЛОГИИ

Для политической жизни общества характерно многообразие взглядов, идей, представлений, убеждений, верований. Они важны не сами по себе, а в связи с теми действиями людей, которые направляются на достижение определенных целей. Речь идет о формировании политического сознания на основе определенных представлений и верований и использовании политического сознания правящей элитой в своих целях.

XX в. не случайно назвали «веком идеологий». Никогда прежде в истории преобразовательные идеи и теории не оказывали такого огромного влияния на общественное сознание в сфере политики, приучая воспринимать ее сквозь призму мыслительных стереотипов. Апогея эта тенденция достигла в тоталитарных диктатурах первой половины нашего столетия. Следует иметь в виду, что тоталитаризм порожден особенным идеологическим характером современной политики, который впервые проявился в период французской революции. Полтора столетия спустя человечество столкнулось с феноменом тоталитаризма, важнейшим отличительным признаком которого является такая степень идеологизации политики, когда сама идеология превращается в политическую религию по своему всеохватывающему проникновению и неизбежному обоснованию.

§ 1. СУЩНОСТЬ И ФУНКЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

Политическая идеология как ориентированный на практическую реализацию комплекс идей, система взглядов на власть, государственное устройство и способы их регулирования может рассматриваться в качестве своеобразной формы интеграции политического сознания на уровне групповых, классовых, национальных и межнациональных интересов. Это форма специализированного, интегрированного сознания, существующая в качестве «надстройки» над общественной психологией.

Наряду с этим, политическая идеология является важнейшей частью политического сознания общества, выполняющей мировоззренческую функцию в сфере властных отношений в обществе. Политическая идеология ориентируется на совокупность идеологических воззрений общества в определенную эпоху и играет *роль формы или структуры* политического сознания общества.

19.1.1. Явление и возникновение политической идеологии

Принято считать, что политическая идеология, являясь частью политического сознания, включает в себя систему взглядов, идей, ценностей, теорий, в которых выражаются интересы политических субъектов, цели и задачи, методы и средства политической деятельности. Социальные идеи не могут существовать без интересов, и восприниматься вопреки интересам. Политическая идеология не отрывается поэтому от политических отношений, от эмпирического политического опыта и опосредуется политической психологией.

19.1.1.1. Соотношение политики и идеологии

Мир политического невозможно представить без идеологии. С момента возникновения государственная власть, связанные с ней формы правления и проводимый властью имущими политический курс нуждались в обосновании и оправдании. Идеология – не важно, как она называлась в разные исторические эпохи – и была призвана выполнить эту задачу. Поэтому вопрос о соотношении политики и идеологии занимает значимое место в политической науке. Мир политического имеет идеологическое, или идейно-политическое, измерение, проявляющееся, в частности, в приверженности как политических деятелей, так и их избирателей тому или иному течению идеологии или идейно-политической мысли. Хотят они того или нет, но все в той или иной форме и степени подвержены влиянию идеологических пристрастий, а значит, не могут быть свободны от определенной тенденциозности и идейно-политической ангажированности в трактовке важнейших политических реалий.

Поэтому в обиходе и в прессе принято характеризовать каждого политика, государственного деятеля, партию, движение, объединение в соответствии с их ориентациями, симпатиями и антипатиями – консерватором, либералом, социал-демократом, марксистом, радикалом и т. д. Проблема в степени и масштабах такой ангажированности и тенденциозности. Политическая деятельность имеет целеполагающий и осмысленный характер. Она всегда конкретно ориентирована, будь то голосование на выборах, участие в политических акциях или работа в представительных или административных органах. Направленность и способы политической деятельности людей обуславливаются их представлениями о разумном устройстве общества и приоритетных ценностях. Эти представления и определяют смысл и значение человеческих поступков.

Утверждения относительно *ценностей*, актуальных для конкретной социальной группы, индивида и выражающие их интересы, называются идеологией. Система утверждений и предпочтений социальной группы (класса, нации и т. д.) или отдельной личности представляет собой способ понимания и объяснения действительности, идеальную форму выражения их притязаний на социальные блага, статусы и роли. Наделяя смыслом и значениями политическую деятельность индивидов, групп, партий в пределах актуально значимых для них идеалов и ценностей, политические идеологии выступают в качестве рационально-ценностной формы мотивации политического поведения и составляют мировоззренческую основу политики [155, с. 338].

Идеология и политика тесно взаимосвязаны:

- идеология направляет политику, наделяя ее системой определенных идеалов, ценностей и целей, к которой та должна стремиться;
- политика во многом идеологична, поскольку не только определение и постановка политических целей, но и выбор соответствующих средств и методов их практического достижения осуществляются на основе той или иной идеологии [83, с. 441].

Отсюда возникает проблема допустимых пределов идеологизации политики. Очевидно, что неоправданно широкое проникновение идеологии в политику способно привести к идеологизации других сфер общественной жизни, нарастанию в обществе авторитарных идеократических тенденций. А стремление абсолютизировать роль идеологии, подчинить ей нравственные, правовые и иные духовные регуляторы политических отношений на постоянной основе порождает так называемое «идеократическое» (тоталитарное) общество, пытающееся насильственно утвердить идеалы господствующей идеологии в сознании и в практической жизни граждан.

Коммунистическая и фашистская идеологии являются наиболее контрастным выражением политической системы, внутри которой правящая элита, реализуя свои цели, использует прямое насилие, оправдывая его идеологическими принципами, и подвергает систематической идеологической обработке основную массу населения.

Специфический тип идеократии тоталитарных государств характеризуется навязыванием обществу при помощи насилия и манипуляций сознанием системы воспитания, основанной на официальной идеологии при строгом запрете других идеологий. Идеократия в этом смысле является синонимом политического режима, при котором идеология выступает в качестве важнейшего средства легитимизации государственной власти.

Иногда понятие «идеократия» используется в более общем смысле для того, чтобы показать, какое значение приобрел идеологический стиль политики для формирования современных политических систем вообще и современной демократии, в частности (Д. Сартори [207]). Только с эпохи европейского Ренессанса возник тот особенный духовный климат, когда человеческие судьбы во многом стали зависеть от искусственно созданных идей. А, следовательно, от способности людей производя такие идеи, создавать *символический* мир, который, как показало время, обладает мощной способностью воздействовать на мир *политических* отношений.

В то же время искусственная и чрезмерная деидеологизация в значительной мере ослабляет и подрывает духовные ресурсы нации, нормативно-регулятивную, мобилизационную и социализирующую функцию государства и других политических институтов. Вот почему доводы и рассуждения относительно необходимости отказа от идеологии в пользу деидеологизации, как неперемногого условия строительства демократического государства, лишены каких бы то ни было серьезных оснований. В современном мире политика как арена столкновения различных конфликтующих интересов немыслима без идеологии. Речь в данном случае должна идти не о деидеологизации, а об утверждении плюрализма идейно-поли-

тических течений, подходов, методологических принципов, их сосуществования, терпимости и открытости в отношении друг друга [41, с. 167].

Идеология не только является одним из важнейших компонентов политического процесса, но вне ее не бывает политического действия, не могут существовать ни общественно-политические движения, ни политические партии. Именно идеи, превращаясь в систему убеждений человека, предрасполагают его к действию, нацеленному на осуществление признанной им наилучшей формы общественного устройства.

Идеология и политика в равной мере активны и связаны с борьбой и многообразием мнений, взглядов, программ. Идеология неизбежно поляризуется на различные (зачастую прямо противоположные) направления с положительными и отрицательными оценками, на «левые» и «правые», революционные и реакционные, прогрессивные и консервативные. Идеология как и политика не чурается компромиссов, хотя и не считает их обязательными [183, с. 228].

Вместе с тем ряд отечественных исследователей отрицают, что идеология и политика вообще неразделимы. По их мнению, это ошибочное представление сложилось в XX в. под влиянием ожесточенной идеологической конфронтации различных социальных систем. Они исходят из возможности существования вполне прагматической, идеологически не ангажированной политики [187].

При этом они ссылаются на М. Дюверже [70], который в своем классическом исследовании «Политические партии» (1951), характеризуя природу партийной борьбы и партийных конфликтов, выделил три различных типа:

- конфликт без принципов;
- конфликт по второстепенным принципам;
- конфликт вокруг основополагающих принципов.

Первый тип конфликтов характерен для политики в США. Две основные политические партии – республиканская и демократическая – представляют собой команды соперников, борющихся за места в конгрессе и президентский пост. Политическая борьба никогда не приобретает фанатического характера, не порождает глубоких расколов в стране. «Провинциализм» американской политики является прежде всего следствием отсутствия у соперничающих партий каких-либо доктринальных принципов. Поэтому на выборах в конгресс преобладают местные интересы. На президентских выборах на передний план выступают фигуры и личные качества самих претендентов на этот пост.

Великобритания и страны Северной Европы относятся ко второй категории. Различия между консервативной и лейбористской партиями в Англии, отражая социальные неравенство и конфликты, имеют доктринальный характер, связанный со способом производства и характером распределения общественного богатства. Тем не менее, партии постоянно приходят к согласию в отношении основополагающих принципов существующего политического режима: они не ставят под сомнение демократическую систему, гражданские права и сам принцип многопартийности.

Напротив, в Италии и во Франции в 1950–70-е гг. политическая борьба затрагивала основания государственного устройства и природу демократического политического режима. Коммунистические партии не разделяли ценностей политического плюрализма и свободы, рассматривая другие политические партии в каче-

стве своих классовых противников. В свою очередь, партии, не разделявшие взглядов коммунистов, отвергали тоталитарный подход к государству и подавление политических свобод. Поэтому борьба между партийными группировками принимала крайне ожесточенный характер.

По мнению автора, в США отсутствуют столкновения на базе идеологических принципов по причине того, что *обе* правящие там партии являются сторонниками *одной* политической идеологии. Поэтому их разногласия сводятся только к проблеме выбора стратегии ею обусловленной, а более всего тактических форм, методов и средств ее реализации.

Политика и идеология тесно связаны:

- политика привлекает на свою сторону людей, основываясь на интересах;
- идеология овладевает людьми, используя идеи и общественные идеалы.

В совокупности они выступают как созидательная сила, мобилизующая людей на достижение поставленных целей. В процессе их взаимодействия теоретические концепции способствуют обоснованию принимаемых политических решений и действий, а практические оценки политических событий и явлений влияют на идеологические постулаты. Следовательно, идеология обосновывает целесообразность политических решений и действий, а политика выдвигает перед идеологией практические задачи, требующие идеологического осмысления.

19.1.1.2. Идеология и политические утопии

Природа человека отторгает грубый рационализм. Если в бытовой сфере рационализм находит себе устойчивую нишу, то в политике он всегда бывает осрамлен. Как писал Мангейм, «в ходе истории люди значительно чаще ориентировались на трансцендентные бытию, чем на имманентные ему факторы, и тем не менее осуществляли на основе подобного несоответствующего бытию «идеологического» сознания вполне конкретное устройство социальной жизни». «Каждая стадия исторического бытия обволакивалась представлениями, трансцендирующими это бытие, однако до тех пор, пока они «органически» (т. е. не оказывая преобразующего воздействия) входили в картину мира, соответствующую данному периоду, они выступали не как утопии, а как идеологии, присущие данной стадии исторического развития» [129, с. 113–114].

Таким образом, имеются два трансцендентных насущному социальному бытию представления – *утопия и идеология*. Первая конструируется вне прямой связи с этим бытием, вторая – опирается на него, исходит из его текущих задач. Объединяет оба представления исходный пункт – ценностная система. Различает – принцип реализации.

В отличие от утопии Т. Мора [151] и построений «утопических социалистов», современные утопии не являются моделями совершенства, созданными для осуждения действующих социальных моделей. Утопия представляет собой сегодня скорее мысленный эксперимент, исследующий ценности определенного социального проекта, описание воображаемого общества, построенного на основе некоей социально-исторической гипотезы: его организации, институциональной формы, социальной диспозиции и т. п.

В то же время утопия может оказаться вовсе не такой уж отвлеченной конст-рукцией. И в этом случае ее жизненность будет определяться мифологическими признаками. Например, большевистская утопия «светлого будущего» в меньшей степени несла в себе мысленный эксперимент, в большей — образ «золотого века». Именно в связи с тем, что эта утопия в меньшей степени была продуктом интеллектуальной разработки исходных принципов, в большей — собранием простых и привлекательных пропагандистских умозаключений, она оказалась более реальной, чем либеральная демократия. Как отмечал Бердяев, большевики были одержимы утопической идеей совершенного гармонического строя, «но в качестве реалистов они в известной форме осуществляют свою утопию» [16, с. 353–354].

К. Мангейм пытается отделить утопию от идеологии, закрепить за этими понятиями внятные определения: «Идеологиями мы называем те трансцендентные бытию представления, которые *de facto* никогда не достигают реализации своего содержания. Хотя отдельные люди часто совершенно искренне руководствуются ими в качестве мотивов своего поведения, в ходе этой реализации их содержание обычно искажается». «Утопии также трансцендентны бытию, ибо они ориентируют поведение на элементы, не содержащиеся в данном реальном бытии; однако они не являются идеологиями, т. е. не являются ими в той степени и постольку, поскольку своим противодействием им удастся преобразовать существующую историческую действительность, приблизив ее к своим представлениям. Если такое принципиальное и совершенно формальное различие между утопией и идеологией представляется постороннему наблюдателю безусловным, то решить *in concreto*, в каком случае что следует считать идеологией и что утопией, невероятно трудно» [129, с. 115–117].

Утопия практически не связана с текущей политической ситуацией и предлагает мысленную идеальную реализацию социального порядка, основанную на иных ценностях, игнорируя возможность этой реализации и путь к ней исходя из сложившегося порядка. И, тем не менее, утопия может быть в каком-то виде реализована. Идеология, напротив, не может не охватывать оценок текущей ситуации и проектирует будущее, исходя из имеющихся начальных условий, но не реализуется на практике, как не может быть реализован абстрактный принцип или эмоциональный афоризм, которые всегда присутствуют в идеологии. Если утопия в какой-то форме подлежит реализации (в результате процесса, который в самой утопии не ясен), то идеология всегда указывает на дальнейшее движение из реализованного состояния и в избранном направлении. Утопия — *статическая* модель, идеология — *динамическая*. Вместе с тем и идеология, и утопия могут исходить из одной и той же базовой системы ценностей. Для прояснения терминов можно выстроить их в генетическую связку: архаический миф — утопия (прообраз или начальная стадия политического мифа, насыщенная хилиастическими мотивами) — идеология (развитый политический миф).

Противопоставление политической утопии и политической идеологии выглядит достаточно надуманным, ибо то и другое — элементы политического мифа, границы между которыми условны: утопия строится исходя из определенных идеологических установок, а идеология может включать в себя утопический проект «идеального общества». И утопия, и идеология строятся на основании представлений о «золотом веке», в котором лежат истоки мысленного эксперимента

утописта и смысловые конструкции идеолога. Одновременно утопия и идеология являются продуктом политической мысли. Таким образом, мы видим связь того и другого как с мифом, так и с политикой, а значит – обусловленность политической мифологией. Миф выступает в этой взаимосвязанной тройке понятий как система идеальных прообразов, идеология – как система вытекающих из них социальных ценностей, утопия – как мысленный эксперимент по реализации этих ценностей и оживлению прообразов.

По мнению А. Н. Кольева, вряд ли стоит противопоставлять утопию сложившемуся миропорядку, а при анализе или разработке идеологии включать его в качестве конформного элемента. Тем более, что и то и другое обособляется от текущих обстоятельств и отличается лишь субъективной оценкой возможностей их реализовать, которая, в свою очередь, носит «партийный характер» – все неразумное представляется как утопичное, разумное – как органичное. Кроме того, то, что было утопией сегодня, может стать действительностью завтра, в рамках политического процесса элементы утопического и идеологического не противостоят друг другу в чистом виде, а в условиях социального кризиса идеология и утопия интенсивно смешиваются, ибо действительное, реальное и возможное оказывается неясным, расплывчатым [97а, с. 119].

Идеология принципиально отличается от политической науки:

- политическая наука занимается поиском истины, идеология же сосредоточена на идеалах;
- наука оперирует знанием, а идеология – ценностями;
- науке присуща ценностная нейтральность, а идеологии – экспансивность;
- наука едина, а идеологии многообразны и противоречивы;
- наука все подвергает сомнению, а идеология всегда претендует на истину в последней инстанции;
- политическая наука не ставит политических целей, а идеология только это и делает;
- политическая наука не оправдывает политических действий, а идеология – постоянно.

19.1.1.3. Причины и источники возникновения идеологии

Идеологии являются специфическим феноменом, содержание которого составляет область ценностных суждений, имеющих силу убеждений и даже *веры*. Исходным пунктом идеологии является идея, *развивающаяся* в определенной интеллектуальной среде, *воздействующая* на общественное сознание и *порождающая* массовые политические движения. Будучи политическим мировоззрением, идеология обладает способностью наделять смыслом действия индивидов и социальных групп в пределах актуальной для них системы ценностей и вызывать к жизни определенную практику.

В научной литературе до сих пор не прекращается дискуссия о том, является ли идеология исключительной характерной приметой нового времени, т. е. рождающегося индустриального общества, классовых революционных движений, или же она присуща любым цивилизациям, включая самые древние.

Как уже отмечалось выше, одним из важнейших признаков цивилизации является государство. С его возникновением связано существование особых общественных групп (слоев, классов, страт), монополизирующих не только право на легитимное насилие, но и на производство *идей*, которым в древнейших цивилизациях обычно занимались «религиозные эксперты» — жрецы. Зародыши «официальной идеологии» отчетливо просматриваются в мифах, рисующих стереотипные для большинства древних обществ образы вечного космического порядка, порождением которого являются царская власть, справедливость, правосудие и закон. Возникнув в русле традиционных древних религий, эти идеи придали цивилизации мощный преобразовательный импульс. В философских школах Индии, Китая и Греции создавались теории, призванные ответить на вопрос, как наилучшим образом устроить совместную жизнь людей и управлять ими.

В этот период можно различить ростки тех представлений, из которых тысячелетия спустя возникли различные идеологические системы. Например, отвечая на вопрос, какое средство следует изобрести для того, чтобы обеспечить продолжительность идеального правления и внушить гражданам необходимость повиноваться, Платон в «Государстве» утверждал: «Я попытаюсь внушить сперва самим правителям и воинам, а затем и остальным гражданам, что все то, в чем мы их воспитали, представилось им во сне как пережитое, а на самом-то деле они тогда находились под землей и вылепливались и вращивались в ее недрах... Хотя все члены государства — братья (так скажем мы им, продолжая этот миф), но бог, вылепивший вас, в тех из вас, кто способен править, примешал при рождении золота, и поэтому они наиболее ценны, в помощников их — серебра, железа же и меди — в земледельцев и разных ремесленников. Все вы родственны, но большей частью рождаете себе подобных...» (Платон [181]).

Придуманый Платоном миф, долженствующий навечно закрепить установленный философами-правителями порядок, сопоставим с современными идеологическими конструкциями первого уровня. Отличительной чертой древних и средневековых протоидеологий является отсутствие возможностей воздействия на массовое сознание в силу того, что еще не существовало соответствующих материальных предпосылок, например разветвленного пропагандистского аппарата и СМИ. Без этих предпосылок идеологии первого уровня обречены на вымирание или на прозябание в качестве так называемых «кабинетных теорий».

Идеологии, в современном понимании этого термина, начали зарождаться в XIV в., в эпоху Возрождения, когда возник первый общественный кризис в связи с развертыванием процесса *секуляризации*, т. е. освобождения общественного и индивидуального сознания от религии. Религиозная картина мира постепенно уступала место рациональной системе представлений о нем. Существовавшее прежде религиозное мировоззрение обосновывало общественную жизнь, политический порядок в терминах трансцендентных, т. е. потусторонних и недоступных человеческому познанию абсолютных значимостей (идеи Бога, души, бессмертия, судьбы). Смысл человеческой деятельности задавался религиозными ценностями. Эти ценности и нормы претендовали на тотальную значимость, регулировали общественные взаимосвязи и повседневные взаимодействия индивидов. Они выступали в качестве мощной охранительной и сдерживающей силы, лежавшей в основе традиционного общества. Естественно, это оказывалось возможным в условиях

полной зависимости индивида от природы и силы общественных связей (т. е. общины, рода, племени). Следовательно, интеграция общества и его социальная ориентация осуществлялись под действием иррациональных факторов (верований, чувств, традиций, обычаев и т. д.).

Однако разделение общественного труда и связанный с этим процесс становления автономной личности породил тенденцию эмансипации — высвобождения политической и культурной системы из зависимости от религиозной картины мира. Процесс обмирщения культурной сферы привел к тому, что политика перестала быть прерогативой церковной власти и приобрела светский характер.

Первым шагом на пути эмансипации общества от сохранявшего свое влияние религиозного мировоззрения было провозглашение религиозного плюрализма. Реформация привела к переоценке ценностей и утверждению идеи о том, что выживание человека и умножение земных благ выше потусторонних ценностей. Культ обеспеченной жизни обосновывался протестантизмом. Это было значительным шагом вперед в рационализации общественных отношений, создании новой социально-политической реальности, формирующейся на принципах целесообразности, здравого смысла, пользы. Политический порядок уже не задавался нормами религиозной морали, а основывался на согласии всех граждан, которые для защиты своих прав и свобод создали государство новой (демократической) формы.

Смена религиозной картины мира рациональным объяснением реальности, по мнению Р. Т. Мухаева, породила состояние социальной опустошенности, что потребовало новых идеалов и смыслов. Выдвижение этих новых смыслов, призванных обосновать способность человека к разумной организации общественного порядка, стали осуществлять политические идеологии. Они предлагали новые обмирщенные (земные) идеалы, способные интегрировать и ориентировать индивидов. Первой появилась идея о приоритете ценностей свободы, собственности и права индивида на жизнь, выдвинутая либеральными мыслителями. Затем эта идея овладела умами широких слоев населения и стала стимулом формирования массового политического движения [155, с. 339].

Идеология выступает в различных формах политических, правовых, эстетических, этических, религиозных и философских взглядов. Соответственно, ее можно рассматривать одновременно и как форму общественного сознания, и как элемент культуры, являющийся продуктом духовной деятельности людей в социально-политической сфере, результатом интеллектуальных усилий философов, ученых и политиков. Социальные общности и группы не выступают в роли непосредственных создателей идеологии — условия их существования, будучи объективной основой формирования тех или иных идеологических принципов и концепций, способствуют стихийному возникновению не *идеологии*, а общественной *психологии*, создающей определенную почву для распространения и усвоения идей, отвечающих интересам и представлениям конкретных общностей.

Идеология творится людьми, их умом и волей. Но сам акт творения носит уже объективный характер, потому что вызывается потребностями человека, а потребности объективны. Идеология изначально присуща человеческому сообществу, без нее немислимо его существование. Потребности, интересы — исток любой человеческой деятельности, в том числе и идеологической. К. Маркс [131] говорил, что «идея всякий раз посрамляла себя, как только отрывалась от интереса». Свои-

ми корнями идеология уходит в обыденное сознание, там ее глубинные истоки. Обобщая эмпирические данные обыденного сознания, идеология поднимается на уровень теоретического осмысления действительности, но не сливается с теоретическим сознанием, а образует самостоятельную сферу, в которой фокусируются интересы и потребности различных классов и социальных групп общества. Их интересы и потребности имеют по преимуществу практический характер, но глубинное их познание происходит на уровне теоретического обобщения. Оно стремится дать теоретически обоснованные ответы на вопросы практической реализации этих интересов и потребностей, указать пути их достижения [83, с. 439].

На теоретическом, доктринальном уровне идеологии разрабатываются «религиозными экспертами», философами, учеными, далеко не всегда сознательно стремящимися навязывать свои идеи другим людям. По тем или иным причинам отдельные идеи или учения могут не дойти до массового сознания, оставить его равнодушным и враждебным. Идеология не может, за исключением единичных случаев, целиком определять волю, сознание, настроения абсолютного большинства. Правильность этого наблюдения продемонстрировал уже крах одного из самых ранних экспериментов, проводимых революционерами-жирондистами и якобинцами. В коммунистических странах, отмечал А. А. Зиновьев [79], где официальная идеология внедрялась в сознание, начиная со школьной скамьи, она все же «четко отличалась от прочих явлений культуры, не растворялась в них. Она была заметна, бросалась в глаза, вызывала раздражение и насмешки. Она вообще выглядела как нечто чужеродное и ненужное, хотя на самом деле ее организующая и воспитательная роль была огромна.

Создание политической идеологии — дело сложное, требующее огромных интеллектуальных усилий. Многие создатели политических идеологий вошли в историю: их теории и концепции изучаются, сравниваются, используются в политических программах современных партий. Представляется, что слабость политических партий современной России объясняется во многом недостаточной разработанностью теоретических, идейных основ их программ [107, с. 411].

Важнейшим историческим водоразделом для мира идеологического стали грандиозные социальные сдвиги XVI–XVII вв., вызванные европейской Реформацией, революциями в Нидерландах и Англии, а также Тридцатилетней войной. Развернутая памфлетами Лютера [123] и его сторонников пропаганда, взрастившая в Германии крестьянскую войну 1525 г. и «контрпропаганда» католиков уже напоминают идеологические баталии последующих веков. В этот период проявилась и важнейшая особенность европейских идеологических систем — тенденция к универсализму. Эта особенность уходит корнями в универсальную христианскую традицию, распад которой в Новое время, собственно, и породил многочисленные прототипы современных идеологий.

Новое время — время океанических цивилизаций и объединения людей новыми мощными средствами коммуникации в единое человечество. Это время действия масс, вышедших на историческую арену. Данный феномен Х. Ортега-и-Гассет проанализировал в книге «Восстание масс». Вовлеченность масс в политическую и культурную жизнь потребовала создания особого способа организации масс, получившего название идеологии, и особого способа культурного обслуживания масс — массовой культуры. «Восстание масс» стало источником и движущей силой

идеологии и массовой культуры, которые переплелись между собой. Идеология сама является культурой масс и культурой для масс и стимулирует развитие массовой культуры, которая не может не быть идеологизированной, поскольку идеология ближе всех отраслей культуры к материальным потребностям, а массы живут в основном ими. Управлять массами сподручнее рассчитанной на воздействие на них *идеологией*, чем элитарной по сути *наукой*, которую массы не способны понять. С выходом на историческую арену масс идеология получает преимущество перед наукой в борьбе за власть. Идеология имеет дело с массами, подлаживается под их интересы и запросы, что принижает культуру и ведет ее к кризису. Идеология означает переход от разума и религиозной веры к материальным интересам толпы [163].

Идеологии не мифы, хотя в них много от мифологии, а мистическое начало скрывается под рациональной оболочкой, проступая в бальзамировании вождей. Идеологии не религии, хотя в них есть приземленная вера, в которой на место Бога ставят идеолога, правителя или материальный идол (скажем, Золотого тельца). Идеология взяла само название у философии (термин «идея» идет от Демокрита и Платона). Она стремится подчинить себе искусство, заявляет о своей научности. Она пытается соединить науку с высшими идеалами человека – его стремлением к благополучию и счастью. Идеология выражает интересы крупных групп населения. Это не знание об идеях (как было бы, если перевести буквально), а системы идей. Она объединяет людей, но ценой их превращения в «одномерных», по Г. Маркузе [132]. Объединяет и наука, но идеология действует более жестко, не отталкиваясь перед насильем.

Идеология должна обладать одновременно противоположными свойствами: быть логичной и абстрактной и в то же время простой и понятной массам, соответствовать их надеждам и насущным нуждам. Идеология соединила материальный интерес с наукообразным прогнозированием будущего, которое является предметом веры. Идеология как система взглядов, выражающих интересы больших общественных групп – классов, наций, стремится поставить все предыдущее знание на службу материальным интересам. Идеологи – пророки материального. Они пришли, когда люди захотели счастья здесь и немедленно.

Идеология имеет три источника, заключенных в трех прекрасных словах лозунга Великой французской революции: *свобода, равенство, братство*. Из них, как из завязи, образовались три мировые идеологии. Само понятие «идеология» появилось в XVIII в. и первоначально обозначало по этимологии слова учение об идеях – понятии, возвращающем к Платону, который, кстати, создал в своих поздних произведениях «Государство» и «Законы» [181] прообраз идеологической системы, которую неудачно пытался воплотить в жизнь.

Породила идеологию эпоха Просвещения. У ее истоков стоял Ж. Ж. Руссо [204], считавший, что науки и искусства не делают человека нравственным и счастливым. Руссо восхищались деятели французской революции, особенно Робеспьер, провозгласившие свободу и ограничившие ее во имя ее же. «Свобода состоит в возможности делать все, что не приносит вреда другому», – провозгласила «Декларация прав человека и гражданина», принятая Национальным Собранием Франции 26 августа 1789 г. Но вскоре началось преследование врагов свободы, и их головы полетели одна за другой.

Во времена Великой французской революции появилось понятие «врагов народа». Декрет Конвента объявлял врагами народа всех, кто выступал против Конвента или пытался унижить его. В соответствии с декретом Конвента от 26 февраля 1794 г. можно было объявить врагом народа кого угодно, например, тех, кто препятствовал народному просвещению «путем всяких махинаций» [248, с. 239]. Наказание — смертная казнь. Улик было достаточно и устных.

Сначала французские деятели революции победили в своей стране, а затем начали войны с тем, чтобы, как заявил Камбон, «ничто, существовавшее прежде, не могло устоять перед осуществляемой нами властью» [75, с. 152]. Задача революционных войн заключалась в том, чтобы способствовать возникновению революций в других странах. Аналогичные задачи ставились после прихода большевиков к власти в России: «подталкивать» революции в странах Запада и Востока и, в конце концов, разжечь пожар мировой революции. Нечто похожее делают сегодня США, экспортируя по всему миру «демократические стандарты».

Тут же возникло знаменитое «кто кого?». Аргумент: если мы первые не начнем войну, то революция будет раздавлена усилиями остального мира. Начавшаяся война революционной Франции с другими государствами, писал Жорес, «не была борьбой одной нации против другой нации, а борьбой одной системы институтов — против другой системы институтов. Теперь институты, созданные свободой, должны были уничтожить, пусть даже силой, институты, созданные рабством» [75, с. 155]. (То же было в России в XX в., когда тезис об обострении борьбы между капитализмом и социализмом использовал И.В. Сталин.) Жорес восклицал: «Но как опасна такая попытка! Какие диктаторские привычки привьет она Франции! И как рискует она отождествить в глазах других народов национальную свободу с былым порабощением!» [75, с. 155]. Закончилось все диктатурой Наполеона, а в СССР — Сталина.

Обе революции были борьбой идеологии за власть, и в этом их сходство, хотя содержательно они различны: одна — идеология *свободы*, другая — идеология *равенства*. А как же с теми, кто не подчинится завоевателям, несущим свободу? «Тогда и отношение будет к ним, как к врагам, раз они не хотят ни свободы, ни равенства» [75, с. 158]. Это было названо революционной диктатурой Франции и революционным протекторатом Франции над народами (доктрина Камбона, объявленная 15 декабря 1792 г. и утвержденная Конвентом). Великая французская революция была образцом идеологической революции. Ее аналог — Великая российская революция 1917 г.

Есть такое выражение: «Революция пожирает своих детей». Французская революция закончилась гибелью тех, кто ее организовал. Но идеология победила. Аналогична ситуация сложилась и в России в XX в. Большинство активных сторонников коммунистической идеологии погибли или до революции, или во время ее, или после в сталинских лагерях. Они оказались жертвами, на крови которых взошла идеология.

Идеология вступила в борьбу за власть в конце XVIII в., когда летели головы ее сторонников и противников, но окончательно укрепилась после Первой мировой войны, победили в которой идеологические державы — Англия, Франция и США, а побежденные взяли на вооружение другие идеологии — Россия в 1917 г., Италия в 1922, Германия в 1933 г.

Те, кто отдавал свои жизни за свободу, равенство и братство, подпитывали своей энергией идеологию до того момента, когда она, победив с помощью жертв, сама же отвечала репрессиями против своих противников. Примером может служить французская революция, но это свойственно всем идеологиям. Гибли тысячи борцов за рабочее дело, угнетенный народ и свободу, и жертвы не пропали даром. Из них родилось господство идеологии в трех формах – либерально-капиталистической, националистической и социалистической. Каждая обещала счастье, и большинство людей верили и надеялись. Ни одна не оправдала надежд. Почему? Объяснение может быть трех типов: историческое рациональное, историческое нерациональное и метаисторическое. Если ограничиться первым, то ни одна из идеологий не выполнила обещаний в силу расщепленности единого идеала и из-за подмены в попытке насильственного приведения людей к счастью [52, с. 302].

Во многом различные идеологические течения явились, по сути, результатом приспособления различных направлений политико-философской мысли – либерализма, консерватизма, марксизма, социал-демократизма, радикализма к непосредственным потребностям практической политики различных конфликтующих сил в обществе. Но в отличие от политической философии идеология ориентирована на непосредственные политические реалии и действия, на политический процесс и руководствуется соображениями привлечения наибольшей поддержки предлагаемого той или иной силой политического курса. Естественно, что она носит более ярко выраженный тенденциозный характер. Все идеологии независимо от их содержания касаются проблем авторитета, власти, властных отношений и т. д., основываются на признании определенной модели общества и политической системы, путей и средств практической реализации этой модели.

Именно в идеологии, по мнению К. С. Гаджиева, в наиболее обнаженной форме находит свое практическое воплощение, оправдание и обоснование конфликтное начало мира политического, или характерная для него дихотомия *друг–враг*. Для консолидации идеологии внешний враг имеет, пожалуй, не менее важное значение, чем единство интересов ее носителей. Внешний враг служит мощным катализатором кристаллизации этих интересов. Если врага нет, то его искусственно изобретают. Особенно отчетливо этот принцип проявляется в радикальных идеологиях, которые вообще не могут обходиться без внутренних и внешних врагов. Более того, сама суть данных идеологий выражается с помощью образа или образов врага [41, с. 166].

Как отмечал немецкий исследователь О. Ламберг, эффективность идеологии в данном аспекте наиболее отчетливо проявляется в тех случаях, когда остальной окружающий мир видится как враждебная сила, провоцируя тем самым инстинкты обороны, страха, агрессивности у членов соответствующей группы. Каждая идеологическая конструкция содержит в себе развернутое представление об антипобеде или противнике. От образа противника во многом зависит степень интегрированности группы.

Известно, что любая идея, как бы совершенна она ни была, доведенная до абсолюта, превращается в свою противоположность или настоящий абсурд, и, естественно, попытки ее практической реализации не могут не обернуться далеко идущими негативными последствиями. Если теоретически допустить, например, возможность жизнеустройства, строго следуя нормам и установкам Евангелия, то не

приходится сомневаться, что оно рано или поздно развалится. Ни одна армия в мире не способна эффективно функционировать, во всех случаях строго следуя букве собственного устава. В экономической сфере общеизвестен эффект так называемых забастовок «по-итальянски», которые приводят в буквальном смысле слова к параличу производства (например, работы железнодорожного транспорта) лишь потому, что все работники трудятся, скрупулезно соблюдая установленные правила и нормы.

Именно такова участь всех радикальных идеологических конструкций. Наглядный пример этого дают тоталитарные идеологии. Когда отдельный человек или приверженцы какого-либо учения проникаются уверенностью в том, что они овладели окончательной истиной, своего рода универсальным ключом к решению всех проблем и достижению гармонии, они вскоре выражают и вырабатывают уверенность в близкой достижимости царствия правды и справедливости. В итоге даже передовые по своему первоначальному замыслу социально-философские и идейно-политические системы оказываются замкнутыми, базирующимися на неподвижной основе и стремящимися втиснуть реальную жизнь в прокрустово ложе отвлеченных и искусственных одномерных конструкций. Превратившись в господствующую, любая идея сама себя сковывает, принимает тон официального оптимизма и уже не допускает какой-либо критики существующей системы. Пропорционально растет ее нетерпимость и закрытость, постепенно превращаясь в некое подобие религии.

Поэтому не случайно, что тоталитарное государство (как СССР, так и нацистская Германия) использовало всю свою мощь для утверждения мифологической версии своей идеологии в качестве единственно возможного мировоззрения [41, с. 167]. По сути, она была превращена в своего рода государственную религию со своими догматами, священными книгами, святыми, апостолами, со своими богочеловеками (в лице вождей, фюреров, дуче и т. д.), литургией и т. д. Таким образом, государство представляло собой чуть ли не систему теократического правления, где верховный жрец-идеолог одновременно является и верховным правителем. Это, по удачному выражению Н. Л. Бердяева [14], «обратная теократия».

19.1.2. Эволюция политической идеологии

19.1.2.1. Этапы внутреннего развития политической идеологии

Идеология в своем развитии внутри социума проходит три этапа: *диалектический, демагогический, догматический*.

Первый этап развития идеологии можно также назвать философским, поскольку при формировании идеологии философская составляющая играет важную роль. На этом этапе идеология проявляет непримиримость ко всем остальным идеологическим направлениям, но сохраняет тесную связь с наукой, искусством и другими отраслями культуры. Борьба с иными идеологическими течениями, в том числе с теми, которые мало чем отличаются от данного, способствует четкому оформлению идеологии, но может ее и погубить. На этом этапе проводниками идеологии выступают только ее создатели да некоторые группирующиеся вокруг них фанатики. Но идеология создана, и вулкан готов к взрыву. Если идеологиче-

ская система оказывается достаточно жизнестойкой и ей удается подавить конкурентов, особенно из числа смежных идеологий, она стремится обрести господствующее положение. Выводы о государстве как политической форме угнетения большинства меньшинством на диалектическом этапе идеологии сопровождались демагогией о скором преодолении всякого угнетения в результате буржуазной или социалистической революции.

Второй этап — распространения идеологии — можно назвать демагогическим, поскольку стремление к подчинению масс данной идеологии делает важнейшей ее демагогическую составляющую. Идеология может распространяться подобно эпидемиологическим заболеваниям — как некая идеологическая «инфекция», действующая на духовно и душевно ослабленный организм, не имеющий стойких убеждений в качестве иммунитета. «Инфекция» от одного может перейти сразу к нескольким и так далее, захватывая массы. Идеологическая система, как лава, выплескивается на поверхность, занимая огромные площади.

Третий этап — от господства идеологии до упадка — можно назвать догматическим. Идеологическая лава, выйдя на поверхность, начинает застывать, отрываясь от действительной жизни и интересов людей. Идеи превращаются в непререкаемые догмы и теряют жизненную силу. Если на втором этапе идеология пользуется философскими (преимущественно диалектическими) приемами, обеспечивающими ее проникновение в массы, то на третьем этапе она перестает впитывать философские положения и превращается во врага философии.

На этом этапе идеология утверждает и пытается подчинить культуру. Ныне это самая большая опасность, грозящая культуре в целом. В идеологии культура достигает своего самоотрицания, переходя, говоря гегелевским языком, «в свое другое». Ничто так не навязывается людям, никакая другая отрасль культуры не внедряется столь насильственно, вопреки самой природе культуры, и никогда кризис культуры не становится столь всеобъемлющим. Идеология появляется изнутри культуры как ее отрасль, и поэтому она опаснее всего для культуры. Противостояние идеологии и культуры откровенно и четко выразил немецкий национал-социалист Г. Геринг, сказав: «Когда я слышу слово «культура», я хватаюсь за пистолет». Материальный результат противостояния вроде бы предопределен, потому что у культуры нет огнестрельного оружия. Но она имеет другие, духовные средства борьбы [52, с. 301].

Английский исследователь Л. Фойер попытался сформулировать некоторые законы функционирования идеологии, в том числе «закон левого и правого крыла» и закон генерационной идеологической волны. Смысл «закона генерационной волны» состоит в том, что каждое очередное поколение (генерация) ищет новую идеологию. Это и есть начало новой генерационной идеологической волны. В момент рождения это явление прогрессивно, оно возникает «слева» и опирается на «левые» силы. Затем движение идет к «центру» и завершается «поправением» уже повзрослевшего молодого поколения.

Суть же «закона крыльев» заключается в том, что одна и та же философская идея в своем развитии проходит различные политические и социальные стадии — «слева направо» или наоборот, т. е. обслуживает разные политические и социальные силы [33, с. 166].

19.1.2.2. Этапы исторического развития политической идеологии

19.1.2.2.1. Тоталитарный этап

Еще Ф. Ницше [157] предупреждал, что XX в. станет веком борьбы различных сил за мировое господство, осуществляемой именем философских принципов. Предупреждение Ницше оказалось пророческим с той лишь разницей, что все многообразие и сложность мировоззренческого начала были заменены идеологическим измерением, идеологические принципы взяли верх над философскими, в том числе политико-философскими [41, с. 166].

Анализ тенденций развития идеологии представлен в работах американского футуролога Э. Тоффлера, особенно в книге «Третья волна» [226]. Характеризуя столкновение возникшей в XX в. новой промышленной цивилизации с ценностями традиционного, основанного на аграрной экономике, общества, он подробно описал происшедший во всех сферах жизни переворот, который затронул основополагающие представления о времени, пространстве, материи и причинности.

В духовной сфере каждой втянутой в процесс индустриализации европейской страны выделились два мощных идеологических течения, вступившие между собой в противоборство, — либерализм с его защитой индивидуализма и свободного предпринимательства и социализм, выдвигавший коллективистские ценности. Эта борьба идеологий, первоначально ограниченная промышленными странами, вскоре распространилась по всему земному шару. Революция 1917 г. в России, создавшая гигантскую пропагандистскую машину, придала борьбе социалистических и либеральных принципов новый импульс.

Любая сущность в своем естественном развитии доходит до высшей точки, одновременно являющейся крайностью, после которой следует откат или крах. Высшей точкой идеологизации *общества* является его тоталитарная форма, невозможная без тотальной идеологизации *государства*. Тоталитарная идеологизация государства невозможна без наличия или создания образа антагонистического государства — идеологического антипода. Одной из сущностей индустриального общества стало его идеологическое соперничество, достигающее в иных случаях до антагонизма. В XX в. идеологическое противостояние проявилось особенно рельефно. Например, гитлеровская пропагандистская машина, раскручивая в массовом сознании миф об исторической миссии «арийской расы», противопоставляла этот миф капиталистической, демократической и большевистской идеологиям.

Разумеется, стремление того или иного социального слоя поддерживать экстремистские или демократические партии и соответствующие идеологии нельзя предсказать с абсолютной точностью, даже если выводы основываются на данных социологических опросов. Изучение политических ориентаций различных классов в западных странах осуществляется на основе исходной предпосылки, согласно которой классы, стоящие на более низких ступенях социальной лестницы по уровню доходов и образованию, склонны к авторитаризму и поддержке экстремистских движений. Согласно этой теории, более образованные и зажиточные слои общества (от «среднего класса» и выше), традиционно занимают умеренно-демократические позиции.

Эту тенденцию нельзя абсолютизировать и считать в настоящее время непреложной даже для западных стран. Многие дополнительные факторы изменяют ее,

причем, иногда до неузнаваемости. В XX в. рабочие организации и партии были основной, силой, которая боролась за политическую демократию, преодолевая ожесточенное сопротивление крупных предпринимателей, правых партий и традиционных консервативных сил. До 1914 г. классическое разделение между левыми и правыми силами основывалось не только на различиях в доходах, социальном статусе и возможностях получить образование. Левые социалистические партии были основной опорой политической демократии, религиозной и гражданской свободы, мирной внешней политики. Правые партии, опиравшиеся на консервативно настроенное крестьянство, мелких ремесленников и, конечно, крупную буржуазию и землевладельцев, прибегали к экстремистским формам защиты своих привилегий. Они препятствовали введению всеобщего избирательного права и проводили империалистическую политику колониальных захватов.

Окончание Первой мировой войны, наступление экономических кризисов и рост фашистских движений в Западной и Восточной Европе привели к расколу рабочего движения, по крайней мере, на три направления — *социал-демократическое, коммунистическое и фашистское*, причем лидеры двух последних стали открыто использовать экстремистские методы политической борьбы. Возникли коммунистические и фашистские профсоюзы. Участие рабочих в движениях с явно выраженной националистической идеологией стало в 1930-е гг. элементом повседневной жизни Европы и Америки. Но даже в этот период кризиса демократических ценностей и традиционной либеральной и социалистической идеологии различия между европейскими странами были весьма значительны. Например, авторитарные тенденции индивида могут быть приглушены приверженностью большинства партий конституционным принципам и процедурам. В Великобритании, в которой терпимость является характерной чертой политического поведения и сознания, низшие классы в абсолютном измерении являются менее «авторитарными», чем образованные слои в странах, не имеющих прочных демократических традиций [187].

Французские, итальянские и немецкие рабочие-католики, среди которых были повсеместно распространены антикапиталистические настроения, постоянно голосовали за сравнительно консервативные христианские партии, поскольку их приверженность католицизму могла в определенных случаях перевешивать их классовые симпатии.

Члены радикальных левых профсоюзов поддерживали умеренные либеральные партии, выступавшие против фашизма. И, наоборот, в 1930-е гг. избиратели, настроенные отнюдь не радикально, поддерживали коммунистов из-за их радикальных антифашистской программы и лозунгов и т. д.

Идеологические ориентации могут значительно отличаться друг от друга и внутри однородного социального слоя, представители которого имеют высокий уровень образования и профессиональной подготовки. Американские социологи К. Мейер и Л. Нигро, исследуя в середине 1970-х гг. идейные позиции нескольких групп чиновников федерального уровня, установили, что социальное происхождение обуславливает взгляды только 5 % выбранных для анализа групп, в то время как занимаемые ими посты имеют в этом плане гораздо большее значение. Другие американские социологи, сравнивая ориентации офицеров, служивших во внешнеполитическом ведомстве, со взглядами армейских офицеров, устано-

вили, что для первой группы характерны либеральные взгляды, а для второй – консервативные.

В России 1990 г. чиновники высшего ранга – выходящие из номенклатуры, всегда отличавшейся догматизмом и консерватизмом взглядов, предпочитали исповедовать официальную либеральную идеологию, способствуя возникновению нового идеологического феномена – консервативного номенклатурного либерализма.

19.1.2.2.2. Конкурентный этап

После окончания Второй мировой войны мир оказался разделенным на две противоположные системы, возглавляемые СССР и США, расходовавшие в своем стремлении к экспансии и интеграции мирового рынка огромные средства на пропаганду своих целей в других странах.

Столкновение просоветских режимов с западными либеральными демократиями напоминало своей ожесточенностью борьбу протестантов и католиков. Но при всех внешних различиях сторонники марксизма и его противники были выразителями вполне однотипной суперидеологии индустриализма, в основе которой лежали три фундаментальные цели:

- оба направления, решительно расходясь во взглядах на способы производства и распределения материальных ресурсов и благ, рассматривали природу как объект безудержной эксплуатации;
- обе идеологии в различных формах разделяли социал-дарвинистские теории, оправдывающие идею превосходства сильных, промышленно развитых наций над слаборазвитыми народами, которые лежали в основе политики гегемонизма и империализма;
- и либералы, и социалисты в равной мере были ревностными сторонниками утопической идеи неукротимого прогресса цивилизации, развивающейся от низшего, примитивного состояния общества к всеобщему расцвету [187].

19.1.2.2.2.1. Процесс деидеологизации

Развитие стабильных демократий в Западной Европе и США подвигло в 1950–60-е гг. многих теоретиков либерального и социалистического направлений сделать вывод о возникновении новой «постполитической» фазы развития в этих регионах. Они рассматривали приближение этого «завершенного состояния» цивилизации как «конец идеологии».

Сам термин «конец идеологии» был впервые сформулирован Ф. Энгельсом [267], полагавшим, что идеология отомрет вместе с порождающими ее материальными интересами. В начале XX в. М. Вебер [34] указывал на упадок «тотальных идеологий» как на следствие постепенного разрыва европейского общественного сознания с ценностными ориентациями и его эволюции в направлении целевой или функциональной рациональности, основанной на непредвзятом поиске наиболее эффективных средств для достижения поставленных целей.

Решающую роль в этом процессе сыграло включение рабочего класса в структуры западного гражданского и политического обществ. При этом социалисты заняли более умеренные позиции по отношению к «капиталистическим ценно-

стям», а консерваторы поддержали идею «государства всеобщего благосостояния». Этот периодически разрушаемый леворадикальными движениями (студенчество в Западной Европе, национальные меньшинства в США и др.) консенсус существовал до конца 1970-х гг., когда нарастание кризисных процессов в экономике привело к переориентации консервативных партий и отказу от социалистических методов регулирования («неоконсервативная волна»).

Этот процесс совпал с началом действия другой глобальной тенденции. С начала 1960-х гг. индустриально развитый мир начал переход к иной стадии развития общества — постиндустриальной. Это знаменовало собой кризис индустриализма как идеологии. Знамением этого стал экономический кризис 1974 г., похоронивший либеральные и социал-демократические теории «государства всеобщего благоденствия» и подъем «консервативной волны» конца 1970-х — начала 80-х гг.

В этот же период антиколониальная борьба в Азии и Африке, обретение большинством государств этого региона независимости привели к устойчивой идентификации консерватизма с компрадорской ориентацией высших слоев, в то время как происходил процесс слияния (особенно под влиянием китайской революции) националистических леворадикальных идеологий с марксизмом в его ленинском и маоистском вариантах [187].

19.1.2.2.2. Стагнация сферы тоталитарной политической идеологии

По иному сценарию развивались идеологические процессы в странах коммунистического блока. Необходимость воспроизводства тоталитарного сознания вызывала невиданный рост и развитие идеологизации СССР. Идеология являлась рупором коммунистической партии, способствующим ее укреплению, «гениально проводящим в жизнь» ее идеи, доводящим до всех и каждого «истинность» ее действий, словом, всячески утверждающим «чистоту» ее помыслов. Идеологии подчинено было все: факты, теории, вопросы морали; она оценивала любые действия и события в стране. Все каналы распространения знаний и информации — школа и печать, кино и театр, радио и телевидение использовались идеологией исключительно в целях распространения взглядов, служащих укреплению веры в правоту властей. Все это представляло несомненную угрозу действительной свободе каждого человека. Она заменялась коллективистской псевдосвободой, потому что «коллективная свобода», о которой постоянно вела речь коммунистическая пропаганда, оказывалась не свободой «каждого члена общества», а ничем не ограниченной свободой «планирующих органов делать с обществом все, что они пожелают. Это — смешение свободы с властью, доведенное до абсурда. Идеология проявляла себя не только на «поверхности», но и проникала во все глубинные сферы общества. Без идеологического воздействия (прямого или косвенного) не обходилось ни одно из произведений искусства, ни одно научное открытие. И поэтому нет ничего удивительного в том, что для выполнения столь грандиозного политического заказа идеология сама нуждалась в постоянном развитии и укреплении. Именно для успешного влияния на умы идеология все более обретала черты фетишизированной формы общественного сознания — непогрешимого, абсолютного в своей истинности учения марксизма-ленинизма.

Идеология выступала в двух планах. Первый представлял собой накопление и развитие идеологического знания, разработку идеологической методологии. В

рамках теоретической идеологии допускалась относительная свобода мысли, правда, неизменно сохраняющая статус скромно «запаздывающей» за политической действительностью. Вот отчего подавляющая масса идеологов-теоретиков свято соблюдала абсурдный для настоящей науки, но вполне уместный и необходимый для «жизни в науке» угодливый принцип «чего изволите».

В результате не осталось ни одной области, где бы не осуществлялся контроль за информацией, «направленный на полную унификацию взглядов». Во всех странах, где существовал политический тоталитаризм, гуманитарные и общественные науки стали самыми продуктивными поставщиками официальной мифологии, используемой для воздействия на волю граждан. Постепенно складывалось идеологическое монополизирование всей философской и общественной мысли страны.

Сущностью идеологии всегда является маскировка, затушевывание истинного положения дел. Целью ее выступает унификация массового сознания, точнее, выработка единого коллективистского мышления. Таким мышлением можно всегда управлять извне, доводя его до уровня слепой веры, до уровня полного подчинения власти.

Идеологическое воздействие на массовое сознание, осуществленное в нашей стране за годы «реального социализма», было поистине беспрецедентным в человеческой истории. Маркс [130], рассматривая исторически возникшие формы эксплуатации и порабощения, обнаружил внеэкономическую форму традиционного подчинения и экономическую нетрадиционную форму зависимости, развившуюся в условиях капиталистического производства. С полным основанием можно утверждать, что в условиях «реального социализма» пальма первенства принадлежала идеологической форме порабощения. Возможно, это одна из самых трагических форм подавления человеческой свободы, потому что она касается прежде всего человеческого духа и разума. Не случайно Хайек [243] отмечал, что, трагедия коллективистской идеологии состоит в том, что постулируя вначале разум как верховный фактор развития, она в конце концов разрушает его.

Для роста и развития массового унифицированного сознания идеология все более должна была обретать фетишистские черты. А это, в свою очередь, требовало появления целой армии пропагандистов-идеологов. Так, план идеологической теории утверждал себя в плане идеологической практики. Здесь главной задачей было создание фетишизируемого массового сознания. Возник сложный процесс многоуровневого фетишизма, где, с одной стороны, мифологизировались наличные процессы жизнедеятельности и общественных отношений, а с другой — шел процесс образования коллективистского сознания, пассивно внимающего идеологическому мифотворчеству. К. Маркс однажды заметил, что разум существовал всегда, но не всегда в разумной форме. Увы, но советская идеология добивалась именно такой абсурдной цели — образование неразумного разума, что равноценно его разрушению. Идеологическое внушение представляло собой медленное удушье духа свободы общества как целого [188].

19.1.2.2.3. Постсоветский этап

Крах советского коммунизма, рост напряженности в Южной Европе и странах СНГ, неизбежный в период экономических и политических реформ, взрыв исламского фундаментализма, бросившего вызов «благополучному Западу», стреми-

тельное развитие коммунистического Китая, создали принципиально новую политическую и идеологическую ситуацию в мире.

С конца 1980-х гг. в странах Восточной Европы и России разрыв с коммунистическим прошлым происходил в рамках своеобразного процесса, когда разрушение экономической базы социализма, сопровождаемое ростом всеобщей бедности, социальной необеспеченности и нестабильности, сделали крайне непрочной и новую демократическую политическую систему. Она, особенно в России, стала ширмой для «новых русских» и новой бюрократии, прикрывающих конвертацию власти в собственность и борьбу за раздел государственного имущества псевдолиберальными лозунгами [187].

Вместе с тем сложившаяся в России после распада СССР политическая и экономическая ситуация, сопровождающаяся появлением огромной массы люмпенизированного населения, ростом приватизма (уход в частную жизнь) создали впечатление о наступившей эпохе «деидеологизации». В действительности, и в том, и в другом случае речь идет о переходном периоде, за которым последовало стремление к новым формам идейной консолидации (в первом случае) и к обретению новой национальной идентичности (во втором).

В России и странах Восточной Европы роль идеологических экспертов взяла на себя «новая медиакратия» – группы либеральной интеллигенции, «приватизировавшие» СМИ и пытавшиеся разработать и пропагандировать либеральную реформаторскую идеологию. Экономический кризис и отсутствие средств на поддержание собственных изданий постепенно привели к подчинению этих групп крупным банковским, а иногда и криминальным структурам. Поскольку либеральная интеллигенция в этом регионе всегда сохраняла психологическую предрасположенность к авторитаризму и экстремистским формам мысли в соединении с конформизмом, вновь возникший пропагандистский аппарат стал очень напоминать старый, коммунистический назойливостью лозунгов и крайне низкой эффективностью своих методов.

Как только стало очевидно, что реформирование общества на основе рыночной экономики необходимо, так СМИ, во многом переняв чисто внешние более раскрепощенные и живые приемы рекламы западных стран, наполнили их прежним, типично идеологическим воодушевлением и азартом, получившим новое рождение в новых условиях. Это, по сути, ничем не отличается от прежней пропаганды и агитации. Рекламные агентства газет, радио и телевидения всю красоту рынка; со всем новоявленным пылом раскрашивается и расцветается то, чего еще нет в действительности и что, требует колоссальных усилий по созданию и организации. Пока такого рода идеологическая подача может вполне устраивать представителей теневой экономики и теневой политики, которые с каждым днем все более легитимизируются, в том числе и рекламными, информационными средствами.

Пропаганда не сложившихся в действительности, не ставших очевидными нормальных процессов производства и потребления в масштабе всей страны; реклама финансовых или банковских операций, которым глубоко безразличны миллионы граждан, не могущих быть вкладчиками, – такая идеология отчуждена от реалий собственного общества точно так же, как раньше, и напоминает пикник на

обочине тяжело больной страны. Как видно, идеологический вирус способен к идеологическим мутациям [188].

Основное различие между западной и новой российской официальной идеологией в 1990-е гг. состояло в том, что в западноевропейских странах и США идеология являлась одним из средств интеграции и самосохранения общества. В то время как в России она, будучи средством самосохранения правящей олигархической элиты выполняла, скорее, деструктивную функцию, отрицательно воздействуя на массовое сознание своей бессодержательностью и полным несоответствием политическим и экономическим реалиям.

19.1.3. Роль и функции политической идеологии

Идеология занимает в политическом сознании особое место. Политическая идеология представляет собой одну из наиболее влиятельных форм политического сознания, воздействующую на содержание властных отношений, орудие «духовного княжения» (Макиавелли) той или иной политической силы.

19.1.3.1. Роль политической идеологии

Идеи и идеология играют важную роль в политической жизни общества. Французские материалисты XIX в., анализируя движущие силы истории, сделали неопровержимый, на их взгляд, вывод: «Идеи правят миром!» Французский философ Д. де Траси в книге «Элементы идеологии» назвал идеологию «наукой об идеях, о том, как они возникают, и о закономерностях человеческого мышления». Большую роль и значение идей в жизни человека и человечества подчеркивали многие мыслители. К. А. Гельвеций [44], например, многозначительно классифицировал их на три вида — полезные, вредные и нейтральные. По мнению Ж. Ж. Руссо [204], абсолютнейшим авторитетом является для человека то, что вторгается в его внутренний мир, т. е. идеи.

Исключительную роль идеологии и идеям придавал К. Маркс. Он считал, что если идеи овладевают массами, то они становятся материальной силой. Маркс доказал неразрывную связь идей с интересами [131а, с. 89]. Этот вывод, когда речь идет об общественно значимых идеях, вряд ли возможно подвергнуть сомнению.

Э. Бернштейн [20] утверждал, что конечная цель — ничто, движение — все. Нет сомнения — без движения, действий цель недостижима. Но не менее верно и другое: движение без цели, как правило, бессмысленно, оно становится блужданием в тумане. Великие политические идеи и идеологии — это сплав коренных интересов, великих политических ценностей и целей.

Роль политической идеологии в политической системе общества неоднозначна. Дело в том, что общество неоднородно, оно состоит из различных групп (социальных, национальных, религиозных, демографических), имеющих свое видение общественного развития, политического процесса, хода реформ и т. д. Группы борются между собой за политическую власть в обществе и в борьбе опираются на выдвинутые ими идеи (совокупность идей), оправдывающие их приход к власти. По существу, политические идеологии представляют собой коллективную политическую мысль групп, партий, наций, народа [107, с. 408].

Конечно, будучи методологически значимым, данный вывод не объясняет каждую конкретную ситуацию, хотя любые идеи рождаются в головах конкретных индивидов и с большей или меньшей адекватностью отражают их интересы. Однако частные интересы неизбежно восходят к более общим — групповым, классовым и общественным, поскольку у людей есть общие, коренные, по сути своей объективные интересы, которые отнюдь не монолитны по своей структуре, а внутренне противоречивы. Отсюда их подвижность, способность к изменениям. Но противоречивость групповых и общественных интересов ведет не только к их конфликтам, но и к совпадению, вследствие чего становится возможной социальная солидарность [193, с. 171].

Анализируя соотношение интересов и политических идей, нельзя упускать из виду еще одну проблему: чтобы отразиться в политических идеях, интересы, если они являются объективными, должны быть осознаны. Такое осознание происходит и на уровне психологии (в форме чувств, настроений, эмоций), и на уровне идеологии (в виде теорий, концепций и т. д.). При этом эмоциональные процессы составляют тот необходимый фон, на котором формируется и реализуется всякая политическая идея. Но эмоции действуют как слепая сила, если не сливаются в поведении с рациональным освоением действительности. На уровне политической идеологии осознание объективного интереса выражается обычно в намерениях, мотивах, в виде цели его удовлетворения. Интересы служат источником целей, через которые они из объективных превращаются в субъективные. Ведь чтобы интересы были реализованы, они должны быть осознаны и оценены в форме цели: бесцельными действиями жизненные интересы нельзя реализовать. Если же объективный интерес не осознан, то его наличие не ведет автоматически к формированию цели. «Существенно и то, что интересы в своем воздействии на поведение субъекта конкурируют с разделяемыми ценностями. Именно под влиянием ценностей те или иные интересы переплавляются в цели» [265, с. 5].

Роль идеологии в мире политики меняется в зависимости от исторических условий, ситуации в стране, соотношения сил. В 60-х гг. XX в. французские ученые Д. Белл [12] и Р. Арон [8], полагая, что в западном мире достигнуто взаимопонимание основных политических сил по основополагающим вопросам (оценки роли «государства всеобщего благосостояния», децентрализации управления, политического плюрализма и смешанной экономики), а также в связи с возникновением массового общества («недифференцированного множества» людей) нарастанием иерархической бюрократизации и некоторых других показателей общественного развития, сделали вывод о «конце идеологии» и начале эпохи деидеологизации. Но буквально через десятилетие усиление роли факторов, нуждавшихся в идеологических оценках (расовые волнения, волна культурного неконформизма в Европе, безработица, инфляция, кризис общества всеобщего благосостояния и т. д.), заставило их говорить уже об «эпохе реидеологизации» [213].

После краха в мировом масштабе марксистско-ленинской идеологии вновь заговорили о наступлении эры единообразного идеологического пространства. Однако 11 сентября 2001 г. после масштабных терактов в Нью-Йорке человечество осознало наступление эпохи нового идеологического противостояния — между рациональными гуманистическими идеологиями и иррациональными бесчеловечными концепциями политического терроризма.

Чтобы облегчить понимание многообразных политических явлений, люди нередко выдвигают (формируют) сравнительно небольшой комплекс «главных» (базовых) идей, призванных служить ключом к пониманию тех или иных политических явлений. Этот комплекс и образует стержень политической идеологии. Без базовых идеологических установок и позиций ни личность, ни государство, ни общество обойтись не могут. Не случайно кризисные периоды в жизни общества обычно сопровождаются потерей идеологических ориентиров, бездуховностью и смутой. Как раз в подобные периоды становятся модными призывы к деидеологизации общественно-политической жизни. Происходит это потому, что в такое время в политике эксплуатируются идеи, оторванные от практических проблем общественной жизни, действительных интересов различных социальных слоев. Но это никак не устраняет идеологию из политической жизни, ее место не бывает вакантным, а образовавшийся вакуум мгновенно заполняется другими политическими представлениями. Другое дело, что обыденное сознание не сразу впитывает в себя новую идеологию, поэтому у части граждан может создаться иллюзия отсутствия таковой.

Идеология продолжает оставаться *доминантой* политики. Хотя идеология и является выражением интересов отдельных социально-политических групп и в силу этого *не может по своему содержанию быть научной концепцией*, вместе с тем она *может отвечать потребностям людей*, ибо дает ориентир в их общественной жизни, указывает им социальный идеал и пути движения к нему. Тем самым идеология придает осознанность социальной деятельности социума. Она вызывает к жизни определенную политическую практику, является теоретическим *обоснованием* той или иной политики [38].

Политическая идеология – неотъемлемая составная часть политической системы общества. Она образует его политико-идеологическую подсистему, в которую включены различные политические концепции, теории, взгляды. Без этой подсистемы невозможно функционирование политической системы общества, она придает ей определенное своеобразие и неповторимые черты.

Итак, основное предназначение идеологии заключается в выражении и защите интересов социальных групп и классов. А это предполагает познание и осознание этих интересов, разработку программных целей и средств их достижения. Идеологические системы включают в свое содержание экономические, политические концепции. При этом они опираются на определенную философию жизни: картину мира, теорию исторического процесса, морально-нравственные нормы, ценности и идеалы. Поэтому политическую идеологию можно определить как некий строительный проект или эскиз, на основе которого конструируется стратегия социально-политических сил в лице партий, организаций, объединений, правительства и т. д.

Идеология сегодня самая мощная сила. Она постоянно стремится что-то преувеличить или затушевать – то общечеловеческие ценности, то национальные, то классовые. Идеология исходит из крайностей, например двух противоположных классов – капиталистов и пролетариата, двух противоположных взглядов на человека – демократического и тоталитарного. Идеология объединяет и разъединяет людей. Ее интересы частные и, стало быть, могут объединить часть людей на определенное время. Разделение идей, писал Д. Вико [37], удостоверяет разграниче-

ние собственности. Торжество идеологии привело к господству формальных принципов, наподобие историзма с его многообещающими схемами и пренебрежением к конкретному человеку. Масса – удобный объект идеологических манипуляций, поэтому идеологи заинтересованы в том, чтобы народ превратился в массу, в которую легко внедрять идеологию [52, с. 300].

Политическая идеология является по преимуществу духовным орудием элиты. Однако ее реальная роль в обществе зависит от того, какое воздействие она оказывает на состояние общественного сознания. С помощью идеологии отдельно взятая территориально-культурная и политическая общность возвышается до осознания себя как народа, до уяснения своего места и своей роли в истории данного региона и человечества в целом. Идеология способствует рационализации мира и жизни, позволяет человеку найти устойчивые ориентиры для своей деятельности.

Человек и общество живут в идеологическом пространстве точно так же, как и в мире политики, культуры, экономических отношений и т. д. Идеология сегодня не только одна из организационных, регулятивных и контрольных систем, направляющих жизнь общества и человека, непосредственно связанная функционально с политической системой общества, политическим режимом государства, политической этикой. Устойчивость, вневременные, универсальные формы идеологии (прогрессивность или реакционность и т. п.), ее свойство выражать реальные или иллюзионные, кажущиеся либо придуманные ситуации и интересы в других неидеологических сферах жизни общества – в политике, экономике, культуре – стали основой развития самой идеологии.

Не случайно в основе кризиса любых цивилизаций и общественных систем лежит в конечном счете идеологический кризис, но и любое общественное возрождение также начинается с очищения и обновления общественных идеалов, с утверждения новой системы ценностей [106, с. 320].

19.1.3.2. Функции политической идеологии

Реальная роль политической идеологии в сфере власти зависит от характера овладения ею общественным сознанием и обусловлена спектром исполняемых ее функций. Исследователи выделяют следующие функции:

- *гносеологическую*, предполагающую создание модели мира и определение места человека в нем;
- *аксиологическую*, выполняющую оценку прошлого и настоящего на основе различных норм и ценностей. Осуществление этой функции предполагает наличие в качестве органической составной части политической идеологии критериев оценки прошлого, настоящего и будущего в политической жизни общества и внедрение их в общественное сознание;
- *футурологическую (ориентационную)*, осуществляющую моделирование развития своей группы и общества в целом. Выражается в том, что, включая в себя основополагающие представления об обществе, социальном прогрессе, личности, власти, идеология задает человеческой деятельности систему смыслов и ориентаций;
- *программно-целевую*, обеспечивающую формулирование цели деятельности группы и разработку программы ее достижения;

- *идейного овладения общественным сознанием.* Оно строится на основе целей, задач и приоритетов, сформулированных в той или иной политической идеологии, пронизанной стремлением привлечь на свою сторону как можно большее число людей и направить их активность на реализацию присущих ей целей, задач и приоритетов;
- *социально-организационную,* обеспечивающую определение принципов организации и управления жизнью общности;
- *легитимации власти или изменения* политической системы общества;
- *создания позитивного образа* целей и задач политического развития, предлагаемых партией, движением или другими силами, в глазах общественного мнения;
- *мобилизации и стимулирования* действий граждан во имя поддержки и исполнения поставленных задач. Любая партия, получив доступ к власти, стремится распространить свою идеологию на всех членов общества, используя систему образования и культуры, СМИ, пропаганду. Привлекая как можно больше людей на свою сторону, политическая идеология выполняет эту функцию. Предлагая идеал более совершенного общества, политическая идеология выступает в качестве непосредственного мотива политической деятельности и мобилизует общество, социальные группы на его реализацию. Смысл мобилизационной функции заключается в том, что, предлагая идеалы более совершенного общества, политические идеологии выступают в качестве непосредственных мотивов политической деятельности и мобилизуют общество, социальные группы на их реализацию;
- *интеграции* социальных групп и государственного социума в целом. В рамках одной политической партии идеология объединяет и сплачивает членов данной партии. С точки зрения политических функций, идеология стремится сплотить, интегрировать общество с целью реализации интересов определенной социальной (национальной, религиозной и т. п.) группы либо для достижения целей, не опирающихся на конкретные слои населения (например, идеология анархизма, фашизма). Наделяя смыслом политическое действие в пределах предлагаемой фундаментальной картины мира, политическая идеология задает ему такую значимость, которая по своим масштабам превосходит любой индивидуальный или групповой интерес. Политическая идеология противостоит частным интересам и тем самым выступает интегрирующим фактором. Выражая интересы определенной социальной группы или класса, политическая идеология нацелена на объединение общества в целом. В демократическом обществе иначе быть не может: невозможно прийти к власти без максимально широкой поддержки населения, без того, чтобы идеалы и цели, провозглашаемые в той или иной конкретной идеологии, не находили понимания среди широких слоев граждан;
- *дифференциации* сообщества или группы от остальных сообществ и групп, одной партии от других. Идеология призвана придавать значимость институциональным отношениям между людьми как субъектами политики, обосновывать, оправдывать или отвергать политические реальности в конкретных общественно-исторических условиях. В то же время определенная часть идеологий основывается на конкретном идеале, который независимо от степени его верности или ложности строится, как правило, на противопоставлении действи-

тельности, какая она должна быть, действительности, как она есть. В масштабах всего общества идеологи разделяют людей на группы и партии и выполняют функцию *идейного размежевания*;

- *оправдания и идеализации* существующей политической системы общества и действительности. Политическая идеология по определению не может быть носителем научного знания. Она, как правило, не ставит перед собой такой задачи. Предназначение политической идеологии – возбуждать *веру* в правильность выбранной данной общественной группы политической, экономической и социальной стратегии развития общества;
- *амортизационную*. Будучи способом интерпретации политической действительности, политическая идеология служит ослаблению социальной напряженности в ситуации, когда возникает несоответствие между потребностями общества, группы, индивида и реальными возможностями их удовлетворения. Предлагаемые идеалы выступают в качестве вдохновляющих смыслов, заставляющих индивида, группу находить в себе силы после неудач и вновь стремиться к активным действиям по их реализации;
- *выражения и защиты* интересов определенной социальной группы. Суть ее состоит в том, что политическая идеология, как правило, возникает на базе интересов какой-либо социальной группы и призвана противопоставить их интересам других групп;
- *компенсации социальной неудовлетворенности* надеждой на благополучное изменение социального бытия. Это определяется, с одной стороны, тем, что политическая идеология призвана отражать действительность в форме идеалов и целей, что плохо согласуется с научным обоснованием. А с другой стороны – тем, что практическая проверка положений политической идеологии весьма затруднена сложностью, многообразием и противоречивостью социально-политических процессов;
- *культурно-воспитательную функцию*, обусловленную тем, что она обязательный компонент политической культуры общества;
- *оппонирования*, выполняющую конкурентное взаимодействие с другими идеологиями, доктринами и учениями.

Наряду с этими задачами А. Гертц [213, с. 231] отмечает также необходимость выполнения идеологией задач по «выпуску пара из котла» (т. е. ослаблению политической напряженности за счет перевода противоборства сторон в область идейной полемики).

По мнению испанского политолога Л. Санистебана [206], политические идеологии имеют две функции: *познавательную* (описание и объяснение политической системы) и *прагматическую* (ориентация действия в определенном направлении). Обе функции тесно связаны между собой, однако *прагматическая является преобладающей*, поскольку любая группа людей, приходящая к власти (политическая элита), стремится обосновать и оправдать свое положение на вершине политической пирамиды и в собственных глазах, и в глазах масс. Такое оправдание не всегда соответствует политической действительности, и именно в этом различие между научной, объективной картиной мира и объяснением его с точки зрения политической идеологии. За каждой идеологией – определенный политический интерес социальной группы, который осознается и защищается ее идеологами.

В свою очередь, политическая оппозиция заинтересована в смене правящей элиты и замене ее новой, как правило, с помощью собственной политической идеологии. Идеология помогает каждой заинтересованной группе не только теоретически обосновать свой интерес, но и сформулировать политические цели и идеалы, наметить пути их достижения, разработать стратегию и тактику политического курса в виде конкретной политической программы действий.

В политической идеологии *отражается* процесс властных отношений. А она, в свою очередь, находит свое выражение в форме концепций, идей, доктрин и политических программ. Эффективность политической идеологии во многом зависит от степени соотнесенности ее положений в виде образов с политическими представлениями образного характера, разделяемыми большинством населения страны. Это означает, что влияние той или иной политической идеологии тем выше, чем больше ее положения и образы близки массовому сознанию населения. В идеале образ, нарисованный политической идеологией, должен совпадать с образом, издавна существующим в гуще народа.

Политическая идеология далеко не всегда и далеко не в полной мере совпадает с общенародными интересами. Однако если такое совпадение имеет место, то политическая идеология оказывается сильнейшим и могущественнейшим фактором общественно-политического развития [74, с. 603].

Указанные функции политическая идеология выполняет благодаря двум свойствам, которые отличают ее от других форм политического сознания (например, политической психологии), а именно претензии на *тотальную значимость* (или глобальность) и *нормативность*. Любая политическая идеология стремится подавить другие идеологии, заявить о своем великом призвании изменить мир и использовать все во имя реализации выдвинутой идеи. Идеология требует от своих сторонников приверженности ценностям и нормам, которые она культивирует.

Идеологию не следует путать с пропагандой. Если идеология представляет собой *форму* существования политических представлений, то политическая пропаганда является основным *средством* их распространения. Однако идеология и пропаганда тесно взаимосвязаны. Пропаганда целенаправленно формирует у граждан необходимые и желаемые для партий, элит, лидеров политические ориентации, побуждающие граждан к определенному типу (образу) действий. В информационном обществе «контроль за умами людей» становится главным ресурсом власти.

При этом идеология должна не столько заниматься пропагандой тех или иных идеалов и ценностей, сколько стимулировать целенаправленные действия и поступки граждан, партий и других политических ассоциаций. Таким образом, политическая идеология призвана мобилизовать население страны в соответствии с теми или иными целями политических групп и организаций.

19.1.4. Структура политической идеологии

19.1.4.1. Уровни политической идеологии

Политическая идеология включает в себя несколько уровней, каждый из которых вносит свой вклад в процесс формирования и распространения соответствующих политических доктрин. Политологи выделяют три уровня:

- **теоретико-концептуальный** (*элитарный*), на котором формулируются основные положения, раскрывающие ценности и идеалы определенного класса (нации, государства) или приверженцев какой-то определенной цели политического развития. Это уровень политической философии социальной группы, выражающей основные ценностно-смысловые ориентиры ее развития, те идеалы и принципы, во имя которых совершаются государственные перевороты, разрушаются политические системы и возрождаются общества. Он представляет собой своеобразный каркас политической идеологии. На этом уровне происходит обобщение политического опыта социальной группы и формирование представлений об основных интересах не только данной социальной группы, но и всей нации и государства. Наличие таких представлений свидетельствует об уровне интеллектуальной рефлексии данной группы, о ее способности предложить собственные принципы интерпретации мира политики, создать систематизированную, логически стройную и достоверную картину действительности. Здесь научные открытия синтезируются с идеологическими постулатами, разрабатываются политические теории и идейные принципы партий. Поскольку многие группы по-разному интерпретируют одни и те же принципы, то здесь основное внимание уделяется *иерархизации* данных представлений. Например, как подчеркивает Э. Арбластер, «и либералы и социалисты... хотят свободы и равенства». Но при этом «их разделяет характер выбора между свободой и равенством в конфликтной ситуации, а также их соотношение с другими ценностями: справедливостью, безопасностью, собственностью...»;
- **программно-политический** (пропагандистско-просветительский), на котором социально-философские принципы и идеалы переводятся в программы, конкретные лозунги и требования политической элиты, формируя, таким образом, нормативную основу для принятия управленческих решений и стимулирования политического поведения граждан. И если политические принципы формируют приверженцев и предполагают дискуссии сторонников разных ценностей, то программы разрабатываются для ведения непосредственной политической борьбы, предполагающей подавление (нейтрализацию) оппонентов. В таком случае осуществляется инструментальное оформление тех основополагающих идей, которые вырабатываются группой. По сути дела — это главный идейный источник политических преобразований, конструирования действительности с помощью власти. На данном уровне функционирования политической идеологии идеалы поверяются на свою жизнеспособность, поэтому к идеологии предъявляются особые требования: осознавать значение тех или иных проблем общественной жизни, артикулировать интересы граждан и воплощать их в политическую волю. Поскольку этот уровень содержит в себе оценки текущих политических событий, действий правительства, то здесь могут как сблизиться представители разных политических идеалов, так и отдаляться сторонники одной и той же партии. Непосредственным носителем программ и установок является политическая элита. Однако без специфических организаций, объединяющих классы и социальные группы и направляющих их усилия, такая регуляция была бы невозможна. Поэтому создателями программ и директив выступают политические партии, а также государства в лице

государственного аппарата. При этом между *концептуальным* и *программным* уровнями могут существовать и определенные противоречия, в результате чего некоторые принципы, как писал Б. Чичерин [252], нельзя узнать в оформлении их «самых рьяных обожателей». Для широких масс «потолком» понимания сути политического процесса чаще всего является программно-политический уровень;

- **актуализированный** (поведенческий, обыденный), который характеризует степень освоения гражданами целей и принципов данной идеологии, меру их воплощения в своих практических делах и поступках. Здесь речь идет о степени восприятия и актуализации массами политической пропаганды. Данный уровень может отличаться довольно широким спектром вариантов усвоения людьми идеологических установок: от постоянной смены политических позиций (мнений), не затрагивающих гражданские убеждения, до восприятия людьми своих политических привязанностей как глубинных мировоззренческих ориентиров. Этот уровень позволяет элите путем изучения общественного мнения (особенно в обществе с открытыми идеологиями) определять степень влияния, надежности политической идеологии, которая выступает как организационная, регулятивная, контрольная система, направляющая жизнь человека и общества. Идеологии, обладающие способностью определять принципы социального мышления людей, упорядочивать в их сознании картины мира, являются «тотальными» (К. Мангейм [128]). Те же системы политических требований и воззрений, в которых ставятся задачи частичного изменения форм правления, функций государства, систем выборов и другие, не способны повлиять на мировоззренческие представления граждан и выступают как «частные» (Н. Пуланзас [200]). На этом уровне разворачивается *пространство идеологического взаимодействия (дискурс)* с такими его элементами, как идеологические политические культуры, идеологическая агрегация (Г. Алмонд, Г. Пауэлл [3]), идеологические требования, идеологическая цензура, идеологическая борьба, сопровождаемая разного рода побочными явлениями — «идеологическими диверсиями» или «идеологическими инсинуациями» (И. Ильин [81]) и т. п.

Постоянное взаимодействие трех уровней политической идеологии является определяющим элементом *«стиля агрегации интересов»* (Алмонд и Пауэлл [3]). Этим понятием обычно обозначают специфический характер, способ функционирования политической системы, определяющие внешние ее проявления в политических культурах. Алмонд и Пауэлл выделили три основных стиля агрегации интересов, соответствующих степени прогрессирующей секуляризации различных политических субкультур: *прагматически-компромиссный, ориентированный на абсолютные ценности и традиционалистский.*

Каждому стилю присущи собственные идеологические стереотипы, но только второй из них может быть с полным основанием отнесен к «идеологическому стилю». Например, в Великобритании и США агрегация политических интересов при всем их многообразии осуществляется в рамках строго ограниченных (конституционно закрепленных) типов политического участия и действия. Идеологическая перспектива политической деятельности определяется общими положениями, не препятствующими созданию «атмосферы рыночной площади», на которой поли-

тические партии, законодатели и правительственные чиновники заключают выгодные для себя сделки.

Традиционалистский стиль политики ориентируется на прошлое с целью определения альтернатив для будущего. Главное место в артикуляции интересов больших социальных групп принадлежит немногочисленным (нередко замкнутым) элитам, опирающимся на освященные стариной представления о смысле существования, в которых религия играет определяющую роль. Ориентированный на абсолютные ценности стиль политической жизни и сознания отвергает принцип компромисса, и не ставит цели согласования многообразных интересов. Этот стиль определяется системой жестких, рационально выверенных принципов, в соответствии с которыми правители устанавливают ход политической жизни. То, что представляется им совершенным, закрепляется соответствующими предписаниями.

Такой тип агрегации интересов не может существовать вне определенной политической культуры с господствующей идеологией в качестве ядра. Эта идеология обычно рисует дихотомическую контрастную картину мира, разделенного на «своих» и «чужих» «друзей» и «врагов». Врагами могут стать «бывшие», «иностранные интервенты» (эпоха якобинской диктатуры), «капиталисты-эксплуататоры» и «империалисты», «красно-коричневые», «жидо-масоны» и т. п. [187].

Падение влияния идеологии на общественное мнение или распространение технократических представлений, отрицающих возможность воздействия социальных ценностей на политические связи и отношения, ведет к *деидеологизации* политики.

В то же время насильственное внедрение идеологии, или так называемая *индоктринация*, усиливает политическую напряженность в обществе. Более того, она может привести к изменениям психики человека, поскольку, как писал К. Лоренц, когда «доктрина становится всеохватывающей религией, все противоречащее ей факты игнорируются, отрицаются или вытесняются в подсознание. И человек, вытесняющий эти факты, оказывает маниакальное сопротивление всем попыткам вновь довести вытесненные факты до сознания» [120, с. 27].

19.1.4.2. Элементы структуры политической идеологии

Политическая идеология — это *система* основополагающих (базовых) *идей*, понятий, с большей или меньшей точностью отражающих политические явления и процессы, в соответствии с которыми формируются политическое сознание (мировоззрение) и жизненная позиция личности, социальных групп, общества в целом. Основные идеологии будут рассмотрены в следующем параграфе. Но только ими структура идеологии не исчерпывается.

С некоторыми оговорками можно сказать, что в идеологии присутствуют два взаимосвязанных друг с другом компонента. Один — разрушительный, ставящий задачу уничтожения существующей политической системы, а второй — защиту существующего в данный момент положения вещей. Большинство идеологических течений колеблется между этими полюсами, предлагая свои проекты или программы в качестве альтернатив политическому курсу других политических сил в рамках существующей системы. Естественно, нередко в выигрышном положении находятся те, кто противопоставляет будущее гипотетическое совершенное общество существующей системе со всеми ее недостатками и проблемами.

Идеология привилегированных или господствующих групп, слоев, классов основывается на их глубоком убеждении в законности и абсолютной легитимности своего привилегированного или же господствующего положения. Они просто не в состоянии оценить реальное положение вещей, в том числе глубокие изменения, произошедшие в собственной стране и окружающем мире, и они готовы отстаивать свои позиции любыми, даже насильственными средствами.

В свою очередь, те группы, сословия, классы, которые недовольны существующим положением и выступают за его изменение, склонны впасть в другую крайность. Разумеется, степень такого недовольства может быть различной у разных категорий граждан, и диапазон их программ может варьироваться от требований перестройки тех или иных аспектов социально-экономической и политической жизни до радикального слома существующей системы.

Сторонники радикальной или революционной идеологии порой настолько одержимы сознанием своей правоты и законности, предъявляемых ими требований, что вольно или невольно подгоняют многообразие жизненных ситуаций и процессов к собственному видению мира и тем самым также теряют способность трезво оценивать реальное положение вещей. В результате, особенно в тех случаях, когда власть имущие не хотят и не могут идти на какие бы то ни было серьезные уступки, нередко революция, радикальный переворот рассматриваются в качестве универсального ключа к решению всех проблем.

Как бы ни были совершенны господствующие институты, законы и правовые системы, с течением времени они теряют свой первоначальный смысл и перестают отвечать коренным интересам большинства населения соответствующей страны. Новые реальности вызывают изменения содержания старых или создания новых законов и норм. Но власть имущие, несмотря на очевидность происшедших в реальной жизни изменений, склонны всеми силами защищать их. В результате возникает конфликт между устаревшими законами и новыми реальностями. В данном контексте политика представляет собой арену столкновения различных идеологических систем, идеологических течений и направлений [41, с. 168].

В современной политологии идеологию чаще всего характеризуют как систему *ценностей и предпочтений* людей, вовлеченных в политическое действие (Д. Истон [84], М. Дюверже [69] и др.).

Английский исследователь Л. Фойер сформулировал «закон постоянных ингредиентов идеологии». Он считает, что во всех идеологиях можно обнаружить три постоянных элемента. Прежде всего это библейский миф о Моисее. Второй элемент — это догмат, дающий идеологии философское обоснование. И, наконец, третий элемент — это определенный слой людей, класс, который призван воплотить идеологию в действие. Во всех идеологиях Фойер находит одни и те же структуры, которые лежат в основе библейского мифа о Моисее — освободителе израильтян из египетского плена. Все они заключают в себе некое глобальное представление о миссии избавления и раскрепощения [33, с. 166].

Подход к пониманию структуры политической идеологии может основываться на принципе историзма и описывать ее как совокупность индивидуальных и групповых ориентаций, вырабатываемых в процессе перехода от традиционных обществ к секуляризированным общественным формам, в рамках которых политика становится результатом переговоров и рационально обоснованных проектов, не испытывая потребности в иррациональных стимулах. Идеологии выполняют на этой ста-

дии функцию квазирелигиозных регуляторов социального поведения, создающих четко фиксированные образы политической жизни и предлагающих целый ряд альтернативных «поведенческих кодов». XX в. дал множество образцов идеологических культур: от радикальных — коммунизма и нацизма — до вполне умеренных, например, культура клерикального типа в Италии, голлизм во Франции и др.

Г. Лассуэлл [109], рассматривавший политическую идеологию как разновидность коммуникации, направленной на поддержание политического сообщества как такового, включал в нее следующие элементы, направленные на общественное сознание:

- политические доктрины;
- политическую формулу (перечень основных положений конституции);
- политическую миранду (легенды, мифы, церемонии и т. д.).

Американский политолог Ф. Гросс [106, с. 323] характеризует политическую идеологию как самостоятельный вид идеологии, имеющий свою структуру, цели и специфическую направленность. Он выделяет в политической идеологии:

- основные ценности («Всеобщая декларация прав человека», 10 христианских заповедей и др.);
- вспомогательные или инструментальные ценности, полезные при определенных обстоятельствах, но не обязательные для всех (надежность, корректность, честная игра, пунктуальность и т. п.);
- абсолютные ценности (свобода, равенство, справедливость, толерантность и др.).

По мнению ряда отечественных исследователей, политическая идеология в целом имеет следующие основные структурные элементы:

- связь с общей мировоззренческой системой эпохи;
- программные установки, сформулированные на основе тех или иных положений этой системы;
- стратегия реализации программных установок;
- пропаганда;
- конкретные шаги по реализации программы.

Таким образом, политическая идеология предстает как *система воззрений и концепций* в отношении окружающего мира, определенное миропонимание и в то же время как *система политических ориентаций и установок*. Следовательно, с точки зрения структуры, политическая идеология — это одновременно *учение (доктрина), программа и политическая практика*.

19.1.5. Процесс теоретического осмысления политической идеологии

19.1.5.1. Классические концепции идеологии

Веком рождения классических идеологий принято считать эпоху Просвещения, сформировавшую рационалистическое политическое мышление. В ее рамках была выдвинута идея идеологии прогресса и возможности создания разумного общественного порядка на основе сознательно формулируемых самими людьми це-

лей преобразования и ожидаемых результатов. Обоснование возможности целеполагающей деятельности людей востребовало науку об идеях, в которых выражались идеалистические представления о желаемом обществе. Однако природа этих идей трактовалась неоднозначно. Содержание идеальных представлений в одних случаях вытекало из материальных и социальных условий жизни конкретных классов, в других — идеи представляли собой сознательно сформулированные идеалы и цели, способные интегрировать и мобилизовать различные общности на базе этнической, религиозной и культурной идентичности. Неоднозначность в понимании природы идеальных представлений о мире привела к различным трактовкам термина «идеология».

Понятие «идеология» было введено в научный оборот в 1796 г. французским философом и экономистом А. Д. де Траси в докладе «Проект идеологии». В этом докладе и в появившемся позднее 4-томном исследовании «Элементы идеологии» де Траси стремился разработать методологию систематизации идей выдающихся мыслителей Нового времени — Бэкона [32], Локка [119], Кондильяка [99], Гельвеция и создать общую «теорию идей», или наук идеологии. Вместе со своими современниками П. Кабанисом и К. Вольнеем он разрабатывал учение о том, как из чувственных восприятий образуются идеи, как затем эти идеи сочетаются и складываются в системы, каковы законы их функционирования. Идеология в их понимании — такая же наука, как и естественные науки, например зоология. Успех этой затеи был кратковременным. Пришедший к власти Наполеон назвал идеологию демагогией и болтовней, дав тем самым термину резко отрицательное значение пустой и ложной спекуляции, не имеющей под собой ничего конкретного. «Идеологами» стали называть людей, проповедующих взгляды, оторванные от практических вопросов общественной жизни и реальной политики.

Со времени появления термина «идеология» в науке сложились различные взгляды на его содержание и то духовное явление, которое оно отражает в политической сфере общества. В частности, В. Парето [172] рассматривал общественные (политические) идеологии как интеллектуальные системы, которые являются «языками чувств» и лишь оформляют побудительные мотивы человеческого поведения. В этом смысле идеология суть лишь ловкий словесный покров, оболочка, которая придает теоретическую форму человеческим эмоциям.

С предубеждением относился к идеологии и основоположник теории идеологии К. Маркс [131], рассматривая в своих ранних работах это понятие в противоположном наполеоновскому, но столь же негативном смысле как обозначение различного рода идей, существующих не в пустом пространстве, а коренящихся в классовых интересах. Последователи Маркса (Ленин в том числе), хотя и признавали значение «социалистической идеологии» как фактора мобилизации массового пролетарского движения, сохраняли вместе с тем и отрицательный смысл самого понятия в его применении к «буржуазной идеологии».

В работах создателей марксистской теории в зависимости от контекста термин «идеология» использовался в трех значениях:

- сознание определенного класса в целом;
- теоретическое сознание;
- ложное, извращенное сознание, вызванное противоречиями производственных отношений.

Марксизм исходит из обусловленности идеологических доктрин материальными условиями жизни общественных групп. Идеология рассматривается как относительно самостоятельный феномен духовной жизни людей наряду с другими формами политического сознания. В зависимости от места, которое занимает группа в общественных отношениях, ее идеология является научной или нет. Идеология научна, если выражает классовые интересы, совпадающие с ведущими тенденциями общественного развития. Естественно, что с этой точки зрения, идеология рабочего класса, которому отводилась роль освободителя человечества от эксплуатации, рассматривалась как научная. Современные последователи К. Маркса трактуют идеологию как систему ценностей, легитимизирующую существующий в данном обществе порядок господства (К. Ленк). Чисто классовое понимание идеологии снижает ее интегративные возможности и коммуникативные способности к налаживанию диалога «власть — общество».

Расширительная трактовка идеологии представлена Т. Парсонсом [173], который рассматривал ее с позиций функционального подхода. Он акцентировал внимание не на природе и специфике идеологии, а на ее предназначении в обществе. Исходя из такой посылки, он интерпретировал идеологию как систему ценностей конкретного общества, выступающую в качестве универсальных ориентаций социальной деятельности.

Иной подход к идеологии демонстрировали сторонники либеральных взглядов. В западной политологии преобладает интерпретация идеологии как надисторического явления, существующего вне зависимости от социальных и политических условий. Чаще всего идеологию характеризуют как систему ценностей и предпочтений (Д. Истон [84], М. Дюверже [69] и др.). Благодаря ценностям осуществляется процесс дифференциации и иерархизации объектов по степени их значимости, что необходимо для стимулирования человеческих действий. Принципиальной позицией является категорическое отрицание у идеологии познавательных функций.

Более конструктивное — культурологическое — объяснение феномена идеологии предполагает рассмотрение ее в контексте культуры, а именно как важного элемента культуры. Подобная традиция была заложена в работах М. Вебера [34], К. Мангейма [128], Э. Дюркгейма [71]. М. Вебер относил идеологию, как и другие мировоззренческие и религиозные образования, к области веры, отрицая тем самым даже саму постановку вопроса о ее научности. Согласно их воззрениям, природу и содержание идеологии следует выводить из субъективных ценностей, актуализированных группой, индивидом и выступающих в качестве мотивов их деятельности. Особое значение идеологии в конкретном обществе обусловлено, по М. Веберу, заданностью политических идеалов религиозными нормами. Эти нормы и ценности предписывают определенный образ жизни, действия и являются культурным кодом, позволяющим понять специфику политических форм жизни в конкретном обществе. Естественно, мотивации могут под воздействием прогресса общества и разрушаться. Тогда возникает потребность в новых смыслах и ориентациях.

Данный культурологический подход развивают и некоторые современные исследователи, в частности Э. Шилс, У. Матц [134] и др. Их интересует значение идеологий в социальном прогрессе. По теории Э. Шилса:

- понятие идеологии применимо только к такой системе убеждений, которая закономерно выходит на политическую сцену во время серьезных общественных кризисов;
- идеология как политическое мировоззрение представляет собой такую систему ценностей, которая имеет силу *веры* и потому обладает особенно большим ориентационным потенциалом;
- ориентационные возможности идеологии настолько значительны, что она способна нарушить состояние социальной аномии (разрушение), обусловленное кризисом. Новая система смыслов и ориентации появляется как неизбежное следствие стремления устранить несоответствие между растущими потребностями определенных социальных групп и существующими ценностями и нормами, регулирующими общественные отношения. Когда прежняя картина мира и соответствующая ей система смыслов человеческой деятельности утрачивают свои ориентационные и мобилизационные возможности, общество вступает в состояние социальной аномии. Поиск выхода из этого состояния стимулирует формирование новых идей. Более совершенное состояние общества, предлагаемое новой идеологией, вызывает к жизни определенную политическую практику. Так, следующие друг за другом начиная с XVIII в. наиболее значимые идеологии – либерализм, социализм, коммунизм, национал-социализм – предлагали такие интерпретации общественного прогресса, которые были актуальны для конкретных обществ в определенных исторических условиях [134, с. 130–131].

К. Мангейм в книге «Идеология и утопия» [128, с. 56], с близких к марксизму позиций, систематически разработал концепцию М. Вебера. Известный исследователь проблем человеческого мышления, так же как и К. Маркс, понимал идеологию как «совокупность ложных представлений». Однако основное внимание он уделил ее функциональным характеристикам. Наиболее важная, по его мнению, функция идеологии выражается в ее способности сплачивать людей, аккумулировать их политическую энергию. По функциональному признаку Мангейм выделил собственно *идеологию и утопию*. Идеология – это «коллективное бессознательное мышление определенных групп, которое скрывает действительное состояние общества как от себя, так и от других и тем самым стабилизирует его».

Утопическое же мышление характерно для групп, заинтересованных в уничтожении и преобразовании существующего общества. Поэтому они невольно видят только те элементы ситуации, которые направлены на его отрицание. Такое мышление тоже «не способно правильно диагностировать действительное состояние общества... Их мышление никогда не бывает направлено на диагноз ситуации: оно может служить только руководством к действию».

Рассматривая идеологию как одно из средств борьбы с политическими оппонентами, К. Мангейм выделял частичную и тотальную идеологии. *Частичная идеология* ставит под сомнение некоторые высказывания политического противника, подчеркивая, что противник как представитель определенной социальной группы в ряде случаев сознательно или бессознательно искажает истину. *Тотальная идеология*, критикуя мировоззрение противника, дискредитирует всю структуру его сознания, ставит под сомнение его способность правильно мыслить. Впервые такой способ борьбы с идейными политическими противниками применил

К. Маркс, декларируя научную обоснованность только своей теории. Идеология является своеобразным духовным основанием политики. Своевременно сформулированные идеи, идеологические доктрины позволяют разрабатывать адекватные подходы к оценке социальных процессов, к определению текущих и перспективных целей политики.

Такое противопоставление «консервативной идеологии» и «революционной утопии» оказалось в конечном итоге несостоятельным. В дальнейшем сам Мангейм был вынужден говорить о невозможности в принципе заранее предвидеть — какую идею «следует рассматривать в качестве истинной (т. е. реализуемой также в будущем) утопии восстающих классов», и какую — «в качестве чистой идеологии господствующих (но также и восстающих) классов» [187].

В теории возникла парадоксальная ситуация: политика не может обходиться без идеологии, однако последняя рассматривается, по мнению немецкого политолога У. Матца [134], не как «необходимость открытого общества», а как «результат исторических случайностей. В фазе мировоззренческих кризисов они (идеологи) вроде костылей подвернулись под руку».

Французский политолог Б. де Жувенель [76] не устал повторять: «Политикой управляют мотивы, которые экономике не известны». Этим он подчеркивал не только относительную самостоятельность политики, но и ее непредсказуемость, вероятностный характер. Но при всей кажущейся на первый взгляд непредсказуемости политических взаимодействий, вызванной различиями целей и интересов участников политического процесса, обнаруживается некоторая заданность их действий, подчиненность определенной логике. Благодаря им обеспечивается целостность общества и политический порядок. В основе этой заданности, которая направляет поведение людей, формирует их волю, стремление к действию, политическому участию, лежит политическая идеология. Она стимулирует политическую деятельность, способствует распределению целей по их значимости для субъекта на основе имеющихся у него представлений, ценностей, верований, идеалов.

Роль политической идеологии в обществе оценивалась и оценивается по-разному, причем оценки располагаются в весьма широком диапазоне: от ее характеристики как замкнутой на себя «служанки власти», не имеющей связи с реальностью и потому не обладающей сколько-нибудь серьезным весом в политике, до признания ее открытой к изменениям, гибко адаптирующейся идейной системы, пронизывающей все политическое пространство. Так, если П. Рикерт вслед за Р. Москкой [153], Р. Михельсом [148] и другими неомакиавеллистами гиперболизирует значение политической идеологии, рассматривая даже формы эстетического и религиозного сознания как специфические формы ее проявления, отрицая таким образом явления, не опосредованные ею, то У. Матц считает, что идеология выдвигается на политическую авансцену только во время серьезных политических кризисов [134, с. 134]. А Ю. Хабермас [241] даже полагает, что, в силу невозможности вычленения в настоящее время специфических «классовых миров», место идеологии занимает «массовая культура».

Американский теоретик Л. Саджент полагал, что идеология, вырабатывая определенные цели и ценности политического развития, в то же время огрубляет решение практических проблем. Его соотечественник Ф. Уоткинс утверждал, что

идеология всегда противостоит статус-кво и является политическим фактором, сохраняющим значительный преобразующий потенциал. В противоположность таким идеям Д. Истон [84], А. Конноли и некоторые другие ученые делали упор не на ее эмоциональном, а на ценностном содержании. Более дифференцированное представление об идеологии предложил Г. Лассуэлл [109], рассматривавший ее как разновидность коммуникации, направленной на поддержание политического общества как такового.

Несмотря на различие в подходах, в западной политологии все же сложились устойчивые позиции по отношению к идеологии. В частности, принципиальным подходом является бескомпромиссное разведение идеологии и науки, отрицание за идеологией познавательных функций. Весьма распространено и сугубо функциональное толкование идеологии как инструмента интеграции общности (Т. Парсонс [173] и др.), оставляющее в тени ее социально-исторические источники и детерминанты. Нередко идеология сводится к психологии отдельных групп и индивидов (Р. Пайпс [169], В. Старк и др.).

19.1.5.2. Теории деидеологизации и конвергенции

Еще в 1944 г. П. Сорокин [214] выдвинул в книге «Россия и Соединенные Штаты» прогноз, в соответствии с которым «американский капитализм и русский коммунизм в настоящее время являются не более чем призраками своего недавнего прошлого», постепенно превращаясь в «общество интегрального типа». Появившиеся в конце 1950-х – начале 60-х гг. концепции Р. Арона [8], Д. Белла [12], С. М. Липсета [118], К. Поппера [194] и многих других ученых, которые предвещали наступление эпохи деидеологизации, основывались прежде всего на крахе идеологий нацизма и фашизма, стремительном распространении ревизионистских версий марксизма в Западной Европе. Тема конца идеологии в этот период стала важнейшим элементом теорий «нового индустриального общества», «конвергенции» и др.

Исследователи в конечном счете разработали теоретические основы нового варианта интегральной идеологии, которую А. А. Зиновьев [79] назвал «идеологией западнизма». В ней утверждалось, что западным либеральным демократиям удалось решить наиболее фундаментальные проблемы промышленной революции со свойственным ей социальным неравенством и, в частности, включить организации рабочих в систему гражданского общества, заставить консерваторов принять принципы «государства благоденствия», а социалистов отказаться от идеи всеобъемлющего государственного вмешательства, сторонники «конца идеологии». Последующие десятилетия показали, что возникший на основе этой новой идеологической конструкции пропагандистский аппарат оказался достаточно эффективным. Он смог не только смягчить и абсорбировать внезапный взрыв левых экстремистских идеологий на Западе в 1960–70-е гг., но и успешно бороться с пропагандистскими машинами, созданными в этот период в СССР и маоистском Китае.

Опыт второй половины XX в. вполне подтвердил уже неоднократно высказывавшуюся в научной литературе мысль о том, что развитие идеологий в различных цивилизациях подчиняется общим закономерностям:

- периоды *формирования* суперидеологий сменяются

- периодами их *фрагментации*, раскола на ряд сложных систем, внутри которых происходит напряженная борьба многочисленных ревизионистских течений, направлений, фракций и сект, продолжающаяся до
- наступления новой стадии *кристаллизации*, на которой образуются новые макроидеологические структуры.

На протяжении всего XIX и XX вв. становление основных политических идеологий – социализма, либерализма и консерватизма – сопровождалось многочисленными расколами внутри каждого из этих течений, конфликтами между различными партиями и политическими группировками. Эти состояния продолжались до тех пор, пока очередные мировые кризисы и войны не порождали тенденции к слиянию идеологических потоков, казавшихся прежде несоединимыми. Например, один из теоретиков «конца идеологии» С. М. Липсет [118], предвещая в работе «Революция и контрреволюция» (1963) наступление нового периода идеологической интеграции, в частности, отмечал: «Примирение фундаментальных принципов, идеологический консенсус западного общества в настоящее время постепенно приводит к взаимопроникновению позиций по вопросам, которые когда-то резко отделяли «левых» от «правых». Это идеологическое соглашение, которое, возможно, лучше всего назвать «консервативным социализмом», стало идеологией ведущих партий в развитых государствах Европы и Америки».

К числу политических идеологий макроуровня исследователи относят идеологические образования, имеющие, на первый взгляд, неопределенные наименования и смысл. Например, идеология капиталистическая, экстремистская, радикальная и т. п. По мнению многих ученых, современное восприятие идеологии в образе некоей универсальной идеи, основным опорным элементом которой является символ определенного общественного устройства, например, «капитализм», «социализм», «русская идея», выглядит архаичным и неэффективным. Постмодернистская трактовка идеологии рисует картину распада большого порядка на множество фрагментов, символизирующих крушение монолитного образа в эпоху постиндустриальной цивилизации. Идеологические процессы на Западе демонстрируют появление многочисленных «малых идеологий»: пацифистской, экологической, феминистской, идеологии «сексуальных меньшинств» и т. д.

В западных странах многие люди вообще не знают, что такое идеология, хотя и находятся под ее влиянием (то же можно сказать и о молодом поколении в современной России). Одиозная практика тоталитарных диктатур порождает резко отрицательное отношение к идеологии, ее стараются не замечать или игнорировать.

Такое отношение следует отличать от вполне идеологической по своей направленности *установки на отрицание существования идеологии*. Как отмечал, М. Парренти [171] – один из наиболее проницательных исследователей американских СМИ, большинство газет, журналов и телеведущих в США «действуют в рамках установленной идеологии, состоящей в том, что они не имеют никакой установленной идеологии, никаких расовых, половых или классовых предпочтений. Не приверженные никаким внушениям, они просто дают представления о вещах так, как они их видят».

Сам факт отсутствия на Западе единой государственной идеологии, аналогичной марксизму-ленинизму или маоизму, никогда не препятствовал возникновению, развитию и совершенствованию огромного аппарата идеологической пропа-

ганды, в котором заняты сотни тысяч специалистов, осуществляющих систематическую обработку идей и учений, их «ретрансляцию» через каналы СМИ. Эта новая социальная группа, выполняющая функцию, которую в древности выполняли жрецы, входит (преимущественно в «верхнем эшелоне») в правящую элиту и поэтому кровно заинтересована том, чтобы поддерживать и наращивать свое влияние [187].

На первый взгляд кажется, что деидеологизация общественных отношений вызвана к жизни усиливающимся прагматизмом, заметным многообразием социальных интересов, существующим без значительных элементов идеологического видения. Когда-то идеологии были созданы для выражения и защиты интересов социальных групп и классов, претендовавших на власть или отстаивавших властные привилегии. Правящие классы использовали идеологии для манипулирования массовым сознанием. Сегодня уровень информированности населения заметно вырос, и потребность в идеологии вроде бы отпала. В частности, на этом настаивала элита, победившая в 1991 г. в России. Однако, как показала практика модернизации российского общества, именно отсутствие у элиты политической идеологии, способной выдвинуть общенациональные, объединительные цели и идеалы, не позволило интегрировать все слои общества вокруг идеи реформ. В 1997 г. впервые была признана необходимость такой идеологии и поставлена задача ее разработки.

Спор о «конце идеологий» до сих пор не завершен. Это объясняется тем, что среди западных авторов нет единого мнения по ряду связанных с данной проблемой вопросов. Так, американские политологи З. Бжезинский [22] и Р. Бейли [149] сравнили идеологические предпочтения, господствовавшие в западных странах в конце XVIII в., с предпочтениями конца XX в. и получили результаты, которые привели их к пессимистическому выводу о закате идеологий.

Иную, оптимистическую версию предложил другой американский ученый-футуролог Ф. Фукуяма [240] в книге «Конец истории и последний человек» (1992). В частности, он утверждал, что с окончанием холодной войны мир приблизился к «конечной точке идеологической эволюции человечества, а также повсеместного распространения западной либеральной демократии как конечной формы управления». Несмотря на обрушившиеся на человечество бедствия, катастрофы, они не могут, по мнению Ф. Фукуямы, подорвать веру в прогресс, который ученый связывает с либерализмом. «С приближением конца тысячелетия, — замечает он, — на ринге остался единственный соперник, претендующий на потенциальную универсальность идеологии, — либеральная демократия, доктрина индивидуальной свободы и народоправства». Ее распространение на все новые страны, по мнению Фукуямы, служит лучшим подтверждением того, что иной идеологической альтернативы нет. Исключительные успехи стран, вставших на путь либеральной демократии, были достигнуты благодаря поощрению либеральной идеологии.

Стремление людей к тому, чтобы окружающие признали их человеческое достоинство, изначально не только помогало им преодолевать в себе простое животное начало, но и подвигало рисковать своей жизнью в кризисных ситуациях. Однако, по мнению Фукуямы, привлекательность демократии связана не только с экономическим процветанием и личной свободой, но и с желанием, чтобы другие люди признали тебя равным себе, т. е. с самоуважением, достоинством, самоцен-

ностью. Именно либеральная демократия, согласно версии философа, полностью удовлетворяет стремление к признанию. Но здесь либеральную демократию подстерегает опасность быть разрушенной из-за неспособности умерить стремление человека к борьбе. «Последний человек» (Ф. Фукуяма использует ницшеанское понятие), постисторический человек толпы, который ни во что не верит и ничего не признает, кроме своего комфорта, который утратил способность испытывать благоговение, «будет бороться ради самой борьбы», «бороться от скуки», поскольку он не представляет себе «жизнь в мире без борьбы».

Как уже подчеркивалось выше, в начале XXI в., Ф. Фукуяма вынужден был отказать от своей теории смерти идеологии.

Представляется, что пессимистический и оптимистический взгляды на идеологию выражают крайние полюсы в этой дискуссии. По мнению Мухаева, практика показывает, что время «чистых» идеологий прошло. Возникнув в XVIII в., они постепенно исчерпали свой ориентационный и мобилизационный ресурс, все больше клонились к закату, уступая место новым идеологиям. Сегодня очевидно, что в условиях взаимозависимого и многополюсного мира влияние различных идеологий стирает четкие границы между ними, способствует их взаимопроникновению и взаимообогащению [155, с. 340].

По мнению автора, глобальный анализ перспектив идеологического дискурса никак не свидетельствует о закате эры политических идеологий. Это подтверждает и развитие политического процесса в Российской Федерации.

19.1.5.3. Определение политической идеологии

Для понимания особенностей функционирования идеологических систем в различных обществах большое значение имеет конкретный анализ взаимосвязи определенных видов идеологии с теми социальными слоями, в которых они получают наибольшее распространение. Изучение этой проблемы современной наукой постоянно приводит ученых к заключению, согласно которому эффективность идеологии определяется ее соответствием жизненному опыту всего населения или его отдельного слоя, сложившимся традициям, нравам, привычкам, долговременным интересам и непосредственным ожиданиям. Методология анализа, при помощи которой выявляются интересы социальных слоев в различных идеологических системах, а также степень эффективности их воздействия на политическое сознание была разработана на теоретическом и эмпирическом уровнях Г. Моска [153], В. Парето [172], М. Вебером [34], С. М. Липсетом [118], Р. Лейном [113], Г. Алмондом [2], Дж. Скоттом [210] и др. Многообразие научных методик, применяемых в этой сфере, показывает, что выбор наиболее предпочтительной из них, равно как и использование различных определений и научных критериев выбора, нередко зависит от исторического и социального контекста, обуславливающего не только особенности идеологий, но и специфику позиций самих ученых. Например, наблюдения М. А. Василика за современной российской политикой, по его словам, нередко заставляли предполагать, что концепция «нелогического действия» и «деривации» Парето является наиболее подходящей для ее анализа [187].

По их мнению, наличие в политических процессах посткоммунистической России огромного количества иррациональных и алогичных элементов, делает привлекательной попытку объяснить эту нелогичность «врожденными психиче-

скими predispositionами лидеров», маскирующих свои истинные мотивы при помощи псевдоаргументов [187]. Парето писал о том, что любые общественные теории и идеологические системы призваны служить только оправданием действий с целью придания этим действиям логического характера. При этом он основывал свои выводы не только на изучении итальянской политики эпохи Рисорджименто, но и европейской политики начала XX в., оказавшейся прелюдией к мировой войне и господству тоталитарных диктатур.

Для современной науки характерно многообразие подходов, связанных с решением проблемы взаимодействия идеологий с «массовым субстратом». Одни авторы склоняются к сближению (иногда к отождествлению) идеологии с политической культурой. Носителями идеологий объявляются социальные группы или нации, для которых характерен определенный тип культуры. Другие авторы считают идеологию атрибутом борьбы политических партий. Марксистский анализ отдает предпочтение социальным классам и т. д.

Множество исследований по идеологии, опубликованных в XX в. способствовало тому, что этим понятием стали называть личные системы философии, социальные теории, учения, различные типы верований, социальных мифов, придав тем самым этому термину неясный и запутанный смысл.

Разумный методологический подход к конституированию точного смысла и структуры идеологии как социального явления был в разное время предложен А. Грамши [54], Д. Беллом [12], К. Фридрихом [237], Р. Лейном [113], Д. Сартори [207], А. Зиновьевым [79] и др. Для правильного определения, прежде всего, установить, *что не является идеологией*, постепенно приводя саму концепцию в соответствие с элементарными, прошедшими эмпирическую проверку утверждениями. Например, термин «идеология» не может заменить термина «идея», поскольку его целесообразнее использовать для обозначения «превращения идей в рычаги социального действия».

Точно так же идеология не может отождествляться с философией, отражая, скорее, процесс популяризации или усвоения философских концепций или «философских вульгаризаций, подводящих массы к конкретному действию, к преобразованию действительности» (А. Грамши). Идеологии отличаются от различных идей, теорий и философских систем тем, что они всегда ориентированы на действие, на соединение с практикой, тяготея таким образом к сфере политики, о чем образно писал К. Маркс.

Точки зрения отечественных исследователей не слишком разнятся. Вначале характеризуется собственно феномен «идеологии». В частности, по определению В. С. Малахова [127], это:

- *совокупность верований и убеждений* как таковых — в этом смысле понятие «идеология» совпадает с понятием «мировоззрение». В таком случае даже философия и религия оказываются формами идеологии;
- *совокупность искаженных, ложных верований и убеждений* (идеология как «ложное сознание») — в таком смысле употреблял термин «идеология» К. Маркс;
- *система верований и убеждений определенного рода*, отличная от других систем.

Ю. В. Ирхин определяет ее как *одну из форм проявления и выражения* политического сознания социальных общностей и выражающих их интересы организаций —

политических партий, движений и иных организаций, а также других субъектов политики, включая отдельных индивидов.

Идеология наряду с искусством, наукой, религией и др. представляет собой систему концептуально оформленных взглядов и идей, на основе которых осознаются, складываются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, формируются цели, установки, программы общественной деятельности, направленной на закрепление или изменение социальных отношений.

Одновременно идеология представляет собой *составную часть политического сознания*, его теоретический или специализированный уровень. Это система взглядов, идей относительно общественного развития, разделяемая теми или иными индивидами, социальными группами, народом.

В. В. Желтов считает, что в настоящее время большинство ученых определяют идеологию как *систематизированную совокупность идей*, выражающих интересы, цели и намерения больших социальных групп – классов, наций, партий и пр. Представляя собой разновидность корпоративного сознания, идеология выражает групповую точку зрения на политическое и социальное развитие [74, с. 631].

Характеризуя политическую идеологию, исследователи, в частности А. Г. Грязнова, определяют ее как выраженное в обобщенной теоретической форме *политическое сознание* определенных индивидов, социальных групп; совокупность идей политического характера, на основе которых складываются *политические отношения* и функционируют соответствующие институты, организации и учреждения [107, с. 408].

М. А. Василик и М. С. Вершинин характеризуют ее как *систему идей, взглядов, представлений*, содержащую теоретическое (концептуальное) осмысление политического бытия с точки зрения интересов, потребностей, целей и идеалов определенных социальных групп и слоев, национальных образований. Она являет собой систему теорий, концепций и идеалов, отражающих общественное бытие через призму интересов и целей определенной социальной общности; совокупность по преимуществу систематизированных представлений той или иной группы граждан, выражающая и призванная защищать их интересы и цели с помощью политической власти или воздействия на нее [33, с. 168].

А. П. Плешаков, суммируя различные оценки и подходы к определению этого понятия, заявляет, что политическая идеология представляет собой систематизированную совокупность понятий и представлений, с помощью которых различные субъекты (личность, группа, класс, общество и т. п.) осознают свои политические позиции и интересы и которые выступают зачастую в качестве мотивов их политической деятельности [183, с. 226].

А. И. Кугай определяет ее как совокупность по преимуществу систематизированных идей, взглядов, представлений той или иной социальной группы (общности), содержащую теоретическое (концептуальное) осмысление политической жизни и защищающую ее интересы и цели с помощью политической власти или воздействия на нее [106, с. 323].

В. В. Желтов пишет, что политическая идеология, представляя собой как бы интеллектуальную, духовную основу политической деятельности, соединяет в себе набор концептуальных воззрений на политическую жизнь общества, сквозь которые человек или группа смотрит на властные отношения. Теоретические кон-

цепции, лежащие в основе политической идеологии, способствуют обоснованию принимаемых политических решений и действий. Есть все основания утверждать, что политическая идеология является собой обоснование необходимости достижения власти, способов ее достижения и средств использования власти в необходимом для группы направлении. Политическая идеология, по его мнению, является инструментом, при помощи которого социальная группа представляет свои властные интересы и мировоззренческие положения на политической арене, а также привлекает широкие слои населения к действиям в соответствии со своими целями [74, с. 631].

На основе этих подходов можно определить политическую идеологию как *форму политического сознания, представляющую систематизированную совокупность идей, убеждений и теорий, отражающую основные властные интересы политически значимых групп в политическом процессе.*

§ 2. ОСНОВНЫЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Анализ сложившихся в обществе социально-политических сил и отражающих их интересы различных идейно-политических течений (противоречия между которыми зачастую носят устойчивый, принципиальный характер) позволяет говорить о существовании ведущих направлений и течений современной общественно-политической мысли. С XVII в. начинают формироваться «классические» идеологии индустриального общества – либерализм, консерватизм, социализм, национализм. На эволюцию идеологий большое влияние оказывали и оказывают динамизм и незавершенность процессов социально-политической жизни, существование различных альтернатив развития, разнообразие интерпретаций тенденций, содержания общественных процессов.

19.2.1. Критерии классификации идеологий

Современные политические идеологии имеют множество различных форм выражения содержания и многообразны в своих конкретных видовых проявлениях. Идеология по различным основаниям подразделяется на несколько типов, видов или форм. Каждое из идейно-политических течений – это совокупность концепций, ценностей и ориентаций, не всегда в полной мере и последовательно выраженных в программах тех или иных политических партий.

Идейно-политические течения отличаются друг от друга:

- по оценке ими роли отдельного человека, групп, партий, классов в политическом процессе;
- по их подходу к решению важнейших экономических и социальных проблем;
- по тому, какое место в жизни общества отводят они основным социальным и политическим институтам (частной собственности, свободному рынку, государству, церкви);
- по тому, как они относятся к возможности реформирования общества [41].

В соответствии с *формами общественного сознания* идеология классифицируется на экономическую, политическую, правовую, нравственную, эстетическую, национальную, экологическую, религиозную, атеистическую и т. п.

По *субъекту* она может быть рабочей, крестьянской, буржуазной, мелкобуржуазной, анархической и т. д.

С точки зрения *идеалов желаемого будущего* политические идеологии делятся на:

- правые, основанные на идеалах свободной конкуренции, рынке, частной собственности и индивидуализма;
- левые, основанные на идеалах общественной собственности, социального равенства и справедливости;
- центристские, стремящиеся преодолеть крайности первых двух идеологий, найти компромисс между ними, признавая социально-ориентированную рыночную экономику, идеологический и политический плюрализм.

С точки зрения *технологии осуществления общественных идеалов* политические идеологии делятся на:

- радикальные (революционные), предлагающие глубокие системные преобразования общества;
- консервативные (традиционалистские), стремящиеся сохранить и закрепить существующий порядок в обществе;
- умеренные (реформистские), предлагающие медленные структурные преобразования, не затрагивающие сущности общества.

По сфере *распространения, политическому влиянию и общественному статусу* политические идеологии делятся на:

- общественные, которые действуют, прежде всего, в сфере гражданского общества, выступая идейной платформой политических партий и движений;
- государственные (господствующие), которые имеют государственный масштаб и проявляются в сфере государственной политики [192, с. 179].

Распространенным является также рассмотрение идеологий сквозь *призму дихотомии* «демократия – авторитаризм», наряду с использованием традиционных категорий – «левые», «правые» и «центр» как для характеристики идеологических ориентаций в рамках определенной политической системы, так и для определения степени приверженности экстремистским или, наоборот, умеренным формам политического поведения и партиям.

Политические идеологии также различают по двум основаниям:

- по социально-политической парадигме, т. е. по предлагаемой модели желаемого общества;
- по отношению к прогрессу и технологии его осуществления.

Если первое основание расчленяет политические идеологии на правые, центристские и левые (просоциалистические), то отношение к технологиям социальных изменений противопоставляет радикалов, выступающих за постоянные глубокие революционные преобразования, консерваторам, стремящимся к сохранению установившегося политического порядка и согласным лишь на самые незначительные изменения *status-quo*. Между ними располагаются силы с умеренной политической ориентацией, предпочитающие путь постепенных реформ.

Политические идеологии, возникшие в эпоху Просвещения, по-разному обособывали идею прогресса, предлагали различные модели общества и способы их реализации. С тех пор мало что изменилось в этом плане.

Правые идеологии связывают идею прогресса с обществом, основанным на идеалах свободной конкуренции, рынка, частной собственности и предпринимательства. Однако правые политико-социальные воззрения неоднородны. Они включают целый спектр политических идеологий от ультраправых (фашизма во всех его разновидностях, расизма) до либерально-демократических.

Левый политический спектр включает идеологии, которые видят социальный прогресс в постоянном преобразовании общества в направлении достижения равенства, социальной справедливости, создании условий для всестороннего развития личности. Однако воплощение ценностей равенства и справедливости левые представляют себе по-разному. Коммунисты отдают предпочтение радикальным способам преобразования общества, предполагают достижение равенства и справедливости в условиях планово организованной экономики, приоритета общественной собственности, осуществления принципа оплаты «по труду». Социалисты и социал-демократы негативно относятся к идее использования революционных средств социальных изменений и предпочитают реформы. Равенство и справедливость они трактуют не как равенство результатов, а как равенство «стартовых условий», т. е. создание примерно равных социальных возможностей для индивидов, вступающих в самостоятельную жизнь. В этом они солидарны с коммунистами [155, с. 347].

19.2.2. Либерально-буржуазные идеологии

К либерально-буржуазным идеологиям автор относит, прежде всего, либерализм и консерватизм. В основе данных идеологических доктрин лежит институт частной собственности. Все остальные виды собственности считаются вторичными, хотя и не подчиненными ему. Второй точкой опоры либерально-буржуазных теорий является примат личности над государством.

19.2.2.1. Либеральные идеологии

Либерализм в историческом прошлом да в значительной мере и сегодня является наиболее распространенной идейно-политической доктриной. Он представляет собой систему взглядов на окружающий мир, принципов и установок, лежащих в основе социально-экономической и политической стратегии правительств, программ политических партий и движений либеральной ориентации. Более того, либерализм — это не только теория, но и социальная практика, тип общественно-го сознания, способ мышления его приверженцев.

Либерализм формировался и развивался в различных социально-исторических и национально-культурных условиях. При близком рассмотрении в либерализме обнаруживается весьма причудливое разнообразие оттенков, переходных ступеней, противоречий и т. д. В своем генезисе либерализм прошел ряд этапов и воплотился в различных модификациях. В разные периоды и в разных общественно-исторических и национально-культурных условиях он выступал в различных формах. Учитывая этот факт, говорят о существовании многих либерализмов.

19.2.2.1.1. Классический либерализм

Все определения либерализма так или иначе вращаются вокруг идеи свобод личности, реализуемой в принципах организации общества, в образе жизни его членов, способах политического правления, защищающего демократический строй.

19.2.2.1.1.1. Истоки либерализма

Либерализм (от лат. *liberalis* – свободный) стал исторически первой формой идеологии Нового времени. Он оформился в борьбе буржуазии против феодальных порядков в XVII–XVIII вв.

Унаследовав ряд идей древнегреческих мыслителей Лукреция и Демокрита, либерализм как самостоятельное идеологическое течение сформировался на базе западноевропейской политической философии конца XVII–XVIII вв. (Дж. Локк [119], Ш. Монтескье [150], А. Смит [211], Б. Констан [100], А. де Токвиль [225]). Основателем классического либерализма считается Дж. Локк (1632–1704). На протяжении XIX в. эти идеи были продолжены и развиты И. Бентамом [13], Дж. С. Миллем [144], Т. Х. Грином [55], Л. Хобхаузом, Б. Бозанкетом, И. Кантом [89] и другими сторонниками западной общественно-политической мысли.

Либерализм представляет собой весьма гибкую и динамичную систему идей, открытую влиянию со стороны других течений, чутко реагирующую на изменения в общественной жизни и модифицирующуюся в соответствии с новыми реалиями. Своими корнями либеральное мировоззрение восходит к Ренессансу, Реформации, ньютоновской научной революции.

Поворотным пунктом в формировании либерализма и размежевании основных течений западной общественно-политической мысли Нового и Новейшего времени стала Великая французская буржуазная революция конца XVIII в. В ее главном политико-идеологическом документе – «Декларации прав человека и гражданина 1789 г.» – емко и полно даны четкие формулировки тех идей, ценностей и установок, которые стали мощным оружием борьбы со старым порядком.

Существенный вклад в формирование либерального мировоззрения внесли представители европейского и американского Просвещения, французские физиократы, приверженцы английской манчестерской школы, приверженцы немецкой классической философии, классической политэкономии.

При всех различиях общее между этими разными мыслителями, идейными направлениями и движениями состояло в том, что они, каждый по-своему в соответствии с реалиями своего времени, высказывались за пересмотр устаревших ценностей и подходов к решению важнейших социально-экономических и политических проблем. Они обосновывали необходимость перестройки потерявших эффективность общественно-политических и государственных институтов, выступали за ревизию и модернизацию основных положений, доктрин и концепций согласно изменившемуся положению вещей в обществе [41, с. 173].

Предпосылкой либерального мировоззрения является философия индивидуализма, основанная на вычленении человеческой индивидуальности из социальной совокупности, утверждение представления о равенстве всех людей в своем врожденном, естественном праве на самореализацию. Индивидуализм – концеп-

ция, рассматривающая отдельного индивида как основное движущее начало в обществе. Если для Аристотеля полис — самодостаточная ценность, то у Локка отдельный индивид — «хозяин своей собственной персоны». Милль же сформулировал эту мысль в форме аксиомы: «Человек сам лучше любого правительства знает, что ему нужно». В концепции индивидуализма человек предстает как автономная самоуправляющаяся личность, которая самостоятельно, независимо от общества способна устанавливать законы собственной нравственности и поведения.

Само понятие «либерализм» вошло в политический лексикон в первой половине XIX в., когда в ряде западноевропейских государств появились политические партии либералов. А первое употребление термина «либерализм» относится к 1811–1812 гг., когда в Испании группа политиков и публицистов определила составленную ими конституцию как «либеральную». Примерно в то же самое время этот термин начали использовать и в Англии, в стране, давшей в XIX в. миру таких ярких представителей либерализма, как И. Бентам [13], Дж. С. Милль [144], Г. Спенсер [217].

В России в силу ряда причин либеральное мировоззрение укоренилось позже, чем в большинстве европейских стран, — в конце XIX — начале XX вв. Среди наиболее известных представителей русской либеральной мысли дореволюционного периода следует назвать прежде всего имена Т. Н. Грановского, П. Б. Струве [220], Б. Н. Чичерина [252], П. Н. Милокова [145], попытавшихся развить и применить принципы либерализма к российским реальностям. Именно они заложили основы русского конституционализма, идей правового государства и гражданского общества применительно к российским реальностям. Их заслуга состояла также в практической постановке проблем прав и свобод личности, подчинения государственной власти праву, верховенства закона

Классический либерализм зародился в XVII в. как идеология буржуазии и окончательно сформировался к середине XIX в.

19.2.2.1.1.2. Идейная основа классического либерализма

Либерализм в политическом процессе существует в трех основных формах:

- как идеологическое течение, представленное в разные периоды различными социальными силами, но приверженными все же изначальным его канонам;
- как социально-политическое (организационно-политическое) движение;
- как совокупность определенных институтов, процедур и принципов управления, создающих возможность проводить либеральную политику на государственном уровне во всех сферах общественной жизни.

В данном разделе *либерализм рассмотрен как особый тип мировоззрения*, представляющего собой совокупность широкого круга теорий, концепций политического, экономического, культурного и общесоциального характера. В таком понимании либерализм это определенный взгляд на:

- окружающую человека общественную среду;
- предпочтительные пути социального развития;
- политическую систему и политические институты;
- особенности и характер экономики;

- специфику культурного развития;
- роль религии в общественной жизни;
- положение личности в обществе и т. п.

При таком подходе либерализм выступает организующей структурой, которая определяет и тип мышления, и характер восприятия социальных явлений и фактов.

В политической философии либерализма в период XVII–XIX вв. произошла принципиальная эволюция – от признания в качестве идеала политического устройства конституционной *монархии* и ограничения с помощью ценза избирательных прав граждан к обоснованию идеи демократической *республики* со всеобщим избирательным правом. Либерализм обосновал процесс обособления и становления самостоятельного индивида – представителя зарождавшейся буржуазии. Экономически активная, но политически бесправная буржуазия выразила свои притязания на власть в данной политико-идеологической доктрине.

Центральное место среди идей либерализма занимает *идея индивидуальной свободы*. С момента своего возникновения он отстаивал самоценность человеческой личности и ее право на самостоятельное преследование личного интереса. Индивидуализм в понимании эпохи Просвещения – это способность утвердить себя как носителя разума, способность преобразовать реальность в согласии с требованиями разума, сделать ее достойной природы человека. Либеральная доктрина естественных прав человека на жизнь, свободу, собственность требовала от общества предоставления личности максимальной свободы для самореализации. Естественным и единственным ограничением такой свободы являлась свобода другого человека. Парадигмой либерализма выступает система основополагающих идей о прирожденных, неотчуждаемых правах человека на жизнь, свободу, частную собственность и «стремление к счастью» (Т. Джефферсон [64]). При этом *частная собственность* рассматривается как основа индивидуальной свободы, а свобода, в свою очередь, как необходимое условие самореализации личности. Отсюда апология индивидуализма и трактовка общества как совокупности равноценных, независимых личностей.

Для либералов личность всегда *выше* какой бы то ни было группы или общности. Среди всех свобод для них первостепенной является *свобода экономическая*, свобода предпринимательства. Не случайно, у одного из первых теоретиков либерализма француза Б. Констана [100] прозвучала мысль о том, что свобода избирать и быть избранным должна предоставляться лишь тем, кто достаточно богат. В классическом виде экономические постулаты либерализма были сформулированы А. Смитом [211], который выступал за «систему естественной свободы» в экономике, за полный простор для частной инициативы.

Для буржуазии за требованием свободы личности скрывалось стремление третьего сословия ликвидировать привилегии аристократии и духовенства и достичь одинаковых (*равенства*) с ними юридических прав. Опираясь на доктрину «правового государства» Дж. Локка [119] и идею Дж. Милля [144] об интуитивной способности личности к обретению политического здравого смысла, сторонники этой идеологии боролись за «негативную свободу», т. е. за свободу от социального контроля государства, от различных ограничений (например, они выступали за отмену сословных привилегий и наследственной власти). Но когда это произош-

ло, был выдвинут лозунг «Обогащайтесь!», и возникла новая форма *неравенства*, основанная на богатстве одних и бедности других.

В сфере экономики классики либерализма выступали за отмену ограничений для свободного предпринимательства, защищали частную инициативу, принцип невмешательства государства в экономическую и частную жизнь граждан. Отсюда возникла идея государства как «ночного сторожа» (Ф. Лассаль [108]), основные функции которого сводилась к защите частной собственности, свободы и неприкосновенности личности, а также охране страны от внешней агрессии. Теоретики либерализма (особенно И. Кант [89], А. Смит [211]) отводили государству важную роль в оказании материальной помощи бедным слоям населения, тем кто не может в силу разных причин зарабатывать на жизнь, государство тем самым должно гарантировать соблюдение их естественных прав.

Либералы защищали принцип свободного рыночного обмена, личной предпринимательской инициативы, конкуренции, осуждали протекционизм, политическое вмешательство в экономику. Основатели либерализма активно поддерживали выдвинутый торгово-промышленными кругами лозунг («не мешайте действовать»), требовавший ликвидации регламентации экономической жизни. Поэтому данную идеологию можно назвать либерально-буржуазной, ибо начала она с лозунга свободы, еще наполненного гуманистическим содержанием эпохи Возрождения, затем перешла к пониманию свободы как свободы предпринимательства и формальных прав личности и собственности, а ныне широко пропагандирует культ потребления. Либерализм основан на *экономическом видении* человеческого поведения, когда экономика понимается как приоритетная сфера по сравнению с политикой. Либерализм XIX в. стал идеологией буржуазии, которая хотела получить полную свободу действий в экономической области и одновременно с помощью государства *закрепить свое политическое господство*.

Только обладание собственностью ведет к истинной независимости и формирует индивидуализм. Свободные личности создают общество, а общество – государство. Согласно теории классического либерализма общество *первично*, а государство – *вторично*, и возникает оно на основе теории «общественного договора». Соответственно роль государства при таком раскладе минимизировалась. Отсюда вытекала недостаточная разработанность функций государства в области экономики и социальной жизни [107, с. 411].

С момента своего возникновения либерализм отстаивал критическое отношение к государству и принципы политической ответственности граждан. Передаваемая по наследству власть (в монархиях), все формы сословных привилегий объявлялись утратившими силу, неприемлемыми в новых социально-исторических условиях. Как подчеркивал один из его отцов-основателей Дж. Локк [119], каждый индивид – «хозяин самому себе». Его последователь Дж. С. Милль [144] сформулировал эту мысль как аксиому: «Человек сам лучше любого правительства знает, что ему нужно». Главными проблемами либеральной идеологии всегда было определение допустимой степени и характера государственного вмешательства в частную жизнь индивида, совмещение демократии и свободы, верности конкретному Отечеству и универсальных прав человека.

Либеральная теория «общественного договора» обосновывала суверенность народа как источника власти и понимание государства как договора между наро-

дом и правительством. *Охрана личной безопасности и прав собственности была первопричиной для социального договора*, согласно которому объединение людей в содружество и подчинение правительству есть защита их безопасности и собственности. Правительство — лишь опекун общественных прав. Если правительство не сумело защитить права граждан, значит, не оправдало их доверия и, следовательно, не может больше претендовать на подчинение ему со стороны граждан.

Идея сопротивления деспотической власти занимала важнейшее место в идеологии и политической борьбе XVII—XVIII вв. Мнения либералов, в основном, расходились в вопросе о способах сопротивления власти, превышающей свои полномочия. В целом же либерализм признавал право на революционное сопротивление деспотизму и оправдывал не только революции в Англии и Франции, но и американскую войну за независимость.

Кроме принципа управления с согласия граждан либерализм обосновал и принцип управления на *основе закона*. Целью государства является обеспечение торжества права, требованиям которого оно само должно подчиняться. Классический либерализм решительно выступал за равенство граждан перед законом, защищал правовые основы демократии и парламентаризма. ***Равенство в свободе по всеобщему закону*** — таков либеральный императив права.

Наиболее последовательную концепцию либеральной демократии и конституционализма сформулировал один из ведущих идеологов американской буржуазной революции Т. Пейн [176]. Он рассматривал государство в качестве необходимого зла: чем оно меньше, тем лучше для общества. Наделенные неотъемлемыми правами, свободные и равные от природы индивиды предшествуют государству как в прошлом, так и в настоящем и будущем. Государство считается законным и цивилизованным лишь в том случае, если оно образовано на основе активного согласия граждан, конституционно оформлено и зафиксировано с помощью парламентских представительных механизмов. Такое представительство и такое правительство не имеют каких-либо особых прав, они имеют только обязанности перед своими гражданами. Задача государства состоит в том, чтобы регулировать отношения между свободными гражданами на основе строгого соблюдения законов, которые призваны гарантировать свободу личности, неприкосновенность собственности и другие права человека и гражданина [106, с. 323].

В демократическом представительном правлении либералы видели достаточно эффективный механизм защиты интересов личности и общества. Теоретики либерализма, в частности Д. Локк [119] и Ш. Монтескье [150], обосновали принцип *разделения властей* на законодательную, исполнительную и судебную, которые должны сдерживать и уравновешивать друг друга. Система сдержек и противовесов рассматривалась как препятствие к узурпации власти кем бы то ни было, будь то личность, партия, ветвь власти или большинство. Демократическое большинство, не ограниченное ничем, тоже может стать деспотом, считали либералы. Права меньшинства должны быть гарантированы. По сути дела, либералы отстаивали право на политическую оппозицию.

Либерализм выдвинул ряд положений, оказавших существенное влияние на характер духовной жизни общества. Его несомненной заслугой является обоснование и утверждение на практике идей свободомыслия и, прежде всего, свободы индивида от духовного подчинения церкви, права людей подвергать критике ре-

лигиозное мировоззрение с рационалистических, научных позиций. Либерализм отстаивает принцип свободы совести, т. е. право граждан исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, их право и способность самостоятельно формулировать свои нравственные обязанности, следовать принципам либо религиозной, либо светской морали. Словом, либерализм провозглашает принципы свободы взглядов и убеждений людей, свободы их волеизъявления и творческой самореализации.

Неотъемлемой частью либеральной концепции является и идея плюрализма, утверждающая принцип многообразия во всех сферах общественной жизни. Многие идеи (гуманизма, свободы, прогресса и др.), заимствованные из философии Просвещения, определенным образом модифицировались в русле либеральной идеологии и были активно использованы идеологами буржуазии как мощное средство борьбы за торжество нового, идущего на смену феодальному, буржуазного общества. Так, вера просветителей в прогресс, в торжество человеческого разума вылилась в политической философии либерализма в апологию здравого смысла, идеи равенства и народного суверенитета – в идею равенства возможностей. Своеобразную религиозно-нравственную основу либерализма составила протестантская этика (прежде всего – кальвинизм), обусловившая укрепление «духа капитализма».

Таким образом, теоретическое ядро либерализма составляют:

- доктрина «естественного состояния»;
- теория «общественного договора»;
- теория «суверенитета народа»;
- неотъемлемые права человека (жизнь, свобода, собственность, сопротивление угнетению и т. д.).

Основываясь на принципе свободы человека, либерализм сыграл огромную роль в разработке идей, идеалов и норм современной демократии. Речь идет о равенстве всех граждан перед лицом закона, об обладании каждым человеком основными политическими правами и свободами (право гражданства, голоса, свободно передвигаться, свобода слова, собраний, создания ассоциаций и партий), о принципе терпимости к инакомыслию и защиты прав меньшинства. Речь идет также об идеях разделения властей, свободных выборах всех основных институтов власти, о создании системы сдержек и противовесов в отношении между ними. Наконец, речь идет об идеале правового государства, органы которого обладали бы (в рамках законов, принимаемых демократическим путем) всей полнотой предоставляемой им власти и одновременно находились бы под действенным контролем народа, общественности.

Значительную роль сыграл либерализм и в выработке современных принципов организации экономической жизни. Ему принадлежит заслуга в обосновании положения о том, что свободное предпринимательство, свободный рынок и свободная конкуренция есть универсально значимые механизмы общественного прогресса. Они не только позволяют человеку реализовать свою самостоятельность и инициативу в сфере хозяйства и в других областях общественной жизни, но, что не менее важно, побуждают и принуждают его, причем объективно-экономически, а не посредством прямого насилия или применения командно-административных

методов, постоянно беспокоиться о повышении экономической эффективности своей деятельности, о производительности своего труда, о приобретении знаний и обновлении технологии, о согласовании целей и способов производства с динамикой общественного спроса на те или иные предметы и услуги. При этом принципиальное значение придается тому обстоятельству, что человек, занимающийся предпринимательством, должен непосредственно отвечать своим капиталом, своим имуществом за результаты собственной деятельности.

Философия индивидуализма образует фундамент неотъемлемых прав человека: на жизнь, свободу вероисповедания, частную собственность. Принципы индивидуализма определили рост производства, становление гражданского общества. Этико-политический индивидуализм рассматривает индивида как самоцель, а общество и государство — как вспомогательные средства для достижения индивидом цели. В области экономики он опирается на конкуренцию и свободную игру сил. В области воспитания — на принцип учета индивидуальных особенностей человека, полагая, что настоящее товарищество возможно лишь между всесторонне развитыми личностями. В социальной сфере индивидуализм утверждает, что общественные процессы совершаются благодаря взаимодействию индивидов, в противоположность солидаризму или универсализму, которые рассматривают общественные явления в их целостности.

19.2.2.1.2. Неолиберализм

19.2.2.1.2.1. Кризис либерализма и поиск новых концепций

Важной исторической заслугой либерализма является то, что он сыграл ключевую роль в формировании и институционализации в конце XIX — первые десятилетия XX вв. основных принципов и институтов современной политической системы, таких как парламентаризм, разделение властей, правовое государство и др. Эти принципы в конечном счете были приняты всеми основными политическими силами. Идеи либерализма были взяты на вооружение частью политической элиты Запада, общественными движениями, и конституировались в *партии* либерального толка. Первой партией, опиравшейся в своей практической деятельности на идеи либерализма, была партия вигов (либералов) в Великобритании. В США такой партией стала Демократическая.

Однако следование классической либеральной модели (уничтожение сословных привилегий, разделение законодательной, судебной, исполнительной властей, обеспечение правовых гарантий свободы слова, совести, собраний, организаций, равенства граждан перед законом) привело к поляризации общества. Свободные рыночные отношения не смогли обеспечить социальной гармонии и справедливости. Идеи либерализма стали переживать кризис.

Особенно рельефно это проявилось в конце XIX — начале XX вв. в условиях формирования корпоративного или государственно-корпоративного капитализма, когда обнаружилось, что свободная, ничем не ограниченная игра рыночных сил отнюдь *не обеспечивает*, как предполагалось, социальную гармонию и справедливость. С развитием производительных сил, особенно в крупном промышленном производстве, к концу XIX в. стали изживать себя некоторые принципы классического либерализма, и прежде всего такие, как свобода мелкого частного

предпринимательства, невмешательство государства в экономику страны. Поэтому вмешательство правительств в экономику усилилось уже в годы первой мировой войны. Свой потенциал классический либерализм исчерпал в 1930-х гг.

В ходе экономического кризиса и под влиянием планового материального производства в СССР идеологи либерализма осознали, что в новых условиях значение главного фактора в развитии экономики приобретает регулирование производства со стороны государства. Большая группа политэкономистов, социологов, политологов и политических деятелей выступила с предложениями о пересмотре важнейших положений классического либерализма и осуществлении реформ, призванных ограничить произвол корпораций и облегчить положение наиболее обездоленных слоев населения.

Идеология классического либерализма начала видоизменяться уже в XIX в. Либерализм постепенно эволюционировал в сторону либерального реформизма. Одним из первых среди идеологов либерализма увидел необходимость и перспективность изменения его стратегии Дж. С. Милль [144], который уже в середине XIX в. указывал на необходимость осуществления капитализмом гибкой социальной политики. Во второй половине XIX в. под сомнение был поставлен и принцип невмешательства государства в экономику. Постепенно формировалось убеждение в том, что необходимым условием совершенствования общества и разрешения присущих ему противоречий является государственное регулирование экономики и реформы.

В качестве реформаторов выступили известные социологи, политологи и политэкономисты конца XIX – начала XX вв. Дж. Гобсон [50], Т. Грин [55], Ф. Науман, Б. Кроче [105], Ч. Бирд, Дж. Дьюи [68] и др. Их заслуга состоит в разработке комплекса новых идей и концепций, которые составили *основу нового, или социального, либерализма*. Под влиянием марксизма и восходящей социал-демократии ими были пересмотрены некоторые базовые положения классического либерализма. Прежде всего за государством была признана активная роль в социальной и экономической сферах. Водоразделом, четко и бесповоротно утвердившим новый, или социальный, либерализм стал великий экономический кризис 1930-х гг.

Российские неолибералы конца XIX – начала XX вв. в лице П. И. Новгородцева [158], Л. И. Петражицкого [177] и других также внесли свой вклад в развитие либеральных идей – выдвинули серьезную дополнительную аргументацию в пользу усиления социального начала в либерализме. Наиболее существенным отличием «социального либерализма» (по сравнению с классическим вариантом) можно считать его резкий поворот в сторону признания большей роли государства.

Драматичной является судьба либерализма в России. В период между 1861 и 1917 гг. он выражал стремление буржуазии к ликвидации сословных привилегий, преобразованию абсолютизма в конституционно-парламентскую монархию, утверждению правового строя. Либеральные теоретики делали акцент на идентичности путей развития России и Западной Европы, единстве исторического процесса. Будучи эволюционистами, они являлись категорическими противниками социалистических революций, считая их аномалиями в жизни общества.

Идеи либерализма лежали в основе партийной программы партии кадетов, которая объединяла в своих рядах цвет интеллигенции, мечтавшей о радикальном преобразовании России парламентским путем. Кадеты последовательно выступа-

ли за разделение властей, за создание в России фундамента гражданского общества и правового государства. В области внешней политики они ориентировались на западные демократии.

Идеи либеральных реформ во многом определяли политический курс правительства П. А. Столыпина. В частности, он предпринял попытку с помощью государства превратить крестьян в фермеров и частных собственников, создав тем самым условия для модернизации страны.

После окончания гражданской войны наиболее известные либералы П. Струве, М. Туган-Барановский и др., находясь в эмиграции, возлагали надежды на капиталистическую трансформацию СССР в ходе осуществления новой экономической политики, одновременно подвергая критике уже обозначившиеся черты тоталитарного общества [74].

Попытки решения возникших проблем привели к возникновению в либерализме многочисленных внутренних течений. Появились теории «нового либерализма», «социального либерализма», «консервативного либерализма» и другие теории, авторы которых пытались соединить основные либеральные ценности с идеей сильного государства или с социально-ориентированными идеями, утверждавшими большую ответственность общества за благосостояние людей. В процессе дискуссии шла выработка политической программы неоллиберализма, основные положения которой провозгласили необходимость участия масс в политическом процессе, демократизации принятия управленческих решений, консенсуса управляющих и управляемых.

Огромный вклад в формирование доктрины либерального реформизма внес английский экономист Дж. Кейнс. Его программа, сформулированная под воздействием мирового экономического кризиса, включала в себя активное вмешательство государства в социально-экономическую сферу. В частности, предусматривалось всемерное увеличение расходов государства, расширение общественных работ, проведение инфляционной и цикличной налоговой политики, цикличное балансирование бюджета, достижение баланса «спроса» и «полной занятости» и др. Свое политическое воплощение либеральный реформизм, по Кейнсу, получил в «новом курсе» президента Ф. Д. Рузвельта, благодаря чему США вышли из экономического кризиса и успешно осуществили глубокую экономическую перестройку общества.

Переход к новому либерализму, к принятым им принципам экономической и социальной политики в тех или иных формах охватил почти все промышленно развитые страны. После Второй мировой войны социальный либерализм сыграл большую роль в обосновании реформ, обеспечивших существенный экономический рост и повышение жизненного уровня населения большинства индустриально развитых стран.

19.2.2.1.2.2. Основные положения концепции неоллиберализма

В целом же усиление элементов государственной идеологии и социальных целей, адаптировавших традиционные ценности либерализма к экономическим и политическим реалиям второй половины XX в. заставило говорить о его исторически обновленной форме — **неоллиберализме**. Одним из важнейших моментов в развитии этого направления стало создание в 1947 г. Либерального интернационала,

основанного 19 партиями-учредителями, к которым позднее присоединились еще 13 партий, а также осколки либеральных групп из стран Центральной и Восточной Европы.

В идеологии неолиберализма наиболее важными являются две взаимосвязанные группы отношений:

- между свободным рынком и пределами государственного вмешательства;
- между индивидуумом и обществом.

В работах Р. Даля [59], А. Лейпхарта [114], А. Макэвана, Дж. Роулса [201], Л. Хобхауса и других его представителей прослеживаются идеи:

- о необходимости укрепления демократических институтов;
- о роли государства в обеспечении общественного блага («умное» и ответственное управление);
- о необходимости расширения государственных функций не только в защите индивидуальных прав и свобод человека, но и в борьбе с бедностью;
- о создании необходимых условий для развития и совершенствования политической, социальной и экономической демократии.

Ими также используются некоторые социал-демократические идеи о справедливости и солидарности, особое значение придается роли гражданского общества.

Либерализм приняв форму *неолиберализма*, допустил и даже предполагает постоянное вмешательство государства в экономические процессы, а также выступает за государственное регулирование социальной жизни общества, отношений между различными социальными общностями людей и политическими группировками для сохранения и упрочения в стране социально-политической стабильности. Неолибералы стали вменять в обязанность государству разработку общей стратегии экономического развития и осуществление мер по ее реализации. С признанием государства равноправным собственником оформилась *идея плюрализма форм собственности*.

Важнейшей функцией государства они считают социальную защиту граждан, особенно тех групп и слоев населения, которые испытывают наибольшие трудности. В число его функций неолибералы стали включать активную защиту свободы предпринимательства, рынка, конкуренции от возрастающей угрозы монополизма в любых его формах. Эту роль государство призвано выполнять через принятие антимонопольного законодательства, оказание поддержки мелким и средним предпринимателям, предпринимателям-новаторам, подвергающимся наибольшему риску. Одной из самых важных целей при этом становится неуклонное расширение числа собственников.

В отличие от прежней склонности механически определять демократичность политической жизни по большинству, неолибералы стали отдавать предпочтение плюралистическим формам организации и осуществления государственной власти. Причем Р. Даль [59], Ч. Линдблум и другие неоплюралисты считают, что чем слабее правление большинства, тем больше оно соответствует принципам либерализма. Правда, представители праволиберальных течений (Ф. Хайек [243], Д. Эшер, Г. Олсон [160]) полагают, что при плюрализме способны сформироваться механизмы экспроприации большинством богатого меньшинства, а это может поставить под угрозу основополагающие принципы либерализма.

Современные либералы изменили свой взгляд и на идеологию, и ее место в обществе. Если в прошлом они отвергали всякую идеологию, проповедуя утилитаризм, философию пользы, то сегодня признают за идеологией важную роль в общественном развитии, призывают к свободной конкуренции между различными идеологическими системами. Значительная роль в современных либеральных воззрениях отводится общественной науке как действенной силе в познании и совершенствовании общества, в формировании мировоззрения людей.

Важнейшим достоинством политической системы неолибералами провозглашается справедливость, а правительства — ориентация на моральные принципы и ценности. В основу их политической программы легли идеи консенсуса управляющих и управляемых, необходимости участия масс в политическом процессе, демократизации процедуры принятия управленческих решений. Известный теоретик либерализма Дж. Роулс [201] в своих книгах «Теория справедливости» и «Политический либерализм» поставил в центр либеральной доктрины проблему социального равенства, выдвинул положения о том, что, с одной стороны, к социально-приоритетным благам должен быть равный доступ для всех (принцип равных возможностей), с другой — для наименее обеспеченной части населения со стороны институциональных структур могут быть созданы дополнительные возможности социального развития (льготы бедным при оплате высшего образования и др.). Но социальное же равенство они считают утопией, не вытекающей из самой природы человека

«Звездный час» либерального реформизма в США пришелся на 60-е гг. XX в., на период правления администраций Дж. Кеннеди и Л. Джонсона. Идеологами либерального реформизма была выдвинута концепция «государства всеобщего благоденствия» (с обязанностью правительств ограждать личность от злоупотреблений и негативных последствий рыночной системы), концепций «информационного общества», «конвергенции» и др. Социальная политика в странах Запада стала важнейшей сферой деятельности государства.

В XX в. были достигнуты впечатляющие успехи в реализации основополагающих либеральных идеалов, идей и концепций. Утверждение и институционализация демократических норм и принципов в большинстве передовых стран сформировало мнение в некоей исчерпанности повестки дня либералов, а сами они были склонны усматривать свою задачу уже не в достижении чего-либо нового, а в сохранении достигнутого. Осознав факт возрастания негативных последствий чрезмерно разросшейся бюрократии и государственной регламентации в экономической и социальных сферах, большинство либералов выступают за стимулирование рыночных механизмов при одновременном сокращении регулирующей роли государства. Признавая неизбежность и даже необходимость государственного вмешательства, они постоянно озабочены тем, как ограничить пределы этого вмешательства. Вместе с тем большинство либералов осознает пределы возможного ограничения роли государства.

При таком положении вещей получили популярность рассуждения о кризисе, и даже смерти либерализма. Однако в условиях характерной для послевоенных десятилетий интенсификации динамики общественно-исторических процессов либерализм как проект приспособления государственных и политических институтов к постоянно изменяющимся реальностям не мог просто сойти со сцены. Более

того, в 1970–80-х гг. заговорили уже о возрождении либерализма. Большинство приверженцев либерализма предприняли довольно энергичные усилия по переосмыслению своих позиций в важнейших вопросах, касающихся характера взаимоотношений общества, государственно-политической системы и отдельного индивида, капитализма и демократии, свободы и равенства, социального равенства и справедливости и т. д. [41, с. 173].

Дискуссионный характер основных либеральных принципов (следствием которого являются постоянные расколы в либеральных организациях, полемика в многочисленных журналах и научной литературе) состоит в отсутствии четкой и логически непротиворечивой взаимосвязи между ними. Уже идеологи раннего либерализма (Д. С. Милль [144] и др.) вынуждены были признавать, что:

- общественные пределы свободы личности устанавливаются не только государством, но и деятельностью самих индивидов и их организаций;
- государство и общественный сектор экономики могут стать средством реализации желаний индивидов и, следовательно, орудиями их свободы.

Более того, рыночная система отнюдь не является идеальным средством обеспечения всеобщего благосостояния, но часто демонстрирует неэффективность, которая проявляется в инфляции, безработице, стеснительном налоговом законодательстве и т. д., требующих в конечном счете государственного вмешательства.

На протяжении длительного времени либерализм не мог точно сформулировать свою позицию относительно роли и пределов публичного сектора в общественной жизни и постоянно колебался между концепциями «нулевого государства» (направление, именуемое себя либералистским) и «минимальным государством» классического образца, сводимого к полиции и армии [187].

В еще молодой истории неолиберализма выделяют несколько периодов:

- с 30-х гг. XX в. – социальный (неолиберализм), признающий ограниченное государственное регулирование общественных отношений;
- в 50–70-е гг. – «либерально-консервативный консенсус»;
- с 70-х гг. – правый (консервативный) либертариизм.

В современном либерализме начала XXI в. проявляется несколько течений:

- социально-этантистское;
- этическое измерение общественного развития;
- либертарное направление.

Либерализм не является строго доктринальным учением, в нем можно выделить как западно-европейские, так и восточно-европейские философские, политические и экономические школы; христианское, национальное, социал-демократическое, консервативное и другие течения.

Либерализм сыграл свою положительную роль в возникновении и развитии демократии, в утверждении общечеловеческих ценностей в обществе. Многие идеи, разработанные либеральными теоретиками, были взяты на вооружение как умеренными консерваторами, так и социал-демократами. Основные ценности неолиберализма легли в основу многих национальных идеологий, выступают составной частью теории политического участия, демократического элитизма и др. В этой связи стали говорить о своеобразном либерально-консервативном консен-

суде (особенно характерном для политического рельефа США) и об определенном согласии между либералами, умеренными консерваторами и социал-демократами в странах Зарубежной Европы. По существу, современный либерализм занимает промежуточное положение между неоконсерватизмом и социал-демократией, помогая партиям данной ориентации приходиться к власти, создавая с ними коалиции.

Однако, с другой стороны, в неолиберализме сохранились многие основополагающие идеи, которые со временем продемонстрировали серьезную ограниченность данной идеологии в изменяющихся условиях. К числу таких положений следует отнести:

- ориентацию по преимуществу на публичные виды человеческой жизнедеятельности (политическую активность, предприимчивость, свободу от предрассудков и т. п.);
- традиционное отношение к морали как к частному делу человека и негативное отношение к вере (что сужает отношения индивида и общества, провоцирует нарастание одиночества человека);
- враждебное отношение к интересам различных общностей (народу, нации, государству, партии и др.) как к «фикциям» (что способствует атомизации социума);
- определенную изоляцию от природы и других людей;
- эгоизм потребностей;
- автономию воли и разума и др.

Такого рода идеи и положения не смогли дать ответы на вызовы времени, не позволили точно спрогнозировать ведущие тенденции развития постиндустриальных обществ. Более приспособленными для выработки таких ответов на вызовы современности оказались ценности консерватизма [183, с. 263].

Поэтому политических партий, базирующихся только на идеях либерализма, осталось очень мало. Они утратили свои былые позиции, хотя по-прежнему сохраняются в современной политической жизни многих государств. Так, в Европарламенте, насчитывающем более 500 депутатов, либералы имеют в течение последнего десятилетия неизменно чуть более 40 мест. Партия либералов сохранилась в Великобритании, в Германии она называется Свободной демократической партией, существуют Итальянская либеральная партия, Либеральная партия Швейцарии, Народная партия Швеции и др. [107, с. 412].

19.2.2.1.3. Либертариизм и утилитаризм

Академический либерализм разделяют на два важнейших направления: *либертариизм* (либетарианство) и *утилитаризм*. *Либертариизм* – современное консервативное направление в либерализме; индивидуалистическое идейно-политическое, социальное и экономическое праворадикальное течение. Либертариизм делает акцент на правах и свободах индивида, формирующихся под влиянием общины, а государству при этом отводится минимальная роль. Из всех современных идейных течений он наиболее близко подходит к анархизму в социальных вопросах. Либертариистский либерализм отстаивает принцип «нулевого государства». Основные теоретические основы этого направления были разработаны в книге Р. Нозика «Анархия, государство и утопия» (1974).

Либертаризм уходит своими корнями к анархическим идеям английского мыслителя XVIII в. У. Годвина [51] («Рассуждение о политической справедливости», 1793), радикальному (индивидуалистического) крылу классического либерализма, европейскому анархизму, американским трансценденталистам (Р. У. Эмерсон), мыслителям, полностью отрицающих позитивную регулируемую роль государства в общественной жизни (А. Дж. Ноак «Наш враг — государство», 1928 и др.). Идеология либертаризма также представлена в трудах Л. Мизеса [142], К. Поппера [194], М. Фридмана, Ф. фон Хайека [243] и др. Их философскую основу составляют идеи, согласно которым человек как единственный хозяин своей жизни вправе поступать с ней по своему усмотрению до тех пор, пока он насильственно не вмешивается в жизнь другого человека. По их мнению, именно безоговорочная вера в естественное право («человек рождается свободным») отличает либертаристов как от либералов, так и от консерваторов.

Либералы (особенно социальные либералы) выступают за личную свободу, но выступают за некоторую регуляцию экономической деятельности. Консерваторы — сторонники экономической свободы, но выступают с моральных позиций за ограничение свободы личной жизни, сферы досуга и др. Либертаристы же выступают за свободу отдельного человека во всех сферах его жизнедеятельности, следствием чего должно явиться соответствующее качество жизни. Принцип естественного отбора — выживание наиболее приспособленных социальных институтов — переносится либертаристами на всю историю человеческого общества. Этот отбор выдерживают лишь те системы правил (от идеологии и религии до способа организации производства), которые обеспечивают для применяющих их групп наилучшие условия для выживания, т. е. наиболее высокий уровень жизни — возможно большему числу людей, принимающих и выполняющих эти правила. В рамках этой парадигмы либертаристы выступают против государства в его основных регулирующих проявлениях — идеологическом, социальном, экономическом и моральном. Они выступают против законов, регулирующих азартные игры, проституцию, применение наркотиков и т. д.

Большое внимание в либертаризме уделяется социально-экономическим отношениям. Для них характерна поддержка традиционных идей принципа «свобода действий», использование положений классического (индивидуалистического) либерализма в современных условиях. Демократия, по их мнению, может успешно функционировать лишь в том случае, когда она ограничена властью закона при полной свободе рыночной конкуренции, минимальном вмешательстве государства (лучшее правительство — то, которое вообще «не правит»; «ультраминималистское государство»). Либертаристы являются решительными противниками государственного контроля над ценами, заработной платой, трудовыми отношениями, экономикой в целом.

Представители либертаризма последовательно выступают и борются против государственного вмешательства в социальную сферу, против перераспределения государственного бюджета и иных доходов в рамках различных социальных программ, полагая, что оно осуществляется за счет производителей в пользу тех, кто не хочет трудиться. Ф. Хайек [243] отмечал, что «ничто так не разрушительно для юридических гарантий индивидуальной свободы, как стремление к миру социальной справедливости».

Однако, выступая на словах за сокращение роли государства в принципе (как антипода индивида и «врага свободы») и в целом ряде его сфер (социальной, личной и др.), либертариисты поддерживают ту деятельность государства, которая обеспечивает необходимые благоприятные условия для деятельности крупного бизнеса, национальных и транснациональных корпораций, международных финансовых структур [83, с. 450].

Либертариизм и утилитаризм содержат «критическое ядро», включающее в себя три основных критерия: *свобода*, «*минимальное государство*», *счастье-благополучие-эффективность*. Системы, основанные на трех данных критериях, распадаются на множество линий аргументации.

Связь между либертариистским и утилитаристским направлениями обеспечивают экономические теории, в которых доказывалось, что экономика, основанная на свободном обмене, удовлетворяет требованию, называемому «критерием Парето». Это критерий эффективности, устанавливаемый путем ссылки на этический принцип счастья индивида (либеральные экономисты предпочитают называть это «предпочтениями» или «различными видами пользы»). В соответствии с этим принципом, состояние общества удовлетворяет критерию Парето, если в любом другом возможном обществе человек оказывается менее состоятельным, считает себя менее счастливым и т. д. Для либертариистов такое качество жизни является непосредственным следствием свободы обмена.

С точки зрения либералов-утилитаристов свобода обмена и сама рыночная система нуждается в дополнительных средствах защиты. При таком подходе свобода рассматривается не как конечная цель, но лишь как средство для эффективного действия, следствием которого является благополучие материальное и душевное. Так, «минимальное государство» рекомендуется потому, что рыночная система является эффективной и т. д.

Утилитаристских взглядов придерживались такие ведущие западные экономисты, как М. Аллэ, Г. Хутаккер, Т. Коопманс и Ж. Дебро. Представители «монетаристского» направления, такие как М. Фридман, активизировавшиеся в 1960–80-е гг., в идеологическом плане являются более либертариистами, чем утилитаристами. Чикагская школа освобождает гражданские отношения от всего гражданского, интимно-личного, морального, духовного. Лидер чикагской школы М. Фридман рекомендует заменить государственные службы частными, оплачиваемыми не из бюджета, а адресным образом: конкретным потребителям за конкретную услугу. Государственную полицию предлагают заменить частной системой охраны, государственный эмиссионный банк – системой конкурирующих банков, выпускающих каждый свою валюту, и т. п. Неолиберальная утопия чикагской школы о неизбежном сужении сферы властно-политических отношений сродни марксистской утопии об отмирании государства [52].

Напротив, Д. Роулз – автор работы «Теория справедливости», оказавшей большое воздействие на либеральную мысль второй половины XX в., придерживается, скорее, классических позиций в духе теории «минимального государства», настаивая на том, чтобы распределение доходов и богатства было направлено на получение преимуществ всеми индивидами. Из этого требования, по Роулзу, вытекает не только принцип равного доступа всех граждан к государственным должностям, но и поддержание социального и экономического неравенства «к выгоде всех».

На рубеже 1970–80-х гг. основной вопрос, обсуждаемый либеральной теорией, – каким должен быть объем государственного сектора для сохранения свободы – вновь обрел практическую актуальность и был поставлен сторонниками «монетаризма» в самой острой форме, в борьбе с двумя важнейшими факторами социально-экономической жизни западных стран. Первым из них стал экономический кризис 1974 г., положивший конец быстрому экономическому росту и видимости всеобщей занятости. Социал-демократическим правительствам, проводившим политику «макроэкономики» и «стабилизации» в соответствии с рекомендациями Дж. Кейнса, не удалось с достаточной быстротой восстановить прежнее положение. На них обрушился град обвинений со стороны тех сил, которые защищали принцип более ограниченного государственного вмешательства («монетаризм») или полного отказа от всякого вмешательства («новый классицизм») [187].

Либертаристские идеи и соответствующие политико-идеологические и экономические разработки применительно к переходным («транзитным») обществам включают шоковую терапию, либерализацию экономики, подконтрольность национальных институтов международным финансовым организациям, негативное отношение к опережающему созданию эффективных национальных институтов, необходимых для осуществления реформ, к демократическому контролю за процессом их реализации. Попытки политики модернизации с использованием либертаристских идей, предпринятые в середине 90-х гг. XX в. в ряде «транзитных» стран Латинской Америки, Восточной Европы и России привели к резкому падению уровня промышленного производства в жизни населения, неконтролируемому обогащению номенклатуры и бюрократии, обострению социальных противоречий. Либертаристские концепции подвергаются в научной литературе критическому анализу.

Либертарианцы долгие десятилетия вели непримиримую борьбу с фашизмом и коммунизмом. «Сейчас, как пишет Д. Боуз, после того как фашизм и социализм в целом сошли с политической сцены, главным конфликтом XXI в. станет борьба между либертарианством и разбавленной версией социализма – социал-демократией, сторонники которой признают необходимость гражданского общества и рыночного процесса, но постоянно находят какие-то причины ограничивать, регулировать, упорядочивать решения людей [29, с. 317].

По их мнению, будущее принадлежит либертарианству, так как «ни продемонстрировавший свою несостоятельность социализм, ни жесткий консерватизм не смогли создать свободное, технологически развитое общество», появления которого они ждут в XXI в.

19.2.2.2. Консервативная идеология

Консерватизм (от лат. *conservare* – сохранять) наряду с либерализмом является значительной идейно-политической доктриной, имеющей влияние в широких кругах мировой общественности. Консерватизм как политическая идеология является собой не только систему охранительного сознания, предпочитающую прежнюю систему правления (независимо от ее целей и содержания) новой, но и весьма определенные ориентиры и принципы политического участия, отношения к государству, социальному порядку и т. д.

19.2.2.2.1. Консерватизм

Консерватизм – понятие, которое в социальной и политической науке трактуется в двух основных значениях. Во-первых, консерватизм в широком смысле понимается как *умонастроение*, присущее различным социальным группам, организационно оформленным политическим силам и отдельным индивидам, характеризующимся приверженностью традициям и стабильности. Во-вторых, в политологическом и политико-философском аспекте консерватизм трактуется как идейно-политическое *течение, идеология*, пределавшие за два с лишним столетия определенную эволюцию.

Консерватизм возник в конце XVIII в. как реакция на осмысление противоестественности сознательного преобразования социальных порядков (особенно после 1789 г. во Франции). Консервативная идеология была ответом на вызов либерализма и радикализма. Правда, отдельные элементы консерватизма можно выделить в учениях древнегреческих мыслителей, в частности у Платона и Аристотеля. Но как оформленная политическая идеология *консерватизм* является *продуктом Нового и Новейшего времени*.

Зарождение консерватизма обычно связывают с публикацией в 1790 г. работы английского политического мыслителя к Э. Берка (1729–1797) «Размышления о революции во Франции» [18]. Главная проблема его сочинения – вопрос о том, почему английская революция 1640 г. породила в обществе свободу, а французская – выродилась в неслыханную тиранию. Другими видными представителями консерватизма считаются католические богословы Ж. де Местр (1753–1821) («Исследование Франции», «Заметки о суверенитете», «О происхождении политических конституций») [141], Л. де Бональд (1754–1840) («Теория политической и религиозной власти») и швейцарский политический деятель и писатель Э. Галлер.

Их система воззрений базировалась на приоритете преемственности перед инновациями, на признании незыблемости естественным образом сложившегося порядка вещей, предустановленной свыше иерархичности человеческого сообщества, а стало быть, и привилегией известных слоев населения, а также соответствующих моральных принципов, лежащих в основе семьи, религии и собственности. По их мнению, сохранение прошлого способно снять все напряжение настоящего и потому должно рассматриваться как моральный долг по отношению к будущим поколениям. Понятно, что такие принципы отрицали оптимизм либеральной идеологии относительно общественного прогресса, тот дух индивидуальной свободы, который, с точки зрения консерваторов, разрушал целостность человеческого сообщества.

С самого начала консерватизм выступал за сохранение существующей системы без каких-либо радикальных изменений. Важнейшие положения консерватизма сформировались и эволюционировали в качестве ответной реакции на противостоящие ему идейно-политические течения: либерализм и социализм. По выражению одного из исследователей, консерватизм – это своеобразный идеологический хамелеон, поскольку его облик зависит от природы его врага.

Первые критические выпады консерватизма были обращены против либералов. Консерваторы противопоставили идеям прогресса, индивидуализма, личной свободы, переустройства общества, выдвинутому Просвещением и Великой французской революцией, взгляд на общество как на органическую и целостную систе-

му. Центральное место в их построениях занимала мысль о неразрывной связи человека с прошлым, с вековыми традициями и обычаями.

В предложенной ими органической теории общества государство представало существом, стоящим над всеми людьми и обладающим способностью к самосохранению. Возводя власть и общество к проявлению промысла Божьего, Л. де Бональд, например, рассматривал власть как живое существо, воля которого «называется законом, а его действия – правительством». С точки зрения консерваторов, общество, как и всякое естественное образование, имеет свое детство, юность, зрелость. Возражая Ж.-Ж. Руссо и И. Канту, которые считали, что общество и государство созданы человеком и для человека, Бональд утверждал: «Человек существует только для общества; общество создается только для самого себя». По его мнению, государство – это «большая семья», которой душой и телом принадлежат составляющие ее «обездоленные индивидуумы».

Отправным пунктом философии консерватизма является тезис о греховной сущности человека. По словам консерваторов, ее зло и страдания неотделимы от самого человеческого существования, и мудрость правителей состоит в том, чтобы свести к минимуму их последствия. Согласно Э. Берку [18], над человеком довлеет проклятие первородного греха. В силу злой и греховной сущности своей природы он не ведает, что для него лучше и что хуже. Человек не только не способен переустроить общество, но и не должен стремиться к этому, поскольку такое стремление явилось бы насилием над естественными законами развития общества.

Свобода, о которой говорят идеологи Просвещения и Французской революции, полагал Берк, не имеет ничего общего с истинной свободой, дарованной английскому народу обычаям и традицией. Цель общества не в придумывании мнимых свобод, которые могут обернуться всеобщей анархией, а в сохранении и защите существующих свобод, основывающихся на традиции. Поэтому существующим институтам, по мысли консерваторов, следует отдать предпочтение перед любой теоретической схемой, какой бы совершенной она ни казалась с рациональной точки зрения.

Очевидно, что консерватизм представляет собой нечто большее, чем просто защиту интересов тех или иных слоев населения. «Консервативное» включает в себя утвердившийся и общепринятый в обществе набор ценностей, детерминирующих поведение и образ мыслей значительных категорий людей, а также формы приспособления к традиционным социальным нормам и институтам. Важное место в консерватизме занимают глубинные традиционалистские и ностальгические тенденции, характерные для психологии массовых слоев населения. Большое значение имеет и то, что консерватизм выдвигается в контексте религиозной социальной философии.

И это заставляло консерваторов сомневаться в ценностях эгалитаризма, препятствовало отождествлению демократии со свободой и эффективным управлением обществом. Правда, защищая ценности и институты индустриального общества, консерватизм, как и либерализм, стал противиться государственному вмешательству в экономику, способному затормозить развитие свободного рынка, конкуренции, а следовательно, и нарушить привилегии представителей крупного капитала.

Сам термин «консерватизм» получил распространение в начале XIX в., в 1818 г., когда французский писатель и политический деятель Ф. Шатобриан [256], опла-

кивавший в своих произведениях гибель монархии и старого порядка, начал издавать литературно-политический журнал «Консерватор». Примерно в те же годы термин «консерватизм» стали использовать и в названиях политических партий.

Для феодально-аристократической разновидности консерватизма, которая преобладала в первой половине XIX в., характерна критика идей Просвещения «справа», отрицательное отношение к теориям естественного права и общественного договора и к присущему философии Просвещения культуре разума. Консерваторы проповедовали в своих трудах незыблемость дворянско-феодальных привилегий, отрицали буржуазную демократию. Политическая философия консерватизма защищала традиционные устои общественной жизни и ценностей, отрицание каких бы то ни было революционных изменений. Эти установки использовали в XIX в. такие известные политические деятели консервативного толка, как Дизраэли, Бисмарк, успешно осуществлявшие социальные реформы. [83, с. 447].

В последующем видными представителями консервативной мысли явились французы Ф. де Ламенне (1782–1854), Ж. А. де Гобино (1816–1882) [49], англичанин Б. Дизраэли (1804–1881), испанец Х. Д. Кортес (1809–1853), немец Отто фон Бисмарк (1815–1898). Из известных ученых XX в. к числу последователей этой аналитической традиции можно отнести итальянца Г. Моска (1858–1941) [153], немцев К. Шмитта (1888–1985) [262], М. Хайдеггера (1889–1976) [242], американцев Д. Белла (р. 1919) [12], С. М. Липсета (р. 1922) [118].

Определенный вклад в развитие консервативной традиции во второй половине XIX – начале XX вв. внесли русские философы, социологи и политические мыслители, такие как К. Н. Леонтьев [117], Н. Я. Данилевский [60], В.С. Соловьев [212] и другие, а после прихода к власти большевиков – ряд представителей русского зарубежья.

У консерваторов так или иначе присутствует идея некоего жизненного начала всего реального мира. В частности, у некоторых русских мыслителей консервативной ориентации, например у В. С. Соловьева, в качестве такого жизненного начала выступала София – Душа мира, Премудрость Божия. Предполагалось, что попытка человека вмешаться в естественный эволюционный и органический процесс развития общества может принести только вред (ибо общество – это организм, и его нельзя перестраивать, как машину). Поэтому любые перемены могут быть только частичными и постепенными. Революция не освобождает, а разрушает человека; при этом не столько человек управляет революцией, сколько революция – человеком.

Если либерализм и социализм с самого начала возникли как классовые идейно-политические течения, соответственно буржуазии и рабочего класса, то с консерватизмом дело обстоит значительно сложнее. В целом как тип общественно-политической мысли и идейно-политического течения консерватизм отражает идеи, идеалы, установки, ориентации, ценностные нормы тех классов, фракций и социальных групп, положению которых угрожают объективные тенденции общественно-исторического и социально-экономического развития. И прежде всего тех привилегированных социальных группировок, которые испытывают всевозрастающие трудности и давление со стороны не только демократических сил, но и наиболее динамичных фракций имущих слоев населения. Нередко консерватизм становился своего рода защитной реакцией тех средних и мелких предпринимате-

лей, фермеров, лавочников, ремесленников, жителей сельской местности, которые испытывают страх перед будущим, несущим с собой неопределенность и частую реальное ухудшение социального статуса.

Принимая существующее положение вещей, консерватизм делает упор на необходимости сохранения традиционных правил, норм, иерархии власти, социальных и политических структур и институтов. В духе гегелевской формулы «все действительное разумно, все разумное действительно» консерваторы рассматривают существующий мир как наилучший из возможных миров [183].

Важнейшим принципом консервативной идеологии является **нравственный абсолютизм**, признание существования **незыблемых нравственных идеалов и ценностей**. Эти нравственные идеалы и ценности личности должны формироваться всеми способами общественного и государственного воздействия и обуздывать «греховную» природу человека. *Политика в этом смысле не может быть свободна от морали.*

Другим важнейшим принципом консерватизма является **традиционализм**, являющийся *фундаментом* любого здорового общества. Но общество не может быть неизменным. По мере своего развития оно нуждается в реформировании. Этого не отрицают консерваторы. Однако, по их мнению, общественные реформы должны опираться на созданные всеми прежними поколениями духовные традиции и ценности. Как считал Э. Берк [18], в любом обществе складывается солидарность поколений. И потому каждый политический деятель, принимающий решения, должен делать это ответственно не только перед своими современниками, но и предками, и потомками. Конструктивному рационализму либералов Э. Берк демонстративно противопоставлял апологию «предрасудков». Именно в «обычных предрасудках», в традиции аккумулируется мудрость, унаследованная от предков, отражается коллективный разум, в том числе и политический.

Традиционализм консервативной идеологии теснейшим образом связан с **политическим реализмом**. Политическая практика, как считают консерваторы, не должны опираться на голые теоретические схемы. Реформы, которые проводятся в обществе, должны быть рассчитаны не на абстрактного человека, а на реальных людей из плоти и крови, образ жизни которых, устоявшиеся привычки нельзя внезапно изменить без больших несчастий. А это значит, что консерватизм возвращал политической мысли чувство историчности, отстаивал *непрерывность исторического развития и сохранения полезных частей «старого общественного здания»*, вместо изобретения абстрактных конструкций на «чистом листе» революционной истории.

Консерватизм позитивно относится к идее равенства людей перед Богом. Равенство существует в области морали и добродетели. Возможно и политическое равенство. Однако консерваторы не приемлют социального равенства. Они являются открытыми сторонниками социального неравенства, которое, по их мнению, не только соответствует «природе», но и лежит в основе социальной стабильности общества.

Отсюда логически вытекает и принцип **меритократии**, в соответствии с которым власть должна находиться в руках достойных людей. Консерваторы являются сторонниками *элитарной демократии*. «Достойное — достойным» — таков принцип консерваторов применительно к социальному статусу личности.

Консерваторы настроенно относятся к получившей развитие в XX в. тенденции растущей политизации общества. По их мнению, политика является сферой деятельности политических элит. Массы же должны принимать ограниченное участие в политической жизни. А само это участие подлежит контролю со стороны власти.

Отличительная особенность консерватизма заключается и в том, что его сторонники ориентируются на *местные, региональные, национальные ценности*. Общество сосредоточено, по их убеждению, прежде всего, на локальном уровне: в семье, общине, приходе, ремесленной корпорации, местных институтах власти. Социальное «мы» на местном уровне есть естественный источник стабильности, воспитания, сохранения традиций, формирования патриотизма. [74].

На основе этих фундаментальных подходов сформировались и окрепли характерные для консервативной идеологии политические ориентиры:

- убежденность в существовании непреходящего *нравственного закона*, в том, что человеческая природа неизменна и моральные истины постоянны. Консерватизм исходит из постулата об ограниченности сферы человеческого разума и, следовательно, важности универсального морального порядка, санкционированного и поддерживаемого религией; в особой роли, которая принадлежит в этой связи традициям, институтам, ритуалам и даже предрассудкам;
- приверженность *обычаям, традициям* и преемственности, хотя и считают перемены необходимыми. Они полагают, что любые общественные перемены должны осуществляться постепенно, обдуманно, выборочно. Одна из философско-мировоззренческих максим консерватизма гласит: «То, что можно не менять, менять не нужно»;
- вера в *принцип заведенного порядка вещей*. Например, мораль и право собственности во многом держатся на принципе давности. Вся деятельность политика-консерватора должна оцениваться с точки зрения долгосрочных последствий, а не временных преимуществ и популярности;
- предпочтение разнообразию традиционно сложившихся социальных институтов и форм жизни. Люди не равны. Социальная организация сложна и всегда содержит в себе различные классы, сословия и группы. Расслоение, иерархия и подчинение – неизбежные черты любого общества. Единственное равенство, которое признают консерваторы, – это «равенство перед Богом и божественным правосудием»;
- непринятие социальных прожектов. «Стремиться к утопии – значит закончить катастрофой». Необходимо стремиться к приемлемому общественному порядку, справедливости и свободе, улучшая и сохраняя этот порядок благоразумными реформами;
- нерушимость института частной собственности – продукта человеческого разнообразия, без нее свобода невозможна, а общество обречено на гибель;
- догмата об изначальном несовершенстве человека, который не может опираться ни на свои природные инстинкты, ибо уже растерял их, ни на свой разум, ибо вся истекшая история показывает, что человек способен на действия, противоречащие разуму. Человек страдает от многих недостатков или, как учит христианство, над ним довлеет действие первородного греха. Будучи таковым, человек не может создать совершенное человеческое общество;

- примат коллектива над личностью. Источник зла в природе человека, а не в отдельных социальных институтах. Существует презумпция «в пользу любой установленной системы правления, против любого неиспользованного проекта. Попытки устранить существующее зло вызывают обычно еще большее зло» [33, с. 171].

Консервативное мировоззрение представляет собой комплекс принципов, главные из которых – традиция, религиозность, авторитет, свобода и ответственность, естественное неравенство людей, скептицизм. Консерватор, в отличие от либерала, – носитель интегративного сознания, для него интересы государства, нации, общности выше, чем интересы индивида или какой-то группы. По мнению английского ученого М. Оукшотта, «быть консерватором... означает предпочитать известное неизвестному, то, что испытано, тому, что не прошло проверку практикой, факт – выдумке/действительность – тому, что возможно, ограниченное – безграничному, близкое – далекому, достаточное – избытку, сегодняшнее веселье – утопическому блаженству» [187, с. 310].

Гносеологической предпосылкой консерватизма является то, что общественно-политический процесс имеет двойственную природу. С одной стороны, он состоит в отрицании старого, разрыве с прошлым и творении нового. С другой стороны, он сохраняет и переносит из прошлого в настоящее и будущее все жизнеспособное, непреходящее, общечеловеческое. Любая общественно-политическая система может трансформироваться во многих своих аспектах, в то же время, сохраняя преемственность в других.

Форсирование процесса разрушения старого мира во имя построения на его развалинах нового мира, как показал исторический опыт, в лучшем случае занятие бесполезное, а в худшем – чреват трагическими последствиями. Можно сказать, что лишь при наличии взаимодействия и тесного переплетения двух начал: развития и творения нового и сохранения преемственности с прошлым – можно говорить об истории и общественно-историческом процессе [41, с. 175].

19.2.2.2.2. Неоконсерватизм

Основополагающие идеи и принципы консерватизма заметно модифицировались в процессе общественного прогресса. Кризисное развитие индустриальных держав в начале XX в. спровоцировало появление различного рода реакционных консервативных течений: антисемитизма, расизма, национализма, иррационализма и др., которые выказали полное неприятие демократии и стали проповедовать социальную и национальную дискриминацию. Здесь для консерватизма, уверенного в способности политики смягчать социальную напряженность, проявился в целом нехарактерный для него радикализм, стремление к силовым способам разрешения конфликтов. Поэтому сразу после Второй мировой войны многие политические партии консервативной ориентации в европейских странах не рисковали называть себя «консервативными», боясь отождествления с фашизмом и реакцией.

В послевоенный период консерватизм вынужден был обратиться к более тонкой и сложной апологетике капиталистического образа жизни. Были предприняты попытки обосновать третий путь, отличный от либерализма и социализма.

Предлагалось соединить старые ценности доиндустриальной эпохи (семья, религия, мораль) с ценностями постиндустриальной эпохи (творческий труд, уникальность личности и ускоренное развитие нерыночной сферы — культуры, образования). Рассматривалась проблема участия населения в управлении предприятиями как средство преодоления отчуждения труда. Возникли различные разновидности консерватизма: технократический (А. Гелен, Х. Шельски, Г. Фрейер), традиционалистский, христианско-католический, реформистский, радикалистский и т. д. Неоконсерватизм проявил большую склонность к либеральным ценностям, мягче относясь к государственному регулированию, участию населения в управлении порядком.

Речь идет о свободно-рыночных отношениях, конституционализме, системе представительства и выборности органов власти, парламентаризме, политическом и идеологическом плюрализме. При всей своей приверженности религиозной вере большинство консерваторов после Второй мировой войны смягчили свои позиции в отношении рационализма и технократизма. Не было препятствий к тому, чтобы они приняли также идеи государственного регулирования экономики, социальных реформ, государства благосостояния. Вместе с тем, консерваторы решительно ставили вопрос об укреплении законности, государственной дисциплины и порядка, не признавали инициированных реформ. Они, в стремлении с собственных позиций пересмотреть идею демократии, предлагали дополнить выборность народных представителей выдвижением в органы управления наиболее «достойных» (с точки зрения властей) граждан.

Последующие десятилетия обозначили явное стремление консерватизма, с одной стороны, к иррациональным идеям реакционного толка (например «новые правые» во Франции, требования ограничения эмиграции), а с другой — к большей склонности к либеральным ценностям. Второе направление эволюции консервативных идей наиболее ярко проявилось в *неоконсерватизме* — идеологическом течении, сформировавшемся в качестве своеобразного ответа на экономический кризис 1973–74 гг., массовые молодежные движения протеста в Западной Европе и расширение влияния кейнсианских идей.

Вплоть до 70-х гг. прошлого столетия консерватизм не оказывал существенного влияния на политическое развитие в странах Запада, находясь в обороне по отношению к либеральному реформизму и социал-демократическим теориям. Однако начиная со второй половины 1970-х гг. произошел значительный рост влияния консерватизма. В этот период он завоевал ведущие позиции в политической жизни США и многих стран Западной Европы: Народный альянс в Испании, Ж. Ширак во Франции, Ф. Й. Штраус и ХСС, правое крыло ХДС в ФРГ, затем блок ХДС–ХСС во главе с Г. Колем).

Консервативный ренессанс произошел в силу того, что под влиянием изменившихся мировых общественно-политических условий теоретики консерватизма отказались от целого ряда принципиальных положений, составлявших содержание классического консерватизма и выдвинули новые идеи, созвучные особенностям современной эпохи. Именно благодаря этому консерватизм принял форму неоконсерватизма. И это не просто смена вывески. Произошло существенное изменение в социально-философских воззрениях сторонников неоконсерватизма, их политических установках и действиях. Главным является то, что неоконсерва-

торы признали неизбежными и даже необходимыми перемены в общественной жизни, обусловленные объективным ходом социального прогресса. Более того, в ходе предвыборных кампаний лидеры консервативных партий выступали инициаторами общественных перемен, обещали в случае прихода к власти провести целую серию нововведений, направленных на улучшение жизни народа. Приход к власти в США 1980 г. Р. Рейгана и его победа на второй срок в 1984 г., победа консервативной партии во главе с М. Тэтчер в Великобритании три раза подряд, результаты парламентских и местных выборов в ФРГ, Италии, Франции показали, что идеи и принципы, выдвигавшиеся этими силами, оказались созвучны настроениям широких слоев населения.

В значительной степени разгадка успеха представителей консервативных сил сначала в Великобритании и США, а затем в ФРГ, Франции и других странах кроется в том, что они предложили перемены в момент, когда большинство избирателей их желало. Показательно, что лейтмотивом предвыборных платформ множества консервативных партий стали обещания перемен. На выборах 1979 г. М. Тэтчер, например, претендовала на полное изменение политики господства государства во всех сферах жизни путем свертывания такого господства. В программе Р. Рейгана, предложенной на выборах, подчеркивалась необходимость положить «новое начало Америки». Словарь германских консерваторов изобилует такими понятиями, как «поворот», «перемена», «переоценка», «новая ориентация», «обновление» и т. д.

В 1983 г. возник Международный демократический союз за объединение консервативных и христианско-демократических партий. Тон в нем задавали американские республиканцы. Новая версия консерватизма распространилась и в других западноевропейских странах. В ФРГ ее пропагандировали Г. Кальтенбруннер и Г. Коль, во Франции – А. Бенуа, П. Виаль и Ж. Ширак.

Самое парадоксальное в нынешнем консервативном ренессансе, по мнению К. С. Гаджиева, состоит в том, что консерваторы выступают инициаторами перемен. При этом неоправые и неоконсерваторы проявили изрядную степень гибкости и прагматизма, способности приспосабливаться к создавшимся условиям. Они четко уловили настроения широких масс населения, требующих принятия мер против застоя в экономике, безработицы, стремительно растущей инфляции, расточительства государственных средств, негативных явлений в социальной жизни и т. д. [41].

Разработанная неоконсерваторами модель реформирования западного общества вполне отвечала задачам нового этапа перехода к постиндустриальной цивилизации. С этим этапом связано создание динамичной экономики, использующей новейшие хронологии. Поэтому не случайно, что главной опорой неоконсервативной политики стал быстрорастущий «новый средний класс» – часть управленческого персонала, техническая интеллигенция, высококвалифицированные рабочие, а главным объектом идеологических атак – сильные профсоюзы и возникшие в период широкого применения кейнсианских рецептов государственные социальные программы поддержки малообеспеченных слоев общества [187, с. 310].

«Неоправые» пошли еще дальше. В частности, представитель американских «новых правых» П. Уэйрич заявил: «Мы не консерваторы, мы радикалы, стремящиеся к свержению истеблишмента». Один из руководителей французских «но-

вых правых» Л. Бенуа утверждал, что «любой консерватизм революционен». Быть консервативным, утверждают они, значит «маршировать во главе прогресса», а тот, кто закрывает дорогу прогрессу, становится реакционером.

Объективной основой роста влияния консервативной идеологии в 1970–90-е гг. стал структурный кризис капиталистической экономики, для разрешения которого прежние средства, предлагавшиеся либеральной идеологией, оказались неэффективными. Особенность этого периода состояла в кризисе левых — от коммунистических до социал-демократических и кейнсианских — моделей общественного развития. И **неоконсерватизм** стал ответом на вызов кризисного состояния капиталистической цивилизации и ослабление его духовно-нравственных устоев. Консерватизм, по сути, заполнил тот вакуум, который образовался с утратой левыми своих позиций, дефицитом дееспособных идей и концепций на левом фланге. Оказалось, что неоконсервативная идеология сильнее стимулирует индивидуальные достижения, а неоконсервативная политика нашла действенные средства для решения экономических и социальных проблем.

Само понятие «**неоконсерватизм**» было введено в научный оборот социалистическим теоретиком М. Харрингтоном. В США это идеологическое течение возникло как реакция на леворадикальное движение в университетских кругах, вызвавшее негативную реакцию «среднего класса». Ведущим теоретиком этого направления первоначально был И. Кристол, а в дальнейшем Р. Низбет, М. Новак, Н. Подгорец. Антипатия к «новым левым», отрицательное отношение к либерализму американского «истеблишмента» соединилось у неоконсерваторов с крайним антикоммунизмом. Введение советских войск в Афганистан в 1979 г. усилило позиции консервативных политиков, относившихся весьма подозрительно как к «социалистическим», так и «либеральным» мерам государственного регулирования экономики. Этике и философии либерализма и социализма неоконсерваторы противопоставляли принцип *авторитета, гражданского порядка, социального контракта*, выдвигая на передний план корпоративные ценности семьи, региональных сообществ, местных общин и *соседской взаимопомощи* в противовес этатизму и крайнему индивидуализму.

Теоретики и практики неоконсерватизма выступают не столько за сохранение старого, сколько за создание таких новых порядков и институтов, которые бы способствовали общественному прогрессу. Они выдвинули парадоксальный лозунг: осуществить «консервативную революцию». Под ней они понимают ликвидацию в обществе всего то, что было искусственно создано под видом нового, что сегодня мешает общественному развитию, и сформировать такие властные структуры, которые бы имели будущее и способствовали социальному и нравственному прогрессу. В этом плане неоконсерватизм по своему идейно-политическому содержанию сблизился с неолиберализмом, перенял от него ряд идей, отвечающих запросам времени, особенно таких, как идеи общественного развития, демократизации политики и власти, государственного регулирования экономических и социальных отношений [38].

В целом неоконсерватизм весьма удачно приспособил традиционные ценности консервативного толка к реалиям постиндустриального этапа развития общества. Многообразие стилей жизни и усиление всесторонней зависимости человека от технической среды, ускоренный темп жизни и нарушение духовного и экологи-

ческого равновесия – все это породило серьезный ориентационный кризис в общественном мнении западных стран, поставило под сомнение многие первичные ценности европейской цивилизации. В этих условиях неоконсерватизм и предложил обществу духовные приоритеты:

- семьи и религии;
- социальной стабильности, базирующейся на моральной взаимответственности гражданина и государства и их взаимопомощи;
- уважения права;
- недоверия к чрезмерной демократизации;
- обеспечения крепкого государственного порядка и стабильности [199].

При сохранении приверженности рыночному хозяйствованию, привилегированности отдельных страт и слоев, эти ориентиры были направлены на доминирование в обществе и у гражданина человеческих качеств, универсальных нравственных законов, без которых никакое экономическое и техническое развитие общества не заполнит в людских душах духовного вакуума.

Основная ответственность за сохранение в этих условиях человеческого начала возлагается на самого индивида, который должен, прежде всего, рассчитывать на собственные силы и локальную солидарность сограждан. Такая позиция должна поддерживать в нем жизнестойкость и инициативу и одновременно препятствовать превращению государства в «дойную корову», развращающую человека своей помощью. Эта модель отличается от либеральной, сориентированной на предоставление индивида самому себе, когда ему надлежит самостоятельно отыскивать смысл бытия, «договариваться» с государством и т. д. Государство неоконсерваторов должно основываться на моральных принципах и сохранении целостности общества, обеспечивать необходимые индивиду жизненные условия на основе законности и правопорядка, предоставляя возможность образовывать политические ассоциации, развивая институты гражданского общества, сохраняя сбалансированность отношений общества с природой и т. д.

И хотя предпочтительным политическим устройством для такой модели взаимоотношений гражданина и государства оставалась демократия, все же основные усилия теоретики неоконсерватизма (Д. Белл [12], З. Бжезинский [237], Н. Кристолл и др.) направили на разработку программ, преодолевающих дефицит управляемости обществом (из-за чрезмерного вовлечения в политику населения), защищающих государство от социальных «перегрузок», модернизирующих механизмы защиты элитизма, совершенствующих средства урегулирования конфликтов и прочее. При этом в *американских* версиях неоконсерватизма акценты, как правило, делались на определении путей эволюции государственности и организации власти. В то время как в *западноевропейских* течениях предпочтение отдавалось сохранению социокультурной среды, усовершенствованию нравственных традиций общества и стимулированию социальной активности индивида.

Конечно, предлагаемые неоконсерватизмом программы экономического роста и сохранения политической стабильности (предполагавшие разрешение проблем, вызванных ростом благосостояния, новое понимание роли планирования, регулирования уровня занятости и т. д.) не могли решить многие вопросы общественного развития государств, втягивавшихся в постиндустриальный период эво-

люции (например, инфляции, обнищания населения). Однако по сравнению с его способностью дать человеку относительно целостную картину мира, отвечающую его основным нуждам и запросам, все эти частности отходили на второй план. Главное, что неоконсерватизм, согласовав рациональное отношение к действительности с моральными принципами, дал людям ясную формулу взаимоотношений между социально ответственным индивидом и политически стабильным государством.

Неоконсерватизм использовал те свойства консервативной идеологии и образа мысли, которые сегодня оказались способными защитить человека на новом технологическом витке индустриальной системы, определить приоритеты индивидуальной и общественной программ жизнедеятельности, очертить облик политики, способной вывести общество из кризиса. Более того, на такой идейной основе неоконсерватизм синтезировал многие гуманистические представления не только либерализма, но и социализма, а также ряда других учений.

Неоконсерваторы в своей политике *стремятся соединить основные принципы либерализма* (развитие рынка, предпринимательской инициативы и конкуренции) *с традиционными ценностями* (семья, культура, мораль, порядок). При этом едва ли не основной целью неоконсерваторов стало освобождение государства от «непосильного», как они считают, груза социально-экономического регулирования. Отказ от налогообложения крупных корпораций и наиболее состоятельных слоев, резкое сокращение пособий по безработице, «война на уничтожение» с профсоюзами, объявленная М. Тэтчер в начале 1980-х гг., в соединении с заботой о конкурентоспособности экономики и жесткой внешней политикой в отношении социалистических стран и стран «третьего мира» придали неоконсервативному курсу ярко выраженные авторитарные тенденции.

Для неоконсерваторов характерно прежде всего стремление вернуть ценности протестантской этики с ее духом самодисциплины и трудовой аскезы. Они превозносят принципы свободного рынка, критикуют практику государственного вмешательства в экономику, высказывают неприязнь к политике расширения социальных реформ. По их мнению, чрезмерно разросшиеся программы социальной помощи подрывают принцип опоры человека на собственные силы, воспитывают в людях иждивенческие настроения. Вместе с тем, придя к власти, неоконсерваторы в определенных сферах даже усиливали роль государства и не предпринимали решительных шагов к демонтажу механизмов государственного регулирования, «уходу» государства из экономики и отказу от социальных программ.

Как правило, в качестве одного из важнейших элементов консерватизма указывается неприятие идеологий идей, теорий и т. д. Но при этом нельзя забывать, что сам консерватизм не что иное, как комплекс идей, концепций принципов и т. д. Вместе с тем нередко считается, что консервативное мышление носит анти-теоретический характер. Конечно, не имеется в виду, что у консерваторов вообще нет идей и теорий, но они отдают предпочтение *прагматизму* перед абстрактными схемами, *опыту* перед теорией. Консерватория против абсолютизации, каких бы то ни было идей, тем более против их осуществления в «чистом» виде на практике.

Как пишет К. С. Гаджиев, сделав поворот на 180 градусов, неоконсерваторы выступили с призывом реидеологизации политики, восстановлению определяющей роли идеологии. Реидеологизация выразилась прежде всего в решительной

защите ими принципов свободно-рыночных отношений, индивидуализма, свободной конкуренции, критике неэффективности государственных программ повышения благосостояния [41].

Сегодня сторонники идеологии консерватизма видят его преимущество в том, что, сохраняя свое идейно-ценностное ядро и принимая различные модификации (либеральный консерватизм, религиозный консерватизм, элитарный консерватизм), он способен интегрировать в себя новые идеи (социальные, технологические и т. д.) и дать ответы на основные вызовы современности:

- ответ на вызов глобального хаоса — через укрепление национальных государств и национально-религиозных традиций, что обеспечит миру подлинную геополитическую многополярность и межцивилизационный диалог;
- ответ на вызов социальной автономии — через укрепление традиционных моральных и религиозных ценностей общества;
- ответ на проблему социальной атомизации — через консолидацию общества на основе общих духовных и нравственных ценностей;
- ответ на проблему политического отчуждения — через создание принципиально новой модели отношений элиты и общества, построенных на принципах служения и ответственности;
- ответ на проблему глобального дефицита ресурсов — через пропаганду идеи индивидуального самоограничения ради удовлетворения духовных потребностей, а также создание более экологичной и социально ориентированной модели экономики.

И хотя неоконсервативной идеологии придерживаются только некоторые крупные политические партии в западных странах (республиканская в США, либерально-консервативная в Японии, консервативная в Великобритании), по мнению А. И. Кугай, Е. М. Прошина, круг приверженцев этой идеологии все больше расширяется в современном мире. Причина здесь в том, что неоконсерватизм дал людям ясную формулу взаимоотношений социально ответственного индивида и политически стабильного государства. Сегодня консерватизм сохраняет и приумножает свое влияние уже не только как политическая доктрина, а и как интеллектуальное течение [106]. Его популярные принципы и установки включают в себя:

- преклонение перед традициями и историческим прошлым;
- мнение, что государство и правящая элита должны не только управлять обществом, но и воплощать мудрость нации;
- оправдание решительных мер в защиту консервативных ценностей;
- критическое отношение к потенциальным возможностям совершенствования человека и общества с помощью политических средств и методов: только религиозная вера может сделать человека лучше, политические законы лишь не позволяют ему поступать плохо;
- сдержанное отношение к социальным изменениям;
- позитивное отношение только к тем изменениям, которые согласуются с существующим порядком и развиваются подконтрольно, а не самостоятельно. [106, с. 328].

При близком рассмотрении между отдельными национальными вариантами консерватизма, а также внутри этих последних обнаруживается весьма причудли-

вое разнообразие оттенков, переходных ступеней, расхождений и т. д. Однако в целом можно выделить *неоконсерваторов, новых правых, традиционалистских или патерналистских* консерваторов.

Отдельные группировки «новых правых» и часть неоконсерваторов в ряде стран по комплексу вопросов, связанных с социально-экономической сферой и ролью государства в ней, идут настолько далеко, что их, как правило, объединяют в так называемое «радикалистское» течение консерватизма, под которым подразумеваются, прежде всего, рейганизм в США и тэтчеризм в Англии.

В целом их можно считать правыми радикалами, поскольку они ратуют за изменение сложившегося положения, особенно это касается регулирующей роли государства и восстановления принципов индивидуализма, свободно-рыночных отношений, свободной конкуренции в их чистом виде. При внимательном рассмотрении обнаруживается, что сегодня консерваторов разделяют весьма глубокие расхождения, хотя они имеют и немало общего. Большинство консервативных политических сил, учитывая изменения, происшедшие за последние десятилетия в структуре капитализма, сознает невозможность демонтажа механизмов государственного регулирования и возврата к системе, основанной на принципах свободного рынка и неограниченной конкуренции.

С одной стороны, в глазах консерваторов государство — это защитник закона и морали. Без сильного государства общество оказывается во власти анархии. С другой стороны, сильное государство может стать инструментом подавления индивидуальной свободы. При необходимости выбора между интересами индивида и общества значительная часть консерваторов отдает приоритет обществу.

В целом консерваторы предпочитают известное неизвестному, настоящее и прошлое будущему. В деле сохранения стабильности общества, считают они, лучше руководствоваться мудростью, унаследованной от прошлых поколений, чем взвешивать каждый вопрос на весах личных мнений и разума. Индивид глуп, а род мудр [41, с. 178].

Неоконсервативная политика привела в конце XX в. к резкому усилению социального неравенства, что поставило под вопрос завоевания демократии и привело к возникновению ситуации, когда вновь оказались востребованными либеральные идеи, а политическое влияние консерваторов стало ослабевать. [74, с. 600].

Любая страна, нация нуждаются в категории людей, партий и организаций, обосновывающих свои интересы идеологией, призванной сохранять, защищать и передавать будущим поколениям то, что достигнуто к каждому конкретному историческому периоду, ибо народ без памяти — это народ без будущего. Вместе с тем истинный консерватизм, призванный защищать статус-кво, обосновывать необходимость его сохранения, должен учитывать изменяющиеся реалии и приспосабливаться к ним. Свою способность к этому консерватизм продемонстрировал на поворотных этапах истории. В период господства свободно-предпринимательского капитализма он интегрировал идеи свободной конкуренции, свободного рынка, а после великого экономического кризиса и особенно после Второй мировой войны — идеи государственного регулирования экономики, социальных реформ, государства всеобщего благосостояния и т. д.

В целом, по мнению А. П. Плешакова, неоконсерватизм весьма удачно приспособил традиционные ценности консервативного толка к реалиям постиндуст-

риального этапа развития общества. Усиление всесторонней зависимости человека от технической среды, ускорение темпа жизни, нарушение духовного и экологического равновесия вызвали серьезный кризис в общественном сознании стран Запада, поставили под сомнение многие первичные ценности европейской цивилизации. В этих условиях неоконсерватизм предложил обществу духовные приоритеты семьи и религии, социальной стабильности, базирующейся на моральной взаимответственности гражданина и государства и их взаимопомощи, крепком государственном порядке и стабильности, уважении права и недоверии к чрезмерной демократии [183].

Таким образом, неоконсерватизм – политическое течение, в основе которого лежат идеи консерватизма, приспособленные к новым условиям общественного развития.

19.2.3. Социалистические идеологии

Наряду с либерализмом и консерватизмом влиятельной идейно-политической доктриной современности является доктрина социализма. Как одно из идейных течений социальной мысли социал-демократизм берет свое начало от революционных событий в Западной Европе в конце XVIII – середины XIX вв. и учений социалистов-утопистов.

19.2.3.1. Идеи социализма в мировой истории

Социализм (от фр. *socialisme* и от лат. *socialis* – общественный) – учение, выдвигающее в качестве цели и идеала установление общества, в котором отсутствует эксплуатация человека человеком и социальное угнетение, утверждается социальное равенство и справедливость.

Идеи социализма известны в мире с древнейших времен. Зародышевой формой идей *утопического социализма* у всех народов была легенда о прошлом «золотом веке», рисовавшая в идеализированном виде общинный строй и господствовавшее в нем социальное равенство людей. Подобные фантастические изображения встречаются в фольклоре и в общественной мысли народов Древнего Египта, Передней Азии, Индии, Китая и Юго-Восточной Азии. В античной Греции легенда о «золотом веке» развивалась в дискуссиях мыслителей об общественном неравенстве и «естественном» состоянии общества, об уравнительном строе Спарты, социальных реформах Солона в Афинах, в платоновской утопии кастового «коммунизма», а также в сказочных повествованиях о странах «золотого века», найденных путешественниками на островах в Индийском океане (Эвгемер, Ямбул).

Идейно-психологической основой утопического социализма являются воспоминания о детстве в семье. Ощущение безопасности, отцовской заботы и материнской любви навсегда остаются в памяти каждого, благополучного в детстве человека. На подсознательном уровне человек пытается перенести это ощущения счастья во взрослую жизнь, в том числе и на политические отношения. В желаемой политической модели общества у тотального человека доминируют потребности в любви и заботе, а не равноправии и свободе, а отношения между властью и индивидом представляются патриархальными и братскими, а не равными и конкурентными.

Большое значение для становления *утопического социализма* имело социальное учение раннего христианства, проповедовавшее общечеловеческое равенство и братство людей, евангельский идеал общинного патриархального строя с потребительским коммунизмом в быту. Например, в Библии говорится о таких общечеловеческих ценностях, как добро, справедливость, братство, осуждаются богатство, жажда наживы. В соответствии с этими идеями строилась жизнь раннехристианских общин.

В средние века идейной оболочкой борьбы трудовых низов против эксплуатации стали хилиастические упования религиозных еретических сект (вальденсов, катаров, лоллардов, таборитов, анабаптистов и др.), которые объявляли источником гнета и социального неравенства отступничество церкви и господствующих классов от идеалов первоначального христианства. Даже когда этот религиозный сектантский коммунизм вливался в поток антифеодальных восстаний крестьян, городской бедноты и рабочих позднего средневековья, выдвигавшийся его идеологами коммунистический идеал оставался скудным, отсталым и оторванным от реального исторического процесса. *Радикальные социалистические* воззрения при своем зарождении опирались на требование социального равенства на основе общности имущества. Как лозунг революционной борьбы его выдвигали радикальные участники гуситского движения в Чехии XV в. (М. Гуска), Крестьянской войны в Германии XVI в. (Т. Мюнцер), буржуазных революций в Англии XVII в. (Дж. Уинстэнли). Большое значение для их концептуализации имели эгалитаристские идеи Ж. Ж. Руссо [204] и воззрения его соотечественника Ф. Бабёфа [8] о классовой принадлежности граждан и необходимости насильственной борьбы за общественное переустройство.

В идеях *утопического* социализма XVI в. содержались уже первые элементы критики нарождавшегося буржуазного общества и сознания того, что осуществление гуманистических идеалов требует подлинно человеческого, справедливого общества. В коммунистических утопиях Т. Мора [151] и Т. Кампанеллы [87] утопический социализм сделал важнейший шаг вперед:

- от идеи общности потребления к идее общественной собственности и организации хозяйственной жизни общества как единого целого;
- от идеала замкнутой патриархальной общины к идеалу крупного политического образования в виде города или федерации городов, к признанию важнейшей роли государственной власти в утверждении основ разумного общественного строя.

В утопическом социализме периода раннего капитализма усилились исходные рационалистические элементы. Французский утопический социализм эпохи Просвещения на основе требований разума и «естественного права» критиковал буржуазное общество и утверждал необходимость коммунистического общества как единственно рационального и отвечающего равному праву всех людей на свободу и пользование жизненными благами. Этот вариант «золотого века», который проповедовался в утопических романах-путешествиях, повествовавших об обществах «добрых дикарей» с естественным строем «общности имущества», получил более четкое обоснование в коммунистических трактатах XVIII в. Материалистическое и атеистическое «Завещание» французского утопического коммуниста Ж. Мелье [135] призывало крестьян к революционному ниспровержению феодализма, коро-

левской власти, дворян и церковников и к переустройству общества. В середине XVIII в. Г. Мабли [124] и Морелли [152] выступили с рационалистическими проектами коммунистического общества, осуществляющего принципы «совершенного равенства» всех людей, права на труд и обязательности труда для всех членов общества.

В эгалитарной идеологии «социализма равенства» мелких тружеников-хозяичков, в мелкобуржуазных построениях Ж. Ж. Руссо [204] и его последователей обозначилась струя «рабочего эгалитаризма», питавшаяся иллюзиями тех прослоек сельского и городского предпролетариата, которые еще уповали на возможность уничтожения эксплуататорской системы наемного труда посредством уравнительного передела земли.

Великая французская революция принесла с собой революционизирование идей утопического социализма, смыкавшихся с борьбой трудовых низов города и деревни. Идеологи массовых эгалитаристских движений переходили к требованию всеобщего уравнительного передела земли и подходили также к программе уравнительного ограничения торговой и промышленной собственности, всеобщего ограничения собственнических прав и подчинения их интересам и строгому контролю общества («Социальный кружок», «Бешеные», левые якобинцы).

Решающий перелом в развитии коммунистических идей осуществил Г. Бабёф [8], выработавший программу «Заговора во имя равенства» с практической задачей свершения коммунистической революции и *впервые* обосновывавший необходимость *революционной диктатуры*. Представляя идеологию главным образом доиндустриального пролетариата, бабувизм строил идеал коммунистического общества как аграрного и ремесленного, с мелким производством на основе ручного труда и проповедовал грубую уравнительность, всеобщий аскетизм, негативное отношение к умственному труду и его представителям.

К важнейшему историческому рубежу в развитии утопического социализма подошли в начале XIX в. великие социалисты-утописты К. А. Сен-Симон [208], Ш. Фурье [239a] и Р. Оуэн [166], с особой силой выразившие разочарование буржуазным обществом самых передовых представителей его интеллигенции. Они создали новое направление критико-утопического социализма и коммунизма, вскрыли царящую при капитализме анархию производства, противоположность частнособственнических интересов интересам общества, преобладание паразитических элементов над производительными, фальшь разглагольствований о «правах человека» без обеспечения ему права на труд, моральное разложение господствующих классов и растлевающее воздействие капитализма на личность.

Критико-утопический социализм в своих произвольных, фантастических исторических конструкциях утверждал вместе с тем понимание закономерности смены форм собственности и основанных на них форм производства в поступательном развитии человечества; он видел первоочередную задачу общественного преобразования в создании крупного общественного производства, основанного на свободном труде и планомерно применяющего достижения науки и техники. Преодолевая представление о всеобщем аскетизме и уравнительности при социалистическом строе, критико-утопический социализм выдвинул социалистический принцип распределения «по способностям» и изобразил будущее общество как общество изобилия, обеспечивающее удовлетворение человеческих потребно-

стей и расцвет личности. Однако вразрез с коммунистическими идеалами социалисты допускали сохранение в социалистическом обществе частной собственности, имущественного неравенства. Выражая протест против капиталистической системы угнетения и эксплуатации трудящихся, они выступили с утопическими проектами устранения классовых различий.

Идеи критико-утопического социализма были восприняты последующими течениями утопического социализма, внутри которого усилилась дифференциация буржуазного и пролетарского направлений. Во Франции в 30–40-х гг. XIX в. наряду с эпигонским сенсимонизмом и фурьеризмом сформировались многочисленные родственные течения буржуазного и мелкобуржуазного социализма. Эти школы реакционного и консервативного утопического социализма подвергли критике капитализм и выдвигали утопические проекты восстановления докапиталистических форм хозяйства либо объединения мелких хозяев против крупного капитала. Защищая с мелкобуржуазных позиций рабочий класс и пропагандируя как средство постепенного мирного переустройства создание производительных ассоциаций (Б. Бюше, Л. Блан, П. Леру, К. Пеккёр) либо ассоциаций «справедливого» эквивалентного товарообмена (Дж. Грей, П. Ж. Прудон [197]), они получали отклик в мелкобуржуазных прослойках рабочего класса.

Напротив, передовые элементы рабочего движения находили выражение своих революционных устремлений в утопическом коммунизме, провозглашавшем необходимость немедленного коренного переустройства всего общества на началах «общности имуществ». В недрах революционных тайных организаций 30–40-х гг. XIX в. кристаллизовались учения необабувистского коммунизма, возродившего идеи «глобального» коммунистического переустройства общества посредством революционного переворота и революционной диктатуры (Т. Дезами [62], Л. О. Бланки [25], В. Вейтлинг [35] и др.). Большую популярность в рабочей среде приобрела также пропаганда Э. Кабе [86] мирного коммунистического переустройства общества. Теоретики утопического коммунизма 30–40-х гг. сформулировали важнейший принцип коммунистического распределения: «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям». Однако утопический коммунизм, как и утопический социализм этого периода, в целом не смог преодолеть религиозное наследие общественной мысли, нередко ссылаясь на традиции евангельского коммунизма (Кабе, Вейтлинг, Эскирос) и подчас выливался в борьбу конкурирующих сект. Высшего развития материалистические тенденции утопического социализма достигли в России, в воззрениях А. И. Герцена [46] и Н. Г. Чернышевского [250].

Социалистическая идеология основывается (по крайней мере, в идеале) на принципах гуманизма, социальной справедливости, равенства, важной роли общественной собственности, идеях самоуправления и др. Социалистическая идеология в XX в. сыграла важную и неоднозначную роль в общественной жизни России, ряда стран Восточной Европы и Азии, являлась в них государственной. Различные социалистические идеи и концепции достаточно широко распространены в мире. Китай в конце XX — начале XXI вв. руководствуется идеологией «рыночного социализма» при руководящей роли коммунистической партии.

Социализм, как и либерализм, пытается создать разумные условия человеческого существования. Различия просматриваются в способах реализации рацио-

налистических установок. Либерализму ближе эволюционный путь, принятый позднее и европейской социал-демократией, что создало в дальнейшем возможность либерально-демократического консенсуса. Для социалистической доктрины в ее оригинале ближе радикальный, хотя и необязательно насильственный, путь перехода к демократии.

В социализме кроме утопического выделяются еще две основные разновидности:

- демократический (эволюционный) социализм (социал-демократия);
- радикальный (революционный) социализм (коммунизм).

Применительно к характеристике общественных движений термин «социализм» был впервые введен в употребление в 1827 г., а «коммунизм» – в 1840 г.

Социалистами обычно называли последователей утопического социализма Сен-Симона, Фурье, Оуэна, которые стремились к замене общества, основанного на конкуренции, обществом, построенном на кооперативных принципах, веря, что такие изменения могут быть осуществлены мирно, благодаря прогрессивной политике правящих классов [83, с. 445].

Коммунизм (лат. *communis* – общий) – одна из радикальных версий общественного идеала, сопряженная с мифом о достижимости всеобщего равенства людей на основе многомерного и беспредельного изобилия. В социально- и историко-философском измерении идея коммунизма, по определению А. А. Грицанова [159], может быть охарактеризована как интеллектуальное явление эсхатологического и сотериологического порядка, выступившее своеобразной гипнотизирующей мутацией идеи о неограниченности и линейности общественного прогресса, присущего западноевропейской философии истории конца XVIII – середины XX вв.

19.2.3.2. Марксистская доктрина

В середине XIX в. К. Маркс и Ф. Энгельс дали теоретическое обоснование социализма, интерпретируя его как определенную фазу исторического становления более отдаленного этапа развития общества – коммунизма, представлявшего, по их мнению, подлинную цель развития человечества. Обосновывая неизбежность становления «социально справедливого общества», немецкие ученые весьма противоречиво истолковали способы достижения, этого социального идеала, сохранив возможность различного понимания места социализма в данном процессе, возможность применения как эволюционных, так и революционных путей его утверждения в обществе [213].

Марксизм представляет собой одно из крупных течений идейно-политической и социально-философской мысли, включающее в себя комплекс воззрений по широкому комплексу общественно-исторических, экономических, социальных, политических, идеологических и других проблем. Основные его положения разработаны в XIX в. К. Марксом и Ф. Энгельсом. Их идеи были дальше развиты многочисленными последователями, такими как Э. Бернштейн, Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, К. Каутский и др.

Марксизм возник и развивался в общем русле европейской политико-философской мысли, и в этом смысле он являлся детищем Просвещения и рационалистической традиции. Его родовая близость к либерализму выражается в наличии в нем целого ряда положений, которых либералы могут принять без особых огово-

рок. Речь идет, например, о таких утверждениях, как: «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех», «свобода состоит в том, чтобы превратить государство из органа, стоящего над обществом, в орган, этому обществу всецело подчиненный», «нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав» и др. Вместе с тем в марксизме содержались элементы, ставшие основой для радикального пересмотра и отрицания важнейших положений породившей его капиталистической парадигмы.

Маркс исходил из тезиса о том, что для правильного понимания современно-го ему общества необходимо прежде всего выявлять и анализировать закономерности и механизмы функционирования и развития экономической системы. Совокупность производительных сил и производственных отношений, писал К. Маркс, составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается политико-идеологическая надстройка. В нее входят юридически-правовые и политические институты, государство, социокультурная и духовная сферы, идеология, весь строй сознания.

Противоречие между производительными силами и производственными отношениями, по мысли марксистов, служат движущим фактором общественно-исторических изменений. «Способ производства материальной жизни, — полагал Маркс, — обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание... С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке». Иначе говоря, в рамках каждой общественно-политической системы производительные силы могут развиваться до определенного предела, который становится препятствием для их дальнейшего развития. Наступает эпоха социальной революции, в результате чего создаются новые экономические и политические отношения, соответствующие уже более развитым производительным силам. Исходя из такой установки, Маркс выделял азиатский, рабовладельческий, феодальный и капиталистический способы производства, названные впоследствии его сторонниками социально-экономическими формациями.

Особо важная роль в марксизме отводится *теории классов и классовой борьбы*. Как утверждали Маркс и Энгельс, в каждой из следовавших друг за другом форм общества существовали класс эксплуататоров и класс эксплуатируемых. При рабовладельческом способе производства это были рабовладельцы и рабы, при феодальном — феодалы и крестьяне, при капиталистическом — буржуазия и рабочий класс. Неотъемлемой чертой общества, построенного на эксплуатации человека человеком, является классовая борьба, которая разворачивается вокруг вопроса о собственности и контроле над средствами производства. Поэтому, по их мнению, на протяжении всей истории именно эта борьба определяла характер и направления общественного развития. Все политические институты, духовные ценности, правовые нормы вторичны по отношению к экономическим отношениям и формируются правящим классом, в руках которого сосредоточена экономическая власть.

Как заметил Э. Фромм, когда сегодня Маркса упрекают за то, что он выступал за насилие и революцию, то это искажение фактов. Идея политической революции не является специфически марксистской или социалистической, это тради-

ционная идея буржуазного общества. Будучи человеком своего времени, Маркс не смог выйти за рамки этой традиции. Он воспринял идею политической революции и включил ее в свое учение [238]. Поэтому марксизм представлял собой идеологию, делающую акцент на революционных методах построения «светлого коммунистического будущего».

Маркса обвиняют в том, что он некритически воспользовался философской системой Гегеля, но если бы он ее не взял, то не создал бы идеологию, что является его главной заслугой. Марксизм стал идеологией пролетариата, появившегося вследствие промышленного переворота. В основу политического анализа марксизма положен принцип монизма, предполагающий преодоление экономического, социального, политического и духовного многообразия интересов и потребностей. Критерием прогресса форм экономической, социальной, политической и духовной жизни признается их соответствие интересам самого передового класса – пролетариата. Основоположники марксизма считали, что установление общественной собственности на средства производства автоматически ликвидирует все формы социального неравенства.

Социалистическая идеология, так же как и консервативная, по мнению А. Л. Горелова, возникла как отрицательная реакция на либерально-капиталистическую, но в ней есть и общая с ней основа – примат экономики. В социалистической идеологии социальная сфера занимает большее место, чем в либерально-капиталистической, но экономика остается преобладающей над политикой, особенно в коммунистической, марксистской разновидности социалистической идеологии, где политика рассматривается как надстройка над экономикой [52].

От своих непосредственных предшественников – утопического социализма и коммунизма марксизм во многом унаследовал приверженность к социальным пророчествам. Доктринальные основы марксизма выводились из возможности познания окружающей действительности и формулирования законов общественного развития. Знание этих законов позволяет безошибочно определить пути преобразования общества. Выходя далеко за пределы экономической теории, марксизм претендовал на всеохватывающее толкование смысла истории и самого человеческого существования. В нем выделяются две части: диалектический материализм и исторический материализм. Общим для них обоих является признание первичности материи и вторичности духа. Если диалектический материализм изучает законы развития физического мира, то исторический материализм претендует на познание законов развития общества.

Схема исторического прогресса сводилась к обусловленности общественных изменений уровнем *материального производства*, недооценивая культурные, психологические, исторические и другие факторы. Исторический прогресс представлялся как последовательная смена общественно-экономических способов производства. Однако если антагонистические модели общества (рабовладельческая, феодальная, капиталистическая) зарождаются в недрах предшествующей на базе частной собственности, то коммунистическая (и ее первая фаза – социализм) создаются на принципиально иной экономической основе – общественной собственности на средства производства. Непримируемость социальных интересов пролетариата и буржуазии, а следовательно, и жесткая классовая борьба, были обусловлены сосредоточением всей собственности в руках буржуа. В качестве основ-

ных задач революционного перехода от капитализма к социализму выдвигалась экспроприация (изъятие) частной собственности у буржуазии и установление диктатуры пролетариата.

Важное место в марксизме занимает концепция общества, сформулированная в качестве *альтернативы* строю частной собственности, эксплуатации и классового противостояния. Схематично, но красочно и эмоционально К. Маркс рисовал картину будущего, которое характеризуется коллективной собственностью на средства производства, социальным равенством, свободой от классового разделения.

Необходимость перехода к коммунистическому обществу возникает, когда производительные силы при капитализме достигают такой высокой степени развития, что существующие производственные отношения становятся главным тормозом экономического прогресса. Наступает эпоха социалистической или коммунистической революции, призванной ликвидировать все формы классового угнетения и построить бесклассовое общество на принципах социальной справедливости и всеобщего равенства.

В основе изложенной схемы лежало убеждение марксистов в том, что капитализм в силу его классовой и антагонистической сущности носит преходящий характер и обречен на исчезновение. Капитализм создает собственного могильщика в лице рабочего класса, который неизбежно, в силу присущего капитализму закона абсолютного и относительного обнищания масс, становится на путь революционной борьбы за свержение власти буржуазии. В результате победоносной социалистической революции устанавливается диктатура пролетариата, имеющая целью уничтожение всех враждебных классов и построение социализма как первой стадии на пути перехода к коммунизму.

Основные положения социального учения Маркса состоят в следующем:

- капиталистическое общество в силу столкновения противоположных (антагонистических интересов) приходит к созданию института государства, которое, возвышаясь над ним, стремится, по видимости, примирить противоречия в рамках закона и порядка;
- поскольку государство есть продукт классовых противоречий, оно является выразителем интересов экономически господствующего класса. Вместо того, чтобы стоять над обществом, оно подчиняет себя интересам буржуазии, принимая на себя роль эксплуататора;
- даже демократическая республика с ее системой всеобщего избирательного права остается орудием буржуазного господства, поскольку обеспечивает правление класса капиталистов косвенным путем, а именно путем подкупа должностных лиц и парламентариев, установления контроля над прессой и влияния биржи на политику правительства;
- одновременно демократическая республика способствует количественному росту и усилению политического влияния пролетариата; и поэтому она может рассматриваться как наилучшая форма будущего государства трудящихся;
- пролетариат, возрастая в численном отношении, в один прекрасный день совершит революцию, лишив буржуазию политической власти точно таким же образом, каким она лишила в прошлом господства феодальные классы и условия;

- выполнив свою миссию подавления эксплуататоров и руководства мелкой буржуазией (период диктатуры пролетариата), пролетарское государство постепенно отмирает, утрачивая свою классовую природу. В будущем не останется ничего, кроме общества, коммуны, коммунистического строя – системы, освобожденной от классовых противоречий и насилия, где все соблюдают элементарные условия общежития без всякого принуждения.

Таким образом, система политической демократии рассматривалась марксизмом лишь в качестве «переходной стадии» к бесклассовому обществу, путь к которому лежит через насильственную социальную революцию [187, с. 320].

Политический идеал коммунизма – общественное самоуправление, предполагающее поголовное участие населения в процессе принятия управленческих решений. Идея непосредственного участия масс в управлении, по мнению оппонентов марксизма, игнорировала опыт западных демократий и тенденции разделения и специализации общественного труда, который свидетельствовал об углубляющейся специализации и дифференциации политических ролей и функций в сфере управления. Это предполагало наличие управленческих знаний и навыков, профессионализма, вместо которых в коммунистической теории культивировались идеологическая преданность и классовая непримиримость.

Новое общество, с точки зрения коммунистической идеологии, характеризуется наличием нового человека, презревшего материальный расчет и выгоду, ориентирующегося на моральные стимулы типа «ощущение удовлетворенности от работы на общее благо». Наиболее важным механизмом, интегрирующим различные элементы социальной системы, признается коммунистическая партия. [183].

Большое внимание основоположники марксизма уделили осмыслению феномена государства. Независимо от формы государственно-политического устройства, будь то античные демократии, древнеримская империя, восточные деспотии, абсолютизм средневековой Европы или парламентские представительные демократии XIX в., утверждали основоположники марксизма, содержание и смысл господства остаются одинаковыми. Это диктатура эксплуататорского меньшинства над эксплуатируемым большинством. Что касается буржуазного государства, то Маркс называл его «комитетом, управляющим общими делами всего класса буржуазии». Соответственно буржуазная демократия рассматривалась в марксизме лишь как политико-правовая оболочка классового господства капитала над наемным трудом, буржуазии над трудящимися.

Поскольку любое государство представляет собой орудие господства одного класса над другими классами, с исчезновением классовых различий и сосредоточением всех средств производства в руках рабочего класса сама потребность в «публичной власти», т. е. государстве, потеряет всякий смысл.

Таким образом, суть социальной теории марксизма можно свести к следующим основным положениям:

- экономический базис общества определяет его политико-идеологическую надстройку;
- противоречие между производительными силами и производственными отношениями и классовая борьба определяют основные направления общественно-исторического развития;

- капитализм в силу своей классовой эксплуататорской сущности носит переходящий характер;
- капитализм порождает своего могильщика в лице рабочего класса, который в ходе социальной революции свергает власть буржуазии и устанавливает диктатуру пролетариата как переходного этапа к коммунизму [41. с. 181].

Анализ взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса требует максимального учета социально-экономического контекста. Это позволяет увидеть, что они абсолютизировали некоторые явления современного им общества, но ошиблись в прогнозах капиталистического развития. Ныне вокруг марксизма, оценки его роли, состояния и перспектив ведется острая полемика. Суждения сторонами высказываются, как правило, взаимоисключающие. Действительно, нельзя отрицать, что марксистская идеология внесла значительный вклад в преобразование мира в XX в.

В то же время сегодня очевидно, что политическая сторона учения Маркса во многом устарела, ряд ее положений требует современной интерпретации или пересмотра. К примеру, выдвинутая Марксом идея слома старой государственной машины односторонне истолковывалась лишь как необходимость разрушения всех институтов прежней власти. Хотя сам он задачу пролетариата видел в том, чтобы уничтожить только угнетательские органы старой правительственной власти, а ее правомерные функции передать ответственным представителям общества. Явно не соответствующими современным реалиям предстают ныне его идеи насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя, установления революционной диктатуры пролетариата и особого революционного периода превращения капиталистического общества в коммунистическое [183].

Однако не все исследователи согласны с такой оценкой прогнозом основоположников марксизма. В частности, известный белорусский политолог В. А. Мельник, полагает, что опыт XX в. убедительно подтвердил верность выводов Маркса относительно тенденций и перспектив общественного развития и одновременно внес весьма существенные коррективы и представления о механизмах реализации данных тенденций. Например, в качестве закономерности утверждения социализма в условиях середины XIX в. виделась пролетарская революция в промышленно развитых странах. Однако логика развития капиталистических стран оказалась иной. Их дальнейшее движение пошло по пути социализации капитала, начало которому было положено «новым курсом» президента США Ф. Рузвельта, продолженным затем социал-демократическими правительствами в Европе.

Суть этого пути в следующем: государство в этих странах ограничивает права частных собственников и перераспределяет их прибыль в интересах различных социальных слоев. На такой основе строится система здравоохранения, образования, социального обеспечения. Государство берет на себя также реализацию крупномасштабных экономических и научно-технических программ в интересах всего общества. Появились предприятия, выкупленные трудовыми коллективами у частных собственников. Все это, по мнению авторов, свидетельствует о формировании элементов социалистических общественных отношений в развитии капиталистических стран [136].

Кроме того, подтверждение научных идей Маркса видится ему в совершаемой информационной революции, постепенно избавляющей человека от тяжелого физического труда. Далее выводы Маркса подтверждаются нарастающими про-

цессами обобществления и интеграции производства, которые требуют научных методов сознательного управления экономикой. Наконец, подтверждается одна из фундаментальных идей Маркса об ускорении процесса автоматизации общественного производства и соответственно о расширении сфер применения «всеобщего» творческого труда, который уже сейчас формирует основы той общественной ассоциации, важнейшие черты которой предвосхищены в произведениях мыслителя.

Все это, по мнению В. А. Мельника, убедительно подтверждает правильность общих теоретических выводов Маркса относительно тенденций и перспектив мирового общественного развития [136].

Отмечая данные особенности развитых стран, некоторые авторы используют понятие «посткапиталистическое общество». В частности, один из крупнейших социальных философов XX в. К. Поппер (1902–1994) [194] писал: «То, что Маркс называл «капитализмом», т. е. не ограниченный законодательно капитализм, полностью сошел с исторической сцены в двадцатом веке».

При этом, К. Поппер — научный критик марксизма, очень точно сказал о значении теоретического наследия Маркса: «Он на многое открыл нам глаза и обострил наше зрение. Возвращение к домарксистской общественной науке уже невозможно. Все современные исследователи проблем социальной философии обязаны Марксу, даже если они этого не осознают. Это особенно верно для тех, кто не согласен с его теориями, как, например, я. И я с готовностью признаю, что моя трактовка Платона или Гегеля носит на себе печать марксова влияния».

Те или иные идеи и положения марксизма легли в основу социалистической идеологии, явились предпосылкой или базой для возникновения различных политических течений: (слева направо) троцкизм, маоизм, сталинизм, ленинизм, концепции Дэн Сяопина, социал-демократизм (Бернштейн [20], Каутский [93] и др.), западный неомарксизм (Лукач [122a], Грамши [54], Маркович [129a]) и др.

19.2.3.3. Демократический социализм

19.2.3.3.1. Становление социал-демократии

Социал-демократическая политическая идеология относится к основным социально-политическим течениям XX столетия. Под социал-демократией обычно понимают теорию и практику партий, входящих в социалистический интернационал (Социнтерн). Социал-демократию характеризуют и как социально-демократическое *движение*, и как международное идейно-политическое *течение*. По оценкам многих известных сторонников и противников идеи социализма, XX столетие стало веком социал-демократии.

Идейными истоками социал-демократии служат воззрения социалистов-утопистов и идеи Великой французской революции. Несомненно, что социал-демократия сильный импульс получила и от марксизма. Главной причиной и условием возникновения и развития социал-демократических партий стало формирование и возрастание в XIX — начале XX вв. роли и влияния рабочего движения в индустриально развитых странах Запада.

Основным истоком идеологии современной социал-демократии следует считать реформистское течение II Интернационала (1889–1914), представленное

Э. Бернштейном, Вандервельде, Фольмаром, Ж. Жоресом и др. А также воззрения теоретиков Рабочего Социалистического Интернационала, существовавшего в межвоенный период.

Социал-демократия поначалу разделяла основные революционные установки марксизма, но реальные жизненные процессы ориентировали ее на эволюционный путь общественных преобразований. Уже в 90-е гг. XIX в. марксистские принципы переустройства общества стали подвергаться ревизии (пересмотру) в трудах некоторых теоретиков социал-демократии и прежде всего в работах Э. Бернштейна [20], А. Бебеля и К. Каутского [93]. В соответствии с политическим процессом партии социал-демократической ориентации становились парламентскими, и всю их дальнейшую историю можно рассматривать и как историю постепенного отхода от марксизма. На собственном опыте они убеждались, что многие требования рабочего класса можно реализовать мирными средствами, в процессе постепенных реформ и преобразований. Социал-демократические партии преимущественно отдавали приоритет не доктрине, а реалиям жизни. Отсюда их прагматизм, приверженность к компромиссам и др.

Непосредственным поводом к идейному размежеванию с революционными социалистами послужила публикация германским социал-демократом Э. Бернштейном (1850–1932) работы «Проблемы социализма и задачи социал-демократии» (1899). Отвергая идею диктатуры пролетариата, Э. Бернштейн обосновывал необходимость перехода социал-демократии «на почву парламентской деятельности». Социал-демократия должна была отказаться от насильственных форм перехода к более совершенному социальному устройству. «Классовая диктатура принадлежит более низкой культуре», – подчеркивал Бернштейн [20]. Он считал, что «социализм не только по времени, но и по внутреннему своему содержанию» является «законным наследием» либерализма. Речь шла о таких принципиальных для обоих течений вопросах, как свобода личности, хозяйственная самостоятельность отдельного индивида, его ответственность перед обществом за свои действия и т. д.

По мысли Бернштейна, «демократия – это средство и в то же время цель. Она есть средство проведения социализма, и она есть форма осуществления этого социализма». Он считал, что в политической жизни только демократия является формой существования общества, пригодной для осуществления социалистических принципов. По его мнению, реализация полного политического равенства является гарантией реализации основных либеральных принципов. Именно в этом Бернштейн видел сущность социализма. В социалистической интерпретации либеральных принципов он выделял три основные идеи: *свободу, равенство, солидарность*.

Отвергая идею диктатуры пролетариата, Э. Бернштейн говорил о необходимости отказа от насильственных форм борьбы и перехода социал-демократии «на почву парламентской деятельности». По его мнению, в политической области только демократия представляет собой форму самоорганизации общества, пригодную для осуществления социалистических принципов.

Позиция Бернштейна была поддержана большинством европейских социалистов и социал-демократическое движение в конце XIX в. отмежевалось от революционного пути, взяв курс на постепенное вращение социализма в капитализм, на переход к «*демократическому социализму*».

Были и такие национальные социал-демократические движения, которые и до этого развивались на сугубо реформистских основах и испытывали на себе лишь незначительное влияние марксизма. Это, в частности, английский лейборизм и скандинавская социал-демократия. Они отвергали революционный путь замены капитализма социализмом, вместе с тем декларировали цель построения справедливого общества. При этом исходили из тезиса о том, что ликвидировав эксплуатацию человека человеком, необходимо оставить в неприкосновенности основные либерально-демократические институты и свободы.

Вместе с тем, накануне Первой мировой войны понятия социал-демократии и социализма практически между собой не различались. Они касались некоторых нюансов программ социал-демократических партий, входивших во Второй Интернационал (австро-марксизм, лейборизм, бельгийский социализм и т. д.). Капитализм оставался главным противником социалистов, независимо от их «ревизионистских», «центристских» или «революционных» ориентаций. Все они ощущали себя наследниками общества, обреченного на уничтожение. Обобществление средств производства и обмена было тем горизонтом, который никто не ставил под вопрос. Политическая демократия в социалистическом варианте рассматривалась как более полная власть народа. Различия между реформистами и революционерами возникали по вопросу о месте и роли парламентской системы в установлении нового политического режима. В этом пункте социалист Бернштейн имел мало общего с социалистом Лениным.

Но установление в России большевистской диктатуры создало принципиально новую ситуацию в международном социалистическом движении. Вначале победа революции в России в 1917 г. представлялась многим ортодоксальным марксистам блестящим подтверждением марксистского пророчества. Большевики вели себя на международной арене, как законные представители и наследники Маркса. Это обстоятельство заставило руководство социал-демократических партий более отчетливо определить свое отношение к капитализму, с одной стороны, и российскому коммунизму — с другой, приступив тем самым к поиску «третьего пути».

Большевистская Россия, продемонстрировала всему миру истинную цену революционного пути переустройства общества. Полемизируя с Лениным, осуждая большевиков за разгон Учредительного собрания, К. Каутский — ведущий теоретик II Интернационала утверждал, что именно демократия является средством, обеспечивающим такую форму классового противостояния, при котором борьба классов не выражается на примитивном языке насилия.

Находясь под впечатлением возникновения первого социалистического государства, будучи противниками интервенции западных держав в период гражданской войны, разделяя наследие, состоявшее из революционных формул, социал-демократы, однако, должны были осознать свое новое положение и решить: может ли социализм не быть демократическим? Что является первоочередным — демократия или социализм? Первоначально по этому вопросу развернулись довольно острые споры, в которых оппоненты этой идеи приводили главный аргумент, что социализм не может быть недемократическим. Но на международной конференции в Берне в феврале 1918 г. большинство социал-демократов проголосовало за резолюцию, гласившую: «Социалистическая реорганизация... не может быть осуществлена... если она не основывается на завоеваниях демократии и если она не уходит

корнями в принцип свободы». Правоту этого решения доказала история, показав, что наряду с демократическим бывают нацистский, большевистский, кампучийский и иные варианты тоталитарного социализма.

В связи с этой поляризацией, в первые десятилетия XX в. в рабочем движении обозначился раскол. С образованием III Коммунистического интернационала он приобрел организационное и институционализированное выражение. Социал-демократия и коммунизм, выросшие из одной и той же социальной основы, важнейшие социально-экономические и политические вопросы решали в корне противоположными методами. Не будь этого разрыва, по-иному могла сложиться магистральная линия исторического развития современного мира.

В 1920-е гг. социал-демократические партии разработали многочисленные программы национализации и социализации производства. В работах теоретика австро-марксизма О. Бауэра предусматривалась передача управления национализированными предприятиями административным советам, состоящим из представителей рабочих, потребителей и государства. Несоциализированные отрасли должны организоваться в картели. Контроль над кредитами обеспечивался бы центральным банком.

На конгрессе германских социал-демократов в Киле (1927) другой крупнейший социалистический теоретик и экономист Р. Гильфердинг обосновал необходимость государственного вмешательства в регулирование капиталистической экономики, используя плановые принципы. Его программа предусматривала также путь демократической реорганизации производства в интересах трудовых коллективов.

В этот период значительный вклад в формирование программы нового идейно-политического течения внесли представители английского фабианского и гильдейского социализма, реформистские течения во французском социализме. Следует назвать также австромарксизм, особенно его ведущих теоретиков О. Бауэра, М. Адлера, К. Реннера, активно выступавших против большевизма и ленинизма.

Ориентация социал-демократии на концепцию «смешанной экономики» была подкреплена опытом шведских социалистических правительств, сумевших в 1930-е гг. преодолеть последствия экономического кризиса. В 1935 г. шведские социалисты приступили к осуществлению концепции «народного дома» — программы социальных реформ путем перераспределения налогов в пользу неимущих классов и стимулирования рынка при помощи государственного планирования.

19.2.3.3.2. Концептуальное оформление доктрины демократического социализма

После Второй мировой войны наступил новый этап в истории демократического социализма. В первые послевоенные годы руководители большинства социал-демократических партий неизменно высказывали свою приверженность марксизму. Однако вскоре европейская социал-демократия, узнав правду о фашизме и большевистской диктатуре в СССР, пошла на решительный разрыв с марксизмом и на признание непреходящей ценности правового государства, демократического плюрализма и демократического социализма.

Опыт, накопленный европейскими социал-демократами в 1930-е гг., и после Второй мировой войны (начиная с реформ лейбористского кабинета К. Эттли в конце 1940-х — начале 50-х гг.), стали важнейшими основаниями новой социали-

стической идеологии, полностью отошедшей от многих положений классического марксизма. На первом, учредительном, конгрессе Социалистического интернационала (1951 г.) во Франкфурте-на Майне (Германия) представители 34 социалистических и социал-демократических партий, преимущественно из Европы приняли новую программу принципов – Франкфуртскую декларацию. В соответствии с ней, *доктрина демократического социализма* была провозглашена официальной идеологией Социинтерна, а формирование на ее основе будущего общества – его стратегической целью. В декларации были сформулированы основные ценности демократического социализма, которые, по сути, означали окончательный отказ от марксизма.

Главными ценностями *демократического социализма* Социинтерн, по Берштейну, признал свободу, справедливость, солидарность. Реализовать данные ценности можно, по мнению авторов концепции, лишь посредством экономической, политической и духовной демократии. Соответственно социализм в декларации характеризовался не как жесткая социальная *конструкция*, а как *процесс* постоянного движения в сторону реализации названных ценностей, обогащения их реальным содержанием. В декларации социализм выступает скорее как нравственная категория, нежели экономическая, хотя в то время социал-демократия еще не отказывалась от обобществления крупной собственности, а лишь ограничивала ее рамками экономической целесообразности.

В концепции демократического социализма социалистическая цель рассматривается не с позиций экономического детерминизма, как в марксизме, а исходя из предположения об ограниченной познавательной силе любой общей теории, поскольку всякая теория нуждается в постоянной корректировке, уточнениях, пересмотре в зависимости от изменения реальных условий. На учредительном конгрессе социал-демократы отказались от единой идеологической основы своего движения, что позволило им преодолеть доктринальную узость в определении стратегии, тактики, программных целей и принципов, свойственную коммунистическому движению и приведшую к падению его авторитета и влияния в мире. Более того, в Социинтерне перестал действовать довоенный принцип обязательности решений для входящих в него партий. Каждая партия была признана самостоятельной и ответственной лишь перед своими членами и избирателями, что обеспечило Социинтерну организационную устойчивость. [155].

Составными частями доктрины демократического социализма являются политическая, экономическая и социальная демократия.

Идея *политической демократии* основывается на принципах свободы и равенства. Ее основополагающими требованиями являются:

- наличие свободных выборов;
- обеспечение свободы действий оппозиции;
- гарантии прав личности и меньшинства;
- существование независимой судебной системы, основанной на верховенстве закона;
- многопартийность.

Экономическая демократия выражается в процессе внедрения в хозяйственную систему капитализма демократических механизмов управления и контроля. Эти

механизмы противопоставляются как стихии свободного рынка, так и полному огосударствлению хозяйственной структуры. Мировая социал-демократия признала принцип: «Конкуренция – насколько возможно, планирование – насколько необходимо». В целом, по мысли социал-демократов, экономическая сфера должна отличаться четко выраженной социальной направленностью и быть подконтрольной обществу, но без утраты эффективности, присущей рыночной экономике.

Термином «социальная демократия» обозначается качественная сторона образа жизни людей. Она понимается как высшая стадия развития общественного устройства, которая предполагает не только высокий уровень материального обеспечения, но и качественно новый этический облик общества и личности [74].

Социалистическое общество социал-демократы представляют себе как дальнейшее развитие человеческой цивилизации, как ее ступень. Оно является результатом демократизации и деbüroкратизации современного государства, всех сфер западного общества. Упор делается на внедрение в повседневную жизнь требований свободного развития личности, справедливых отношений между людьми, равенства всех перед законом. Политическим императивом доктрины демократического социализма является соблюдение принципа *консенсуса* – достижения согласия, социального партнерства между всеми общественными классами и социальными слоями общества.

Последняя точка над *i* в этом вопросе была поставлена в 1958 г. в Венской программе Соцпартии Австрии и Годесбергской программе СДПГ (ФРГ) 1959 г., которые окончательно отвергли основополагающие постулаты марксизма о диктатуре пролетариата, классовой борьбе, уничтожении частной собственности и обобществлении средств производства. В последующем по этому же пути – одни раньше, другие позже (некоторые уже в 1980-х гг.) – пошли остальные национальные отряды мировой социал-демократии [41, с. 178].

Центральное место в доктрине демократического социализма занимает *свобода*. В трактовке Годесбергской программы она означает самоопределение каждого человека. Свобода, игнорирующая равные права для всех людей, вырождается в произвол. Равенство дает смысл свободе, которая действительна для всех людей. Равные права индивида на самоопределение, на признание его достоинства и интересов составляют содержание справедливости. Что касается справедливости, не уважающей эти права, то она неизбежно превращается в уравниловку, которая подминает под себя действительную справедливость. Иначе говоря, *свобода и равенство* обуславливают друг друга. Выражением этой обусловленности является *справедливость*. Справедливость есть не что иное, как равная для всех свобода. По мнению приверженцев демократического социализма, свобода для самовыражения достижима лишь в том случае, если понимать ее не только как индивидуальную, но и как общественную свободу. Свобода отдельного индивида может реализоваться только в свободном обществе и, наоборот, не может быть свободным обществом без свободы отдельного индивида [183].

Отвергая любую «идеологическую догму», программы, вместе с тем, говорят о приоритете ценностей «христианской этики», «гуманизма» и «классической философии», соединенных с принципами свободы и справедливости, лежащих в основе «общественной собственности», которая становится законной формой обще-

ственного контроля в том случае, если «другие средства не могут обеспечить здоровый порядок экономических отношений».

В принятой в Стокгольме в июне 1989 г. на XV конгрессе Социнтерна «Декларации принципов» подчеркивалось: «Социалисты не претендуют на то, что они являются держателями рецепта создания общества, которое не может быть изменено, не поддается реформам или дальнейшему развитию. В движении, ставящем своей целью демократическое самоопределение, всегда найдется место для творческих решений, поскольку каждый народ и каждое поколение должны определить собственные цели» [187, с. 322].

В конце 1980-х гг. была выработана обновленная социал-демократическая концепция государства. В ней в качестве основных задач демократического государства выдвигались гарантии и соблюдение основных прав и свобод граждан, осуществление демократии и социальной справедливости в обществе, контроль со стороны граждан над государством. В итоге гражданское общество должно было развиваться в наиболее благоприятных условиях.

В политической сфере социал-демократы руководствуются идеями правового государства и представительной (парламентской) демократии, которая дополняется непосредственным волеизъявлением граждан.

В области культуры выдвинута идея новой культуры совместной жизни и совместных действий, а демократическое, правовое и социальное государство видится как составная часть этой новой культуры. Культура в представлении социал-демократов также относится к компетенции государства, однако государство должно лишь обеспечивать культурное многообразие (но не мелочно опекает культуру), давая простор для ее развития.

Обновленная социал-демократическая модель государства предполагает сокращение государственного вмешательства в экономику, усиление роли рынка, решение экологических проблем [107, с. 415].

Социал-демократическое движение пережило несколько кризисов – в 1914 г., в 1930-е гг. А в послевоенный период значительно укрепило свои позиции, чему способствовали два обстоятельства:

- резко возросло стремление народных масс к справедливости;
- появилась потребность экономики в более основательном государственном вмешательстве.

Руководствуясь обновленными концепциями, в реализации которых государству отводилась немаловажная роль, в послевоенные десятилетия европейская социал-демократия добилась внушительных успехов. Оказавшись в ряде стран на вершине власти или превратившись в серьезную парламентскую силу, социал-демократические партии и поддерживающие их профсоюзы стали инициаторами многих реформ (национализация ряда отраслей экономики, беспрецедентное расширение социальных программ государства, сокращение рабочего времени и т. д.). При этом они активно использовали позитивный опыт Советского государства. Находясь много лет у власти в Австралии, Великобритании, Германии, Норвегии, Франции, Швеции и других странах, они внесли значительный вклад в защиту демократических прав трудящихся, продвижение этих стран по пути социального прогресса, в утверждение всеобщего мира и международной безопасно-

сти. Велики заслуги в этом таких выдающихся деятелей социал-демократии XX в., как В. Брант, У. Пальме, Б. Крайски, Ф. Миттеран, Х. Д. Геншер и др.

Самые впечатляющие успехи демонстрирует *скандинавская модель* демократического социализма:

- создание за сравнительно короткий срок высокоэффективной экономики;
- обеспечение занятости практически всего трудоспособного населения;
- ликвидация бедности;
- создание самой развитой в мире системы социального обеспечения;
- достижение высокого уровня грамотности и культуры.

В скандинавских странах демократическое социальное государство осуществляет функции перераспределения национального дохода в целях обеспечения большей справедливости. Тем самым достигается органическое сочетание смешанной, многоукладной экономики с социально ориентированным рынком, сокращаются социальное неравенство, диспаритет между богатыми и бедными.

Благоприятным фоном для формирования и утверждения «шведской модели» стало неучастие Швеции в двух мировых войнах, а также то, что и социал-демократическая рабочая партия Швеции (СДРПШ) с начала 1930-х до середины 1970-х гг. постоянно находилась у власти. Эту модель иногда называют *функциональным социализмом* на том основании, что демократическое государство осуществляет функции перераспределения национального дохода в целях обеспечения большей социальной справедливости. Основу смешанной экономики в этой модели составляет органическое сочетание частнокапиталистической рыночной экономики и социально ориентированной системы перераспределения произведенного продукта.

Политика государства направлена на то, чтобы подтянуть уровень жизни неимущих слоев населения к уровню жизни имущих слоев населения. Государство обязано обеспечить условия для полной занятости и содержать развитую систему социального обеспечения. В идеале цель состоит в сокращении социального неравенства путем предоставления социальных услуг в важнейших сферах жизни. К этим услугам относятся:

- система семейных пособий на детей;
- бесплатное школьное образование;
- обеспечение в старости;
- пособие по безработице;
- обеспечение жильем и т. д.

Социал-демократические партии широко распространены в Европе, так как именно здесь зародились основные идеи социализма. В США социалистические идеи не получили поддержки в обществе, в итоге левые партии оказались очень слабыми. В Европе весьма влиятельными являются социал-демократы Германии, Австрии, Швеции и др. Первоначально социалистические и социал-демократические партии отражали интересы рабочего класса и всех трудящихся. Сегодня социальная база социал-демократов значительно расширилась, они прочно занимают места в парламентах своих стран, а также в Европарламенте. [107, с. 419].

С момента своего зарождения социал-демократическое движение не было единым. В значительной степени оно было региональным и даже национальным. Вы-

делялись модели французского, испанского, средиземноморского, шведского и т. д. социализма. Но все они придерживались основных ценностей концепции демократического социализма, которые сводились к следующему:

- при сохранении рыночных отношений повышение экономической и социальной активности государства;
- смешанная экономика (наличие частной, акционерной и государственной собственности);
- повышение роли самоуправления, участия трудящихся в принятии решений на уровне предприятий и объединений;
- политическое равенство граждан; многопартийность, свобода деятельности оппозиции;
- свободные выборы органов власти;
- самостоятельность профсоюзного движения; правовое государство;
- равные возможности граждан во всех сферах общественной жизни [38].

В современной социал-демократии выделяют два основных течения: «традиционное» и «модернистское». «Традиционалисты» считают своей социальной базой традиционный рабочий класс и поддерживают тесные связи с профсоюзами, ведут поиски условий адаптации рабочих к научно-техническому прогрессу. «Модернисты» слабее связаны с традиционным рабочим классом и его профсоюзами, их социальная опора – «новые средние слои», связанные с передовыми технологиями, работники умственного труда, гуманитарии. «Модернисты» объединяют людей со сходными взглядами по принципиальным вопросам, готовых отдать свои голоса за определенную программу, но организационно слабо связанных между собой [33, с. 173].

К XXI в. идейно-политические ориентации (принципы, установки, ценности, нормы политической демократии), которые раньше были поводом ожесточенной борьбы между социал-демократами и либералами и консерваторами, сблизились. В итоге социал-демократы сегодня признали идею свободного рынка, а неоконсерваторы – необходимость некоторого регулирования рынка со стороны государства. Дискуссионным остается лишь вопрос о пределах демократии. Консерваторы и либералы считают, что демократия может распространяться только на политическую сферу. Социал-демократы придерживаются позиции, что демократия, свобода, равенство должны распространяться на все сферы общества. Сила и жизненность социал-демократической идеологии состоит в том, что она отвечает интересам широких масс, черпает энергию в социальной жизни, опирается на благородные идеалы социализма [193, с. 174].

В тех странах, где социал-демократы много лет были у власти (Швеция, Великобритания 70-х гг.), они национализировали некоторые отрасли экономики – транспорт, телекоммуникации, ряд отраслей тяжелой индустрии. Шведская социал-демократия использовала налоговую политику для перераспределения доходов, государственного регулирования занятости, решения вопросов цен и зарплат посредством компромиссов «социальных партнеров». Но даже в Швеции общество зашло в тупик. И социал-демократы уступили место неоконсерваторам. Однако в конце 90-х гг. XX в. социал-демократы вновь активизировали свою деятельность. В большинстве европейских стран они, оттеснив правых, вернулись к власти, инициатива вновь перешла к левым силам.

В настоящее время (2005 г.) членами Социнтерна являются 154 партии из 130 стран, в том числе 107 партий имеют решающий голос, 31 – совещательный и 16 – являются наблюдателями. Россия представлена «Справедливой Россией».

19.2.3.4. Коммунистическая идеология

Коммунизм (от лат. *communis* – общий, всеобщий) как социально-историческая категория имеет три значения:

- идеальное общество, основанное на общем владении всеми его членами материальными средствами, полном социальном равенстве людей;
- общественно-политическое движение, ведущее борьбу за достижение такого общества. Ядром этого движения являются коммунистические партии;
- теория, объясняющая возможность и необходимость, пути и средства построения коммунистического общества.

Коммунистическая (марксистско-ленинская) идеология возникла в середине XIX столетия на базе критической переработки достижений немецкой классической философии (Гегель, Фейербах), политической экономии (Смит, Рикардо), утопического социализма (Сен-Симон, Фурье, Оуэн). Марксизм появился как пролетарская идеология. Главное в нем – обоснование роли рабочего класса как «могильщика капитализма» и создателя бесклассового коммунистического общества. Основная цель марксистской идеологии – не только правильно объяснить мир, но и революционно преобразовать его. По сути своей марксизм-ленинизм является революционной теорией.

В противовес господствовавшему тогда классическому либерализму марксизм сформулировал учение о построении справедливого общества, в котором будет раз и навсегда покончено с эксплуатацией человека человеком. В нем будут преодолены все виды социального отчуждения человека от власти, собственности и результатов труда. Такое общество было названо коммунистическим. Марксизм стал мировоззрением пролетариата, появившегося в результате произошедшего промышленного переворота. Марксизм представлял собой радикальную идеологию, акцентировавшую внимание на революционных методах построения нового общества. Преобладание революционных, насильственных методов преобразования социальной действительности вытекало из содержания марксистской концепции общественного развития. Непримируемость социальных интересов пролетариата и буржуазии и, следовательно, жесткая классовая борьба обусловлены существовавшей тогда концентрацией частной собственности в руках класса буржуазии. Революционный переход от капитализма к социализму должен заключаться прежде всего в экспроприации частной собственности и передаче ее в руки тех, кто своим трудом создает все богатство общества.

Теоретическое оформление коммунизма принадлежит К. Марксу и Ф. Энгельсу. основополагающими принципами «классического» коммунизма, разработанными К. Марксом, являются следующие:

- переход к коммунистической общественной формации революционным путем, не исключающим насильственные меры;
- отрицание реформистского пути перехода;

- слом буржуазной государственной машины;
- уничтожение буржуазной демократии;
- замена этих институтов системой диктатуры пролетариата;
- ставка на идеологический монизм, отрицание идеологического плюрализма;
- создание жестко организованной политической партии как единственной руководящей силы в борьбе за коммунизм.
- главную движущую силу социального прогресса составляет пролетариат как класс, лишенный средств производства.

Классовая борьба, доведенная до социалистической революции, признается в качестве локомотива истории.

Коммунистическое общество характеризуется наличием нового человека, презревшего материальный расчет и выгоду, ориентированного на моральные стимулы к труду, которые можно описать формулами:

- труд на общее благо есть одновременно труд на благо собственное и потомков;
- в труде формируется личность;
- труд есть способ самовыражения, самореализации человека и т. п.

Наиболее важным механизмом интеграции различных элементов социальной структуры была признана коммунистическая партия. В целях более полной реализации этой функции партии предполагалось превращение ее во властную структуру, сращивание с государством, которое под ее руководством должно было постепенно заменяться системой общественного самоуправления [155].

Социально-философские, экономические и политические идеи и установки, разработанные Марксом и Энгельсом, не раз подвергались пересмотру и ревизии, поэтому неудивительно, что при всем своем внешнем единстве марксизм является многоплановым и сложным течением политико-философской мысли. В его рамках можно обнаружить множество как национальных, так и идеологических различий и оттенков.

Марксизм, в социал-демократии, как уже отмечалось выше, в первую очередь К. Каутским, подвергся существенной ревизии *справа*. То же самое, но уже *слева* произошло в коммунистическом движении. Теоретиком и практиком мирового коммунистического движения стал В. И. Ленин, направивший свои усилия на конкретизацию и ужесточение заложенных в марксизме революционных принципов. Поэтому-то это новое течение и получило название марксизма-ленинизма, или просто ленинизма, который в свою очередь лег в основу левототалитарной большевистской теории общества и государства.

Если Маркс и Энгельс утверждали, что социалистическая революция произойдет первоначально в экономически наиболее развитых странах, то Ленин пришел к выводу о возможности ее победы в относительно отсталых индустриально-аграрных странах, к числу которых относилась Россия. Не менее важно и то, что в отличие от Маркса и Энгельса, по мнению которых социалистическая революция достигнет успеха лишь в том случае, если она произойдет одновременно в группе наиболее развитых стран Европы, Ленин обосновывал мысль о возможности ее победы в одной, отдельно взятой стране.

Но дело не только и не столько в этом. Ленин и его сподвижники в такой большей степени пересмотрели и дополнили учение своих предшественников, что,

оценивая ленинизм, правомерно говорить, по сути, о новом политико-философском или идейно-политическом течении, во многом по своим базовым установкам существенно отличающемся от классического марксизма.

История предоставляет нам множество примеров того, что одни и те же идеи в разных исторических условиях могли служить для обоснования совершенно разных интересов и целей. Более того, на основе одного и того же набора данных можно построить разные, зачастую несовместимые друг с другом философские и идейно-политические конструкции. Зачастую большее значение приобретает не просто какая-либо идея, взятая сама по себе, а то, как она интерпретируется, в каких и в чьих интересах она используется.

В. И. Ленин [115] обоснованно говорил о трех известных источниках марксизма. Точно так же сам ленинизм помимо марксизма, который был подвергнут существенной ревизии, черпал идеи из целого ряда других источников. На дух ленинизма, по-видимому, существенный отпечаток наложили якобинство периода Великой французской революции, бланкизм с его теорией заговора и конспирации, народовольство и нечаевщина с ее террором, некоторые идеи русских революционных демократов.

Помимо тех вышеупомянутых коррективов, которые были внесены в первоначальные установки марксизма, В. И. Ленин как незаурядный политический деятель и идеолог творчески переосмыслил все эти идеи, строго ориентируя их на цели захвата и удержания государственной власти. С этой точки зрения его *основной* вклад состоял в *предельной политизации и идеологизации* марксизма, *выхолащивании его научного содержания* и потенциала, *сведении к нескольким догмам*, служащим всецело обоснованию и продвижению революции [41, с. 182].

В. И. Ленин, будучи гениальным тактиком, развивая революционную традицию марксизма, разработал учение об этапах социалистической революции, о слове «буржуазной государственной машины», «диктатуре пролетариата», партии «нового типа», ведущей общество к «высотам коммунизма». Он дополнил учение Маркса:

- теорией империализма;
- концепцией социалистических и национально-освободительных революций в новую эпоху;
- учением о партии нового типа;
- использованием советов как формы диктатуры пролетариата;
- разработкой «новой экономической политики»;
- концепцией мирного сосуществования и др. [83, с. 446].

Вместе с тем он разработал пути и средства, стратегию и тактику захвата и удержания государственной власти. Ленин перевел в практическую плоскость теорию социалистической революции, теорию диктатуры пролетариата, демократического централизма и социалистического государства. Ему принадлежит авторство создания концентрационных лагерей – новоформы изоляции противников режима, а также машины широкомасштабного государственного террора и т. д. Все эти компоненты и сделали ленинизм одним из вариантов тоталитарной модели переустройства общества [41, с. 182].

Абсолютный крах политики «военного коммунизма» в Советской России явился практической иллюстрацией реального антигуманного тоталитарного потенциала идеи коммунизма в современных условиях, невозможности его построения хоть сколько-нибудь цивилизованными методами. Как самообозначение понятие «коммунистический» было и остается присущим как значимому числу политических партий – правящих (КНР и др.) и оппозиционных (Россия и др.), так и экстремистских группировок (левые террористические группы Западной Европы, Латинской Америки и т. д.). Широкий диапазон концептуальных модификаций, позволяющий идее коммунизма служить претенциозной, самодостаточной и (в некоторых пределах) исторически уважаемой формой провозглашения определенной идеологической ангажированности, обусловлен рядом его характеристик. Так, в теоретических разработках Маркса и Энгельса термин «коммунизм» выступал и как гипотетическое состояние общества, как определенный социальный идеал (Маркс), и как движение, уничтожающее современную организацию социума; и как «не доктрина, а движение», которое опирается «не на принципы, а на факты» (Энгельс).

Впоследствии ленинский фундаментализм послужил основой для возникновения сталинского режима, теории которого, выдвинув идею об усилении классовой борьбы по мере социалистического строительства, создали идейную основу для обеспечения общественных преобразований (обобществления производства, индустриализации народного хозяйства, коллективизации села и т. д.) средствами террора и геноцида гражданского населения [213].

Коммунистическая идея пришла в Россию с Запада и попала, как оказалось, на благоприятную почву православия, коллективности и державности. По существу, ее постулаты, как полагают многие ученые-обществоведы, были внешне сходными с канонами православия, только она их выражала в социально-политической и сугубо светской форме. С приходом к власти большевиков религия была заменена идеологией марксизма-ленинизма, бог – социалистическим государством, рай – светлым будущим. Отчасти поэтому коммунистическая идея просуществовала достаточно длительное время и с массовым эффектом. Однако абсолютно нереальная конечная цель и в особенности формы и средства достижения этой цели, перерождение партийно-идеологической верхушки обрекли ее на неудачу на данном историческом отрезке времени [183].

В первой половине XX в. между социал-демократией и коммунистическим движением были существенные разногласия о методах социальных преобразований общества (реформистские или революционные). Это нашло отражение в одновременном существовании Коммунистического и Социалистического Интернационалов. После роспуска Коминтерна и распада «государственного социализма» в СССР и ряде стран Восточной Европы в позициях многих компартий произошли изменения, Учитывая трансформацию современного мира, они стали модернизировать свои программы, использовать некоторые традиционные социал-демократические концепции и подходы, творчески применяя их к своеобразным условиям соответствующих стран, рыночной экономике [83, с. 447].

В XX столетии марксизм-ленинизм превратился в одно из самых влиятельных политико-идеологических течений в мире. Десятки коммунистических партий действовали на всех континентах. Материальной опорой мирового коммунизма

был Советский Союз с его экономической и военной мощью. После второй мировой войны на третьей части мира развернулось строительство социалистических государств на основе марксистско-ленинской теории. Невозможно подвергнуть сомнению тот факт, что эта идеология имела великое множество убежденных сторонников и последователей, да и сейчас их немало. Ее основополагающими идеями были коллективизм, социальная справедливость, народовластие и др., пронизанные подлинным гуманизмом [193, с. 176].

Марксистско-ленинская идеология в XX в. реализовалась в различных национальных моделях. В послевоенном Китае она трансформировалась в еще одну прикладную разновидность социализма — *маоизм* (по имени генерального секретаря КПК Мао Цзэдуна). Отрицая священные для марксистов «общие закономерности» социалистического строительства, Мао взял за основу сталинскую идею о необходимости борьбы с внешними и внутренними врагами, раскрасив ее теорией «партизанской борьбы», сделавшей маоизм весьма популярным в ряде стран Индокитая, Африки и Латинской Америки. При этом главной исторической силой движения к социализму стало крестьянство, призванное «перевоспитывать» интеллигенцию и другие слои населения в революционном духе. Понятно, что эти пути продвижения к «светлому будущему» были оплачены массовыми жертвами китайского населения, особенно во времена «культурной революции».

Оригинальная модель коммунистической идеологии была реализована И. Б. Тито в бывшей Югославии, стремившейся укрепить социалистический строй без присутствия иностранных войск (как это было в Восточной Европе). Страна ориентировалась на мирное сосуществование с капиталистическими государствами, ее руководство признавало наличие внутренних конфликтов и противоречий социалистического строительства, необходимость ведения борьбы с главным внутренним врагом — бюрократией, и ориентировалось на установление рыночных отношений и ограничение роли коммунистической партии [41].

В других бывших социалистических странах марксизм-ленинизм, являясь государственной идеологией, был превращен в своего рода государственную религию, единственно возможное мировоззрение. Коммунистическая идеология была выведена из-под критики, а ее положения стали критериями оценки всех остальных идеологических систем мира. Все это создавало условия для ее внутренней стагнации. На ее основе буйно процветали и лживая культовая идеология, и тоталитарный тип мышления. В таком извращенном виде идеология отторгалась большинством народов, ибо отражала интересы лишь начавшей разлагаться партократической верхушки.

В последней четверти XX в. начались глубинный кризис и крушение марксистско-ленинской идеологии, в первую очередь в бывших социалистических странах. Причины, вызвавшие этот кризис, еще долго будут предметом научного осмысления. Ведь с крушением рассматриваемой идеологии произошло крушение надежды миллионов людей на возможность построения общества добра и справедливости [193, с. 176].

Кризис этот развивался постепенно, так как коммунистическая идеология усилиями многочисленных идеологов догматизировалась, слабо приспосабливалась к изменяющимся условиям жизни, которую, напротив, усиленно стремились подогнать под идеологию. Поэтому между развивающейся, изменяющейся соци-

альной жизнью и догматизирующей идеологией возникла и стала углубляться пропасть.

В общественном сознании социализм стал отождествляться с образом сформировавшейся в странах «реального социализма» командно-бюрократической общественной системы, которую никак нельзя признать в качестве идеального посткапиталистического общественного устройства. С утверждением гласности, плюрализма мнений, многопартийности старая идеология, лишенная жизненной силы, начала саморазрушаться. С ее развалом в нашем обществе образовался идеологический вакуум, началось смутное время.

Со второй половины 1980-х гг. влияние коммунистической идеологии, авторитета СССР на ход мирового развития стало заметно снижаться. Сегодня коммунизм как идеология и как социальное движение подвергается критике, в том числе и со стороны тех, кто недавно исповедовал эту идеологию и был активным участником деятельности коммунистических партий. Ряд исследователей считает, что коммунизм как социальное учение сошел с исторической арены. Такое категорическое суждение вряд ли соответствует действительности. Да, коммунизм как социальный идеал оказался несостоятельным, утопичным на *современном* этапе человеческой истории. Поэтому традиционное коммунистическое движение, направленное на достижение этого социального идеала, в настоящее время теряет смысл [38].

Вместе с тем в современных условиях коммунизм как идейно-политическая доктрина продолжает существовать и оказывать влияние на умы многих людей. Более того в ряде стран, в том числе в СНГ, действуют носители этой доктрины — коммунистические партии. Они имеют свои фракции в парламентах, представителей в местных органах власти. А в некоторых странах коммунистические партии и сегодня являются правящими.

К тому же в последние годы коммунистическая идеология стала возрождаться, что вызвано рядом основных причин:

- крупные неудачи потерпели многие реформы, вызвавшие в обществе негативные последствия;
- углубляющейся пропастью в доходах беднейших и богатейших слоев российского общества;
- успехи Китая, возглавляемого коммунистической партией;
- авантюристической агрессивной политикой США, олицетворявших ранее в глазах многих жителей планеты идеалы справедливости и прогресса.

Учитывая изменения в современном мире, многие коммунистические партии стали модернизировать свои программы, а в ряде случаев использовать некоторые социал-демократические концепции и подходы, творчески применять новые теоретические наработки к своеобразным условиям своих стран.

Итальянские коммунисты, например, поставили задачу радикально обновить коммунистическую концепцию, в которой необходимо дать ответ на процесс капиталистической модернизации, развернувшейся во всем мире и получившей название «глобализация экономики». Этот процесс приводит к негативным последствиям в обществе, несмотря на успехи в экономике.

Французские коммунисты считают, что необходимо сделать идею коммунизма вновь жизненной и привлекательной. Идентификация коммунизма с опытом

СССР и стран Восточной Европы, с их точки зрения, несостоятельна. Идея коммунизма существовала до советского опыта и провал этого опыта не является доказательством ошибочности самой идеи коммунизма как справедливого общества без угнетения и эксплуатации. Они считают, что в современном демократическом обществе сохраняются различия между правящим классом и трудящимися, а также угнетение и эксплуатация в новых формах.

Безотносительно к потенциальным детализировкам, содержание понятия «коммунизм» XXI в. может выражать:

- отрицание любых форм организации института собственности в обществе, кроме тотальных и всепоглощающих («общественная собственность», она же — «общенародная» в социалистическом варианте);
- полемическую противопоставленность институту частной собственности в его рыночной ипостаси в контексте идеи «еще большего ее плюрализма», «еще большей социальной справедливости» и т. п.;
- ориентированность на замену традиционных моделей распределения общественного богатства (соответственно достигнутому индивидом или их корпорацией положению в иерархии факторов «капитал — труд — знания — способности — культовый потенциал общественного поклонения» и т. д.) системой волевых распределительных решений;
- замену традиционной правящей элиты — элитой, качественно иначе сформированной и т. д. В наиболее радикальных формах (практика большевизма и клики Пол Пота в Камбодже) осуществление унифицирующих, уравнилельных программ коммунизма эффективно результиворовалось в виде не только ликвидации многоукладной и плюралистичной модели распределения собственности, но и в обличьи сопряженных процедур осуществления масштабного геноцида по критериям имущественного положения, социального происхождения и статуса.

В целом коммунизм, как правило, выступает в ряде ипостасей:

- как идеология маргинальных слоев общества, статусных и имущественных аутсайдеров;
- как разновидность социального нигилизма, противопоставляющего традиционной системе ценностей совокупность верований об «идеальном обществе «в будущем «посюстороннем» мире»;
- как разновидность светской религии в обличьи наукоподобной идеологии «научного коммунизма».

Возрождение коммунистической идеологии в новых условиях — дело сложное, требующее продолжительного времени. Простая реанимация ее невозможна, даже если кто-то этого и хотел бы. Обновление идеологии сможет произойти только на путях сближения с современной социал-демократией. Раскол между левым и правым крыльями российской социал-демократии произошел на II съезде в 1903 г. Возможно в перспективе проведение Объединительного съезда. Но это невозможно пока КПРФ возглавляется Г. А. Зюгановым, направляющим основные усилия на критику политики, проводимой В. В. Путиным, а не на выдвижение собственной концепции развития страны.

* * *

В целом история XX в. наряду с обшгегуманистическим содержанием лозунгов *социалистов* выявила и органические пороки этой идеологии, воспрепятствовавшие в конечном счете ее воплощению в современном мире. Так, для индустриального этапа развития общества неприемлемым оказалось негативное отношение социалистов к экономическому неравенству индивидов, к конкуренции и принципам неодинакового вознаграждения за труд, обусловленных различиями в способностях, образовании и других характеристиках индивидов. Желая исправить «несправедливость» общества, социалисты пытались заменить их механизмами нетрудового распределения доходов, политическим регулированием экономических процессов, признавали необходимым сознательное установление государством принципов и норм социального равенства. Поэтому в идеологии социализма, по А. И. Соловьеву, государство всегда возвышалось над индивидом, сознательное управление – над эволюционным ходом развития общества, политика – над экономикой [213].

19.2.4. Националистические идеологии

19.2.4.1. Тоталитарный национализм (фашизм)

В отличие от либерализма, консерватизма и коммунизма, ориентирующихся на интересы конкретных социальных *классов и групп*, *фашизм* опирается на идею расового превосходства, национальной идентичности и обеспечивает интеграцию населения вокруг целей *национального* возрождения.

Фашизм (итал. *fascismo, fascio* – пучок, связка, объединение) – праворадикальное политическое к идеологическое течение, возникшее в Западной Европе в первой трети XX в. в период кризиса капиталистического (индустриального) общества и выражающее интересы наиболее реакционных и агрессивных сил; резко отрицающее как либерально-демократические, так и эгалитарно-социалистические ценности, является одной из разновидностей тоталитаризма.

19.2.4.1.1. Подходы к осмыслению феномена фашизма

Фашизм как явление существует на трех уровнях: *идеологии, политического движения и политического режима*. Однако исследователи не всегда четко разделяют эти его ипостаси, объединяя их или выделяя одну из них в качестве главной.

Под политическими режимами понимают систему властных отношений, существовавших в Италии, Германии и Испании в 20–30-х гг. XX столетия и служивших популистским средством выхода этих стран из послевоенного кризиса. А также режимы, сформировавшиеся в послевоенный период в Греции и Аргентине.

В рамках такого подхода характеристика фашизма непосредственно связывается с описанием разного рода националистических и особенно тоталитарных режимов. Так, французский теоретик С. Пэйн описывает фашизм как «форму революционного ультра национализма», а немецкий историк А. Меллер исследует его как «персоналистскую форму тоталитаризма». Другой французский ученый П. Милза [143] предложил даже учитывать несколько этапов в развитии и эволюции фашизма:

I – фашизм существует как форма кризиса экстремистских движений, захвативших часть мелкой буржуазии, которая выступала против капитализма и крайне левых сил;

II – фашизм приобретает форму союза между крупной частной собственностью и мелкой буржуазией для захвата власти;

III – фашизм становится специфическим политическим режимом;

IV – стадия полного тоталитаризма.

Современные политические движения фашистского толка принято определять как *неофашизм*, существующий практически во всех европейских странах, включая Россию.

Фашистская идеология, возникшая в 20-х гг. XIX в., стала одним из знаковых явлений XX столетия. Ее эволюция, способы влияния на политические отношения в разных странах также создали неоднозначное отношение к ней в политической науке.

Рядом исследователей фашизм интерпретируется как идеология, *не имеющая определенного идейного содержания* и формирующаяся там и тогда, где и когда в идейных и практических устремлениях политических сил на первый план выступают цели подавления демократии, а жажда насилия и террора подчас заслоняет задачи захвата и использования власти. Политическая линия такого движения неразрывно связана с утопическими идеями превосходства тех или иных расовых, этнических, классовых, земляческих и иных групп общества, агрессивностью политических требований, чертами национального милитаризма, апелляцией к низменным человеческим чувствам и предрассудкам. Политическое оформление подобных идеологических учений и доктрин сопровождается отвержением демократии как системы власти, полным приоритетом национального кодекса нравственности над общечеловеческими ценностями, безудержной демагогией в формировании общественного мнения, насаждением культа вождя. В этом смысле фашизм предстает как ультрареакционная, антигуманистическая идеология, на основе которой складываются политические движения мобилизационного типа, ориентированные на реализацию мифических идей и целей и прокламирующие непрерывную борьбу с врагами.

Таким образом, у всех идеологий, относящихся к такому «без цвета и запаха» фашизму, цели и задачи имеют антигуманистический характер, их роднит и сходство используемого в борьбе за власть политического *инструментария*. Поэтому от фашистского перерождения не застрахованы ни национальные, ни социальные, ни религиозные, ни другие идеологии, утверждающие привилегированное положение «коренного населения», приверженцев «подлинной веры» и т. д. и предлагающие радикальные средства для обеспечения этим группам требуемого общественного статуса.

Понимая фашизм таким образом, общество должно крайне внимательно относиться к появлению на политическом рынке идей, авторы которых стремятся закрепить чье-либо национальное или иное превосходство в ущерб другим гражданам и не желающие останавливаться ни перед какой социальной ценой для достижения поставленных целей. Акцептация таких черт фашизма несколько драматизирует авторитарные методы управления в демократических режимах, однако она позволяет своевременно увидеть опасность нарастания насилия, националь-

ного милитаризма, вождизма и других черт этой агрессивной идеологии, чреватой разрушением цивилизованного облика общества [213].

Такая картина эволюции фашизма дает возможность более четко видеть угрозы, которые исходят от него особенно в переходных обществах. В них *предпосылки* фашизма непосредственно определяются отсутствием законов, направленных на борьбу с политическим радикализмом и экстремизмом (особенно в националистической форме), отсутствием целенаправленной, поддерживаемой государством пропаганды против крайних форм политического участия, благожелательным отношением к историческим фактам сотрудничества с преступными режимами или политическими деятелями, распространением миссионерских идей и концепций.

19.2.4.1.2. Классический фашизм

Такие разновидности фашизма, как итальянский фашизм и немецкий национал-социализм, были вызваны к жизни рядом причин. В странах, потерпевших поражение в Первой мировой войне, и прежде всего в Германии, были дополнительные причины для возникновения фашизма. Одна из них — чувство унижения, которое испытывала нация в связи с выплачиваемой репарацией странам-победительницам за причиненный им ущерб, что в официальной пропаганде и на бытовом уровне в те годы расценивалось не иначе как «величайший позор» германской нации, который можно смыть только новой кровью. Зазвучали идеи, лозунги, учения, что Германия «превыше всего» и «превыше всех». Фашистские лидеры, успешно используя этот момент, сознательно подогревали реваншистские настроения.

Процессы абсолютного обнищания населения, разрушения прежней социальной структуры и появления значительных маргинальных и люмпенских групп обесценивали либеральные идеалы свободной личности. В такой ситуации интегрирующую и вдохновляющую роль сыграли ценности национального возрождения и единства. Особенно актуальными они стали для Германии, поскольку в ней национальное самосознание населения было более всего унижено поражением в Первой мировой войне.

Родоначальником фашизма был лидер левого крыла итальянских социалистов в те годы Б. Муссолини. Его теория, базировавшаяся на элитарных идеях Платона, Гегеля и на концепции «органистского государства» (оправдывающей агрессивные действия властей во имя блага преданного ему населения), проповедовала крайний национализм, «безграничную волю» государства и элитарность его политических правителей, прославляла войну и экспансию.

Итальянский и немецкий фашизм имеют существенные различия. Если идеология итальянского фашизма стремилась возродить могущество Священной Римской империи и была не столь притягательной для широких народных масс, то национал-социализм стал идеологией, которая смогла сплотить различные социальные группы идеей национального превосходства арийской расы, соединив ее с лозунгами социального равенства и справедливости. Немецкая версия фашизма отличалась большей долей реакционного иррационализма («германский миф»), более высоким уровнем тоталитарной организации власти и откровенным расизмом. Использовав идеи расового превосходства А. Гобино [49], а также ряд положений философии И. Фихте [233], Г. Трейчке, А. Шопенгауэра и Ф. Ницше [157], теоретики германского фашизма построили свою идеологию на приоритете соци-

альных и политических прав некоего мифического народа, который они называли «арии». В соответствии с признанием его привилегированности была провозглашена политика поддержки государств «культуро-созидающих рас» (к «настоящим ариям» были отнесены немцы, англичане и ряд северных европейских народов), ограничения жизненного пространства для этносов, «поддерживающих культуру» (к ним причисляли славян и жителей некоторых государств Востока и Латинской Америки), и беспощадного уничтожения «культуро-разрушающих» народов (негров, евреев, цыган). Здесь государству отводилась уже второстепенная роль, а главное место занимала раса, защита целостности которой предполагала и оправдывала политику экспансионизма, дискриминации и террора.

В одной из своих речей А. Гитлер так сформулировал идеал нового общества: «Мы хотим произвести отбор слоя новых господ, чуждого морали, жалости, слоя, который будет сознавать, что он имеет право на основе своей лучшей расы господствовать, слоя, который сумеет установить и сохранить без колебаний свое господство над широкой массой». Идеология национал-социализма создавала новый тип личности, свободный, по выражению А. Гитлера, «от отягчающих ограничений разума, от грязных и унижающих самоотравлений химерами, именуемыми совестью и нравственностью, и от требования свободы и личной независимости, которыми могут пользоваться лишь немногие». Создание условий для развития национального немецкого государства предполагалось за счет «расширения жизненного пространства на востоке», «устранения целых расовых единиц» и «обеспечения продовольственного снабжения» Германии [155, с. 352].

Развязанная фашистскими государствами – Германией, Италией и другими – Вторая мировая война принесла величайшие бедствия народам мира. В ее ходе погибло более 50 млн человек. Разгром в 1945 г. фашистской Германии и ее союзников силами антигитлеровской и антифашистской коалиции нанес решающий удар по государственному фашизму, содействовал возрождению демократических государств.

Важно, что даже при кардинальном различии идеалов ценностей принципы построения нового общества в коммунизме и фашизме оказались схожими. Эти принципы включали в себя тотальное подчинение общества одной идеологии, одной идее (с той лишь разницей, что в первом случае это была идея «светлого будущего», а во втором – идея «превосходства арийской расы»); монопольную власть одной партии (коммунистической или национал-социалистической) как главного элемента политической системы; использование политического террора и опора на органы насилия в обеспечении политической стабильности и идейного единства общества.

Конкретно-исторические трактовки фашизма позволяют увидеть его политические очертания помимо названных государств также во франкистской Испании (до 1975 г.), Японии 1930–40-х гг., Португалии при А. Салазаре (до 1974 г.), Аргентине при президенте Пероне (1943–1955), Греции конца 1960-х, в отдельные периоды правления в Южной Африке, Уганде, Бразилии, Чили.

19.2.4.1.3. Концепция фашизма

Фашистская идеология была своеобразной реакцией на всесторонний кризис западного общества после Первой мировой войны:

- экономический и социальный кризис вследствие дегуманизации труда и массового переселения людей из деревень в города;
- политический кризис в результате неприспособленности новых демократических режимов, а также злоупотреблений и коррупции в демократических государствах;
- интеллектуальный и духовный кризисы, порожденные современным радикализмом и размыванием религиозных и моральных ценностей.

Фашизм как *система идей* включает расистские взгляды (теории расового неравенства и превосходства соответствующей расы), антисемитизм, пангерманизм, националистические геополитические концепции, социальную демагогию (часто в псевдосоциалистической и националистической форме), концепции «классовой гармонии» (теории «народного сообщества» и «корпоративности»), вождизма («принцип фюрерства»), всевластия государственной машины, государственного аппарата («теория тотального государства»), «национал-социалистической организации», антидемократические идеи, взятые у Ницше, Шпенглера и Джентиле (о «растворении» индивида в политике) и др. В наиболее концентрированном виде политические аспекты идеологии фашизма содержатся в работах известных функционеров итальянского и германского фашизма А. Рокко и А. Розенберга [2006], а также руководителей фашистского движения А. Гитлера и Б. Муссолини.

Характерная черта фашизма – харизматический принцип *вождизма*. Вождизм (принцип фюрерства) означал единство государства, воплощенное в вожде. Верховный вождь является одновременно выразителем и олицетворением расового, национального и народного духа. От него исходит сила государства, он наделяет определенными полномочиями нижестоящих вождей. Каждый из них безоговорочно подчиняется своему непосредственному начальнику и одновременно обладает неограниченной властью в отношении подчиненных вождей.

Для идеологии фашизма характерно *отождествление* общества с нацией, а нации – с государством. «Народное» государство рассматривалось как юридическое воплощение нации, наделенное ответственностью за ее цели и интересы. Как верховный суверен, обеспечивающий нормативный порядок, государство трактовалось неизмеримо выше отдельных индивидов, групп и организаций; интересы последних законны, лишь поскольку они совместимы с высшими интересами государства. Всячески превозносился принцип всевластия государственной машины и корпоративного государства.

В противоположность либерально-буржуазной идеологии фашизм, как писал Б. Муссолини, «подчеркивает права Государства как выразителя настоящей сущности индивида... Фашистская концепция Государства всеобъемлюща; вне его не существует ни человеческих, ни духовных ценностей... таким образом фашизм тоталитарен... фашизм противоположен социализму, которому неизвестно единство внутри Государства, сливающего классы в единую экономическую и этическую реальность... реальные потребности заняли должное место в корпоративной системе, где противоположные интересы координируются и гармонируются в единстве государства» [10, с. 110].

Муссолини писал о классовом сотрудничестве и корпоративности экономики как о синтезе двух элементов: капиталиста и пролетария; причем классовое со-

трудничество устанавливается не путем уничтожения буржуазии, а посредством подчинения ее интересам государства.

В соответствии с фашистской идеологией мощь фашистского государства зависит от духовного единства масс, которое следует охранять любыми средствами. Поэтому кроме фашистской партии – единственного носителя власти и судеб государства, недопустимы никакие другие партии с их межпартийной борьбой, якобы разваливающей государство. Любые демократические движения и организации, как и проявление свободомыслия, при фашизме строго запрещались. Для борьбы с противниками правящих режимов и инакомыслием в фашистских государствах использовались развитые полицейские силы, специальные военизированные организации, тотальная система слежки и контроля, концентрационные лагеря, в которых были физически уничтожены многие десятки тысяч демократов, интеллигентов и противников фашизма, миллионы евреев, славян, представителей «неарийского» населения европейских стран.

Неотъемлемой чертой фашизма является воинствующий иррационализм. Если в идеологии для верхов еще встречаются попытки теоретизирования и логической аргументации, то фашистская идеология для масс является интеллектуально весьма примитивной, рассчитанной исключительно на эмоциональное воздействие. Идеологи фашизма относились к людям, обладавшим интеллектом и эрудицией, с нескрываемой враждебностью как к потенциальным врагам режима.

Для национал-социализма характерна идеализация биологических законов и попытка перенести на общество право сильного, царящее в природе. Фашизм восхищается законом природы, в соответствии с которым можно оправдать власть сильного над слабым. Ценностью здесь является элитарно-иерархический принцип, согласно которому одни рождены повелевать, а другие – подчиняться. В данной идеологии всячески восхваляется война, которая ведет к сплочению нации, оправдываются территориальные притязания к другим народам, поощряется империализм как завоевание «жизненного пространства» для переселенной страны.

Фашизму присущ культ физической силы и грубого насилия, включавший милитаризацию общественной жизни, абсолютизацию роли насилия в прогрессе человечества, отрицание гуманизма, который считался либо свидетельством полного непонимания человеческой природы, либо теоретическим оправданием трусости. Культ насилия формировал психологические предпосылки как для массового террора внутри страны, так и для внешней экспансии. Утверждая, что их нациям «тесно» в пределах своих государственных границ, идеологи и руководители германского и итальянского фашизма призывали к войне за расширение «жизненного пространства», в пределы которого включались не только соседние европейские государства, но и территории в Африке и Азии. При этом население захваченных земель предполагалось не просто лишить государственности и обречь на тяжелый неквалифицированный труд, но и подавить его культуру, а некоторые народы, в первую очередь русский, – уничтожить физически.

На практике наибольшей жестокостью в отношении населения оккупированных территорий отличался германский фашизм, в идеологии которого культ насилия соединился с расизмом в крайних формах. Взяв за основу расистские идеи в социал-дарвинистской интерпретации, национал-социалисты упростили их до чисто биологического уровня, когда раса рассматривалась как сумма внешних фи-

зических признаков, определяемых кровным родством. Все «неарийские» народы, в первую очередь евреи, цыгане и славяне, объявлялись идеологами германского фашизма «недочеловеками». Принцип расовой чистоты стал в Германии основой кадровой и семейной политики, обусловил массовый геноцид евреев и цыган, истребление славянского и других народов на оккупированных фашистскими государствами территориях различных стран [83, с. 450].

Существенная черта идеологии фашизма – постоянная социальная демагогия в целях маскировки ее антинародной и антидемократической направленности. Главным отличием национал-социализма в семействе фашистских идеологий стало наличие в нем теории заговора западных плутократий и большевизма как орудий мирового еврейства против Германии, а также теория о непреодолимости неравенства рас и наций и мировом господстве арийской расы, отождествляемой с германской нацией [183]. Германский национал-социализм отвергал процесс модернизации и мечтал об «аграрной стране Германии».

Основными политико-идеологическими постулатами фашизма являются:

- общественная и личная жизнь подлежит жесткому контролю со стороны государства, представляющего высшие интересы нации. В фашистском обществе нет места плюрализму и разделению властей;
- вершина властной иерархии – вождь, наделенный в глазах значительной части общества сверхъестественными качествами, выразитель «духа нации» и ее «исторической судьбы»;
- высшая ценность – собственная нация, которая превосходит другие народы и потому находится в привилегированном положении. Ее процветание может быть достигнуто путем ограничения жизненного пространства и вообще уничтожения «низших» рас [74].

19.2.4.1.4. Неофашизм

Фашистские режимы, потерпев сокрушительное поражение во Второй мировой войне, сошли с исторической арены. Однако политические идеологии так просто не уходят, если вообще когда-нибудь уходят навсегда. Поэтому уже в послевоенные годы началась ее реанимация в лице неофашистских организаций, возникших в ряде стран. Внешне в настоящее время фашистская идеология значительно утратила свое влияние, но ее рецидивы встречаются в различных странах мира в виде расизма, антисемитизма и других учений и политических движений, утверждающих превосходство тех или иных расовых, этнических, классовых, земляческих и иных сообществ. Представители современного неофашизма обычно выступают с позиций борьбы за «чистоту расы», против присутствия в Европе иммигрантов из развивающихся стран, за «прочный (новый) порядок», защиту традиционных национальных ценностей и др. Используя экономические трудности и расовые предрассудки, выступая с националистических позиций, неофашистские организации (или их лидеры) в отдельных странах Европы получают определенную поддержку дезориентированных или недовольных своим социальным положением безработных, работников с низкими доходами, части молодежи.

Неофашистская идеология, восприняла основные постулаты классического фашизма и активно маскируется под патриотические движения и организации.

Поэтому нельзя исключать опасности возможного перерождения разного рода национальных, религиозных и даже коммунистических идеологий, которые, исповедуя привилегированное положение той или иной социальной общности, могут в большей или меньшей степени выражать фашистские по своей сути воззрения. В частности, ее наиболее характерные черты зримо проявляются в таком политическом течении как *национал-либерализм* (сохраняющий те же идеи расистской богоизбранности и этнического гегемонизма, но более терпимо относящийся к индивидуализму и ряду других буржуазных ценностей).

Сегодня в России легально или полулегально действует ряд политических партий и групп, открыто использующих фашистскую символику, поддерживающих связи с неонацистами других стран, участвующих в деятельности международных неонацистских объединений (откровенно нацистская символика военизированного «Русского национального единства» А. П. Баркашова, тесные связи Национал-большевистской партии Э. Лимонова – А. Дугина с одним из лидеров «новых правых» в Европе А. де Бенуа). Часть профашистски настроенных групп ориентируются в России не на западный опыт, а на отечественную ультраправую традицию, в частности, на известную борьбу против «жидомасонства». Однако обе отмеченные версии профашистских идеологий остаются до сих пор маргинальным явлением российской политической сцены. Однако еще не следует, что в нашей стране принципиально исключена возможность установления фашистской диктатуры, хотя она и маловероятна.

На наш взгляд, стоит согласиться с мнением части отечественных политологов в том, что в сегодняшней России есть немало признаков, приводивших в других странах к порогу фашистского переворота. Наиболее важны следующие:

- глубокие последствия хронического и всеобъемлющего социально-экономического кризиса, ощущаемые большинством населения;
- тотальная криминализация общества, включая властные элиты;
- низкая исполнительная дисциплина на всех уровнях власти и производства;
- ослабление государственной власти, дискредитация ее институтов, низкий кредит доверия к ней со стороны большинства населения;
- отчуждение населения от административных и политических институтов;
- недоверие к официальной пропаганде;
- десоциализация, маргинализация массовых групп населения;
- драматический рост пьянства, наркомании, интеллектуальной и физической проституции;
- идейно-ценностная дезориентация населения, рост политической апатии;
- чувство ущемленного национального достоинства;
- прогрессирующая иррационализация, эстетизация и мистификация массового политического сознания;
- разрыв традиционной межпоколенческой коммуникации;
- аполитичность и конформизм молодежи, в массе отчужденной от власти;
- разрушительное воздействие СМИ, пропагандирующих культ насилия, на индивидуальную и социальную психику россиян;
- привыкание общества к праворадикальным стереотипам мысли и поведения, к социал-дарвинистской морали «хищного зверя» и др.

Конечно, опыт Великой Отечественной войны с немецким фашизмом создал стойкий иммунитет россиян к понятию «фашизм». Однако это отнюдь не означает, что данный иммунитет вечен и что он распространяется не только на терминологию фашизма, но и на весь арсенал его идей и стратегий [183].

19.2.4.2. Политический национализм

В странах, где идет процесс становления национальных общностей, где осуществляется консолидация государств на моно- или полиэтнической основе, серьезную политическую роль играют национальные идеологии. Национализм (от лат. *natio* – народ, от фр. *nationalisme*) – идеология и политика, основу которых составляют идеи национальной исключительности и превосходства, стремление к национальной замкнутости, местничеству, недоверие к другим нациям, нередко перерастающее в межнациональную вражду.

19.2.4.2.1. Национализм как идеология

Национализм как тип идеологии вдохновлен одним из элементов знаменитой вербальной триады Великой французской революции, известным со времен Конфуция, – *братством* (имея в виду близость людей одной нации). Идеология национализма – это самостоятельная система определенных верований и убеждений, отличная от идеологии либерализма, консерватизма и социализма.

Национализм – это политическая идеология, в которой *нация*, понимаемая в качестве культурно однородного сообщества, выступает источником суверенитета, преимущественным объектом лояльности и предельным основанием легитимности власти.

Политический национализм в отличие от бытового – это идеология, т. е. система взглядов, обосновывающая и оправдывающая определенного типа практику. Это политическая идеология, поскольку практика, которую данная идеология обслуживает, носит политический характер (связана с отношениями власти). Национализм представляет собой в первую очередь политико-идеологическое явление.

На первый взгляд утверждение о том, что национализм при всей своей внешней обращенности в прошлое, к традициям и мифам является ровесником и близнецом модернизации и теснейшим образом связан с промышленной революцией, урбанизацией, становлением гражданского общества и современного государства и т. д., звучит парадоксально. Но то, что национализм и промышленная революция порой как бы противопоставляли себя друг другу, никоим образом не должно вводить в заблуждение.

Национализм имеет и еще одно измерение – психологическое. Это совокупность не только рациональных, но и эмоциональных представлений. Иными словами, национализм затрагивает как сферу идей, так и сферу переживаний. Исследователи полагают, что национализм следует изучать не только как идеологию (доктрину, мировоззрение), но и как и психологию (чувства). Национализм следует анализировать не как чисто *теоретический* феномен, но и как *руководство* к политическому действию и как *составную часть* такого действия.

Более того, национализм, прежде всего социокультурный феномен, который во многих случаях выступает в качестве своеобразной оболочки для иных интересов и мотивов, например:

- стремления участвовать в дележе материальных и финансовых ресурсов;
- завоевания власти и авторитета;
- преодоления психологических и идеологических комплексов и т. д.

Национализм интегрировал в себя традиционные мифы и символы, но использовал их для защиты и обоснования новых феноменов в лице национального государства. Сила национализма как раз состоит в том, что он органически соединяет индивидуальные социокультурные приверженности *людей с государством*, которое способно действовать, в том числе и в плане защиты и гарантии сохранения национально-культурной идентичности народа.

Следует различать понятия «патриотизм», «национализм», «шовинизм» и национальный экстремизм. Первое из них используется в националистической идеологии, но может не иметь к ней никакого отношения, ибо обусловлено прежде всего государством, а не этносом.

В целом идеологии этого типа выражают политические требования граждан, чьи интересы в *повышении* своего социального статуса связываются с *национальной принадлежностью*. Концептуально-теоретические основы этих идеологических течений прежде всего выражают то или иное понимание природы национальной группы, которая может трактоваться либо:

- в качестве общности, складывающейся на основе единых экономических условий жизни людей, территории, языка и определенных черт духовной культуры (марксистская традиция);
- культурной общности, интегрируемой политическими событиями и институтами (М. Вебер [34]);
- воплощения «национального духа», поддерживаемого культурными нормами, ценностями и символами (Дж. Бренд [199, с. 299], А. Тойнби [224], С. Хантингтон [245]);
- народа, которому ниспослано божественное откровение (православная и исламская традиция), и т. д.

Национализм, так же как и его конкуренты, и союзники (в зависимости от конкретно-исторической ситуации), не является строго определенной совокупностью теоретических положений, а представляет собой политико-идеологическую конфигурацию, содержание которой в значительной степени определяется социально-историческими обстоятельствами [127, с. 24].

Сила и неискоренимость национализма обусловлены тем, что большинство людей в современном мире сознают себя представителями *определенной общности, отличающейся* от других общностей. Как отмечал А. Г. Здравомыслов [78], русские только потому являются русскими, что существуют немцы, французы, американцы и другие национально-этнические группы, с которыми они постоянно себя соотносят и говорят: «Мы — русские, значит, мы не немцы, не французы, не американцы и т. д.».

Националистическая идеология, доведенная до своей крайности, превращается в апофеоз насилия. Она начинается с провозглашения прав собственной нации на самоопределение, а заканчивается откровенно агрессивным стремлением к покорению и уничтожению других наций. В исторической практике это особенно наглядно воплотилось в истории германского нацизма, развязавшего Вторую ми-

ровую войну и провозгласившего цель завоевания жизненного пространства и уничтожения целых народов.

Три другие черты националистической идеологии близки к идеологии социалистической:

- включение в государство экономической деятельности и образования;
- планирование;
- всеобщая мобилизация населения [52].

Содержание националистической идеологии определяется выполняемыми ею функциями. А они определяются:

- во-первых, особенностями социально-исторической ситуации;
- во-вторых, спецификой тех политических сил, которые в данной ситуации действуют от имени «нации».

Если в данном обществе в конкретный момент на повестке дня стоит радикальное реформирование общественного строя (например, преобразование полуфеодальной Турции в современное национальное государство), то политические акторы, апеллирующие к интересам нации, будут идентифицироваться как представители «прогрессивного национализма». В ситуации конфликта между рабочим движением, требующей социалистических преобразований, с одной стороны, и государством, этому противостоящим, с другой стороны, носителем националистической идеологии будут правящие круги. Понятно, что их национализм будет носить консервативно-охранительный, «реакционный» характер [127, с. 25].

Западная Европа пережила бум национальных идеологий в конце XIX – первой трети XX вв. В настоящее время процесс европейской интеграции, поддерживаемый соответствующими институтами (Европарламентом, Евросоветом и др.), обусловил едва ли не повсеместное – особенно в Нидерландах, Бельгии, Люксембурге – преобладание евроцентризма над национальными пристрастиями людей. В то же время в Югославии, России, большинстве республик, образовавшихся на месте бывшего СССР, национальные идеологии доминируют в политической жизни общества. Здесь не прекращаются дискуссии о перспективах создания целостной системы политического мировоззрения, основанного на православных ценностях в современной России.

В соответствии с внешними условиями и уровнем национального самосознания населения политические силы могут выдвигать требования либо:

- защиты культурной самобытности национальной диаспоры (вплоть до образования самостоятельной государственности);
- расширения геополитического пространства для жизни нации или, напротив, – защиты собственной территории и национального суверенитета от внешних посягательств;
- создания привилегий для лиц «коренной национальности»;
- интенсивного расширения интернациональных контактов и т. д.

В связи с этим в XX в. политический национализм приобрел универсальный характер и начал использоваться для обозначения широкого спектра явлений. Появившиеся в прошлом столетии понятия «буржуазный национализм», «либеральный национализм», «мелкобуржуазный национализм», «национал-шови-

низм», «национал-социализм» и т. д. в основном применялись в качестве идеологических конструкций для оправдания и обоснования политико-партийных и идеологических программ соответствующих социально-политических сил. Свою крайнюю форму эта тенденция получила в гитлеровской Германии, где национализм и тоталитаризм служили двумя главными несущими опорами нацизма как государственной идеологии.

Национальная идеология, как один из вариантов политического мифа, является воплощением национальной мифологии и выражается в концепции исторического времени — пути нации от сверхъестественного рождения до настоящего времени и футуристического предвкушения грядущей национальной истории — до утопической картины будущего идеального государства и эсхатологических прозрений. Национальная идеология в той или иной степени фиксирует также и структуру пространства, в котором пребывает «священная земля», данная нации свыше и зримо обозначающая образ Отечества. Наконец, субъектом, действующим в этом пространственно-временном образовании, является сверхчеловек, осуществляющий национальный идеал.

Плотность мифологического пространства, выделение доминирующего мифа является важной характеристикой состояния нации. К. Шмитт [262] писал, что «сила мифа является критерием того, имеет ли народ историческую миссию и пробыл час его национального величия».

Политическая идеология может претендовать на превращение в идеологию национальную только в том случае, если она опирается на национальную мифологию, т. е. обращена к национальным архетипам. Если архетип угадан, то соответствующая ему мотивация может стать общезначимой в масштабах всего общества, если угадывание не состоялось, то идеология эмоционально отторгается и рано или поздно находятся аргументы, изобличающие ее в противоречии интересам нации.

Данное обстоятельство приводит к мысли о том, что идеологии неравнозначны, среди них есть «правильные» и «неправильные», «зрелые» и «незрелые». Зрелая идеология, по всей видимости, всегда консервативна. К консерватизму подталкивает идеологов знание человеческой природы и желание улучшить ее (а не просто использовать), знание особенностей конкретной нации. Следовательно, некоторые черты оптимальной идеологии могут быть сконструированы. Причем успех конструирования будет зависеть от того, насколько уникален и проявлен национальный архетип. По мнению А. Кольева, национальная идеология создается традиционалистами, исповедующими консервативные ценности и допускающая прогрессизм только в рамках традиции [97а, с. 125].

19.2.4.2.2. Место национализма в политике

Идея нации, используемая для выражения особых требований к власти, неизбежно порождает специфические *политические акции*, в систематизированном виде и представляющие собой националистические движения. В самом общем виде *национализм — это политическое движение*, направляемое определенной доктриной на выражение и защиту интересов национальной общности в *отношениях с государственной властью*.

Национализм исторически выступает не только средством дезинтеграции *традиционных обществ* и их перехода в современное состояние, но и составной частью

неравномерного процесса развития *индустриальных государств*. В рамках этих политических процессов разнятся как причины возникновения националистических движений, так и их цели, а также роль в политическом развитии тех или иных стран.

В частности, в XIX в., по мере разложения империй и формирования политической карты мира, требования наций к власти переместились с культурных на политические цели, что привело к созданию *новых национальных* государств. В переходных процессах XX в. национальные движения в основном возникали в русле национально-освободительной борьбы угнетенных народов, многочисленными примерами которой дал опыт разрушения колониальной системы в середине прошлого столетия, что сопровождалось формированием ряда национальных государств.

Помимо задач, связанных с обеспечением государственного строительства, национализм в данных условиях способствовал внутренней консолидации общества, мобилизации его населения на осуществление целей модернизации и даже психологической компенсации страданий, вызванных отсталостью страны и резкими внутривнутриполитическими противоречиями (Х. Винклер).

Политический национализм, подобно всем идеологиям стремится овладеть массами и превратиться в результате этого в политическое движение. В свою очередь, политические движения, стимулируемые национальными идеологиями, могут играть разные роли в ходе политического действия. В одних странах они могут способствовать разрешению межнациональных конфликтов, усилению культурной однородности и, стало быть, интеграции общества (США, Швейцария, страны Бенилюкса и др.). Национальные идеологии могут стать источником укрепления межгосударственных отношений (в большинстве стран Западной Европы отстаивание национальных интересов не связывается с усилением враждебности к другим государствам). В ряде случаев целью национализма становится и повышение эффективности деятельности государства, проведение в нем реформ, способных качественно повысить уровень культурной и социальной защищенности граждан той или иной национальности.

В других странах, создавая очаги сепаратизма и этнического гегемонизма, национализм может подрывать целостность общества и стабильность политического правления (движение басков в Испании, албанцев в Югославии и т. д.). Он способен создавать острые противоречия между государствами, особенно в связи с проведением политики по отношению к своим национальным землячествам на чужих территориях (например, между Боснией и Сербией, Россией и Эстонией).

В то же время практический опыт показал, что национализм не просто исходит из признания наличия нации и ее особых интересов, но в известной степени и претендует на *превосходство* национально ориентированных потребностей над всеми иными чаяниями и замыслами людей. Высокая оценка национальных приоритетов, как правило, всегда сопрягается с идеями независимости, что, в свою очередь, практически постоянно вызывает к жизни требования получения определенной части государственного суверенитета и его политико-административного закрепления. Конкретно это может означать предоставление нации определенной автономии в рамках государства и даже создание самостоятельного государственного образования.

«Культурно-национальная автономия», или даже административная автономия — это достаточно распространенная цель национальных движений. Ее получение гарантирует приобретение гражданами той или иной национальности качественно иных возможностей выражения своей идентичности (например, за счет развития сети школ с образованием на родном языке, расширения возможностей отправления религиозных обрядов, развития национальных печатных изданий и т. д.), расширения прав на особые формы политического представительства, законодательные инициативы.

В ряде случаев национальные идеологии используются для решения проблем, не связанных с условиями существования того или иного этноса. Например, в конце 1980 — начале 90-х гг. Прибалтийские республики под флагом защиты интересов коренных национальностей пытались решить весь комплекс проблем с бывшим союзным государством (в частности, вопросы хозяйственных взаимоотношений, усиления экономической самостоятельности, обеспечения оптимальных условий роста уровня жизни граждан и т. д.).

Объективно национальные движения направлены на использование политических механизмов как внутри государства, так и на международной арене для повышения уровня общности граждан одной национальности (или всего населения той или иной страны в целом) и защиты их интересов. Национализм выходит на политическую арену тогда, когда властные отношения требуют большей культурной и социальной сплоченности общества или отдельных слоев его населения. Как говорил еще Ш. Монтескье [150], «дух нации», любовь к Родине являются единственной основой существования «органического» общества.

И все же националистическая идеология прежде всего тесным образом связана с формированием и институционализацией идей нации и национального государства. Более того, в течение последних двух-трех столетий национальная и государственные идеологии дополняли и стимулировали друг друга. Не случайно они возникли почти одновременно в качестве выразителей интересов поднимающегося третьего сословия, или буржуазии, что, в сущности, на начальном этапе представляло собой одно и то же.

Национализм в XX в. стал знаменем разнородных социально-политических сил и движений, которые во многом определили основные векторы развития большинства стран и народов. Весьма типичной причиной, инициирующей национальные движения в переходных условиях, является динамика развития отдельных национальных общностей в процессе изменения их масштаба и роли внутри конкретного государства. Например, «малые» нации перерастают в «большие», приобретая системообразующее для государства значение, что предполагает и соответствующее перераспределение прав и ресурсов власти. В значительной степени именно под знаком национализма разворачивались процессы и события, в конечном счете приведшие к Первой мировой войне. Результатом самой войны явилось образование целой серии новых национальных государств, что в определенной степени подтвердило актуальность и действенность идей и принципов национального самоопределения. Например, до распада Российской империи не существовало Эстонии и Латвии.

В политических же процессах *развитых* современных государств национализм в основном складывается в рамках урегулирования межнациональных конфлик-

тов, например, на основе возникновения *нарушений прав* жителей определенной национальности или несправедливого распределения социальных благ между различными национальными группами. Существенной причиной возникновения национальных движений является и стремление «малых» наций к самостоятельности, базирующееся на *преувеличении* своей культурной и политической роли в обществе, что провоцирует сепаратизм и, как следствие, инициирует центробежные тенденции, ведет к дезинтеграции государства и общества, к нарастанию обособленности и изоляционизма отдельных групп населения.

Помимо этого, в качестве причин, провоцирующих возникновение национальных движений, могут выступать и влияние родственных *зарубежных* групп, борющихся за права соплеменников в других странах, и политика *ирредентизма* (сознательного объединения людей одной национальности в рамках единого государства), и *противоречия* между титульными и нетитульными нациями и т. п.

Столь же распространенной причиной активизации национальных движений является и *низкая эффективность* государства, не способного к должному регулированию межгрупповых отношений. Например, в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. во многих странах Восточной Европы и республиках СССР всплеск национальных движений был вызван, прежде всего, ослаблением государственного контроля за межнациональными отношениями, а также крайне низкой эффективностью действий правительств в социально-экономической сфере, сопровождавшейся резким падением уровня жизни населения. Все это завершилось всплеском национализма, идей национального самоопределения и образованием новых национальных государств.

Одновременно активизации национализма способствовали и возросшие на волне перемен амбиции национальных элит, что также можно рассматривать в качестве относительно самостоятельной и весьма серьезной причины политической активности наций. Значение этой особой причины формирования национализма тем более велико, что деятельность элитарных кругов нередко придает ему радикальные и разрушающие государственность формы путем пропаганды идей исключительности своей нации, утверждения ее особой миссии в развитии страны, разжигания межнационального недоверия и розни. Нередко под национальными лозунгами скрывается и сознательная установка определенных элитарных группировок, в том числе поддерживаемых из-за рубежа, на дезинтеграцию государства и общества, на изменение государственных границ, нагнетание региональной и международной напряженности.

Питательной средой для формирования политической поддержки такого рода разрушительных для государства целей становится:

- недостаточный уровень национального самосознания граждан;
- низкий уровень образования гуманитарной интеллигенции «малых» наций;
- массовое распространение в элитарных и неэлитарных слоях межнациональных предрассудков;
- отсутствие у широких слоев населения склонности к компромиссам, терпимости к религиозным и иным характерным отличительным чертам жизни представителей другой национальности.

Вместе с тем были и есть ученые, которые, будучи убеждены в реальности и силе национализма, выступают с радикальными лозунгами предоставления всем нациям возможности создать собственное государство. В частности, выражая популярные в тот период умонастроения, швейцарский исследователь международного права И. К. Блюнчли писал в 1870 г.: «В мире должно быть столько же государств, сколько в нем различных наций. Каждая нация должна иметь свою государственность, а каждое государство должно строиться на национальной основе».

Очевидно, что при соответствующей трактовке права народов на самоопределение этот постулат весьма трудно опровергнуть. И действительно, почему одни народы имеют право и, успешно реализует его для создания своего независимого, суверенного государства, а другие народы лишены его?

Однако парадокс в том, что при всплеске национализма в современном мире почти *не осталось национально однородных государств*. Подлинно национальное государство, если понимать под таковым государство с населением, состоящим из одного только этноса, является, скорее, исключением, чем правилом. Почти 90 % современных государств полиэтничны, поэтому по своему значению и политическому весу национальные движения данного типа вполне соотносимы со стремлением людей к демократии, формированию гражданского общества. В то же время в силу специфического происхождения наций, наличия в поведении принадлежащих к ним людей множества предрассудков, иррациональных мотиваций, ложных оценок и установок национализм выступает как крайне неоднозначное и противоречивое политическое явление.

Большое значение имеет то, что *не все* существующие в настоящее время *народы и этносы способны создавать и поддерживать самодостаточные и сколько-нибудь жизнеспособные государственные образования*. К тому же в современном мире по большому счету нет и не может быть полностью независимых от внешнего мира в смысле полной самодостаточности стран.

Под самоопределением понимается свобода каждого народа жить по собственным законам, под управлением избранных им самим властных структур, распоряжаться своей судьбой по своему усмотрению, при этом не нанося ущерба свободе и законным интересам других народов. Лишенная национального своеобразия страна может лишиться и отведенного ей места в мировой истории. Требуя для себя самоопределения, народы добиваются свободы распоряжаться своей судьбой на собственной территории.

Однако, если бы все существующие в современном мире нации, народы, этносы претендовали на создание собственных независимых государств и попытались реализовать эти претензии, неустойчивость миропорядка многократно усилилась бы и, само существование многих государств было бы поставлено под вопрос.

Как показал опыт 1990-х гг., распад многонационального государства может привести к распаду устоявшихся властных структур и баланса власти и интересов, а это, в свою очередь, способствует росту неопределенности и неустойчивости. События на постсоветском и постюгославском пространствах свидетельствуют о том, что такой распад чреват непредсказуемыми кровавыми последствиями, в которых даже в долгосрочной перспективе проигрыш для большинства вовлеченных сторон явно переключает все возможные приобретения.

Следует отметить и то, что нередко национальные движения, в идеологии которых преобладает этническое начало, довольно быстро исчерпывают свой мобилизационный потенциал. Более того, они создают благоприятную почву для утверждения авторитарных и тоталитарных режимов. Экспорт или поддержка сепаратистских идей и движений при определенных условиях имеют далеко идущие негативные последствия, поскольку они могут стать одним из главных источников и побудительных мотивов терроризма, и гражданских войн [41, с. 171].

Учитывая высокое политическое значение национальных движений в современных государствах, их широкий общественный резонанс, в ряде случаев национализм используется как политическое прикрытие для получения власти совершенно иными социальными силами. Такая *инструментальная* форма национализма чаще всего становится орудием проникновения на политический рынок тех сил, которые не заинтересованы в публичной огласке и предъявлении общественному мнению своих подлинных целей.

19.2.5. Диалектика взаимовлияния политики и религии

19.2.5.1. Причины и формы роста религиозного влияния на политику

Изменение общественных отношений в стране на рубеже XX–XXI вв. трансформировало взаимоотношения политики и религии. Этот процесс нашел отражение в самых различных проявлениях:

- в обществе произошел пересмотр основополагающих идеологических ценностей, изменился взгляд на религиозное и культурное наследие;
- в общественном мнении прочно утвердилось понимание необходимости синтеза религиозных и культурных ценностей;
- начались процессы десекуляризации политики и политизации религии.

Эти процессы носят встречный характер, но проявляют себя по-разному. *Религиозация политики* осуществляется в результате:

- учета конфессионального состава общества;
- использования религиозного фактора для достижения политических целей;
- демонстративного обращения государственных и политических деятелей к религии;
- использование церковью государственных СМИ для своей пропаганды;
- сознательного повышения роли церкви в политической и государственной жизни со стороны политических и государственных деятелей;
- разработки и проведения государственными и политическими институтами религиозной политики;
- создания условий для религиозного воспитания и обучения.

Политизация религии происходит в результате:

- либерализации законодательства, способствующей вовлечению верующих в политическую жизнь;
- участия в политической деятельности клира и религиозных организаций;

- создания и деятельности политических партий, созданных на религиозной основе;
- участия церкви в урегулировании политических и социальных конфликтов;
- появления новых религиозных течений, влияющих на политику.

Специалисты утверждают, что большая часть глобального социума переживает религиозное возрождение, и указывают на развитие двух тенденций.

С одной стороны, происходит *количественный* рост, проявляющийся в:

- распространении нетрадиционной религиозности;
- появлении новых форм религии, прежде всего «New Age», и других культов;
- возникновении новых сект вокруг новых «учителей».

Совершаются *качественные* изменения, выражающиеся в том, что новые культы:

- стараются быть подчеркнута современными;
- используют новейшие средства распространения своих учений;
- считают себя выразителями идей современности.

И некоторые традиционные религии также учитывают тенденции современного мира, и поэтому:

- стараются осовремениться;
- отбросить то, что кажется устаревшим в их вероучении и культе;
- стать доступнее сознанию современного обмирщенного человека (католицизм, протестантизм).

С другой стороны, в обществе назревает глубокое недовольство:

- бесчеловечностью современного мира;
- культом потребления с объявлением человека высшей ценностью;
- возрождением традиционных религий: православия, ислама, буддизма, иудаизма.

Религия вновь рассматривается политическими элитами как эффективное средство преобразования мира. Об этом свидетельствует, в частности, прямое вмешательство иностранных держав в жизнь России во время обсуждения общественностью закона «О свободе совести». Тогда послания Б. Н. Ельцину направили президент и сенаторы США и Римский папа. Указанные «советчики» рекомендовали президенту России действовать столь же «решительно», как и в 1993 г., когда был расстрелян Дом Советов.

На конференции «Гармонизация религиозной свободы с культурными традициями и ценностями» (Вашингтон, 1997 г.) отмечалось, что единственный способ сегодня «спасти» Россию – послать в нее как можно больше миссионеров для того, чтобы они изменили ее религиозную ментальность.

19.2.5.2. Мировые религии как идеология

Несомненно, что самыми великими идеологическими течениями были и являются мировые религии – буддизм, христианство и ислам. Ни по жизнестойкости, ни по влиянию на людей они не знают себе равных среди идеологий. Без учета религиозной составляющей социума невозможно анализировать никакую политику.

ческую идеологию. Вряд ли можно дать исчерпывающий ответ на вопрос: «В чем сила религии?» Глубинная, корневая суть религии в том, что она служит важным фактором развития духовной культуры, нравственности общества, человечности. Под таким углом зрения можно выделить функции религии, в которых и проявляется ее социальная ценность.

Иллюзорно-компенсаторная функция отделяет религию от других форм общественного сознания. Ее суть заключается в восполнении пробелов в достоверном знании предметов и явлений объективной действительности легендами, мифами, иллюзиями. Религия часто подает как нечто *реальное* мистические, сверхъестественные существа и силы. Правда, в религиозных идеологиях (особенно современных) могут содержаться достоверные и даже научные знания, но они обычно толкуются не как достижения человеческого познания, а как следствие божественного откровения. Эта функция выражается также в том, что религия позволяет снимать социальную напряженность, разрешать противоречия в обществе. Она служит утешением для многих, особенно для немощных телом, слабых духом, бедных, обиженных судьбой, вселяет в них надежду на лучшее будущее: на счастье в этом мире и на райскую загробную жизнь.

Регулятивная функция отражает одно из важных направлений воздействия религии на личность и общество. Осуществляя данную функцию, религия организует, направляет и упорядочивает поведение людей, активно воздействует на сознание и волю, чувства и духовный настрой и отдельной личности, и широких масс. В процессе многовекового развития сложился достаточно сложный механизм религиозного регулирования общественных отношений. Основными его элементами являются религиозные установки, догмы и религиозные нормы (нравственные и правовые).

Коммуникативная функция определяется способностью религии служить формой и средством общения людей, объединять их. Она осуществляется через соответствующие учреждения: церковь – в христианстве; умма (мечеть) – в исламе; дацан – в буддизме. Важную роль в реализации этой функции играют семья, культы святых, посещение святых мест, религиозные праздники и т. п.

Гуманистическая функция. Религия всем своим идейно-духовным потенциалом стремится воспитывать в человеке нравственные черты, развивает его гуманистические начала. Она формирует в людях чувство любви ко всему живому, к окружающей природе, учит относиться терпимо, доброжелательно друг к другу, проявлять милосердие в межличностных отношениях [193, с. 173].

19.2.5.3. Тоталитарные и экстремистские секты, культы и течения

19.2.5.3.1. Секты и культы

Секта (от лат. *secta* – учение, направление, школа) – это религиозная группа, община, отколовшаяся от господствующей церкви. По оценкам специалистов в мире существует до нескольких тысяч сект. Такая множественность сект не случайна. Даже по своей этимологии слово «секта» означает нечто отделенное от целого. История любой секты показывает, что в ее начале лежит именно противопоставление себя существующему порядку вещей, традиционным духовным ценностям. Каждый основатель секты считал себя умнее, добродетельнее, духовнее других.

Относительно традиционными для России являются такие конфессии и секты, как баптисты, адвентисты, лютеране, пятидесятники. Традиционно они были распространены в определенных этнических группах — немцев, поляков, литовцев и др. Однако сегодня эти конфессии заняты активной прозелитической (прозелитизм — привлечение в какую-либо религиозную организацию представителей других конфессиональных общин) деятельностью среди православных.

К тоталитарным сектам псевдохристианской ориентации относятся «Церковь Христа», «Новоапостольская церковь», харизматические движения: «Завет», «Семья», корейские протестантские секты. Они ссылаются на Библию как на основной источник своего вероучения, произвольно подбирая и извращая смысл вырванных из контекста цитат для доказательства нужных положений.

Практически все сектанты утверждают, что их организации ведут происхождение непосредственно от святых апостолов и организуют свою жизнь точно так, как это было в первохристианские времена. Однако они не могут назвать своих предшественников, которые учили бы в исторический период от начала новой эры до времени возникновения секты. На самом деле настоящая история секты идет от adeptов (адепт — последователь, приверженец какого-либо учения), и зачастую вовсе скрывается от ее приверженцев. Это подтверждает, что с традиционным христианством сектанты ничего общего не имеют.

К сектам, претендующим на обладание «новым откровением» относятся мормоны (или «церковь Иисуса Христа святых последних дней»), «Свидетели Иеговы», «Белое братство», «Богородичный центр», движение Муна (Церковь Объединения с ее фронтовыми организациями), «Аум Синрикэ», «Церковь последнего завета» лжехриста Виссарiona, бахаизм и др.

Учения и секты из движения «New Age» («Новая эра», «Век водолея»), имеют оккультный характер, ставят своей задачей развитие в человеке паранормальных и экстрасенсорных способностей. К ним относятся целители и колдуны, восточные культы — кришнаизм, йогические практики, в том числе сахаджа-йога, трансцендентальная медитация, неоведантизм, теософия, «живая этика» (агни-йога) Рерихов, антропософия, секта П. Иванова, секта сайентологии Л. Р. Хаббарда (центр «Дианетика», «нарконон», «криминон» и т. д.), астрология, «Академия фронтальных проблем» («Академия Золотова»), неоязыческий центр «Юнивер», валеология, «Троянова тропа» и др.

В настоящее время наблюдается процесс объединения и консолидации различных участников движения «Новая Эра», примером чего может служить возникновение в Новосибирске объединений типа ассоциации «Колыбель Сибири» или «Новосибирского комитета миротворчества».

Сатанинские культы, носящие изуверский характер, опираются в основном на молодежь. В такие группы молодых людей толкают юношеский нигилизм, отрицание авторитета родителей, общества, Бога, жажда безнаказанности. Вербовка в них осуществляется на различных молодежных сборищах, чаще всего рокконцертах. Ребятам привлекают оккультными фокусами, наркотиками, половой распущенностью, культом насилия. Иногда сатанисты прячутся под вывеской философских или культурных обществ. Подростков соблазняют обещанием чудесной силы, полной свободы, обогащением сексуального опыта. Все моральные преграды сознательно разрушаются, безнравственность возводится в принцип, сила и безжало-

стность – в культ. Эта идеология красноречиво воплощена в девизе «Делай все, что хочешь, ты имеешь право на все, и можешь убить тех, кто посягает на твои права».

Ряд сект и культов ставит перед собой конкретные *политические* цели. Многие секты, такие как «Церковь объединения Муна», «Свидетели Иеговы», сайентология Р. Хаббарда и другие являются крупными промышленными и финансовыми «империями», стремящимися получить власть над всем миром. Например, «Манифест Варнашрамы», один из документов «Международного общества сознания Кришны», пишет о грядущем обществе «победившего кришнаизма» как об обществе кастовом, разделенном на сверхчеловеков – кришнаитов и рабов-шудр, которым предназначен тяжелый и беспросветный труд, а всемогущая элита будет решать, например, к какому сословию будет принадлежать новорожденный младенец. «Свидетели Иеговы» вещают о необходимости устройства «нового мирового порядка» возглавляемого «единым правительством», состоящим только из членов этой секты. Кореец Мун, основатель секты Церковь Объединения, прямо говорит о том, что его должны принять все правительства мира как своего господина.

Секты всегда ведут войну против господствующей в стране Церкви, потому что духовные традиции Церкви являются самым действенным обличением лжести тех идей, которыми секты хотят подчинить общество. В обществе, в котором действует множество сект, умирает культура и возникает духовная болезнь – неспособность к различению добра и зла, истины и лжи. Такое общество становится неспособным решать свои проблемы и превращается в пассивный объект приложения чужой воли. Исторический опыт свидетельствует, что общества, пораженные такими недугами, умирали, сходили со сцены истории (например, Римская Империя).

19.2.5.3.2. Идеология современного исламского фундаментализма

В последние годы внимание мировой и российской общественности привлечено к идеологии исламского фундаментализма. Содержательную сторону этой идеологии составляют, в частности, воззрения сторонников движений «ваххабитов», «Братьев-мусульман» (Египет), палестинской организации «ХАМАС» и некоторых других. Их цель – установить в мусульманских странах, и даже в мире, новый, «исламский порядок» в государственном и общественном устройстве, в системе отношений между людьми. Пути решения этой глобальной задачи, по взглядам сторонников исламского фундаментализма, – самые различные, вплоть до использования насильственных, вооруженных средств. Свои агрессивные намерения они прикрывают лозунгами «чистого ислама», борьбы за возрождение принципов его как мировой религии.

Однако реальные дела современных фундаменталистов не имеют ничего общего с *истинным* исламом. Его основатели не призывали своих последователей к террору, к уничтожению невинных людей, что мы сейчас наблюдаем в разных регионах мира, в том числе в нашей стране. Взрывы в офисах и посольствах США, разрушение Всемирного торгового центра в Нью-Йорке в 2001 г., во французском метро, жилых домов и захват сотен заложников в России, другие террористические акты имеют исламское происхождение, вернее – след ультраэкстремистских организаций, укрывающихся под зеленым знаменем ислама.

Ислам (арабск., буквально – покорность) зародился в Саудовской Аравии в начале VII в. Особенностью исламской религии является утверждение о *нераздельности духовной и светской власти*, неразрывности религиозных и государственных законов. Свод норм религиозного права, морали, ритуалов (законы шариата) должны охватывать жизнь и деятельность мусульманина от рождения до смерти. Ислам является, таким образом, не просто религией, а политической идеологией, политическим движением, образом жизни и образом мыслей исповедующего его человека.

Сегодня идеологи исламского фундаментализма стремятся доказать, что в регионах, где народы исповедуют по преимуществу христианство (страны Запада, Россия) идет гонение на мусульман, искореняется ислам как религия. Это доказательство беспочвенно. Никто не выступает против ислама, не запрещает верующим исполнять соответствующие ритуалы. Свобода совести соблюдается во всем цивилизованном мире. Люди выступают против экстремизма отдельных исламистских группировок, их попыток насильно реализовать свои политические устремления в странах с преобладанием мусульманского населения, отделиться от центральной власти и создать некие исламские государства. В наши дни примером тому могут служить агрессивные действия исламских экстремистов в Чечне, Дагестане, Таджикистане, Киргизии и других регионах. Ислам приобрел тенденцию к распространению по всему миру. Его идеологи выдвигают требования к своим сторонникам бороться за «чистоту ислама», за создание «общеисламского государства», основанного на догматах Корана и Сунны (священного писания).

Глубокую обеспокоенность вызывает активизация деятельности исламских фундаменталистов у народов нашей страны. После распада СССР эта деятельность приобрела крайне опасные формы. Сепаратизм, связь с международным терроризмом и совершение террористических актов по городам России составляют ныне главное содержание политики приверженцев идеологии современного исламизма. Особая угроза идет со стороны *ваххабизма* – религиозно-политического движения в суннитском исламе, возникшего в конце XVIII в. в Центральной Аравии. Главную опасность составляет положение вваххабизма о «священной войне» («джихаде») против «неверных», в разряд которых ваххабиты зачисляют всех своих *политических* противников.

Почему в последние годы стало возможным довольно широкое распространение идеологии ваххабизма, и в целом исламского фундаментализма на территории нашей страны и некоторых стран СНГ? Отечественные исследователи этой проблемы видят здесь два фактора.

Во-первых, в мусульманских регионах идеи и действия исламских экстремистов пользуются симпатиями у некоторой части населения. Люди, видя иногда бездействие властей, связывают свои надежды на улучшение жизни с установлением «исламского порядка», действием законов шариата.

Во-вторых, и это главный фактор, – поддержка российских исламистов со стороны некоторых мусульманских государств и даже западных держав, стремящихся ослабить Россию руками этих экстремистов. Борьба с ними сегодня на первом плане в политике российского правительства. Она будет, видимо, нелегкой и длительной [38].

19.2.6. Современные альтернативные идеологические течения

19.2.6.1. Спектр левых социально-политических теорий

Спектр современных левых социально-политических теорий не ограничивается коммунистическим движением и социал-демократией. В него входят также анархизм, движение «новых левых», движение «экосоциализма», сторонники идей национального социализма в развивающихся странах и др.

19.2.6.1.1. Анархизм

Анархизм (от греч. анархия – безвластие) зародился в Западной Европе в середине XIX в. Главные его положения были сформулированы П. Прудоном [197], М. Бакуниным и П. Кропоткиным [104]. Основой мировоззрения анархизма служит индивидуализм, отрицающий все, что стесняет свободу человека. Это идеология и политическая философия, провозглашающая целью освобождение личности от всех форм принуждения со стороны власти и, прежде всего, государства.

В основе «классического» анархистского мировоззрения лежат следующие положения:

- индивидуализм;
- волюнтаризм и неверие в объективные законы общественного развития;
- защита мелкого собственника и мелкого землепользователя;
- тактика «прямого действия»;
- представление о будущем общественном строе как свободной ассоциации производителей, областей, коммун.

Отсутствие всякого принуждения и подчинения должно породить подлинный общественный порядок, основанный на свободном самоуправлении. Отсюда известный девиз «Анархия – мать порядка».

В силу различий в подходах его теоретиков к вопросу о путях достижения провозглашенной цели анархизм никогда не был *единой* идеологической доктриной. В связи с этим в анархистском учении традиционно выделяют четыре основных течения: *индивидуализм, мютюализм, коллективизм и коммунизм*.

Анархо-индивидуализм базируется на идее суверенного индивида. Родоначальник этого течения М. Штирнер [264], отрицая государство, сводил социальную организацию общества к «союзу эгоистов». Согласно идеям его американских последователей Б. Такера [222] и Й. Уоррена, каждый человек должен иметь такую сферу активности, куда никто не имел бы права вмешиваться, а социальные отношения при этом строились бы на основе обмена или контракта. Каждая личность должна пользоваться максимальной свободой, совместимой с равной свободой для других. Сегодня это течение существует в виде *анархо-капитализма*.

Анархо-мутюализм (от франц. взаимный) – это нечто среднее между индивидуалистическим и коллективистским вариантами анархизма. Этим термином П.-Ж. Прудон (1809–1856) [197] и его последователи называли экономическую систему, которая примиряла собственность и коммунизм. Они считали, что каждый член общества может иметь средства производства, но жить при этом должен

только своим трудом, не допуская паразитизма за счет ренты или эксплуатации человека человеком. За счет этого в обществе должен поддерживаться высокий уровень равенства. Деньги перестанут существовать, их сменит взаимный натуральный обмен, а значит, исчезнет и государство.

Коллективизм стал основной характерной чертой в анархистском движении под влиянием М. А. Бакунина (1814–1876). Согласно его учению капитал и все орудия труда должны принадлежать рабочим ассоциациям, а земля – земледельческим общинам. Распределение же доходов – результат общего, коллективного решения, но, как правило, по труду. Для Бакунина характерна также равная приверженность идеям социализма и свободы, соединение их в одно целое. По афористическому выражению Бакунина, «Свобода без социализма – это привилегия и несправедливость! Социализм без свободы – это рабство и скотство!» [9].

Анархо-коммунизм берет начало от идей Э. Реклю и П. А. Кропоткина [104]. Они выступали против идеи о том, что коммунизм возможен только через диктатуру пролетариата. Основа этой доктрины – вера в естественную человеческую солидарность, которая ведет к уничтожению собственности. Она предусматривает, что будущее общество, освобожденное от государства, будет представлять собой систему свободных ассоциаций трудящихся. В анархистском обществе каждый человек будет пользоваться общими средствами согласно потребностям. Производительная деятельность добровольных ассоциаций рабочих будет удовлетворять потребности местных коммун.

Влияние анархизма было сильным в конце XIX – начале XX вв. В России идеи анархизма пользовались определенным влиянием в среде народнической интеллигенции в конце XIX в. и получили особенно широкое распространение в период революции 1917 г. и в начале 1990-х гг. Анархистские идеи в своем «чистом» виде нигде и никогда не были сколько-то успешно воплощены в широкую общественную практику. Поэтому в современной идейно-политической жизни анархизм практически не существует в «чистом» виде, а все анархистские идеи соединяются с другими. Количество его приверженцев невелико.

Современный анархизм. Идеология анархизма не исчерпала своего творческого потенциала. Об этом свидетельствует возрождение анархизма в бывшем СССР в конце 1980-х гг. В России и на Украине возникли многочисленные анархистские группы, объединенные в несколько организаций, наиболее крупными из которых в канун распада СССР были Конфедерация анархо-синдикалистов (КАС, организована в 1989 г.) и Ассоциация движений анархистов (АДА, образована в 1990 г.).

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в СССР/СНГ шел процесс формирования новой системы идей позднего постклассического анархизма.

Политическая теория современного анархизма:

- *содержит* основные критические идеи о государстве, партиях, политике, власти;
- *воспроизводит* элементы позитивной программы прежнего анархизма;
- *адаптирует* их к современной политической, правовой, духовной культуре;
- *провозглашает* себя наследником классического анархизма.

В идеологии современного анархизма переплетены реалистические и утопические моменты. Как правило, их значение определяется конкретно-историческими условиями (период кризиса, революции, дестабилизации или стабилизации общественной системы).

Анархисты до августа 1991 г. были оппозиционны по отношению к официальной государственной идеологии СССР. С начала 1992 г. — к новой демократической власти, смыкаясь с традиционными «левыми» и национал-патриотическими партиями и движениями (нацболы).

Выраженная в анархическом политическом движении и в анархической теории *тенденция к перманентной оппозиционности* существующей государственной власти объективно превращает анархизм на различных этапах исторического развития в *постоянный элемент* оппозиционных сил, нередко позднее приходящих к власти. Поэтому не случаен интерес к блоку с некоторыми течениями в анархизме со стороны таких партий и движений, как Демократическая Россия, Марксистская платформа в КПСС, Социалистическая партия, Партия труда и др. Известно также, что на II съезде КАС выступал и призывал к совместным действиям представитель «Памяти».

Анархисты также проявляют интерес к другим политическим движениям и партиям, в идеологии которых отмечают созвучие с анархизмом. Агентством харьковских анархистов «Антисоюзпечать» начиная с 1989 г. распространялись газеты различных неформальных движений и организаций. Распространял прессу других политических направлений и Московский союз анархистов.

Современное анархистское движение стран СНГ активно интегрируется в Международное анархистское движение. Анархисты России поддерживают связи с Федерацией анархистов Франции, германскими организациями Международного товарищества рабочих — Анархистского интернационала, с анархистскими организациями Украины, Швеции, Швейцарии, США, Великобритании.

В современном анархизме просматривается тенденция к воссозданию течений раннего постклассического анархизма: анархо-синдикализма, анархо-коммунизма, анархо-индивидуализма, христианского анархизма (анархо-христиане), мистического анархизма, анархо-гуманизма, анархо-биокосмизма. Эти течения, выпускают периодические издания или в другой форме пропагандируют свои идеи в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Твери, Саратове, Новосибирске и других городах. К формирующимся новым течениям позднего постклассического анархизма можно отнести «анархо-экологистов» (анархическое крыло движения зеленых), анархо-пацифистов (крыло антимилитаристских, антивоенных, антиатомных движений).

Формируются и идеологические «гибриды». В анархистском движении к ним относятся: анархо-демократы, анархо-максималисты, анархо-народники, анархо-марксисты, анархо-троцкисты, анархо-либералы и т. д. Не исключено, что некоторые из этих промежуточных «микротечений» анархизма (полуанархизма) со временем могут сформироваться в новые разновидности анархизма.

Формирующейся политической теории современного анархизма свойственны следующие особенности:

- *поиск* «конструктивных» основ предшествующих теорий;
- *стремление* расширить «конструктивную» часть теории современного анархизма;
- *пропаганда* идей мира, интернационализма, гуманизма, «прозрачности» государственных границ, разоружения;
- *расширение* критики государства до критики политической системы общества, особенно тоталитаризма и бюрократизма;

- *агитация* за принципы ненасилия, самоуправления, децентрализации, самоопределения наций, чистой экологии;
- *критика* социалистического государства (нередко характеризуемого как государство периода государственно-монополистического капитализма) за многомиллионные жертвы войн, репрессий и голода, милитаризм, бюрократизм, тоталитаризм, ограничение прав и свобод человека и т. д.;
- *интеграция* в систему идей современного анархизма широко известных теорий конвергенции общественно-экономических и политических систем, постиндустриального и информационного общества, теории элит;
- *широкое понимание* термина «фашизм» и нередкое употребление его или характеристики различных военных, политических, юридических акций, институтов, государственных деятелей.

Правовой идеологии современного анархизма характерны:

- *провозглашение* идей предельной гуманизации уголовного права, максимальной правовой защиты природы;
- *признание* неотчуждаемых естественных прав человека, существование которых не зависит от государства;
- *критика* положений законов, указов, других нормативных актов бывшего СССР, стран СНГ, других стран мира, допускающих использование специальных органов для охраны правопорядка, введение чрезвычайного положения;
- *обструкция* устанавливаемых в нормативных актах запретов, ограничений, требований регистрации или получения разрешений (например, для реализации политических прав и свобод).

В то же время на стадии формирования теории *позднего* постклассического анархизма не появились принципиально новые идеи понимания государства и права по сравнению с концепциями, возникшими в *раннем* постклассическом анархизме. Анархисты, *поддерживая* стратегию перехода к рыночной экономике, *выступают* против активного государственного регулирования этого процесса, против госмонополизма, «номенклатурной приватизации», повышения цен правительством, государственного покровительства капиталу, сокращения программ социальной защиты, против бюрократизма и коррупции.

Анархический тип политического сознания – обусловлен негативно-ценностным отношением определенных общественных групп, отличающихся высокой степенью неустойчивости их социального положения. К таким социальным группам относятся разнообразные маргинальные, деклассированные, люмпенизированные группы, слои, а также занимающие промежуточное положение между устойчивыми, но противоположными классами.

Анархизм выступает как один из элементов сложного механизма перевода общественной системы (особенно политической системы, политического и правового сознания) из состояния порядка в состояние хаоса и обратно. Не следует переоценивать значение анархизма, но было бы ошибочно и недооценивать роль этого элемента в механизме политической и правовой эволюции. В различных исторических условиях анархизм может играть и прогрессивную, и реакционную роль, выступать союзником разнообразных сменяющих друг друга оппозиционных сил и слоев. Различную роль могут играть и отдельные течения анархизма.

Анархизм – противоречивое явление. Как неизменный противник всех форм тоталитаризма, он объективно выступает радикальным флангом демократического движения и одним из полюсов демократической идеологии. В то же время анархизм – *форма утопического сознания*. Как правило, он претендует на выдвижение исторически изменчивой программы-максимум для каждого нового переломного исторического периода, что имеет двойственное значение.

Содействуя разрушению старых общественных форм и прежних стереотипов общественного сознания, поиску новых исторических альтернатив, осознанию открывающихся возможностей общественных преобразований, анархизм, однако, выдвигает программу, оказывающуюся во многом *за гранью реально возможного* для конкретного исторического момента.

По мере приближения к возможному каких-то черт прежних моделей, нередко выдвигаются новые, тем самым, расширяя границы анархической утопии, не давая возможности ей стать реальностью. Развитие анархизма происходит параллельно с общим развитием политического и правового сознания и в то же время циклически, неравномерно. Оно может прерываться, замедляться в периоды социальной стабилизации, политических репрессий и вновь активизироваться в периоды социальных кризисов, революционных преобразований, радикальных реформ. При этом в общественном сознании после возобновления нового цикла эволюции анархизма происходит определенное восстановление (с некоторой корректировкой) основных элементов идей прежнего этапа эволюции и начинается формирование новых идей, концепций, течений, отражающих явления и проблемы специфические для данного этапа.

Изучение исторических форм теоретического анархического сознания – раннего классического анархизма (М. А. Бакунин), позднего классического анархизма (П. А. Кропоткин) и малоизвестного, но особенно многовариантного и тесно связанного с современным анархизмом раннего постклассического анархизма XX в. (А. А. Боровой, А. Л. Гордин, А. А. Солонович, П. Д. Турчанинов (Лев Чёрный), А. А. Карелин, А. М. Атабекян и др.), убедительно показывает неистощимую изобретательность и неисчерпаемость общественной мысли, в том числе на базе ценностных ориентиров анархического сознания.

19.2.6.1.2. Троцкизм

Основателем и идейным вдохновителем *троцкизма* был один из организаторов Октябрьской революции Л. Д. Троцкий (1879–1940). Основой концепции является доктрина «перманентной» (непрерывной) революции. Причем перманентность революционного процесса Троцкий связывал не с внутренними противоречиями, а с внешними факторами, с победой мировой революции. Отсюда установки на «экспорт» революции, на искусственное проталкивание ее из единого мирового революционного центра в новые страны [227].

Троцкий и его последователи не один раз пытались экспортировать революцию, но все их усилия подтолкнуть ее оказались безуспешными. И сегодня троцкисты считают, что происходящие в мире процессы интернационализации и образования транснациональных корпораций якобы свидетельствуют о создании «интернационального базиса мировой революции». В нашей стране идеи и методы троцкизма частично разделяет крайне левая часть оппозиции.

Наивно-романтическая надежда Троцкого на мировую революцию противоречила прагматическому курсу Сталина на «построение социализма в одной отдельно взятой стране», что еще более обострило конфликт между этими большевистскими лидерами, поэтому он был выслан из страны. Троцкий считал, что не только в СССР происходит бюрократическое перерождение, но и Коммунистический Интернационал перестал быть революционной организацией, поэтому он в 1938 г. основал Четвертый интернационал. Деятельность Троцкого использовалась Сталиным как предлог для проведения «чисток» и массовых репрессий. 20 августа 1940 г. действовавший по заданию советской разведки испанский коммунист Р. Меркадер смертельно ранил Троцкого ледорубом.

После смерти Троцкого единое организованное движение его сторонников перестало существовать, а несколько центров IV Интернационала конкурировали между собой. Троцкистские идеи пользовались популярностью у некоторой части левых радикалов. Троцкистские группы использовали либо тактику энтризма (внедрения в другие левые партии и организации), либо действовали самостоятельно, проявляя склонность к экстремизму и террористическим методам. Это было характерно для троцкистских организаций и групп Латинской Америки. Троцкисты были заметным течением внутри гошизма во Франции. Однако отождествлять всех троцкистов и все троцкистские организации с терроризмом было бы неверно. Троцкистские организации продолжают действовать во многих странах мира. Например, во Франции троцкистская «Коммунистическая лига» в последние годы пользуется большей поддержкой избирателей, чем традиционная Французская коммунистическая партия.

Троцкисты считают свое движение продолжением учения Маркса и Ленина, часто утверждая, что Троцкий не создал никакой принципиально новой теории. В этом они не одиноки среди марксистских движений XX в.: подобным же образом характеризуют свое направление и их оппоненты — сталинисты и маоисты, считающие, что их вожди творчески развили марксизм.

В настоящее время в России существует ряд троцкистских организаций. Среди них: Марксистская группа «Коммунистическая инициатива», Российская секция «Международной марксистской тенденции», Марксистская группа «Рабочая демократия», Марксистская группа «Классовая политика», Революционная рабочая партия (Москва), Революционная рабочая партия (Пермь) и др.

19.2.6.1.3. Движение «новых левых»

Новые левые появились в конце 1950-х гг. как альтернатива «старым левым» — коммунистам, дискредитировавшим себя в глазах радикалов (разоблаченными преступлениями И. Сталина, подавлением венгерского восстания 1956 г.), и социал-демократам (из-за их переориентировки в сторону либерализма). В отличие от них, новые левые декларировали:

- неограниченную индивидуальную свободу;
- неприятие всякого насилия над личностью со стороны государства и общества;
- полную правовую и моральную реабилитацию любых дискриминируемых групп: негров и других национальных меньшинств, женщин, коммунистов, атеистов, гомосексуалистов, наркоманов и т. д.

Эти требования обосновывались смесью разнородных, в прошлом считавшихся несовместимыми доктрин: марксизма, анархизма, пацифизма, фрейдизма, экзистенциализма и других. Отрицая любую цивилизацию, базирующуюся на примате материальных ценностей (т. е. и капитализм, и советский социализм), движение новых левых в период своего высшего подъема в конце 1960-х гг. поставило ряд западных стран (особенно Францию, США и Западную Германию) на грань социального и политического кризиса.

Его идейными вдохновителями были Г. Маркузе (1898–1979) [132], Э. Фромм (1900–1980) [238; 239] и др. По мнению Маркузе, рабочий класс индустриально развитых стран включается в потребительскую гонку, интегрируется в капиталистическую систему и тем самым утрачивает свою революционную роль. Поэтому в современных условиях революционная инициатива переходит к радикальному студенчеству, гуманитарной интеллигенции, к обездоленной массе бедных.

Цель революционной борьбы «новых левых» – отрицание, «великий отказ» от недостатков и пороков буржуазного общества, превращение его, по выражению Маркузе, в «одномерные» феномены («одномерное общество», «одномерный человек»). Представления о новом обществе у Маркузе и его сторонников довольно смутные. Они полностью обходят проблемы социально-экономической структуры будущего общества, характер управления им, особенностей политических институтов и др. Акцент делается на внутреннее самоусовершенствование личности, осуществление «революций в себе», «сексуальную революцию» и т. д. Основная его направленность – отрицание ценностей капиталистического общества, борьба с бюрократизмом и органами власти, что и позволяет отнести движение к левой части политического спектра.

Движение «*новых левых*» особенно проявило себя во время студенческих выступлений в западных странах в 1960-е гг. В 1968 г. массовые молодежные, студенческие выступления захлестнули 64 страны мира. Во Франции в мае 1968 г. студенты едва не свергли правительство генерала де Голля. В Америке власти бросали против молодых бунтарей армию – и в 18 городах дело доходило до настоящих уличных боев, выгорели целые кварталы (в Детройте сгоревшие кварталы так и стоят до сих пор, как руины Сталинграда). В Мексике в 1968 г. студенты чуть не сорвали Олимпийские игры – и некоторые участники беспорядков сидят до сих пор в тюрьмах, а легендарный партизанский командир субкоманданте Маркос требует от властей их освобождения.

Молодые бунтари в 1960-е гг. вышли из подчинения отцов. Они создали собственную культуру – ее назвали контркультурой. Они придумали собственную музыку – рок, живопись – поп-арт и психоделическую живопись. Они создали свой театр – ливинг-театр, т. е. уличный, свое кино – параллельное кино.

«Новые левые» вынудили американское правительство прекратить войну во Вьетнаме. Они добились юридического расового равноправия в Америке. Именно они добились для молодых права на субкультуру – на рок, сленг, джинсы, маечки, фенечки, на внешний вид, отличный от «взрослого мира». Они добились для парней права носить длинные волосы, а для девчонок – не носить лифчики. Разумеется, в ходе этой борьбы их арестовывали, штрафовали, выгоняли из университетов, сажали в тюрьмы и психбольницы. Случалось, что и убивали. Капитализм они не свергли, но лицо мира изменили серьезно.

В наше время число сторонников «новых левых» идет на убыль. Это движение существует в виде небольших разрозненных групп главным образом среди интеллигенции и студенчества.

19.2.6.1.4. Концепции национального социализма

Концепции *национального социализма* получили широкое распространение в 60–70-е гг. XX в. в афро-азиатских странах. Их общей особенностью является поиск «третьего пути» к социализму, лежащего между опытом западных стран и практикой большевизма, который бы больше соответствовал национальным традициям развивающихся стран. Вследствие этого в концепциях национального социализма переплетаются элементы различных политических теорий, религиозных источников, родоплеменных порядков и нравов. Таковы «индийский социализм», «африканский социализм», «автохтонный социализм» (от греч. *autochthones* – аборигены, коренные жители) в Латинской Америке и др. Одновременно во всех этих разновидностях социалистических концепций национального типа прослеживается сходство с социал-демократической концепцией «демократического социализма». Их объединяет и терпимое отношение к различным формам собственности, и приверженность идее плюралистической демократии, и стремление к социальной справедливости. Поэтому в рядах Социнтерна находятся многие политические партии Азии, Африки, Латинской Америки, придерживающиеся данной политической ориентации.

19.2.6.2. Другие социально-политические теории

Современные социально-политические теории отражают новую проблематику (противоречия) современного индустриального общества, ставшего уже постиндустриальным (постмодерным, постматериальным, информационным, цифровым и др.). Философской основой альтернативных идеологий является постмодернизм (Ж. Делез [63], Ж. Деррида [63а], Ж.-Ф. Лиотар [117а], Р. Рорти) [200в], который отрицает все метатеории, провозглашает радикальный плюрализм (множественность), обостряет сознание справедливости и будит новую чувствительность в отношении несправедливости.

19.2.6.2.1. Концепция социального государства

Социальное государство первоначально называли на Западе государством всеобщего благоденствия. Определение «социальное» подчеркивает, что для государства постиндустриальной стадии главным в его деятельности становятся *обеспечение достойной жизни для своих граждан*, поддержка социально слабых групп населения, утверждение в обществе начал социальной справедливости. Автором концепции социального государства считается американский ученый Дж. Гэлбрейт [57]. Однако у ее истоков стоял крупнейший английский экономист Д. Кейнс [95], который обосновал необходимость активного государственного вмешательства в экономику с целью обеспечения занятости граждан, предотвращения экономических кризисов, повышения жизненного уровня населения путем справедливого перераспределения доходов между различными социальными слоями.

Согласно современным представлениям [193, с. 181] социальное государство призвано осуществлять следующие функции:

- *гарантировать* политические, гражданские, экономические и социальные права личности;
- *обеспечивать* многоукладность экономики, охранять частную, коллективную и государственную формы собственности;
- *сочетать* плановые и рыночные механизмы регулирования экономических отношений;
- *создавать* доступные всем системы образования, здравоохранения и социального обеспечения;
- *обеспечивать* условия полной занятости населения, поддержку малоимущих категорий граждан;
- *вести* эффективную борьбу с преступностью и другими антиобщественными проявлениями;
- *разрабатывать и осуществлять* государственные программы, направленные на решение других насущных социальных проблем.

Названные функции свидетельствуют, что это действительно необычное государство, рожденное реалиями современной жизни. Нет оснований относить его ни к традиционно капиталистическому, ни к социалистическому. Развитие государственности в странах мира идет сложными путями. Но *общая тенденция* заключается в том, что медленно, с поворотами и зигзагами, воспринимаются формы и институты государственности, выработанные общим опытом человечества, соответствующие общедемократическим ценностям, но учитывающие при этом конкретные условия каждой страны.

Социальное государство вобрало в себя многое, что создано теорией и практикой человечества, и вместе с тем оно отражает особенности современного постиндустриального общества. Скорее всего, оно относится к переходному типу государств, идущему к какому-то новому, более высокому типу.

Концепция социального государства на Западе имеет немало оппонентов, особенно в стане либералов. Наиболее жестко критикует эту концепцию сторонник стихийной рыночной экономики Ф. фон Хайек [243]. Однако другие видные ученые Запада считают, что возврат к свободным рыночным отношениям в постиндустриальном обществе уже невозможен и политически нецелесообразен.

19.2.6.2.2. Феминизм

Феминизм (лат. *femina* – женщина) – общественно-политическое движение, целью которого является предоставление женщинам всей полноты гражданских прав. В широком смысле – это стремление к равноправию женщин с мужчинами во всех сферах общества. В узком смысле – женское движение, целью которого является устранение дискриминации женщин и уравнение их в правах с мужчинами.

Впервые требования равноправия были выдвинуты женщинами во время Войны за независимость в США (1775–1783). Первой американской феминисткой считают А. С. Адамс (1744–1818). Она вошла в историю феминизма знаменитой фразой: «Мы не станем подчиняться законам, в принятии которых мы не участво-

вали, и власти, которая не представляет наших интересов» (1776). Предшественником современного *феминизма* считают *суфражизм* – движение в США и Англии во второй половине XIX – начале XX в. за предоставления женщинам избирательных прав.

Различают *традиционный* феминизм (который принято называть феминизмом первой волны, 1840-1960-е гг.) и его современные многочисленные разновидности (радикальный феминизм). Есть и так называемая «третья волна», но не все феминисты согласны с необходимостью выделять ее отдельно в свете пропагандируемых ею идей. Эти три «волны» названы именно так потому, что подчеркивается их сходство с волнами океана, где каждая последующая волна приходит за предшественницей и занимает ее место, не умаляя значения предыдущей.

Радикальный феминизм иногда сравнивают с марксистским феминизмом, в основе которого лежит работа Ф. Энгельса «Об истоках угнетения женщин». Их сходство в том, что оба рассматривают мир как противостояние двух классов: мужчин и женщин, пролетариата и буржуазии. Радикальный феминизм считает патриархат формой угнетения женщин мужчинами.

Идеология *феминизма* отличается плюрализмом (наиболее видные ее представительницы: Ю. Кристева, Э. Сиксу, Л. Иригарай, С. Кофман – во Франции; Э. Шоултер, Б. Кристиан, С. Гилберт, С. Губар – в США). В феминистскую идеологию включается множество идей, связанных с опытом каждой женщины, угнетаемой и оскорбляемой женоненавистническим фаллократическим обществом, которое создали мужчины.

Теория феминизма ставит своей целью понимание природы неравенства полов и заостряет внимание на вопросах политики, власти и сексуальности. Политическая активность феминистов сосредоточена на таких проблемах, как права деторождения, домашнее насилие, отпуска по беременности и родам, равная заработная плата, сексуальное преследование, дискриминация и сексуальное насилие. Темы, исследуемые феминизмом, включают в себя дискриминацию, стереотипизацию, объективфикацию (в особенности сексуальную), угнетение и патриархат.

Существует множество видов феминизма: анархо-феминизм, вуманизм (от англ. *woman* – женщина), духовный феминизм, культуро-феминизм, лесбийский феминизм, либеральный феминизм, индивидуалистский феминизм.

Главная цель феминизма – свергнуть господство мужчин над женщинами, которое проявляется в постели, на службе, на улице, в зале парламента. Для этого нужно объяснить и понять причины данного господства. Идеология феминизма предназначена для того, чтобы изменить существующее положение вещей. Отсюда основной постулат феминизма: приватная сфера есть политическая сфера; и призыв: *тотальное сопротивление*.

Основные приоритеты феминизма:

- борьба со всеми формами насилия над женщиной;
- проблемы здравоохранения, болезни и смерти;
- борьба с неравными экономическими шансами и социальной дискриминацией женщин во всех профессиях;
- борьба за равный доступ к политической власти.

К началу XXI в. феминизм «второй волны» уже утратил свою былую популярность. Его сторонники постепенно приходят к мысли о том, что патриархальные отношения приводят к угнетению не только женщин, но и мужчин, которые вынуждены соответствовать ролям, навязанным им патриархальным обществом, и такое вынужденное соответствие наносит вред развитию человека как личности, независимо от его (ее) пола.

19.2.6.2.3. Экологизм

Среди так называемых «альтернативных» идей особое место занимает *«зеленая» идеология (экологизм)*. (Идеологией, ее назвать можно лишь условно, так как общим для всех ее направлений является, лишь система ценностей.) *«Зеленые»* – общее название групп, течений, неправительственных и политических организаций, занимающихся борьбой с разрушением окружающей среды и добивающихся большей гармонии во взаимоотношениях между человеком и природой. Зеленый цвет, используемый участниками движения в качестве общей эмблемы, служит символом природы, надежды и обновления.

Экологизм возник как реакция на проблему «эйкоса» (окружающей природной и социальной среды). Как и в феминизме, в экологической идеологии существуют различные течения, зачастую противостоящие друг другу по вопросам понимания как самой экологии, так и способам решения экологических проблем (например, биоцентризм и антропоцентризм). Для решения экологических проблем современности (защита окружающей среды от загрязнения отходами жизнедеятельности человека) в идеологии экологизма содержатся требования радикальных социально-политических преобразований: децентрализации, отказа от насилия, ядерного оружия и атомных электростанций, демократии участия, эгалитаризма и т. д.

Исследователи, изучающие «Зеленое движение», выделяют в нем, по крайней мере, три различных направления:

- традиционная (неполитическая) защита природы («консервационизм»);
- прагматическая защита окружающей среды («энвайронментализм»);
- политическая и социальная экология.

При этом, «энвайронменталисты», по общему правилу, не ставят под сомнения рамки действия, предоставляемые существующими общественными институтами, а сторонники политической и социальной экологии стремятся (в различных формах и различными методами) к изменению сложившихся отношений и моделей. Экологическое движение в его современном виде сложилось в 1970-х гг.

В 1971 г. в Северной Америке возникла наиболее известная ныне международная энвайронменталистская организация – «Гринпис» («Зеленый мир»). Первоначально она занималась проблемами ядерных испытаний США, но постепенно распространила свою деятельность на весь мир и на широкий круг тем, связанных с экологией – вплоть до защиты биологических видов, захоронения отходов и др. Основная тактика «Гринпис» сводится к громким акциям ненасильственного протеста, которые призваны привлечь внимание общественности и власть имущих к тому или иному вопросу. По примеру «Гринпис» в различных странах мира возникли и другие, зачастую более радикальные группы, такие, например, как немец-

кая организация «Робин Вуд», ставшая известной в 1980-х гг. акциями в защиту лесов, а также течения, прибегавшие к методам экологического саботажа.

Первоначально большинство зеленых было настроено скептически по отношению к властным институтам, рассматривая их как объект для давления и рассчитывая таким путем способствовать принятию ими своих требований. Однако трудности, с которыми сталкивались радикальные выступления, с одной стороны, и далеко идущее разочарование участников движения во всех существующих политических партиях, с другой, навело на мысль о создании собственных политических организаций, защищающих интересы движения. Не веря первоначально в возможность экологических перемен и изменения общества «сверху», с помощью государственного законодательства и правительственной технократии, многие зеленые постепенно все больше надеялись на то, что с помощью своих партий или списков кандидатов можно будет придать движению дополнительную, парламентскую опору, в качестве дополнения к основному, «внепарламентскому действию».

Соотношение сил между различными течениями в отдельных партиях колебалось. Первые документы зеленых представляли собой набор требований, выдвинутых экологическими, антивоенными, «альтернативными» и иными гражданскими инициативами, и формулировались более широко и обобщенно. Позднее, включившись в парламентскую политику, зеленые дополнили, уточнили и детализировали свои программы. Как правило, они содержали обещания свернуть ядерную энергетику и принять другие меры, направленные на защиту окружающей среды, гарантировать и развивать демократические и гражданские права, а также демократизировать существующие политические институты, расширять систему социальных гарантий, обеспечить преимущественное развитие кооперативного, самоуправляющегося, «альтернативного» сектора экономики и внедрение новых, экологически чистых технологий, проведение политики мира и разоружения.

Некоторые, более левые зеленые партии (к примеру, западногерманская, в которой до конца 1980-х гг. преобладало влияние «экосоциалистов» и «фундаменталистов»), осторожно ставили вопрос о распространении «новых форм общественной собственности», отличной от огосударствления в СССР, и о поощрении прямой демократии и самоуправления. Однако участие в парламентских институтах и стремление многих зеленых доказать свою пригодность к управлению государством диктовало свою логику: в 1990-х гг. почти во всех экологических партиях взяли верх сторонники «реальной политики». Если прежде зеленые часто определяли себя как «принципиально новую» силу или даже как «антипартийную партию», то теперь они все больше становились такими же, как все другие.

Это позволило зеленым войти в правительства ряда стран, как правило, в коалиции с социал-демократами и другими левыми организациями, иногда — в составе более широкой коалиции: Франции (1992–1993, 1997–2002), Финляндии (1995–2002), Италии (1996–2001), ФРГ (1998–2006), Бельгии (с 1999). Опыт пребывания у власти оказался для зеленых достаточно противоречивым: им удалось закрепиться на политической арене и подчас даже проникнуть в государственный истеблишмент, но это было достигнуто ценой отказа от многих ключевых и основополагающих принципов движения. Они нигде не смогли добиться отказа от атомной энергетики, не настаивают на том, чтобы прекратить сокращение со-

циальных расходов и приватизацию, стали терпимо относиться к НАТО и Европейскому Союзу и даже поддерживать проведение военных операций за рубежом (к примеру, в 1999 г. в Югославии).

Экологические движения вырождаются в коррумпированные бюрократические организации с раздутыми штатами и безответственным расходованием средств на безбедное существование руководителей и аппарата. Разочарование многих экологов результатами политики зеленых партий привело во многих случаях к тому, что активисты и теоретики пытаются искать новые ответы на наиболее болезненные вопросы взаимоотношения между обществом и природой.

К примеру, оформилось течение «экоанархистов», или «либертарного муниципализма». Его признанными лидерами считаются американские экологи М. Букчин и Д. Биль. «Либертарные муниципалисты» выступают за преодоление современного индустриального общества и переход к системе самоуправляющихся городов-коммун, пользующихся чистой и «освободительной технологией». Им удалось создать собственную международную сеть и провести ряд интернациональных форумов; в ряде стран возникли организации этого направления (имеваемые «левыми зелеными» или «Демократической альтернативой»).

19.2.6.2.4. Коммунитаризм

Коммунитаризм (от англ. *community* – сообщество) – влиятельное направление в американской социальной теории, сформировавшееся в 1990-х гг. вокруг идей и работ А. Этциони [268а]. Практически с самого момента возникновения коммунитаризм развивался не только как социальная философия, но и как социально-политическое движение, отстаивающее интересы сообществ в отношениях с государством и бизнесом.

Это самое новое идеологическое течение, развиваемое в том числе М. Санделом, М. Уолцером и А. Макинтайром, в существенной мере представляет собой социологическую и социально-политическую реакцию на реальные проблемы современных западных обществ. В целом мораль, ответственность и участие как основы сообщества ориентируют человека в направлении социального действия в его коммунитарной форме. Сообщество не есть лишь первичная неформальная группа или элемент социальной структуры. Сообщество есть структурированное социальное действие, утверждающее моральные устои общества.

Общая социальная эффективность этой модели сообщества неразрывно связана с коммунитарной системой власти. Ее суть в обеспечении универсального равного участия всех граждан в определении полномочий власти – это не мажоритарная власть, следующая правилу большинства, а именно демократическая власть. Данный принцип сближает коммунитаризм с идеями партиципаторной демократии, фундамент которой был заложен еще Ж.-Ж. Руссо. В перспективном понимании коммунитаризма власть – это та власть, которая непосредственно связана с делами данного сообщества. Поэтому А. Этциони постоянно подчеркивает важность социального распределения полномочий:

- местные власти не должны решать задачи семьи;
- национальное правительство не имеет право вмешиваться в дела местных властей;
- рынок не должен решать задачи образования и т. д.

С точки зрения коммунитаризма, это не просто абстрактный механизм, а реальная альтернатива тем ограничениям политического участия, которые существуют в современных демократиях и существенно снижают социальную эффективность власти (коррупция, доминирующее влияние капитала групп интересов, формальное участие и т. д.).

Коммунитаризм предлагает всерьез обратиться к проблеме регенерации публичного пространства. Если большие парки представляют угрозу криминализации, то целесообразно создание зеленых зон в непосредственной близости от мест проживания членов сообщества. Данная проблематика, безусловно, определяет его как новую урбанистическую критику, последовательно рассматривающую угрозы социальности, концентрирующиеся в городской среде.

Суть коммунитаризма – обсуждение и разработка различных аспектов *братства* как состояние общества и общественного идеала. На пути воплощения данного идеала его приверженцы ставят и решают ряд взаимосвязанных проблем:

- тотальная критика современного общества в его капиталистической и социалистической форме, включая все его институты, ценности и отношения (государство, партия, демократия, справедливость, демократическая личность и др.) Все они используются в манипулятивных целях и уводят людей от человеческих добродетелей, составляющих основу счастливой жизни;
- отбрасывание главных политических идеологий современности, поскольку они породили множество непредвиденных последствий на практике. Вообще, вся современная общественная наука (экономика, социология, политология и др.) должна быть заново переписана под углом зрения ошибок и фальсификаций, а не успехов;
- обоснование значимости идеала братства [192, с. 183].

19.2.6.3. Концепция информационного общества

19.2.6.3.1. Понятие концепции

Информационное общество – это новая историческая фаза развития цивилизации, в которой главными продуктами производства являются информация и знания. Отличительными чертами информационного общества являются:

- увеличение роли информации и знаний в жизни общества;
- доминирование доли информационных коммуникаций, продуктов и услуг в валовом внутреннем продукте;
- создание глобального информационного пространства, обеспечивающего эффективное информационное взаимодействие людей; их доступ к мировым информационным ресурсам; удовлетворение их потребностей в информационных продуктах и услугах.

Понятие «информационное общество» сформулировано на Западе в 1980-е гг. в связи с широко развернувшейся *микрорелектронной* революцией. Со временем оно обрело статус одного из самых распространенных и общих названий всех философско-социологических и футурологических концепций стремящихся осмыслить новую социальную реальность, которая начала складываться в 1960-е гг. сначала в США, а затем в странах Западной Европы и Японии.

Употребление этого термина широко распространено на Западе для характеристики современного состояния общественно-экономического развития. Наряду с ним существует и множество других – «постиндустриальное общество» (Д. Белл [12], Дж. К. Гэлбрейт [57]), «посткапиталистическое» или «общество сервисного класса» (Р. Дарендорф [66a]), «программируемое» (А. Турэн [228a]), «научное общество» (М. Понятовский), «супериндустриальное» или «общество третьей волны» (О. Тоффлер [226]), «цивилизация услуг» (Ж. Фурастье), «информационно-компьютерное» (Й. Масуда), «постэкономическое» (П. Дракер).

В информационном обществе возрастает важность высшего образования, экономика вознаграждает познавательные и творческие способности, а также гибкость, индивидуализм и способность к быстрому приспособлению в постоянно меняющихся условиях. Организационные структуры бюрократического типа замещаются подвижными структурами более мелких временных союзов владельцев общей информации, а стиль руководства меняется от управления к лидерству. Знание и информация являются основой организации информационного общества, а также источником инноваций и социального динамизма.

В аграрном обществе источником власти было *принуждение*, в индустриальном – *власть* основывалась на богатстве, а в информационном обществе определяющим фактором осуществления власти становится *знание* как неисчерпаемый, универсальный и демократичный по своей природе капитал. Не собственность, а знания и доступ к информации стратифицируют информационное общество, так что основными факторами статусной дифференциации становятся образование, профессионализм и квалификация. Происходит рассеивание собственности и превращение капитала в акционерную форму, что обеспечивает потенциальную возможность включения в управление фактически каждого. Власть переходит от класса собственников к образованной правящей элите.

В новой ситуации основной социальный конфликт заключается не в противоречии между *трудом и капиталом*, а в столкновении между *знанием и некомпетентностью*. Знания и контроль над информацией означают обладание властью и возможность влияния. В экономической сфере локализация власти смещается из сферы производства в сферу распределения; отсутствие информации лишает возможности участия в принятии решений и организации. Возникают новые формы конфликта – «информационные войны» (Тоффлер [226]). Информация в информационном обществе является основой не только конфликтов, но и социального взаимодействия.

Специфическими чертами информационного общества являются *дестандартизация и демассификация* всех сторон социальной жизни, а также высокий уровень *инновативности* и *ускоренные* темпы социальных изменений. Это означает, с одной стороны, интенсификацию и неустойчивость социальных связей, преобладание «модульных» отношений в сфере межличностного общения (связь устанавливается не с целостной личностью, а только с определенной ее функцией), а с другой – высокую социальную *мобильность* (особенно среди профессионалов и интеллектуалов). В отношении потребления продукции формируется новая установка – культура «вещей одноразового использования».

Общественные и индивидуальные ценностные системы также подвержены быстрой трансформации и носят временный характер. В информационном обще-

стве возникает множество независимых ценностных систем («мозаика»), предлагаемых различными социальными институтами и субкультурами, так что человек сталкивается с проблемой выбора – в стиле потребления, в образовании, в культурной ориентации.

В международном плане сторонники концепции информационного общества выступают за широкую интеграцию между странами и народами. Они предлагают такие правовые формы социального взаимодействия и согласия, как *солидаризм и коммунитаризм* (формирование органических общностей людей). В рамках концепции разрабатывается проект «глобальной электронной цивилизации», создаваемой на основе синтеза телевидения, компьютерной службы и энергетики, т. е. проект «компьютерной революции» [183]

19.2.6.3.2. Электронная демократия

В рамках концепции информационного общества рассматривается установление «электронной демократии». По определению М. С. Вершинина [36], это любая демократическая политическая система, в которой компьютеры и компьютерные сети используются для выполнения важнейших функций демократического процесса, таких как распространение информации и коммуникация, объединение интересов граждан и принятие решений (путем совещания и голосования). Эта организация общества характеризуется процедурой демократического правления (использования прямой или репрезентативной формы) и по степени активности граждан в государстве. Особенностью этой концепции является уверенность в возможности положительного влияния на демократическую политическую систему новых средств коммуникации, таких как интерактивность, быстрые способы передачи информации, возможность связи большого количества пользователей друг с другом, изобилие информации. Во многих западных исследованиях основной целью электронной демократии декларируется повышение уровня политического участия.

Массовое политическое участие – лишь одна из множества ключевых функций политики средствами Интернета. Равными по значимости функциями Сети, способными усилить институты представительной демократии, являются: обеспечение условий для конкуренции партий и соревнования кандидатов, активизация и привлечение гражданского общества, обеспечение прозрачности и повышение ответственности в процессе принятия решений, а также их эффективное доведение от властных структур до граждан. Для переходных (транзитных) обществ (в том числе российского) эти функции, по мнению М. С. Вершинина, даже более важны, чем уровень массового участия.

Выборные электронные технологии могут способствовать повышению явки избирателей, но другие политические права и гражданские свободы сведутся к видимости, если:

- гражданское общество останется слабым и разрозненным;
- представительные институты будут недостаточно объединены и согласованы;
- соревнование между партиями, осуществляемое избирателями посредством реального выбора кандидатов, сведено к минимуму;
- власть поражена коррупцией; будет попирается закон;
- подавляются оппозиционные движения.

На взгляд М. С. Вершинина, предмет изучения (а именно: характер влияния Интернета на демократические институты и процессы) в переходных обществах отличается от общепринятого в США и Западной Европе. Там полагают, что Интернет только усилит демократию, если увеличатся возможности политического участия, такие как: влияние граждан на принятие решений, участие в процессе обсуждения политического курса или электронное голосование (многие теоретики электронной демократии приходят к заключению, что если Интернет слабо способствует выполнению этих функций, то цифровые технологии будут иметь минимальное влияние на демократию или демократизацию). Он не разделяет эту точку зрения. Более приемлем подход (особенно если речь идет о переходных обществах), согласно которому информационные технологии могут усилить институты представительной власти и гражданского общества.

Однако несомненно, что идеи формирования эффективного гражданского общества приобретают с развитием электронных, компьютеро-опосредованных коммуникаций с опережающим развитием горизонтальных связей между избирателями необходимую материальную базу.

Ключевой вопрос при оценке роли информационных технологий для демократии состоит в том, насколько правительства и гражданское общество *научатся использовать возможности*, предоставляемые новыми каналами информации и коммуникации, чтобы продвигать и усиливать базовые представительные институты, объединяющие граждан и государство. Для решения этой задачи возможности, создаваемые посредством новой технологии, достаточно велики. Интернет, как никто другой, способен генерировать информацию, усиливая прозрачность, открытость деятельности властных органов национального и межнационального уровней. А также укреплять каналы интерактивного общения между гражданами и посредническими институтами между властью и обществом. С его помощью можно:

- *предоставить* более подходящие средства для взаимодействия в политических кампаниях партиям меньшинства, чем традиционные СМИ;
- *обеспечить* более широкий доступ к официальным документам, текущим законодательным инициативам и предложениям для журналистов;
- *способствовать* усилению внутренней организации партий и взаимодействия партий между собой.

Наряду с восхищением позитивными моментами электронной демократии, не следует забывать и о «подводных камнях». О таких опасностях, как:

- *манипулирование* данными голосований и выборов из-за отсутствия достаточной защиты данных;
- *разделение* общества на тех, кто владеет информацией, и тех, кто не владеет (цифровое разделение), и, как следствие, ущемление принципа демократии выбора;
- *пропаганда* взглядов преступных и экстремистских группировок и распространение их влияния, особенно на молодое поколение.

19.2.6.3.3. Электронное правительство

Дискуссия об электронной демократии в последние годы, по оценке специалистов, смещается в сторону обсуждения проектов «электронного правительства».

В российском случае электронное правительство означает в первую очередь повышение эффективности механизмов контроля государства над гражданами в сферах сбора налогов, борьбы с преступностью и т. д. В федеральной целевой программе «Электронная Россия на 2002–2010 гг.» под электронной Россией понимаются федеральные и региональные органы власти, министерства и ведомства, комиссии и комитеты.

Западный же подход подразумевает, помимо облегчения коммуникации, усиление контроля граждан над правительством, что связано, в первую очередь, с введением публичных оценочных показателей его деятельности. Таких программ в России нет, и они не разрабатываются. Даже в проекте «Глобальный портал развития», являющийся частью проекта Всемирного банка, реализация идеи электронного правительства проходит через последовательные этапы одностороннего информирования граждан, предоставления сервисов, и лишь затем создание систем взаимодействия граждан и власти.

По мнению М. С. Вершинина [36], реальной проблемой российского государства на ближайшие годы является не создание электронной власти, но формирование информационного дизайна, который бы позволил в будущем успешно бороться с разделением общества и информационными разрывами между центром и регионами. Информационный дизайн включает в себя формирование единого коммуникационного поля государства.

Проекты создания «электронного правительства» поставили вопрос: обязательно ли информационное общество является открытым и гражданским? Такой зависимости нет. Вполне возможно, что информационное общество, насыщенное информатизацией, не будет ни открытым, ни гражданским. Информатизация – не панацея от авторитаризма.

Безусловно, государство заинтересовано насытить информационными технологиями свои службы, чтобы те могли более оперативно и качественно принимать решения. В первую очередь службы с повышенной долей ответственности, а также связанные с осуществлением учета различного вида: материальных ресурсов, физических и юридических лиц, их доходов. Так, автоматизация делает общество прозрачнее для государства. Но в повышении своей активности для общества, государство не заинтересованно. И это таит в себе немалую опасность, особенно в нашей стране, где ответственность власти перед обществом традиционно невелика.

Если информатизация бурно развивается «наверху», не проникая в общество, она лишает граждан возможности следить за деятельностью госструктур, проверять их, а значит, не только не делает государство прозрачнее, но и может усилить монополию государства на информацию. Электронизация «сверху» даст в руки правящей элиты дополнительные возможности манипуляции обществом и отдельным человеком.

Технология может изменить методы регулирования, но не меняет их сути. Информационная открытость не станет прямым следствием оцифровки отношений граждан и государственных институтов и вряд ли приведет к либерализации общественных отношений. Это показывает и опыт Сингапура – страны отнюдь не демократической, однако лидирующей по эффективности использования систем «электронного правительства».

Электронная революция не способна сделать полицейское государство более открытым. Никакой, даже самый замечательный информационно-технологический проект не сможет стать протезом демократии. Напротив, благодаря технологии общество становится все более прозрачным для власти, а значит, более контролируемым. Плохо функционирующее государство отнюдь не станет лучше благодаря электронному правительству. Отсталое общество не перескочит из посттоталитарного в демократическое из-за того, что население получит доступ к тем или иным информационным ресурсам.

Вместе с тем было бы странно обвинять в этом власть, это задача для общества, ибо развитие социума в немалой степени обеспечивается конкуренцией между властью и обществом. И в этом процессе каждая сторона должна решать свои задачи, а не возлагать ответственность за возникшие проблемы на противоположную сторону.

§ 3. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Совокупность всех существующих идеологий составляет идеологический или идейно-политический *спектр* современного общества, а взаимодействие их на политическом пространстве обозначается в политологии понятием «*идеологический дискурс*».

19.3.1. Идеологический дискурс: основные тенденции

Дискурс (фр. *discours* или англ. *discourse*) — социально обусловленная организация системы речи, а также определенные принципы, в соответствии с которыми реальность классифицируется и представляется в те или иные периоды времени. С позиций современных подходов, дискурс — это сложное коммуникативное явление.

С содержательной точки зрения *идеологический дискурс* предполагает множество вариантов взаимодействия: от взаимного дистанцирования идеологий до их объединения и соответствующего синтеза тех или иных идеалов, норм, политических требований и прочих своих элементов. Причем как в мировом или региональном масштабе, так и в рамках отдельно взятой страны могут складываться самые разнообразные и противоречивые тенденции идеологического диалога. Но духовный климат, образовавшийся в государстве, как правило, испытывает влияние более масштабных идейных веяний, свойственных межгосударственным и мировым политическим процессам. Категория «дискурс» шире категории «идеология». Всякая идеология имеет дискурсивный характер, но не всякий дискурс идеологичен.

19.3.1.1. Соперничество демократических и тоталитарных тенденций

Перестроить политическую вселенную на собственных принципах, *повлиять* на умонастроения людей хотят *все* доктрины, строящие свои требования на основании и религиозных, и политических постулатов и ценностей. Исключением не являются:

- увязывающие собственную картину мира с демократическими идеалами – как, например, христианско-демократическая идеология;
- исповедующие фундаменталистские воззрения: ортодоксальный иудаизм, сикхизм, исламский фундаментализм и др.;
- различные лево- и праворадикальные идеологии (например, неотроцкизм и «новые правые»).

Причем, если в социально стабильных странах влияние политических идеологий на общественное сознание по преимуществу снижается, то в государствах, переживающих процесс модернизации, выбора путей дальнейшего развития, эти орудия духовной мобилизации играют все возрастающую роль в борьбе за захват и использование власти.

Современная картина идейно-политической мысли очень мозаична. Выбор людьми идеологии определяется их социальной принадлежностью, мировоззренческими ориентациями, ценностными установками. В западной литературе к наиболее распространенной типологии относится пятизвенная модель: левые – либералы – центр – консерваторы – правые.

Деление на правых, левых и центр сложилось во времена Французской революции (1789–1794), когда левые выступали за радикальные перемены, центр – за умеренную политику, правые – за сохранение существующего порядка. Традиционно основными критериями деления субъектов политики на правых и левых было отношение к равенству, общественным изменениям, методам политических действий. Считалось, что:

- левые – сторонники социального равенства, радикальных общественных изменений, преимущественно насильственных методов политической борьбы, защитники самых обездоленных слоев общества;
- правые – соответственно, противники равенства, резких общественных перемен, защитники привилегированных групп и иерархической организации общества.

Реальные характеристики левых и правых существенно менялись в ходе истории и в зависимости от типа общества [33, с. 175].

Реалии XX в. существенно повлияли на характер идеологического взаимодействия как в мире в целом, так и в отдельных странах. Если вторая половина XIX в., проходившая под знаком интенсивного формирования и развития индустриального общества, несла на себе явный отпечаток идейной конкуренции социалистической и либеральной идеологий, то XX столетие, знаменующее борьбу традиционных и модернизирующихся государств, поменяло и укрупнило акценты идейной дискуссии. Наряду с поощрением самых разнообразных идеологий XX в. провел водороздел между идейными течениями, защищающими идеалы гуманизма, человечности, демократии, и доктринами, оправдывающими насилие, физическое принуждение и террор как основополагающие методы реализации своих целей.

Такое положение предопределило и соответствующую *эволюцию идеологических систем*:

- с одной стороны, сближение и даже синтез определенных положений политических доктрин и философий либерализма, консерватизма, социал-демократии, христианско-демократической идеологии и ряда других учений;

- противостояние им фашистских, экстремистских, шовинистических, расистских и иных аналогичных течений – с другой.

Результатом внутреннего сближения идеологических систем гуманистического направления, в частности на Западе, стало возникновение ряда новых авторитетных идейных течений (неоконсерватизм) или, к примеру, существенное изменение соотношения между традиционно понимаемыми левыми и правыми политическими течениями. Эти ранее разведенные по оконечностям политического спектра позиции и ориентации в настоящее время все более *сближаются и объединяются* по вопросам демократии, признания прав человека в качестве главного критерия политики, защиты моральных и семейных ценностей, утверждения социальной открытости обществ и т. д.

Их различия касаются, по сути, частных вопросов текущей политики и выражаются скорее в разнице предвыборных обещаний, нежели в сфере принципиальных политических вопросов. Такая ситуация однозначно ведет к *снижению остроты идеологического противоборства* и утрате людьми партийно-идеологической идентичности. Например, многие из тех, кто голосует на Западе за те или иные партии, зачастую не считают себя сторонниками провозглашаемых и поддерживаемых ими идеологий [199].

В целом для устойчивых, стабильных государств демократической ориентации сегодня в основном характерна *приглушенность идеологических споров*. Там же, где борьба за выбор направления социально-политического развития продолжается, где различные группы ведут интенсивный диалог за приоритеты национальной политики, там идейное противоборство между идеологиями только обостряется, а внутренняя напряженность такого спора мешает их сближению и внутреннему синтезу.

Сейчас, в начале XXI столетия, весьма трудно провести сколько-нибудь четко очерченные различия между социал-демократическими партиями и партиями других идейно-политических демократических ориентаций. Дело в том, что многие принципы, установки, ценности, нормы политической демократии, которые раньше были полем ожесточенной борьбы между ними, стали общим достоянием. Дискуссионным, спорным остается вопрос о *пределах демократии*. Консерваторы и либералы склонны настаивать на том, что демократия представляет собой сугубо политический феномен и поэтому не должна распространяться на другие, в частности экономическую, сферы. Социал-демократы, наоборот, придерживаются позиции, что демократия, свобода, равенство – величины субстанциональные и поэтому не должны быть ограничены политической сферой. Речь, таким образом, в обоих случаях идет не о самой демократии, а о сферах и пределах ее распространения [106, с. 328].

Сближение и объединение реакционных идеологий способствует *поляризации общества* и нарастанию политической напряженности и в тех странах, где они пользуются соответствующим влиянием, и на международной арене в целом. Особенно ярко это проявляется в фактах политического терроризма.

Экстремистские идеологии провозглашают целью коренное преобразование общества и даже мира насильственными средствами. Политический экстремизм – это приверженность крайним методам, позициям, решениям, взглядам. К экстремистским направлениям в политике относятся, например, фашизм и больше-

визм. В первом случае речь идет об ультраправом экстремизме, во втором – об ультралевом.

В обществе носителями экстремистских настроений, порождающих соответствующие политические идеи, могут быть:

- социальные силы, которым «нечего терять»: реакционная правящая группа, утрачивающая власть и не останавливающаяся поэтому перед крайними методами; деклассированные слои населения, которым близок и понятен лозунг «грабь награбленное», а также маргиналы. *Marginality* (лат.) означает пограничность. Речь идет о таких слоях общества, представители которых в результате неблагоприятных исторических условий утратили привычное им стабильное место в социальной структуре. Это люди, «выбитые» из своей «ячейки» в обществе и не нашедшие другой;
- социальные группы, еще не осознавшие своих подлинных социальных интересов («класс в себе»). Можно вспомнить, какие социальные силы и почему поддерживали в свое время политических экстремистов в России (1917), Китае (1949), Кампучии (1975), на Кубе (1958–1959) и т. д.

В современном мире экстремистские идеологии продолжают существовать и, более того, играют значительную роль в жизни миллионов людей. Например, большую угрозу человечеству представляют исламские фанатики-фундаменталисты, в том числе «братья-мусульмане» на Ближнем Востоке, движение «Талибан» в Афганистане. Речь идет о неблагополучных регионах мира, где сохраняются массовая бедность и социальная нестабильность. Противостояние политическому экстремизму – одна из серьезных проблем глобального масштаба [106, с. 331].

19.3.1.2. Характеристика современного идеологического дискурса

Важным феноменом политической культуры Западного мира является *уживаемость и высокий уровень* согласия по основным политическим и экономическим проблемам, позволяющий создавать коалиционные правительства. Этот важнейший признак политической системы демократического типа именуется **плюрализмом**. В сфере идеологии он проявляется в существовании идейно-политических течений, призванных обосновать позиции конкурирующих и противоборствующих социально-политических сил.

Таких течений множество. Среди них господствующее место занимают либерализм, консерватизм, социал-демократизм, различные формы тоталитаризма и авторитаризма. Это сложные и многоплановые явления, различные вариации которых отличаются друг от друга как внутри отдельных стран, так и, особенно, на международном уровне. Каждое из них представляет комплекс идей, принципов и установок, которые могут лежать в основе программ политических партий и политической стратегии тех или иных социально-политических сил, того или иного правительства либо правительственной коалиции. Вместе с тем они представляют собой нечто большее, а именно типы и формы освоения и понимания социально-политического мира, системы воззрений, установок, ориентации, теорий, доктрин.

В XX в. широкое распространение в идейно-теоретической и политической жизни получил **центризм**. Он представляет собой систему «умеренных» взглядов и

действий и в этом плане занимает промежуточное положение между правым и левым направлениями в политике. Как идейно-политическое течение центризм возник в начале XX в. Сегодня центристские партии существуют во многих странах мира. В современной России центризм стал даже модным образом мыслей и политических действий, особенно в ходе предвыборных кампаний. Роль центра, удерживающего равновесие, играют консервативные и либеральные партии, поэтому в таких условиях даже правые партии и организации националистического, профашистского, религиозно-фундаменталистского толка имеют представительство в парламенте. Лидеры и участники центристских избирательных блоков стремятся привлечь к себе внимание людей своей критикой как правых, так и левых группировок и объединений, пропагандой центристской идеологии как якобы истинно народной. Как правило, центризм чутко реагирует на изменения в потребностях общества и способен быстро смещаться вправо и влево, не упуская из виду свои интересы.

Популизм (от лат. *populus* – народ). Возникновение и развитие этого течения можно условно разделить как бы на два исторических этапа. В конце XIX – начале XX в. оно означало «хождение» в народ, разъяснение широким массам своих идей, направленных на свержение существующей власти и построение нового общества. Примером такого течения является народничество в России в последней трети XIX в. В современных условиях главным содержанием популизма является демагогическая апелляция отдельных политических лидеров к народу для достижения личных целей, удовлетворения собственных политических амбиций. Этот прием особенно широко применяется в ходе избирательных кампаний кандидатами в парламентарии, губернаторы, президенты. Заигрывая с избирателями, популисты стремятся обеспечить себе большинство голосов на выборах, пройти во власть. Они дают много обещаний каждой категории электората в зависимости от того, чего хотят люди услышать от данного кандидата. Он же нередко знает, что его обещания невыполнимы по различным причинам (материальным, духовным и др.), но стремление к власти так велико, что человек не гнушается никакой демагогией и даже откровенной ложью.

Активно популистскими приемами пользуются **радикалы**. **Радикализм** (от лат. *radicalis* – коренной). Он означает решительное, бескомпромиссное осуществление намерений, стремление к коренному изменению существующего положения в том или ином деле. Как идейно-политическое течение радикализм возник в XIX в. и стал теорией и практикой решительных мер по преобразованию общества. Радикальные взгляды появляются, как правило, тогда, когда правящие политические силы данной страны не способны справиться с решением назревших социальных проблем. В этих условиях радикалы предлагают неординарные меры; они привлекают к себе внимание многих людей, их социальная база в такие периоды значительно расширяется.

Политический экстремизм (от лат. *extremus* – крайний) – течение общественно-политической мысли и практики, склонное к крайним мерам в политической деятельности. Для достижения своих политических целей приверженцы экстремизма используют любые средства вплоть до насилия и террора. Их не останавливает возможность человеческих жертв, гибели безвинных людей. Они руководствуются постулатом: «Цель оправдывает средства». В современную эпоху экс-

тремизм проявляется в различных формах. Правый экстремизм – это деятельность неонацистских партий и группировок, националистических организаций. Левый экстремизм опирается на деклассированные элементы, различные группы обездоленных людей и выступает за немедленное устранение существующей власти и введение «нового» общественного порядка, который сразу же «улучшит» жизнь этой части населения. На деле все это оборачивается лишь прикрытием личных целей экстремистских лидеров, рвущихся к политической власти [38].

19.3.1.3. Крах советской системы и традиционного идеологического дискурса

Другой тенденцией идеологического дискурса второй половины XX в. являлся призыв к деидеологизации или заявлению об ее наступлении. Эта тенденция проявилась, в частности в деятельности сторонников *технократического* направления, отрицающих саму способность социальных доктрин определять движение государств и политическое поведение людей. Единственной силой, способной на такое, ими признается только техника. Как считал видный представитель этого направления Х. Шельски [199, с. 127], демократия в обществе становится ненужной из-за увеличивающегося могущества не нуждающейся в узаконении власти техники. Нельзя сказать, что такого рода взгляды получили широкое распространение или существенно влияют на политический рынок. Однако технократические идеи стали неизменными участниками идеологического дискурса, по сути, во всех странах.

Вьетнамская война и «вьетнамский синдром», депрессия 1970-х гг., крах мировой системы социализма, события конца XX в. опровергли эти представления и потребовали их идейного осмысления. Идеология выжила. С 1970-х гг. произошли изменения в механизмах «производства идеологии», ранее находившиеся под контролем партий. Идеология как духовное образование потребовала философского анализа, были созданы интеллектуальные, исследовательские центры для выработки идеологии, которая затем внедряется в сознание людей через клубы, ассоциации, СМИ. Наглядным свидетельством использования «новых идеологических технологий» стали «цветные революции» в Восточной и Южной Европе и странах СНГ.

После крушения «советской империи» мир на долгие годы вступил в эпоху неопределенности, безверия, разочарований и потери иллюзий. Старые боги были развенчаны и низвергнуты с пьедесталов, секулярные идейно-политические конструкции и утопии, равно как и великие религиозные учения прошлых эпох, какими мы их знали на протяжении всего XX столетия, во многом перестали выполнять роль мобилизующих идеалов. Они исчерпали себя, либо потерпели банкротство, либо существенно ослабли.

Развенчание многих радикальных, социалистических и коммунистических утопий XX в. стало свершившимся фактом. Но взамен них не были разработаны и предложены какие-либо масштабные позитивные идеи, которые могли бы выступить в качестве объединяющих и мобилизующих людей идеалов. Проблема состоит в том, что люди перестали верить как реформаторам, так и революционерам. Великие программы, великие табу и великие отказы более не воодушевляют и не вызывают страха. Они становятся недееспособными из-за полного безразличия людей к ним. С крахом идеологического по своей сути советского государства раз-

венчалась и коммунистическая утопия или же, наоборот, с развенчанием утопии обрушилась и империя. Крах марксизма-ленинизма можно рассматривать как одно из важнейших событий конца XX в. Он и связанное с ним признание неудачи советского эксперимента выбили почву из-под большинства социальных учений современного мира. Все без исключения левые идейно-политические течения оказались ввергнутыми в глубочайший кризис.

Дискредитация ленинского мифа лишила всякой актуальности и перспективы миф о социалистической революции и обществе, основанном на принципах всеобщего социального равенства. Несомненно, и то, что этот крах вовсе не есть свидетельство совершенства западного пути общественно-исторического развития и западной модели общественного устройства.

Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что, когда весь не западный мир как будто принимает принципы рыночной экономики и политической демократии, на самом Западе усиливается критика наследия Просвещения и его детищ в лице индивидуализма, прогресса и политической демократии. К тому же Запад не раз давал козырные карты в руки вождей и идеологов обоих вариантов тоталитаризма и различных форм авторитаризма. Проблема состоит также в том, что в целом Запад еще не сумел выдвинуть сколько-нибудь убедительный альтернативный миф или идеологическую систему, способную определить магистральные пути развития человечества в XXI в.

На первый взгляд крах марксизма-ленинизма возвестил об окончательной смерти всякой идеологии. На идеологическом спектре как бы образовалась огромная черная дыра. Это дало повод некоторым псевдопророкам заявить о конце истории и наступлении новой эры прагматического либерализма. Таким образом, под сомнение поставлена сама возможность или правомерность каких бы то ни было идеально-программных, политико-идеологических построений в качестве мобилизующих идеалов.

При подобном положении вещей возникает множество вопросов. Способна ли демократия эффективно ответить на вызовы новых исторических реальностей? Может ли либерализм, консерватизм или какой-либо иной «изм» заполнить тот вакуум, который образовался после очевидной несостоятельности ряда идеологий правого и левого толка? При поиске ответов на эти и другие вопросы необходимо исходить из признания того, что идеологии отнюдь не станут достоянием истории, они сохраняют функции и роль фактора, оказывающего существенное влияние на характер и направления общественно-исторического развития. Идеологии, призванные служить в качестве связующих звеньев человеческих сообществ, не могут исчезнуть, неизбежно появятся новые идеологические конструкции или мифы, которые заполнят образовавшийся вакуум. Вместе с тем они примут иные очертания.

Нынешняя ситуация в данной сфере характеризуется преобладанием импровизации и фрагментарности, отсутствием сколько-нибудь цельных и последовательных теорий и идеологий. Имеет место усиление чувства неопределенности и случайности мировых процессов. Это во многом объясняется тем, что лишённые идеологических оснований в традиционном смысле слова сдвиги глобального масштаба порождены сочетанием множества социальных, экономических, культурных, технологических и иных факторов, различные комбинации которых могут вызывать непредсказуемые ситуации и последствия. Эти последние накладываются

ся на целый комплекс факторов, которые в совокупности способны усиливать конфликтный потенциал как внутри отдельных обществ, так и между различными народами, странами, культурами, конфессиями и т. д. Постиндустриальная трансформация, урбанизация, информатизация, глобализация и экологизация международных отношений, рост грамотности породили специфическую культуру и массы люмпенов физического и умственного труда, оторванных от корней и земли и готовых поддерживать любой миф, обещающий все блага мира.

В то же время динамика секуляризации породила тип человека, для которого главным мотивом деятельности, главным жизненным кредо стало удовлетворение собственных, прежде всего материальных, потребностей и желаний. Это самовлюбленный человек, который, как удачно отметил С. Даннелс, является продуктом развития свободы с некорректируемой ответственностью. Он отрицает все, что ограничивает утверждение личности; восстает против институтов, процессов социализации, обязательств, т. е. против всего того, что составляет саму ткань любого общества.

Ослабление, расшатывание инфраструктуры традиционной базовой культуры имеют своим следствием измельчение, атомизацию, эфемерность ценностей, норм и принципов, определяющих моральные устои людей. В результате понятия «Родина», «Вера», «Семья», «Нация» теряют свой традиционный смысл. Это приводит, с одной стороны, к усилению терпимости и открытости в отношении чуждых культур и нравов, а с другой – к ослаблению чувства приверженности собственным традициям, символам, мифам. Более того, в условиях неуклонной космополитизации и универсализации все более отчетливо прослеживается обострение чувства безродности, отсутствия корней, своего рода вселенского сиротства. Как отмечал немецкий философ М. Хайдеггер [242], «бездомность становится судьбой современного мира».

Немаловажную роль в этом контексте играют СМИ. Проникая во все сферы общественной жизни, они содействуют вульгаризации и заземлению культуры, доведению массовой культуры и различных сменявших друг друга вариаций авангардистского искусства в музыке, театре, кино, литературе и т. д. – до каждой семьи, до каждого человека. Тем самым они способствуют подрыву многих традиционных ценностей, ассоциируемых с буржуазной цивилизацией, таких как этика призвания, бережливость, трудолюбие, и выдвигают на передний план стяжательства, показного потребления, гедонистического образа жизни, вседозволенности, подрывающих основы современной цивилизации.

При таком положении вещей возникает множество вопросов: смогут ли люди, общества, сообщества выжить и действовать в долговременной перспективе? Где найти те идеи или идеалы, которые способны служить в качестве духовных основ новых инфраструктур? Не поисками ли ответов на эти и другие вопросы вызван всплеск новых религиозных движений, засвидетельствованный во всех индустриально развитых странах, и не противоречит ли он процессу секуляризации современного общества? Не оказалась ли перспектива окончательного преодоления религиозной веры в процессе модернизации и связанной с ней секуляризации сознания ложной?

Действительно, на первый взгляд парадоксально выглядит сам феномен «возвращения священного» и «нового религиозного сознания» в секуляризованное об-

шество. Но парадокс ли это? Не переоценили ли исследователи степень секуляризованности общества и ее необратимости? Не является ли «возвращение священного» оборотной стороной секуляризации?

Создается благоприятная почва для формирования и распространения, с одной стороны, всякого рода неонацистских, традиционалистских, фундаменталистских, неототалитарных, неоавторитарных идей, идеалов, устоев, ориентаций, а с другой – универсалистских, космополитических, анархистских, либертариистских, антиорганицистских идей, установок, не признающих дисциплины, ответственности и т. д. При таком положении вещей для многих дезориентированных масс людей национализм, различные формы фундаментализма могут оказаться подходящим, а то и последним прибежищем. Не случайным представляется всплеск так называемых «возрожденческих» движений в исламском и индуистском мире, национализма и сепаратизма почти во всех регионах земного шара [41].

19.3.1.4. Ренессанс национализма

По мнению В. С. Малахова, идеологии *национализма* как таковой не существует. Национализм существует лишь в той или иной форме – либеральной, консервативной, реформистской, реакционной и т. д. Вместе с тем, вычлняя такой объект анализа как «националистический дискурс», мы позволяем себе отвлечься от этого обстоятельства. Националистический дискурс – аналитическая модель, которая дает возможность сопоставить друг с другом различные идеологические конфигурации, а также проследить, из каких элементов эти конфигурации состоят.

Одним из авторов, попытавшихся описать структуру националистического дискурса, был британский философ и историк И. Берлин [19, с. 344]. В числе элементов данной структуры он выделил следующие:

- убеждение в том, что принадлежность нации представляет собой фундаментальную характеристику человеческого существования;
- представление о нации как об организме и о взаимодействии между членами нации как членами единого организма;
- вера в моральный приоритет принципа нации: некоторое действие является хорошим (морально одобряемым) не потому, что соответствует определенному нравственному критерию, а потому, что служит пользе нации, которой принадлежит говорящий;
- выдвижение «нации» в качестве главного основания всех притязаний на власть и авторитет.

Эти положения можно считать базисными элементами националистического дискурса. Они удерживаются, независимо от того, какой перед нами национализм – «освободительный» или «реакционный», «консервативный» или «реформаторский», «гуманистический» или «агрессивный». При этом нельзя забывать, что описанный здесь дискурс – аналитический конструкт и что в «чистом» виде он нигде не встречается. В идеологии действующих политических субъектов можно найти лишь отдельные элементы этого дискурса, включенные в состав достаточно эклектичных и противоречивых конгломератов.

Различные идеологии – это соперничающие (и в то же время и сотрудничающие) друг с другом дискурсы. Например, в идеологии «национал-социализма» –

присутствовали элементы расистского, социал-дарвинистского, оккультистского, романтически-почвеннического, социалистического и националистического дискурсов. В марксизме времен Маркса и Энгельса (не говоря уже о «марксизме-ленизме» советской партноменклатуры) мирно соседствовали гегельянство, утопический социализм, анархизм, квазирелигиозный мессианизм и т. д. В идеологии КПРФ левопопулистский дискурс сочетается с этатистски-консервативным и этно-националистическим [127, с. 73].

Расплывчатость «доктрины» национализма не должна никого удивлять. Для того чтобы понять, что есть та или иная идеология, необходимо исследовать не столько ее концепцию, сколько ее функции, не столько то, из каких элементов она складывается, сколько то, каким целям она служит, каким общественным группам адресована и к какому рода действиям побуждает.

19.3.1.5. Диалектика взаимоотношений между наукой и идеологией

В современном идеологическом дискурсе кроме чисто идеологий всякого рода используются представления, основанные на науке, в том числе политической. Политическая наука и политическая идеология, несомненно, соотносимые явления и понятия. Между ними прослеживаются единство, различия и многостороннее взаимодействие. Поэтому стремление современных ученых представить ясные критерии для различия понятия «идеология», с одной стороны, и понятий «наука» и «мировоззрение» — с другой, выглядит вполне последовательным.

Л. фон Мизес [142] в работе «Человеческое действие» отмечал: «Если мы взглянем на все теоремы и теории, руководящие поведением определенных индивидов и групп как на связный комплекс и попытаемся организовать их насколько это возможно, в систему, т. е. во внятную структуру знания, мы можем говорить о ней как о мировоззрении. Мировоззрение как *теория* является интерпретацией всех вещей. Как *руководство к действию*, оно является мнением относительно наилучших средств для устранения по возможности любого неудобства. Мировоззрение, с одной стороны, представляет собой объяснение всех явлений, а с другой — оно является технологией. Религия, метафизика, философия стремятся обеспечить мировоззрение. Они интерпретируют мир и дают людям совет, как им действовать.

Единство между политической наукой и идеологией состоит в том, что наука и идеология связаны с интересами. Идеи без интереса бесплодны и абстрактны. Но и политическая наука будет чужда жизни, если в ее тайниках не найдется места личному интересу исследователя. Кроме того, идеология может в *определенной* мере быть научной, а значит, она в такой же мере может совпадать с политической наукой. Поэтому бывает трудно провести грань между политической наукой и идеологией. Эта грань смещается то в сторону науки, то в сторону идеологии, иногда наличествует подмена одного другим.

Политическая наука как самостоятельная отрасль гуманитарного знания имеет идеологическое измерение. Любой исследователь подвержен влиянию идеологических пристрастий, споров и дискуссий. Подход исследователя к уяснению и трактовке любого сколько-нибудь значительного политического явления в значительной степени определяется его идеологическими установками и ориентациями. Тут вопрос состоит только в масштабе этой тенденциозности.

Сказанное подтверждается и тем фактом, что большинство западных политологов по своим подходам, установкам, симпатиям и антипатиям характеризуются как либералы, консерваторы, социал-демократы, марксисты и др. В основе такой классификации, несомненно, лежит момент идеологической оценки. Поэтому речь должна идти не о деидеологизации, а об утверждении плюрализма идейно-политических течений, подходов, методологических принципов, их сосуществовании, терпимости друг к другу и открытости в отношениях [193, с. 183].

В повседневной практике идеологию и науку очень трудно отделить, вызвано это как уже говорилось выше, тем, что:

- будучи людьми, ученые имеют склонность мыслить идеологически;
- идеология и наука используют одни и те же понятия, категории концепции («рынок», «буржуазное общество», «социализм» и др.);
- выводы научного знания небезразличны для политиков и общественного мнения, и они пытаются придать *идеологически обусловленным* решениям видимость *научно обоснованных*.

Вместе с тем *различия* между наукой и идеологией глубже и принципиальнее, чем это кажется на первый взгляд. Понятие «идеология» является более узким, чем мировоззрение. Идеологию как ценностную форму сознания не следует смешивать с политической наукой, представляющей *систему знаний*, подтвержденных практикой, опытом. Политическая наука может выполнять *идеологическую функцию*, но для нее главное – поиск истины, открытие объективных закономерностей. Если конкретные факты не соответствуют положениям научной концепции, то последняя пересматривается и изменяется. Идеология чаще всего ориентируется только на те факты, которые ее подтверждают, и игнорирует факты, которые ей противоречат. Она более пристрастна, чем наука, нередко бывает лживой и апологетичной. Поэтому идеология – весьма удобное средство воздействия на умы людей [193, с. 183].

Говоря об идеологии, мы имеем в виду только человеческое действие и общественное сотрудничество и не обращаем внимание на проблемы метафизики, религиозные догмы, естественные науки и выводимые из них технологии. Идеология – это целостность наших учений об индивидуальном поведении и социальных отношениях. И мировоззрение, и идеология *выходят за пределы*, которые навязывает чисто нейтральное и академическое исследование вещей такими, как они есть. Они являются учениями о высших целях, к которым человек, озабоченный земным, должен стремиться [187].

Идеология отличается от науки прежде всего тем, что подчинена иным целям, выполняет иные функции, чем теория. Если основная функция теории – *поиск истины*, то основная функция идеологии – *коллективная мобилизация*, направление активности масс людей в ту или иную сторону. Отсюда проистекает такая особенность всякой идеологии, как подвижность и изменчивость содержания. То, что называлось «либерализмом» в начале XIX в., имеет мало общего с тем, что стали называть этим словом на исходе XX в. Взгляды Э. Бёрка [17; 18] глубоко отличны от взглядов, например, С. Хантингтона [245] или А. Дугина [67а], хотя и то и другое именуется «консерватизмом». Социализм в представлении Прудона [197] – не совсем то, что социализм в представлении Ф. Энгельса [267], и совсем не то, чем он был в представлении М. Цэдзуна.

В отличие от науки, идеология содержит в себе не только объективные знания о происходящих в обществе процессах и явлениях, но и элементы оценки социальной действительности, отношения к ней с точки зрения субъектов политики — носителей данной идеологии. Поэтому в сравнении с научной теорией идеология в большей степени подвержена влиянию тех или иных предубеждений и в меньшей мере обладает свойством эксплицитности, которое состоит в том, что все правила для описания и изучения реальности сформулированы в явном виде, ничто не утаивается, не искажается и не принимается на веру. Отсюда следует, что наряду с подлинными знаниями идеология может нести в себе и ошибочные, искаженные, ложные представления о прошлом и нынешнем состоянии социальной действительности, тенденциях и перспективах ее развития, которые проявляются, например, в формировании разного рода социально-политических мифов и утопий. В этой связи весьма показательны, что К. Маркс и Ф. Энгельс в свое время противопоставляли идеологии науку и характеризовали собственную систему воззрений не как идеологию, а как научную теорию [83, с. 441].

Понятие «научная идеология», причем исключительно по отношению к марксизму, было введено в начале XX в. В. И. Лениным [115]. Однако впоследствии К. Мангейм в своей работе «Идеология и утопия» (1929) [128], поставил под сомнение не только научный характер идеологии марксизма, но и принципиальную возможность существования научной идеологии вообще. Он, опираясь на отдельные марксистские положения о социальной обусловленности идеологии и ее характеристику в качестве иллюзорного сознания, выступил с отрицанием познавательной ценности всякой идеологии как совокупности идей, направленных на сохранение или изменение существующего порядка и поддерживаемых определенной общественной группой. Рациональный методологический подход к конструированию точного смысла и структуры идеологии как социального явления был обоснован А. Грамши [54], Д. Беллом [12], К. Фридрихом [237], Д. Сартори [207], А. Зиновьевым [79] и др.

Манипулятивная техника идеологического воздействия опирается на определенную интеллектуальную базу, систему теоретических построений, которые могут даже претендовать на определенный ценностный статус, включая в себя и научные истины. Тем не менее, главным отличием политической идеологии от сугубо научных построений и даже от ценностно окрашенных политических теорий (с которыми у нее имеется множество точек соприкосновения) являются используемые ею *языковые конструкции*. У идеологии они состоят из расплывчатых, нарочито туманных, как правило, не поддающихся научной проверке терминов типа «пролетарский интернационализм», «свободный рынок», «народный дух», «богоизбранный народ» и т. п.

Данные социальной психологии свидетельствуют о том, что тенденциозность и расплывчатость идеологического языка является фактором усиления воздействия, отвечая свойственной массовым движениям потребности в стереотипных лозунгах, в облеченной в яркую словесную форму догматической символике [187].

Таким образом, политическая наука и политическая идеология имеют разные мировоззренческие и практические цели и сущности:

- наука имеет целью достижение достоверных знаний о мире, идеология — формирование сознания людей и манипулирование их поведением путем воздействия на сознание (А. Зиновьев);

- наука занимается поиском истины, идеология же сосредоточена на идеалах;
- наука создает понимание реальности, а идеология — принципиальное непонимание, лишь принимающее видимость понимания» (А. Зиновьев);
- наука оперирует знанием, а идеология — ценностями;
- наука едина, идеологии многообразны;
- наука все подвергает сомнению, а идеология всегда претендует на истину;
- наука не ставит политических целей и не оправдывает политических действий;
- идеология в отличие от науки не нуждается в проверке истинности своих суждений, поскольку отстаивает цели, ценности, идеалы, сложившиеся у конкретных субъектов;
- идеология пристрастна и предвзята, поскольку выражает интересы какого-либо класса или социальной группы.

В сегодняшней политической реальности, по мнению автора, целесообразно говорить не столько о *противопоставлении*, сколько о *соотношении* науки и идеологии и о степени научности тех или иных идеологических теорий, концепций и основанных на них политических программах.

19.3.2. Основные идеологические направления современной России

В настоящее время в РФ развивается процесс формирования нового идеологического дискурса, соответствующего нынешнему международному статусу государства и политическому сознанию различных социальных групп. Доминируют два разных, но однонаправленных тренда: формирование идеологий социальных групп и восстановление государственной идеологии.

19.3.2.1. Истоки российского идеологического дискурса

Истоки политических идей следует искать в процессе становления, развития и гибели Киевской Руси — первого древнерусского государства, возникшего в результате объединения восточнославянских племен. Идеальным стержнем русской государственности стало христианство в форме православия. Основные каноны православия: не убий, не укради, не блуди и др., предопределили основные черты характера народа. Это: духовность, трудолюбие, коллективность, терпимость, идеологичность и державность. Согласно православным представлениям люди на Земле, соблюдая христианские заповеди, служат всевидящему Богу. Наместником Бога на Земле является царь-государь. Православие ориентировало социум на авторитарную государственную модель. Поэтому распространение и внедрение православных религиозных идей в народные массы направлялось и активно поддерживалось властью имущими.

Отсюда патернализм политической власти и толерантность народа по отношению к ней [193, с. 184].

В древнерусский период российской государственности появились политические идеи и реалии демократического, вернее самоуправленческого толка. Ярким примером был Новгород — вечевая феодальная республика (XIII—XV вв.). Вече —

собрание свободного мужского населения города решало важные вопросы жизни Новгородской земли. Решения принимались большинством голосов. Определенное влияние оказывали религиозные политические идеи. Метрополит новгородский принимал участие в государственной деятельности, имел свой суд, собственную бюрократию и воинские формирования.

Одной из особенностей процесса развития российской политической идеологии являлся ее интернациональный характер. Огромная территория, многонациональный состав народов требовали от государственной власти бережного отношения к социально-экономическим укладам и нравственно-религиозным устоям различных наций и народностей. Разумеется, в истории Российского государства взаимоотношения власти и отдельных народов не всегда были патерналистскими. Политическое сознание и идеология испытывали на себе и воздействие таких факторов, как насильственное присоединение, подавление восстаний, депортация.

Важными вехами на пути формирования политических идей в России стали: отмена крепостного нрава, судебная и земская реформы, которые дали новый импульс развитию российской демократии. Ее самобытность заключалась в сочетании светских и православных идей, возвышении коллективного, общественного над личным, индивидуальным, в смешении монархических и самоуправленческих идей, народности и державности. Глубокий исторический след оставили конституционные проекты декабристов, учитывавшие труды А. Н. Радищева [200а] и М. М. Сперанского [217а], американских и европейских исследователей демократии, дополненные революционно-демократическими идеями А. И. Герцена [46], В. Г. Белинского [11а]. В это же время зародились идеи правового ограничения монархии, построения правового государства, которые в дальнейшем развивались в рамках российского конституционализма. Важный вклад в развитие правовой и политической идеологии XIX–XX вв. внесли русские правоведы либерального направления Б. Чичерин [252], П. Новгородцев [158], Б. Кистяковский [92а], В. Гессен [47а] и др.

Накануне революции 1905 г. в России существовало многоцветье политических течений. Оппозицию самодержавию составили либеральные демократы и революционеры (социал-демократы, эсеры, анархисты). Первая русская революция выявила весь своеобразный смешанный тип политического сознания, в котором стихийный радикализм совмещался с монархизмом. Рабочий класс в значительной мере избавился от этой двойственности в ходе революции, крестьянская же масса должна была пройти более длительный путь. Февральская и Октябрьская революции 1917 г. привели в конечном итоге к становлению моноидеологии — коммунистической.

Коммунистическая идея пришла в Россию с Запада и попала, как оказалось, на благоприятную почву православия, коллективности и державности. По существу, ее постулаты были сходными с канонами православия, только она их выражала в социально-политической и сугубо светской форме. С приходом к власти большевиков религия была заменена идеологией марксизма-ленинизма, бог — социалистическим государством, рай — светлым будущим. Отчасти поэтому коммунистическая идея просуществовала достаточно длительное время и имела массовую поддержку. Однако абсолютно нереальная конечная цель и в особенности формы и средства достижения этой цели, перерождение партийно-идеологической верхушки обрекли ее на неудачу на данном историческом отрезке времени [193, с. 186].

19.3.2.2. Постреволюционная ситуация

Реформы, проводимые в любой стране, требуют идеологического обеспечения. Идеология показывает, во имя кого проводятся реформы, каковы их цели и средства. Если идеология находит широкую поддержку у основной массы населения, то реформы пойдут быстрее, если же нет, реформы растянутся на долгие годы или захлебнутся. Практика показывает, что в стабильной обстановке господствующая идеология признается подавляющим большинством людей, в то время как в переходные периоды истории обостряется борьба различных идеологических течений.

Формирование постреволюционного дискурса характеризуется многообразием политических идеологических устремлений. Прежнее идеологическое единство, основанное на коммунистической идеологии, в современной России сменилось пестрой мозаикой течений, партий, движений, которые пропагандируют различные, часто противоположные, идеалы. Если в самом начале преобразований, в 1991 г., по результатам обследования, 56 % опрошенных хотели бы построить общество по типу «шведского социализма», соединив лучшие черты капитализма и социализма, то после событий августа 1991 г. спектр политических настроений населения резко качнулся вправо — к ценностям либерализма.

После крушения монополии коммунистической идеологии в общественном мнении россиян, казалось, установилось нечто наподобие аллергии относительно идейно-целевых течений. Сложилась ситуация, которую специалисты называли идеологическим вакуумом. Но она продолжалась недолго. Активность новых политических элит, пытавшихся отстаивать интересы вступающих в борьбу за власть групп, а главное — стремление широких слоев населения концептуально оформить свои политические чувства, надежды и разочарования, породили всплеск различных идеологических доктрин. Временное затишье сменилось идеологическим бумом.

Российское общество взяло курс на построение правового социального государства, но в стране не оказалось необходимых для этого:

- экономических (развитый конкурентный рынок) предпосылок;
- социальных (наличие многочисленного среднего класса) предпосылок;
- политических условий (правовое государство, гарантирующее права и свободы личности);
- историко-психологических традиций (наличие традиции суверенитета личности и ее автономности).

Более того, начальный этап реформ, когда происходило усвоение либеральных ценностей, породил возвратные движения, заметно снизил интерес к идеологии либерализма. Дело в том, что декларация ценностей свободы, индивидуализма сопровождалась стремительным ростом нищеты широких масс, нарастанием имущественного неравенства. Не удивительно, что население оказалось не в состоянии усвоить либеральные ценности, привыкнуть к новым стандартам жизни.

Недостаточно адаптированное перенесение на российскую почву западных моделей рыночных преобразований в виде политики монетаризма, невмешательства государства в экономическую и в значительной мере в социальную сферы создало предпосылки для активизации иных настроений. Среди них, консервативных, которые нередко стали выступать в таких вариациях, как монархизм. Кро-

ме того, дискомфорт, который испытало большинство населения, оказавшись в условиях «криминального рынка», вновь востребовал ценности социальной защищенности, справедливости, равенства, поиска форм национальной идентичности.

На вербальном уровне идеологические предпочтения российских граждан делаются, как показали опросы общественного мнения начала XXI в., на четыре основные группы:

- сторонниками продолжения рыночных реформ (демократической либеральной идеологии) считают себя 17,2 % опрошенных;
- идеологии «русских националистов», ищущих самостоятельный «русский путь», – 10,5 %;
- коммунистической идеологии (сторонников социализма) – 14 %;
- идеологии «центризма» (сторонников сочетания различных идей, стремящихся избегать крайностей) – 17,2 %;
- не определились в своей позиции – 41 % опрошенных [155, с. 353].

Самая большая группа – «неопределившиеся» – это та часть избирателей, которая еще ждет идеи, способной противостоять крайним политическим ориентациям – коммунизму и капитализму.

Однако, несмотря на обилие идеологических конструкций в настоящее время доминирующее положение в общественном сознании занимают три идеологических течения: *коммунистическое, либерально-демократическое и национально-патриотическое.*

19.3.2.3. Фундаменталистская доктрина

Фундаменталистское течение опирается на хорошо известные в стране политические ценности и цели и исключает саму возможность развития отношений буржуазного типа. Учитывая же, что реальные социально-экономические и политические процессы в значительной мере связаны именно с такой перспективой развития общества, данное идеологическое течение нередко провоцирует экстремистские требования и формы политического протеста. Коммунистический вариант социалистической идеи поддерживают маргинальные слои, пенсионеры, работники, получающие нищенскую зарплату, безработные, молодежь. Основные же массы отвергают этот вариант, как возврат к тоталитарному прошлому.

Однако в последние годы коммунистическая идеология в нашей стране стала возрождаться, что вызвано тремя основными причинами:

- многие реформы потерпели крупные неудачи, вызвав в обществе негативные последствия и чувство разочарования;
- радикал-реформаторы противопоставили коммунистической идеологии грубый и примитивный антикоммунизм, тем самым озлобляя и активизируя усилия сторонников коммунистических идей;
- реабилитацией в путинской России Сталина и смягчения официальных оценок советского прошлого в области прав человека.

В коммунистической идеологии проявляются две тенденции. Одна из них *ортодоксальная*, требующая не поступаться «принципами». Другая (Г. А. Зюганов) – выражает стремление к *либерализации* этой доктрины, приближение ее к идеалам,

разделяемым социал-демократией. Это находит свое выражение в признании права частной собственности, отказе от воинствующего атеизма, более лояльном отношении к правам человека, провозглашении норм правовой государственности и т. д. Однако и такие модификации, сочетаясь с идеями приоритетного положения общественной собственности, государственного регулирования экономики, сохранения социально-классовых приоритетов, жесткими геополитическими целями и рядом других положений, показывают противоречивость и непоследовательность такой обновленческой тенденции.

Поддержка коммунистического варианта в обществе остается весьма существенной. Результаты прошедших в 2004 г. президентских выборов выявили двухполюсность политических ориентаций: левые – правые. У коммунистического движения в российском обществе достаточно большая социальная база. Она уже не ограничивается «социальными низами», на что и указывали многие аналитики еще до избирательной кампании. Тенденция к ее расширению тесно связана с недостаточной социальной эффективностью реформ. По мере того, как государственная собственность в ходе приватизации становилась собственностью достаточно узкого круга лиц, несобственники из потенциальных сторонников коммунистических идей все больше превращались в их реальных приверженцев. Естественное недовольство «обманутых вкладчиков» как потенциальных собственников также востребовало такие ценности, как справедливость, равенство, социальная защищенность. В ходе социального исследования, проведенного ИСПИ РАН в 2000 г., отвечая на вопрос об идеях, которые могли бы стать основой политики возрождения России, респонденты на первое место поставили идею справедливости (44 %), далее – права человека (37 %) и порядок (36 %). На такую ценность, как мир, указали 33 % опрошенных, что, по-видимому, означает, что 67 % населения готовы поступиться миром ради воцарения справедливости [155].

Существующую тенденцию подтвердили данные голосования 2007 г. по выборам в Государственную Думу. Несмотря на направленный против них административный, финансовый и пропагандистский ресурс, коммунисты без проблем прошли в высший законодательный орган страны. А если учесть, что значительная часть электората, поддержавшего ЛДПР, также недовольна существующим положением дел с левых позиций, то очевидно, что радикальная часть общества составляет не менее трети населения страны.

19.3.2.4. Социал-демократическая идеология

Ряд политиков (например, М. С. Горбачев) полагает, что, хотя марксизм-ленинизм потерпел идейный крах, идеи коммунизма еще долгое время будут жить в народе, и предлагают социалистическую идею (в ее социал-демократическом или посткоммунистическом варианте). Они предлагают ее слегка обновленной применительно к современному процессу реформ, имея в виду в первую очередь социально ориентированную рыночную экономику.

Социал-демократическую идеологию в западном варианте пропагандирует небольшой слой интеллигенции, не имеющий сильного влияния на массы и не имеющий заметных политических лидеров. В итоге по содержанию основные идеи привлекательны, но они активно не пропагандируются и не находят широкой поддержки.

Вместе с тем российская социал-демократия относится к традиционным для нашего общества политическим идеологиям. Определенный потенциал развития по реформистскому пути, по-видимому, был заложен в той части российской социал-демократии, которая была представлена меньшевиками, в особенности Г. В. Плехановым [182], Ю. О. Мартовым [133], А. Н. Потресовым, И. Г. Церетели, Н. С. Чхеидзе и др. Но не сумев добиться внутреннего организационного и идейного единства, пойдя на сотрудничество с Временным правительством в 1917 г., партия меньшевиков в конце концов потеряла свои позиции в обществе и в начале 1920-х годов сошла с политической арены.

В современной России на звание социал-демократических претендует немало организаций. Среди них Социал-демократическая партия России, Российская партия социальной демократии, Республиканская партия Российской Федерации, Крестьянская партия России, Социал-демократический союз, Социалистическая народная партия, «Союз реалистов», «Союз труда», являющийся политической организацией ФНРП, Российский союз молодежи, Партия самоуправления трудящихся, Российская объединенная промышленная партия, «Союз народовластия и труда» и другие. Все эти организации группируются на одном идеологическом пространстве, хотя и отличаются по своим подходам к таким ключевым проблемам, как степень государственного вмешательства в экономику, соотношение государственного, коллективного и частного сектора в многоукладной экономике, частная собственность на землю и др.

Попытки ответить на вопрос, какой должна быть современная российская социал-демократия, делают Г. Х. Попов, А. Н. Яковлев, Н. П. Шмелев и другие видные политики. В конце апреля 2000 г. экс-президент СССР и бывший Генсек КПСС М. С. Горбачев объявил о создании на базе 11 социал-демократических организаций и партий Объединенной российской социал-демократической партии. В конце 2001 г. состоялся объединительный съезд нескольких социал-демократических организаций России.

О высоком потенциале социал-демократии говорит успех партии С. М. Миронова «Справедливая Россия» — члена Социнтерна, с первой попытки прошедшей в декабре 2007 г. в Государственную Думу.

19.3.2.5. Судьба либеральной доктрины в России

Некоторые исследователи и политики продолжают считать, что России нужна идеология *либерализма* с ее опорой на индивидуализм, минимизацию роли государства в экономике и свободный рынок. Отдельные политики предлагают так называемый социал-либеральный вариант политической идеологии и практики. Однако маргинальная роль либерализма в политической жизни России обусловлена тем, что чисто западный вариант либерализма предполагает опору на средний класс, у нас же этот класс пока составляет не более 10–12 % общества, тогда как в США и Великобритании — более 70 %.

С исторической точки зрения российский либерализм можно рассматривать как идейно-интеллектуальную традицию (пик развития пришелся на 50–80-е гг. XIX вв., когда сформировались его социально-философская концепция и политическое кредо). А можно и как форму активности духовной элиты (апогеем считаются 90-е гг. XIX — начало XX вв., когда определилась теоретическая доктрина

партии конституционных демократов) и как социально-политическое движение. Российский либерализм всегда развивался под сильным влиянием либеральных идей Запада, из чего, впрочем, нельзя сделать вывод, что первый является копией второго. Однако либерализм не получил широкого распространения в России, а владел умами лишь тонкого слоя интеллигенции и части высшего чиновничества. После Октябрьской революции 1917 г. таких возможностей у него не стало совсем.

Возрождение либерализма как мировоззрения и политического движения началось лишь в конце 80-х гг. XX в., на закате перестройки. В эти годы либерализм, называвшийся уже «советским либерализмом», получил возможность не только самовыражения, но и институционального и организационного оформления. В результате начали быстро развиваться самые различные формы либерализма:

- духовно-культурный либерализм (свободное распространение философских, религиозных идей и систем, в том числе классического и нового либерализма);
- политический (конституция и политическая система, партии либерального типа);
- экономический (свобода предпринимательства, внутренней и внешней торговли).

Уровень развития либерализма в современной России способствовал не только формированию основных ценностей этой идеологии, но и организации тех сил, которые являются ее носителями, прежде всего партий. Появились и первые либеральные идеологии.

В роли главных субъектов либеральной идеологии в конце XX – начале XXI вв. оформились партия «Демократический выбор России» (Е. Т. Гайдар), объединение «Союз правых сил» (С. В. Кириенко). К числу современных российских либералов относят себя и члены ЛДПР во главе с В. В. Жириновским. С чем, впрочем, не согласны ни отечественные, ни зарубежные либералы. Платформа ЛДПР зиждется на пяти основных идеалах, которые составляют основу либерально-демократической идеологии: либерализме, демократии, справедливости, правопорядке, патриотизме.

Поскольку основные субъекты либеральной идеологии в нашей стране так или иначе относились и относятся к так называемой «партии власти», т. е. принадлежали к правящим силам, постольку речь должна идти не только о теории, но и о практике либерализма в современной России. Практика же эта состояла главным образом в решительном (фактически революционном) сломе прежних систем жизнедеятельности общества и государства и попытках выстроить новые системы либерального типа.

Реальный ход событий показал, что либеральная идеология сегодня не пользуется достаточной популярностью среди широкой российской общественности и зачастую связывается с именами тех, кого общество считает виновником многих нынешних бед России [183].

19.3.2.6. Консервативная идеология

Консервативную идеологию на Западе поддерживают предприниматели и академическая элита. В России слой национальных предпринимателей слишком узок, а в самом консерватизме очень много течений – от монархистов до умеренно правых, которые до конца еще не определились в своих идеологемах.

История российского консерватизма как идейно-политического течения берет свое начало с конца XVIII – начала XIX вв., когда российские правящие круги стали предпринимать различные меры, чтобы оградить страну от влияния идей Великой французской революции. Активными помощниками властей в этом деле были такие популярные и авторитетные деятели того времени, как историк Н. М. Карамзин, поэты Г. Р. Державин и В. А. Жуковский, явившиеся первыми идейными российскими консерваторами.

Особенно сильно влияние консерватизма проявилось после восстания декабристов в 1825 г. Политический курс Николая I, подкрепленный теорией «официальной народности» графа С. С. Уварова, основанный на формуле православие – самодержавие – народность, господствовал вплоть до середины 50-х гг. и поддерживался многими видными учеными и общественными деятелями, в частности профессором истории Московского университета М. П. Погодиным.

С началом реформ Александра II консервативная идеология превратилась из господствующей в идейно-политической жизни в оппозиционную. Несмотря на это, она продолжала успешно развиваться такими учеными и общественными деятелями, как С. С. Гогоцкий, О. М. Новицкий, П. Д. Юркевич, М. Н. Катков. Оригинальный вклад в российский консерватизм внесли писатель Ф. М. Достоевский, философ В. С. Соловьев, представитель позднего славянофильства К. Н. Леонтьев.

Столпом консерватизма второй половины XIX в. был ярый сторонник неограниченного самодержавия К. П. Победоносцев, который играл особую роль в общественно-политической жизни страны, так как был близок к императору и принимал активное участие в подготовке государственных законов и указов царя. Убежденными сторонниками охранительной идеологии и защитниками монархии были также С. Ю. Витте, П. А. Столыпин, Л. А. Тихомиров, В. В. Розанов, И. А. Ильин и др.

В начале XX в. на идейной основе консерватизма стали формироваться различные политические организации, в том числе партии и движения: «Русская монархическая партия», партия «Союз русского народа», «Союз 17 октября», «Русский народный союз Михаила Архангела» и др. Основу их программных документов составляли идеи незыблемости царского самодержавия, частной собственности, упрочения русской нации, неделимость России, пропаганда православной религии. Вскоре после Октябрьской революции 1917 г. они прекратили свое существование, а возрождение консерватизма дооктябрьского типа началось в конце 80-х гг. XX в.

Одним из основных идеологов современного российского консерватизма стал молодой политик, один из лидеров НДР В. А. Рыжков, который сформулировал его в концептуальном плане. В основу своей идеологии нынешние российские консерваторы положили три ценности: свободу, развитие и традиции.

Предлагая обществу новую систему ценностей, консерваторы надеются, что она станет фундаментом для общественного сознания новой России. Эта система, полагает В. А. Рыжков, включает в себя ценности сильного национального государства, свободного гражданского общества, современной рыночной экономики, общества социальной солидарности. Кроме системы ценностей, будущая политика консерваторов будет строиться также на принципах свободы, демократии, верховенства закона.

К числу консерваторов относят себя многие российские политические и общественные деятели: известный ученый-политолог, президент фонда «Политика» В. А. Никонов, политик С. М. Шахрай и др. Семь постулатов консерватизма, которые называет и кратко раскрывает В. А. Никонов, коррелируются с общеизвестными мировыми ценностями консерватизма и неоконсерватизма, о которых речь шла выше, и с теми ценностями, которые предлагает российскому обществу НДР.

То представление об идеологии современного российского консерватизма, которое исповедуется нашими младоконсерваторами, вполне согласуется с тем, которое отстаивает «Консервативное движение» — предвыборный блок, образовавшийся вокруг Консервативной партии России (КПР) во главе с Л. Убожко. В начале апреля 1999 г. вокруг этой партии объединилось около трех десятков партий и движений консервативного толка, заявивших, что они отстаивают следующие ценности: «человек, семья, здоровье, образование, наука, культура, права человека, частная собственность, всяческая поддержка отечественных товаропроизводителей, среднего класса, национальных культурных традиций, законности и порядка». Современные младоконсерваторы, как можно было видеть выше, никак не обозначают свое родство со своими российскими предшественниками, а скорее подчеркивают свое родство с западными сородичами.

Кроме тех сил, которые вступили на консервативную тропу совсем недавно и являются, так сказать, младоконсерваторами, в сегодняшней России действуют и такие консервативные силы, которые называют себя в той или иной мере наследниками консерваторов императорской России. Это: «Консервативное движение России», «Консервативная партия России», «Общероссийский земский союз «Земство», «Российское земское движение» и некоторые другие. В их программные цели входит восстановление консервативных начал российской жизни дооктябрьского периода, в частности, монархического устройства, роли православной церкви и пр.

19.3.2.7. Национал-патриотические и другие идеологии

Всплеск активности *национал-патриотических идеологий*, поставивших в центр своих требований образ Родины, по мнению А. Кара-Мурзы, А. Панарина, И. Пантина, обусловлен сложными процессами развития национального самосознания российского народа и особенно «кризисом национальной идентичности, утратой чувств исторической перспективы и понимания уровня самооценки нации» [90].

По своему идейному и политическому содержанию — это противоречивое и разнообразное течение, собирающее под свои знамена как приверженцев самобытности России и ее культуры, ратующих за их обогащение и развитие в процессе равноправного диалога с иными культурами и цивилизациями, так и сторонников этногегемонизма, направленного против прав иных народов и враждебно настроенных к представителям других национальных групп. Среди них имеются сторонники возрождения страны с помощью христианско-православных идей, возрождения духовности, культуры, традиций России.

Существование наций — это одна из необъяснимых с материалистической точки зрения проблем. Русские, как и все нации вообще, имеют мир своего сокровенного национального «Мы», вход в который открыт далеко не для всякого инопле-

менника-евразийца, даже хорошо знающего язык и обращенного в православие. Ибо национальность, национальное самочувствие, экзистенциальное пребывание в фокусе собственного национального духа — это не одно психологическое переживание, не простая функция языка, а еще эффект комплексного проявления очень глубоких, бессознательных, органически-родовых первооснов человеческого бытия.

Настоящие правые и настоящие левые в России обитают на отшибе, на периферии общественной жизни, в качестве маргинальных групп. И, как и прочие маргинальные группы, они весьма радикальны.

«Низший класс» правых — юные скинхэды. Большинство из них далеки вообще от какой-либо идеологии. Желание помахать кулаками, собравшись в стаю, безнаказанно избить вдесятером одного, примитивная ксенофобия по отношению ко всему, что чем-то отличается от них — цветом кожи, национальностью, внешним видом, интеллектом. В своем большинстве они не входят ни в какую партию, а если входят, то используются ею как «пушечное мясо».

Среди более интеллектуальных наблюдается цветущее многообразие. Из-за коего они никак не могут наладить конструктивное сотрудничество между собой. Во-первых, нет единого врага, такого, каким для нацистов были евреи. Евреев, конечно, не любят практически все крайне правые. Однако многие еще больше не любят негров или кавказцев и прочих мусульман. Поэтому правые радикалы не могут договориться, кого бить в первую очередь.

Разнятся правые и отношением к теперешней российской власти. Некоторые из них до того любили власть и поддерживали Б. Н. Ельцина на выборах 1996 г. (особенно отличился Баркашов). Путина многие из правых радикалов считают «своим», временно маскирующимся. Другие же считают, что как ельцинский, так и путинский режим — режим марионеточный, жидомасонский, антирусский.

В религиозном плане среди правых также полный разброд и шатания. Некоторые из них — атеисты, но не убежденные, как это часто бывает среди левых, а с «пофигистским» уклоном. Им глубоко безразличны все религии и мистические традиции вместе взятые. Другие заявляют о себе как о православных. Жертвуют деньги на храмы. Ориентируются на идеологию «Союза М. Архангела» и прочих черносотенцев. Третьи склоняются к славянскому язычеству, по-разному его осовременивая. Эти в большей степени романтики. Любят «фэнтези», выезжают на природу, часто живут коммунарами, и не всегда воинственны. Но создают и боевые отряды. Четвертые близки к оккультной идеологии Третьего рейха. В их головах смесь представлений древнегерманского язычества, доктора Гербигера, А. Кроули и прочего сатанизма и черной магии.

Поэтому они с трудом находят между собою точки идеологического, эстетического и практического соприкосновения. Слишком уж они разные. Среди правых радикалов наиболее идеологически интересны воззрения А. Дугина. Его геополитические рассуждения: деление всех явлений политики и культуры на «атлантизм» и «евразийство»; борьба с «глобализмом»; отвержение западных демократических ценностей и другое — не оригинальны.

Гораздо любопытнее дугинский романтический мистицизм. Здесь героика саг и былин сплетается с восточными духовными практиками. Слияние с «Абсолютом» интерпретируется как героический акт, как если бы викинг или моджахед за-

нимались высокой йогой и практиковали многосуточную медитацию. Это своеобразная идеология мистического джихада, прорыва в инобытие сквозь войну, с помощью войны, благодаря войне. Здесь фашизированный коллективизм смыкается с анархическим индивидуализмом. В принципе, Дугина и его единомышленников можно отнести как к правым, так и к левым. Об этом говорит сам термин «консервативная революция».

С Дугиным сотрудничали такие люди, как Э. Лимонов и Е. Летов, которых тоже не отнесешь к тому или иному флангу. Это своеобразный «право-левый радикализм». Возможно, это новое идеологическое образование когда-нибудь получит свое оригинальное название. На такой идеологической базе вполне можно объединить многие правые группировки. Мистическая основа позволяет выращивать русских шахидов, темных героев-убийц. Интеллектуализм доктрины — на весьма высоком уровне. Этим учением соблазняются даже молодые интеллектуалы-гуманитарии.

У них пока нет связи с массами. Пока что, Дугин и прочие «страшно далеки» от бритоголовых, устраивающих погромы на окраинах Москвы. И с которыми пока можно справиться. Будучи арестованы, они оправдываются, иногда даже плачут. А вот зомбированные новой доктриной — они будут молчать, смотреть презрительно, идти на смерть, не моргнув глазом. Именно отсюда может вырасти подлинно оригинальный российский фашизм.

Остальные идеологические течения, существующие в нашей стране, малозаметны и невлиятельны или запрещены властями. В силу объективных и субъективных обстоятельств они не имеют массовой поддержки в российском обществе первого десятилетия XXI в. Если феминизм и экологизм в России в той или иной степени имеют своих сторонников (общественно-политическое объединение «Женщины России» однажды даже преодолело 5 % барьер и получило места в Государственной Думе, а экологические движения, несмотря на неудачу в избирательных кампаниях, постоянно заявляют о своем существовании), то коммунизм, как идеология в России практически неизвестен.

19.3.2.8. Поиск государственной идеологии

Как показывает опыт преобразований в обществах с переходными общественными отношениями, одним из важнейших условий стабилизации политической обстановки является выработка долговременной идейно-целевой доктрины, которой руководствуется государство в своей деятельности и которую можно условно назвать *государственной идеологией*.

В условиях тоталитарного общества в бывшем СССР господствовала единая государственная идеология — коммунистическая. После ее крушения в обществе была сделана попытка сформулировать и привить какое-то единое мировоззрение, создать новую государственную идеологию, способную объединить всех людей вокруг определенной либеральной системы ценностей, идей и побудить их к более активной деятельности на пути реформ и модернизации страны, но она не увенчалась успехом.

Являясь составной частью процесса национального самосознания, выработка государственной идеологии обеспечивает интеграцию государства и общества, целостность всей социальной системы. В свою очередь, условием выработки такого

типа идеологии является достижение того минимального *компромисса*, который отразил бы как согласие основных групп общества относительно характера общественного строя и будущих перспектив развития, так и снял бы остроту противоречий между «верхами» и «низами», управляющими и управляемыми. Здесь особая роль принадлежит позиции властей, их способности выражать интересы граждан и выполнять свои обязательства перед ними.

Существенной предпосылкой выработки ценностей государственной идеологии, по мнению А. И. Соловьева, служит сохранение духовного *плюрализма*, возможности различных групп излагать собственное мнение относительно общественных целей и программы действий. (Исключение могут составлять только экстремистские группы и идеологии, перемещаемые на периферию политической жизни.) Однако опыт свидетельствует о том, что труднее всего достигается запрет на идеологическую монополизацию государства, т. е. стремления властей руководствоваться узкогрупповыми идеями, которые жестко и односторонне навязываются населению. Сложная ситуация в обществе складывается и тогда, когда прокламируемые идеалы подменяют ролевые, поведенческие цели и задачи граждан или ведут к преобладанию веры над рациональным и прагматическим отношением к действительности [199, с. 305].

Еще одним условием эффективной выработки государственной идеологии является сохранение исторической преемственности поколений, внимательный учет национальных, исторических и географических особенностей страны, обеспечение атмосферы открытого диалога между странами и цивилизациями, преодолевающего предрассудки и недоверие как к западно-европейскому опыту, так и к нормам и традициям восточного типа.

Логика проведения реформ показывает, что необходимо опираться на высшие достижения каждого идеологического направления. В то же время, пока не сформируются широкие социальные группы, заинтересованные в реформах, ни одна из идеологий не получит достаточной поддержки и распространения в массах. А для этого нужны реальные успехи реформаторов в экономической, социальной, культурной жизни, повышении материального благосостояния всего населения.

Некоторые политики из состава правящей элиты предлагают обществу идеологию экономического подъема. С этим можно согласиться, если иметь в виду синтез лучших идей либерализма, консерватизма и социализма, направленных действительно на решительный подъем экономики и повышение материального благосостояния трудящихся. Во всяком случае, эта платформа использована при выдвижении партиями «Единая Россия», «Справедливая Россия», «Аграрная партия России» и «Гражданская сила» Д. А. Медведева в качестве кандидата на пост президента России

В целом спектр идеологических устремлений в России очень раздроблен, подвижен. Его неустойчивость объясняется в современной России существованием довольно значительных маргинальных групп. Маргиналы — это те, кто в силу разных обстоятельств утратил связи со своей прежней социальной средой, а в новую еще не вписался. К маргиналам относятся сельские жители, приехавшие в город и не нашедшие работы; военные, уволенные в запас, но не имеющие возможности устроиться по специальности, близкой к военной и т. п. Естественно, что маргинальные слои активно поддерживают те политические силы, которые обещают ре-

шить в первую очередь их материальные проблемы. И, тем не менее, процесс кристаллизации идеологических предпочтений в российском обществе набирает силу. Социальная база большинства идеологий, за исключением левых ориентаций, еще только формируется. Это является одной из причин того, что политические партии не уделяют должного внимания идеологической работе среди населения, созданию серьезных оригинальных программ, которые помогали бы отличать их от других партий.

Сегодня оценки происходящего в российском обществе основываются преимущественно на *настроениях*, а не на осознанных каждой личностью, социальной группой *интересах*. Лишь процесс кристаллизации социально-экономических интересов классов, слоев, групп востребует необходимость их выражения в рационально-оценочной форме – в форме идеологии.

С теоретической точки зрения дискурс отмеченных идеологических течений предполагает их определенное сближение и даже синтез отдельных положений. Например, требование коммунистов о движении к бесклассовому обществу вполне сочетается с либеральной идеей изживания социальной дихотомии за счет высокой социальной мобильности индивидов. На практике же, хоть и происходит известное сближение позиций между ними, по ряду политических проблем (например, уважению прав человека, защите национальных интересов и некоторым другим вопросам) все же пока доминирует противостояние, оборачивающееся в ростом политической напряженности и борьбы.

Думские выборы 2007 г. показали наличие в российском обществе весьма широкого социального пласта идеологически индифферентных граждан. Это свидетельствует о том, что необходимое для стабильности общества соотношение различных идеологий в политической жизни России до сих пор еще не установилось и не закрепились окончательно. «Баланс» этих идеологий сможет стабилизироваться при условии более высокой эффективности социально-экономических преобразований в стране [155].

Кроме этих обстоятельств, прогнозируя развитие идеологического дискурса России, следует понимать, что его переходный характер сохранится до очередной смены поколений политических элит. Только люди, родившиеся в современной РФ, как стабильной, экономически и социально развитой стране, смогут создать более однородный идеологический дискурс. В умах наших современников доминирует мотив переходности и неопределенности. Ментальность современного российского общества характеризуется конкурентной борьбой между доктринами советской, постсоветской и грядущей политической эпохи.

В начале XXI в. правящая политическая элита страны в определенной степени определилась с основными элементами государственной идеологии России. В качестве ее основных элементов, как представляется автору, определены:

- «неоимперство» во внешней и внутренней политике;
- «самобытность (суверенность)» в качестве ответа на теории «демократического транзита» и «глобализма»;
- «традиционализм» (приверженность многовековым традициям российской государственности) в пропагандистских схемах внутри страны.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. В чем выражается сущность и понятие политической идеологии?
2. Что включают в себя явление и возникновение политической идеологии?
3. Как вы понимаете соотношение политики и идеологии?
4. Как взаимоотносятся между собой идеология, наука и политические утопии?
5. Охарактеризуйте причины и источники возникновения идеологии.
6. Рассмотрите эволюцию политической идеологии.
7. Назовите этапы внутреннего развития политической идеологии.
8. Назовите этапы исторического развития политической идеологии.
9. Прокомментируйте постсоветский этап развития политической идеологии.
10. Охарактеризуйте роль политической идеологии.
11. Рассмотрите функции политической идеологии.
12. Что понимается под структурой политической идеологии?
13. Рассмотрите уровни политической идеологии.
14. Перечислите элементы структуры политической идеологии.
15. Рассмотрите процесс теоретического осмысления политической идеологии.
16. Назовите классические концепции идеологии.
17. Что понимается под теориями деидеологизации и конвергенции?
18. Прокомментируйте определения идеологии.
19. Назовите основные идеологические течения современного мира.
20. Приведите критерии классификации идеологий.
21. Охарактеризуйте либеральные идеологии.
22. В чем смысл консервативной идеологии?
23. В чем смысл социалистической идеологии?
24. Как вы понимаете роль и развитие идеи социализма в мировой истории?
25. В чем смысл марксистской доктрины?
26. В чем смысл демократического социализма?
27. В чем смысл коммунистической идеологии?
28. В чем заключается главная идея националистических идеологий?
29. Что представляет собой тоталитарный национализм?
30. Что понимается под политическим национализмом?
31. Охарактеризуйте диалектику взаимовлияния политики и религии.
32. Назовите причины и формы роста религиозного влияния на политику.
33. Обоснуйте мировые религии как идеологию.
34. Назовите тоталитарные и экстремистские секты, культы и течения.
35. Охарактеризуйте современные альтернативные идеологические течения.
36. Приведите спектр левых социально-политических теорий.
37. Обоснуйте концепцию информационного общества.
38. Что означает термин «идеологический дискурс»?
39. Как вы понимаете борьбу демократических и тоталитарных тенденций?
40. Назовите характеристики современного идеологического дискурса.
41. Почему состоялся ренессанс национализма?
42. Охарактеризуйте диалектику взаимоотношений между наукой и идеологией.
43. Назовите основные идеологические направления современной России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адорно Т. Исследование тоталитарной личности / Т. Адорно. – М., 2001.
2. Алмонд Г. Гражданская культура и стабильность демократии / Г. Алмонд, С. Верба // Полис. – 1992. – № 4.
3. Алмонд Г. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор / Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, К. Стром. – М. : Аспект-Пресс, 2003.
4. Аристотель. Политика. Афинская полития / Аристотель. – М., 1997.
5. Аристотель. Соч. : в 4 т. / Аристотель. – М. : Мысль, 1975–1983.
8. Арон Р. Этапы развития социологической мысли : пер. с франц. / Р. Арон. – М., 1993.
7. Асмолов А. Г. Личность как предмет психологического исследования / А. Г. Асмолов. – М., 1984.
8. Бабёф Г. Соч. : в 4 т. / Г. Бабёф. – М. : Наука, 1975, 1976, 1977, 1982.
9. Бакунин М. А. Анархия и порядок / предисл. М. А. Тимофеева ; М. А. Бакунин. – М., 2000.
10. Барт Р. Избр. работы / Р. Барт. – М., 1991.
11. Баталов Э. Я. Политическая культура современного американского общества / Э. Я. Баталов. – М., 1990.
- 11а. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. / В. Г. Белинский – М., 1953–1959. – Т. 1–13.
12. Белл Д. Конец идеологии // Новое время. – 1990. – № 27.
13. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства / И. Бентам. – М., 1998.
14. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX в. и начала XX в.; Судьба России / Н. А. Бердяев. – М., 1997.
15. Бердяев Н. А. Смысл истории. Новое средневековье / Н. А. Бердяев. – М., 2000.
16. Бердяев Н. А. Царство духа и царство кесаря / Н. А. Бердяев. – М. : Республика, 1995.
17. Берк Э. Правление, политика и общество : пер. с англ. / Э. Берк. – М., 2001.
18. Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию / пред. Коннора К. О'Брайена ; / Э. Берк. – М., 1993.
19. Берлин И. Философия свободы / И. Берлин. – М. : Нов. лит. обозрение, 2001.
20. Бернштейн Э. Проблемы социализма и задачи социал-демократии // Антология мировой политической мысли / отв. ред. Т. А. Алексеева. – М., 1997. – Т. 2.
21. Бехтерев В. М. Объективная психология / В. М. Бехтерев. – СПб., 1907–1910. – Т. 1–3.
22. Бжезинский З. Великая шахматная доска / З. Бжезинский. – М., 1998.
23. Библер В. С. О Марксе – всерьез (размышления в конце XX века) // Полис. – 1996. – № 1.
24. Библия. Священное Писание Ветхого и Нового Завета. – М., 2000.
25. Бланки О. Избр. произведения / О. Бланки. – М., 1952.
26. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. : пер. с фр. / М. Блок. – 2-е изд. – М. : Наука, 1986.
27. Блумер Г. Коллективное поведение / пер. Д. Водотынского // Американская социологическая мысль. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – С. 90–115.
28. Боднер А. Политическая культура общества и ее обусловленности // Политология вчера и сегодня. – М., 1990.

29. Боуз Д. Либертарианство: История, принципы, политика / Д. Боуз. — Челябинск : Социум, 2004.
30. Бунин И. М. Россия за полгода до выборов: расклад политических сил // Полития. — 1999. — № 2.
31. Бурлацкий Ф. М. Современный Левиафан: Очерки политической теории капитализма / Ф. М. Бурлацкий, А. А. Галкин. — М., 1985.
32. Бэкон Ф. Соч. : в 2 т. / Ф. Бэкон. — 2-е изд., исправл. и доп. — М. : Мысль, 1977—1978.
33. Василик М. А. Политология: Элементарный курс : учеб. пособие для студ. вузов / М. А. Василик, М. С. Вершинин. — М. : Гардарики, 2001.
34. Вебер М. Избр. произведения / М. Вебер. — М., 1990.
35. Вейтлинг В. Гарантии гармонии и свободы / В. Вейтлинг. — М. ; Л., 1962.
36. Вершинин М. С. Политическая коммуникация в информационном обществе: перспективные направления исследований // Актуальные проблемы теории коммуникации : сб. науч. тр. — СПб. : Изд-во СПбГПУ, 2004.
37. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций / Дж. Вико. — СПб., 1995.
38. Воробьев К. А. Политология : учеб. пособие для вузов / К. А. Воробьев. — М. : Академический Проект, 2003.
39. Вятр Е. Социология политических отношений / Е. Вятр. — М., 1979.
40. Гаджиев К. С. Политическая наука : пособие для преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных факультетов / К. С. Гаджиев. — М. : Сорос — Международные отношения, 1994.
41. Гаджиев К. С. Политология (основной курс) : учебник / К. С. Гаджиев. — М. : Высш. образование, 2005.
42. Галкин А. А. Консерватизм в прошлом и настоящем: о социальных корнях консервативной волны / А. А. Галкин, П. Ю. Рахшмир. — М., 1987.
43. Гегель Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель. — М., 1990.
44. Гельвеций К. Об уме // Соч. : в 2 т. / К. Гельвеций. — М., 1974. — Т. 2.
45. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества / И. Г. Гердер. — М., 1977.
46. Герцен А. И. О социализме. Избранное / вступ. ст. В. П. Волгина ; А. И. Герцен. — М., 1974.
47. Герье В. Расцвет западной теократии / В. Герье. — Репринт. издание. — М., 1916.
- 47а. Гессен В. М. Теория конституционного государства / В. М. Гессен. — Репринт. издание. — СПб., 1908.
48. Гоббс Г. Соч. : в 2 т. / Г. Гоббс. — М., 1991.
49. Гобино Ж. А. де Опыт о неравенстве человеческих рас / Ж. А. Гобино. — М. : Одиссей ; ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
50. Гобсон Дж. Империализм : пер. с англ. / Дж. Гобсон. — М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2010. — (Из наследия мировой политологии).
51. Годвин У. О собственности / У. Годвин. — М., 1956.
52. Горелов А. Л. Политология : учебник / А. Л. Горелов. — М. : Эксмо, 2006.
53. Гражданская культура в современной России : науч. докл. / под ред. Е. Б. Шестопал. — М. : Моск. обществ.-науч. фонд. — Вып. 83. — 1999.
54. Грамши А. Избр. соч. / А. Грамши. — М., 1957.
55. Грин Т. Принципы политической обязанности. О социальной роли государства / Т. Грин. — Репринт. изд. — М., 1880.

- 55а. Гринштейн Ф. Личность и политика // Социально-политические науки. – 1991. – № 10. – С. 67–74.
56. Гуревич А. Я. Историческая наука и историческая антропология // Вопр. философии. – 1988. – № 1.
57. Гэлбрейт Дж. К. Какова американская модель на самом деле? Мягкие бюджеты и кейнсианская деволуция // Логос. – 2003. – № 2.
58. Давыдов Ю. Н. Патологичность <состояния постмодерна> // Социологические исследования. – 2001. – № 11.
59. Даль Р. Демократия и ее критики / Р. Даль. – М., 2003.
60. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / Н. Я. Данилевский. – СПб., 1995.
61. Дегтярев А. А. Основы политической теории / А. А. Дегтярев. – М. : Высш. шк., 1998.
62. Дезами Т. Кодекс общности / Т. Дезами. – М., 1956.
- 62а. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках : пер. с лат. и франц. // Соч. : в 2 т. / Р. Декарт. – М. : Мысль, 1989. – Т. 1.
63. Делез Ж. Что такое философия? / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – СПб. : Алетейя, 1998.
- 63а. Деррида Ж. Отобиографии // Ежегодник лаборатории постклассических исследований. – М., 1994.
64. Джефферсон Т. О демократии / Т. Джефферсон. – СПб., 1992.
65. Дилигенский Г. Социально-политическая психология / Г. Дилигенский. – М., 1994.
66. Дилигенский Г. Г. Люди среднего класса / Г. Г. Дилигенский. – М., 2002.
- 66а. Дарендорф Р. От социального государства к цивилизованному сообществу // Полис. – 1993. – № 5.
67. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л., 1972–1990.
- 67а. Дугин А. Г. Консервативная революция / А. Г. Дугин. – М., 1995.
68. Дьюи Дж. Общество и его проблемы / Дж. Дьюи. – М., 2002.
69. Дюверже М. Идея политики. Применение силы (власти) в обществе / М. Дюверже. – М., 1991.
70. Дюверже М. Политические партии : пер. с франц. / М. Дюверже. – М. : Академический Проект. – 2002.
71. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. – М., 1996.
72. Егорова Е. В. США в международных кризисах (политико-психологические аспекты) / Е. В. Егорова. – М., 1988.
73. Ерасов Б. С. Социальная культурология : учеб. пособие / Б. С. Ерасов. – М., 1996.
74. Желтов В. В. Основы политологии / В. В. Желтов. – Ростов н/Д : Феникс, 2004.
75. Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции / Ж. Жорес. – М., 1981.
76. Жувенель Б. Этика перераспределения / Б. Жувенель. – М. : Баком, 1995.
77. Замошкин Ю. А. Личность в современной Америке: опыт анализа ценностных и политических ориентаций / Ю. А. Замошкин. – М., 1980.
78. Здравомыслов А. Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве / А. Г. Здравомыслов. – М., 1997.

79. Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность / А. А. Зиновьев. – М., 1994.
80. Иванчук Н. В. Основы политологии / Н. В. Иванчук, Н. Н. Целищев. – Екатеринбург, 1994.
81. Ильин И. А. О монархии и республике. Из лекций «Понятия монархии и республики» // Собр. соч. : в 10 т. / И. А. Ильин. – М., 1994. – Т. 4.
82. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. – 1997. – № 4.
83. Ирхин Ю. В. Политология : учебник / Ю. В. Ирхин. – М. : Экзамен, 2006.
84. Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли / отв. ред. Т. А. Алексеева. – М., 1997. – С. 630–642. – Т. 2.
85. Каазе М. О политическом действии и не только // Политическая экспертиза. – 2006. – № 4, Т. 2.
86. Кабе Э. Путешествие в Икарию : в 2 т. / Э. Кабе. – М., 1948.
87. Кампанелла Т. Город солнца // Утопический роман XVI–XVII вв. – М., 1971.
88. Канетти Э. Масса // Психология масс : хрестоматия. – Самара, 1998.
89. Кант И. Соч. / И. Кант. – М., 1966. – Т. 1–6.
90. Кара-Мурза А. Духовно-идеологическая ситуация в современной России: перспективы развития / А. Кара-Мурза, А. Панарин, И. Пантин // Полис. – 1995. – № 4.
- 90а. Карнышев А. Д. Очерки социальной психологии / А. Д. Карнышев. – Иркутск : Изд-во ИГУ ; БГУ, 1998.
91. Карнышев А. Д. Психология в политической деятельности : учеб. пособие / А. Д. Карнышев, К. С. Жуков, В. Ф. Шестак. – М. : ИМА-пресс, 2004.
92. Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. – 1990. – № 2.
- 92а. Кистяковский Б. А. Государство и личность // Политология : хрестоматия / под ред. М. А. Василика. – М., 2000.
93. Каутский К. Диктатура пролетариата. От демократии к государственному рабству. Большевизм в тупике / К. Каутский. – М., 2002.
94. Кейзеров Н. М. Политическая и правовая культура. Методологические проблемы / Н. М. Кейзеров. – М., 1983.
95. Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента денег // Антология экономической классики. – М., 1993.
96. Клакхон К. Зеркало для человека: Введение в антологию / К. Клакхон. – М. : Евразия, 1998.
97. Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли / В. О. Ключевский. – М. : Правда, 1990.
- 97а. Кольев А. Н. Политическая мифология: Реализация социального опыта / А. Н. Кольев. – М. : Логос, 2003.
98. Кон И. С. Социология личности / И. С. Кон. – М., 1969.
99. Кондильяк Э. Б. Соч. : в 2 т. / Э. Б. Кондильяк. – М., 1980–1982.
100. Констан Б. О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей // Полис. – 1993. – № 2.
101. Конфуций. Уроки мудрости : Соч. : пер. с древнекит. / Конфуций ; сост., вступ. ст. и коммент. М. А. Блюменкранца. – М. : ЭКСМО-пресс ; Харьков: Фолио, 2000.
102. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 122–139.

103. Кребер А. Л. Избранное: Природа культуры : пер. с англ. / А. Л. Кребер. – М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2004.
104. Кропоткин П. А. Анархия, ее философия, ее идеал : соч. / П. А. Кропоткин. – М., 1999.
105. Кроче Б. Антология сочинений по философии / Б. Кроче. – М. : Пневма, 1999.
106. Кугай А. И. Политическая идеология / А. И. Кугай, Е. М. Прошина // Политология : учеб. пособие / под ред. А. С. Тургаева, А. Е. Хренова. – СПб. : Питер, 2005.
107. Курс политологии : учебник / под ред. А. Г. Грязновой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ИНФРА-М, 2003.
108. Лассаль Ф. О сущности конституции / Ф. Лассаль. – Ростов н/Д., 1905.
109. Лассуэлл Г. Психопатология и политика : монография / Г. Лассуэлл. – М. : РАГС, 2005.
110. Лебон Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. – СПб : Макет, 1995.
111. Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет / Л. Леви-Брюль. – М. : Европейский дом, 2002.
112. Левинсон А. Г. Значимые имена // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. ВЦИОМ. – 1995. – № 2.
113. Лейн Д. Политическая власть и стратификация в советском обществе // Политические процессы в условиях перестройки. – М., 1991. – Вып. 1.
114. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование / А. Лейпхарт. – М., 1997.
115. Ленин В. И. Государство и революция // Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – Т. 33.
116. Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – Т. 41.
117. Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891) / К. Н. Леонтьев. – М., 1996.
- 117а. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – СПб., 1998.
118. Липсет С. М. Сравнительный анализ социальных условий, необходимых для становления демократии / С. М. Липсет, С. Кен-Рюн, Д. Торрес // Междунар. журн. социальных наук. – 1993. – № 3.
119. Локк Дж. Два трактата о (государственном) правлении; О политическом или гражданском обществе // Соч. : в 3 т. / Дж. Локк. – М., 1988. – Т. 3.
120. Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Знание-сила. – 1991. – №1.
121. Лосев А. Д. Диалектика мифа // Из ранних произведений / А. Д. Лосев. – М., 1990.
122. Лоутон А. Организация и управление в государственных учреждениях / А. Лоутон, Э. Роуз. – М., 1993.
- 122а. Лукач Д. Ленин: Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей / Д. Лукач. – М., 1990.
123. Лютер М. Время молчания прошло: Избр. произв. 1520–1526 гг. / М. Лютер ; пер. с нем., историко-биогр. очерк и коммент. Ю. А. Голубкина. – Харьков, 1992.
124. Мабли Г. Избр. произведения / Г. Мабли. – М. ; Л., 1950.
125. Макиавелли И. История Флоренции / И. Макиавелли. – Л., 1973.
126. Макиавелли Н. Государь; Рассуждения о первой декаде Тита Ливия; О военном искусстве / Н. Макиавелли ; предисл., коммент. Е. И. Темнова. – М., 1997.

127. Малахов В. С. Национализм как политическая идеология : учеб. пособие / В. С. Малахов. – М. : КДУ, 2005.
128. Мангейм К. Идеология и утопия : пер. с нем. / К. Мангейм. – М., 1996.
129. Мангейм К. Утопия и утопическое сознание / К. Мангейм. – М. : Прогресс, 1991.
- 129а. Маркович Д. Общая социология / Д. Маркович. – Ростов н/Д., 1993.
130. Маркс К. Нищета философии // Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Т. 5.
131. Маркс К. Немецкая идеология // Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 3.
- 131а. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство или критика критической критики. Против Бруно Бауэра и Ко // Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 2.
132. Маркузе Г. Одномерный человек / Г. Маркузе. – М., 1994.
133. Мартов Ю. О. Записки социал-демократа / Ю. О. Мартов. – М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2004.
- 133а. Матвеев Р. Ф. Теоретическая и практическая политология / Р. Ф. Матвеев. – М., 1993.
134. Матц У. Идеология как детерминанта политики в эпоху модерна / У. Матц, Э. Шиллс // Политические исследования. – 1992. – № 1.
135. Мелье К. Завещание / К. Мелье. – М., 1954.
136. Мельник В. А. Политология : учебник / В. А. Мельник. – Минск, 1999.
137. Ментальность россиян (Специфика сознания больших групп населения России). – М., 1997.
138. Мерриам Ч. Новые аспекты политики // Антология мировой политической мысли / отв. ред. Т. А. Алексеева. – М., 1997. – С. 176–184. – Т. 2.
139. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура // Социологические исследования. – 1992. – № 2, 3, 4.
140. Мертон Р. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль / под ред. В. И. Добренкова. – М., 1994.
141. Местр Ж. де. Рассуждения о Франции / Ж. де Местр. – М., 1997.
142. Мизес Л. фон. Либерализм / Л. фон Мизес. – М., 2001.
143. Милза П. Что такое фашизм? // Полис. – 1995. – № 2. – С. 156–163.
144. Милль Дж. О свободе // О свободе : антология западноевропейской классической либеральной мысли. – М., 1995.
145. Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры : в 3 т. / П. Н. Милюков. – М., 1993–1995.
146. Мирский Г. И. «Политический ислам» и западное общество // Полис. – 2002. – № 1.
147. Михайловский Н. К. Герои и толпа : избр. тр. по социологии : в 2 т. / Н. К. Михайловский. – СПб., 1998.
148. Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Антология мировой политической мысли. Т. 2 / отв. ред. Т. А. Алексеева. – М., 1997. – С. 186–197.
149. Мишин Г. К. Коррупция: понятие, сущность, меры ограничения / Г. К. Мишин. – М., 1991.
150. Монтескье Ш. Л. О духе законов / Ш. Л. Монтескье. – М. : Мысль, 1999.
151. Мор Т. Утопия / Т. Мор. – М., 1978.
152. Морелли. Кодекс природы или истинный дух ее законов / Морелли. – М. ; Л., 1956.

153. Моска Г. Правящий класс // Антология мировой политической мысли. Т. 2 / отв. ред. Т. А. Алексеева. – М., 1997. – С. 118–134.
154. Московичи С. Машина, творящая богов : пер. с фр. / С. Московичи. – М. : Центр психологии и психотерапии: КСП+ , 1998.
155. Мухаев Р. Т. Политология : учебник для студентов вузов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2005.
156. Най Дж. С. (мл.). Транснациональные отношения и мировая политика / Дж. С. Най (мл.), Р. О. Кохэн // Теория международных отношений : хрестоматия / под ред. П. А. Цыганкова. – М. : Гардарики, 2002.
157. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / Ф. Ницше. – М., 1990.
158. Новгородцев П. Об общественном идеале / П. Новгородцев. – М., 1992.
159. Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. – Минск : Изд. В. М. Скакун, 1998.
160. Олсон М. Логика коллективных действий: общественные блага и теория групп / М. Олсон. – М., 1995.
161. Ольшанский Д. В. Массовые настроения в политике / Д. В. Ольшанский. – М., 1995.
162. Орнатская Л. А. Культура и цивилизация (в курсе лекций «Введение в культурологию») : курс лекций / Л. А. Орнатская ; под ред. Ю. А. Солонина, Е. Г. Соколова. – СПб., 2003. – С. 34–43.
163. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Избр. тр. / Х. М. Ортега-и-Гассет, 1997.
164. Оруэлл Дж. 1984 / Дж. Оруэлл. – М., 1989.
165. Основы политологии / под ред. А. М. Боднара. – М., 1997
166. Оуэн Ф. Избр. соч. / Ф. Оуэн. – Т. 1–2. – М. ; Л., 1950.
167. Павлов И. П. Полн. собр. соч. / И. П. Павлов. – М. ; Л., 1951. – Т. 1–5.
168. Пай Л. Логика и политическое знание / Л. Пай. – Л., 1970
169. Пайпс Р. Русский консерватизм во второй половине девятнадцатого века // XIII Конгресс исторических наук : доклады. – М., 1970.
170. Панарин А. С. Политология : учебник / А. С. Панарин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ТК Велби, 2003.
171. Паренти М. Демократия для немногих / М. Паренти. – М., 1990.
172. Парето В. Компендиум по общей социологии // Антология мировой политической мысли. Т. 2 / отв. ред. Т. А. Алексеева. – М., 1997. – С. 59–78.
173. Парсонс Р. Понятие общества. Компоненты и их взаимоотношения // Социология. – 1993. – № 3–4.
174. Парыгин Б. Д. Социальная психология / Б. Д. Парыгин. – СПб. : СПбГУП, 2003.
175. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии : пер. с англ. / Р. Патнэм. – М. : Ad Marginem, 1996.
176. Пейн Т. Избр. произведения / Т. Пейн. – М., 1959.
177. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л. И. Петражицкий. – СПб., 2000.
178. Петренко В. Ф. Семантическое пространство политических партий / В. Ф. Петренко, О. В. Митина // Психол. журн. – 1991. – Т. 12. – № 6.
179. Петровский А. В. История и теория психологии : в 2 т. / А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский. – Ростов н/Д, 1996.
180. Пиаже Ж. Избр. психол. тр. / Ж. Пиаже. – М., 1994.

181. Платон. Государство. Законы. Политик / Платон ; предисл. Е. И. Темнова. – М., 1998.
182. Плеханов Г. В. Избр. философские произведения : в 5 т. / Г. В. Плеханов. – М., 1956–1958.
183. Плешаков А. П. Основы политологии : курс лекций для студентов юрид. специальностей / А. П. Плешаков. – М., 2004.
- 183а. Политическая культура общества и ее обусловленность // Мир политики. Оценки и суждения западных политологов. – М., 1992.
184. Политическая наука: новые направления. – М. : Вече, 1999.
185. Политическая социология / отв. ред. В. Н. Иванов, Г. Ю. Семигин. – М. : Мысль, 2000.
186. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа / под ред. Е. Ю. Мелешкиной. – М. : Весь мир, 2001.
187. Политология : учебник / под ред. М. А. Василика. – М. : Гардарики, 2004.
188. Политология : учеб. пособие для студентов вузов / под ред. проф. В. Н. Власова. – Ростов н/Д. : МарТ, 2002.
189. Политология : учеб. пособие / под ред. А. С. Тургаева, А. Е. Хренова. – СПб. : Питер, 2005.
190. Политология : курс лекций : учеб. пособие для вузов / А. Д. Бырышев [и др.]. – М. : Экзамен, 2005.
191. Политология : энцикл. слов. – М., 1993.
192. Политология : учебник / под ред. В. И. Буренко, В. В. Журавлева. – М. : Экзамен, 2005.
193. Политология : учебник для вузов / отв. ред. В. Д. Перевалов. – М. : НОРМА, 2003.
194. Поппер К. Нищета историцизма / К. Поппер. – М., 1993.
195. Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история / Б. Ф. Поршнев. – М., 1979.
196. Процесс формирования и осуществления внешней политики капиталистических государств / отв. ред. В. И. Гантман. – М., 1981.
197. Прудон П. Ж. Что такое собственность? / П. Ж. Прудон. – М., 1998.
198. Пугачев В. П. Политология / Пугачев В. П. – М. : СЛОВО ; Эксмо, 2004.
199. Пугачев В. П. Введение в политологию : учебник для студентов вузов / В. П. Пугачев, А. И. Соловьев. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Аспект Пресс, 2003.
200. Пуланзас Н. Политическая власть и социальные классы капиталистического государства // Антология мировой политической мысли. Т. 2 / отв. ред. Т. А. Алексеева. – М., 1997.
- 200а. Радищев А. Н. Полн. собр. соч. : в 2 т. / А. Н. Радищев. – М., 1967.
- 200б. Розенберг А. Миф XX века / А. Розенберг. – Таллин, 1998.
- 200в. Рорти Р. Обретая нашу страну: политика левых в Америке XX века / Р. Рорти. – М., 1999.
201. Роулс Дж. Теория справедливости / Дж. Роулс. – Новосибирск, 1996.
202. Рошин С. К. Психологические проблемы политического развития личности // Психол. журн. – Т. 5. – 1984. – № 2. – С. 41–53 ; № 3. – С. 80–95.
203. Рукавишников В. О. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения / В. О. Рукавишников, Л. Халман, П. Эстер. – М., 1998. – С. 191–192.
204. Руссо Ж.-Ж. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо. – М., 1990.

205. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / под ред. В. А. Ядова. – Л. : Наука, 1979.
206. Санистебан Л. С. Основы политической науки / Л. С. Санистебан. – М., 1992.
207. Сартори Д. Пересматривая теорию демократии // Антология мировой политической мысли. Т. 2 / отв. ред. Т. А. Алексеева. – М., 1997. – С. 713–729.
208. Сен-Симон А. Избр. соч. : в 2 т. / А. Сен-Симон. – М. ; Л., 1958.
209. Сигеле С. Преступная толпа: опыт коллективной психологии / С. Сигеле. – М., 1993.
210. Скотт Д. Благими намерениями государства / Д. Скотт. – М. : Университет. кн., 2005.
211. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – М., 1993.
212. Соловьев В. С. Избранное / В. С. Соловьев. – М., 1990.
213. Соловьев А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии : учебник для студентов вузов / А. И. Соловьев. – М. : Аспект Пресс, 2003.
214. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин. – М., 1992.
215. Сорокин П. А. Общедоступный учебник по социологии. Статьи разных лет / П. А. Сорокин. – М., 1994.
216. Социальная психология / под ред. Ю. М. Шерковина, П. М. Предвечного. – М., 1976.
217. Спенсер Г. Синтетическая философия / Г. Спенсер. – Киев, 1997.
- 217а. Сперанский М. М. Проекты и записки / М. М. Сперанский. – М. ; Л., 1961.
218. Стародубский Б. А. Общая политология / Б. А. Стародубский, Е. Р. Кафель. – Екатеринбург, 1996.
219. Старостин Б. С. Актуальные проблемы современной индийской философии : доклад на научной конференции в рамках «Дней Индии в МГИМО» / Б. С. Старостин. – М., 2000.
220. Струве П. Б. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм / П. Б. Струве. – М., 1997.
221. Суслов А. Права человека и поиск новой российской идентичности // Карта. – 2002. – № 34–35.
222. Такер Р. Политическая культура и лидерство в Советской России. От Ленина до Горбачева (главы из книги) // США: экономика, идеология, политика. – 1990. – № 1, 2, 6, 9.
223. Тард Г. Социальная логика / Г. Тард. – СПб. : Социально-психол. центр, 1996.
224. Тихомиров Ю. Государство на рубеже столетий // Государство и право. – 1997. – № 2.
224. Тойнби А. Постигание истории / А. Тойнби. – М., 1991.
225. Токвиль А. де. Демократия в Америке : пер. с франц. / А. де. Токвиль. – М., 2000.
226. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М., 1999.
227. Троцкий Л. Д. К истории русской революции / Л. Д. Троцкий. – М., 1990.
228. Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык / Н. С. Трубецкой. – М, 1995.
- 228а. Турэн А. Возвращение человека действующего. Очерки социологии / А. Турэн. – М. : Науч. мир, 1998.
229. Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки // Психол. исследование. – М., 1966.
230. Уледов А. К. Структура общественного сознания / А. К. Уледов. – М. : Мысль, 1968.

231. Уотсон Дж. Психология как наука о поведении / Дж. Уотсон. – М., 1926.
232. Философская и социологическая мысль. – 1990. – № 2.
- 232а. Февр Л. Бои за историю / Л. Февр. – М., 1991.
233. Фихте И. Г. Соч. : в 2 т. / И. Г. Фихте. – СПб., 1993.
234. Фофанов В. П. Социальная деятельность как система / В. П. Фофанов. – Новосибирск, 1981.
235. Фрейд З. Труды разных лет / З. Фрейд. – Тбилиси, 1991.
236. Фрейд З. Томас Вудро Вильсон, 28-й президент США. Психологическое исследование / З. Фрейд, У. Буллит. – М., 1999.
237. Фридрих К. Тоталитарная диктатура и автократия (реферат) / К. Фридрих, З. Бжезинский // Тоталитаризм: что это такое (Исследования зарубежных политологов. Ч. 2 / отв. ред. Л. Н. Верченев, Ю. И. Грицкий. – М., 1993.
238. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – М., 1994.
239. Фромм Э. Психоанализ и культура / Э. Фромм. – М. : Юрист, 1995.
- 239а. Фурье Ш. Избр. соч. : в 4 т. / Ш. Фурье. – М. ; Л., 1951–1954.
240. Фукуяма Ф. Конец истории / Ф. Фукуяма. – М., 1993.
241. Хабермас Ю. Вовлечение другого: Очерки политической теории / Ю. Хабермас. – СПб., 2001.
242. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М. : Ad Marginem, 1998.
243. Хайек Ф. Дорога к рабству / Ф. Хайек. – М., 1992.
244. Халипов В. Ф. Кратология – наука о власти: Концепция / В. Ф. Халипов. – М. : Экономика, 2002.
245. Хантингтон С. Третья волна: Демократия на исходе века / С. Хантингтон. – М., 2003.
246. Херманн М. Г. Составные части лидерства // Мир политики: суждения и оценки западных политологов. – М., 1992.
247. Хренов А. Е. Политическая культура // Политология : учеб. пособие / под ред. А. С. Тургаева, А. Е. Хренова. – СПб. : Питер, 2005.
248. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. – М., 1984.
249. Чалидзе В. Иерархический человек / В. Чалидзе. – М., 1991.
250. Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч. : в 3 т. / Н. Г. Чернышевский. – М., 1950–1951.
251. Чешков М. А. Феномен этатизма (Мировые и локальные измерения) // Политические исследования. – 1996. – № 2.
252. Чичерин Б. Н. О народном представительстве // Антология мировой политической мысли. Т. 4 / отв. ред. Б. И. Бессонов. – М., 1997.
253. Чулков Г. Императоры. Психологические портреты / Г. Чулков. – М., 1991.
254. Шапиро И. Три способа быть демократом // Полис. – 1992. – № 1–2.
255. Шаран П. Сравнительная политология : в 2 ч. / П. Шаран. – М., 1992.
256. Шатобриан Ф. Р. Замогильные записки / Ф. Р. Шатобриан. – М., 1995.
257. Шестопал Е. Образ власти в России // Полис. – 1995. – № 4. – С. 90.
258. Шестопал Е. Очерки политической психологии / Е. Шестопал. – М., 1990.
259. Шестопал Е. Б. Психологический профиль российской политики 1990-х. Теоретические и прикладные проблемы политической психологии / Е. Б. Шестопал. – М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2000.
260. Шиллс Э. Идеология как детерминанта политики в эпоху модерна Э. Шиллс, У. Матц // Полис. – 1992. – № 2.

261. Шиндеров Б. В. Основы политологии / Б. В. Шиндеров, И. Р. Байрак, А. Г. Сапрыкин. – Киев, 1992.
262. Шмитт К. Понятие политического // Антология мировой политической мысли. Т. 2 / отв. ред. Т. А. Алексеева. – М., 1997. – С. 291–309.
263. Шпенглер О. Закат Европы : в 2 т. / О. Шпенглер. – М., 1998.
264. Штирнер М. Единственный и его собственность / М. Штирнер. – Харьков, 1994.
265. Экимов А. И. Политические интересы и юридическая наука // Государство и право. – 1996. – № 12.
266. Элазар Д. Что такое федерализм. // Федерализм и региональная политика: проблемы России и зарубежный опыт. – Новосибирск, 1996. – Вып. 3.
267. Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 19.
268. Эткинд А. Эрос невозможного. История психоанализа в России / А. Эткинд. – СПб., 1993.
- 268а. Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям : пер. с англ. / А. Этциони. – М. : Ладомир, 2004.
269. Юм Д. Трактат о человеческой природе : в 2 т. / Д. Юм. – М., 1995.
270. Юнг К. Архетип и символ / К. Юнг. – М., 1991.
271. Юрьев А. И. Введение в политическую психологию / А. И. Юрьев. – СПб., 1992.

Раздел 7

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИКИ



Глава 20

ГУМАНИЗМ ПОЛИТИКИ

В сфере, где человек занимает центральное место, нельзя игнорировать то, что обозначается понятием «человеческое измерение». Политика представляет собой результат волевых усилий людей, ставящих перед собой определенные цели, руководствуясь при этом сложившимися у них мировоззренческими установками, нормами поведения, пониманием важнейших аспектов взаимоотношений человека со своей социальной средой. Там, где речь идет о понимании и толковании человека, человеческих целей, непременно присутствует ценностное начало. Оно тесно связано с такими ключевыми категориями человеческой жизни, как добро и зло, сущее и должное, достойное и недостойное, справедливость и несправедливость и т. д.

Изучение политики служит не только абстрактно-познавательной задаче — получению адекватных знаний об этой сфере, обеспечению понимания сути политических процессов, расширению интеллектуального кругозора личности. В современном демократическом обществе оно подчинено решению более грандиозной, надперсональной задачи — приданию политике гуманистической ориентации, использованию ее в интересах личности, общества и всего человечества.

§ 1. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ГУМАНИЗМА

Наиболее полно и ярко служение политики и любой другой общественной деятельности личности, обществу и всему человечеству, по мнению ряда исследователей [115], отражает принцип гуманизма. Он предполагает отношение к человеку как к высшей ценности, уважение достоинства каждой личности, ее права на жизнь, свободное развитие, реализацию своих способностей и стремления к счастью. Гуманизм требует признания всех основополагающих прав человека и утверждает благо личности как высший критерий оценки любой общественной деятельности.

Это универсальный, планетарный принцип. Он не разделяет людей по национальному, классовому, религиозному, кровнородственному или другому подобному принципу и требует равно уважительного отношения к любому представителю человеческого рода, а также оказания помощи слабым или страдающим от бедствий людям, например беженцам, голодающим.

20.1.1. Становление концепции гражданского гуманизма

Гуманизм как мировоззренческий принцип осмыслился и получил свои первые понятийные выражения у истоков западной цивилизации, сделавшей его основой своей ценностной системы. С самого начала Протагор [106] придал ему

фундаментально определительное значение: «человек есть мера всех вещей — существующих — в том, что они существуют, не существующих — в том, что они не существуют».

Гуманизм (от лат. *humanus* — человеческий) — идейное и мировоззренческое течение, возникшее в европейских странах в эпоху Возрождения (XIV — первая половина XVII вв.) и ставшее идеологией Возрождения. В центре гуманизма стоит человек. Востребованность идей гуманизма была обусловлена внутренними потребностями европейского общества. Возникающая секуляризация жизни Европы способствовала признанию ценности земного бытия, осознанию значимости человека как существа не только духовного, но и телесного, важности его физического существования. Разрушение средневековых корпоративных структур в обществе в результате сдвигов в экономике и социальной жизни привело к выделению в сфере производства, политической жизни, культуры личностей **нового типа**, действовавших самостоятельно и независимо, не опиравшихся на привычные связи и нравственные нормы и нуждавшихся в выработке новых. Отсюда интерес к человеку как к личности и как к индивиду, его месту в обществе и в божественном мироздании.

Идеи и учение гуманизма разрабатывали люди, вышедшие из разных социальных кругов (городских, церковных, феодальных) и представлявшие различные профессии (школьные учителя и университетские преподаватели, секретари папской курии, королевские канцлеры и канцлеры городских республик и синьорий). Своей деятельностью они разрушали средневековый корпоративный принцип организации общественной жизни, являли собой новое духовное единство — гуманистическую интеллигенцию, объединенную общностью целей и задач. **Гуманисты** провозглашали идею самоутверждения и разрабатывали концепции и учения, в которых была высока роль нравственного совершенствования, созидательной и преобразовательной силы знания и культуры.

Родиной гуманизма стала Италия. Особенностью ее развития был полицентризм, наличие в стране большого числа городов с уровнем производства, торговли и финансов, далеко превосходившим средневековой, с высоким качеством образования. В городах появились «новые люди» — энергичные и предприимчивые деятели в основном из торгово-ремесленной среды, которым было тесно в рамках корпораций и средневековых норм жизни и которые по-новому ощущали свою связь с миром, обществом и другими людьми. Новый социально-психологический климат находил в городах более широкую сферу распространения, чем породившая его среда. К «новым людям» относились и гуманисты, преобразовывавшие социально-психологические импульсы на более высоком теоретическом уровне сознания в учения и теории. «Новыми людьми» были и утверждавшиеся в итальянских городах правители-синьоры, часто происходившие из неблагородных семей, из бастардов, из кондотьеров безродного происхождения, но заинтересованные в утверждении человека в обществе по его делам, а не родовитости. В этой среде труд гуманистов был востребован в высшей степени, о чем свидетельствует культурная политика правителей из династий _Медичи, Эсте, Монтефельтро, Гонзага, Сфорца и др.

Сам термин «Возрождение» (от французского *renaissance* — возрождение, Ренессанс) появился в XIX в. Смысл данного термина обусловлен тем, что в

XIV–XVI вв., во-первых, произошло возрождение огромного интереса к античной культуре: к античной философии, к античным религиозно-мистическим учениям, к античной литературе и изобразительному искусству.

Во-вторых, в этот период зародилась новая культура самих западноевропейских народов, противоположная традиционной христианской культуре Средних веков. По мнению С. В. Перевезенцева [103], родилась культура, противоположная традиционной христианской культуре.

Новое миропонимание заключалось, прежде всего, в том, что мыслители эпохи Возрождения совершенно иначе, нежели христианские теологи, отнеслись к проблеме человека. В традиционном христианском понимании человек – это греховное существо, обязанное всей своей временной земной жизнью доказать право на жизнь вечную, но не материальную, а духовную. Поэтому человек должен все свои помыслы посвятить лишь одному – любви к Богу, ибо именно Бог является центром и целью всякого мышления и действия.

С конца XIII – начала XIV вв. сущность человеческой личности начинает пониматься совершенно иначе. На смену христианскому *теоцентризму* приходит возрожденческий *антропоцентризм*, когда человек, проблемы личности становятся центром и целью всякого познания, мышления в целом. Уже Данте Алигьери (1265–1321) в своей знаменитой «Комедии» [42], названной позднее «Божественной», писал, что из всех проявлений Божественной мудрости, человек – величайшее чудо. В дальнейшем отношение к человеку, как к некому чуду, даже как к центру Вселенной вообще, сохраняется и становится определяющим. Поэтому своеобразным девизом, символом эпохи Возрождения можно считать слова, подчерпнутые мыслителями этого времени в мистических произведениях поздней античности (в частности, в сочинениях, приписываемых Гермесу Трисмегисту) и ставшие крайне популярными в XIV–XVI вв. – «Чудо великое есть человек».

Человек в эпоху Возрождения воспринимался во всей его целостности – материальная природа человека интересовала мыслителей той поры не меньше чем его духовные качества. Наиболее ярко внимание к человеческому телу проявилось в искусстве Ренессанса. Возрождение интереса к красоте человеческого тела, опора на античные идеалы и пропорции человеческого тела – одна из характерных черт произведений искусства того времени. Подобный подход к изображению человека резко контрастировал с предшествующими тенденциями средневекового художественного творчества.

Новое понимание проблемы человека сказалось и на новом понимании проблемы Бога мыслителями Ренессанса. Вместе с антропоцентризмом на смену теоцентризму приходит *пантеизм*, философское учение, которое признает слияние Бога с природой, когда Бог воспринимается не как всемогущая личность, а как некая сверхъестественная, существующая во всех природных объектах сила. По сути дела, мыслители-пантеисты уже обожествляли саму природу, считая, что Божественная сила как бы разлита в природе, в том числе присутствует и в самом человеке.

Подобное отношение к идее Бога сказывалось и на отношении к церкви. Конечно, гуманисты не были атеистами, т. е. не отрицали необходимость веры. Однако многие из них критически относились к церкви, считая, что официальная римско-католическая церковь неправильно трактует понятие Бога и, следовательно, ведет всех верующих людей по ложному пути. Поэтому для эпохи Возрожде-

ния характерны в большей степени антиклерикальные настроения, проявившиеся во многих произведениях XIV–XVI вв. Например, знаменитый «Декамерон» Д. Боккаччо [19] наполнен сатирическим изображением образа жизни монахов, священников и церковных деятелей вообще.

Новое понимание идеи Бога, критическое отношение к официальной церкви обусловило то, что в эпоху Ренессанса началась резкая критика официального католического вероучения. Именно в это время принципы и методы познания античной философии возводятся гуманистами в абсолют, а научное знание начинает приравниваться к религии.

По убеждению гуманистов, наука должна была стать основанием новой религии. С этой целью гуманисты обратили внимание на таинственные способы познания — магию и мистику, в которых они видели важнейшие средства постижения Божественных истин. Магию и мистику они считали чуть ли не высшими формами научного знания. Поэтому возрождение интереса к античной культуре сопровождалось и возникновением интереса к античным религиозно-мистическим учениям. Само определение человека как «великого чуда», уже несет в себе мистическое содержание, ибо чудо невозможно познать, а необходимо принять таким, как оно есть.

Идейными и культурными источниками гуманизма были античная культура, раннехристианское наследие и средневековые сочинения; удельный вес каждого из этих источников в разных европейских странах был различен. В отличие от Италии, другие европейские страны не имели своего античного наследия, и потому европейские гуманисты этих стран шире, чем итальянцы, заимствовали материал из своей средневековой истории. Но постоянные связи с Италией, обучение там гуманистов из других европейских стран, переводы античных текстов, книгоиздательская деятельность способствовали знакомству с античностью других областей Европы. Развитие реформационного движения в европейских странах обусловило больший, чем в Италии (где практически Реформации не было), интерес к раннехристианской литературе и привело к появлению там течения «христианский гуманизм» [103].

20.1.2. Гуманизм как квазирелигиозная доктрина

Важен один принципиальный момент, обычно не учитываемый при анализе философии гуманизма. Как было кратко показано, на самом деле, гуманизм изначально формулировался как религия, которая должна была заменить собой христианство. Главными постулатами этой религии были:

- вера в божественную сущность природы;
- вера в свободного человека;
- вера в человеческий разум и в безграничные возможности науки;
- вера в силу магии и мистики.

По мнению С. В. Перевезенцева [103], гуманизм необходимо считать не просто философией, а именно религиозной философией или, по-другому, философской религией. Он считает, что гуманизм — это религия человекобожия (веры в человека, обожествления человека), призванная разрушить традиционную христи-

анскую веру в Бога. Впоследствии высшей формой гуманизма в области веры стал атеизм, который при всем своем отрицании Бога, по сути, представляет собой веру в то, что Бога нет. Да и наука, по большому счету, это тоже вера — вера в то, что человек способен познать мир и управлять миром лучше Бога. То, что гуманизм и в дальнейшем представлял собой скорее религию свидетельствует тот факт, что самые радикальные деятели Французской революции в конце XVIII в., при всем своем атеизме, на законодательном уровне ввели в практику новую религию — поклонение Свободе и Разуму.

В XVI–XIX вв. религиозно-философские установки гуманизма стали методологической базой всех основных религиозных, философских, этических, политических, экономических, эстетических учений западноевропейской цивилизации: протестантизма (во всех его разновидностях), рационализма, эмпиризма, «теории естественного права», просветительства, английской политэкономии, немецкой классической философии, марксизма, позитивизма и т. д. (например, именно поиски условий для максимальной свободы человека лежали в основе философии Канта [65], Гегеля [28], Фихте [134], Шеллинга [137], Маркса [86]). Гуманистические установки в этих учениях принимали разные формы — от самых радикальных (марксизм) до либеральных и охранительных (гегельянство). Но суть оставалась одна — каждый крупный мыслитель, воспитанный в гуманистическом духе, стремился творить новое законченное мировоззрение, которое должно было полностью заменить собой христианство.

Таким образом, именно гуманизм стал, с одной стороны, орудием идеологического разрушения традиционного христианского общества Западной Европы, а с другой стороны, средством создания нового общества, которое известно нам под разными именованиями — «правовое государство», «гражданское общество», «капиталистическое общество», «современная западная цивилизация» и др. А в более широком смысле, гуманизм, как религиозная философия, — это:

- орудие разрушения традиционных обществ и традиционных религий;
- методологическая (религиозно-философская) основа создания реального «гражданского общества» (капиталистического), или же идеального общества всеобщей справедливости (коммунистического).

20.1.3. Гуманизм как идеологическая доктрина

Концепция гуманизма обусловила методологические установки и одновременно высшие ценности либерального гуманизма: *индивидуализм и свободу*. Методологический индивидуализм не дает видеть особый социальный уровень групп и групповых структур как отдельных онтологических образований в их взаимодействиях. Потому и «человек» здесь — абстрактный индивид, обладающий изначально вечными естественными правами, которые общество как некая договорная структура, обязано постоянно подтверждать и укреплять. Данная схема была бы удовлетворительной, как пишет Э. Сандаггин [118], если бы не подмеченный некоторыми философами фундаментальный изъян. Это неявное допущение, что все люди равны по своим природным способностям, которое есть умолчание или же удобная непроясненность. Это было бы извинительно в качестве абстрактного посыла, первого шага на пути дальнейшего развертывания размышлений о чело-

веке. Однако на том либеральная мысль и остановилась, более того, его идеологи сделали этот посыл прирожденного равенства основанием великих гуманистических манифестов типа знаменитых французских и американских «Деклараций».

Впрочем, это было в свое время закономерно и оправданно. Большинство образованных людей верили как в очевидное – в исходное равенство талантов и способностей большинства детей, которое губит несвобода и невежество. Тем более, эмпирическая психология и конкретные социологические исследования появились лишь во второй половине XIX – первой половине XX вв. Проницательные люди, подозревавшие обратное, предпочитали помалкивать: массы вряд ли пошли бы в революции под иными лозунгами, нежели «равенство» и «братство». Но сила абстрактного либерального гуманизма именно в его убедительности и «справедливости» для абстрактных, т. е. невежественных, необразованных умов, «масс», о чем в свое время говорил, хотя и по другому поводу, Гегель в статье «Кто мыслит абстрактно?» [27]. А массы, как известно, двигают выборы и революции. Именно абстрактность, декларативность либерального гуманизма, как и его индивидуализм стали мишенью критики и отправной точкой формирования другой формы гуманизма, сознательно утверждающего ценности коллективизма и солидарности в качестве базовых.

Гуманизм – это общепризнанный философский, методологический принцип, лежащий в основе бытия современной индустриально-технологической цивилизации, образно называемой «Западом». Общеизвестного определения понятия «гуманизм» не существует. Обычно под гуманизмом понимают стремление к человечности, к созданию условий для максимального развития способностей человеческой личности, а также условий для достойной человека жизни. В реальной жизни принципы гуманизма формулируются в трех основных категориях:

- общечеловеческие ценности;
- права человека;
- идеал всемерно развитой, гармоничной личности.

Гуманистическое мировоззрение, распространившееся в Европе в XIV–XVI вв. нашло свое отражение и в создании новых политических и этических учений. Общая философская направленность на признание человеческой личности центром Вселенной оказало значительное влияние на тогдашних мыслителей, интересующихся проблемами политики и этики. Объяснение этих проблем стало строиться не на неких высших, Божественных идеалах, а исходя из интересов отдельного конкретного реального человека (учения Н. Макиавелли [82], Э. Роттердамского [142], М. де Монтеня [92]). Наконец, в сочинениях Т. Мора [94] сформулирован общественно-политический идеал гуманизма – знаменитая «Утопия» как образ «идеального государства». В основе этого идеала лежит не только отрицание частной собственности и признание собственности общественной, как это принято считать, но и некая религия «почитания Божественной природы» с верховным единым богом Митрой. При этом конкретных религий в Утопии множество, а религиозные убеждения «утопийцев» сочетаются с почитанием светской науки. Еще более религиозно-мистическое содержание вкладывал в свой «Город Солнца» Т. Кампанелла [63], автор учения о «естественной магии».

Итак, культура и философия гуманизма – это грандиозное и противоречивое, а во многом и противоестественное смещение христианства, античной философии

фии, позднеантичной и восточной магии и мистики. На основе смешения различных религиозных, научных, литературных и мистических традиций в Эпоху Возрождения и рождалась будущая западноевропейская культура. Именно это смешение позволило мыслителям гуманизма порвать с традиционным христианским мироощущением и объявить личность отдельного человека если еще и не равной Богу, то, во всяком случае, приближающейся к Богу по своим возможностям, способностям и, главное, по своей степени свободы. Иначе говоря, человек как «великое чудо», должен был обладать такой же свободой, как и сам Бог [103].

Важно и то, что учения и политические течения, борющиеся в Западной Европе с капитализмом, также основывались на гуманистических принципах — например, марксизм. Ведь коммунизм как идеал общественного развития — это идейное оформление одной из самых радикальных форм гуманизма. Недаром идеологи коммунизма призывали под свои знамена и искали свои истоки в «Утопии» Т. Мора и в «Городе Солнца» Т. Кампанеллы.

Идеологи Ренессанса придали ему адекватную антропоцентристскую форму оппозиции «вне» и «анти» человеческому, равно как и «сверх» человеческому. Просветители гомогенизировали гуманизм требованиями, понятиями «всеобщего равенства», «справедливости» и «свободы». Гуманизм в подобных абстрактно-всеобщих формулировках стал знаменем формирующегося в буржуазных революциях либерального общества. После эйфории XVII–XVIII вв. наступила закономерная эпоха проблематизации гуманизма. Смутно-неопределенный образ «человека» — референта гуманистических высказываний — был заменен или же конкретизирован уже в Новое время и окончательно в XIX в. (Дарвин [43]) категориями «человечества», «социальной и этнической общности», «индивидуальности». Проблематизация проходила в форме вопрошающе-проясняющей смысловой конкретизации гуманистической риторики: к примеру, никто не спорит, что многие люди стремятся к благу, равенству, справедливости, братству, свободе — но что же означают сами эти понятия?

Самое же главное заключалось в том, что если раньше, до Нового времени, гуманизм был заведомо нереализуемым идеалом в отношении возможностей обеспечения всех людей жизненными благами, то после индустриальной революции он, как социальный проект, был переведен в реалистическую плоскость. Если до индустриального общества XIX в. гуманизм имел сугубо теоретические формы гносеологического, онтологического и методологического принципов, то теперь он стал *идеологической формой социальных преобразований* [118, с. 136].

Как только он стал «реальным гуманизмом», внимание людей повернулось к определению сразу появившихся, связанных с ним вопросов: «Кто будет реализовывать социальные преобразования и на каких основаниях?». Так, собственно, и возникла современная форма проблематизации гуманизма:

- определение адекватных носителей, т. е. тех, кому это действительно необходимо;
- его состава;
- его внутреннего ранжирования;
- рационально проясняющего обоснования гуманистических ценностей.

Современные формы гуманизма по-разному решают эти проблемы. И хотя каждая из них имеет свои резоны, свои логики, свой «электорат» — главное то, что

они сходятся в человеколюбии и тем самым противостоят антигуманным тенденциям в самом развитии человечества.

20.1.4. Развитие и классификация гуманизма

Возникшим исторически первым и продолжающим существовать и поныне является *религиозный гуманизм*. Можно назвать две наиболее яркие формы — христианского и буддистского гуманизма. Различия в онтологиях и антропологиях не мешают существенным совпадениям в эмансипационном настрое и предлагаемых путях любви и ненасилия. Спасение от смерти и страданий, нравственное преобразование — доступно всем, кто уверует и будет трудиться над собой под руководством организации людей, через поколения которых передается благодать Спасителей. Слабыми сторонами религиозного гуманизма являлась их оппортунистическая политика в отношении порядков социального отчуждения и господства.

Появление *либерального или «буржуазного» гуманизма* было прорывом в человеческом развитии, когда были сформулированы и легитимированы важнейшие социальные ценности «свободы», «равенства» и «братства». Если первая форма гуманизма совпадала в своем появлении с так называемым «осевым временем», утвердившим приоритет духовных ценностей в человеческом развитии, то вторая форма добавила важнейшее социальное измерение. Вряд ли правомерно говорить о том, что это фазы одного процесса, все возникающие новые формы не заменяют старых, которые сосуществуют и периодически обновляются. Либеральный гуманизм имеет в принципе светское, естественнонаучное, антропоцентристское обоснование, хотя и может прибегать к риторике пантеистических или деистических традиций [118, с. 137].

20.1.4.1. Оптимистическая тенденция в либеральном гуманизме

Уже с середины XIX в. в учениях западноевропейских мыслителей проявляется и все более утверждается неверие в гуманистические идеалы. Поэтому в XVII—XX вв. в светском (гражданском) гуманизме как философии и общественной мысли стали развиваться две главных тенденции:

- первая из них связана с убежденностью во всемогущем человеческом разуме и науки и, как следствие, порождает оптимистический взгляд на человека и его будущее;
- вторая утверждает критическое отношение к безграничным возможностям человека, показывает его неспособность не только преобразовать, но и познать мир, и, таким образом, является основой пессимистического понимания настоящего и будущего человека и человеческого общества.

Конкретными выразителями этих тенденций стали совершенно различные по своему содержанию философские учения.

Первая тенденция своим истоком имеет грандиозные успехи науки и техники, промышленного производства. Именно поэтому начиная с XVII в. одной из важнейших тенденций в развитии западной философии стали *рационализм и эмпиризм*, объединенные уже в XVIII в. в русле философии Просвещения в единую философскую систему, породившую *материализм и атеизм*. Вера в непререкаемую

силу разума лежала в основе философских учений Фихте [134] и Гегеля [28], создавших образцы классического и даже «абсолютного идеализма». В XIX в. просветительский рационализм стал основой *марксизма*, как наиболее завершенного материалистического учения, и *позитивизма*. В XX в. эта направленность философской науки нашла свое выражение в учениях *неопозитивизма* и *прагматизма* [103].

Эволюцистическая форма гуманизма была развита усилиями немецких философов классической школы: Гегеля [28], Фейербаха [133] и, конечно же, Маркса [87].

Гегелевская идея отчуждения и исторического становления свободы, философский антропологизм Фейербаха были переработаны и синтезированы Марксом в его гуманистической концепции. По мнению Э. Сандагыйна [118], *марксистский* гуманизм в отличие от *либерального* ввел две принципиальные новации.

Во-первых, концептуализируется порождаемое самими же людьми, противостоящее им же, негативное и поработщающее «социальное зло». Речь идет о социальном отчуждении — тайне и истоке большинства человеческих злосчастий.

Во-вторых, фейербахианский концепт «родовой сущности» человека получает интерпретацию в терминах «социальной группы» и «исторического развития».

Этим был достигнут новый уровень абстрагирования и, одновременно, конкретизации в понимании человеческой природы, того, что же есть «человек» как предмет гуманистического внимания. Отдельный индивид, абстрактный «человек как таковой» либерализма был заменен «исторической сущностью» человека, «ансамблем всех общественных отношений», представимым каждый раз в совокупности типичных «социальных характеров».

Слабые стороны классического марксистского варианта гуманизма выявились в ходе социопрактических попыток его реализации. Занявшись политикой на втором этапе своей деятельности, Маркс на деле перешел с позиций «родового гуманизма» на позиции групповых предпочтений, выбрав в качестве фаворита социальную силу совсем не подходившую на роль лидера социальных преобразований. Эта «слепота» была оборотной стороной эволюционного гуманизма, для которого важны прежде всего интересы целого, сообщества, а индивидуальность блекнет и исчезает из фокуса внимания. «Массы» составляют силу революционного потока, взламывающего плотины систем порабощения, однако направляют его группы левых, идеалистически настроенных интеллектуалов. Они и есть, как показал богатейший революционный опыт XX в., истинный субъект гуманизации остального общества. Или же его тоталитаризации, как «неудачи» коллективистического гуманизма.

Между тем, модернизация, проходившая в странах Западной Европы в XVII—XIX вв., привела к появлению «массового общества», когда через либерализацию общественной жизни и массовое образование появилось невиданное ранее множество людей с персонализирующимся сознанием. То, что раньше было привилегией властвующей элиты — личностное развитие, становится чрезвычайно привлекательной общественной ценностью. Не абстрактный *человек* с его вечными правами, не *партия* или *класс*, а неординарная творчески сильная *личность* с почти божеским статусом — стали вождельным идеалом. Подобные существенные ментальные подвижки нашли свое выражение в новых версиях индивидуалистического гуманизма — в его *элитарной* и либерально-персоналистской версиях [118, с. 139].

20.1.4.2. Пессимистическая тенденция в либеральном гуманизме

Развитие второй тенденции актуализировалось тем, что трансформация западной цивилизации с середины XIX в. сопровождалась массовыми и масштабными катастрофами, многочисленными и непреодолимыми конфликтами, породившими у многих мыслителей критическое отношение к современной им цивилизации. В философии начало этому было положено в XVIII в. учениями Дж. Беркли [15] и Д. Юма [143]. Большую лепту в утверждение подобной тенденции внесла критическая философия И. Канта [65]. Однако в XIX в. наибольшее выражение подобное мировоззрение нашло в учениях А. Шопенгауэра [138], С. Кьеркегора [76] и Ф. Ницше [99]. Но их критика традиционных философских и религиозных учений оказалась настолько разрушительной и негативной, что поселила сомнение и пустоту, а также тягу к бессмысленному бунту во многих, в том числе и незаурядных умах.

По мнению Э. Сандагийна [118, с. 140], хотя ницшеанство сознательно и эпатажно конфликтует с христианской и либеральной формами гуманизма, но вместе с тем делает заявку на «переоценку всех ценностей» и создание морали будущего человека, для которого предшествующие люди только переходная стадия. И эта мораль была предложена, и имела много сторонников, и совсем не обязательно только примитивных (национал-социализм). Ницше не защищает интересы отдельной локальной группы, а представляет интересы одной всеобщей категории человечества, противостоящей другой по интеллектуально-волевым качествам — «в интересах будущего человечества». Они есть в любом народе, это, пользуясь более поздним гумилевским термином, «пассионарии» — активистская часть человечества. Именно они — подлинный субъект большинства творческих и исторических событий. Гуманизм и любовь должны быть нормой жизни внутри этой категории «настоящих людей», остальные — низведены до уровня слуг, ручных животных. Ницше в «Воле к власти» туманно распространяется о «подготовке будущей революции», «часе X», когда власть на планете перейдет в руки «сверхлюдей» [98].

По мнению Э. Сандагийна [118], концепция Ницше непосредственно относится к гуманизму, но это гуманизм «элитарный», в котором критерии «человека» резко укрупнены до обязательности личностной яркости, творчества и сильной жизненной интенсивности. И, далее, речь идет именно о всеобщей категории человечества, присутствующей «во всех племенах и расах». В этом плане ницшеанство вряд ли существенно отличается от марксизма — здесь ведь также вначале предполагается борьба и геноцид эксплуататоров с тем, чтобы перестроить общество.

Ницшеанство, как и любая другая элитарная концепция, раскалывает человечество. Это, может быть, и имело некий смысл, но лишь при условии решения нерешаемой проблемы «критериев и судьей».

20.1.4.3. Современные направления либерального гуманизма

Современный философ А. С. Горбунов [32] утверждает, что философское развитие гуманизма в XX в. вызвало к жизни два главных направления.

Первое состоит в участливой и тревожащейся за судьбу человека непосредственной реакции на ситуацию времени — *экзистенциализм, персонализм*, в некоторой части *неотомизм*.

Второе направление заключается в попытке отдельных философских течений найти себе «нишу» в виде разработки частных, малообязывающих вопросов, далеких от основных философских проблем — *герменевтика, феноменология, неокантианство*, частично *неопозитивизм*.

Но в любом случае все это, за редкими исключениями, всего лишь разработка старых и даже древних знаний. И не случайно поэтому, что именно в XX в. появилось столько философских течений, имеющих в своем названии приставку «нео» — *неокантианство, неогегельянство, неотомизм, неопозитивизм* и др. К концу XX в. на Западе, по сути дела, встал вопрос о самом полноценном существовании философии. Ибо, по мнению С. В. Перевезенцева [103], из науки об «общих вопросах», о «вселенском», о «мудрости» и «смысле жизни», философия постепенно превращается в несвязанную систему узкоспециализированных «ниш». Гуманизм в философии, по его мнению, явно исчерпал себя. К познанию, осмыслению и объяснению всех проблем мироустройства человек оказался неспособен. «Великое чудо», человек, явно не оправдал надежд, возлагавшихся на него многими поколениями философов.

Наиболее удачной формой развития гуманизма в индивидуалистической плоскости Э. Сандаггин [118, с. 141] считает экзистенциализм. Экзистенциализм апеллирует к каждому человеку, побуждая его проснуться от зачарованности повседневностью и заурядностью, начав собственный проект существования. Гуманизм тесно увязывается с ценностями самобытности и творческого активизма, которые, не навязываясь всем, становятся общественно престижными. Экзистенциализм пытается соединить умеренный социальный активизм борьбы за мир, права меньшинств, экологию с внутренней душевно-самоопределяющей работой.

Современные наиболее заметные формы, которые принимает гуманизм, это, с одной стороны, концептуальные продолжения прежних его линий, с другой — это переописание старых идей в новом контексте более глубоких интеллектуальных проникновений, революционных технологических событий и стремительной интернационализации. Можно назвать, по крайней мере, три обновления, которые более всего привлекают внимание людей.

Проект *постмодернизма*, объявивший причиной политического, экономического и духовного диктата, насилия древние структуры сознания и шаблоны миропредставления, сформировавшиеся на заре цивилизации. Они уже более двух тысячелетий незримо организуют власть дискурса и дискурс власти, воспроизводя стереотипы насилия, жесткое разделение среди людей и в сфере духовности. Постмодернисты предлагают деконструкцию языка и мышления, полагая, что тем самым только и можно создать новую человеческую цивилизацию на основах плюрализма и толерантности.

Западный истеблишмент пытается монополизировать «рынок» современного гуманизма с помощью мировых информационных монополий. В качестве глобальной парадигмы будущего человеческого развития он навязывает слегка перелицованную, «нарумяненную и надушенную» форму старого абстрактного либерального гуманизма. Она удобна как манипулятивное средство и средство прикрытия реальных корыстных интересов именно в силу своей абстрактности. В качестве нового вектора мирового развития предлагается идеология *глобализма*, в которой понятия и стандарты гуманизма эпох Просвещения и буржуазных рево-

люций: стандартизация и рационализация умов; интернационализация как гомогенизация различий посредством «прогрессивной культуры» —приобретают вид навязывания жизненного стиля, ценностей и стратегии развития. Абстрактное равенство оборачивается реалиями двойных стандартов и империализма «с демократическим лицом».

Давление рождает противодействие. Идеология *антиглобализма*, формирующаяся на наших глазах в последние 10–15 лет, аккумулирует в себе как достижения, идеи прежних гуманистических форм, так и их современные обновления. Тем более что электорат антиглобализма — неконформистская, конструктивная часть социума, традиционная среда эмансипационных движений. Это леворадикальная интеллигенция, молодежные контркультуры, феминистские и экологические движения. Основные их идеи:

- плюрализм;
- диверсификация общечеловеческого развития;
- отказ от империализма;
- реальное равенство;
- реальная взаимная ответственность людей.

Ими предлагаются альтернативные пути модернизации и интернационализации. Но пока ключевые понятия их доктрин находятся в стадии формулировки и проверки.

20.1.5. Гуманизм как социально-политическая практика

Анализ результатов, достигнутых человечеством, опирающимся на философию (а точнее, религиозную философию) гуманизма, демонстрирует развитие неоднозначных процессов:

- научно-технический прогресс, активное познание природы, создание многообразных, не существующих в природе технологий;
- мощнейшее экономическое развитие в XIX–XX вв., приведшее человечество уже к созданию «постиндустриального общества»;
- идеология и практика «правового государства» и, знаменитые, незывлемые в своей основе «права человека».

В результате НТР в XX в. человек стал владельцем планеты, способным совершенно свободно с ней обращаться. Иначе говоря, человек в полном смысле этого слова оказался приравненным к Богу (о чем свидетельствует последние достижения в клонировании).

Но есть и иные результаты. Последние триста лет развития человечества, когда наука набирала все большую силу, когда вера в абсолютность способностей человека стала господствующей, показали — человек, не признающий над собой высшего начала, способен лишь к разрушению. С тех пор, как гуманизм стал общеполитическим принципом бытия западной цивилизации, человечество оказалось ввергнуто в бесконечную цепь социальных конфликтов: революции в Англии, США, Австрии, Германии, Италии, три революции во Франции, три револю-

ции в России, революции в Латинской Америке и др. Эти масштабные конфликты вполне объяснимы — человек, признав себя единственным субъектом земной эволюции:

- принялся бороться за лучшие условия своего социального существования;
- начал преобразовывать социальное пространство в соответствии с собственными представлениями об обществе;
- стал кроить общественное устройство по им самим придуманным лекалам и меркам;
- начал преобразовывать и природную среду в соответствии со своими представлениями. Недаром возникло определение человека как «царя природы», идеология «покорения природы» в интересах человека. Но, как выяснилось, все интересы в основном свелись к созданию комфортных, наиболее удобных условий жизни самого человека.

XX в. стал пиком торжества философии гуманизма. Но именно тогда в век науки и техники, атома и космоса, торжества человеческого разума, на человечество обрушились наибольшие разрушения — две мировые войны, бесконечные экологические катастрофы, сотни миллионов погибших людей. Следовательно, гуманизм, по мнению С. В. Перевезенцева [103], как религиозно-философская основа бытия человечества, ныне полностью исчерпал свою созидательную функцию, превратившись исключительно в фактор разрушения человеческого общества вообще.

Не стала счастливым исключением и Россия. Гуманистические идеалы проникали и постепенно распространялись в ее пределах начиная с XVIII столетия. По убеждению их сторонников, эти идеалы должны были заменить собой традиционные ценности российского общества:

- православие;
- общинный характер бытия русского народа;
- традиционное понимание сути государства и др.

Именно религиозная гуманистическая философия лежала в основе ведущих российских революционных и либеральных движений, стремящихся к изменению экономического и социально-политического строя России. Гуманизм в России выполнил ту же функцию, что и в Западной Европе — разрушил традиционное общество. Но проблема заключается в том, что вторую свою функцию — созидание «гражданского общества» — гуманизм не исполнил, ибо не мог выполнить, так как религия гуманизма не соответствовала базовым, архетипическим ценностям России. Для создания общества, основанного на идеалах гуманизма, нужно было полностью уничтожить традиционную Россию. Недаром большевики призывали разрушить старый мир «до основания», требовали полностью «переделать» доставшийся им в управление «человеческий материал» (именно так писал Н. Бухарин). И в результате торжества радикальной гуманистической философии в России производилось уничтожение Церкви, крестьянства и «бывших» правящих классов (дворянство, буржуазия, интеллектуалы).

20.1.6. Особенности гуманизма как философии, идеологии и политики

Не все отечественные исследователи негативно относятся к гуманизму и его социальной практике. Гуманизм в политике выражается в формах ее организации, целях и содержании, а также в средствах политической деятельности. В современных условиях наиболее гуманной формой организации политики является демократическая политическая система, базирующаяся на признании свободы и равноправия всех граждан, подконтрольности власти населению, уважении достоинства и прав человека.

В частности, В. П. Пугачев [115] пишет, что применительно к целям и содержанию политики гуманизм проявляется в ее направленности на реализацию интересов человека, повышение благосостояния и улучшение условий жизни населения, укрепление социальной справедливости и мира в государстве и на планете в целом. С этой точки зрения наиболее гуманной является политика, обеспечивающая наилучшие условия для удовлетворения потребностей и свободного развития личности.

Гуманизм в средствах, по его мнению, проявляется в устранении наиболее жестоких, варварских форм политического противоборства, войн, применения оружия массового уничтожения: ядерного, химического, бактериологического, экологического и т. п., в запрете пыток и других средств, разрушающих личность или унижающих человеческое достоинство, а также в отказе от духовного насилия — манипулирования сознанием и поведением людей с помощью специальных методов обмана. Кроме того, гуманизм проявляется в сочетании в политике целей и средств в соответствии с выдвинутым И. Кантом [65] императивом (требованием, нравственным законом) — человек должен рассматриваться другими людьми лишь как цель, а не средство.

Принцип гуманизма имеет как внутригосударственное, так и международное содержание. На международной арене он проявляется в борьбе за мир и его укрепление, в создании международных отношений и мирового порядка, основанных на справедливости и уважении к человеку. Это предполагает, в частности, признание права народа на свободный выбор государственного и общественного строя, на независимость и создание самостоятельного государства, равноправия государств, невмешательство во внутренние дела друг друга, отказ от применения силы для разрешения спорных межгосударственных вопросов, развитие взаимовыгодного сотрудничества и укрепление дружбы между народами и т. д. Важнейшие гуманистические ориентиры внутренней и внешней политики государств нашли свое выражение и юридическое закрепление в ряде документов, принятых ООН, Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и некоторыми другими международными организациями.

В современных условиях гуманизм характеризует не только сферу непосредственных взаимоотношений между людьми, но и отношение человека к природе. Природа всегда была необходимым условием существования человека, одним из важнейших факторов, опосредующих отношения между людьми и, в частности, между различными поколениями. Однако в предшествующие века деятельность человека не была столь разрушительной, не принимала глобальных, планетарных

масштабов. Во второй половине нынешнего столетия стала реальной угрозой экологической катастрофы человечества в обозримом будущем. Экологическая политика, основанная на разумном, бережном отношении к природе, обрела статус важнейшего гуманистического, нравственного требования, поскольку превратилась в необходимое условие не только дальнейшего развития цивилизации, но и самого существования человеческого рода, его выживания. В экологической политике сегодня проявляется забота как о реально живущих людях, так и о будущих поколениях.

В современном сложно организованном, противоречивом обществе с его обостряющимися глобальными проблемами, достижениями научно-технического прогресса, способными и улучшать жизнь людей, и одновременно разрушать основы человеческой цивилизации, сфера гуманизма расширяется. Из благородного дела, которым занималось ранее лишь преимущественно гражданское общество — область частных, частных взаимоотношений людей, — гуманизм переходит в ранг государственной и даже мировой политики. У человеческого рода, по мнению В. П. Пугачева [115], больше не существует альтернативы гуманистической политике, ибо в противном случае ситуация чревата глобальной планетарной катастрофой, дегенерацией или даже гибелью всего человечества.

Два диаметрально противоположных подхода к гуманизму, по мнению автора, требуют обязательного осмысления. Оно важно еще и потому, что гуманизм, как идеология, превратился в современном мире в орудие ведущих так называемых, «цивилизованных» государств, с помощью которого они разрушают негодные для себя государственный режимы и традиционные ценности народов, не вписывающихся во вновь создаваемый «мировой порядок». Иначе говоря, гуманизм является своеобразной дубиной в решении самого широкого круга вопросов в интересах определенных государств и еще более определенных узких финансово-экономических кругов, управляющих ныне миром. В частности, именно либеральные гуманистические идеалы стали идеологической базой разрушения сначала СССР, а затем и России в конце XX столетия.

Необходимо провести разделительную черту между гуманизмом, как философией бытия, и гуманизмом, как идеологическим инструментом современной политики. Гуманизм как «дубина», как «политический инструмент», как идеологическое прикрытие истинных интересов правящих миром международных элит — он существует и активно используется. Но как философия бытия человечества, по мнению С. В. Перевезенцева, — гуманизм умер [103]. Он считает, что к началу XXI в. гуманизм уже перестал быть методологическим, философским принципом бытия современной цивилизации, ибо полностью утерял свои созидательные возможности.

Символично, что главные защитники гуманистических «общечеловеческих ценностей» и непреклонные борцы за «права человека» во всем мире сами уже давно отказались от пропагандируемых ими идеалов. Свидетельство тому — теория «золотого миллиарда», политика «двойных стандартов» (бомбежки Ирака, Югославии, позиция в отношении Чечни, насильственный суверенитет Косово и др.), идеология глобализации и многое другое. Наконец, после терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне правительство США откровенно провозгласило принцип «око за око», не собираясь останавливаться перед откровенным и даже пропагандируе-

мым на весь мир возможным массовым убийством мирного населения, с целью уничтожения горстки террористов.

Международные элиты окончательно и давно отказались от гуманизма. В практике современной международной политики нет места ни «общечеловеческим ценностям», ни «правам человека». А есть только ценности и права «избранного братства». Старый гуманизм, несмотря на его разрушительную функцию, в созидательной части подразумевал обеспечение достойного бытия всего человечества. А вот этого новейшему «избранному братству» как раз и не нужно, ибо природных запасов нашей планеты при господстве нынешних технологий и религиозно-политических идеалов не хватает на то, чтобы прокормить многомиллиардное человечество. Именно философия «избранного братства» является методологической базой новейших теорий «глобализации», «золотого миллиарда», практики контроля над рождаемостью и многого другого.

Даже, казалось бы, абсолютно рациональная вещь – экономическая политика, пропагандируемая современным «избранным братством», наполнена, как это ни покажется странным, мистикой и магией.

Во-первых, совершенно мистические функции приписываются самой экономике, якобы обеспечивающей процветание народам.

Во-вторых, таким понятиям как «рынок», «либеральная экономика» приписываются поистине магические свойства, ибо чудесным образом «рынок» и «либеральная экономика» должны спасти от гибели «нецивилизованные» общества.

Международными элитами разработан и целый ритуал магической обрядности – те самые рецепты «экономического либерализма» для «нецивилизованных» государств. В итоге, в сегодняшнем мире царит истинный религиозный культ «рынка» и «либеральной экономики», из которых сотворены настоящие мистические божества-кумиры. А поклонение кумиру – «рынку» – считается обязательным для всех государств, стремящихся стать цивилизованными.

Несмотря на объективную и уничтожающую критику гуманизма, альтернативы ему, по мнению автора, действительно пока не найдено. Человечеству следует активизировать поиски способов его коренной модернизации. Ясно, что предстоят новые осмысления философских оснований гуманизма, «переоценки ценностей». Представляется, что актуализируются три проблемы.

Первое. Поиск компромисса между империализмом и терроризмом, равно как и между глобализмом и антиглобализмом, с целью их взаимного умиротворения. Основной противник нас же самих – небытие, рождаемое бытием (самим же гуманизмом), взаимная демонизация. Хотя представляется, что сближение невозможно, радикализм может быть преодолен радикальными теоретическими и практическими предложениями, взаимной перенастройкой мышления и социальной практики.

Второе. Нахождение новой концептуальной формы антропологического компромисса между активистской, пассионарной частью и инертным большинством, способной активизировать гуманистическое развитие целого – человечества.

Третье. Своевременным поставить в плоскость теоретического обсуждения проблему возможностей расширения определительных критериев и моделей гуманизма за видовые антропологические пределы. Надо быть готовым к тому, чтобы культивирование человека трансформировать в культивирование разума. По-

мимо гипотетически возможных контактов с внеземным разумом, возникают первые интуиции о возможностях искусственного интеллекта либо же провоцирование эволюционного ускорения развития интеллекта высших животных. Неизбежно будет меняться физически и сам *homo*. Так или иначе, гуманизму предстоят серьезные изменения и испытания, порождаемые коренными социально-политическими трансформациями, грозящими обернуться «антропологической» революцией.

§ 2. МОРАЛЬ И ПОЛИТИКА: ОБЩЕЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ

Современная политико-философская мысль стремится понять политические процессы на уровне глубинных сущностных оснований. Одной из таких тем является проблема соотношения политики и морали. Интерес к ней обнаруживается не только в исследованиях, демонстрирующих связь с философской традицией, но и в прикладных работах. Названная тема неизменно вызывает дискуссии, столкновение и противоборство различных позиций и мнений.

20.2.1. Мораль как форма общественного сознания

Гуманизм, выражаемый в форме идей человеколюбия, с древних времен оказывал реальное воздействие на общество и политику прежде всего через нравственность, мораль (в русском языке эти термины обычно употребляются как синонимы) и право. Идеи гуманизма составляют ядро, общечеловеческое содержание западной морали. Воплощаясь в нравственном сознании и получая положительную нравственную оценку, они становятся ориентирами и регуляторами деятельности людей, а некоторые из них затем получают юридическое закрепление в праве.

20.2.1.1. Понятие морали

Мораль (от лат. *moralis* — нрав, нравственный) — одна из форм общественного сознания и его реализации на практике, утверждающая общественно необходимый тип поведения людей. В отличие от правовых норм, соблюдение которых поддерживается и контролируется государственными органами, нормы морали опираются на общественное мнение и воздействие, на убеждение, традиции и привычку. Мораль находит выражение в поступках человека по отношению к обществу, властным структурам, коллективу, семье и т. д. Ценности морали меняются с течением времени и различны у разных народов и слоев населения. Основными проблемами в морали являются вопросы о том, что такое «хороший обычай, поведение, деятельность», что «прилично, порядочно, достойно» и т. д. К господствующей морали, кроме социальных ценностей и оценок, принадлежат также и те, которые расцениваются религией как «благое поведение». Мораль, по определению Ю. В. Ирхина, — это составная часть индивидуального мировоззрения, она во многом определяет для личности картину социально-политического мира [60].

В отличие от других организационно-контрольных сфер, мораль не имеет вещественных форм, не материализуется в аппаратах управления, институтах

власти, лишена центров управления и средств связи и объективируется лишь в языке и речи, но, прежде всего, — в отражении, в признаках и свойствах других общественных явлений. Вместе с тем, она охватывает все феномены политики. «Когда ясно, в чем заключается истинная нравственность, — говорил Конфуций [96], — то и все остальное будет ясно».

Мораль — особая, специфическая сфера общественной жизни, включающая сознание, нормы и реальное поведение людей, основанная на оценке любых поступков и действий с точки зрения идеалов добра (блага) и зла, справедливости и несправедливости и других подобных критериев и идеалов.

Мораль, подчеркивает В. П. Пугачев [115], предполагает оценку общественных явлений не с индивидуальной, а с коллективной и, в первую очередь общечеловеческой точки зрения. Хотя существует и мораль групповая, например сословная, классовая, профессиональная и т. п., однако она обычно:

- либо выступает как специфическое выражение и преломление общечеловеческих нравственных принципов (например, моральный кодекс врачей);
- либо является проявлением глубокого социального раскола общества (мораль рабов и мораль рабовладельцев, плебса и аристократии);
- либо представляет собой вырождение, дегенерацию нравственности (воровская мораль);
- либо свидетельствует о низком уровне нравственного развития общности, не поднявшейся до осознания своей принадлежности ко всему роду человеческому (мораль племени людоедов, хотя в этом случае правильнее говорить лишь об обычаях и нравах как о зачатке морали).

Мораль основывается на определенном понимании смысла существования, цели и предназначения человека. Она не утилитарна для отдельных индивидов. Соблюдение ее норм и требований не сулит им какой-нибудь непосредственной личной выгоды или пользы. Нравственное поведение отличается бескорыстностью, высокогуманной мотивацией.

В то же время мораль *утилитарна* для общества и всего человечества. Она — условие сохранения человеческого рода, поскольку отражает многовековой опыт человеческого общения и фиксирует те требования, выполнение которых необходимо обществу и всему человечеству. В моральном сознании эти требования:

- становятся убеждениями;
- связываются с эмоциями и волей;
- становятся внутренними критериями оценки личностью мотивов, целей, содержания и результатов собственного поведения, а также действий других людей.

Как показывает опыт истории, аморализм приводит в конце концов не только к разрушению личности, но и к деградации всего общества.

Основные нравственные ценности абсолютны. Они не выводятся из каких-либо других, более высоких экономических, политических или других ценностей. Их высший статус определяется ценностью самого человека, всего человеческого рода.

Мораль характеризует достаточно высокий уровень развития индивидуально-го сознания, способность человека к опосредованной собственным внутренним миром духовной мотивации своего поведения и самоконтроля. Мораль для своей реализации не нуждается в специальном аппарате наказаний или же в материаль-

ных ценностях, как этого требует экономическая регуляция. Хотя безнравственное поведение не исключает определенных санкций со стороны общества или окружающих (осуждения, остракизма и т. п.), в целом влияние морали основывается на внутренних, психологических механизмах самоконтроля личности, важнейшим из которых является *совесть*.

А. Шопенгауэр, размышляя о роли морали в обществе и причинах отказа человека делать плохо и осуществлять злонамеренные действия. Он полагал, что «человек, не делающий зла, которое, однако, он способен сделать, побуждается к тому следующими мотивами:

- страхом наказания или мести;
- страхом загробного возмездия;
- состраданием;
- честолюбием, т. е. страхом позора;
- честностью, т. е. объективной преданностью и верностью, вместе с решимостью свято соблюдать эти священные основы человеческого общежития. Это чувство имеет огромное значение. Оно-то и побуждает честного человека отворачиваться с презрением от бесчестного, но корыстного дела, с возгласом: “Я честный человек!”» [138].

20.2.1.2. Приватная и политическая мораль

В морали, как ценностной совокупности, ряд исследователей выделяют структурные элементы, обусловленные социальной средой. В частности, О. Гаман-Голутвина [25, с. 159] делит мораль на приватную и политическую. Она обосновывает это тем, что особенность политико-исторического процесса заключается в том, что человек одновременно является и целью, и средством политической истории. Это, по ее мнению, дает основание ставить вопрос о содержательном разведении двух типов этических регуляторов.

Базовым *критерием* политической морали выступает соответствие национально-государственным интересам. При этом личная нравственная состоятельность конкретного политика – вопрос второстепенный. Смешение политической и «приватной» морали чревато тяжелыми последствиями.

Правда политической морали есть только часть правды, ибо рядом с политической моралью всегда существует мораль приватная, а человек выступает фокусом пересечения этих явлений. Характер пересечения «двух моралей» определяется характером взаимоотношений государства, общества и индивида. В ситуации относительно мирного их сосуществования политическое и приватное измерения морали могут избежать перспективы взаимного уничтожения. Конфликт общества и государства неизбежно чреват их конфликтом.

По мнению Р. У. Семеновой [120], «политическая мораль» отражает своеобразный специфический тип регуляции политических отношений, направленный на их гуманизацию. Понятие «политическая мораль» фиксирует нормы поведения, общения и отношения, которые согласуют взаимодействия субъектов политической жизни, сглаживают противоречия альтернативных целеполаганий, политических партий, групп и общественных движений.

Сложность проблемы, по мнению О. Гаман-Голутвиной [25, с. 160], заключается в том, что даже в рамках одной политической морали могут возникнуть существенные противоречия из-за возможных различий в трактовке национально-государственных интересов. Это означает, что феномен политической морали внутренне противоречив. Политическая мораль, в отличие от морали приватной, ситуативна, поскольку не может выносить априорных решений о рассматриваемых ею предметах.

Здесь, по ее мнению, кроются проблемы российской политической жизни. Совокупность важнейших условий развития российского социума предопределяла перманентность конфликта государства и общества, отсюда — и масштабное использование принуждения, как в отношении массовых групп населения, так и в рамках самого политического класса. Следствием масштабного применения насилия в российской политической практике стало доминирование политической морали по отношению к частной и резкий разрыв в восприятии политическим классом и внеэлитными группами стандартов морали в политике. Если властные круги, как правило, стояли на позициях политического реализма, то массовое сознание во многом регулировалось нормами политического идеализма. Анализ многовековой российской истории показывает, что попытки правящих кругов России перейти на позиции политического идеализма, как правило, оборачивались политическим поражением страны.

Процесс изменения соотношения политической и приватной морали в современном российском обществе не однозначен: наряду с негативными сторонами, он содержит и позитивные. Сфера жизнедеятельности общества, подлежащая моральной регуляции, сужается за счет ограничения использования «частной» морали в политических отношениях, а такое сужение может стать судьбоносным. Уже сейчас можно говорить о том, что российский социум приобрел иммунитет к гражданской войне.

20.2.1.3. Политическая этика

Важной проблемой в процессе познания человеческого начала в политике является разделение понятий «*политическая мораль*» и «*политическая этика*». Эти понятия отражают взаимосвязь и взаимодействие названных субстанций. Под «политической этикой» понимается *теория* морали, видящая свою цель в обосновании модели достойного поведения в сфере политических отношений. «Политическая этика» выступает как теоретическая модель политической морали, как философская *дисциплина*, объектом которой являются проявления морали в политической жизни. «Политическая этика» выясняет место морали в системе политических отношений, анализирует ее природу и внутреннюю структуру. По мнению Р. У. Семеновской, понятия «политическая мораль» и «политическая этика» являются общими и глубокими, они отражают наиболее существенные связи, взаимодействия политики и морали. Вышеназванные понятия выступают как исходные и основные в логико-теоретическом развертывании остальных категорий в когерентную систему. Такая система должна, на ее взгляд, включать следующий логический ряд: «политика» — «мораль» — «политическая этика» — «политическая мораль» — «насилие и ненасилие» в политике, «цель и средство в политике», «права человека» и др. [120].

Эти подходы в значительной мере перекликаются со взглядами А. И. Гаджиева [23]. Он считает, что морально-нравственные начала, ценности и нормы, имеющие касательство к миру политического, к его институтам, отношениям, политическому мировоззрению и поведению членов того или иного сообщества, в совокупности составляют *политическую этику*. Политическая этика – это, по его мнению, нормативная теория политической деятельности, затрагивающая основополагающие проблемы: справедливое социальное устройство, взаимные права и обязанности руководителей и граждан, фундаментальные права человека и гражданина, разумное соотношение свободы, равенства и справедливости и т. д. Она играет ключевую роль в легитимизации как политической власти вообще, так и различных форм правления.

По самому своему определению политическая жизнь пронизана морально-этическим началом, поэтому изучение политики не может не иметь морально-нравственного или ценностного измерения. Без проникновения в сферу целей и идеалов нельзя говорить об адекватном изучении мира политического в целом. Однако не просто определить этот морально-нравственный аспект, составляющий смысл политической этики. Его невозможно понять без представлений о добродетели, совести, долге, без правил, с которыми должны соотноситься человеческие действия. В этом контексте этика представляет собой науку о законах и нормах поведения людей. Включая в себя основополагающий элемент идеального и трактуя эти представления в категориях высшего блага, добра, должного и т. д., этика принимает форму учения о конечных ценностях и целях.

Особенность всех этических проблем политики обуславливаются тем, что она теснейшим образом связана с насилием. К тому же нередко политику отождествляют с корыстным интересом, а нравственность – с бескорыстием. «Кто ищет спасения своей души и других душ, – писал М. Вебер, – тот ищет его не на пути политики, которая имеет совершенно иные задачи – такие, которые можно разрешить только при помощи насилия. Гений или демон политики живет во внутреннем напряжении с богом любви, в том числе и христианским богом в его церковном проявлении, – напряжении, которое в любой момент может разразиться непримиримым конфликтом» [21].

Специфика политической морали существенно отличает ее от политической этики. Если мораль может так или иначе характеризовать политическое действие, но сама стоит вне его и лишь вступает с ним в те или иные отношения, то этика присутствует в политике, она неотделима от нее как одно из ее направляющих начал. Поэтому любая политическая философия и нормативная теория, касающиеся политической сферы, так или иначе связаны с поисками ответа на вопросы, поставленные политической этикой и учениями о морали. Уже древнегреческое искусство исследовало основную проблему политической этики (Антигона Софокла [125a]). Это императивные требования полиса к гражданам, с одной стороны, и семейно-правовые и общечеловеческие обязательства отдельного человека, связанные с заповедями нравственности, – с другой. Политическая этика создает противоречие нравственной автономии человека и притязаний на универсальность любого рода политических образований.

20.2.2. Функциональная общность политики и морали

Христианство возникло в размежевании с античным представлением о единстве политики и этики. Оно отказывалось видеть в человеке политическое по самой своей природе существо, поскольку не в политическом существовании человека реализуются его потенции. Религиозное измерение человека, таким образом, не представлялось простым продолжением его мирского измерения. Христианство учило, как быть свободным в несвободном мире, где политическая власть с помощью насилия порабощает человека. Это порабощение оказывается тотальным в том только случае, если существование человека целиком заполнено политикой, если политика, человеческая природа и этика составляют неразрывное единство. Христианство начало с того, что провело принципиальное разграничение между этикой и политикой. Есть нечто более высокое, нежели любые земные цели, привязанности, действия, которые остаются на уровне отношения человека к человеку, государству, обществу. Есть мир внешний, и есть мир внутренний — духовный, мир человеческого существования по ту сторону политической жизни. Христианская традиция разводит понятия «этика» и «политика», воплощенные в «богово» и «кесарево». В своем первоначальном облике христианство учило противостоять государственной машине Римской империи, притязавшей на власть не только над телом, но и над душой своих подданных. В то же время оно не превращало верующих в некое обособленное от мира сообщество, оно не было аполитичным.

Современные исследователи едины во мнении, что мораль и политика как специализирующиеся на регуляции поведения людей общественные явления имеют и общие черты, и отличия. Они не могут отчасти не совпадать, поскольку и та, и другая субстанции отражают особую связь индивида с другими людьми как связь общественную. Обе эти сферы вырастают из единого источника — противоречия между индивидуальностью и уникальностью человека — с одной стороны и его коллективной природой «обреченностью» жить в обществе, невозможностью быть счастливым и даже просто существовать, быть человеком без других людей — с другой стороны. И политика, и мораль — есть форма приобретения человеком индивидуальной идентичности в качестве родового существа.

Рост разнообразных потребностей, опережающий возможности их удовлетворения, порождает у индивида целый ряд искушений получать блага за счет других людей и природы, создавая тем самым угрозу, как отдельным личностям, так и всему человеческому роду. Таких искушений у человека достаточно много. Это — искушение богатством и потребительством, обретением все более многочисленных и дорогостоящих материальных благ, искушение возможностью повелевать другими людьми, порабощать их и господствовать над природой, не считаясь с ее законами, искушение похотью — гипертрофированные сексуальные потребности, опустошающие личность и вызывающие борьбу за обладание объектами сексуальных наслаждений.

Все эти искушения создают опасность вырождения рода человеческого и отдельных людей. Еще Аристотель осознавал это. «Без добродетели, — писал он, —

человек становится самым нечестивым и самым диким существом, а в отношении к половому наслаждению и к пище он хуже тогда всякого животного» [7, с. 380].

Мораль удерживает человека от опасных для него искушений, способствует разрешению противоречий между индивидом и всей общностью. На заре цивилизации небольшие человеческие коллективы (род, племя) могли обойтись без политики, регулируя взаимодействие людей и обеспечивая общественный порядок с помощью обычаев, традиций, различного рода табу и вырастающей на основе всего этого морали, а также таких естественно-исторических институтов социального контроля, как семья и община. Преобладание неполитического регулирования в обществе предполагало социальное равенство (а, следовательно, низкий уровень конфликтности), сравнительную немногочисленность общностей людей и весьма простые формы их взаимодействия.

Со временем, с возникновением сложных социальных общностей, традиционные ритуально-нравственные формы регулирования поведения людей оказались недостаточными. Развитие производства и углубление разделения труда, обострение социальных конфликтов, усложнение общества, в том числе форм взаимодействия людей, появление новых общих дел, ослабление традиционных родовых форм социального контроля – все это привело к возникновению политики как особого института и вида деятельности, регулирующего поведение людей с помощью специального аппарата принуждения.

Таким образом, по мнению В. П. Пугачева [115, с. 54], главные общественные функции морали и политики совпадают. Политика, как и мораль, имеет основание претендовать на защиту общего блага и социальной справедливости, хотя очень часто далека от выполнения этих гуманных задач. Политика возникает вследствие регулятивной недостаточности морали, как специфическое дополнение. Не случайно, отражая этот факт, мыслители древности рассматривали политику как одну из ветвей этики. Разделение политики и морали и учений о них впервые произвел лишь в конце XV – начале XVI вв. Н. Макиавелли [82].

Политика выступает как бы формой объективации, внешнего выражения и материализации механизмов нравственного самоконтроля. Так, например, характерную для морали функцию угрызений совести здесь выполняет суд, формализовавший критерии своих оценок в виде права и предусматривающий определенные санкции за нарушение установленных норм.

Поскольку политика является одной из важнейших сфер человеческой деятельности, то ее нежелательно отделять от морали и этики. Моральные ценности и нормы, имеющие отношение к политическому миру, к его институтам, отношениям, политическому мировоззрению и поведению членов того или иного сообщества, в совокупности составляют политическую этику и используются в виде оценки политического курса в целом и политической деятельности отдельных лиц, в частности.

Общее между политикой и моралью заключается в том, что и политика и мораль относятся к традиционным регуляторам общественной жизни, к сфере социального выбора, в силу чего они подвижны и изменчивы и являются регуляторами поведения людей.

20.2.3. Различия между политикой и моралью

Несмотря на элементы общности, политика, по мнению В. П. Пугачева [115], имеет и принципиальные отличия от морали. Важнейшим из них является *конфликтность* политики. Политика представляет собой деятельность, направленную на разрешение групповых социальных конфликтов, затрагивающих все общество и требующих применения власти. Мораль же характеризует повседневные индивидуальные отношения между людьми, частным случаем которых являются конфликты, обычно не достигающие политической остроты.

Непосредственным источником политики являются экономические и другие насущные *интересы* людей, причем в первую очередь интересы крупных социальных групп: наций, классов, слоев и т. п. Непосредственным же источником морали выступают общечеловеческие, а также другие коллективные ценности, следование которым не сулит индивидуальной личной выгоды. Поэтому соперничество моральных и политических мотивов поведения — это борьба духовных ценностей и непосредственных, прежде всего материальных, личных интересов.

Многие императивы морали носят *характер идеалов*, с которыми следует соотносить свои действия, но которых в реальной жизни едва ли кому-нибудь удастся достичь. Так, например, вряд ли можно найти человека, который за всю свою жизнь ни разу не слухавил, говорил лишь одну правду или же в соответствии с христианскими нравственными заповедями возлюбил каждого своего ближнего как самого себя.

Отступления от морали — общераспространенное явление. «Кто из вас без греха, первый брось на нее камень!», — обратился Христос [16] к толпе, пытавшейся строго судить блудницу, и никто из людей не поднял руку, посчитав себя безгрешным.

В отличие от *абстрактно-нормативного* характера нравственных императивов, требования политики *конкретны* и обычно облечены в форму законов, нарушение которых влечет за собой реальные наказания.

Политика направлена вовне и *целесообразна*, т. е. ориентирована на достижение определенных целей, результатов. Мораль же оценивает *субъективное, внутреннее переживание* поступков. Для нее важны не столько достигнутые результаты, сколько сам поступок, его мотивы, средства и цели, независимо от того, достигнуты они или нет.

Мораль всегда *индивидуальна*, ее субъект и ответчик — отдельный человек, делающий свой нравственный выбор. Политика же носит групповой, *коллективный* характер. В ней индивид выступает как часть или представитель класса, нации, партии и т. п. Его личная ответственность как бы растворяется в коллективных решениях и действиях.

Политика *ситуативна*. Ориентируясь на успех, она призвана учитывать реальную ситуацию, все факторы, способные повлиять на достижение целей. Моральные же требования в своей основе *универсальны* и, как правило, независимы от конкретной обстановки.

Важнейшей отличительной особенностью политики является также *опора на силу*, использование принудительных санкций за невыполнение требований. По-

литика, писал М. Вебер, «оперирует при помощи весьма специфического средства – власти, за которой стоит насилие» [21, с. 694].

Мораль же в принципе осуждает насилие и опирается главным образом на «санкции» совести. Собственная совесть, особенно если она не развита, может простить человеку даже преступления. Политика же карает не только противников и нарушителей, но нередко и невинных, вызывая у людей страх.

Отмеченные выше особенности политики по отношению к морали, по мнению В. П. Пугачева [115], свидетельствуют об автономности этих сфер жизнедеятельности и дают основания для различных толкований вопроса о совместимости политики и морали.

20.2.4. Совесть как верховный судья политического поведения

Рассматривая проблемы взаимоотношений морали и политики, нельзя обойти проблемы совести в политике. *Совесть* – этическая категория, выражающая способность личности осуществлять моральный самоконтроль, определять с позиции добра и зла отношение к своим и чужим поступкам. Совесть выносит свои оценки как бы независимо от практических интересов, однако в различных проявлениях совесть человека отражает воздействие на него конкретных социальных, политических и исторических условий жизни и воспитания. Совесть не порождает, а лишь закрепляет и воспроизводит те ценности и оценки, которые выработаны в общественной практике. В отличие от мотива (чувства долга) совесть включает и самооценку уже совершенных действий на основе понимания человеком своей ответственности перед другими людьми и обществом.

Совесть, по определению В. П. Пугачева, – это эмоциональное переживание ответственности человека перед самим собой, другими людьми, обществом, всем человечеством, Богом. Она – проводник гуманизма в глубинах человеческой души и в реальном поведении индивида. Она – внутренний судья человека, обеспечивающий самоконтроль личности во всех ситуациях и особенно там, где политический и общественный контроль затруднен или невозможен. Совесть, соединенная с долгом и другими нравственными механизмами регуляции поведения людей, выступает наиболее надежным гарантом гуманизма политики. Поэтому развитая нравственная культура общества – необходимое условие демократического политического строя [115].

Совесть превращает индивида из стадного *животного* или высокоразумной *машины*, работа в *Человека*. Религиозные мыслители нередко называют ее Божьей искрой в душах людей, позволяющей им осознать самих себя и свою ответственность перед людьми и Высшим Разумом. Человек с разрушенной нравственной саморегуляцией, лишенный угрызений совести, превращается в асоциальное, опасное для общества и других людей существо. Не случайно Гитлер, проводя человеконенавистническую политику национал-социализма, убеждал своих солдат в том, что он освобождает их от болезни, называемой совестью.

По христианским убеждениям человек находится перед совестью как личность перед богом, он внемлет ее голосу. Однако даже независимо от этого религиозного значения в совести человек превышает всю социальность и формы ее проявле-

ния: закон, государство и политику. Если совесть обязательно, «категорически» приказывает нам, то приходится следовать ей. Совесть превосходит любые политические резоны, но она не изолирует нас от других. Поэтому по отношению к ним мы не можем просто освободиться от наших законных и нравственных обязанностей. Индивиду необходимо найти компромисс в отношениях между совестью и внешними обязательствами, между совестью и законами государства, между совестью и политическим компромиссом.

Совесть вступает в конфликт с политикой и государством, когда оно не выполняет свои обязанности по сохранению права и мира, т. е. когда государство становится в той или иной мере неправовым государством. Если исходить из работоспособного свободного конституционного государства, то конфликт между совестью и политикой не будет антагонистическим. Но конфликт не устранен и здесь. Он остается принципиально всегда возможным и поэтому должен решаться «практически». Самой известной возможностью для этого является юридически гарантированное исключение из общего правила, например право отказа от воинской службы по причине совести. Однако существуют и другие возможные случаи конфликтов. Имеют место апелляции групп интересов к совести и к праву на «гражданское неповиновение», например, для препятствования крупным застройкам, транспортировкам ядерных отходов и др.

Первая проблема в этих отношениях встает вместе с вопросом, что подразумевается под совестью или суждением совести. Существует ли в обществе общее представление о совести? Может ли оно существовать, или это тоже становится делом расположения, склонности и чувства? Государство не может дать определение совести. Поэтому можно предполагать, что под этим понятием в обществе подразумевают совершенно разные вещи.

Конечно, на решения совести оказывают влияния извне: сограждане, происхождение и воспитание, социальное окружение и соответствующая ситуация. Однако совесть для человека является абсолютно обязательной инстанцией, даже в противовес внешним обстоятельствам, если он чувствует в ней безусловность нравственного требования. Это требование понимает человека как единое целое, включая также его эмоциональную сторону, хотя суждение совести может быть исключительно умственным актом взвешивания причин и встречных доводов и принятия осознанного решения.

Согласно этим описаниям индивид хоть и может ожидать извне помощи в вопросах совести, но никакой авторитет не освободит его от принятия решения. Индивид сможет также обосновать свое решение для других, насколько он этого захочет; но извне нельзя будет определить, действительно ли это решение совести. В этом смысле индивидуальную совесть следует уважать как последнюю инстанцию, но ее нельзя проконтролировать. Однако это не означает, что тот, кто в противовес общему закону ссылается на свою совесть, не обязан приводить причины своего решения или не должен предстать перед общественностью для испытания на верность решения совести каким-либо другим способом, например, приняв другую службу. Нравственное самоопределение не означает произвола, скорее оно включает обязательство давать себе самому отчет о причинах собственной деятельности, а также о последствиях, в том числе о тех, которые вытекают из этого для других. Следует помнить, что тот, кто уклоняется от требований общего закона, при-

чиняет тем самым вред правам и требованиям своих сограждан. Он может быть оправдан лишь в том случае, если он может сделать значимыми более высокие обязательства, чем государственный закон. Если он освобождает себя от объяснения причин, будут ущемлены права всех других, которые находят свое выражение в общем законе.

Тем самым обозначено направление, в котором мы должны искать «практическое» решение проблем, ибо теоретически чистое и окончательное решение не возможно. Выход видится в том, чтобы в политике обходиться с совестью так, чтобы это соответствовало смыслу институтов свободного конституционного государства. Решение имеет две стороны.

С одной стороны, государство должно по возможности меньше затрагивать или даже обременять совесть своих граждан. Поэтому политике следует держаться в стороне от сферы убеждений совести. Там, где это не возможно, и существуют такие пограничные вопросы, должны быть исключения из общего правила. Но они могут быть только исключениями и требуют, в свою очередь, регулирования.

Другая сторона практического решения в том, что политически действующие граждане не должны без нужды делать политические вопросы вопросами совести в строгом смысле. В обществе существует мнение, что непреклонно и безоговорочно аргументирующий политик является лучшим, заслуживающим доверия и правдивым. В действительности же в большинстве случаев речь при этом идет о тех, «кто ужасно все упрощает» или о рыцарях принципов. В политике редко идет речь об абсолютной правде, об однозначном добре или зле. Речь идет о приближении к лучшему и об избегании худшего. Поэтому по возможности нужно исключить совесть из игры. Нужно «зарезервировать» ее для тех редких случаев, когда действительно нужно сказать: я настаиваю на этом, я не могу иначе!

Политика будет невозможна как дело выторговывания уступок, поиска компромиссов и создания при голосовании большинства, если участники будут ссылаться на свою совесть. У совести нельзя ничего выторговать. Однако в политике требуется урегулирование конфликтов именно потому, что мы разные, в том числе в наших убеждениях. Поэтому в парламенте нужна, например, фракционная дисциплина. Депутат в конечном итоге подчиняется только своей совести, в крайнем случае, он должен уметь обратиться к ней. Это гарантирует ему его мандат. Но в ежедневной политической работе он должен одновременно совместно с другими искать практичные решения, делать возможными решения большинства или правительства (оппозиции) в институциональном смысле.

С точки зрения содержания, для всех конфликтов верно то, что компромисс заслуживает предпочтения перед конфронтационным обострением. Поэтому не следует без необходимости углублять конфликты интересов до конфликтов относительно общего порядка или даже до истинностных конфликтов.

Во всех конфликтах целей следует тщательно анализировать, что является спорным между сторонами: цели или пути достижения целей. В споре о мире или о социальной справедливости, как правило, оспариваются не сами цели, а скорее их интерпретация, часто пути к ним. Часто речь при этом идет только о том, чтобы найти наименьшее зло. Любое решение имеет свою цену. Это должен понимать каждый, кто выступает за определенное решение. Без «цены» мы не можем до-

биться ни одной ценности, ибо многие ценности, от которых мы зависим в жизни, конкурируют друг с другом, несмотря на то, что они взаимно обусловлены.

Из всего этого следует, что хотя политические суждения всегда имеют моральную сторону, необходимо, чтобы за них всегда можно было ответить, и было кому это сделать. Причиной полемики являются, как правило, не бесспорные суждения о верном и неверном, о добром и злом. Как правило, обсуждаются обусловленные ситуацией различные суждения о лучших или подходящих средствах. Не стоит объявлять их решениями совести в строгом смысле, ибо вместе с тем кончится политический спор, или он перерастет в войну вер.

§ 3. НРАВСТВЕННОСТЬ И ПОЛИТИКА

20.3.1. Соотношение терминов «нравственность» и «мораль»

Сходство и различие политики и морали как глубинных социальных феноменов ставит перед учеными и политиками трудно решаемые на практике задачи. Прежде всего присутствует разное понимание терминов.

В частности, А. С. Кармин [66] утверждает, что термины «нравственность», «мораль», «этика» близки по смыслу. Но возникли они в трех разных языках. Слово «этика» происходит от греч. *ethos* – нрав, характер, обычай. Его ввел в обиход 2 300 лет назад Аристотель [7], который назвал «этическими» добродетели или достоинства человека, проявляющиеся в его поведении, такие качества, как мужество, благоразумие, честность, а «этикой» – науку об этих качествах. Слово «мораль» – латинского происхождения. Оно образовано от лат. *mos* (мн. число *mores*), что означало примерно то же, что *ethos* в греческом – нрав, обычай. Цицерон [135a], следуя примеру Аристотеля, образовал от него слова *moralis* – моральный и *moralitas* – мораль, которые стали латинским эквивалентом греческих слов этический и этика.

А «нравственность» – русское слово, происходящее от корня «нрав». Оно впервые попало в словарь русского языка в XVIII в. и стало употребляться наряду со словами «этика» и «мораль» как их синоним. Так в русском языке появились три слова с примерно одним и тем же значением. Со временем они приобрели некоторые смысловые оттенки, отличающие их друг от друга. Но в практике словоупотребления эти слова практически взаимозаменяемы (а их смысловые оттенки почти всегда можно уловить по контексту).

Р. У. Семенова [120], напротив, считает, что выявление специфики этических оснований политики требует разведения понятий «мораль» и «нравственность». Моральность соотносится с внутренними принципами человека, тогда как нравственность касается внешней регламентации – независимо от характера регламентирующих факторов.

Автор разделяет эту точку зрения и рассматривает проблему «нравственности и политики», как реализацию политиками своих моральных принципов в процессе их политической деятельности.

В отличие от морали, которая рассматривает поступок всегда в связи с намерениями, как бы изнутри личности, политика, по мнению А. А. Гусейнова [37], рас-

считывает его с внешней стороны объективных результатов. Это различие хорошо передает известное высказывание В. Л. Ленина о том, что в личном (читай: моральном) смысле разница между предателем по умыслу и предателем по глупости огромная, но в общественном (читай: политическом) смысле этой разницы не существует. И если недопустимо большим огрублением было бы утверждение, что мораль есть область намерений, то вполне корректной можно считать мысль, что политика есть область поступков. Поступок соединяет человека с другим, его результат не находится целиком в моей власти и всегда отличается от моих намерений. Поэтому-то политика и является областью компромиссов, равнодействующей различных мнений и позиций. Так как политика существует в непрерывной динамике, то последствия поступка, будучи непредсказуемыми, являются еще и необозримыми. Еще одна парадоксальная особенность поступка состоит в том, что он в своих последствиях не отменяется. Поступок в своих как счастливых, так и злосчастных последствиях совершается навечно. Цезарь, принимая решение перейти Рубикон, не мог думать, что для него лично это в итоге обернется трагической гибелью. И если бы он даже на каком-то этапе пожалел о своем поступке и захотел бы вернуть все обратно, он бы не смог этого сделать – жребий был брошен.

Нравственность – в широком смысле – особая форма общественного сознания и вид общественных отношений. Нравственность – в узком смысле – совокупность принципов и норм поведения людей по отношению друг к другу и обществу. Нравственность представляет собой ценностную структуру сознания, общественно необходимый способ регуляции действий человека во всех сферах жизни, включая труд, быт и отношение к окружающей среде.

20.3.2. Основные модели взаимодействия морали и политики

Не менее дискуссионна проблема соотношения политики и морали, основных моделей их связи и взаимодействия. По этому вопросу в литературе существует несколько точек зрения, которые условно можно разделить на пять групп: полное подчинение моралью и религией политики, признание частичного совпадения политики и морали, разведение политики и морали как абсолютно автономных сущностей, противопоставление политики и морали как антагонистов, утверждение равноценного взаимодействия политики и морали с поддержанием их напряженного взаимодействия.

20.3.2.1. Полное подчинение моралью политики

Исторически первая модель именуется *морализаторским* подходом. Выражаемый в крайней форме – в форме морального абсолютизма, – он означает, что политика должна не только иметь высоконравственные цели (общее благо, справедливость и т. п.), но и при любых обстоятельствах не нарушать нравственные принципы (правдивость, благожелательность к людям, честность и т. п.), используя при этом лишь нравственно допустимые средства.

Раннеевропейское мышление исследовало состояние напряжения между моралью и политикой. Аристотель [7] проводил различие между хорошим человеком

и хорошим гражданином, и позднейшие мыслители неперестанно подчеркивают несовпадение мира нравственного и мира политического. Средневековая мысль говорила о соподчинении морали и политики (Августин Блаженный [1], Лютер М. [80]). Политической сфере приписывается относительная автономия, связываемая с теологически интерпретируемым царством добродетелей.

Сторонник морализаторского подхода Г. Мабли [81] называл политику общественной *моралью*, а мораль – частной *политикой*. Хорошая политика, по Мабли, не отличается от здоровой нравственности. Ж-Ж. Руссо [117] призывал к соединению политики и морали: кто захочет изучать отдельно политику и мораль, тот ничего не поймет ни в той, ни в другой, и все, что является нравственным злом, является злом и в политике. По мнению Т. Джефферсона [44], искусство управления состоит в искусстве быть честным.

Морализаторский подход к политике, господствовавший в общественной мысли вплоть до Нового времени, не утратил своего значения и в XX в. Известный русский религиозный философ В. С. Соловьев писал: «Как нравственность христианская имеет в виду осуществление царства Божия внутри отдельного человека, так христианская политика должна готовить пришествие царства Божия для всего человечества как целого, состоящего из больших частей – народов, племен и государств» [123, с. 59].

Освобожденный от крайностей, морализаторский подход к политике представлен, в частности, в идеологии христианско-демократического движения – одного из наиболее влиятельных политических движений современного мира. Такой подход, понимаемый как нравственный ориентир субъектов политики, их стремление сделать ее нравственной, учитывая при этом социальные реальности, способствует гуманизации политики. В то же время жизнь показала, что попытки полностью подчинить политику нравственности в духе морального абсолютизма обрекают ее на неэффективность и тем самым компрометируют и мораль и политику.

В рамках этого подхода Р. У. Семенова [120] рассматривает вариант отождествления этих институтов. Такой подход был присущ классическому античному мышлению, в рамках которого наука политики как знание о более важном и более полном – благе целого государства – включала в себя этику как знание о благе одного человека. Фактически данная позиция исходит из того, что принципами подлинной политики являются моральные требования гуманизма. Признание ненасилия в политике как нормативной программы делает акцент на добрые начала в человеке, который неизбежно проецируется на политику, вырисовывая перспективу солидарного слияния индивидов в едином братском сообществе (мультипликационный эффект нарастания нравственности в политике). Эта точка зрения исходит из наличия нравственного сознания, совести и разума у всех агентов политического действия, как у объектов, так и у субъектов. При этом абсолютизируется значение внутренних механизмов мотивации политического поведения, и прежде всего совести, долга и т. д.

Между тем политика – это взаимодействие политических сил, имеющих различные интересы, подчас сталкивающиеся между собой. Различия интересов воплощают власть как природу политики в том минимальном и всеобщем определении, которое в свое время сформулировал М. Вебер [21]: «Власть – есть вероятность того, что одно действующее лицо в рамках социального отношения будет

в состоянии осуществить свою волю вопреки сопротивлению, каковы бы ни были основания такой вероятности». Несмотря на бедность этого определения, неполноту и даже неспецифичность для политики (ибо универсалистская природа власти охватывает проявления в различных сферах, что дало основание самому М. Веберу считать его аморфным), оно достаточно четко выявляет в природе политики соотношение одной силы с другой. Политические институты являются выразителями той или иной идеологии, отражают противоположные групповые интересы и нацелены на их легитимацию и защиту, а это неизбежно подрывает или ослабляет общечеловеческие требования и нормы организации социальной и политической жизнедеятельности.

На практике отождествление нравственности с политикой может обернуться прямо противоположными результатами. В 1918 г. президент США В. Вильсон выступил против поддержки Антантой антиправительственных движений в России. Он мотивировал подобный шаг общей усталостью от Первой мировой войны и нежеланием приумножать и без того значительное число жертв. Американское правительство, писал Вильсон, готово выступить гарантом мирных переговоров между борющимися политическими партиями России. Согласитесь, что трудно себе представить сидящими за одним столом Л. Д. Троцкого и А. В. Колчака, государя Н. А. Романова и Н. И. Махно. Благое (и, отметим, абсолютно искренне) желание президента, обретшего значительный вес в результате апрельской высадки во Франции американских войск (1917), приведшей к поражению «стран Оси», привело к резкому снижению помощи Белым Армиям и их поражению. Как следствие нравственного начала в политической практике стало появление первого в мире тоталитарного государства.

20.3.2.2. Частичное совпадение морали и политики

В научной литературе и общественном мнении имеет место подход, исходящий из признания частичного совпадения политики и морали. Своеобразным проявлением такого подхода является утверждение, что мораль и политика различны, но они могут быть соединены таким образом, что первая выступит ограничительным условием последней. Р. У. Семенова [120] пишет, что не совсем понятно как при этом мыслится «ограничительная миссия» морали: видимо, предполагается, что агентом исполнения этой миссии может быть «моральный политик», который целиком принимает принципы нравственности и осуществляет деятельность на их основе. Такая идея весьма родственна утопиям эпохи Просвещения, которые исходили из решающей роли знания и особенно познания «естественного порядка» (т. е. порядка, соответствующего подлинным, не испорченным знаниям человека) для исправления социальных отношений. Кстати, именно эта позиция создала предпосылки для критики самого разума, т. е. ограничения чрезмерного оптимизма. Моральный политик, по ее мнению, как субъект нравственной политики — это благое пожелание, хотя и не лишенное определенных оснований, ибо социальная ценность демократии во многом зависит от личностных характеристик элиты. Именно руководящий слой должен обладать необходимыми для управления качествами, чтобы сохранить демократические структуры, укрепить ценности правового государства.

Политология не занимается вопросами оценки моральных качеств политика. «Политик может быть добрым или злым, прямодушным или лукавым, щедрым или скупым, сострадательным или жестокосердным – все эти человеческие качества, – пишет А. С. Панарин, – прямого отношения к профессиональной политической этике не имеют» [102].

Между тем при определенных условиях личностные качества могут приобретать своеобразные свойства, характеризующие политические отношения. При этом они, безусловно, трансформируются: «вхождение» в политику преобразует их, они перестают быть собственно моральными оценками с присущими им атрибутами универсальности, «незаинтересованности» (беспристрастности), безразличия к последствиям. Они становятся составляющей частью партийной стратегии, противостоящей другой; отчасти определяют механизмы политики, включая их нормативный компонент.

Своеобразной вариацией в рамках этого подхода является точка зрения, согласно которой политика и мораль, будучи разноплановыми субстанциями, согласуются друг с другом на уровне идеалов, ценностей, долга. Между тем такой подход – это не что иное, как приложение этической теории к политике. Прикладная проекция общей этики на политику не решает внутренних проблем политологии, а эти проблемы имеют собственную внутреннюю логику развития. Этические установки и нормы нравственного долга не совсем тождественны представлениям о долге в политике. Поскольку политика напрямую ориентирована на достижение тех или иных целей, постольку исполнением долга в данной сфере является достижение тех или иных результатов, которые в то же время выступают существенными показателями ее эффективности. Долг в политике определяется тем, насколько она эффективна, насколько выполнены предвыборные обещания, реализована партийная программа, осуществлены конкретные действия по укреплению власти и т. д.

Что же касается долга в этике, то он представляет собой осознание личностью безусловной необходимости исполнения того, что заповедуется моральным идеалом, что следует из него. Долг человека – следовать по пути добродетелей, делать добро другим людям, по мере возможности не допускать в себе порочности, противостоять злу. Долг – это высокая нравственная обязанность, ставшая внутриличностным источником добровольного подчинения своей воли задачам достижения, сохранения тех или иных ценностей, причем исполнение моральных требований напрямую не приносит личности успеха, пользы. Сама ценность санкций морали заключается в том, что, соблюдая их, человек напрямую не рассчитывает на достижение выгоды, прагматического результата [120].

Вместе с тем Ю. В. Ирхин [60] считает, что политика организует совместную жизнь людей и их деятельность, регулирует и контролирует жизнь общества, а мораль имея такие же функции, в то же время *контролирует* политику (как и другие организационные системы общества – правовую, культурную, идеологическую и пр.). Политика же лишена права контроля морали.

По мнению О. Гаман-Голутвиной [25], имевшие место в истории попытки властных групп России перейти на позиции политического идеализма практически всегда завершались политическим поражением независимо от побудительных мотивов.

Примером неоправданного смещения стандартов политического реализма и политического идеализма могут служить романтические иллюзии императора

Александра I относительно возможности создания после окончания наполеоновских войн Священного союза – первой в истории системы общеевропейской безопасности, основанной на балансе интересов различных европейских стран. Однако эта попытка не удалась, ибо союзники России по бывшей антинаполеоновской коалиции противопоставили ее открыто конференциальной политике политику кулуарного сговора. И в этом не порок, а сила западной дипломатии, исходящей из вечного принципа первенства интересов. Именно этим принципом всегда руководствовались Талейран, Меттерних, Бисмарк...

Наконец, знаменательное фиаско потерпело новое издание российской версии политического идеализма в период правления М. Горбачева и Б. Ельцина. Политика «нового мышления для нас и всего мира» и «возвращения в семью цивилизованных народов» стала спусковым механизмом геополитического краха не только советской империи, но и всей Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, а с нею – и системы глобальной стратегической стабильности. Морализаторский фетишизм времен «перестройки» и «постперестройки» стал «дымовой завесой» крушения и эффективной политики, и морали. Стенания о зыбкости государства послужили прологом к его разрушению. Итогом дилетантского морализаторства в политике 1990-х гг., как считает О. Гаман-Голутвина стало геополитическое поражение страны [25].

Сегодня преобладают популистские оценки, суть которых в том, что политика в современном российском обществе становится все более безнравственной. Этот подход не случаен: повседневная реальность дает к тому все больше поводов. Однако идущий процесс изменения соотношения политики и морали в высшей степени неоднозначен и противоречив: наряду с очевидными бедами он содержит и несомненный позитив. Сфера жизнедеятельности общества, подлежащая моральной регуляции, сужается за счет ограничения использования «частной» морали в качестве регулятора политических отношений, а этот процесс рационален, целесообразен и благотворен.

Общественное мнение в этом вопросе сложно изменить, ибо традиционным стал тезис о том, что привнесение в политику норм нравственности есть условие эффективности политики. Это действительно так. Но проблема глубже и обусловлена тем, что, критерии нравственности в политике специфичны и весьма существенно отличаются от норм и ценностей «частной» морали. Между тем в России вследствие относительной молодости политики как самостоятельного социального феномена присущие именно политике специфические нормы и механизмы нередко подменялись теми, что сложились в рамках общепринятой «частной» морали, выступающей в качестве регулятора общесоциальных (а не политических) отношений.

Поэтому процесс кристаллизации специфически политической нравственности и освобождения политики от неоправданно широкого применения критериев «частной» морали рационален. Его развитие противоречно и чревато существенными издержками политического и этического характера. Массовое политическое сознание постепенно освобождается от излишнего морализаторства, становится более прагматичным и проникается тем разумным эгоизмом, без которого общество легко обыграть под аккомпанемент разговоров о приоритете общечеловеческих моральных ценностей [25].

20.3.2.3. Разведение политики и морали как абсолютно автономных сущностей

Гипертрофированным отражением различий политики и морали является подход к их взаимоотношению, отделяющий эти две области общественной жизни друг от друга. Согласно этому подходу, политика и мораль *автономны* и не должны вмешиваться в компетенции друг друга. Мораль — это дело гражданского общества, личной ответственности, политика же — область противоборства групповых интересов, свободная от нравственности. Этот подход именуется *ценностно-нейтральным* и предполагает игнорирование политикой нравственных ценностей. Это достаточно старая политическая традиция, присутствующая еще в древнеиндийской «Артхашастре» [8].

В качестве нравственных ценностей у всех народов почитаются честность, верность, уважение к старшим, трудолюбие, патриотизм. И хотя в жизни люди далеко не всегда проявляют подобные качества, но ценятся они людьми высоко, а те, кто ими обладают, пользуются уважением. Эти ценности, представляемые в их безупречном, абсолютно полном и совершенном выражении, выступают как этические идеалы.

Важнейшей особенностью нравственности является финальность нравственных ценностей и императивность нравственных регулятивов. Это значит, что принципы нравственности самоценны. То есть на вопросы вроде: «Для чего они нам нужны?», «Зачем нам стремиться к нравственным ценностям?», «Почему мы должны соблюдать нормы нравственности?» — нельзя ответить иначе, как признать, что цель, ради которой мы следуем нравственным принципам, состоит в том, чтобы следовать им. Здесь нет тавтологии: просто следование нравственным принципам — это самоцель, т. е. высшая, финальная цель» и нет никаких других целей, которые мы хотели бы достичь, следуя им. Они не являются средством достижения какой-либо вне их лежащей цели [66].

Родоначальником таких взглядов в европейской политической традиции многие считают Макиавелли. Действительно, этот выдающийся мыслитель, освободил исследование политики от религиозного и этического контроля, поставил в центр политического анализа проблему эффективности политики, способов и средств достижения целей. В своей знаменитой работе «Государь» (1532 г.) [82] он утверждал, что политика должна учитывать конкретное состояние общественных нравов, в том числе нравственную испорченность людей. Человек, желающий всегда делать добро, при безнравственном окружении ничего не добьется, не будучи реалистом, и погибнет. Поэтому если в народе не развиты гражданские добродетели и в обществе нарастает анархия, то ради спасения государства и порядка государь вправе использовать любые, в том числе и безнравственные средства.

Один из важнейших постулатов макиавеллизма гласит: «цель оправдывает средства». Для пользы и в интересах государства, утверждал он, правитель должен органически сочетать в себе хитрость и силу, т. е. быть одновременно лисой и львом в одном лице. Он вправе не хранить верность своему слову, прибегать к лживости и вероломству и т. д., т. е. использовать все средства, которые служат делу укрепления государства.

К аналогичному выводу, хотя и с прямо противоположных исходных позиций, пришел и марксизм, особенно в его ленинской ипостаси. В период возникновения

социалистические и коммунистические идеи представляли собой идеальные и нравственные устремления людей своей эпохи. Существуют некие внутренние механизмы и особенности зарождения, достижения зрелости и постепенного самоисчерпания мобилизационных и интеграционных возможностей разного рода идей и концепций. Провозгласив целью социализма «грядущее избавление от рабства и нищеты», К. Маркс и Ф. Энгельс выступили против «фантастических сентиментальных бредней», которые, по их мнению, могли оказать лишь «деморализующее влияние на рабочих» [88]. Они высказывались за свободное самостоятельное творчество «нового мира, покоящегося на чисто человеческих, нравственных жизненных отношениях».

Однако в дальнейшем, когда был выдвинут тезис о приоритете социально-экономических факторов и реальных жизненных интересов, эти соображения, как пишет К. С. Гаджиев [24], фактически оказались отодвинутыми на задний план. Более того, уже в «Манифесте Коммунистической партии» провозглашалась идея о том, что коммунистическая революция «самым решительным образом порывает с идеями, унаследованными от прошлого», в том числе и с моралью. При всех необходимых в данном случае оговорках нельзя не признать, что в марксистской «этике» центральное место занимает противопоставление «классовой морали» универсальным гуманистическим ценностям. Ф. Энгельс, например, писал: «Мы отвергаем всякую попытку навязать нам какую бы то ни было моральную догматику в качестве вечного, окончательного, отныне неизменного нравственного закона... Например, мы утверждаем, что всякая теория морали являлась до сих пор в конечном счете продуктом данного экономического положения общества... Мораль, стоящая выше классовых противоположностей и всяких воспоминаний о них, действительно человеческая мораль станет возможной лишь на такой ступени развития общества, когда противоположность классов будет не только преодолена, но и забыта в жизненной практике» [141, с. 95-96].

Наиболее далеко идущие выводы из такой постановки вопроса сделали В. И. Ленин и его сподвижники и последователи. «Наша нравственность, — писал Ленин, — подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата». Здесь мораль, по сути дела, всецело поставлена на службу политическим целям по принципу: цель оправдывает средства, мораль и нравственность сведены до уровня элемента идеологии. Более того, как пишет К. С. Гаджиев, идеология приобрела универсальный характер в том смысле, что, тотально подчинив себе политику, как ее фактографическую сторону, так и интерпретацию, марксизм, по сути дела, изгнал из сферы исследования не только мораль, но и огромный массив факторов, не образующихся с определенным набором идеологических установок, тем самым предельно редуцировав и искажив реальную жизнь [24].

Если марксизм-ленинизм пришел к отрицанию морально-этического начала в политике, подчинив его всецело так называемой классовой морали, то идеологи фашизма и нацизма добились того же результата, поставив во главу угла своей идеологии так называемую национальную мораль, противопоставленную как классовой, так и общечеловеческой морали.

Особого внимания заслуживает позиция позитивизма. Руководствуясь рационалистической традицией, восходящей к Р. Декарту [45], Т. Гоббсу [31] и другим мыслителям Нового времени, позитивисты стремились свести политику всецело к

науке как служанке механизма разрешения или смягчения политических конфликтов. Считалось, что политическая наука, раскрывая причинно-следственные закономерности, дает возможность определить те константы и переменные величины, воздействуя на которые можно достичь желаемых результатов. Постепенно торжество рационализма, сциентизма и научных методов исследования политических феноменов привело к отделению фактов от ценностей, объективации, ценностной и идеологической нейтрализации позитивистской политологии. Провозглашенная позитивистами нейтральность, или беспристрастность, политической науки привела к тому, что нравственные аспекты политики были объявлены «личным делом» участников политического процесса, не имеющим никакого отношения к политическому анализу.

Ценностно-нейтральный подход разделяет современный отечественный исследователь О. Гаман-Голутвина. Она пишет, что суть морали – в незыблемости раз и навсегда установленных идеалов, норм и ценностей. Формулами общепринятой морали на бытовом уровне могут служить нравственные максимы «Возлюби ближнего, как самого себя», «Сам погибай, а друга выручай» и т. п. Иначе говоря, суть морали – в укрощении эгоистической природы человека в пользу альтруизма на основе следования фундаментальным незыблемым идеалам [25].

Между тем в политике константой является понятие «интерес», а не «идеал». Отсюда – необходимость постоянных изменений политики, ориентированной на реализацию интереса. Суть политики может быть выражена известной формулой: «В политике нет вечных друзей и вечных врагов – есть вечные интересы». Наиболее точное выражение это соотношение получило в философии истории Г. В. Ф. Гегеля: «Всемирная история совершается в более высокой сфере, чем та, к которой приурочена моральность, чем та сфера, которую составляют образ мыслей частных лиц, совесть индивидуумов, их собственная воля и образ действий... то, что творит провидение, стоит выше обязанностей, вменяемости и требований, которые выпадают на долю индивидуальности по отношению к ее нравственности... Таким образом, дела великих людей, которые являются всемирно-историческими индивидуумами, оправдываются не только в их внутреннем бессознательном значении, но и с мирской точки зрения. Но нельзя с этой точки зрения предъявлять к всемирно-историческим деяниям и к совершающим их лицам требования, которые совершенно неуместны по отношению к ним» [28, с. 114–115]. Иначе говоря, моральность мирового духа не тождественна частной морали.

С точки зрения массового сознания, руководствующегося «частной» моралью, пакт Молотова–Риббентропа является аморальным политическим шагом, тогда как с точки политического реализма он может рассматриваться как оправданный и даже необходимый шаг. Не случайно денонсация этого соглашения на Съезде народных депутатов СССР в 1989 г. явилась пиком политики политического идеализма в нашей стране и одновременно знаменовала геополитическое поражение государства, ставшее прологом крушения Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений [25].

Автономистский подход достаточно распространен в западной политологической мысли. Американский политолог Э. Гутман полагает, что демократия моральна сама по себе, прежде всего в силу того, что устанавливает равноправие женщин. В качестве примера Гутман приводит аморальность смертной казни и

аморальность ее защиты; следствием подобного высказывания стал вопрос, заданный неким американским сенатором: «Чтобы сейчас было с христианством, не будь смертной казни?». «Иисуса через 10–15 лет досрочно освободили бы из тюрьмы за примерное поведение». Более того, считается, что воздействие морали на политику может быть только отрицательным, деформирующим.

Социальное назначение этого подхода, по мнению А. А. Гусейнова, состоит в том, чтобы развязать руки политике. Поэтому он был легко усвоен российской политической элитой и обслуживающей ее интеллектуальной «тусовкой» с тем большей легкостью, что он не встретил никакого противодействия ни со стороны этической теории, ни со стороны политической науки. Текущая отечественная библиография по теме соотношения морали и политики крайне скудна, а политологическое образование спокойно обходится без курсов политической этики.

Он считает, что можно дать такое определение морали и такое определение политики, которые разводят их по разные стороны и заведомо исключают возможность приложения моральных критериев к политике. Но это будет лишь означать, что мы заранее и незаметно спрятали за пазуху то, что хотим впоследствии громогласно там же найти. Это – уход от проблемы, а не ее решение. Идея моральной нейтральности политики может заслуживать серьезного рассмотрения только в том случае, если нам представят мораль, в которой нет нормы «не убий» как ее краеугольного основания, и если нам представят политику, которая не практикует убийства и угрозы убийством в качестве одного из существенных выражений своей дееспособности. А пока этого нет, мы можем считать «теоретически абсурдным и практически опасным» сам взгляд, который пытается загнать мораль и политику в разные взаимно непроницаемые ниши [39].

Эту аргументацию отвергает О. Гаман-Голутвина [25]. По ее мнению, мышление в парадигме политического реализма не есть специфическая особенность политического сознания российского властного класса. Политический реализм – это универсальный принцип западного (впрочем, и восточного тоже) политического сознания, характерный как для властных, так и для массовых групп. Истоки столь солидарного мышления коренятся в том, что несмотря на разницу в уровне и качестве политического участия массовых и властных групп западного общества, обе эти категории причастны к миру политики, ибо политика здесь не поглощена административным управлением (власть организована дисперсно). Причастность миру политики дает возможность и рядовому гражданину (а не только политикам) осознать специфичность политической морали. Что касается властных групп западного социума, то у них политический реализм безраздельно господствует.

Рассекреченные и опубликованные к настоящему времени документы косвенно свидетельствуют, что президент США Ф. Д. Рузвельт был заблаговременно информирован о грядущей атаке на Пирл-Харбор, однако не предпринял никаких мер, чтобы предотвратить ее, ибо был убежден, что агрессия японцев обеспечит мобилизацию американского общества для борьбы с государствами оси «Берлин–Токио–Рим». Другим примером того же порядка могут служить данные о том, что премьер-министр Великобритании У. Черчилль благодаря достижениям английских криптографов, предоставивших в распоряжение британского руководства расшифрованные донесения немецкого генштаба, знал о готовящейся бомбардировке города Ковентри. Однако британский премьер не предпринял

ничего, чтобы предотвратить трагедию: меры по обеспечению безопасности одного города были чреваты расклевыванием факта доступа англичан к тайнам немецкого командования и его утратой, результатом чего могла стать национальная катастрофа.

В рамках представленной группы подходов вызывает интерес позиция, согласно которой политика и мораль несовместимы, поскольку носителями их являются различные субъекты. Сторонники этого мнения исходят из того, что политика есть всегда коллективное действие, как бы она ни была организована и кто бы и на каких бы основаниях ее ни персонифицировал. Действительно, политика — это действие больших социальных групп, их столкновения и единение во имя интересов власти и властных структур. Политические процессы — это взаимодействия политических партий, политических институтов, общественно-политических движений, ассоциаций, объединений граждан, которые пытаются оказать прямое или косвенное влияние на власть. Способность к действию в политике всегда уступает способности к рефлексии. Что касается морали, то в ней главная фигура — это индивид, человек, который, руководствуясь общечеловеческими нравственными требованиями, самостоятельно делает выбор своего поведения, поступка, намечает цели и средства ее достижения.

В сфере моральной регуляции особую роль играет индивидуальное сознание — сила и оправдание моральных требований заключаются в том, что субъект должен обращать их на себя и только через опыт собственной жизни предъявлять другим. Человек сам дает себе оценку, принимает ее внутренне и на этой основе направляет свои действия в дальнейшем. Отсюда и ответственность человека за моральность выбора и деятельность. Однако противопоставление политики и морали на представленном основании, по мнению Р. У. Семенович, не абсолютно, а относительно. Дело в том, что в политике также немаловажны факторы, касающиеся так называемой политической субъективности, ответственности отдельного индивида за свои действия. Сбрасывать со счетов проявление политики на уровне сознания и деятельности отдельного индивида неправомерно, с другой стороны, в морали весьма существенное значение имеет общественное мнение в оценке конкретного поведения того или иного индивида в соответствии с общими понятиями, принципами о добре и зле [120].

Ю. В. Ирхин [59] настаивает, что устранение из политики моральных суждений — это негативная, нравственная установка, иллюзорная по самой своей сути и ошибочная по существу ориентация на полную автономность политики. Попытки обосновать полную автономность политики от других организационных и регулятивных систем общества оказались неубедительными. Подобно тому, как политика связана с идеологией, правом, экономикой, культурой, наукой, она не может избежать контактов и с моралью. Нравственность — слабое место политики и власти, отсюда и попытки уклониться от морали и моральных оценок, чего на деле не бывает.

20.3.2.4. Противопоставление политики и морали как антагонистов

Игнорирование политикой нравственных ценностей делает ее аморальной. В реальной жизни безнравственность политики — широко распространенное явление. Это служит основанием для трактовки политики и морали как непримиримых *противоположностей* — добра (морали) и зла (политики).

Наиболее негативно оценивает политику анархизм. Политика и ее главный носитель – государство, писал отец русского анархизма М. А. Бакунин, «именно и значит насилие, господство посредством насилия, замаскированного и откровенного». Зло, продолжал он, коренится в самой природе политики – во власти. «Кто облечен властью, тот по неизменному социологическому закону непременно делается притеснителем и угнетателем общества». Причем власть развращает не только ее обладателей, но и тех, кто вынужден ей покоряться [9].

Близкой к анархизму общей оценки политики придерживается марксизм. Он трактует политику как неизбежное в условиях существования эксплуатации, классов и социального неравенства зло, область насилия. Однако это зло все же необходимо использовать пролетариату для свержения эксплуататоров, подавления их сопротивления и построения неполитического коммунистического общества, основанного на социальном равенстве, общественном самоуправлении и свободе личности.

Негативные оценки политики можно найти и у либеральных мыслителей. Так, известный русский философ Н. А. Бердяев писал: «У меня отвращение к «политике», которая есть самая зловещая форма объективации человеческого существования, выбрасывание его вовне. Она всегда основана на лжи. <...> Политика в значительной степени есть фикция, владеющая людьми, паразитарный нарост, высасывающий кровь из людей» [13, с. 101].

В современном российском обществе отношение к политике также не самое положительное. Причина этого – не только в заблуждениях людей, но и в реальных чертах конкретной политики, а также в особенностях политики вообще.

Исследователи [115] выделяют ряд причин, объясняющих кажущуюся, а очень часто и реальную аморальность политики. К ним относятся:

- свойства власти распоряжаться материальными и духовными благами, судьбами людей. Это дает высокий престиж ее обладателям, влечет к государственной «кормушке» жаждущих личной славы и обогащения. Обладающий властью часто испытывает соблазн использовать ее в корыстных целях, а зависящий от нее чувствует почтение к сильным мира сего, стремление угодить, польстить начальству и т. п. Развращающее воздействие власти на управляющих и управляемых нарастает по мере ее концентрации и усиления бесконтрольности. Как говорил известный английский историк лорд Д. Актон, «всякая власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно».

В силу этих особенностей власти для обеспечения гуманной направленности политики, предотвращения различного рода злоупотреблений общество нуждается в эффективной системе отбора не только компетентной, но и нравственной политической элиты, в обеспечении действенного контроля за властью имущими;

- органическая связь политики с насущными интересами людей. Как отмечали еще К. Маркс и Ф. Энгельс, ««идея» неизменно посрамляла себя, как только она отделялась от «интереса»» [86а, с. 89]. Это в полной мере можно отнести и к нравственным идеям, большинство из которых по силе мотивации практического поведения обычно уступают материальным интересам. В политике реальные, прагматические интересы традиционно стояли на первом плане, оправдывая хитрость, ложь, убийства и другие безнравственные поступки. Как со-

стрил по этому поводу один из послов английского короля Якова I, политик — «это вежливый человек, который должен лгать в интересах своего государства». И хотя коллизии между политикой и нравственностью возникают далеко не всегда, в случае появления таких противоречий они чаще разрешаются в пользу интересов;

- обобщенность, безличность, представительность и опосредованность осуществления политических решений, облегчающие отступление от морали. Политические решения обычно принимаются от имени партии, народа, нации, класса и т. п. и касаются не конкретных личностей, а достаточно общих социальных групп и объединений. Те, кто принимает решения, как правило, их непосредственно не исполняют и часто не видят и не чувствуют негативных последствий своей политики. Принять общее решение, например о ликвидации целого эксплуататорского класса, в моральном отношении значительно легче, чем самому уничтожить хотя бы одного его представителя.

Очевидно, что идеолог красного террора Ленин, будучи человеком достаточно воспитанным и просвещенным, вряд ли сам смог бы убить невинного человека из числа привилегированных классов, выходцем из которых был и он сам. Однако, действуя как политик, он отдавал приказы о взятии и расстрелах заложников, советовал для массового наступления на войска генерала Юденича поставить впереди пулеметов тысячи мирных «буржуев», распорядился сжечь целый город Баку в случае его захвата британскими или турецкими войсками;

- влияние на политику групповых ценностей и групповой морали, часто противоречащих общечеловеческим основам нравственности. Попытки создать новую, классовую мораль, отличную от традиционной нравственности, были предприняты в странах бюрократического социализма. «Наша нравственность, — говорил Ленин, — подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата».

Противопоставление групповых интересов и ценностей общечеловеческой нравственности, подчинение морали политике на деле означает разрушение всякой морали. Яркий пример вырождения морали — пропаганда в СССР как геройского поступка политического доноса пионера Павлика Морозова на своего отца.

Негативное влияние групповых ценностей и интересов на нравственность политиков и политики имеет место и в демократических странах, где политические лидеры обычно предпочитают не выносить сор из собственной партийной или правительственной избы, часто утаивают неблагоприятные факты. Некоторые из них при этом сознательно «пачкают руки», оправдывая свои безнравственные поступки как благородную личную жертву ради общего дела;

- мультипликационный эффект политических злоупотреблений. Он заключается в том, что аморальные действия в высших эшелонах власти имеют свойство умножаться, нарастать подобно катящемуся вниз снежному кому. Реально это проявляется в том, что аморальный высший руководитель обычно стремится освободиться от честных работников или сделать их своими сообщниками, окружает себя угодными людьми, которые, в свою очередь, также плодят себе подобное окружение.

Мультипликационный эффект злоупотреблений ведет к закрытости и вырождению правящей элиты. Его проявления особенно велики в жестко централизованных политических структурах со слабо развитыми автономией частей и контролем снизу. В России последних лет такой эффект проявился, в частности, в массовом распространении коррупции;

- ориентация политики на эффективность, достижение цели. Как уже отмечалось, политические организации и движения создаются для реализации определенных целей. Пути и средства их достижения имеют для членов организации второстепенное значение, что облегчает возможность использования руководителями безнравственных средств. Именно за результативность руководство несет ответственность перед членами организаций и электоратом. Средства же и способы получения результатов мало кого интересуют и обычно остаются в тени;
- конфликтность политики, ее функционирование как отношений друзей (союзников) — врагов (соперников), повышающие эмоциональную враждебность или, по меньшей мере, напряженность между субъектами политики. Врагам же или соперникам, как известно, очень редко стремятся делать добро, а это — важное требование нравственности;
- публичность политики, внимание к ней со стороны общества, а также более высокие нравственные требования, предъявляемые гражданами к политическим лидерам. Политика затрагивает интересы многих людей. Поэтому ее главные творцы на виду у общества. Их считают не только наиболее компетентными, но и лучшими, достойными доверия людьми.

Политики оцениваются гражданами прежде всего в двух главных качествах: деловых (компетентность, энергичность, умение руководить людьми) и человеческих, нравственных (порядочность, справедливость, забота о людях, готовность защищать их интересы). Из-за повышенной общественной значимости деятельности политиков объектом общественных суждений является не только их профессиональная, но и личная жизнь. При этом судят политиков обычно более строго, чем рядовых граждан. Так, например, в США уже немало претендентов в президенты и парламентарии поплатились политической карьерой за то, что когда-то имели любовниц и это стало достоянием общественности. В отношении рядовых граждан такие факты почти ни у кого не вызывают особого осуждения.

Таким образом, как считает В. П. Пугачев [115], реальная политика, очень часто далека от нравственности и считается многими «грязным делом». Однако полностью оторваться от морали политика не может, ибо это рано или поздно ведет к компрометации самой политики и деградации всего общества.

Исключительная напряженность отношений морали и политики связана с тем, что политика, по мнению А. А. Гусейнова [37], ищет морального оправдания прежде всего в тех своих проявлениях, которые менее всего этого заслуживают. Вопрос не в том, что в политике совершаются вещи, которые в логике морального сознания нельзя охарактеризовать иначе как преступления (такого рода вещи происходят и в других сферах жизни), вопрос в том, что она (в отличие от других сфер жизни) желает считать эти преступления поступками, если и не геройскими, то, по крайней мере, вполне оправданными, терпимыми. Например, в науке случается плагиат, но ни самим ученым, ни тем, кто говорит от их имени, не прихо-

дит в голову объявлять плагиат делом допустимым. Политики же могут уничтожить тысячи, десятки, сотни тысяч людей, целые города как, например Александр Македонский уничтожил Фивы, Тахтомыш – Москву, Иван Грозный – Казань, президент США Трумэн – Хиросиму и Нагасаки, считая, что они действуют правильно, справедливо, богоугодно.

Политика в своем основании внутренне заряжена переходом от героизма к цинизму и ханжеству.

Это не значит, что политика по определению безнравственна: просто базовый критерий нравственности здесь иной. Суть его – в соответствии политики национально-государственным интересам. Отсюда следует весьма простой и инструментальный критерий оценки степени нравственности (или безнравственности) политики: курс, соответствующий интересам моей страны, есть нравственная политика. То, что этим интересам противоречит, по мнению О. Гаман-Голутвиной – есть политика аморальная [25]. При этом личная нравственная состоятельность конкретного политика как частного лица – вопрос второстепенный (модель отношения политически «взрослого» общества к этому вопросу демонстрирует четкое разведение в сознании среднего американца оценок бывшего президента Клинтона как частного лица и как политика; даже в разгар сексуальных скандалов его рейтинг не опускался ниже 60 %: для граждан США были важны результаты его деятельности в качестве президента).

Тем не менее и мораль, и политика будучи формами сознательной (целесообразной) деятельности, разнообразятся и видоизменяются в неких функционально заданных пределах, которые и составляют их отличительные родовые признаки. Эти признаки, идентифицирующие мораль и политику со строгостью, позволяющие поднять их познание на теоретический уровень, как раз и были вычленены Аристотелем. Как бы ни менялись мораль и политика, неизменным остается то, что первая нацелена на высшее благо (идеал, человеческое совершенство), вторая – на общее благо, и что они в этих нацеленностях соотносены друг с другом.

Мораль старается в значительной степени консервировать социально-политические отношения, политика зачастую действует разрушительно и создает новые ситуации, неизвестные для общества. Периоды нестабильности, создаваемые политическим процессом больше всего ударяют по морально здоровой части общества. В это время вверх возносятся люди, презирающие и нарушающие действующую мораль, пытающиеся сделать законом или модой аморальный, безнравственный образ жизни. Эта особенность политического процесса в периоды революционных трансформаций и приводит общественное мнение к восприятию политики как зла и аморального явления.

20.3.2.5. Утверждение равноценного взаимодействия политики и морали

Непредвзятый анализ политической реальности однозначно свидетельствует о наличии постоянной связи между моралью данного общества и политикой, проводимой его правящей элитой. Очевидна обусловленность общественной морали и господствующих нравственных принципов, существующим в государстве политическим строем и проводимой правительством страны внутренней и внешней политики.

Сторонники этого подхода преобладают среди ученых и политиков. В политологии он определяется как *компромиссный* подход к соотношению политики и морали. Он исходит из признания необходимости воздействия нравственности на политику, учитывающего специфику последней.

Один из важнейших обоснователей компромиссного подхода – Вебер. Он считал, что не следует полностью разделять этику и политику, хотя необходимо внимательно учитывать особенности последней. Не может существовать единого нравственного кодекса, одинаково применимого к деловым и сексуальным, к служебным и семейным отношениям, к друзьям и конкурентам и т. п. Поэтому этика должна учитывать особенности политики, главной из которых является применение насилия. «Именно специфическое средство *легитимного насилия* <...> в руках человеческих союзов, – писал он, – и обуславливает особенность всех этических проблем политики» [21, с. 701].

Эта особенность делает для политики невозможным следование, например, евангельской заповеди не противиться злу насилием. Политик в силу своих профессиональных занятий должен бороться со злом, в противном случае он несет ответственность за его победу.

Для того чтобы очертить границу влияния нравственности на политику, Вебер разделил мораль на этику *убеждений* и этику *ответственности*. Этика убеждений означает неотступное следование нравственным принципам, независимо от того, к каким результатам это приведет, не считаясь с затратами и жертвами.

Этика ответственности, напротив, предполагает учет конкретной обстановки, ориентацию политики в первую очередь на ее последствия, внутреннюю ответственность политиков за те результаты своих действий, которые можно предвидеть, готовность предотвратить большее зло, в том числе и с помощью зла меньшего. Соотношение этики ответственности и этики убеждений в реальных действиях должен определять сам политик.

Эти идеи Вебера о соотношении морали и политики получили достаточно широкое распространение. Несмотря на свою кажущуюся реалистичность, они имеют ряд слабостей. Прежде всего Вебер фактически сводит политику к легитимному использованию насильственных средств, ограничивая тем самым возможности влияния нравственности на политику. Однако задачи политики, особенно в современных демократических государствах, намного сложнее, чем применение насилия. При решении целого ряда политических вопросов использование или угроза применения насилия могут лишь повредить делу. Без гражданской ответственности, готовности к компромиссам, солидарности и кооперации политических акторов невозможно современное правовое государство. Выход содержания политики за пределы сферы применения насилия позволяет более широко использовать в ней нравственные ценности.

Политика может быть моральной и аморальной, но она не может быть безморальной, поскольку всегда выражает конкретные интересы людей, имеет определенные, оценочные результаты, использует соответствующие методы и средства. В силу значимости своего функционирования и его последствий, политика всегда была, есть и будет сферой особо значимой моральности и особенно опасной социальной безнравственности. Без союза с моралью политик, как пишет Ю. В. Ирхин [60], лишается компаса, указывающего ей цель и направление движения к ней. Он

теряет ответственность, без которой, подобно вышедшей из-под контроля людей науке и технике, грозит превратиться в средство массового поражения, в антигуманный механизм завоевания и сохранения власти, в орудие порабощения людей, а не их освобождения и защиты. Мораль без политики бесполезна, а политика без морали бесславна и грязна. В современных условиях возрастает роль нравственных критериев и координат политики, в силу того, что многократно увеличивается «цена» многих политических решений, повышается значение воздействия общественного мнения на политику и политиков.

Влияние морали на политику может и должно осуществляться по ряду направлений. Это — постановка нравственных целей, выбор адекватных им и реальной ситуации методов и средств, учет в процессе деятельности моральных принципов, обеспечение эффективности политики. Выполнение всех этих требований зависит от методов и средств, используемых в процессе их достижения. Политика — это не только и не столько личная власть, а осуществление поставленных лидером политических целей — например, торжество демократии, предотвращение национальных конфликтов, обеспечение экономического роста, благосостояния и процветания населения страны, подлинное величие государства. Демократический политик, в отличие от политикана, борется за власть не для того, чтобы насладиться ею, а чтобы с ее помощью решать общественно важные задачи. Поэтому подлинный успех политика — это прежде всего успех программы его деятельности, высокая оценка общества и истории. По убеждению Ю. В. Ирхина, нравственное решение общественного деятеля и политика, помноженное на знания, опыт и интуицию, является самым верным [60].

Не все так однозначно для Р. У. Семеновой [120], считающей, что обычно обращение к этой теме заключает в себе момент предрешенности проблемы в виде рассуждений о том, что мораль должна быть положена в основу политики. Положения, выраженные в категорической форме, нередко дополняются более гибкими размышлениями в русле признания того, что культура и мораль являются базисом политики и права. Пространственное объединение морали и политики, призванное примирить два разных начала, носит абстрактно-умозрительный характер, если не обозначены конкретные зоны пересечения названных универсалий, не выявлено то общее пространство, в рамках которого возможно «примирение» «необходимого добра» и «неизбежного зла». В противном случае, априорное положение, формулируемое данным подходом, должно объяснять и предугадывать политическую эмпирию. В рамках политики и морали разрешаются противоречия между индивидуальностью человека и его коллективной природой. Именно на этом основано взаимодействие политики и морали как общественных форм человеческого бытия. Вместе с тем существует ряд ограничительных условий, препятствующих абсолютному, всепоглощающему проникновению морали в политику:

- особая роль институционального регулирования в политике, и в связи с этим претензия власти на легитимное политическое насилие; формирование ее не только как системы отношений руководство — принятие, но и господство — подчинение;
- ситуативность, конкретность в политике, ее ориентация на пользу, успех, эффективность, обращение к сфере сущего, к сфере текущих задач и конъюнктурных решений;

- противоречивое соотношение между целями и средствами в политике, возможность использования для достижения нравственных целей безнравственных средств и тем самым дезавуирование благостных целей.

Именно эти ограничители нравственности в политике должны сниматься на основе интересов человека и так называемого «очеловечивания» политики. «Антропологизация» политики на основе признания самодостаточной и самосознающей значимости человека, гуманизация политических отношений на основе преодоления того, что способствует отчуждению индивида от политики, ограничению его свободы и нарушению его прав, — вот, на взгляд Р. У. Семенович [120], зоны пересечения политики и морали, значение которых в исторической перспективе должно неуклонно возрастать. А значит, все большую значимость будут иметь ценности мира, согласия, терпимости, свободы, равенства, которые и являют собой завершенный, абсолютный образ добра в политике.

Политика, со своей стороны, не контролирует мораль, но *влияет* на специфическую мораль конкретных политических действий. Политика (конкретная) в отличие от идеального морального сознания ситуативна, она сама образует ту или иную общественную политическую, а следовательно, и этическую и моральную ситуацию. Тем самым в моральные оценки вносятся ситуативные критерии, которые обычно смягчают нравственные характеристики, добавляют к ним различного рода извиняющие объяснения. Между тем мораль оценивается с точки зрения высших критериев и абсолютных норм. Моральная оценка политики с точки зрения относительных ситуативных критериев или даже критериев отдельных культур, обществ, эпох делает такие оценки не сравнимыми ни с другими подобными оценками, ни с общими принципами, которые вообще в такой ситуации становятся невозможными, что и случается в эпохи безвременья. Тогда начинает господствовать классовая мораль, революционная мораль и т. п. Оценки дополнительно усложняются тем, что понятия «хороший—плохой» имеют разный смысл в политике и морали, так же как понятия блага, добра и др. [60].

Определение нравственности политика или политики государства неизбежно рассыпается на уровне личности. Моральные оценки человека, вовлеченного в политическую или государственную деятельность, чаще всего отличаются от мнения гражданина вне власти. Но и этим процесс дифференциации не прекращается. Гражданин, симпатизирующий данной власти, оценивает (или оправдывает) ее деятельность зачастую с других моральных позиций, нежели ее идейный оппонент. Государственный служащий деятельность власти на предмет нравственности оценивает уже не как простой гражданин, но как соучастник событий, даже не соглашаясь с ними, он их оправдывает или уменьшает уровень аморальности происходящего. Он находится перед дилеммой: выйти из власти в знак несогласия с проводимой политикой или примириться, оправдав ее. Это объясняется пластичностью личностных моральных принципов, применяемых к себе, и жесткостью их при оценке деятельности других.

Поэтому весьма неоднозначны и противоречивы личностные установки и нормы *нравственного долга и представления о долге в политике*. В сфере морали следование долгу означает соответствие политики определенным, в принципе — высшим, критериям нравственности. Долг в политике — получение желаемых результатов. Возникает дилемма Макиавелли — выбор между достижением политиче-

ских целей любимы, в том числе и не нравственными, средствами, т. е. осуществление политического долга или соблюдение долга нравственного ценой политических результатов. Другими словами, подразумевается, что эти результаты могут быть получены не нравственными методами (мысль, которую сам Макиавелли объяснял неспособностью народа жить в условиях демократии и необходимостью сильной власти дисциплинировать общество; решать политические задачи), и сами эти результаты могут быть неморальными, а точнее аморальными.

Вместе с тем политика не становится морально безупречной, если долг ограничивается только ее соответствием нравственным нормам, но исполнение его не дает политических результатов, т. е. не исполняется политический долг, так как для политики одновременно существует два долга. При исполнении одного из них не получается политика, при исполнении другого — не остается места для морали. И если следование и тому и другому долгу одновременно невозможно, то неизбежен выбор между ними, и политик, естественно, выбирает политику. И тогда исполнение его политического долга само по себе становится нравственным, этически обоснованным. Именно такой вывод и сделал Макиавелли. [60].

Мораль ограничивает политику, свободу бесконтрольного политического действия, поэтому политика и стремится освободиться от морали. Получение результата служит убедительным аргументом подобной эмансипации. Общность регулятивно контрольных функций, тем не менее, связывает мораль и политику, как ряд других факторов, роль которых, правда, непостоянна, но в исторической перспективе постепенно повышается. Действие чувств, таких как ответственность, долг, правдивость, вера, доверие, престиж (власти), благо человека и общества и других, составляющих культурную и общественную, а также эмоциональную основу политической нравственности, усиливается:

- сложившейся в обществе системой культурных норм, правил, традиций, настроений, комплексом эмоциональной жизни общества;
- актуальными потребностями общества, которые обычно связаны с процессами обновления, введения инноваций (пусть даже нежелательных), нуждающихся в моральных обновлениях и оценках.

Таким образом, возникает болезненная проблема относительности политической морали, точнее говоря, о ее двойной, или двойственной, относительности, обращенной к высшим общечеловеческим критериям и к тем ситуациям, о которых здесь идет речь. Мораль и истины в этом смысле очень близки, и не случайно: истины морали открываются так же сложно, как любые иные истины. Мораль и истина равно конкретны в политике, и так же, как может быть поставлен вопрос об истинности того или иного политического события или действия (т. е. об их эффективности, соответствии потребностям и решениям), может возникнуть и вопрос об их моральности относительно конкретных критериев. Возможен и вопрос о степени нравственности самой ее оценки. Иными словами, вольно или невольно политик ищет оправдания отступлению от критериев подлинной моральности. Такое оправдание тем более важно для него, что моральный аргумент служит одним из важнейших легитимирующих доводов власти и политики.

Другой неразрешимой коллизией является то, что индивид является носителем индивидуальной и групповой морали, что не одно и то же, но обязан демонстрировать приверженность последней. Групповая мораль и моральные отношения

в группе (политической) сложнее, чем мораль индивида. Поэтому морально безупречный индивид может вольно или невольно участвовать в неморальной политике группы: политического института, организации партии, органа власти, армии и т. д. Отсюда и явления двойной морали — групповой и индивидуальной и столь частые кризисы — порой весьма тяжелые — индивидуального и коллективного сознания, особенно в периоды общественных кризисов. Возможно и обратное: нравственно порочный индивид способен контролировать морально безупречную группу или бросить тень на ее нравственную репутацию. К тому же мораль индивида не всегда конкурирует с политикой, поскольку не всякий индивид — политик или значительный участник политической жизни. Отношения же в группе и между группами — это уже политика, а значит, и мораль. Поэтому и возникают политические и моральные парадоксы: массовая поддержка порочных лидеров и режимов, участие масс — в работе далеко не безупречных, а порой и просто преступных организаций.

Особенностью взаимодействия морали и политики выступает обязанность государственной власти принимать на себя нравственные обязанности перед некоторыми социальными группами или перед «всем народом». Бывает и так, что моральная власть вынуждена проводить неморальную политику и, наоборот, нравственно порочная власть по воле истории берется за осуществление нравственной политики, что, как правило, не ведет к ее торжеству.

Рассмотренные варианты не исчерпывают многообразия естественной взаимобусловленности морали и политики. Обычно уязвимое соотношение средств и целей политического процесса при их взаимном несоответствии порождает, вместе с политическими дисфункциями и нравственные аномалии: безнравственность и неэтичность попыток достичь цели негодными средствами, равно как и выбор недостижимых целей. Безнравственность таких несоответствий — не только в невозможности результатов политики (неисполнении политического долга, ставшего нравственным долгом). Она может выразиться в напрасных жертвах, неоправданных ожиданиях, затратах времени и в ближайших и отдаленных негативных последствиях — неудаче или дискредитации политического проекта, например. Иные несоответствия политических и нравственных действий и состояний сознания также несомненно безнравственны: расхождения слова и дела, запроса и отклика на него, надежды и обещания и т. д.

Нравственно уязвимы не только эти, но и вообще любые внутренние структурные несоответствия политического процесса: напряженные отношения власти и общества, властей разных уровней и типов, противоречия аппаратов и институтов внутри и между собой и т. д. Ошибки и неправота одной или обеих сторон того или иного конфликта, особенно когда конфликт отягчен соображениями престижа, уязвленного самолюбия, соображениями карьеры, чувством обиды, легко принимают характер нравственных коллизий. Не менее специфична нравственная противоречивость отношений политики с экономикой, областью прав, культурными, идеологическими и другими организационными системами. Неверная, неадекватная целям общества и требованиям времени экономическая, научная и иная прикладная политика безнравственна. Ее моральная оценка неизбежна и существенна для поведения политического лидера или политической организации. Ведь речь идет об ответственности и долге общественных и исторических масштабов,

выходящих за рамки текущей политики и ее внутренних структур и достигающих континентального и общемирового уровня, а значит, и планетарной ответственности и ее абсолютных моральных норм.

В эпоху глобальных проблем, как пишет Ю. В. Ирхин, быстрой, порой молниеносной универсализации политических, промышленных, экологических кризисов политическая нравственность уже давно стала общемировой проблемой. О ее смысле и значении нетрудно судить хотя бы по результатам безответственной научно-технической политики в области атомной энергетики, которая привела к Чернобыльской катастрофе, безграмотной экономической политики, уничтожившей Аральское море и разрушившей природу на обширных пространствах евразийского континента.

Существует также постоянная, непреходящая качественная основа нравственности в политике, т. е. то минимальное качество деятельности, снижение которого само по себе, а не только по ее результатам, безнравственно. Необязательность, недобросовестность и просто некомпетентность и безграмотность, неадекватная квалификация безусловно аморальны. Нет причин особо подчеркивать безнравственность политической преступности, коррупции, тем более что перечисление явно отклоняющихся от норм и принципов политических деяний и смыслов невозможно остановить, ибо политика всегда была, есть и будет сферой особенно значимой моральности и особенно опасной социальной безнравственности [60].

Таким образом, отношение нравственного и политического начал в контексте общечеловеческой практики представляются «нераздельными и неслиянными». Полное их отождествление (требование от политиков гуманизма), равно как и абсолютизация маккиавелизма могут привести в силу разнокачественности исследуемых понятий к абсурду в теории и политическому (или нравственному) банкротству в реальной жизни. И нравственность и политика выступают как определенные *характеристики* индивида и общественных (государственных) структур. Их отождествление приводит к искажению смысла (как, например, если характеризовать предмет одновременно как «красный» и «быстрый» или «сладкий» и «твердый», не задумываясь, что имеешь дело с разнокачественными прилагательными, относящимися к одному предмету).

Намеренный отказ от нравственности в политике приводит к тому, что цель (индивид) замещается спекулятивной категорией («класс», «нация», «человечество»), а сам человек из самоценного начала превращается в средство. Многие исследователи, например, А. Авторханов [2], отмечали маккиавелизм (безнравственность), как видовой признак тоталитаризма.

Создавшееся противоречие (опасность доминирования морали в политике и, одновременно, гибельность политики аморализма), на самом деле лишь кажущееся.

Во-первых, любой индивид (в том числе и политик) формируется как личность не в ящике с песком для штабных учений, а в культурном пространстве, имеющем определенную этическую традицию и нравственные законы, и свою практику осуществляет с коррекцией на мораль. Подобная коррекция прямо пропорциональна осуществимости в стране законов «открытого общества» (К. Поппер [111]).

Во-вторых, прагматизм, зародившийся в философии (Ч. Пирс [110], У. Джеймс [47], Д. Дьюи [50]) и давно уже ставший междисциплинарной практикой, может выступать гарантом избегания «крайностей» – тоталитаризма и гиперморализма, гибельных не только для начал личностных, но и государственных.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. В чем выражается политическое проявление гуманизма?
2. Как происходило становление концепции гражданского гуманизма?
3. Охарактеризуйте гуманизм как квазирелигиозную доктрину.
4. Обоснуйте гуманизм как идеологическую доктрину.
5. Рассмотрите развитие и классификацию гуманизма.
6. В чем проявилась оптимистическая тенденция в либеральном гуманизме?
7. Охарактеризуйте пессимистическую тенденцию в либеральном гуманизме.
8. Рассмотрите современные направления либерального гуманизма.
9. Охарактеризуйте гуманизм как социально-политическую практику.
10. Назовите особенности гуманизма как философии, идеологии и политики.
11. Как вы понимаете взаимодействие «мораль и политика: общее и специфическое»?
12. Охарактеризуйте мораль как форму общественного сознания.
13. Дайте понятие морали.
14. Рассмотрите приватную и политическую мораль.
15. Что понимается под термином «политическая этика»?
16. В чем заключается функциональная общность политики и морали?
17. В чем заключается различие между политикой и моралью?
18. Почему совесть — верховный судья политического поведения?
19. Как соотносятся явления и понятия «нравственность» и «политика»?
20. Прокомментируйте соотношение терминов «нравственность» и «мораль».
21. Назовите основные модели взаимодействия морали и политики.
22. Охарактеризуйте модель «полного подчинения моралью политики».
23. Охарактеризуйте модель «частичного совпадения морали и политики».
24. Охарактеризуйте модель «разведение политики и морали как абсолютно автономных сущностей».
25. Охарактеризуйте модель «противопоставления политики и морали как антагонистов».

Глава 21

ЦЕЛИ, МЕТОДЫ И СРЕДСТВА В ПОЛИТИКЕ

§ 1. СООТНОШЕНИЕ ЦЕЛЕЙ И СРЕДСТВ В ПОЛИТИКЕ

21.1.1. Цель и средства как явления

В результате предшествующего анализа рассматривалась миссия политики в различных ее проявлениях. Если свести ее к элементарному, то она сводится к организации человечества и обеспечению его эволюционного развития. А также интеграция внутренне дифференцированного общества, увязывание конфликтующих частных устремлений граждан с общей целью всего общества. Еще Платон, по существу, выявил эту высшую цель политики. В своем произведении «Политик» он писал: это «царское искусство прямым плетением соединяет нравы мужественных и благоразумных людей, объединяя их жизнь единомыслием и дружбой и создавая таким образом великолепнейшую и пышнейшую из тканей» [108, с. 82].

Миссия определена изначально и она объективна по отношению к человечеству и к политикам. В реальной политической практике политические деятели ставят перед собой и обществом конкретные политические цели и организуют деятельность по их достижению. Цели политики внутренне противоречивы и разнообразны. Чем меньшего уровня политик, тем менее значимые цели, с точки зрения глобального политического процесса, он ставит.

Политика по своей сути является целеполагающей деятельностью. Это означает, что она возникает и осуществляется ради определенных целей. Цель, средство и результат – основные компоненты политической и любой другой деятельности. Цель представляет собой образ желаемого будущего, идеальный результат, к которому стремятся политические субъекты, который является побудительным мотивом деятельности. Цель в политике кроме мотивационной, выполняет и организационную, мобилизационную функции. Другая характеристика цели состоит в интегративном выражении общих интересов, стремлении людей к лучшей жизни, благосостоянию. Общая цель, обладающая возможностью осуществления, складывается из целей индивидов данного общества. Политические цели на любом уровне противоречивы, поэтому редкая цель может обеспечить консолидацию общества на ее достижение. Гармонизацию целей призвано обеспечивать государство, ибо оно есть единственный институт политической системы общества, который может это сделать. Но к этому его должно принудить государственно-организованный социум.

Среди целей также существует иерархия. Существуют суперцели или главные, общие. Имеются и частные или конкретные цели. Цели делятся на конечные и

промежуточные, краткосрочные и перспективные и т. д. Если общая цель относительно стабильна, устойчива, то конкретные цели подвижны.

В процессе достижения цели требуется решение ряда задач. Технологии их определения и решения именуется политическими технологиями, а специалисты их решающие – соответственно политиками и политтехнологами. Зачастую грань между целью и задачей, довольно зыбкая и сам процесс этот динамичный и противоречивый. Реальный политический процесс представляет собой совокупность непрерывного решения плановых – определенных и неожиданных – неизвестных задач. Профессионализм политика определяется способностью предугадывать или планировать задачи, сводя к минимуму долю неплановых задач-препятствий.

Для преодоления задач необходимо знание способов (методов) и наличие средств для их решения. Они носят служебный характер и подчиняются целям и/или задачам. Средства есть конкретные инструменты влияния субъектов политики на объекты. Одна и та же задача может решаться разными средствами. Средства политической деятельности представляют собой очень изменчивые инструменты действий субъектов.

Достаточно ясная общая цель политики трудно реализуется на деле, поскольку предполагает нахождение приемлемой для всех сторон меры сочетания конфликтующих интересов общественных групп, обладающих неравными ресурсами и возможностями политического влияния и преследующих в политике в первую очередь свои эгоистические интересы. Поэтому было бы утопичным, по мнению В. П. Пугачева, ожидать гуманизации политики от простого увещевания ее субъектов помнить о благе своих соперников и всего общества. Более эффективно повлиять на конкурирующие частные интересы и цели, обуздать групповой эгоизм можно с помощью воздействия на средства и методы политики [115].

Средства политики представляют собой инструменты, орудия практического осуществления целей, превращения идеальных мотивов в реальные действия. «Средства» и «методы» политики – близкие понятия. Средства – это конкретные факторы влияния ее субъектов на объекты: пропагандистские кампании, забастовки, вооруженные действия, электоральная борьба и т. д. Методы политики обычно характеризуют способы воздействия ее средств. К ним относятся прежде всего насильственный и ненасильственный методы, принуждение и убеждение.

Между целью, задачами, способами и средствами ее достижения зачастую существуют противоречия, которые могут оперативно разрешаться, но могут и консервироваться на длительное время. Поскольку средства являются более конкретными и подвижными инструментами политической деятельности, то они непосредственно влияют на результат политики, могут корректировать цель. Отсюда очевидно, что политик обязан владеть механизмами использования средств, не абсолютизировать какое-то одно средство, быть готовым к быстрой смене средств, стараться разумно сочетать цель и средство в политике.

Субъектное единство целей и средств состоит в том, что они не должны расходиться так сильно, чтобы носителями целей выступали одни индивиды и человеческие поколения, а носителями средств – другие. Только тогда, когда цели и средства заключены в одно и то же человеческое пространство и время, когда одни и те же люди, выступая в роли средств, являются одновременно и целями, можно говорить о гуманистической мере их соотношения, что, между прочим, и под-

разумеается второй формулировкой кантовского категорического императива («поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству») [65, с. 270].

А. А. Гусейнов считает, что нельзя политический институт поднимать до уровня нравственной инстанции. Возможный вред от такой подмены состоит не только в том, что непомерно расширяется сфера и многократно увеличивается мощь политических решений. Много опасней то, что дезавуируется мораль, которая в своих истинах, удостоверяемых умом и чувством каждого человека, как раз и выражает общее благо, некие действительно фундаментальные основы общественной жизни. Тем самым лишается прочного основания вся ценностная структура сознания, пропадает точка отсчета общественной оценки [40].

21.1.2. Проблема выбора и обеспечения цели

Нигде так не заметно влияние морали на политику как в выборе и провозглашении целей. Этика, в том числе и политическая, включает в себя элемент идеала и идею о конечных целях общества. Естественно, что в точке пересечения этики и политики особую активность приобретает вопрос об общественном идеале, а также о соотношении целей и средств. Для усиления этой мысли К. С. Гаджиев [23, с. 154] цитирует немецкого поэта-романтика Ф. Гельдерлина, писавшего: «Что всегда превращало государство в ад на земле, так это попытки сделать его земным раем».

Попытка определить конечную цель политического действия, тем более реализации идеала совершенного общества, в сущности, не согласуется с основными принципами как моральной философии, так и самой природы человека. В истории не было и не может быть прямолинейного прогресса добра, совершенства, справедливости, счастья, ибо сам человек является средоточием как светлых, так и темных, как божественных, так и дьявольских начал, начал добра и зла.

Мораль и морально-этические императивы следует рассматривать в качестве идеала, который в реально существующем мире большей частью недостижим. Сама постановка вопроса об «окончательном решении», полной реализации той или иной идеальной модели или конечной цели чревата огромными опасностями для самой человеческой свободы и, соответственно, опасностью исчезновения самой морали и нравственности. Тот, кто верит в возможность окончательного решения всех проблем человечества *путем создания* совершенной общественно-политической системы, будет готов заплатить за это любую цену, даже миллионы и десятки миллионов человеческих жизней, как это было при тоталитарных режимах. По самой логике вещей он готов подавлять и уничтожать своих оппонентов, если они не разделяют его целей, искоренять все еретические, по его мнению, взгляды.

При разработке того или иного общественного идеала необходимо исходить из постулата о *свободе бесконечного развития*, а не цели достижения *законченной гармонии* всех аспектов жизни. Подобно тому, как видимый физический горизонт есть всего лишь иллюзия, за которой простирается бесконечность, осмысленный человеком моральный горизонт также является иллюзией, за которой лежит бесконечность действий и устремлений. Понятие бесконечности есть фундамент общего миропонимания, оно должно быть краеугольным камнем также моральной

философии. Как писал П. Новгородцев, путь морального прогресса — это путь постоянных исканий и стремлений, не останавливаясь на достигнутом и преодолевая препятствия. Здесь речь идет не о достижении конечных целей и окончательных решений, а о непрекращающемся стремлении к осуществлению вечного идеала. Этот идеал имеет право существовать как идея, утопия, отдаленная цель, которую невозможно в полной мере достигнуть, но к которой люди всегда будут стремиться. Но на пути реализации этих стремлений они идут к более совершенному обществу, с более гуманными, свободными, демократическими отношениями [100].

Содержательные представления об идеале справедливости подвержены историческому изменению. Вопрос о масштабе формируется следующим образом: если идеал справедливости должен быть масштабом политического действия и политических состояний, то каким должен быть масштаб идеала справедливости?

Вечное противоречие между идеалом и реальностью постоянно самовоспроизводится, поскольку не может быть реальности статичной, неизменной, раз и навсегда утвердившейся. Всякая идеальная конструкция, по К. С. Гаджиеву, в общем и целом создается путем экстраполяции количественных переменных и параметров наличного состояния на будущее, которое имеет собственную систему детерминации, приоритетов и предпочтений [24, с. 326].

Одинаково несостоятельными с точки зрения морали окажутся как учения, проповедующие неограниченный индивидуализм, так и учения, предлагающие полное самоотречение человека в пользу общества. Несостоятельны и все те учения, которые требуют жертвовать благосостоянием и счастьем ныне живущих во имя будущего, для не родившихся еще поколений. Как подчеркивал А. И. Герцен, каждое поколение — это свой собственный мир, «цель для каждого поколения оно само», и нельзя приносить его в жертву, превращая в опору, призванную всеми своими силами поддержать свод еще неспроектированного и непостроенного здания, предназначенного для будущих поколений [29].

Поскольку путь к цели и далек, и долог, приходится принимать меры, призванные обеспечить постоянство цели путем подавления всякой критики, ликвидации всякой оппозиции, насаждения убеждения в мудрости и всемогуществе предводителя в движении к намеченной цели и т. д.

Один из важнейших принципов такого утопизма состоит в том, что каждая наступившая эпоха будет приноситься в жертву тем, которые придут после нее, и так до бесконечности. О том, что реализация этого принципа может привести к непредсказуемым, трагическим последствиям, красноречиво свидетельствует опыт тоталитарной системы в Советском Союзе. Здесь подчинение всех аспектов жизни цели строительства так называемого «светлого коммунистического будущего», всего и вся, в том числе и морали, классовой идеологии, придание безусловного приоритета классовым или каким-либо узкогрупповым интересам перед интересами всего общества, перед правами и свободами отдельной личности обернулись игнорированием идеи самоценности и неповторимости каждой личности, потерей личными правами и свободами значимости естественных и неотчуждаемых. Личность растворяется в безликой массе, она превращается в одну из бесконечного множества статистических единиц, в совокупности составляющих население страны. При таком положении вещей уже неправомерно говорить о разумно-нравственной сущности отдельной личности.

Любая, в том числе высокоморальная, цель реализуется людьми, которым свойственно все человеческое. К тому же приверженность идее, напряженность и обусловленность индивидуальной морали и общественного идеала от поколения к поколению слабеет. Как говорили древние греки, власть выявляет истинную суть человека. А последняя слагается из множества постоянных и переменных величин, где божественное перемежается с сатанинским, благородство с низменным, истинно человеческое с животным, устремленность ввысь с дьявольской одержимостью и т. д.

Но даже и в том случае, когда к власти приходят достаточно порядочные люди, стремящиеся выполнить свои обещания, результаты их деятельности редко соответствуют ожиданиям. Мы часто говорим о том, что такой-то партии, пришедшей к власти, не удалось реализовать все свои программные установки, обещания и т. д.; что такому-то идейно-политическому течению не удалось сформулировать программу, в полной мере соответствующую существующим реальностям; что «государство благоденствия» потерпело неудачу в решении проблем бедности и социального равенства и т. д. Это говорит не столько о несостоятельности той или иной программы, предлагаемой определенным идейно-политическим течением, сколько о невозможности втиснуть все многообразие социального бытия в прокрустово ложе схем и проектов, составленных в кабинетной тиши.

21.1.3. Основные подходы к проблеме соотношения целей и средств

Вопрос о влиянии целей и средств на результаты и нравственную оценку политики издавна является предметом горячих споров. Среди различных воззрений на этот счет В. П. Пугачев [115, с. 59] выделяет три основных:

- нравственный характер политики определяется ее целью;
- приоритетное влияние на нравственную значимость политики оказывают используемые средства;
- цель и средства одинаково важны для гуманизации политики, и они должны быть соизмеримы друг с другом и с конкретной ситуацией.

21.1.3.1. Целедоминирующий подход

Широко известными приверженцами первого «целедоминирующего» подхода были Макиавелли [82] (больше как теоретик) и Ленин [77а] (преимущественно как практик). Оба они оправдывали использование безнравственных средств для достижения благородных целей. И все же наиболее детальное теоретическое обоснование и практическое воплощение тезис «цель оправдывает средства» получил у иезуитов.

Католический орден иезуитов, основанный в 1534 г. в Париже, существует и сегодня. Это воинствующая организация, использующая любые средства для утверждения своей веры. Орден построен на жестком централизме, железной дисциплине, обязательном взаимном шпионаже.

Идеологи иезуитов разработали специальную систему доказательств морального оправдания своего права на безнравственные действия — ложь, интриги,

клятвопреступления, подлог, заговор, убийства и т. п. Как утверждали, в частности, главные моралисты ордена Г. Безенбаум (1600–1688), а затем Лагуори (1696–1787), нравственность поступков считается доказанной ссылкой на церковный авторитет и обеспечивается с помощью ряда специальных приемов. Так, с помощью «мысленной оговорки» — произнесенной в уме приставки «не» — морально оправдывается любое клятвопреступление, нарушение обещаний, присяги и т. п. [115, с. 60]. В целом же любой поступок становится моральным, если он продиктован нравственно оправданной целью.

Теоретики этого ордена создали целую систему иезуитской морали, построенной на оправдании любого преступления (в том числе и развязывания ядерной войны) высокой религиозно-нравственной целью.

В столь откровенно выраженной, как у иезуитов, форме тезис «цель оправдывает средства» встречается довольно редко. Однако, облеченная в более мягкие и привлекательные одежды, эта формула имеет широчайшее применение в политике и очень часто служит для прикрытия аморальных политических действий. Например, американская доктрина «мировой демократической революции», опирающаяся на практику двойных стандартов.

Казуистическое выражение, согласно которому цель освящает средство, имеет своим истоком аналитическое отношение целей и средств. Кто желает цели, желает также использовать необходимое средство, имеющееся в его распоряжении (И. Кант [64]). В Новое время, по мере отдаления политики от морали, сформировалась деятельная максима, согласно которой фиксированные цели достигаются любыми эффективными средствами (Т. Гоббс [31]). При этом допускается, что используемые средства теряют значение в процессе оправдания цели. Последние, соответственно, получают приоритет по отношению к средствам.

В понятии целерациональности, введенном М. Вебером [21], эта проблема обнаруживается достаточно очевидно. Имеет место рациональное соотношение целей и средств, целей и побочных последствий и, наконец, целей. Но эта соотнесенность целей и средств теряет критерий по мере инфляции староевропейской идеи разума. Вебер, например, оспаривает способность наук Нового времени к нормативной постановке целей. Допустимая надежность социального действия в контексте цели — средства оказывается в связи с этим поколебленной. Любые средства отнюдь не ведут к одной и той же цели, способной к тому же не только меняться в зависимости от набора средств, но и взаимопревращаться. И цели не реализуются иначе, нежели через соответствующие средства, которые завоевывают благодаря этому опасную самостоятельность, превращаясь в цели.

Обычно никто даже из самых одиозных политиков не признается в полной безнравственности своих целей. Все величайшие политические преступления — войны, массовый террор, кровавые революции и т. п. — прикрывались великими с точки зрения их творцов целями, сулящими благо если не всему человечеству, то, по крайней мере, своей нации или классу.

Многие века в общественной мысли преобладало мнение, что для достижения благородной, нравственной цели допустимы и не совсем нравственные средства, например использование лжи. Так, на устроенном в 1780 г. Берлинской Академией конкурсе его победителем был признан Ф. Кастильон. На вопрос: «Полезно ли для народа обманывать его, либо вводя в заблуждение, либо оставляя при ошибоч-

ных заблуждениях?», он ответил: «Учитывая существующий моральный и культурный уровень народа, обман его либо же оставление его в неведении относительно намерений, целей и поступков власть имущих является морально правильным при условии, что действительно служит причиной его счастья» [54, с. 94].

Ложь, утаивание информации, манипулирование сознанием людей широко распространены в мире современной политики и считаются многими людьми вполне допустимыми средствами политического противоборства. Хотя в целом наука и общественное мнение сегодня относятся к этому отрицательно.

21.1.3.2. Средстводоминирующий подход

Второй, «средстводоминирующий» подход к соотношению целей и средств политики, исходящий из нравственного приоритета средств над целью, представлен в первую очередь идеологами ненасилия в политике. Так, один из виднейших представителей этого движения, лидер национально-освободительной борьбы Индии М. Ганди [26] (1869–1948) считал, что уровень развития общества определяется в первую очередь моральным совершенством людей. Нравственность же воплощается в реальность прежде всего через используемые в политике средства. Именно средства выражают нравственную волю человека. Средства имеют приоритет над целями и являются главным нравственным критерием политики, ее человеческим измерением.

Подобный подход разделяют российские либертарианцы, включившие в текст своей «Конституции идеального государства» известную сентенцию о том, что «используемые средства определяют реальную жизнь, — они важнее провозглашаемых целей. Цели описывают воображаемое будущее (которое может не наступить и, как правило, не наступает). Цели всегда можно подобрать — самые ужасные преступления совершались во имя (или обосновывались) высочайшими целями и «идеалами» [Институт свободы].

Д. Битэм в работе «Бюрократия» писал, что произведенный им анализ бюрократии как орудия осуществления политики должен быть дополнен анализом ее влияния на содержание этой политики. При обсуждении лишь процесса осуществления политики проводится жесткое разграничение между целями и средствами, между политикой и ее проведением. Какая-либо оценка «эффективности» предполагает наличие заданных целей. Но такое разграничение оказывается несостоятельным, когда поднимается вопрос о выработке политического курса. В этот момент важное значение приобретает влияние на содержание политики самой административной системы — ее структуры, интересов и ценностей. Если мы хотим добиться адекватного понимания бюрократии, то нам следует рассматривать сложное взаимодействие между ее ролью в формировании политики и исполнением ею политических директив [18]. Для данного случая важна постановка проблемы, что воплощение идеи демократизма авторитарным бюрократическим аппаратом не приведет к установлению демократического строя в стране. Конкретные люди, коллективы и структуры, используемые в качестве средств достижения цели, и определяют выбор самой цели.

21.1.3.3. Компромиссный подход

Третий «компромиссный» подход к соотношению целей и средств политики пытается избежать крайностей, учесть нравственную значимость, как целей, так и средств. В реальной политике каждый из этих компонентов играет собственную, весьма важную роль. Всякая политика начинается с цели. Цель объединяет все действия и их результаты в единую систему, фактически предопределяет объект политического воздействия, противников и союзников.

Очевидно, что если, например, политическая партия ставит целью устранение частной собственности и капитализма, то вряд ли она может рассчитывать на симпатии слоя предпринимателей и крупных собственников, даже тогда, когда она ограничивается ненасильственными средствами борьбы. В лучшем случае эти слои будут терпимо относиться к такой партии, и то обычно до тех пор, пока не возникнет реальная угроза их интересам и ценностям.

В конечном счете эффективное, ведущее к цели использование любых, в том числе и ненасильственных средств в политике вызывает противодействие противников. Не случайно такие виднейшие представители ненасильственных движений, как М. Ганди [26] и М. Л. Кинг [67] (проповедник, борец за расовое равноправие в США), пали от рук убийц.

Важное влияние цель оказывает не только на результат политической деятельности, но и на выбор средств. Наибольшее воздействие на выбор методов и средств политической борьбы оказывают промежуточные цели.

Например, на развязывание гражданской войны в России после прихода большевиков к власти повлияла не их конечная цель — построение коммунизма, а прежде всего промежуточная цель — ликвидация в короткий срок частнособственных классов, а также упорство в достижении этой цели, нежелание отказаться от нее или хотя бы отодвинуть сроки ее осуществления. Хотя, конечно, непосредственной причиной гражданской войны явилось, прежде всего, использование насильственного метода борьбы.

Между целями и средствами (в том числе и методами, характеризующими использование средств) существует взаимовлияние. С одной стороны, цель и условия ее реализации во многом предопределяют используемые средства, с другой — средства, непосредственно влияя на достигнутый результат, определяют реалистичность или утопичность цели, ее изменение или вообще отказ от цели. Причиной несоответствия целей и результатов политики может быть как утопичная цель, так и неадекватные ей и обстоятельства средства. В целом же, будучи выбранными для реализации цели, именно средства оказывают непосредственное влияние на результаты политики [115, с. 61].

Достаточно убедительную трактовку общего соотношения целей и средств в политике с точки зрения ее нравственной оценки дает Н. А. Бердяев: «Цель уходит в отвлеченную даль, средства же остаются непосредственной реальностью <...> Когда применяют злые, противоположные целям средства, то до цели никогда не доходят, все заменяют средствами и о целях забывают, или они превращаются в чистую риторику <...> Цель имеет смысл лишь в том случае, если ее начать осуществлять сейчас же, тут» [14, с. 272].

Опыт коммунистического движения подтверждает истинность такого подхода к соотношению целей и средств в политике. Великая гуманная цель — освобождение

ние людей труда от эксплуатации и угнетения, построение общества, в котором «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» (по Марксу) [88, с. 447], – в результате, применение взявшими власть коммунистами тотального насилия против всех несогласных привело их к прямо противоположным результатам.

Реальная политическая практика однозначно свидетельствует: как невозможно на индивидуальном и социальном уровне отделить мораль от политики, так цели и средства в политике находятся в постоянном диалектическом взаимодействии.

Это взаимодействие редко бывает гармоничным, поэтому если политик или политическая организация реально привержены провозглашаемому целям, они постоянно стараются использовать подходящие им средства и избегать противоречащих. Вместе с тем реально осуществлять это на практике очень сложно, а иногда и невозможно. Несмотря на негативное влияние на политику безнравственных действий, в некоторых ситуациях полный отказ от них может иметь еще худшие последствия. Противоречия между целями и средствами политики существуют реально и не всегда могут разрешаться за счет отказа от целей из-за опасения применения сомнительных в нравственном отношении средств.

Разрешение таких противоречий может быть найдено в процессе нравственного соизмерения целей и средств политики. Известно, что нравственные ценности имеют иерархическую структуру. Одни из них – более значимы, чем другие. Например, пожертвовать жизнью ради спасения других людей – несравненно более нравственный поступок, чем пожертвовать для бедных небольшую часть своего дохода. Точно так же и безнравственные дела существенно различаются на шкале моральных ценностей: одно дело – убийство человека и совсем другое – безобидное лукавство.

Применительно к политике это означает, что в ней бывают ситуации, когда человек должен действовать по принципу меньшего зла, подобно врачу, утаивающему от больного губительную или вредную для него правду. Еще Платон в проекте своего совершенного государства оправдывал применение лжи в «лечебных» для народа целях. «Правителям, – писал он, – потребуется у нас нередко прибегать ко лжи и обману – ради пользы тех, кто им подвластен. <...> Подобные вещи полезны в виде лечебного средства» [108, с. 459].

Продуктивность безнравственных средств в политике в целом сомнительна. Единожды солгав в благих намерениях, человек намного легче делает это вторично. С каждым разом у него усиливается соблазн безнравственных действий. Длительное же применение безнравственных средств в политике разлагающе действует как на самих лидеров, так и на их сторонников, подрывает доверие и у оппонентов, и у союзников и в конечном счете не только ведет к нравственной деградации людей, использующих такие средства, но и ставит под сомнение эффективность проводимой ими политики.

Не все мыслители прошлого были столь решительны, как, например, Платон или Макиавелли, в оправдании применения в политике лжи во спасение. В частности, выдающийся философ-гуманист И. Кант, в целом отрицательно относясь ко всякому обману, советовал политикам избегать ситуаций, в которых ложь более нравственна, чем правда [64].

Современная наука не может определить, какие средства являются нравственными и эффективными применительно ко всем случаям практики, но она в состоянии установить гуманистические пределы в использовании средств для достижения определенных политических целей. В частности, наукой убедительно доказано, а историей практически подтверждено, что в современных демократических государствах использование политического террора или вооруженных восстаний для достижения групповых интересов или даже самых прекрасных и благородных целей не только безнравственно, но и преступно перед обществом. Точно так же в современных условиях нравственно недопустимо использование ядерного или других видов оружия массового уничтожения для решения спорных международных вопросов.

Все это свидетельствует о том, что для реализации политических целей приемлемы далеко не любые средства. От тех целей, достигнуть которые можно лишь с помощью явно антигуманных действий, следует отказаться. Наиболее несовместимы с нравственностью насильственные средства, особенно если они касаются большого количества людей.

21.1.4. Основные политические методы и средства

Человечество в течение многих столетий активно ведет поиск наиболее эффективных политических методов и средств. В целом, можно констатировать, что в рамках современного политического процесса трудно рассчитывать на открытие каких-либо принципиально новых их разновидностей.

К основным методам политики исследователи относят:

- ожидание — политическая технология, проявляющаяся в демонстративном отказе от использования каких-либо действий, способных изменить существующий расклад в сложившемся противостоянии. Его основная цель — получение времени для формирования дополнительных ресурсов, которые способны изменить установившееся равновесие в свою пользу, или истощить ресурсы враждебной стороны;
- действие — активизация усилий, направленная на достижение поставленных целей, обеспечивающих принципиальное изменение существующей политической ситуации в свою пользу;
- завоевание (покорение) — распространение своей системы политического и экономического господства на чужую территорию;
- компромисс — метод разрешения конфликтов путем переговорного процесса конфликтующих сторон, глубокого изучения предмета спора, осознания пределов уступок каждой стороной;
- сотрудничество — отношения дружественных государств в военной, дипломатической и экономической области, направленные на совместное решение совокупности задач, вызывающих взаимный интерес. Характер его определяется совместимостью их государственных интересов, согласованностью политического курса, взаимной заинтересованностью в обеспечении международной и национальной безопасности.

С помощью политических методов государства и политические объединения, и структуры решают одну из трех основных задач:

- получение односторонних преимуществ;
- сохранение независимости государства или организации;
- получение максимальных преимуществ в процессе мирного взаимодействия с другим государством или политическим объединением.

Методы преимущественно используются в процессе взаимодействия политических субъектов. В процессе взаимодействия политических субъектов с объектами, исследователи выделяют следующие наиболее эффективные средства воздействия:

- террор – политика запугивания, насилия, нагнетания страха; расправа с политическими противниками вплоть до их физического уничтожения; особая форма политического насилия, характеризующаяся жестокостью, целенаправленностью и кажущейся эффективностью.

В самом общем плане под террором понимают применение насилия, включая физическое уничтожение людей, для достижения каких-либо политических целей. Террор складывается из отдельных насильственных акций, которые должны вселять в людей чувство страха и тем самым способствовать изменению в нужном организаторам террора направлении поведения отдельных индивидов, групп и деятельности политических и общественных институтов. При помощи террора можно укреплять политическую власть, но можно ее рыхлять. Террор может быть насильственным действием по полному уничтожению тех, кто является его объектом.

Террор может быть индивидуальным, тогда его объектом становятся отдельные индивиды, занимающие высокое общественное положение, устранение которых позволяет достичь определенных политических целей. Субъектами индивидуального террора являются отдельные люди или небольшие организации (исключение составляет *государственный терроризм*, когда за террористическим актом стоит целое государство).

Террор может быть массовым как по числу жертв, так и по числу исполнителей. Террор может быть организованным, когда его осуществляет террористическая организация, партия или государство, но может быть стихийным, спонтанным, например массовое уничтожение представителей этнической, религиозной группы или сторонников определенной политической партии, общественного движения, спровоцированное каким-либо инцидентом (*религиозный терроризм и этнический терроризм*). По идеологическим мотивам и политическим целям террор делится на *белый* (контрреволюционный) и *красный* (революционный). Особой разновидностью террора является *тоталитарный террор*, осуществляемый тоталитарными политическими режимами;

- насилие – применение определенной социальной группой различных форм принуждения в отношении других групп с целью приобретения или сохранения экономического и политического господства, завоевания тех или иных привилегий. Господствующие классы и другие социальные группы для сохранения своих привилегий применяют все средства насилия, вплоть до массового террора; они прибегают к насилию и в межгосударственных отношениях.

Применение насилия, террора по отношению к народу характерная черта тоталитарных режимов;

- наказание – в широком смысле – форма социального контроля, которая состоит в отрицательном санкционировании социально неодобряемого поведения. Мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда к лицам, признанным виновными в совершении преступления; заключается в лишении или ограничении прав и свобод граждан, совершивших преступления. Применяется в целях восстановления социальной справедливости, исправления осужденного, предупреждения совершения новых преступлений;
- поощрение – действие или система мер, направленная на стимулирование индивида, коллектива, социальной группы на совершение действий, желательных для политического субъекта. Поощрение может быть материальным, административным, моральным и др. В политической практике поощрение также используется в целях предотвращения действий, рассматриваемых субъектом как нежелательные, вредные или опасные;
- манипулирование общественным мнением (син. «манипуляция массовым сознанием») – один из способов господства и подавления воли людей путем духовного воздействия на них через программирование их *поведения*. Это воздействие направлено на *психические* структуры человека, осуществляется скрытно и ставит своей задачей изменение мнений, побуждений и целей людей в нужном некоторой группе людей направлении;
- убеждение – главный метод словесного программно-целевого воздействия на личность. Реализуется через процесс передачи моральных представлений индивиду или представителям групп путем разъяснения, пропаганды, агитации. Наиболее сложный вид воздействия субъекта политики на объект. Требует от представителей правящей элиты или их коммуникаторов высокого уровня профессионализма, но зато обеспечивает наиболее мягкое и долгосрочное управление обществом.

§ 2. НАСИЛИЕ И НЕНАСИЛИЕ В ПОЛИТИКЕ

21.2.1. Насилие в политике

Политика издавна связывается или даже отождествляется с насилием. Ее важнейшим отличительным признаком является применение организованного насилия. Легальное политическое насилие на своей территории осуществляет лишь государство, хотя его могут применять и другие субъекты политики: партии, террористические организации, группы или же отдельные личности.

21.2.1.1. Понятие и роль насилия в истории

Насилие представляет собой преднамеренное действие, направленное на уничтожение человека (или других живых существ) или нанесение ему ущерба и осуществляемое вопреки его воле. Насилие негативно по определению. Это разрушительная сила, которая унижает, насилует, подавляет, эксплуатирует кого-либо. Насилие проявляется в различных и многообразных формах и степенях: физиче-

ское и психологическое, межличностное и структурное, социальное, политическое, военное, экономическое, культурное, религиозное и т. д.

Политическое насилие – это физическое принуждение, используемое как средство навязывания воли субъекта с целью овладения властью, прежде всего государственной, ее использования, распределения, защиты. Специфика насилия как политического средства состоит в применении физического принуждения для реализации властной воли или сопротивления ей. При этом объект насилия рассматривается субъектом главным образом как телесный объект, который подвергается преимущественно физическому воздействию [104].

Политическое насилие отличается от других форм не только физическим принуждением и возможностью быстро лишить человека свободы, жизни или нанести ему непоправимые телесные повреждения, но также организованностью, широтой, систематичностью и эффективностью применения. В относительно спокойные, мирные времена его осуществляют специально подготовленные для этого люди, обладающие оружием и другими средствами принуждения, объединенные жесткой организационной дисциплиной и централизованным управлением, хотя в периоды восстаний и гражданских войн круг субъектов насилия значительно расширяется за счет непрофессионалов.

Выделяют следующие виды политического насилия:

- по сфере действия (внутригосударственное и межгосударственное);
- по отношению субъектов насилия к государственной власти (государственное и негосударственное);
- по степени организованности (стихийное и структурированное);
- по количеству участников (индивидуальное, коллективное, массовое);
- по источнику инициативы (оборонительное и агрессивное);
- по масштабу (единичное и массовое);
- по интенсивности (высоко-, средне- и низкоинтенсивное);
- по социальной характеристике субъекта насилия (социально-классовое, этническое, религиозное);
- по направленности и глубине социальных последствий насилия (реформистское, радикальное, консервативное);
- по способам воздействия на объект (демонстративное и инструментальное);
- по используемым средствам (вооруженное и невооруженное) [105].

В качестве основных форм политического насилия выделяют:

- бунт;
- столкновения политических группировок;
- восстание;
- гражданская война;
- партизанская война;
- переворот;
- терроризм;
- репрессии.

Виды и формы политического насилия, по мнению А. Ю. Пиджакова, тесно между собой связаны, могут переходить друг в друга, оказывать сильное взаимное влияние [105].

Насилие – неотъемлемая сторона всей человеческой истории. В политической и общественной мысли встречаются самые различные, в том числе прямо противоположные оценки роли насилия в истории. В целом выделяется два основных подхода к политическому насилию: *абсолютистский и прагматичный*.

Согласно первому, понятие «насилие» несет ярко выраженную негативную оценочную нагрузку. Насилие прямо отождествляется со злом вообще. Насилием именуется только такое внешнее принуждение человека, которое достойно осуждения. Оно воспринимается общественным сознанием как действие обидное, незаконное. Негативную оценку социальной роли всякого насилия дают пацифисты и сторонники ненасильственных действий.

Прагматический подход ориентируется на ценностно нейтральное и объективное определение насилия и отождествляет его с физическим и экономическим ущербом, который люди наносят друг другу. Насилием считается то, что, очевидно является насилием – убийство, ограбление и пр. Такая интерпретация позволяет ставить вопрос об оправданности насилия, возможности его использования в определенных ситуациях, но при этом отсутствует критерий для его решения. Считается, что иногда насилие может быть использовано во благо. Тем самым оно получает этическую санкцию. В оправдание насилия приводятся такие его ипостаси, как справедливое возмездие, насилие ради блага тех, против кого оно применяется, малое насилие ради предотвращения большого [38].

Некоторые ученые, например Е. Дюринг [51], приписывали ему решающую роль в общественном развитии, сломе старого и утверждении нового. Близкую к такой оценке насилия позицию занимает марксизм. Он рассматривает насилие как «повивальную бабку истории» (К. Маркс [88]), как неотъемлемый атрибут классового общества. Согласно марксизму, на протяжении всего существования частнособственнического общества движущей силой истории является классовая борьба, высшим проявлением которой выступает политическое насилие. С ликвидацией классов из жизни общества постепенно исчезнет и социальное насилие. Попытки на практике реализовать марксистские идеи обернулись для человечества эскалацией социального насилия, огромными людскими потерями и страданиями, но так и не привели к безнасиельственному миру.

А. А. Гусейнов считает, что существует причина, в силу которой общественное сознание заинтересовано в такой двойственности. Поэтому и существует двуликое понятие насилия, которое в одной проекции является добром, а в другой – злом. Этическая дискредитация насилия необходима, когда речь идет о насилии, направленном против «нас», этическое оправдание насилия необходимо, поскольку речь идет о насилии против «них». Оправдание насилия, по его мнению, возможно только в форме моральной демагогии [38].

Считается, что первым из факторов, определяющих отношение к насилию, является индивидуальное и коллективное мировоззрение. В частности, неверие в то, что люди будут добровольно следовать общепринятым нормам поведения, и убеждение, что по природе своей они тупы и агрессивны, закономерно приводит к выводу о необходимости сдерживать разрушительные тенденции, свойственные людям силой или угрозой применения силы.

Насилие определяется присущей человеку агрессией. Различают [38] два вида агрессии. Первый вид, *общий* и для человека, и для всех животных – это генетиче-

ски заложенный импульс к атаке в ситуации, когда возникает угроза жизни. Это оборонительная, «доброкачественная», агрессия служит делу выживания индивида и рода; она имеет биологические формы проявления и затухает, как только исчезает опасность. Другой вид представляет «злокачественная» агрессия — это деструктивность и жестокость, свойственные только человеку и практически отсутствующие у других млекопитающих.

Насилие, как способ принуждения, в той или иной степени присущ любому обществу. Насилие в политике использовалось всегда. В целом в общественном сознании, в том числе среди ученых и политиков, преобладает отношение к насилию как к неизбежному злу, вытекающему либо из природного несовершенства человека, либо из несовершенства социальных отношений.

Но со второй половины XX в. приемлемость насилия как универсального способа регуляции общественной жизни все чаще подвергается сомнению и зоны использования насилия все более сужаются. Растет понимание того, что насилие, запланированное как временное и локальное, легко перехлестывает через любые заранее определенные барьеры. Акты насилия в современном мире легко могут привести к катастрофическим последствиям. Для граждан развитых стран насилие стало неприемлемым по моральным соображениям [88].

21.2.1.2. Насилие и мораль

Неразрывно связанное с политикой организованное насилие издавна считается средством, наиболее трудно совместимым с нравственностью, связанным с «дьявольскими силами» (М. Вебер [21]). «Не убий» — одна из важнейших библейских заповедей. В число нравственных образцов христианского поведения входит также непротивление злу насилием и любовь к врагу своему, хотя эти принципы носят характер скорее нравственных идеалов святой жизни, чем требований, предъявляемых к обычным людям.

Оцениваемое в целом, в общей форме, насилие — антипод гуманизма и нравственности, ибо означает действия, направленные против человека или его достоинства. Систематическое применение насилия разрушает нравственные основы общества, совместной жизни людей — солидарность, доверие, правовые отношения и т. п.

Исходя из норм чистого гуманизма, понятие «насилие» является синонимом «зла». Оно употребляется в очень широком значении, включающем все формы физического, психологического, экономического подавления и соответствующих им душевных качеств, как ложь, ненависть, лицемерие и т. д. При таком подходе возникают, как минимум, две трудности: во-первых, становится невозможным оправдание насилия, возможности его конструктивного использования. Само понятие как бы предreshает проблему, с самого начала содержит в себе ответ на вопрос, который не подлежит обсуждению.

Во-вторых, отрицание насилия выглядит как сугубо моральная программа, вступающая в непримиримую конфронтацию с реальной жизнью. Не случайно, например, Л. Н. Толстой [128], который наиболее последовательно придерживался этой интеллектуально-духовной традиции, вкладывая в понятие насилия сугубо негативный и предельно широкий смысл, был одновременно радикальным критиком современной цивилизации, всех свойственных ей форм эгоизма и при-

нуждения. Для него, в частности, в плане отношения к насилию не было большого различия между разбойниками с большой дороги и законными монархами, а если и было, то никак не в пользу вторых. Морализирующий абсолютизм является, по мнению А. А. Гусейнова [37], одной из основных причин, в силу которой идеи ненасилия в начале XXI в., в обществе находят почти так же мало отклика, как и две с половиной тысячи лет назад, когда они впервые возникли. Люди — не ангелы; об этом можно сожалеть, но изменить такое положение дел нельзя.

Поэтому вследствие несовершенства, прежде всего, самого человека, а также форм его коллективной жизни общество не может полностью устранить из своей жизни всякое насилие и вынуждено в целях его ограничения и пресечения использовать силу. Учитывая социальные реальности, гуманизм (и мораль) допускает применение насилия лишь в качестве ответной или превентивной меры по отношению к уголовным преступникам, террористам, злым нарушителям законов и т. п.

Приходится констатировать, что не существует единицы измерения насилия. Проблема становится особенно безнадежной, когда речь идет об упреждении насилия. Толстой говорил: пока насилие не совершено, никогда нельзя с абсолютной достоверностью утверждать, что оно будет совершено и потому попытки оправдать одно насилие необходимостью предотвращения другого всегда будут логически уязвимыми и нравственно сомнительными. Насилие невозможно сосчитать, измерить, даже если его можно было бы охватить чисто внешним образом. На самом деле насилие не сводится к внешним своим проявлениям. Боль от случайно вывихнутого плеча и боль от удара дубинки омонцовца — разные боли, и человек может предпочесть первую второй, даже если она количественно будет тысячекратно превышать ее. Обозначить эту разницу, оставаясь в пределах строго объективистского определения, нельзя. Проблема отношения к насилию тем самым теряет нравственную напряженность [38].

Трудности, связанные с определением насилия, получают разрешение, если поместить его в пространство свободной воли и рассматривать как одну из разновидностей власто-волевых отношений между людьми. Насилие есть один из способов, обеспечивающих господство, власть человека над человеком. Основания, в силу которых одна воля господствует, властвует над другой, подменяет ее, принимает за нее решения, могут быть разными:

- некое реальное превосходство в состоянии воли: типичный случай — патерналистская власть, власть отца;
- предварительный взаимный договор: типичный случай — власть закона и законных правителей;
- насилие: типичный случай — власть оккупанта, завоевателя, насильника.

Отсюда следует, что насилие — не вообще принуждение, не вообще ущерб жизни и собственности, а такое принуждение и ущерб, которые осуществляются вопреки воле того или тех, против кого они направлены. Насилие есть узурпация свободной воли. Оно есть посягательство на свободу человеческой воли.

При таком понимании понятие насилия приобретает более конкретный и строгий смысл, чем простое отождествление его с властью или трактовку как вообще разрушительной силы. Оно позволяет насилие как определенную форму общественного отношения отличать, с одной стороны, от инстинктивных природ-

ных свойств человека: агрессивности, воинственности, плотоядности, а с другой стороны, от других форм принуждения в обществе, в частности, патерналистского и правового. Вместе с тем преодолевается свойственная этическому абсолютизму аксиологическая ловушка и вопрос об оправданности насилия остается открытым для рационально аргументированного обсуждения [38].

Проблема оправданности насилия связана не вообще со свободой воли, а с ее нравственной определенностью, с ее конкретно-содержательной характеристикой в качестве доброй или злой воли. Когда говорят об оправданности насилия, то обычно рассматривают только один аспект – против кого оно направлено. Но не менее важна и другая сторона – кто бы мог, имея достаточные основания, осуществить насилие, если бы мы признали, что в каких-то случаях оно вполне оправданно. Ведь недостаточно решить, кто может стать жертвой. Надо еще ответить, кто достоин стать судьей. Вообще надо заметить, что самый сильный и никем до настоящего времени не опровергнутый аргумент против насилия заключен в евангельском рассказе о женщине, подлежащей избиению камнями. Кто, какой святой может назвать нам преступников, подлежащих уничтожению? И если кто-то берет на себя это право судить, то что мешает другим объявить преступниками их самих? Ведь вся проблема возникает из-за того, что люди не могут прийти к согласию по вопросу о том, что считать злом, а что – добром, не могут выработать безусловные, всеми признаваемые критерии зла. И в этой ситуации нет другого позитивного, сохраняющего жизнь выхода, кроме как признать абсолютной ценностью самую жизнь человека и вообще отказаться от насилия.

В рамках предложенного А. А. Гусейновым определения право на осуществление насилия могла бы иметь абсолютно добрая воля, а оправданием его применения могло бы стать то, что оно направлено против абсолютно злой воли. Однако человеческая воля не может быть ни абсолютно (сплошь) доброй, ни абсолютно (сплошь) злой. И то и другое является противоречием определения. Абсолютно добрая воля невозможна, в силу парадокса нравственного совершенства. Абсолютно злая воля невозможна, потому что такая воля уничтожила бы саму себя [38].

21.2.1.3. Эффективность и цена политического насилия

Насилие и его масштабы определяются многими причинами: экономическим и социальным устройством, остротой конфликтов и традициями их разрешения, политической и нравственной культурой населения и т. д. На протяжении многих веков насилие выступало основным способом разрешения острых социальных противоречий. Политиком, не обладающим нравственной культурой, гуманными убеждениями, оно казалось наиболее эффективным методом достижения цели, поскольку способно физически устранить противника. Сталин, отдавая распоряжения об уничтожении неугодных ему людей, говорил: «есть человек – есть проблема, нет человека – нет проблемы» [115, с. 65].

Однако эффективность политического насилия чаще всего является иллюзией. Насилие, применяемое одной стороной, как правило, вызывает противодействие, ужесточает противника, масштабы и остроту конфликта, ведет к эскалации насилия и в конечном счете приводит к неожиданно высоким для его инициаторов людским потерям и материальным затратам. Победа же, если она достигается, как правило, имеет слишком высокую цену.

В истории широкое применение насилия оказывало губительное воздействие не только на отдельных людей, но и на целые нации. Многие народы (например, проживавшие на территории нынешней Прибалтики пруссы) прекратили свое существование в результате жестоких войн и физического истребления. Насилие оказывает и разрушительное влияние на общество, уничтожая его лучших представителей и подрывая генофонд нации.

В 1922 г. известный русский социолог П. Сорокин отмечал: «судьба любого общества зависит, прежде всего, от свойств его членов. Общество, состоящее из идиотов или бездарных людей, никогда не будет обществом преуспевающим. Дайте группе дьяволов великолепную конституцию, и все же этим не создадите из нее прекрасное общество». Оценивая ущерб России от недавних мировой и гражданской войн, он продолжал: войны «всегда были орудием отрицательной селекции, производящей отбор «шиворот-навыворот», т. е. убивающей лучшие элементы населения и оставляющей жить и плодиться худшие, т. е. людей второго и третьего сорта. И в данном случае у нас погибли преимущественно элементы: а) наиболее здоровые биологически, б) трудоспособные энергетически, в) более волевые, одаренные, морально и умственно развитые психологически» [124].

Еще более тяжелый урон генофонду русской нации нанесли сталинские репрессии и вторая мировая война. Новая мировая война, если она будет развязана, может привести к уничтожению или деградации всего человеческого рода. Все это свидетельствует о том, что в целом насилие не только безнравственно, но и губительно для общества. И все же обойтись без него пока еще человечеству не удастся.

Насилие как средство в политике способствует распространению в обществе авторитарных тенденций. Государства, пережившие значительные насильственные конфликты, отличаются жестокими политическими режимами. С. Хантингтон, проанализировав период 1860–1960 гг., подсчитал, что вооруженные восстания почти никогда не приводили к установлению демократических режимов. Это дало ему возможность сделать вывод о том, что «правительства, созданные насильем, управляют с помощью насилия» [135].

Исторический опыт показывает, что насилие, проложившее дорогу к власти, всегда ведет к более или менее длительному периоду несвободы, террора, преследований. Диктатуры возникли после трех наиболее известных революций (Английской XVII в., Французской XVIII в. и Российской 1917 г.). Победы вооруженного национально-освободительного движения в Латинской Америке в XIX в. лишь усилили авторитарные режимы на континенте.

Широкое использование насилия во внутривластных конфликтах может спровоцировать приход к власти или усиление позиций сторонников более жесткой политической линии, как в среде правящей элиты, так и оппозиции (например, путем военного переворота). Насилие представляет опасность для демократических институтов еще и потому, что в конечном счете требует перестройки всей социальной, экономической, политической системы. Общество начинает как бы обслуживать принудительную функцию государства. В случае угрозы извне или острого внутривластного противоборства в экономике вводится особый режим, отменяются или приостанавливаются некоторые фундаментальные права и свободы и т. д. Все это оправдывается необходимостью борьбы против «внутренних и внешних врагов».

Таким образом, практика насилия содержит в себе потенциал автократизма, который воплощается в недемократической структуре нелегальных организаций, а затем в формах и методах деятельности политического режима, устанавливаемого насильственным путем. Насилие, систематически применяемое против оппозиции, также способно вызвать в конечном итоге деформацию политической системы, усилить в ней авторитарные тенденции.

Насилие — это политическое средство, обладающее рядом специфических черт. Главные из них:

- высокие издержки, связанные с его применением;
- непредсказуемость и рискованность;
- конфронтационность;
- автократизм.

Насилие содержит в себе потенциал аполитичности в том смысле, что отрицает такие важнейшие ценности политики, как компромисс, доверие, учет взаимных интересов. Эскалация насильственного противоборства может привести к «точке невозвращения» (выражение Ф. Фанона [131]), в которой происходит окончательный разрыв между сторонами политических отношений, вызывающий крушение системы.

Насилие как средство внеэкономического принуждения получило широкое распространение в тоталитарных режимах XX в. В них широко практиковались принудительная социальная мобилизация, физические наказания за плохую работу (Кампучия при Полпоте), уголовные преследования за нарушения трудовой дисциплины (СССР). В системе концентрационных лагерей (нацистская Германия) нашла классическое воплощение насильственная форма организации труда. Непосредственное регулирование экономических отношений с помощью насилия показывает свою относительную эффективность (но никогда — высокую) там, где производство отличается низкой интенсивностью, примитивными орудиями труда, прямым вмешательством в экономическую жизнь.

Эффективность насилия в роли регулятора общественных отношений в целом невысока. В условиях действий субъектов власти, осуществляющих социальные преобразования, насилие служит главным образом средством их защиты от оппозиции, но не может подменить преобразований, нацеленных на создание определенных социальных, экономических и политических структур.

Кроме того, результаты, полученные посредством насилия, чаще всего не совпадают с намерениями субъектов политики, сопровождаются побочными, нежелательными эффектами. Наконец, масштабы политических задач, решаемых с помощью насилия, ограничиваются, в основном, тактическим уровнем и достигают стратегического уровня лишь при сочетании физического принуждения с другими средствами [104]. Большевикам удалось удерживать государственную власть более семидесяти лет, но основные положения их программы оказались не выполненными.

Следует признать, что современные достижения в области массовой коммуникации, технической оснащенности насилия, технологии социального контроля повышают потенциал насилия. Систематическое, грубое насилие способно соз-

дать такую атмосферу всестороннего страха, которая парализует волю к сопротивлению, порождает своеобразную трансформацию сознания.

У объекта насилия формируется привычка к подчинению репрессивной власти. Ж. Желев, характеризуя процесс перехода внешних санкций во внутренние побуждения под воздействием насилия, писал: «Тоталитарное государство доводит террор и контроль до такой всеохватности и совершенства, что каждый гражданин поступает именно так, как оно хочет. И гражданин привыкает к тому, что веления государства — самые правильные, и всегда соглашается с ними, не задумываясь над тем обстоятельством, что ему не дозволяется поступать по-другому. В конце-концов он начинает внушать себе, что поступает так добровольно настолько, насколько можно согласовывать добровольность и принуждение» [52, с. 187].

Это объясняется тем, что систематические последовательные репрессии, разветвленная система слежки, характерные для тоталитарных режимов, лишают оппозицию каких бы то ни было шансов на организованные действия. Поэтому крушение тоталитарных режимов за редким исключением связано или с внешним поражением, или со смертью вождя, или с расколом правящей элиты и другими причинами, но не с массовым оппозиционным насилием.

Насилие в целом можно оценить как политическое средство низкой эффективности. Потому что:

- дорогостоящий характер насилия приводит к тому, что за результаты, достигаемые с его помощью, приходится платить высокую социальную цену;
- непредсказуемость и слабая управляемость насилия обуславливают, как правило, лишь частичное совпадение поставленных целей и достигнутых результатов. При этом чаще всего фундаментальные цели остаются недостижимыми;
- насилие ни в коей мере не является средством окончательного решения политической иной проблемы.

В конце XX в. с распространением ядерного и других видов оружия массового уничтожения не только четче проявилась антигуманная сущность социального насилия, но и появились благоприятные условия для его дальнейшего ограничения. Это связано с бесперспективностью мировых войн, с распространением идеалов гуманизма: мира, свободы, демократии, прав человека в современном мире, а также с крахом большинства авторитарных и тоталитарных режимов, непосредственно опиравшихся на насилие.

21.2.1.4. Право на насилие

Важнейшим фактором, непосредственно влияющим на размеры, формы проявления и общественную оценку социального насилия как внутри отдельных стран, так и в отношениях между ними, является характер политического строя: авторитарный, тоталитарный или демократический. Первые два типа государств — авторитарные и тоталитарные — наделяют власть и высшее руководство неограниченным правом на государственное принуждение, демократия же признает источником законного принуждения лишь народ и его представителей.

С глубокой древности мыслители-гуманисты считали неотъемлемым правом народа на ответное насилие — оборонительные, справедливые войны и восстание против тиранов. «Во всех положениях и состояниях, — писал родоначальник либе-

рализма Д. Локк, – лучшее средство против силы произвола – это противодействовать ей силой же. Применение силы без полномочий всегда ставит того, кто ее применяет, в состояние войны как агрессора и дает право поступать с ним соответствующим образом» [78, с. 89].

Обращение к силе Локк и другие либеральные мыслители считали правомерным и нравственным в том случае, если монарх или избранное правительство не оправдывают доверия народа, нарушают естественные, присущие человеку от рождения права на жизнь, свободу, собственность и другое, узурпируют власть и порабащают граждан, жестоко расправляясь с непослушными. В этом случае власть сама ставит себя в состояние войны с народом и узаконивает тем самым его естественное право на восстание против тирании.

В соответствии с этими идеями конституции демократических государств обычно признают законным и нравственным право народа на применение силы, сопротивление против тех, кто пытается насильственно устранить демократический порядок. Однако в конституционном государстве это право действует лишь тогда, когда государственные органы оказываются неспособными противостоять попытке переворота законными средствами.

В демократических государствах, где политические решения принимаются в результате компромисса между основными политическими силами, рядовые граждане имеют возможность оказывать влияние на политическую элиту благодаря использованию демократических процедур. Демократический строй создает важнейшие предпосылки для ограничения насилия, разрешения конфликтов мирными, ненасильственными средствами. Это достигается, прежде всего, в результате признания равенства прав всех граждан на управление государством, выражение и защиту своих интересов. В условиях демократии каждая общественная группа имеет возможность свободно выражать и отстаивать свое мнение, добиваться признания его справедливым и принятия парламентом или правительством соответственных решений.

Поэтому политический вес «непримиримой оппозиции» в демократических государствах невелик. Большинство участников политического процесса не испытывают необходимости обращаться к насилию для достижения своих целей. Если имеет место превышение допустимых границ насилия, то оно приводит к деструктивному эффекту, обратным результатам. Так, чрезмерная жестокость, грубая сила, используемые против ненасильственных, мирных форм политического участия, отталкивают общественное мнение, лишают власть поддержки. Некоторые экстремистские группировки намеренно провоцируют правительство на «чрезмерную реакцию», неадекватно жестокие репрессии против оппозиционных выступлений, чтобы дестабилизировать обстановку [105].

21.2.2. Ненасилие в политике

21.2.2.1. Понятие ненасилия

Ненасилие в политике, по определению А. А. Гусейнова – это концепция, признающая необходимость, целесообразность и оправданность отказа от использования насилия и силы вообще при решении политических и социальных проблем,

ставящая в основу политической деятельности принципы гуманизма и требования общечеловеческой морали и нравственности [38].

Ненасилие в отличие от насилия является не следствием иерархической структуры общества, а результатом солидарного слияния индивидов. Его координаты — не вертикаль властных отношений, а горизонталь дружеского общения. Ненасилие исходит из убеждения в ценности каждого человека как свободного существа и одновременно взаимной связанности всех людей в добре и зле. В основе ненасилия лежит доктрина, согласно которой человеческая душа является ареной борьбы добра и зла, как писал М. Л. Кинг [67], «даже в наихудших из нас есть частица добра, и в лучших из нас есть частица зла». Считать человека радикально злым — значит незаслуженно клеветать на него. Считать человека бесконечно добрым — значит откровенно льстить ему. Должное же ему воздается тогда, когда признается моральная двойственность человека.

Под *концепцией ненасилия* ряд исследователей подразумевают систему этических, нравственных, психологических, социологических и собственно философских идей, теорий, взглядов, касающихся ненасильственного бытия человека в обществе, в духе отрицания войны и любой иной формы насилия, воздержания от деструктивной агрессии.

Из постулата свободы человека вытекает как минимум два важных этических вывода. Первый — человек открыт добру и злу. Второй — нельзя ответить на вопрос, что такое человек, не отвечая одновременно на вопрос о том, что он должен делать. Добро как и зло — не факт. Они являются делом выбора. Человек — не зверь и не Бог. Он — среднее между тем и другим. Человек не тождествен самому себе. Человек — это путник. Важно не то, где он находится. Важно то, куда он идет, и сама эта готовность идти и дойти до конца [38].

Ненасилие как нормативная программа делает акцент на доброе начало в человеке, на то, чтобы усиливать его путем культивирования и сложения. Этим оно существенно отличается от насилия, как и в целом от властных отношений, которые направлены, прежде всего, на то, чтобы ограничивать и блокировать деструктивные, разрушительные проявления человеческой свободы. Сознательно ориентируясь на добро, сторонник ненасилия, тем не менее, исходит из убеждения, что моральная двойственность является принципиально неустранимой основой бытия человека — он не исключает себя из того зла, против которого он ведет борьбу» и не отлучает оппонента от того добра, во имя которого эта борьба ведется. На этом построены принципы его поведения:

- отказ от монополии на истину, готовность к изменениям, диалогу и компромиссу;
- критика своего собственного поведения с целью выявления того, что в нем могло бы питать и провоцировать враждебную позицию оппонента;
- анализ ситуации глазами оппонента с целью понять его и найти такой выход, который позволил бы ему сохранить лицо, выйти из конфликта с честью;
- бороться со злом, но любить людей, стоящих за ним;
- полная открытость поведения, отсутствие в отношении оппонента какой бы то ни было лжи, скрытых намерений, тактических хитростей и т. п.

Основная установка ненасилия — исправить отношения, превратить врагов в друзей, сделать так, чтобы предшествующее зло не стало абсолютной преградой

для последующего сотрудничества. Ненасилие есть усилие, состоящее в том, чтобы выпрыгнуть из заколдованного круга ненависти и насилия, сменить основания выбора [38].

Отрицание насилия выглядит как сугубо моральная программа, вступающая в непримиримую конфронтацию с реальной жизнью. Ее последователь сразу же встает на путь критики современной цивилизации, основанной на насилии и принуждении. То есть нет большого различия между разбойником с большой дороги и монархом. Данный морализирующий абсолютизм был причиной отторжения идеи ненасилия в обществе. Прагматический подход ориентируется на ценностно нейтральное и объективное определение насилия и отождествляет его с экономическим и физическим ущербом, насилием признается то, что очевидно им является: убийство, ограбление и пр. Однако не существует единицы измерения насилия, поэтому очень сложно определить количество насилия, которое необходимо причинить, чтобы предотвратить большее насилие. Сложно предотвращать насилие с помощью насилия.

Ненасилие может выступать как практический опыт действия и как принципиальная позиция. Уяснение различия этих двух аспектов ненасилия – практического и принципиально-мировоззренческого – имеет большое значение для понимания его природы. Философия ненасилия может быть нормативной или ненормативной. Ненасилие как общезначимая социальная позиция определяется разными мотивами: моральными и неморальными, и может быть *принципиальным* или *прагматическим* [38].

Принципиальное ненасилие реализуется в определенном типе личности или в определенном образе действий, или же и в том, и в другом. В первом случае ненасилие принадлежит этике добродетели, во втором – этике поведения. Принципиальное ненасилие имеет две формы: *абсолютную и условную*. Абсолютное ненасилие отвергает использование насилия в любых обстоятельствах, что нельзя сказать об условном ненасилии. Оно допускает такие обстоятельства, в которых насилие будет обоснованно, с уточнением, что такие обстоятельства складываются в мире крайне редко. М. Ганди [26] был сторонником условного ненасилия, поскольку говорил, что если придется выбирать между насилием и трусостью, то достойнее избрать насилие.

Принципиальное и прагматическое ненасилие отличаются друг от друга широтой использования насилия. Прагматическое ненасилие руководствуется политическими, социальными, или государственными соображениями, а принципиальное ненасилие в дополнение к ним или вместо них руководствуется еще высокими моральными целями. Важным является моральная эффективность, а не практическая.

В обоих случаях ненасилие получает обоснование, но принципиальное ненасилие получает моральное обоснование, в то время как прагматическое ненасилие может иметь лишь практическую целесообразность, а моральные мотивы не являются обязательными. Получается, что прагматическое ненасилие может быть использовано ради аморальных целей с тем же успехом, как и ради моральных. Принципиальное ненасилие не может быть использовано ради аморальных целей [38].

Ненасилие проблематично только в том мире, в котором одни используют насилие, в то время как другие – нет. Проблема чисто терминологическая, оно опре-

деляет то, что подвергается отрицанию. Однако эта проблема возникает лишь в случае трактовки ненасилия как отказа только лишь от физического насилия. Принципиальное ненасилие также подразделяется на минимальное, предполагающее отказ от физического насилия, и максимальное ненасилие, которое отрицает даже психологическое насилие.

21.2.2.2. Религиозные истоки ненасилия

Многие века лучшие умы человечества озабочены проблемой устранения насилия из политической и общественной жизни. Впервые идеи ненасилия зародились в глубокой древности в недрах религиозной мысли – в буддизме, индуизме, конфуцианстве, иудаизме, христианстве и некоторых других религиях. В дохристианских культурах ненасилие понималось преимущественно как безропотное подчинение божественной, природной и общественной необходимости (в том числе власти), терпимость ко всему живому, непричинение вреда окружающему миру, стремление к добру, ориентация человека в первую очередь на религиозно-нравственные ценности. В некоторых религиях, например буддизме и иудаизме, законность самой власти рассматривалась в зависимости от ее соответствия нравственным законам.

Христианство внесло в концепцию ненасилия идеи самопожертвования и любви к ближнему, а также вдохновило верующих на одно из первых в истории массовое применение ненасильственных действий. Имеется в виду непротивление гонениям со стороны властей, которое повлекло отказ христиан поклоняться римским императорам и официальным богам.

Христианство оказало решающее влияние на восприятие и развитие идей ненасилия в европейской цивилизации (что, конечно, не исключает влияния и других источников, в частности древнегреческой философии стоицизма). Не случайно некоторые исследователи называют первым идеологом и пророком ненасилия, реально воплотившим его в своих действиях, Иисуса Христа, добровольно взошедшего на Голгофу и принявшего мучения ради спасения человечества [115, с. 68].

Политика ненасилия имеет глубокие религиозно-нравственные основы. Одну из важнейших идей философии ненасилия – отрицание насилия, непротивление злу насилием – можно найти в заповедях Христа из Нагорной проповеди: «Любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас. Благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас. Ударившему тебя по щеке подставь и другую; и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку <...> Не судите и не будете судимы, не осуждайте и не будете осуждены; прощайте и прощены будете» [16, Лк. 6.27-6.37].

Концепция политики ненасилия не ограничивается непротивлением злу. Философия ненасилия предполагает активную позицию и действия, основанные на верховенстве духовно-нравственной власти над властью политической в соответствии со словами апостола Павла: «Следует Бога больше слушать, чем людей» [16].

Христианские идеи ненасилия пытались воплотить в жизнь разнообразные религиозные течения и секты. Они стали одной из важнейших целей европейского Реформаторства, были полностью приняты к действию движением квакеров, а в России сектой духовных христиан – духоборов. Эта достаточно массовая секта за оппозицию официальному православию, неподчинение властям и отказ от несе-

ния военной службы подверглась гонениям со стороны правительства и в конце XIX в. переселилась в Канаду, где проживает и сегодня.

21.2.2.3. Развитие теории и практики ненасилия

Большой вклад в концепцию ненасилия внесли крупнейшие русские писатели и философы, особенно Л. Н. Толстой [128], который создал целое учение о непротавлении злу насилием и стремился воплотить его в жизнь, в том числе личным примером, а также Ф. М. Достоевский [49], пытавшийся решить в своих произведениях проблему нравственной недопустимости насилия. В Америке виднейшим представителем идей ненасилия, обосновавшим использование ненасильственных действий в политике применительно к конституционному государству, был известный писатель и философ Г. Торо (1817–1862) [130].

Новый этап в развитии концепции ненасилия и особенно в ее внедрении в реальную массовую политику связан с именем М. Ганди [26], называвшего себя учеником Л. Н. Толстого. С помощью созданного им Индийского национального конгресса он успешно воплотил в жизнь целостную стратегию ненасильственной политической борьбы, получившую название «сатьяграхи» (в буквальном переводе — упорство в истине). Эта стратегия была основана на объединении и вовлечении в освободительное движение широких народных масс, независимо от их классовой или кастовой принадлежности и осуществлялась исключительно методами ненасилия в основном в трех формах:

- несотрудничество (отказ от должностей, бойкот товаров, правительственных и иных учреждений);
- гражданское неповиновение (неподчинение законам колониальной администрации);
- активное ненасильственное сопротивление (митинги, демонстрации, походы).

Гражданское неповиновение проявлялось в игнорировании законов и распоряжений колониальной администрации, в проведении политических забастовок и прекращении деловой активности, закрытии торговых заведений и т. п., неуплате налогов. Во взаимоотношении с колониальными властями использовалась тактика мирных переговоров, компромиссов и поиска консенсуса.

Активное ненасильственное сопротивление, в отличие от пассивного (поджоги домов, голодовки в тюрьмах) — это, по Ганди, оружие не слабых, а сильных. «Храбрость ненасилия во много раз превосходит храбрость насилия», — писал Ганди. Именно ненасилие позволяет адекватно решать сложные проблемы: «...каждая проблема поддается разрешению, если мы решительно настроены сделать закон правды и ненасилия законом жизни». Но «подобно тому, как при обучении насилию необходимо учиться искусству убивать, так при обучении ненасилию необходимо учиться искусству умирать» [26, с. 154, 156].

Ненасилие не отрицает жизненно важную, оборонительную воинственность, но преобразует ее в позитивное, ненасильственное средство обороны в решении конфликтов. Реакция людей на насилие и несправедливость возможна в трех формах: пассивности, ответном насилии, активном ненасилии. Пассивность рассматривалась М. Ганди как подчинение злу, уподобление человека рабу. Пассивность противостоит активному ненасилию и должна быть безусловно отвергнута. Нена-

силе учит преодолевать страх. Те, кто прибегают к ответному насилию... их позиция выше пассивности. Когда мы используем ответное насилие, мы тем самым позволяем своему противнику (агрессору или врагу) также прибегать по отношению к нам в силе. Следовательно, делая так, мы отрицаем свои собственные принципы (уважение к человеку) и цели (стремление к большей справедливости и миру). Прежде чем осилить другого, мы разрушаем в себе свою человечность. Злые средства, даже если они используются во имя благих целей, разрушают нашу человечность [26].

В 1960-е гг. XX в. метод ненасилия успешно применял борец за гражданские права американских негров М. Л. Кинг [67].

Несмотря на очевидную положительность моральных принципов «правильного поведения», они подвергаются определенной критике. Т. Адорно вскрыл нераздельность и несовместимость двух незаметно переходящих друг в друга моральных установок – «этики убеждения», сконцентрированной только на смысле поступка безотносительно к его практической результативности, и «этики ответственности», принимающей во внимание практическую целесообразность того или иного выбора. По мнению Адорно, обе позиции заключают в себе губительную опасность: сторонник «этики убеждения», заботящийся только о чистой совести, рискует оказаться бессильным перед реальным злодеянием, а «этика ответственности», бесконечно проигрывающая и сопоставляющая возможные варианты, чревата утратой самоценности добра [3].

«Войны всегда возникают как раз по вине государственных деятелей», – писал один из главных представителей неофрейдизма, немецко-американский психолог и социолог Э. Фромм в сочинении «Здоровое общество» [114, с. 276.] Государственные деятели – люди, обладающие монополией на власть, и когда они общаются между собой на международной арене, то это чревато опасностью силовых решений.

21.2.2.4. Особенности ненасильственной политики

Суть концепции ненасилия в политике заключается в отказе от применения силы при разрешении конфликтов и в урегулировании спорных вопросов на основе принципов гуманизма и нравственности. Она рассчитана на действие более высоких мотивов человеческого поведения, чем страх перед физическим наказанием или экономическими санкциями, – на силу духа, нравственной убежденности, героического примера. Основой насилия, пишет политолог Д. Фейхи, является власть ненависти или, по крайней мере, страха, в отличие от ненасилия, основой которого служит сила бесстрашия и любви. Ненасилие «не ранит, не разрушает и не убивает, как физическое оружие, а исцеляет, объединяет и содействует сближению судеб угнетенного и угнетателя» [6, с. 89].

Ненасилие в политике традиционно служило специфическим средством воздействия на власть снизу. Его обычно применяют люди, не обладающие средствами насилия или крупными экономическими ресурсами влияния. Хотя история знает случаи участия в ненасильственных действиях и служащих аппарата принуждения, например полицейских, как это было, в частности, во время освободительной борьбы в Индии. Очень часто ненасильственный метод борьбы используют социальные, национальные и иные меньшинства для того, чтобы обратить

внимание властей и общественности на бедственность своего положения. Ненасилие занимает центральное место среди средств влияния экологических движений, например движения «Гринпис» [115, с. 70].

Ненасильственные методы учитывают особенности общественной субстанции — наличие у объектов их воздействия нравственного сознания, совести и разума. Именно к ним апеллирует ненасилие. Если бы в обществе действовали лишь разумные, но бесчувственные машины, роботы, то всякое ненасилие было бы бессмысленным. Эффективность ненасилия основана на использовании внутренних механизмов мотивации поведения и прежде всего совести, а также общественного мнения, его авторитета и влияния.

Философия ненасилия утверждает верховенство личности, ее духовно-нравственного мира по отношению к власти. Она исходит из того, что внутренний голос совести выше законов государства. «Неужели гражданин должен, хотя бы на миг или в малейшей степени, передавать свою совесть в руки законодателя? — писал Г. Торо. — К чему тогда каждому человеку совесть? <...> Мы должны быть сперва людьми, а потом уж подданными правительства. Желательно воспитывать уважение не столько к закону, сколько к справедливости» [6, с. 7].

Философия политического ненасилия существенно отличается от пацифизма, пассивного созерцания зла, непротivления насилию. Она предполагает активные действия, не только вербальные, словесные, но и практические, однако при этом не должно быть никакого физического воздействия (т. е. воздействия на тело человека) или ограничения свободы его пространственного передвижения (заключения под стражу, в тюрьму). Хотя в определенных условиях средством ненасильственного воздействия может быть отказ от выполнения своих служебных или иных обязанностей, сознательное воздержание от тех или иных действий.

21.2.2.5. Ненасильственные действия

Концепция ненасилия претворяется в жизнь с помощью ненасильственных действий. Сам этот термин — «ненасильственные действия» — употребляется как в широком, так и в узком значениях [115, с. 71]. Ненасильственные действия в широком смысле — любая политическая активность (или умышленная пассивность), исключая насилие. Исходя из широкого значения данного термина все политические действия делятся на *насильственные и ненасильственные*.

В узком значении понятие «ненасильственные действия» включает не всякую ненасильственную деятельность, а лишь ту, которая направлена против властей и связана с гражданским неповиновением, с нарушением буквы или духа закона или административных норм (например неуход из служебных зданий после завершения рабочей смены). Понимаемые в этом смысле ненасильственные действия отличаются от осуществляемых в соответствии с законом демократических способов политического соперничества: организационно-партийной и пропагандистской работы, избирательных кампаний, парламентской борьбы и т. п. В научной литературе понятие «ненасильственные действия» обычно употребляется в узком смысле, хотя это создает и определенные неудобства, связанные с несоответствием значения данной категории ее дословной трактовке в русском языке.

Способы (средства) ненасильственных действий разнообразны. Многие из них применялись уже в глубокой древности. Так, еще в 494 г. до н. э., чтобы заста-

вить правителей Рима выполнить свои требования, проживающие там плебеи оставили работу и покинули город [115, с. 72].

В России ненасильственные способы политической борьбы – стачки, демонстрации, народные собрания и др. – широко использовались в 1905–1906 гг. с целью заставить самодержавие учредить парламент. Их результатом стал созыв Государственной Думы.

В современном мире арсенал ненасильственных способов политической борьбы чрезвычайно разнообразен. Американская исследовательница проблем насилия Д. Шарп [136] в своей получившей широкую известность книге «Политика ненасильственных действий» (1973) описывает 198 ненасильственных способов борьбы. Это – публичные выступления, заявления, письма протеста или поддержки, выставление лозунгов, депутатии, пикетирование, надоедание официальным лицам, остракизм отдельных людей, забастовки, ненасильственная оккупация зданий, невыполнение законов, чрезмерная загрузка административной системы и т. д.

21.2.2.6. Ненасильственные способы борьбы в правовом государстве

Все эти и многие другие способы ненасильственных действий этически нейтральны и могут использоваться не только в нравственных, но и в безнравственных целях. В последнем случае они прямо противоречат гуманистическому духу и сути концепции насилия. Нравственная направленность ненасильственных средств политики во многом зависит от характера общественного строя. В авторитарных и тоталитарных государствах, не позволяющих гражданам свободно выражать свои требования, использование ненасильственных средств борьбы служит, как правило, нравственным целям.

Установление в обществе демократии в значительной степени устраняет почву не только для применения социального насилия, но и для ненасильственных средств политической борьбы. По своему замыслу демократия базируется на идеях социальной и, особенно, политической справедливости – запрете нелегитимного насилия, признании свободы личности, равенства прав граждан на управление государством и т. д. В условиях демократии каждому предоставляется формально равная возможность открыто и на законных основаниях выражать и защищать свои интересы и мнение с помощью специально предназначенных для этого институтов: выборов в государственные органы, участия в деятельности партий, групп интересов и т. д. Взамен предоставления каждому гражданину таких прав и тем самым реализации важнейших принципов политической справедливости правовое государство требует от личности выполнения определенного минимума нравственных обязанностей. Как пишет немецкий ученый И. Изензее, «этический минимум, который гражданин должен вносить в демократию, является как бы «спортивным» поведением: признание правил игры честного политического соревнования и готовность, в случае чего, признать свое поражение» [55, с. 21].

Иными словами, правовое государство требует определенного уровня нравственного развития общества, предполагающего уважение достоинства и равенства прав каждого человека, готовность предъявлять к себе такие же нравственные требования, как к другим, законопослушание и ответственность перед обществом за использование предоставляемой свободы.

Эти этические требования в полной мере касаются и ненасильственных средств политического влияния, многие из которых нравственно двойственны, т. е. могут использоваться в прямо противоположных целях. Так, например, в посткоммунистической России ряд категорий работников, обладающих относительно высокой организованностью и важнейшими ресурсами экономического влияния (шахтеры, авиадиспетчеры и др.), в условиях общего снижения уровня жизни населения приобрели себе с помощью забастовочной борьбы (ненасильственного действия) целый ряд экономических и социальных привилегий, оплачиваемых за счет бюджетных средств, предназначенных для других категорий работников и пенсионеров. Забастовки такого рода движимы групповыми эгоистическими интересами. Они противоречат социальной справедливости и являются средством экономического насилия, шантажа и вымогательства.

Вместе с тем происходившие примерно в тот же период забастовки ряда социально ущемляемых общественных групп (учителей, врачей и т. д.) были вполне справедливыми, не только по методу борьбы, но и по характеру требований соответствовали идеалам ненасилия.

В зависимости от конкретной ситуации противоположную с точки зрения нравственности оценку могут носить и кампании гражданского неповиновения. Они предполагают неисполнение законов и распоряжений властей, а нередко включают активные действия, нарушающие нормальную работу транспорта или других общественных и государственных служб и учреждений. Такие действия, особенно когда они не влекут за собой серьезного наказания, по существу, есть нарушение нравственного обязательства уважать закон как демократически выраженную или легитимированную волю большинства. Они противоречат также принципу равноправия всех граждан, поскольку участники гражданского неповиновения претендуют на особое право нарушать по своему усмотрению правила политического поведения, соблюдаемые остальными людьми.

Таким образом, при оценке с точки зрения идеала демократического правового государства не только насильственные, но и нарушающие закон ненасильственные средства политической борьбы аморальны (хотя последние безнравственны в меньшей мере). Однако, как пишет В. П. Пугачев, реальная политическая жизнь современных государств весьма далека от демократических идеалов и изобилует законами и, особенно, практическими действиями властей, противоречащими социальной справедливости и морали в целом [115, с. 74]. Недостаточная эффективность институтов демократического волеизъявления, бюрократизация государственного аппарата, коррумпированность, консерватизм и бездушие должностных лиц и чиновников и многие другие факторы не всегда позволяют гражданам выразить свои справедливые требования или своевременно обратить внимание общественности и властей на острейшие общественные проблемы. Поэтому в таких условиях применение ненасильственных действий (в том числе гражданского неповиновения), мотивированных не групповыми эгоистическими интересами, а заботой о благе других людей или безопасности всего человечества, вполне соответствует философии ненасилия и способствует гуманизации политики.

Несмотря на то, что ненасильственные средства могут использоваться не только в нравственных, но и в безнравственных целях, в целом их применение несравненно гуманнее, чем использование насилия. Как отмечается в «Заявлении о не-

насилии» конференции ЮНЕСКО (1986 г.), современная наука доказала, что война или другая насильственная деятельность не запрограммирована генетически в человеческой природе. Биологическая конструкция человека не обрекает его на насилие и войны. «Как «войны начинаются в умах людей», так и мир начинается в наших умах. Тот вид, который изобрел войну, способен изобрести и мир. Ответственность лежит на каждом из нас» [6, с. 247].

21.2.3. Соотношение и перспективы насилия и ненасилия в политике

Несмотря на многочисленные теории и многовековой опыт нравственного совершенствования человечества, XX в. многие ученые называют веком тоталитаризма. И в начале третьего тысячелетия вопросы насилия, войны и мира продолжают оставаться самыми актуальными наряду с такими, как всемирный экологический кризис, истощение природных ресурсов и т. д.

21.2.3.1. Структура взаимоотношения насилия и ненасилия на уровне личности

Понятия *насилие* и *ненасилие* нельзя уяснить вне соотнесения друг с другом. Для раскрытия конкретности этой взаимообусловленности, их надо рассматривать не сами по себе, а в более широком контексте борьбы добра против зла и борьбы за социальную справедливость. Что насилие есть зло, признается большинством философских и религиозных учений. Теории, включающие насилие в позитивный контекст человеческой деятельности, как правило, не деградируют до апологии насилия. Марксизм, например, в котором присутствует немалая романтизация насилия, проводит различие между разными формами насилия (справедливые и несправедливые войны), рассматривает его в затухающей перспективе, постулируя некое идеальное состояние, в котором не будет насилия.

И. А. Ильин, написавший развернутый трактат против Л. Н. Толстого с программным названием «О сопротивлении злу силою» [57], вводит вместо понятия насилия понятие физического принуждения и пресечения, а его допустимость оговаривает такими условиями (надо, чтобы речь шла о подлинном зле, чтобы оно было верно воспринято, чтобы не было других средств сопротивления, и чтобы тот, кто решает, вдохновлялся подлинной любовью и находился в волевом отношении к миру), которые никогда нельзя практически удостоверить и всегда можно теоретически оспорить.

Не само по себе насилие является труднейшей теоретической задачей и духовным вызовом, а вопрос о том, можно ли использовать насилие во имя благих целей, годится ли оно в качестве средства для борьбы со злом [38].

Насилие и ненасилие представляют собой разные перспективы в борьбе за справедливые отношения между людьми в обществе. Возможные линии поведения человека перед лицом насильственно поддерживаемой социальной несправедливости можно свести к трем основным.

Во-первых, это пассивность, малодушие, трусость, капитуляция, словом, непротавление насилию. Такая позиция заслуживает безусловной негативной оценки.

Во-вторых, ответное насилие. Эта линия поведения является в практическом плане более эффективной и в нравственном плане более достойной, чем первая. В ответном насилии уже, по крайней мере, чувствуется «ответственность за цели» (Ж. Госс [34]). Это уже вызов насилию, активное его неприятие, борьба с ним. Широко известны слова Ганди [26] о том, что если бы перед человеком был выбор между трусливым смирением или насильственным сопротивлением, то предпочтение, конечно, следовало бы отдать насильственному сопротивлению. Ответное насилие лучше, чем покорность.

В-третьих, активное ненасильственное сопротивление, преодоление ситуации несправедливости, но другими — принципиально ненасильственными методами.

Отождествление ненасилия и пассивности является одним из устойчивых общественных предрассудков. В обыденном сознании насилие, как правило, оправдывается в качестве альтернативы покорности. Такая позиция была бы понятна только в том случае, если бы не было третьей возможности — ненасилия, предполагающего исключительно высокую степень активности и действенности, более высокую, чем ответное насилие [38].

Важно подчеркнуть, что эти три линии поведения образуют восходящий ряд и с прагматической, и с ценностной точки зрения. И по критерию эффективности, и по критерию ценности противонасилие выше пассивности, ненасилие выше противонасилия. Ненасилие, следовательно, представляет собой постнасильственную стадию в борьбе за социальную справедливость. В отличие от пассивности, являющейся позицией человека, который не поднялся, не дорос до ответного насилия, оно представляет собой способ поведения человека, который перерос насильственный способ решения проблемы. Перерос духовно, так как в противовес насилию, всегда предполагающему разделение людей на две неравноправные касты — «своих» и «чужих», «добрых» и «злых» и т. д., ненасилие исходит из метафизической святости каждого человека. Перерос и душевно, так как ненасилие требует большего мужества, чем то, которое требуется для преодоления физического («животного») страха. Для любви нужно больше кругозора и больше мужества, чем для кровной мести, дуэли или иной физической расправы с «врагом» [38].

Ответное насилие и активное ненасилие — разные ступени, стадии зрелости человеческих усилий, направленных на борьбу за социальную справедливость. Ответное насилие пользуется для этой цели неадекватными средствами и в лучшем случае может рассчитывать на ограниченный и внешний успех, оно не выводит конфликтующие стороны за пределы насилия. Ведь даже если признать, что насилие может вести к справедливости, то это вовсе не значит, будто оно само является справедливым делом. Ненасилие переводит цели и средства борьбы в качественно однородную нравственную плоскость, направлено на устранение не только эмпирических результатов несправедливости, но и их внутренних оснований, оно разрывает цепь насилия, поднимает человеческие отношения на другой уровень.

Такая последовательность находит также подтверждение в истории идеи ненасилия: до того и для того, чтобы она могла быть сформулирована в качестве развернутой программы в «Новом завете», она существовала в «Ветхом завете» в неразвитой еще форме. Основное различие заключалось в том, что в «Ветхом завете» норма «Не убий» была направлена, прежде всего, на регламентацию поступков и допускала древний закон равного возмездия. В «Новом завете» она трансформи-

рвалась в последовательную этику любви, доходящую до глубочайших ментальных структур и не знающую никаких исключений вплоть до парадоксального «возлюбите врагов ваших».

Характеризуя эту историческую последовательность, И. А. Ильин писал: «Сама идея о возможности сопротивления посредством непротivления даруется человечеству и оказывается применимой тогда и постольку, когда и поскольку общий, родовый процесс обуздания зверя в человеке грозой и карой («Ветхий завет») создает накопленный и осевший итог обузданности и воспитанности, как бы экзистенциально-минимум правосознания и морали, открывающий сердца для царства любви и духа («Новый завет»)» [56, с. 97].

Моральный нейтралитет средств оказывается сомнительным допущением. Последний момент нигде не проявляется столь отчетливо, как в отношении к *проблеме насилия*, Безоговорочный отказ от насилия, вытекающий из христианских или гуманистических убеждений, предполагает возможность претерпеть и худшие виды зла. Отказ в таком случае носит индивидуальный характер. Легитимация применения насилия заключается в понимании его как ответного насилия, как средства, используемого в процессе угрозы и имеющего тенденцию превращения в единственно возможное. Право личности на насилие, согласно современным взглядам, допускается лишь в случае необходимой самообороны.

В социальном случае применение необходимой самообороны принимают во внимание как преимущественное право суверенных государств, монополизирующих легитимное применение насилия (М. Вебер [21]). Война и ее оправдание представляют особую сложность для оценки моральности политики. Ее преодоление, еще со времен стоических размышлений Августина [1], привело к созданию учения о справедливой войне, примечательного тремя моментами:

- государственная компетенция ведения войны (исключение частной войны);
- легитимная причина;
- правовой умысел, опирающийся на содержание и восстановление мира и права.

Однако проблема выяснения фактического положения, по мнению Ю. В. Ирхина, до сих пор остается нерешенной [60].

Вопрос о средствах достижения политических целей – вопрос особый, и определение нравственности средств также нуждается в применении адекватных процедур, ибо нередко рассуждения о «слезе ребенка» используются для прикрытия изощренно антигуманной политики. В случае механического приложения свойственных «частной» морали норм и оценок можно прийти, например, к абсурдному выводу о том, что государство есть глубоко безнравственный институт: ведь реализация его функций по определению предполагает насилие, да еще в «особо крупных размерах» [25].

21.2.3.2. Нынешнее состояние проблемы политического насилия

Психологический интерес, однако, представляет не столько традиционное насилие, исходящее от власти, сколько насилие, осуществляемое гражданами, и внутренняя готовность к осуществлению насилия. Важным представляется не только готовность человека к совершению актов насилия, но и его отношение к тем, кто совершает такие акты. Возрастающая терпимость к насилию, готовность

оправдывать его высшими соображениями, благом государства, нации и веры может обеспечить необходимые условия для проявления агрессивных тенденций части граждан, которые могут решиться на насилие, считая, что их действия одобряются окружающими. Терпимость к насилию, фактический отказ от традиционных моральных норм определяются, помимо прочего, еще и ощущением переходности нынешнего периода. Экстремальность, временность обстоятельств «списывает» и ложь, и жестокость.

Начало XXI в. ознаменовалось вспышкой индивидуального политического терроризма. Его волны, исходя из Ближнего Востока, постоянно обрушиваются на Европу и Азию и докатились до США. Этот вид насилия демонстрирует тенденцию к расширению как географическому, так и технологическому. Вместе с тем следует признать, что индивидуальный терроризм является следствием терроризма государственного, когда попираются права суверенных государств и народов. Примером этому являются агрессия США против Югославии и Ирака.

Войны, которые вело человечество и продолжает вести до сих пор, являются самой жестокой и крайней формой проявления насилия. И все же в реальном историческом процессе, в целом, ненасилие превалировало над насилием, и было преобладающей тенденцией. Если бы это было не так, то человечества бы уже не существовало, подобно тому, как в достаточно долгой перспективе не может сохраниться город, в котором количество домов, сгорающих в пожаре, превышает количество вновь возведенных зданий. Резонно повторить слова Ганди: «Если бы враждебность была основной движущей силой, мир давно был бы разрушен...» [97, с. 168]. Вообще человеческое бытие возможно лишь в той мере, в какой ненасилие превалирует над насилием. Однако человечеству неведомо: является ли такой благоприятный для человечества баланс ненасилия и насилия законом, или он был гарантирован ограниченностью доступных разрушительных средств.

Исторический процесс характеризуется расхождением замыслов и результатов человеческой деятельности. История в этом смысле иррациональна, недоступна сознательно регулируемому воздействию (речь идет, разумеется, об историческом процессе в целом, а не о его фрагментах). Отсюда, как пишет А. А. Гусейнов, философы сделали вывод, что в истории действует некая надчеловеческая сила, которую одни называли провидением, другие — объективной закономерностью, третьи — мировым разумом. Это — позитивная сила, которая благоволит человеку и все устраивает таким чудесным образом, что даже многообразные частные деструкции складываются в единое общее благо. Она все приводит к благоприятному итогу [38].

В настоящее время человечество вступило в полосу глобальных опасностей, стало заложником созданных им же самим колоссальных средств разрушения, которые способны трансформировать единичное насилие, частное зло, т. е. насилие и зло, подсиленное отдельным частным индивидам, во всеобщую непоправимую катастрофу. Сегодня отрицательный исторический результат — например, гибель всего живого на земле из-за применения ядерного оружия — может стать следствием частной злой воли. Человечество в состоянии стать самоубийцей. И, чтобы этого не произошло, должен измениться человеческий разум, прежде всего в отношении к злу и насилию. Он должен взять на вооружение ту позитивную, созидательную установку, которая в предшествующей истории обнаруживалась ирра-

ционально, стихийно, независимо от него или даже вопреки его планам. Возможно человечеству необходимо изменить парадигму борьбы со злом. Быть может ему следует отказаться от убеждения, и той человеческой практики, которые основаны на использовании насилия и других низких средств во имя высоких целей, на стремлении искоренить зло злом.

Самое слабое, уязвимое место современной цивилизации — это противоположенное сочетание универсальных производительных сил каждый раз с локальным, многократно (национально, регионально, социально и т. д.) ограниченным мировоззрением, компьютерной технологии с пещерной этикой. Нависшая над человечеством глобальная опасность — ядерная, экологическая, демографическая, антропологическая и другие — поставила его перед роковым вопросом: или оно откажется от насилия, «этики вражды» или оно вообще погибнет. Философия и этика ненасилия сегодня уже не являются просто актом индивидуальной святости, они приобрели в высшей степени актуальный исторический смысл [38].

Современная политическая мысль и практика выработали три основных подхода к оружию массового уничтожения. Согласно первому — это оружие антигуманно, аморально в своей основе, подрывает естественные предпосылки существования жизни на Земле и потому подлежит немедленному и безусловному уничтожению.

Второй подход исходит из допущения, согласно которому оружие массового уничтожения только обостряет моральную и политическую дилемму, поскольку никто не может доказать, что его существование не имеет эффекта устрашения и минимизации опасности войны.

Третий подход исходит из факта удешевления и доступности технологии изготовления атомного оружия. Так как мир не стал более безопасным после разрушения СССР, а агрессивность США постоянно возрастает, ряд стран поставил перед собой задачу создать ядерное оружие в целях обезопасить себя от возможного нападения извне. К таким странам относится в первую очередь Иран, разговоры об этом активно ведутся и в украинских националистически настроенных кругах.

Идеологизация враждебности (внутриполитическая и внешнеполитическая) и постоянное развитие военной техники взрывают все мыслимые границы, которые пытается сконструировать мышление. Равным образом пока еще недостаточно эффективны попытки практически обеспечить границы безопасности с помощью международных структур [60]. Более того одностороннее и противозаконное признание Западом независимости Косово от Сербии, может стать причиной обострения и развязывания этнических конфликтов по всей планете.

21.2.3.3. Пути и средства преодоления политического насилия

Философия ненасилия сегодня уже не является просто актом индивидуальной святости, она приобрела актуальный политический смысл. В плане перехода от одной ступени к другой, от насилия к ненасилию, наше время является критическим, когда требуется качественный сдвиг вперед, равнозначный смене жизненной парадигмы. Речь идет о смене вектора сознательных усилий человеческой цивилизации.

Главный вопрос, можно ли сформулировать мораль ненасилия, которая была бы ясной, непротиворечивой и убедительной. Идея ненасилия рассматривается

А. А. Гусейновым [38] как определенная парадигма мировоззрения, с присущей ей историчностью и универсальностью. Он понимает ненасилие как исторически изменчивую форму, которая поступательно развивается и определяет новые уровни своего существования.

Другим важным вопросом является поиск технологии доведения умозрительных изысканий и теорий до уровня средств воздействия. Насилие не является чем-то насаждаемым в общество извне, оно следствие существующей ментальности социума. Идеология ненасилия, напротив, должна быть внесена в общество в результате направленной политики элит или возникнуть в результате длительной эволюции человечества.

Неприятие идеи ненасилия определяются множеством причин: историей и культурными традициями народа, конкретной политической и экономической ситуацией, личными качествами носителей власти, степенью развитости или неразвитости структур гражданского общества и религии. Ненасилие представляет собой философию и образ жизни, в основе которых лежит идея невозможности преодоления зла насилием. Цель ненасилия – не достижение победы над противником или врагом, но в преодолении несправедливости. Ненасилие – это технология решения проблем в процессе взаимовыгодных компромиссов.

Ненасилие разворачивает борьбу за преодоление несправедливости на уровне совести. Оно организовано отказывается повиноваться несправедливым порядкам и законам или действовать в ситуации несправедливости и нарушения прав человека. Ненасилие делает невозможным функционирование несправедливой системы, не разрушая при этом человеческие жизни и не уничтожая материальные ценности. Принцип ненасилия в разрешении конфликтов предполагает, в интерпретации А. А. Гусейнова [38], концепцию гуманно ориентированной политики, исходящую из того, что:

- человек является высшей ценностью среди всего, что существует, поэтому к нему следует относиться с безусловным уважением, не допуская каких бы то ни было исключений (даже в отношении к врагу);
- человечество рассматривается как единое и неразобобщенное, и все люди равны в своем достоинстве и праве на уважение и достойную жизнь;
- каждый человек обладает совестью, и, значит, потенциально готов к восприятию парадигмы ненасилия;
- ненасилие направлено против несправедливости, а не против людей;
- необходимо изучать деятельность, основанную на ненасилии, методы и стратегию ненасилия;
- усилия человека должны быть направлены на самосовершенствование и самодисциплину, понимание несправедливости, обучение ненасилию и практическим действиям ненасилия, ведению диалога, а также неучастию и гражданскому неповиновению;
- должна быть выработана соответствующая идеология системы образования, экономики и политики;
- сформированы системы ненасильственной обороны на национальном и интернациональном уровнях, выработана идеология и отработана технология мирного решения конфликтов;

- следует направить усилия на обеспечение экологического равновесия и сохранение природных и социальных ресурсов.

Большинство считает, что принципы «подставьте другую щеку», «возлюбите врагов ваших» имеют практическую ценность только там, где индивиды конфликтуют друг с другом. Там же, где конфликт происходит между расовыми группами или нациями, необходим другой, более реалистичный подход. М. Л. Кинг [67] говорил также о «реальном пацифизме». Пройдя через действительный опыт протеста, насилие стало большим, чем метод, с которым я был теоретически согласен, оно стало обязательством жить определенным образом, писал Кинг. Многие из проблем ненасилия, которые я не мог прояснить для себя интеллектуально, разрешились в сфере практических действий. Следует обязательно выделить, что ненасильственное сопротивление – это не метод для трусов – это сопротивление. Если кто-нибудь использует этот метод, потому что боится или просто, потому что у него не хватает орудия насилия, то он не настоящий сторонник ненасилия. На протяжении того времени, в течение которого сторонник ненасильственного сопротивления пассивен, в том смысле, что не агрессивен физически в отношении своих противников, его разум и эмоции действуют, пытаясь убедить противника в его неправоте. Это метод физической пассивности, но мощной активности духовной. Цель – освобождение и примирение. Участник ненасильственного сопротивления стремится принять насилие, если это неизбежно, но никогда не нанесет ответный удар. Борец ненасилия не только отказывается стрелять в противника, но и ненавидеть его. Центром ненасилия является принцип любви. Причиняя вред другому, мы причиняем вред и себе. Ненасилие делает основной упор на доброе начало в человеке.

Следует помнить, что сторонники насилия боятся своих противников из лагеря ненасильственных действий и используют против них максимальное средство насилия – убийство. Эта участь постигла, в частности, М. Ганди и М. Л. Кинга.

Перечисленные выше основы не являются сугубо теоретическими изысканиями, которые невозможно применить на практике. Подтверждением этого является информация, опубликованная в книге директора «Центра исследований мира» Свободного университета Брюсселя (Бельгия) Й. Низинга «Общественная оборона как логическая альтернатива. От утопии к выбору» [38]. Под общественной обороной в ней понимается система устрашения, основанная на способности населения ненасильственным путем оказывать сопротивление агрессору (внутреннему или внешнему), предотвращать его нападения, создавать невыносимые для него условия в случае вторжения, чтобы вынудить его прекратить оккупацию и уйти. Любая система обороны состоит из двух слагаемых: твердого оружия и «мягкого оружия» (психологические условия).

Мягкое оружие это:

- психическая устойчивость и здоровье нации;
- убежденность граждан в неограниченных возможностях ненасильственной обороны;
- сила духа, культуры ненасилия, способность противостоять разочарованиям, вытекающим из пережитого организационного и физического насилия;
- способность не впадать в ненужную агрессивность и воздерживаться от нагнетания насилия;

- высокий уровень самостоятельности в мышлении и поведении и т. п.

Здесь важен не столько героизм одиночек, сколько «тихий молчаливый саботаж» большинства населения.

Ненасильственное сопротивление может выражаться в следующем:

- «тихий саботаж»;
- отказ от сотрудничества;
- изобретательное игнорирование приказов оккупационных властей;
- массовые акции протеста (включая различные формы забастовок);
- уничтожение информации (документов, архивов и т. п.), без которой оккупанты не могут организовать эффективную деятельность на занятой территории и осуществлять репрессии;
- обструкция, живые стены на пути войск и т. п.

В общей сложности практикой опробованы несколько сотен методов, приемов и форм ненасильственного сопротивления. Замена традиционной обороны общественной преследует предельно широкие и далеко идущие цели. Она выступает альтернативой войне, приходит на смену ей, ведет неизбежно к отмене военного аппарата, ликвидации главного инструмента войны — армий, технической и организационной базы войны. Эта система не содержит угрозы дальнейшему существованию человечества, уводит его на безопасный путь развития. В некоторых государствах (Швеция, Швейцария и др.) идея общественной обороны признана и утверждена в доктринах безопасности, является объектом политического планирования, практически введена как дополнение (компонент) к силовым средствам сопротивления агрессору [38].

Российский политический опыт общественности включает в себя не только революции и «беспощадные и бессмысленные бунты», но и ненасильственные методы в виде саботажа. Когда власть принимает решения, противоречащие общественному мнению, население их игнорирует. Наиболее известная форма такого саботажа — это реакция на «раскулачивание». «Раскрестьянивание» Сталиным российского крестьянства привело к тому, что все последующие попытки советской власти организовать эффективное аграрное производство на протяжении 50 лет оказались безрезультатными. Россия из страны, экспортирующей продовольствие, превратилась в крупнейшего мирового импортера.

По мнению автора, реальный переход к идеологии ненасилия в международной политике, сегодня скорее благие намерения, нежели ближайшая перспектива. Вместе с тем это не означает, что к идее ненасилия следует относиться как к утопии. Напротив, следует, принимая политические решения, постоянно сверяться с этим курсом. В частности, в качестве первоочередной меры, целесообразно на уровне ООН отказаться от поощрения политики насильственной реализации большевистского лозунга «О праве наций на самоопределение вплоть до отделения». После косовского прецедента мир может оказаться втянут в процесс межэтнических конфликтов. Учитывая, что на планете существует немногим более 200 независимых государств, объединяющих порядка пяти тысяч этносов, ситуация может просто выйти из под контроля.

§ 3. ПОЛИТИКА КАК ИСКУССТВО ВОЗМОЖНОГО

В соответствии с вышеизложенным материалом, становится ясно, что мораль и политика, находясь в неразрывном единстве и в то же время в постоянном антагонизме, не в состоянии самостоятельно найти эффективный и разумный компромисс, обеспечивающий поступательное и гармоничное развитие политического процесса. В связи с этим человечество уже на ранних этапах своего государственного существования стало использовать правовое регулирование социальных, экономических и политических отношений. Этот треугольник: мораль, политика и право лежит в основе человеческого измерения политики как общего феномена цивилизации. Решение проблем данного треугольника обеспечивается действиями политиков и чиновников.

21.3.1. Политика и право

Право и политика – две взаимосвязанные сферы общественной жизни. Взаимоотношения права и государства двусторонни: государство санкционирует и конституирует систему права, делая ее публичной, общеобязательной, всеобщей, и ее нарушение влечет за собой меры государственного воздействия. С другой стороны, само государство поддерживается и обеспечивается правом. В понятии «право» можно выделить ядро общечеловеческих ценностей, интегрированных в историческом и культурном развитии народа, но кроме этого оно содержит ориентиры и регуляторы для политики [60].

21.3.1.1. Историческое осмысление взаимоотношения политики и права

Со времен Древнего мира до Нового времени господствовали взгляды, в соответствии с которыми политика рассматривалась в качестве всеобщей, универсальной формы человеческой деятельности, включающей в себя все формы взаимоотношений человека и социальной среды, обеспечивающей тем самым целостность общественных отношений. Лишь разделение государства с гражданским обществом, обоснование естественного, т. е. независимого от государства права, связанное с научными исследованиями Макиавелли [82], Локка [79], Гоббса [31], Гроция [36] и других мыслителей того времени, положило начало дифференцированному, более точному пониманию взаимосвязи политики с другими социальными явлениями, в том числе и правом. При этом представители одних научных школ рассматривали политику в качестве ведущей области человеческой деятельности (Моска [95]), а других – считали ее явлением вторичным, зависимым от экономики (К. Маркс [87]), морали (Аристотель [7]) или права (Гоббс).

Особое внимание уделялось исследованию соотношения права и политики, что в значительной степени объясняется их теснейшей практической связью. «Едва ли, – справедливо заметил английский юрист А. Дайси [41], – возникнет какой-либо политический вопрос, который рано или поздно не превратится в юридический вопрос». Примечательно, что целые философские школы конца XVIII и первой половины XIX вв. предметом своего исследования имели политико-правовую проблематику, основанную на идеях классиков естественного права и буржуазно-

го конституционализма (Локк [79], Монтескье [93]), основоположников американской доктрины публичного права (Адамс, Гамильтон [132], Джефферсон, Мэдисон [132]), авторов трактатов и комментариев по конституционному праву (Унильсон, Маршалл, Кент, Стори).

История формирования и развития концепции соотношения права и политики свидетельствует о том, что сложились и существуют два основных противоположных подхода к его раскрытию. При этом методологической основой этих двух противоположных позиций является различное понимание права.

Эти два типа правопонимания и обусловили формирование двух противоположных взглядов на соотношение права и политики. В соответствии с юридической теорией познания приоритет в этом соотношении отдавался праву, а позитивная роль политической власти государства связывалась с защитой права, путем возведения его в ранг общеобязательных правил поведения, подкрепляемых принудительной силой государства.

Концепция приоритета права над политикой в ее различных аспектах нашла широкое отражение в рамках естественно-правовой теории и теории правовой государственности. Политико-правовой проблемой этих теорий выступало выявление соотношения и приоритета категорий право—государство—закон, а также границ роли и деятельности государственной организации в обществе. Особенно важными для осмысления методологического обоснования приоритета права над политикой представляются идеи представителей школы естественного права Гроция [36], Гоббса [31], Локка [78], Спинозы [126], Пуффендорфа, Тамазия, Лейбница [77], Руссо [117] и др.

В соответствии с легистской гносеологией приоритет в соотношении права и политики отдается последней. При этом принудительная сила политической власти государства рассматривается не как средство обеспечения объективных свойств и требований права, а как его первоисточник. Эту концепцию обосновывали представители юридического позитивизма Д. Остин и И. Бентам [11] в Англии, К. Боргбом и П. Лабанд в Германии, А. Эсмен, Кабанту во Франции, С. В. Пахман, В. Д. Катков и Г. Ф. Шершеневич в России [61, с. 365–371, 572–576].

Именно эта легистская гносеология и легла в основу концепции приоритета политики над правом в их различной интерпретации: «всякое право – продукт политики» (Ж. Бюрдо); «право без власти – иллюзия» (Д. Мертен); «правообразование есть всегда политика» (Т. Майер-Мали).

Крайним проявлением легистской гносеологии выступает так называемый «этатический позитивизм». Этот подход к соотношению права и политической власти обосновывает универсальную правообразующую силу государства, доводит до абсолюта государственную монополию на право, пренебрегает социальной природой права. Исходя из таких методологических посылок «провоцируемый этатическим позитивизмом вид правового нигилизма основывается на предположении, будто все, что происходит в экономической и политической сферах – важнее и выше права». Господствующий в юриспруденции многих стран этатический позитивизм нашел благодатную почву и в отечественной науке советского периода, базировавшейся на марксистско-ленинской государственно-правовой доктрине.

Можно говорить о двух основных исторически сложившихся и существующих сегодня методологических подходах к раскрытию соотношения права и политики,

состоящих, соответственно, в признании приоритета *политики* над позитивным правом и приоритета *естественного права* над политикой.

21.3.1.2. Органическая взаимосвязь политики и права

Однако традиционное противопоставление права и политики не способствует выявлению их органической связи, включающей в себя причинно-следственный и структурно-функциональный аспекты. Первый раскрывает социальную природу взаимосвязи права и политики, а второй — их взаимодействие и взаимозависимость в процессе воздействия на общественные отношения.

Генетически право и политика имеют единое социальное назначение, логику существования и функционирования. Это единство состоит в обеспечении объективных потребностей общественного развития и всеобщего блага. В этом своем качестве право и политика в принципе призваны выполнять взаимообеспечительную функцию, отражающую их социальное назначение в жизнедеятельности общества.

Общим между политикой и правом является то, что они являются регулятивными, взаимозависимыми системами общества. Отличия же между ними в этом смысле проистекают из того, что это различные регулятивные системы. Можно сказать вслед за известным голландским юристом и политологом Г. Гроцием, что если «предмет юриспруденции — это вопросы права и справедливости», то «предмет политической науки — целесообразность и польза» [62, с. 164–165].

Механизм взаимодействия права и политики представляет собой объективно обусловленную структурно-функциональную связь системы политико-правовых средств, обеспечивающих прогрессивное развитие общества.

В процессе превращения государства из политической организации всего общества в политическую организацию экономически господствующего класса и появления других организационных субъектов политики, имеющих различные интересы, социальные начала политики в значительной мере подменялись классовыми и корпоративными. В результате возник конфликт между правом и политикой, который деформирует генетическую обусловленность их связи.

Одним из следствий такого конфликта стала политическая конъюнктура в праве. Политическая конъюнктура в праве есть проявление в системе правового регулирования различных политических факторов, сложившихся в данный момент и не отражающих объективных потребностей или возможности общества на соответствующем этапе его развития.

Политическая конъюнктура находит свое специфическое проявление во всех основных сферах правового регулирования:

- в правосознании проявление политической конъюнктуры состоит в идейно-психологическом обосновании и признании приоритета политики над правом;
- в правотворчестве — в принятии законов, не соответствующих объективным потребностям общества, противоречащих конституционным принципам и нормам, носящих не регулятивный, а политический характер, предоставляющих большое поле для чиновничьего усмотрения;
- в правоприменении — в неисполнении или ненадлежащем исполнении законов, немотивированном, необоснованном разрешении или отказе в реализа-

ции прав физических и юридических лиц при разрешительно-уведомительном порядке, произвольном толковании неясностей, противоречий в содержании законов.

Вместе с тем политологи, как и юристы, подчас склонны забывать, что право и политика — как в теоретическом, так и в практическом плане — тесно связаны между собой. Еще в 1882 г. известный английский юрист Ф. Поллок писал о том, что «право для политических институтов значит то же, что становой хребет для тела».

Профессор Лондонского университета Г. Друри отмечал, что «многие политологи не уделяют должного внимания правовому измерению дисциплины и тем самым наносят своим исследованиям непоправимый вред. Отмечая это обстоятельство, было бы наивно полагать, что политологи станут юристами, а юристы — политологами. Продвижение вперед возможно через включение в исследовательские и учебные программы социальных наук соответствующих правовых аспектов, более тесное междисциплинарное сотрудничество, а также более частое обращение как юристов, так и политологов к работам друг друга» [109, с. 214].

Для политики приоритетны как конституции и положения публичного права, так и их судебное применение и интерпретация, устанавливающие формальную базу политической практики, составляющие необходимое средство для подотчетности правительства и ограничений его деятельности. При изучении поведения избирателей политологу необходимо хорошо знать правила и законодательные нормы проведения избирательных кампаний. Мировая политика также все в большей степени ориентируется на нормы и положения международного права. Законы — это не что иное, как способ, которым та или иная политическая линия претворяется в жизнь.

Общественный договор, о котором писали Т. Гоббс [31], Дж. Локк [78], Ж.-Ж. Руссо [117] и Т. Джефферсон [44], имеет юридическое происхождение. Работы многих мастеров политической мысли — Н. Макиавелли [82], И. Бентама [11], Г. Гегеля [28] и других отмечены как обязательные в университетских списках литературы по теоретической юриспруденции, а также по истории политической мысли.

21.3.1.3. Различие между политикой и правом

Различие между политикой и правом обусловлено разницей между политической и административно-правовой сферами управления. Право и административно-правовая сфера — это, прежде всего, законы, указы, распоряжения. Политика, политическая сфера управления — это стратегия и тактика поведения и деятельности людей и их организаций, воздействие властных структур на общество с помощью не только, а иногда и не столько правовых, сколько многих других средств, мер и норм (силовых, материальных, идеологических, психологических и иных) [60].

Другое отличие между политикой и правом состоит в том, что нормы права достаточно определены и «устойчивы», а у разных групп людей существуют различные, меняющиеся политические ценности и принципы, да и воспринимаются они по-разному. То есть, те или иные люди провозглашают и проводят различающуюся политику. В этом смысле она является более гибкой и противоречивой, менее определенной и постоянной сферой взаимодействия людей, чем право.

Еще одно различие между политикой и правом состоит в том, что политика – более широкое явление, чем право и государство. Она характеризуется качеством вездесущности и может распространять свое поле воздействия (или взаимодействия) на любые сферы, вопросы и проблемы общественной жизни. Политика, обычно, есть везде, где есть право, но закон далеко не всегда присутствует в политических решениях, отношениях и процессах [60].

Наконец, различие между политикой и правом состоит в том, что политика предполагает непосредственное взаимодействие между обществом и властными структурами, а право меняется медленно и, как правило, только через официальное нормотворчество.

Четкое разделение сферы и функций политики и права может иметь весьма существенное значение – способствовать преодолению некоторых опасных тенденций в развитии общества и его властных структур. Одна из них – крайне расширительное толкование политики, объявление политическими тех проблем, которые могут быть решены административно-правовыми средствами. Именно такая тенденция характерна для тоталитарных и авторитарных режимов. Вместе с тем снижается значение и самой политики – политические решения принимаются не на основе научной стратегии и тактики, а посредством насилия, «нажима», манипулирования общественным сознанием и т. п.

Существует и другая опасная тенденция – сведение или сужение политических проблем до рамок административно-правовой системы. Стремление абсолютизировать существующий политический курс органов власти и право, вывести из поля критического анализа представляется также нерациональным.

Можно выделить следующие основные варианты взаимодействия между политикой и правом:

- подчинение политикой права (например, в силу «революционной» или иной «политической целесообразности»);
- абсолютизация права и приписывание ему нереальных возможностей;
- сохранение разумного взаимодействия политики и права: совпадение курса демократических реформ и задач формирования правового государства.

21.3.1.4. Взаимовлияние морали, политики и права

Для права так же, как и для политики, имеют большое значение правила и принципы морали. Хорошо известно, что законы обязаны своей силой именно нравам. Мораль и законодательство выступают у известного английского мыслителя И. Бентама как наука и искусство «направлять действия людей таким образом, чтобы в результате получилось наибольшее возможное количество счастья» [12, с. 556–557].

Гармоничное или хотя бы разумное взаимодействие морали, политики и права благотворно отражается как на самих рассматриваемых феноменах, так и на обществе в целом. Принципы такого взаимодействия определил еще И. Кант. Он учил, что следует поступать так, чтобы всегда относиться к человечеству (и к человеку) как к цели и никогда не относиться к нему только как к средству. Целесообразно поступать так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства [65, с. 353–354].

Правовое, моральное и социальное государство служит надежной основой для осуществления подлинно гуманистической политики в обществе. А она в свою очередь является необходимым условием для соответствующего совершенствования правовых и моральных норм. Платон говорил, что он видит «близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью. Где же закон владыка над правителями... там усматриваю я спасение государства и все блага, какие только могут даровать государству боги» [107, с. 711–712].

Выступая как необходимая форма государственной политики, а в цивилизованном обществе — как основная ее форма (политика через закон, его исполнение и на основе закона), право одновременно является показателем положения личности в обществе, гарантии ее прав, инструментом их охраны и реализации. Еще Дж. Локк отмечал, что «власть не может повелевать произвольно, она должна действовать только в соответствии с законом и уполномоченными на это судьями... И кто бы не обладал законодательной или верховной властью в любом государстве, он обязан править согласно установленным постоянным законам, провозглашенным народом и известным народу» [79, с. 337–338].

В начале III тысячелетия вопрос о взаимосвязи и взаимодействии государственной политики с правом приобретает важнейшее значение еще и потому, что право только тогда справедливо и гуманно, когда оно одинаково обязательно, а права и обязанности равны для всех граждан, в том числе и для чиновников госаппарата, депутатов, руководителей государства. «Неправильны те законы, — писал Платон, — что установлены не ради общего блага всего государства в целом. Мы признаем, что там, где законы установлены в интересах нескольких человек, речь идет не о государственном устройстве, а о внутренних распрях, и то, что считается там справедливостью, носит вотще это имя» [107, с. 715].

Принципиальным условием прогрессивного, демократического развития современной России, является соблюдение и совершенствование ее законов, норм международного права, реализации «духа и буквы» этих документов в политической практике. «Государство должно их неукоснительно соблюдать во всех политических решениях. Такова самая важная и очевидная грань соотношения политики государства с правом, юридически воплощенном в законах» [101, с. 103]. Соответственно, следует стремиться к выработке и реализации высокоморальной, правовой политики.

Необходимо провести линию разграничения между правом и нравственностью. Здесь особо важное значение имеет соблюдение принципа так называемого золотого правила, которое действовало (хотя, возможно, и вне вполне осознанной форме) уже в доисторические времена и в более четкой форме сформулировано мыслителями древности. Суть его выражается в следующей максиме: «Не делай другим то, что ты не хотел бы, чтобы другие делали тебе».

Со всей очевидностью золотое правило предусматривает признание каждым человеком наряду с собственными правами и интересами также прав и интересов остальных своих сограждан. В политике при реализации данной максимы, особенно важно не допустить перехлеста в какую-либо сторону: профессионализма в ущерб нравственности и, наоборот, нравственного начала в ущерб профессионализму или же подчинение императивов права императивам нравственности и, наоборот.

Таким образом, политика как искусство возможного разворачивается не в неограниченном пространстве, а в жестко очерченной сфере. Нормальное эффективное развитие политического процесса происходит и обусловлено динамичным взаимодействием морали, права и политики. Историческая практика в достаточном количестве снабжает исследователя примерами попыток выхода за рамки морально-правового и политического пространства. На какой-то краткий миг это могло приносить искомые плоды, за которые приходилось платить несоизмеримую цену и самому политику, и стране, и не одному поколению.

21.3.2. Институционализация нравственных требований

Коллективный и публичный характер политики ограничивает ее развитие моральным контролем не только со стороны общественности, как совокупности индивидов, но и институтов, представляющих ее интересы.

Социальный институт в широком смысле – это элемент социальной структуры, исторической формы организации и регулирования общественной жизни, совокупность учреждений, норм, ценностей, культурных образцов и устойчивых форм поведения. Это совокупность норм и инфраструктурных реалий, охватывающих определенный круг общественных установлений и представлений.

Институционализация нравственных требований представляет собой их закрепление в нормах политических организаций и, прежде всего, в традициях и уставах, а также протоколах взаимоотношений, что предполагает определенные санкции за нарушение моральных принципов. Такое институциональное закрепление морали – одно из важнейших условий гуманизации политики. Институты могут как стимулировать нравственность в политике, так и препятствовать ее влиянию. Как отмечает Б. Сутор (ФРГ), для гуманизации политики и укрепления нравственности лучшим является не тот строй, «который предъявляет к своим гражданам более высокие или даже наивысшие моральные требования. На самом деле лучше тот строй, который, прежде всего, отвечает человеческому характеру в его обычной амбивалентности: дурным наклонностям людей ставит необходимые ограничения, но в то же время открывает максимально возможный простор для права и воли людей осуществлять саморазвитие для их способности к добру» [127, с. 68].

Для своей эффективности политические институты должны быть рассчитаны не на святых, морально совершенных людей, а на обыкновенных граждан. Они призваны способствовать обычным людям в выражении их интересов, защите прав и выполнении обязанностей, побуждать их соблюдать приемлемые для всех «правила игры» – государственные законы, обеспечивающие сочетание индивидуальной пользы с благом всего общества.

В современном мире центральным направлением институционализации нравственных требований к политике являются права человека [115]. В соответствии с документами, принятыми мировым сообществом, они выступают универсальным критерием оценки гуманности политики, ее человеческого измерения.

Большое влияние на политиков и через это на развитие политического процесса в целом оказывают социальные институты оценки поведения политических лидеров, политических деятелей и политических организаций. То, что в совокупности называется институтом общественного мнения, представляет собой совокуп-

ность более частных норм, имеющих принципиальное и определяющее значение для индивида и социальной группы.

В нем выделяется ряд социальных представлений:

- **правдоподобие** – так называемая «индивидуальная правда» – представление и оценка индивидом события или процесса, произошедшего во внешней среде. Оно существует как *представление* и складывается как совокупность реально полученной (через органы чувств) информации и домысливания индивида по поводу отсутствующей. В результате работы этого механизма формулируется *оценка* политического события и вовлеченного в него индивида с точки зрения личного интереса;
- **правда** – так называемая «групповая правда» – представление и оценка совокупностью индивидов (социальной группой, поколением) события или процесса, произошедшего во внутренней или внешней к ней среде. Оно существует как *представление* и складывается как совокупность реально полученной индивидами (через органы чувств) информации и коллективного домысливания индивидов по поводу отсутствующей. *Оценка* формулируется как совокупность представлений индивидов и группового интереса;
- **истина относительная** – так называемая «социальная истина» – представление и оценка совокупностью больших социальных групп (государственный социум, поколение) события или процесса, произошедшего во внешней и внутренней среде и просуществовавшие не менее социального века (четыре социальных поколения). Она существует как система *представлений*, сформированных и поддерживаемых простой и массовой коммуникациями. Обязательным условием существования этого института является признание его последующими поколениями в результате осмысления ее через призму времени и эволюции политического процесса *истинным*. *Оценка* формулируется как совокупность представлений индивидов, социальных групп и поколений, считающих себя правопреемниками очевидцев и участников событий и их вневременного интереса к ним;
- **истина абсолютная** – абсолютно полный и объективный массив информации о субъекте и объекте политического процесса, недоступный человечеству. Но в относительной истине содержатся элементы истины абсолютной. Наличие этого института заставляет человечество, при признании им относительности своих знаний, вести поиск новой информации, приближающей его к истине абсолютной.

Важную роль играет институт **справедливости**. Он определяется автором как – совпадение конкретной ситуации с господствующими в данном обществе, социальной группе традициями и гуманистическими представлениями или представлениями конкретного индивида. Нужно учесть и то, что справедливость, как и право, также предполагает беспристрастность, исключение каких бы то ни было личных симпатий или антипатий при ее осуществлении. Если этого нет, то сам принцип справедливости оказывается под угрозой.

Вместе с тем любая общественно-политическая система, любой режим не может длительное время существовать без легитимизации, которая, в свою очередь, не может существовать хотя бы без видимости соблюдения элементарных норм справедливости. Более того, справедливость составляет один из краеугольных

каменной любой теории легитимности. Поэтому правы те авторы, которые говорят, что фундамент капиталистической системы рухнет, если нельзя доказать, что она основывается на принципах справедливости.

Не случайно даже самые тиранические режимы неизменно декларируют свою приверженность принципам справедливости. Истинная же справедливость требует относиться ко всем людям как к равным, но в то же время не приемлет стремления принуждать их стать равными, поскольку это требовало бы административного уравнения не равных по своим способностям людей, что означало бы неравное и, следовательно, несправедливое отношение к ним.

Данные институты не являются правовыми или научными и поэтому плохо поддаются формализации и определению, но способны оказывать принципиальное воздействие на ход политического процесса. В качестве примера можно привести события двух российских революций XX в. — 1917 и 1991 гг. Тогда в одночасье миллионы человек отказали правящим режимам в политической поддержке, и государственная власть практически бескровно перешла в другие руки.

21.3.3. Политик – компромисс между профессионализмом и моралью

Рассматривая взаимоотношения политики и морали, необходимо проанализировать это явление на уровне индивида-политика. Политик — это лицо, профессионально занимающееся политической деятельностью. Как правило, в настоящее время политики избираются населением, в отличие от назначаемых сверху чиновников. Политики могут принадлежать к исполнительной власти (особенно высшее должностное лицо, например, президент или мэр), но большинство принадлежит к законодательной власти (члены парламентов, городских советов). Как правило, политики принадлежат к политическим партиям, но существуют и независимые политики.

21.3.3.1. Политики и чиновники

Политиков традиционно подразделяют на политических лидеров и политических деятелей. Вместе с тем любой чиновник, действующий публично от имени государства, тоже выступает в качестве политика. При отсутствии других терминов, в рассматриваемом здесь контексте можно использовать определение «политический служащий».

Политик — это человек активно, в качестве субъекта участвующий в политическом процессе, где, как писал К. Баллестрем, «политическое действие разворачивается в поле напряжения между властью и моралью» [10]. Именно ему постоянно приходится искать «золотую середину» между практической целесообразностью и нравственной оправданностью.

Функционирование современного государственного аппарата и механизма политического управления невозможно представить без рационально разработанных, твердо установленных и обязательных формальных правил, без строгой профессионализации политики и механизма управления. Инструментом и одновременно результатом такой профессионализации, в частности, стала бюрократия,

которая основывается на принципах профессиональной компетентности, иерархии и специализации функций. В данном контексте, естественно, возникает вопрос о соотношении профессионализма и нравственности.

Чиновник или государственный служащий — это лицо, занимающее за вознаграждение должность в государственных органах, учреждениях и организациях, участвующее в осуществлении конкретных функций и обладающее определенным объемом прав и обязанностей.

М. Вебер [21] проводил различие между чиновником и политиком: «Подлинной профессией настоящего чиновника... не должна быть политика. Он должен «управлять» прежде всего беспристрастно... по меньшей мере официально, коль скоро под вопрос не поставлены «государственные интересы», т. е. жизненные интересы господствующего порядка... — без гнева и пристрастия должен он вершить дела. Итак, политический чиновник не должен делать именно того, что всегда и необходимым образом должен желать политик — как вождь, так и его свита — бороться. Ибо принятие какой-либо стороны, борьба, страсть — суть стихия политика, и, прежде всего, политического вождя».

Деятельность политика и деятельность чиновника подчиняются отличным друг от друга принципам ответственности. Чиновник обязан точно и добросовестно выполнять приказ вышестоящего начальника (если даже он ошибочный). Без такой нравственной дисциплины невозможно функционирование любого аппарата. Политический же руководитель или государственный деятель несет личную ответственность за все свои действия. А такая ответственность со всей очевидностью предполагает наличие у субъекта этой ответственности собственных морально-этических позиций и убеждений.

С данной точки зрения профессионализм и эффективность чиновника и есть показатель его нравственности, верности своему профессиональному призванию и долгу. Высокая эффективность тесным образом связана с профессионализмом, а последний, в свою очередь, — с нравственностью, поскольку сопряжен с результатами, представляющими общественную ценность.

Речь идет о том, что зачастую профессионализм и беспристрастность при решении политических вопросов уже сами по себе могут быть признаком приверженности политика принципам справедливости. Но нельзя не учитывать, и то, что беспристрастное выполнение профессиональных навыков может служить как правому, так и неправому делу, например как помощи неимущим, так и организованной преступности.

Политик и чиновник отличаются по объекту ответственности. Эффективность чиновника вытекает из его ответственности за scrupulous соблюдение законов, инструкций и распоряжений вышестоящего чиновника. Политик несет ответственность за эффективность проводимой им политики, за сохранение или обеспечение социальной поддержки.

Вместе с тем это достаточно условная дифференциация. Трудно представить чиновника, не имеющего политических взглядов и не учитывающего их в процессе своей деятельности. В свою очередь, политик, действующий не в экстремальных условиях, ограничен в реализации своей политики действующим законодательством.

21.3.3.2. Искусство балансирования между желаемым и возможным

Политик в значительно большей степени зависит от общественной морали, нежели чиновник. Он непосредственно находится на линии противостояния между правом и нравственностью. Характерны постулаты, сформулированные А. Шопенгауэром [138]: никому не вреди, но всем, насколько можешь, помоги. Первый из этих постулатов отражает золотое правило «не делай другим то, что ты не хотел бы, чтобы другие делали тебе» и, соответственно, признание наряду с собственными правами прав и остальных сограждан.

Второй же выражает морально-этический аспект, предусматривающий наряду с соблюдением личного, эгоистического интереса и заботу о благе остальных. Разумеется, в политике это архисложная задача, особенно важно не допустить перехлеста в какую-либо одну сторону: профессионализма в ущерб нравственности и, наоборот, нравственного начала в ущерб правовому или эффективности проводимого курса.

В политической жизни нередки случаи, когда бескомпромиссная приверженность принципу, диктующему всегда и всюду придерживаться его без учета возможных последствий, может привести к непредсказуемым и непоправимым последствиям. Для опытного политика из любого правила или принципа должны быть исключения [23, с. 155–156].

Чрезмерное подчинение права нравственности означает стремление к насильственному насаждению справедливости и добра и может привести к всевластию государства. Об обоснованности этого со всей очевидностью свидетельствует опыт тоталитаризма, где политика была всецело подчинена идеологии, претендовавшей на принудительное счастье для всех людей. Здесь, как отмечал Н. Бердяев [13], правда-истина была соединена с правдой-справедливостью. Как добавляет К. С. Гаджиев [23], – со своеобразно понимаемой правдой-справедливостью: распределительно-уравнительной. В результате истина оказалась принесенной в жертву соблазну великого инквизитора, требовавшего отказа от истины во имя народного блага. Как показал исторический опыт, подлинная любовь к народу не может основываться на игнорировании истины, какой бы горькой и неприятной она ни была.

Вычленение и определение истины в сфере политического – задача особенно трудная. Как подчеркивал М. Вебер [21], практический политик может занять некую среднюю линию, играя роль посредника между конфликтующими сторонами, или же он может принять позицию одной из двух сторон. Ни то, ни другое не имеет ровным счетом ничего общего с научной объективностью. М. Вебер считал опасным самообманом убеждение в том, «будто можно получить практические нормы, обладающие научной значимостью, посредством синтезирования ряда партийных точек зрения или построения их равнодействующей, ибо такая позиция, стремящаяся часто к релятивированию и маскировке собственных ценностных масштабов, представляет собой значительно большую опасность для объективного исследования, чем прежняя наивная вера партий в научную «доказуемость их догм».

Идеальная цель, как бы далека и возвышенна она ни была, должна принадлежать реальному миру. В жизни важное место занимает выбор между возможностями, предоставляемыми реальными условиями, и обстоятельствами. Возможность

реализации не идентична реализации возможности. Разумеется, можно пассивно наблюдать, плыть в водовороте политических событий и процессов. Но политика немыслима без решений, а всякое решение сопряжено с выбором одного из двух и более вариантов. На принятие решения непосредственное влияние оказывает то, как принимающий его человек оценивает мир, свое место в нем и происходящие события. Оценки, на основе которых принимаются решения, могут быть сознательными или бессознательными, простыми или сложными, тщательно продуманными или поспешными, основанными на солидной или поверхностной информации [23, с. 155–156].

Выдвигая хорошие на первый взгляд, а то и прекрасные идеи, политик не вправе забывать о реальности, тем более подгонять ее под эти умозрительные конструкции. В этом контексте интерес представляет проводившееся П. Сорокиным [125] разграничение в подходах к этике между неокантианством и социологией. Первый говорит словами С. Лотце: «Я все еще убежден, что иду правильным путем, когда ищу в том, что должно быть, основание того, что есть». Второй же, наоборот, утверждает: «В том, что есть, мы ищем то, что должно быть». Однако, как представляется, здесь нельзя допустить проведения непреодолимой линии разграничения между миром сущего и миром должного. Если нет резко очерченной грани между ними, то нет резко обозначенной границы между вопросами власти и вопросами морали [14, с. 322].

Любой политик, так или иначе, сталкивается с вечным и, в сущности, неразрешимым противостоянием между справедливостью и эффективностью, свободой и равенством. Мировой опыт дает достаточно примеров того, что эффективное функционирование любых сфер жизнедеятельности, в первую очередь социально-экономической, требует конкуренции, что конкуренция жестока, она порой не знает пощады к людским судьбам, а порой и к самой человеческой жизни. Но такова жизнь, без конкуренции, без соперничества она чахнет и рано или поздно прекратится.

Гражданское общество представляет собой сферу сотрудничества и столкновения множества частных интересов. Возникает немаловажный вопрос о том, как достичь совместимости разнородных и противоречивых интересов всех членов общества, их общей воли и морально-этического начала. Способность обеспечивать такую совместимость и делает политику «искусством возможного» [13, с. 155–156].

Что касается справедливости в собственном смысле слова, то о ней можно говорить лишь в том случае, если сами цели, установки и правила реализации профессионализма являются справедливыми. С точки зрения императивов свободы, противоречие между требованиями социальной справедливости и потребностями экономической эффективности в современном индустриальном обществе остается неразрешимым.

21.3.3.3. Политика и политиканство

Люди идут в политику по разным причинам. Одни — для обеспечения прогресса развития общества и экономики, другие — из честолюбивых соображений, иные из корысти или жажды власти над людьми. В свою очередь, кому-то удастся оставить свой след в истории и памяти благодарных потомков, кто-то, честно испол-

нив свой долг, канул в Лету, а многие, разочаровав сограждан, становятся объектом упреков и насмешек. Немало знает история и злодеев от политики, чьи имена проклинаются современниками и многими поколениями потомков и т. д.

Человек не всегда выдерживает испытание властью и нередко в нем второе (злое) начало одерживает верх. Как говорил один из героев Честертона отец Браун, «можно удержаться на одном уровне добра, но никому еще не удавалось удержаться на одном уровне зла». За примерами, свидетельствующими о верности этого суждения, нет нужды обращаться к отдаленным временам или странам — в сегодняшней реальности примеров более чем предостаточно [24, с. 331].

Не всегда человек или идея выступают на общественно-политической авансцене в своем истинном обличье. Бывает, что великие идеи приходят в мир в обнимку со злом, а бывает и так, что, как говорил еще Ф. М. Достоевский [49], зло приходит в мир в маске добра. Многократно в истории лжепророки, пришедшие облагодетельствовать всех людей, на деле оборачивались сущими антихристами и бессовестными злодеями, принесшими неисчислимы бедствия своим и чужеземным народам.

Во все времена властители отстаивали допустимость лжи во имя укрепления существующей системы, считая ложь во благо вполне допустимым средством политики. Канцлер Германии О. Бисмарк [17] как-то заметил: «политик может со спокойной совестью лгать в трех случаях — перед выборами, во время войны и после охоты». Было бы чистой воды лукавством утверждение, что такой-то вполне респектабельный крупный политик или государственный деятель (скажем, У. Черчилль, Ф. Рузвельт, Ш. де Голль) никогда не прибегал к обману, передергиванию или искажению фактов, когда это служило (или так полагали) высшим интересам нации и государства.

Любые более или менее дееспособные политические программы в процессе своей разработки и осуществления должны приспосабливаться к изменяющимся реальностям, от чего-то отказываться, что-то заимствовать из программ других политических сил и т. д. Иначе говоря, «искусство возможного» требует от всех сторон, вовлеченных в политику, способности и готовности идти на компромиссы, поэтому политику и характеризуют как «искусство компромисса». Достижение приемлемого для всех сторон компромисса требует интуиции, воображения, дисциплины, опыта, умения и т. д. [23, с. 155].

Однако в морально-этическом контексте компромисс зачастую может рассматриваться сторонниками политики как признак отступления от принципов и даже предательства. Как показывает исторический опыт, людям, как правило, импонируют не те государственные и политические деятели, которые славились своим умением достигать компромисса, а те, кто твердо, бескомпромиссно и успешно реализовывал свои идеи и замыслы. «Искусство возможного» означает не отказ от морально-этического, ценностного начала, но признание, что политическая деятельность должна быть реалистичной и исходить из объективных общественных и структурных предпосылок и возможностей реализации политического курса. Учет этих предпосылок предполагает то, что К. Баллестрем [10] называет «моральным компромиссом». Такой компромисс «не означает отказа от собственных убеждений или их дискредитации, он означает признание приоритета того, что в конкретной ситуации является наиболее приемлемым для большинства; он остав-

ляет право использования собственных убеждений для завоевания этого большинства».

Мораль как одно из существенных проявлений человеческого измерения — это одно, а абстрактное морализирование — нечто совершенно иное. Зачастую нельзя верить тем политикам, которые строят свои карьеры, выдавая себя за носителей или представителей высшей морали и нравственности, высказывая моралистические суждения и выражая негодование по поводу несправедливости других. Опасен тот, кто, будучи уверен в своей непогрешимости, претендует на исправление морали других. Можно сказать, что в большинстве случаев проповедуемая такими политиками мораль — это ложная мораль. «Ни одна этика в мире, — писал М. Вебер в данной связи, — не обходит тот факт, что достижение «хороших» целей во множестве случаев связано с необходимостью смириться и с использованием нравственно сомнительных или по меньшей мере опасных средств, и с возможностью или даже вероятностью скверных побочных следствий; и ни одна этика в мире не может сказать: когда и в каком объеме этически положительная цель «освещает» этически опасные средства и побочные следствия» [21].

Важно отличать практическую целесообразность, необходимость или неизбежность того или иного действия и ее моральную оправданность и обоснованность. То, что исследования и разработки по химии чреваты для людей и общества нежелательными последствиями, не значит, что изыскания должны быть прекращены. Но действительно опасен тот химик, который не осознает опасности или игнорирует ее. Столь же опасен и подобный политик [23, с. 156].

Понятно, что, с одной стороны, максима «Политика есть искусство возможного» ставит конкретные пределы морализации политики. С другой стороны, этика в свою очередь определяет возможные пределы, за которые политик не может выйти без риска оказаться политическим трупом. С учетом сказанного, перефразируя известное высказывание классиков марксизма, можно сказать: «Политики должны ставить себе всегда только такие задачи, которые они могут разрешить, соблюдая при этом общепризнанные в обществе морально-этические нормы»?

Разумеется, идеальным является такой политик, который стремится к достижению наибольшего блага для наибольшего числа людей. Но ни один политик не может гарантировать этого, тем более предвидеть все возможные последствия своих действий. Политик, зачастую оказывается перед дилеммой, либо принимать непопулярные и жестокие меры, которые не выдерживают критики с гуманистической и моральной точек зрения, либо, отказавшись от их принятия, оказаться перед перспективой еще более усугубить ситуацию [12, с. 156].

Противоречие между проходящим и вечным, идеальными основаниями и земным несовершенством, идеальным и реальным составляет неискоренимый закон человеческого существования. Но суть вопроса в данном случае заключается в том, что нельзя допускать метафизического противопоставления мира сущего и мира должного, проводить резко обозначенные границы между ними, между сферой морали и сферой политики.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Как соотносятся цели и средства в политике?
2. Охарактеризуйте цель и средства как явления.

3. В чем заключается проблема выбора и обеспечения цели?
4. Рассмотрите основные подходы к проблеме соотношения целей и средств.
5. Что означает целедоминирующий подход в политике?
6. Что означает средстведоминирующий подход в политике?
7. Что означает компромиссный подход в политике?
8. Назовите основные политические методы и средства.
9. Как вы понимаете насилие и ненасилие в политике?
10. Рассмотрите насилие в политике.
11. Охарактеризуйте понятие и историческую роль насилия.
12. Как соотносятся насилие и мораль?
13. Обоснуйте эффективность и цену политического насилия.
14. Чем определяется право на насилие?
15. Почему возможно ненасилие в политике?
16. Рассмотрите понятие ненасиления.
17. Охарактеризуйте религиозные истоки ненасиления.
18. Что включают в себя развитие теории и практики ненасиления?
19. Назовите особенности ненасильственной политики.
20. Что включают в себя ненасильственные действия?
21. Назовите ненасильственные способы борьбы в правовом государстве.
22. Рассмотрите соотношение и перспективы насилия и ненасиления в политике.
23. Рассмотрите структуру взаимоотношения насилия и ненасиления на уровне личности.
24. Охарактеризуйте нынешнее состояние политического насилия.
25. Назовите пути и средства преодоления политического насилия.
26. Как вы понимаете выражение «Политика – искусство возможного»?
27. Как соотносятся политика и право?
28. В чем заключается историческое осмысление взаимоотношения политики и права?
29. Как вы понимаете органическую взаимосвязь политики и права?
30. Определите различие между политикой и правом.
31. Рассмотрите взаимовлияние морали, политики и права.
32. Через что организуется институционализация нравственных требований?
33. Почему политик представляет собой компромисс между профессионализмом и моралью?
34. Чем различаются политики и чиновники?
35. Почему политика – это искусство балансирования между желаемым и возможным?
36. Как вы понимаете соотношение «политика и политиканство»?

Глава 22

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Современная политическая философия исходит из того, что главным предназначением государства является обеспечение прав человека и гражданина. Любое человеческое право выражает насущные потребности индивида, группы, общества, отдельных народов и человечества в целом. Проблема прав и свобод человека не сводится только к личным интересам и потребностям людей, а охватывает общественный и государственный строй, институты власти, все социально-экономическое, политическое и духовное развитие народов и обществ. Состояние с правами и свободами человека, степень их реализации, соблюдение баланса интересов всех участников общественных процессов, уважительное отношение к правам каждого человека или пренебрежение ими лежат в основе социального климата в государстве, его стабильности или нестабильности. Поэтому как отдельные общества, так и человечество в целом все более связывают решение всех проблем их социально-экономического, политического и духовного развития с правами человека и благом человека.

§ 1. ПОНЯТИЕ И ИСТОРИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

22.1.1. Понятие прав человека

Ориентация политики на интересы людей, живущих в обществе, ее очеловечивание осуществляются с помощью определенных принципов, воплощающих гуманистические ценности во взаимоотношениях между индивидом, обществом и государством. Такой специфической конкретизацией гуманистических представлений применительно к миру политики являются права человека. Они представляют собой принципы, нормы взаимоотношений между людьми и государством, обеспечивающие индивиду возможность действовать по своему усмотрению (эту часть прав обычно называют свободами) или получать определенные блага (это — собственно права).

Права человека — это данные всем людям, согласно национальным и международным правовым нормам, равные возможности удовлетворять свои основные потребности, обеспечивающие развитие личности и ее полноценное участие в жизни общества. Права человека отражают минимальный набор жизненных благ в гражданско-политической и в социально-экономической сферах. Права остаются абстрактным понятием, пока граждане их реально не используют. Знание и владение правами — один из первых признаков демократического государства. Это касается как защиты своих интересов, так и активного общественного участия.

Права человека, по мнению В. П. Пугачева, представляют собой один из способов трактовки и практического решения вопроса взаимоотношений человека и той общности, в которой он проживает и официальным представителем которой выступает власть. Они утверждают в этих взаимоотношениях свободу и достоинство личности, ее высший ценностный статус [115, с. 75].

Права человека – это нормы, сформулированные в рамках определенных идеологий (в частности, либерализма и, в значительной мере, социализма), считающиеся прирожденными и неотъемлемыми для каждого человека независимо от его гражданства, пола, возраста, расы, этнической или религиозной принадлежности. В силу распространенности этих идеологий в современном обществе такое понимание прав человека закреплено в основных нормах государственного (конституционного) и международного права.

Известны три основных способа взаимоотношений индивидов с властью: тоталитарный, индивидуалистический и партиципаторный [115]. Первая, тоталитарная, модель таких взаимоотношений исходит из отождествления общества и государства, из безусловного приоритета целого над частью и полного подчинения индивида государству. Она исключает саму постановку проблемы прав человека, поскольку индивид рассматривается здесь как органическая, неразрывная частичка целого, как винтик в сложном государственном механизме, управляемый из центра.

Индивидуалистический способ взаимоотношений личности и власти основан на приоритете индивида над государством. Наиболее ярко он представлен в либерализме, который исходит из того, что свободная личность есть конечный источник всякой власти в обществе, в том числе и самого государства. Такая иерархия является результатом соглашения, договора свободных индивидов. Государство подконтрольно народу и призвано выполнять лишь строго ограниченные функции – обеспечение безопасности и свободы граждан, поддержание общественного порядка, некоторые другие.

Взаимоотношения индивида и власти во внешнеполитических сферах и пути утверждения в них свободы и достоинства личности либерализмом вообще не рассматриваются. В результате сама проблема прав человека ставится главным образом в форме ограждающих от посягательств власти прав, т. е. узко и ограниченно.

В современной политической науке преобладает третий, партиципаторный подход к взаимоотношениям индивида и власти. Он лишен крайностей и не рассматривает личность как изолированного, независимого от общества индивида, вынужденного в союзе с себе подобными создать государство и подчиняться ему в определенных вопросах. Этот подход исходит из неразрывности и противоречивости взаимоотношений между личностью, обществом и государством. В этом случае сама проблема прав человека усматривается не только и не столько в ограждении индивида от государственного вмешательства, а в использовании государства в целях создания наилучших условий свободного существования и развития личности.

Все три рассмотренных выше способа взаимоотношений индивида и власти в большей или меньшей степени представлены в истории человечества. Они составляют ту систему координат, в которой осознается и оценивается сама проблема прав человека.

Концепция прав человека основана на индивидуалистических ценностях — она защищает индивида от принуждения со стороны государства, нации, класса или иной социальной общности. Фактически речь идет, прежде всего, о защите меньшинства (конфессионального, этнического, политического и т. д.) от навязывания ему воли большинства.

Даже в развитых странах Запада продолжаются острые дискуссии о том, как следует трактовать права человека. Например, в споре о допустимости абортотв утверждаются, что защищают права человека: защитники абортотв — право беременной женщины на свободу и безопасность, противники абортотв — право нерожденного человека на жизнь. Поскольку нет общепринятой иерархии различных прав человека по степени их важности, подобное столкновение мнений пока ведет к принятию конкретных решений в соответствии скорее с сиюминутным соотношением сил, чем с общими принципами.

22.1.2. Идеи прав человека в античности и средневековье

На заре человечества в условиях родоплеменного строя проблема прав человека не стояла и не могла стоять, так как в то время не было отчужденной от индивидов власти, а значит и необходимости утверждать и защищать во властных отношениях ценность личности, ее свободу. Кроме того, «средний» человек догосударственной и раннегосударственной эпохи еще не обладал развитым самосознанием и индивидуальностью, руководствовался в отношениях с государством прежде всего вековыми традициями, не отделял себя от рода, общины, селения и государства, обычно с покорностью воспринимал свое положение в общественной иерархии, даже если это было положение раба.

Само возникновение проблемы прав человека неразрывно связано с развитием общества, государства и человеческой индивидуальности. Не случайно впервые идеи прав личности возникают лишь у немногих материально обеспеченных мыслителей, обладающих развитым самосознанием и чувством собственного достоинства. Исторически первой формой осмысления и утверждения индивидуального достоинства и автономии личности по отношению к власти стали идеи естественного права, возникшие в первом тысячелетии до Р. Х. Впервые эти идеи встречаются у древнегреческих философов-софистов Ликофрона, Антифона, Алкидама [115, с. 77] и других в VI—V вв. до н. э. Они утверждали, что все люди равны от рождения и имеют одинаковые, обусловленные природой права. Само же государство Ликофрон трактовал как результат общественного договора. Идею договорного происхождения государства и равенства всех людей перед небом отстаивал в V в. до Р. Х. китайский философ Мо-Цзы [96].

Значительный вклад в концепцию прав человека внес Аристотель [7]. Он защищал права, присущие человеку от рождения, и, прежде всего, его право на частную собственность. Это право коренится в самой природе человека и основывается на его любви к самому себе. Аристотель высказал ряд идей, близких к современной концепции прав человека. Так, он не только признавал права гражданина, но и различал естественное и условное, позитивное право, а также считал, что естественное право должно служить образцом для права условного, которое, в свою

очередь, более изменчиво и является результатом деятельности властей и соглашений между людьми. Эта идея верховенства естественного права над законами государства получила свое развитие в современных теориях прав человека, в том числе в концепции правового государства.

Автономия, достоинство и равенство индивидов во взаимоотношениях с властью и другими людьми распространялись философами Древней Греции и Древнего Рима главным образом лишь на свободных граждан, но не на рабов. В частности, Аристотель считал, что они самой природой наделены качествами, предназначенными для подчинения и исполнения указаний господина. Среди античных сторонников естественного права лишь стоики провозгласили лозунг равенства людей по природе, независимо от пола, национальности и социального положения, поскольку все люди созданы космосом и над всеми «равно тяготеет судьба».

Выдающийся вклад в массовое распространение гуманистических ценностей, лежащих в основе концепции прав человека, внесло христианство. Оно придало гуманистическим идеям высший ценностный статус, соединив их с религиозно-нравственными ценностями. Христианство обращается к внутреннему миру человека, его свободному выбору веры и ценностных ориентаций и тем самым способствует развитию человеческой индивидуальности. Оно требует уважения каждого человека как творения, наделенного душой и созданного Богом по своему образу и подобию. Божественное происхождение обуславливает принципиальное равенство и свободу всех людей. Неудивительно, что проповеди Христа обращены, в первую очередь, к униженным и оскорбленным, подчеркивают равенство всех людей в их высшем измерении – в отношении к Богу. Христианские идеи любви к ближнему, осуждения чрезмерного богатства, бескорыстной помощи бедным и слабым и т. п. очень во многом созвучны идеям социальных прав личности.

Гуманистические идеи христианства, будучи нравственными регуляторами, поведения людей, оказали огромное влияние на все последующее историческое развитие не только европейских стран. Однако они не нашли политико-институционального признания и воплощения в реальных государственных нормах. *Нормы христианской морали лишь смягчали взаимоотношения между индивидами и властью* [24].

В эпоху феодализма получили распространение принципы взаимоотношения между индивидом и властью, унаследованные от античного общества и германских обычаев и смягченные патриархальной и христианской моралью. Отношения между индивидом и властью представляли собой сложную общественную иерархию прав и обязанностей. Человек, в соответствии с местом, занимаемым на социальной лестнице, был обязан выполнять указания своего господина (сюзерена) и в то же время мог рассчитывать на его покровительство и защиту, а также на послушание подданных (если они существовали), неся перед ними, в свою очередь, определенные обязанности.

В целом в эпоху Средневековья идеи естественного права и равенства всех людей от рождения были преданы забвению, а права человека понимались как *привилегии, дарованные монархом или сюзереном подданным*. Каждое из сословий имело специфические права, которые возрастали по мере продвижения вверх по общественной иерархии.

Однако первые элементы системы защиты прав человека появились именно в средневековой Западной Европе. В Англии элементарные права подданных были

зафиксированы уже в Великой хартии вольностей (1215 г.), согласно которой король не имел права налагать на свободных англичан дополнительных налогов без их согласия, а также лишать их свободы и имущества без приговора суда (т. е. в хартии закреплялись право собственности и неприкосновенность частной жизни). Однако пользоваться этими правами могло лишь меньшинство англичан, поскольку феодально-зависимые крестьяне (основная масса населения) исключались из числа свободных. Великая хартия вольностей во многих отношениях обогнала свое время и оказалась полностью востребованной лишь в эпоху нового времени, после ликвидации феодальных отношений.

Практически всем обществам до эпохи нового времени было свойственно представление о том, что общепринятая форма поведения есть единственная «правильная». Те люди, которые не желали подчиняться общепринятым формам поведения, считались врагами общества, подлежащими уничтожению либо «перевоспитанию». Когда господствовали представления о единственности нормы общественного поведения, сосуществование представителей разных убеждений рассматривалось лишь как вынужденная политическая необходимость. Представители «чужих» религий, этносов и т. д. практически всегда подвергались какой-либо дискриминации (дополнительные налоги, ограничения при приеме на службу, «черта оседлости» и т. д.). Различные национальные, религиозные, политические и другие движения боролись не за то, чтобы утвердить равноправие людей с разными убеждениями, а чтобы заменить «ложную» истину на «настоящую».

22.1.3. Либеральная трактовка прав человека

Комплексное представление о правах человека начало формироваться только в XVI–XVIII вв. в передовых странах Западной Европы как обобщение опыта религиозных войн и политической борьбы парламентов с королевской властью.

Первостепенным в ту эпоху был вопрос о правах религиозных диссидентов (буквально — «инакомыслящих»). Впервые в мире их права были законодательно закреплены во Франции в Нантском эдикте 1598 г., согласно которому французские протестанты (гугеноты) получили официальное право исповедовать свою религию (т. е. право на свободу совести).

С конца XVII в. первенствующую роль в защите прав человека снова стала играть Англия. С одной стороны, после гражданских войн XVII в., согласно закону о неприкосновенности личности (1679), «Биллю о правах» (1689), ограничившему власть короля в законодательной и финансовой области и ряду других законов, были окончательно ликвидированы претензии королевской власти на абсолютную власть и создан режим «правления права», защищающий свободу совести, слова, печати, права собственности и т. д.

С другой стороны, именно тогда права человека получили теоретическое обоснование в трудах Дж. Локка [79]. Этот мыслитель впервые четко сформулировал идею «естественных прав»: человек является высшей социальной ценностью, он «от природы» обладает неотъемлемыми правами (на жизнь, на свободу и др.), которые не могут быть никем отняты. Индивидуалистическая идеология эпохи Просвещения стала рассматривать отклонение человека от общепринятой нормы не

как ущербность, а как проявление его личности, развитие которой идет на пользу не только самому индивиду, но и обществу.

В период феодализма идеи естественного права не были полностью забыты. Нередко они использовались для обоснования справедливости восстаний против угнетателей, посягающих на традиционные народные вольности. Свое воскрешение, либеральное переосмысление и развитие эти идеи получили в XVII–XVIII вв. в трудах выдающихся мыслителей либерализма и Просвещения. Виднейшие представители либерализма – Монтескье [93], Руссо [117], Кант [65], Джефферсон [44], Смит [122], Милль [91], Бентам [11] и другие – по существу, заложили основы современного понимания прав человека. Они обосновали понимание фундаментальных прав человека на жизнь, свободу и собственность, сопротивление угнетению и некоторых других как естественных, неотъемлемых (неотчуждаемых) и священных императивов и норм взаимоотношений между людьми и властью.

При этом естественность прав означает, что они присущи индивиду от рождения вследствие его принадлежности к роду человеческому. Без наличия этих прав индивид не может проявлять человеческие качества. Они свойственны человеку вообще, независимо от времени и пространства, в котором он существует (вследствие этого права человека служат общим критерием гуманистической оценки любых государств, существовавших в истории). Священность этого института характеризует высочайшее уважение и почитаемость прав человека, их высший ценностный статус в иерархии общественных ценностей.

Историческая заслуга Просвещения в вопросе о правах человека состоит не только в их теоретическом обосновании как гуманистических целей человечества, но и в нахождении важнейших способов их практического осуществления. К ним относятся, прежде всего, принципы *народного суверенитета и разделения властей*. Первый из них, разработанный, в первую очередь, Локком и Руссо, означает подчиненность власти индивидам, добровольно объединившимся в народ (общество) и обладающим правом на расторжение «общественного договора» и свержение власти в том случае, если она посягает на фундаментальные права человека на жизнь, свободу и собственность.

Второй принцип, гарантирующий индивидуальные свободы, – разделение законодательной, исполнительной и судебной властей. Первым его сформулировал в современной форме Ш. Монтескье в 1748 г. Этот принцип и сегодня является важнейшим инструментом, ограждающим личность от злоупотреблений и притеснений со стороны власти.

Следующий шаг в развитии понимания прав человека был сделан в конце XVIII в. после того, как идеи французских либеральных мыслителей эпохи Просвещения стали практическим руководством для лидеров американской войны за независимость и Великой французской революции. Впервые либеральная концепция прав человека нашла систематизированное юридическое выражение в 1776 г. в Вирджинской декларации, положенной в основу Билля о правах – конституции США, принятого в 1791 г. В 1789 г. основополагающие права: свобода личности, права на собственность, безопасность и сопротивление угнетению – были конституционно закреплены во французской Декларации прав человека и гражданина. Под влиянием американской и французской революций концепция прав человека стала в XIX в. общепринятой почти во всех странах с европейской

культурой. Эти выдающиеся политико-правовые акты не утратили актуальности и сегодня, хотя, конечно же, нынешние представления о правах человека намного богаче по содержанию.

22.1.4. Эволюция систем защиты прав человека

22.1.4.1. Становление системы защиты прав человека

Концепция прав человека возникла в среде европейской политической элиты в начале процесса разделения Европы на нации-государства и до настоящего времени является предметом постоянного внимания и совершенствования. Концепция воплотила в себе суть общественных дискуссий, развернувшихся в высших кругах и организациях общества. Религиозные войны не привели к объединению государств по религиозному принципу, а обусловили создание государств по принципу территориального превосходства их лидеров. Каждый правитель территории утверждал там свою религию, и, в конце концов, остальные государственные институты строились на этой основе. Так возник принцип национального суверенитета, который, как результат религиозных войн и Вестфальского договора 1648 г., служит идеям международного мира.

Доктрина национального суверенитета обусловила представление о том, как государство должно обходиться с людьми, проживающими на его территории, и как необходимо рассматривать человека в свете национальных и международных событий. То, что теперь называется правами человека, до середины XX в. не было значительной частью мировой политики. Национальный суверенитет, изобретенный европейцами как идея, предположительно пригодная для мира и порядка в Европе, подразумевал, по определению Ю. И. Малевич, что права человека являются внутренним делом нации-государства [85, с. 22].

Развитие концепции прав человека обусловлено следующими процессами:

- расширением круга людей, права которых подлежат защите;
- расширением количества тех прав, которые считаются «общепринятыми»;
- совершенствованием механизмов контроля за соблюдением прав человека.

В XVII–XVIII вв. полноправными гражданами считались только европейцы-мужчины высокого достатка. В течение XIX – первой половины XX вв. постепенно получили признание «неотъемлемые права» всех взрослых граждан независимо от уровня их доходов (ликвидация имущественного ценза), расы или национальности (ликвидация расовой сегрегации и национальной дискриминации), пола (эмансипация женщин).

Либеральные права, постепенно получившие государственное признание в Америке и Европе с конца XVIII в., отвечали в первую очередь интересам буржуазного класса. А он был прямо заинтересован в отмене феодальных привилегий и сословных ограничений, в устранении государственных запретов на производственную и торгово-предпринимательскую деятельность, в обуздании государства и его подчинении своему контролю с помощью силы денег.

Как писал один из видных теоретиков либерализма Б. Констан, «деньги есть самое опасное оружие деспотизма, вместе с тем и самая крепкая узда для него <...> В наши дни частные граждане сильнее политических властей: богатство есть сила

вездесущая, более соотносимая со всеми интересами и оттого гораздо более реальная, вызывающая большее послушание. Власти угрожают, богатство вознаграждает; от властей можно ускользнуть, обманув их; чтобы добиться милости богатства, ему нужно служить» [73, с. 104].

Политический либерализм, подчинив права человека силе денег, показал тем самым свою ограниченность. Примерно до 20-х гг. XX в. в большинстве буржуазно-демократических стран низшие слои общества и женщины не имели избирательных прав. Затруднено было практическое использование провозглашенных в конституциях прав неимущими, так как это требовало необходимых знаний, времени и материальных затрат. Вне государственного внимания оставались экономические и социальные условия свободы личности.

Сама постановка проблемы прав человека в классическом либерализме носит узкий, ограниченный характер. Права охватывают лишь одну сферу взаимоотношений индивидов и государства — их взаимодействие как физических лиц, обладающих собственностью. Права человека обеспечивают гражданам личную безопасность, ограждают их частную (экономическую, семейную, религиозную и иную) жизнь от нежелательного вмешательства со стороны других людей и государства, а также позволяют собственникам контролировать власть посредством избрания ее представителей. При этом вне поля зрения государства остается сфера экономических, культурных и других отношений между людьми и соответствующие виды власти: экономическая, духовно-информационная и другие, которые отдаются на откуп собственникам.

Либеральное решение проблемы прав человека хотя и оградило граждан от государственного произвола, однако не защитило их от эксплуатации и деспотизма собственников, не привело к социальному освобождению всех членов общества. Развязав руки буржуазии и создав благоприятные условия для промышленной революции и утверждения капитализма, оно в то же время увеличило социальное неравенство и обострило классовые конфликты. Оказалось, что отсутствие всяких ограничений в использовании гражданских прав делает их привилегией меньшинства [115, с. 81]. Это породило массовый протест рабочего класса и других низших слоев общества, требовавших принятия законов, создающих социальные условия свободы и уважения человеческого достоинства неимущих граждан и ограничивающих власть собственников.

Сначала главными правами, защиты которых имущие граждане добивались от государства, были только гражданско-политические права — прежде всего свобода совести, свобода слова и защита собственности. По мере того как в политическую жизнь включались все более широкие круги населения, расширялся и круг тех прав, обеспечение которых считалось общественно важным. С конца XIX в., под влиянием социалистической идеологии, главным объектом борьбы стали уже не столько гражданско-политические, сколько социально-экономические права.

Впервые требования дополнить либеральные права правами социальными были обоснованы и выдвинуты в первой половине XIX в. чартистским движением рабочих Англии. В своей программе, разработанной в 1839 г., чартисты выступили за эволюционный путь движения к социализму, не отрицающий либеральные права, в том числе частную собственность, но требующий справедливой оплаты труда и равноправного участия рабочих в управлении государством.

Социальные права и социальная демократия, защищающие личность в производственной сфере и обеспечивающие достойные условия ее существования, являются одним из важнейших лозунгов социалистического движения. Многие из этих прав (право на труд, отдых, образование и др.) впервые были конституционно закреплены в СССР и других странах марксистского социализма [115, с. 81]. Вместе с тем здесь их провозглашение сопровождалось нарушением традиционных либеральных прав. Это привело в конечном счете к нарастанию в обществе различных социальных привилегий, уравниловке в оплате труда, снижению его эффективности, массовому распространению психологии социального иждивенчества, низкому уровню благосостояния большинства граждан.

Новый этап в создании системы защиты прав человека наступил с момента создания международной организации нового типа – Лиги наций (1919–1939). Эта проблема, как одна из прогрессивных международных концепций, постоянно находилась под ее контролем. В Лиге Наций была предпринята попытка расширить понятие первоначальных основных прав человека и включить сюда право на труд, права личности на защиту своих территорий, а также право беженцев на простейшую защиту. Это удалось, и решения оказались продуктивными и жизнеспособными.

Мощным инструментом реальной защиты прав трудящихся стала Международная организация труда. Она была создана и закреплена договором Лиги Наций, и впоследствии сформулировала и приняла серию документов о защите права на труд. Действуя подобным образом, Лига Наций пыталась наблюдать за трудовой политикой государств. Эффективность деятельности этих документов была достаточно высока, и после Второй мировой войны она влилась в систему основных положений ООН [85, с. 23].

Важным направлением усилий Лиги Наций и Красного Креста стала их борьба за запрещение рабства. Лига Наций постоянно требовала защитить права огромного количества людей Земли, по-прежнему живущих в состоянии рабства. Историческая Конвенция по рабству была разработана усилиями Лиги Наций и содержала требования по прямой защите прав тех, кто фактически еще находился в рабстве в XX в. Аналогичные усилия не предпринимались ни одной из известных организаций до 1919 г. Позже данные идеи были выдвинуты объединением неправительственных организаций – Лигой против рабства. Эти организации принудили Лигу Наций принять в 1926 г. Конвенцию, ставящую рабство вне закона, которая была дополнена в 1950 г. [112].

22.1.4.2. Защита прав человека в условиях военных действий

Другим направлением выстраивания системы защиты прав человека стало обеспечение его безопасности в условиях военных действий. Началом проявления международного внимания к этой проблеме можно считать первый многосторонний договор по правам человека, который явился результатом Крымской (Восточной) войны. Старейшая законодательная часть в области прав человека посвящена защите прав человека в вооруженных конфликтах.

В 1864 г. большинство государств подписало первую Женевскую конвенцию о жертвах вооруженного конфликта. Этот договор законодательно утверждал то, что медицинский персонал должен рассматриваться как нейтральный, поскольку обя-

зан лечить больных и раненых солдат независимо от их принадлежности и происхождения. Солдаты, пострадавшие на войне, исполняли свои обязанности, но они, с общечеловеческих позиций, были простыми личностями, нуждающимися в помощи.

Важным принципом конвенции было то, что индивидуально солдату дано право, по крайней мере, на минимальное уважение к его существу как к личности, на минимальную степень гуманности — даже во время войны, являющейся величайшим унижением гуманитаризма [85]. В терминах прав человека больные и раненые бойцы имели «право на медицинское внимание» и медицинский персонал имел право «не подвергаться военному насилию и вмешательству», т. е. не быть мишенью. Впервые человеческое достоинство защищалось подобным положением международного договора.

Таким образом, в Женевской конвенции подчеркнута понимание необходимости проявления минимального гуманизма в бесчеловечной военной ситуации. Впоследствии это привело к развитию целой ветви права в исследуемой области, которая затем нашла свое отражение в Международном движении Красного Креста.

Конвенция 1864 г. о медицинском персонале была пересмотрена в 1906 г. Затем в 1929 г. были приняты Женевские конвенции о правилах обращения с военнопленными, а новый документ, касающийся военнопленных, был принят в 1949 г. на основе опыта Второй мировой войны. Были заключены четыре Женевские конвенции и два Дополнительных протокола к ним о защите и правах больных и раненых бойцов, военнопленных внешних, гражданских и внутренних войн. Конвенции 1949 г. были подтверждены и дополнены в 1974 г. [112].

Анализ исторической значимости этих актов показывает, что первые международные документы в области прав человека, хотя и касались лишь войны, были авангардными. Это были общие международные акты, более 80 лет составлявшие единое правовое пространство в области прав человека для так называемых немирных ситуаций. Это были первые гуманитарные пределы, защищавшие военнопленных, которые не могли легально быть убитыми по воле победившего государства.

После Первой мировой войны людям было трудно поверить в то, что жертвы войны в Центральной Европе получают контрибуции от перемирия 1918 г. как результат международной защиты своих имущественных прав. Однако эти права были закреплены Версальским мирным договором 1919 г. Важные принципы — мир, порядок и справедливость (правосудие) — лежали в основании этого договора в дополнение к уважению человеческого достоинства. Договор впервые декларировал, что национальное большинство обязано проявлять терпимость к меньшинству [85, с. 24].

Что касается нарушения прав человека в мирное время, то они по-прежнему считались прерогативой национального законодательства. Накануне Второй мировой войны невмешательство в процесс фашизации Германии обернулось попустительством становлению политического режима, опасного для всего мира. Для предотвращения возникновения агрессивных режимов возникла необходимость создать наднациональный механизм контроля за постоянным соблюдением основных прав человека во всех странах мира.

22.1.4.3. Современный этап развития системы

Современный этап развития системы защиты прав человека наступил после создания Организации Объединенных Наций. В Уставе ООН проблема прав человека наиболее последовательно отражена в статье 55. В ней утверждается, что с позиций создания условий стабильности и благополучия, которые необходимы для мирных и дружеских отношений среди наций, основанных на уважении равных прав личности, ООН провозглашает следующие основные принципы:

- высокий уровень жизни, полная занятость и условия для экономического и социального прогресса и развития;
- решение международных экономических и социальных, здравоохранительных и родственных проблем;
- международное культурное и образовательное сотрудничество;
- всеобщее уважение и почитание прав человека и фундаментальных свобод для всех без исключения рас, полов, языковых групп и религий.

Эта единственная статья по правам человека стала краеугольным камнем последующих усилий ООН по защите прав человека на международной арене. С другой стороны, ст. 55 не является всеобъемлющей. Устав ООН не утверждает, что права человека ограничены теми положениями, которые упоминаются в подразделах ст. 55 [85, с. 25].

Поскольку ст. 55 написана общими выражениями, государства-создатели ООН направили свои усилия на точное определение ее значения. Первым результатом этого было торжественное подписание Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г. [22]. Декларация, состоящая из 30 статей, утверждает права безотлагательного исполнения, права общего значения и права далекого будущего. Спустя некоторое время после ее принятия Всеобщая декларация была еще раз обсуждена в ООН, что выявило наличие серьезных проблем в ее понимании и исполнении.

Прежде всего Декларация была не устоявшимся законом, а рекомендацией ООН государствам. И принятие Декларации не означало выполнение ее по-другому, чем на основе доброй воли государств.

Вместе с тем, хотя Декларация не являлась международным законом, ее подписание в 1948 г. явилось важнейшим событием по ряду причин. Впервые мировое сообщество подписало очень важное авторитетное заявление по правам человека. Значение ст. 55 многими авторами приравнивается к всеобщему закону государств-членов ООН. Декларация стала важнейшей частью международного права в виде согласительного документа. Универсализм Декларации подтверждался много раз: до окончания «холодной войны» многие государства включили ее в свои национальные законодательства и конституции. [85, с. 26].

Дальнейшие усилия мирового сообщества по унификации концепции прав человека направлялись на уточнение Устава и его важнейшей ст. 55. Почти 20 лет проходили переговоры стран-членов ООН, результатом которых явилось принятие в 1966 г. двух дополнительных пактов по правам человека [46; 68]. Первый пакт относился к гражданским и политическим правам, второй — к экономическим, социальным и культурным (оба пакта дополняют Всеобщую декларацию в виде приложения). Понадобилось еще значительное время для того, чтобы эти доку-

менты получили реальную силу для государств-членов ООН. Например, в 1988 г. 86 государств поддерживали гражданско-политический договор и 90 государств – экономико-социально-культурный договор.

Таким образом, ст. 55 приобрела новый, универсальный смысл. Потребовалось более 30 лет для того, чтобы определить четкую позицию Устава ООН по правам человека. Большая часть государств-членов ООН дали конкретные обещания его соблюдения. Однако процесс выяснения основных стандартов ст. 55 продолжается до сих пор. Только в 1987 г. начали прилагаться серьезные усилия к точному определению того, что было заложено в договоре по экономическим, социальным и культурным правам [85, с. 26].

Нельзя сказать, что защита прав человека является сегодня вершиной государственных интересов всех стран, входящих в ООН. Однако после подписания данного документа, международное толкование прав человека широко утвердилось в качестве всеобщей межгосударственной концепции. Анализ влияния на мировую политику Устава ООН и Всеобщей декларации показывает, что они явились заметным событием в деле гуманизации человеческих отношений. Они подтвердили идею о том, что международные права человека значительно отличаются от простейших гражданских и политических прав, провозглашенных Биллем о правах американской конституции, и включают экономические, социальные и культурные права.

Оба документа положили, кроме того, начало двум системам международного мониторинга нарушений прав человека. Пока этот мониторинг носит скорее моральный характер. Но он способствует внедрению в мировое сообщество понимания того, что законы каждого государства должны быть ориентированы на последовательную защиту прав человека. Пакт о политических правах, в свою очередь, позволил личности жаловаться на свои правительства в международные организации.

Фундаментальные документы по правам человека нашли свое развитие в целом ряде частных актов, прошедших через ООН в последующие годы. В некоторых случаях уже существующие документы получали новое развитие, как в случае с Конвенцией об объединении сельскохозяйственных рабочих и ограничениях использования рабочей силы. В 1948 г., непосредственно после принятия Всеобщей декларации, ООН разработала Конвенцию о свободе организаций и ассоциаций. В то же время Генеральная Ассамблея приняла документ против геноцида [70]. В дополнение к нему последовало принятие одного из первых документов, защищающих женские права, – Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин [69]. В середине 1960-х гг. Генеральная Ассамблея приняла Декларацию о ликвидации всех форм расовой дискриминации [71]. В это же время ЮНЕСКО разработала Конвенцию о борьбе с дискриминацией в области образования [72]. Последовательно ООН приняла еще шесть документов, созвучных идеям Лиги Наций. Эти документы посвящены коллективной торговле, трудовым ресурсам, дискриминации, занятости, социальной политике и рабочим представителям.

В середине 1970-х гг. Всеобщая декларация прав человека дала толчок для принятия 53 деклараций и конвенций ООН по правам человека [113]. Только в 1987 г. ООН опубликовала 22 основных акта по правам человека. Один из наиболее важнейших специфических документов посвящен беженцам, которые обращались в ООН за помощью в обеспечении гарантий прав человека [85].

Эти документы охватывают все типы прав. Каждый документ предполагает собственный механизм его выполнения. Некоторые призывают к самодокладу (отчету) стран. Другие предполагают опубликование обзора и комментирование международными организациями докладов этих стран. Конвенция по массовой дискриминации допускает вынесение приговора Международным судом ООН.

Помимо организаций системы ООН международным контролем за соблюдением прав человека активно занимаются различные неправительственные общественные организации, например, основанная в 1961 г. «Международная амнистия», ведущая борьбу с преследованием политических противников и нарушением прав узников.

Развитие региональной интеграции привело к формированию еще одного уровня наднациональных организаций, защищающих права человека. Так, в рамках Европейского союза (ЕС) действует Европейская конвенция о защите прав человека, которая предусматривает, например, признание юрисдикции Европейского суда по правам человека.

Анализ процесса формирования системы защиты прав человека позволил выявить три важных аспекта:

- борьба за сохранение прав в вооруженных конфликтах и усилия по запрещению рабства направлялись негосударственными силами;
- появление международных документов опережало национальные законодательства и стимулировало изменения большинства из них. Так, рабство было провозглашено вне закона всеми государствами только в 1950 г.;
- долгое время в мире не было механизмов или положений международных соглашений, позволяющих личности заниматься действиями по защите своих прав. До соответствующих решений ООН только государства были обязаны и могли совершать действия по защите своих граждан [85, с. 27].

22.1.5. Социальные потребности как источник прав человека

Весьма важен вопрос о том, каковы источники и природа прав человека. Эти вопросы всегда волновали политологов и философов. Статус и авторитет прав человека во многом связаны с трактовкой их источника. Просвещение утвердило в качестве решающего критерия определения естественных прав личности **человеческий разум**. Тем самым оно попыталось найти им земную основу. Сегодня политологи различной мировоззренческой ориентации по-разному оценивают конечный источник прав человека. Одни видят его в естественной человеческой природе, в конституирующих человеческий род основополагающих потребностях – в поддержании жизни, в безопасности, свободе от насилия и социально неоправданных ограничений, уважении человеческого достоинства, духовном развитии и т. д.

В философии либеральной школы прав человека существуют два направления. Каждое из них оказало влияние на формирование концепции современных прав человека. Первое из них – **школа натурального права**, которую британский исследователь Х. Астерпатч считал источником прав человека. Он утверждает, что человек – это высшая ценность, данная Богом, и что человечество по своей природе

свободно и равноправно. Он находит это достаточно естественным и правдивым, так как люди существуют благодаря и под властью Божьей. В этом он находился под влиянием греческой мысли и идей «великого» католика Ф. Аквинского [4]. Люди имеют, по высказыванию «великого американца» Т. Джефферсона, неотъемлемые естественные права, потому что они существуют [44].

Естественно-исторический подход ограничивает роль разума главным образом лишь осознанием объективно существующих естественных человеческих прав. Наследуя либеральную традицию, он исходит из того, что фундаментальные права личности имеют внегосударственное и внеюридическое происхождение. Государство может либо уважать и гарантировать их, либо нарушать и подавлять, но отнять у человека присущие ему от рождения естественные права оно не может.

Хотя конкретное содержание и объем прав изменяются и расширяются по мере развития общества, сами фундаментальные права остаются неизменными, отражая постоянство основополагающих качеств человеческого рода. Как базовые моральные принципы и требования права человека существуют независимо от социально-классовой структуры и конкретных этапов развития общества, от законодательных норм. Имея для человека высший ценностный статус, они выступают источником гуманности законов, внешним критерием, универсальной мерой оценки любого политического и общественного строя [115, с. 83].

Современный анализ политической философии прав личности изобилует подобными примерами. Права человека сформировались из философии натурального права, а не из идей общественных организаций или государственных институтов.

В этом же русле существует и другая интерпретация. Так, Н. Бердяев — крупный русский мыслитель — писал: «Свобода человеческой личности не может быть дана обществом и не может по своему истоку и признаку зависеть от него — она принадлежит человеку как духовному существу... Неотъемлемые права, устанавливающие границы власти общества над человеком, определяются не природой, а духом. Это духовные права, а не естественные права, природа никаких прав не устанавливает» [14, с. 254].

Однако, с другой стороны, в политической философии прав человека выдвинута идея несостоятельности натуральных прав как оторванных от концепции государственности и мирового сообщества. Второе направление политической философии либерализма — утилитарное мышление, классически представленное в работах Д. С. Милля. По его мнению, стремление к человеческому счастью и благосостоянию через право, свободу и равенство является высшей ценностью и благом, и это именно то, что необходимо для свободной личности. Он убежден, что либеральное общество является стабильным и продуктивным [91].

Данное направление последовательно отстаивает идею достижения счастья личности любым способом, так как это в интересах всего общества или, по крайней мере, большей его части. *Утилитаризм* предполагает достижение благосостояния общества путем обеспечения счастья каждой личности. Идея индивидуальной свободы и равенства становится корпоративной моралью утилитаристов, даже если они ограничены властью большинства. Свобода и равенство имеют большое значение для группового благосостояния, потому что они в высшей степени содействуют человеческому счастью. В любом случае, по мнению утилитаристов, индивидуальные свободы и равенство приводят к «величайшему благу для всех».

В своей книге один из видных представителей утилитаризма М. Кранстон заявил: «Требование традиционных прав человека является только требованием среди других вещей, таких, как безопасность и свобода. Безопасность не является чем-то разрозненным с правами человека, так как она сама по себе является правом человека, это нечто иное, чем право на возобновление жизни. Безопасность личности должна расти в соответствии с ростом безопасности общины. Личное обладание правами зависит от обладания правами общины. Потребность в свободе и безопасности не является чистой потребностью. Они сталкиваются с трудностью быть взаимоприемлемыми. Эти потребности поистине неотделимы друг от друга. Часть традиционной западной веры в свободу и является верой в то, что свободная страна будет находиться в большей безопасности, чем несвободная страна. История предоставляет нам возможность убедиться в том, что эта вера является истиной» [85, с. 39].

И сегодня многие специалисты в области политической философии прав человека поддерживают идеи утилитаризма, считая, что прогресс и лучшее общество достижимы лишь на основе личного равенства.

Обе эти трактовки конечного источника прав человека укладываются в рамки одного, естественно-исторического подхода к правам человека. Противоречия между ними не велики и устраняются в том случае, если лежащую в их основе природу человека трактуют не как сводимую к его животным, биологическим качествам, а имеющую божественное происхождение. Более существенные отличия в этом вопросе, а также в понимании прав человека в целом связаны с позитивистским и марксистским подходами к их интерпретации.

Принято считать, что права человека являются установленной нормой, наиболее важным фундаментальным правом, более важным, чем другие демократические права личности. Автор согласен с С. Хоффманом, который считает, что права возникают как отклик на определенную ситуацию. Безусловно, появление прав продиктовано требованиями и запросами специфических социальных и государственных институтов [85, с. 40].

Осознание человеком своих прав и ощущение их нарушения появляется у человека не с рождением, а в процессе его социализации. Широко распространено понимание идеи прав человека, приобретенное посредством изучения прессы или научно-популярной литературы. Эти источники информации, так же как и рисунки и карикатуры, несут в себе, как правило, рациональное зерно. Они представляют собой выражение требований определенных слоев общества, желающих оправдать или изменить национальный политический законодательный режим. Подобные требования влекут за собой формирование национальных мнений, касающихся прав человека. Весьма часто интуитивная трактовка нагружена политической риторикой, подобной политической пропаганде.

22.1.6. Основные подходы к правам человека

22.1.6.1. Идеологические подходы

Основные принципы, на которых базируются современные концепции прав человека, развиты политической философией в процессе становления идей либерализма и коммунизма в различных странах мирового сообщества. Все совре-

менные точки зрения на права человека, так или иначе, базируются на трех основных философских ориентациях — консерватизме, либерализме и коммунизме (социализме).

Одной из основ политической философии прав человека является либерализм. Он характеризуется центристской позицией во взглядах на равные права и достоинства, а также на полную автономию личности. Либерализм вносит в концепцию прав человека абсолютную свободу личности и необходимость общественных изменений, направленных на защиту прав человека.

В политической философии прав человека идеи либерализма используются с большими интерпретациями. Но центральная идея либерализма — вера в то, что высшей ценностью является личность, что индивидуальное благополучие может быть достигнуто только путем личной свободы и равенства личностей, — сохраняется. Либералы верят в то, что только высоконравственный человек и высоконравственное общество свободных личностей может динамично развиваться в сторону прогресса.

Либерализм внес огромный вклад в концепцию прав человека, определив источники и причины свободы и равенства и показав, как соединить эти две ценности воедино. Этим он обосновал современную концепцию прав человека. Широко распространена идея, что для полной гарантии прав человека требуется либеральное государство. С точки зрения политологии особенно важным является то, что данные ценности могут вызвать значительную привлекательность прав человека в новых независимых государствах. Кроме того, они сильно воздействуют на климат международной политики.

На современном этапе многие государства, включая США и страны ЕС, которые в наибольшей степени поддерживают международные права человека, придерживаются идеей либеральной философии в своем подходе к правам.

Среди либералов существует мнение, что другие течения в философии прав человека сегодня могут быть уже ненужными или вредными. Подобное мнение не является отражением реальности, и не разделяется в большинстве стран.

Еще одной философской основой прав человека является коммунизм (социализм — его разновидность). Это философское течение отличается тем, что оно свое основное внимание уделяет правам групп, объединяющих людей либо одного класса, либо одной национальности. Поэтому политическая философия прав человека в полной мере учитывает, что либерализм концентрирует свое внимание на автономии личности, а коммунизм подчеркивает то, что люди всегда объединяются в группы и их благосостояние зависит от судьбы групп.

Коммунизм, подобно либерализму, базируется на множестве подходов, которые в различные времена интерпретируются по-разному. Основной вопрос, разделяющий коммунистов на течения, состоит в том, какие группы необходимо брать для базового обоснования коллективных прав и анализа того, чьими интересами руководствоваться. Ортодоксальные марксисты утверждают, что это должны быть социоэкономические классы (они же группы), а национал коммунисты придерживаются убеждения, что это — национальные группы.

Мощным течением коммунистической школы является марксизм. К. Маркс критиковал либеральные взгляды на права человека. Реальность, в его понимании, была совершенно обратной. Вся жизнь человека зависела от экономических факторов в

большей степени, чем от всех остальных. В политической философии марксизма человек не рассматривался как личность, а существовал только как член экономической группы. Для К. Маркса общество состояло из отношений «не личности с личностью, а рабочего с капиталистом, фермера и его землевладельца и т. д.» [86].

К. Маркс выразил свои взгляды на права человека при капитализме в виде теории о том, что отчуждение личности от группы есть итог эксплуатации. Он отстаивал тезис о том, что верховным благом является труд, что лучший класс — это рабочий класс. Таким образом, истинное положение вещей заключалось в следующем: права рабочих были главенствующими и представляли собой исторический триумф. В ранних работах К. Маркса именно этот тезис лег в основу идеи о диктатуре пролетариата. В данном смысле наличие существования элемента группового консерватизма в марксизме.

Следовательно, марксистское направление политической философии коммунизма прав человека утверждало реальное превосходство групп. Рабочий класс виделся триумфатором в классовых конфликтах групп. Его права признавались первичными. Только его победа должна была привести к коммунистическому обществу, наполненному свободными людьми, что позволит ему стать обществом настоящих личностей.

При коммунизме личность, полностью развитая, свободная и имеющая возможность равноправного выбора, предполагала жить в огромной коммуне. Таким образом, это была природа общины, которая определяла права и судьбу человека. В соответствии с этими идеями, только в коммунистическом обществе могла существовать настоящая личность, а в капиталистическом обществе она была полностью отчужденной и эксплуатируемой классом буржуазии.

В странах, объявивших марксизм своей официальной идеологией, права личности юридически признавались, однако на деле трактовались сродни феодализму, т. е. как блага, предоставляемые и дозируемые партией и государством в зависимости от их соответствия произвольно трактуемым классовым и общенародным интересам [115]. Независимых институтов контроля за соблюдением прав человека не существовало.

В целом же марксизм, и особенно ленинизм и сталинизм, отрицают общечеловеческую природу права, подменяют общечеловеческие ценности моралью, основанной на классовой, партийной целесообразности. Это учение исходит из заведомой непротиворечивости, гармоничности отношений общества и личности в коммунистической формации, из отрицания государства и права, а значит и ненужности института прав человека. Несмотря на слабую совместимость с самой идеей прав человека, марксизм и претендующие на его реализацию социалистические страны внесли немалый вклад в обоснование и утверждение социальных прав личности.

Очевидно, что групповая ориентированность марксистски настроенных государств и некоторых стран, ставших на этот путь развития, соответствует их подходу к применению прав человека на деле. Наиболее яркими примерами этого является позиция КНР и КНДР в области политики прав человека.

Несмотря на общее охлаждение к идеям марксизма после краха СССР, во многих развитых странах Запада стали появляться его новые интерпретации. Особая роль в этом процессе принадлежит китайским идеям неомарксизма, существующим под видом теории Д. Сяопина или в последнее время в идеях Ц. Цзэминя,

широко распространенных в Азиатско-Тихоокеанском регионе. С точки зрения политической философии прав человека в основе всех этих теоретических модификаций заложены идеи групповых прав, которые во многом противопоставляются идеям либерализма прав личности.

Консерватизм, как философия неравных прав, доминирует в практике некоторых стран, но она практически нигде не встречается как чистый консерватизм, так как в конце XX столетия неравенство людей риторически упразднено.

Современные консерваторы утверждают, что в философии прав человека правота консерватизма была продемонстрирована в исторической ретроспективе. Следовательно, идея изменить что-либо к лучшему в области прав человека является неконструктивной, так как прошлое показало, что это не будет иметь успеха. Таким образом, неравенство — в личных свободах, материальном благополучии — является, в соответствии с идеями консерватизма, непреложным истинным фактом. Из этого следует, что кто-то обязательно должен иметь больше прав, чем другие.

Традиционную основу современного консерватизма, по мнению Ю. И. Малевич [85, с. 41], представляют собой мировые финансовые круги. Основа их корпоративной морали состоит в том, что банковская монетарная система, которой сегодня владеет наследственная, а не выборная элита, может существовать сколько угодно долго, принося выгоду узкому кругу личностей, определяющих мировую и финансовую политику. Политические, гражданские и социальные права мирового сообщества часто являются препятствием для решений, принимаемых данной консервативной финансовой элитой, несмотря на то, что они признают ключевым правом личности право экономической свободы.

Демократически избранные правительства часто вступают в определенные противоречия с этими финансовыми кругами, поскольку они в своей политике подчеркивают приоритет защиты прав личности независимо от экономического состояния общества. Многие известные на Западе политические лидеры консервативных правительств по своим убеждениям являются настоящими либералами или социалистами (М. Тэтчер, Дж. Буш-старший и др.). Они отстаивают либеральные права личности, являются приверженцами свободного рынка, но широко используют в экономической политике механизмы консервативных финансовых кругов. В Европе часто высказывается мнение, что именно посредством подобного сочетания элементов различных политических философий прав человека в Европейском сообществе построена существующая эффективная система политического и экономического устройства.

Консерватизм, либерализм и социализм, равно как и другие идеи, не в состоянии дать полный ответ на все вопросы, касающиеся политической философии прав. Но, если бы удалось создать идеальную философию прав, у политологов и юристов появился бы механизм не только качественного, но и количественного анализа проблемы.

22.1.6.2. Наднациональный подход к правам человека

Права человека в эмпирическом смысле являются предметом, определяемым *международным правом*. Хотя от этого «позитивистского» подхода права человека практически во всех государствах реально отделены, тем не менее, большинство специалистов признают их в виде международного закона. Международные доку-

менты по правам человека – пакты, резолюции и декларации – достаточно полно определяют права отдельной личности и коллективные права общины.

Традиционно принято группировать эти права по трем категориям, аналогичным символам французской революции и ее девизам *свободы, равенства и братства*. Поэтому традиционно так называемое первое поколение прав человека соотносится с гражданскими и политическими свободами. Второе поколение прав охватывает экономические, социальные и культурные права. Третье поколение прав, сформулированное большинством в ООН, но еще не обозначенное в общем правовом договоре, представляет собой совокупность солидарных прав на международный мир, развитие, здоровую окружающую среду, всеобщее культурное наследие человечества и гуманитарную помощь [85].

Даже если не принимать во внимание третье поколение солидарных прав, смогут ли все государства мира согласиться на реальное воплощение универсальных прав человека? В мире существуют противоположные идеологии, западные и восточные, одни верят в превосходство ислама, буддизма, христианства, а другие не верят в Бога. Мир, в котором мы живем, очень многообразен и сложен. Как можно достигнуть всеобщего соглашения по правам человека и что будет значить данное соглашение для реального выполнения определенных и общих прав человека?

Несмотря на противоречия, концепция прав человека общепризнанна, она живет и формирует общий путь к согласованию различных подходов и взглядов на проблему. Сравнение большинства региональных документов и конституций отдельных стран показывает, что международные нормы являются универсальными и представляют собой некоторый идеал, к которому стремятся национальные законодательства. Однако международные подходы, созданные для контроля над выполнением прав человека, являются неэффективными.

Основная идея международных документов по правам человека связана с представлением о том, что они основаны на наборе правил, общих и обязательных для всех государств и людей. Это отражает потребность общества в универсальном договоре личностей. Подобные законы должны усиливать мировое единство, противостоять национальной обособленности, но не выхолащивать национальные различия.

В этом смысле международное право в области прав человека является революционным и беспрецедентным, потому что оно во многом противопоставляет себя концепции национального законодательства, а также тенденции государства делать то, что удобнее его собственной юрисдикции. Но для государства, которое принимает и придерживается международных стандартов в области прав человека, его законность и позиция усиливаются с точки зрения мирового сообщества. Таким образом, международно признанные права человека составляют базу для выбора концепции национального законодательства в этой сфере [85].

22.1.6.3. Права человека как инструмент внешней политики

Западные страны активно используют институт прав человека во внутренней и внешней политике. Но повышенное внимание ему они стали уделять в течение последних десятилетий. Особенно свойственно это для США, здесь концепцию прав человека, зафиксированную во Всеобщей декларации в 1948 г., возвели в ранг реального механизма внутренней, а впоследствии и внешней политики. В 1960-х гг.

проблема гражданских прав афроамериканцев стала чуть ли не самой основной политической проблемой в США. В конце 1970-х гг. «дипломатия прав человека» Дж. Картера, получившая впоследствии название «двойного стандарта», стала основным инструментом нагнетания напряженности между Востоком — Западом.

Через международные представительства и дипломатию наиболее мощные государства Западного мира пообещали сделать права человека стержнем своей внешней политики. В последующем почти каждый международный вопрос был связан с риторикой прав человека. С тех пор концепция прав человека стала ведущей международной проблемой. Эта же концепция, по оценкам американских политологов, легла в основу речей президентов Дж. Картера и Б. Клинтона в их предвыборных кампаниях, где было много слов о правах человека не только в национальном масштабе, но и в мировой политике в целом [85, с. 33].

Современная западная политология всегда поддерживала гражданские и политические права личности в рамках западной политической теории. Однако анализ показывает, что данный подход не похож на международную версию прав человека, которая включает политические, экономические, социальные и культурные права в виде *единой концепции* защиты прав человека. В отличие от международной трактовки всеобщих прав человека, политики США предпочитали сосредоточиваться на нарушении гражданских и политических прав в странах коммунистической ориентации. Каковы бы ни были внутренние проблемы в других странах, политики США муссировали проблемы нарушения лишь одной составляющей концепции прав человека. Той, которая открывала им возможности беспрепятственно вмешиваться во внутренние дела суверенных государств.

На протяжении длительного времени для чиновников администраций и политиков США конфронтационная природа мировой политики означала приверженность подходу «двойного стандарта», в соответствии с которым любое государство должно согласовывать свою международную политику с западной моделью в большей мере, нежели вести борьбу за защиту специфических прав человека в собственных странах.

Бывший государственный секретарь Г. Киссинджер заявил: «В годы, когда ядерный катаклизм предстает реальной угрозой, права человека являются крайне необходимой моралью». Он считал, что права человека являются механизмом, который позволит отвратить и снизить опасность ядерной войны и, в конце концов, уничтожить разрушительные ядерные арсеналы. Известно также его высказывание, что «права человека являются и моралью, и политикой, и действием». Это означает, что «антикоммунист» Г. Киссинджер имел много общего с советскими ораторами того времени, поскольку утверждал, что международный мир предпочтительнее, чем борьба за индивидуальные права человека между странами с разными политическими системами [85, с. 34].

В настоящее время права человека активно используются как политические козыри. Они точно определяют наиболее важные политические ценности, которые предположительно не должны идти вразрез с другими политическими соображениями. Вместе с тем, по мнению ряда современных политологов, спорным является вопрос, могут ли права человека быть реальным козырем в современной мировой политике. В условиях, когда политика любой страны определяется национально-государственной системой, в которой основным приоритетом для го-

сударства является его безопасность, опора на права человека весьма часто перестает существовать.

В настоящее время проблемы прав человека обсуждаются на всех уровнях не только юристами, которые традиционно являются основными участниками дебатов по всем вопросам, касающимся прав человека. В этот процесс вовлечены философы, политологи, антропологи, религиозные и политические лидеры, а также журналисты как проводники идей прав человека в массы. Соединенные Штаты, оказывающие в современном мире определяющее влияние на международную и информационную политику, развитие всех международных процессов непосредственно увязывают с правами человека, которые в свете идей глобализма приобрели статус глобального приоритета.

22.1.7. Проблемы защиты прав человека

Защита прав человека сталкивается в современном мире с большими проблемами и на концептуальном, и на практическом уровне.

Главная проблема связана с тем, что концепция прав человека рождена западноевропейской культурой и потому находит неоднозначный отклик в странах других цивилизаций. В современной западноевропейской культуре общество понимается как совокупность многих социальных групп со своими особыми убеждениями, которым они могут совершенно беспрепятственно следовать, если только это не наносит ущерба окружающим. В других же культурах идеалом считается не общество как «пучок» социальных групп, а общество как монолит, где все разделяют единую идеологию. Базовыми институтами этих цивилизаций являются не индивидуалистические, а коллективистские ценности. Поэтому требования предоставлять всем гражданам этих стран те же права, что и гражданам стран Западной Европы и Северной Америки, часто воспринимаются как «культурный империализм», вмешательство во внутренние дела.

Но и сам международный стандарт прав человека внутренне противоречив. Ведь право на свободу убеждений и на их свободное выражение предполагает доступность защиты и таких убеждений, которые требуют ликвидации многих прав человека во имя «прав нации» или «прав веры».

Первоначально это противоречие было актуально в контексте борьбы между либеральной и коммунистической идеологиями. Считая коммунистические идеи враждебными концепции прав человека, западные политики начиная с конца 1910-х гг. должны были либо мириться с коммунистической пропагандой во имя принципов свободы, либо осуществлять против сторонников левых идей репрессии, оправдывая нарушение прав человека интересами «национальной безопасности». Когда в 1980–1990-е гг. коммунистическая идеология фактически самоликвидировалась, актуальность борьбы с ней резко снизилась.

Конец «холодной войны» открыл возможности для нового решения серьезных гуманитарных проблем глобального и межгосударственного уровня, в том числе не касающихся вопросов геополитики и международной безопасности. После окончания «холодной войны» основными глобальными проблемами стали вопросы международной экономики, прав человека, религиозные и этнические региональные конфликты, проблемы защиты окружающей среды и свободы информа-

ции. В нормативно-правовом ракурсе Запад расценил конец «холодной войны» как триумф свободного рынка, демократии, открытого информационного поля и прав человека. И, как следствие этого, Запад в конце века начал успешно навязывать миру ценности, приоритетные с точки зрения глобальных тенденций западной цивилизации.

С 1980-х г. главным препятствием глобальной реализации концепции прав человека стал набирающий силу исламский фундаментализм. Умеренные исламисты требуют защиты «культурной исключительности» мусульман, образ жизни которых предполагает приниженное положение женщин, политический авторитаризм, запрет на высказывание антиисламских воззрений и т. д. Радикальные исламисты вообще провозглашают необходимость уничтожения западной цивилизации, допуская в борьбе с ней любые средства (включая террористические).

Западное общество пока не выработало эффективной стратегии борьбы с исламистами, которая бы не требовала систематических нарушений прав человека. Поэтому когда в 2000-е гг. американская армия провела операции в Афганистане и в Ираке по свержению исламистских режимов, нарушающих права человека в своих странах и активно поддерживающих исламистских террористов, то это вызвало не только резко негативную реакцию во всем исламском мире, но и очень критические оценки со стороны многих европейских стран (особенно, Франции и России).

Реализацию концепции прав человека затрудняет то, что и многие западные страны придерживаются ее не всегда последовательно. Например, США позиционируют себя как главного защитника прав человека в мировом масштабе, однако сами систематически допускают многие нарушения. В Америке до сих пор применяется смертная казнь, которая в большинстве стран Европы признана бесчеловечным наказанием; критикуя СССР в 1960–1980-е гг. за ограничения для желающих эмигрировать, США начали в 1980–1990-е гг. усиливать ограничения для иммигрантов. В результате борьба стран Запада за права человека часто критикуется как политика «двойного стандарта», когда от менее развитых стран требуют заботиться о правах человека сильнее, чем это делают сами развитые страны. От непоследовательности западных правительств несут урон и представители правозащитных движений, которым при выполнении их миссии часто приходится принимать упреки в адрес Запада.

Совершенствование защиты прав человека в XXI в. невозможно, если их концепция будет продолжать восприниматься как элемент не мировой, а только западной культуры. Политическая глобализация требует диалога о правах человека между разными цивилизациями, в ходе которого можно попытаться переосмыслить концепцию прав человека так, чтобы она действительно выражала общечеловеческие ценности.

Основной причиной того, что незападные нации, а особенно народы АТР, критикуют западную концепцию универсализма прав человека, является политическая, а также эмоциональная оппозиция западной дипломатии, навязывающей данную концепцию с позиции полной уверенности в своей правоте [85]. Тем не менее, с точки зрения исторической перспективы споры об универсальности или относительности прав человека бесполезны, поскольку они сыграли и продолжают играть весьма существенную роль. Подобные споры обеспечили возможность

большому количеству ученых, политиков, юристов и простых людей на Востоке и Западе понять необходимость ведения искренних межцивилизационных диалогов.

Проблема поиска «перекрестного консенсуса прав» в современном стремлении к глобализму привела к тому, что идеям коммунизма, которые являются, по существу, базой традиционных подходов конфуцианства и буддизма, придается все более серьезное значение. Во всех религиозных учениях и традиционных культурах, несмотря на их фундаментальные различия, можно найти многие идеи, согласующиеся с современными правами человека и способами их претворения в жизнь.

Чтобы идентифицировать основные источники глобальных легитимных стандартов прав человека, необходимо в полной мере использовать как известные и одобренные мировым сообществом основные документы по правам человека, так и региональные документы и идеи национальных форумов. Ключ к идентификации интерцивилизационных прав человека может быть найден не только в основных международных документах по правам человека, которые были одобрены и приняты подавляющим большинством наций, но и в культурном, духовном и философском наследии многих народов.

Но и уже утвержденные международные документы, призванные регулировать права человека, не могут считаться исключительно продуктом западной цивилизации. Они были приняты в результате длительных и упорных дискуссий, споров и переговоров между представителями различных наций, носителями разных цивилизационных традиций. Всеобщая декларация была одобрена подавляющим большинством наций с самого начала своего существования. Несмотря на то, что в процессе ратификации правительства руководствовались различными политическими критериями, принятые документы являются общемировыми нормами и стандартами, одобренными большинством наций. Независимо от того, кем предлагались те или иные механизмы — американским или советским правительством, они являются законными, так как были приняты и утверждены глобальным согласием.

Однако существующие международные механизмы гарантий прав человека являются не более чем отправной точкой для идентификации глобальной значимости и интерцивилизационной ценности прав человека. По существу, они являются политическим продуктом, принявшим форму нормативного согласия. Необходимо продолжать работу с целью выявления и устранения существующих несоответствий в трактовке универсализма прав, а также для поиска новых интерцивилизационных подходов к проблемам прав человека.

Достижение консенсуса по проблеме нельзя рассматривать как полное достижение цели и конец исследований. Как подчеркивает Ю. И. Малевич [85, с. 15], необходимо также выявлять и истреблять любые поползновения к абсолютизму или фетишизму прав человека в среде активистов движений, служащих неправительственных учреждений и ученых. Права человека должны восприниматься только как достоинства, и ни в коем случае нельзя допускать их перерождение в недостатки. При существующем положении вещей интерцивилизационным правам человека нет альтернативы в деле глобального развития мира и сохранения духовного и материального благосостояния человека. Универсальность прав человека в настоящее время является единственной политической, культурной и соци-

альной традицией, которая в состоянии регулировать развитие человечества в русле позитивной глобализации, при условии постоянного самосовершенствования.

§ 2. ВАЖНЕЙШИЕ ПРАВА ЛИЧНОСТИ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

22.2.1. Структура теории поколений международных прав человека

Многие страны, проходя путь демократических преобразований, используют на отдельных этапах различные уровни концепции трех поколений прав человека. В теории поколений международных прав человека важное место занимает проблема преемственности прав. Данная теория предусматривает, что современная концепция не является строго фиксированной философией мирового сообщества. Она представляет собой динамическую категорию, которая имеет постоянную тенденцию к трансформации и совершенствованию в строгой корреляции с развитием идей глобализации мировой политики.

Первое поколение прав человека восходит к двум историческим декларациям о первичных правах личности — французской «Декларации прав человека и гражданина» и «Биллю о правах» американской конституции, принятых в 1789 г. Многие конституции западного мира конца XVIII — начала XIX столетия основывались на идеях первого поколения прав человека, фундамент которых составила нравственная философия эпохи Просвещения. Первой печатной конституцией, в которой нашло свое отражение первое поколение прав человека, была Польская конституция, принятая в мае 1791 г.

Первое поколение прав человека формировалось под сильным влиянием традиций американской республики, которые, в соответствии с Биллем о правах человека, касались исключительно внутренней сферы деятельности государства и регулировали отношения личности и правительства. Выдвижение категорий первого поколения прав человека на международный уровень связано с деятельностью Лиги Наций и Международной организации труда (МОТ), которые выдвинули идею и сфокусировали свое внимание на продвижении гражданских прав в категорию международных прав человека.

Второе поколение прав человека связано с «Всеобщей декларацией прав человека», одобренной ООН в 1948 г., и двумя пактами ООН по правам человека 1966 г. Основное отличие второго поколения прав человека связано с усилением политической окраски в концепции прав человека. При этом впервые значительное внимание уделялось социальным, экономическим и культурным правам личности. Эта концепция прав человека впервые была признана мировым сообществом и закреплена в различных резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН, решениях Комиссии ООН по правам человека, документах других международных организаций. В этих документах впервые подчеркивается, что данные два поколения прав человека являются неделимыми и взаимосвязанными.

Пакт ООН о гражданских и политических правах 1966 г. установил приоритет гражданских и политических прав и впервые содержал понятие категории соци-

ального выбора личности как международного права личности в политической позиции государства. Пакт ООН об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. содержал концепцию прав человека по экономическим, культурным и социальным правам. Оба пакта дополняли Всеобщую декларацию и расширяли сферы применения концепции прав человека.

Формирование основ второго поколения прав человека базировалось на идеях преемственности прав и впервые в международной практике показало перспективность трансформации и совершенствования концепции прав человека как универсальной категории мировой политики.

После подписания данных пактов международное толкование прав человека в категории социального выбора впервые широко утвердилось во втором поколении прав человека в качестве всеобщей межгосударственной концепции.

Второе поколение прав человека положило начало *системе международного мониторинга прав личности* в области социального и политического выбора. США и Западная Европа создали наиболее развитые региональные системы защиты прав личности.

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., которая является ярким документом второго поколения прав человека, в основном затрагивает важнейшие гражданские и политические права личности. Для развития концепции международных прав человека главным является тот факт, что Европейская конвенция впервые создала международный механизм оказания помощи личности посредством обращения в Международный суд и Примирительную комиссию. В Европейской конвенции, впервые в мире, в концепцию прав человека введены идеи о необходимости и правомочности «наднациональных» прав личности и необходимости принятия международных полномочий при защите личности.

Высокий уровень политической культуры и общность либеральной философии впервые позволили Западной Европе признать международные права человека обязательными для всех государств-членов ЕС.

Роль прав личности в политической жизни США находит свое обоснование в конституции страны, которая состоит из семи кратких статей и двадцати шести поправок. Наряду с разделением власти между президентом, Конгрессом и Верховным судом, конституция содержит прямые гарантии незыблемости прав личности. По мнению исследователей, именно абсолютные гарантии прав личности позволили конституции США существовать без изменений до сегодняшнего дня, во-первых, и, во-вторых, поправки к конституции не наделяют людей свободами, а, напротив, запрещают конгрессу издавать законы, ограничивающие права личности [84].

Политическая философия США традиционно основывается на постоянном декларировании глобальных прав личности как основы демократии и мировой политики. Современный международный подход к правам человека хорошо согласуется с данной традицией. Однако существует целый ряд специфических отличий теоретической концепции международных прав личности в политической и нравственной позиции США, особенно в области мировой политики.

Исторически во внешней политике США всегда применялись права человека для решения геополитических задач. Наиболее агрессивно концепция прав чело-

века и защиты личности в политической позиции США использовалась при администрациях Р. Никсона, Дж. Форда и, особенно, Дж. Картера, Р. Рейгана и Б. Клинтона. Эти администрации наиболее интенсивно эксплуатировали концепцию прав человека для решения американских проблем в области мировой политики.

Отличительной особенностью современной американской доктрины прав человека является многоплановое использование в ней идей Г. Киссинджера и З. Бжезинского, под влиянием которых концепция прав человека была возведена в ранг американской государственной доктрины в области внутренней и внешней политики. При администрации Дж. Картера впервые концепция прав личности в политической позиции США была принята конгрессом в качестве официального инструмента американской международной политики.

Концепция прав человека в США базировалась на идеях второго поколения международных прав личности. Второе поколение прав послужило основой и для целой серии международных актов и программ, в первую очередь в ООН, в области защиты прав человека, а также сыграло заметную роль в продвижении международных подходов к проблеме прав в АТР, и особенно в Китае.

Основные положения второго поколения прав человека получили значительное развитие в политической позиции администрации Дж. Форда, которая впервые выдвинула идею о необходимости связи гарантий прав человека с международной разрядкой в ядерной области, объединив тем самым проблемы международной политики с нравственными ценностями концепции прав человека. Кроме того, администрация Дж. Форда впервые предприняла попытку давления в ООН по целому спектру актуальных проблем международной политики, в которых весьма успешно были задействованы механизмы нарушения прав человека в Восточной Европе и странах, ставших на путь развития.

В теории «поколений» отчетливо отражается существующая динамика трансформации концепции прав от реализации простейших естественных прав личности до использования прав человека в самых острых и актуальных проблемах международной политики. Это, по нашему мнению, приводит к тому, что обострение международного внимания к данным проблемам, как в случае их увязки с ядерным разоружением, является поводом для переосмысления не только способов защиты личности, но и самой философии поколений прав.

Второе поколение прав человека касается социальных, экономических и культурных прав. Оно реально существует как общепринятая мировая ценность, которая воплощена во многих национальных конституциях.

Основные идеи *третьего поколения прав человека* впервые были провозглашены ЮНЕСКО под влиянием необходимости более широкого распространения концепции международных прав человека во всем мире.

В Комиссии ЮНЕСКО по правам человека и мира ее директор К. Васак сформулировал положение, что в международных институтах «третье поколение прав ассоциируется с понятием о правах как о «единой общемировой ценности», которая является критерием, объединяющим людей, принадлежащих к различным цивилизациям, религиям и культурным сообществам» [85].

В конце 1970-х гг. при обсуждении ООН проблем прав человека неоднократно декларировалось, что первое и второе поколения прав характеризуются различной степенью конфликта между социальными и политическими группами, а поэтому

необходима новая трактовка общности концепции прав человека. Их основной идеей должна являться доктрина «глобального единства прав», или их перекрестного консенсуса, основанного на категориях цивилизационного равенства выбора личности. Главным аргументом при этом является то, что третье поколение прав будет иметь большую эффективность по сравнению с ранними поколениями посредством увеличения значимости прав человека в областях, не затронутых первичной концепцией прав человека.

Третье поколение прав, по мнению Ю. И. Малевич, должно охватывать признание:

- права на равное развитие;
- право народов на мир и защиту от вооруженных и этнических конфликтов;
- право на здоровую окружающую среду и защиту природной среды от различных конфликтов;
- право на защиту от международного терроризма и организованной преступности и коррупции;
- право на пользование общим культурным наследием и техническими достижениями человечества;
- право на гуманитарные свободы и гуманитарную защиту;
- равное право доступа к информационным достижениям цивилизации [85].

В мировой политике данные идеи приобрели вес реальных аргументов при президенте Р. Рейгане. Он активно использовал концепцию единства прав в своей конфронтации с бывшим СССР, странами восточного блока и Китаем. Все вопросы мировой политики, развития внешней торговли, воздушного сообщения между странами, зон влияния в Мировом океане, урегулирования проблем ядерного и обычного разоружения были связаны воедино с правами человека. Под влиянием данной позиции США и их стратегических партнеров в Европе и Азии произошли фундаментальные изменения в мировой политике по отношению к разрешению глобальных проблем, экономическим концепциям рынка, религиозным, политическим и культурным правам.

Значительное место в развитии трансформационных подходов к проблемам прав человека принадлежит академику А. Д. Сахарову [119] и организованному под его влиянием открытому диалогу ученых СССР и США.

Впервые в августе 1989 г. в Москве состоялась конференция «Права человека и будущее» с широким спектром открыто обсуждаемых проблем. Она была организована Академией наук СССР и Американским советом научных обществ. Одним из главных результатов обсуждений явилась констатация принципа общности, т. е. консенсуса прав людей во всем мире независимо от социальной системы и политической ориентации их государств. В решениях конференции подчеркивалась необходимость глубокого анализа аспектов концепции прав человека с учетом общности и различия цивилизационных подходов.

Однако было признано, что фактически права человека, относящиеся к третьему поколению, не закреплены в международных юридических актах. Конференция констатировала, что для достижения перекрестного консенсуса прав необходимы теоретические исследования различий и общности подходов к правам человека и, как следствие, поиск зон их возможной корреляции.

22.2.2. Соотношение прав личности и социума

Несмотря на принятие ООН ряда основополагающих документов в области прав человека, понимание их и отношение к ним в разных культурах и странах неодинаково. Ключевое различие между современным, или «западным», и традиционным, или «незападным», подходами к проблеме человеческого достоинства заключается во все возрастающей роли индивидуализма в современном западном подходе к правам человека. Данное различие очень часто привлекает внимание незападных авторов. Например, А. Легессе пишет, что важное различие между африканской и западной традициями касается роли личности. В либеральной демократии западного мира единственным хранилищем прав является личность. Личность наделена уникальными возможностями и позициями. Существует бесконечное, а по нашему мнению всепоглощающее, беспокойство, касающееся достоинства личности, ее значимости, личной свободы и собственности. Если бы африканцы были идейными вдохновителями и авторами Всеобщей декларации прав человека, они могли бы поставить права общин гораздо выше прав личности, и они бы использовали культурные идиомы, качественно отличающиеся от языка, на котором эти идеи сформулированы в настоящее время.

Как и многие другие, А. Легессе доказывает, что «любая система идей, которая претендует на универсальность, должна содержать критические элементы в своей структуре, имеющие явно африканское, латиноамериканское и азиатское происхождение» [85]. Но подобные заявления требуют сущностной, даже более чем географической, аргументации. Нельзя принимать нечто как единственно верное только потому, что оно является западным, но точно так же нельзя допустить и параллельной ошибки в принятии чего-либо незападного, аргументируя это тем, что все иное – дефективное.

Права человека, присущие личности, осуществляются *относительно общества* и, как правило, основываются на принципе «личность в государстве». В сущности незападных подходов установлена закономерность, в соответствии с которой существующий набор социальных прав и обязанностей однозначно одерживал верх над правами личности. В таких обстоятельствах права человека будут, в лучшем случае, сильно заформализованы на практике. Даже если кто-то заявит, что он обладает «правами человека» в новом и очень расширенном смысле этого понятия и будет склоняться к принятию или требованию «прав», это будет практически бесполезно, так как права общества все равно возобладают или будут объединены с обязанностями личности. Можно было бы изыскать возможность обладать «правами», но только на усмотрение государства, и оно (государство) не будет нарушать эти права, так как отвергает их наличие.

Это больше похоже на предоставление привилегий, чем на наличие прав. Наличие подобных «прав человека» очень сильно отличалось бы от того, что западные политологи понимают под этим понятием. Фактически рекомендуемый синтетический подход легко ведет к разрушению понятия «прав человека» как таковых. Объединять подобное незападное понимание и практику «прав» с реальными правами человека было бы очень опасно из-за возможности разрушения и отрицания прав человека в их обычном понимании. Подобная цена может быть, а может и не быть оправдана. Общество, которое регулярно противопоставляет права лич-

ности правам общества, может обладать, а может и не обладать предпочтением перед обществом, где права личности являются неоспоримыми. Но решение данной проблемы не должно зависеть от существования антропологических и исторических различий.

Это особенно важно потому, что такие авторы, как А. Легессе, основывают свои предложения на социальном видении ограниченного применения прав при современных обстоятельствах и стремлениях. Социальная модель, которую они имеют в виду, это маленькое сообщество, основанное на группировках крупных семейств, т. е. тип сообщества, имеющий как западные, так и незападные традиционные характеристики.

В подобном обществе индивид испытывает недостаток многих, если не большинства, прав, которые имеют огромную ценность в либерально-демократическом государстве. Однако каждый имеет свое место в обществе, а также определенный уровень личных и социальных отношений, которые обеспечивают материальную и нематериальную поддержку. Кроме того, каждому доступна постоянная социальная защита большого количества ценностей и интересов, которую западное общество обеспечивает посредством хорошо развитого юридического законодательства и прав человека. Можно даже утверждать, что введение индивидуальных прав человека в подобные общества фактически сведет к нулю перспективы, ведущие к достойной жизни [85]. Безусловно, подобное общество может получить моральное оправдание, поскольку существует много весьма привлекательных способов, которые можно назвать попыткой защиты основ человеческого достоинства.

Кто-то может попытаться доказать, что не редко подобные общества могут быть оправданы. Если существуют чрезвычайно ограниченные ресурсы и опасная окружающая среда, что делает выживание индивидуума весьма сомнительным, то в подобном положении, т. е. в отсутствии сильно заинтересованного в этом общества, личность обречена. В такой ситуации уместно было бы предположить, что «общинное» решение было бы «естественным» для всех народов. Но если мы исключим давление или констатируем техногенное преодоление первичных потребностей и, что еще более важно, социальную поддержку и защиту личности, обеспеченную традиционными обществами, многие вещи будут представлены в ином свете. Тогда было бы почти невозможно оправдать продолжающееся отсутствие индивидуальных прав человека при наличии системы, которая уделяет большое внимание защите человеческого достоинства, в любом правдоподобном смысле данного понятия.

Влияние западной традиции, модернизация и дальнейшее развитие концепции прав, являющихся доминирующими современными социальными и экономическими силами, сказываются, в большинстве случаев, на каждой личности, которая является членом даже маленького традиционного сообщества. Экономические, социальные и культурные изменения, разрушающие традиционные общины, часто лишают человека поддержки и защиты, ранее компенсировавших ему отсутствие индивидуальных прав человека.

Сегодня в странах, ставших на путь развития, все чаще и чаще личность вынуждена «идти один на один» против социальных, экономических и политических сил, которые зачастую оказываются по отношению к ней агрессивными и репрес-

сивными. Община, которая раньше защищала достоинство человека и обеспечивала ему место в мире, теперь существует в форме современного государства, современной экономики и современного города как репрессивная, чуждая власть, которая угнетает традиционное достоинство многих семейств.

При таких обстоятельствах гарантия прав человека кажется «естественным» ответом на изменение условий, логическим и единственно возможным средством реализации принципа человеческого достоинства. Личность нуждается в индивидуальных правах. Их запрещение часто влечет за собой нежелательное возрождение насилия. Учитывая власть современных институтов и их демонстративный контроль над правами личности и групп, а не только над различными типами индивидуальных прав, можно сделать вывод о том, что личности необходимы международно признанные права, обладающие моральной и юридической силой.

В марксистской теории делался вывод о том, что буржуазная экономическая революция несла с собой буржуазную политическую революцию и буржуазные права. Капитализм и индустриализация принесли с собой права человека, которые сегодня в сложившихся обстоятельствах играют главнейшую роль в защите человеческого достоинства.

Либеральный индивидуализм прав человека является ответом на объективные обстоятельства сегодняшнего дня. Выступление против этого утверждения, при отсутствии альтернативного решения реальных проблем защиты индивидуального и человеческого достоинства, является, в лучшем случае, утопией. Потребность введения в повседневную практику традиционных идей и методов концепции прав человека, основанных на потребности людей соблюдать человеческое достоинство, в странах, ставших на путь развития, имеет те же объективные исторические причины, что и сто, двести или триста лет назад существовали в Бельгии, Англии, Франции или США.

22.2.3. Типология основных прав человека

Термин «права человека», как пишет В. П. Пугачев [115, с. 84], употребляется как в широком, так и в узком смыслах. В узком значении — это только те права, которые не предоставляются, а лишь охраняются и гарантируются государством, действуют независимо от их конституционного закрепления и государственных границ. К ним относятся равенство всех людей перед законом, право на жизнь и телесную неприкосновенность, уважение человеческого достоинства, свобода от произвольного, незаконного ареста или задержания, свобода веры и совести, право родителей на воспитание детей, право на сопротивление угнетателям и др. В широком значении права человека включают весь обширнейший комплекс прав и свобод личности, их различные виды.

Международные декларации, пакты и конвенции о правах человека классифицируют их по многим параметрам. Это:

- права человека и права гражданина;
- права абсолютные и неотъемлемые, и права относительные и прогрессивные;
- права естественные, универсальные, и права позитивные и приобретаемые.

Все они, в свою очередь, делятся на:

- права человека, имеющие целью защиту жизни, свободы, а также физической и моральной целостности личности (право на жизнь, свободу от рабства, крепостного и принудительного труда, свобода от пыток или жестокого нечеловеческого или деградирующего обращения или наказания, свобода от произвольного ареста или задержания, право на справедливый суд, право на частную жизнь, право на свободу мысли, совести и религии);
- гражданские и политические права (право на свободу мнения и выражения, право на мирные собрания и ассоциации, право выбора и быть избираемым и т. д.);
- экономические, социальные и культурные права во всем их многообразии.

Другой критерий классификации прав и свобод человека — это способ пользования ими. В этой связи права и свободы человека делят на индивидуальные, групповые и коллективные. Подобное деление является несколько относительным, ибо не всегда можно с точностью определять, какие права к какой группе относятся [35, с. 229].

Все права человека взаимосвязаны и дополняют друг друга. Все они «проистекают из достоинства и ценности, присущих человеческой личности, и ...человеческая личность является центральным субъектом прав человека и основных свобод и, соответственно, должна быть основным пользователем этих прав и свобод, и активно участвовать в их реализации» — говорится в преамбуле Декларации Всемирной конференции по правам человека в Вене (июнь 1993 г.).

22.2.3.1. Негативные и позитивные права

Современная типология прав человека весьма разнообразна. Наиболее общей их классификацией является деление всех прав на негативные (свободы) и позитивные. Такое разграничение прав основано на различии в них негативного и позитивного аспектов свободы. В негативном значении свобода понимается как отсутствие принуждения, ограничений по отношению к личности, возможность действовать по своему усмотрению, в позитивном — как свобода выбора, а главное, как способность человека к достижению поставленных целей, проявлению способностей и индивидуальному развитию в целом.

В соответствии с таким пониманием свободы негативные права определяют обязанности государства и других людей воздерживаться от тех или иных действий по отношению к индивиду. Они предохраняют личность от нежелательных, нарушающих ее свободу вмешательств и ограничений. Эти права считаются основополагающими, абсолютными. Их осуществление не зависит от ресурсов государства, уровня социально-экономического развития страны. Негативные права составляют фундамент индивидуальной свободы. Почти все либеральные права имеют характер негативного права.

Типичным примером юридической фиксации этой группы прав и в целом негативного (и либерального) подхода к правам человека является Билль о правах конституции США. Так, его первая статья гласит: «Конгресс не должен издавать законов, устанавливающих какую-либо религию или запрещающих ее свободное исповедание, ограничивающих свободу слова или печати или право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями о прекращении злоупотреблений». Термин «не должен» содержится почти во всех статьях (кроме одной)

этого документа. Практически все содержание Билля о правах направлено на ограждение личности от всякого рода несправедливых и нежелательных посягательств со стороны правительства [115, с. 85].

В отличие от негативных прав, позитивные права фиксируют обязанности государства, лиц и организаций предоставлять гражданину те или иные блага, осуществлять определенные действия. Характер позитивного права носят все социальные права. Это, например, право на социальное вспомоществование, образование, охрану здоровья, достойный уровень жизни и т. п. Реализовать эти права гораздо труднее, чем права негативные, так как ничего не делать гораздо легче, чем что-то делать или предоставлять каждому гражданину. Осуществление позитивных прав невозможно без наличия у государства достаточных ресурсов. Их конкретное наполнение прямо зависит от богатства страны и демократичности ее политической системы. В случае ограниченности ресурсов позитивные права могут гарантировать гражданам лишь «равенство в нищете», как это имело место во многих странах административного социализма.

22.2.3.2. Гражданские и политические права

Более конкретной и широко распространенной классификацией прав личности по сравнению с их делением на позитивные и негативные является их подразделение в соответствии со сферами реализации на *гражданские (личные), политические, экономические, социальные (в узком значении этого слова), культурные и экологические*.

Гражданские (личные) права — это естественные, основополагающие, неотъемлемые права человека, имеющие в основном характер негативного права. Их не следует путать с правами гражданина, которые охватывают весь комплекс прав, обеспечиваемых государством лицам, имеющим гражданство. Гражданские права производны от естественного права на жизнь и свободу, которым от рождения обладает каждый человек, и призваны гарантировать индивидуальную автономию и свободу, защищать личность от произвола со стороны власти и других людей. Эти права позволяют человеку сохранять индивидуальность, быть самим собой в отношениях с другими людьми и государством.

К гражданским правам обычно относят право:

- на жизнь;
- на свободу и личную неприкосновенность;
- на защиту чести и доброго имени;
- на справедливый, независимый и публичный суд, предполагающий защиту обвиняемого;
- на тайну переписки, телефонных, телеграфных и иных сообщений;
- на свободу передвижения и выбор места жительства, в том числе право покидать государство, включая собственное, и возвращаться в свою страну, и др.

В конституциях многих государств гражданские права обычно объединяют в одну группу с правами политическими. Основанием для этого служит преимущественно негативный характер тех и других, а также направленность обоих видов этих прав на обеспечение свободы личности в ее индивидуальном и общественном проявлениях.

Политические права определяют возможность активного участия граждан в управлении государством и в общественной жизни.

К ним относятся право человека:

- на гражданство;
- на избирательные права;
- на свободу организации союзов и ассоциаций;
- на проведение демонстраций и собраний;
- на информацию;
- на свободу слова, мнений в том числе свободу печати, радио и телевидения;
- на свободу совести и др.

В СССР и других коммунистических государствах длительное время господствовал разрешительный подход к политическим правам, который, по существу, сводил их на нет, требуя согласия властей на их реализацию [115, с. 87]. Для того же чтобы эти права можно было свободно реализовать, их предоставление должно носить преимущественно регистрационный характер, т. е. условием их реализации должно быть не предварительное разрешение властей, а лишь уведомление гражданами соответствующих органов и учет их предписаний по обеспечению законности и общественного порядка.

22.2.3.3. Экономические права

К гражданским и политическим правам непосредственно примыкают права экономические. Они связаны с обеспечением свободного распоряжения индивидами предметами потребления и основными факторами хозяйственной деятельности: условиями производства и рабочей силой. Вплоть до середины XX в. важнейшие из этих прав – права частной собственности, предпринимательства и свободного распоряжения рабочей силой – обычно рассматривались как основополагающие гражданские права. В современных юридических документах эти права чаще называют экономическими и выделяют в относительно самостоятельную группу, однопорядковую с правами гражданскими, политическими и т. п.

Особое место среди экономических прав занимает право частной собственности. В странах Запада и в России до октября 1917 г. это право рассматривалось как одно из первейших для существования гражданского общества и обеспечения индивидуальной свободы. В коммунистических же государствах оно вообще отрицалось, сводилось к праву личной собственности на предметы индивидуального потребления. Однако опыт всех без исключения стран показал, что запрет частной собственности противоестествен для человека. Он подрывает мотивацию добросовестного инициативного труда, порождает массовую хозяйственную безответственность и социальное иждивенчество, ведет к тоталитарной дегуманизации общества и к разрушению самой человеческой личности. Индивид, лишенный не контролируемой государством среды обитания, средств производства, возможностей проявить предприимчивость, попадает в тотальную зависимость от власти, лишается свободы и индивидуальности.

Кроме того, отсутствие права собственности обрекает большинство граждан на бедность и нищету, поскольку без законодательного признания и фактически-

го осуществления этого права невозможна эффективная рыночная экономика. Именно частная собственность является тем мельчайшим кирпичиком, из которых складывается все сложное здание современного хозяйственного механизма, в том числе и различные виды групповой собственности, кооперативной, акционерной и т. д.

В то же время опыт истории свидетельствует о необходимости ограничения права частной собственности, как почти любого другого права. Потребности экономического развития, рост демократического движения народных масс привели к существенным изменениям самой трактовки частной собственности, к ее социализации, постановке под контроль государства. Сегодня мало кто настаивает на абсолютном характере частной собственности. Отошел на задний план, хотя и сохранился, принцип неприкосновенности собственности. В законодательствах ФРГ, Франции, Италии и целого ряда других государств устанавливаются допустимые пределы частной собственности, говорится о ее использовании в интересах общества. Введение такого рода ограничений никак не означает отрицания фундаментального характера права частной собственности. Для посткоммунистических стран, в том числе для России, нахождение оптимальных форм его практического осуществления в интересах личности и общества имеет поистине ключевое значение для успеха политики реформирования.

22.2.3.4. Социальные, культурные и экологические права

Гражданские, политические и экономические права нередко называют правами либеральными или *правами первого поколения*. Они носят характер преимущественно негативного права, ограждающего свободу личности от посягательств власти и людей и нуждающихся лишь в охране со стороны государства.

К *правам второго поколения* относят социальные (в широком значении этого термина) права. Они призваны обеспечить материальные условия свободы и достойную жизнь каждому человеку. Их специфика состоит прежде всего в том, что реализация этой группы прав большинством населения еще не полностью обеспечивается конституционным закреплением и государственной охраной, а требует создания целого комплекса материальных благ.

К правам второго поколения относятся собственно *социальные, культурные и экологические*. Все вместе они определяют обязанности государства гарантировать каждому человеку достойные условия существования, минимум материальных благ и услуг, необходимый для поддержания человеческого достоинства, нормального удовлетворения первичных потребностей и духовного развития, здоровую окружающую среду. При этом *социальные* права связаны с обеспечением каждому человеку достойного уровня жизни и социальной защищенности. Это права на социальное обеспечение, жилище, труд, охрану здоровья, образование и т. п.

Культурные права призваны гарантировать духовное развитие человека. Они включают право на образование, доступ к культурным ценностям, свободу художественного и технического творчества, преподавания и некоторые другие. *Экологические* права — права на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного здоровью человека или его имуществу экологическими правонарушениями.

22.2.3.5. Коллективные права

Права человека носят характер индивидуального права. Однако существует и коллективное право. Субъекты его разнообразны. Это семьи, производственные коллективы, сексуальные или национальные меньшинства и т. д. В последнее десятилетие в связи с активизацией националистических движений особую остроту приобрел вопрос о соотношении прав народов (наций) на самоопределение с основополагающими правами человека. Во многих новых государствах, образовавшихся после распада СССР, Югославии и других многонациональных коммунистических стран, получение народами национально-государственной независимости используется правящими элитами для разжигания национальной ненависти, политической дискриминации и массового нарушения прав граждан некоренной национальности. Такие действия несовместимы с принципами демократии и гуманизма и осуждаются международным сообществом.

Права человека и права народов призваны взаимно дополнять друг друга. Причем права человека являются в этом взаимоотношении основополагающими, имеют более высокий ценностный статус. Без их соблюдения права народа остаются для самих составляющих его граждан иллюзией, используемой властью имущими в своих корыстных целях. Как отмечено в итоговом документе Московского заседания Конференции по человеческому измерению ОБСЕ в 1991 г., обеспечение соблюдения прав человека выше принципа невмешательства во внутренние дела отдельных государств.

22.2.4. Право народов на самоопределение

Принцип *права народа на самоопределение* является очень важным для развития современного общества. Признание права на самоопределение наций — ключ к участию их в создании международных правил и к влиянию на распределение международных выгод. Никакой государственный деятель не может равноправно участвовать в мировой политике без широкого признания его независимыми демократическими государствами. Будучи признанным как лидер государства, деятель может представить человека как личность своей страны, которая достигла истинного самоопределения. Фактически признание и самоопределение государства не имеют предельного юридического значения.

Право народов на самоопределение призвано создавать государственно-правовые гарантии для уважения прав человека и учета в политике специфических этнических, лингвистических, религиозных и других коллективных интересов. При соблюдении прав человека и создании прочных политических и иных гарантий учета особых интересов этнических общностей их право на суверенитет и государственную независимость в современных условиях растущей интеграции и взаимозависимости народов во многом утрачивает смысл. Об этом свидетельствуют, в частности, добровольная передача подавляющим большинством европейских стран своих основных прав в области национально-государственного суверенитета Европейскому союзу и их развитие в направлении создания единого федеративного государства.

Что касается права народа на самоопределение, реализация которого часто приводит к эскалации международных вооруженных конфликтов, то эта проблема

занимает неоспоримо важное место в мире. Примером эскалации внутренних вооруженных конфликтов является Югославия. Отношения между правами человека и международной войной являются наиболее неясными в случаях, включающих в себя отрицание права нации на самоопределение.

Самоопределение народа является международно установленным правом постоянного действия, но неясного значения. Это любимая тема обсуждения политиков и политологов в международной политике, ставшая предметом постоянного внимания ООН, чей Устав упоминает об этом в нескольких местах. Два Пакта 1966 г. [89; 90] содержат общую первую статью, чей первый параграф гласит: «Все народы имеют право на самоопределение. Обладая этим правом, они свободно определяют свой политический статус и свободно реализуют свое социальное, экономическое и культурное развитие».

Сегодня международное сообщество имеет ясное понятие «самоопределения», лишь рассматривая его как освобождение от колониализма. Отрицание этого типа самоопределения встречается особенно редко. Когда расизм откровенно игнорирует закон и обстоятельства, связанные с правами человека, это в большинстве своем приводит к эскалации «гуманитарной интервенции» и возникновению международного вооруженного конфликта. Например, Совет Безопасности ООН – в случае с Родезией – сформулировал авторитетное решение, основополагающие идеи которого гласят, что договор о мире в Родезии не может основываться и быть результатом отрицания прав человека. В 1965–1979 гг., когда черное большинство в Родезии заявило свое право на самоопределение, две правительственные программы, распространенные на территории, Родезийская и Британская, уже не представляли интересов всего народа, ибо были основаны на дискриминации личности на расовой основе.

Таким образом, идея самоопределения в связи с международными правами человека ясно проявляется в местах, подобных Зимбабве и Намибии. Однако существуют неясные аспекты в самой идее самоопределения, как в случае с Югославией. Эти аспекты связаны с национальной этикой государства и потребностями нового государства, т. е. с проблемой, способно ли новое правительство представлять интересы своего народа. Однозначного ответа здесь нет, как нет и ответа на вопрос, представляет ли правительство США американских индейцев. Представлял ли Советский Союз в полной мере интересы, например, Литвы, Грузии и Беларуси?

Какие бы ни были объективные ответы на подобные вопросы об отношении международной этики к статусу государства, два современных политических вопроса должны иметь ответ в международном праве. Каковы предельные нормы, открывающие путь к гуманитарному насилию и будет ли Совет Безопасности ООН или другой авторитетный орган определять законность «гуманитарной интервенции» во имя самоопределения или прав человека?

Объективные и политические ответы на эти вопросы останутся не полностью ясными даже в местах, подобных Намибии – последнего следа колониализма. Другие значимые проблемы, связанные с концепцией самоопределения, такие как значение свободного экономического развития, требуют отдельного тщательного изучения.

22.2.5. Право на индивидуальную и коллективную защиту

22.2.5.1. Право на вооруженное сопротивление

Западная политическая и юридическая наука занимает в целом позитивную позицию в вопросах прав угнетенных на восстание и сопротивление угнетению. Этот вопрос достаточно деликатен: нередко такое право ставит под вопрос существующее позитивное право. Как считают некоторые политологи, возникающие в итоге осуществления этого естественного права противоречия во многом порождаются самим законодателем.

В широком смысле слова законодатель представляет собой совокупность управляющих. И он охотно признает за управляемыми право избирать. Однако это право освобождает управляемых от их зависимости от управляющих лишь в момент голосования. Как отмечал А. де Токвиль, «граждане выходят из зависимости лишь на момент избрания своего хозяина, а затем вновь попадают в нее» [129, с. 496].

Американские и французские революционеры в конце XVIII в. вполне определенно указали на права управляемых на сопротивление угнетению. Декларация 1789 г. определила сопротивление угнетению как естественное и неотъемлемое право человека. Показательно, что Конституция 1793 г. во Франции в разработке данного вопроса пошла еще дальше, чем Декларация прав человека и гражданина, высказавшись в поддержку права на восстание управляемых. В документе 1793 г. помещены следующие статьи:

- Ст. 33: Сопротивление угнетению является следствием других прав человека;
- Ст. 34: Угнетение против общества имеет место даже когда один единственный человек угнетается. Угнетение против всего общества есть там, где все его члены угнетаются;
- Ст. 35: Когда правительство нарушает права народа, восстание всего народа или части его является самым священным из прав и самым необходимым долгом.

В такой постановке вопроса сопротивление угнетению, включая и восстание, способно привести к существенному изменению распределения власти между управляющими и управляемыми. Последние могут выйти из-под полной и прямой зависимости от первых с помощью силы. И наоборот, победа управляющих в таком противоборстве может обернуться утверждением деспотической и даже тиранической по сути формы власти.

Использование права на восстание ставит под вопрос право на существование обладателей власти, а вместе с ним и весь юридический порядок, который как раз и нарушается самими управляющими. Сопротивление угнетению и право на восстание, как естественные права, как бы зарезервированы для ситуаций высшей несправедливости и угнетения, что исходит от власть придержащих, хотя подобного рода настроения могут наводиться определенными политическими силами.

Выступления против власти, по мнению В. В. Желтова, всегда связаны с опасностью еще более тяжких последствий для населения. Они способны вызвать хаос и беспорядки, что нередко ведет к обратному для общества результату, нарушая привычный порядок вещей, порождая практику произвола. В случаях массовых

выступлений населения против власти, последняя всегда стремится представить эти выступления не как политические, а как уголовные. И на этом основании стремится оправдать применение физического насилия. Для оправдания своих действий власть широко использует возможности средств массовой информации, стремясь с их помощью склонить на свою сторону общественное мнение [53, с. 391].

Однако средства массовой информации могут использоваться народом в деле борьбы с угнетением. Весьма эффективным, например, является обращение угнетенных к мировому сообществу. Очень современно звучат и в наши дни слова А. де Токвиля: «В наше время у угнетенного гражданина есть лишь один способ защиты — это апелляция ко всему народу, либо, если народ остается глух, обращение ко всему человечеству» [129, с. 496].

22.2.5.2. Противоречивость применения насилия для защиты прав человека

Соответствие между тем, как государство гарантирует права человека дома, и природой его международной политики не всегда возможно установить объективно. Эти отношения являются сложными. Известно, что государство, которое нарушает права человека дома, не обязательно будет агрессивно в своей внешней политике. Практически все государства убеждены, что отрицание прав человека не может привести к интервенции международной силы для исправления несправедливости и защиты отдельных личностей. В международной политике процесс, получивший в середине 1990-х гг. название «гуманитарная интервенция», ранее происходил достаточно редко.

С другой стороны, известно, что полное отрицание прав человека может привести к вооруженным конфликтам. Но подобная ситуация, как правило, является реакцией ООН и мирового сообщества, которая широко официально обсуждается и в последнее время используется, когда отрицаются право наций на самоопределение, права меньшинств или происходит борьба против расистского колониализма.

Связь между отрицанием прав человека и «гуманитарной международной интервенцией» является очень сложной. Весьма характерным примером здесь являются события, происходившие в бывшей Югославии в 1990-е гг.

Форма связи между правами человека и миролюбивым миром заслуживает тщательного исследования. Эта проблема изучается научной школой, созданной учеными Скандинавии. Они уравнивают игнорирование прав человека с отвержением демократических ценностей мира. Особенность этого подхода заключается в том, что современный мир отождествляется с понятием глобальной справедливости. Другая проблема состоит в том, что осознание личностью своих прав может не принести ей психологического мира, а дать ощущение напряжения и крушения надежд в борьбе за реальные права человека.

Возможно, более убедительным является тот аргумент, что ранее Советский Союз, который реально не гарантировал международные права человека дома, интересовался и предпринимал попытки искоренить нарушение прав личности за границей. Он всегда поддерживал чужие усилия, когда они были направлены против американских союзников типа Южной Кореи и ЮАР [85]. Сегодня на аналогичных позициях стоят США.

Соединенные Штаты также не будут заинтересованы в экономической сприведливости дома, и не похоже, что они будут искренне интересоваться попытками выполнения этих прав за границей. США использовали декларации об экономических правах для защиты союзников типа шаха в Иране или режима Пакистана, который занимался некими «демократическими» земельными реформами.

Следовательно, правительства великих стран не связывают при необходимости свое поведение дома с поведением за его пределами. Однако ясно, что природа режима — имеется в виду его основная политика — имеет прямое отношение к государственной внешней политике.

Сегодня на примерах Европы и Ближнего Востока отчетливо видно, что если государства не принимают общих стандартов международных прав, то это стимулирует возможность длительных возрастающих международных конфликтов. Этого, однако, недостаточно для утверждения, что авторитарные государства прирожденно агрессивны в своей внешней политике. Некоторые авторитарные государства могут иметь хорошо выполняемые экономические права (как показал опыт реформ А. Пиночета в Чили). Не верно также и утверждение, что демократические права государства являются прирожденно миролюбивыми. США продемонстрировали в своей истории насильственные действия в своих интересах весьма широко, особенно в Центральной Америке.

Отрицание общепризнанных прав человека может провоцировать также и гуманитарные акции со стороны демократических стран в форме иностранной вооруженной интервенции. Это один из сложнейших вопросов защиты и реализации реальных прав личности. Иностранная интервенция в данном случае является «гуманитарной интервенцией», когда международные обязательства исправить нарушения прав человека связаны с намерением изменить политическую структуру общества с нарушением режима [85].

Но случаи чисто «гуманитарной интервенции» редки. США использовали «операцию Стэнливилл» для спасения нескольких белых от внутреннего насилия (нарушения прав) в старом Бельгийском Конго в 1950 г. Израиль высадил десант в аэропорту в Уганде в 1970 г. для освобождения заложников. До сих пор в политологии идут дебаты о том, подходила ли концепция «гуманитарной интервенции» под действия государств по спасению их собственных граждан и национальных интересов. Очень характерна в этом смысле позиция США по отношению к современной Югославии.

Используя силу в Гренаде в 1983 г., США не только демократизировали ее общество и раскрепостили нацию крошечного Карибского острова, но также свергли промарксистских лидеров и провели насильственные выборы, которые возглавляло назначенное правительство. Со стороны может показаться, что подобные действия не имеют ничего общего с общепринятыми принципами демократии. Однако цель — демократизация общества и приведение его законодательства к мировым стандартам — была достигнута. Известно большое количество публикаций о том, необходима ли была вооруженная интервенция в Гренаду, где имелись значительные злоупотребления правами человека. Хотя современная американская политическая, а тем более международная наука отрицает существование самого термина «гуманитарная интервенция», для иллюстрации подобного процесса всегда приводится пример Гренады.

Некоторые исследователи аргументируют, что подобная принудительная интервенция была позволительна для США в силу «американской традиции» прав человека и порядка принятия решений, установленного в парламенте США Дж. Картером. Существует аргументация, согласно которой часть Устава ООН гарантирует неприкосновенность местной юрисдикции государств лишь вместе с международными обязательствами, получившими признание. Решение проблемы предотвращения или легализации подобных вооруженных конфликтов возможно лишь в рамках ООН. Аргумент о том, что США только используют силу как инструмент международного воздействия вместе с поддержкой легальных требований ООН, является дополнительным обоснованием давления на правительство, которые нарушают права человека, например, в Гренаде, Никарагуа, Косово, Македонии и на Кубе. Следует заметить, однако, что США никогда не используют силу для исправления нарушений прав человека в лояльных им правых режимах.

В случае с Югославией есть еще один фактор, подчеркивающий важность проблемы «гуманитарной интервенции». Государства, проводящие «гуманитарную интервенцию», склонны к использованию гуманитарных претензий как маски для стратегических и идеологических целей. По сути дела, в случае Югославии США использовали различные претензии для усиления и рационализации своего глобального влияния в Европе и мире.

Также характерен пример вьетнамской оккупации Кампучии. Очевидно, что Вьетнам сместил подлинно геноцидный режим Пол Пота, но в результате своих действий он установил марионеточный режим по своему идеологическому выбору и посредством этого отрицал возможность самоопределения Кампучии вместе с отрицанием основных индивидуальных прав человека.

Известно, что Индия произвела интервенцию в Восточный Пакистан в начале 1970 г. для того, чтобы остановить резню молодых бенгальских мужчин пенджабами из западного Пакистана, но Индия при этом также не исключила возможность разбить этой агрессией политических соперников в Пакистане.

Вместе с тем в современной истории человечества существует много примеров очевидного, грубого нарушения международно установленных прав человека, за которыми не последовали вооруженные «гуманитарные интервенции», предназначенные, как принято сегодня считать, для прекращения злоупотреблений правами человека. Речь идет в первую очередь о режимах, которые Вашингтон считал дружественными к себе.

22.2.6. Избирательные права граждан

В условиях, когда прямая демократия невозможна, основное значение приобретает выбор населением людей, которые будут от их имени принимать политические решения. По концепции демократии Шумпетера главную роль в демократической системе играет именно процедура выборов, а не то, что осуществляется воля народа, наличие и выполнение которой поставлено под сомнение критиками классической концепции демократии. «Система выборов, — пишет Шумпетер, — практически единственный возможный способ борьбы за лидерство» [5, с. 224].

Одно из важнейших политических прав человека — право голоса, хотя, как писал русский философ И. А. Ильин, не каждый народ способен выделить лучших

представителей при помощи всенародного голосования [56]. Условием правильного выбора в числе прочих, по К. Ясперсу [145], является умение критически мыслить.

Современной избирательной системе присущи следующие свойства:

- всеобщность – все достигшие 18 лет (в большинстве стран) участвуют в голосовании;
- непосредственность – выбираются именно те, кто потом будет принимать политические решения;
- тайность – избиратель имеет право сохранить свое решение в тайне;
- равенство – каждый депутат представляет одинаковое число избирателей. Данное условие признается в принципе, хотя осуществить его точно невозможно, так как избирательные округа никогда не равны по численности электората (в России округа содержат от 172 до 400 тыс. избирателей). Этим, кстати сказать, пользуются для манипуляции волеизъявлением масс.

Специфическая «нарезка» избирательных округов, преследующая политические цели, издавна практикуется в США и получила особое название «джерримандеризм» – по фамилии губернатора Массачусетса Э. Джерри, который прославился такой «нарезкой», которая помогла демократической партии одержать победу в законодательное собрание штата. В ответ на замечание, что один из округов напоминает своими очертаниями саламандру, кто-то пошутил: «Скорей уж Джерримандру», что и привело к появлению вошедшего в американский политический лексикон слова. Прославилась в этом отношении и Франция, правящие круги которой несколько раз меняли нарезку округов после Второй мировой войны, чтобы уменьшить представительство левых партий в парламенте [33, с. 316].

22.2.7. Соотношение прав и обязанностей

Корреляция прав и обязанностей – стандартная тема в теории прав. Права и обязанности являются двумя равнозначными аспектами одного и того же понятия. Любой может требовать соблюдения его права на свободу у тех, кто очень значительно ограничивает его право на личную свободу. Если индивид думает, что имеет право удовлетворительно питаться, одеваться и поддерживать свое здоровье, и при этом обладает правом на труд; то это также означает, что он обязан работать, вкладывая в этот труд свою энергию и навыки, выполняя работу, которую требует от него общество во имя своего блага.

Но подобные обязанности, которые, безусловно, признаются, не являются результатом обладания правами. Обязанность уважать чью-то личную свободу наложена на человека его правом на свободу, а не чужим. Один индивид может иметь право полностью не зависеть от другого; он имеет право на свободу, даже если другой им не обладает. Аналогичным образом, человек может иметь право работать или право заботиться о своем здоровье без оглядки на обязанности вносить вклад в благосостояние общества. Хотя нельзя не отрицать тот факт, что даже несправедливое или безнравственное общество может предоставить индивиду такие права без обязанностей.

Если логика прав не обеспечивает правам и обязанностям однозначный путь развития, единственное, что должно сопутствовать им в таком случае, это восприятие прав как социальных гарантий. Отсюда можно сделать вывод, что индивид, получая право на труд, вместе с ним получает бесправную обязанность работать, а государство получает юридически обоснованную обязанность предоставлять работу индивидам в социально полезных сферах.

Как правило, предполагается, что право А на что-либо в отношении В подразумевает обязанности В в отношении А, обладающего каким-либо правом, т. е. право А влечет за собой обязанности В [85]. На практике достаточно часто встречается теория, распространенная не только в бывшем СССР, что единственный способ существования прав человека — быть частью концептуальной логической системы.

Однако в советской доктрине право А находилось в соответствии с параллельными обязанностями В. Например, ст. 40 советской конституции гласила, что «граждане СССР имеют право на труд... право на выбор занятия и типа работы», но в ст. 60 труд является уже обязанностью граждан: «Добросовестный труд в избранной области социально полезной деятельности и соблюдение трудовой дисциплины — обязанность и вопрос чести для каждого дееспособного гражданина СССР» [74]. Советские дипломаты открыто и ясно заявляли, что обязанности индивидумов необходимо рассматривать как право работать на пользу общества. И, тем не менее, возникает вопрос, как права и обязанности могут рассматриваться как совпадающие по своей концепции?

Подобные выводы и анализы достаточно интересны потому, что отражают базисные философские и идеологические концепции советской системы. Ядро проблемы имеет точно выраженный социальный аспект, где государству выделено видное место, а роль индивида определяется с позиции его социальной значимости. Кроме того, акцент делается на действительные и реальные права, которыми индивидум обладает только благодаря содействию государства, а субъективные, абстрактные или формальные права присущи индивиду сами по себе. Полная система таких прав действительно включала в себя органическое единство прав и обязанностей. Однако права человека в ней полностью отсутствовали, на них не существовало разрешения, так или иначе они не признавались ни государством, ни обществом, хотя присущи всем разумным существам.

Концепция прав человека по Советской Конституции 1977 г. становится понятной, если ее рассматривать как дополнение к традиционной теории политической философии марксизма. Она декларировала гарантии прав человека, но все эти права размывались в переплетении групповой солидарности и благополучия [74]. Свобода высказываний и мнений, например, гарантировалась до тех пор, пока эти высказывания и мнения совпадали с нуждами пролетариата и безопасностью советского государства. Права личности не имели никакого отношения и влияния на классы и национальные приоритеты. Конституция исключала возможность того, что действия личности могли противопоставляться прогрессу общества, а реализация полной свободы, равенства и счастья в полностью построенном коммунистическом обществе обещалась в будущем.

Таким образом, в соответствии с Конституцией 1977 г. в Советском Союзе права личности были защищены ровно настолько, насколько они соответствовали

действиям, которые этими же правами гарантировались. В этом и заключается специфика традиционной марксистской теории в области прав человека.

Концепция «прав человека», декларированная в Конституции бывшего Советского Союза и не реализованная на практике, поразительно похожа на традиционную западную концепцию. Центральным в советском подходе являлось слияние прав и обязанностей. Преамбула советской Конституции 1977 г. констатирует, что Советский Союз «является обществом подлинной демократии, чья политическая система гарантирует... сочетание реальных гражданских прав и свобод с обязанностями и ответственностью перед обществом». Статья 59 провозглашала: «...осуществление прав и свобод неотъемлемо от выполнения гражданами их обязанностей» [74]. Ту же самую характеристику мы встречаем и в полуофициальных источниках: «Соединение прав и обязанностей является особой характеристикой социалистического законодательства»; «Наиболее важная особенность юридического статуса советских граждан – органическое единство их прав и обязанностей».

Все «права человека» в бывшем Советском Союзе предоставлялись в виде обязанностей. Как уже отмечалось ранее, ст. 59 советской Конституции 1977 г. гласит: «Осуществление прав и свобод является неотделимым от выполнения гражданами своих обязанностей». Статья 50 провозглашает гражданские права «в соответствии с интересами народа и с целью укрепления и развития социалистической системы». Даже экономические и социальные права рассматриваются как часть чего-то и вступают в силу, когда сопутствующие им обязанности законопослушно выполняются [74].

Например, несмотря на очевидно не соответствующий международным понятиям и нормам характер права на труд, упомянутого в ст. 40, трудиться подобным образом в указанных областях постоянно отказывались так называемые диссиденты и активисты еврейского движения, в результате, в соответствии с советским законодательством и административной практикой, вышеуказанные индивиды все равно были вынуждены выполнять свои социальные обязанности. Советские ученые утверждали, что «социальная значимость и ценность каждого человека определяется тем, как он осуществляет свои права и исполняет обязанности».

Любое право имеет пределы, которые могут быть определены в соответствии с законом. Например, право на свободу слова, как правило, ограничивается законом о клевете и общими требованиями к подобного рода законам с целью обезопасить окружающих людей (от криков типа «Пожар!» в переполненном театре). Но обладание и осуществление прав человека не зависят от существования подобных ограничений или параллельных обязанностей.

Права человека являются неотъемлемой сущностью индивида и не зависят от выполнения гражданских обязанностей. Напротив, советские граждане обладали только теми правами, которые им предоставляло (даровало) государство. Мужчины и женщины в бывшем Советском Союзе обладали правами, но это не были «права человека» в общепринятом смысле. На самом деле существовали реальные аналогии между правами советских граждан и международно принятыми правами человека. Тем не менее, советские граждане не обладали правами в ракурсе «прав человека», и именно это обстоятельство являлось важнейшим условием осуществления данных прав [85].

В современном мире интеллектуальные элиты Запада и Азии, в связи с отказом России от марксистской доктрины, стараются сохранить, модернизировать и интенсивно пропагандировать идеи коммунальной философии прав человека как некий идеал корпоративной морали групповых прав.

22.2.8. Проблемы и перспективы международной концепции прав человека

Современная концепция прав человека подтверждает факт того, что права человека, установленные международными соглашениями, являются результатом международного политического процесса.

Поэтому государства, уделяя много внимания деталям международных соглашений по правам человека, не переносят их автоматически в собственные конституции. Нормы международных актов не вносят ограничений в государственную политику, в отношении государств и международных организаций и личности. Словом, международные нормы прав человека лишь предполагают влияние на деятельность власти и государства.

Государства, которые выполняют международные нормы прав человека, неоспоримо выделяются с международной точки зрения как государства реальной демократии, а законность способствует стабильной и успешной деятельности власти. Права человека, таким образом, являются очень весомой частью мировой политики. Создание международных прав человека параллельно их принятию национальными законодательствами по правам человека очень важно в том смысле, что и международный, и национальный законы неуклонно повышают значимость свобод в социальной и экономической сферах. На национальном уровне почти все государства официально стремятся к поддержанию благосостояния своего общества.

Современные западные конституции, особенно в Скандинавии, содержат раздел о международных социальных и экономических правах личности. Таким образом, сегодня реализуется идея построения государства на основе международно признанных законов. И большинство западных государств поддерживают это в принципе.

Потребность в третьем поколении прав человека при этом рассматривается как часть эволюционного движения от индивидуальных гражданских и политических прав к международным субъектам прав. Однако эта идея в среде исследователей трансформационных процессов остается спорной. Существует точка зрения, что права человека могут быть только индивидуальными и должны быть ограничены гражданскими и политическими правами. Некоторые авторы отстаивают социальные и политические права личности, но сопротивляются коллективным правам. Существует аргументация, что международные права являются настолько аморфными, что влекут за собой «не право, а обязанность» для государственных деятелей, которые обязательно должны подчиняться «правам» на мир и развитие, на социальный выбор и отказ от государственного регулирования [85].

С другой стороны, сторонники международной консолидации прав аргументируют, что первые два поколения прав человека являются декларативными и не гарантируют человеческого достоинства, если не принимать во внимание такие ситуации, как войны, крайняя бедность, загрязненная окружающая среда.

Таким образом, пути вхождения в реальную политику международных прав человека очень сложны. Но трудности развития прав человека и вообще неравномерность интереса к правам человека являются нормальным процессом. Ни в каком обществе развитие и принятие прав человека не происходит мгновенно и в одно время. Больше половины государств-членов ООН приняли обязательство привести свою политику в соответствие с международно принятыми стандартами прав человека.

Сегодня очевидно, что права человека являются одним из наиболее мощных факторов давления в мировой политике. То, что было ранее предметом рассмотрения местной юрисдикции, стало международно значимым процессом. Не очень известный постоянный Международный суд Справедливости заявил, что он является интернациональным и что все национальные проблемы зависят от международных и межгосударственных отношений. Внутренние дебаты о правах человека в странах бывшего СССР, в США, Китае или других государствах, которые ведутся в мире и международных организациях, не являются с точки зрения Международного суда Справедливости, недозволенным вмешательством во внутренние дела и международные действия могут быть использованы для защиты вытекающих из международных актов прав человека.

Однако в правилах Международного суда Справедливости не существует ответа на два серьезных вопроса о государственных обязательствах, придерживающихся мировых стандартов в области прав человека. Первый из них – что является точным выполнением прав? И второй – в какой степени государство защищено от судьбы, ведущего подобные процессы? Практика международной политики в области прав человека показывает, что обязательства на самом деле серьезны, только если они полностью применимы в каждой конкретной ситуации и если не допустима различная их интерпретация. Эта проблема серьезно исследуется в международной юрисдикции, где стандарты международно принятых прав человека очень обширны.

§ 3. СИСТЕМА ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

Защита прав человека сложный, многофакторный и внутренне противоречивый процесс. Эта задача не может быть решена однажды и окончательно. Каждый день на планете возникают события, представляющие угрозу жизни и здоровью тысяч людей. Мировое сообщество находится в состоянии повышенной готовности для преодоления кризисов и помощи пострадавшим. В процессе взаимодействия национальных правительств, межправительственных и неправительственных международных организаций, общественных организаций и частных лиц в течение последних десятилетий создана система оперативной и глобальной защиты прав человека. Можно много говорить о степени ее эффективности и оперативности, но недостатки не отменяют главного – система есть и она работает. Автор выделяет в ней три основных уровня: *общественный, государственный и международный*.

22.3.1. Общественный и частный уровень защиты прав человека

Человеческие общества, вырабатывая определенные нормы и правила жизни, формируя соответствующие институты власти и управления, наделяя их теми или иными правами и полномочиями, строго следят за тем, чтобы соблюдался баланс интересов общего и отдельного, целого и его частей, государства и его граждан, гражданского и политического обществ. Гражданское общество стремится к тому, чтобы власть государства сводилась к необходимому минимуму («ночной сторож», «комитет по управлению делами граждан», «блюститель порядка и законности в обществе», «выразитель воли и защитник интересов граждан»). Не делегированные государству права сохраняются за индивидами, и защита их становится задачей всего общества.

Права и свободы человека — это тот аспект человеческой жизни, главным источником угрозы для которой часто является само государство. Всем институтам власти, и прежде всего государству, олицетворяющему собой политическую власть, свойственно стремление к абсолютизации собственной власти, что возможно только путем ограничения прав и свобод живущих в нем людей. Обуздать «Левиафана» может только гражданское общество. И самыми эффективными в деле защиты человека от него оказываются средства, механизмы и институты гражданского общества. Это образовательные институты, ассоциации, объединения и организации групп и слоев населения (женщин, инвалидов, ветеранов, наемных работников, военнослужащих, ученых, врачей и т. д.), общественные комиссии и центры по защите прав человека [35].

22.3.1.1. Конституционные формы защиты прав человека

Права и обязанности неразрывно связаны с *ответственностью за их нарушение*. Без этого концепция прав человека не имела бы реального воплощения и превратилась в пустую фикцию.

Ответственность за нарушение прав человека предполагает юридическую защиту управляемых. Эта защита подразделяется на два вида. Один из них получил наименование контроля за конституционностью решений и действий властей. Другой же предполагает наказание за конкретные действия или бездействие властей, вплоть до привлечения к уголовной ответственности.

Основополагающий принцип юридической защиты прав населения перед лицом властей изложен в ст. Декларации прав человека и гражданина 1789 г. Он гласит: «Все, что не запрещено законом, то дозволено, и никто не может быть принужден делать то, что не предписано законом». А в ст. 8 Декларации записано знаменитое правило, дающее юридическую основу защиты граждан перед лицом власти: «... Никто не может быть наказан иначе, как в силу закона, принятого и обнародованного до совершения правонарушения и надлежаще примененного».

Существенным элементом отстаивания прав и свобод человека является сформулированное в упомянутой Декларации право на «сопротивление угнетению», которое сегодня признается большинством юристов и политологов. С ним не могут не считаться и правители [53, с. 390].

Главным национальным средством защиты прав и свобод человека является Основной закон (Конституция) государства, который определяет форму политического управления и соотношение прав и обязанностей граждан и учреждаемого ими государства. Она распределяет власть и властные полномочия между субъектами и институтами политического общества, устанавливает процедуры их формирования и способы их взаимодействия с тем, чтобы ни один из них не выходил за рамки своих, определенных законом, полномочий. Четко фиксируется цель деятельности каждого института и обязательства каждого субъекта сложной системы политических отношений. Если Конституция является действительным выражением всенародной воли, в которой закреплена наилучшая для общества форма политической организации и максимально полно учтен баланс интересов всех образующих политическое общество элементов, она соблюдается всеми элементами политической системы, а нарушение ее воспринимается как тяжкое преступление. Иначе складывается ситуация, когда так называемая Конституция составлена неизвестно кем и навязывается обществу. В таком случае она не будет соблюдаться никем [35].

Основной формой контроля за содержанием законов, подзаконных актов, решений и действий властей является конституционный контроль. Он осуществляется специальными органами, именуемыми различным образом (Конституционный суд, Комитет конституционного надзора, Конституционный совет и т. п.). Решения органов конституционного надзора не подлежат обсуждению и вводятся в действие немедленно. Расходящиеся с буквой и духом конституции (с точки зрения органа конституционного надзора) положения того или иного закона отменяются сразу же.

Законодательство многих демократических стран предусматривает возможность прямого обращения граждан в орган конституционного надзора. Такое право существует и в России. Обращает на себя внимание и тот факт, что наличие конституционного усмотрения расширяет возможности контроля граждан за действиями и решениями властей. Специалисты права заговорили даже о рождении некой *новой модели демократии*, когда вердикт властям выносится не только в период избирательной кампании. Граждане, опираясь на возможности конституционного усмотрения, имеют возможность постоянно контролировать власть.

Существует и ответственность власти за нарушение прав человека. Законодательством многих стран предусматривается даже уголовное наказание высших должностных лиц за нарушение законов и Конституции, включая и действия, направленные против интересов государства. В ряде стран (США, Великобритания, Япония, Россия) особый порядок привлечения к ответственности и судебному рассмотрению дел о преступлениях высших должностных лиц получил наименование импичмента.

Случаи реальной реализации импичмента крайне редки. Наиболее известный пример – признание в 1974 г. виновным в нарушении законодательства президента США Р. Никсона. Стремясь избежать судебного преследования, Р. Никсон ушел в отставку. Широкую известность процедура импичмента приобрела в последние годы в отношении другого президента США – Б. Клинтона, а также бывшего президента России – Б. Н. Ельцина, правда, оба они избежали отставки и привлечения к суду. Однако в сентябре 2001 г. решением суда Б. Клинтон был лишен права

заниматься юридической деятельностью, что ограничило его в гражданских правах [53, с. 391].

Конечно же, одного лишь провозглашения прав и свобод человека в Конституции и в других правовых актах недостаточно. Формально многие абсолютистские страны в плане «словесного обеспечения» защиты прав и свобод человека намного опережают буржуазно-демократические страны мира. Так, английский билль о правах состоит из 13 пунктов, американский билль о правах – из 10 поправок, а российский билль, содержащийся в Конституции РФ 1993 г. – из 48 пунктов. В Конституции Турции 1982 г. их насчитывается более 70. К тому же США ратифицировали менее 10 из более 100 универсальных и континентальных соглашений о правах человека, а Россия – более 30. Но в Англии, США и в других странах есть эффективные средства защиты провозглашенных, пусть даже меньше количеством прав, а в России и в Турции их пока что нет или почти нет. А как говорили еще древнеримские правоведы, только там, где есть средство защиты, есть право [35].

22.3.1.2. Правозащитное движение: его роль и функции

22.3.1.2.1. Понятие правозащитного движения

Следует отделять «гражданские» и правозащитные действия» от «политической борьбы». Эта позиция, по мнению А. Юрова [144], основана на трех утверждениях:

- оба жанра – и «политическая борьба», и «гражданские действия» (в том числе защита прав человека) – нужны и важны для современного (модернизированного) демократического государства, но именно как совершенно самостоятельные формы участия граждан в «овладении» государством («нация – это народ, овладевший государством»);
- между ними есть принципиальное различие, прежде всего – в целях, и, соответственно, в стратегиях и тактиках работы, – более того, эти жанры не только не близки, но во многом совершенно противоположны;
- смешение этих двух жанров ведет к весьма печальным последствиям – мы получаем и плохую защиту прав людей, и не очень внятную политическую деятельность.

В понимании смысла необходимо понимать термины, означающие эти явления. Язык определяет очень многие вещи. Последние пять-семь лет во многих странах (в том числе – в России) «правоохранительные органы» все чаще называют «силовыми структурами». Между этими словами есть фундаментальная разница. Силовая структура – структура, которая с помощью силы должна защищать власть. Правоохранительные органы – органы, которые должны защищать право. Разница не просто есть, а она просто-таки принципиальная! Чем чаще называть милицию силовой структурой, а не правоохранительным органом, тем больше она будет становиться именно такой структурой.

Подобная подмена смыслов имеется в определении «политической деятельности» как явления. В русском языке одним словом «политика» называют разные вещи. В английском языке существует два термина: *policy* и *politics*.

Policy (полиси) – это «общественная политика», в смысле стратегии целенаправленных действий. В этом ряду говорится о молодежной политике, социальной политике, правовой политике и т. п. В этом смысле права человека являются такой же общественной политикой. Как стратегическая последовательность действий и «политическая воля» в направлении качественного и своевременного исполнения обязательств государства по защите прав человека в отношении своих граждан. Естественно, правозащитники постоянно вовлечены в эту «общественную политику». *Politics* (политикс) – называют сферой борьбы за политическую власть на любом уровне. А в этой политике правозащитники не участвуют.

Например, защита права на свободные выборы и контроль за честностью выборов – это абсолютно правозащитная деятельность. Потому что это попытка заставить власть исполнять статьи национальной Конституции и Европейской конвенции по правам человека о честных и прозрачных выборах. Но это и общественная политика, направленная на восстановление доверия народа к институту выборов и реализацию права народа на участие в принятии жизненно важных решений. Здесь правозащитники не отстаивают интересы кого-либо из кандидатов или партий, а лишь – право народа участвовать в принятии решений, в том числе и при выборе власти.

22.3.1.2.2. Проблема целей правозащитного движения

Когда правозащитники и гражданские активисты проводят гражданские, общественные действия (акции, кампании, митинги) – «действия в защиту общественных интересов» – многие их шаги внешне очень похожи на политические акции. Более того – в процессе их акций и кампаний критика действий власти может быть очень жесткой. Но между гражданскими действиями и политическими мероприятиями есть принципиальное различие.

Цель *правозащитников и гражданских активистов* – решать общественные проблемы, защищать права людей. Правозащитники, как щит и – одновременно – как посредник-модератор, всегда находятся между человеком и властью. И при любых действиях, даже достаточно жестко оппонирующих власти и критикующих ее, задача правозащитников и гражданских активистов – не дискредитировать и не захватить власть. Они решают задачу защиты интересов народа и остаются на том же самом месте, в роли щита и посредника. А значит – для системного решения общественной проблемы и защиты прав – им необходимо вступить с властью в диалог, начать с ней в диалог, и – именно в результате такого взаимодействия – добиться установления новых правил, новой системы, решающей проблему и определяющей более высокий уровень защиты прав. Цель *политической оппозиции* – подчеркнуть негативные стороны существующей власти и – стать новой властью [144].

В этом смысле любой правозащитник должен четко понимать, что когда он выступает в защиту общественных интересов, власть никогда не должна являться врагом, она является только оппонентом и потенциальным партнером. Потому что результатом любых действий в защиту общественных интересов является решение конкретной общественной проблемы. А любое «окончательное решение» (в виде нового закона, постановления или утверждения новой правоприменительной практики) все равно принимается легитимной властью (ведь именно от властных органов правозащитники и добиваются решения проблемы). И власть долж-

на согласиться на это решение, иначе она не будет его исполнять! Любая общественная кампания будет бессмысленной тратой времени и сил, или сведется к не совсем корректной саморекламе, вместо помощи людям, если правозащитники не будут готовы к сотрудничеству. Именно поэтому гражданские активисты стремятся видеть власть вначале — в качестве оппонента, а потом обязательно — в качестве партнера.

Дискредитация власти и борьба против нее вредит правозащитной деятельности, потому что с врагом невозможно договориться надолго (с врагом возможны лишь временные перемирия с целью набраться сил и снова начать «войну», а затем — добиваться «капитуляции»). Поэтому и сама власть, и гражданские организации должны четко отличать, где речь идет об акциях и кампаниях в защиту общественных интересов (в том числе действиях правозащитников, экологов, профсоюзных активистов и т. п.), а где — о политических информационных мероприятиях. И сами правозащитники не должны бездумно лезть в политические действия, чтобы потом у людей и власти не возникало непонимания.

Следует понимать, что если правозащитник идет во власть, он, перестает быть «действующим правозащитником», и становится «реальным политиком». Важно, чтобы власть и общество в целом научились понимать, с кем они имеют дело, — с политиком или правозащитником, — и в соответствии с этим были бы готовы выстраивать стратегию взаимодействия. При этом хорошо, когда политик разделяет принципы прав человека, осознает роль и обязанности власти по их защите — и в этом, только в этом смысле, является правозащитником.

22.3.1.2.3. Проблема асимметрии целей правозащитника и политика

Политики должны признавать права человека и способствовать их эффективной защите. Именно как представители «властной сферы политики». Они обязаны в той или иной мере заниматься правами человека.

Правозащитники, действуя в сфере «общественной политики», не обязаны участвовать в политической сфере борьбы за власть. Они могут заявлять о поддержке тех политических действий, политиков и партий, которые ведут к более эффективной защите прав человека. Они должны занимать достаточно активную позицию по отношению к политическим силам — поддерживая справедливость и выступая против неверных политических тенденций. Но не более того.

Создается несимметричная ситуация. Это связано с природой власти и правозащитной работы. Власть обязана соблюдать права человека. По большому счету, именно для обеспечения этих самых прав ее и выбирают. Для политиков это — обязанность.

А гражданские активисты выступают в роли «защитников прав людей», для них это — общественное служение, которое они выбирают добровольно, исправляя то, с чем не может справиться власть. И именно в этой своей уникальной роли они особенно эффективны.

22.3.1.2.4. Общественные проблемы и права человека

Еще больше сужая сферу защиты прав человека, следует отделить теперь уже не «политику», как иную сферу, а очень близкое направление — гражданскую ак-

тивность — от собственно правозащитной работы. Дело не в том, что защита других общественных интересов менее важна. Но, только разделяя проблемы, можно научиться эффективно их решать, понимая, какие стратегии и тактики в каждом случае применимы и эффективны.

Нет смысла подробно останавливаться на том, что такое «общественная проблема». Понятно, что речь идет о какой-то серьезной несправедливости. Причем, как правило, в отношении значительного числа (иногда — тысяч и даже миллионов) людей. Когда говорится о решении общественных проблем, или, как это часто называют — действиях в защиту общественных интересов — чаще всего это не нарушения прав человека (в строгом смысле), а какие-то другие виды «несправедливостей».

Люди регулярно приходят с проблемами к правозащитникам и гражданским активистам. Обращаются, когда чувствуют некую несправедливость. Особенно — когда такие проблемы носят массовый характер. С точки зрения А. Юрова, есть три разных типа проблем, типа «несправедливостей» [144].

Первый тип проблем — это не только нарушение закона (права), а именно нарушение прав человека. Его важно выделять, потому что по поводу таких нарушений можно использовать именно механизмы защиты прав человека — и национальные (внутригосударственные), судебные и внесудебные, и международные, — чтобы добиться справедливости. Это все пункты, например, Европейской Конвенции по правам человека — право на жизнь, свобода от пыток и жесткого обращения, право на справедливый суд, свобода слова, свобода собраний, свобода ассоциаций и т. п.

Второй тип проблем — когда нарушен закон (право), но это право не относится собственно к правам человека. Если, например, грубо нарушен закон о защите прав потребителей, то это, конечно, явная несправедливость, и нарушен закон, но защита прав потребителей не относится к правам человека. В этом случае пожаловаться в Европейский суд нельзя. Это — законы нашего государства. И следует искать методы защиты от нарушения таких законов.

Третий вид проблем — то, что называется «общей несправедливостью». Это часто очень важные вещи, но они не относятся ни к категории права, ни уж — тем более — прав человека. Когда нет закона, на который можно сослаться, в защиту общественных интересов. Если, например, в городе плохие дороги, много пьяных (не хулиганов на улице, а просто пьяных), высокие цены на проезд в городском транспорте и т. п., то для людей это очень важно. А вот закона, позволяющего на кого-то подать в суд, чаще всего нет. Следует понимать, что такие моменты, конечно, относятся к общественным интересам, и, может быть, к «задачам государства», но пока (до принятия соответствующих законов) — ни к области права, ни к «правам человека», как бы нам ни казалось это все несправедливым, не относятся.

То есть даже сфера гражданской активности (общественной политики), или — борьбы с «несправедливостями», лишь в очень малой части касается собственно прав человека (всего лишь как первого типа «несправедливостей»). Даже здесь различия существенны. И даже здесь необходимо четко разграничивать формы и методы деятельности, не путая права человека с любой «защитой справедливости». Поэтому не удивительно, что, по мнению многих правозащитников, между сферой прав человека (всего лишь как части гражданских действий в целом) и политикой лежит пропасть.

22.3.1.2.5. Правозащитники и государство

Очень часто правозащитников обвиняют в том, что они якобы разрушают государственность. Говорят, что они «поднимают крик» там, где не нужно, и тем самым «роняют авторитет своей страны». При всей кажущейся справедливости претензий это справедливость кажущаяся. Вопрос в том, зачем настоящие правозащитники критикуют власть. Для того, чтобы дискредитировать ее (как часто делает оппозиция) и сделать саморекламу? Или для того, чтобы власть прислушалась к ним и начала позитивные изменения?

Если посмотреть на работу правозащитников непредвзято, станет понятно, что правозащитники укрепляют государство. Сила государства в доверии к нему граждан. Если граждане не верят государству, то оно разваливается (так произошло с СССР). Правозащитники, вроде бы «ругая» государство, добиваются позитивных сдвигов, заставляют государство идти навстречу человеку. Тем самым они укрепляют доверие, пытаются сблизить человека с государством. И, таким образом, служат государству и обществу.

Именно правозащитники помогают государству выполнять одну из самых важных его функций — защиту прав и свобод человека и гражданина. Они напоминают государству, зачем оно нужно людям. Правозащитники делают то, что пока не успевает, не может или не умеет делать государство в сфере защиты прав человека.

22.3.1.2.6. Правозащитники и власть

Правозащитник всегда готов работать с властью, если она легитимна и не превратилась в диктатуру. Если для кого-то власть — это враг, то речь идет не о правозащитнике, а о революционере и бунтаре. Правозащитник критикует власть там, где ее нужно критиковать, и хвалит там, где ее нужно хвалить. Вне зависимости от своих личных чувств к тем или иным политическим фигурам.

Гражданские активисты-правозащитники, экологи, активисты других организаций — это те, кто на самом деле защищают власть от перерождения и, следовательно, от падения. Они делают любую власть более человеческой. В стране, где правозащитники сидят в тюрьмах, власть не слишком крепка, даже если это диктатура (она рано или поздно развалится). В стране, где много правозащитных организаций и они критикуют власть, а власть к ним прислушивается и взаимодействует с ними — вот там власть является влиятельной и авторитетной, а значит — сильной. Там не будет сильного социального взрыва. Роль правозащитников и гражданских активистов — это еще и социальное посредничество-модерация, позволяющее избегать тяжелых конфликтов и революций. Часто власть не понимает, что правозащитники укрепляют эту самую власть. И пытается с ними ссориться. Вместо того, чтобы поддерживать их работу и конструктивно взаимодействовать с ними.

Правозащитные организации, по образному выражению почетного президента Молодежного правозащитного движения А. Юрова, пронизывают своеобразными социальными нитями пространство между властью и обществом, позволяя людям защищать свои права, решать проблемы и чувствовать «возможность справедливости», что важно для каждого человеческого существа. Они создают дополнительные социальные связи. И власть становится не далекой и бесчеловечной, а

более понятной и близкой людям, потому что они видят не только несправедливость, но и торжество закона [144].

22.3.1.3. Инструменты общественного контроля

Институты гражданского общества предупреждают нарушение прав человека, создают определенные гарантии для их соблюдения, воздвигают барьеры на пути нарушителей. Важную роль в защите профессиональных и экономических прав наемных работников играют *профессиональные союзы* и их объединения на разных уровнях. *Общественные комиссии, советы и центры* по защите прав человека собирают и обобщают конкретные факты нарушения прав человека различными институтами государства, факты их бездействия, предают их гласности и делают достоянием общественности. Это своего рода сторожевые башни и естественные рубежи защиты человека, и в то же время колокола, в которые передовые и прогрессивные люди звонят в каждом случае нарушения прав человека, и которые не прекратят звонить, пока ошибка не будет исправлена. Количество таких объединений населения постоянно растет, а круг их деятельности расширяется.

Во многих странах не осталось сколько-нибудь крупного населенного пункта, где не было бы своих комиссий, групп или центров по защите прав человека. В России в 1990-х гг. в условиях нарастания социальной напряженности формировались и продемонстрировали высокую эффективность многие новые объединения граждан. Это «комитеты солдатских матерей», движение «нет провозу отработанных радиоактивных материалов», объединения по защите людей без места проживания, детей, оставшихся без помощи со стороны родителей и государства, а также по поиску бесследно исчезнувших людей, инициативные группы граждан по защите рек, озер, лесов, заповедников и др.

Исключительно важную роль в защите прав и свобод человека играют такие институты гражданского общества, как национальные комитеты «Амнести интернейшнл» (Международная амнистия), хельсинкские группы правозащитников, национальные общества международного права и др. Международная амнистия, как сказано в ее статусе, — это организация, основанная на всемирном добровольном членстве, целью которой является продвижение прав человека, провозглашенных во Всеобщей декларации прав человека и в других международных инструментах. В начале XXI в. Международная амнистия объединяла в своих рядах более 1 млн человек из 140 стран мира, организованных в секции и группы. Это — беспристрастная и независимая от любых правительств, политических убеждений и религиозных верований организация, финансируемая исключительно за счет пожертвований ее членов [35].

Особое внимание эта правозащитная организация уделяет международным кампаниям за освобождение «узников совести», за проведение скорых и справедливых расследований дел политических заключенных, за отмену смертной казни, пыток и других жестоких форм обращения с заключенными, за прекращение практики политических убийств и исчезновения людей. Она выступает и против таких действий оппозиционных групп, как захват заложников, пытки и убийства заключенных, помогает беженцам, опасаящимся возвращаться в страны, где их фундаментальные человеческие права могут оказаться в опасности, сотрудничает с ООН, с международными и региональными межправительственными организа-

циями по защите прав человека. Международная амнистия стремится убедить государства ратифицировать международные соглашения о правах человека, осуществлять их и обучать им своих граждан.

После Совещания глав государств и правительств в Хельсинки в июле 1975 г. и принятия им Заключительного акта, в котором договаривались соблюдать коллективно выработанные нормы взаимоотношений между странами и народами и гарантировать своим гражданам предусмотренный международными соглашениями объем прав и свобод, появились «хельсинкские группы» правозащитников. Эти группы следят за тем, как их государства выполняют взятые ими на себя обязательства, предают гласности каждый, ставший известным им, случай нарушения прав человека. Эта работа имеет огромное значение, так как государства, вынужденные считаться с мировым общественным мнением, как правило, пытаются устранить ставшие известными факты и, по возможности, не допустить их повторения [35].

Выработать политические средства защиты конституционных прав и свобод человека, накладывать на их нарушителей санкции, вынести решения об исправлении допущенных ошибок, выплачивать жертве правонарушения соответствующую компенсацию и создавать правовые заслоны на пути нарушения прав человека могут только институты государства. И то только при том условии, если оно само функционирует в полном соответствии с интересами гражданского общества и выработанными соответствующими нормами.

Ими являются:

- легитимность и устойчивость права;
- демократичность общественного строя;
- действенность и всеобщность закона (закон един для всех членов общества);
- четкое фиксирование как прав и свобод членов политического общества, так и механизма их реализации;
- неотвратимость наказания за отклонение от установленных норм права, независимо от должности и социально-политического статуса нарушителя.

Социальный мир и порядок в обществе, гармоничность взаимоотношений государства и гражданского общества как своеобразных партнеров, демократическая природа государства, его соответствие своему прямому назначению – цели обеспечения безопасности жизни, свободы и равенства граждан, содействия их стремлению к счастью – важнейшие условия и гарантии прав и свобод человека

22.3.1.4. Формы общественного сопротивления

Важной проблемой являются формы конфликта при защите личности от насилия и принуждения со стороны власти и закона, возникающего при попытке личности реализовать свои законные права.

Наиболее типичными являются формы:

- интеллектуального протеста;
- заявительных мирных демонстраций в защиту прав человека;
- активного легального протеста;
- вооруженного протеста.

Весьма своеобразными и имеющими вековую традицию являются формы интеллектуального протеста в защиту прав человека методами литературы и искусства. Обычно считается, что первыми нетрадиционными формами интеллектуального протеста широко пользовались мыслители Франции и Италии эпохи Возрождения и времен Французской революции в своих знаменитых эссе. В Северной Америке истоки интеллектуального протеста лежат в духовной музыке негритянских общин – спиричуэле, которая получила распространение в конце 1960-х гг. на всем американском континенте и в Европе. В современной России также широко известны формы музыкального выражения протеста и интеллектуального влияния интеллигенции на общественное сознание в виде массового распространения интеллектуального фольклора андерграунда: городского и политического романса, песенных баллад бардов и т. д. Множество примеров из данной сферы лишь подтверждают существование проблемы и необходимость учета этого интеллектуального потенциала в современных механизмах и подходах «перекрестного консенсуса прав».

Ярким примером активного легального протеста является форма, избранная членами правозащитного экологического международного движения «Гринпис». Активисты этой организации в добровольном конфликте полностью игнорируют все ограничения режимного, военного, транспортного и функционально государственного характера при проявлении своей позиции по защите права человека на жизнь в экологически безопасной среде. Несмотря на противодействие многих государств мира, ссылки на нарушения режима государственной безопасности этих стран, на реальный экономический ущерб от их действий, они часто рискуют своей жизнью, отстаивая международно признанные, абсолютно легитимные и юридически ясные права каждого человека и различных сообществ людей одновременно [85].

Несомненно, что такие правозащитные действия нуждаются в высшей форме международной поддержки и защиты в рамках «перекрестного консенсуса прав» и общего согласия мирового сообщества на такую альтернативную форму проявления защиты прав человека.

Формы заявительного характера мирных демонстраций также известны, как и действия властей по их ограничению и насильственному запрету. История борьбы за права человека на всех континентах в течение длительного периода времени – это история мощнейших демонстраций. Ее размах от антирасистского движения в Америке до миллионных демонстраций в защиту свободы совести и религии в Таиланде и Индонезии, включая все пасхальные международные марши экономического и социального характера в Европе, которые просто потрясли мир в конце XX столетия. В конечном итоге все это привело к тем формам и содержанию универсальных прав человека, которые сегодня являются общепризнанными в мире. Трагизм и массовые жертвы политических демонстраций и выступлений в Пекине, Сеуле, Париже, Москве и многих других городах мира – это та жертва, которую заплатили люди Земли за несколько поколений современных прав человека.

Формы вооруженного протеста в защиту прав человека являются самыми трагическими формами конфликта, они стоили борцам за права человека многочисленных, но не бессмысленных жертв. Несмотря на то, что в каждой стране в реальной практике, обычно при смене власти, данные формы протеста признавались

необходимыми и оправданными, ни одно правительство в мире, ни один демократический режим сегодня не признал легитимность и необходимость их использования в борьбе против нарушений прав человека. В первую очередь это оправдано в сфере международных и межнациональных отношений. Наиболее трагическими примерами вооруженного протеста являются многочисленные и многолетние столкновения армий и вооруженного населения в бывшей Югославии и Чечне [85, с. 215].

22.3.1.5. Образование в области прав человека

Эффективная защита прав человека основывается на соответствующей теоретической базе. Каждый человек должен знать свои права, ему целесообразно иметь представление о формах и способах их легальной защиты, и при этом хорошо понимать, где защита им своих прав может нарушить права других людей. Главным условием этого является наличие самого гражданского общества, члены которого достаточно знают обо всех своих правах и свободах, дорожат своим человеческим достоинством, способны и готовы защищать их. Отсюда следует понимание, к которому уже давно пришло международное сообщество: *учить людей науке прав и свобод человека*. Высказанные еще Платоном [106] мысли о том, что «кто знает, тот и властвует», сведущий человек мудр или мудр тот, кто сведущ, в данном случае подтверждаются полностью. Знающий человек не позволит попираť свои права, будет знать, что и как защищать. Человек, просвещенный знанием о том, какую неповторимую ценность он собой представляет, что обеспечивает его достоинство и гордость, какими правами и свободами он обладает, никому не позволит ущемлять свои естественные права, манипулировать собой.

Один из основополагающих постулатов почти всех международных соглашений о правах человека состоит в том, что признание каждым человеком достоинства, равных и неотделимых прав всех остальных членов человеческого сообщества является общей основой свободы, справедливости и мира на Земле, что все права человека универсальны, неразделимы и взаимозависимы друг от друга. Поэтому самым действенным способом защиты прав человека и человеческого достоинства являются соответствующее «программирование» человека, усвоение каждым индивидом вместе с молоком матери правил социального поведения. Необходимо стремиться превратить каждого члена сообщества в носителя высоких гуманистических ценностей и самоуважения, обязательно включающего в себя также уважение личности другого человека, прав и свобод других людей. Этому человек учится всю жизнь, осмысливая опыт предшествующих поколений людей и усваивая нормы поведения своего социума, но начинается этот процесс, как правило, в семье и в школе. Весь образовательный процесс должен быть ориентирован на это. И люди все более осознают это.

В ноябре 1974 г. 18-я сессия Генеральной конференции ЮНЕСКО приняла рекомендацию включить права человека и фундаментальные свободы в число предметов школьного и вузовского образования. Согласно рекомендациям ЮНЕСКО, образование должно подчеркивать истинные интересы народов. Оно должно быть направлено на уничтожение условий, которые увековечивают и ухудшают главные проблемы, воздействующие на выживание человечества и его благосостояние — неравенство, несправедливость, международные отношения, основанные на ис-

пользовании силы, — и содействию международному сотрудничеству, необходимому для совместного решения общечеловеческих проблем [35].

Обучающиеся должны изучать такие проблемы, как:

- равенство прав народов и право народов на самоопределение;
- поддержание мира;
- характер и влияние экономических, культурных и политических отношений между странами;
- содействие соблюдению прав человека;
- сохранение культурного наследия человечества;
- включение прав человека в обучение государственных служащих, полицейских сил и военных и др.

22.3.2. Государственные средства защиты прав и свобод человека

Первым и наиважнейшим условием гарантии прав и свобод человека является строгое соблюдение Конституции страны всеми субъектами социально-политических процессов, прежде всего самим государством. Объективно в этом заинтересованы все участники этих процессов, а государственность, кроме много другого, означает еще и единое правовое поле. Непосредственное управление процессом реализации прав человека, обеспечением правопорядка и законности в стране осуществляет множество политических институтов: прокуратура, суд, правоохранительные органы, омбудсмены — уполномоченные по правам человека и др. [139].

Прокуратура является институтом по контролю над соблюдением в государстве его правовых норм, в том числе и в плане недопущения нарушения законности и ущемления прав и свобод граждан. Но во многих обществах прокуратура продолжает рассматриваться с позиций времен абсолютизма как «государево око», защитник (стражник) интересов государства. Можно, конечно, сказать, что государство — это граждане и, защищая его, прокуратура защищает и их. Это верно лишь в том случае, если действительно существует гармония интересов государства и его граждан. Но часто государство ассоциируется только с его институтами власти и должностными лицами, от которых исходит главная угроза правам человека. В этом случае стражник интересов государства никак не может превратиться в защитника прав гражданина, ибо никому не дано служить одновременно и добру и злу.

Этим и объясняется, почему миллионы людей в России не получали и не получают своевременно заработной платы, в том числе и от государства, жили и живут впроголодь, им нечем платить за коммунальные и прочие услуги, а прокуратура молчит. Люди исправно платят за топливо и освещение в квартирах, но из-за конфликтов с местными властями монополисты света и топлива отключают целые кварталы и населенные пункты, невзирая на время года. Мерзли, заболели и умирали тысячи и десятки тысяч людей, а прокуратура бездействовала, и тем самым сама присоединялась к нарушителям прав человека. Чтобы этого не было, прокуратура должна стать институтом, независимым от исполнительной, но подконтрольным законодательной власти, объективно заинтересованной в том, что-

бы принимаемые ею законы исполнялись. Контрольным органом в этом плане и должна стать прокуратура [35].

Считается, что функции по защите прав человека выполняет суд. Так полагали и теоретики политико-правовых наук, обосновывая необходимость разделения властей и существования независимой судебной власти, где стороны конфликта могли бы на равноправной основе защищать свои права. Уже у них были сомнения относительно направленности симпатий и антипатий судей, их объективности и непредвзятости. Эта проблема становится еще более острой и трудно разрешимой, когда речь идет о конфликтах между государством и отдельным человеком или группой людей. Тем более при решении спора между государством, являющимся главным нарушителем прав и свобод человека, и отдельным гражданином, индивидом — жертвой произвола со стороны всесильного Левиафана.

Постулат «суд независим и подчиняется только закону» весьма далек от реальной действительности, пока что это всего лишь идеал. Суд — институт государственной власти, политический институт. Его работники, — служащие государства, являющегося не только работодателем, но и, говоря образно, программистом их действий. Суд является институтом государственной власти, руководствуется в своей деятельности законами государства, и он объективно будет защищать государство, выражать его волю. Это априори вложено в закон, которым суд обязан руководствоваться [35, с. 237].

Нередко суды действительно помогают восстанавливать законность, в том числе и попранные права и свободы индивидов. Часто в качестве цены уже нарушенного права человека, суд устанавливает компенсацию, в том числе и за моральный ущерб. Больше справедливости и беспристрастности в решениях судов можно наблюдать в случаях, когда сторонами тяжбы являются индивиды или равно весовые институты гражданского общества — предприятия, учреждения, объединения граждан. Справедливости и беспристрастности становится значительно меньше или совсем не остается, когда сторонами конфликта выступают гражданин и государство, институт гражданского общества и то же самое политического общества. Здесь действует «принцип Ф. Бэкона» [20]: судьи, как слуги правителя, становятся «львами перед троном», т. е. «защищают» его. Многоопытный Т. Джефферсон никогда не верил ни в демократичность, ни в гуманизм, ни в независимость суда. «Суды любят людей всегда, как волки любят овец», — писал он Д. Джею в 1789 г. Джефферсон считал власть суда опасной для общества и его членов, так как «судьи находятся в должности пожизненно и не ответственны, как другие органы, перед избирателями» [44].

Во всех случаях, когда возникает конфликт между государством и гражданами, арбитром должен стать не чисто политический, а как минимум социально-политический институт в лице *избираемого гражданами*, а не *назначаемого властями*, суда. Соответственно, и арбитром при решении вопроса о правах человека может стать либо общественный суд, состоящий из знатоков международного кодекса прав человека и руководствующийся исключительно его нормами, либо международный суд такой же компетенции. Во всяком случае этот орган должен находиться в равном отдалении от всех ветвей государственной власти и быть выборным. Близкий к этому вариант был найден в начале XIX в. в лице так называемого омбудсмана — лица, являющегося переводчиком или представителем других людей.

Это человек, уполномоченный представительным органом охранять права и свободы человека и осуществлять контроль над должностными лицами государства для соблюдения ими государственных и международных актов без права изменения принятых последними решений. Омбудсмен назначается парламентом на четыре года, но сам парламент не имеет права вмешиваться в его деятельность. Сегодня более чем в 100 странах мира есть уполномоченные по правам человека.

Учреждение института Уполномоченного по правам человека в России (омбудсмена) — это не только дань демократическому, гуманитарному опыту развитых государств, но и назревшая необходимость в силу наличия множества фактов нарушений прав человека.

В Российской Федерации идея учреждения института Уполномоченного по правам человека впервые получила юридическое выражение в Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой 22 ноября 1991 г. Верховным Советом РСФСР. Статья 40 Декларации предусматривала создание должности Парламентского уполномоченного по правам человека, который «назначается Верховным Советом на срок 5 лет, ему подотчетен и обладает той же неприкосновенностью, что и народный депутат РСФСР» [75].

Постановление о введении Декларации в действие возлагало на соответствующие комитеты Верховного Совета подготовку проекта закона, который должен был определить компетенцию Парламентского уполномоченного. Однако в то время закон принят не был. Должность Уполномоченного по правам человека учреждена Конституцией Российской Федерации 1993 г. Пункт «д» ч. 1 ст. 103 Конституции относит к ведению Государственной Думы назначение и освобождение от должности Уполномоченного, действующего в соответствии с Федеральным конституционным законом.

До принятия такого закона 17 января 1994 г. Государственная Дума назначила Уполномоченным по правам человека С. А. Ковалева. 10 марта 1995 г. он был освобожден от занимаемой должности [140].

По признанию первого омбудсмена России С. А. Ковалева, его организаторы «имели в виду внедрить в России международный опыт. Это фигура конституционная, уже тем самым она чрезвычайно авторитетна, но фигура, лишенная властных полномочий. Это очень существенная характеристика всей службы омбудсмена. Это позиция, наделенная очень серьезным авторитетом, но лишенная возможности распоряжаться» [121].

Федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» 4 марта 1997 г. официально опубликован и вступил в силу. Он определил статус Уполномоченного, его компетенцию, порядок назначения и освобождения от должности, реализовав тем самым требования п. 1 ст. 103 Конституции РФ. Федеральный конституционный закон установил, что Уполномоченный при осуществлении своих полномочий независим и неподотчетен каким-либо государственным органам и должностным лицам.

В мае 1998 г. депутаты Государственной Думы заслушали пятерых соискателей на должность Уполномоченного. Большинство голосов получил депутат Госдумы О. О. Миронов, который 22 мая 1998 г. был назначен на должность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации [140].

Должность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации учреждена в целях обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления, должностными лицами и государственными служащими. Деятельность Уполномоченного дополняет существующие средства защиты прав и свобод граждан, не отменяет и не влечет пересмотра компетенции государственных органов, обеспечивающих защиту и восстановление нарушенных прав и свобод.

Основными направлениями деятельности Уполномоченного, предусмотренными Федеральным конституционным законом, являются:

- рассмотрение жалоб граждан Российской Федерации и пребывающих на территории Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства на нарушения их прав;
- рассмотрение по собственной инициативе ситуаций, чреватых массовыми или грубыми нарушениями прав человека, случаев нарушения этих прав, имеющих особое общественное значение или связанных с необходимостью защиты прав лиц, не способных сделать это самостоятельно;
- анализ законодательства РФ в области прав человека, подготовка рекомендаций по его совершенствованию и приведению в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права;
- подготовка ежегодного, а также специальных докладов по отдельным актуальным вопросам соблюдения прав человека в Российской Федерации;
- выступления на заседаниях Государственной Думы в случаях грубого или массового нарушения прав граждан, обращение с рекомендациями о создании парламентских комиссий и о проведении парламентских слушаний;
- обращения в суды общей юрисдикции и в Конституционный Суд Российской Федерации для защиты прав и свобод граждан;
- анализ правоприменительной практики в области прав человека и выработка предложений по ее совершенствованию;
- информирование органов государственной власти и общественности о положении дел с соблюдением прав человека в Российской Федерации;
- направление государственным органам, органам местного самоуправления, а также должностным лицам замечаний, рекомендаций и предложений общего характера по всем вопросам обеспечения прав человека и совершенствования административных процедур;
- осуществление международного сотрудничества в области прав человека;
- правовое просвещение и разъяснительная работа по всем вопросам прав человека, формам и методам их защиты [140].

В соответствии с Федеральным конституционным законом «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», с конституцией (уставом), законом субъекта РФ может учреждаться должность Уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации. Учреждение института Уполномоченного по правам человека в субъектах РФ является их исключительной компетенцией. Только они вправе принимать решение по этому вопросу. В настоящее время (март 2008 г.) в 44 субъектах РФ работают Уполномоченные по правам человека.

13 февраля 2004 г. в связи с истечением срока деятельности на должности Уполномоченного по правам человека в РФ О. О. Миронова Государственная Дума Федерального Собрания России назначила на эту должность В. П. Лукина.

По мнению С. А. Ковалева, В. П. Лукин... представитель концепции «с властью не надо ссориться». Он представитель сугубо практической тенденции добиваться смягчения положения с правами человека в той или другой сфере этого права не путем конфликта с властью, а путем достижения компромиссов. Я не сторонник такой тенденции, но я понимаю, что локальные успехи она обеспечивает гораздо больше, нежели тенденция полной независимости» [121].

Годы работы В. П. Лукина на этом посту подтвердили справедливость слов первого омбудсмена, являясь сторонником концепции «малых дел» он в современных непростых условиях формирования новой модели российской политической власти, делает все возможное по защите прав человека в стране.

22.3.3. Взаимодействие национальных и международных систем защиты прав человека

Права и свободы человека — объект не только общественного и государственного, но и межгосударственного управления, поскольку они нуждаются в международной защите, и могут быть защищены эффективно лишь усилиями всего международного сообщества. Именно этим обусловлено наличие, наряду с национальными биллями о правах человека и институтами их защиты, также и Международного кодекса прав человека, континентальных инструментов и институтов защиты этих прав, а также сотен специальных деклараций, пактов, хартий, конвенций о правах человека.

Государства являются субъектами мировой политики и соуправляющими глобальными процессами. Учреждая те или иные международные институты и подписывая соглашения по решению тех или иных проблем, государства берут на себя определенные обязательства перед континентальным или всемирным сообществами. Соответственно, и выполнение этих обязательств участниками соглашений становится объектом многоуровневого контроля.

Каждое международное обязательство государства в области прав и свобод человека должно быть подкреплено соответствующим национальным правовым актом [35, с. 249]. В них следует определять конкретные пути и механизм защиты прав и свобод человека в данной стране, установить институты, непосредственно ответственные за выполнение государственных обязательств, а также меры санкций или наказаний к нарушителям данных обязательств. Государства имеют право сделать оговорки к тем или иным принимаемым им на себя обязательствам, отодвигать их выполнение на определенный срок, приступать к их выполнению постепенно, прогрессивно, по мере создания или возникновения соответствующих условий.

В случаях непринятия государственных законодательных актов о способах реализации предусмотренных в международных инструментах прав человека, сами эти международные инструменты могут быть приравнены к внутренним законам подписавшего их государства. Так, ряд стран-членов Совета Европы придали Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКЗПЧОС)

статус своего государственного закона и включили ее в национальные конституции. После вступления России в Совет Европы и ратификации ею ЕКЗПЧОС последняя стала для нее документом, имеющим приоритет перед ее собственными законами в этой области.

Существуют нормы международного права, которые государства обязаны соблюдать независимо от того, подписывали они соответствующие документы или нет. К числу таковых относятся все положения Всеобщей декларации прав человека (ВДПЧ).

Международная система защиты прав и свобод человека основана на единстве и взаимосвязи национальных и интернациональных средств защиты этих прав. Это логично и рационально. Человек является гражданином определенного государства и в случае нарушения его прав и свобод он первоначально обращается к национальным средствам, прибегая к их помощи последовательно по восходящей линии. После безуспешного исчерпания всех национальных средств, он вправе прибегнуть, соблюдая установленную процедуру, к помощи многоуровневых международных институтов. При этом человек имеет право выбирать одно из них по своему усмотрению. Более надежным и эффективным, безусловно, является обращение к континентальным средствам защиты, где очередь жалоб меньше, чем на глобальном уровне, куда стекаются иски со всех концов планеты. В таком случае глобальные средства могут быть использованы в последнюю очередь [35, с. 250].

Для реализации прав и свобод человека важны мир и спокойствие на земле. Они благоприятствуют сотрудничеству народов и государств, обмену достижениями, способствующими развитию экономики, науки и культуры, росту жизненного уровня населения. Чем больше сообщающихся сосудов между государствами, народами и континентами, тем быстрее достижения одних стран и народов, в том числе и в области реализации прав и свобод человека, становятся достоянием всех остальных. Вот почему обеспечению мира и безопасности на Земле, содействию развитию стран всегда придавалось и придается такое значение. Отставание стран и даже групп стран, по причине которого невозможно реализовать многие права человека, имеет не только объективные, но и зависимые от стран и народов причины (недемократичность существующих политических режимов, безответственность властей, хищения государственных средств, коррупция должностных лиц государств и т. д.). Объективные причины устраняются, воздействуя на условия, их порождающие. Субъективные причины могут быть устранены относительно быстро и легко. Здесь важны воля и решимость народов отдельных стран, так и всего международного сообщества.

На базе гражданских обществ в отдельных странах складывается глобальное гражданское общество (универсум), которое способно воздействовать тем или иным образом на политические режимы тех стран, где такое общество пока еще слабо и не способно выступать в качестве равноправного партнера политического общества. Глобальное *гражданское* общество формирует элементы глобального *политического* общества в лице многочисленных, функционирующих на разных (глобальном, континентальном и региональном) уровнях, политических институтов.

Международные институты призваны создавать в мире в целом и на отдельных континентах климат сотрудничества и взаимопомощи при решении стоящих перед человечеством задач. Это – всемерное содействие совершенствованию (мо-

дернизации) институтов гражданского и политического обществ, осуждение и бойкот диктаторских режимов, международное сотрудничество в борьбе с нарушителями прав и свобод человека и многое другое.

Это относится и к выполнению международных обязательств государств по сотрудничеству в борьбе с международной преступностью, угрожающей правам и свободам человека, в том числе и в борьбе с коррупцией, представляющей собою главную угрозу правлению закона, демократии, социальной справедливости и правам человека. Коррупция препятствует экономическому развитию стран и извращает принципы распределения и функционирования экономики [35, с. 257]. Государства обязаны не только предусмотреть в своем внутреннем законодательстве решительные и действенные меры по борьбе с коррупцией. Они должны также эффективно сотрудничать между собой во всех вопросах, касающихся коррупции, сообщая друг другу имеющуюся у них информацию, признавая судебные решения иностранных государств, участвуя в возмещении судебных издержек в соответствии с условиями международных соглашений и т. д.

Международная система защиты прав и свобод человека весьма широка и сложна: международные суды, трибуналы, институты контроля, учреждаемые для контроля над реализацией каждого международного соглашения о правах и свободах человека. Международные правозащитные институты выполняют разные функции: информационную, исследовательскую, примирительную, по вынесению решений и по наложению санкций. Есть институты для выполнения конкретных функций, а есть осуществляющие все перечисленные функции одновременно. В силу специфики субъектов международного права число институтов, наделенных правом выносить решения, весьма ограничено, хотя заметна тенденция к их постепенному увеличению. К их числу можно отнести Европейский, Межамериканский и Африканский суды по правам человека.

Нормы взаимоотношений между государствами в области прав человека сформулированы и конкретизированы в «Декларации о защите прав человека и принципы невмешательства во внутренние дела государств», принятой Институтом международного права 13 сентября 1948 г. Этот документ исходит из бесспорного постулата о том, что права человека являются прямым выражением достоинства человеческой личности. Их защита отвечает интересам всех государств, а потому требует дальнейшего расширения их солидарных действий для обеспечения этих прав во всем мире. В случаях нарушения прав человека в том или ином государстве члены ООН имеют право предпринимать индивидуально или коллективно дипломатические, экономические и другие меры, исключающие применение вооруженной силы, в отношении государства-нарушителя своих обязательств. Такие меры не могут рассматриваться как незаконное вмешательство во внутренние дела других государств (ст. 2). Меры по обеспечению коллективной защиты прав человека обоснованы, когда они предпринимаются в ответ на серьезные нарушения этих прав, а именно широкомасштабные или систематические нарушения или когда нарушаются права и свободы, которые не должны быть попорчены ни при каких обстоятельствах. Представление по дипломатическим каналам или устное выражение государствами озабоченности в связи с нарушениями прав человека или неодобрение подобных действий являются необходимыми и законными при всех обстоятельствах [35, с. 256].

Все меры, предпринимаемые индивидуально или коллективно для защиты прав человека, должны соответствовать условиям:

- за исключением случаев исключительной срочности, от государства, нарушающего права человека, должно быть формально потребовано прекращение совершаемых им действий;
- предпринимаемые меры должны быть пропорциональны серьезности нарушения;
- они должны быть ограничены государством-нарушителем;
- при этом должны приниматься во внимание интересы индивидуумов и третьих стран, а также влияние принимаемых мер на стандарт жизни населения соответствующей страны.

Предложение государством, группой государств или международными гуманитарными институтами продовольственного или медицинского снабжения государству или территории, где живет страдающее население, не должно рассматриваться как незаконное вмешательство во внутренние дела того государства. Однако это снабжение не должно принимать характера угрозы вооруженной интервенции (ст. 5). Признается крайне желательным усиление интернациональных методов и процедур, в частности методов и процедур международных организаций, имеющих целью предупредить, наказать и исключить нарушения прав человека (ст. 7).

Даже самый совершенный механизм защиты прав и свобод человека не даст ничего, если сами субъекты этих прав и свобод (люди) не будут должным образом реагировать на каждый случай нарушения их прав. Индивиды, граждане и государства, ущемленные в своих правах, первыми приводят в движение существующий правозащитный механизм, ибо последний не везде имеет право по своей собственной инициативе начинать рассмотрение дела, возбуждать иски, выносить решения. Этот механизм запускается заявлениями и исками тысяч граждан и государств, ставших жертвами нарушения как их собственных прав, так и не желающих мириться с фактами попрания прав и свобод других людей.

Международные институты, как это и предусмотрено соглашениями о правах человека, рассматривают два типа заявлений и исков – *индивидуальные и межгосударственные*. Первые исходят от непосредственных жертв нарушения прав человека и имеют целью устранение данного нарушения. Отдельные лица вправе обращаться в международные институты по защите прав и свобод человека только после того, как ими будут исчерпаны все внутренние (национальные) средства защиты. По мнению интерпретаторов международных договоров по правам человека, это необходимо для того, чтобы предоставить правительствам возможность исправить допущенные ими нарушения собственными средствами в рамках своей национальной правовой защиты.

Но может быть правомерным и другое объяснение. Люди, как правило, больше доверяют международным институтам, независимым от правительств отдельных стран, а, соответственно, обеспечивающим большую объективность при рассмотрении жалоб, чем своим национальным судам. Поэтому естественно их желание обойти бюрократические препоны и волокиту в национальных судах и сразу же обратиться за поддержкой в международные инстанции.

Следующее непереносимое условие — заявителю при этом нельзя передавать иск в другие органы защиты. Такая проблема возникает во всех случаях, когда нарушено право, предусмотренное одновременно и международным и региональным соглашениями о защите прав человека и основных свобод. Существует международная договоренность о том, что в случае возникновения таких проблем, первое слово должно принадлежать региональному институту.

Все международные институты устанавливают сроки времени, когда можно обращаться к ним с заявлением. Как правило, этот срок ограничен шестью месяцами после последнего рассмотрения дела в национальных институтах. В 1980–1990-х гг. некоторые институты (ЮНЕСКО, МОТ) продлили эти сроки, справедливо полагая, что жертва могла быть лишена возможности реализовать свою волю в этот период, скажем, будучи посаженной в тюрьму, запертой в психиатрической больнице и т. д. Но при всех условиях, считают они, этот срок должен оставаться разумным. Общее требование состоит в том, что заявление не должно быть анонимным, истец обязан идентифицировать себя. ЮНЕСКО допускает упрощение и этого требования: заявление не обязательно должно быть подписано самой жертвой. Когда жертва лишена такой возможности по независящим от нее обстоятельствам, в качестве защитника ее прав и интересов могут выступать группа людей или общественная организация [35, с. 256].

Одним из первых международных институтов по продвижению и защите прав человека является Экономический и социальный совет ООН (ЭКОСОС), избираемый ее Генеральной Ассамблеей в количестве 54 членов. Он уполномочен выносить рекомендации от имени ООН в целях поощрения «уважения и соблюдения прав человека и основных свобод для всех». ЭКОСОС наделен правом получать от государств-членов ООН и ее специализированных учреждений доклады о мерах, предпринимаемых ими во исполнение рекомендаций, и сообщать Генеральной Ассамблее свои замечания к докладам государств.

В целях реализации возложенных на него обязанностей ЭКОСОС резолюцией от 16 февраля 1946 г. создал **Комиссию по правам человека**, начавшую свою деятельность в 1947 г. с работы над проектом Всеобщей декларации прав человека. Затем при участии Комиссии были разработаны проекты двух международных пактов о правах человека. В соответствии с резолюциями ЭКОСОС (1959, 1967, 1970 гг.) Комиссия по правам человека стала рассматривать жалобы на нарушения прав человека, поступающие в ООН со всех концов мира.

При Комиссии по правам человека созданы рабочая группа специальных репортеров, призванных изучать на местах различные аспекты нарушения прав и свобод человека, и ряд подкомиссий по отдельным аспектам прав человека (комиссии по правам женщин, по предупреждению дискриминации, по делам национальных меньшинств и т. д.). Принятие международных пактов о правах человека потребовало дальнейшего совершенствования контрольного механизма ООН путем создания новых институтов (для контроля над реализацией положений каждого международного инструмента предусматривается специальный институт) и конкретизации полномочий существующих институтов.

Высшим наблюдательным органом по международному Пакту о гражданских и политических правах является Комитет по правам человека, состоящий из граждан, участвующих в Пакте государств, обладающих высокими нравственными

качествами, признанной компетентностью в области прав человека и достаточным юридическим опытом. Участвующие в этом Пакте государства обязаны представлять доклады о принятых ими мерах по претворению в жизнь прав, признаваемых в настоящем Пакте, и о прогрессе, достигнутом в использовании этих прав во всех случаях, когда того потребует Комитет.

Комитет по правам человека изучает все полученные ими материалы и составляет свои обобщающие доклады, которые представляются всем участвующим в Пакте государствам. Он может также высказать им и замечания, какие сочтет целесообразными. Комитет вправе препроводить ЭКОСОС эти замечания вместе с экземплярами докладов, полученных им от участвующих в Пакте государств. Эти государства, в свою очередь, вправе представлять Комитету свои соображения по любым из высказанных им замечаний. Ежегодно Комитет по правам человека через Экономический и социальный совет представляет ГА ООН доклад о состоянии реализации гарантируемых Пактом прав в мире.

Международные институты контролируют деятельность государств и по выполнению ими их обязательств по обеспечению равноправия женщин, борьбе с пытками, расизмом, апартеидом, расовой дискриминацией. Естественно, что для надзора над выполнением положений этих конвенций созданы и соответствующие органы. Ими являлись и являются *Специальный комитет против пыток, Комитет по устранению дискриминации против женщин, Комитет по апартеиду, Постоянная рабочая группа экспертов, Комитет по устранению расовой дискриминации, специальные докладчики* о ситуации с правами человека и фундаментальными свободами коренных (индейских) народов. Координирует деятельность всех этих институтов Верховный Комиссар ООН по правам человека [35, с. 258].

Таким образом, одна из сторон проблемы защиты прав состоит в том, что в современном мире ответственность за исполнение прав человека склонны брать на себя не только правительства и международные организации, но и отдельные группы личностей. Агрессивные формы защиты прав человека, проявляемые с любой стороны, всегда приводят к социальным конфликтам различной степени напряженности. Наибольшее отрицательное влияние данные социальные конфликты приносят в сферу международных отношений и связаны с потерей доверия друг к другу целых регионов, стран, религий и философий. Различные формы диктатур и политических коррумпций, как правило, приводят к массовым нарушениям прав человека и самым агрессивным формам массовых конфликтов и протестов. При этом цена, которую приходится платить за разрешение данных гуманитарных конфликтов, бывает несравненно выше реального уровня достижения гарантий прав.

22.3.4. Права человека в России

22.3.4.1. Историческая традиция борьбы за права человека в стране

На примере истории России легко проследить, с какими трудностями сталкивается применение западной концепции прав человека в странах с иными культурными традициями.

Когда после петровских реформ началась системная модернизация российского общества, в сознание российских интеллектуалов проникла и идея неотъемлемых прав человека. Например, критика крепостного права, начиная с А. Н. Радищева [116], велась главным образом на основе аргументов о «противоестественности» отсутствия личной свободы у значительной части подданных.

Во второй половине XIX в. среди отечественной интеллигенции стали доминировать социалистические идеи, которые требовали защиты прав не каждого человека, а представителей определенных классов (крестьянства или пролетариата). Знаменитый процесс В. Засулич (1878), положивший начало массовому революционному террору, показал парадоксальность понимания в России прав человека. С одной стороны, у общественности вызвало одобрение, что революционерка покарала градоначальника Трепова за телесные наказания политического заключенного; с другой стороны, оправдание покушавшейся на убийство показало, что общественность не считает достойным защиты право на жизнь царского «сатрапа».

После революции 1917 г. идея защиты права человека оказалась вытеснена классовым подходом и политической целесообразностью. Во время репрессий против «врагов народа» стало нормальным осуждение людей не за личную вину, а только за принадлежность к определенной группе (священнослужителей, кулаков, «старой» интеллигенции, родственников ранее осужденных).

Второе рождение идеи защиты прав человека произошло в нашей стране в 1960-е гг., в условиях критики культа личности Сталина, официально провозглашенной разрядки напряженности и ослабления репрессий против выражавших несогласие с действиями правительства. В 1970 г. по инициативе В. Н. Чалидзе образовался Комитет прав человека в СССР, в который вошли А. Д. Сахаров и И. Р. Шафаревич. После Хельсинских соглашений 1975 г., когда СССР официально обязался соблюдать права человека, в стране возникло несколько групп «содействия выполнению Хельсинских соглашений», которые стали собирать материалы о систематическом нарушении в стране прав человека.

Уже в 1970-е гг. четко выявилась органическая слабость российского правозащитного движения: оно не имело массовой опоры внутри страны и было вынуждено реально апеллировать не к собственному народу, а к зарубежной общественности. Для подавляющего большинства россиян существенное значение имели социально-экономические права, в то время как современная западная традиция отдает приоритет скорее гражданско-политическим правам. В результате выдвигаемые правозащитниками требования соблюдать провозглашенные Конституцией свободы совести, собраний, право на миграцию и т. д. вызывали интерес главным образом у зарубежных корреспондентов. Правозащитное движение постепенно превращалось в защиту прав самих немногочисленных правозащитников, подвергавшихся арестам, заключению в лагерях и «психушках», принудительной высылке за рубеж и т. д.

Когда в конце 1980-х гг. был провозглашен курс на реформирование советского строя, это привело к кратковременному подъему авторитета правозащитников (особенно А. Д. Сахарова [119]) как интеллектуальных лидеров борьбы с «тоталитарной диктатурой». Однако уже в начале 1990-х гг. их авторитет резко упал: в условиях затяжного социально-экономического кризиса гражданско-политические права по-прежнему не имели для россиян особой ценности. Российские правоза-

щитники, будучи вынужденными ориентироваться на поддержку с Запада, многими воспринимаются как агенты западного влияния. Хотя концепция защиты прав человека приобрела официальный статус, но и в 2000-е гг. сохраняется отрыв правозащитной деятельности от умонастроений большинства российских граждан. Для того чтобы российское правозащитное движение завоевало авторитет, оно, возможно, должно качественно изменить приоритеты и формы своей деятельности.

22.3.4.2. Современное состояние прав человека в России

Анализ конституционного права современной России и его сравнение с правовым статусом наиболее развитых демократических стран мира дают основание считать, что, по формальным признакам, по «писаным» конституционным нормам граждане Российской Федерации уже живут в свободной демократической стране, где права и свободы человека-гражданина гарантируются и охраняются государством [30, с. 139]. Констатация этого факта тем более важна, что длительный период народ России жил в условиях жесткого тоталитарного режима, подавлявшего права и свободы личности.

Вопрос, однако, состоит в том, насколько реальны «писанные» конституционно-правовые нормы, насколько эффективны принятые законы, как конкретно их содержание отражается на повседневной жизни людей. Ведь и во времена жестокой сталинской диктатуры и большинство статей Конституции, и многие из принятых в то время законов выглядели вполне пристойно. В них тоже говорилось о свободах личности, о советской демократии – «самой передовой демократии в мире», о гарантиях жизни и свободы человека, что не помешало ввести в стране режим жесточайшего террора, сопровождающегося истреблением миллионов людей.

Конечно, наличие законодательной базы, тем более в виде демократически сориентированного Основного закона страны, создает предпосылки для построения подлинно свободного, демократического гражданского общества и правового государства. Это – необходимое условие прогрессивных общественных преобразований в любой стране, в том числе и в России. Но даже самые надежные предпосылки еще не дают оснований для уверенного прогноза конечных успехов в демократическом реформировании российского общества – необходимые условия такого реформирования должны быть дополнены условиями достаточными. В противном случае работоспособность писанных законов и правовых норм окажется ничтожной, они так и останутся декларативными и абстрактными, на уровне благих пожеланий.

Реформирование российского общества идет с трудом. Можно, конечно, искать и находить причины «пробуксовки» российских реформ. Они в отсутствии опыта такого реформирования, в недостаточном профессионализме и далеко не идеальных личных нравственных качествах многих реформаторов, в разобщенности подлинно демократических сил, амбициозности их лидеров, в тяжелом состоянии экономики страны после разрушения единого экономического пространства СССР и т. д., и т. п.

Но главная причина тех огромных трудностей, с которыми столкнулись российские реформы, – неготовность российского общества в массе своей войти в принципиально новую систему отношений человека и жизни в непривычных для него условиях. Войти в систему повышенной личной ответственности за свою

судьбу и судьбу своей семьи, требующую постоянного инициативного напряжения сил и способностей в поисках наилучших возможностей собственной жизненной самореализации. В непростую, подчас экстремальную обстановку конкуренции, возможной безработицы, необходимости оперативного принятия ответственных решений буквально на каждом шагу – будь то выбор профессии, места учебы, вида работы, местожительства и т. д., и т. п.

Сложившиеся за долгие годы стереотипы поведения, устоявшийся уклад жизни, система жизненных идеалов и ценностей то и дело приходят в противоречие с новыми условиями жизнедеятельности каждого человека. Особенно трудно и болезненно процесс адаптации к новым жизненным ситуациям проходит у лиц среднего и старшего возраста, чье мировоззрение и ментальность не только не принимают, но нередко и активно противятся, сопротивляются новым идеалам и стереотипам поведения [30, с. 140].

Торможение хода реформ вполне объяснимо. Одно дело – устойчивая социальная среда со сложившимися традициями и обычаями, к которой должен и может естественно приспособливаться каждый новый, входящий в эту среду человек. Примером такой среды может (конечно, с теми или иными оговорками) служить американское общество – законопослушный социум, поведение которого хотя бы в главных чертах уже длительный период остается устойчивым, а потому и предсказуемым. Другое дело – издерганный многолетним насилием российский социум, чьи идеалы существенно меняются на протяжении жизни одного поколения. Социум, привыкший жить «по инерции» движения, заданного «свыше» под аккомпанемент утопических лозунгов, пустых обещаний и бесконечных угроз репрессивного подавления любых отклонений от намеченного курса движения.

Даже самые привлекательные права и свободы, в одночасье «свалившиеся» на российское общество и, казалось бы, способные вызвать немедленное желание воспользоваться ими, реализовать на практике оказалось далеко не просто. Срабатывает невидимый механизм психологического, ментального отчуждения, неприятия, сопротивления, для преодоления которых нужно время и целенаправленные усилия. Нужны годы для формирования нового мироощущения, нового правосознания, нового стиля жизни каждого человека, наконец, нового мировоззрения и новой индивидуальной и общественной ментальности.

Непонимание сложности сложившейся ситуации, невнимание к этим сложнейшим аспектам общественных преобразований и реформ чревато поражением реформаторов. Это обусловлено тем, что трудно идущие, а то и провальные реформы вызывают неизбежную волну общественной критики, усиление оппозиционных настроений, активизацию реакционных сил, которые в конечном счете могут повернуть реформы вспять и отбросить общество к очередному этапу тоталитаризма, «наведения порядка» в стране, мечтам о «твердой руке» и т. п. Именно поэтому нужны не просто «писаные» гарантии того, что права и свободы человека и гражданина в России будут неукоснительно соблюдаться, но и гарантии жизненные, *реальные*, обеспечивающие действенность этих прав и свобод в повседневной жизни, в многоплановой общественной практике.

Гарантом необратимости демократических преобразований в российском обществе может быть только сам человек, каждый гражданин России. Гарантией прогрессивного развития страны является:

- сознательная ответственность каждого свободного гражданина за выполнение своих гражданских и нравственных обязанностей;
- его мировоззрение, правосознание, уровень политической активности;
- его индивидуальная ментальность, предопределяющая в конечном счете и коллективную.

Историю любой страны творят не писанные или неписанные правила, а конкретные человеческие поступки, основанные на убежденности в правоте и целесообразности именно таких поступков, а не каких-то других.

Быть гражданином свободной страны нелегко. Психологически куда проще быть объектом, а не субъектом жизнедеятельности и житнетворчества, пассивным работником обстоятельств. В тоталитарном государстве от человека требуется прежде всего исполнительная дисциплина, постоянная готовность подчиниться управляющим воздействиям. Он фактически отчужден от сколько-нибудь серьезных проблем развития собственной страны – за него думают государство, партия, вождь. Он – всего лишь объект, исполнитель принимаемых кем-то решений, прямо или косвенно влияющих и на его жизнь, на его положение в обществе, на будущее его детей и потомков.

Иное дело – жизнь в свободном, демократическом, гражданском обществе. Здесь человек – субъект и индивидуального, и коллективного житнетворчества. Он независим от какой бы то ни было опеки и, на первый взгляд, как бы предоставлен сам себе – живи как хочешь. Но это лишь на первый взгляд. Уровень ответственности за свои поступки в свободном, демократическом, гражданском обществе неизмеримо выше, чем в обществе тоталитарном. Ключевое слово в поведении свободного человека – выбор. Свобода выбора означает, прежде всего, именно личную ответственность за результаты этого выбора. Результаты, относящиеся не только к собственной судьбе, но и к судьбам других людей, тоже свободных в выборе и тоже обязанных считаться с последствиями такого выбора и для себя, и для ближних своих.

Но, помимо чувства ответственности, чрезвычайно важно осознавать, что самостоятельный выбор решения (в отличие от простой исполнительности) – это дело всегда творческое. Из многочисленных альтернативных решений надо выбрать решение оптимальное, учитывающее всю совокупность самых различных, нередко диаметрально противоположных факторов. Осуществить такой выбор, конечно же, непросто. Для этого нужно владеть определенной культурой поведения, придерживаться четких критериев допустимости или недопустимости тех или иных решений, учитывать нравственные ограничения, которые не позволяют преступать общепринятые нормы человеческого поведения.

Современной России, по мнению Б. С. Гершунского, совершившей исторический поворот от одной государственной и общественно-политической системы к другой, от коммунистического тоталитаризма (на практике) к свободному обществу (пока лишь в теории), понадобится время, и время немалое, чтобы идеи свободного, демократического, гражданского общества и правового государства действительно овладели массами и стали эффективной материальной, а значит, и движущей силой российской истории [30, с. 140].

22.3.4.3. Конституционно-правовые обязанности гражданина Российской Федерации

Единство, но не взаимозависимость прав, свобод и обязанностей является основой правового статуса личности, независимо от того, закреплено ли это положение в Конституции или нет. Это единство обусловлено прежде всего сочетанием личных (частных) и общественных интересов. Ныне действующая Конституция Российской Федерации не содержит четкого указания на единство основных прав, свобод и обязанностей человека и гражданина. В ней обязанности трактуются в форме правового требования выполнять установленные законами вид и меру поведения либо воздерживаться от тех или иных поступков.

Российская Конституция [75] в соответствии со ст. 15 устанавливает прямое действие своих предписаний, касающихся прав и свобод человека. «Права и свободы человека и гражданина, говорится в ст. 18, являются непосредственно действующими». Иными словами, правовые нормы, относящиеся к правам и свободам, имеют силу прямых конституционных требований. Требования прежде всего к власти. Невыполнение этих требований означает, по существу, нарушение Конституции, т. е. носит антиконституционный, а значит, наказуемый законом характер.

Обязанности человека и гражданина, даже будучи зафиксированными в соответствующих статьях Конституции, не могут рассматриваться как нормативы прямого действия и носят достаточно общий и неконкретный, скорее, пожелательный, чем предписывающий характер. Например, ст. 57 вменяет каждому гражданину обязанность платить установленные налоги и сборы. Но такое указание воспринимается лишь как общий принцип, конкретное осуществление которого станет возможным лишь на основе специально принятых законов и достаточно подробного Налогового кодекса, которые определяли бы субъектов налогообложения, размер и виды налогов и т. п.

Следовательно, прямое действие норм, закрепляющих конституционные обязанности, без подкрепления их специальным законодательством, оказывается крайне затруднительным или вообще невозможным [30, с. 142]. Помимо нравственных аспектов, реальное выполнение этих обязанностей связано с материальным положением людей, уровнем их жизни, определяющих возможность заботиться и о детях, и о родителях. В конституциях многих стран мира провозглашается право человека на достойную (в том числе и в материальном отношении) жизнь, на определенный достаток в семье, на минимально необходимый для этого уровень пенсионного обеспечения и социальной помощи со стороны государства.

В действующей российской Конституции такие гарантии первостепенной жизненной важности не предусмотрены. Поэтому не случайно, в подавляющем большинстве случаев размер пенсий оказывается существенно ниже прожиточного минимума, а размеры социальной помощи не позволяют большинству нетрудоспособных граждан преодолеть позорный для такой огромной и потенциально богатой страны, как Россия, порог бедности и нищеты. Именно поэтому формально безупречные обязанности обеспечить достойное существование детям и старикам пока остаются лишь декларациями и призывами.

Поэтому сам по себе поворот России к построению свободного, демократического, гражданского общества еще не гарантирует экономической состоятельности страны, а, следовательно, и достойного уровня жизни человека и гражданина.

Без целенаправленных и систематических трудовых и общественных усилий народа России, каждого ее гражданина Россия не сможет обрести те реальные преимущества, которые способна обеспечить каждому человеку жизнь в условиях свободы и демократии, ибо недостаточно лишь провозгласить и даже конституционно закрепить привлекательные и действительно прогрессивные лозунги и призывы [30, с. 143].

Таким образом, права и свободы человека являются объектом многоуровневого управления через разветвленную систему институтов. Есть институты гражданского и политического обществ. Хотя государственные институты защиты прав и свобод человека располагают большими возможностями (кадрами, ресурсным обеспечением и т. д.), более эффективными пока что остаются институты гражданского общества. Это означает, что государство пока еще не выполняет в полном объеме своей основной миссии.

Демократизация и совершенствование политической системы является условием реализации гражданских и политических прав. Экономические, социальные и культурные права человека можно реализовать путем преодоления отсталости и бедности. Обеспечить жизнеспособное развитие человека возможно, лишь поставив его в центр всех социальных процессов.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Прокомментируйте понятие и историю прав человека.
2. В чем заключается понятие прав человека?
3. Что представляли собой идеи прав человека в античности и средневековье?
4. Что включает в себя либеральная трактовка прав человека?
5. Прокомментируйте эволюцию систем защиты прав человека.
6. Рассмотрите становление системы защиты прав человека.
7. Охарактеризуйте защиту прав человека в условиях военных действий.
8. Рассмотрите современный этап развития системы.
9. Обоснуйте социальные потребности как источник прав человека.
10. Назовите основные подходы к правам человека.
11. Рассмотрите проблемы защиты прав человека.
12. Охарактеризуйте важнейшие права личности и их реализация в современном мире.
13. Прокомментируйте структуру теории поколений международных прав человека.
14. В чем выражается соотношение прав личности и социума?
15. Прокомментируйте типологию основных прав человека.
16. В чем выражается право народов на самоопределение?
17. Как вы понимаете право на индивидуальную и коллективную защиту?
18. Что включают в себя избирательные права граждан?
19. В чем заключается соотношение прав и обязанностей?
20. Каковы проблемы и перспективы международной концепции прав человека?
21. Какие элементы включает в себя система защиты прав и свобод человека?
22. Рассмотрите общественный и приватный уровень защиты прав человека.
23. В чем заключаются конституционные формы защиты прав человека?
24. Охарактеризуйте правозащитное движение: его роль и функции.
25. Обоснуйте понятие правозащитного движения.
26. В чем заключается проблема целей правозащитного движения?

27. В чем заключается асимметрия целей правозащитника и политика?
28. Как сочетаются между собой общественные проблемы и права человека?
29. Рассмотрите проблему взаимоотношений правозащитников и государства.
30. Как вы понимаете диалектику взаимоотношений правозащитников и власти?
31. Назовите основные инструменты общественного контроля.
32. Что представляют собой формы общественного сопротивления?
33. Зачем необходимо образование в области прав человека?
34. Перечислите государственные средства защиты прав и свобод человека.
35. В чем проявляется взаимодействие национальных и международных систем защиты прав человека?
36. Охарактеризуйте проблему прав человека в России.
37. Охарактеризуйте исторические традиции борьбы за права человека в России.
38. Охарактеризуйте современное состояние прав человека в России.
39. Прокомментируйте конституционно-правовые обязанности гражданина РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Августин Аврелий. Творения / Аврелий Августин ; сост. и подгот. текста С. И. Еремеева. — СПб. : Алетейя ; Киев : УЦИММ-пресс, 1998. — Т. 1—4.
2. Авторханов А. Происхождение партократии / А. Авторханов. — Франкфурт-на-Майне : Посев, 1973.
3. Адорно Т. Исследование тоталитарной личности / Т. Адорно, Р. Невит Сэнфорд, Э. Френкель-Брюнвик. — М. : Акад. исслед. культуры, 2001.
4. Аквинский Ф. О правлении государей // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе. — М., 1990.
5. Антология мировой политической мысли : в 5 т. / ред.-сост. Г. К. Ашин, Е. Г. Морозова ; предисл. Т. А. Алексеевой. — М. : Мысль, 1997. — Т. 2 : Зарубежная политическая мысль, XX в.
6. Антология ненасилия : пер. с англ. / Сов.-амер. гуманист. инициатива «Golubka» ; редкол.: Е. Алексеева [и др.]. — М. : Моск. журн., 1992.
7. Аристотель. Политика // Соч. : в 4 т. / Аристотель ; ред. и авт. вступ. А. И. Доватур, Ф. Х. Кессиди ; примеч. В. В. Библихина [и др.]. — М. : Мысль, 1983. — Т. 4.
8. Артхашастра, или «Наука политики» : пер. с санскрита / под ред. В. И. Кальянов. — М. : Ладомир : Наука, 1993.
9. Бакунин М. А. Государственность и анархия. Кнута-Германская империя // Философия. Социология. Политика. — М., 1989.
10. Баллестрем К. Г. Апории теории тоталитаризма // Вопр. философии. — 1992. — № 5.
11. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства / И. Бентам. — М. : Росспэн, 1998.
12. Бентам И. Принципы законодательства // Антология мировой политической мысли : в 5 т. — М., 1997. — Т. 1.
13. Бердяев Н. А. Самопознание / Н. А. Бердяев. — М., 1990.
14. Бердяев Н. А. Судьба России : соч. / Н. А. Бердяев. — М. ; Харьков, 2000.
15. Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания // Соч. / Дж. Беркли. — М. : Наука, 1978. — С. 152—247.
16. Библия. Священное Писание Ветхого и Нового Завета. — М., 2000.
17. Бисмарк О. Мемуары Железного канцлера / Отто фон Бисмарк. — М. : Эксмо ; СПб. : Terra Fantastica, 2003.

18. Битэм Д. Демократия: вопросы и ответы / Дэвид Битэм, Кевин Бойл. — М. : Текст, 1995.
19. Боккаччо Д. Декамерон / Д. Боккаччо. — М. : Эксмо, 2007.
20. Бэкон Ф. Соч. : в 2 т. / Ф. Бэкон. — М., 1971.
21. Вебер М. Избр. произведения : пер. с нем. / М. Вебер. — М., 1992.
22. Всеобщая Декларация прав человека // Права человека : сб. междунар.-правов. док. — Минск, 1999.
23. Гаджиев К. С. Политология (основной курс) : учебник / К. С. Гаджиев. — М. : Высш. образование, 2005.
24. Гаджиев К. С. Политическая наука : пособие для преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных факультетов / К. С. Гаджиев. — М. : Сорос — Международные отношения, 1994.
25. Гаман-Голутвина О. Соотношение политики и морали: российская версия // Свободная мысль—XXI. — 2005. — № 4. — С. 159—169.
26. Ганди М. Моя вера в ненасилие // Антология мировой политической мысли / отв. ред. Т. А. Алексеева. — М., 1997. — Т. 2.
27. Гегель Г. Кто мыслит абстрактно? // Вопр. философии. — 1956. — № 6. — С. 138—140.
28. Гегель Г. Философия истории / Г. Гегель. — СПб., 1993.
29. Герцен А. И. О социализме. Избранное / А. И. Герцен ; вступ. В. П. Волгина. — М., 1974.
30. Гершунский Б. С. Гражданское общество в России: Проблемы становления и развития : пособие для самообразования / Б. С. Гершунский. — М. : Педагогическое общество России, 2001.
31. Гоббс Т. Соч. : в 2 т. : пер. с латин. и англ. / Т. Гоббс. — М. : Мысль, 1991.
32. Горбунов А. С. Голубое сало экрана / А. С. Горбунов. — М. : Эксмо, 2007.
33. Горелов А. Л. Политология : учебник / А. Л. Горелов. — М. : Эксмо, 2006.
34. Госс Ж. Ключевые понятия гуманистической и христианской концепций ненасилия // Ненасилие, философия, этика, политика / отв. ред. А. А. Гусейнов. — М. : Наука, 1998.
35. Государственная политика и управление : учебник : в 2 ч. / под ред. Л. В. Сморгунова. — М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2006. — Ч. 1 : Концепции и проблемы государственной политики и управления.
36. Гроций Г. О праве войны и мира: Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права / Гуго Гроций ; пер. с латин. А. Л. Сакетти ; вступ. ст. А. Л. Сакетти, А. Желудкова. — Репринт с изд. 1956 г. — М. : Ладомир, 1994.
37. Гусейнов А. А. Мораль и политика: уроки Аристотеля // Ведомости. — Тюмень : НИИ ПЭ, 2004. — Вып. 24 : Политическая этика: социокультурный контекст.
38. Гусейнов А. А. Понятие насилия и ненасилия // Вопр. философии.— 1994. — № 6.
39. Гусейнов А. А. Философия, мораль, политика. — М. : Наука, 1996.
40. Гусейнов А. А. Этика Троицкого // Этическая мысль. — М., 1992.
41. Дайси А. В. Основы государственного права Англии / под. ред. П. Г. Виноградов ; пер. О. В. Полторацкая. — 2-е изд. — Репринт. копия. — М. : Тип. Т-ва И., 1907.
42. Данте А. Божественная комедия / А. Данте. — М. : Эксмо, 2007.
43. Дарвин Ч. Р. Соч. / Ч. Р. Дарвин. — М. ; Л., 1935—1936.
44. Джефферсон Т. Томас Джефферсон о демократии : сб. / сост., подгот. ориг., вступ. ст. С. К. Падоваера ; послесл. и коммент. В. Н. Плешкова. — СПб., 1992.

45. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках : пер. с лат. и франц. // Соч. : в 2 т. / Р. Декарт. – М. : Мысль, 1989. – Т. 1.
46. Декларация о праве на развитие // Права человека : сб. междунар.-правов. док. – Минск, 1999. – С. 377–380.
47. Джеймс У. Введение в философию : пер. с англ. / У. Джеймс ; Рассел Б. Проблемы философии / Б. Рассел. – М. : Республика, 2000.
48. Джефферсон Т. Томас Джефферсон о демократии : сб. / сост., подгот. ориг., вступ. ст. С. К. Падоваера ; послесл. и коммент. В. Н. Плешкова. – СПб. : Рес Гуманна : Лениздат, 1992.
49. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Полное собр. соч. : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л., 1991. – Т. 9, 10.
50. Дьюи Дж. Общество и его проблемы / Дж. Дьюи. – М., 2002.
51. Дюринг Е. Ценность жизни / Е. Дюринг. – М. : ХАРВЕСТ ТОО, 2000.
52. Желев Ж. Фашизм: Тоталитарное государство / Ж. Желев. – М. : Новости, 1991.
53. Желтов В. В. Основы политологии / В. В. Желтов. – Ростов н/Д. : Феникс, 2004.
54. Запасник С. Ложь в политике // Философские науки. – 1991. – № 8.
55. Изензее И. Конституционные права и демократия // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Социально-политические исследования. – 1992. – № 6.
56. Ильин И. А. Путь к очевидности / И. А. Ильин. – М., 1993.
57. Ильин И. А. О сопротивлении злу силой // Собр. соч. / И. А. Ильин. – М., 1996. – Т. 5.
58. Институт свободы Московский либертариум Конституции идеального государства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.libertarium.ru/libertarium/libertarium>.
59. Ирхин Ю. В. Политология : учебник / Ю. В. Ирхин. – М. : Экзамен, 2006.
60. Ирхин Ю. В. Взаимосвязь политики, морали и права // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Политология. – 1999. – № 1. – С. 7–15.
61. История политических и правовых учений / под ред. В. С. Нерсисянца. – М., 1988.
62. История политических и правовых учений : учебник / под ред. О. Э. Лейста. – М., 1997.
63. Кампанелла Т. Город солнца // Утопический роман XVI–XVII вв. – М., 1971.
64. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Соч. : в 6 т. / И. Кант. – М., 1966. – Т. 4 (2).
65. Кант И. Соч. : в 6 т. / И. Кант. – М., 1965. – Т. 4 (1)
66. Кармин А. С. Культурология: Культура социальных отношений / А. С. Кармин. – СПб. : Лань, 2000.
67. Кинг М.-Л. Паломничество к ненасилию // Этическая мысль. – М., 1991.
68. Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования // Права человека : сб. междунар.-правов. док. – Минск, 1999. – С. 91–96.
69. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин // Права человека : сб. междунар.-правов. док. – Минск, 1999. – С. 119–122.
70. Конвенция о предупреждении преступлений геноцида и наказании за него // Права человека : сб. междунар.-правов. док. – Минск, 1999. – С. 460–463.
71. Декларация ООН о ликвидации всех форм расовой дискриминации // Права человека : сб. междунар.-правов. док. – Минск, 1999. – С. 66–69.

72. Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования // Права человека : сб. междунар.-правов. док. – Минск, 1999. – С. 91–96.
73. Констан Б. О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей // Полис. – 1993. – № 2.
74. Конституция СССР. – М., 1977.
75. Конституция Российской Федерации. – М., 1993.
76. Кьеркегор С. Страх и трепет / С. Кьеркегор. – М. : Республика, 1993.
77. Лейбниц Г. Соч. / Г. Лейбниц. – М., 1983. – Т. 1–3.
- 77а. Ленин В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции // Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – Т. 11.
78. Локк Дж. Избр. филос. произведения / Дж. Локк. – М., 1960. – Т. 2.
79. Локк Дж. Соч. : в 3 т. / Дж. Локк. – М., 1988. – Т. 3.
80. Лютер М. Избр. произведения / М. Лютер. – СПб., 1994.
81. Мабли Г. Избр. произведения / Г. Мабли. – М. ; Л., 1950.
82. Макиавелли Н. Государь ; Рассуждения о первой декаде Тита Ливия ; О военном искусстве / Н. Макиавелли ; предисл., коммент. Е. И. Темнова. – М., 1997.
83. Маковельский А. О. История логики / А. О. Маковельский. – М. ; Жуковский : Кучково поле, 2004.
84. Малевич Ю. И. Демократия и права человека в США. Конституционная и неконституционная точки зрения / Ю. И. Малевич. – Минск, 1989.
85. Малевич Ю. И. Права человека в глобальном мире / Ю. И. Малевич. – М. : АСТ, 2004.
86. Маркс К. Дебаты о свободе личности // Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Т. 1.
- 86а. Маркс К. Святое семейство или критика критической критики. Против Бруно Бауэра и К^о / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 2.
87. Маркс К. Нищета философии // Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Т. 5.
88. Маркс К. Манифест коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Т. 4.
89. Международный пакт о гражданских и политических правах // Права человека : сб. междунар.-правов. док. – Минск, 1999. – С. 13–27.
90. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах // Права человека : сб. междунар.-правов. док. – Минск, 1999. – С. 5–13.
91. Миль Д. О свободе // Антология мировой политической мысли. – М., 1997. – Т. 1 : Зарубежная политическая мысль: Истоки и эволюция.
92. Монтень М. Опыты : в 3 кн. / М. Монтень. – М. : Янтарный сказ, 2001.
93. Монтескье Ш. Л. О духе законов / Ш. Л. Монтескье ; сост., пер. и коммент. прим. авт. А. В. Матешук. – М. : Мысль, 1999.
94. Мор Т. Утопия: Эпиграммы ; История Ричарда III / Т. Мор ; под ред. М. Л. Гаспаров [и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Ладомир : Наука, 1998.
95. Моска Г. Правящий класс // Антология мировой политической мысли / отв. ред. Т. А. Алексеева. – М., 1997. – Т. 2. – С. 118–134.
96. Мудрецы Поднебесной : Лао-цзы, Конфуций, Мо-цзы, Мэн-цзы, Чжуан-цзы, Сюнь-цзы, Хань Фэй : сб. – М. : Реноме, 2003.
97. Ненасилие: философия, этика, политика. – М., 1993.
98. Ницше Ф. Воля к власти / Ф. Ницше. – М., 1994.
99. Ницше Ф. Избр. произведения : в 3 т. / Ф. Ницше. – М., 1994.
100. Новгородцев П. Об общественном идеале / П. Новгородцев. – М., 1992.

101. Общая теория права / Ю. А. Дмитриев [и др.]. – М., 1996.
102. Панарин А. С. Политология : учебник / А. С. Панарин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ТК Велби, 2003.
103. Перевезенцев С. В. Крах гуманизма [Электронный ресурс] // Слово. Православный образовательный портал: История. – Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru>
104. Пиджаков А. Ю. Об изучении проблемы политического насилия / А. Ю. Пиджаков, Ш. Б. Байрамов // Юрид. мысль. – 2005. – № 6.
105. Пиджаков А. Ю. Сущность и разновидности политического насилия [Электронный ресурс] // CREDO NEW. – 2002. – № 2. – Режим доступа: // www.credonew.ru.
106. Платон. Апология Сократа, Критон, Ион, Протагор / Платон ; пер. с древнегреч. ; ред. А. Ф. Лосев ; прим. А. А. Тахо-Годи. – Брянск : Мысль (ГУП), 1999.
107. Платон. Законы / Платон ; общ. ред. А. Ф. Лосева [и др.] ; пер. с древнегреч. А. Н. Егунова [и др.]. – М. : Мысль, 1999.
108. Платон. Соч. : в 3 т. / Платон. – М., 1971. – Т. 3. Ч. 1.
109. Политическая наука: новые направления / под ред. Е. Б. Шестопаля. – М., 1999.
110. Политология : учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / под ред. В. И. Власова. – Ростов н/Д. : МарТ, 2002. – (Учебный курс).
111. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги / К. Р. Поппер. – М. : Ника-Центр, 2005.
112. Права человека : сб. универсальных и региональных междунар. док. / под ред. Л. Н. Шестакова. – М., 1990.
113. Права человека : сб. междунар.-прав. док. / сост. В. Щербов. – Минск, 1999.
114. Хорни К. Психоанализ и культура : избр. тр. / К. Хорни, Э. Фромм ; сост. и авт. послесл. А. М. Руткевич. – М. : Юристь, 1995.
115. Пугачев В. П. Введение в политологию : учебник / В. П. Пугачев, А. И. Соловьев. – 4-е изд. – М. : Аспект Пресс, 2003.
116. Радищев А. Н. Избранные философские и общественно-политические произведения / А. Н. Радищев. – М., 1952.
117. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре : трактаты / Жан Жак Руссо. – М. : Канон-пресс-Ц ; Терра-Кн. клуб, 2000.
118. Сандагийн Э. Основные версии гуманизма // Вызовы современности и философия : материалы «Круглого стола», посвящ. Дню философии ЮНЕСКО / под общ. ред. И. И. Ивановой. – Бишкек, 2004. – С. 135–142.
119. Сахаров А. Д. Тревога и надежда / А. Д. Сахаров. – М. : Интер Версо, 1990.
120. Семенова Р. У. Соотношение политики и морали в русле дискуссионного поля современной политической науки // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18, Социология и политология. – 2005. – № 3. – С. 87–99.
121. Сергей Ковалев о роли института уполномоченного по правам человека в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.svobodanews.ru/Transcript/2007/07/04/20070704121859343.html>
122. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – М., 1993.
123. Соловьев В. С. Соч. : в 2 т. / В. С. Соловьев. – М., 1989.
124. Сорокин П. А. Современное состояние России // Полис. – 1991. – № 3.
125. Сорокин П. А. Человек, цивилизация, общество / П. А. Сорокин. – М., 1992.
- 125а. Софокл. Эдип-царь. Эдип в Колоне. Антигона / Софокл. – М. : Азбука, 2006.

126. Спиноза Б. Трактаты / Б. Спиноза. – М. : Мысль, 1998.
127. Сутор Б. Политическая этика // Полис. – 1993. – № 1.
128. Толстой Л. Н. В чем моя вера? // Полн. собр. соч. : в 90 т. / Л. Н. Толстой. – М., 1957. – Т. 23.
129. Токвиль А. де. Демократия в Америке = De la democratie en Amerique / Алексис де Токвиль ; пер. В. Т. Олейника [и др.]. – М. : Весь мир, 2000.
130. Торо Г. Д. О гражданском неповиновении // Уолден, или жизнь в лесу / Г. Д. Торо. – М. : Наука, 1978.
131. Фанон Ф. О насилии // Мораль в политике : хрестоматия / отв. ред. Б. Г. Капустин. – М. : КДУ ; МГУ, 2004.
132. Федералист: Политические эссе Александра Гамильтона, Джеймса Мэдисона и Джона Джея : пер. с англ. / под общ. ред. и с пред. Н. Н. Яковлева. – М., 2000.
133. Фейербах Л. История философии. Собр. произведений : в 3 т. / Л. Фейербах. – М. : Мысль, 1974.
134. Фихте И. Г. Назначение человека // Соч. : в 2 т. / И. Г. Фихте. – СПб., 1993. – Т. 2.
135. Хантингтон С. П. Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка (отрывки из книги) // Pro et Contra. – Т. 2. – № 2. – 1997.
- 135а. Цицерон М. Т. О пределах блага и зла ; Парадоксы стоиков / М. Т. Цицерон ; пер., коммент. Б. М. Никольского ; вступ. ст. Н. П. Гринцера. – М. : Изд. центр РГГУ, 2000.
136. Шарп Д. Роль силы в ненасильственной борьбе // Вопр. философии. – 1992. – № 8.
137. Шеллинг Ф. Идеи к философии природы как введение в изучение этой науки / Ф. Шеллинг. – СПб. : Наука, 1998.
138. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление / А. Шопенгауэр. – М. : Наука, 1993. – Т. 1, 2.
139. Участие власти в защите прав человека: Комиссии и уполномоченные / отв. ред. А. Сунгуров. – СПб. : Норма, 2001.
140. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ombudsman.gov.ru/institut/institut.shtml>
141. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Т. 20.
142. Эразм Роттердамский. Философские произведения / Роттердамский Эразм ; отв. ред. В. В. Соколов ; пер. и коммент. Ю. М. Каган. – М. : Наука, 1986.
143. Юм Д. Трактат о человеческой природе : в 2 т. / Д. Юм. – М. : Канон, 1995.
144. Юров А. Тайны прав человека и политики, или почему нормальное государство не может жить без правозащитников [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hro.org/ngo/articles/2006/09/yurov.php>
145. Ясперс К. Смысл и назначение истории : сб. : пер. с нем. / Карл Ясперс ; вступ. ст. П. П. Гайденко. – 2-е изд. – М. : Республика, 1994.

Путеводитель по пособию

| | |
|---|----------|
| Часть 3. СОДЕРЖАНИЕ ПОЛИТИКИ | 5 |
| Раздел 5. ВЛАСТЬ И ПОЛИТИКА | 5 |
| Глава 13. Политическая власть | 7 |
| § 1. Власть как социальное явление | 7 |
| 13.1.1. Определения и обоснования власти | 7 |
| 13.1.1.1. Биологическая концепция | 7 |
| 13.1.1.2. Мифологическая концепция | 7 |
| 13.1.1.3. Телеологическая концепция | 8 |
| 13.1.1.4. Реляционистская концепция | 8 |
| 13.1.1.5. Бихевиористская концепция | 9 |
| 13.1.1.6. Психологическая концепция | 9 |
| 13.1.1.7. Системная концепция | 9 |
| 13.1.1.8. Структурно-функциональная концепция | 10 |
| 13.1.1.9. Социологическая концепция | 10 |
| 13.1.1.10. Конфликтологическая концепция | 10 |
| 13.1.1.11. Дуалистическая концепция | 11 |
| 13.1.1.12. Коммуникативные и постструктуралистские концепции | 11 |
| 13.1.2. Природа подчинения | 12 |
| 13.1.2.1. Многогранность феномена подчинения | 13 |
| 13.1.2.2. Влияние страха | 13 |
| 13.1.2.3. Результат привычки | 14 |
| 13.1.2.4. Мотивы личного интереса | 14 |
| 13.1.2.5. Последствия убеждения | 15 |
| 13.1.2.6. Роль авторитета | 15 |
| 13.1.2.7. Самоидентификация | 16 |
| 13.1.3. Процесс властвования | 17 |
| 13.1.3.1. Субъекты власти | 17 |
| 13.1.3.2. Объекты власти | 18 |
| 13.1.3.3. Методы властвования | 19 |
| 13.1.3.4. Лики власти | 22 |
| 13.1.4. Основания и ресурсы власти | 24 |
| 13.1.4.1. Основания власти | 24 |
| 13.1.4.2. Ресурсы власти | 26 |
| 13.1.5. Классификация видов власти | 29 |
| 13.1.5.1. Спектр классификаций | 29 |
| 13.1.5.2. Основная классификация | 30 |
| 13.1.5.3. Частная классификация | 31 |
| 13.1.6. Соотношение властей в обществе | 32 |
| § 2. Природа и сущность политической власти | 34 |
| 13.2.1. Политическая власть и ее исторические формы | 34 |
| 13.2.2. Определения и отличительные черты политической власти | 35 |
| 13.2.2.1. Определения политической власти | 35 |
| 13.2.2.2. Отличительные свойства и черты политической власти | 37 |
| 13.2.3. Свойства политической власти | 41 |

| | |
|---|-----|
| 13.2.4. Социально-политическое влияние и соотношение его способов | 45 |
| 13.2.5. Основные функции и формы политической власти | 49 |
| 13.2.5.1. Основные функции политической власти | 49 |
| 13.2.5.2. Основные формы политической власти | 50 |
| 13.2.5.3. Типология политической власти | 52 |
| 13.2.6. Новые тенденции в развитии политической власти | 53 |
| § 3. Основные компоненты и виды политической власти | 54 |
| 13.3.1. Структура политической власти | 54 |
| 13.3.2. Ресурсы политической власти | 57 |
| 13.3.3. Инструменты политической власти | 60 |
| <i>Вопросы для самоконтроля</i> | 64 |
| Глава 14. Государственная политическая власть | 66 |
| § 1. Понятие и особенности государственной политической власти | 66 |
| 14.1.1. Понятие государственной власти | 66 |
| 14.1.2. Признаки государственной власти | 67 |
| 14.1.3. Субъекты государственной власти | 69 |
| 14.1.4. Основные функции, формы и сущность государственной власти | 70 |
| 14.1.5. Экономические, социальные, идеологические основы государственной власти | 72 |
| § 2. Проблема демонополизации власти и разделения властей | 74 |
| 14.2.1. Динамика власти | 74 |
| 14.2.1.1. Первичный субъект государственной власти | 75 |
| 14.2.1.2. Делегирование власти | 75 |
| 14.2.1.3. Границы государственной власти | 76 |
| 14.2.1.4. Проблема монополизации власти | 76 |
| 14.2.2. Обоснование концепции разделения властей | 77 |
| 14.2.3. Структура механизма разделения властей | 78 |
| 14.2.3.1. Резоны и функции разделения властей | 78 |
| 14.2.3.2. Направления делегирования властных полномочий | 78 |
| 14.2.3.3. Субъекты горизонтального распределения государственной власти | 79 |
| 14.2.3.4. Консолидация власти | 82 |
| § 3. Легитимность государственной власти | 83 |
| 14.3.1. Понятие легитимности и легальности государственной власти | 83 |
| 14.3.1.1. Политическое господство | 83 |
| 14.3.1.2. Политическая легитимность | 83 |
| 14.3.1.3. Политическая легальность | 86 |
| 14.3.2. Источники легитимности | 87 |
| 14.3.3. Типы легитимности | 90 |
| 14.3.3.1. Традиционная легитимность | 90 |
| 14.3.3.2. Харизматическая легитимность | 92 |
| 14.3.3.3. Рациональная легитимность | 93 |
| 14.3.3.4. Другие типы легитимности | 97 |
| 14.3.4. Кризисы легитимности и способы их урегулирования | 100 |
| 14.3.4.1. Эффективность власти | 100 |
| 14.3.4.2. Делегитимация | 102 |
| 14.3.4.3. Способы сохранения и восстановления легитимности власти | 104 |

| | |
|---|-----|
| 14.3.4.4. Проблема легитимности власти в России | 106 |
| <i>Вопросы для самоконтроля</i> | 107 |
| Глава 15. Государственная политика и ее основные направления | 109 |
| § 1. Сущность, принципы и методы государственной политики | 109 |
| 15.1.1. Сущность и классификация государственной политики | 109 |
| 15.1.1.1. Понятие управления | 109 |
| 15.1.1.2. Понятие системы государственного управления | 110 |
| 15.1.1.3. Основные научные подходы к определению государственной политики | 111 |
| 15.1.1.4. Классификации основных видов государственной политики | 115 |
| 15.1.2. Структура системы государственной политики | 117 |
| 15.1.2.1. Субъект и объект государственной политики | 117 |
| 15.1.2.2. Система государственной политики как совокупность элементов | 118 |
| 15.1.2.3. Компоненты системы государственной политики | 119 |
| 15.1.2.4. Иерархическая структура государственной политики | 122 |
| 15.1.2.5. Бюрократия как важнейшая составляющая системы управления | 123 |
| 15.1.2.6. Особенности системы государственного управления в России | 124 |
| 15.1.3. Функции государственной политики | 126 |
| 15.1.4. Принципы и методы государственной политики | 130 |
| 15.1.4.1. Политико-управленческие принципы государственной политики | 130 |
| 15.1.4.2. Методы управления государственной политикой | 132 |
| § 2. Внутренняя государственная политика | 134 |
| 15.2.1. Основные характеристики внутренней политики | 134 |
| 15.2.2. Государственная экономическая политика | 137 |
| 15.2.2.1. Административная предпринимательская монополия | 137 |
| 15.2.2.2. Государственная программа | 138 |
| 15.2.2.3. Государственно-монополистический комплекс | 138 |
| 15.2.2.4. Свободная экономическая зона | 139 |
| 15.2.2.5. Государственное предприятие | 140 |
| 15.2.2.6. Концепции и модели государственной экономической политики | 140 |
| 15.2.2.7. Государственное регулирование экономики | 141 |
| 15.2.2.8. Методы экономической политики | 144 |
| 15.2.3. Государственная социальная политика | 146 |
| 15.2.3.1. Природа социальной политики | 147 |
| 15.2.3.2. Виды и структура социальной политики | 148 |
| 15.2.3.3. Модели социальной политики | 149 |
| 15.2.3.4. Социальные права и гарантии граждан | 150 |
| 15.2.3.5. Принцип нуждаемости граждан | 150 |
| 15.2.3.6. Социальная защита | 151 |
| 15.2.3.7. Функции социальной политики | 152 |
| 15.2.4. Государственная национальная политика | 153 |
| 15.2.4.1. Проблема защиты национальных меньшинств | 153 |

| | |
|--|-----|
| 15.2.4.2. Российская государственная национальная политика | 155 |
| 15.2.4.3. Проблема коренных малочисленных народов России | 158 |
| 15.2.4.4. Проблемы федерализма и аспекты национальной политики | 159 |
| 15.2.4.5. Проблемы государственного языка | 160 |
| 15.2.5. Государственная экологическая политика | 161 |
| 15.2.5.1. Концепция устойчивого развития | 162 |
| 15.2.5.2. Основные направления экологической политики | 163 |
| 15.2.5.3. Механизмы и методы реализации экологической политики | 166 |
| 15.2.6. Зависимость внутренней политики от условий среды | 167 |
| § 3. Внешняя политика государства | 168 |
| 15.3.1. Основные составляющие системы международных отношений | 169 |
| 15.3.2. Основа, предназначение и субъекты внешней политики | 171 |
| 15.3.2.1. Основа, функции и направления внешней политики | 171 |
| 15.3.2.2. Субъекты внешней политики государства | 173 |
| 15.3.3. Важнейшие компоненты внешней политики | 175 |
| 15.3.3.1. Роль дипломатии в реализации внешней политики | 175 |
| 15.3.3.2. Значение международных договоров | 176 |
| 15.3.3.3. Природа национального интереса | 177 |
| 15.3.3.4. Концепция национальной безопасности | 179 |
| 15.3.4. Современные политологические концепции внешней политики | 180 |
| 15.3.4.1. Школа политического реализма | 180 |
| 15.3.4.2. Школа политического модернизма | 182 |
| 15.3.4.3. Концепция транснационализма | 184 |
| 15.3.4.4. Концепция неореализма | 184 |
| <i>Вопросы для самоконтроля</i> | 185 |
| <i>Литература</i> | 186 |
| Раздел 6. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СОЗНАНИЕ | 191 |
| Глава 16. Политическая культура | 192 |
| § 1. Понятие и функции политической культуры | 192 |
| 16.1.1. Сущность политической культуры | 192 |
| 16.1.2. Назначение и основные характеристики политической культуры | 195 |
| 16.1.3. Функции политической культуры | 199 |
| 16.1.4. Разработки концепции политической культуры | 201 |
| 16.1.4.1. Предшественники основоположников концепции | 201 |
| 16.1.4.2. Периодизация разработки концепции | 202 |
| 16.1.4.3. Эволюция взглядов и подходов к объекту изучения | 204 |
| 16.1.4.4. Развитие основных концептуальных представлений | 207 |
| 16.1.4.5. Проблемы практического использования концепции | 208 |
| 16.1.5. Развитие понятия «политическая культура» | 209 |
| 16.1.5.1. Подходы Алмонда и его последователей | 210 |
| 16.1.5.2. Вторая волна осмысления феномена | 212 |
| 16.1.5.3. Проблемные подходы к природе политической культуры | 213 |
| 16.1.5.4. Характерные черты политической культуры | 215 |
| 16.1.5.5. Определения политической культуры | 216 |
| § 2. Структура, виды и аспекты политической культуры | 218 |
| 16.2.1. Структура политической культуры | 218 |

| | |
|--|-----|
| 16.2.1.1. Основные структурные элементы политической культуры | 218 |
| 16.2.1.2. Уровни, составные части и формы политической культуры | 224 |
| 16.2.1.3. Компоненты политической культуры | 225 |
| 16.2.2. Эмоционально-психологические феномены политической культуры | 229 |
| 16.2.2.1. Политическая традиция | 229 |
| 16.2.2.2. Политическая символика и обрядность | 230 |
| 16.2.2.3. Национальный характер и политическая ментальность | 233 |
| 16.2.2.4. Мифы и стереотипы | 234 |
| 16.2.3. Религиозный аспект политической культуры | 239 |
| § 3. Классификация политической культуры | 241 |
| 16.3.1. Типы политических культур | 242 |
| 16.3.1.1. Критериальный подход к дифференциации политических культур | 242 |
| 16.3.1.2. Марксистская типология | 244 |
| 16.3.1.3. Типология Алмонда и Вербы | 245 |
| 16.3.1.4. Типология по критерию открытости политической культуры | 248 |
| 16.3.1.5. Типология политических систем | 249 |
| 16.3.1.6. Типология «полумиров» | 250 |
| 16.3.1.7. Типология по принципу активности | 253 |
| 16.3.1.8. Типология Панарина | 254 |
| 16.3.2. Модели и виды политических культур | 256 |
| 16.3.2.1. Базовый модельный ряд | 256 |
| 16.3.2.2. Постиндустриальная модель | 258 |
| 16.3.2.3. Религиозная (традиционная) модель политической культуры | 261 |
| 16.3.2.4. Видовое разнообразие Алмонда | 262 |
| 16.3.2.5. Концепция видов Каванаха | 263 |
| 16.3.3. Политическая субкультура | 264 |
| 16.3.3.1. Понятие политической субкультуры | 264 |
| 16.3.3.2. Типология политических субкультур | 265 |
| § 4. Российская модель политической культуры | 267 |
| 16.4.1. Исторические пути российской политической культуры | 268 |
| 16.4.1.1. Факторы, определившие российскую модель | 268 |
| 16.4.1.2. Факторы возникновения, становления и развития подданнической политической культуры | 269 |
| 16.4.1.3. Советский период развития подданнической политической культуры | 271 |
| 16.4.2. Особенности современной российской политической культуры | 276 |
| 16.4.2.1. Характеристика российской модели | 276 |
| 16.4.2.2. Типология субкультур российской политической культуры | 279 |
| <i>Вопросы для самоконтроля</i> | 280 |
| Глава 17. Политическое сознание | 282 |
| § 1. Понятие и субъекты политического сознания | 282 |
| 17.1.1. Сущность и пути формирования политического сознания | 282 |

| | |
|---|-----|
| 17.1.1.1. Политическое сознание как форма отражения политического бытия | 282 |
| 17.1.1.2. Политическое сознание как разновидность социального мышления | 284 |
| 17.1.1.3. Взаимосвязь политического сознания с экономикой | 285 |
| 17.1.1.4. Историческая обусловленность политического сознания | 286 |
| 17.1.1.5. Источник обыденного политического сознания | 287 |
| 17.1.1.6. Пути формирования политического сознания | 288 |
| 17.1.2. Субъекты политического сознания | 291 |
| 17.1.3. Определения феномена политического сознания | 292 |
| 17.1.3.1. Соотношение понятий «политическая культура» и «политическое сознание» | 292 |
| 17.1.3.2. Подходы к сущности политического сознания | 293 |
| 17.1.3.3. Междисциплинарность изучения сущности политического сознания | 294 |
| 17.1.3.4. Характеристика политического сознания | 295 |
| 17.1.3.5. Понятие политической ментальности | 297 |
| § 2. Функции политического сознания | 300 |
| 17.2.1. Двойственная природа политического сознания | 300 |
| 17.2.2. Роль и функции политического сознания | 302 |
| 17.2.2.1. Роль политического сознания | 302 |
| 17.2.2.2. Функции политического сознания | 303 |
| § 3. Структура политического сознания | 304 |
| 17.3.1. Компоненты политического сознания | 304 |
| 17.3.1.1. Основные компоненты политического сознания | 304 |
| 17.3.1.2. Значимые компоненты политического сознания | 306 |
| 17.3.2. Уровни политического сознания | 307 |
| 17.3.2.1. Теоретический уровень политического сознания | 307 |
| 17.3.2.2. Эмпирический уровень политического сознания | 308 |
| 17.3.2.3. Обыденный уровень политического сознания | 309 |
| 17.3.2.4. Концептуальные подходы Соловьева | 310 |
| 17.3.3. Виды политического сознания | 310 |
| 17.3.3.1. Индивидуальное политическое сознание | 311 |
| 17.3.3.2. Групповое политическое сознание | 311 |
| 17.3.3.3. Массовое политическое сознание | 312 |
| 17.3.3.4. Общественное политическое сознание | 314 |
| 17.3.4. Формы политического сознания | 315 |
| 17.3.4.1. Типология форм политического сознания | 315 |
| 17.3.4.2. Формы специализированного сознания | 315 |
| 17.3.4.2.1. Религия и политическое сознание | 315 |
| 17.3.4.2.2. Общая характеристика и условия формирования тоталитарного сознания | 317 |
| <i>Вопросы для самоконтроля</i> | 319 |
| Глава 18. Политическая психология | 320 |
| § 1. Понятие, сущность и особенности политической психологии | 320 |
| 18.1.1. Понятие политической психологии | 320 |
| 18.1.2. Сущность и особенности политической психологии | 321 |
| 18.1.2.1. Ограниченность политической психологии | 321 |

| | |
|--|-----|
| 18.1.2.2. Противоречивость политической психологии | 323 |
| 18.1.3. Психологические механизмы группового политического поведения | 324 |
| 18.1.3.1. Формы психологического влияния на политические процессы | 325 |
| 18.1.3.2. Феномен толпы | 326 |
| 18.1.3.3. Групповое воздействие | 327 |
| 18.1.4. Роль и значение политической психологии | 329 |
| § 2. Структура и функции политической психологии | 334 |
| 18.2.1. Психологические блоки элементов политического сознания | 334 |
| 18.2.1.1. Установка как принципиальный мотивационный компонент политической психологии | 334 |
| 18.2.1.2. Познавательный блок элементов политической психологии | 336 |
| 18.2.2. Личностные элементы политической психологии | 337 |
| 18.2.3. Элементы групповой формы политической психологии | 341 |
| 18.2.3.1. Специфика групповой политической психологии | 342 |
| 18.2.3.2. Политические настроения | 344 |
| 18.2.4. Функции политической психологии | 347 |
| 18.2.4.1. Гносеологическая функция | 347 |
| 18.2.4.2. Адаптационная функция | 348 |
| 18.2.4.3. Мотивационная функция | 348 |
| § 3. Политическая психология как наука | 349 |
| 18.3.1. История зарождения и становления политической психологии | 349 |
| 18.3.1.1. Предыстория политической психологии | 349 |
| 18.3.1.2. Развитие психоанализа в России | 353 |
| 18.3.2. Предмет, подходы и методы политической психологии | 354 |
| 18.3.2.1. Предмет политической психологии | 354 |
| 18.3.2.2. Подходы политической психологии | 355 |
| 18.3.2.2.1. Психобиографический и психоисторический подходы к исследованию лидерства | 355 |
| 18.3.2.2.2. Бихевиористское направление в политической психологии | 356 |
| 18.3.2.2.3. Когнитивный подход в политической психологии | 358 |
| 18.3.2.3. Методы политической психологии | 359 |
| 18.3.2.4. Терминология политической психологии | 361 |
| 18.3.3. Ключевые проблемы, изучаемые политической психологией | 363 |
| 18.3.3.1. Национализм как психологический феномен в политическом процессе | 363 |
| 18.3.3.2. Насилие и агрессия в политике | 364 |
| 18.3.3.3. Политическое мышление и механизмы предпочтений | 365 |
| 18.3.3.4. Проблема политического конформизма | 366 |
| 18.3.4. Современное состояние политической психологии как научной дисциплины | 367 |
| 18.3.4.1. Международное признание и развитие политической психологии | 367 |
| 18.3.4.2. Отечественное сообщество политических психологов | 369 |
| <i>Вопросы для самоконтроля</i> | 369 |

| | |
|--|-----|
| Глава 19. Мировые политические идеологии | 371 |
| § 1. Сущность и функции политической идеологии | 371 |
| 19.1.1. Явление и возникновение политической идеологии | 372 |
| 19.1.1.1. Соотношение политики и идеологии | 372 |
| 19.1.1.2. Идеология и политические утопии | 375 |
| 19.1.1.3. Причины и источники возникновения идеологии | 377 |
| 19.1.2. Эволюция политической идеологии | 384 |
| 19.1.2.1. Этапы внутреннего развития политической идеологии | 384 |
| 19.1.2.2. Этапы исторического развития политической идеологии | 386 |
| 19.1.2.2.1. Тоталитарный этап | 386 |
| 19.1.2.2.2. Конкурентный этап | 388 |
| 19.1.2.2.2.1. Процесс деидологизации | 388 |
| 19.1.2.2.2.2. Стагнация сферы тоталитарной политической идеологии | 389 |
| 19.1.2.2.3. Постсоветский этап | 390 |
| 19.1.3. Роль и функции политической идеологии | 392 |
| 19.1.3.1. Роль политической идеологии | 392 |
| 19.1.3.2. Функции политической идеологии | 395 |
| 19.1.4. Структура политической идеологии | 398 |
| 19.1.4.1. Уровни политической идеологии | 398 |
| 19.1.4.2. Элементы структуры политической идеологии | 401 |
| 19.1.5. Процесс теоретического осмысления политической идеологии | 403 |
| 19.1.5.1. Классические концепции идеологии | 403 |
| 19.1.5.2. Теории деидологизации и конвергенции | 408 |
| 19.1.5.3. Определение политической идеологии | 411 |
| § 2. Основные идеологические течения современного мира | 414 |
| 19.2.1. Критерии классификации идеологий | 414 |
| 19.2.2. Либерально-буржуазные идеологии | 416 |
| 19.2.2.1. Либеральные идеологии | 416 |
| 19.2.2.1.1. Классический либерализм | 417 |
| 19.2.2.1.1.1. Истоки либерализма | 417 |
| 19.2.2.1.1.2. Идеальная основа классического либерализма | 418 |
| 19.2.2.1.2. Неолиберализм | 423 |
| 19.2.2.1.2.1. Кризис либерализма и поиск новых концепций | 423 |
| 19.2.2.1.2.2. Основные положения концепции неолиберализма | 425 |
| 19.2.2.1.3. Либертариизм и утилитаризм | 429 |
| 19.2.2.2. Консервативная идеология | 432 |
| 19.2.2.2.1. Консерватизм | 433 |
| 19.2.2.2.2. Неоконсерватизм | 438 |
| 19.2.3. Социалистические идеологии | 446 |
| 19.2.3.1. Идеи социализма в мировой истории | 446 |
| 19.2.3.2. Марксистская доктрина | 450 |
| 19.2.3.3. Демократический социализм | 456 |
| 19.2.3.3.1. Становление социал-демократии | 456 |
| 19.2.3.3.2. Концептуальное оформление доктрины демократического социализма | 459 |

| | |
|---|-----|
| 19.2.3.4. Коммунистическая идеология | 465 |
| 19.2.4. Националистические идеологии | 472 |
| 19.2.4.1. Тоталитарный национализм (фашизм) | 472 |
| 19.2.4.1.1. Подходы к осмыслению феномена фашизма | 472 |
| 19.2.4.1.2. Классический фашизм | 474 |
| 19.2.4.1.3. Концепция фашизма | 475 |
| 19.2.4.1.4. Неофашизм | 478 |
| 19.2.4.2. Политический национализм | 480 |
| 19.2.4.2.1. Национализм как идеология | 480 |
| 19.2.4.2.2. Место национализма в политике | 483 |
| 19.2.5. Диалектика взаимовлияния политики и религии | 488 |
| 19.2.5.1. Причины и формы роста религиозного влияния на политику | 488 |
| 19.2.5.2. Мировые религии как идеология | 489 |
| 19.2.5.3. Тоталитарные и экстремистские секты, культы и течения | 490 |
| 19.2.5.3.1. Секты и культы | 490 |
| 19.2.5.3.2. Идеология современного исламского фундаментализма | 492 |
| 19.2.6. Современные альтернативные идеологические течения | 494 |
| 19.2.6.1. Спектр левых социально-политических теорий | 494 |
| 19.2.6.1.1. Анархизм | 494 |
| 19.2.6.1.2. Троцкизм | 498 |
| 19.2.6.1.3. Движение «новых левых» | 499 |
| 19.2.6.1.4. Концепции национального социализма | 501 |
| 19.2.6.2. Другие социально-политические теории | 501 |
| 19.2.6.2.1. Концепция социального государства | 501 |
| 19.2.6.2.2. Феминизм | 502 |
| 19.2.6.2.3. Экологизм | 504 |
| 19.2.6.2.4. Коммунитаризм | 506 |
| 19.2.6.3. Концепция информационного общества | 507 |
| 19.2.6.3.1. Понятие концепции | 507 |
| 19.2.6.3.2. Электронная демократия | 509 |
| 19.2.6.3.3. Электронное правительство | 510 |
| § 3. Идеологический дискурс | 512 |
| 19.3.1. Идеологический дискурс: основные тенденции | 512 |
| 19.3.1.1. Соперничество демократических и тоталитарных тенденций | 512 |
| 19.3.1.2. Характеристика современного идеологического дискурса | 515 |
| 19.3.1.3. Крах советской системы и традиционного идеологического дискурса | 517 |
| 19.3.1.4. Ренессанс национализма | 520 |
| 19.3.1.5. Диалектика взаимоотношений между наукой и идеологией | 521 |
| 19.3.2. Основные идеологические направления современной России | 524 |
| 19.3.2.1. Истоки российского идеологического дискурса | 524 |
| 19.3.2.2. Постреволюционная ситуация | 526 |
| 19.3.2.3. Фундаменталистская доктрина | 527 |

| | |
|---|-----|
| 19.3.2.4. Социал-демократическая идеология | 528 |
| 19.3.2.5. Судьба либеральной доктрины в России | 529 |
| 19.3.2.6. Консервативная идеология | 530 |
| 19.3.2.7. Национал-патриотические и другие идеологии | 532 |
| 19.3.2.8. Поиск государственной идеологии | 534 |
| <i>Вопросы для самоконтроля</i> | 537 |
| <i>Литература</i> | 538 |
| Раздел 7. ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИКИ | 549 |
| Глава 20. Гуманизм политики | 550 |
| § 1. Политическое проявление гуманизма | 550 |
| 20.1.1. Становление концепции гражданского гуманизма | 550 |
| 20.1.2. Гуманизм как квазирелигиозная доктрина | 553 |
| 20.1.3. Гуманизм как идеологическая доктрина | 554 |
| 20.1.4. Развитие и классификация гуманизма | 557 |
| 20.1.4.1. Оптимистическая тенденция в либеральном гуманизме | 557 |
| 20.1.4.2. Пессимистическая тенденция в либеральном гуманизме | 559 |
| 20.1.4.3. Современные направления либерального гуманизма | 559 |
| 20.1.5. Гуманизм как социально-политическая практика | 561 |
| 20.1.6. Особенности гуманизма как философии, идеологии и политики | 563 |
| § 2. Мораль и политика: общее и специфическое | 566 |
| 20.2.1. Мораль как форма общественного сознания | 566 |
| 20.2.1.1. Понятие морали | 566 |
| 20.2.1.2. Приватная и политическая мораль | 568 |
| 20.2.1.3. Политическая этика | 569 |
| 20.2.2. Функциональная общность политики и морали | 571 |
| 20.2.3. Различия между политикой и моралью | 573 |
| 20.2.4. Совесть как верховный судья политического поведения | 574 |
| § 3. Нравственность и политика | 577 |
| 20.3.1. Соотношение терминов «нравственность» и «мораль» | 577 |
| 20.3.2. Основные модели взаимодействия морали и политики | 578 |
| 20.3.2.1. Полное подчинение моралью политики | 578 |
| 20.3.2.2. Частичное совпадение морали и политики | 580 |
| 20.3.2.3. Разведение политики и морали как абсолютно автономных сущностей | 583 |
| 20.3.2.4. Противопоставление политики и морали как антагонистов | 587 |
| 20.3.2.5. Утверждение равноценного взаимодействия политики и морали | 591 |
| <i>Вопросы для самоконтроля</i> | 598 |
| Глава 21. Цели, методы и средства в политике | 599 |
| § 1. Соотношение целей и средств в политике | 599 |
| 21.1.1. Цель и средства как явления | 599 |
| 21.1.2. Проблема выбора и обеспечения цели | 601 |
| 21.1.3. Основные подходы к проблеме соотношения целей и средств | 603 |
| 21.1.3.1. Целедоминирующий подход | 603 |
| 21.1.3.2. Средстводоминирующий подход | 605 |
| 21.1.3.3. Компромиссный подход | 606 |

| | |
|--|-----|
| 21.1.4. Основные политические методы и средства | 608 |
| § 2. Насилие и ненасилие в политике | 610 |
| 21.2.1. Насилие в политике | 610 |
| 21.2.1.1. Понятие и роль насилия в истории | 610 |
| 21.2.1.2. Насилие и мораль | 613 |
| 21.2.1.3. Эффективность и цена политического насилия | 615 |
| 21.2.1.4. Право на насилие | 618 |
| 21.2.2. Ненасилие в политике | 619 |
| 21.2.2.1. Понятие ненасилия | 619 |
| 21.2.2.2. Религиозные истоки ненасилия | 622 |
| 21.2.2.3. Развитие теории и практики ненасилия | 623 |
| 21.2.2.4. Особенности ненасильственной политики | 624 |
| 21.2.2.5. Ненасильственные действия | 625 |
| 21.2.2.6. Ненасильственные способы борьбы в правовом государстве | 626 |
| 21.2.3. Соотношение и перспективы насилия и ненасилия в политике | 628 |
| 21.2.3.1. Структура взаимоотношения насилия и ненасилия на уровне личности | 628 |
| 21.2.3.2. Нынешнее состояние проблемы политического насилия | 630 |
| 21.2.3.3. Пути и средства преодоления политического насилия | 632 |
| § 3. Политика как искусство возможного | 636 |
| 21.3.1. Политика и право | 636 |
| 21.3.1.1. Историческое осмысление взаимоотношения политики и права | 636 |
| 21.3.1.2. Органическая взаимосвязь политики и права | 638 |
| 21.3.1.3. Различие между политикой и правом | 639 |
| 21.3.1.4. Взаимовлияние морали, политики и права | 640 |
| 21.3.2. Институционализация нравственных требований | 642 |
| 21.3.3. Политик - компромисс между профессионализмом и моралью | 644 |
| 21.3.3.1. Политики и чиновники | 644 |
| 21.3.3.2. Искусство балансирования между желаемым и возможным | 646 |
| 21.3.3.3. Политика и политиканство | 647 |
| <i>Вопросы для самоконтроля</i> | 649 |
| Глава 22. Права человека | 651 |
| § 1. Понятие и история прав человека | 651 |
| 22.1.1. Понятие прав человека | 651 |
| 22.1.2. Идеи прав человека в античности и средневековье | 653 |
| 22.1.3. Либеральная трактовка прав человека | 655 |
| 22.1.4. Эволюция систем защиты прав человека | 657 |
| 22.1.4.1. Становление системы защиты прав человека | 657 |
| 22.1.4.2. Защита прав человека в условиях военных действий | 659 |
| 22.1.4.3. Современный этап развития системы | 661 |
| 22.1.5. Социальные потребности как источник прав человека | 663 |
| 22.1.6. Основные подходы к правам человека | 665 |
| 22.1.6.1. Идеологические подходы | 665 |
| 22.1.6.2. Наднациональный подход к правам человека | 668 |
| 22.1.6.3. Права человека как инструмент внешней политики | 669 |

| | |
|---|-----|
| 22.1.7. Проблемы защиты прав человека | 671 |
| § 2. Важнейшие права личности и их реализация в современном мире | 674 |
| 22.2.1. Структура теории поколений международных прав человека | 674 |
| 22.2.2. Соотношение прав личности и социума | 678 |
| 22.2.3. Типология основных прав человека | 680 |
| 22.2.3.1. Негативные и позитивные права | 681 |
| 22.2.3.2. Гражданские и политические права | 682 |
| 22.2.3.3. Экономические права | 683 |
| 22.2.3.4. Социальные, культурные и экологические права | 684 |
| 22.2.3.5. Коллективные права | 685 |
| 22.2.4. Право народов на самоопределение | 685 |
| 22.2.5. Право на индивидуальную и коллективную защиту | 687 |
| 22.2.5.1. Право на вооруженное сопротивление | 687 |
| 22.2.5.2. Противоречивость применения насилия для защиты прав человека | 688 |
| 22.2.6. Избирательные права граждан | 690 |
| 22.2.7. Соотношение прав и обязанностей | 691 |
| 22.2.8. Проблемы и перспективы международной концепции прав человека | 694 |
| § 3. Система защиты прав и свобод человека | 695 |
| 22.3.1. Общественный и приватный уровень защиты прав человека | 696 |
| 22.3.1.1. Конституционные формы защиты прав человека | 696 |
| 22.3.1.2. Правозащитное движение: его роль и функции | 698 |
| 22.3.1.2.1. Понятие правозащитного движения | 698 |
| 22.3.1.2.2. Проблема целей правозащитного движения | 699 |
| 22.3.1.2.3. Проблема асимметрии целей правозащитника и политика | 700 |
| 22.3.1.2.4. Общественные проблемы и права человека | 700 |
| 22.3.1.2.5. Правозащитники и государство | 702 |
| 22.3.1.2.6. Правозащитники и власть | 702 |
| 22.3.1.3. Инструменты общественного контроля | 703 |
| 22.3.1.4. Формы общественного сопротивления | 704 |
| 22.3.1.5. Образование в области прав человека | 706 |
| 22.3.2. Государственные средства защиты прав и свобод человека | 707 |
| 22.3.3. Взаимодействие национальных и международных систем защиты прав человека | 711 |
| 22.3.4. Права человека в России | 716 |
| 22.3.4.1. Историческая традиция борьбы за права человека в стране | 716 |
| 22.3.4.2. Современное состояние прав человека в России | 718 |
| 22.3.4.3. Конституционно-правовые обязанности гражданина Российской Федерации | 721 |
| <i>Вопросы для самоконтроля</i> | 722 |
| <i>Литература</i> | 723 |
| Путеводитель по пособию | 729 |